

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. СЕМЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1887 г.

ОКТАВРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1887.

МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВЪ

15-го Юля 1841 г.

РУССКІЕ ИЗБРАННИКИ И СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

въ XVIII-мъ вѣкѣ ¹⁾.

ХСІІ. ВАСИЛЬЕВЪ.

Сознаніе, что никогда завѣдомо не погрѣшилъ, составляетъ величайшее, блаженнѣйшее и неувыдающее успокоеніе государственнаго са-новника.

Васильевъ былъ темнаго происхожденія, но возмѣщаль этотъ невольный недостатокъ такими способностями и познаніями, которыя составили бы честь самому высокому рожденію. Этотъ дѣйствительно великій человекъ былъ въ теченіи 20 лѣтъ, рядомъ съ кн. Вяземскимъ, душою русскихъ финансовъ, и какъ ни были они запутаны въ царствованіе Екатерины II, умѣлъ находить средства къ удовлетворенію желаній государыни и къ покрытію государственныхъ потребностей, не удручая чрезмѣрно подданныхъ. Онъ не могъ, конечно, по ограниченности своего круга вѣдѣнія, воспрепятствовать тому, что, помимо собственно финансоваго вѣдомства, вредило финансамъ вообще въ придворной, военной и флотской организаціи. Васильевъ началъ свою карьеру въ канцеляріи князя Вяземскаго. Въ школѣ этого прекраснаго учителя, котораго онъ, однако, превзошелъ, получилъ онъ такія свѣдѣнія о силѣ и слабости Россійской имперіи, какихъ до него не имѣлъ еще ни одинъ министръ финансовъ. Его добрый, благодѣтельный и твердый характеръ увеличивалъ еще цѣну его превосходныхъ дарованій.

Онъ умеръ въ 1807 году.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1836 г., т. I, апрѣль, стр. 1—180; т. LI, іюль, стр. 1—20.; т. LII, октябрь, стр. 1—24; изд. 1887 г., т. LIII, стр. 299—328 мартъ, стр. 533—550; т. LIV, стр. 35—46.

Въ то время Васильевъ былъ русскій графъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, финансъ-министръ, генераль-директоръ медицинской коллегіи и кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго, св. Анны и св. Владимира 2-й степени.

Примѣч. переводчика: Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, 1742—1807. П. С. З., № 17,609, 17,813, 18,396; Арх. Г. С., I, ч. 2, 108, 118, 496, 578; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXVII, 73; XLII, 496); Финансов. документы (Сборникъ, XXVIII, 310, 377, 379); Государственная роспись при Екатеринѣ II (Сборникъ, VI, 237); Письма Васильева (Соч. Державина, изд. Грота, V, 486, 511, 581, 614, 639, 655, 662, 666, 668, 674, 678, 690, 691, 695, 707, 712, 795, 849); Воронцевъ, X, 101, 188, 189; XIII, 406; XIV, 180, 487; XVIII, 475; Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 440; XXIX, 532); Храповицкій, 395, 411, 430, 431, 460; Державинъ, 731, 733, 745, 754, 777, 817; Болотовъ, IV, 685; Отрывъ Завадовскаго (Архивъ, 1883, II, 165; Куприяновъ, Медицина при Екатеринѣ II, 22; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 627; Сантовъ, 25; Бятышъ-К., Списки, 246, 336; Долгоруковъ, II, 221, 322; Карабановъ-Долгоруковъ, 121, 199.

В. В.

XCIV. ДУВЯНСКІЙ.

Дубянский былъ простой монахъ. Его всѣ уважали за большую честность; его же необыкновенная для подобныхъ людей ученость помогла ему дослужиться до высшей духовной должности въ государствѣ: онъ былъ духовникъ императрицы Екатерины II. Здѣсь онъ имѣлъ случай собрать большія богатства.

Онъ оставилъ сына ¹⁾ и дочь ²⁾, которымъ, по собственному примѣру, далъ очень хорошее воспитаніе. Въ 1790-хъ годахъ сынъ былъ гвардейскимъ капитаномъ съ чиномъ полковника, а дочь—фрейлиной императрицы Екатерины II.

Примѣч. переводчика: Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянский, † 1771. Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XLII, 413, 481); Шаховской, 68; Воронцовъ, I, 9, 19, 67; VIII, 123; Свѣдѣнія о родителяхъ Екатерины II (Осмнадц. вѣкъ, I, 44; Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ (Осмнадц. вѣкъ, II, 409, 417); Лонгиновъ, Пособники Екатерины II (Осмнадц. вѣкъ, III, 344, 347); М. И. Семеvскій, 165; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 292.

В. В.

¹⁾ Дубянский, женатый на Маріи Константиновнѣ Шаргородской, имѣлъ четырехъ сыновей: Михаила (1733—1776,) Ѳедора, Захара (1743—1765) и Якова (1745—1807). О смерти Захара упоминаетъ Порошинъ, 580; Сантовъ, 46.

²⁾ Елизавета Ѳедоровна (1747—1779), замужемъ за княземъ Яковомъ Петровичемъ Долгорукинымъ. Сантовъ, 44.

В. В.

XCV. ЗОРИЧЬ.

Зоричъ, изъ дворянскаго рода, не пользовавшагося никакимъ значеніемъ, съ юныхъ лѣтъ отличался въ военной службѣ и прибылъ въ Петербургъ гусарскимъ майоромъ для присканія болѣе выгоднаго мѣста. У него было много наглости, его не страшили отказы въ просьбахъ и онъ тотчасъ обратился къ всемогущему Потемкину, думая чрезъ него составить себѣ карьеру. Потемкинъ исполнилъ его просьбу, но не на томъ блестящемъ пути, на которомъ Зоричъ искалъ улучшения своей судьбы.

Въ это именно время Потемкинъ былъ очень недоволенъ попыткой Завадовскаго, стремившагося сдѣлаться самостоятельнымъ, и искалъ человѣка, который могъ бы занять его мѣсто при дворѣ. Онъ нашелъ его случайно въ Зоричѣ, который соединялъ въ себѣ всѣ необходимыя для того качества и не могъ быть ему опасенъ ни умомъ и характеромъ, ни семейными связями. Потемкинъ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ, подполковникомъ и представилъ его въ гусарской формѣ императрицѣ. Онъ понравился. Въ тотъ же день онъ сталъ полковникомъ и былъ назначенъ флигель-адъютантомъ императрицы.

Зоричъ, какъ уже сказано, пользовался этимъ благополучіемъ только 11 мѣсяцевъ. Человѣкъ неразсудительный, онъ думалъ, что можетъ летать на своихъ крыльяхъ. Но Потемкинъ замѣтилъ этотъ самостоятельный, смѣлый полетъ и прижалъ Зорича къ землѣ. Незначительное разногласіе, бывшее между Зоричемъ и княземъ, дало поводъ къ удаленію Зорича. Потемкинъ не былъ сердитъ на него, онъ не завидовалъ его чудовищнымъ богатствамъ, онъ не боялся его быстро вознесшагося значенія—онъ зналъ, что Зоричъ вообще былъ настолько ничтоженъ, что никоимъ образомъ не могъ быть ему опасенъ; но онъ хотѣлъ показать, что нельзя безнаказанно даже думать ему противиться и хотѣлъ этимъ примѣромъ предостеречь отъ опасности всякаго, кому пришла бы въ голову такая мысль.

Князь представилъ императрицѣ, что неприятно и даже унижительно для ея просвѣщенныхъ намѣреній имѣть близъ себя человѣка столь ограниченнаго познаній, какъ Зоричъ, и предложилъ ей выбрать себѣ другаго адъютанта, которымъ она будетъ болѣе довольна. Такъ какъ императрица въ это время не питала большой склонности къ Зоричу, то и приняла предложеніе князя. Лѣтомъ 1778 г. Зоричъ жилъ съ императрицею и Потемкинымъ въ Царскомъ Селѣ. Однажды,

вечеромъ, въ июнѣ, онъ былъ въ своей комнатѣ, когда получилъ приказаніе въ ту же минуту удалиться отъ двора и отправиться въ свои имѣнія. Его какъ громомъ поразило. Какъ стрѣла, бросился онъ въ комнату государыни, но ему запретили входъ. Онъ просилъ о разрѣшеніи проститься, но и въ этомъ ему было отказано. Онъ бросился къ князю Потемкину, но князь настаивалъ, что онъ въ этотъ же вечеръ долженъ отправиться въ свое лифляндское имѣніе и оттуда въ Бѣлоруссію, чтобъ принять имѣнія, купленные для него у Чарторижскаго. Возраженія ничего не помогли. Онъ долженъ былъ уѣхать, оставивъ своихъ довѣренныхъ слугъ, которые должны были потомъ привезти его вещи.

Онъ отправился тѣмъ путемъ, который былъ ему предписанъ. Поселился же онъ въ Шкловѣ, гдѣ устроился по княжески. Онъ имѣлъ все, что только деньги могутъ доставить пріятнаго въ жизни, даже свою театральную труппу. Но вскорѣ оказалось, что даже его громадныхъ доходовъ недостаточно, чтобъ поддерживать такой сибаритскій образъ жизни. Такъ какъ онъ не настолько владелъ собою, чтобы сократить свои расходы, то вскорѣ очутился въ большомъ затрудненіи. Въ концѣ прошлаго столѣтія всѣ его имѣнія были обременены долгами и почти всѣ его драгоценности распроданы.

Зоричъ былъ настолько уменъ, что вскорѣ послѣ своего удаленія отъ двора униженно подчинился Потемкину и тѣмъ примирился съ нимъ. Князь позволилъ даже Зоричу явиться къ нему въ 1787 году, когда князь, проѣздомъ въ Херсонъ, былъ занятъ устройствомъ театральныхъ выдумокъ, которыя должны были обмануть императрицу во время ея путешествія. Потемкинъ принялъ его весьма милостиво, и охотно былъ бы радъ, если-бъ могъ имъ вытѣснить гордаго и опаснаго Мамонова. Зоричъ былъ еще очень красивъ и ужъ совершенно безпритязателенъ. Императрица соблаговолила повидать его, обошлась съ нимъ весьма милостиво и назначила его генералъ-лейтенантомъ. Но этимъ все и кончилось. Потемкинъ, съ нѣкотораго времени появившійся при дворѣ только чрезъ большіе промежутки, терялъ мало по малу свое значеніе. Онъ замѣтилъ теперь это очень ясно, но не хотѣлъ поднимать никакого громкаго скандала изъ-за дѣла, которое въ сущности не слишкомъ-то его и интересовало. Зоричъ уѣхалъ обратно въ Шкловъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пріѣхалъ.

Этотъ чрезвычайно статный избранникъ принадлежалъ, какъ мы сейчасъ покажемъ, къ числу тѣхъ немногихъ людей, у которыхъ вовсе нѣтъ пороковъ, мало недостатковъ, есть нѣкоторые таланты и много пріятныхъ качествъ. Зоричъ не обладалъ провицательнымъ умомъ, но онъ вовсе не былъ ограниченнымъ человѣкомъ. Онъ не получилъ образо-

ванія и впослѣдствіи, кромѣ французскаго языка, ничему не научился. Но онъ былъ чрезвычайно остроуменъ, обворожительно веселъ и былъ постоянно въ добромъ расположеніи. Эти-то для общительности столь пріятныя свойства дѣлали его, безъ всякаго сомнѣнія, самымъ любезнымъ изъ всѣхъ избранниковъ Екатерины. Сверхъ того, онъ былъ храбръ, честенъ, великодушенъ, услужливъ, безъ всякаго притворства. Жаль, что такія хорошія свойства затемнялись часто невѣроятною сметностью, безграничнымъ легкомысліемъ и неимовѣрною склонностью къ расточительности.

Примѣч. переводчика: Семень Гавриловичъ Зоричъ, † 1799. П. С. З., № 17,829, 17,893; Арх. Г. С., I, ч. 1, 49, 63; ч. 2, 734; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 248; XXVII, 254, 263, 466); Спб. Вѣдомости за 1762, № 80; Письма Екатерины II („Русск. Ст.“, 1875, XIV, 448; 1876, XVI, 446); Бумаги Ревина (Сборникъ, XVI, 226); Воронцовъ, XIV, 446, 449; XXVII, 6; Храповицкій, 435, 501; кн. Щербатовъ, 678; Державинъ, 708, 719, 725, 730; Добрынинъ въ „Русск. Стар.“, IV, 118; Энгельгардтъ, 9, 24, 27, 29, 32; Гарновскій въ „Русск. Стар.“, XV, 12; Masson, 106; Russie, 307, 308, 326, 327, 328, 377; Castera, II, 175, 224, 454; Карабановъ, III, 42; Барсуковъ, Шлоевскіе авантюристы (Кашпиревъ, II, 1); Bartold, Die geschichtliche Persönlichkeit in Sazanov's Memoiren. Berlin, 1846, 324; Д., Зоричъ („Русск. Стар.“, 1878, XXII, 329); Мещерскій, С. Г. Зоричъ (Архивъ, 1879, II, 37); Корсаковъ, О С. Г. Зоричѣ (Архивъ, 1879, II, 75); С. Г. Зоричъ („Русск. Стар.“, 1873, VIII, 730); Вейдемейеръ, Дворъ, II, 174; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 671; Баятышъ-К., Словарь, II, 401; Долгоруковъ, II, 320; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 322; Федоровъ, Стосемигѣтній старецъ Щегловскій, Спб., 1844; Проза Пушкина (Библиогр. Зап., II, 138); Russica, II, 692.

В. В.

КСVІ. КОРСАКОВЪ.

Корсаковъ былъ дворянинъ, изъ очень хорошей русской фамиліи, которая собственно называется Корсаковъ-Римскій.

Онъ началъ свою военную службу сержантомъ въ конной гвардіи; по рекомендаціи былъ переведенъ въ кирасирскій полкъ, и съ отличіемъ служилъ во время польскихъ смутъ. Онъ былъ капитаномъ, когда Потемкинъ познакомился съ нимъ. Корсаковъ понравился ему, и князь причислилъ его къ тѣмъ двумъ лицамъ, изъ которыхъ императрица должна была избрать одного (адъютанта) на мѣсто только что уволеннаго Зорича. Эти два были: Бергманъ, лифляндецъ, и Ронцовъ, побочный сынъ графа Воронцова, о которыхъ мы, впрочемъ, ничего не

можемъ сказать. Оба они ничѣмъ не обращали на себя вниманія, даже не будучи сравниваемы съ Корсаковымъ. Рядомъ-же съ нимъ они совершенно теряли, такъ какъ онъ обладалъ чрезвычайно изящной фигурой. Было и еще одно обстоятельство, обезпечивавшее за Корсаковымъ преимущество. О немъ ходила молва, что онъ вовсе неопытенъ въ интригахъ, словомъ совершенно (не бывалъ въ свѣтѣ). Было условлено, что всѣ три кандидата (на званіе флигель-адъютанта) будутъ показаны въ ея пріемной. Когда они явились, Потемкина еще не было. Императрица пришла, поговорила съ каждымъ изъ присутствовавшихъ и подошла, наконецъ, къ Корсакову. Она дала ему букетъ, только что поднесенный ей, и поручила отнести этотъ букетъ князю Потемкину и сказать ему, что она желаетъ говорить съ нимъ. Корсаковъ исполнилъ приказаніе. Потемкинъ, какъ онъ говорилъ, чтобы наградить принесшаго императорскій подарокъ, сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывали исторію возвышенія этого избранника.

Какъ-бы ни было, но несомнѣнно, что день спустя послѣ представленія, въ іюнѣ 1778 г., Корсаковъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ

Мало по

малу, но чрезъ очень короткіе промежутки, онъ сталъ прапорщикомъ кавалергардовъ, что, насколько мы помнимъ, давало ему чинъ генералъ-майора, кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла и, наконецъ, генералъ-адъютантомъ государыни.

По удаленіи изъ дворца, онъ оставался еще въ Петербургѣ, такъ какъ серьезная болѣзнь не позволяла ему покинуть столицу. Ему часто должны были пускать кровь и прошло нѣсколько недѣль прежде, чѣмъ онъ выздоровѣлъ. Но едва оправившись, онъ, подобно прочимъ придворнымъ, явился однажды ко двору. Это поведеніе многіе порицали, но, какъ намъ думается, несправедливо. Почему-же онъ, не будучи еще въ состояніи уѣхать, не могъ явиться, подобно другимъ, для изъявленія публично своего почтенія государынѣ, которая была столь милостива къ нему? Между тѣмъ, какъ это появленіе при дворѣ, такъ и другія его старанія не произвели никакого впечатлѣнія, хотя ему очень хотѣлось занять свой прежній постъ. Онъ надѣялся на это, потому что его комнаты въ императорскомъ дворцѣ, по другимъ причинамъ, оставались еще не занятыми; но онъ ошибся.

Когда онъ, наконецъ, убѣдился въ этомъ, онъ отправился, насколько намъ извѣстно, не за границу, а въ Москву, гдѣ, по смерти графини

Брюсъ, завязавъ новую связь — съ покойною уже (1808) супругою стараго графа Строгонова ¹⁾, рожденною княгинею Трубецкою ²⁾.

Онъ остался навсегда жить въ Москвѣ и, вѣроятно, еще и теперь живетъ тамъ на доходы съ своего большаго состоянія.

Корсаковъ въ сущности былъ болѣе любезенъ, чѣмъ красивъ, но его внѣшнія формы были такъ изящны и прелестны, что подобныя рѣдко встрѣчаются. Этотъ внѣшний лоскъ скоро пропалъ и онъ, по внѣшнему виду, сталъ пріятнымъ развратникомъ, на которомъ сказывались слѣды его неправильнаго образа жизни. Легкомысліе и добросердечіе составляли главныя черты его характера. Онъ обладалъ даромъ чрезвычайно пріятной бесѣды, и правильнымъ, хотя и не проницательнымъ, умомъ; но онъ не имѣлъ ни малѣйшихъ познаній. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ составилъ анекдотъ, который даже напечатанъ, но за вѣрность котораго мы, однако, не ручаемся. Рассказываютъ, будто Корсаковъ слышалъ, что прежде государственные сановники и знатнѣйшіе придворные имѣли большія библіотеки, которыя по штату уже полагались въ дворцахъ, какъ вещь необходимая. Когда онъ получилъ въ подарокъ отъ императрицы дворецъ Васильчикова, онъ позвалъ книгопродавца и заказалъ ему библіотеку для извѣстной залы. На вопросъ-же книгопродавца, сдѣлалъ-ли Корсаковъ списокъ книгъ, которыя желалъ-бы имѣть, и по какой наукѣ должны быть выбраны книги, избранникъ отвѣчалъ:

— «Объ этомъ я ужъ не забочусь—это ваше дѣло; внизу должны стоять большія книги и чѣмъ выше, тѣмъ меньшія, точно такъ, какъ у императрицы».

Примѣч. переводчика: Иванъ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ. П. С. З., № 18508, 18595; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXIII, 107, 109, 111, 118, 126, 137, 148); Мѣсяцесловъ на 1786 годъ, 5; Финансов. документы (Сборникъ, XXVIII, 421); Переписка Екатерины II съ Потемкинымъ („Русск. Ст.“, 1876, XVII, 47, 584); Письма Безбородко (Сборникъ, XXIX, 531); Воронцовъ, XIV, 502; Любовныя записочки (Архивъ, 1881, III, 402); кн. Щербатовъ, 678; Castera, II, 224, 454; Энгельгардтъ, 10; Russie, 327, 328, 329, 337, 341,

¹⁾ Графъ Строгоновъ—безспорно одинъ изъ ученѣйшихъ эстетиковъ въ Россіи. Его огромныя богатства доставили ему средства составить прекраснѣйшія собранія картинъ, антиковъ и рѣдкостей. Этотъ достойный человѣкъ достигъ уже глубокой старости. Онъ оберъ-камергеръ и кавалеръ русскихъ и польскихъ орденовъ. Его сынъ—также заслуженный человѣкъ и уже министръ.

²⁾ Она дочь князя Петра и внучка князя Никиты Трубецкаго. Объ обоихъ этихъ лицахъ было уже говорено кое-что въ этой книгѣ.

377; Добрынинъ, „Русск. Ст.“, IV, 343; Masson, 106, 461; Записки Витберга („Русск. Ст.“, 1872, V, 577); Карабановъ, II, 497; V, 136; Костаревъ, Т. Г. Простаковъ („Русск. Стар.“, 1873, VII, 581); Свиданіе Суворова съ А. М. Римскимъ-Корсаковымъ („Русск. Ст.“, 1876, XV, 214); Негтманн, VII, 614; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 328. См. также очерки Н. М. Колмакова: Домъ и фамилія гр. Строгоновыхъ („Русск. Ст.“, 1887 г., LIII, 576, LIV, 71. В. В.

ХОВЦ. ИВАНЪ СТРАХОВЪ.

Иванъ Страховъ, русскій, мѣщанскаго происхожденія, былъ племянникомъ одной камерфрау императрицы Екатерины II.

Онъ былъ малъ ростомъ, уродливъ лицомъ; его виѣшній видъ былъ крайне непріятный. Однако, онъ полагалъ, что произвелъ на государыню, которая тогда только что удалила отъ двора избранника своего Корсакова,—впечатлѣніе, потому что императрица, случайно встрѣтивъ его въ Царскомъ Селѣ, въ своей гардеробной, заговорила съ нимъ съ свойственными ей любезностію и снисхожденіемъ. Страховъ до того былъ прельщенъ собою, что о возможности стать избранникомъ говорилъ даже съ графомъ Панинымъ, въ канцеляріи котораго онъ служилъ секретаремъ. Онъ сообщилъ свое открытіе графу въ то время, когда ѣхалъ съ нимъ изъ Царскаго Села, гдѣ министръ имѣлъ докладъ у императрицы. Панинъ принялъ его за сумасшедшаго и хотѣлъ отвлечь отъ этой безумной мечты. Однако, въ дѣйствительности, Страховъ не былъ настолько безуменъ, какъ предполагалъ Панинъ; по крайней мѣрѣ, эта мечта составила его карьеру. Онъ сталъ чаще навѣщать своихъ родныхъ и видалъ тамъ императрицу, которая, по совершенно непонятной причинѣ, вѣроятно, для развлечения, охотно бесѣдовала съ нимъ. Когда Екатерина однажды сказала ему, что онъ можетъ просить у нея какойнибудь милости, Страховъ бросился на колѣни и просилъ ея руки. Это было уже слишкомъ. Императрица болѣе не видѣлась съ нимъ иначе, какъ публично, при дворѣ.

Между тѣмъ, этотъ случай составилъ его счастье. Онъ получилъ большіе подарки деньгами и крестьянами и сталъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, вице-губернаторомъ Костромы и кавалеромъ ордена св. Владиміра.

Примѣч. переводчика: Иванъ Варолюмеевичъ Страховъ. Письма Страхова (Воронцовъ, XIV, 471); Russie, 330, 337, 338; Лордъ Мальмсбюри о Россіи (Архивъ, 1874, I, 1,600; II, 145); Воронцовъ, XIV, 191; Соч. Державина, изд. Грота, VI, 196; Евгеній, II, 180. В. В.

XCVIII. АЛЕКСАНДРЪ ЛАНСКОЙ.

Александръ Ланской былъ сынъ русскаго дворянина очень хорошей фамили.

Онъ былъ конногвардеецъ, когда генераль Толстой ¹⁾, въ то уже время, когда Корсаковъ жилъ еще при дворѣ, рекомендовалъ его государынѣ въ генераль-адъютанты. Хотя его виѣшній видъ и его бесѣда понравились императрицѣ, но особыя обстоятельства побуждали ее тогда воздержаться отъ окончательнаго рѣшенія. Между тѣмъ, онъ получилъ 10,000 рублей для первоначальнаго обзаведенія. Въ то же время съ разныхъ сторонъ ему не то приказывали, не то дружески совѣтовали обратиться къ князю Потемкину. Князю очень понравился такой знакъ довѣрія и онъ тотчасъ же сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Ланской оставался шесть мѣсяцевъ на этомъ мѣстѣ.

Только на святой недѣлѣ 1780 г. императрица, занятая до тѣхъ поръ важными дѣлами и будучи больна, нашла время, когда молодой Ланской могъ быть ей представленъ. Она назначила его своимъ флигель-адъютантомъ и полковникомъ .

Свое пребываніе при дворѣ Ланской сдѣлалъ замѣчательнымъ лишь своею похвальною привязанностью къ императрицѣ и тѣми воздаяніями, которыя онъ получилъ за это. Онъ никогда не занимался государственными дѣлами, которыя столько же были ему чужды, какъ и онъ имъ. Не смотря на то, онъ могъ имѣть часто случай сдѣлаться важнымъ лицомъ. Въ его время, въ Россію пріѣзжали Іосифъ II, потомъ Фридрихъ Вильгельмъ, наследникъ Фридриха II, и, наконецъ, Густавъ II. Каждый изъ нихъ охотно привлекъ бы его на свою сторону; но его поведеніе всегда было настолько сдержанно, что до него нельзя было и добратся. Онъ тщательно избѣгалъ придворныхъ интригъ, и можно сказать, что за время пребыванія его при дворѣ бабамъ и сплетникамъ было мало или даже вовсе не было дѣла. Даже родня не имѣла къ нему доступа, хотя государыня, по собственному побужденію, дала нѣкоторымъ изъ нихъ мѣста при дворѣ. Короче,

¹⁾ Въ первую турецкую войну генераль Толстой стяжалъ себѣ славное имя. Оба графа Толстые, занимающіе теперь (1808 г.) важныя государственныя должности при русскомъ дворѣ, его сыновья. Онъ умеръ въ 1780-хъ годахъ

Ланской не связывала себя ни съ кѣмъ, жилъ только для своей службы и приносилъ себя въ жертву своимъ обязанностямъ. Это спокойствіе избранника никому не казалось опаснымъ и было опасно для всѣхъ. Его значеніе въ глазахъ императрицы, которую онъ никогда не покидалъ, было безгранично. Всякій сознавалъ, что Ланскому стоило сказать слово, чтобъ свергнуть его и самъ Потемкинъ чувствовалъ, что его политическое бытіе зависитъ только отъ воли избранника.

Къ счастью для придворныхъ, этотъ страшный человекъ жилъ не долго. Со времени появленія при дворѣ онъ постоянно хворалъ. Въ началѣ онъ страдалъ лихорадкою. Стараніями врачей и заботливымъ уходомъ онъ поправился; но его здоровье не было крѣпкимъ и иногда возвращались припадки болѣзни. Это была его вина

императрица. . пригласила знаменитаго Вейкгарда ¹⁾, котораго она давно уже, вслѣдствіе его славы, вызвала изъ Фульды въ Петербургъ. Онъ повиновался неохотно, потому что Ланской однажды очень невѣжливо выпроводилъ его отъ себя. По приказанію императрицы, онъ отправился, однако, съ ассесоромъ Кельхеномъ ²⁾ къ больному. Какъ только онъ увидалъ больного, онъ тотчасъ же сказалъ императрицѣ: «онъ умретъ въ этотъ же вечеръ». Вейкгардъ нашель, что у больного воспаленіе горла. Государыня не хотѣла этому вѣрить и усумнилась въ наукѣ врачей. Она утверждала, что близкая смерть немыслима, такъ какъ больной опять могъ говорить. Однако, Вейкгардъ былъ правъ. Воспаленіе горла сдѣлало свое дѣло. Ланской умеръ вечеромъ, 25-го іюня 1784 года, на 27 году ³⁾.

Такъ какъ онъ ни съ кѣмъ не былъ близокъ, то никто о немъ и не пожалѣлъ, кромѣ человеколюбивой государыни, нѣжное сердце которой, всегда проникнутое чувствомъ дружбы, было глубоко опечалено потерей человека, котораго она привыкла ежедневно видѣть въ своемъ обществѣ и услуги котораго умѣла цѣнить.

¹⁾ Вейкгардъ сталъ жертвою интриги. Въ Петербургѣ имъ вовсе не такъ дорожили, какъ онъ того заслуживалъ. Онъ очень грустилъ, что былъ вырванъ изъ своего счастливаго положенія. Его братъ — искусный врачъ въ Петербургѣ.

²⁾ Кельхенъ — придворный медикъ и опытный врачъ.

³⁾ См. „Русскій Архивъ“, изд. 1886 г., тетрадь 4-я, весьма покровныя и интересныя записки Вейкгарда о придворномъ значеніи, болѣзни и смерти Ланскаго.

По смерти Ланскаго, императрица отправилась съ его сестрою, г-жею Курселевою ¹⁾, въ Петербургъ, а оттуда въ Пеллу, маленький, недостроенный загородный дворецъ близъ столицы; но въ это лѣто она не возвращалась уже въ Царское Село.

Мечтательное, юношеское желаніе Ланскаго быть погребеннымъ въ какомъ либо романтическомъ мѣстѣ царскосельскаго сада было исполнено. Тѣло его похоронили въ саду и обозначили мѣсто могилы простою, но дорогою мраморною урною, которая была видна еще въ 1790-хъ годахъ. Тѣло оставлено было тамъ до зимы. Безнравственные злодѣи вынули тѣло изъ гроба, изуродовали его и старались осквернить память умершаго позорными пасквилями, изобличающими, однако, въ авторѣ большой умъ. Императрица, справедливо возмущенная этимъ, приказала положить гробъ въ церковь близъ лежащаго городка Софіи, пока не была выстроена маленькая, но красивая капелла, въ которой его погребли и которую поэтому можно назвать мавзолеемъ избранника Ланскаго.

Великія милости, оказанныя императрицею Ланскому при жизни и по смерти его, объясняются, безъ сомнѣнія, его видимо неподдѣльною добротою сердца, его спокойною, никакимъ вѣшнимъ впечатлѣніемъ не тревожимою, жизнью и его нерушимо вѣрною преданностію священной особѣ императрицы. Извѣстно и подтверждено самою императрицею, что она никогда въ жизнь свою не встрѣчала примѣра такой вѣрности. Впрочемъ, его существованіе было вредно для многихъ въ Россійской имперіи, ни для кого не было полезно и для большинства безразлично. У него не было ни познаній, ни дарованій, которыя заставляли бы сожалѣть о немъ, и еще вопросъ—была-ли его вѣрность императрицѣ обдуманною добродѣтелью, естественнымъ настроеніемъ или искуснымъ обманомъ? Скрытое скряжничество лежало въ основѣ его характера и было рычагомъ его дѣйствій, направленныхъ лишь къ тому, чтобъ собрать несмѣтныя богатства, почетныя должности и знаки милости.

Если-бъ Ланской жилъ дольше, онъ превзошелъ бы всѣхъ выскочекъ. Онъ умеръ на 27 году и былъ уже генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, поручикъ кавалергардовъ, шефъ Троицкаго кирасирскаго полка и кавалеръ орденовъ

¹⁾ Мужъ этой дамы былъ сдѣланъ, по смерти Ланскаго, флигель-адъютантомъ и полковникомъ, но вскорѣ вышелъ въ отставку и живетъ (1808 г.) доходами съ своего большаго имѣнія.

св. Александра Невскаго, Вѣлаго Орла, св. Станислава, Сѣверной Звѣзды и св. Анны.

Ланской сдѣлалъ императрицу наслѣдницею своихъ богатствъ, но государыня имѣла великодушіе предоставить наслѣдство его ближайшимъ родственникамъ ¹⁾. Она оставила себѣ только картинную галлерей, неогцѣненное для знатока собраніе медалей, библіотеку, въ которой было много залежалаго товара, все серебро и на 400,000 рублей имѣній. Все это она купила у наслѣдниковъ на чистыя деньги. У него были прекрасныя имѣнія въ лучшихъ провинціяхъ имперіи. Его домъ ²⁾—лучшій въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ, Ланской, по милости императрицы и противъ своей воли, лишь по смерти своей сталъ благодѣтелемъ своихъ родныхъ, для которыхъ онъ при жизни ничего не сдѣлалъ. Что онъ не раздавалъ своимъ роднымъ важныхъ должностей, къ чему они быть можетъ не имѣли и способностей, или не обогащалъ ихъ на счетъ казны — было бы очень похвально, еслибъ эта воздержность исходила изъ патріотизма; но было дурно, что онъ изъ своихъ собственныхъ богатствъ не улучшалъ ихъ положенія, и доказывало, что онъ не способенъ къ состраданію. Его сестеръ ³⁾ императрица назначила фрейлинами; братъ ⁴⁾ достигъ только подполковника. Онъ былъ имъ и въ 1790-хъ годахъ. Эта родня не видѣла отъ него никакой выгоды для себя, кромѣ того, что могла обѣдать за столомъ 30-ти, который сервировался для него отъ двора и за который онъ никогда не садился. Семь племянниковъ Ланскаго, въ томъ числѣ весьма достойные люди, могли добиться лишь весьма незначительныхъ мѣстъ въ арміи.

Природа дала Ланскому прелестный видъ и стройный станъ. Его красота не передана на прекрасномъ изображеніи ⁵⁾ въ эрмитажѣ. Онъ представленъ въ красной и черной шитой серебромъ артиллерійской формѣ. Адьютанты императрицы имѣли

¹⁾ Именной указъ Екатерины II сенату отъ 7-го іюля 1784 г. (Архивъ, 1880, II, 151). В. В.

²⁾ Этотъ домъ находится (1808 г.) насупротивъ Зимняго дворца. Большой подъездъ и балконъ изъ прелестнаго сѣраго, бѣлаго и краснаго мраморовъ. Въ этомъ дворцѣ довольно обширный театръ, гдѣ даются обыкновенно нѣмецкія представленія.

³⁾ Три сестры Ланскаго: Авдотья Дмитріевна была замужемъ за И. Л. Чернышевымъ, Елизавета Дмитріевна—за И. И. Кушелевымъ и Варвара Дмитріевна—за Н. М. Мацневымъ. В. В.

⁴⁾ Два брата—Степанъ Дмитріевичъ и Павелъ Дмитріевичъ. В. В.

⁵⁾ Изображеніе рѣзано на мѣди англичаниномъ Джемсомъ Уолкеромъ.

право носить всѣ формы, безъ различія, за исключеніемъ лишь морской. Вѣроятно, Ланской находилъ, что артиллерійскій мундиръ идетъ къ нему болѣе другихъ. Изображеніе поясное. Избранникъ изображенъ съ генераль-адъютантской палочкой ¹⁾ въ рукахъ, стоящимъ у стола, на которомъ поставленъ бюстъ императрицы и лежатъ рисунки.

Примѣч. переводчика: Александръ Дмитріевичъ Ланской, 1758—1784. Вумаги Екатерины II (Сборникъ, XXIII, 218, 223, 224, 244, 252, 256, 282, 299, 300, 316, 317, 319, 322; XXVII, 185, 270, 331; XLII, 418); Финансов. документы (Сборникъ, XXVIII, 285, 313, 330); Переписка Екатерины II съ Потемкинымъ („Русск. Ст.“, 1876, XVI, 45, 52); Письмо къ матери Ланского („Русск. Ст.“, 1879, XXVI, 151); Письма Безбородко („Русск. Ст.“, 1873, VIII, 732, 887; Сборникъ, XXVI, 281, 413); Записки путешествія Екатерины II, Воронцовъ, XIII, 17, 58, 114, 163; XXI, 245, 283; Храповицкій, 3, 10, 275, 525; кн. Щербатовъ, „Русск. Стар.“, III, 678; Энгельгардтъ, 38, 49, 52; Castera, II, 242, 273, 297, 454; Russie, 341, 354, 355, 377; Maason, 107, 294; Пикарь, „Русск. Стар.“, XXII, 55; Карабановъ, IV, 391, 392; V, 137; Лордъ Мальмсбюри о Россіи (Архивъ, 1874, II, 179, 352, 778, 841, 1,031); Dohn, Русскій дворъ (Россія, 1879, III, 89); Александровъ, Послѣ вончины Ланского (Архивъ, 1880, II, 151); Вантшишъ-Ж., Словарь, II, 264; Списки, 324; М. И. Семевскій, 102; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 167, 332; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 689; Neffmann, VII, 625. В. В.

ХСІХ. АЛЕКСАНДРЪ ЕРМОЛОВЪ.

По смерти адъютанта Ланскаго, княгиня Дашкова (весьма желала приблизить ко двору одного изъ близкихъ ей лицъ); отъ ея ума и познаній можно было ожидать, что она предложитъ весьма даровитаго человѣка. Такъ и случилось. Соискателемъ на званіе флигель-адъютанта былъ ея сынъ ²⁾, юноша, подававшій большія надежды, обучавшійся въ Англии подъ надзоромъ своей матери. Полковникъ князь Дашковъ ³⁾ обладалъ, дѣйствительно, многими любезными свойствами для общества и по внѣшнему виду былъ весьма представительнъ. Онъ даже понравился императрицѣ. Но этого было

¹⁾ Эта палочка была изъ чернаго дерева съ золотымъ набалдашникомъ, на которомъ эмальрованъ императорскій орелъ.

²⁾ Rulhière, IV, 325; Воронцовъ, XXI, 284.

В. В.

³⁾ Князь Дашковъ вышелъ въ отставку генераломъ, женился и жилъ въ Москвѣ только для науки.

недостаточно. Князь Потемкинъ, зная безпокойный характеръ матери и опасаясь ея вліянія, отстранилъ его.

Александръ Ермоловъ, русскій дворянинъ изъ хорошей, но не имѣвшей большаго значенія, фамиліи, былъ унтеръ-офицеромъ Семеновскаго гвардейскаго полка, когда князь Потемкинъ (въ февралѣ 1785 г.) назначилъ его, 22-хъ-лѣтняго юношу, своимъ адъютантомъ и представилъ его императрицѣ во время праздника.... Немного спустя онъ сталъ флигель-адъютантомъ императрицы

Ермоловъ, имѣвшій болѣе общепользные и либеральныя принципы, чѣмъ Ланской, держался совсѣмъ другой системы. Онъ помогалъ всѣмъ, насколько могъ, отчасти изъ своихъ средствъ, отчасти своимъ вліяніемъ, и не отпускалъ отъ себя никого, къ какому-бы состоянію проситель ни принадлежалъ, безъ удовлетворенія, если былъ убѣжденъ, что онъ того достоинъ. Но онъ при этомъ не злоупотреблялъ своимъ благоволеніемъ, такъ какъ его богатства были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что имѣли другіе избранники. Императрица могла положиться на его рекомендацію, такъ какъ онъ обладалъ знаніями и имѣлъ способность оцѣнивать людей, и не покровительствовалъ недостойнымъ. Для своихъ родныхъ онъ былъ благодѣтелемъ, но разумнымъ. Одному ¹⁾ изъ нихъ, весьма дѣльному человѣку, онъ добылъ отъ императрицы въ подарокъ 50,000 руб.; другому ²⁾ самъ подарилъ 300 крестьянъ и далъ пенсію въ 1,500 рублей. Онъ принималъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ, если могъ полагать, что его виѣшательство поможетъ добру и помѣшаетъ злу. Благороднѣйшею его добродѣтелью была искренность. Она дѣлаетъ несчастными всѣхъ своихъ поклонниковъ и цѣнителей; то же она сдѣлала и съ Ермоловымъ. Ермоловъ полагалъ, что благоволенія къ нему государыни даютъ ему право указывать императрицѣ на небреженія и злоупотребленія князя Потемкина въ государственномъ управленіи. Онъ дѣлалъ это съ свойственною ему правдивостью и имѣлъ удовольствіе замѣтить, что его представленія производили чувствительное впечатлѣніе на умъ и сердце государыни. Чтобы не имѣть, однако, въ глазахъ императрицы, вида клеветника, онъ подтвердилъ свои обвиненія примѣромъ, который во всякомъ случаѣ былъ весьма невыгоденъ для славы князя. Бывшему

¹⁾ Его звали Левашевъ, онъ былъ флигель-адъютантъ, маіоръ гвардіи и генералъ-лейтенантъ. Павелъ I сдѣлалъ его генераломъ отъ инфантеріи. Еще прежде онъ былъ кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго.

²⁾ Это былъ тоже Левашевъ, и именно тотъ, который отправился путешествовать съ Ермоловымъ.

крымскому хану ¹⁾ была обезпечена, при занятіи Крыма, значительная пенсія. Князь Потемкинъ, какъ генераль-губернаторъ Тавриды, долженъ былъ заботиться объ уплатѣ условленной суммы. Онъ, однако, такъ мало безпокоился объ этомъ, что бывшій ханъ нѣсколько уже лѣтъ ничего не получалъ. Ханъ жаловался, но ничего не добился. Тогда онъ обратился къ Ермолову, участіе котораго къ судьбамъ несчастныхъ ему очень хвалили. Ермоловъ принялъ жалобу и познакомилъ императрицу съ незаконными дѣйствіями Потемкина. Государыня сдѣлала князю справедливые упреки по этому поводу, не указавъ, однако, ему источника своихъ свѣдѣній. Потемкинъ скоро отгадалъ измѣнника и ожидалъ только случая, чтобы отомстить. Случай скоро представился. Однажды, за картами, Потемкинъ наговорилъ грубостей дядѣ Ермолова, генералу Левашову. Генераль пожаловался племяннику, племянникъ императрицѣ, и императрица опять обратилась къ Потемкину съ упреками.

Должно полагать, что Ермоловъ самъ желалъ этой перемѣны. Въ день восшествія на престолъ 1786 года—большой праздникъ въ Петергофѣ—онъ проявилъ необыкновенную веселость и сталъ относиться къ князю Потемкину съ оскорбительнымъ высокомеріемъ. То и другое противорѣчило его характеру и возбуждало крайнее удивленіе. Это поведеніе было послѣднимъ напряженіемъ его силы; Потемкинъ прижалъ его къ землѣ. Онъ спросилъ отъ императрицы опредѣленнаго рѣшенія, которое тотчасъ-же и послѣдовало. Ермоловъ часто уже говорилъ императрицѣ, что онъ предвидитъ кратковременность его избранничества, по примѣру своихъ предшественниковъ, и въ этомъ случаѣ онъ желалъ-бы только получить разрѣшеніе отправиться путешествовать. Императрица вспомнила теперь о такомъ его желаніи. Въ послѣдній вечеръ іюня, когда Потемкинъ испрашивалъ категорическаго рѣшенія императрицы, она послала генераль-адъютанта къ Ермолову и дала ему разрѣшеніе отправиться за границу на три года. Онъ съ радостью принялъ это предложеніе, черезъ нѣсколько-же часовъ оставилъ дворъ и отправился въ Петербургъ, откуда вскорѣ выѣхалъ за границу съ своимъ родственникомъ, полковникомъ Левашевымъ.

Графъ Безбородко получилъ приказаніе выдать ему рекомендательныя письма во все русскія посольства въ Германію и Италію. Ермоловъ поѣхалъ чрезъ Варшаву и Вѣну въ Италію, вездѣ вель себя съ похвальною скромностью, которой все удивлялись въ то время,

¹⁾ Ханъ Сабиль-Херай былъ несправедливостями Потемкина вынужденъ ѣхать въ Константинополь, гдѣ и былъ удушенъ.

когда онъ былъ въ милости, и приобрѣлъ обширныя познанія. По возвращеніи, онъ поѣхалъ въ Москву, сборище всѣхъ придворныхъ недовольныхъ и на половину или вполнѣ впавшихъ въ немилость. Но всюду, гдѣ онъ ни появлялся, его также цѣнили, какъ и на берегахъ Невы, и онъ вполнѣ это заслуживалъ.

Когда Ермоловъ покинулъ дворъ, онъ былъ не болѣе, какъ генералъ-майоръ и кавалеръ обоехъ польскихъ орденовъ.

Ермоловъ былъ очень уменъ и хотя не очень сообразителенъ, все же у него нельзя отрицать нѣкоторой сметки. При появленіи при дворѣ, онъ, кромѣ знанія французскаго языка, былъ почти невѣжда. Свободное отъ дѣлъ время онъ посвятилъ на приобрѣтеніе научныхъ и политическихъ познаній. Заграницей онъ просвѣтилъ свой умъ вполнѣ. Высокая честность и откровенность, презирающая всякое сопротивленіе, были основными чертами его характера. Можно полагать, что оба эти качества, соединенныя съ расположеніемъ духа всегда мрачнымъ, часто граничившимъ съ ипохондріей, дѣлали его неспособнымъ быть придворнымъ, По отзыву всѣхъ знавшихъ Ермолова, его ростъ и бюстъ были превосходны и пропорціовальны, и лицо его, исключая большой бѣлизны и негроваго носа, было очень красиво.

Примѣч. переводчика: Александръ Петровичъ Ермоловъ, 1754—1836. П. С. З. № 17606; Арх. Г. С. I, ч. 2, 444, 536; Бумаги Екатерины II (Сборникъ XXVII, 372); Мѣсяцесловъ на 1786 годъ, 6; Письма Екатерины II („Русск. Ст.“, 1871, III, 476); Письма Везбородко (Сборникъ, XXVI, 378; XXIX, 541); Воронцовъ, IX, 71, 110; XIII, 82, 111, 455; Щербатовъ, „Русск. Ст.“, III, 678; Зиновьевъ, 409; Castera, II, 300, 305, 312; Энгельгардтъ, 54; Ségur, I, 362, 418, 420; II, 318; Державинъ, 577; Записки гр. Комаровскаго (Осинадвѣкъ, I, 322); Карабановъ, „Русск. Стар.“, V, 138; Отзывъ Завадовскаго (Архивъ, 1883, II, 127); Сочинен. Державина, изд. Грота, V, 503; IX, 666; Hegmann, VI, 630, 634, 635, 689; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 331.

В. В.

С. АЛЕКСАНДРЪ МАМОНОВЪ.

Александръ Мамоновъ, происходившій изъ старой дворянской русской фамиліи, которая называлась, собственно говоря, Дмитриевъ-Мамоновъ, былъ капитанъ-поручикомъ гвардіи, когда палъ его предшественникъ Ермоловъ.

Какъ всё до сихъ поръ адъютанты императрицы избирались княземъ Потемкинымъ, такъ и Мамоновъ былъ имъ представленъ императрицѣ на другой день послѣ отъѣзда Ермолова. Извѣстно, что онъ послалъ его, какъ своего адъютанта, къ императрицѣ съ нарисованной фигурой, причѣмъ государыня и князь заранѣе условились, что критика рисунка будетъ означать оцѣнку его подателя. Екатерина, отдавая листокъ бумаги, приказала Мамонову сказать князю: «рисунокъ хорошъ, но колорить дурень». Хотя этотъ приговоръ былъ и не въ пользу Мамонова, императрица все таки назначила его полковникомъ и своимъ флигель-адъютантомъ.

Ему было тогда только 24 года, но онъ тотчасъ-же проявилъ такое стремленіе, которое позволяло уже догадываться о его будущемъ высококомѣрномъ поведеніи. Но прежде, чѣмъ предпринять что либо, онъ такъ умно укрѣпился во мнѣніи императрицы, что сталъ необходимымъ человѣкомъ въ обществѣ государыни. Вскорѣ посыпались знаки милости. Въ сентябрѣ онъ былъ уже прапорщикъ кавалергардовъ и генераль-майоръ. Въ октябрѣ польскій король прислалъ ему разомъ оба свои ордена (одинъ орденъ св. Станислава не принималъ уже ни одинъ знатный русскій). Мамоновъ отказался носить ихъ и просилъ короля дозволить ему сохранить у себя эти ордена и надѣть лишь послѣ полученія русскаго ордена. Затѣмъ онъ пошелъ къ наследнику и попросилъ у него орденъ св. Анны, который онъ и надѣлъ, богато усыпанный брилліантами, въ день св. Екатерины. Только послѣ этого онъ надѣлъ и польскіе ордена.

Съ января 1787 года началось знаменитое путешествіе императрицы. Мамоновъ сопровождалъ ее

(Одинъ изъ художниковъ написалъ портреты Екатерины II и Мамонова) въ дорожныхъ костюмахъ ¹⁾. Въ пути онъ постоянно сидѣлъ

¹⁾ Оба изображенія, которыя можно видѣть въ эрмитажѣ, рѣзалъ на мѣдѣ Джемсъ Уолкеръ, и они продавались всюду. Подпись подъ изображеніемъ императрицы замѣчательна во многихъ отношеніяхъ:

Reconnois, vers le Nord, l'aimant qui nous attire,
Cet heureux conquérant, profond législateur.

въ каретѣ императрицы, въ числѣ шести лицъ, причемъ другія постоянно мѣнялись. Когда путешественники прибыли въ Смоленскъ, онъ схватилъ обыкновенную болѣзнь—горловую. Императрица была такъ любезна, что оставалась въ Смоленскѣ со всѣмъ обществомъ шесть дней—обстоятельство, стоившее ежедневно 4,000 дукатовъ, вслѣдствіе одной заготовки лошадей, не считая другихъ громадныхъ издержекъ. Сверхъ того, это путешествіе было для него такъ удачно, что во время его онъ получилъ, между прочимъ, два полка и камергерскіе ключи.

Въ это-же время Мамоновъ началъ принимать участіе въ политическихъ переговорахъ. И могло-ли быть иначе? Ежедневно и ежедневно онъ видѣлъ посланниковъ Австріи, Франціи, Англии, изъ которыхъ каждый хотѣлъ перетащить его на свою сторону и сообщить вѣрныя свѣдѣнія о двухъ остальныхъ. Въ его присутствіи императрица и князь всегда говорили о политикѣ. Наконецъ, во время этого путешествія, съ русской императрицей свидѣлись, ради политическихъ цѣлей, германскій императоръ и польскій король. Мамоновъ постоянно присутствовалъ, когда Екатерина II разговаривала съ Іосифомъ II; онъ былъ единственный свидѣтель бесѣды своей повелительницы съ Станиславомъ-Августомъ. Сверхъ того, императрица оказывала ему честь, сообщая многія секретныя свѣдѣнія, чтобы, какъ она говорила, преподать ему науку, которая, быть можетъ, понадобится ему въ будущемъ. Такъ какъ Мамоновъ былъ уменъ, то выказалъ при обученіи большую понятливость и скоро приобрѣлъ обширныя политическія свѣдѣнія. Онъ самъ теперь началъ вставлять слово при обсужденіи внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, давать совѣты, которымъ нерѣдко слѣдовали. Такимъ образомъ, онъ приобрѣлъ значеніе и сталъ опасенъ самому князю Потемкину. Ужъ онъ пытался было нѣсколько разъ свергнуть избранника, но всѣ эти попытки не произвели никакого дѣйствія. Конечно, князь скоро достигъ-бы своей цѣли, еслибы постоянно оставался въ Петербургѣ; Мамоновъ часто открывалъ свою слабую сторону и поразить его было не трудно. Такъ, наприимѣръ,

Femme aimable, grand homme, et que l'envie admire,
 Qui parcourt Ses Etats, y verse le bonheur.
 Grande en l'art de regner, savante en l'art d'écrire,
 Repandent la lumière, écartant les erreurs.
 Si le sort n'avoit pû Lui donner un Empire,
 Elle auroit eû toujours un Throne dans nos coeurs.

L'original se trouve dans la collection
 de S. E. Mr. le Comte de Mamonow.

Стихи тогдашняго французскаго посланника графа Сегюра.

въ 1788 году, онъ вошелъ въ связь съ графиней Скавронской ¹⁾, племянницей Потемкина, и эта связь становилась уже извѣстной. Но какъ только ему показали знаки неудовольствія, онъ тотчасъ-же прервалъ эту связь и велъ себя такъ умно, что значеніе его было еще больше, чѣмъ когда либо.

Въ первые шесть мѣсяцевъ 1789 года, которые были и послѣдними мѣсяцами нахождения его въ милости, его кредитъ болѣе всего поднялся и онъ даже могъ стать вице-канцлеромъ. И онъ, конечно, сталъ-бы имъ, не смотря на сопротивленіе отсутствовавшаго князя Потемкина, еслибы только графу Безбородко, который тогда былъ не въ милости, можно было-бы дать подходящее мѣсто, такъ какъ графа Остермана хотѣли и весьма легко могли перевести на пенсію. Кто знаетъ, какъ все пошло-бы, еслибы Мамоновъ новою неосторожностью самъ не свергнулъ себя.

Въ послѣдніе дни іюня узналась его тайная связь съ княжною Щербатовою, фрейлиною императрицы. Государыня справедливо возмущалась этою связью. Она осыпала обоихъ справедливыми упреками и (чего они никакъ не ожидали) въ тотъ-же вечеръ помолвила ихъ. 12-го іюля праздновалась уже свадьба, въ Царскомъ-Селѣ, въ комнатахъ Мамонова, въ которыхъ онъ остался и послѣ свадьбы. На слѣдующій же день онъ долженъ былъ отправиться съ своею женою въ Москву и, пока жила императрица, не являлся въ Петербургъ.

Онъ и въ Москвѣ подвергался нѣсколько разъ непріятностямъ, потому что его взгляды казались правительству подозрительными. Но вскорѣ объ этомъ перестали и говорить, такъ какъ всѣ обвиненія остались недоказанными. Насколько намъ извѣстно, Мамоновъ живетъ еще и теперь (1808 г.) въ Москвѣ, спокойный и довольный своею супругою, чего не было въ началѣ ихъ брачнаго сожителства.

Когда Мамоновъ находился на вершинѣ своего благоволенія, онъ былъ нѣмецкій имперскій графъ, генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, поручикъ кавалергардовъ, премьер-майоръ Преображенскаго полка, шефъ казанскаго кирасирскаго полка и еще одного кавалерійскаго полка и кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, св. Станислава и св. Анны.

Его богатства были неисчислимы. Доходы съ однихъ его имѣній достигали 63,000 руб., къ чему нужно еще прибавить 2,700 крестьянъ въ прекрасномъ нижегородскомъ намѣстничествѣ. О суммахъ, полученныхъ имъ чистыми деньгами, мы можемъ сообщить лишь неполныя свѣдѣнія.

¹⁾ Нынѣшняя (1808 г.) графиня Литта.

Покинувъ дворъ, Мамоновъ естественно потерялъ и всѣ жалованья и получилъ штатную ежегодную пенсію въ 10,000 рублей.

Читатели этой статьи замѣтили, конечно, что это своекорыстіе было главнѣйшимъ недостаткомъ въ характерѣ Мамонова. Къ этому присоединялись преимущественно гордость, суетность и неблагодарность. Довольно слабымъ противовѣсомъ имъ служили выдержка въ начатыхъ предпріятіяхъ и привязанность къ своей фамиліи; да и эти добродѣтели были, можетъ быть, только пружинами его своекорыстія, Тѣмъ драгоцѣннѣе его таланты. Мамоновъ, изъ всѣхъ лицъ его категоріи, былъ самый образованный. Онъ былъ очень уменъ, проницателенъ и обладалъ такими познаніями, что въ нѣкоторыхъ научныхъ отрасляхъ, особенно-же во французской и итальянской литературѣ, его можно было назвать ученымъ. Онъ понималъ нѣсколько живыхъ языковъ; на французскомъ-же говорилъ и писалъ въ совершенствѣ. Одною изъ незначительныхъ его заслугъ было составленіе комедій ¹⁾, во вкусѣ Аристофана, съ злобно-насмѣшливою, легко понимаемою острою. Острота, за которую онъ всегда гонялся, рѣдко бывала естественною, и потому часто неудачною. Обыкновенно она покоилась на обманчивомъ обезьянчаньи моральнаго поведенія того лица, которое онъ хотѣлъ осмѣять. Своему стремленію понравиться такимъ позорнымъ талантомъ онъ приносилъ въ жертву все, даже лицъ, которымъ онъ былъ обязанъ почтеніемъ. Какъ ни милъ былъ Мамоновъ въ обществѣ, когда хотѣлъ быть милымъ, онъ становился невозможенъ, когда бывалъ не въ духѣ, что, даже на официальныхъ куртагахъ, онъ старался скорѣе выказать, чѣмъ скрыть. Смотри по нуждѣ, онъ обходился со всякимъ вѣжливо, непринужденно или ласково. Наслѣднику и его супругѣ онъ оказывалъ величайшее почтеніе и вниманіе, которыя навсегда сохранили ему благоволеніе этой высокой четы.

Онъ былъ высокаго роста, но его лицо, за исключеніемъ глазъ, было вовсе некрасиво. Приговоръ императрицы о немъ, что колоритъ дуренъ, былъ столь-же справедливъ, какъ и мнѣніе князя

¹⁾ Онѣ помѣщены въ „Théâtre de l'Hermitage“, изданномъ въ Парижѣ, 2 т., in 8°. Авторами этихъ пьесъ были: императрица, графъ Сегюръ, Кобенцель, Мамоновъ, Строгоновъ и извѣстный Эстадъ, который былъ казненъ въ Парижѣ. Лучшія пьесы принадлежатъ Сегюру.

Потемкина, утверждавшего, что у Мамонова калмыцкая физиономія.

По милости императрицы онъ весьма щедро заботился о своихъ родныхъ. Отецъ, имѣвшій до того какую-то должность въ провинціи, сталъ сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Въ то же время императрица дала ему 80,000 рублей на уплату долговъ. Каждой изъ четырехъ сестеръ молодаго Мамонова государыня дала по 50,000 рублей чистыми деньгами и на 20,000 рублей драгоценностей.

Примѣч. переводчика: Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, 1758—1803. П. С. З. № 17606, 17621, 17940, 17953, 18322, 18333, 18595; Вумаги Екатерины II (Сборникъ, XXIII, 387, 392, 398; XXVII, 376, 458, 488, 494; XLII, 16, 22); Письмо Мамонова (Архивъ, 1865, 633); Переписка Екатерины II съ Потемкинымъ („Русск. Стар.“, 1876, XVI, 57, 262, 440; XVII, 29, 31, 38, 37, 207); Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 413, 495); Воронцовъ, VIII, 60; X, 12; XIII, 163; Дипломатич. документы (Сборникъ, III, 366, 398); Отзывъ Завадовскаго (Архивъ, 1883, II, 128); Храповицкій, 12, 13, 39, 65, 79, 85, 93, 150, 197, 252, 290, 308, 337, 489; Щербатовъ, „Русск. Ст.“, 678; Гарновскій, его весьма интересныя записки въ „Русской Старинѣ“, томъ XV, 15, 17, 20, 23, 240, 244, 252, 255, 260, 262, 474, 480, 715; XVI, 8, 26, 203, 211, 399, 402, 420; Энгельгардтъ, 55, 64, 108; Castéra, II, 314, 331, 379, 455; Ségur, I, 420, 421, 423; II, 86, 163; Masson, 108; Карабановъ, „Русск. Ст.“, IV, 386; Гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ („Русск. Стар.“, 1871, III, 687; V, 253, 461, 396; VI, 415; X, 35); К. П. Гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ („Русск. Стар.“, 1877, XVIII, 369); Вейдемейеръ, Дворъ, II, 26; Лонгиновъ, Драматич. сочиненія Екатерины II, 23; Сочин. Державина, издав. Грота, VI, 521; IX, 696; Кичеевъ, Гр. М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ (Архивъ, 1863, 87); Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 330; Негтманн, VI, 639; VII, 689, 651, 652; Бантшиъ-К.. Списки, 234, 327; Долгоруковъ, II, 178, 319. В. В.

СІ. ЭКЪ.

Экъ былъ нѣмецкаго или шведскаго происхожденія. Онъ былъ очень способный человѣкъ, что, въ связи съ довольно хорошимъ научнымъ образованіемъ, имъ полученнымъ, было для него очень полезно. Экъ приобрѣлъ весьма полезныя и пріятныя свѣдѣнія. Съ этимъ онъ соединялъ мѣткую остроту и веселый нравъ, такъ что его бесѣда была, въ одно и то-же время, и поучительна, и забавна. Онъ потерялъ это, однако, въ 1780-хъ годахъ, послѣднихъ годахъ его дѣловой жизни.

Экъ въ молодости служилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ и сталъ, наконецъ, оберъ-почтъ-директоръ въ Петербургѣ и членъ такъ называемой дешифровочной экспедиціи ¹⁾, которая стоила невѣроятныхъ суммъ, требовала большаго труда и точности, и все-таки дешифрована больше комбинаціями и золотымъ ключемъ.

Онъ не могъ скопить состоянія; по крайней мѣрѣ, оно не могло быть значительно. Но большіе доходы и милость императрицы дозволяли ему покрывать большіе расходы по дому.

Онъ и его другъ Даль умерли одинъ вслѣдъ за другимъ. Экъ умеръ въ концѣ 1780-хъ годовъ.

Экъ былъ оберъ-почтъ-директоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и казальеръ орденовъ св. Владиміра 3-й степени и Сѣверной Звѣзды ²⁾. Послѣдній онъ получилъ во время пребыванія въ Россіи короля шведскаго.

Примѣч. переводчика: Матвѣй Матвѣевичъ Экъ. П. С. З., № 17,720; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 6, 113, 169, 219, 222, 229, 274, 412; XXIII, 111, 114; XXVII, 38, 199; XLII, 428); Спб. Вѣдомости, 1764, № 39; Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 450, 507); Бумаги Шереметева (Сборникъ, XXV, 181); Бесѣда Екатерины II съ Далемъ (Русск. Старина, 1876, XVII, 3); Дohn, Русскій дворъ (Россія, 1879, 3, 88); Пикаръ, „Русская Старина“. I, 138.

В. В.

¹⁾ Дешифровочныя экспедиціи стоили императрицѣ большихъ суммъ (например, рижская 20,000 рублей ежегодно) и были безцѣльны. Изъ нихъ труда получались лишь ненадежныя комбинаціи. Единственный или, по крайней мѣрѣ, вѣрнѣйшій ключъ—все-таки золотой.

²⁾ Когда великій князь Павелъ отправлялся путешествовать подъ именемъ графа Сѣверпаго, у Эка взяли орденъ Сѣверной Звѣзды, сдѣлали съ нея снимокъ, и имъ пользовался вел. князь во время своего путешествія.

СП. ДАЛЬ.

Даль, сынъ рабочаго на о. Эзелѣ или въ Ригѣ, приобрѣлъ хорошіи навѣкъ въ счетѣ и письмѣ.

Это преимущество доставило ему мѣсто въ рижской таможенѣ. Здѣсь онъ выказалъ себя столь полезнымъ для казны, что сталъ директоромъ. Но онъ не долго оставался на этомъ мѣстѣ.

За свои заслуги онъ былъ переведенъ на такое же мѣсто въ Петербургѣ. Онъ занималъ свой постъ въ столицѣ, равнымъ образомъ, къ большому удовольствію государыни, но, конечно, не къ радости купцовъ, которые ненавидѣли его за крайнюю строгость.

Даль имѣлъ возможность во время службы накопить богатства и получить значительные подарки отъ великодушія императрицы. Доходами съ своего состоянія и значительными полученіями по службѣ онъ могъ поддерживать роскошную жизнь и ежедневно угощать знакомыхъ обѣдами. Ни въ одной странѣ нѣтъ такого щедраго гостепримства какъ въ Россіи; для чужестранца это, конечно, самая любезная и выгодная добродѣтель. Даль практиковалъ ее въ самомъ широкомъ смыслѣ, и это тѣмъ болѣе удивительно, что онъ былъ старъ и хворъ. У него можно было встрѣтить, какъ за обѣдами большей части русскихъ, людей всѣхъ классовъ, и это разнообразіе еще болѣе возвеличивало цѣну гостепримства.

Онъ былъ директоръ таможни, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Владиміра 2-го класса.

Примѣч. переводчика: Германъ Юрьевичъ фонъ-Даль, † 1789. Арх. Г. С., I, ч. 2, 619; Указы Екатерины II (Осмнадц. вѣк., III, 223); Мѣсяцесловъ на 1786 годъ, 121; Письма Безбородко (Сборникъ. XXVI, 450); Воронцовъ, V, 356; XIII, 42, 44, 104; Бесѣда Екатерины II съ Далемъ (Русск. Старина, 1876, XVII, 1); Храповицкій, 225; Winkelmann, 434. В. В.

СП. СТЕПАНЪ ШЕШКОВСКІЙ.

Степанъ Шешковскій, человѣкъ низкій по происхожденію, образованію и праву, былъ въ царствованіе Екатерины II ужасомъ двора и города. Эта государыня назначила его директоромъ тайной канцеляріи, или, вѣрнѣе сказать, великимъ инквизиторомъ Россіи; эту обязанность онъ исполнялъ съ страшною строгостью и точностью. Онъ дѣйствовалъ съ возмутительнымъ деспотизмомъ и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о снисхожденіи, ни о пощадѣ. Шешковскій самъ хвалился, что обладаетъ средствомъ выпытывать сознаніе: онъ билъ палкою по подбородку, такъ что зубы трещали и даже выпадывали. Подъ страхомъ смертной казни ни одинъ обвиняемый не могъ защищаться. Необходимо замѣтить, что такъ обходились лишь съ лицами высокопоставленными, потому что преступники изъ простаго званія допрашивались подчиненными ему помощниками. Вотъ какими средствами Шешковскій заставлялъ сознаваться! Онъ же самъ приводилъ въ исполненіе и наказаніе знатныхъ лицъ. Онъ часто наказывалъ палками и розгами. Битье кнутомъ онъ производилъ съ такою ловкостью, какая дается только продолжительнымъ упражненіемъ. Когда Потемкинъ возвратился послѣ долгаго отсутствія въ Петербургъ и замѣтилъ, въ числѣ встрѣчавшихъ его, Шешковского, онъ громко спросилъ его:

— Сколько лицъ ты самъ билъ кнутомъ въ мое отсутствіе?

Шешковскій имѣлъ настолько стыда, что отвѣчалъ отрицаніемъ на эту «милостивую» шутку. По случаю каррикатуръ и пасквилей въ 1780-хъ годахъ въ руки Шешковского попали и нѣкоторые придворные. Въ Петербургѣ онъ имѣлъ постоянныя занятія, но онъ употреблялся и въ резиденціи. Если, напр., что случалось довольно часто, среди недовольныхъ въ Москвѣ слышались неприличныя рѣчи и императрица узнавала объ этомъ, она полагала, какъ въ 1790-хъ годахъ, что открыла зародышъ заговора, и старалась уничтожить его, для чего посылала туда Шешковского. Вся Москва трепетала и дѣло, послѣ наказанія кое-кого, опять оставлялось. Мы не считаемъ приличнымъ называть мужчинъ и дамъ, наказанныхъ имъ въ обоихъ главныхъ городахъ. Если Шешковскій живъ еще ¹⁾, онъ, по крайней мѣрѣ, си-

¹⁾ Шешковскій умеръ въ 1794 году.

дять безъ дѣла при челоѣколюбивомъ Александрѣ I. Въ концѣ царствованія Екатерины II онъ былъ тайный совѣтникъ съ титуломъ превосходительства, и кавалеръ ордена св. Владимира 2-й степени. Его богатства были очень велики, такъ какъ онъ, при всякомъ случаѣ, получалъ подарки деньгами и крестьянами. Въ 1793 году, при заключеніи турецкаго мира, вовсе не касавшагося Шешковского, онъ получилъ пенсію въ 2,000 рублей.

Шешковский имѣлъ сына ¹⁾, отличавшагося познаніями, добрыми намѣреніями и пріятнымъ обращеніемъ.

Примѣч. переводчика: Степанъ Ивановичъ Шешковский, 1720—1794. П. С. З., № 18,333; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XIII, 158, XLII, 297); Финанс. документы (Сборникъ, XXVIII, 87); Комисія Уложенія (Сборникъ, IV, 12); Письма Екатерины II (Осмнадц. вѣкъ, I, 81, 125, 127, 132; „Русск. Старина“, 1875, XIV, 452); Воронцовъ, XV, 12; Храповицкій, 70, 192, 409; Гарновскій, „Русская Старина“, томъ XV, 701; Державинъ, 637, 641; Castéra, II, 371; Карабановъ, „Русская Старина“; томъ V, 138; Разказы де-Самглена („Русская Старина“, 1883, XL, 144); Писаніе Невзорова Поздѣву (Библиогр. Зап., I, 651, 653); Шешковский („Русск. Старина“ 1874, X, 781); Калачовъ, о Шешковскомъ (Архивъ, 1866, 263); Радищевъ, С. И. Шешковский (Русск. Старина, 1870, II, 637); Проповѣдникъ тобольской семинаріи (Кашпиревъ, III, 403); Братья Чоголоковы (Кашпиревъ, III, 331); Поповъ, Описаніе Александро-невской лавры, 111; Ефремовъ, Лукниъ и Ельчаниновъ, Спб., 1868, 507; Сантовъ, 150. В. В.

СІV. РАДИЩЕВЪ.

Говорить правду сильнымъ міра сего всегда составляло вѣрнѣйшій путь къ несчастію.

Своими познаніями, своими добродѣтелями и своею дѣловитостью Радищевъ заставилъ позабыть свое ничтожное происхожденіе. Онъ имѣлъ случай обучаться въ Лейпцигѣ и былъ тамъ настолько прилеженъ, что, дѣйствительно, можно сказать, онъ собралъ цѣлый кладъ свѣдѣній въ нѣмецкой, французской и латинской литературѣ. Эта ученость была тѣмъ заслуженнѣе, что Радищевъ соединялъ съ нею скромность, какую рѣдко можно встрѣтить.

¹⁾ Иванъ Степановичъ Шешковский, 1763—1818, дослужился до бригадыра. Его сестра, Марья Степановна, была за тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ Митусовымъ
В. В.

По возвращеніи изъ Саксоніи, онъ опредѣлился въ таможенное вѣдомство и оставался въ немъ до момента своей высылки. Онъ былъ достоинъ занимать высшія мѣста въ государствѣ, но умный человѣкъ годится и на незначительномъ мѣстѣ. Такъ какъ онъ былъ человѣкъ дѣльный, то скоро получилъ высшія мѣста въ таможнѣ и былъ послѣ Даля директоромъ. Домъ Даля былъ единственнымъ домомъ, гдѣ бывалъ Радищевъ. Онъ говорилъ очень мало и рѣдко прежде, чѣмъ его спросятъ. Но когда имѣлъ поводъ, онъ говорилъ хорошо и всегда весьма поучительно. Впрочемъ, онъ всегда былъ сосредоточенъ и имѣлъ видъ человѣка, не обращающаго никакого вниманія на то, что происходитъ вокругъ него, и занятаго предметомъ, который онъ обдумываетъ. Кромѣ того, онъ посѣщалъ небольшое литературное общество графа Александра Воронцова и его сестры, княгини Дашковой—двухъ лицъ, весьма замѣтно выдѣлявшихся своимъ умомъ и познаниями среди вельможъ двора. Сверхъ того, Радищевъ имѣлъ еще весьма важное разрѣшеніе посѣщать графа Воронцова, такъ какъ этотъ министръ былъ тогда собственно первымъ и важнѣйшимъ начальникомъ таможеннаго вѣдомства.

По смерти Даля, Радищевъ сталъ директоромъ таможни и статскимъ совѣтникомъ. Орденъ св. Владиміра 4-й степени онъ получилъ, будучи еще коллежскимъ совѣтникомъ. На своемъ новомъ мѣстѣ онъ оставался недолго. Въ маленькой книжной лавкѣ большихъ торговыхъ рядовъ, на Владимірской улицѣ, подъ № 21, 22 или 24-мъ, продавалась небольшая русская книжка подъ заглавіемъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». На этомъ пути автору снился сонъ, который онъ и рассказываетъ. Онъ говорилъ по этому случаю съ большою откровенностью о дѣлахъ тогдашняго государственнаго управленія, которыя вовсе были не пригодны для оглашенія ихъ въ истинномъ свѣтѣ. Между тѣмъ, всѣ лица были выведены въ книгѣ подъ вымышленными именами, но въ одномъ случаѣ (я онъ-то погубилъ Радищева) императрица была названа: предъ императрицей появляется истина подъ покрываломъ, поднимаетъ его и показываетъ государынѣ свое окровавленное лицо. Книга расходилась бойко, потому что была написана прелестнымъ, острымъ языкомъ. Всякій, хотя немного знакомый съ тогдашними дѣлами, могъ безъ ключа разгадать намеки. Въ нѣсколько дней было раскуплено множество экземпляровъ. Объ этомъ узналъ Шешковскій. Онъ взялъ книгу, объяснилъ, какъ всякій, скрытыя имена и сдѣлалъ доносъ императрицѣ ¹⁾). Всѣ находившіеся

¹⁾ Сочиненія Державина, изд. Грота, VIII, 692

еще въ складѣ экземпляры были конфискованы, лавка закрыта и собственникъ загубленъ. Это было сдѣлано тайкомъ, но о немъ никогда уже болѣе не было слышно. Отъ него же было узнано, что авторъ книги Радищевъ. У него былъ сдѣланъ обыскъ и открылось, что онъ же и напечаталъ книгу. Всѣ, знавшіе Радищева, также удивились этому, какъ и пожалѣли о судьбѣ, его ожидавшей. Находили, что это предпріятіе вовсе не соответствуетъ его извѣстной осторожности. Если бы онъ только не называлъ императрицы въ этой книгѣ, его нельзя было бы избличить въ зломъ намѣреніи. Вѣроятно, онъ полагалъ, что его не откроютъ, такъ какъ онъ жилъ въ отдаленной части города, въ Ямской, и происходившее въ его домѣ не могло быть наблюдаемо, такъ какъ онъ все дѣлалъ самъ и не имѣлъ помощниковъ и такъ какъ отдалъ книгу въ маленькую лавку, гдѣ торговля не бросается въ глаза. Между тѣмъ все дѣло до мельчайшихъ подробностей стало извѣстно тайной полиціи. Такому опытному сыщику, какъ Шешковскій, были открыты даже мысли; избѣжать его рукъ было немислимо. Несчастный Радищевъ попалъ въ его лапы. Вскорѣ прошелъ слухъ, что онъ сосланъ въ Сибирь. Это было въ началѣ 1790-хъ годовъ. Большая часть петербуржцевъ забыла уже о немъ, когда, два года спустя, о немъ вновь заговорили. Несчастный, хотя и въ Сибири, содержался довольно сносно. Начальникъ того мѣста, гдѣ содержался Радищевъ, былъ человекъ добраго сердца; восхищенный бесѣдою Радищева, онъ предоставилъ ему всевозможныя вольности, въ томъ числѣ и употребленіе письменныхъ принадлежностей. Радищевъ, одержимый стремленіемъ всегда, даже и безъ вызова, говорить правду или, лучше, писать правду, опять написалъ произведеніе, подобное первому, и отправилъ рукопись, но куда—мы не знаемъ. Несчастный опять былъ открытъ. Его отправили за нѣсколько сотъ верстъ далѣе, въ болѣе строгое заточеніе, лишили его любимыхъ занятій и всѣхъ удобствъ. Вскорѣ затѣмъ онъ умеръ.

Екатерина II, болѣе человѣчная, чѣмъ Потемкинъ, который въ большей части книги могъ прочесть свою собственную исторію, приняла участіе въ осиротѣвшихъ дѣтяхъ Радищева и озаботилась воспитаніемъ ихъ.

Эта исторія имѣла вліяніе и на защитниковъ Радищева, графа Воронцова и княгиню Дашкову. Объ ихъ связи съ нимъ было извѣстно всѣмъ. Ихъ обвиняли въ участіи въ книгѣ, и они должны были защищаться передъ тайной инквизиціей. Они не были наказаны, но потеряли свое значеніе въ глазахъ императрицы и, мало по малу, должны были удалиться и отъ двора, и отъ дѣлъ.

Конфискаціей книги все-таки не помѣшали тому, чтобъ она стала извѣстна. Въ Россіи появились списки съ этой книги и нѣсколько экземпляровъ проникло даже за границу. «Die Orakel zu Endog» сообщаетъ много мѣстъ, составляющихъ извлеченія изъ этой книги.

Примѣч. переводчика: Александръ Николаевичъ Радищевъ. 1749—1802. П. С. З., № 19,647; Арх. Г. С., I, ч. 1, 593; ч. 2, 737; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XLII, 84; Архивъ, 1872, 547; Сочиненія Екатерины, изд. Смирдина, III, 392); Допросъ Радищеву (Воронцовъ, V, 430); Рапортъ пркутскаго намѣстническаго правленія (Русск. Стар., 1872, VI, 436); Повинная Радищева (Воронцовъ, V, 423); Рескриптъ Павла I (Русск. Старина, 1882, XXXVI, 499); Прощеніе Радищева (Чтенія, 1862, IV, 197); Письма Радищева (Сборникъ, X, 113; Воронцовъ, V, 284, 381, 404; XII, 411); Радищевъ, Житіе Ушакова (Осмнадц. вѣкъ, II, 296); Его же, Записка о торговлѣ съ Китаемъ (Воронцовъ, V, 390); Его же, Письмо къ другу (Русск. Старина, 1871, IV, 294); Разборъ „Путешествія“, писанный Екатериною II (Воронцовъ, V, 407); Воронцовъ, V, 220, 401, 402; IX, 181, 212, 231; X, 5; XIII, 104, 199, 201; XXI, 299; Изъ письма пркутскаго намѣстника (Воронцовъ, XXIV, 214); Храповицкій, 339, 340, 344; Ильинскій, III, 415; Castera, II, 371; Masson, 229; Записки Селивановскаго (Библиогр. Зап., I, 518); Изъ семейнаго архива села Вытебита (Архивъ, 1870, 932, 945, 947, 950, 953); Карабановъ, 484; Лонгиновъ, Источники для изученія Радищева (Архивъ, 1868, 1816); Лонгиновъ. Запѣтки (Архивъ, 1863, 448; Библиогр. Зап. II, 539); Радищевъ, А. Н. Радищевъ (Русскій Вѣстн., 1858, XVIII, 379); А. Н. Радищевъ (Чтенія, 1865, III, 67); Шугуровъ, Радищевъ и его книга (Архивъ, 1872, 927); Н. Радищевъ, А. Н. Радищевъ (Русск. Стар., 1872, VI, 573); Незеленовъ, А. Н. Радищевъ (Истор. Вѣстн., 1882, XII, §1); Сухомлиновъ, Радищевъ (Сборн. акад. наукъ, XXXII, № 6); Вейдемейеръ, Дворъ, II, 120; Евгеній, II, 139; Бантышъ-К., Словарь, IV, 258; Кн. Голицынъ, Современныя свѣдѣнія о Радищевѣ (Библиогр. Зап., I, 729); Лонгиновъ, Кутузовъ и Радищевъ (Современникъ, 1856, VIII, 147); Проза Пушкина (Библиогр. Зап., II, 161); Новиковъ, „Живописецъ“, 1772, 33; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 722; Сантовъ. 110.

CV. ГЕРМАНЪ.

Человѣкъ, происходившій изъ простаго народа и возвысившійся, мало по малу, только своими талантами и своею храбростью, заслуживаетъ, конечно, почтенія нации, которой онъ принесъ плоды своего ума и характера.

Германъ былъ сынъ деревенскаго кузнеца изъ Преца въ Саксоніи. Онъ изучалъ на родинѣ богословіе и затѣмъ отправился съ рекомендаціями въ Лифляндію, гдѣ получилъ мѣсто дворецкаго. Его баринъ, которому онъ заявилъ о своей страсти къ военной службѣ, одобрилъ его намѣреніе стать солдатомъ и добылъ ему вскорѣ первый военный чинъ. Германъ сталъ извѣстенъ генералу Бауеру, который, замѣтя въ немъ способнаго и предприимчиваго малаго, отдалъ его въ ученіе и доставилъ ему выгодное мѣсто. Онъ не разъ отличался и былъ щедро награждаемъ. Во вторую турецкую войну ему посчастливилось взять въ плѣнъ извѣстнаго Баталь-Бея ¹⁾ анатолійскаго. За эту побѣду, не стоившую большаго труда такому человѣку, какъ Германъ, онъ получилъ 500 крестьянъ въ Финляндіи. Въ каждой другой провинціи это былъ бы весьма значительный подарокъ, но въ этой каменной странѣ онъ ничтоженъ. Гораздо славнѣе было то, что онъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія 2-й степени. Генералъ Бауеръ ²⁾ и онъ были единственными лицами, которыя начали получать ордена св. Георгія 2-й степени.

¹⁾ Баталь-бей былъ уже старикомъ, когда имѣлъ несчастіе попасть въ плѣнъ. Онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ, по великодушію императрицы, пенсію въ 12,000 рублей. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ недоволенъ своею судьбою и, по его характеру, причина этого была весьма естественна. Передъ войною онъ зарылъ всѣ свои драгоценности, при чемъ ему помогали двое его вѣрныхъ слугъ. Но этотъ старый злодѣй, изъ опасенія, что они выдадутъ его тайну, убилъ обоихъ слугъ, которые по праву могли бы называться его друзьями. Баталь-бей имѣлъ вскорѣ причины раскаяться въ этомъ позорномъ убійствѣ. Явились русскіе, подъ предводительствомъ Германа, и взяли его въ плѣнъ. Онъ былъ увезенъ и долженъ былъ потерять свои сокровища, которыя иначе стали бы добычей врага. Онъ не могъ бы оставить ихъ своимъ дѣтямъ, такъ какъ дѣти никогда не получили бы ихъ отъ турокъ; взять ихъ самъ онъ также не могъ, потому что при заключеніи мира онъ не былъ обмѣненъ, а при обмѣнѣ лишился бы головы.

²⁾ Бауеръ былъ великій инженеръ и стяжалъ большія заслуги въ украшеніи Петербурга. Онъ умеръ въ началѣ 1780-хъ годовъ.

Павель I назначалъ его въ губернаторы Мальты, чѣмъ онъ, конечно, не могъ стать. Еще много разъ Германъ доказалъ свои военные таланты.

Богатствъ онъ не собралъ, но знаковъ отличія добылъ много. Въ концѣ прошлаго столѣтія онъ былъ генераль-лейтенантъ, генераль-квартирмейстеръ и кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго, св. Анны и большаго креста 2-й степени Георгія.

Живъ ли онъ еще, намъ неизвѣстно.

Его жена была дочь статскаго совѣтника и знаменитаго гидравлическаго архитектора Гергардта.

Примѣч. переводчика: Иванъ Ивановичъ Германъ, П. С. З., № 17,606; Арх. Г. С. I, ч. 1, 817, 828, 986; ч. 2, 786; Финанс. документы (Сборникъ, XXVIII, 483); Журналъ кампаніи по кавказской линіи (Отеч. Зап., 1825, XXIV, 352); Воронцовъ, X, 60, 64, 66; XX, 421; Энгельгардтъ, 117, 214, 216; Вейдемейеръ, Дворъ, II, 77; Бятышъ-Б., Словарь, II, 23; Списки, 331; Карабановъ-Долгоруковъ, 188; Де-Пуле, Литва въ исходѣ XVIII вѣка (Осмнадц. вѣкъ, IV, 135, 195, 201).

В. А. Вильбасовъ.

(О кончаніе слѣдуетъ)

ТЕОДОСІЙ ЯНОВСКИЙ, АРХІЕПИСКОПЪ НОВГОРОДСКИЙ.

Историко-біографическій очеркъ.

III ¹⁾.

Въ 1718-мъ году Теодосій возвратился изъ заграничнаго путешествія; возвратившись въ С.-Петербургъ, онъ пользовался уже полнымъ довѣріемъ Петра и Екатерины, и ему не страшень и не опасень былъ новопрїѣзжій, въ С.-Петербургъ, по вызову Петра, Теофанъ Прокоповичъ, имѣвшій, впослѣдствіи, весьма великое вліяніе на судьбу Теодосія. 1718-й годъ особенно важенъ въ исторіи нашего отечества отстраненіемъ царевича Алексѣя Петровича отъ престолонаслѣдія. Царевичъ Алексѣй Петровичъ и его приближенные считали Теодосія лютераниномъ и лютеранскимъ апостоломъ въ Россіи. Царевичъ о Теодосіи, бывшемъ въ 1718 г. невскимъ архимандритомъ, говаривалъ: „развѣ-де за то батюшка его любить, что онъ вноситъ въ народъ люторскіе обычаи и разрѣшаетъ на вся“ ²⁾. Алексѣй Петровичъ на допросѣ отвѣчалъ: „что онъ говаривалъ вышеозначенныя слова, кромѣ того слова, что люторскіе обычаи“. Приближенные Алексѣя Петровича выписали изъ Полтавской благодарственной службы на литіи стихъ, начинающійся словами: „врагъ креста Христова“ и пѣвали его къ лицу архимандрита Теодосія, называя его намѣрнымъ стихомъ; при томъ прибавляли, что когда будутъ его ставить въ архіереи, то пригоже будетъ пѣть это на облаченіи. А учитель

¹⁾ Главы I, II и начало III главы см. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., т. LV, июль, стр. 1—34.

²⁾ См. Ист. Петра В. Устрялова, т. VI, стр. 245—248.

царевича, Никифоръ Вяземскій, съ потою оный стихъ написалъ и говаривалъ, что я бы-де пять рублевъ далъ пѣвчимъ, чтобъ то пропѣть для того, что онъ иконъ не почитаетъ.

18-го іюня 1718 года, по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, потребовалось мнѣніе духовенства. Духовенство подало такое мнѣніе, что дѣло о царевичѣ принадлежитъ суду гражданскому, а не духовному, и потому сказало: „что въ волѣ государя поступить, какъ ему благоугодно: если по дѣламъ и по мѣрѣ вины захочетъ наказать падшаго, есть образцы въ ветхомъ завѣтѣ; если же благоволитъ помиловать, имѣетъ образъ самого Христа, Который принялъ вающагося блуднаго сына и отпустилъ жену, по закону побіенія достойную: милости, сказалъ, хочу, а не жертвы“. Таково мнѣніе духовенства, въ числѣ 14 человекъ, высказанное 18-го іюня 1718 года; во главѣ духовенства это мнѣніе подписали: митрополитъ рязанскій, Стефанъ Яворскій и другіе, въ числѣ ихъ и Ѳеодосій, троицкій александровскій архимандритъ ¹⁾). Ѳеодосій участвовалъ и въ погребеніи царевича Алексѣя Петровича 30-го іюня 1718 года ²⁾).

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ Алексѣй Петровичъ не жаловалъ Ѳеодосія, такъ и Ѳеодосій не былъ на сторонѣ царевича, между тѣмъ, какъ Стефанъ Яворскій любилъ царевича и видѣлъ въ немъ надежду Россіи.

О сочувствіи къ лишенію престолонаслѣдія царевича Алексѣя Петровича, Ѳеодосій не замедлилъ отозваться Петру письмомъ, отъ 27-го февраля 1718 года: „раболюбно доношу вашему величеству, санктпетербургскіе церковники, любезно пріявъ и облобызавъ премѣну наслѣдства всероссійскаго престола отъ царевича Алексѣя Петровича до государя царевича Петра Петровича, желаютъ увѣдать, ради единомышленнаго согласія, о возношеніи имени его, государя царевича Петра Петровича, въ церковныхъ пѣніяхъ. Послѣдовательно или предварительно первому, хотя и видится быти пристойно премѣнить или вовсе первое отложить, кромѣ собственнаго вашего величества повелѣнія никто не смѣетъ, а въ Москвѣ въ церковныхъ пѣніяхъ какъ отпра-

¹⁾ См. Ист. Петра В. Устрялова, т. VI, стр. 264.

²⁾ См. Ист. Петра В. Устрялова, приложение 186, стр. 539.

ляется, въ С.-Петербургѣ о томъ невѣдомо, благоволите о семъ нижайшихъ рабовъ вашихъ увѣдомить“¹⁾).

Въ 1718-мъ году, по дѣлу царевича, государь приказалъ Ѳеодосію отрѣшнить отъ Петропавловскаго собора весь причтъ, начиная съ протопопа Георгія до церковныхъ причетниковъ, а на ихъ мѣста опредѣлить другихъ добрыхъ людей немедленно. И Ѳеодосій, по своему усмотрѣнію и выбору, переселялъ добродѣтельныхъ и ученыхъ священниковъ въ С.-Петербургъ, не стѣняясь ни ихъ желаніемъ, ни согласіемъ мѣстныхъ архіереевъ²⁾).

Въ 1719-мъ году, уже по смерти митрополита Іова, Ѳеодосій далъ грамоту священнику Ямбургской церкви архангела Михаила, Константину Ѳедорову, назначенному управителемъ духовныхъ дѣлъ или благочиннымъ по Ямбуру съ увѣдомъ и по Копорью, съ изложеніемъ его обязанностей. Въ ней есть значительныя отмѣны и дополненія противъ грамоты митрополита Іова. Въ ней выступаютъ ужъ элементы духовнаго регламента³⁾. Въ этой грамотѣ Ѳеодосій требуетъ отъ священниковъ, диаконовъ и причетниковъ совершенія вечери, утрени и литургіи повседневно, во всякой трезвости и проч.... О богохульнигахъ и о противникахъ святѣй церкви требуетъ доносить въ Невскомъ монастырѣ не молчавъ. Да ему-жь смотрѣть, чтобъ православныя-жь христіанскія вѣры люди изображали на себѣ крестное знаменіе во имя святыхъ Троицы, первыми тремя персты десныя руки и проч....

Священники другихъ увѣдовъ, слыша о разосланной инструкціи, приходили въ недоумѣніе: исполнять-ли ее или нѣтъ?

Въ 1720-мъ году, 22-го августа, назначены были духовные управители въ городъ Шлиссельбургъ и на Котлинъ островъ, и снабжены такими же строгими и невыполнимыми инструкціями, какая дана Ямбургскому управителю. Кромѣ этихъ инструкцій,

¹⁾ См. стр. 264 и 265 ст. Есипова: „Чернецъ Ѳеодосъ“.

²⁾ См. письмо Ѳеодосія къ П. А. Толстому, отъ 2-го декабря 1718 года; въ Госуд. Архивѣ, дѣла цар. Алексѣя. Кижинскій ромскъ, карт. XII, № 127. Также Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 80.

³⁾ См. приложенія III—IV кн. „Духа Христіанина“, 1863—1864 гг., стр. 15 и слѣд., ст. Чистовича: „О распространеніи христіанской вѣры въ предѣлахъ с.-петербургской епархіи, инструкція Ѳеодосія духовнымъ заикамъ“.

всѣмъ управителямъ дана была еще другая, дополнительная: о содержаніи чистоты церковной. Любопытно въ этой инструкціи правило, чтобы какъ въ алтарѣ, такъ и въ церкви не умножать свѣчъ возженныхъ. Дается наставленіе, какъ чистить иконостасъ, какъ мечь церковный полъ, какъ мыть окна церковныя и алтарныя, престолъ и жертвенникъ отъ праха и паутины обметать, а сосуды священные чистить священнику самому въ седмицѣ дважды, какъ въ алтарѣ, такъ и въ церкви, иконъ домовыхъ закоптѣлыхъ и никакихъ не ставить (понеже церковь святая иконами изрядными, какъ надлежитъ, украшена). Какъ администраторъ, Θεодосій снабжалъ духовенство строгими и невыполнимыми инструкціями, за которыя не долюбивало его подчиненное ему духовенство.

Въ 1719-мъ году, какимъ-то неразъяснимымъ чудомъ гудѣли по ночамъ въ церквахъ колокола. Петръ I, вообще, не жаловалъ чудесъ, а этотъ чудесный гулъ волновалъ народъ и подавалъ случай въ пустымъ, глухимъ толкамъ. Петръ былъ въ это время на олонецкихъ заводахъ, и Θεодосію поручено было разузнать объ этомъ дѣлѣ. Вотъ его письмо къ Петру, отъ 8-го февраля 1716 года: „Раболюбно поздравляю вашему величеству благополучно начатымъ вами минеральной воды куромъ, который даждь Боже съ приобрѣтеніемъ здравія совершивъ здраво и мирно возвратиться и за дѣло князь Баса ¹⁾ и Салваера приниматься.

„При семъ доношу вашему величеству про гудѣніе новгородское въ церквахъ, про которое донесено вамъ отъ г. графа Мусина ²⁾, ради котораго изволили вы повелѣть архимандрита Деревяницкаго призвать и увѣдомиться о томъ подлинно, который, прибывъ въ С.-Петербургъ, сказывалъ, что было у нихъ въ монастырѣ, въ церкви деревянной, въ которой повседневно ³⁾ возслѣдованія не отправляютъ и въ городѣ въ нѣкоторыхъ церквахъ каменныхъ, генваря 7-го дня, во время утренняго пѣнія, напримѣръ, въ часу 4-мъ или 5-мъ пополуночи, услышали

¹⁾ Т. е. Ивана Михайловича Головина—адмирала.

²⁾ Т. е. Пушкина.

³⁾ Письмо это въ отрывкахъ приводится и у С. М. Соловьева, см. XVI томъ его Исторіи, стр. 364 и 365. С. М. Соловьевъ говоритъ, что Θεодосій подобнымъ письмомъ старался записывать расположеніе царя къ себѣ.

различныхъ гласовъ гудѣніе на подобіе органичныхъ трубъ, двухъ басовъ и прочихъ тоншихъ, которое слышно было до дневнаго свѣта не въ маломъ разстояніи, по скаскѣ помянутаго архимандрита, въ дальнихъ монастырской слободы домѣхъ, напримѣръ, какъ на полверсты, а въ городскихъ не столь слышно, о чемъ оный архимандритъ обстоятельно сказалъ въ сенатской палатѣ предъ сенатомъ и подалъ за своею и другихъ слышавшихъ оное гудѣніе того монастыря монаховъ и бѣльцовъ руками скаску. И ежели оное не натурально и не отъ влохитраго челоуѣва ухищренно, котораго люди домыслиться не могли, то не отъ Бога. Толкованіе такое можетъ приложиться: ибо чему бы оное безсловесное гудѣніе челоуѣвовъ учило, можетъ всякъ имущій умъ разсудить. Явѣ, яко отъ противника, который, по писанію святому, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити, рыдаетъ, яко прелесть его изгонится отъ народовъ російскихъ: первое изъ кликушъ чрезъ Петра Великаго; второе, чрезъ новопріданныя въ хиротонію архіерейскую отъ тогожь пунеты, дабы иконъ не боготворили и тамъ ложныхъ чудесъ не вымышляли; третіе, изъ раскольщиковъ, о которыхъ исправленіи прилежное тѣчаніе имѣеть той же Петръ. А противникъ, хотя обновитъ прежнюю свою прелесть, которую прежде при иконѣ Богородичной на Тихвинѣ чрезъ нѣкоего Юрыша и тому подобныхъ прелестниковъ и кликушъ въ простомъ народѣ разсѣваль, какъ въ той бабской гисторіи обрѣтается, чему послѣдовали суевѣрные и не простаки. Такъ (мнится) и нынѣ при такой же иконѣ, понеже помянутая въ Деревяницкомъ монастырѣ, въ которой оное гудѣніе было, церковь во имя Тихвинской иконы, такожде тѣщитъ оную свою прелесть обновитъ и утвердитъ, а наипаче въ томъ народѣ, который паче прочихъ Російскихъ къ тому издавна приклонный. Прочее пространно бредить со страхомъ для вѣра оставляю и за сіе всемирно прошу прощенія“¹⁾.

Мы замѣчали выше, что Теодосій не забывалъ и матеріальнаго благосостоянія своего Александроневскаго монастыря. При

¹⁾ Заключеніе письма: „Вашего величества низжайшій рабъ и всеблагожелательный молитвенникъ Теодосій архимандритъ. Отъ С.-Петербурга, изъ монастыря Невскаго, 8-го февраля 1719 г.“, см. Каб. П. В., кн. 41, 1719 г., л. 647—659.

его содѣйствіи отписаны были къ Невскому монастырю часть вотчинъ отъ Сергіевскаго монастыря и Новгородскаго архіерейскаго дома. Въ 1719 году Ѳеодосій выпрашиваетъ у государя указъ, чтобы обращать на строеніе невскаго монастыря келейныя вещи и денги, оставшіяся послѣ умершихъ архіереевъ и архимандритовъ. 17-го апрѣля 1719 года, Ѳеодосій писалъ къ государю о разныхъ монастырскихъ и церковныхъ дѣлахъ слѣдующее:

„Всемиловѣйшій государь! Прошлаго 1718 года, доносилъ вашему величеству въ Москвѣ казанской вице-губернаторъ о келейныхъ преставляшагося Самсона, митрополита астраханскаго, деньгахъ, которыя вы изволили опредѣлять на строеніе въ Невской монастырь, дабы нынѣ повелѣно было собственнымъ вашего величества милостивѣйшимъ указомъ оныя денги и прочія важную цѣну имущія вещи, по описи Михаила Чирикова, изъ Астрахани достать въ Невской монастырь; а ежели тѣ денги и прочія вещи расхищены, или куда на не государственные расходы употреблены, или что на оныя куплено, сыскавъ собрать и купленное прислать въ помянутой монастырь безъ утайки. Такожде и прочихъ епархій представляющихся архіереевъ келейныя денги и вещи собирать бы, для послѣшенія строенія въ помянутой же монастырь, въ помощь государственной казны; понеже суммы не малой для великаго и регулярнаго и послѣшняго строенія помянутой монастырь будетъ требовать. А изъ помянутыхъ выморочныхъ денегъ и вѣщей нѣкоторыя промежъ рувъ и туне пропадаютъ ¹⁾. Подобное распоряженіе Ѳеодосія не могло нравиться архіереямъ и архимандритамъ. Они считали это оскорбленіемъ братства, да и видѣли, что эти поборы идутъ не столько на церковное строеніе, какъ на другіе расходы.

30-го апрѣля 1719 года, Ѳеодосій писалъ письмо къ императрицѣ, съ просьбою о присылкѣ въ новоначатый въ Невскомъ монастырь огородъ сѣмянъ огородныхъ „не ради чего инаго, только чтобъ вѣрны были во всходѣ, а ежели изъ ряду взять, то опасно, чтобы земли даромъ невсходныя сѣмена не заняли“ ²⁾.

¹⁾ Каб. Петра В., кн. 41, л. 647—659. У Чистовича, стр. 81 его книги Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время.

²⁾ Госуд. Архивъ. Собраніе писемъ разныхъ лицъ къ Елизаветинѣ I-й.

Устроившись самъ, Ѳеодосій вспомнилъ и о родныхъ. Въ маѣ 1719 года, онъ просилъ государя о своихъ родственникахъ, чтобы дать имъ вотчины на пропитаніе. „Всемиловѣйшій государь, писалъ онъ Петру I, благоутробно услыши моленіе раба твоего. Обличаетъ мя писаніе святое, которое глаголетъ тако: аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отверглся есть и невѣрнаго горши есть. Мнѣ же инаго промышленія о оныхъ нѣтъ, токмо припасть ко щедротамъ вашего величества; понеже имѣю сродниковъ ближнихъ, не яко отъ единыя крови, но отъ единыя утробы, которые обрѣталися и обрѣтаются въ службѣ вашего величества, и иные и животь свой въ оныя положили и отъ потомковъ ихъ тогожъ надѣяться можно; а вотчинъ и помѣстій за ними, кромѣ зѣло скудныхъ ихъ усадебъ, нѣтъ ни единого двора и живутъ въ крайнемъ мизерствѣ. Того ради припадая прилежно, молю ваше всемиловѣйшее величество, да повелится онымъ на пропитаніе дать хотя дворовъ нѣскольکو крестьянъ изъ дворцовыхъ или изъ выморочныхъ прочихъ помѣщиковъ, въ Смоленскомъ уѣздѣ, дабы и ябъ грѣшникъ, противъ моего званія, ради оныхъ моихъ сродниковъ въ чемъ не погрѣшилъ“¹⁾.

Просьба Ѳеодосія о родственникахъ была уважена Петромъ, такъ какъ Ѳеодосій приобрѣлъ въ это время полную довѣренность и любовь Петра.

Въ 1719 году, Ѳеодосій, по церковной администраціи, стоялъ выше всѣхъ архіереевъ. Довольно указать на одинъ докладъ его государю, въ этомъ году, чтобы понять его могущество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и направленіе его понятій. Это—докладъ о крестовыхъ (или домовыхъ) священникахъ и волочащихся монахахъ. Тогда

¹⁾ См. Каб. Петра В., II отдѣл., кн. 41, л. 647—659. У Ѳеодосія былъ братъ Леонтіи, которому вмѣстѣ съ Ѳеодосіемъ, въ 1719 году, отданы были описныя деревни въ Мещовскомъ уѣздѣ, Введоходовскомъ стану, село Ольха, да деревня Воробьевка съ пустошми, по переписнымъ книгамъ 19-ть дворовъ, по этой, вѣроятно, просьбѣ Ѳеодосія. По смыслу же Ѳеодосія въ 1725 году, по указу ея импер. величества, каковъ состоялся въ правительствующемъ сенатѣ, велѣно оныя отданныя деревни описать на ея императорское величество (см. К. П. В., II отд., кн. 76, 1725 года, листъ 72, челобитную гофмаршала Шенелева государю, о надѣленіи его Ѳеодосовымъ и его брата Леонтіи Яновскаго недвижимымъ имуществомъ со всѣмъ, что ко оному принадлежитъ (челобитная отъ 26-го сентября 1725 года). И. М.

еще продолжалось обыкновеніе у дворянъ, купцовъ и посадскихъ людей имѣть крестоваго попа. Эти попы были весьма часто бѣгле, а большею частію удаленные отъ мѣстъ—бродячіе. Они приставали не рѣдко въ расколу и были самыми ревностными его распространителями. О нихъ - то и поданъ былъ докладъ Θεодосіемъ государю. „О священникахъ крестовыхъ учинить бы предѣль, кому держать, кому не держать; понеже отъ оныхъ многое безчиніе и унять ихъ невозможно. И ежели кому позволитя, крестоваго попа держать, дабы той господинъ повиненъ былъ приходскимъ своимъ священникамъ дать такой же трактamentъ, какой оному крестовому на годъ даванъ будетъ, и за всякое его безчиніе обязанъ бы былъ отвѣтствовать. А ежели никому не позволитя, штрафовать бы оныхъ волочащихъ поповъ чѣмъ тяжкимъ, хотя на время и до каторжной работы, дабы прочіе страхъ имѣли и безъ отпусковъ своихъ архіереевъ не волочились. На заставахъ заказатъ бы наврѣпко, дабы поповъ и чернецовъ, хотя и начальныхъ, которые не позваны будутъ и отъ своихъ архіереевъ не явятъ пропусковъ, къ С.-Петербургу не пропускать, такожде и нищихъ волочагъ, понеже и отъ тѣхъ не малое зло въ людяхъ бываетъ. Изъ сената послать бы указы ко всѣмъ архіереямъ, дабы они по своимъ епархіямъ заказали наврѣпко, чтобъ безъ ихъ вѣдома и собственной руки, всякаго духовнаго чина, какъ подначальные, такъ и начальные, въ С.-Петербургъ приходятъ не дерзали; а ежели не такъ, то отъ волочагъ оборониться не возможно“¹⁾.

Всѣ подобнаго рода рѣзкія мѣры, говоритъ Г. В. Есиповъ²⁾, ловить, хватать, ссылатъ въ каторгу, налагать штрафъ, были въ духъ того времени, и Θεодосій былъ въ полной милости Петра во все время его царствованія.

Θеодосій дѣйствовалъ рѣшительно и въ духъ Петра не только надъ попами и прочими церковными служителями, но и надъ раскольниками. Онъ предлагалъ Петру всегда мѣры рѣзкія и сильныя. Сохранилась его записка о знаменитыхъ Выгорѣцкихъ раскольникахъ Андреѣ и Семенѣ Денисовыхъ: „учитель злый и главный раскольниковъ, Андрей Денисовъ, которому въ его ученіи послѣдуютъ народа

¹⁾ См. Каб. Петра В., кн. 41 (II отд.), 1719 г., л. 657 и 658.

²⁾ См. его статью: Чернецъ Θεодосъ, стр. 268.

многія тысячн, а именно, въ городахъ и уѣздахъ Юрьевца-Повольскаго, въ Балахнѣ, въ Шуѣ, въ Суздаль, въ Новѣгородѣ, во Псковѣ, многіе и въ Москвѣ, который въ своемъ богомерзкомъ ученіи весьма не исцѣленъ, а водворяется оный въ Заонежье и приходитъ на Олонецъ ради своихъ потребъ и до коменданта Вилима Геника необязненно. Да братъ тогожь нрава и ученія, Семень Денисовъ, который былъ пойманъ у новгородскаго митрополита Іова, да ушелъ изъ-за караула, тамъ-же живетъ и разсѣваетъ свое плевельное ученіе“ ¹⁾. Резолюція на сію записку Ѳеодосія послѣдовала такая: „сіе дѣлать тогда, когда его царское величество будетъ у Геника на заводахъ“.

Къ этому времени относится письмо Ѳеодосія къ Алексію Васильевичу Макарову ²⁾, въ которомъ Ѳеодосій проситъ Макарова „роздать въ С.-Петербургѣ и по епархіямъ безденежно сочиненную книжку, службу праведной Елисаветы, матери Предтечевой и супруги святаго пророка Захаріи, которой напечатано въ С.-Петербургской типографіи 600 экземпляровъ. По поводу письма Ѳеодосія къ Макарову, послѣдній приказалъ отдать Ѳеодосію, для отсылки ко всѣмъ архіереямъ безденежно, книжки о празднествѣ на день тезоименитства государыни царевны Елисаветы Петровны, и денегъ за эти книжки Невскому архимандриту, въ количествѣ шестидесяти рублей, въ С.-Петербургскую типографію не платить, по указу ея величества государыни царицы“ ³⁾.

Ѳеодосій собиралъ со всей Россіи лучшихъ монаховъ для Невскаго монастыря „въ надежду архіерейства, чтобы здѣсь жили, и можно бы знать, чтобъ такихъ не поставить, какъ тамбовскій и ростовскій были“ ⁴⁾. Это распоряженіе страшно взволновало малороссійскіе монастыри. На переселеніе въ С.-Петербургъ монахи смотрѣли въ ту пору, какъ на ссылку въ Сибирь, а монастыри — какъ на самую тяжкую повинность и отдѣльвались отъ нея всѣми способами. Отъ 3-го апрѣля 1719 года, сохранилась записка Ѳеодосія государю слѣдующаго содержанія ⁵⁾.

¹⁾ См. Каб. Петра В., кн 41 (II отд.), л. 655.

²⁾ Отъ 29-го мая 1719 г., см. К. П. В., кн. 41, листъ 651.

³⁾ См. Каб. П. В., кн. 41, л. 652.

⁴⁾ Полн. собр. закон. Т. V, № 3:39.

⁵⁾ См. Каб. П. В., кн. 41, л. 653—654, гдѣ перечисляются не явившіеся изъ разныхъ монастырей 12 человекъ.

„По имянному царскаго величества указу велѣно въ Троицкой Александро-Невской монастырь взять въ прибавокъ и для отправления на корабли добродѣтельныхъ іеромонаховъ, іеродіаконовъ изъ другихъ монастырей 40 человекъ, изъ которыхъ въ Невской монастырь прибыли только 28 человекъ, а 12-ть не явились“¹⁾. Кому бы ни принадлежало это распоряженіе, но какъ исполнителемъ его былъ Ѳеодосій, то на него же и обрушился ропотъ монаховъ и монастырскихъ властей. Намъ извѣстно письмо Тихона, митрополита казанскаго, отъ 24-го марта 1719 года, къ государю, съ требованіемъ возвратить ему казначея іеромонаха Алексѣя Раевского, который взять былъ въ Невскій монастырь²⁾. Петръ I-й уважилъ просьбу казанскаго митрополита; Ѳеодосій Яновскій писалъ по этому случаю къ Алексѣю Васильевичу Макарову, секретарю кабинета, отъ 23-го сентября 1719 года, изъ Невскаго монастыря: „его царское величество имяннымъ своимъ повелѣніемъ указалъ архіерейскаго казанскаго дома казначея іеромонаха Алексѣя, который былъ въ Россійскомъ флотѣ, отпустить изъ Невскаго монастыря въ Казань ради обученія новокрещенныхъ изъ черемисскаго народа и другихъ таковыхъ же ради привожденія ко благочестію³⁾. А о посылкѣ къ Казанскому архіерею и той губерніи губернатору, дабы въ томъ дѣлѣ оному іеромонаху Алексѣю чинили вспоможеніе, указъ учинить изволь ваше благородіе по своему разсмотрѣнію“.

Ѳеодосій былъ и самъ по себѣ заносчивъ и не уживчивъ, не умѣлъ ладить съ людьми; а своимъ надменнымъ тономъ и властительскимъ вмѣшательствомъ въ чужія дѣла онъ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ и нажилъ себѣ враговъ повсюду, между свѣтскими и духовными, знатными и простыми, въ бѣломъ духовенствѣ и монашествующемъ.

Онъ самъ понималъ свое положеніе и просилъ государя уволить его отъ дѣлъ и отпустить на покой — на безмолвіе. „Всемиловѣйше доношу вашему величеству мизерный, — писалъ онъ къ государю, — умножишася паче власть главы моя нена-

¹⁾ См. также К. П. В., кн. 47, л. 354—355, гдѣ помѣщенъ реестръ добродѣтельными іеромонахамъ, которые вызывались въ Невскій монастырь; реестръ дополненъ и іеродіаконами, также добродѣтельными и немолодыми.

²⁾ См. кн. 41 Каб. Петра В. 1719 г., л. 179 и 180.

³⁾ См. Каб. Петра В., кн. 41, л. 656.

видаціи мя туне, а причины, за котормя ненавидаютъ, суть сія. Изъ духовныхъ: 1) за приказаніе духовныхъ дѣлъ, мимо архіереевъ, въ резидующемъ семь мѣстѣ; 2) за взятыя изъ Москвы и изъ другихъ мѣстъ доброжительныхъ священниковъ и діаконовъ къ Санктпетербургскимъ церквамъ, по поданнымъ отъ мене реэстрамъ; 3) рязанскій архіерей за конференцію о поученіи его, на которой изъ духовныхъ, кромѣ его, былъ только я, гдѣ и приразился, поборая по правдѣ, немало оному. Изъ недуховныхъ: 4) за приписаніе изъ новгородской епархіи нѣкоторыхъ монастырей и Сергіева монастыря вотчинъ въ Невскому монастырю; 5) за взятыя изъ домовъ архіерейскихъ и лучшихъ монастырей, по поданнымъ отъ мене реэстрамъ, доброжительныхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ, а именно, судей, келаревъ, казначеевъ, соборныхъ старцовъ и прочіихъ чиновныхъ и нечиновныхъ лучшихъ въ Невскій монастырь; 6) за перемѣну тихвинскаго архимандрита.

„Изъ недуховныхъ принципиальныхъ и не принципиальныхъ персонъ: 7) за крестовыхъ и прочіихъ волочащихся поповъ, старцевъ и старицъ, которыхъ предостерегалъ, чтобъ не держали; 8) за раскольниковъ, которыхъ помѣщики и не помѣщики знатніи защищаютъ, и сами раскольники злорѣчатъ; 9) за Ивана Синявина, которой во флотѣ оберъ-іеромонаху и другому іеромонаху обиду учинилъ, за которыхъ, по должности моея, а по просьбѣ ихъ, просилъ сатисфакціи, гдѣ надлежитъ, которая не токмо не учинена, но и враждебно противъ оныхъ и меня поступаютъ.

„Изъ всего посольства: 10) за свѣчи по церквамъ всея жегомы, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ чрезъ потребу не жгли ¹⁾; 11) за пречистыя тайны, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ оныхъ за лекарство аптекарское здоровымъ и больнымъ младенцамъ не употребляли, но по крещеніи, причастивъ единою, оставляли-бъ непричастныхъ до познанія добра и зла. И иныхъ причинъ къ помянутой ненависти набралось бы много, но не вмѣстятъ на сей бумагѣ. Изъ которыхъ ненавистниковъ многіе вредятъ всавимъ злорѣчіемъ, не токмо

¹⁾ См. Инструкціи Оеодосія духовнымъ закахникамъ въ „Духѣ христіанна, 1863—1864 г.“, кн. 3 и 4; прилож. стр. 15—19.

въ народъ и между собою, но и предъ вашимъ величествомъ, и сумнѣваюся, негли и поврежденъ давно.

„Того ради, припадая къ милосердію вашего величества, прилежно молю: да будетъ повелѣно мнѣ въ чернеческомъ безмолвіи, да не горше что безвинно постражду. Вашего величества всенижайшій, всеблагжелательный молитвенникъ, Ѳеодосій мизерный“¹⁾.

Вмѣсто увольненія на покой, Петръ приказалъ Стефану Яворскому поставить его въ новгородскіе архіепископы. Собственно-ручное письмо Петра I къ Стефану Яворскому о нареченіи Ѳеодосія архіепископомъ новгородскимъ писано 31-го декабря 1720 года²⁾.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1720 года, кабинетный секретарь, Макаровъ, при письмѣ къ Ѳеодосію, отправляетъ къ послѣдному для освидѣтельствванія въ служеніи, привезеннаго изъ Арзамасскаго уѣзда дьякона Игнатія Григорьева, по указу его царскаго величества³⁾. Ѳеодосій свидѣтельствовалъ голосъ означеннаго дьякона и его служеніе и на письмѣ же Макарова, на другой сторонѣ, написалъ слѣдующія строки: „по сему освидѣтельствванъ, и хотя по дальней дорогѣ (Арзамасъ въ Нижегородской губерніи), однако, голосъ ядренъ и будетъ годенъ въ службу, а до опредѣленія своего чтобъ оный не ходилъ здѣсь со святымъ кошелемъ по грѣшному миру, въ томъ на вашу дышкрецію полагаю, такожде и о квартирѣ. Ѳеодосій архимандритъ своеручно. 27-го марта 1720 года“⁴⁾. Объ этомъ же діавонѣ Ѳеодосій писалъ собственноручное письмо къ государю. „Вѣдѣніе дому владыцѣ. Вручая сіе вашему величеству, по чину православно-каѳолическія церкви исправися, и елико безписменному возможно должности изучися, точію дабы имѣлъ къ молитвамъ соборнымъ и домовнымъ, такожде и къ тайнамъ церковнымъ принуждателя. Вашего величества всеблагжелательный рабъ и молитвенникъ Ѳеодосій черноризецъ“⁵⁾.

¹⁾ См. Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 81 — 83. Сол., т. XVI, стр. 366, и каб. дѣла, II отд., № 41 (по Чистовичу).

²⁾ См. I томъ опис. докум. свят. снв., X приложение, 15 письмо.

³⁾ См. Каб. П. В., кн. 47, л. 353, письмо отъ 27-го марта.

⁴⁾ Кн. 47, л. 353, К. П. В. II отд.

⁵⁾ См. Каб. П. В., кн. 47, л. 348.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1720 года, Ѳеодосій писалъ Алексѣю Васильевичу Макарову, что іезуитъ меншой, чрезъ гетмана Збуринскаго, подалъ царскому величеству панигирикъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ, который въ Невскомъ монастырѣ переведенъ на русскій языкъ и поданъ мною царскому величеству; государь при подаініи изволилъ обѣщать означеннаго выше іезуита наградить презентомъ, до сихъ поръ ничѣмъ не награжденъ, извольте доложить, чтобъ оному іезуиту для чести царскаго величества что ни есть подарено было по обыкновенію монарховъ ¹⁾. По сему письму Ѳеодосія выдано іезуиту 20 червонцевъ въ 10-й день іюля 1720 г.

Въ кабинетныхъ бумагахъ Петра Великаго ²⁾, сохранились двѣ записки Ѳеодосія о братѣ его родномъ Леонтіи, Михайловъ сынѣ, Яновскомъ, котораго Ѳеодосій проситъ чрезъ Макарова вызвать изъ Смоленска въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ состоялъ смоленскаго гарнизона драгуномъ, а прежде служилъ въ разанскомъ драгунскомъ полку. Вызовъ брата въ С.-Петербургъ въ 1720 году объясняется полученіемъ во владѣніе помѣстья, которое хлопоталъ себѣ Ѳеодосій у государя въ 1719 году для своихъ родныхъ, о которомъ мы упоминали уже выше и которымъ владѣль Ѳеодосій совмѣстно съ своимъ братомъ Леонтіемъ, до отнятія отъ нихъ сего помѣстья, по ссылѣѣ Ѳеодосія въ Корельскій монастырь.

Въ 1720 году, отъ 19-го іюля, Ѳеодосій писалъ кабинета секретарю Макарову о женкахъ, которыя, по касающимся въ канцеляріи Невскаго монастыря дѣламъ, по правиламъ святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ, за прелюбодѣйныя ихъ дѣла отрѣшены отъ ихъ мужей и осуждены въ работу, прося привазать отдать ихъ на Калашниковыя заводы господину лейтенанту комисару Белеутову; кто же именно эти женки и за какія вины въ работу осуждены въ кабинетныхъ бумагахъ вѣдѣнія нѣтъ, хотя объ этомъ вѣдѣніе было приложено въ письму Макарова ³⁾.

При основаніи Александр-Невскаго монастыря, при Ѳеодосіи Яновскомъ, Петръ Великій повелѣлъ быть при немъ госпиталю для инвалидовъ, и на содержаніе его назначилъ доходы

¹⁾ См. Каб. Петра В., кн. 47, л. 3.9 и 350.

²⁾ См. Каб. П. В., кн. 47, л. 351 и 352.

³⁾ См. Каб. П. В., кн. 47, л. 350.

съ приписныхъ къ монастырю вотчинъ Иверскаго ¹⁾ и Московскаго новодѣвичьяго монастырей ²⁾. Въ госпиталь поступали военные чины, заслужившіе милость государя и не могущіе трудиться за старостию и болѣзнями. Тѣ изъ нихъ, которые были еще въ силахъ, имѣли разныя занятія по вотчинамъ; офицеры наблюдали за порядкомъ при церковныхъ службахъ въ монастырѣ. Число призрѣваемыхъ доходило до 20 и больше.

Ѳеодосій, будучи еще архимандритомъ Александро-Невскимъ, близко сошелся съ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ и Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ, членами учрежденной тогда тайной канцеляріи и главными ея дѣятелями. По всѣмъ дѣламъ, гдѣ были замѣшаны духовные, — а такихъ дѣлъ было много, — по дѣламъ раскольниковъ, Ѳеодосій участвовалъ въ засѣданіи тайной канцеляріи, допрашивалъ обвиненныхъ, увѣщевалъ раскольниковъ, руководилъ распоряженіями куда сослать, въ какой монастырь, и большею частію хлопоталъ, чтобъ подальше и заточить покрѣпче. По дѣламъ тайной канцеляріи видно, что въ Невскомъ монастырѣ у Ѳеодосія была своя тюрьма, свои караульные и часовые для охраненія колодниковъ, присылаемыхъ къ нему для допроса или увѣщанія изъ тайной канцеляріи. Отсюда выпускалъ онъ ихъ съ своими донесеніями въ застѣнки Петропавловской крѣпости ³⁾.

Въ званіи Александро-Невскаго архимандрита, съ 1712 по 1720 г., Ѳеодосій, какъ мы видѣли, уже пользовался полною довѣренностію и любовію государя, и, по церковной администраціи, стоялъ выше всѣхъ архіереевъ.

И. Я. Морозкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ 3,067 дворовъ и 13,811 душъ, принадлежавшихъ Иверскому и приписнымъ къ нему монастырямъ, приписано было къ Александро-Невскому монастырю (см. выпускъ 8-й Историко-статист. свѣд. о С.-Петербургской епархіи, стр. 504, въ статьѣ: Алекс.-Нев. лавра).

²⁾ См. выпускъ 8-й, Алекс.-Нев. лавра, стр. 509, 1884 г. И. М.

³⁾ См. Люди стараго вѣка. ст. Г. В. Есипова, Чернецъ Ѳеодосъ, стр. 263 — 264. И. М.

ССЫЛЬНЫЕ И ЗАТОЧЕННЫЕ ВЪ ОСТРОГЪ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ

ВЪ XVI—XIX ВВ.

Историческій очеркъ.

Болѣе трехъ вѣковъ Соловецкій монастырь служилъ мѣстомъ ссылки; много людей за это время пребывало въ немъ, въ его мрачныхъ казематахъ, а между ними людей глубокихъ убѣждений, крѣпкой вѣры и страстной любви къ истинѣ, людей изъ ряда вонъ выдающихся и своими заблужденіями, и силою своего характера. Въ монастырь ссылались люди не столько съ цѣлю наказанія, сколько—исправленія и наставленія на путь истинный; ссыльные были не столько преступники, сколько, какъ выразился императоръ Александръ Павловичъ, люди, имѣющіе несчастіе впасть въ духовное заблужденіе. Ссыльные были весьма различны какъ по характеру своихъ преступленій, такъ и по своему происхожденію: ссылались туда бунтовщикъ, государственный преступникъ и пьяный монахъ, религіозный сектантъ и разгулявшійся не въ мѣру отеческій смонъ, знатный вельможа и не помнящій родства бродяга. Рѣдкая изъ религіозныхъ сектъ Россіи не имѣла своего представителя въ стѣнахъ Соловецкаго острога. Каждая историческая эпоха вляла свой отпечатокъ на составъ соловецкихъ ссыльныхъ: на ихъ составѣ сказывалось въ чему таготѣла общественная мысль въ данный періодъ времени. Въ эпоху религіознаго броженія, во время и послѣ Никона, явились въ ссылку разные порицатели никоновскихъ реформъ и пророки антихристово пришествія; эпоха неустойчивости государственной власти послѣ Петра даетъ цѣлую серію разныхъ произносителей „важныхъ и непристойныхъ словъ“; начало настоящаго, эпоха мистицизма, выбрасываетъ въ Соловки армянъ, но неуфѣльныхъ защитниковъ православія въ духѣ мистицизма, борющихся противъ массонства и вольномыслія, наконецъ, даже социальное броженіе послѣднихъ лѣтъ оставило свое клеймо на Соловецкой тюрьмѣ.

Настоящій очеркъ составленъ по архивнымъ документамъ, хранящимся въ архивѣ и частью въ ризницѣ Соловецкаго монастыря. Къ сожалѣнію, много дѣлъ, касающихся какъ состава ссыльныхъ, такъ и ихъ положенія въ Соловецкахъ, утрачено, а потому я не могу дать полной исторіи соловецкой ссылки, но только страницы изъ нея, вѣрнѣе,—исторію съ вырванными страницами.

Письменные извѣстія о ссыльныхъ начинаются съ половинѣ XVI ст., но за это время ихъ только два; въ XVII ст. они находятся въ бѣльшемъ множествѣ, но очень кратки, какъ относительно преступленій ссыльныхъ, такъ и ихъ состоянія въ монастырѣ. Въ XVIII ст. извѣстія дѣлаются полнѣе и только съ начала XIX ст. они начинаютъ сообщать точныя свѣдѣнія о ссыльныхъ. Изъ всего мною видѣннаго я выбралъ существенное, относящееся до преступленія и строгости содержанія ссыльныхъ. Отписки монастырскаго начальства о ссыльныхъ я почти не приводилъ, но взаимѣнъ этого позволю себѣ сообщить нѣкоторыя вѣдомости о ссыльныхъ, относящіяся къ 1786, 1835 и 1855 гг., изъ которыхъ видно будетъ и количество арестантовъ въ разное время, и отношеніе къ нимъ начальства.

Предисловіе общій историческій очеркъ положенія ссыльныхъ въ Соловецкѣ, я сообщу ихъ списокъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ указаніемъ наиболѣе характерныхъ данныхъ, относящихся какъ до ихъ преступленій, такъ и положенія ихъ въ ссылкѣ.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить мою искреннюю благодарность уважаемому редактору „Русской Старинѣ“, Михаилу Ивановичу Семеновскому, за указаніе въ выборѣ историческаго матеріала, и настоятелю Соловецкаго монастыря, архимандриту Мелетію, за доставленіе мнѣ возможности пользоваться дѣлами соловецкихъ архива и ризницы.

М. А. Колчинъ.

I.

Значеніе монастыря какъ мѣста ссылки.

Среди сѣвернаго нелюдимаго Бѣлаго моря лежитъ группа острововъ; на одномъ, бѣльшемъ изъ нихъ, стоитъ Соловецкій монастырь (основанный въ 1437 году), окруженный высокою крѣпостью изъ дикаго камня. До времени прибытія преподобныхъ старцевъ Савватія и Зосимы, Соловецкій островъ былъ совершенно необитаемъ, лишь въ лѣтнее время окрестные поморы прїѣзжали туда для ловли рыбы и морскихъ звѣрей. Съ тѣхъ поръ, какъ поселившіеся на этомъ пустомъ островѣ св. отцы своимъ подвижничествомъ прославили себя и мѣсто, гдѣ они обитали, на Соловецкій островъ начали стекаться всѣ, кто желалъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, бѣжать изъ міра. Изъ этихъ бѣглецовъ міра образовалась и до сихъ поръ образовывается соловецкая монашеская община. И не даромъ. Соловецкій

монастырь для людей, бѣгающихъ міра, самое желанное мѣсто. Соловецкій островъ, лежащій подъ $65^{\circ} 1'$ с. ш. и 53° в. д., доступенъ для сообщенія только съ мая по сентябрь, а остальные восемь мѣсяцевъ въ году окруженъ плавающими льдами, препятствующими всякому сообщенію съ міромъ. Въ зимніе восемь мѣсяцевъ переѣздъ съ острова на матерую землю сопряженъ съ величайшею опасностью; лишь изрѣдка, въ экстренныхъ случаяхъ, взрослые среди сѣверныхъ льдовъ поморы нѣсколько разъ въ зиму, съ опасностью жизни, пріѣзжаютъ въ монастырь.

Соловецкій островъ имѣетъ въ длину 25 верстъ и въ ширину 16. Почва его состоитъ изъ крупнаго песку въ перемежку съ громаднаго размѣра булыжниками. Поверхность его холмистая, изрѣзанная безлѣсными болотами и множествомъ прѣсноводныхъ озеръ. Озера эти, имѣющія очень затѣйливыя, извилистыя формы, представляютъ для незнакомаго съ мѣстностью такой лабиринтъ, изъ котораго трудно выбраться. Одному арестанту Дружинину въ 1753 году удалось ускользнуть изъ вѣрестнаго каземата, и побѣгъ сдѣлался неудачнымъ только потому, что бѣглець заплутался между озерами и, мучимый голодомъ, попался снова въ руки ищущихъ его людей. Отсутствие всякаго жилья, кромѣ монастыря, на этомъ островѣ, суровость климата, сырость воздуха, всегда наполненнаго морскими испареніями, лишаютъ всякой возможности жить внѣ стѣнъ монастыря. Каменистая почва даетъ возможность расти лишь кривымъ березамъ да малорослымъ елямъ; только въ центрѣ острова изрѣдка попадается строевой лѣсъ, поэтому морской вѣтеръ безпрепятственно разгуливаетъ по острову, поднимая зимою страшные снѣговые буруны.

Соловецкій островъ отдѣленъ отъ твердой земли морскимъ проливомъ къ западу въ 60 верстъ, къ востоку въ 35; отъ г. Архангельска онъ отстоитъ на 350 верстъ, отъ г. Онеги—180 верстъ.

Берега твердой земли представляютъ изъ себя почти ту-же пустыню, что и Соловецкій островъ. Цѣпится на утесѣ морскаго берега жалкая деревушка съ избушками, потомъ верстъ 30—40 пустое пространство. Вездѣ пусто, тихо, безлюдно, лишь вѣчно бушующее море, напирая своими мощными волнами на каменную грудь земли, производитъ своеобразный шумъ; это на

востокѣ. Западный берегъ хотя и населеннѣе, но все-таки деревушка отъ деревушки отдѣляется 20—30 верстнымъ бездорожнымъ пространствомъ; даже до сихъ поръ здѣсь не имѣется дороги, а почту возятъ въ карбасахъ. Это въ настоящее время, а въ былыя времена берега Бѣлаго моря представляли изъ себя сущую пустыню съ небольшими оазисами.

Западный берегъ Бѣлаго моря цѣликомъ отъ р. Онеги до Кольскаго острога, на протяженіи тысячи верстъ, былъ монастырскою соловецкою вотчиною. На этомъ тысячеверстномъ пространствѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія, едва было 4,000 душъ жителей. Восточный или, такъ называемый, лѣтній берегъ Бѣлаго моря былъ настолько малолюдный и жители его такъ обижены Богомъ и природою, что монастырь даже не считалъ нужнымъ просить его себѣ въ вотчину.

Итакъ, пустынный, крайсвѣтнѣй островъ съ мрачною природою, съ кучкою суровыхъ, отшатнувшихся отъ міра, людей, кругомъ нелюдимое море, двѣ трети года покрытое льдами, а за этимъ моремъ опять пустынный берегъ съ изрѣдка попадающими путнику деревнюшками, въ которыхъ жили полузамерзлые и голодные монастырскіе людишки. Какъ только стала извѣстна эта особенность мѣстоположенія Соловецкой обители въ Новгородѣ и Москвѣ, то скоро поняли, что нѣтъ краше мѣста для людей, коихъ нужно было услатъ туда, куда вѣронъ костей не заносить.

Мѣсто для помѣщенія ссыльныхъ, по тогдашнему, должно было удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: а) отдѣлить ссыльнаго отъ своей родины; помѣстить его тамъ, гдѣ сношенія съ міромъ людей были-бы ограничены до крайнихъ предѣловъ; чтобы ссыльный не могъ знать ничего изъ міра и міръ про него; подвергнуть ссыльнаго нравственному одиночеству, елико возможно сдѣлать чувствительнѣе и продолжительнѣе его душевную истому; б) помѣстить ссыльнаго (для Соловокъ въ большинствѣ случаевъ сблудившаго съ прямого пути обыденной жизни и традиціонныхъ мнѣній) въ такое мѣсто и среду, гдѣ-бы онъ могъ понять свое заблужденіе, возвратиться на правую стезю и принести Господу Богу достойное покаяніе; в) лишить ссыльнаго возможности побѣга.

Соловецкій монастырь какъ нельзя лучше удовлетворялъ этимъ условіямъ.

Соловки не были никому родиной, сама природа оградила островъ отъ всякаго мірскаго вліянія; сношенія съ другими людьми двѣ трети года физически невозможны, нравственное одиночество достигалось тѣмъ, что ссыльный рѣдко могъ найти друзей въ благочестивыхъ людяхъ, которые считали его еретикомъ. Въ зимнее время монастырь представлялъ глухую снѣговую пустыню; тишина словно въ мертвомъ царствѣ, только однообразный звонъ колоколовъ да злобщее карканье вороновъ нарушаютъ тишину этого мертваго царства. Вы здѣсь не услышите ни звонкаго, ласкающаго слухъ, женскаго голоса, ни веселящаго дѣтскаго лепета, ни пѣсни, то заунывной, то разгульной, но одинаково захватывающей душу русскаго человѣка. Осенью, когда закрывается навигація, когда направляешься жить восемь мѣсяцевъ среди полнаго разобщенія съ міромъ людей, страшная, доводящая до иступленія, тоска завладѣваетъ тобою, человѣкомъ вольнымъ, могущимъ во всякое время покинуть этотъ островъ. А что долженъ былъ выносить человѣкъ, которому вмѣнено въ обязанность пребывать тамъ „до кончины живота его безысходно“, то и помыслить страшно!

Физическія особенности острова, изолированнаго отъ всего живущаго, исключали всякую возможность побѣга. Крѣпкія, высокія стѣны окружали монастырь, а внутри стѣны казематы, тщательно охраняемые, служили достаточною порукою, что заключенные въ нихъ „утечки не учинятъ“. Бѣжали люди изъ крайнихъ предѣловъ Сибири, съ каторги, бѣгаютъ съ острова Сахалина, но не было примѣра, чтобы кто-либо убѣгалъ изъ Соловецкаго острога. Правда, убѣгали изъ казематовъ, но не дальше острова; съ него нигуда не могли скрыться. Всѣ немногочисленные побѣги изъ Соловокъ ссыльныхъ были совершаемы тѣми изъ нихъ, которые не сидѣли въ казематахъ, а жили свободно подъ монастырскимъ надзоромъ. Живя на свободѣ, они знакомились съ мѣстностью и людьми; иногда удавалось найти друзей, а иногда купить человѣка за деньги, и благодаря имъ переѣхать съ острова на матерую землю и тамъ на время скрыться у знакомыхъ.

Что касается заблужденій ссыльныхъ, то гдѣ лучше искоренить

ихъ какъ не въ средѣ людей, считающихъ каждую іоту и точку не только догматовъ, но и всей обрядности своего исповѣданія за необходимое условіе своего спасенія. Начальство, посылая ссыльныхъ на увѣщаніе и караулъ монаховъ, хорошо знало, что послѣдніе будутъ и увѣщевать ихъ не только за страхъ, но и за совѣсть; они будутъ видѣть въ этомъ не одно только исполненіе предписаній, но и угодное Богу дѣло, спасеніе своей души. „Великое дѣло наставить на путь истины заблудшаго человѣка, спасти душу, совлеченную лувавымъ на путь погибельный“, говорятъ монахи: „Господь повелѣваетъ оставить 99 несблудившихъ и идти отыскивать одну заблудшую овцу“. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ ссыльныхъ нашли въ Соловецкомъ монастырѣ хотя невольную, но тихую гавань среди бурь житейскаго моря. Весь монашескій складъ жизни, какъ нѣчто цѣльное, оконченное, составленное по извѣстному плану съ опредѣленною цѣлью, оказывалъ иногда свое воздѣйствіе на ссыльныхъ; они не только раскаявались въ своихъ заблужденіяхъ, но дѣлались такими горячими адептами истоваго православія и монашескихъ подвиговъ, что удостоились быть занесенными на страницы Соловецкаго патерика наравнѣ съ великими подвижниками, прославившими обитель. Таковы іеромонахъ Іеронимъ, послушникъ Иванъ Сорокинъ, а сосланный Петромъ I по дѣлу Гришки Талицкаго его духовникъ „распятскій попъ Иванъ Ивановъ“ сдѣлался основателемъ Голгофо-распятскаго скита на Анзерскомъ островѣ, отличающагося строгостью своего устава даже между суровыми соловьянами, а теперь считаютъ его святымъ. Мощи его почиваютъ подъ-спудомъ въ церкви Голгофскаго скита.

II.

Мѣста заключенія арестантовъ: старинныя земляныя, крѣпостныя и секретныя тюрьмы, новая тюрьма, раскольническое кладбище, лобное мѣсто.

Мѣстами заключенія для ссылочныхъ подначальныхъ людей въ XVI, XVII и XVIII столѣтїяхъ служили казематы, построенныя въ стѣнахъ и башняхъ монастырской крѣпости, основанной въ 1584 году. Первоначальный планъ внутреннихъ частей крѣпости намъ неизвѣстенъ, но, должно быть, составитель его, соловецкій монахъ Трифонъ, не мало поработалъ, чтобы устроить внутри крѣпостной стѣны такіе казематы, изъ которыхъ не только не могъ-бы выйти заключенный, но и свѣтъ Божій только утраткою входилъ-бы въ эти гробы для живыхъ людей.

Наружный видъ Соловецкой обители имѣетъ много общаго съ устройствомъ древнихъ феодальныхъ замковъ. Монастырь окруженъ высокою, изъ громаднаго размѣра дивныхъ камней, стѣною, имѣющею въ длину 508 саженъ, съ 8 башнями и 4 воротами. Верхнія части какъ башенъ, такъ и стѣнъ пронизаны множествомъ бойницъ, сѣвозъ которыя виднѣются дула старинныхъ пушекъ; въ нижнихъ частяхъ тутъ индѣ виднѣются маленькія окошечки крѣпостныхъ казематовъ. Вся крѣпостная стѣна имѣетъ въ основѣ кирпичныя арки, имѣющія форму лежачаго усѣченного конуса, обращеннаго узкимъ концомъ наружу; башни-же состоятъ изъ нѣсколькихъ такихъ арокъ, расположенныхъ радіально. Сверху и снаружи эти арки окладены сѣрымъ дикимъ камнемъ. Внутри-то этихъ арокъ въ башняхъ и нѣкоторыхъ частяхъ стѣнъ были устроены помѣщенія для арестантовъ. Уже болѣе столѣтїя, какъ крѣпостныя казематы перестали служить мѣстами заключенія, такъ какъ для арестантовъ были построены новыя тюрьмы. Въ настоящее время одни казематы заброшены, разломаны; другіе передѣланы, приспособлены для разныхъ хозяйственныхъ цѣлей, устроены кладовыя, погреба, сушильни и т. п., но все-же, какъ-бы для памяти, въ трехъ башняхъ и нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнъ остались старинныя казематы до сихъ поръ во всей ихъ страшной неприкосновенности.

Я попрошу читателя послѣдовать за мною подъ башню,

расположенную на южной сторонѣ крѣпостной стѣны, возлѣ мельницы.

При самомъ входѣ подъ башню находится жилище мельниковъ, отъ дверей котораго идетъ узкій темный проходъ сажени двѣ длины; чтобы не запутаться и не запнуться за что-либо, необходимо идти съ огнемъ. Спускаемся ступени на три ниже уровня земли, идемъ по узкому темному проходу, сворачиваемъ немного вправо и входимъ низкою дверью въ большую квадратную, сажени въ три, комнату. Въ ней темно, такъ какъ нѣтъ ни одного окна, а взамѣнъ этого на каждой стѣнѣ находились двери съ махонькими вырѣзками среди нихъ. Комната цѣликомъ состоитъ изъ кирпича: полъ, потолокъ, стѣны, лавки, полки, словомъ, все кирпичное. Сыро, стѣны мокрыя, заплѣсневѣлая; воздухъ спертый, удушливый, такой, какой бываетъ въ сырыхъ погребахъ. Испугавшіяся свѣта крысы, водящіяся здѣсь во множествѣ, съ ужасомъ бросаются вамъ подъ ноги. Въ этой комнатѣ въ прежнее время помѣщалась стража, караулившая узниковъ, заключенныхъ въ казематы, расположенные по всѣмъ сторонамъ этой комнаты. Прямо предъ нами маленькая, аршина въ два вышины, дверь съ крошечнымъ окошечкомъ въ срединѣ ея; дверь эта ведетъ въ жилище узника, куда мы и входимъ. Оно имѣетъ форму лежачаго усѣченного конуса изъ кирпича, въ длину аршина 4, шириною сажень, высота при входѣ три аршина, въ узкомъ концѣ полтора. При входѣ направо мы видимъ скамью, служившую ложемъ для узника, надъ нею почернѣлая до неузнаваемости икона, а за нею сохранилась пасхальная верба. На другой сторонѣ остатки разломанной печи. Стѣны, какъ и въ первой большой комнатѣ, сырыя, заплѣсневѣлая, воздухъ затхлый, спертый. Въ узкомъ концѣ комнаты находится маленькое окошечко вершковъ шесть въ квадратѣ; лучъ свѣта, точно украдкою, черезъ три рамы и двѣ рѣшетки тускло освѣщаетъ этотъ страшный казематъ. При такомъ свѣтѣ читать можно было въ самые свѣтлые дни и то съ великимъ напряженіемъ зрѣнія. Если заключенный пытался черезъ это окно посмотрѣть на свѣтъ Божій, то его взорамъ представлялось одно кладбище, находящееся прямо предъ окномъ. Побывъ около полчаса въ удушающей атмосферѣ каземата, становится душно, кровь приливаетъ къ головѣ, появляется какое-то безграничное

чувство страха. Я не считаю себя способнымъ описать все то впечатлѣніе, какое испытываешь при посѣщеніи этихъ казематовъ. Съ одной дамой, которая была со мною въ этомъ казематѣ, сдѣлалось дурно. У каждаго побывшаго здѣсь, будь онъ самый суровый человѣкъ, невольно вырывается изъ груди если не крикъ ужаса, то тяжелый вздохъ и съ языка слетаетъ вопросъ: „неужели здѣсь возможна жизнь? неужели люди были настолько крѣпки, что выносили года этой гробовой жизни?“ А на самомъ дѣлѣ есть свѣдѣнія, что въ подобныхъ казематахъ проживали десятки лѣтъ. Рассказываютъ, что въ разсматриваемомъ нами казематѣ послѣдній кошевой бывшей Сѣчи Запорожской, Кольнишевскій, просидѣлъ 16 лѣтъ, будучи болѣе ста лѣтъ отъ роду. Про него передаютъ въ монастырѣ легенду: Кольнишевскій, просидѣвъ 16 лѣтъ въ казематѣ, оказался невиннымъ; царь, освободивъ его, захотѣлъ чѣмъ-либо вознаградить за перенесенныя страданія и приказалъ спросить Кольнишевскаго, чего онъ хочетъ себѣ въ награду.

— „Старъ я сталъ“, отвѣчалъ Кольнишевскій: „мірскія почести меня не прельщаютъ, богатство мнѣ не нужно; не прожить мнѣ и того, что у меня есть, одна у меня забота: приготовить себя къ будущей жизни, а нигдѣ я этого не сдѣлаю такъ хорошо, какъ въ сей святой обители; потому первая моя просьба дозволить мнѣ дожить свой вѣкъ въ Соловкахъ, а вторая просьба, если царь-батюшка хочетъ меня пожаловать, пусть онъ прикажетъ выстроить для преступниковъ настоящую тюрьму, чтобы они не маялись, какъ я, въ душныхъ казематахъ крѣпости“.

Было-ли это въ дѣйствительности, или это вымыселъ, навѣрное сказать не могу, но достойно примѣчанія то, что время устройства новыхъ тюремъ совпадаетъ со временемъ его освобожденія.

Какъ легко становится, когда выльзешь изъ этого погреба на свѣтъ Божій, вдохнешь полною грудью свѣжій воздухъ и любуешься ласкающимъ тебя лучемъ солнца!

Осмотрѣнный нами казематъ, подобные которому сохранились еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнъ крѣпости, есть обычный казематъ. Но были узники, воихъ предписывалось держать въ особомъ уединенномъ мѣстѣ до смерти, несходно, такъ, чтобы ни онъ кого, ни другіе его видѣть не могли; для нихъ были

устроены въ стѣнахъ верхнихъ этажей крѣпостныхъ башенъ особые мѣшки, гдѣ дѣйствительно ни ихъ кто, ни они кого видѣть не могли.

Поднимемся на башню, стоящую у Архангельскихъ воротъ, которая въ древнее время носила названіе Головленковой.

Въ узкомъ проходѣ для лѣстницы, ведущей на верхъ башни, находится дверь, обитая войлокомъ, ведущая въ каменное помѣщеніе аршина два длины, полтора ширины и три высоты. У одной стѣны выкладена кирпичная лавочка шириною полъ аршина. Маленькое окошечко, достаточное лишь для того, чтобы протянуть руку, выходитъ на темную лѣстницу, и въ былое время служило не для освѣщенія, а для подачи пищи узнику. Въ такомъ мѣшкѣ нѣтъ возможности лечь, и несчастный узникъ долженъ былъ года, если такая обстановка не убивала его, спать въ полусогнутомъ положеніи. Въ Головленкову башню, въ уединенное мѣсто, заточенъ былъ, въ 1701 году, Петромъ I тамбовскій епископъ Игнатій.

Подъ башнею, расположенною на с.-з. углу крѣпости, помѣщались такъ называемыя земляныя тюрьмы. Осмотрѣть эти тюрьмы не было возможности, такъ какъ входъ подъ эту башню оказался замуравленнымъ ¹⁾. Суда по стариннымъ описаніямъ земляныхъ тюремъ, это были вырытыя въ землѣ ямы аршина три глубины; края у нихъ были обложены кирпичемъ; крыша состояла изъ досокъ, на которыя была насыпана земля. Въ крышѣ находилось небольшое отверстіе, закрываемое дверью, запирающеюся на замокъ, въ которое опускали и поднимали узника, а равно подавали ему пищу. Для спанья полъ устилался соломой. Были-ли въ этихъ погребахъ печи—навѣрное сказать не могу. Такъ какъ почвенный уровень воды въ Соловкахъ стоитъ на трехъ четвертяхъ, то эта башня, обрѣтая съ возвышенной сѣверной стороны глубокимъ рвомъ, единственная, въ которой возможно было устроить земляныя тюрьмы.

Тюрьмы, расположенныя въ стѣнахъ монастыря, носили разныя названія или по мѣсту своего положенія, или по фамиліямъ знатныхъ лицъ, въ нихъ заключенныхъ. Такъ, были тюрьмы

¹⁾ Земляныя тюрьмы уничтожены и входъ въ нихъ замуравленъ по указу св. синода въ 1742 году.

у Никольскихъ воротъ, у Святыхъ, подъ крыльцомъ Успенскаго собора. Башня съ земляными тюрьмами носила названіе корожной. Тюрьма Салтыковская находилась въ западной башнѣ, а Головденкова—въ башнѣ у Архангельскихъ воротъ, на восточной сторонѣ крѣпости.

Какъ ни многочисленны и разнообразны были крѣпостныя казематы, но они оказались неудобными; главное неудобство состояло въ ихъ разбросанности, вслѣдствіе чего требовалась многочисленная стража для надзора за арестантами. Вслѣдствіе этого, мало по малу начинается устройство тюремъ не въ стѣнахъ крѣпости, а въ подвальныхъ этажахъ монастырскихъ корпусовъ. Такъ, въ корпусѣ, занятомъ келарскою, въ подвальномъ этажѣ, гдѣ теперь помѣщаются погреба, еще въ прошломъ столѣтіи были тюрьмы, называемыя келарскими. Успенскій и Преображенскій соборы, построенные св. Филиппомъ, бывшимъ игуменомъ соловецкимъ, въ подвалахъ также содержали тюрьмы, носящія названія по соборамъ: успенская и преображенская тюрьма. На с.-в. углу монастырской стѣны, близь корожной башни съ земляными тюрьмами, въ 1618 году построена была большая двухъ-этажная палата; въ этой палатѣ нижній этажъ, въ 1798 году, приспособленъ былъ для тюремныхъ помѣщеній, въ немъ устроено было 12 арестантскихъ чулановъ. Черезъ 30 лѣтъ, въ 1828 году, и второй этажъ этой палаты также былъ приспособленъ для арестантовъ, въ немъ устроено 16 чулановъ, а остальное помѣщеніе отведено для солдатъ. Въ это время, т. е. въ началѣ текущаго столѣтія, караульные солдаты помѣщались вмѣстѣ съ арестантами: коридоры между арестантскими чуланами служили помѣщеніемъ для солдатъ. Такое сосѣдство стражи съ арестантами было причиною многихъ неприятныхъ столкновеній между ними, а потому въ 1842 году, по просьбѣ архимандрита Иларія, для солдатъ и офицера построены особня казармы, а тюрьма увеличена надстройкою третьяго этажа. Такъ она существуетъ и до сихъ поръ. Настоящая тюрьма представляетъ изъ себя высокое трехъ-этажное зданіе, которое рѣзко бросается изъ-за стѣнъ монастыря своею красною крышею и окнами третьяго этажа съ рѣшетками.

Внутренній сѣверо-западный уголъ крѣпости огороженъ высокою кирпичною стѣною; въ срединѣ этой ограды стоятъ большая трехъэтажная тюрьма и возлѣ нея солдатская казарма. Нижній

этажъ тюрьмы на половину лежитъ въ землѣ, такъ что небольшія окна его находятся на уровнѣ земли. Зайдя въ тюрьму, вы спускаетесь по нѣсколькимъ ступенямъ внизъ—и предъ вами темный, длинный, сырой, съ особымъ затхлымъ запахомъ, корридоръ. По одну сторону этого корридора находится шесть дверей, ведущихъ въ шесть арестантскихъ чулановъ. Чуланы эти имѣютъ сажени по двѣ длины и аршина по два съ прибавкою ширины, съ однимъ окномъ. Помѣщенія эти, не будь они сыры и мрачны, ни чуть не хуже подобныхъ же тюремъ въ провинціальныхъ острогахъ. По другую сторону корридора мы нашли заколоченную дверь. Расколотивъ дверь, мы зашли черезъ нее въ узкій, длинный, темный ходъ, продѣланный внутри толстой тюремной стѣны. Идемъ по нему; сердце невольно сжимается, какой-то безпредѣльный страхъ завладѣваетъ, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу при мысли, что дверь за нами закроется и мы останемся въ этомъ длинномъ каменномъ гробѣ. Но любопытство беретъ верхъ, и мы идемъ далѣе, пока, наконецъ, не наталкиваемся на небольшую дверь съ маленькимъ окошечкомъ въ срединѣ ея. За дверью чуланъ аршина полтора въ квадратъ, безъ всякой лавки, безъ окна, безъ всего того, безъ чего жить человѣку нельзя. Въ немъ можно только стоять или сидѣть сворчившись. Лежать или сидѣть съ протанутыми ногами не дозволяетъ пространство чулана, а скамьи для сидѣнья не полагается. А несомнѣнно, что здѣсь заставляли жить людей не одинъ день. Можно догадываться, что это было не мѣсто карцера, а особый родъ каземата, „особое уединенное мѣсто“, назначенное для людей, которыхъ желали помѣстить такъ, чтобы о нихъ и ухо не слышало и глазъ не видѣлъ. И дѣйствительно, этотъ мѣшокъ самое желанное мѣсто для такой цѣли: отсюда не слышны ни вопль, ни воздыханіе, не видны ни слезы, ни печаль узника. Въ темныхъ мѣшкахъ башенъ было лучше: тамъ дверь выходила наружу, были слышны движеніе и говоръ людей свободныхъ, крикъ узника могъ доноситься до посторонняго уха. Не то здѣсь. Что въ этотъ казематъ не временно садились арестанты въ наказаніе, какъ въ карцеръ, находятся нѣкоторыя указанія въ арестантскихъ дѣлахъ. Въ отношеніяхъ начальниковъ Соловецкой караульной команды упоминается иногда, что арестанты, назначенные для содержанія въ уединенномъ мѣстѣ, были садимы въ нижній этажъ тюрьмы въ отдѣльный чуланъ, а такой чуланъ

имѣется только одинъ, о которомъ мы говорили выше. Такъ, туда былъ заключенъ раскольникъ Лазарь Шепелевъ, который, проживъ тамъ ровно годъ, Божіею волею умре. Трудно, кажется, пробыть день въ этомъ страшномъ чуланѣ безъ свѣта, безъ воздуха, безъ тепла, а болѣе долгое пребываніе, кажется, совсѣмъ невозможнымъ; даже одна мысль о такомъ житьѣ леденитъ кровь въ жилахъ, а люди проживали въ такомъ помѣщеніи цѣлые годѣ.

Во второмъ и третьемъ этажахъ тюрьмы находится десятка по два арестантскихъ помѣщеній, такихъ же размѣровъ, какъ и въ нижнемъ этажѣ; только чуланы верхнихъ этажей будутъ суше и освѣтлѣе. Въ каждомъ чуланѣ имѣется тубаретъ, небольшой столикъ и одна или двѣ деревянныя кровати, смотря по тому, одинъ или два арестанта помѣщались въ чуланѣ. Въ третьемъ этажѣ въ одномъ чуланѣ до сихъ поръ видна въ окнѣ разогнутая рѣшетка въ память побѣга одного арестанта, Потапова. Этотъ арестантъ, пользуясь сильнымъ колокольнымъ звономъ, по случаю крестнаго хода, табуретомъ разогнулъ рѣшетку, пролѣзъ черезъ нее и бросился внизъ на крѣпостную стѣну, а оттуда на землю. Дѣло было лѣтомъ; масса богомольцевъ; скрыться, пожалуй, и можно было, но выбѣжавшій въ одной рубашкѣ на волю арестантъ былъ настолько наивенъ, что сейчасъ объявилъ народу кто онъ, и, понятно, былъ спроваженъ въ старое жилище и, закованный въ кандалы, посаженъ въ болѣе крѣпкій чуланъ.

Въ октябрѣ 1883 года выпущенъ былъ изъ этой тюрьмы послѣдній арестантъ Давидовъ, и съ тѣхъ поръ она стоитъ ни еѣмъ не занятая.

Къ югу отъ монастыря, въ полуверствѣ отъ монастырской стѣны, на небольшомъ холмѣ, окруженномъ болотомъ съ мелкимъ лѣсомъ, находится старое раскольниковское кладбище. Тѣхъ арестантовъ, у которыхъ хватало характера и силы воли настолько, чтобы, не смотря ни на тяжесть заключенія, ни на почти ежедневныя увѣщанія отказаться отъ своихъ заблужденій и согласиться съ ученіями св. церкви, — остаться вѣрными своимъ убѣжденіямъ, такихъ нераскаянныхъ грѣшниковъ приходилось хоронить особо отъ прочихъ людей, —

Безъ церковнаго пѣнья, безъ ладона,
Безъ всего, чѣмъ могла крѣпка....
Безъ поповъ....

Такъ какъ большинство такихъ не раскаившихся грѣшниковъ были люди не согласные съ ученіями церкви,—раскольники, поэтому и кладбище называется раскольническимъ.

Стоять на этомъ холмѣ два покосившіеся креста, десятеа два могильныхъ насыпей изъ крупнаго булыжника, да двѣ готовыя могилы ¹⁾ со сгнившими досками на верху ихъ. Кривыя ели да малорослыя березы жалобно покачиваютъ своими вершинами, да птички поютъ свои пѣсни надъ погребенными, какъ бы желая замѣнить своимъ пѣніемъ тѣ надгробныя пѣсни, которыя люди отказались пѣть надъ ними. Зимнія вьюги каждый годъ совершаютъ имъ тризну хорowymi заунывными пѣснями, а окружающія деревья покачиваютъ имъ въ тактъ своими вершинами. Сколько эти могилы сокрыли горя, страданій, душевныхъ мукъ, терзаній совѣсти, сомнѣній, какія горячія сердца и пылкія головы придавлены этими камнями! Да, все это были люди идеи, люди убѣжденныхъ, убѣжденныхъ глубокихъ, много передуманныхъ, горько выстрадавшихъ, такихъ крѣпкихъ, что никакія бури жизни не могли поколебать ихъ. Правда, что убѣжденія ихъ были обманчивы, ложны, даже сумасбродны; это просто были заблужденія, но что до этого? для нихъ они были святы, вѣрны, несомнѣнны; это были неоцѣнимыя для нихъ сокровища, дороже ихъ самихъ, дороже всѣхъ благъ жизни, свѣтъ и украшеніе ихъ души. Ихъ страдальческая жизнь, ихъ устойчивость, твердость и непоколебимость и, наконецъ, эти молчаливыя могилы говорить за нихъ.

На противоположной сѣверной сторонѣ крѣпости, противъ коннаго двора, находилось „лобное мѣсто“, гдѣ въ былыя времена наказывали провинившихся арестантовъ, подначальныхъ людей, стрѣльцовъ и солдатъ, а иногда и иноковъ. Наказаніе производилось плетями, батогами, розгами и шелепами. Былъ ли въ употребленіи вѣтухъ—изъ дѣлъ не видно. Какой-то полковникъ, прожившій въ монастырѣ некогнито въ качествѣ простаго рабочаго, выстроилъ на этомъ мѣстѣ маленькую часовенку на каменномъ фундаментѣ и поставилъ въ ней громадный деревян-

¹⁾ Въ Соловкахъ грунтъ состоитъ изъ крупнаго песка, переишаннаго съ большими булыжниками. Зимой, когда замерзаетъ земля, копать могилы нѣтъ никакой возможности, а потому могилы заготавливаются лѣтомъ на всю зиму.

ный крестъ. Много въ этомъ несчастномъ мѣстѣ истрепано плетей, изломано батоновъ и березовыхъ прутьевъ; много изуродовано человѣческихъ спинъ, изорвано у несчастныхъ жертвъ вожи и мяса! А сколько пролито слезъ и крови!

Не одну сотню лѣтъ производилась эта расправа и долго бы еще свершались истязанія, если бы державная воля Царя-Освободителя не положила предѣлъ этому варварству.

III.

Общій историческій очеркъ положенія ссыльных въ Соловкахъ.

До времени постройки въ Соловкахъ крѣпостной стѣны съ ея казематами ссыльные подначальные люди, коихъ велѣно было содержать съ „великимъ береженіемъ“, заключались въ „нѣкіи молчательныя келіи“. Это были комнаты, находившіяся отдѣльно отъ общихъ монашескихъ помѣщеній. Подначальный запирался въ эту комнату и къ нему приставлялся особый сторожъ. На обязанности сторожа было слѣдить за каждымъ шагомъ и словомъ подначальнаго человѣка, слѣдить, чтобы никто къ нему не приходилъ, ничего къ нему не приносили, а равно и подначальный ничего не могъ кому либо передать. Если заключенный былъ грамотный, то особое вниманіе обращалось на то, чтобы онъ не могъ чего-либо написать, а для того строго слѣдилось, чтобы арестантъ не имѣлъ чего-либо, чѣмъ можно писать, какъ-то: пера, чернилъ, бумаги, даже угля и береста. Боясь вліянія заключеннаго на сторожа, этотъ послѣдній отдавался подъ надзоръ какому-либо монаху, который долженъ былъ слѣдить, не оказываетъ ли заключенный какого-либо вліянія на сторожа, не дѣлаетъ ли послѣдній какихъ-либо льготъ заключенному въ строгости заключенія, или не приносить ли чего не положеннаго въ пищу. Въ случаяхъ какихъ-либо не важныхъ упущеній со стороны сторожа въ пользу заключеннаго, сторожа наказывали плетями, садили на цѣпь и т. п.; если онъ и отъ этихъ наставленій не вразумлялся, то его вовсе отстраняли отъ этого „послушанія“ и садили самого на время въ подобную же келію, а потомъ посылали въ черныя труды; на мѣсто его къ заключенному

назначали болѣе надежнаго сторожа. Кромѣ сторожа къ заключенному приставлялся особый священникъ, который долженъ былъ увѣщевать заключеннаго, исповѣдывать его, но приобщать св. таинъ дозволялось лишь при смерти, или съ разрѣшенія высшаго начальства. Священникъ этотъ, въ свою очередь, также находился подъ надзоромъ игумена и соборныхъ старцевъ.

Въ позднѣйшее время, когда были устроены крѣпостные казематы, присылаемыхъ колодниковъ начали засаживать въ эти казематы. По тѣмъ останкамъ старинныхъ казематовъ, которые были описаны ранѣе, можно судить о положеніи въ нихъ арестантовъ. Строгость содержанія арестантовъ была далеко не одинакова. Самымъ тяжкимъ наказаніемъ считалась земляная тюрьма. Въ этотъ темный, сырой погребъ опускали живаго человѣка, часто скованнаго по рукамъ и ногамъ, гдѣ не рѣдко, водящіяся во множествѣ, крысы объѣдали у беззащитнаго узника носъ и уши. Давать что либо для защиты отъ этихъ звѣрьковъ строго запрещалось. Такъ одинъ караульщикъ, давшій находящемуся въ земляной тюрьмѣ вору и бунтовщику Ивашѣ Салтыкову палку для обороны отъ крысъ, былъ за такую поблажку битъ нещадно плетми. Свѣтъ Божій все таки удавалось иногда видѣть этимъ несчастнымъ. Такъ, въ одномъ наказѣ, относящемся къ концу XVII ст., приказывается арестанта, заключеннаго въ земляную тюрьму, Мишку Амирева, во время церковнаго пѣнопѣнія вынимать изъ тюрьмы, а по отпускѣ службы снова сажать его туда. Пища подавалась имъ чрезъ окошко, продѣланное вверху тюрьмы. Для естественной нужды подавались особня суда, которыя поднимались и очищались разъ въ сутки. Къ счастью этихъ арестантовъ, многіе изъ нихъ чрезъ извѣстное время были переводимы или въ обыкновенные крѣпостные казематы, или въ монастырь подъ началь, гдѣ ихъ не рѣдко силою постригали въ монашество. Особенно часто сажали въ земляныя тюрьмы Петръ I.

Съ половины XVIII ст. нѣтъ извѣстій, чтобы кто былъ ссылаемъ въ земляныя тюрьмы, но ихъ замѣнили особымъ, секретнымъ мѣстомъ заключенія. Особенно важныхъ преступниковъ, особенно такихъ, общеніе съ которыми могло заразить ихъ прелестью другихъ людей, повелѣвалось сажать въ особое уединенное мѣсто, „чтобы ни они кого, ни ихъ кто видѣть не могли“.

Караульнымъ запрещалось съ ними разговаривать, иногда даже присылалась вмѣстѣ съ арестантомъ особая для него стража. Понятно, такіе арестанты не выпускались ни въ церковь, ни за пищей или куда бы то ни было, что дозволялось другимъ узникамъ. Только одному коменданту крѣпости—архимандриту монастыря давалось право посѣщать ихъ и потомъ сообщать высшему начальству о ихъ поведеніи. Еще, съ особаго разрѣшенія начальства, могъ входить въ уединенные казематы монастырскій духовникъ для исповѣди арестанта. Иногда такіе уединенные казематы особо устраивались для имѣющаго быть присланнымъ арестанта, по предварительно составленному плану, рассмотрѣнному высшимъ начальствомъ.

Прочіе рядовые колодники помѣщались въ общихъ крѣпостныхъ казематахъ, иногда по два человѣка въ одной кутузѣ. И тутъ были разряды въ степени наказанія. Такъ, одни арестанты сидѣли въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ и прикованными на цѣпь въ стѣнѣ; другіе носили оковы или на рукахъ и ногахъ, или только на ногахъ; третьи—находились безъ оковъ. При посылкѣ каждаго арестанта сообщалась подробная инструкція какъ содержать его. Нужно замѣтить, что большая половина колодниковъ назначалась для употребленія въ монастырскіе труды. Даже часто высшимъ начальствомъ, которымъ присылался колодникъ, назначался самый родъ работы. Такъ, одного назначаютъ въ хлѣбню—печь хлѣбы, другаго—въ поваренные труды, третьяго рубить дрова, возить воду и т. п. Печеніе хлѣбовъ и работы по кухнѣ считаются и считались въ монастырѣ самыми трудными, потому что требовали и чрезмѣрной напряженности мускульной силы и потому, что отдыхъ давался часа на четыре въ сутки. Что дѣлало монастырское начальство для побужденія къ такимъ тяжелымъ трудамъ лѣнливыхъ или малосильныхъ, съ точностію сказать нельзя, хотя есть извѣстія, гдѣ повелѣвается непослушныхъ „смирять по монастырскому обычаю не щадно“, а монастырское смиреніе состояло въ сажаніи на цѣпь, наказаніи плетью, батогами; самое легкое смиреніе—сотни поклоновъ послѣ 18-ти часоваго труда. Колодниковъ, назначенныхъ въ работы, послѣ окончанія дневныхъ работъ, призывали приводить въ вечернему пѣснопѣнію и только послѣ окончанія церковной службы отводить въ казематы. Это было монастырское послушаніе.

Едва ли было лучше положеніе и тѣхъ колодниковъ, которые не назначались въ работы. Эти несчастные принуждены были иногда цѣлые года изо дня въ день просиживать въ своихъ сырыхъ, темныхъ и душныхъ чуланахъ безъ всякаго дѣла, вполне лишенные возможности питать чѣмъ-либо свои не рѣдко пытливыя головы. Книгъ для чтенія не давалось, кромѣ необходимыхъ молитвенниковъ и иногда отеческихъ твореній; разговаривать запрещалось, но въ счастію ихъ, это плохо исполнялось. Тяжесть такого положенія нѣсколько смягчалась тѣмъ, что нѣкоторымъ колодникамъ позволялось производить въ своихъ казематахъ кое-какія работы. Одни дѣлали ушаты, ведра и т. п., другіе сапожничали и портняжили, третьи выдѣлывали крестики и ложки. У каждаго были свои инструменты. Работали и на монастырь, и на частныхъ людей, монаховъ и богомольцевъ, и работой этой добывали себѣ копѣйку, которую держали на свои потребности.

Строгость надзора надъ обычными, не секретными, колодниками была не особенно сильна. Караульные, сначала стрѣльцы и послушники, а потомъ солдаты, жили въ корридорахъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ арестантами. Такая близость неминуемо смягчала отношенія между арестантами и караульными они сживались, иногда сдружались, чувствовали общность интересовъ, взаимную зависимость, и ихъ отношенія принимали фамиллярный характеръ. Лѣтомъ еще приходилось смотрѣть, какъ говорится, во всѣ глаза, ибо тогда пріѣзжаетъ масса посторонняго народа, арестантъ можетъ скрыться въ толпѣ, уйти или что-либо передать или получить; тогда отвѣчай своей спиной передъ начальствомъ. Иное дѣло зимою: тогда островъ отрѣзанъ носящимся непроѣзднымъ льдомъ отъ міра; въ монастырѣ всѣ свои люди, своя семья, уйти не куда. Это понимали и стражи, и стрегомые, а потому въ зимнее время охраненіе обычныхъ, не секретныхъ, арестантовъ было лишь номинальное. Арестанты свободно ходили за водой, за пищею на монастырскую кухню, за дровами, посѣщали другъ друга, спорили о вѣрѣ, работали, и только на ночь запирались каждый въ свой чуланъ. Колодниковъ хотя кормили и одѣвали монастырскимъ, но, по обычаю того времени, сидя въ своихъ казематахъ, они черезъ окна просили у проходящихъ милостыню. Въ лѣтнее время сердобольныя богомолки наносили имъ холста, нитокъ, бѣлаго хлѣба и меду,

а иногда малую толику денегъ. Въ зимнее время монастырскіе старцы имѣли обыкновеніе въ день своего ангела или на поминъ душъ своихъ родителей дѣлать арестантамъ подаванія. Случалось, что узника утѣшали не матеріальною помощію только, но и словомъ любви и участія; тутъ узнавалъ узникъ иногда и то, что творится на бѣломъ свѣтѣ.

Съ начала настоящаго столѣтія жизненная обстановка арестантовъ нѣсколько улучшилась. Ихъ стали помѣщать не въ сырые, душныя казематы, а въ болѣе сухіе и свѣтлыя новыя арестантскіе чуланы. Арестантовъ, коихъ не велѣно было держать въ особомъ уединенномъ мѣстѣ, запирали въ чуланы только на ночь, а днемъ они свободно могли сходитьсь въ корридорахъ и посѣщать другъ друга. Сойдясь въ корридорахъ, арестанты производили жаркіе диспуты о вѣрѣ, настолько горячіе, что не рѣдко кончались рукопашной схваткой, которую приходилось разнимать караульнымъ солдатамъ, часто принимавшимъ участіе въ этихъ спорахъ. Особенно горячими спорщиками и защитниками восточнаго православія, понимаемаго ими по своему, были въ то время есаулъ войска донскаго Котельниковъ и игуменъ Селенгинскаго монастыря Израиль. Ихъ пренія не рѣдко кончались приступами бѣшенства, продолжавшагося нѣсколько недѣль. Когда монастырское начальство узнавало о такихъ жаркихъ спорахъ, то приказывало особенно горячихъ спорщиковъ на нѣкоторое время запираеть въ чуланы, не выпуская ихъ оттуда ни для чего. Впрочемъ, многое относительно строгости или слабости содержанія арестантовъ зависѣло отъ настоятеля монастыря, который въ Соловкахъ былъ самъ богъ, самъ царь. При добрыхъ, гуманныхъ настоятеляхъ арестантамъ жилось сносно: ихъ водили въ церковь по праздникамъ, сами они ходили за водой на канаву за полверсты отъ монастыря, попеременно ходили на монастырскую кухню за пищей, каждую недѣлю мылись въ банѣ, прогулки тоже разрѣшались. Но все это дозволялось лишь зимою, когда въ монастырѣ никого посторонняго не бываетъ; лѣтомъ арестантовъ ни въ церковь, ни за водой, ни куда бы то ни было не выпускали; въ баню все таки водили раннимъ утромъ, когда еще народъ спалъ. При настоятеляхъ суровыхъ, строгихъ положеніе арестантовъ дѣлалось несноснымъ: ихъ томили въ душныхъ чуланахъ, не выпуская даже для естественной нужды, плохо

кормили, жалобы на дурное обращеніе стражи, которая старалась поддѣлаться въ тонъ начальству, оставались безъ всякаго вниманія, прогулки воспрещались. Вотъ какъ описываетъ одинъ арестантъ-священникъ Лавровскій свое положеніе при архимандритѣ Досифеѣ Нѣмчиновѣ въ началѣ 1830-хъ годовъ.

— „Тюрьма Соловецкая при архимандритѣ Досифеѣ была, дѣйствительно, несноснымъ игомъ. Въ каждомъ чуланѣ, всегда почти запертомъ, трехъ аршинъ длины, въ два аршина съ двумя или тремя вершками ширины, находилось по два арестанта; между двухъ воекъ былъ проходъ только для одного узника; рамы не имѣли форточекъ, отчего воздухъ стѣснительный дѣлался удушьющимъ, и одно милосердіе Божіе спасало страдальцевъ. Для исполненія естественной нужды не дозволялось выходить въ нужное мѣсто, куда однажды только въ сутки выносили арестанты изъ чулановъ свои судна для очищенія. Пища давалась убогая; арестанты восхищались отъ радости, когда имъ, изрѣдка, приносимъ былъ мягкій хлѣбъ. Въ продолжительныя зимнія ночи узникамъ не дозволялось при огнѣ и поужинать; посему, держа только предъ лицомъ ложку, ошупью употребляли они пищу. Но всѣхъ прискорбій тогдашняго содержанія въ нынѣшнемъ моемъ положеніи ¹⁾ и объявить не можно, дабы и самое истинное описаніе утѣсеній не вмѣнено мнѣ было въ новое преступленіе“.

Кромѣ описанныхъ утѣсеній физическихъ, арестанты подвергались болѣе тяжкимъ нравственнымъ утѣсеніямъ. Въ одномъ чуланѣ помѣщали двухъ сектантовъ такого рода, что они не только сообщаться и бесѣдовать другъ съ другомъ не хотѣли, но даже безъ злобы не могли смотрѣть одинъ на другаго. Такое сожительство, худшее полного одиночества, должно было продолжаться многіе года, ибо такое сожительство признаваемо было одною изъ мѣръ исправленія.

Такія утѣсенія арестантовъ могли бы продолжаться еще много времени, если бы не одинъ печальный случай, убійство арестантомъ поручикомъ Веселаго караульнаго солдата, заставилъ высшее начальство обратить вниманіе на положеніе арестантовъ въ Соловкахъ, гдѣ, безъ всякаго контроля, настоятель былъ самовластнымъ господиномъ. Въ 1835 году былъ, по высо-

¹⁾ Писалъ онъ это сюда въ тюрьмѣ, но уже при другомъ настоятелѣ.

чайшему повелѣнію, командированъ жандармскій полковникъ Озерецковскій для ревизіи Соловецкаго острога. Онъ нашелъ, что положеніе арестантовъ слишкомъ тяжелое, что многіе преступники несутъ наказаніе, превышающее ихъ вину. О результатахъ ревизіи скажу въ своемъ мѣстѣ.

Послѣ смѣненнаго въ это время архимандрита Досифея прибылъ на его мѣсто новый настоятель архимандритъ Иларій, человекъ мягкій, гуманный и желающій всякаго добра узникамъ. Во время его настоятельства сдѣланы многія улучшенія въ положеніи арестантовъ, какъ въ помѣщеніяхъ, такъ и въ пищѣ, одеждѣ, особенно въ нравственномъ ихъ утѣшеніи. Почасту бесѣдуя съ арестантами, даже приглашая ихъ для бесѣдъ въ свои комнаты, архим. Иларій старался своимъ ласковымъ словомъ, принятіемъ участія въ ихъ положеніи подать лучъ надежды на лучшее будущее и тѣмъ смягчить тяжесть заключенія. Я ниже приведу его переписку съ гр. Протасовымъ, бывшимъ тогда оберъ-прокуроромъ синода, о состояніи арестантовъ, хорошо рисующую ихъ положеніе.

Что касается людей, ссылаемыхъ подъ началъ для строгаго смотрѣнія надъ ними, то ихъ положеніе было нѣсколько лучше тѣхъ, коихъ ссылали подъ караулъ, т. е. въ тюрьму. Подначальные люди жили наряду съ монастырскими послушниками и по монастырскому обычаю обязаны были работать, что привлекаетъ монастырское начальство. Только богатые и знатные изъ ссыльныхъ людей, которые имѣли средства откупиться отъ работы, могли жить какъ имъ хочется, работать или нѣтъ. Нѣкоторые ссылались прямо на извѣстную работу, съ извѣстною строгостію содержанія, такъ что ни милость мѣстнаго начальства, ни деньги не могли избавить ихъ отъ работъ.

Такъ, въ 1623 году, патриархомъ Филаретомъ присланъ съ Москвы Ѳедоръ Семеновскій подъ началъ—въ хлѣбню; въ 1681 г. черный попъ Семіонъ—въ хлѣбню на цѣпь, гдѣ онъ, прикованный къ стѣнѣ, долженъ былъ мѣсить хлѣбы. Въ большинствѣ случаевъ подначальные были посылаемы въ черныя труды. Черными трудами въ монастырѣ считается мытье бѣлья, уборка нечистотъ, рубка и возка дровъ и т. п. Когда не означено было рода работы, тогда монастырское начальство назначало работу по своему усмотрѣнію. Вообще подначальные отдавались всецѣло

во власть монастырскаго начальства: оно могло посылать его въ ту или другую работу, а въ случаѣ непослушанія или каекого-либо неудовольствія бить и истязать его, какъ хотѣло. Впрочемъ, въ случаѣ каекого-либо неблаговиднаго поступка, подначальнаго предавали монастырскому суду и, по постановленію этого суда, чинили смиреніе. Вотъ образецъ таковаго суда.

— „1709 года, марта въ 14 день, въ Соловецкомъ монастырѣ присланный съ Москвы калужскій посадскій человекъ Ѳеодоръ Мутовозовъ въ портной швальнѣ, въ чуланѣ у портнаго мастера, у Игнатя Архипова, пойманъ и въ соборныя сѣни приведенъ и предъ городничимъ соборнымъ старцемъ Васіаномъ допрашиванъ.

„А въ допросѣ онъ, Ѳеодоръ, сказалъ: Постылся-де онъ, Ѳеодоръ, на первой недѣлѣ вел. поста, въ отцу духовному на исповѣди(былъ), и въ ночи вышписаннаго того мѣсяца 11 числа почевалъ въ рубашечной палатѣ, въ швальнѣ. И изъ тое швальни, вставъ въ ночи, изъ рубашечной шель въверхъ по лѣстницѣ въ портную швальню. И пришедь, отомкнулъ ключемъ своимъ чуланъ, и вшелъ въ него, и затворилъ, и хотѣлъ искать денегъ или серебра, и того онъ, Ѳеодоръ, учинить не успѣлъ, только успѣлъ взять въ томъ чуланѣ ложечникъ съ ложкою да полотна аршина полтора. И засталъ его, Ѳеодора, въ томъ чуланѣ тое-жъ портной швальни Филиппъ Григорьевъ. А то онъ, Ѳеодоръ, учинилъ своимъ умысломъ, и ни отъ кого не наученъ, и никто про то не вѣдалъ, и прежь того онъ, Ѳеодоръ, по чуланамъ не хаживалъ, и воровства за нимъ, Ѳеодоромъ, не бывало. А вторымъ ключемъ чуланъ онъ, Ѳеодоръ, отмыкалъ, и тотъ ключъ отъ него, Ѳеодора, отданъ огороженному старцу Мисаву. А за вышписанное его, Ѳеодора, воровство, учинено смиреніе: бить плетемъ. Руку приложилъ (на оборотѣ) къ симъ попроснымъ рѣчамъ Ѳеодоръ Мутовозовъ“.

Жалобы на дурное и произвольное обращеніе монастырскаго начальства не могли имѣть мѣста. Переслать какую-либо жалобу изъ Соловокъ безъ вѣдома начальства и въ настоящее время трудно, а тогда было почти невозможно. Переписываться подначальные могли лишь съ дозволенія и подъ надзоромъ настоятеля; съ людей, выѣзжающихъ изъ монастыря на судахъ, брались росписи, что они ничего не будутъ возить безъ вѣдома начальства. Переслать черезъ пріѣзжающихъ богомольцевъ тоже было трудно. Шпіонство въ монастырѣ были развиты до крайнихъ предѣловъ; каждый шагъ, каждое слово было извѣстно настоятелю. Сношеніе подначальныхъ съ прочею братією было очень рискованно. Если замѣчали кого-либо изъ братіи, что онъ разговариваетъ съ подначальнымъ, то таковаго подвергали допросамъ, а въ иныхъ случаяхъ садили подъ караулъ на цѣпь. Съ подна-

чальными, въ случаѣ чего-либо подозрительнаго, поступали еще строже. Когда находили у кого-либо „воровское письмо“, то виновнаго садили въ тюрьму, нерѣдко на нѣсколько лѣтъ, предварительно выдравъ плетями. Случалось изрѣдка, что такія „воровскія письма“ дохаживали до Москвы и Петербурга, —какой-либо сердобольный странникъ донашивалъ ихъ, въ награду за что получалъ отъ начальства нѣсколько палокъ въ спину, —но въ результатѣ получалось только внушеніе за то, что начальство въ монастырѣ не зорко смотритъ надъ ссыльными.

Трудность подначальнаго житія всею тяжестію ложилась только на людей бѣдныхъ, безвѣстныхъ, а для богатыхъ и знатныхъ жить было многимъ лучше. Такъ, напр., кн. Львовъ, сосланный по дѣлу печатнаго двора, при Никонѣ, пользовался полною свободою, дѣлалъ, что хотѣлъ, ночи проводилъ съ монахами въ пьянствѣ и разныхъ играхъ, и начальство должно было смотрѣть на все это сквозь пальцы. Одно очень важное преимущество подначальныхъ людей передъ тюремными людьми было то, что они могли, познакомясь съ мѣстностію и людьми, надѣяться на возможность побѣга, а эта надежда для тюремныхъ людей была неосуществимою мечтою. И дѣйствительно, побѣги удавались лишь подначальнымъ людямъ, а не было примѣра за все время ссылки, чтобы кто-либо убѣгалъ изъ казематовъ.

Какъ вообще жилось ссыльнымъ въ Соловкахъ, можно заключить изъ одной просьбы губернскаго секретаря Пархомова, сосланнаго при императрицѣ Елизаветѣ въ Соловки подъ надзоръ, а не въ тюрьму, —который просилъ, какъ величайшей милости, чтобы его перевели изъ сего „студенаго, крайсвѣтнаго, темнаго, нелюдимаго острова, гдѣ не только здоровье человѣческое, но и желѣза ржавѣютъ“, въ каторжную работу въ Петербургъ. Если подначальные, коимъ сравнительно съ колодниками жилось сносно, особенно такіе, какъ Пархомовъ, надъ которымъ произволъ настоятеля не могъ проявиться безгранично, просили, какъ милости, каторги, то что же можно сказать о положеніи бѣдныхъ колодниковъ, которые жили въ своихъ казематахъ безвыходно. „Всея ихъ горести, какъ пишетъ Пархомовъ своему сыну, и помыслить не можно“.

Какъ родъ заключенія и строгость содержанія у колодниковъ и подначальныхъ людей были не одинаковы, такъ и пища

ихъ была различна. Въ грамотахъ XVI—XVIII ст., при конхъ были посылаемы арестанты, всегда упоминалось, какую имъ давать пищу. Самымъ скуднымъ содержаніемъ было назначеніе „давать токмо одинъ хлѣбъ и воду“. Такое содержаніе было назначено раскольщику дьячкову сыну Ивану Яковлеву. Потомъ были приказы давать пищу противъ монастырскихъ людей іеромонаховъ, монаховъ и работниковъ. „А пищу давать ему, говорятъ наказы, противу одного іеромонаха“, или монаха, или работника. Самое частое назначеніе пищи было противу одного монаха.

Чтобы сдѣлать понятнымъ смыслъ этихъ выраженій, я долженъ сказать, что въ Соловецкомъ монастырѣ, по древнему обычаю, существуетъ три трапезы: верхняя, или братская, монашеская, нижняя — для богомольцевъ, трудящихся на монастырь, и, наконецъ, рабочая, — за монастыремъ, гдѣ кормятъ наемныхъ рабочихъ и дровозововъ. Трапезы эти разнятся какъ по количеству блюдъ, такъ и по качеству пищи: на верхней трапезѣ подается четыре блюда, а на нижней три и то худшаго качества ¹⁾. Для арестантовъ пища не готовилась отдѣльно, а брали ее съ монастырскихъ кухонь. Тѣмъ арестантамъ, которымъ назначалась пища противу іеромонаха, брали пищу съ верхней трапезы, кому противу монаха — съ нижней, а кто былъ на порціи работника — изъ кухни рабочихъ.

Съ конца XVIII ст. всѣмъ арестантамъ начали давать пищу одинаковую, братскую. Арестанты поочереды ходили съ ведрами на монастырскія кухни и приносили въ тюрьму пищу; тамъ брали ее каждый въ свою чашку и уносили въ свои чуланы. Секретнымъ колодникамъ приносили пищу караульные. Быть вмѣстѣ мѣшала религіозная рознь сектантовъ. У арестантовъ велась очередь, кому какой день брать пищу первымъ въ свою чашку. Кто первымъ бралъ изъ ведра принесенную пищу, тотъ въ очередной день пользовался не оскверненной еретикомъ пищей и вкушалъ ее съ чистою совѣстію. За то другіе, вынужденные брать пищу, уже початую другимъ, иной секты, арестантомъ, слѣд. оскверненную, должны были прежде вкушенія пищи

¹⁾ Подробное изслѣдованіе о питаніи въ Соловкахъ пишетъ докторъ медицины П. Ф. Федоровъ. М. К.

положить начало, т. е. нѣсколько поклоновъ, чтобы Господь простилъ ихъ, что они по необходимости должны ѣсть оскверненную пищу.

Въ прежнее время въ монастырѣ былъ обычай: предъ обѣдомъ іеромонахъ ходилъ со святой водой и окроплялъ всю пищу, и потому дѣлалъ ее оскверненною въ глазахъ сектантовъ, тогда всѣмъ нуженъ былъ началъ. Въ послѣднее время арестантамъ позволялось брать пищу ранѣе окропленія ея святой водой.

Нѣкоторымъ арестантамъ, преимущественно секретнымъ, выдавалось денежное пособіе, а караульные должны были получать для нихъ пищу. Такъ, секретному колоднику „бывшему Пушкину“ выдавалось по гривнѣ въ день, а кошевому Сѣчи запорожской Кольнишевскому — по рублю. На свои деньги арестанты могли заказывать себѣ пироги, булки, покупать лакомства и пр., но деньги всегда хранились у монастырскаго казначея, который выдавалъ ихъ по немногу на потребности арестанта.

Одежду арестанты пользовались также отъ монастыря. Бѣлье и верхнюю не теплую одежду позволялось носить свою. Монастырь выдавалъ пару рубашекъ и портовъ, чулки холщевые и суконные, босовики, балахонъ холщевый, а иногда суконный кафтанъ. Вещи давались безъ срока; когда какая вещь изнашивалась—ее смѣняли новою. Для спанья полагался войлокъ, обтянутый холщевою наволочкою, и подушка изъ оленьей шерсти. Богатые арестанты имѣли свои спальныя принадлежности, свое платье и бѣлье, и даже свою прислугу. Одинъ арестантъ, офицеръ Жуковъ, даже торговалъ своими людьми, сидя въ Соловецкой крѣпости: двухъ слугъ, своихъ крѣпостныхъ, продалъ какому-то офицеру по 10 руб. за штуку.

За содержаніе арестантовъ пищею и одеждою государство платило монастырю отъ 120 до 160 руб. за человѣка въ годъ.

М. А. Колчинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Въ апрѣльской книгѣ „Русской Старинѣ“ пзд. 1837 г., стр. 159, Н. Г. Троицкій, упомывая о посѣщеніи Пушкинымъ одесскаго лица, говоритъ, что будто-бы Пушкинъ, заставъ одного воспитанника за чтеніемъ Онегина, шутя замѣтилъ ему: „охота вамъ читать этотъ вздоръ“.

Свѣдѣніе это невярно.

Онегинъ съ первой главы началъ печататься въ Петербургѣ только въ началѣ 1825 года, когда Пушкинъ жилъ не въ Одессѣ, которую онъ оставилъ въ іюлѣ 1824 года, а въ Псковской губерніи, въ селѣ Михайловскомъ, поэтому подобной шутки онъ не могъ говорить лицу и лицу не могъ читать Онегина во время пребыванія Пушкина въ Одессѣ иначе, какъ въ рукописи; но ни изъ чего не видно, чтобы поэтъ такъ былъ близокъ къ лицу, чтобы воспитанникъ лица пользовался его рукописями.

Въ той же книгѣ, стр. 163, при описаніи квартиры, гдѣ умеръ Пушкинъ, сказано: „мы усѣлись отдохнуть въ кабинетъ на диванѣ предъ столомъ, въ которомъ, къ величайшему удивленію, увидѣли съ письменными принадлежностями въ беспорядкѣ наваленную кучу черновыхъ стихотвореній поэта. Мы съ любопытствомъ стали ихъ разсматривать“.

Это заявленіе по важности своей требовало бы разъясненія, такъ какъ извѣстно, что по высочайшему повелѣнію, по кончинѣ Пушкина, Жуковскій немедленно опечаталъ кабинетъ своею печатью до разбора рукописей поэта.

Андрей Цимбалкстовъ.

9 іюня 1887 года.

Александръ Ивановичъ Никитскій.

ЗАМѢТКА.

Въ некрологѣ: „А. И. Никитскій“, напечатанномъ въ іюльской книгѣ „Русской Старинѣ“ изд. 1887 г., не указана довольно важная черта дѣятельности покойнаго.

Посвятивъ свои наслѣдованія внутренней жизни самостоятельныхъ общинъ Новгорода и Пскова и сочувствуя развитію русской археологіи, А. И. посѣщалъ археологическіе сѣзды: въ Кіевѣ, Тифлисѣ и Одессѣ. На IV, V и VI археологическихкихъ сѣздахъ съ глубокимъ вниманіемъ и живымъ интересомъ были выслушаны его рефераты, въ Кіевѣ—о распространеніи торговли Новгорода, въ Тифлисѣ—„О слѣдахъ Востока въ новгородской торговлѣ“ (16 сентября 1881 г.). Въ особенности важенъ на одесскомъ сѣздѣ рефератъ, прочитанный въ засѣданіи 25 августа 1884 г. Со свойственною покойному скромностью въ сообщеніи: „Петербургъ въ XV столѣтіи“ проведена очень важная мысль, что Петръ Великій, въ выборѣ мѣста для Петербурга, перваго русскаго города при западномъ морѣ, имѣлъ предшественниковъ въ новгородскихъ колоністахъ, давшихъ и названія островамъ, напр., Васильевскому, и ведшихъ дѣятельныя сношенія, при посредствѣ Ганзы, съ Данцигомъ. Ихъ поселокъ на устьѣ Невы былъ павѣстенъ у нѣмцевъ подъ именемъ Nu, Nu, т. е. Нева, въ смыслѣ Васильевскій и др. острова. (Позже шведское укрѣпленіе Невское—Ніен-шандъ). Мѣстность эта была населена новгородцами „не меньше другихъ мѣстностей“.

Выходитъ, что Петръ В. основаніемъ Петербурга „попалъ въ истинный потокъ исторической народной жизни“.

П. Юрченко.

Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX вѣка ¹⁾.

Очеркъ первый.

Крестьянскій вопросъ въ журналистикѣ и литературѣ въ царствованіе императора
Александра I.

1.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II впервые началось серьезное обсужденіе крестьянскаго вопроса: сама государыня указала въ Наказѣ на необходимость ограниченія крѣпостнаго права, она-же побудила вольное экономическое общество обнародовать задачу о правѣ собственности крестьянъ; въ комиссіи для составленія новаго уложенія происходили горячіе споры между сторонниками и против-

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“ были напечатаны слѣдующія статьи магистра русской исторіи В. И. Семеваго по исторіи крестьянъ и крестьянскаго вопроса въ Россіи: 1) „Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II“, 1876 г., т. XVII, стр. 579—618, 653—690. 2) „Волненія крѣпостныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II“, 1877 г., т. XVIII, стр. 193—226. (Обѣ эти монографіи вошли затѣмъ въ составъ книги того-же автора: „Крестьяне при Екатеринѣ II“, т. I., Спб., 1881 г.). 3) „Казенные крестьяне при Екатеринѣ II“, 1879 г., т. XXIV, стр. 1—40, 247—266, 377—396, 621—638; т. XXV, стр. 35—54, 231—248. 4) „Рѣчь, произнесенная въ московскомъ университетѣ предъ диспутомъ при защитѣ диссертациі на степень магистра русской исторіи, 17-го февраля 1882 г.“; 1882 г., т. XXIV, стр. 565—578. 5) „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II въ письмахъ князей Д. А. и А. М. Голицыныхъ“, 1882 г., т. XXXV, стр. 233—274. 6) „Ворьба крѣпостныхъ съ помѣщичьей властью въ царствованіе императора Николая“, 1887 г., т. LIII, 389—430.

Ред.

никами ограниченія помѣщичьей власти. Все это должно было отразиться на современной журналистикѣ и литературѣ и побудило нашихъ писателей содѣйствовать рѣшенію крестьянскаго вопроса обличеніями различныхъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ. Извѣстно, какую полезную службу обществу сослужили въ этомъ направленіи Новиковскіе журналы «Трутень» и «Живописецъ»; извѣстно, что сама императрица задѣла жестокихъ помѣщиковъ въ комедіи «О, время»; тѣмъ же направленіемъ проникнута комедія Княжнина «Несчастье отъ кареты».

Любопытно, что обличенія злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ мы находимъ даже у таковаго яраго противника освобожденія крестьянъ, какимъ былъ извѣстный писатель А. П. Сумароковъ. Въ возраженіяхъ на Наказъ императрицы Екатерины онъ старался представить положеніе крѣпостныхъ въ радужномъ свѣтѣ; въ письмѣ въ вольное экономическое общество, по поводу обнародованной этимъ послѣднимъ задачи о правѣ собственности крестьянъ, Сумароковъ явился также энергическимъ защитникомъ крѣпостнаго права; не смотря на все это, онъ нерѣдко обличаетъ въ своихъ сочиненіяхъ злоупотребленія помѣщичьею властью. Такъ, въ одномъ изъ хоровъ, написанныхъ имъ къ большому маскараду, бывшему въ Москвѣ въ 1763 г., прелетѣвшая изъ-за моря синица рассказываетъ, что за моремъ воеводы правдивы, дыки не ѣздятъ цугами, въ подрядахъ не крадутъ:

„Со крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,
Деревень на карты тамъ не ставятъ,
За моремъ людьми не торгуютъ,
. . .
Всѣ люди за моремъ трудятся,
. . .
Лучше работающій тамъ крестьянинъ,
Нежели господинъ тунеядецъ“.

Въ сатирѣ «О благородствѣ», посвященной дворянамъ, Сумароковъ говоритъ:

— „На то-ль дворяне мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ?
И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ.
И если не асятій умъ барскій мужикова,
Такъ я различія не вижу никакова.
Мужикъ и цѣть, и ѣсть, родился и умереть;
Господскій такъ-же сынъ, хотя и слаще жреть,
И благородіе свое нерѣдко славить,

Что дѣлны похъ людей на каргу онъ поставитъ.
 Ахъ! должно-ли людьми скотныѣ обладать?
 Не жалко-ль,—можетъ бытъ людей быку продать?*

Въ другой сатиры «О честности» тотъ же авторъ говоритъ:

„Пречестный господинъ слугъ кормитъ и поитъ,
 Хотя его слуга и не довольно сытъ;
 Безъ нужды не отдастъ онъ лишняго въ солдаты,
 Какъ развѣ что купитъ, нль долга на заплати;
 Однако, и за то снабдитъ его жену,
 И дастъ ей кулъ муки за ту свою вину.
 Да чѣмъ дѣтей кормитъ? за что-жъ терпѣтъ имъ голодъ?
 Такъ ихъ въ аукционѣ боярныѣ шлетъ подъ молотъ“¹⁾.

Еще подробнѣе рисуетъ Сумароковъ печальное положеніе крѣпостныхъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ; мы остановимся на нихъ въ виду исключительно крѣпостнической репутаціи Сумарокова. Такъ, въ статьѣ «О домостроительствѣ» онъ говоритъ:

«Почему-жъ называютъ тѣхъ жадныхъ помѣщиковъ экономами, которые или на свое великолѣпіе, или на заточеніе золота и серебра въ сундуки сдираютъ со крестьянъ своихъ кожи, и конхъ мануфактуры и прочіе вымыслы крестьянъ отягощаютъ и все время у нихъ на себя отъемлютъ, учиня ихъ невинными каторжниками, кормя и поя какъ водовозныхъ лошадей, противу права моральнаго и политическаго, единственно ради своего излишняго изобилія, раздражая и божество, и человѣчество... Каждый человѣкъ есть человѣкъ, и всѣ преимущества только въ различіи нашихъ качествъ состоятъ... Но какъ то ни есть, уступимъ политическому расположенію, когда моральное мало свойственно роду человѣческому, и утвердимъ помѣстничество или паче власть нашу, свойственную одному человѣколюбію. Власть быти должна; не деревня будетъ, но гнѣздо разбойническое, гдѣ нѣтъ у поселянъ ни прикащика, ни старосты. Тѣло безъ головы быти не можетъ, однако и мизинецъ ноги есть членъ тѣла. Помѣщикъ, обогащающійся непожѣрными трудами своихъ подданныхъ, суетно возносится почтеннымъ именемъ домостроителя, и долженъ онъ названъ быть домораззорителемъ. Такой извергъ природы—невѣжа и во естественной исторіи, и во всѣхъ наукахъ. Тварь безграмотная, не почитающій ни Божества, ни человѣчества..., разрушающій блаженство вѣранныхъ ему людей, стократно вреднѣе разбойника отечества.

¹⁾ Въ „притчѣ“ (баснѣ) „Воля и неволя“ волкъ предпочитаетъ свою голую, но свободную, жизнь сытой жизни собаки на дѣни. В. С.

Увеселяюся ли я тогда..., когда мнѣ такой извергъ показываетъ сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, птицъ, рыбныя ловли, рукодѣлія и прочее? Но я съ такими домостроителями не схожуся, и пищи, орошенная слезами, не вкушаю... Въ такомъ обѣдѣ пища—мясо чело-вѣческое, а питье—слезы и кровь... Ежели помѣщикъ почитаетъ себя головою своихъ подданныхъ, такъ, сохраняя голову, сохранить и мизинецъ; ибо голова тѣла и мизинцу состраждетъ. Но таковыя гнусныя домостроители не почитаютъ себя головою своей деревни и не отлпчаютъ крестьянъ отъ лошадей... Домостроительство помѣщичье есть ядъ имперіи, когда оно только единаго помѣщика обогащаетъ... Но что дѣлаю я въ разсужденіи моихъ крестьянъ по домостроительству? Что я противъ беззаконнаго домостроительства пишу, то я и дѣлаю».

Въ статьѣ «О почтеніи автора къ приказному роду» Сумароковъ говоритъ о томъ, какъ помѣщикъ проигрываетъ въ карты цѣлое село. Такимъ образомъ, признавая необходимость крѣпостнаго права и помѣщичьей власти, Сумароковъ энергически возстаетъ противъ обремененія крестьянъ тяжелыми работами и поборами, противъ торговли людьми и проигрыванія ихъ въ карты.

Злоупотребленія помѣщичьею властью энергически обличались тогда печатью, но въ ней очень рѣдко обсуждался вопросъ, какъ помочь этому злу; однако, повинны въ этомъ не наши писатели. Известно, что лучшій русскій отвѣтъ на задачу вольнаго экономическаго общества, принадлежащій перу Полѣнова, не былъ напечатанъ въ свое время, по причинамъ, отъ автора не зависѣвшимъ. Заслужившій премию отвѣтъ француза Беарде де Лаббея появился въ «Грудахъ вольнаго экономическаго общества» и въ русскомъ переводѣ, остальные же три лучшіе отвѣта иностранныхъ писателей были напечатаны лишь въ подлинникахъ, по французски и по нѣмецки.

Какія же средства указывалъ Беарде де Лаббей для рѣшенія крестьянскаго вопроса. Беарде предоставлялъ все это дѣло усмотрѣнію помѣщиковъ безъ всякаго вмѣшательства государства: господинъ самъ надѣлитъ крестьянъ землю въ вознагражденіе за ихъ особенное прилежаніе, при чемъ опредѣленіе степени этого прилежанія и размѣровъ надѣла будетъ вполнѣ отъ него зависѣть. Но во всякомъ случаѣ, по мысли Беарде, участокъ земли, дарованный крестьянину, не долженъ быть великъ, не долженъ вполнѣ обезпечивать состояніе его семьи, и всѣ разсчеты помѣщика, всѣ надежды на увеличеніе дохода основываются на томъ, что крестьяне должны будутъ брать его земли въ аренду, должны уже не въ силу юридическаго принужденія, но побуждаемые необходимостью обезпечить

свое пропитаніе. Къ тому же даже и это благополучіе предоставляется какъ награда крестьянамъ за хорошее поведеніе въ весьма отдаленномъ будущемъ: ему предшествуютъ наставленія священника, съ цѣлью развитія крестьянъ, затѣмъ освобожденіе по одиночкѣ и дарованіе права на движимое имущество и, наконецъ, черезъ многіе годы, надѣленіе маленькимъ клочкомъ земли. Очевидно, такой планъ совершенно не подходилъ къ условіямъ русской народной жизни, и осуществленіе его могло бы принести только величайшій вредъ.

Въ «Трудахъ вольнаго экономического общества», въ концѣ 1760-хъ и началѣ 1770-хъ годовъ появлялись статьи, авторы которыхъ желали не освобожденія крестьянъ, а лишь установленія болѣе опредѣленныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьянами, но не путемъ правительственныхъ мѣропріятій, а по волѣ самихъ землевладѣльцевъ. Авторы этихъ статей пропагандировали введеніе у насъ дворовъ съ опредѣленнымъ числомъ душъ, извѣстнымъ количествомъ земли и точнымъ опредѣленіемъ размѣра барщины, допуская при томъ существованіе и бобылей, но, къ счастью, эта пропаганда въ русскомъ обществѣ остзейскихъ поземельныхъ отношеній не имѣла замѣтныхъ результатовъ. Авторъ одной изъ такихъ статей, баронъ Зальца, говоритъ: «Крестьянинъ долженъ быть безопаснымъ въ собственности своего имѣнія, дабы, будучи исправенъ въ господской работѣ и въ платежѣ своихъ податей, не могъ опасаться новыхъ налоговъ... Ничего человѣчеству столь несвободно, какъ всегдѣшняя неволя, зависящая отъ произволенія единаго только человѣка и неограниченная предписаніемъ какого нибудь права. Происходящій отъ того ущербъ почти столь же великъ, каковъ бы воспослѣдовать могъ отъ совершеннаго неимѣнія законовъ»...

Бѣда только въ томъ, что введеніе порядковъ, предлагаемыхъ авторами въ родѣ барона Зальца, не только не улучшило бы, а напротивъ, сдѣлало бы болѣе тяжелымъ положеніе огромнаго большинства нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ «Трудахъ вольнаго экономического общества» появлялись въ это время и рѣзко крѣпостническія заявленія по крестьянскому вопросу. Такъ, авторъ одной статьи объ управленіи помѣщичьими вотчинами въ отсутствіе господина, между прочимъ, говоритъ: «Прежде всего надлежитъ стараться, чтобъ земледѣльцы и бобыли о своихъ дѣлахъ разсуждали такъ, что они не для одной только собственной своей пользы упражняются въ земледѣліи..., но тѣмъ обязаны служить, во первыхъ, государю, потомъ помѣщику и всему обществу и быть непрекословными данниками, не воображая никакихъ въ своемъ званіи невозможныхъ случаевъ». Членъ общества фонъ-Клингштетъ въ статьѣ «Изясненіе вопроса: не

возможно-ли избрѣсть средства, способныя къ поощренію земледѣльцевъ, къ вѣщему трудолюбію и къ уменьшенію лѣности, въ большей части оныхъ вкоренившейся», между прочимъ, говорить: «Вольность и собственное владѣніе имѣніемъ своимъ должно, безъ сомнѣнія, почитать наисильнѣйшимъ поощреніемъ человѣческаго трудолюбія. Но когда въ самое то-жъ время взирать на бѣдственное состояніе столь многихъ чухонскихъ и украинскихъ жителей, хотя они и всѣ люди вольныя, то признаться должно, что вольность тѣмъ людямъ, которые ею по надлежащему не умѣютъ пользоваться, больше бываетъ вредною, нежели полезною, и что одна только вольность не въ силахъ препятствовать лѣности и предупреждать происходящую отъ ней бѣдность». Но консервативныя мнѣнія въ печати по крестьянскому вопросу были, въ первую половину царствованія императрицы Екатерины, рѣдкимъ исключеніемъ.

Во вторую половину царствованія гораздо труднѣе было проникнуть въ печать либеральнымъ мнѣніемъ по крестьянскому вопросу; реакція замѣтно отразилась и на литературѣ. Еще въ «Недорослѣ» Фонъ-Визина, напечатанномъ въ 1783 г., предаются осмѣянію жестокіе помѣщики, хотя мрачность красокъ смягчается выставленіемъ добродѣтельныхъ чиновниковъ и наказаніемъ порока; но другое сочиненіе Фонъ-Визина «Разговоръ у княгини Халдиной (письмо отъ Стародума» 1788 г.), гдѣ Сорванцовъ проигрываетъ въ карты тысячу душъ и продаетъ людей въ рекруты, въ свое время въ печати не появилось. Въ журналахъ, издававшихся въ это время Новиковымъ, почти нѣтъ и помину о прежней сатирѣ. Въ стихотвореніи «Быль» въ журналѣ «Вечерняя Заря» (1782 г.)¹⁾ представленъ баринъ, который бранить и бьетъ слугу и въ то же время думаетъ, что тотъ долженъ быть доволенъ своею судьбою, такъ какъ его кормятъ и одѣваютъ; протестъ слуги ведетъ къ наказанію его на конюшнѣ. Въ «Покоящемся Трудолюбцѣ» (1785 г.) было напечатано стихотвореніе «Письмо къ другу», принадлежащее перу женщины, гдѣ авторъ говоритъ о положеніи крестьянъ:

„Опн, работою и зносмъ утомленны,

 Трудяся для себя, но болѣе для насъ,
 Отдохновенія едва-ль имѣютъ часъ:
 Кровавый потъ они трудяся проливають
 И пищу нужную для насъ приготовляютъ.

¹⁾ Ч II, 307—310.

Для нашей роскоши, для прихоти своей
Мы мучимъ не стыдась подобныхъ намъ людей;
Съ презрѣнемъ вѣкомъ на ихъ труды взираемъ,
Гордися лѣнностью, ихъ силы пзнуриемъ.

• • • • •
Неужто будетъ вѣкъ одна для нихъ чреда
Для пользы нашей жить, а намъ для ихъ вреда ..“¹⁾

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя изъ тѣхъ немногихъ журнальныхъ статей второй половины Екатерининскаго царствования, въ которыхъ такъ или иначе задѣвалось крѣпостное право. Въ нихъ можно встрѣтить или довольно невинныя обличенія дурнаго обхожденія господъ со слугами²⁾, или увѣщанія первыхъ быть милостивыми, а вторыхъ послушными. Такъ, въ одномъ журналѣ съ этою цѣлью помѣщены нравоученія господамъ и «рабамъ» «славнаго господина Лафатера», гдѣ рабамъ даются, между прочимъ, слѣдующія наставленія: «Управляющій всѣмъ Промыслъ Божій, то есть самъ Богъ, премудрый и преблагій Отецъ восхотѣлъ, чтобъ ты былъ слугою... Такъ радуйся сему управленію, сей воля Божіей. Ибо все, что Богъ хочетъ, есть благо... посему лучше быть тебѣ слугою, служанкою, или нянькою и прочая, нежели какимъ нибудь другимъ человѣкомъ³⁾».

Относительно крестьянъ обыкновенно также ограничивались рекомендаціею гуманнаго съ ними обращенія. Такъ, въ одномъ журналѣ было помѣщено «Завѣщаніе уѣднаго дворянина своимъ дѣтямъ», въ которомъ отецъ даетъ такія наставленія относительно крѣпостныхъ: «Сихъ душъ не почитайте вы подлыми; онѣ кормятъ благородныхъ. Все учреждайте къ ихъ благосостоянію. Крестьяне всѣ равны намъ. Многіе нынѣ изъ дворянъ, грабя своихъ крестьянъ, пресыщаютъ собакъ». Напротивъ того, составитель завѣщанія проситъ своихъ дѣтей брать съ крестьянъ «весьма неотяготительный оброкъ» и не мучить сихъ «несчастныхъ людей». Далѣе рассказано, какъ одинъ изъ сосѣдей «почти до смерти засѣкъ было своего ѣднаго повара» за то, что тотъ «ненарочно обварилъ немного любимую его гончую собаку». Составитель завѣщанія оставляетъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство деревни лишь подъ условіемъ, «что они не будутъ тираны», будутъ брать весьма умѣренный оброкъ, во время набора ставить рекрута не иначе, какъ по жребію и не присвоятъ себѣ небольшого

¹⁾ «Покоящійся Трудолюбецъ», 1786 г., ч. IV, 229.

²⁾ Въ журналѣ «Всѣдующій Гражданинъ», 1789 г., ч. III, стр. 93—94, стихотвореніе «Участіе нашихъ слугъ».

³⁾ «Санктпетербургское еженедѣльное сочиненіе», 1778 г., стр. 331—334, 341, 362.

капитала, назначеннаго для поддержки крестьянъ въ ихъ промыслахъ ¹⁾. Въ журналѣ, издававшемся въ Ярославлѣ, было указано на необходимость измѣненія положенія крестьянъ ради улучшенія земледѣлія: «Гдѣ народъ», говоритъ авторъ, «держимъ въ своемъ отечествѣ собственностью и безопаснымъ имѣніемъ своихъ владѣній и доходовъ, тамъ земли суть въ наилучшемъ состояніи. Когда не будутъ давать преимуществъ однимъ городамъ, селамъ-же рабство, тогда увидятъ каждаго владѣльца, восхищающагося наслѣдіемъ предковъ своихъ ²⁾». Весьма энергическое нападеніе на злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ было сдѣлано въ журналѣ, издававшемся въ Тобольскѣ на средства приказа общественнаго призрѣнія, подъ заглавіемъ «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену». Здѣсь была помѣщена «Сатира на жестокости нѣкоторыхъ дворянъ къ ихъ подданнымъ» Ив. Бахт. (Бахтина), гдѣ, впрочемъ, стихъ не блещетъ особенными достоинствами. Прежде всего авторъ изображаетъ, какъ жестоко обращается со своими слугами скупецъ Криспъ, какъ плохо кормитъ и одѣваетъ ихъ. Не лучше и Меандръ относится къ своимъ крестьянамъ; обращаясь къ нему, авторъ говоритъ:

„Ты взоры на себя тѣмъ тщешься всѣхъ привлечь,
Что душъ съ пятисотъ въ годъ пять тысячъ получаешь,

Безщадно ихъ сѣчешь, притомъ сѣчешь съ охотой,
Меандръ, ты пьешь всегда Шампанское, Понтакъ,
Крестьяне-же твои забыли въ квасѣ смакъ;
А часто бѣдняки и безъ соли хлебаютъ,
Мякину иногда за хлѣбъ употребляютъ...“

Въ томъ же родѣ и еще два выведенные авторомъ владѣльца крѣпостныхъ душъ. Для смягченія слишкомъ рѣзкой картины, сочинитель въ заключеніе заявляетъ, что «сила просвѣщенія» значительно уменьшила число такихъ «уродовъ» ³⁾.

Если въ журналахъ второй половины Екатерининскаго царствованія рѣдко бичевалось крѣпостное право, то виноваты были въ этомъ не писатели, а тѣ неблагоприятныя условія, въ которыхъ находилась тогда печать. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго

¹⁾ „Бесѣдующій гражданинъ“ 1789 г., ч. II, стр. 233—235, 242—245. Наставленія о гуманномъ отношеніи къ крестьянамъ мы находимъ также въ „Духовной“, сочиненной и изданной отдѣльною книгою Друковцовымъ. С.-Петербург. 1780 г., стр. 7—8.

²⁾ „Уединенный Помехонецъ“ 1786 г., ч. II, „О Земледѣліи и земледѣльцѣ“, стр. 742.

³⁾ „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену“, январь, 1790 г., стр. 17—25 В. С.

примѣра. По поводу прѣдрѣпленія крестьянъ въ Малороссіи въ 1783 г. Капнистъ сочинилъ оду «На рабство», въ которой, между прочимъ, говоритъ:

Куда ни обращу зѣницу,
Омытую потокомъ слезъ,
Вездѣ, какъ скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:
Исчезли сельскія утѣхи,
Игрива рѣзвость, пляски, смѣхъ;
Веселыхъ пѣсней гласъ утихъ;
Златныя нивы сиротѣютъ;
Поля, лѣса, луга пустѣютъ,
Какъ туча, скорбь легла на нихъ.
Вездѣ, гдѣ кущи, села, грады
Храниль отъ бѣдъ свободы щитъ,
Тамъ тверды зиждетъ власть оградъ
И вольность уважи тѣснить.
Гдѣ благо, счастье народно
Со всѣхъ сторонъ текли свободно,
Тамъ рабство ихъ отгонитъ прочь.—
Увы! судьбѣ угодно было,
Одно чтобъ слово превратило
Нашъ ясный день во мрачну ночь.

А вы, Цари! на толь зпидитель
Своей подобну власть вамъ далъ,
Чтобы во областяхъ повластныхъ
Изъ счастливыхъ людей—несчастныхъ
И зло изъ общихъ благъ творить?
На то-ль даны вамъ скиптръ, порфира,
Чтобъ были вы бичами міра
И вашихъ чадъ могли губить?
Воззрите вы на тѣ народы,
Гдѣ рабство тяготитъ людей;
Гдѣ нѣтъ любезныя свободы
И раздается звукъ цѣпей:
Тамъ въ бѣдствѣ смертныя рожденны,
Къ уничиженью осужденны,
Несчастій полную чашу пьютъ;
Подъ игомъ тяжкія державы
Потоками льютъ потъ кровавый
И злѣе смерти жизнь влекуть.
Насилія властей страшатся,
Потупя взоръ должны стенать;
Поднявъ главу, воззрѣть боятся
На жезлъ готовый ихъ карать.
Въ веригахъ рабства унывають,
Низвергнуть нга не дерзають,

Обременяющаго ихъ;
Отъ страха казни цѣпенѣютъ
И мыслію насилу смѣютъ
Роптать противъ оковъ своихъ“.

Обращаясь далѣе къ царицѣ, авторъ спрашиваетъ ее: неужели она «умножить муки» народа:

„Возможно-ль, чтобъ сама ты нынѣ
Повергла въ жертву злой судьбинѣ
Тебя любящихъ чадъ твоихъ?“

Поэтъ выражаетъ, напротивъ, надежду видѣть

. „то златое время,
Когда спасительной рукой
Веригъ постыдно сложишь бремя
Съ отчизны моея драгой“.

Тогда «прервется въ тѣхъ краяхъ стenanье» и «съ счастьемъ вольность процвѣтетъ».

Княгиня Дашкова, повидимому, хотѣла помѣстить оду Капниста въ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», которыя начали издаваться въ 1786 г., но Державинъ, другъ Капниста, объяснилъ ей, что и для нея, и для автора выгоднѣе не печатать и не показывать этой оды императрицѣ ¹⁾. Впервые она появилась въ печати въ «Лирическихъ сочиненіяхъ» Капниста, изданныхъ въ 1806 г. ²⁾.

Не только въ журналахъ, но и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ трудно было въ то время задѣвать крѣпостное право. Правда, Болтинъ въ примѣчаніяхъ на Леклерка (1788 г.) признаетъ, что есть много помѣщиковъ, обращающихся съ крестьянами «хуже, нежели со скотами», но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказываетъ, что положеніе нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ лучше, чѣмъ французскихъ и нѣмецкихъ. Что касается уничтоженія крѣпостнаго права, то Болтинъ держится мнѣнія Руссо, что прежде должно освободить души рабовъ, а потомъ уже ихъ тѣла; но, однако-же, это не мѣшаетъ ему считать необходимымъ ограниченіе помѣщичьей власти. Если умѣренные взгляды Болтина нашли доступъ въ печать, то, какъ извѣстно, совершенно иная судьба постигла сочиненіе Радищева, гдѣ авторъ не только изобразилъ зло-

¹⁾ Сочиненія Державина, т. V, стр. 848—849.

²⁾ Стр. 337—44. Въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Капниста 1849 г. «Ода на рабство» не была помѣщена.

употребленія крѣпостнымъ правомъ, но и представилъ планъ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ ¹⁾.

Въ царствованіе императора Павла обсужденіе крестьянскаго вопроса въ печати сдѣлалось совершенно невозможнымъ; точно также тогда запрещались и всѣ иностранныя книги, заключавшія въ себѣ обличеніе этого зла русскаго общественнаго быта ²⁾.

II.

Въ царствованіе императора Александра I-го наша печать также далеко не пользовалась свободою въ обсужденіи крестьянскаго вопроса, и этимъ, безъ сомнѣнія, объясняется то, что въ журналистикѣ александровской эпохи мы находимъ гораздо менѣе статей по этому предмету, чѣмъ сколько можно было бы ожидать въ виду того вниманія, которое участь крѣпостныхъ возбуждала въ то время въ правительствѣ и обществѣ. Особенно скудны въ этомъ отношеніи журналы перваго десятилѣтія XIX вѣка, и тутъ мы можемъ отмѣтить лишь нѣсколько довольно слабыхъ замѣтокъ по крестьянскому вопросу. Между тѣмъ какъ правительство носилось въ это время съ освободительными идеями и до извѣстной степени проявляло свое либеральное настроеніе не только въ законодательствѣ (указъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбонашцахъ и нѣкоторыя другія мѣры), но допускало затрогивать злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ даже въ официальномъ изданіи, цензура въ то-же время преслѣдовала такія сочиненія, какъ весьма умѣренная книга Пнина «Опытъ о просвѣщеніи», извѣстная къ тому же съ хорошей стороны самому государю.

Когда въ 1804 г. правительство издало распоряженіе, имѣвшее дѣлю прекратить торговлю рекрутами, въ «С.-Петербургскомъ журналѣ», официальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, появилось «Письмо къ издателямъ изъ Москвы» о продажѣ людей въ рекруты ³⁾. Авторъ письма выражаетъ сомнѣніе, чтобы въ столицѣ

¹⁾ См. о крестьянскомъ вопросѣ вообще въ царствованіе императрицы Екатерины наши статьи въ „Отеч. Зап.“ 1879 г. №№ 10—12 и въ „Русской Старинѣ“ 1882 г. № 8.

²⁾ „Русская Старина“ изд. 1875 г. Т. XIV, стр. 465, 463, 467.

³⁾ Письмо это было напечатано съ примѣчаніемъ отъ редакціи, вызывавшимъ и другихъ лицъ къ присылкѣ подобныхъ статей. В. С.

извѣстны были «всѣ извороты и тонкости сего постыднаго торга» и рассказываетъ далѣе то, что собственно уже было описано въ сочиненіи Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», но что вслѣдствіе уничтоженія этого сочиненія могло быть ново для многихъ читателей: какъ помѣщикъ, желая продать крѣпостнаго въ рекруты, отпускаетъ его на волю, но вмѣстѣ съ тѣмъ садитъ его подъ стражу или даже надѣваетъ ему оковы, и какъ затѣмъ приписываетъ его къ казенному селенію, которое и сдаетъ его въ военную службу. «Видали примѣры, что лучшіе люди, бывъ выбраны изъ вотчины, привозимы были толпою на мѣсто рекрутскаго приѣма. Вслѣдъ затѣмъ открывалась торговля. Люди, желающіе поставить вмѣсто себя рекрута, приходили въ домъ, гдѣ торжище сіе было открыто, смотрѣли, выбирали, торговались и заключали, наконецъ, продажу. Помѣщикъ получалъ деньги, а казенный крестьянинъ получалъ рекрута. Такимъ образомъ въ двѣ минуты все было кончено. Бумаги и весь обрядъ лживости и подлога совершались вслѣдъ затѣмъ и совершались именемъ того-же самаго закона, который столь безстыдно былъ попираемъ». Въ другихъ мѣстахъ при наступленіи рекрутскаго набора открываютъ родъ маклерской конторы, куда являются и помѣщики, желающіе продать своихъ крѣпостныхъ въ рекруты, и люди, ихъ ищущіе ¹⁾.

Въ виду цензурныхъ строгостей приходилось иногда говорить лишь намеками о желательномъ рѣшеніи крестьянскаго вопроса. Такъ, авторъ статьи «Опытъ о Великобританіи» въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» ²⁾, рассуждая о томъ, что необходимо для процвѣтанія Россіи, говоритъ, что если бы «какіе либо торги, заводы, животныя: рогатый скотъ, овцы, лошади и прочія (курсивъ въ подлинникѣ), находясь въ чьемъ-либо исключительномъ владѣніи», препятствовали «свободному употребленію и разлитію произведеній и способностей

¹⁾ „Санктпетербургскій журналъ“ 1804 г. Т. IV, стр. 119—124. Въ этомъ же журналѣ печатались нѣкоторые договоры объ увольненіи крѣпостныхъ крестьянъ въ свободные хлѣбонашцы. Очевидно, съ цѣлью обличенія продажи людей безъ земли помѣщались также въ журналахъ того времени статьи о торговлѣ неграми. Такъ въ 1804 г. (въ „Періодическомъ изданіи вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ“, ч. I, стр. 43—47) былъ помѣщенъ очеркъ Попугаева „Негръ“, будто бы переведенный съ испанскаго. Здѣсь проданный негръ обращается къ продавшимъ его соотечественникамъ съ такимъ увѣщаніемъ: „Ето повозилъ вамъ дѣлать невольниками собратій вашихъ? Воля не есть продажная; цѣна золота всего свѣта не въ силахъ оной заплатить и никакой тиранъ ея располагать не долженъ“.

²⁾ 1805 г. № 3, стр. 259—260.

сихъ предметовъ», то и тогда, чтобы уничтожить эти препятствія, «злоупотребленіемъ постановленныя, временемъ утвержденныя», не пришлось бы нарушать права собственности: авторъ предлагаетъ вознаградить за потерю всего вышеназваннаго казенными землями, которыя остаются необработанными: «Пусть правленію, по справедливости соблюдая сокровища государственныя, щедро раздаетъ тѣ, ему безполезныя, земли, въ промѣнъ за вышеупомянутые предметы» (торги, заводы и прочія, т. е. крѣпостныхъ крестьянъ), «которыя, оно приобрѣвъ, по свойству каждаго изъ нихъ, или присвоитъ въ особенности себѣ» (здѣсь разумѣются крѣпостные), «или снабдитъ оными прилежныхъ, но скудныхъ земледѣльцевъ». Этотъ примѣръ всего нагляднѣе показываетъ, какимъ езоповскимъ языкомъ приходилось писать тогда о крестьянскомъ вопросѣ.

Въ «Журналѣ російской словесности» Брусилова ¹⁾ была помѣщена ода Пинна «Человѣкъ», въ которой находимъ, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Въ какомъ пространствѣ зрю ужасномъ
 Раба отъ Человѣка я:
 Одинъ какъ солнце въ небѣ ясномъ,
 Другой такъ мраченъ, какъ земля.
 Одинъ есть все, другой—ничтожность.
 Когда-бъ позналъ свою рабъ должность,
 Спросилъ природу, разсмотрѣлъ:
 Кто бѣдствій всѣхъ его виновъ?
 Тогда бы тою-же рукою
 Сорвалъ онъ цѣпи, чтѣ надѣлъ“.

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1807 г., издававшемся тогда Каченовскимъ ²⁾, напечатана либеральная статья «Добрый помѣщикъ», авторъ которой, между прочимъ, выражаетъ сочувствіе закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Изображая идеальнаго помѣщика, онъ влагаетъ ему въ уста слѣдующую рѣчь: «Всякій помѣщикъ прежде долженъ позаботиться о людяхъ, потомъ уже о землѣ и скотинѣ, прежде о выгодахъ крестьянъ, потомъ о своихъ доходахъ... Я никакъ не могу повѣрить, чтобы тотъ почиталъ своего крестьянина человѣкомъ, кто обходится съ нимъ, какъ съ безсловеснымъ животнымъ... Не мое дѣло входить въ изслѣдованіе, должно-ли, можно-ли, и какими средствами можно обезпечить состояніе поселянъ и оградить ихъ безопасностью отъ своевольныхъ притѣсненій. Помѣщикъ отъ того

¹⁾ 1805 г. Кн. I-я, стр. 38—48.

²⁾ Ч. 35, стр. 281—289.

не потерпеть ни малѣйшаго урону въ своихъ выгодахъ. Простаковы и подобные имъ пускай себѣ вопіють, что у нихъ отнимаютъ право побить крестьянина, когда захочется: слава и благоденствіе отечества не зависятъ отъ Простаковыхъ... Злые помѣщики заставляютъ быть крестьянъ злыми. Угнетаемый крестьянинъ ненавидитъ господина своего, ибо почитаетъ его орудіемъ своего несчастія. При такомъ взаимномъ расположеніи, какого можно ожидать усердія, какого добротства? Помѣщикъ, презирающій крестьянина, не печется о его благоденствіи; крестьянинъ, ненавидящій помѣщика, работаетъ ему принужденно. Вотъ источникъ многихъ безпорядковъ, опасныхъ для цѣлаго государства... Не одно человѣколюбіе, но и собственная польза должны бы заставить насъ хорошо обходиться съ крестьянами». Сочувствуя вообще освобожденію крестьянъ, авторъ не даетъ, однако, по этому предмету никакихъ практическихъ указаній и лишь протестуетъ противъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ.

Въ 1808 г. изданіе «Вѣстника Европы» перешло въ руки В. А. Жуковскаго, и въ слѣдующемъ году онъ помѣстилъ (въ № 9) свою статью: «Печальное происшествіе, случившееся въ началѣ 1809 г.», въ которой затрогиваетъ вопросъ о тяжеломъ положеніи образованныхъ крѣпостныхъ: онъ описываетъ несчастную судьбу одной дворовой дѣвушки, воспитанной вмѣстѣ съ дочерью помѣщика и полюбившей его сына; ее разлучаютъ съ любимымъ человѣкомъ, который сходитъ съ ума. Авторъ заканчиваетъ этотъ рассказъ слѣдующими словами: «Многіе изъ русскихъ дворянъ имѣютъ при себѣ такъ называемыхъ фаворитовъ. Что это значить? Они выбираютъ или мальчика, или дѣвочку изъ состоянія служителей, приближаютъ ихъ къ своей особѣ, даютъ имъ воспитаніе, имъ неприличное, позволяютъ имъ пользоваться преимуществами, имъ непринадлежащими, и—оставляютъ ихъ въ прежней зависимости. То-ли называется благотвореніемъ? Человѣкъ зависимый, знакомый съ чувствами и понятіями людей независимыхъ, несчастливъ на вѣки, если не будетъ дано ему благо, все превышающее—свобода! Для чего развиваете въ бѣдномъ слугѣ познанія и таланты? Для того-ли, чтобъ онъ могъ яснѣе почувствовать со временемъ, что Провидѣніе наградило его такимъ удѣломъ, въ которомъ и таланты его, и познанія должны угаснуть безплодно? Если вы образуете его единственно для себя, то ваше благотвореніе есть самый жестокій эгоизмъ или, лучше сказать, злодѣйство, украшенное блестящею личиною благодѣтельности. Просвѣщеніе должно возвышать человѣка въ собственныхъ его глазахъ, а что унижаетъ рабства! Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованіе и умъ необыкновенный,—итакъ, прежде, нежели рѣшится открыть ему тайну

его сокровища, возвратите ему свободу, или убійственное чувство рабства уничтожить всё ваши о немъ попеченія. Вы или укажете ему дорогу къ испорченности и разврату, или душа его, если она неспособна привязаться къ пороку, увянетъ отъ тайной скорби, всегда неразлучной съ униженіемъ ¹⁾). Такимъ образомъ, Жуковский затрогиваетъ здѣсь лишь одну, но довольно важную, сторону быта крѣпостныхъ ²⁾).

Рядомъ съ либеральными статьями по крестьянскому вопросу мы встрѣчаемъ въ тогдашнихъ журналахъ и такія, авторы которыхъ враждебно относятся къ освобожденію крестьянъ ³⁾ или даже какому бы то ни было ограниченію помѣщичьей власти. Въ «Другѣ Просвѣщенія» 1805 г. ⁴⁾ княгиня Дашкова, которая еще въ разговорѣ съ Дидро высказала консервативныя взгляды по крестьянскому вопросу, напечатала, за подписью «Россіянка», статью «Размышленія благороднаго земледѣльца, присланнаго изъ Тамбова» ⁵⁾). Авторъ разсказываетъ здѣсь, между прочимъ, что въ имѣніи П. Д. Еропкина, Калужской губернии, крестьяне платятъ помѣщику только по два рубля оброка и затѣмъ избавлены отъ всякихъ работъ и подводъ; статья эта, однако, написана вовсе не для того, чтобы рекомендовать всѣмъ помѣщикамъ такой легкой оброкъ; напротивъ, она, безъ сомнѣнія, вызвана тревожными для автора слухами о либеральныхъ намѣреніяхъ правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ. «Въ кроткое нынѣ

¹⁾ Авторъ разсказываетъ далѣе объ одномъ живописцѣ, который былъ крѣпостнымъ добраго помѣщика, получилъ хорошее образованіе и жилъ на волѣ, хотя еще не имѣлъ свободы; но вотъ прежній господинъ его умеръ, и онъ достался другому, сдѣлавшему его своимъ слугою. Несчастный художникъ, прежде принимаемый въ лучшемъ обществѣ, теперь не только долженъ былъ ѣздить въ ливреѣ за каретою, но даже былъ разлученъ съ женою, отданною въ приданое за дочерью его господина. Кончилось тѣмъ, что онъ сталъ пить. „Сочиненія В. А. Жуковскаго“, изд. 7-е. Спб. 1878 г. Т. V, 326—332, 564, VI, 697.

²⁾ Въ 1822 г. В. А. Жуковский отпустилъ на волю крѣпостныхъ людей, купленныхъ на его имя книгопродавцемъ Поповымъ; это стоило ему 2,400 р. Вслѣдъ затѣмъ онъ даетъ свободу принадлежавшему лично ему семейству крѣпостныхъ. Зейдлицъ. „Жизнь и поэзія Жуковскаго“. Спб. 1883 г., стр. 123—124.

³⁾ Таковы статьи Карамзина: „Пріятные виды, надежды и желанія нижшняго времени“ и „Письмо сельскаго жителя“ (Вѣстникъ Европы“ 1802 г. № 12 и 1803 г. № 17).

⁴⁾ № 2, стр. 100—109.

⁵⁾ О томъ, что эта статья написана княгиней Дашковой, см. въ „Сборникѣ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности въ Академіи наукъ“. Т. V, вып. I, стр. 114—115.

царствованіе», говоритъ княгиня Дашкова, «правительство не будетъ и, коли смѣю сказать, не позволитъ себѣ предписывать, чтобъ всѣ помѣщики, по примѣру добродѣтельнаго мужа, Петра Дмитриевича (Еропкина), только по два рубля съ души брали...» Княгиня вполне соглашается со взглядами тѣхъ, которые говорятъ, что ихъ мужики, не смотря на шестирублевый оброкъ, «въ хорошемъ состояніи и не ропщутъ».

— «Въ самомъ дѣлѣ», говоритъ она, «хозяйство дворянъ, сопряженное съ правами и пожертвованіями, сему почтенному сословію свойственными, заслуживаетъ нѣкоторую нѣжную разсмотрительность правительства», и указываетъ на великія заслуги дворянъ для отечества ¹⁾.

Редакція журнала «Русскій Вѣстникъ», который началъ издавать съ 1808 г. Сергій Глинка, задалась цѣлью содѣйствовать смягченію крѣпостнаго права выставленіемъ добродѣтельныхъ помѣщиковъ, хорошо обращающихся со своими крестьянами ²⁾. Въ статьѣ «Русская Правда или мысли нижегородскаго помѣщика» авторъ утверждаетъ, что положеніе нашихъ крѣпостныхъ весьма завидное ³⁾, однако,

¹⁾ Впрочемъ, и въ статьѣ Дашковой есть вполне вѣрная мысль. По поводу хозяйственныхъ нововведеній нѣкоторыхъ помѣщиковъ на англійскій манеръ она справедливо доказываетъ, что пригодное для Англии вовсе непригодно у насъ, и протестуетъ противъ обращенія крестьянъ въ батраковъ.

²⁾ Въ одной статьѣ въ этомъ родѣ авторъ говоритъ: «Истинные русскіе помѣщики, благородные по дѣламъ, а не по одному только имени, были всегда помѣщиками человѣколюбивыми. Они знали и старались напечатлѣвать въ сердцахъ дѣтей своихъ, что крестьяне суть такіе-же люди, какъ и они». — и далѣе рассказано, какъ выразилась по смерти господина любовь крестьянъ кн. П. М. Волконскаго (1809 г., т. V, стр. 207—220, 223—24). Въ другой статьѣ высказываются подобныя же мысли: «Истинный русскій дворянинъ долженъ быть отцомъ-помѣщикомъ. Попеченіе о крестьянахъ есть такая же служба, какъ и служеніе на ратномъ поприщѣ» (1810 г., томъ IX, стр. 121; срав. 1809 г., т. VI, стр. 111; 1815 г., кн. 2, стр. 83, кн. 3, стр. 10, кн. 4, стр. 12).

³⁾ «Иноплеменники проповѣдуютъ, будто бы у русскихъ крестьянъ нѣтъ собственности. Не трудно предложить множество примѣровъ о крестьянахъ, которые нажили сотни тысячъ, въ коиже они полные господа и владѣльцы. Легко бы также можно было исчислить, что и самые посредственные крестьяне отъ трудовъ и изытковъ своихъ наживаютъ собственность, которою располагаютъ по своей волѣ. Но дѣло не о томъ: случается, что при всѣхъ удачахъ и выгодахъ отъ непредвидѣнной бѣды гибнетъ у крестьянъ продовольствіе годовое, а иногда и многолѣтнее. Кто-же имъ тогда помогать? Тогда собственность помѣщика становится добромъ крестьянъ. Эта мысль рѣдко приходитъ въ голову иностранныхъ». («Русск. Вѣстникъ» 1814 г., кн. 15, стр. 35—36).

и редакция «Русскаго Вѣстника» не находила возможнымъ скрывать, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ не всегда хорошо жилось крѣпостнымъ. Правда, о «постыдномъ для челоувѣчества торгѣ людьми», т. е. торговлѣ рекрутами, говорится какъ о явленіи прошломъ ¹⁾, но въ путевыхъ запискахъ Ѡ. Н. Глинки, по Смоленской губерніи, описано весьма тяжелое положеніе крестьянъ у одного помѣщика, и излюбленныя идеи редакціи сказываются лишь въ томъ, что весьма обременительныя работы въ барскомъ саду приписываются распоряженіямъ садовника француза, а дурное отношеніе помѣщика къ крестьянамъ объясняется его воспитаніемъ въ иностранномъ пансіонѣ. О садовыхъ работахъ такъ рассказываетъ автору одна крестьянка: «У насъ, батюшка, не какъ у людей: отдыху нѣту ни на минуту, и въ воскресный день крихнемъ да потѣмъ на работѣ.... баринъ нашъ съ мѣста на мѣсто переноситъ цѣлыя деревни, людей какъ скоть перегоняетъ, а все это для того, чтобъ на селидбенныхъ мѣстахъ и на старинныхъ мужицкихъ огородахъ засѣивать свою пшеницу! Было бы ему хорошо, а мужикъ хоть гнилую колоду гложит!»—«Сверхъ этихъ отяготительныхъ работъ», продолжаетъ авторъ, «крестьяне господина NN обременены еще страшными поборами. У нихъ берутъ все, что только можно задумать: масло, яйца, крупы, ветчину, барановъ и пр., и пр.. Огромныя каменные строенія были вoadвигнуты и обширныя сады разведены руками всего двухсотъ крестьянъ въ 3 года, а сверхъ того и «полевныя работы удвоены». — «Послѣ этого посудите», продолжаетъ авторъ, «каково житіе крестьянъ помѣщика NN». Когда на требованіе помѣщикомъ денежнаго оброка крестьяне отвѣчали, что у нихъ нѣтъ денегъ, то онъ, «угрожая имъ плетями, розгами и всѣмъ, чѣмъ буйное самовластіе грозитъ уничиженному рабству, говорилъ: «Продайте своихъ коровъ, овецъ и все, что имѣете, для платы мнѣ оброку: мнѣ нужда въ деньгахъ; я ѣду въ Москву!» Онъ правъ! въ Москву нельзя показаться безъ денегъ... Тамъ многіе сельскіе доходы, орошенные потомъ и слезами земныхъ тружениковъ-поселянъ, возлагаются на алтарь богини большаго саѣта—Роскоши!» ²⁾).

Въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ», издававшемся обществомъ любителей словесности, наукъ и художествъ ³⁾, было помѣщено доставленное почетнымъ членомъ общества, А. Н. Оленинымъ, извлеченіе изъ вышедшей за два года передъ тѣмъ книги англичанина Вильсона

¹⁾ „Русск. Вѣстн.“ 1808 г., т. II, стр. 315—316.

²⁾ „Русск. Вѣстн.“ 1812 г., кн. 12, стр. 83—92.

³⁾ 1812 г. № 7, стр. 96.

о русской арміи. Авторъ, между прочимъ, говоритъ о нашемъ правительствѣ, что оно «далеко отъ того, чтобы налагать новыя цѣпи рабства», и напротивъ того, «всѣми мѣрами старается распространить благоразумную свободу», но въ то-же время онъ высказываетъ мысль, что уничтожить крѣпостное право можно было бы только съ извѣстной постепенностью. «Съ чувствами и правилами, совсѣмъ противными продавцу невольниковъ», говоритъ онъ, «я утверждаю, что самое большое несчастье, могущее постигнуть Россію, было бы внезапное и общее истребленіе крѣпостнаго права; никакое предпріятіе не могло бы возродить равныхъ бѣдствій и столь великаго негодованія. Что бы сдѣлалось съ больными, хворыми и престарѣлыми, если бы они вдругъ лишились прокормленія (примѣч. переводчика: прокормленія, которое имъ нынѣ обязаны давать помѣщики). Что бы сдѣлалось даже съ здоровымъ, который, не имѣя никакой собственности, нигдѣ въ скоромъ времени не нашелъ бы мѣста для своего промысла? Защитники революціи не устроятся всѣхъ сихъ затрудненій; но человѣкъ государственный, добрый гражданинъ, разсматривая оныя, уважить послѣдствія, прежде нежели приметъ всѣ сіи умствованія. Отъ многихъ знатныхъ людей въ Россіи можно удостовѣриться, сколько людей, отпущенныхъ на волю и пришедшихъ въ старость, просятъ убѣжища у ихъ прежнихъ помѣщиковъ». Очевидно, возраженія автора имѣютъ силу только относительно безземельнаго освобожденія крестьянъ.

III.

Съ 1815 года начало выходить въ Петербургѣ серьезное повременное изданіе «Духъ Журналовъ», въ числѣ издателей котораго мы находимъ цензора Яценкова и Вельяминова-Зернова. Здѣсь стало появляться не мало статей о положеніи крестьянъ въ Россіи и за границей, по большей части консервативнаго направленія. Слѣдуетъ замѣтить, что нельзя считать вредными всѣ статьи консерваторовъ по крестьянскому вопросу; въ нихъ очень часто мы встрѣчаемъ совершенно справедливую мысль о вредѣ безземельнаго освобожденія, а частое повтореніе этой мысли было весьма необходимо во второй половинѣ десятихъ годовъ, въ эпоху безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ. Такія статьи должны были предостерегать русское общество отъ сочувствія Остзейскимъ реформамъ и до нѣкоторой степени препятствовать произведенію такихъ опасныхъ опытовъ

и въ самой Россіи. Съ этой точки зрѣнія консервативныя статьи «Духа Журналовъ» по крестьянскому вопросу имѣютъ для насъ значительный интересъ.

Въ статьѣ «О переселеніяхъ» (выписка изъ частнаго письма изъ Рейнскихъ областей) мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія разсужденія: «О несчастное слово вольность... Здѣшніе мужики всѣ вольны — вольны, какъ птицы небесныя, но также, какъ сіи, безпріютны и беззащитны, погибаютъ отъ холода и голода. Какъ бы они были счастливы, если бы законъ поставилъ ихъ въ неразрывной связи съ землею и помѣщиками! По крайней мѣрѣ, они были бы увѣрены, что не пропадутъ съ голоду и не пойдутъ скитаться по міру съ нищенскою сумою, были бы увѣрены, что господа ихъ или помѣщики стали бы беречь ихъ, защищать отъ обидъ какъ свою собственность, хотя ради собственной своей выгоды. Но теперь они свободны! И только пользуются сею свободою на то, чтобъ, оставя свое отечество, бѣжать за моря, искать себѣ пропитанія... Было время, когда состояніе крѣпостныхъ людей въ Россіи почиталось отъ иностранцевъ рабскимъ и самымъ жалостнымъ. Теперь они узнали свое заблужденіе». Авторъ статьи увѣряетъ, что когда онъ объяснилъ нѣмецкимъ крестьянамъ положеніе русскихъ крѣпостныхъ (при чемъ онъ утверждалъ, что хотя помѣщикъ и «исправляетъ» дурныхъ людей наказаніемъ, но за то у нашего крестьянина «никто земли не отниметъ»), то нѣмцы пришли въ восхищеніе и воскликнули: «это дѣти, а помѣщикъ ихъ отецъ!» — «и таковы суть дѣйствительно соотношенія русскихъ къ ихъ помѣщикамъ!» заключаетъ авторъ свою статью. Издатели, впрочемъ, нашли нужнымъ прибавить къ этому слѣдующее примѣчаніе: «по крайней мѣрѣ, таковы они должны быть, и таковы, безъ сомнѣнія, суть у большей части помѣщиковъ; и нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать ихъ таковыми у всѣхъ вообще», но какъ этого добиться, сохраняя крѣпостное право, издатели не объясняютъ ¹⁾).

Тѣмъ же направленіемъ проникнута статья «Сравненіе русскихъ крестьянъ съ иноземными», помѣщенная въ «Духѣ Журналовъ» въ томъ же году съ подписью «Русскій дворянинъ Правдинъ». И тутъ идетъ рѣчь о томъ, что «вольность» только «пустое слово», что отъ этой вольности крестьяне мрутъ съ голоду или переселяются въ инныя страны, что наши крѣпостные гораздо счастливѣе, и авторъ затѣмъ старается подтвердить это, представляя жизнь русскихъ крестьянъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Онъ увѣряетъ читателей, что всего лучше живется помѣщичьимъ крестьянамъ, состоящимъ на барщинѣ;

¹⁾ Ч. XXIV, стр. 929—932.

положеніе оброчныхъ селеній, по мнѣнію автора, хуже, чѣмъ барщинныхъ, а казенныхъ и удѣльныхъ хуже, чѣмъ помѣщичьихъ вообще. Но важно то, что «всѣ вообще крестьяне въ русскомъ царствѣ имѣютъ свою недвижимую собственность, которую у нихъ никто не можетъ отнять (?), но которой, къ нимъ счастьемъ, и они сами не въ силахъ себя лишиться, и это есть ощутительное преимущество въ ихъ положеніи предъ иностранцами». Въ заключеніе Правдинъ старается показать, какъ вредно было бы для нашихъ помѣщичьихъ крестьянъ, если бы они очутились въ такомъ же положеніи, какъ иностранцы, т. е. объясняетъ всю гибельность для нихъ безземельнаго освобожденія, что, какъ мы уже замѣтили, въ то время было весьма и весьма бесполезно. «Во первыхъ», говоритъ авторъ, «существующая нынѣ, можно сказать, семейная связь между помѣщиками и крестьянами совершенно пресѣчется: эгоизмъ помѣщиковъ возрастетъ до такой же высокой степени, какъ въ чужихъ краяхъ... Первое и величайшее притѣсненіе, которое помѣщикъ можетъ сдѣлать мужикамъ, будетъ то, чтобы потребовать съ нихъ несоразмѣрную цѣну за наемъ земель его; и въ этомъ ему препятствовать нельзя: ибо въ своемъ добрѣ всякъ воленъ. Ежели мужикъ не согласится на требуемую цѣну, то стоитъ только погрозить ему, что выгонять его изъ села»; если же состоится соглашеніе между помѣщиками относительно арендной платы, «то совершенно мужику некуда дѣваться; тогда онъ принужденъ согласиться на все, хотя бы и увѣренъ былъ, что не въ силахъ будетъ, безъ крайняго раззоренія, выплатить свое обязательство». Затѣмъ помѣщикъ уже не дозволитъ крестьянамъ бесплатно пользоваться своими рыбными ловлями, лѣсами и проч., не станетъ помогать имъ въ нуждѣ и болѣзняхъ, не будетъ защищать ихъ отъ обидъ людей постороннихъ. Въ заключеніе авторъ говоритъ, что въ случаѣ эмансипаціи, «можетъ быть, помѣщики въ томъ своихъ выгодъ не потеряютъ, хотя это еще весьма подлежитъ сомнѣнію, но мужики навѣрно будутъ раззорены, какой бы оборотъ ни былъ въ этомъ дѣлѣ»¹⁾).

Статья Правдина вызвала возраженіе, помѣщенное въ слѣдующемъ году въ «Сынѣ Отечества» (изданіе Н. И. Греча), подъ заглавіемъ: «О состояніи иностранныхъ крестьянъ», гдѣ мы находимъ остроумныя доказательства, что свободная жизнь выгоднѣе крестьянамъ. Авторъ прежде всего указываетъ на то, что «вольность» (т. е. свобода) вовсе не пустое слово: на основаніи ея «первое важнѣйшее право иностраннаго крестьянина состоитъ въ томъ, что онъ самъ себя принадлежитъ и не переходитъ изъ рукъ въ руки посредствомъ мѣны, продажи,

¹⁾ „Духъ Журналовъ“, 1817 г. Ч. XXIV, стр. 981—1008.

дара, наслѣдства и другихъ сдѣлокъ, но всегда остается своимъ господиномъ, и сіе право такъ драгоцѣнно, что если бы захотѣли присвоить и продать частно или съ аукціона самого сочинителя, Правдина, то бы онъ вѣрно на сію перемѣну своего состоянія не согласился, хотя бы покупатель самому ему равенъ былъ въ человѣколюбіи, и предпочель бы навсегда остаться при худой свободѣ. Второе важное право иностраннаго крестьянина состоитъ въ томъ, что сына его никто не возьметъ невольни въ личное услуженіе, какъ-то: въ конюхи, лакеи, псаря и т. п. Дочь его также не будетъ взята въ кухарки, поломойки, горничныя и проч., но останется при родителяхъ своихъ до замужества, и потомъ вступитъ въ бракъ только по собственной склонности и по родительскому благословенію..., а не такъ, какъ онѣи происходятъ часто между крѣпостными: парню приказываютъ жениться на такой-то дѣвкѣ, а сей непременно за него выйти», подъ угрозою наказанія въ случаѣ ослушанія. Третье важное право иностраннаго крестьянина состоитъ въ томъ, что онъ ведетъ свои дѣла по собственному усмотрѣнію: навинаетъ землю у кого и какую хочетъ, платитъ за нее оброкъ по добровольному соглашенію. За то всѣ плоды его трудолюбія принадлежатъ ему неотъемлемо. Работу исполняетъ онъ по собственному побужденію, а не по наказу, и трудится прилежно, имѣя несомнѣнную надежду улучшить свое состояніе. Никто не накажетъ его произвольно и пристрастно, ибо никто не имѣетъ къ тому ни права, ни побужденія. Итакъ, свобода для иностраннаго крестьянина есть слоцо не пустое, но имѣющее вещественное значеніе». Далѣе авторъ старается доказать, что иностранные крестьяне находятся не въ такомъ печальномъ экономическомъ положеніи, какъ это представляетъ Правдинъ. «Если они переселяются въ Россію, то дѣлаютъ это не для того, чтобы поступитъ въ крѣпостное состояніе, но чтобы свободно заниматься земледѣліемъ и «пріобрѣтать посильный достатокъ для себя, а не для другихъ». Если бы они «бѣжали отъ свободы», какъ увѣряетъ Правдинъ, то почему же они «до сихъ поръ еще не подали просьбы объ укрѣпленіи ихъ за какимъ либо благодѣтелемъ-помѣщикомъ? Нѣкоторыя колоніи существуютъ уже тридцать и сорокъ лѣтъ въ Россіи и до сихъ поръ еще не убѣдились въ преимуществѣ закрѣпощенія предъ свободою»¹⁾. Какъ ни остроумно, однако, доказываетъ авторъ статьи въ «Сынѣ Отечества» (подписавшійся буквами NN) преимущества личной свободы предъ крѣпостною зависимостью, онъ не могъ, однако, опровергнуть той мысли, что въ бытѣ нашихъ крестьянъ,

¹⁾ «Сынъ Отечества» 1818 г. Ч. 45, стр. 162—186.

сравнительно съ положеніемъ срочныхъ арендаторовъ и безземельныхъ батраковъ на западѣ, есть выгодныя стороны, заключающіяся въ постоянной земельной обеспеченности, если не юридической, то фактической.

Въ «Духѣ Журналовъ» продолжали появляться статьи и замѣтки по крестьянскому вопросу. Въ 1818 г. Правдинъ въ письмѣ къ издателю старается доказать, что положеніе барщинныхъ крестьянъ лучше оброчныхъ, если помѣщикъ содержитъ ихъ «по доброй совѣсти и по закону». Онъ не отрицаетъ существованія значительныхъ злоупотребленій помѣщичьею властью въ Великороссіи и Бѣлороссіи; ему извѣстно во многихъ губерніяхъ не мало вотчинъ, гдѣ крестьянамъ дозволяютъ работать на себя только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, или еще сверхъ того по одному дню въ недѣлю; но, по мнѣнію автора, «все сіе есть злоупотребленіе и великая несправедливость. Сіи помѣщики равнымъ образомъ раззорили бы своихъ крестьянъ и на оброкѣ». Губернское начальство должно считать своею обязанностью «унижать безсовѣстныхъ помѣщиковъ, дабы они не отягощали своихъ крестьянъ сверхъ законнаго положенія» и не подвергали ихъ суровымъ истязаніямъ. Но если во всѣхъ губерніяхъ «будутъ губернаторы безкорыстные, умные, челоуколюбивые, вѣжливые, свѣдующіе въ сельскомъ хозяйствѣ», тогда было бы полезно перевести всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ на барщину; вслѣдствіе этого «усовершенствуются земледѣліе и всѣ вообще вѣтви сельской промышленности и, слѣдовательно (?), умножится народное богатство и благоденствіе». Такимъ образомъ, авторъ не прочь отъ нѣкотораго ограниченія помѣщичьяго произвола, но лишь при невозможномъ совершенствѣ мѣстной администраціи (которой «не трудно» было бы дать тогда «наставленіе»), но, къ сожалѣнію, онъ рекомендуетъ при этомъ мѣру весьма вредную для помѣщичьихъ крестьянъ — обращеніе всѣхъ ихъ изъ оброчныхъ въ барщинные.

Впрочемъ, въ «Духѣ Журналовъ» появлялись статьи по крестьянскому вопросу и совершенно крѣпостническаго направленія, какъ, напр., «О рабствѣ въ иностранныхъ государствахъ», авторъ которой, между прочимъ, говоритъ: «Нѣмцы болѣе всѣхъ кричатъ противъ нашего рабства, ... но я бы совѣтовалъ имъ оглянуться на себя и узнать лучше состояніе собственныхъ ихъ мужиковъ.... Давно-ли и вездѣ ли рабство у нихъ уничтожено? Въ Богеміи со временъ императора Іосифа II, т. е. съ небольшимъ лѣтъ за сорокъ; въ Вестфалии въ правленіе Іеронима; въ княжествѣ Нассау съ 1814 года; во Франкфуртѣ — въ вольномъ городѣ! — въ семь году. Въ нѣкоторыхъ же нѣмецкихъ владѣніяхъ и донинѣ существуетъ, напримѣръ, въ Мекленбургѣ и Поме-

равнѣ. Въ польскихъ провинціяхъ, принадлежащихъ Австріи, а также и въ Венгріи, крѣпостное право на крестьянъ остается и донинѣ въ полной силѣ... Въ Мекленбургѣ правительство не только не помышляетъ объ уничтоженіи рабства, но и запрещаетъ о томъ говорить». Въ подтвержденіе этого авторъ рассказываетъ, какъ одинъ изъ земскихъ чиновъ въ Мекленбургѣ «имѣлъ дерзость» подать своему государю записку, въ которой доказывалъ необходимость уничтоженія крѣпостнаго права, и съ сочувствіемъ приводитъ исполненный негодованія отвѣтъ на нее герцога Мекленбургскаго. «Желали ли бы мы», продолжаетъ авторъ статьи, «чтобы всѣ наши самозванные политики замѣтили себѣ этотъ урокъ, а особливо тѣ незрѣлые школьные умы, которые, недавно вышедши изъ школьныхъ пеленъ, тотчасъ берутся строить и поправлять огромное и многосложное зданіе государства». Въ доказательство, что положеніе нѣмецкихъ крестьянъ гораздо хуже, чѣмъ нашихъ крѣпостныхъ, авторъ приводитъ выдержки изъ статьи одного нѣмецкаго журнала о печальной жизни нѣмецкихъ земледѣльцевъ, а далѣе съ торжествующимъ видомъ указываетъ на ужасное положеніе невольниковъ въ англійскихъ колоніяхъ и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ ¹⁾.

Какъ затруднительно было появленіе статей, гдѣ проводилась мысль о необходимости улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, доказываетъ слѣдующій фактъ. Въ 1818 г. въ «Духѣ Журналовъ» была напечатана рѣчь новороссійскаго военнаго губернатора Н. Г. Репнина, произнесенная имъ въ началѣ того-же года предъ дворянскими выборами въ Полтавѣ и Черниговѣ, въ которой тотъ убѣждалъ дворянъ принять мѣры для улучшенія благосостоянія ихъ крестьянъ ²⁾. Репнинъ совѣтовалъ даже дворянамъ позаботиться о томъ, чтобы это улучшеніе быта ихъ крестьянъ не было лишь временнымъ и зависящимъ отъ каприза владѣльца: «Сія отеческія попеченія ваши, продолжалъ Репнинъ, да не будутъ подвержены кратковременности жизни человѣческой: оснуйте и на будущія времена благоденствіе чадъ и внучатъ вашихъ. По мѣстнымъ познаньямъ вашимъ

¹⁾ «Духъ Журналовъ» 1818 г. Ч. XXVI, стр. 359—374, 386—387. Тѣ-же мысли о преимуществахъ въ положеніи русскихъ крестьянъ, сравнительно съ западно-европейскими, мы находимъ и въ статьѣ „Что значить слово рабъ?“ Ibid, стр. 439—454.

²⁾ „Вы не будете“, говорилъ Репнинъ, „изыскивать все, что можетъ дать вамъ крестьянинъ доходу, а то, что вы можете отъ него требовать, не уменьшая благоденствія его; напротивъ, вы изыщете способы увеличить оное; вы пожертвуете для сего изъ доходовъ вашихъ; вы устроите училища для малолѣтнихъ, больницы для недугующихъ; вы улучшите хижинами крестьянъ вашихъ; вы снабдите немущихъ скотомъ и плугами для воздѣлыванія земли“.

изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно бы было обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ. Чрезъ сію единственно мѣру предохраните вы ихъ навсегда отъ тѣхъ притѣсненій, которыя, по несчастью, еще доселѣ случаются: избавьте правительство отъ горестной обязанности преслѣдовать оныя... Иные изъ васъ совершенно уже сіе исполнили, другіе своими попеченіями о подвластныхъ имъ крестьянахъ весьма къ нему сблизились. Но да будетъ сіе подвигомъ общимъ ¹⁾). Такимъ образомъ, Репнинъ убѣждалъ малороссійское дворянство, чтобы оно собственною властью ограничило крѣпостное право, точно опредѣливъ повинности помѣщичьихъ крестьянъ.

Не смотря на всю умѣренность рѣчи Репнина (которая если и имѣетъ значеніе, то лишь потому, что была произнесена не частнымъ лицомъ, а однимъ изъ видныхъ сановниковъ), напечатаніе ея вызвало неудовольствіе администраціи. Министръ народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, немедленно обратилъ вниманіе попечителя петербургскаго учебнаго округа на то, что издатель «Духа Журналовъ» помѣщаетъ «статьи, содержащія въ себѣ разсужденія о вольности и рабствѣ крестьянъ, и многія другія неприличности». Кромѣ того, писалъ министръ, въ этомъ журналѣ помѣщена статья, недозволенная къ печатанію (рѣчь Репнина), предлагалъ потребовать у издателя объясненія и вообще «обратить вниманіе цензуры на издаваемые журналы и другія сочиненія, дабы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не было печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе вольности или рабства крестьянъ, не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ, ни вообще матерій, касающихся до распоряженій правительства». Издатель Яценковъ, относительно статей «о рабствѣ и вольности», сослался въ своемъ объясненіи на то, что въ прошломъ (1817) году было дозволено къ печатанію нѣсколько статей, заключавшихъ «сужденія о семъ предметѣ несравненно въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ»; а въ нынѣшнемъ году напечатана статья «О рабствѣ въ иностранныхъ государствахъ». Когда-же, въ опроверженіе мнѣній «Духа Журналовъ» по крестьянскому вопросу, была напечатана въ «Сынѣ Отечества» статья объ иностранныхъ крестьянахъ, то начальство, по словамъ Яценкова, «не только не нашло ничего предосудительнаго въ ученыхъ состязаніяхъ о семъ предметѣ, но еще гласно изъявило за то издателю

¹⁾ «Духъ Журналовъ». Ч. XXVII, 591—602.

«Сына Отечества» свое отличное одобреніе». Объясняя далѣе, почему въ его изданіи была напечатана рѣчь князя Репнина, онъ сослался на то, что она была прислана главному издателю журнала уже отпечатанною, и говорена была такимъ лицомъ, которое «есть органъ воли монаршей, слѣдовательно принята за официальную», а потому издатель, основываясь на одномъ изъ пунктовъ цензурнаго устава, и не нашелъ нужнымъ испрашивать разрѣшенія для ея перепечатки. Яценковъ былъ обязанъ впредь не печатать ничего безъ дозволенія цензуры ¹⁾. Понятно, что хотя послѣ того его журналъ существовалъ еще два съ половиною года, въ немъ не появлялось уже болѣе статей по крестьянскому вопросу. Посмотримъ, что можно найти по этому предмету въ другихъ журналахъ александровской эпохи съ половины 1810-хъ годовъ.

Въ «Вѣстникѣ Европы» ²⁾ была напечатана статья Косинскаго «Замѣчанія на мысли о устроеніи счастливѣйшаго быту крестьянъ польскихъ», переведенная изъ одного польскаго журнала. Остановившаяся въ ней лишь на томъ, что могло имѣть значеніе для рѣшенія крестьянскаго вопроса въ Россіи, мы отмѣтимъ неодобрительное отношеніе автора къ дарованію Наполеономъ въ 1807 г. польскимъ крестьянамъ личной свободы безъ земли, такъ какъ, по его мнѣнію, вслѣдствіе этого ихъ положеніе отнюдь не улучшилось. Это «установленіе всеобщей свободы... ни мало не обогатило долю крестьянъ;... не соответствуя мѣстнымъ обстоятельствамъ, оно не доставляетъ прочнаго благосостоянія, какъ то уже и самыя опыты показали. Упомянутое право на самомъ дѣлѣ является болѣе вреднымъ для крестьянъ, нежели полезнымъ», такъ какъ лишило ихъ помощи со стороны землевладѣльцевъ, и, по мнѣнію автора, усилило въ нихъ склонность къ бродяжничеству и праздности. Договоры крестьянъ съ землевладѣльцами не могутъ улучшить ихъ бытъ.

Черезъ три года въ «Вѣстникѣ Европы» появилась статья, переведенная изъ другаго польскаго журнала, подъ заглавіемъ: «Какъ выгодноѣ воздѣлывать землю: своими собственными или наемными работниками». Авторъ прежде всего излагаетъ въ ней содержаніе труда Меркеля, написаннаго въ отвѣтъ на задачу вольнаго экономического общества о сравнительной выгодности крѣпостнаго и вольнонаемнаго труда (Меркель высказывается въ пользу послѣдняго) и затѣмъ сообщаетъ тѣ выводы, къ которымъ привелъ его самого провѣрка

¹⁾ „Бесѣды въ Обществѣ любителей рос. словесности при московскомъ университетѣ“. Вып. III, Москва, 1871 г., стр. 21—23.

²⁾ Часть 82, стр. 264—281.

теоріи Меркеля на практикѣ. По его словамъ, онъ убѣдился: 1) что теорія Меркеля основательна и справедлива; 2) что освобожденіе земледѣльцевъ отъ барщины очевиднѣйшимъ образомъ соотвѣтствуетъ выгодамъ господина; 3) чтобы крѣпостнымъ людямъ доставить способъ сдѣлаться вольными работниками, было бы всего лучше отдѣлить ихъ землю, назначить приличный за нее оброкъ и употреблять на господскую работу самихъ же крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы они отработывали оброкъ, какъ вольнонаемные. Переводчикъ статьи указалъ, съ своей стороны, нѣкоторую непрактичность этого предложенія: онъ обратилъ вниманіе на то, что участки земли, отведенные крестьянамъ, могутъ быть отдѣлены слишкомъ дорого, а за ихъ трудъ назначено весьма недостаточное вознагражденіе, такъ что теорія автора приложима лишь въ имѣніи «помѣщика благомыслящаго»¹⁾. Во всякомъ случаѣ эта статья была проникнута либеральною тенденціею, и потому она вызвала протестъ какого-то крѣпостника. Нѣсколько времени спустя послѣ ея напечатанія, въ «Вѣстникѣ Европы» появилась замѣтка «Два слова въ отвѣтъ на многія страницы», въ которой было заявлено, что въ полученномъ редакторомъ письмѣ изъ Калужской губерніи отъ г. Глѣбова по поводу статьи «Какъ выгодно воздѣлывать землю, собственными или наемными работниками» было, между прочимъ, сказано: «Кажется, всякій долженъ и безъ означенія узнать, что запросъ сей не русскій, ибо намъ невозможно сего мыслить». На это былъ данъ такой отвѣтъ: «Редакторъ смѣетъ увѣрить, что запросъ сей русскій, потому что, во 1-хъ, онъ предложенъ русскимъ ученымъ сословіемъ, именно-же, императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ въ С.-Петербургѣ; во 2-хъ, онъ предложенъ на русскомъ языкѣ; въ 3-хъ, онъ предложенъ для русскихъ. Касательно-же приводимаго г. Г. довода, можемъ ему замѣтить, что невозможное въ сельцѣ Гремячевѣ» (откуда было прислано письмо), «почитается возможнымъ въ другихъ мѣстахъ, и что когда предлагаютъ намъ подобныя запросы, то это вѣрно для того, чтобы мы не лѣнились мыслить, а обдумывали бы на нихъ удовлетворительныя отвѣты. Сего требуетъ польза и слава нашего отечества»²⁾.

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1818 г., ч. 100, стр. 196—205, 260—269.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1818 г., ч. 102, стр. 159—160. Въ этомъ же журналѣ (1817 г., ч. 95, стр. 126—140) помѣщена переводная съ нѣмецкаго либеральная статейка о торгѣ невольниками, а позднѣе переведенный съ французскаго отрывокъ изъ курса политической экономіи Шторха: „Взглядъ на постепенный упадокъ рабства и крѣпостнаго состоянія въ Европѣ и ея колоніяхъ“ (1819 г., ч. 106, стр. 138—147).

Негодование крѣпостниковъ изъ публики, если оно обнаруживалось лишь въ формѣ литературныхъ протестовъ, отражать было не трудно; но сплошь и рядомъ они на этомъ не останавливались и начинали инсинуировать передъ администраціею. Такъ, въ 1820 году, одной статьѣ по крестьянскому вопросу было совершенно неожиданно приписано возбуждающее вліяніе даже на самихъ крестьянъ. Дѣло идетъ о весьма невинной, переведенной изъ нѣмецкаго журнала, статьѣ «Взглядъ на успѣхи земледѣлія и благосостоянія въ россійскомъ государствѣ», помѣщенной въ издававшемся въ Москвѣ серьезномъ по-временномъ изданіи, подъ заглавіемъ «Историческій, статистическій и географическій журналъ, или современная исторія свѣта»¹⁾. Здѣсь, между прочимъ, было сказано объ императорѣ Александрѣ I: «Важнѣе всего суть учрежденія къ лучшему положенію крестьянъ и гражданской ихъ свободѣ, при чемъ поступилъ онъ съ такимъ же чело-вѣколюбіемъ, какъ и мудростью: первое явилъ онъ постепеннымъ уничтоженіемъ узъ рабства, послѣднюю, предпринявъ прежде перемѣны сіи на границахъ провинціи, гдѣ спасительное дѣйствіе оныхъ исподволь будетъ распространять благоприятное расположеніе мыслей для дальнѣйшаго расширенія сей системы чело-вѣчества и благоразумія во внутреннихъ предѣлахъ государства». Въ другомъ мѣстѣ авторъ утверждаетъ, что главное средство къ возведенію россійскаго государства на высочайшую степень просвѣщенія и благосостоянія, къ коему оно способно, состоитъ въ томъ, чтобы исподволь и съ благо-разуміемъ доставить нижнему классу людей, а наипаче крестьянамъ, большую гражданскую свободу, и даровать имъ въ полной мѣрѣ права, приличныя имъ, какъ чело-вѣкамъ и разумнымъ существамъ». Впрочемъ, авторъ признаетъ, что осуществленіе этой важной пере-мѣны «подлежитъ многоразличнымъ затрудненіямъ». Тѣмъ не менѣе, онъ съ сочувствіемъ указываетъ на мѣры, принимаемыя для освобожденія крестьянъ въ Лифляндіи и Курляндіи, и на дозволеніе крестьянамъ въ собственной Россіи выкупаться на свободу съ согла-сія своихъ господъ. «Сіи новыя извѣстія изъ великой имперіи дол-женствуютъ быть радостными для каждаго друга чело-вѣчества». Вотъ и все, что сказано было въ этой статьѣ о крестьянскомъ вопросѣ, авторъ которой, слѣдовательно, ограничился лишь выраженіемъ со-чувствія правительственнымъ мѣрамъ, относительно крестьянъ, и об-щими либеральными пожеланіями въ этомъ отношеніи, не сдѣлавъ никакихъ указаній о желательномъ рѣшеніи участи крѣпостныхъ.

¹⁾ 1820 г., ч. II, кн. 1, апрѣль, стр. 18—32.

Тѣмъ удивительнѣе, что статья этой было придано совершенно не подобающее ей значеніе по слѣдующему поводу. Помѣщикъ Кочубей продалъ крестьянъ другому владѣльцу для переселенія изъ Полтавской губерніи въ Херсонскую. Крестьяне не хотѣли повиноваться и не покорились даже и тогда, когда покупатель отъ нихъ отказался, и они остались за прежнимъ господиномъ. Предписано было наказать виновныхъ въ присутствіи всей вотчины и сосѣднихъ помѣщичьихъ крестьянъ и подтвердить, что малѣйшее неповиновеніе повлечетъ за собою строгое наказаніе, которое, не ограничиваясь одними зачинщиками, можетъ распространиться и на ихъ семейства. Однако, всѣ крестьяне остались непреклонными, и напрасны были увѣщанія чиновниковъ, указывавшихъ имъ на то ужасное положеніе, въ какое они поставили себя своимъ упорствомъ: дома ихъ стояли безъ крышъ, безъ окошекъ и дверей, хлѣба они вовсе не имѣли, во дворахъ не было скота и домашнихъ птицъ. При самомъ наказаніи, когда палачъ грозилъ всему обществу тою-же участью, никто не обнаружилъ ни смущенія, ни робости. Крестьяне сохранили совершенное спокойствіе и не оказали ни малѣйшаго сопротивленія; когда-же уполномоченный отъ помѣщика предложилъ имъ хлѣбъ и другую помощь, то они отъ всего отказались, заявивъ, что полагаются на волю Божію и на свою судьбу. Оказали неповиновеніе крестьяне Кочубей, проданные и двумъ другимъ лицамъ. Военный губернаторъ Малороссіи высказалъ мысль, что поводъ къ этому былъ поданъ статьею въ «Историческомъ, статистическомъ и географическомъ журналѣ» (содержаніе которой мы только что указали), статьею, «наполненною неумѣстными выраженіями и сужденіями, какъ то: что государь императоръ позволилъ крестьянамъ покупать свободу и что главное средство къ возведенію російскаго государства на высочайшую степень благосостоянія состоитъ въ томъ, чтобы доставить крестьянамъ большую гражданскую свободу и даровать въ полной мѣрѣ права и преимущества, приличныя имъ, какъ существамъ разумнымъ». По этому поводу комитетъ министровъ поручилъ министру народнаго просвѣщенія потребовать объясненія отъ цензора, пропустившаго эту статью. Съ своей стороны, князь Голицынъ предложилъ попечителямъ учебныхъ округовъ воспретить цензорамъ пропускать къ печати «всѣ такія сочиненія, кои касаться будутъ какъ до настоящаго политическаго состоянія крестьянъ въ Россіи, такъ и будущихъ въ отношеніи къ нимъ видовъ..., каковыя, по неизвѣстности намѣреній правительства, всегда будучи ложными, могутъ вводить и другихъ въ заблужденіе».

Цензоръ, профессоръ Черепановъ, объяснилъ, что, пропуская эту статью, не опасался никакихъ послѣдствій и считалъ себя даже не

въ правѣ задержать ее, такъ какъ она написана съ полнымъ сочувствіемъ и глубочайшимъ уваженіемъ къ дѣйствіямъ русскаго правительства. Однако, это объясненіе не удовлетворило правительство, и петербургскому цензурному комитету было сообщено, что согласно положенію комитета министровъ государь повелѣлъ о «неосмотрительномъ поступкѣ» профессора Черепанова «опубликовать предъ прочими университетами, чтобы сіе послужило въ осторожность другимъ въ подобныхъ случаяхъ, а его не избирать впредь ни въ деканы, ни въ цензоры ¹⁾), ибо одобреніе къ напечатанію такой статьи, которая содержитъ въ себѣ столь неприличное разсужденіе о побудительныхъ причинахъ и видахъ правительства по толико важному предмету, есть всегда погрѣшность со стороны цензора, и не можетъ быть приписана неумышленной неосторожности, неосмотрительности или необдуманію послѣдствій, потому что частному человѣку нельзя никогда позволить публиковать догадокъ своихъ въ дѣлѣ государственномъ, если причины и виды высшей власти ему неизвѣстны, а еще менѣе, если бы оныя ему были открыты по какому либо случаю» ²⁾.

Обсуждать крестьянскій вопросъ оказывалось или совершенно невозможнымъ, или въ высшей степени затруднительнымъ не только въ журнальныхъ статьяхъ, но и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. Книжка Пнина «Опытъ о просвѣщеніи» (1804 г.), когда понадобилось ея новое изданіе, была запрещена и оставшіеся экземпляры перваго изданія были отобраны изъ книжныхъ лавокъ. Переводъ сочиненія Стройновскаго «О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами», напечатанный въ 1809 г., сдѣлался доступнымъ публикѣ лишь черезъ два года и вызвалъ величайшую ярость и доносы крѣпостниковъ. По поводу выпуска въ свѣтъ «Теорія налоговъ» Н. И. Тургенева (1818 г.), гдѣ мѣстами задѣвалось крѣпостное право, Аракчеевъ высказывалъ удивленіе, что можно писать и печатать подобныя вещи. Цензурныя строгости по вопросу о крѣпостномъ правѣ были таковы, что въ 1809 г. московскій цензурный комитетъ въ сдѣланномъ Д. Языковымъ переводѣ книги Монтескьё «О существѣ законовъ» (изъ которой такъ много заимствовала имп. Екатерина II) исключилъ нѣкоторыя мѣста,

¹⁾ Званіе цензора соединялось тогда съ званіемъ декана.

²⁾ М. И. Сухомлиновъ. „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I“ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1866 г., т. 132, стр. 35—36; „Матеріалы для исторіи русск. цензуры“ въ „Всѣхъ—общ. любит. русск. слов.“, вып. III, 32—33. О статьяхъ по крестьянскому вопросу, помѣщенныхъ въ „Трудахъ вольнаго экономическаго общества“, см. нашу статью въ „Русской Мысли“ 1883 г., книга I.

касающіяся рабства¹⁾. Тѣмъ болѣе приходится дорожить тѣмъ немногими сочиненіями, гдѣ задѣвалось крѣпостное право. Упомянемъ о посмертныхъ собраніяхъ сочиненій двухъ авторовъ, хотя они весьма несходны между собою. Мы разумѣемъ Мих. Никит. Муравьева и А. Н. Радищева.

Въ 1810 г. были изданы сочиненія М. Н. Муравьева, въ которыхъ, въ статьѣ «Обитатель предмѣстья», авторъ описываетъ, между прочимъ, помѣщика, самымъ идеальнымъ образомъ обходящагося со слугами, а затѣмъ другаго, который довелъ своихъ крестьянъ до раззоренія, посвящая все свое вниманіе не людямъ, а собакамъ²⁾. Но съ точки зрѣнія автора это были только печальныя исключенія изъ общаго правила, и онъ считалъ вообще завиднымъ положеніе нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ изданномъ 1819—20-хъ годахъ полномъ собраніи сочиненій того-же автора мы находимъ статью «О благосостояніи земледѣльца», гдѣ, между прочимъ, сказано: «общимъ опытомъ доказано, сколько російскій дворянинъ внимателенъ къ пользѣ подвластнаго ему селянина.... Между тѣмъ какъ въ земляхъ, гордящихся наиболѣе соблюденіемъ правъ человѣчества и собственности, въ трудолюбивой Германіи, въ самой Англии, земледѣлецъ, незаслуженнымъ несчастіемъ лишенный способъ пропитать семейство свое и быть болѣе полезнымъ обществу, долженъ искать сострадательныхъ сердецъ для облегченія его участи, русскій крестьянинъ, пострадавшій отъ пожара, падежа, болѣзни, неурожая, находить въ помѣщикѣ своемъ перваго избавителя»³⁾.

Совершенно въ иномъ свѣтѣ рисуется бытъ помѣщичьихъ крестьянъ

¹⁾ А именно, слѣдующія: „Рабство нехорошо по существу своему; оно не приноситъ пользы ни господину, ни рабу; этому потому, что онъ ничего не можетъ сдѣлать по разсужденію, а первому, что, обходясь съ своими рабами занимается разныя дурныя привычки, нечувствительно приучаясь не наблюдать никакихъ нравственныхъ добродѣтелей, дѣлаясь гордымъ, вслѣдствіемъ суровымъ, гнѣвливымъ, сластолюбивымъ, жестокимъ“ (кн. XV, гл. I). „Но какъ всѣ люди рождаются равными, то надобно сказать, что рабство противно природѣ, хотя въ нѣкоторыхъ земляхъ оно основано на естественной причинѣ, и надобно очень отличать эти земли отъ тѣхъ, въ которыхъ запрещаютъ естественныя причины“. (Гл. VII). Главное правленіе училищъ одобрило рѣшеніе комитета. М. И. Сухомяиновъ „Матеріалы“... въ „Журн. Мин. Нар. Пров.“ 1866 г., т. 132, стр. 48.

²⁾ „Опытъ исторіи словесности и правоученія. Сочиненія М. Н. Муравьева“. Москва, 1810 г., II, 40—41. Его-же „Полное собраніе сочиненій“. С.-Петербургъ. 1819 г., ч. I, 92—94, 97—98.

³⁾ „Полное собраніе сочиненій М. Н. Муравьева“. Ч. III, Спб., 1820 г., стр. 209.

А. Н. Радищевъ въ статьѣ «Описаніе моего владѣнія». Упомянувъ о томъ, какъ трудятся земледѣльцы во время жатвы, Радищевъ говоритъ: «Блаженны, если бы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ. Но, о горестное напоминовеніе! ниву селянинъ воздѣлывалъ чуждую, и самъ, самъ чуждъ есть, увы!» Въ другомъ мѣстѣ той-же статьи онъ говоритъ: «Если мы рассмотримъ состояніе земледѣльца въ подробности, то величайшія его отношенія и обязанности состоятъ противъ его господина: 1) сей можетъ его продать оптомъ, или подробно; не шуткою сіе сказано, ибо сія подробность можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца и, можетъ быть, жена отъ мужа продается. Но съ публичнаго торгу только въ разницу продавать запрещено, а оптомъ (sic). Есть экономы, которые, низуривъ земледѣльца работою, продаютъ его остальные силы; 2) господинъ можетъ его заставить работать, сколько хочетъ. Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу; но на нынѣшнее время законоположеніе сіе не великое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни двороваго не опредѣлено; 3) господинъ можетъ его наказывать по своему разсмотрѣнію, онъ судья его и исполнитель своихъ приговоровъ; 4) господинъ есть господинъ его имѣнія и дѣтей его, даетъ и отъемлетъ по своей волѣ; 5) распоряжаетъ браками и спаряетъ, какъ хочетъ: слѣдовательно, земледѣлецъ есть рабъ въ семъ отношеніи совершенный... Въ отношеніи государства селянинъ обязанъ жить на одномъ мѣстѣ, но и то, доколѣ господинъ его хочетъ; отдавать рекрутъ всякаго рода... платить подати, судиму быть за общественныя преступленія въ судебныхъ мѣстахъ. Итакъ, селянинъ, если имѣетъ употребленіе чего либо, то дѣлается только изъ благосердія господина. Но, кажется, поелику селянинъ платить подать, то онъ, для удовлетворенія тому, долженъ имѣть собственность и проч.»¹⁾ Это едва-ли не самая сильная вылазка въ печати противъ крѣпостнаго права во все царствованіе императора Александра I.

¹⁾ „Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева“. Ч. IV. М. 1811 г., стр. 99, 145—147.

IV.

Въ произведеніяхъ изящной словесности было такъ-же трудно дѣлать въ печати намеки на крѣпостное право, какъ и въ серьезныхъ статьяхъ. Знаменитое стихотвореніе А. С. Пушкина «Деревня» (1819 г.) въ свое время напечатано не было, не смотря на то, что оно понравилось государю. Въ извѣстныхъ намъ сочиненіяхъ Батюшкова не оказывается отраженій либеральныхъ вѣяній по крестьянскому вопросу въ первую четверть XIX вѣка, но онъ написалъ въ 1814 году, по свидѣтельству князя Вяземскаго, «прекрасное четверостишіе, въ которомъ, обращаясь къ императору Александру, говорилъ, что послѣ окончанія славной войны, освободившей Европу», государь «призванъ Провидѣніемъ довершить славу свою и обезсмертить свое царствованіе освобожденіемъ русскаго народа». Однако, стихотвореніе это, написанное, быть можетъ, подъ влияніемъ бесѣдъ Батюшкова во Фрейбургѣ съ извѣстнымъ энергическимъ борцомъ за освобожденіе крестьянъ, Н. И. Тургеневымъ, не было въ свое время напечатано, и даже не сохранилось ¹⁾. Жуковский не могъ освободить изъ оковъ цензуры переводъ извѣстнаго стихотворенія Шиллера «Die drei Worte des Glaubens» («Три слова вѣры»), а безъ второй строфы:

„Der Mensch ist frei geschaffen, ist frei,
Und wäre er in Ketten geboren“ ²⁾,

онъ не хотѣлъ ихъ печатать ³⁾.

Комедія «Горе отъ ума» также не была напечатана немедленно по ея окончаніи.

Упомянемъ еще объ одномъ малоизвѣстномъ поэтѣ, который, по самой своей судьбѣ, былъ живымъ протестомъ противъ крѣпостнаго права, такъ какъ онъ былъ крѣпостной. Его фамилія Сибиряковъ; о немъ въ 1818 году въ двухъ журналахъ появилась статья И. П. Свиньина, авторъ которой, впрочемъ, вмѣсто того, чтобы показать,

¹⁾ „Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго“ т. VII, стр. 418. Сочиненія Батюшкова, изд. 1887 г., т. III, стр. 247. La Russie et les Russes par N. Tourge neff. II. 114.

²⁾ „Человѣкъ созданъ свободнымъ, и онъ свободенъ, если-бы даже родился въ цѣпяхъ“.

³⁾ Зейдлицъ. „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“, Спб. 1883 г., стр. 124—125. В. С.

какъ ужасно должно быть положеніе образованнаго человѣка въ неволѣ, сталъ защищать крѣпостное право отъ нападковъ иностранцевъ: «Счастливыя способности Сибирякова», говоритъ Свиньинъ, «обращаютъ на себя еще особенное вниманіе каждаго потому, что онѣ возродились и созрѣваютъ въ такомъ состояніи, въ какомъ, какъ иностранцы полагаютъ, если природа и произвела что-либо отличное, то одно положеніе достаточно», чтобы все «убить, искоренить». Впрочемъ, выразивъ признательность помѣщику, «умѣвшему питать и поощрять способности молодого питомца музъ», авторъ выражаетъ надежду, что этотъ помѣщикъ откроетъ Сибирякову «большіе способы для усовершенствованія своихъ дарованій и большій кругъ сдѣлать себя полезнымъ обществу»¹⁾. Сопровождая своего господина въ походахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, Сибиряковъ уже тогда писалъ стихи; ему не разъ предлагали остаться за границей и сдѣлаться такимъ образомъ свободнымъ, но онъ возвратился на родину крѣпостнымъ, хотя и очень тяготился своимъ положеніемъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго четверостишія:

„Увы! и я, и я рожденъ
Въ послѣдней смертныхъ долѣ.
Природой чувствомъ надѣленъ,
Столь гибельнымъ въ неволѣ“.

В. А. Жуковскій и нѣкоторые другіе литераторы приняли участіе въ положеніи Сибирякова, и послѣ того, какъ онъ прислалъ государю въ честь его стихотвореніе, петербургскій военный губернаторъ, графъ Милорадовичъ, обратился къ помѣщику крѣпостнаго поэта съ запросомъ, не расположенъ-ли онъ его продать: «въ такомъ случаѣ, онъ купленъ будетъ, для того только, чтобы получить въ то-же самое время свободу, которой онъ столько достоинъ», въ противномъ-же случаѣ «возникающее дарованіе» будетъ «въ состояніи рабства» совершенно потеряно для общества. Помѣщикъ, ссылаясь на то, что Сибиряковъ «съ немалыми издержками воспитанъ въ московскихъ училищахъ, а также обученъ кондитерскому искусству», запросилъ за него 10,000 рублей²⁾. Не знаемъ, былъ-ли выкупленъ крѣпостной поэтъ, но только въ 1820 году онъ оставался еще въ неволѣ, какъ видно изъ ненапечатаннаго въ свое время, безъ сомнѣнія по цензурнымъ причинамъ, стихотворенія кн. Вяземскаго «Сибирякову».

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1818 г., № 23, стр. 228—229. Ср. его стихотворенія, *ibid.*, № 24, стр. 254—259. Первоначально статья Свиньина была напечатана въ „Трудахъ Общества любителей росс. словесности“ ч. XII.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1873 г., кн. 1, 639—642.

Не смотря однако на всё цензурныя строгости, въ произведеніяхъ изящной словесности удавалось выводить въ свѣтъ нѣкоторыя безобразія крѣпостнаго права. Тутъ, прежде всего, слѣдуетъ остановиться на сочиненіяхъ извѣстнаго писателя В. Нарѣжнаго.

Въ повѣсти «Аристѳонъ или перевоспитаніе» 1822 г. Нарѣжный во многихъ мѣстахъ обличаетъ крѣпостное право. Такъ, его молодой герой, прокутившись въ столицѣ, желаетъ отдать своихъ дворовыхъ въ залогъ ростовщнику, и тѣ спасаются лишь бѣгствомъ. Изображая далѣе деревенскую жизнь, авторъ выставляетъ не мало помѣщиковъ, разоряющихъ или мучающихъ своихъ крестьянъ. Одинъ изъ нихъ, страстный любитель охоты, ради этого удовольствія отвлекаетъ крѣпостныхъ отъ производительныхъ работъ, а также заставляетъ дѣвушекъ и парней плясать для его увеселенія до упаду. Крестьяне пристрастились такимъ образомъ къ лѣности, пьянству и всякому безчинству, а помѣщикъ, самъ въ этомъ повинный, началъ строго съ нихъ взysкивать и «за всякій проступокъ неупустительно наказывалъ» длиною веревчатою плетью, хотя это ни къ чему не приводило ³⁾. Другой помѣщикъ, «бережливый» Тарахъ,—страшный скупецъ, первообразъ Плюшкина, а жена его еще лучше. «Не говоря о всѣхъ угнетеніяхъ, натяжкахъ, обидахъ всякаго рода, коими они придавили насъ къ землѣ» (рассказываетъ про своихъ господъ крестьянинъ), «такъ что и людьми назваться не смѣемъ, они подъ конецъ изобрѣли хитрости, противъ коихъ и самъ сатана не остережется. Челядинцы ихъ, ходяще въ лохмотьяхъ, приманиваютъ нашихъ быковъ, коровъ, овецъ, куръ, гусей и проч. какъ нибудь отвѣдать корму господскаго, а тутъ-то они и пиши—пропали». Сверхъ того, «установлено, чтобы всякій крестьянинъ, крестьянка, мальчикъ, дѣвочка, буде въ праздничный день захотятъ помолиться Богу въ церкви въ ближнемъ селѣ,... то должны прежде придти на господскій дворъ и принести въ даръ: кто курицу, кто утку, кто десятокъ яицъ, мѣрку меду, масла, сыру, словомъ, что на кого возложено панами. По собраніи этой подати, которую называютъ они христіанскими поборами, дозволяютъ уже имъ молиться Богу». Затѣмъ «очередной крестьянинъ... долженъ эту добычу везти въ ближайшій городъ.. на продажу. Если ему не удастся продать по той цѣнѣ, какая назначена» господами, «то долженъ пополнить собственными деньгами, а буде заупрямится, то челядинцы

³⁾ „Это диній звѣрь“, (говорить о немъ авторъ устами одного изъ своихъ героевъ), „который готовъ тервать себѣ подобныхъ, если ихъ слыньѣ; помочь же имъ въ чемъ нибудь онъ и не умѣетъ, и не хочетъ, и есть истинное бремя на земномъ шарѣ, есть гнусный вередъ, заражающій все общественное тѣло, есть ядовитое животное, оскверняющее все, въ чему ни прикоснется“.

придутъ на его дворъ и возьмутъ на господина то, что, по мнѣнію ихъ, вознаградитъ недоимку». Это черта, вполне возможная въ жизни малороссійскихъ крестьянъ: извѣстно, что господа заставляли тамъ крѣпостныхъ поневолѣ покупать у нихъ извѣстные припасы по произвольной цѣнѣ, назначенной землевладѣльцемъ. Однако, рядомъ съ этими отрицательными типами, авторъ выводитъ и добродѣтельную помѣщницу, заботящуюся о благосостояніи своихъ крестьянъ.

Въ повѣсти «Марія» Нарѣжный затрогиваетъ тотъ-же вопросъ, что и Жуковский въ извѣстной намъ его статьѣ: какія пагубныя послѣдствія имѣетъ для крѣпостныхъ воспитаніе ихъ вмѣстѣ съ господами. Тутъ сынъ одного графа влюбляется въ крѣпостную дѣвушку своихъ родителей, получившую воспитаніе вмѣстѣ съ его сестрой, ихъ разлучаютъ, и она сходитъ съ ума, а молодой человѣкъ, узнавъ о ея смерти, проводитъ жизнь въ полномъ уединеніи, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему быть благодѣтелемъ своихъ крестьянъ¹⁾.

Въ комедіи князя Шаховскаго «Пустодомы» (1820 г.) авторъ, между прочимъ, изображаетъ, какъ вредно могутъ отражаться на крестьянахъ агрономическія затѣи помѣщика. Князь Радугинъ, богатый землевладѣлецъ, совершенно незнакомый съ условіями сельскаго хозяйства въ Россіи, производитъ въ имѣніяхъ реформы, руководствуясь единственно книгами и совѣтами своего педанта библиотекаря, а также разныхъ иностранцевъ, отправленныхъ въ его помѣстья; это тяжело отражается на положеніи крестьянъ. По словамъ бывшего прикащика:

. село Княжое
Заморской сволочью, что князь прислалъ въ него
Для экономіи, для фабрикъ, для заводовъ,
Раззорено въ конецъ .

Для свеклосахарнаго завода крестьяне работали «круглый годъ день денской» и «подъ свеклу десятинь до сотни распахали». Раззореніе крѣпостныхъ довершаетъ жена князя Радугина, ради нарядовъ которой пришлось въ одинъ годъ «мадамамъ заплатить съ двухъ тысячъ душъ оброки». Въ противоположность этимъ лицамъ, въ комедіи есть и хорошій помѣщикъ, заботящійся о своихъ крестьянахъ, который въ концѣ концовъ помогаетъ своему племяннику-князю выпутаться изъ долговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявляетъ ему:

¹⁾ „Романы и повѣсти, сочиненія Василія Нарѣжнаго“. Изд. 2-е. СПб. 1836 г., ч. V и X.

„Педантовъ не велю пускать къ тебѣ на дворъ
И мучить мужиковъ напрасно не дозволю“.

Хотя рѣдко, но все таки бывали случаи, что и въ произведеніяхъ изящной словесности проводились консервативные взгляды на крестьянскій вопросъ. Такъ, Г. Р. Державинъ, который, по мѣрѣ силъ и возможности, боролся съ либеральными предположеніями правительства по этому предмету, хотя и не прочь былъ отъ обсуждения крестьянскаго вопроса дворянствомъ, помѣстилъ въ изданныхъ имъ въ 1804 г. «Анакреонтическихъ пѣсняхъ» (стр. 116) „стихотвореніе, гдѣ голубка говорить, что не желаетъ вольности, которую ей хотеть дать Хлоръ, сынъ Фелицы; по ея словамъ:

„Какая это воля,
Летала, чтобъ одна;
Была-бъ безвѣстна доля,
Была-бы голодна?“

По объясненію самого Державина, стихотвореніе это написано въ Петербургѣ въ 1808 г. «по случаю тогдашняго мнѣнія императора Александра, чтобы вольность дать крестьянамъ» ¹⁾.

Въ 1806 году Державинъ написалъ еще слѣдующее стихотвореніе по поводу преній въ англійскомъ парламентѣ о торгѣ невольниками, которое въ свое время осталось ненапечатаннымъ:

„Прекрасно, хорошо, и можно подтвердить,
Чтобъ дать невольникамъ отъ ихъ работъ свободу;
Но прежде надобно двѣ вещи разрѣшить:
Лзя-ль просвѣщенный умъ привѣтъ всему народу
И въ равенствѣ его во всей вселенной зрѣть?
Коль можно, то съ звѣрыми должно въ норахъ сидѣть
И лѣсъ звать городомъ, а пить за кофе воду“ ²⁾.

В. И. Семевскій.

¹⁾ „Сочиненія Державина“, 2-е академическое изданіе, т. II, 250, III, 601. Необходимо замѣтить, что, судя по воспоминаніямъ крестьянъ въ его имѣніи Званка, Державинъ былъ добрымъ помѣщикомъ. Ibid., II, 412—413.

²⁾ Ibid., III, 299

В. С.

МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

Неизданное юношеское его стихотвореніе

„ИСПОВѢДЬ“

1829—1830 гг.

Кто имѣлъ въ рукахъ черновыя тетради Михаила Юрьевича Лермонтова, или присматривался внимательнѣе къ обоимъ томамъ далеко неполнаго собранія сочиненій поэта, тотъ не удивится, если мы скажемъ, что мотивы ко всѣмъ почти позднѣйшимъ произведеніямъ Михаила Юрьевича, доставившимъ ему громкую, всемірную славу, кроются въ наброскахъ и попыткахъ, сдѣланныхъ имъ почти ребенкомъ — отъ 13 до 15-ти лѣтняго возраста.

Извѣстно, что великія произведенія писателей по большей части задумывались ими въ юности, если и выполнялись гораздо позднѣе. Такъ, Гёте задумалъ величайшее свое твореніе «Фауста» на 19 году (Не такъ давно найденъ первый набросокъ, этого произведенія долго тщетно разыскивавшійся). То-же можно сказать о Байронѣ и о многихъ другихъ, но рѣдко у кого талантъ, мысль, характеръ творчества сказались такъ рано и опредѣленно, какъ у Лермонтова. «Что успѣлъ онъ проникнуть своимъ умомъ, отпечатлѣлось ясно и живо... Перебирая его мысли, чувствуешь, какъ онъ замѣтно совершенствуется — доказательство, что поэзія составляетъ сущность его внутренней жизни». Эти слова Плетнева, сказанныя при появленіи перваго изданія стихотвореній Лермонтова, глубоко справедливы и могутъ быть поставлены рядомъ съ тѣмъ, что говорить о поэзіи Лермонтова Боденштедтъ¹⁾.

¹⁾ Соч. и переписка Плетнева, изд. Я. Грота. 1885 г., т. II, стр. 304. Боденштедтъ: Mich Lermontoff's Poet. Nachlass. Berlin, 1852. B. II, S. 319.

Одаренный въ высшей степени чуткою душою, рано измученный несчастными обстоятельствами жизни, поэтъ созрѣлъ не по лѣтамъ и одинокій вѣржалъ лишь музѣ свои мысли и скорбь души. Всѣ его произведенія носятъ автобиографическій характеръ, все истекало изъ рано имъ самимъ пережитаго. Строгий къ самому себѣ и чуткій къ красотамъ слова, Лермонтовъ вновь и вновь перебиралъ задѣвшій его мотивъ, выразить который воплилъ ему при первыхъ попыткахъ не удавалось. Такъ, еще 14-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ сдѣлалъ первый набросокъ «Демона», изображая въ поэмѣ горечь ранней любви своей, раннихъ страданій, и затѣмъ всю жизнь, до 1841 года, опять и опять перерабатываетъ сюжетъ. Зрѣя талантомъ, онъ постепенно переносилъ его изъ области субъективныхъ ощущеній въ мѣръ эпическихъ сказаній и народныхъ вѣрованій. Мотивы изъ поэмы «Аулъ Бастунджи» переходятъ и совершенствуются въ «Измаилъ Беѣ»¹⁾, «Каллы» въ «Хаджи Абрекѣ»²⁾. Многие изъ драмы «Два брата» перешло въ «Героя нашего времени», даже мотивы знаменитыхъ лирическихъ произведеній находимъ мы въ юношескихъ тетрадяхъ. Тамъ встрѣчаются въ нихъ первые наброски стихотвореній: «Бородино», «Любовь мертвеца», «Договоръ» и пр. Даже «На смерть кн. А. П. Одоевскаго» цѣлымъ рядомъ стиховъ походить на то, что Лермонтовъ въ «Сашкѣ» относитъ къ Полежаеву, а въ одномъ изъ писемъ къ М. Лопухиной къ самому себѣ³⁾. Точно также извѣстно, что многое изъ «Боярина Орши» перешло въ «Мцыри».

П. А. Ефремовъ, вслѣдъ за Дудышкинымъ въ послѣднемъ изданіи (1887 г., стр. 525), говоритъ даже, что юношескую поэму «Литвинку» можно назвать первымъ очеркомъ «Боярина Орши». Но это не такъ и основано лишь на одномъ имени Арсенія, встрѣчающемся въ обоихъ произведеніяхъ, какъ мною уже было указано въ послѣсловіи къ «Литвинкѣ», изданной мною въ 1882 году («Русская Мысль», декабрь).

Первый набросокъ, легшій въ основаніе «Боярина Орши» и «Мцыри», приводится мною нынѣ и любопытенъ, какъ примѣръ постепеннаго развитія темы, завашей въ душу поэта еще въ весьма молодые годы.

«Исповѣдь» написана Лермонтовымъ, очевидно, въ одно время съ первымъ наброскомъ «Демона» и драмою «Испанцы», т. е. въ 1829 или

¹⁾ См. предисловіе мое къ Аулу Бастунджи, впервые напечатанному въ «Русской Мысли», февраль 1883 г.

²⁾ См. мое предисловіе къ Каллы, «Русская Мысль», ноябрь 1882 г.

³⁾ См. мое предисловіе къ «Сашкѣ», напечатанному въ первый разъ въ «Русской Мысли», январь 1882 г.

1830 г. Лермонтовъ въ то время чрезвычайно интересовался Испанією. Страдая за преслѣдованіе отца богатою роднею своей умершей матери, считавшей его человѣкомъ незнатнаго рода, мальчикъ сильно былъ занятъ прошлою судьбою своихъ предковъ. Не имѣя точныхъ о нихъ свѣдѣній, онъ производилъ родъ свой отъ испанскаго герцога «Лермы». Именемъ «Лерма» поэтъ долго подписывался подъ своими рукописями. Существуетъ даже поясной портретъ воображаемаго имъ предка ¹⁾ —рисованный самимъ поэтомъ около 1830 года. Вотъ отчего въ это время онъ особенно охотно уносится своею фантазією въ Испанію и не только пишетъ драму «Испанцы», но и мѣсто дѣйствія поэмы «Демонъ», въ наброскѣ 1830 года, переноситъ въ Испанію. Мѣсто дѣйствія въ «Исповѣди» тоже Испанія — берега Гвадалквивира. И соображенія наши, на основаніи всего сказаннаго, и самый стихъ даютъ намъ достаточно основаній отнести это произведеніе къ 1830 году или раньше. На рукописи годъ не означенъ. Есть и еще обстоятельство, подтверждающее нашу догадку—это конецъ печатаемой нынѣ поэмы. Въ немъ мы встрѣчаемся съ «Двѣнадцатью дѣвами», скрытыми въ монастырѣ. Все это очень смутно и туманно, и напоминаетъ образъ «двѣнадцати спящихъ дѣвъ» у Жуковскаго. Какъ разъ въ это время Лермонтовъ былъ подъ влияніемъ нѣмецкой романтической поэзіи и представителя ея у насъ—Жуковскаго. Михаилъ Юрьевичъ переводилъ много изъ нѣмецкихъ поетовъ, самъ писалъ стихи на этомъ языкѣ, а Жуковскаго переписывалъ въ своихъ юношескихъ тетрадкахъ 1827 и 1828 годовъ ²⁾.

Что касается до рукописи «Исповѣдь», нынѣ нами печатаемой, то исторія ея слѣдующая: въ 1881 году я въ Пензѣ получилъ отъ г. Хохрякова рукописные матеріалы для біографіи М. Ю. Лермонтова. Частью ими пользовался, довольно небрежно, Дудышкинъ и помѣтки его находятся на поляхъ одной изъ тетрадей ³⁾. Г. Хохряковъ многое получилъ отъ близкаго друга Лермонтова, Святослава Аванасьевича Раевского, введшаго его въ петербургскіе литературные кружки, черезъ Андр. Алекс. Краевскаго, и полатившагося

¹⁾ См. конецъ главы III біографіи Лермонтова, помѣщенной въ декабр. кн. «Русской Мысли» за 1881 годъ. Тамъ-же гл. IV, «О семейныхъ горестяхъ поэта». Рисованная Лермонтовымъ голова мнимаго предка-испанца находится въ Лермонтовскомъ музеѣ въ С.-Петербурѣ.

²⁾ См. гл. III біографіи Лермонтова, въ «Русской Мысли», декабрь 1881 г.: «Начало поэтической дѣятельности» и д.

³⁾ Объ этихъ матеріалахъ г. Хохрякова я уже говорилъ не разъ, между прочимъ, въ статьѣ «Университетскіе годы М. Ю. Лермонтова». Прим. 18, 34, 42 и пр. («Русская Мысль», апрѣль 1883 г.).

вмѣстѣ съ Лермонтовымъ за распространеніе знаменитыхъ стиховъ его «На смерть А. С. Пушкина»¹⁾. Бабка Раевского воспитывалась въ домѣ Столыпиныхъ, вмѣстѣ съ бабушкой Лермонтова, впоследствии Арсеньевой. Эта Е. А. Арсеньева (рожд. Столыпина) крестила Св. А. Раевского, который былъ лѣтъ на пять старше Лермонтова. Онъ тоже воспитывался въ московскомъ университетѣ, подолгу живалъ въ домѣ Арсеньевыхъ и, какъ старшій, оказывалъ вліяніе на Михаила Юрьевича. Арестованный одновременно съ Лермонтовымъ въ 1837 году за распространеніе стиховъ, Раевскій былъ сосланъ въ Петрозаводскъ, въ то время какъ Лермонтовъ сослался на Кавказъ. Письма и нѣкоторыя стихотворенія Лермонтова, попавшія въ руки слѣдственной комиссіи по дѣлу о стихахъ, по окончаніи его, были отданы Раевскому²⁾, а послѣдній многое подарилъ Хохрякову. Г. Хохряковъ затѣмъ собралъ еще изрядное количество рукописей Лермонтова, принадлежавшихъ двоюродному брату его, Шанъ-Гирею. Многое онъ поднесъ въ даръ Публичной библиотекѣ, но кое-что у него осталось и было обязательно передано мнѣ.

Въ находящихся у меня матеріалахъ г. Хохрякова находится, между прочимъ, отрывокъ, соотнесенный имъ за отрывки-варианты къ «Боярину Оршѣ». Они начинаются съ обрывка конца II строфы (шесть строкъ) и затѣмъ вполне сохранились до VII строфы включительно. Въ строфахъ этихъ я, дѣйствительно, нашелъ многое, что есть въ «Бояринѣ Оршѣ», но еще и другое, а главное, что нумерація строфъ совершенно не сходилась съ нумераціею главъ въ «Бояринѣ Оршѣ». Я видѣлъ, что этотъ набросокъ имѣлъ тоже мало общаго съ поэмою «Мцыри» и ждалъ, что какъ нибудь или откуда нибудь явится поясненіе—найдется ключъ, начало произведенія, намекъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ собранія матеріаловъ, удача часто мнѣ улыбалась и изъ разныхъ мѣстъ неожиданно получалъ я желаемое. Иногда слово, обрывокъ письма, намекъ—все разъясняли. Такъ письмо, бывшее въ рукахъ Раевского и упоминаемое въ одномъ спискѣ, было мнѣ случайно выслано дружественной рукой съ береговъ Рейна. И теперь, наконецъ, совершенно неожиданно объяснились мнѣ отрывки въ матеріалахъ г. Хохрякова.

Въ февралѣ 1887-го года я получилъ письмо отъ Софьи Александровны Эллисъ, рожденной Кирѣевой. Въ дѣлѣ о стихахъ на смерть Пушкина упоминается имя Кирѣева, отца Софьи Алексан-

¹⁾ Ср. статью мою: „Лермонтовъ на смерть А. С. Пушкина“. „Вѣстникъ Европы“, 1887 г., январь.

²⁾ Опись ихъ находится при „Дѣлѣ о стихахъ“ въ Лермонтовск. музей.

дровны, пензенскаго помѣщика, двоюроднаго брата Свят. Аѳ. Раевскаго. Въ письмѣ ко мнѣ Софья Александровна пишетъ, что когда въ 1861 году, окончивъ курсъ, поѣхала въ свое пензенское имѣніе, она была въ Пензѣ привѣтствована Св. Аѳ. Раевскимъ. Раевскій искренно и глубоко любилъ М. Ю. Лермонтова, какъ всѣ очень близко его знавшіе люди. Старику было пріятно видѣть въ молодой дѣвушкѣ восторженную почитательницу таланта его друга и онъ подарилъ ей, какъ выражается г-жа Эллисъ, автографъ сцены изъ «Мцыри». Автографъ этотъ, носящій названіе «Исповѣдь», Софья Александровна поднесла въ даръ Лермонтовскому музею. Вотъ эта «Исповѣдь» и составляетъ первый набросокъ и начало тѣхъ отрывковъ, которые получилъ я отъ г. Хохрякова. Н. Н. Буковскій любезно сравнилъ рукопись, находящуюся у меня, съ автографомъ «Исповѣди». Оказалось, что «Исповѣдь» составляетъ недостающее у меня начало отрывковъ. Кромѣ того, нумерація строкъ немного другая, т. е. II строфа автографа «Исповѣди» соотвѣтствуетъ III строкѣ моей рукописи. III строфа автографа—отрывку изъ VI строфы рукописи. Есть кое-какія замѣненія, вѣрнѣе исправленія отдѣльныхъ выраженій. Ясно, что сначала была написана «Исповѣдь» въ томъ видѣ, въ какомъ она печатается. Затѣмъ были сдѣланы исправленія и добавленія, которыя вмѣстѣ съ первоначальнымъ наброскомъ составили всю печатаемую нынѣ пьесу. Изъ этого начала образовалась поэма «Бояринъ Орша», писанная поэтомъ въ 1835 году, когда, выйдя изъ школы гвардейскихъ подпрап., Лермонтовъ сталъ интересоваться вопросами русской исторіи, отношеніями Россіи къ Европѣ и нашимъ общественнымъ строемъ.

«Исповѣдь» мы издаемъ такъ, что текстъ, составляющій автографъ г-жи Эллисъ, печатается крупнымъ шрифтомъ; добавленія—болѣе мелкимъ. Такимъ образомъ читатель легко можетъ изъ всей пьесы возстановить первоначальный набросокъ. Затѣмъ видимъ его въ исправленномъ и дополненномъ видѣ и, наконецъ, можемъ прослѣдить, по отмѣткамъ на поляхъ и примѣчаніямъ, всю поэтическую работу—какъ выраженія, мысли и цѣлыя стихи перенесены Лермонтовымъ въ «Боярина Оршу» и затѣмъ «Мцыри», т. е. въ какомъ видѣ, наконецъ, въ 1840 году¹⁾ устанавливается то, что затрудняло поэта въ 1829 или 1830 году, на 14 или 15-лѣтнемъ возрастѣ.

¹⁾ Хотя П. А. Ефремовъ и причисляетъ „Мцыри“ къ 1839 году (Соч. Лерм., т. I), но это неправильно. Въ 1839 году Лермонтовъ работалъ надъ „Мцыри“, но въ окончательный видъ привелъ и напечаталъ въ первомъ изданіи самъ подъ 1840 годомъ. С. С. Дудышкинъ въ изданіи соч. Лерм. 1863 года сдѣлалъ дополненія изъ тетрадей Краевскаго къ строкѣ VIII (2 строки) и къ строкѣ

И С П О В Ъ Д Ъ.

I.

День гасы! Въ нарядѣ голубомъ
 Крутятся бѣжалъ Гвадалквивирт...
 И не заботяся о томъ,
 Что есть подъ нимъ какой-то мѣръ
 Для счастья чуждый, полный зломъ—
 Свѣтило южное текло
 Безпечно, пышно и свѣтло...
 Но въ монастырскую тюрьму
 Игривый лучъ не проникалъ,
 Какую-бъ радость одному
 Туда принесъ онъ, если-бъ зналъ.
 Главу склоня, въ темницѣ той
 Сидѣлъ отшельникъ молодой,
 Испанецъ родомъ и душой...
 Таковъ былъ рокъ! зачѣмъ, за что,
 Не зналъ и знать не могъ никто.
 Но въ преступленьи обвинень,
 Онъ оправданья не искалъ.
 Онъ зналъ людей и зналъ законъ,
 И ничего отъ нихъ не ждалъ...
 Но вотъ по лѣстницѣ крутой
 Звучать шаги, открылась дверь
 И старецъ дряхлый и сѣдой
 Вошелъ въ тюрьму—зачѣмъ теперь?

XXV (семь заключительныхъ строкъ), которая вмѣстѣ съ примѣчаніями безъ оговорокъ П. А. Ефремовъ перенесъ въ число собственныхъ своихъ библиографическихъ примѣчаній въ редактированномъ имъ изданіи. Можетъ быть, что эти два выпущенныя мѣста не вошли въ изданіе 1840 года изъ-за цензурныхъ соображеній. Во всякомъ случаѣ, черновая „Мцыри“ хотя и подписана 1839 годомъ августа 5, но окончательно пересмотрѣна въ 1840 году и причислить ее надо къ этому году.

П. В.

Что сожалѣнья и привѣтъ
Тому, кто гибнетъ въ цвѣтѣ лѣтъ! ¹⁾

II.

«Ты здѣсь опять! Напрасный трудъ..
 Не говори, что Божій судъ
 Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
 Все люди—люди, мой отецъ!
 Пускай погибну, смерть моя
 Не продолжитъ ихъ бытія ²⁾,
 И дни грядущіе мои
 Имъ не присвоить—и крови,
 Неправой казнью пролитой,
 Въ крови безумца молодой
 Согрѣтъ имъ вновь не суждено ³⁾
 Сердца увядшія давно.
 И гробъ безъ камня и креста,
 Какъ жизнь ихъ не была свята,
 Не будетъ слабымъ ихъ погамъ
 Ступенью новой къ небесамъ.
 И тѣнь невиннаго ⁴⁾, повѣрь,
 Не отпереть имъ рая дверь.
 Меня могила не страшить:
 Тамъ, говорятъ, страданье снятъ
 Въ холодной вѣчной тишинѣ...
 Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
 Я молодъ, молодъ... зналъ-ли ты,
 Что значить молодость, мечты?

„Бояринъ Орша“, стр. 465 соч. Держ. изд. 1887 г., ч. II.

„Мцрн“, V.

¹⁾ Вмѣсто шести послѣднихъ стиховъ было прежде написано:

Но кто идетъ къ нему теперь?
Гремитъ запоръ, открылась дверь!
И старецъ драхмѣй и сѣдой
Вошелъ тяжелою стопой.

²⁾ Въ „Бояринъ Орша“ эта строка читается такъ:

Пускай умру... но смерть моя...

³⁾ Въ „Бояринъ Орша“:

Имъ разогрѣтъ не суждено...

⁴⁾ Въ „Бояринъ Орша“—несчастнаго.

П. В.

8

„Бояринъ Орша“, стр. 465 соч. Лерм. изд. 1887 г., ч. II.

„Мцыри“, V.

Или не зналъ, или забылъ,
 Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
 Какъ сердце билося живѣй
 При видѣ солнца и полей
 Съ высокой башни угловой,
 Гдѣ воздухъ свѣжъ и гдѣ порой
 Въ глубокой скважинѣ ¹⁾ стѣны,
 Дитя невѣдомой страны,
 Прижавшись голубъ молодой
 Сидитъ испуганный грозой!
 Пускай теперь прекрасный свѣтъ
 Тебѣ посылъ: ты слѣпъ ²⁾, ты сѣдъ
 И отъ желаній ты отвыкъ...
 Что за нужда?—ты жилъ, старикъ!
 Тебѣ есть въ мѣрѣ что забыть,
 Ты жилъ!—я также могъ-бы жити!...

III.

„Бояринъ Орша“, стр. 460—461.

„Мцыри“, III.

«Ты слушать исповѣдь мою
 Сюда пришелъ—благодарю.
 Не понимаю ³⁾, что была
 У нихъ за мысль? —Мои дѣла
 И безъ меня ты долженъ знать,
 (А душу можно-ль рассказать?
 И если-бъ могъ я эту грудь
 Передъ тобою развернуть,
 Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
 Что я преступникъ ⁴⁾ иль злодѣй!
 Пусть монастырскій вашъ законъ

¹⁾ Въ „Бояринъ Орша“—трещинѣ.

²⁾ Также въ „Бояринъ Орша“, а въ „Мцыри“—слабъ... Странно, что редакторъ изданія сочиненій Лермонтова, П. А. Ефремовъ, не сравнилъ тождественныя мѣста въ „Мцыри“ съ таковыми же въ „Бояринъ Орша“. Знаки препинанія въ соответственныхъ мѣстахъ совершенно различны. Между тѣмъ, они поставлены редакціей, ибо Лермонтовъ ставилъ ихъ ужъ совершенно не такъ—да и неправильно.

³⁾ Въ рукописи г-жи Элизъ: „не постигаю“.

⁴⁾ Въ „Бояринъ Орша“ „безсовѣстный злодѣй“.

П. В.

„Вояринъ Орша“,
стр. 460 — 461 и 464.

Рукою неба ¹⁾ утверждень,
 Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
 Ему не менѣ святой;
 Онъ оправдалъ меня—однѣ,
 Онъ сердца ²⁾ полный властелянъ.
 И тайну страшную мою
 Я неизмѣнно ³⁾ сохраню,
 Пока земля въ урочный часъ,
 Какъ двухъ друзей, не приметъ насъ.
 Доселѣ жизнь была мнѣ—плѣнъ
 Среди угрюмыхъ стѣнъ ⁴⁾ стѣнъ,
 Гдѣ дѣтства ясныя ⁵⁾ года
 Я проводилъ Богъ вѣсть куда!
 Какъ сонъ, безъ радости ⁶⁾ и бѣдъ,
 Промчались тѣни лучшихъ лѣтъ
 И воскресить тѣ дни едва-ль
 Желалъ бы я, а все ихъ жалъ!
 Зачѣмъ молчаніе храпя
 Такъ грозно смотришь ⁷⁾ на меня?
 Я воленъ... я не братъ живыхъ!
 Судей безчувственныхъ моихъ
 Не проклинаю, но, старикъ,
 Я признаюся, мой языкъ
 Не станетъ ихъ благодарить,
 За то, что прежде можетъ быть
 Чѣмъ лучъ зари на той стѣнѣ
 Погаснетъ въ мирной тишинѣ,
 Я, свѣжій, пылкій, молодой,
 Который здѣсь передъ тобой,
 Живу, какъ жилъ тому пять лѣтъ,
 Весь превращуся въ слово: нѣтъ!
 И прахъ лишенный бытія
 Ужъ будетъ прахъ одинъ—не я».

¹⁾ Въ „Вояринъ Орша“—„Богъ“.

²⁾ „Не сердцу“, какъ напечатано въ новомъ изданіи.

³⁾ Въ рукописи г-жи Эллисъ: „какъ могла“.

⁴⁾ Въ рукописи г-жи Эллисъ: „вашихъ“.

⁵⁾ Въ рукописи г-жи Эллисъ: „свѣтлыя“.

⁶⁾ Въ рукописи г-жи Эллисъ: „счастія“.

⁷⁾ Въ рукописи г-жи Эллисъ: „слушаешь“.

IV

.И могъ-ли я во цвѣтѣ лѣтъ,
 Какъ вы душой оставить свѣтъ
 И жить, не вѣдая страстей,
 Подъ солнцемъ родины моея?
 Ты позабылъ, что сѣднѣна
 Межъ этихъ кудрей не видна,
 Что пламень въ сердцѣ молодомъ
 Не остудишь мольбой, постомъ,
 Когда надъ бездною морской
 Свирѣпой бури слышенъ вой
 И громъ гремитъ по небесамъ,
 Вели не трогаться волнамъ,
 И сердцу бурному вели
 Не слушать голоса любви!...
 Да если-бъ черныи сей нарядъ
 Не допускать до сердца ядъ,
 Тогда я былъ бы виноватъ;
 Но подъ одеждой власяной
 Я человекъ, какъ и другой.
 И ты, безчувственный старикъ ¹⁾,
 Когда бъ ея небесный ликъ
 Тебѣ явился хоть во снѣ,
 Ты позавидовалъ бы мнѣ
 И, въ наступленнѣ, можетъ быть,
 Рѣшился-бъ также согрѣшить,
 Отвергнувъ все, законъ и честь,
 Ты былъ-бы счастливъ перенести
 За слово, ласку или взоръ,
 Мое страданье, мой позоръ!

„Бояринъ Орша“,
 стр. 461.

„Бояр. Орша“,
 стр. 461.

V.

„Я о спасеннѣ не молюсь,
 Небесъ и ада не боюсь;
 Пусть вѣчно мучусь: не бѣда!
 Вѣдь съ ней не встрѣчусь никогда!
 Разлуки первой, грозный часъ
 Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ.
 И если-бъ рай передо мной
 Открыть былъ властью неземной,

„Бояр. Орша“,
 стр. 480.

¹⁾ Въ „Бояринъ Орша“ этотъ стихъ измѣненъ:
 „И ты, п ты, слѣпой старикъ“.

„Воаринъ Орша“, стр. 480.

Кланусь, я прежде чѣмъ вступилъ,
У вратъ священныхъ-бы спросилъ,
Найду-ли тамъ, среди святыхъ,
Погибшій рай надеждъ монахъ?
Нѣтъ, перестань, не возражай!...
Что безъ нея земля в рай?
Пустыя, звонкія слова,
Блестящій храмъ безъ божества ¹⁾.
Увы! отдай ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, милый взглядъ,
Отдай мнѣ свѣжія уста,
И голосъ сладкій, какъ мечта...
Однѣ лишь слабыи звукъ отдай!...
О! старецъ, что такое рай?...”

VI.

«Смотри, въ сырой тюрьмѣ моей
Не видно солнечныхъ лучей;
Но разъ на мрачное окно
Упалъ одинъ—давнымъ давно;
И съ этихъ поръ между камней
Ничтожный слѣдъ веселыхъ дней
Забить, какъ узникъ, одинокъ
Ростеть блѣднѣющій цвѣтокъ;
Но вовсе онъ не разцвѣтетъ,
И гдѣ родился—тамъ умретъ!
И не сходна-ль, отецъ святой,
Его судьба съ моей судьбой?
Знай, можетъ быть ея ужъ нѣтъ!...
И вотъ послѣдній мой отвѣтъ:
Поди, бѣги, зови скорѣй
Окровавленныхъ палачей;
Судить и медлить вамъ на что?
Она не тутъ,—и все ничто!
... Прощай, старикъ, вотъ казни часъ:
За нихъ молись... въ послѣдній разъ
Тебѣ кланусь передъ Творцомъ,
Что не виновенъ я ни въ чемъ.»

¹⁾ Два эти стиха встрѣчаемъ въ „Демонѣ“.

Пустыя, звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!

Скажи, что умеръ я какъ могъ,
 Безъ угрызений и тревогъ;
 Что съ тайной гибельной моей
 Я не разстался для людей.
 Забуди, что жилъ я, ... что любилъ
 Гораздо болѣе, чѣмъ жилъ!
 Кого любилъ?... Отецъ святой,
 Вотъ что умереть во мнѣ, со мной
 За жизнь, за мѣръ, за вѣчность ¹⁾ вамъ
 Я тайны этой не продамъ!»
2).

VII.

.... И онъ погибъ,—и погребенъ.
 И въ эту ночь могильный звонъ
 Былъ стени вѣтромъ принесенъ
 Къ стѣнамъ обители другой.
 Объятой сонной тишиной,
 И въ храмъ высокій онъ проникъ...
 Тамъ, гдѣ сіялъ Мадонны ликъ
 Въ дыму трепещущихъ лампадъ,
 Какъ призраки стояли въ рядъ
 Двѣнадцать дѣвъ, которыхъ свѣтъ
 Прицель къ умершимъ съ давнихъ лѣтъ...
 Неслась мольба ихъ къ небесамъ
 И отвѣчалъ старинный храмъ
 Ихъ пѣсни мирной и святой,
 И пѣли всѣ кромѣ одной.
 Какъ херувимъ, она была
 Обворожительна мила;
 Въ ея лицѣ никто-бъ не могъ
 Открыть печалей и тревогъ.
 Но что такое женскій взглядъ?
 Въ глазахъ былъ рай, а въ сердцѣ адъ!...
 Прилежнымъ ухомъ у окна
 Шумъ вѣтра слушала она,
 Какъ будто долженъ былъ принести
 Овъ рѣчь любви, или смерти вѣсты!...
 Когда-жъ услыши звонъ проливъ
 Въ обширный храмъ—то слабый крикъ

¹⁾ Въ рукописи г-жи Эллисъ: „небо“.

²⁾ Точки въ подлинникѣ.

«Б. Орша»,
стр. 454 вв. { Раздался, пролетѣлъ и въ мигъ
Утихъ. Но тотъ, кто услыхалъ,
Подумалъ вѣрно, или сказать,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой!...
Любовь и жизнь онъ взялъ съ собой.

М. Лермонтовъ.

Первая и главная мысль, интересовавшая поэта, была—выставить человѣка благородной и сильной природы, обиженного судьбою и преслѣдуемого людьми. Онъ презираемъ какъ бѣднякъ и личность незнатнаго происхожденія. Люди не признаютъ за нимъ правъ человѣческихъ, которыя общество считаетъ лишь за привилегированными своими членами. Уже въ первой написанной Лермонтовымъ драмѣ «Испанцы» (1830 г.) мы встрѣчаемся съ героемъ ея Фернандо, человѣкомъ, судьбою приниженымъ. Онъ найденишъ, выросшій на чужомъ хлѣбѣ изъ милости. Какъ смѣетъ онъ имѣть чувство человѣка благороднаго рожденія. Какъ смѣетъ желать выйти изъ круга ему указанныхъ чувствъ и понятій! Люди и законъ не спрашиваютъ, чѣмъ переполнена его душа, какія его мысли, страсти—естественныя права человѣка. Словомъ, субъективная въ немъ сила должна смириться какъ безправная. Этотъ разладъ между стремленіями сильной души и сковывающими ее рамками, очевидно, рано затронулъ Лермонтова, еще до времени, когда въ поэзіи Байрона нашелъ онъ откликъ своимъ думамъ.

Да если-бъ черныи сей нарядъ
Не допускалъ до сердца адъ,
Тогда я былъ-бы виноватъ;
Но подъ одеждой власной
Я человѣкъ, какъ и другой...

говорить герой въ «Исповѣди». Страшно возмущался онъ мыслию, что нарядъ монашескій, въ который онъ попалъ невольною волею, запрещаетъ ему проявленія чувствъ законныхъ для всего человѣчества. Онъ не признаетъ, что этотъ запретъ наложенъ справедливыми небесами:

Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ: (т. е. казнь, наказаніе)
Все люди—люди...

съ негодованіемъ восклицаетъ онъ.

Выяснить героизмъ положенія такой скованной души — вотъ что занимало умъ юнаго поэта. Вынесъ же онъ и самъ на себѣ, и въ лицѣ любимаго, можетъ быть, идеализируемаго имъ отца, подобную пытку. Былъ же онъ свидѣтелемъ преслѣдованія, угнетенія, презрѣнія къ отцу за незнатность рода его, не смотря на которую онъ дерзнулъ полюбить дѣвушку аристократку и породниться съ родами, бывшими въ богатствѣ и чести ¹⁾).

Чѣмъ болѣе ощутительно было незаслуженное приниженіе со стороны другихъ, тѣмъ сильнѣе пробуждалась внутренняя гордость, и росла она въ мечтахъ юнаго ума до сатанинской гордыни.

О, мой отецъ! гдѣ ты? гдѣ мнѣ найти
Твой гордый духъ...

воскликаетъ въ одномъ изъ лирическихъ стихотвореній той же эпохи юный поэтъ. Между нимъ и умершимъ въ это время отцомъ, прежде всегда разлучаемымъ съ нимъ, образовалась тайная связь, тайный союзъ душъ. Онъ говоритъ отцу въ другомъ лирическомъ стихотвореніи:

Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ;
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,
Ты въ людяхъ только зло извѣдалъ,
Но понимаемъ былъ однимъ...

т. е. имъ, сыномъ своимъ, «Мишелемъ Лермонтовымъ».

Рядомъ съ этимъ горемъ у юноши-поэта было и еще сердечное горе. Онъ любилъ дѣвушку однухъ съ нимъ лѣтъ. Отношенія были странныя, двойственныя. Она считалась какъ бы его кузиной, хотя была съ нимъ только въ свойствѣ, но среди его двоюродныхъ сестеръ она росла въ одинаковыхъ съ ними къ нему отношеніяхъ. На него въ

¹⁾ Родъ отца Лермонтова, Юрія Петровича, утратилъ не только богатство, но и свои родовыя бумаги. Родъ, дѣйствительно, захудалъ. Бумагъ не было и не безъ труда, кажется, добыли ему дворянскій дипломъ и внесли имя его въ дворянскую родословную книгу Тульской губерніи („Русск. Стар.“, т. XXIII, стр. 469), марта 10-го дня 1829 г. Вѣроятно, что свидѣнія о предкахъ были скудны. Выйдя въ офицеры, по разсказу И. Н. Лермонтова (младшая линія—поэтъ послѣдній изъ старшей линіи), Мих. Юр. не зналъ даже герба своей фамиліи. Характерно и начало стихотворенія, въ коемъ говорить онъ о себѣ и отцѣ:

Ужасная судьба отца и сына—
Жить ровно и въ разлукѣ умереть,
И жребій чуждаго изгнанника имѣть
На родинѣ съ названьемъ гражданина. П. В.

обществѣ глядѣли какъ на мальчика и если и замѣчали, быть можетъ, привязанность поэта, то не придавали ей серьезнаго значенія. Къ тому же она, однихъ съ нимъ лѣтъ, являлась уже взрослою. Въ общественномъ положеніи была, слѣдовательно, большая разница. Самому Лермонтову, почти мальчику еще, отношеніе къ Варварѣ Лопухиной было неясно. Она представлялась ему то сестрой, то недосыгаемымъ идеаломъ, дамою сердца и помысловъ. Она наполняла его душу или миромъ и покоемъ, или негодованіемъ среди опасныхъ соперниковъ; казалась то мягкой и любящей, то коварной. Однимъ взглядомъ и словомъ она поднимала его на высоту небесъ, или низвергала въ мрачное настроеніе духа, въ глубокія пропасти ада. Около нея поэтъ сосредоточивалъ свою фантазію. Мечты переплетались съ дѣйствительностію—выходомъ являлось творчество. Въ «Испанцахъ» любимая дѣвушка является героиней драмы, страстно любимую Фернандо, и затѣмъ внезапно оказывается его сестрою. Въ юношеской повѣсти, писанной немного позднѣе (1836 г.), она изображена сестрою горбача Вадима, безумно ея любящаго и увѣреннаго, что только ея любовь можетъ вернуть его къ добру. Страдающій и неясный въ самомъ себѣ, Лермонтовъ, сомнѣваясь и ревнуя, какъ Гамлетъ, посылаетъ Офелію свою въ монастырь. Въ его тогдашнихъ произведеніяхъ Варвара Александровна не разъ является монахиней. Такъ, въ первомъ очеркѣ «Демона» она монахиня-испанка. Поэтъ даже нарисовалъ акварелью ея портретъ въ костюмѣ католической монахини, въ окнѣ испанскаго монастыря на берегу моря ¹⁾. Въ «Исповѣди» дѣвушка, любимая героемъ, тоже въ монастырѣ. Любовь къ ней признается преступною со стороны молодого монаха и его приговариваютъ къ казни. Работая вновь и вновь надъ излюбленною темою, желая выставить роковаго человѣка въ борьбѣ съ предвзятыми людскими предразсудками, Лермонтовъ видоизмѣнялъ фабулу своего сюжета согласно съ тѣми интересами, которые въ данный моментъ занимали его. Когда фантазія поэта была занята Испанією, онъ рисовалъ ее съ ея бурными страстями, убійствами, казнями, пытками и ужасами таинственной инквизиціи. Послѣдняя, какъ учрежденіе, носившее въ себѣ глубокой разладъ съ ученіемъ христіанства, коимъ она прикрывалась, представлялась поэту особенно яркой иллюстраціей противорѣчивыхъ дѣяній и ложныхъ постановленій человѣческаго

¹⁾ Существуетъ и второй ея акварельный портретъ, нарисованный поэтомъ въ 1836 году, на коемъ онъ изобразилъ ее княгиню Лиговскою. Ср. статью мою: „По поводу княгини Лиговской“. „Русскій Вѣстникъ“, мартъ 1882 г., стр. 336. П. В.

общества. Когда Лермонтовъ сталъ заниматься и интересоваться русскою исторіею и брать сюжеты изъ нея, онъ перенесъ, что желалъ высказать въ «Исповѣди», изъ Испаніи въ обстановку русскую и такимъ образомъ создалъ «Боярина Оршу». Произведеніе это заслуживаетъ большаго вниманія, нежели какое обыкновенно ему придаютъ. Старикъ Орша и монастырскій служка Арсеній нарисованы сильными штрихами, яркими красками. Стихъ изобличаетъ уже мастера.

Мотивы, однако же, остаются тѣ же.

И здѣсь герой поэмы Арсеній—тотъ же безродный, безправный найденышъ, о коемъ Орша говорить:

Я заплачу тебѣ, злодѣй—
Тебѣ, найденышъ безъ креста,
Презрѣнный рабъ и сирота.

И здѣсь юноша гордо отвергаетъ обвиненіе, не считая себя виновнымъ передъ Богомъ, не признавая суда людскаго. Судящему его игумену онъ отвѣчаетъ:

Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою Бога утверждень,
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣ святой:
Онъ оправдалъ меня, одинъ
Онъ сердцу позный властелинъ!
Когда-бъ сквозь бѣдный мой нарядъ
Не проникалъ до сердца адъ,
Тогда я былъ бы виновать.

Субъективное право человѣка Лермонтовъ ставитъ тутъ высоко. Арсеній считаетъ любовь даромъ неба, имъ узаконеннымъ правомъ и вопиющею несправедливостію раздѣляемый Оршею предрасудокъ, по которому онъ, безродный найденышъ, не смѣетъ полюбить боярскую дочь. Не признаетъ Арсеній и обвиненіе монастырской братіи въ томъ, что, какъ монахъ, не смѣетъ полюбить дѣвушку. Рѣчи Арсенія дышатъ чудною гордостью, силой души. Страшнымъ, непримиримымъ бойцомъ за родину является Орша, онъ напоминаетъ мощь Тараса Бульбы, его непоколебимую волю. Онъ тоже убійца непослушнаго дѣтища, не смотря на безграничную и нѣжную къ нему любовь. Ненависти Орши къ Арсенію нѣтъ конца. Когда послѣдній, послѣ кровавой сѣчи русскихъ съ литовцами, въ обезображенной грудѣ тѣлъ, отыскиваетъ умирающаго израненнаго Оршу, старикъ, собирая остатки силъ, съ грозною рѣчью обращается къ виновнику душевныхъ мукъ своихъ, теперь перебѣжчику и измѣннику страны родной:

.... вѣрный родниѣ моей
 Не отверну теперь очей,
 Хоть ты-бъ жалагъ, измѣннигъ лажъ,
 Прочестъ въ нихъ близкой смерти страхъ
 И сожалѣнье, и печаль...
 Но знай, что жизни мнѣ не жалъ,
 А жалъ лишь то, что часъ мой былъ.
 Покуда я не отомстигъ,
 Что не могу поднять меча,
 Что на рукахъ моихъ, съ плеча
 Омнутыя кровью до локтей
 Злодѣевъ родины моей,
 Ни капли крови нѣтъ твоей!...

Глубоко схвачены и скорбь, и мука душевная Арсенія и мягко, и грустно звучать теперь слова, выходящія изъ его гордыхъ, непреклонныхъ устъ:

Старикъ! о прежнемъ позабуди...
 Взгляни сюда на эту грудь,
 Она не въ ранахъ, какъ твоя,
 Но въ ней живеть тоска-змѣя!
 Ты отомщенъ вполнѣ, давно,
 А кѣмъ и какъ—не все-ль равно...

Лермонтовымъ страшно сопоставлена любовь отцовская и любовника къ одному и тому же прекрасному, несчастному созданию. Есть что-то трагическое въ отношеніяхъ этихъ двухъ непреклонныхъ, гордыхъ враговъ, всетаки прикованныхъ другъ къ другу безграничною любовью къ одному и тому же предмету, обоими ими сгубленному. Только что прозвучали укоры и проклятія, прозвучала насмѣшка, полная горькой муки и презрѣнія къ Арсенію; еще сердце Орши не совсѣмъ перестало биться, а ужъ молодой человѣкъ ясно читаетъ въ чертахъ врага своего повѣсть сердечныхъ мукъ, заглушить которыя не могъ голосъ ненависти.

Къ нему Арсеній подошелъ
 И руки сжатя развелъ,
 И поднялъ голову съ земли:
 Двѣ яркія слезы текли
 Изъ поблѣднѣвшихъ мутныхъ глазъ...
 И долго юноша надъ нимъ
 Стоялъ раскашлемъ томимъ,
 Невольно мысли о быломъ,
 Прощая— не прощенъ ни въ чемъ!

Не смотря на сильную рисовку характеровъ и много достоинствъ поэмы, въ ней есть недостатки; такъ, поэтъ не можетъ отдѣлаться отъ

образовъ своихъ испанскихъ мечтаній. Въ «Бояринѣ Орша» монахи и ихъ игумень совсѣмъ не русскіе монахи, а смахиваютъ на инквизиторскій трибуналь католическаго ордена. Въ Арсеніи, какъ начальникъ разбойничьей шайки, есть также сходство съ мотивами изъ «Наташи боярской дочери» Барамзина. Словомъ, поэтъ, творя своеобразно, не творилъ еще свободно. Оттого-то онъ самъ не былъ удовлетворенъ этимъ произведеніемъ и подвергъ излюбленный мотивъ новой переработкѣ.

Такъ какъ талантъ поэта быстро зрѣлъ, то и понятно, что онъ все болѣе и болѣе освобождался изъ подъ оковъ субъективныхъ ощущеній. Самая первоначальная идея, борьбы подавленной индивидуальности богатой и сильной натуры противъ нравственныхъ оковъ условнаго, самая эта идея выплывала все яснѣе въ чистотѣ своей. Побочные мотивы любви, ненависти должны были уйти на второй планъ и являться развѣ эпизодами. Вотъ какъ подошелъ поэтъ къ своему произведенію «Мцыри». И тутъ правда не обошлось безъ нѣкотораго толчка извнѣ. Какъ разъ въ то время, когда Лермонтовъ, странствуя по старой военно-грузинской дорогѣ, изучалъ мѣстные сказанія ¹⁾, видоизмѣнившія поэму «Демонъ», онъ наткнулся въ Мцхетѣ,

Тамъ, гдѣ сливаясь шумятъ
Обнявшись будто двѣ сестры
Струи Арагвы и Куры,

на одинокаго монаха или, вѣрнѣе, стараго монастырскаго служку «Бѣри» по грузински. Сторожъ былъ послѣдній изъ братіи упраздненнаго близлежащаго монастыря ²⁾. Лермонтовъ съ нимъ разговорился и узналъ отъ него, что родомъ онъ горецъ, плѣненный ребенкомъ генераломъ Ермоловымъ во время экспедиціи ³⁾. Генераль его везъ съ собою и оставилъ заболѣвшаго мальчика монастырскаго братіи. Тутъ онъ и выросъ; долго не могъ свыкнуться съ монастыремъ, тосковалъ и дѣлалъ попытки къ бѣгству въ горы. Послѣдствіемъ одной такой попытки была долгая болѣзнь, приведшая его на край могилы. Излечившись, дикарь утомился и остался въ монастырѣ, гдѣ

¹⁾ Ср. статью мою: „Отраженіе кавказскихъ преданій въ поэзіи Лермонтова“, газета „Кавказъ“, 1881 г., № 203.

²⁾ Разсказъ Ак. П. Шанъ-Гирея и Хостатова. Къ послѣднему, знаменитому храбрецу на Кавказѣ, имѣютъ отношенія повѣсти Лермонтова: „Фаталистъ“ и „Бѣла“.

³⁾ Точно ли то былъ Ермоловъ, вопросъ второстепенный, имя его такъ популярно на Кавказѣ, что ему охотно приписываютъ дѣянія другихъ забытыхъ лицъ.

особенно привязался къ старику монаху. Любопытный и живой рассказъ «Бэри» произвелъ на Лермонтова впечатлѣніе. Къ тому же онъ затрагивалъ уже знакомый поэту мотивъ и вотъ онъ рѣшился воспользоваться тѣмъ, что было подходящаго въ «Исповѣди» и «Бояринъ Орша», и перенесъ все дѣйствіе изъ Испаніи и потомъ Литовской границы—въ Грузію. Теперь въ героѣ поэмы онъ могъ отразить симпатичную ему удачу непреклонныхъ свободныхъ сыновъ Кавказа, а въ самой повѣи изобразить красоты кавказской природы. Все побочное отпадаетъ и поэтъ рисуетъ только могучую вольную душу. Хоть онъ и говоритъ, какъ въ первомъ своемъ наброскѣ въ «Исповѣди»:

А душу можно-ль рассказать!

но все-таки онъ пытается это совершить и попытка его увѣнчивается на этотъ разъ большимъ успѣхомъ.

На послѣднемъ листкѣ послѣ черновой рукописи поэмы «Бэри» или «Мцыри» рукою Лермонтова написано нѣсколько любопытныхъ строкъ, кажется, имѣющихъ отношеніе къ повѣи и самому поэту:

Ты много жилъ и въ столько лѣтъ
Успѣлъ узнать людей и свѣтъ,
И много горестей и бѣдъ
Пережила душа твоя—
Но Боже! вѣрно такъ, какъ я,
Ты не страдалъ....

Если сравнить «Мцыри» съ «Бояриномъ Оршей», то мы найдемъ много мѣстъ общихъ между ними, больше, чѣмъ указано нами, потому что мы обратили вниманіе только на тѣ строки, которыя вошли во всѣ три произведенія. Разбирать суть и значеніе поэмы «Мцыри» не считаемъ нужнымъ, въ виду общей ея извѣстности. Задача наша была показать, какъ создавались, росли, развивались мотивы поэтического творчества Лермонтова; какъ изъ субъективныхъ ощущеній и автобіографическаго матеріала, мало по малу очищеннаго, выходила главная идея, облекаясь въ опредѣленный, ясный поэтический образъ. Въ повѣи «Мцыри» все второстепенное, въ прежнихъ наброскахъ еще проникавшее въ повѣствованіе и оспаривавшее у главнаго мотива его первенствующее значеніе, уходитъ на второй планъ и служитъ исключительно для придачи большаго рельефа важнѣйшему образу и важнѣйшей идеѣ. Такъ, эпизодъ любви къ дѣвушкѣ въ «Исповѣди» и въ «Бояринъ Оршѣ», являющійся какъ бы главнымъ мотивомъ невзгодъ послушника, въ «Мцыри» представляется только

преlestнымъ легкимъ силуэтомъ, арабескомъ, выставляющемъ рельефе душевное состояніе юноши, рвущагося въ жизнь. Поэтъ уже не прибѣгаетъ къ рисовкѣ ужасающихъ страстей, ненависти игумена, или гордаго свирѣпаго боярина. Монахи въ «Мцыри» не жестокие инквизиторы, а добродушные, любящіе старцы. Нигдѣ нѣтъ ненависти, жестокости, угнетенія. Потому-то такъ подавляюще дѣйствуетъ описаніе одинокой души юноши, погибающей отъ непониманія, отъ чуждой обстановки, отъ недостатка вольной воли. Послушникъ задыхается въ этой чуждой, хоть и доброй къ нему, обстановкѣ. Трагизмъ его положенія растетъ именно вслѣдствіе того, что въ столкновенияхъ своеобразной души съ окружающей обстановкой жизни нѣтъ никакой утритровки, гнета и преслѣдованія. Для изображенія роковаго и трагическаго не нужно ужасовъ и крови. Поэту удалось выполнить, что онъ задумалъ почти мальчикомъ, т. е. нарисовать благородную и сильную душу, трепещущую и томящуюся въ рамкахъ чуждой жизни, чуждыхъ условій. И эта борьба опредѣленной индивидуальности съ опредѣленнымъ жизненнымъ строемъ, въ результатѣ приводя къ смерти, ставитъ намъ вѣчные, еще не рѣшенные, вопросы: «почему, что виною?»

Пав. А. Висковатскій.

Юрьевъ-Ливонскій.

Іюль 1887 г.

АЛЬБОМЪ С. Д. ПОЛТОРАЦКАГО

1820—1852.

Въ бумагахъ С. Д. Полторацкаго, доставшихся московскому публичному Румянцевскому музею, находится много рукописныхъ тетрадокъ, отдѣльныхъ листовъ со стихами извѣстныхъ и неизвѣстныхъ поэтовъ, начиная съ 1820-го годовъ и кончая 1850-ми годами, копій съ писемъ разныхъ лицъ и чѣмъ-нибудь интересныхъ бумагъ.

Тутъ, между прочимъ, встрѣчаются стихотворенія: Дениса Давыдова, Нелединскаго-Мелецкаго, Бенедиктова, Познанскаго, Добровольскаго, Нечаева, Протасова, Оржицкаго и др.

Между письмами встрѣчается письмо знаменитаго писателя Озерова къ князю Шаховскому по поводу трагедіи «Поликсены»; письмо Н. Н. Муравьева къ С. Д. Полторацкому о побѣгѣ крѣпостныхъ мужиковъ; письмо нѣкого Петковича—о впечатлѣніяхъ по прїѣздѣ въ Петербургъ, гдѣ онъ «имѣлъ удовольствіе» видѣть Карамзина; два письма императрицы Елизаветы Алексѣевны къ государынѣ Маріи Феодоровнѣ тотчасъ послѣ смерти императора Александра I-го, облетѣвшее въ спискахъ всю Россію; письмо князя Евг. П. Оболенскаго изъ Ялуторовскаго къ родному брату князю Константину Петровичу въ Москву, въ которомъ прекрасно обрисовывается высокогуманная личность автора, полная любви и заботы о ближнемъ. Въ письмѣ Е. Оболенскій старается успокоить Кашкина, котораго сынъ попался въ дѣлѣ М. В. Петрашевскаго. Все письмо проникнуто необычайною бодростью и христіанскою любовью. Наконецъ, среди рукописей нашлось нѣсколько документовъ, имѣющихъ интересъ по отношенію къ исторіи русской цензуры.

Многія изъ бумагъ до сихъ поръ не напечатаны, а другія—если и попали въ печать, то почему-либо не въ цѣльномъ видѣ, но всѣ онѣ, въ большей или меньшей степени, имѣютъ значеніе и интересъ историко-литературный. Съ этой стороны бумаги представляютъ весьма любопытный матеріалъ,

который, по своей отрывочности, пригоденъ для составленія литературнаго альбома первой половины нынѣшняго столѣтїи.

Такой альбомъ предлагаю читателямъ «Русской Старины».

Е. С. Некрасова.

I.

В. А. Озеровъ—къ князю А. А. Шаховскому

1808 г.

«Писецъ весьма мѣшкотный и двухъ дѣйствій не успѣлъ переписать, между тѣмъ я самъ ѣду въ пятницу или субботу на нынѣшней недѣлѣ,—и такъ, не могу, мой любезный князь, исполнить моего обѣщанія до отъѣзда—и доставить вамъ четыре дѣйствія моей «Поликсены». У Алексѣя Николаевича ¹⁾ всѣ четыре дѣйствія въ портфель, моею рукою переписанныя. Онъ, вѣрно, не откажетъ вамъ дать ихъ на время для прочтенія его высокопревосходительству Александру Львовичу ²⁾. Только нужно въ IV-мъ дѣйствїи, во 2-мъ явленїи, въ первой рѣчи Нестора прибавить два стиха женскихъ между 4 мужскихъ, о которыхъ мнѣ замѣтилъ Иванъ Андреевичъ ³⁾, именно-же послѣ 140-го стиха:

„Предъ гордой твердостью троянска стѣнъ“

вставить надобно:

„Мечтавшей о себѣ быть въ вѣкъ неодолимой;
Которы, удалась отъ родимъ любимой“,—

и переимѣнять послѣдующій стихъ такимъ образомъ:

„Стремилась кровь свою на сихъ брегахъ пролить“, и проч.

Сдѣлайте, пожалуйста, сію переимѣну, когда рукопись получите отъ Алексѣя Николаевича, у котораго вы моимъ именемъ можете попросить всѣ четыре дѣйствія. Что-же касается до 5-го, я его здѣсь началъ, но перерванъ былъ въ своемъ упражненїи сборани къ отъѣзду отсюда, намѣреваясь не возвращаться въ Петербургъ, но прислать изъ отпуска прошеніе объ отставкѣ. Надѣюсь, что мое 5-е дѣйствїе окончу въ деревнѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ и доставлю въ августѣ къ Алексѣю Николаевичу; тогда буду просить его, васъ и другихъ

¹⁾ А. Н. Оленинъ.

²⁾ А. Л. Нарышкинъ.

³⁾ И. А. Крыловъ.

искреннигъ и добрыхъ моихъ пріятелей рассмотреть, достойна-ли будетъ трагедія быть игральною, вашей-же дружбѣ особенно поручу замѣнить меня на пробахъ, — и болѣе еще на васъ положусь, нежели на самого себя, въ наставленіи актеровъ, любезныхъ актрисъ и въ учрежденіи всего хода трагедіи. Вѣроятно, что до моего отъѣзда я съ вами не увижусь, — вы живете, — какъ я слыгну, — на дачѣ; но я считаю, что вы мнѣ продолжите вашу пріязнь, а хотя по разстояніямъ мѣсть, гдѣ будемъ жить, будемъ мы между собою далеки, но по сердцу и по мысли будемъ часто и весьма близки. Прощайте. Преданный вамъ Владиславъ Озеровъ».

II.

Федоръ Ивановичъ Тютчевъ.

Къ одѣ Пушкина: «На вольность».

Огнемъ свободы пламенѣя
И заглушая звукъ цѣпей,
Проснулся въ лирѣ духъ Алцея
И рабства пыль слетѣла съ ней.
Отъ лиры искры побѣжали
И вседрожжащею струей —
Какъ пламень Божій — ниспадали
На чела блѣдныя

* *

Счастливы — кто гласомъ твердимъ, смѣлымъ,
Забывъ ихъ санъ, ихъ тронъ
Вѣщать . . .
Святны истины рожденъ!
И ты великимъ снѣмъ удѣломъ
О, музъ — питомецъ, — награжденъ?

* *

Воспой и силой сладкогласья
Развѣжь, растрогай, преврати
Друзей холодныхъ самовласть
Въ друзей добра и красоты!

* *

Но гражданъ не смущай покою
И блеска не мрачи вѣнца,
Пѣвецъ! подъ царскою парчею
Смягчай, а не тревожь сердца.

Ф. И. Тютчевъ.

III.

Михаилъ Петловичъ—къ С. Д. Полторацкому, товарищу по Риншельскому лицѣю.

Петербургъ, 10-го мая 1821 года.

Любезный другъ, вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ я писалъ тебѣ, но не получалъ до сихъ поръ отвѣта; хочю думать, что письмо мое тебѣ не доставлено: я послалъ его черезъ помѣщика Шалашникова. Могу-ли сомнѣваться, чтобы другая какая нибудь причина заставляетъ тебя молчать? конечно, нѣтъ, иначе бы я сдѣлался недостойнымъ твоей дружбы. Въ прежнемъ письмѣ я описывалъ тебѣ мою скуку, которая мнѣ сопутствовала по выѣздѣ изъ Москвы, гдѣ я нашелъ потеряннаго было друга и съ кониъ проводилъ время въ пріятнѣйшихъ, сладостныхъ воспоминаніяхъ о прошедшемъ времени, которое я всегда буду считать въ числѣ счастливейшихъ минутъ моей жизни; потому сказалъ нѣсколько словъ о Твери, о педантствѣ моемъ въ Новгородѣ при разсматриваніи его древностей; о русскихъ деревняхъ, какихъ, я думаю, въ самой Германіи мало; о дорогѣ, вновь сдѣланной за 150 верстъ до Петербурга (здѣсь я замѣтилъ, что она ровнѣ нашихъ лицейскихъ половъ, въ классахъ бывшихъ), особливо же я выхвалялъ тебѣ дорогу отъ Царскаго до столицы, обсаженную въ четыре ряда деревьями, каменныя версты и многія другія учрежденія по сей дорогѣ, предвѣщающія, что въѣзжаешь въ первый въ свѣтѣ городъ.

Ты знаешь, любезный, какъ мнѣ понравилась Москва, поэтому можешь вообразить восхищеніе стѣннаго жителя при видѣ чрезвычайнѣйшихъ строеній, регулярныхъ улицъ съ прекраснѣйшими тротуарами, бульваровъ, удивительныхъ набережныхъ Невы и каналовъ, монументовъ — однимъ словомъ всего того, о чемъ я съ такою жадностью разспрашивалъ тебя и С. въ Одессѣ.

Не ожидай отъ меня описанія сего чудснаго украшенія Россіи и всего свѣта, ибо я, будучи не въ состояніи его описать съ такою живостью, съ какою силою дѣйствуютъ на меня здѣшніе предметы, — боюсь наскутить тебѣ. Впрочемъ, ты самъ былъ въ немъ и скоро опять будешь, слѣдовательно, не имѣешь нужды въ моемъ нелѣпомъ описаніи. Скажу теперь тебѣ только, что я видѣлъ уже почти всѣ рѣдкости Петербурга, ибо былъ въ кунсткамерѣ и въ Эрмитажѣ, т. е. въ собраніи чудесъ природы и искусства.

Такъ какъ я еще не опредѣлился въ кавалерійскій эскадронъ, потому что со времени моего отъѣзда изъ дому еще не получалъ ни одного письма, а слѣдовательно и денегъ, то занятія мои состоятъ въ томъ, что по средамъ, четвергамъ и пятницамъ хожу въ Публичную Библіотеку для чтенія;

въ прочіе же дни блуждаю по городу; бываю часто и почти всегда въ театрѣ на русскіхъ и французскіхъ представленіяхъ. (Русскіе и французскіе актеры почти всё хорошо играютъ, поютъ же нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно; что же касается до балетовъ, то они доведены здѣсь, кажется, до возможнаго совершенства; декораціи тоже, какъ я думаю, не могутъ быть лучше нигдѣ, впрочемъ, сему послѣднему нечего удивляться, ибо театръ здѣсь получаетъ много доходу; самый театръ внутри отдѣланъ прекраснѣйшимъ образомъ, не въ примѣръ лучше Московскаго).

Я и забылъ сказать тебѣ, что въ библиотекѣ видѣлъ: Крылова, Гнѣдича, Востокова и Лобанова, но сколько ни старался видѣть гдѣ нибудь Карамзина (любимаго мною болѣе всѣхъ, — ты объ этомъ знаешь), но не могъ найти въ тому случая. Уже съ большимъ прискорбіемъ хотѣлъ оставить свои бесполезныя старанія, какъ вдругъ пришло мнѣ въ голову пойти къ нему самому и рекомендоваться такимъ образомъ, какъ онъ рекомендовался славнымъ писателямъ въ Германіи и Франціи. Отыскавши его квартиру, я вхожу къ нему и начинаю говорить:

— «Ваше превосходительство! Съ самаго малолѣтства я любилъ заниматься вашими сочиненіями и имѣлъ величайшее желаніе видѣть такого великаго человѣка, но не имѣя къ тому инаго способа, я рѣшился придти къ вамъ и прошу васъ извинить мою дерзость». Онъ меня принялъ ласково, разспрашивалъ, гдѣ я воспитывался, какіе читалъ авторовъ и, узнавши отъ меня, что древнихъ авторовъ я читалъ только въ переводахъ, совѣтовалъ мнѣ учиться по крайней мѣрѣ по латыни. Я ему сказалъ, что непремѣнно исполню его совѣты. Мы говорили болѣе получаса и когда я отъ него уходилъ, то онъ, давши мнѣ руку, которая заставила меня такъ восхищаться и даже плакать, пригласилъ меня приходить иногда къ нему.

Недавно отыскалъ я Аркудинскаго. Послѣ обыкновенныхъ восклицаній: «какимъ образомъ?! давно-ли? зачѣмъ?» онъ сказалъ, что очень доволенъ моимъ прїездомъ и что всё свободные часы отъ своихъ занятій будетъ проводить со мною, — онъ сдержалъ свое слово, и мы часто вѣстѣ дѣлнимъ время очень прїятно, ибо разсказываемъ одинъ другому свои происшествія со времени нашей разлуки и воспоминаемъ о проведенныхъ годахъ нами вѣстѣ въ институтѣ и въ лицей. Я ему говорилъ, какимъ образомъ мы увидѣлись и проводили время въ Москвѣ. Онъ велѣлъ мнѣ отъ него кланяться и увѣрить тебя въ его къ тебѣ любви.

Въ Одессу къ брату я уже писалъ и скоро надѣюсь получить отвѣтъ. Я ему кланялся отъ тебя, отъ Рошфора и отъ Пушкина. Любезнѣйшимъ друзьямъ: Рошфору и Пушкину свидѣтельствую свою дружбу и прошу отъ меня имъ кланяться. Я надѣюсь, что ты извинишь меня передъ Рошфоромъ за то, что я никакъ не могъ взять его ящикъ съ книгами.

Прощай, сердечный мой другъ, въ ожиданіи твоего скорого отвѣта остаюсь навсегда вѣжно любящимъ, истиннымъ твоимъ другомъ Михаилъ Петковичъ.

P. S. Говорать, что будетъ война: *Tans mieux, parbleu, tans mieux, ce que je demande et ma joie en est grande* ¹⁾).

IV.

Майоръ Раевскій

1822 г.

Извѣстный майоръ Василій Ѳеодосѣевичъ Раевскій жилъ въ Кишиневѣ въ то время, когда тамъ былъ А. С. Пушкинъ.

Раевскій служилъ въ 16-й дивизіи, которая составляла передовое сословіе города, а затѣмъ подпала подъ опалу, обвиняемая въ составленіи заговора на югѣ. Раевскій вѣстѣ съ двумя бригадными генералами и самимъ начальникомъ дивизіи былъ арестованъ. О томъ, что его арестуютъ, Раевскій узналъ отъ А. С. Пушкина. Вотъ какъ онъ самъ объ этомъ рассказываетъ.

— «1822 года 5-го февраля, въ 9 часовъ пополудни, кто-то постучался у моихъ дверей. Арнаутъ, который стоялъ въ безмолвіи передо мною, вышалъ встрѣтить или узнать—кто пришелъ. Я курилъ трубку, лежа на диванѣ.

— Здравствуй, душа моя! сказалъ Пушкинъ весьма торопливо и измѣнившимся голосомъ.

— Здравствуй, что новаго?

— Новости есть, но дурныя; вотъ почему я прибѣжалъ къ тебѣ.

— Добраго я ничего ожидать не могу послѣ безчеловѣчныхъ пытокъ С.... Но что такое?

— Вотъ что, продолжалъ Пушкинъ: С. сейчасъ уѣхалъ отъ генерала (Извова); дѣло шло о тебѣ. Я не охотникъ подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, признаюсь, согрѣшилъ, приложилъ ухо. С. утверждалъ, что тебя надо непременно арестовать; нашъ Инзушка—ты знаешь, какъ онъ тебя любитъ—отставалъ тебя горячо. Долго еще продолжался разговоръ, я многого не дослышалъ, но изъ послѣднихъ словъ С—ва ясно уразумѣлъ, что ему приказано: ничего нельзя открыть, пока ты не арестованъ.

— Спасибо, сказалъ я Пушкину; я этого почти ожидалъ, но арестовать штабъ-офицера по однимъ подозрѣніямъ — отзывается турецкою расправой;

¹⁾ Переводъ: „Тѣмъ лучше, ей Богу, тѣмъ лучше! Я этого именно и желалъ — и очень радъ“.

впрочемъ, что будетъ, то будетъ. Пойдемъ къ Липранди,—только ни слова о моемъ дѣлѣ». («Вѣстникъ Европы», 1874 г., июнь).

Раевского арестовали и посадили въ Тираспольскую крѣпость, а по окончаніи суда сослали на поселеніе. Въ крѣпости онъ написалъ стихотвореніе: «Пѣвецъ въ темницѣ» и послалъ Пушкину.

О, міра чернаго жлець!
 Счти всѣ прошлыя минуты,
 Быть можетъ близокъ твой конецъ
 И переломъ судьбины лютой.
 Ты зналъ-ли радость? свѣтлый миръ—
 Души награду непорочной?
 Что составляло твой кумирь:
 Добро или гуль толпы непрочной?
 Читалъ-ли дѣвъ молодой
 Любовь во взорахъ сквозь рѣсницы,
 Въ усталомъ снѣ ея съ тобой
 Встрѣчалъ-ли яркій лучъ денницы?
 Ты зналъ-ли дружба привѣтъ,
 Всегда съ наружностью холодной,
 Давалъ-ли другъ тебѣ совѣтъ
 Стремиться къ цѣли благородной?
 Дарилъ-ли щедрою рукой
 Ты бѣдныхъ золотомъ и нищей?
 Почтилъ-ли вѣкъ подъ сѣдиной
 И посѣщалъ-ли бѣдъ жилища?
 Оданымъ исполненнымъ добромъ
 И, слыша стонъ простонародный,
 Сей ропотъ робкій подъ ярмомъ,
 Алкалъ-ли мести благородной?
 Счти часы, вступя въ сей свѣтъ,
 Повѣрь протекшій путь надъ бездной,
 Измѣрь ее—и дай отвѣтъ
 Потомству съ твердостью желѣзной.
 Мой вѣкъ, какъ тусклый метеоръ,
 Сверкнулъ въ полуночи незримо,
 И первый вопль, какъ приговоръ,
 Мнѣ былъ судьбы непримиримой.
 Я нѣги не любилъ душой,
 Не зналъ любви, какъ страсти нѣжной,
 Не зналъ друзей, и разумъ мой
 Встревоженъ мыслию мятежной.
 Забавы дѣтства презиралъ!
 И я летѣлъ къ извѣстной цѣли!
 Мечты мечтами истреблялъ,
 Не зная мира и веселій.
 Подъ тучей черной, грозовой,
 Подъ бурнымъ вихремъ истребленія,

Средь черни грубой, боевой,
 Средь буйныхъ капищъ развращенья
 Пожалъ я жизни первый плодъ,
 И тамъ съ какимъ-то чернымъ чувствомъ.
 Привыкъ смотрѣть на смертныхъ родъ:
 Обезображенный искусствомъ,
 Какъ истуканъ, нѣмой народъ

.
 И вѣра! щить стальной,
 Уда для черни суевѣрной,
 Передъ главой
 Смирять разумъ дерзновенный.
 Къ моей отчизнѣ устремилъ
 Я, общимъ зломъ пресытя, взоры,
 Съ предчувствьемъ мрачнымъ вопросилъ—
 Сибирь, подземные затворы
 И книгу, кою открывалъ,
 Дыша къ землѣ родной любовью.
 Но холодный потъ меня объялъ,—
 Листы залиты были кровью!
 Я бросилъ свой смущенный взоръ
 Съ печалью на кровавы строки—
 Тамъ былъ подписанъ приговоръ
 Судьбою гибельной, жестокой:
 „Во прахъ и Новгородъ, и Псковъ,
 Конецъ ихъ гордости народной!
 Они дышали шесть вѣковъ
 Во славу жизнью свободной“.

* *
 *

Погибли Новгородъ и Псковъ,
 Во прахѣ пышныя жилища
 И трупы добрыхъ ихъ сыновъ
 Звѣрей голодныхъ стали пища.
 Но тамъ бессмертныхъ имена
 Златыми буквами сіяли;
 Богоподобная жена—
 Барецкая, Вадимъ,—вы пали:
 Съ тѣхъ поръ исчезъ, какъ тѣнь, народъ,
 И гласъ его не раздавался
 Предъ вѣстью бранныхъ непогодъ,
 На площади онъ не собирался и проч.

Пушкину стихотвореніе очень понравилось, — а объ одномъ четверостишіи онъ выразился такъ: «какъ хорошо, какъ это сильно! Мысль эта никогда не встрѣчалась; она давно вертѣлась въ моей головѣ, но это не въ моемъ родѣ: это въ родѣ Тираспольской крѣпости, а хорошо!»

V.

Николай Николаевичъ Муравьевъ—къ С. Д. Полторацкому.

28-го мая 1825 г. С. Осташево.

«Адресуюсь къ тебѣ, любезный Сергѣй Дмитріевичъ, въ полной надеждѣ, что ты приложишь самое дѣятельное стараніе исполнить мою просьбу, состоящую въ нижеслѣдующемъ. (Пишу не своей рукой, потому что почеркъ мой неразборчивъ).

Одинъ изъ моихъ крестьянъ, по имени Артемій Сергѣевъ,—уже два раза былъ въ побѣгахъ, и оба раза мною прощенъ; я по добродушію своему повѣрилъ его обѣщанія и онъ остался въ вотчинѣ безъ наказанія. Но, видно, не суждено было кротостію его исправить — онъ нынѣ подговорилъ трехъ молодыхъ крестьянъ, обѣщая имъ золотыя горы въ Одессѣ, и въ ночь съ 24 на 25 число они всѣ четверо ушли. Сегодня одинъ изъ нихъ, пришедъ въ раскаяніе, возвратился и объявилъ, что они 26 числа были только въ 27-ми верстахъ отсюда по дорогѣ къ Калужской губерніи; что Артемій долго его уговаривалъ съ ними остаться, но что онъ, не смотря на сіе, возвратился, присовокупивъ, что какъ у нихъ денегъ нѣтъ ни полушки, то Артемій наклоняетъ ихъ заняться грабежемъ, пробираясь къ Одессѣ и не захватывая городовъ, дабы не попасться. Почему и полагаю, что они пойдутъ уѣздами — Мядынскимъ, Масальскимъ, Серпейскимъ, Мещевскимъ, Живдринскимъ и Орловской губерніи Брянскимъ уѣздомъ. Приимты симъ тремъ бѣглецамъ при семъ прилагаю. Усерднѣйше прошу тебя, любезный Сергѣй Дмитріевичъ, употребить наибольшее стараніе, чтобы склонить господина калужскаго исправника о немедленномъ предписаніи по уѣзду, чтобъ ихъ ловили. Онъ можетъ буде захочетъ и въ вышеписанные уѣзды сообщить о томъ же и послать ихъ приимты. Да хорошо, если бы ты попросилъ и самого господина гражданскаго губернатора о семъ,—князь меня звать,—то можно его просить и отъ имени моего, дабы онъ приказалъ въ уѣздахъ, по пути къ Одессѣ лежащихъ, ихъ ловить; буде захочетъ сообщить и въ Орловскую губернію въ Брянскій уѣздъ, симъ можетъ имъ большое одолженіе сдѣлать, да сверхъ того предохранить отъ воровства и убійства, которое легко отъ нихъ послѣдовать можетъ, ибо Артемій хотя и слабого сложенія, но мужикъ продувной, а двое его товарищей—молодцы! въ гренадеры годятся. Сдѣлай одолженіе, постарайся о семъ, но не мѣшай — дабы они не успѣли пройти Калужской губерніи. Пойдутъ же они не городами, — ночевать будутъ въ лѣсахъ, — почему ловить ихъ надобно при проходѣ дорогою черезъ селенія или на перекресткахъ.

Повторяю мою просьбу,—сдѣлай милость немедленно хлопотчи о семъ, а отвѣчай мнѣ въ городъ Волоколамскъ; прося засвидѣтельствовать мое почтеніе

милостивой государынѣ Аннѣ Петровнѣ—и остаюсь душевно тебѣ преданнымъ Николай Муравьевъ».

При письмѣ приложенъ листокъ:

Принѣты бѣжавшихъ крестьянъ села Новаго:

1) Евдокимъ Егоровъ росту средняго, волосы на головѣ свѣтлорусые. Борода и усы пробиваются, лицомъ чистъ, широколицъ и бѣлъ, носъ широковатъ, глаза сѣрые; 22-хъ лѣтъ. Платье на немъ: шуба, кафтанъ русскаго сѣраго сукна, шляпа русская, ветхая, сапоги лишние (личныя).

2. Терентій Савельовъ, росту большаго; волосы на головѣ темно-русые, кудравые, усы и борода пробиваются; лицомъ чистъ, носъ прямой, глаза каріе, двадцати одного году; платья на немъ: шуба, кафтанъ русскаго сѣраго сукна ветхаго, шляпа русская, сапоги лишние, ветхія.

3. Артемій Сергѣевъ, деревни Жулиной, росту двухъ аршинъ четырехъ вершковъ, лицомъ чистъ, носъ продолговатъ, глаза сѣрые, волосы на головѣ темно-русые, усы пробиваются свѣтло-русые, сутуловатъ, 27 лѣтъ. Платье на немъ: два кафтана русскаго сѣраго сукна, на ногахъ лапти.

VI.

Указъ святѣйшему синоду объ одеждѣ церковниковъ

31-го августа 1825 г.

Дошло до нашего свѣдѣнія, что нѣкоторые причетники въ видѣ одежды отступаютъ отъ древнихъ обычаевъ нашей церкви, равногѣрно и ученики духовные, предназначенные для служенія алтарю Господню, не соблюдаютъ собственное имъ смиреніе въ одѣяніи, ихъ духовному званію столь приличное, а жены и дочери священно- и церковнослужителей, не уступая мірскимъ въ нарядахъ, водворяютъ между собою разительную роскошь и непостоянство.

Желая положить преграду дальнѣйшимъ отступленіямъ отъ древнихъ обычаевъ, повелѣваемъ святѣйшему синоду на основаніи слова Божія и церковныхъ постановленій составить правила о благоприличномъ духовныхъ лицамъ одѣяніи, которое бы, отличая ихъ отъ мірскихъ, въ то же время напоминало имъ приличіе ихъ званія и обязанностей,—и сіи правила представить намъ на утвержденіе. Александръ.

Каменный Островъ.

Примѣчаніе. О распоряженіяхъ правительства Александра I, по поводу одежды духовенства, было уже напечатано въ „Русской Старинѣ“, изд. 1871 г., томъ IV, стр. 443—445.

Р е д.

VII.

Императрица Елизавета Алексѣевна—къ государыні Маріи Федоровнѣ въ С.-Петербургѣ.

Таганрогъ, 1825 г.

Матушка! Ангелъ нашъ на небесахъ, а я еще скитаюсь на землѣ. Кто бы могъ вообразить, что я—слабая, больная—могла когда-либо его пережить? Матушка! не оставьте меня! Я осталась совершенно одна въ семь горестногъ міръ?

Матушка! Усоншій дражайшій нашъ воспріалъ свой прежній видъ. Улыбка его свидѣтельствуетъ, что онъ достоинъ блаженства и наслаждается зрѣніемъ утѣшительнѣйшихъ предметовъ, нежели каковыя представлялись ему въ сей жизни. Единственное успокоеніе въ моей невозвратной потерѣ есть, что я его не переживу: вскорѣ надѣюсь съ нимъ соединиться.

Примѣчаніе. Это современный 1825 года переводъ съ французскаго весьма распространенныхъ въ спискахъ по Россіи писемъ императрицы Елисаветы Алексѣевны. Ш. Н.

VIII.

Письмо на проездѣ черезъ Москву 30-го ноября 1825 года, въ день народной присяги государю императору Константину Павловичу.

Что, россияне, такъ вы уныли?
Гдѣ ваша слава — добрый вашъ царь?
Съ кѣмъ вы Европы миръ утвердили?
Ахъ! Онъ въ могилѣ!... тяжкій ударъ!!!

* *

Нѣтъ его; лейте слезы рѣками.
Счастье съ нимъ ваше въ мигъ протекло!
Но успокойтесь: Константинъ съ вами,
Намъ его небо отцомъ нарекло.

* *

Мы поклонимся быть ему вѣрны:
Онъ Александру равенъ душой;
Съ нимъ на сраженьяхъ раны примѣрны,
Братъ Александра—царь и герой!

Стихи на отказъ его высочества цесаревича великаго князя Константина Павловича
отъ престола.

Внезапно дневный слухъ промчался
И всюду вселенну удивилъ:
Монархъ отъ царства отказался,
Престоль братъ брату уступилъ.

* *

Что Петръ и что Екатерина?
Что ихъ великія дѣла
Передъ дѣлами Константина?
Пускай о нихъ гремитъ квалъ.

* *

Они предѣлы расширили,
Обширность царства своего;
Они престолы доставали:
Онъ отказался отъ него!

* *

Когда рожденье и порода,
Россіи вѣрнейшій законъ,
Преданность войскъ, любовь народа,
Все, все — ему давали тронъ.

* *

Но гласу дружества внимая,
Отвергъ величества титулъ,
На тронъ возвысилъ Николая,
Ему онъ первый присягнулъ.

* *

Въ усердіи царю поклонясь,
Примѣромъ быть земли своей,
Онъ цесаревичемъ остался,
Но выше сталъ онъ всѣхъ царей.

* *

Ему не нужны діядемы
И клятвы вѣрности въ словахъ; —
Народомъ князь боготворимый,
Безъ клятвъ ты царствуешь въ сердцахъ.

* *

Тебѣ усердье, вмѣсто трона;
Сердца людей — тебѣ чертогъ;
Любовь народная — корона;
Тебѣ титулъ — нашъ полубогъ!

В. А. Добровольскій.

IX.

Что кому нужно.

Для ума потребенъ геній,
 Для разсудка—зрѣлость лѣтъ,
 Для улана—конь-игрень,
 Для красавицы—корсетъ,
 Для романа—нѣжны чувства,
 Для сатиры—ѣдка соль,
 Для судей—воровъ искусство,
 Для поповъ—Тартюфа роль,
 За прекрасными—смотрѣнье,
 Для ревнивыхъ—сто очей,
 Для влюбленныхъ—сто ночей,
 А терпѣнье—для мужей.

Нечаевъ.

(1830-хъ гг.).

X.

Что извиняю и чего не прощаю.

Влюбиться молодцу въ прекрасное лицо
 И съ нимъ идти къ вѣнцу—
 Вотъ что я извиняю.

* *
 *

Но обольщаться той мечтой,
 Что вѣчно женниной плѣняться красотой—
 Вотъ что я не прощаю.

* *
 *

Дѣвцамъ бракъ желать,
 А женихамъ—умненько выбирать—
 Вотъ что я извиняю.

* *
 *

Но что! хотъ разумъ магъ,
 Но чтобъ женихъ былъ генералъ—
 Вотъ то, что не прощаю.

* *
 *

Говорить о тѣхъ дѣлахъ,
 Какъ лавры мы беремъ на Марсовыхъ поляхъ—
 Вотъ что я извиняю.

* *
 *

Но чтобъ новость знать,
Съ утра до вечера по улицамъ скакать—
Вотъ что я не прощаю.

* *
*

Играть въ бостонъ, въ пикетъ
Въ собраніи, гдѣ милыхъ вѣтъ—
Вотъ что я извиняю.

* *
*

Но чтобъ любить играть
И отъ игры имѣніе продать—
Вотъ что я не прощаю.

* *
*

Иной такъ горячо
Захочетъ лентъ надѣть черезъ плечо—
Вотъ что я извиняю.

* *
*

Но поднимать платокъ любимцу царскому
За красный лоскутокъ—
Вотъ что я презираю.

Протасовъ.

XI.

Четыре націи.

Британскій гордь
Свободой гордь,
Онъ властелинъ,
Онъ вѣрный смѣть
Родной земли.
Ни короли,
Ни проискъ панъ
Кровавыя лапъ
На смѣльчака
Исподтишка
Не нанесуть.
Отважный Брутъ,
Онъ носить мечъ,
Чтобъ когти съчь.

* *
*

Французъ дѣта,
Онъ вамъ, шутя,
Разрушить тронъ
И дастъ законъ.
Нетерпѣливъ,
Самолюбивъ,

И быстръ, какъ взоръ,
И пустъ, какъ вздоръ,
И удивитъ, и насмѣшитъ.

* *

Германецъ смѣлъ,
Но переспѣлъ
Въ котлѣ ума.
Онъ, какъ чума
Сосѣднихъ странъ,
Мертвецки пьянъ:
Носъ въ табакѣ,
Самъ въ колпакѣ,
Сидѣть готовъ
Хоть пить вѣковъ
Надъ кучей книгъ,
Бусать языкъ
И прогнать
Отца и мать
За пару строеъ
Халдейскихъ чиселъ,
Которыхъ смыслъ
Понять не могъ.

* *

Въ Россіи чтутъ
. .
Разниа ротъ,
Во весь народъ,
Брнчать:—
Насъ бить пора!
Мы любимъ кнуть!
За то и бьютъ—
И ночь, и день—
Да и не лѣнь.
Что вилой въ бокъ,—
То сѣна клоетъ!
Чѣмъ больше бьютъ,
Тѣмъ больше жнутъ.
А безъ побой—
Вся Русь хотъ вой,—
И упадетъ,
И пропадетъ.

А. Полежаевъ.

[1826 г.].

XII.

Поздравленіе съ новымъ годомъ

подполковника Хомутова.

Мой другъ,—ты исполнитель страстный
 Обмывевъ дряхлой старины,—
 Въ святую янды ѣшь красны,
 Въ недѣлю сырную—блины.
 Четвероногихъ ѣсть не будешь,
 Когда великій постъ придетъ,
 Кутью же ты въ сочельникъ любпшь,
 А поздравленье—въ новый годъ.
 Но я и праздникомъ не славлю,
 Что нынѣ первое число,
 А только съ тѣмъ тебя поздравлю,
 Что время въ вѣчность унесло
 Еще, мой другъ, годъ жизни нашей,—
 Хваленъе воздадимъ Творцу,
 Что намъ страдать осталось менѣ,
 Смотра на бѣдствія другихъ.
 Столѣтій лѣтъ время при смѣнѣ
 Не измѣнится жребій ихъ.
 Что пользы? Новый годъ настанеть,
 Но все пойдетъ чредой своей:
 Судья брать взятки не престанеть,
 Ханжа—обманывать людей.
 Все будетъ такъ, какъ было прежде:
 Богачъ и льстецъ въ чинахъ, въ чести;
 Монахъ—въ святой своей одеждѣ,
 Всегда жизнь вести!
 Любимцы случая и счастья
 Безсильныхъ стануть угнетать,
 Тяжелый
 Умы и знанье подавлять;
 Мужъ ссориться съ своей женою;
 Дуракъ—все будетъ дуракомъ,
 Подлецъ же съ низкою душою
 Все прежнимъ будетъ подлецомъ;
 Старушки—отправлять молебны,
 Лѣта безбожи убавлять;
 Поэтъ—въ страны летать волшебны,
 Мечтамп жить и вѣчно лгать;

Всѣ будутъ общества учены—
 Собраніемъ пустыхъ людей,
 А молоды модны жены—
 Лишь разворять своихъ мужей....
 Какъ прежде будутъ всѣ дѣвцы
 Романы по ночамъ читать,
 Не умъ свой украшать, но лица—
 И передъ зеркаломъ стоять;
 Несчастнаго, какъ прежде, стоны
 Лишь вѣтеръ будетъ разносить;
 Какъ прежде будутъ спать законы,
 А сильный слабого тѣснить;— боаръ давить во дванахъ;
 Вельможи—не имѣть души,
 Герой—мечтать о шумныхъ браняхъ,
 Купецъ—считать лишь барыши;
 Бѣднякъ носить свою котомку,
 Слезами орошая путь:
 Нашъ будетъ братъ болтать про ссылку
 И храбро Трантелева (?) гнуть.
 Въ своемъ ученомъ факультетѣ
 Твердить всѣ будутъ доктора,
 Что вредно долго жить на свѣтѣ,
 Что умирать больнымъ пора...
 Но глупости людей оставлю,—
 Не можно ихъ пересчитать,—
 И только съ тѣмъ тебя поздравлю,
 Что меньше намъ осталось жить!
 Мой другъ! готова полна чаша,
 Почтимъ боговъ хвалою своею,
 Что жизнь укоротилась наша
 На триста-шестьдесятъ-пять дней!

Познанскій.

(1840 г. ?).

XIII.

Жизнь нынѣшнихъ гусаровъ

[1840 г.].

Вотъ участь нынѣшнихъ героевъ
 Бѣжать покоя, какъ огня,
 При звукѣ барабанныхъ боевъ
 Шагать, молчаніе храня.

* *
*

За славой хочеть кто гоняться,
Уставъ тотъ долженъ протвердить,
Рекрутской школою заняться
И въ караулъ умѣть ходить.

* *

Спаровка, вѣрный шагъ въ парадѣ—
У насъ умѣють все цѣнить
И лучший путь въ большой наградѣ—
Умѣть ходить и такту бить.

[1840 г.]

Сообщ. В. С. Некрасова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ТАТЬЯНЫ ПЕТРОВНЫ ПАСЖЕЪ.

Окончаніе ¹⁾.

1868—1870 гг.

Продолжаю выписки изъ дружеской переписки моего сотоварища дѣтства и роднаго мнѣ Александра Ивановича Г—на, съ его другомъ Николаемъ Платоновичемъ О—вымъ; переписка эта относится къ двумъ послѣднимъ годамъ жизни Александра Ивановича.

На этотъ разъ, однако, мы сохраняемъ въ этихъ письмахъ давнихъ лѣтъ, отдаленныхъ отъ насъ почти на четверть вѣка, только то, что имѣетъ болѣе или менѣе общій интересъ.

Все, что имѣетъ отношеніе къ семьѣ покойнаго, то тщательно исключено, и эти исключенія просмотрѣны сыномъ покойнаго, уважаемымъ профессоромъ въ академіи города Лозанны (Швейцарія), который, по просьбѣ редактора «Русской Старины», просмотрѣлъ корректуру настоящей главы моихъ Воспоминаній.

Едва-ли надо повторять, что представляемая нами выдержка имѣютъ интересъ лишь потому, что онѣ служатъ къ полнѣйшей обрисовкѣ личности покойнаго А. И. Г—на, о которомъ я такъ много говорила на страницахъ уважаемой «Русской Старины» и который, при всѣхъ его ошибкахъ и увлеченіяхъ,—пламенно любилъ отечество и въ эпоху его возрожденія былъ особенно видный, по своимъ дарованіямъ, литературный дѣятель.

Итакъ, вотъ нѣсколько выписокъ изъ помянутыхъ предсмертныхъ писемъ Герцена за время 1868, 1869 и 1870 годовъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1872 г., томы VI и VII; изд. 1876 г., томы XV, XVI и XVII; изд. 1877 г., томы XVIII и XIX; изд. 1878 г., томы XXI и XXII; изд. 1879 г., т. XXVI; изд. 1882 г., т. XXXIV; изд. 1886 г., томы XLIX и LII.

16-го апрѣля (1869 г. ?). Пятница.

...Что же сказать о статьѣ? Если вы порѣшили и сдѣлали—такъ и быть—если же нѣтъ, пусть ее вовсе безъ подписей. Вѣрь, Огаревъ, моему такту—статья эта журнальная дѣятрѣба не *compropter ras* (не заслуживаетъ)—трехъ подписей, трехъ старыхъ бойцовъ. Мы можемъ втроемъ ходить на N. N., но не на Андрея Александровича (Краевского). Можетъ воззваніе къ юношамъ было бы хорошо, но уже, конечно, не это. Нашъ голосъ издали и изъ другаго поколѣнія—опять таки долженъ раздаться благовѣстомъ широкимъ, сильнымъ, а не «благосвѣтловскимъ» тономъ. Дѣйствительно, ты поддѣлался даже къ ихъ тону, «облопаться»—«верхобокое начальство»—«воровской умъ»—«жидовскія уста» etc., etc. и потомъ старая фикція о шляхетной и нешляхетной Польшѣ; гдѣ народная Литва?.. Да и что сдѣлаетъ сама по себѣ народная Россія? Эго жаргонъ 1863 г. и Бакунина. Трезвость обязываетъ! Не сердись на меня, а просто обдумай спокойно дѣло.

Студентская прокламація (въ Slesl'ѣ) очень проста, очень хороша; статью 82-го «Голоса» можно осмѣять и опозорить (?), съ ея выраженіемъ «византійскихъ представителей» и пр., но не твоей наскоро выбранной статьей ¹⁾. Практическій результатъ тотъ: безъ подписей статью можно послать,—если она не разослана, вели перепечатать, вымарывая подписи—если разослана—голова не снимутъ, но тогда говорить не стоитъ.

24-го апрѣля (1869 г.). Суббота (Ницца).

...Шифъ прочелъ героическую лекцію, онъ прямо и открыто бросилъ перчатку клерикальной партіи. «Одинъ — духъ въ наукѣ и есть—это разумъ человѣческій», онъ явился апостоломъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Галилей и Саванорола ломили изуверство. Молодецъ.

2-го мая (1869 г.). Воскресенье (Ницца).

Былъ утромъ рано на кладбищѣ, все въ цвѣтахъ покойно, роскошно покойно ²⁾. Сегодня русская пасха.

¹⁾ Попробуй перевести твою статью на французскій языкъ и ты увидишь, что она лопнетъ. А. Г.

²⁾ Кладбище въ Ниццѣ на горѣ, называемой „Замокъ“. На одной изъ площадокъ этой горы, въ виду прелестной картины окрестностей бывшаго здѣсь въ средніе вѣка замка, покоится прахъ Натальи Александровны Герценъ, рожденной Захарьиной; подлѣ нея, менѣе чѣмъ годъ спустя послѣ посѣщенія этой могилы Герценомъ, погребенъ и онъ самъ, ея мужъ, Александръ Ивановичъ. На его могилѣ возвышается прекрасная бронзовая его статуя, поставленная его дѣтьми. Т. П.

Душевно желаю окончить поскорѣе полемику съ тобой.

...Вчера получилъ (одну газету русск.) 16 № съ третьей статьей. Нѣсколько строкъ выпущены, но и то, что есть, съ каенскимъ перчикомъ. Ergo печатать можно—у нихъ есть еще 4-я. Да у меня готовы 5-я и 6-я, а когда ты отдашь письмо о Бакунинѣ (или статью будетъ и 7). Получилъ ты 16 №? иначе я пришлю или привезу.

Въ французскихъ журналахъ рассказываютъ, что надняхъ le célèbre Musset Russe (безцѣнное выраженіе) (это о И. С. Тургеневѣ) ставилъ самъ въ Веймарѣ свою оперу—музыки Viardot на сценѣ. Заглавіе «Le dernier sorcier» (последній колдунъ). Герцогъ былъ въ восторгѣ и тутъ-же заказалъ (à commandé) русскому Мюссу новую либрето.—Succès et triomphe (успѣхъ и торжество).

Какъ же тутъ хорошо писать о Бѣлинскомъ?

О Бѣлинскомъ можетъ я и напишу, но гдѣ и какъ—видно мой проектъ у тебя еще не взошелъ къ докладу. На счетъ листовой выдачи «Полярной Звѣзды» ты ни разу не отвѣчалъ.

4-го. Утро 8 часовъ.

Письма отъ 30 апр. и отъ 2 мая пришли. Твоя статья, разумеется, лучше манифеста, но эта статья и можетъ быть подписана только однимъ, она субъективна по языку, по формѣ, потому что она вовсе не воззваніе и не манифестъ. Я думаю, лучше къ ней приписать мою adhesion (подтверженіе), что я и сдѣлаю, чѣмъ подписываться à la F. Ruat съ своими—все это битый путь. Я буду непремѣнно писать и печатать. Сдѣлай, пожалуй, изъ этого пробный листъ «Полярной Звѣзды». Но что же будетъ Бакунина прокламація? Если тебѣ хочется, для контраста можно. Я въ текстѣ, какъ ты увидишь, ничего не поправлялъ—это лишнее, потому что ты все же не поправишь. Но нѣсколько замѣчаній долженъ сдѣлать: 1) Всѣ жарты о молебнахъ купцовъ выбросилъ бы я; 2) пошлыя выраженія, въ родѣ два раза повторенныхъ «разсылочекъ», «пѣхтуры» и ввѣхаты (это ли не по русски—отъ пихать—не выйдетъ ввехать), я бы выбросилъ. Далѣе. Часть литературы «Спб. Вѣд.», «Голосъ», «Недѣля», «От. Зап.» etc. отставала храбро реальныя школы. Кто считалъ 500 въ разсылочку... Что за исторія извошниковъ? Миѣ и заглавіе «Наша повѣсть» не нравится.....

10-го августа (1869 г.). Вторникъ.

«Вѣстникъ Русскій» получилъ и, разумеется, тотчасъ прочелъ Кельсѣева—есть мерзости и сплетни, но не больше, какъ въ его статьѣ объ Абихтѣ. Загибать за это «распалей» я не согласенъ.

А холодно и просто сказать, что онъ «рenegать», можно. Въ «Вѣстникѣ» есть статьи важнѣе—1) «Литературный типъ», гдѣ Грановскій выставленъ сторонникомъ классицизма; 2) Студентская исторія со всѣми подробностями (1862) въ трехъ главахъ «Панургова стада». Я совѣтую прочесть.

Сегодня будетъ у меня Де-Грефъ—адвокатъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и дѣятельныхъ людей здѣсь. Жду вашихъ писемъ.— До завтра.

(11-го августа 1869 г.).

Де-Грефъ не былъ: дождь льетъ три дня; холодо и срамъ.

Письмо твое отъ 9 пришло. Какъ случилось, что мои два пришли въ одинъ день? Я ѣду отсюда не по приглашенію, а по чувству дигнитета (достоинства). Жалѣю внѣшнюю часть очень—я думаю (помимо климата) врядъ можно ли гдѣ нибудь такъ легко, подъ рукой, имѣть всё удобства—видно, рано на покой..

...У*** говорилъ, что Бакунинъ хвалился тѣмъ, что фондъ употребить—и дѣло пошло.

Въ 1862 г. И. Тургеневъ говорилъ, что Бакунинъ, недовольный «Колок.», увѣрялъ, что дастъ ему иное направленіе. Онъ пріѣхалъ 1 января 1862 г., черезъ годъ «Колоколь» сталъ падать какъ кирпичъ, брошенный въ воду. У него глазъ дурень. Въ дѣлѣ «Колокола» и въ дѣлѣ фонда онъ больше дѣйствуетъ на тебя и тобой. Вообрази, что будетъ, когда онъ унесетъ десятую тысячу и нужны будутъ 100 фр. на дѣло неясное для меня. Ты первый будешь уговаривать ихъ дать, а эти 100 заставятъ отдать и остальные 9,900. Отличная русская типографія въ Женевѣ можетъ быть заведена на 10,000—вотъ и центръ пропаганды и обезпеченье хоть въ половину Б—ва. Никто не мѣшаетъ отдать долгъ въ 3,000 въ фондъ Чернецкому—и снова взять потомъ, но исключительно для типографіи, а не для уплаты долговъ. Кажется, это ясно.

Куда я буду телеграфировать Б. или Мер.? Я адреса не знаю. Если Б. долго (съ мѣсяцъ) пробудетъ въ Трувилѣ—мнѣ все равно теперь ли, черезъ мѣсяцъ ли его увижу. Въ Парижъ я собирался одинъ—теперь все измѣнилось и, вѣроятно, въ октябрѣ увидимся.— Иду пить настой. А ргорос, я пью черный и безъ сахара по утрамъ—это проще.

Н. человекъ дѣльный и дѣятельный. Съ нимъ можно бы школу заводить. Такъ ты боишься утячей полиціи—а нѣтъ того, чтобъ послать хоть отъ меня узнать о «народномъ дѣлѣ» у N. N. Вели

ему сказать, что, за минованіемъ интереса, я прошу возвратить статью. О, бездарники!.. Ну-съ, кто же былъ правъ въ ихъ оцѣнкѣ—Бакунинъ до ссоры? Ты или я? подумай и прощай.

28-го августа (1869 г.), суббота. Grand Hôtel du Louvre.

Дѣла литературныя идутъ медленно. Я начинаю грызться, но со всѣмъ тѣмъ меня связалъ срокъ пуще всего, т. е. сдача квартиры въ Брюсселѣ. Поѣду завтра утромъ, надобно будетъ опять пріѣхать, пожалуй, къ тому времени, когда будетъ Боткинъ, т. е. къ 20.

Дѣло ваше я можетъ лучше и подробнѣе знаю, чѣмъ ты.

Сегодня опять свидѣлся съ Мазадомъ и съ Лакруа—припшю.

Былъ у меня Озеровъ, онъ, кажется, малый хорошій. Съ В*. у него послѣ обѣда поспорилъ до колкостей. Онъ, т. е. В*, просто ненавидитъ все русское и унижаетъ въ глазахъ французовъ. Что же за тактъ, позвать меня и еще трехъ господъ и начать непріятный споръ. Ну, да я въ долгу не остался...

Здравіе процвѣтаетъ. Тесье упитываетъ и упавшаетъ меня формидабельно.

11-е. Суббота (1869). 184 №. Gr. N. du Louvre.

Всѣ дѣла привелъ въ величайшій порядокъ,—на этотъ разъ у Родшильда всѣ были очень любезны и даже его секретарь меня утѣшилъ къ какому-то доктору, который пріѣхалъ изъ Египта. Вообще вѣтеръ попутный—и это сдѣлалъ французскій Колоколь¹⁾. Оба Араги и Гартманъ Маврицій и Бамбергеръ—бисмаркуюшій и всѣ etc. любезны до безконечности—даже Рубинштейнъ безбоязненно, увидѣвъ меня въ Café de l'Opera—сію минуту (въ Россіи нравы не перемѣнились) потребовалъ бутылку Редерера—frar. и съ вѣнскимъ издателемъ музыки пилъ за счастливую встрѣчу. Я ему замѣтилъ, что она можетъ превратиться не въ особенно счастливую (кафе былъ полонъ). Но онъ разгеройствовался—«мнѣ, говорить, ни по чемъ, говорить». Въ понедѣльникъ онъ даетъ огромный концертъ, онъ имѣетъ успѣхъ; оперы Кашперера не хвалить.

¹⁾ „Колоколь“ съ 1-го января 1868 г. сталъ издаваться въ Женевѣ на французскомъ языкѣ и обѣщалъ выходить два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го числа,—но вышло его только пятнадцать номеровъ, и 1-го декабря того-же года изданіе окончено было письмомъ А. И. Герцена къ Н. П. Огареву, просуществовавъ такимъ образомъ съ 1-го іюля 1867 года—одинадцать съ половиной лѣтъ.

Въ дополненіе къ мелочамъ, завтракаю я у Вефура и нахожу, что цѣны снова сдѣлались естественнѣе, а достоинство всего, что даютъ, необыкновенно. Entrecote съ картофелемъ 2 фр., но кусокъ вдвое больше, чѣмъ у Визіога — и этого совершенно достаточно, отъ 12 до 7 часовъ. Обѣдалъ я, наконецъ, по Жирандену—не стоитъ ни похвалъ въ Liberté, ни цѣны. Вообще, я обѣды ненавижу...

Lascoix немного продаетъ «Колокола», отъ 20 до 25 экз. постоянныхъ.

Что D-г Herz, здѣсь еще, т. е. у васъ, или нѣтъ?

Forgade (изъ Revue des Deux Mondes) сошелъ совсѣмъ съ ума—его хотятъ посадить. Ламартинъ написалъ статью о Тургеневѣ, въ которой воспѣлъ его до небесъ.

Я ѣду сегодня въ ночь или завтра утромъ: отдохну въ Марсели и во всякомъ случаѣ буду во вторникъ въ Ниццѣ. Не жду ничего хорошаго—буду писать и—addio....

16-го сентября (1869 г.). Парижъ. 12 часовъ.

Я Боткинѣмъ (С. П.) доволенъ безъ предѣла и конца, я ничего подобнаго не видѣлъ—его осмотру. Подробности послѣ, иду съ нимъ въ трактиръ.

Виши довольно. Но окончательно скажетъ черезъ два дня.

Весной въ Карлсбадъ. Діепшъ не важенъ.

Прощай.

Пиши одно письмо: Grand Hôtel du Louvre, au second, № 221.

26-го сентября (1869 г.). Bruxelles.

Здѣшній журналъ «Liberté» и женеvскій «Egalité» помѣстили почти въ одно время статьи объ отношеніи социализма къ положительной наукѣ. Я ими доволенъ — и желалъ бы, чтобы ты прочелъ. Есть же люди, которые понимаютъ точно такъ, какъ я хотѣлъ высказать въ письмахъ Бакунину (я теперь ужасно жалѣю, что они не были напечатаны. Только повѣсти и художества могутъ ждать. А мысль новая или Standpunkt особый—долженъ тотчасъ печататься—а то завтра слѣдующій станетъ на мѣсто—а кѣ (хвостъ) безконечное). Можетъ Бакунинъ самъ и писалъ въ Egalité (объ отношеніяхъ къ коопераціямъ), тогда это прогрессъ или bal masqué. Впрочемъ, измѣнять (исправлять?) ошибки должно. Бакунинъ былъ отчаяннымъ панславистомъ, націоналистомъ — хотѣлъ Амурскимъ-Муравьевымъ — Австрію заполнить. Ну, а отиѣтъ его о крестьянахъ былъ неудаченъ въ Базелѣ. Повыспрошу у д-ра Пана какъ и что было.

Какъ я ни прикидываю, не могу понять изъ чего ты думаешь составить «Колоколь»? «Полярная Звѣзда» еще можетъ пробиваться «задами», т. е. статьями, писанными заранѣе. Но «Колоколь»? и гдѣ же корреспондентъ? Какъ я теперь поставилъ себя относительно журналовъ въ Парижѣ, я легко могу имѣть постоянное мѣсто, для русскаго отдѣла, въ «Siècle», «Liberté» или «Temps». И для кого же издавать «Колоколь»? Гдѣ его публика? П*** мнѣ сдѣлалъ предложеніе посылать въ новый журналъ, который собираются издавать, — а границы ты знаешь по дѣлу Щапова и писемъ Луи Бланъ. Вѣдь что ни толкуй, а Щаповъ ажитированъ (читалъ-ли ты рѣчь Спасовича?)—на этомъ основаніи я три четверти «Колокола» могъ бы перепечатать въ Москвѣ. Я, Огаревъ, не возражаю, и очень радъ убѣдиться въ противномъ, но навожу тебя на производство слѣдствія и диагнозы.

Помни и то, что рабочія силы наши уменьшились и силы Чернецкой печати тоже. Если мнѣ рѣшится издавать на свой страхъ переводы моихъ Орега—конечно, это дало бы два года жизни типографіи. Но рѣшить это, не поговоривши съ Гашетомъ, Етцелемъ и Данпю, нельзя.....

Мы ѣдемъ 23 въ четвергъ въ 9 часовъ утра въ Парижъ и слѣд. въ 4 часа того же дня бросимъ якорь въ Grand Hôtel du Louvre. Стало ты можешь писать, адресуя туда. Что дальше—истинно не знаю. Что я побываю въ Женевѣ, это вѣрно, но что мы всѣ сдѣлаемъ? не знаю. Въ Парижѣ центръ дѣятельности—но и дороговизна. Я снова долженъ сказать, что въ Брюсселѣ легко живется—я не знаю почему и какъ-то диапазонъ не такъ давить, какъ въ Швейцаріи, но гадко послѣ avertissement. Устроиться здѣсь можно очень недорого. Въ Женевѣ можно гостить, но жить мудреное дѣло. — Прощай.

..... Ну, а Zukunft — видно запрещенъ въ Швейцаріи. — А ргорос — какая же польза въ jugу Бакун. Либкнехта, если это не напечатано, а если напечатано—принли. Во Францію не такъ будетъ легко посылать. Но это не относится къ Zukunft.

29 сентября 1869 г. Hôtel du Louvre.

..... Боткинъ дѣлалъ осмотръ, общимъ доволенъ. Онъ совѣтуетъ пить Селестинскую воду (тоже Vichy, но крѣпче) и въ маѣ ѣхать дней на 20 туда.

Дай Богъ успѣха Бакунинскому переводу Маркса — я одного не понимаю почему же онъ держалъ подъ сурдинкой свои сношенія съ нимъ? Вся вражда моя съ марксидами изъ-за Бакунина.....

2-го октября (1869 г.). Hôtel du Louvre. № 328.

Письмо твое отъ 28-го пришло, но я не имѣлъ времени отъ парижской суеты отвѣчать на его теоретически-террористическую часть, но отвѣчать буду непремѣнно. На другія части вотъ что:

Осмотръ Боткина и разложеніе, сдѣланное въ лабораторіи Тесье, подтвердили, что состояніе относительно диабета также хорошо, какъ было въ Женевѣ. Боткинъ стучалъ и раздѣвалъ и заключилъ тѣмъ, что «еще проживемъ-съ!» Онъ совѣтовалъ пить здѣсь въ Парижѣ 15 дней селестинскую воду—что тоже Vichy—но самая сильная; ваннь не брать, а въ началѣ мая съѣздить на три недѣли въ Vichy. Единственная вещь, которую я замѣтилъ и Боткинъ подтвердилъ, состоитъ въ усиленіи глухоты. Вотъ и все.....

У Боткина (С. П.) умеръ меньшой братъ (богачъ въ Москвѣ), а не Василій Петровичъ, который цвѣтетъ. Ко мнѣ ходятъ незнакомые русскіе—К*, потомъ генералъ В*—все это такъ,—посмотрѣть звѣря.

Вчера въ «Presse» была статейка о русскихъ Flugschrift'ахъ, печатаемыхъ въ Женевѣ и найденныхъ въ большомъ количествѣ будто бы въ Тверской губерніи и между студентами. Авторами всего этого La Presse называетъ Бакунина и меня. Что тутъ правда, что вздоръ? А пророч, чтобъ не возвращаться къ старому, меня какъ-то конфузятъ и огорчаютъ, когда я нахожу у тебя въ письмахъ такія фразы объ «языкахъ», было напечатано такъ—да бѣда не велика. По моему это страшная бѣда, но что всего хуже, тогда, когда мы читали и возражали, тогда это не было отпечатано, а только набрано, во что же послужило возраженіе? Я тутъ тебя не понимаю, какъ и во многомъ, можетъ радусы глазъ измѣнились. Напр., я получилъ Zukunft (глупо, три письма о Россіи, а ихъ девять), за эти три письма кошки не за что выпоротъ, старая Марковская манера—такія статьи были въ Leader въ Morning Advertiser'ѣ. Я приготовился отвѣчать и хотѣлъ писать Я*. Но передъ этимъ fatras остановился. Итакъ, Г. Г., въ всѣмъ комитетомъ не въ состояніи были выписать изъ Берлина, а сами придали статьямъ важность.....

..... Тхоржевскаго прошу сильно выписать черезъ Георга недостающіе №№ Zukunft'a — не Богъ же знаетъ чего они стоятъ. Присланы: № 167, 187, 189, 21 іюля 1869 г.—Въ 167-мъ VIII статья о Россіи, неужели невозможно имѣть прежнія VIII?

17-го октября 1869 г. Воскресенье.

(Нѣкто въ Россіи) сказалъ одному изъ своихъ пріятелей — «еще шесть лѣтъ латыни и вы увидите, какъ уgomонится наша молодежь». Что хорошо, то хорошо. А это ты знаешь, что никто изъ профес-

соровъ по выбору не пошелъ въ члены (Московского) лица, такъ что упали въ ***, который никогда о N* не говоритъ иначе, какъ «они» и «ихъ превосходительство». Общая сумма слуховъ изъ Россіи очень разношерстна. Столичное образованное общество, говорятъ, падаетъ видимо тономъ... Ф** съ ужасомъ рассказываетъ о голодѣ и о томъ, что богатые крестьяне, пользуясь имъ, скупаютъ землю бѣдняковъ. Въ высшихъ слояхъ не заботится ничто о 1870 г. и переселеніяхъ ихъ. Женщинъ хвалятъ—занимаются и рвутся на волю. Воткинъ уже въ Петербургѣ, семья его ѣдетъ въ Римъ, жена больна грудью.

Ну что Тхоржевскій съ бумагами ¹⁾, этотъ Постниковъ меня мучилъ какъ кошмаръ. Бралъ бы Т. деньги, благо даютъ—и баста.

18-го. Поведѣльничъ.

Вопросъ о Парижѣ или о не Парижѣ становится премучительнымъ.

Трудно повѣрить дороговизнѣ всего—да вѣдь всего—отъ дома и шляпы до мяса и башмаковъ. Начинается холодъ...

На счетъ Н. и Америки одно затрудненіе, здѣсь нѣтъ ни одного русскаго, который бы зналъ о существованіи Н., гдѣ-бъ то ни было. Вчера вечеромъ были всѣ здѣшніе знакомые.....

Сейчасъ ушелъ, просидѣвши часа три, путешественникъ Диксонъ, изъ Сибири и Петербурга (тотъ самый, который хотѣлъ меня видѣть въ маѣ)—очень интересенъ и уменъ, онъ ѣдетъ 2-го ноября въ Петербургъ.

21-го октября 1869 г. Четвергъ.

Сейчасъ получилъ вѣсть отъ Тхоржевскаго, что онъ бумаги Долгорукаго продалъ, очень радъ за него. И въ то-же время твою записку и Бакунина. Онъ съ ней опоздалъ, да она мнѣ что-то не нравится (зачѣмъ толкъ о расахъ, жидакъ...). Впрочемъ, если Ре слесетъ и напечатаютъ— пусть себѣ. Дѣло въ томъ, что, написавши холодно и сдержанно письмо, я отправился вчера въ «Réveil» съ Бакунина статьей «Къ юношамъ». Делеклюза, какъ всѣхъ редакторовъ, не было дома; я сталъ объяснять какому-то NN дѣло, какъ вдругъ отворилась дверь и вылетѣлъ изъ алтаря Делеклюзъ съ видомъ П. И. Озерова сенатора и Осипъ Иван. (Сенковскаго?)—диктатора—

¹⁾ Князя В. П. Долгорукаго, который завѣщалъ всю свою движимость и бумаги г. Тхоржевскому, весьма заботливо оберегавшему больнаго въ послѣдній годъ его жизни. Т. П.

желчевой, худой — онъ, не говоря худого слова, пошелъ костить Бакунина.

Я, не говоря ни одного хорошаго, замѣтилъ, что дѣло совсѣмъ не въ его мнѣнiи, а въ томъ, что въ статьѣ Гесса инсинуаціи. (Хотя, право, изъ-за этой статьи не стоило ершиться).

«Я, говорить — сенаторъ Овер., не намѣренъ печатать сиюбращію — Бакунина, онъ дѣлаетъ страшный вредъ; какой онъ представитель французскихъ работниковъ? Мы будемъ до конца силъ бороться съ этими теоріями. Пусть у васъ онѣ хороши, но Европѣ нейдуть. Вы, т. е. русскіе, умѣете какъ-то согласовать коммунизмъ съ абсолютизмомъ».

— Гдѣ же вы это видѣли? — Разумѣется, онъ ничего не видѣлъ кромѣ Ледрю. Стали приходять разныя «надежды» Франціи, и, наконецъ, какой-то пирюльничъ, обривый и тощій, — который бросился ко мнѣ, Камилъ Боне... Dio Santo.. тѣ-же фразы, тѣ-же ужимки. А la fin des fins Делеклюзъ сказалъ, что онъ никогда не думалъ лично оскорблять Бакунина, что если «онъ», т. е. Бакунинъ, такъ думаетъ, то напечатаетъ мое письмо; я въ карманъ и отдаю ему Liberté — глядь это не тотъ № — у меня внутри сдѣлались судороги бѣшенства; но не желая передъ неприятелемъ показать слабость памяти и характера, я гордо скрылъ и пошелъ домой за другой Liberté.

Да и въ самомъ дѣлѣ, я хочу не ихъ свободы.

Здѣсь (т. е. въ Парижѣ) хаосъ и мы бродимъ на вулканѣ; жалію, что всѣхъ впечатлѣнiй не передать — эта страница парижской жизни стоитъ томовъ. Положеніе гораздо больше натянуто, чѣмъ издали кажется ¹⁾. Лѣвая сторона — окончательно въ параличѣ — и не встанетъ — но и побившіе ее другъ друга ненавидятъ до... до героизма, т. е. до сумасшедшей отваги — и тутъ опять эти люди становятся хороши до позаяи, и въ этомъ пеклѣ, въ той электрической атмосферѣ, близкой къ грозѣ, глазъ пріятно останавливается на нетающей, свѣтлой, ледяной фигурѣ В**, который обо всемъ разсудилъ, привелъ въ порядокъ, радуется прогрессу, не печалится регрессу.

Я очень благодаренъ Бакунину, что онъ мнѣ далъ случай видѣть еще львиную пещеру. Если эти левшан (т. е. лѣвая сторона въ палатѣ) одержутъ верхъ когда нибудь, — то я на другой день уѣду

¹⁾ Эти строки наблюдательнаго и талантливаго публициста писаны лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до крушенія французской имперіи — сначала педъ ударами Германіи, а потомъ коммуны и республики, на развалинахъ имперіи возникшей.

изъ Парижа—на недѣлю. Потому что черезъ недѣлю отъ нихъ останутся только косточки и развѣ Боне. О немъ еще при свиданьи.

Умоляю читать внимательно газеты.

Путешественникомъ Диксонъ я безконечно доволенъ. Свѣтлый, прямой, образованный англичанинъ. Онъ нарочно останавливался здѣсь и въ томъ же отелѣ, на день, чтобъ со мной познакомиться. Онъ изучаетъ Россію серьезно, ѣдетъ 2-го ноября опять въ Петербургъ — и общается черезъ 10 мѣсяцевъ говорить по русски. Онъ былъ въ Сибири и у донскихъ казаковъ, въ Таганрогѣ и на сѣверѣ. Наблюдатель, ученый и *sim grano salis*. Я увѣренъ, что его книга о Россіи будетъ хороша ¹⁾.

— «Образованное общество (въ Россіи) — ужасно мнѣ напоминаетъ—говорилъ онъ—Остъ-Индскую кампанію съ англичкимъ обществомъ—въ Индіи. Только у насъ меньше воруютъ»;—и еще: «Польша ваше проклятіе, съ ней на ногахъ у васъ не можетъ быть прогресса,—она стѣна между Россіей и Европою». О 1870 годѣ онъ говоритъ, что (никто) не заботится, полицейски такъ затруднять переходъ, что ни одинъ крестьянинъ не двинется».

Онъ въ Тобольскѣ получилъ мое письмо, посланное изъ Брюсселя въ Лондонъ. Это курьезно.

Вотъ тебѣ безъ общаній длинное письмо. Прочти Вакунину.....

28-го октября (1869), четвергъ. Парижъ.

Письма были бы еще интереснѣе, если-бъ между ними не сидѣлъ Шпекинъ ²⁾. Климатеричный день сошелъ съ рукъ отлично и показалъ, что движеніе глубже и оттого вовсе не такъ быстро выступаетъ на кожу. Реемъ я очень доволенъ, онъ прекрасный и умный человекъ. Я буду тебѣ посылать *dan* und *wann* газеты, ты изъ нихъ узнаешь многое и, главное, тебя удивить *sans façon*. Смотрю и присматриваюсь къ зрѣлищу очень интересному.

Теперь о частныхъ дѣлахъ... Я нашелъ провизуарно квартиру въ небольшомъ, но чистомъ отелѣ, въ *Champs Elysés Avenue d'Antin*—33. По здѣшнему не дорого. Затѣмъ у меня въ виду очень хорошая, не меблированная квартира, противъ самаго Люксембургскаго сада. Я

¹⁾ Эта книга „Свободная Россія“ вышла въ слѣдующемъ, 1870 году, на англійскомъ языкѣ и была переведена на всѣ языки, въ томъ числѣ и на русскій. Русское изданіе въ Сиб. все сполна разошлось. Т. II.

²⁾ Почтмейстеръ въ „Ревизорѣ“ Гоголя.

думаю, что, повертѣвшись во весь міръ, все же надобно разбить гдѣ нибудь свой инвалидный домъ и въ немъ помѣстить большихъ и дѣтей. Если я рискну взять домъ на три года, я предложу тебѣ черезъ годъ переѣхать сюда. Пока думаю лучше останься въ Женевѣ... Квартиру съ двумя спальнями, салончикомъ и кухней возлѣ Люксембургскаго сада я найду. Главное, надобно суворовскую храбрость, чтобъ подписать на три года контрактъ...

На счетъ Костромскаго миѣнья замѣть одно, что публикаціи были въ 1863 г. и у насъ не было ни одного знакомаго, не говоря друга, который бы извѣстилъ — по несчастію, это черта русская.

Перешли остальное Бакунину, прочитавши. Прощай.

Бакунину.

28-го октября.

Письмо, которымъ изволили почтить, получилъ. Отвѣтъ пишу сейчасъ. Политика твоя мнѣ не нравится. Въ Маклавели ты не годишься съ твоими *dividi*. Я никакъ, никакъ не могу согласиться на то, чтобъ, по примѣру русской (прежней) цензуры, — дозволять ругань титул. совѣтн. и не бранить генераловъ. Маркса просто ты не хочешь зацѣпить, чтобъ не попортить свое отношеніе. Хорошо, ну, такъ оставь же и Гесса, и К—нію. Это совѣтъ и миѣніе. Далѣе, что ты такъ кипятишься, статья Гесса никѣмъ не была замѣчена и безслѣдно ухнула. Письмо мое (надѣюсь, ты получилъ) къ Делеклюзу покончило вопросъ. Ре — (который мнѣ очень нравится) снесъ твою статью къ молодежи въ «Реформу» (она не то что умна, но благородна, смѣла); тамъ обѣщали ее помѣстить завтра или послѣ завтра. Номеръ *Progrès*, гдѣ о тебѣ, я отдалъ, на чемъ и все кончилось. Ходить къ Дантю можно только въ очистку совѣсти. Совѣтъ мой таковъ. Рукопись (она теперь у Ре), со всѣми приложениями, я тебѣ пришло. Переправь въ прохолодь первую часть, выдумай всему громкое заглавіе, не обижая Макковея и Ротшильда, и потомъ передай Чернецкому; печатай не все вдругъ, а ливрезонами... это легче для расхода и платы. Когда будетъ все на мази, я помѣщу въ десяти журналахъ *annoncés*. Доволенъ что-ли?

Пожалуй, оставь жидовскую улицу, какъ она есть, но совѣтъ мой — все же обдумай.

Здѣсь много хорошаго и серьезнаго. Но что за жалкіе мандарины и браминны, что за жалкіе журналы! Я думаю просто остаться пока здѣсь.

В** меня не тѣшить, а бѣсить. Чистый и добрый человекъ — онъ доктринерствомъ съѣлъ свое сердце, и къ окружающему отно-

сится как адвокат или прокуроръ. Минутами онъ мнѣ ненавиденъ. Прощай.

У тебя очень часто обмороки—это заставляетъ меня освѣдомиться о количествѣ алкоголя?

Послѣдніе два мѣсяца своей жизни Александръ Ивановичъ былъ глубоко опечаленъ и потрясенъ нездоровьемъ одной изъ своихъ дочерей, нѣжно имъ любимой. При первой вѣсти о ея болѣзни, онъ поспѣшилъ къ ней, во Флоренцію, и здѣсь, 2-го ноября 1869 г., какъ писалъ Н. П. Огареву, былъ обрадованъ свиданіемъ съ ней. Знаменитый профессоръ Шифъ—обнадежилъ Александра Ивановича полнымъ выздоровленіемъ больной, что впоследствии вполне и оправдалось.

Въ концѣ ноября того-же 1869 г. Герценъ, въ сопровожденіи дочерей и Н. А. Огаревой, отправился изъ Флоренціи въ Парижъ.

Во время пути, а затѣмъ и по пріѣздѣ, Александръ Ивановичъ не оставлялъ своего друга Николая Платоновича обычными извѣстіями о себѣ, семействѣ, и замѣтками о явленіяхъ современной ему общественной и политической жизни.

26-го ноября (1869 г.). Генуя. Hôtel Feder.

«Почта изъ Франціи не проходила за Mont Cenis, все покрыто снѣгомъ. Дорога въ Ниццу размыта дождями, остается паромъ, а погода только сегодня устанавливается и качать все-же будетъ сильно. А тутъ Суэцы, да Панамы перерываютъ—въ то время, какъ между Италией и Швейцаріей, между югомъ Швейцаріи и Итали и Франціею—столько же сообщеній зимой, какъ между Саранскомъ и Тюменью»...

Любопытна замѣтка Александра Ивановича, вызванная въ немъ, кажется, прочтеніемъ одного изъ литературныхъ произведеній Андреа Лео:

— «Я, Огаревъ, холодно и съ пассивностью смотрю на жизнь... виноваты всѣ. Ты подумай вотъ о чемъ—почему мелодраматическіе Лео Леони, Оривы и завязтые негодяи—имѣютъ не въ однихъ романахъ, а въ самой реальности—самое сильное вліяніе на лучшихъ женщинъ. Да кстати, вмѣстѣ со всѣми Нечаевскими, отрекись отъ абортивныхъ освобожденій; въ исторію можно забѣгать—но уже тогда отвыкни жалѣть погибающихъ, жалѣть личности. И, дѣйствительно, ни Пугачевъ, ни Маратъ ихъ не жалѣли.

«Что за вздоръ проповѣдывалъ ты (и я) о полной свободѣ не только въ выборѣ, но и въ перемѣнѣ,—особенно прежде, чѣмъ ты,

какъ въ раму, улегся въ фашимужъ. Смотри теперь кругомъ на развалины и только не цитируй крайности съ противоположной стороны — я ихъ знаю».

14-го ноября (1869 г.). Воскресенье.

...Я рѣшительно ничего не дѣлаю, ничего не хочу дѣлать и ничего не читаю—оттого пишу длинныя письма.

(С. П.) Боткинъ—страшный пророкъ медицины. Онъ мнѣ говорилъ: «все пойдетъ хорошо, если не будетъ сильныхъ толчковъ». Вотъ и толчекъ, казалось все—благодаря нашему провидѣнію, т. е. желудку—сошло съ рукъ, анъ вѣтъ, — Боткинъ правъ. Тутъ безъ Vichy весной не отдѣлаешься.

Omni casu—мы плывемъ въ понедѣльникъ въ Ниццу и отправимся въ 9 вечера, будемъ тамъ въ 6 утра.

23-го декабря (1869 г.) Парижъ, 8. Rue Rovigo.

Вчера былъ Брокъ (докторъ), сидѣлъ больше получасу... О себѣ я и не спрашивалъ, мнѣ не до себя пока... Тѣмъ и нью хорошо, но слаю скверно. Съ вечера засыпаю какъ убитый,—но часа въ 4 просыпаюсь съ ужасомъ не уснуть.

Квартиру съ пенсіономъ и всѣмъ нашель, дорого, но превосходную, тихую, въ самомъ центрѣ и въ самой тишинѣ,—172, Rue de Rivoli—въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ увижу, остаемся ли въ Парижѣ, и тогда квартиру сыщу fixe, а тутъ надобно бросить въ печь фр. 800 въ мѣсяць.

Это мнѣ очень неприятно, но въкоторый комфортъ и ширь комнату для больной необходимъ. Пенсіонъ устраняетъ всѣ хлопоты хозяйства, дразги и проч. Вотъ полный отчетъ.

Ч*** арестованъ; объ этомъ я читалъ въ тобою присланномъ «Голосѣ». Если что узнаю, сообщу; я еще не видалъ ни В***, ни Б***. Вчера безъ меня была Полина (Левицкая), она ангажирована на три года въ Covent Garden—по 12 т. въ годъ, съ разными правами концертовъ, поѣздокъ...

Письмо провалялось въ моемъ карманѣ больше 24 часовъ, т. е. до 24 декабря.

Все обстоитъ благополучно.

Съ квартирой еще не кончилъ. Пиши 8, Rue Rovigo.

29-го декабря (1869 г.). 8. Rue Rovigo.

Сейчасъ переѣзжаемъ въ Pavillon Rohan—172 rue Rivoli, это огромный домъ, отдающійся на мелкія и крупныя квартиры, съ ѣдой

и безъ ѣды. Мѣсяць или даже два можно отдохнуть и выждать.... Эту трату за покой я заслужилъ двумя послѣдними мѣсяцами.

Я не могу ни на чемъ сосредоточиться, ничѣмъ заниматься и свелъ все на одно чтеніе.

Въ Indér. подробности о Ч***. Захвачено въ Москвѣ и Петербургѣ до ста человекъ. Нашли какія-то прокламаціи у Е***, и по подозрѣнію обыскали Ч***.—У него не нашли, а нашли въ судѣ (онъ мировой судья)—за что и арестовали. Пиши на новый адресъ.

Присылай стихи.—Прощай.

Съ новымъ годомъ,—отъ котораго ни на волосъ не жду ничего новаго—и ничего хорошаго. Лишь бы остаться при своихъ.

А что скажете объ Оливійскомъ министерствѣ?

(Парижъ) 4-го января (1870 г.) 172. Rue Rivoli.

Опять не знаю, что писать—все идетъ медленно, вяло и не то чтобы особенно гладко. Татѣ (Натальѣ Александровнѣ Герценъ) становится лучше и лучше. Все остальное ковыляется по прежнему.

Сегодня въ половинѣ девятаго утромъ явился Иванъ Батистъ Боне. Да еще въ дополненіе принесъ мнѣ какой-то долгъ, о которомъ я забылъ. Неизмѣнно тотъ же.

Скажу откровенно, мнѣ кажется, что общей жизни здѣсь не устроишь. Все виситъ на ниткѣ. Съ одной Татой—мы бы устроились лучше—да оно тѣмъ и кончится...

NB. Если Egal. съ Пероновой рѣчью не послано—или не дошло, прошу вырѣзать рѣчь и прислать въ письмѣ. До сей минуты не получалъ.

Въ «Спб. Вѣдомостяхъ» протестъ студента московскаго университета А.—увѣдомляющаго, что имя его по ошибкѣ попало въ (списокъ), и свидѣтельствующаго — что онъ на лекціи Полунина не былъ. Это — и протестъ N. N. я считаю очень важнымъ...

7-го января 1870 г. Пятница. 172. Rue Rivoli.

Получилъ твое письмо отъ 5-го. Я не писалъ двухъ, трехъ дней по совершенному отсутствію сообщаемаго.

Рѣчь на могилѣ С. С. читалъ—ничего, не дурно. Озерова (какъ ты знаешь) я знаю давнымъ давно... Въ женевскихъ шпионовъ вѣрую и посылаю тебѣ тартинку изъ Liberté.

Вотъ тутъ и вспомнишь блаженной памяти—Ловецкаго «Полезно—вредъ большой, употребленіе — никуда не употребляется». Да, я

окончательно разумомъ убѣдился въ томъ, въ чемъ мое чутье убѣждало меня. А тутъ—какъ ты видѣлъ въ письмѣ Боне—валать и на меня долю безумій, противъ которыхъ я былъ сначала до конца. (А прогрозъ—зачѣмъ ты пересылаешь такую белиберду, какъ это письмо Боне)?

На счетъ «Колокола» еще не знаю. Когда все устроится и домъ будетъ нанятъ—я приѣду ведѣли на двѣ.

Для возобновленія «Колокола»—нужна программа—даже для насъ. На такомъ двойствѣ возрѣній—которое мы имѣемъ о главномъ вопросѣ, нельзя создать журнала. Читать насъ никто не хочетъ. Сдѣлаемъ опытъ издать «Полярную Звѣзду»,—что у тебя есть готово?—Я, впрочемъ, предпочелъ бы участвовать въ какомънибудь петербургскомъ изданіи. А прогрозъ, — В** собирается издавать газету—ежедневную, оппозиционно-литературную и политическую, въ родѣ Figaro. Онъ за этимъ ѣдетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ. За симъ кланяюсь.

Совсѣмъ было забылъ объ N. N. Можно ничего не давать—или дать алмело 50 фр.—10 фр. я считаю рѣшительно невозможнымъ. Напishi, что за напасть у нихъ—что они пошли по міру?

„Подайте мальчику на хлѣбъ“.

3 часа и три другіе сидѣлъ у меня старикъ Свербѣевъ, московскій... съ великими друзьями.

Natalie была у С**—кланяется тебѣ.

10-го января (1870 г.). Понедѣльникъ.

Vivatement наше такъ бесобытно, что дѣйствительно писать нечего. Главное—здоровье Таты—оно идетъ хорошо.

Свербѣевъ для меня наполняетъ цѣлый кварталъ фиміамомъ — Арбата и Пречистенки. Ему 70 лѣтъ — и ни на волосъ не измѣнился—читалъ мнѣ начало своихъ записокъ... Говорятъ, что надняхъ здѣсь свезли въ домъ умалишенныхъ старика Петра Андр. Вяземскаго.

Далѣе продолжаю хроникку—сегодня ждуть въ здѣшнюю столицу Ив. Серг. Тургенева.—В*** и В***—бываютъ часто. В*** очень любезенъ съ дамами и спорить непрерывно. Вотъ и все.

В*** говорилъ о какой-то статьѣ въ «Москов. Вѣдом.», о студентахъ и прокламаціяхъ—если интересно, пришли.

Свербѣевъ увѣрялъ меня, что NN. въ Москвѣ—всѣ власти и не власти боятся за его тайныя связи и доносы, что онъ, иначе сказать, . . . en gros.

Въ твоей записочкѣ къ Сат. (которую, наконецъ, N. рѣшилась послать, можетъ она была права, что переждать слѣдовало) ты ему

пишешь объ Астраковѣ.... Да, саго пію, неужели ты забылъ, что онъ давнымъ давно умеръ.

M-me Michel въ Версали. Прощай.

Сегодня Озеровъ дастъ первый урокъ Лизѣ—въ ариметикѣ. Лиза здорова. Она полосами—шалить, т. е. капризничаетъ, и полосами умна и просто рѣзва. Теперь она въ хорошей полосѣ.

Голова претяжелая. Аминь.

Тхоржевскому прилагаю записочку о главномъ обществѣ застрахованія, Мейрари—състрилъ отлично—на счетъ Пана—передай ему. Онъ говоритъ: «Если вы скажете, что этотъ польскій господинъ вашъ другъ и непременно пойдетъ въ первое возстаніе — они накинута 5% лишку».

С М Е Р Т Ъ.

Съ 1864 года Александръ страдалъ діабетомъ. Опредѣлилъ болѣзнь его Сергѣй Петровичъ Боткинъ. Александръ лѣчился, но непослѣдовательно. Ему совѣтовали лечиться водами Виши; послѣ предварительнаго леченія, избѣгать всякаго душевнаго разстройства.

Швейцаріи Александръ не любилъ. Онъ говорилъ, что мѣщанскій духъ ея ему несимпатиченъ, и отправился отыскивать мѣсто, гдѣ бы могъ поселиться больше по душѣ.

Огаревъ одинъ оставался въ Женевѣ, гдѣ наблюдалъ за изданіемъ «Жолокола» и «Полярной Звѣзды». Жена его, Наталья Алексѣевна, въ 1864 году лишилась двухъ дѣтей и такъ была убита этой потерей, что нигдѣ не находила мѣста настолько симпатичнаго, чтобъ успокоиться. Она уѣхала съ своей дочерью Лизой въ Ниццу, оттуда ѣздила въ нѣкоторые города Франціи, даже Швейцаріи. Дочери Александра Ивановича большею частью жили въ Италіи.

Александръ, путешествуя, дѣлилъ время свое между дѣтьми своими и семействомъ Огарева, временами жилъ съ ними вмѣстѣ и часто навѣщалъ Огарева, въ Женевѣ. Въ Бельгію онъ ѣздилъ въ послѣдній годъ своей жизни. Въ Брюссель къ нему пріѣзжали старшая дочь его Наталья Александровна и Наталья Алексѣевна Огарева съ дочерью Лизой, вмѣстѣ съ которыми онъ былъ въ Лионѣ и потомъ въ Парижѣ. Старшая дочь его, кажется, изъ Лиона или изъ Ниццы, опять уѣзжала въ Италію.

Въ 1866 году Николай Платоновичъ Огаревъ сломалъ ногу. Александру дали знать телеграммой. Онъ совсѣмъ растерялся и въ полномъ

отчаяніи говорилъ: «я его не застаю» — и долго не могъ успокоиться: хотѣлъ ѣхать и не трогался съ мѣста. Ему собрали все необходимое для поѣздки и проводили на желѣзную дорогу.

Другой ударъ еще сильнѣе поразилъ его. Въ 1869 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда Александръ пріѣхалъ въ Парижъ изъ Бельгіи, чтобы тамъ устроиться на болѣе продолжительное время, какъ получилъ письмо отъ своего сына, которымъ тотъ просилъ поскорѣй пріѣхать его во Флоренцію, такъ какъ одна изъ сестеръ сильно заболѣла.

Александръ поспѣшилъ съ Н. А. Огаревой и ея дочерью Лизой въ Италию—и перевезъ обѣихъ дочерей своихъ, въ декабрѣ 1869 г., въ Парижъ, гдѣ больная скоро оправилась, а впоследствии совершенно выздоровѣла.

Въ русскій новый годъ, т. е. 13-го января нов. стilia 1870 г., Александръ вышелъ вечеромъ и простудился. Въ диабетѣ воспаленіе легкихъ очень опасно.

Жаръ и бредъ все увеличивались; однако, онъ каждый день писалъ карандашомъ нѣсколько словъ къ Огареву.

Наканунѣ его кончины по ихъ улицѣ прошла военная музыка. Александръ любилъ ее слушать. Онъ улыбнулся, билъ тактъ по рукѣ Натальи Алексѣевны Огаревой, слезы ея капали на его руку.

Вечеромъ онъ велѣлъ позвать дѣтей и цѣловалъ ихъ. «Надо проститься», говорилъ онъ. Быть можетъ онъ чувствовалъ близость смерти. Въ этотъ день онъ послалъ своему другу Огареву послѣднюю телеграмму (20-го января нов. ст. 1870 г.), гдѣ онъ говорилъ, что опасность прошла, и что «завтра» напишетъ.

Послѣ этого жаръ и бредъ сдѣлались сильнѣе. Разъ онъ сказалъ: «поѣдемъ въ Россію». Онъ все хотѣлъ куда-то уйти, уѣхать....

Дыханіе становилось все труднѣе и труднѣе.

Пробило два часа. Дыханіе становилось все рѣже, тише, тише и, наконецъ, наступила та торжественная тишина, которую слышно. Всѣ молчали, будто боялись нарушить ее.

Герцена не стало.

Т. П. Пасекъ.

Первое десятилѣтіе с.-петерб. городскихъ начальныхъ училищъ

въ вѣдѣніи столичнаго общественнаго управленія ¹⁾).

«Если-бъ у меня спросили, какіе столпы церкви и государства?—я бы отвѣчалъ: во первыхъ училища, во вторыхъ училища и въ третьихъ училища».

Митроп. Памсій (въ XVII в.).

«Откройте въ Россіи столько школъ, сколько ихъ есть въ Америкѣ, и это государство превзойдетъ могуществомъ всѣ остальные въ мірѣ».

Лавель, 1874 г.

4. Педагогическій контроль надъ школами посредствомъ экспертовъ по учебной части.

Правительственный надзоръ надъ школами и утвержденіе учащихся въ должностяхъ принадлежитъ городскому училищному совѣту, который состоитъ подъ предсѣдательствомъ городского головы, изъ инспектора народныхъ училищъ, по одному члену отъ мин. народн. просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и духовнаго вѣдомства и двухъ гласныхъ думы, состоящихъ вмѣстѣ съ тѣмъ членами училищной комиссіи. Подъ вѣдѣніемъ училищнаго совѣта, къ 1-му января 1887 г. находились не только 230 думскихъ начальныхъ городскихъ училищъ, но еще 2 училища, содержимыя земствомъ, 2—церковнымъ причтомъ, 4 частныхъ и 14 воскресныхъ, изъ которыхъ 8 учреждены думою, а всего 253 учебныя заведенія. Очевидно, что одинъ инспекторъ не можетъ входить во всѣ подробности школьнаго дѣла и по своему административному положенію не можетъ принимать участія въ засѣданіяхъ училищной комиссіи и исполнять ея порученія, тѣмъ болѣе, что онъ еще обязанъ имѣть наблюденіе надъ

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., т. LV, стр. 667—708.

казенными городскими училищами, школами технического общества и проч.

Уже вскорѣ по принятіи отъ мин. народн. просвѣщенія въ вѣдѣніе города 16 училищъ и по учрежденіи 4-хъ новыхъ школъ, коммиссія представила думѣ свои соображенія о необходимости имѣть лицо, «спеціально знакомое съ педагогическимъ дѣломъ». Въ засѣданіи 12 октября 1877 года дума разрѣшила коммиссіи пригласить такое компетентное лицо, которое, «совѣщаясь съ коммиссіей, вмѣстѣ съ тѣмъ исполняло бы порученія ея». Лицо это получило впослѣдствіи названіе «эксперта по учебной части при городскомъ управленіи»¹⁾, на котораго коммиссія возложила слѣдующія обязанности: а) доклады коммиссіи о лицахъ, достойныхъ занять учительскія должности въ вѣренныхъ наблюденію коммиссіи училищахъ; б) надзоръ за исполненіемъ учителями и учительницами принятыхъ ими на себя обязанностей; в) руководство и совѣты учителямъ при затрудненіи ихъ въ какомъ-либо спеціальному вопросу; г) содѣйствіе коммиссіи при выборѣ книгъ для учительскихъ и ученическихъ библиотекъ и другихъ учебныхъ пособій; д) содѣйствіе коммиссіи при разработкѣ разныхъ вопросовъ, возникающихъ по завѣдыванію училищами; е) доклады коммиссіи о необходимыхъ улучшеніяхъ въ училищахъ; ж) доклады коммиссіи объ обнаружившейся потребности въ какой либо части города объ открытіи новаго училища, или необходимости въ переводѣ училища изъ одной мѣстности въ другую и т. д.

Когда число городскихъ училищъ достигло 77, коммиссія, въ 1880 году, пришла къ тому убѣжденію, что надзоръ за ними со стороны одного только эксперта становится чрезвычайно затруднительнымъ; поэтому она просила разрѣшенія городской думы имѣть двухъ экспертовъ²⁾. Но когда число школъ стало быстро возрастать, коммиссія, съ разрѣшенія думы, пригласила, съ 1883 г., третьяго эксперта, а съ 1886 г. она имѣетъ уже четырехъ экспертовъ³⁾. На основаніи 10-ти-лѣтняго опыта обязанности экспертовъ выразились въ слѣдующихъ занятіяхъ:

1. Участіе экспертовъ въ выборѣ учащихся въ городскія училища. Опытъ послѣднихъ трехъ лѣтъ показалъ, что вслѣдствіе постоянного увеличенія числа городскихъ училищъ съ одной стороны и потери по разнымъ случаямъ (выходъ замужъ, смерть, болѣзнь,

¹⁾ Первымъ экспертомъ былъ В. В. Вулхъ, а вторымъ — В. В. Григорьевъ.

²⁾ А. Я. Гердъ и І. Н. Паульсонъ.

³⁾ Д. Д. Семеновъ, съ 1 окт. 1883 г.; В. И. Воленсъ съ 1 нояб. 1883 г.; В. А. Воскресенскій, съ 1 авг. 1886 г.; Т. В. Довучаевъ, съ 1 сент. 1886 г.

отъѣздъ изъ Петербурга) до 20^о/₁₀₀ наличнаго состава учащихся — съ другой, училищная комиссія должна имѣть въ запасѣ ежегодно не менѣе 50—60 приготовленныхъ учителей и учительницъ изъ числа лицъ, внесенныхъ комиссіею въ кандидатскій списокъ ¹⁾). По правиламъ только тѣ изъ этихъ лицъ могутъ получить мѣсто учащаго въ городскихъ училищахъ, которые, кромѣ педагогической подготовки, удовлетворительно выдержали пробные уроки въ присутствіи членовъ комиссіи и экспертовъ. Организация каждаго пробнаго урока всецѣло возложена на обязанности экспертовъ. Съ этою цѣлью эксперты: а) составляютъ заблаговременно списокъ училищъ, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, могутъ быть даваемы пробные уроки; б) назначаютъ матеріалъ для пробныхъ уроковъ и предварительно просматриваютъ программы кандидатовъ и кандидатокъ; в) присутствуютъ на самыхъ пробныхъ урокахъ; г) послѣ уроковъ даютъ свое заключеніе во время производимаго ими публично colloquium'a, и д) представляютъ докладъ о пробномъ урокѣ въ ближайшемъ засѣданіи комиссіи, которая постановляетъ окончательное рѣшеніе объ испытуемомъ.

Это непосредственное участіе экспертовъ въ выборѣ учащихся для городскихъ училищъ училищная комиссія считаетъ одною изъ главныхъ и существенныхъ обязанностей экспертовъ, такъ какъ отъ строгаго, безпристрастнаго и осторожнаго подбора учащаго персонала преимущественно зависитъ успѣхъ городскихъ школъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ экспертами прослушано и дано заключеніе о пробныхъ урокахъ болѣе, чѣмъ 300 лицъ ²⁾).

2. Обязательное и возможно частое посѣщеніе училищъ. На каждаго эксперта возложено посѣщать отъ 50 до 75 училищъ. Каждое посѣщеніе экспертами училища продолжается minimum $\frac{1}{2}$ часа и maximum—2 часа. Особенно часто приходится экспертамъ посѣщать вновь открываемыя училища, чтобы помочь учащимъ въ приемѣ дѣтей, въ распредѣленіи ихъ по отдѣленіямъ, въ выборѣ и приобрѣтеніи необходимыхъ учебныхъ пособій и руководствъ, въ составленіи росписанія и распредѣленіи уроковъ, въ установленіи школьныхъ порядковъ и вообще во всемъ томъ, на чемъ основывается

¹⁾ Въ кандидатскій списокъ вносятся лишь тѣ лица, которыя, кромѣ общаго средняго образованія, получили специальное педагогическое или высшее научное и имѣютъ за собою не менѣе года школьной практикы.

²⁾ Пробные уроки стали обязательными для кандидатовъ лишь съ 1881 г.; а до того времени участіе приглашались по рекомендаціи членовъ училищной комиссіи и эксперта.

успѣхъ школы въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Во время своихъ посѣщеній, эксперты: а) слушаютъ преподаваніе учащихся, которымъ и сообщаютъ потомъ результатъ своихъ наблюденій; б) осматриваютъ письменныя работы дѣтей и дѣлаютъ о нихъ свои замѣчанія, какъ учащимъ, такъ и учащимся; в) по просьбѣ учащихся иногда даютъ примѣрные уроки, съ цѣлью практически и наглядно показать учащимъ лучшіе приемы преподаванія по тому или другому учебному предмету, входящему въ курсъ начальной школы; г) время отъ времени провѣряютъ успѣхи дѣтей въ чтеніи, письмѣ и счетѣ; д) указываютъ на средства, поддерживающія разумную классную дисциплину; е) въ случаѣ болѣзни учащаго руководятъ занятіями временно занимающихся въ школѣ запасныхъ учительницъ или кандидатовъ, дабы замѣна постоянного учащаго временнымъ не отразилась бы неблагоприятно на успѣхахъ и поведеніи учащихся, и ж) вообще даютъ совѣты и указанія учащимъ по всѣмъ возникающимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго характера. На эти посѣщенія эксперты отдаютъ каждое свободное отъ пробныхъ уроковъ утро отъ 9 до 2 часовъ. Сверхъ того, для учащихся, желающихъ получить отъ эксперта совѣты поведенію порученнаго имъ дѣла, а также для предварительнаго разсмотрѣнія списка учебныхъ пособій и книгъ для школьной библіотеки, эксперты отырываютъ у себя на дому приемные часы во вѣ учебное время. Училищная комиссія придаетъ весьма важное значеніе такому постоянному наблюденію надъ школами со стороны экспертовъ, въ виду очевидной пользы для успѣховъ и поведенія учащихся.

3) Обязательное представленіе отчетовъ къ 1-му мая каждаго учебнаго года.

Каждый экспертъ представляетъ въ комиссію письменный годовой отчетъ о состояніи училищъ того района, который порученъ его наблюденію. Въ этихъ отчетахъ эксперты: а) на основаніи приведенныхъ статистическихъ данныхъ дѣлаютъ тѣ или другіе выводы; б) смотря по успѣхамъ и поведенію учащихся распределяютъ училища на группы; в) характеризуютъ дѣятельность учащихся; г) высказываютъ свое мнѣніе о состояніи учебно-воспитательнаго дѣла въ городскихъ училищахъ за истекшій учебный годъ вообще и въ частности о положеніи каждаго учебнаго предмета и классной дисциплины, и д) возбуждаютъ различныя педагогическіе вопросы, могущіе содѣйствовать, по ихъ мнѣнію, прогрессивному улучшенію городскихъ училищъ; е) указываютъ на мѣстности, въ которыхъ, по ихъ наблюденіямъ, слѣдуетъ открыть новыя училища и какія именно: мужскія или женскія.

По выслушаніи отчетовъ экспертовъ, комиссія провѣряетъ мнѣнія

ихъ и затѣмъ постановляетъ свои рѣшенія и распоряженія относительно школъ, требующихъ исправленія. Равнымъ образомъ, и вопросы, поднятые экспертами, не остаются безъ обсужденія въ комиссіи. Краткое извлеченіе изъ отчетовъ экспертовъ помѣщается въ «Извѣстіяхъ с.-петербургской думы». Очевидно, что матеріалъ для такихъ отчетовъ накапливается постепенно и эксперты употребляютъ не мало времени для ежедневныхъ записей своихъ наблюденій и для составленія изъ нихъ отчетовъ. Помимо историческаго, статистическаго и педагогическаго интереса и практическаго значенія для школъ, комиссія находитъ весьма полезнымъ отчеты экспертовъ и въ томъ отношеніи, что составъ комиссіи чрезъ каждые четыре года мѣняется и для вновь избранныхъ членовъ весьма важно знать прошлое столичныхъ школъ.

4. Постоянное участіе въ засѣданіяхъ комиссіи. Участіе экспертовъ въ засѣданіяхъ комиссіи выражается въ томъ, что эксперты: а) дѣлаютъ доклады о пробныхъ урокахъ; б) составляютъ для комиссіи проекты по различнымъ спеціально-педагогическимъ вопросамъ, возбуждаемымъ въ комиссіи; в) исполняютъ различныя порученія комиссіи; г) присутствуютъ на повѣрочныхъ и выпускныхъ испытаніяхъ, и д) вообще даютъ свои заключенія и мнѣнія по вопросамъ, входящимъ въ кругъ ихъ спеціальности. Согласно, напр., пункту б) экспертами были предварительно выработаны и представлены на обсужденіе комиссіи: 1) программы учебныхъ предметовъ; 2) проектъ по организаціи училищъ; 3) списокъ учебныхъ пособій; 4) правила для кандидатовъ и кандидатокъ на учительскія должности; 5) инструкція для учащихся; 6) вопросъ о частой смѣнѣ учебниковъ; 7) о занятіяхъ руководіемъ въ женскихъ училищахъ; 8) объ установленіи четырехлѣтняго курса въ городскихъ училищахъ; 9) объ организаціи пріема дѣтей въ центральныхъ пунктахъ; 10) о воспитательныхъ мѣрахъ и т. д. Мы не будемъ входить здѣсь въ подробный разборъ каждаго доклада экспертовъ, но считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на важное значеніе послѣднихъ двухъ вопросовъ.

Установленіе въ городскихъ училищахъ четырехлѣтняго курса вмѣсто существующаго нынѣ трехлѣтняго было предположено, между прочимъ, съ цѣлью упрочить знанія учащихся и, хотя бы въ скромныхъ размѣрахъ, путемъ чтенія и бесѣдъ, основательнѣе и прочнѣе познакомить дѣтей съ географіей и исторіей Россіи и съ важнѣйшими явленіями природы. Эта мѣра тѣмъ болѣе необходима, что на основаніи новыхъ правилъ, къ экзамену на льготу по воинской повинности допускаются мальчики не менѣе 11 лѣтъ, а по фабричному закону дѣти вообще не допускаются къ работамъ на фабрики и различныя заведенія ранѣе 12 л.; между тѣмъ, дѣти,

и при томъ болѣе способныя, поступающія въ школу 7 лѣтъ, оканчиваютъ курсъ въ 10 лѣтъ; слѣдовательно, одинъ или два года они должны оставаться на улицѣ, внѣ благотѣльнаго вліянія школы ¹⁾. Къ сожалѣнію, коммиссія отложила окончательное обсужденіе проекта до болѣе благоприятнаго времени, когда, съ увеличеніемъ числа школъ, потребность въ приобрѣтеніи первой грамотности будетъ вполне удовлетворена.

Задача втораго проекта—раздѣленіе города на школьныя участки съ центральнымъ приемнымъ пунктомъ въ каждомъ, состоитъ въ томъ, чтобы упорядочить приемъ дѣтей, болѣе правильно и равномерно раздѣлить учащихся по училищамъ; опредѣлить точное число отказовъ за недостаткомъ мѣста въ томъ или другомъ училищѣ, и знать дѣйствительное число дѣтей школьнаго возраста каждаго участка. Обсужденіе этого важнаго проекта еще ждетъ своей очереди.

5. Сверхъ перечисленныхъ постоянныхъ занятій экспертовъ, на нихъ возлагается еще руководство собраніями учащихся и чтенія для нихъ лекцій.

Такъ, бывшій экспертъ І. И. Паульсонъ, въ январѣ 1883 года, открылъ рядъ бесѣдъ «о методикѣ начальныхъ учебныхъ предметовъ и объ организаціи элементарной школы», а А. Я. Гердъ, въ томъ же году, не только подробно изложилъ методику предметныхъ уроковъ, но въ присутствіи учащихся далъ цѣлый рядъ образцовыхъ уроковъ, указавъ на всѣ самостоятельныя наблюденія, опыты и работы, которыя слѣдуетъ ввести въ школахъ въ связи съ такими уроками. Третій экспертъ—Д. Д. Семеновъ, замѣтивъ, что учащіе наиболѣе затрудняются въ веденіи уроковъ объяснительнаго и выразительнаго чтенія и въ выборѣ учебниковъ, въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ напечаталъ въ педагогическомъ журналѣ «Женское образованіе» рядъ примѣрныхъ уроковъ по чтенію, а въ другомъ журналѣ «Воспитаніе и обученіе» предпринялъ цѣлый рядъ статей, подъ заглавіемъ «Опытъ педагогической критики русской элементарной учебной литературы».

¹⁾ Известно, что въ Германіи и Швейцаріи дѣти обязательно должны посѣщать школы съ 7-ми до 14-ти-лѣтняго возраста; вслѣдствіе этого не только грамотность, но знаніе отечественной географіи и исторіи, а также ариметики и естественной исторіи—весьма удовлетворительно усваиваются дѣтьми народа, посѣщающими элементарныя школы; дѣвочки усиваютъ приобмынуть къ рукодѣльямъ; всѣ дѣти отлично усваиваютъ себѣ уроки пѣнія и проч. Выйдя затѣмъ изъ школы 14-ти лѣтъ, сынъ или дочь навѣднѣйшаго поденщика, даже при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ жизни, не забываютъ того, что усвоили себѣ въ элементарной школѣ, оставаясь въ ней съ семилѣтняго, нерѣдко даже съ шестилѣтняго возраста. М. С.

Въ послѣднемъ трудѣ принялъ участіе, по отдѣлу математики, и В. П. Воленсъ.

Возлагая столь важныя и разнообразныя обязанности, которыя могутъ быть успѣшно выполнены лишь спеціалистами-педагогами, не только практически, но и теоретически знакомыми съ дѣломъ начального образованія въ Россіи и заграницей, и вполне сознавая, что отъ нравственнаго вліянія экспертовъ зависитъ во многомъ и успѣхъ петербургскихъ школъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи, комиссія избираетъ въ число экспертовъ только такихъ лицъ, которыя извѣстны своею прошлою педагогическою дѣятельностію, болѣе или менѣе свободны отъ служебныхъ занятій и настолько авторитетны, чтобы совѣты ихъ принимались охотно и съ уваженіемъ учащими. Благодаря училищной комиссіи и экспертамъ, городское управление знаетъ насколько производительно оно тратитъ полмилліона рублей ежегодно на свои школы.

Б. Гигіеническая обстановка школъ.

На физическое воспитаніе подростящаго поколѣнія, этотъ залогъ успѣшности школьнаго обученія и нравственнаго развитія дѣтей и обезпеченія тѣлесной крѣпости грядущаго потомства, у насъ всегда обращалось очень мало вниманія, забывая столь извѣстное и мудрое изрѣченіе еще древнихъ римлянъ, что въ здоровомъ только тѣлѣ живетъ и здоровый духъ. Петербургской думѣ принадлежитъ починъ въ организаціи дѣйствительнаго, а не фиктивнаго зачастую у насъ, врачебно-санитарнаго надзора надъ своими школами.

Училищная комиссія, всегда столь ревниво относящаяся къ своимъ обязанностямъ, не могла не обратить вниманія на то, что въ городскія училища приходятъ дѣти изъ подваловъ, угловъ и такихъ мелкихъ квартиръ, въ которыхъ всего скорѣе распространяются ежегодно появляющіяся въ Петербургѣ эпидемическія заразныя болѣзни; комиссія не могла не печалиться о неудовлетворительности состоянія училищъ въ санитарномъ отношеніи. Поэтому еще въ 1880 году она исходатайствовала у думы разрѣшеніе на отпускъ 3,500 р. на вознагражденіе врачамъ и отпускъ лекарствъ бѣднѣйшимъ дѣтямъ. Но какъ было организовать санитарный надзоръ и врачебную помощь дѣтямъ начальныхъ школъ, когда дѣло это было совершенно новымъ у насъ? По совѣщанію какъ съ разными спеціалистами дѣла, такъ и съ цѣлыми обществами врачей, комиссія на первый разъ рѣшилась отдать завѣдываніе врачебною частью въ школахъ въ распоряженіе

«С.-Петербургской врачебной общины», но подобная организация, имѣя частный и временный характеръ, не могла, конечно, принести ожидаемой пользы, хотя нѣкоторые врачи Общины и отнеслись въ дѣлу весьма серьезно. Поэтому, уже въ 1882 г., училищная коммиссія обратилась за содѣйствіемъ въ «Городскую коммиссію охраненія общественнаго здравія», которая для санитарнаго надзора въ училищахъ образовала особую подкоммиссію, во главѣ которой сталъ знаменитый врачъ-профессоръ, гласный думы, С. П. Боткинъ, а членами—доктора г. Архангельскій и г. Лебедевъ и гласный Шуппе. Эти лица нашли, что врачебная помощь должна быть сосредоточена, главнѣйшимъ образомъ, въ самихъ училищахъ, для чего врачами еженедѣльно долженъ производиться осмотръ въ училищахъ всѣхъ дѣтей и подаваться помощь учащимся какъ амбулаторно, такъ и въ школѣ при первомъ требованіи учащихся. Съ этою цѣлью приглашены были 6 женщинъ-врачей, съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ каждой, и санитарное дѣло въ школахъ стало на твердую почву. Женщины-врачи отнеслись къ своимъ новымъ обязанностямъ съ замѣчательнымъ умѣньемъ, съ беззаветною преданностью къ своему дѣлу, съ безконечною любовью къ дѣтямъ, съ какою можетъ относиться только любящая мать къ своимъ дѣтямъ. За ничтожное вознагражденіе, каждая женщина-врачъ имѣла въ своемъ завѣдываніи до 25 школъ, т. е. до 1,200 дѣтей. Ежедневно она осматривала всѣхъ дѣтей каждой школы: кому изъ нихъ подавала совѣтъ, кому приготовила сама даровое лекарство, кому прописывала рецептъ для полученія лекарства по удешевленной цѣнѣ, кого изъ нихъ старалась помѣстить въ Николаевскую дѣтскую больницу, гдѣ было отдано въ распоряженіе коммиссіи 14 кроватей, а кого навѣщала на дому. «Она не стыдится и не боится, писалъ одинъ экспертъ, спуститься въ смрадный и сырой подвалъ, утѣшить семью и больнаго ребенка, сама его обмоетъ, научить мать, какъ обращаться съ нимъ, сама дастъ лекарство. Помимо еженедѣльныхъ визитовъ, женщина-врачъ принимаетъ дѣтей на дому и спѣшитъ въ школу на каждый зовъ учительницы, въ случаѣ заболѣванія ребенка какою-нибудь заразною болѣзнью». Изъ отчета городской коммиссіи общественнаго здравія за 1881—1883 гг., мы усматриваемъ, что въ продолженіе двухъ лѣтъ женщинами-врачами было констатировано 26,498 случаевъ заболѣванія учащихся, при чемъ каждое изъ заболѣваній требовало отъ двухъ до трехъ осмотровъ. Принявъ въ среднемъ выводѣ 2,5 осмотра для каждаго заболѣванія, получимъ болѣе 66,000 врачебныхъ осмотровъ, т. е. на каждую изъ женщинъ-врачей приходилось за два года 11,000 случаевъ медицинской помощи самымъ бѣднѣйшимъ дѣтямъ. Не

смотря на такую усиленную врачебную помощь, женщины-врачи за два года издержали на медикаменты всего 2,050 р., т. е. по 3 коп. на каждый случай заболѣванія.

Такъ продолжалось до послѣдняго времени, когда по случаю преобразования городской комиссія общественнаго здравія въ двѣ комиссіи—санитарную и больничную, и вслѣдствіе увеличенія числа школъ, медицинскій надзоръ надъ школами и врачебная помощь были возложены на новую санитарную комиссію, которая и выработала, вмѣстѣ съ училищною комиссіею, двѣ особыя инструкціи санитарнымъ и думскимъ врачамъ, по отношенію къ санитарному и врачебному надзору за городскими начальными училищами ¹⁾. По этимъ инструкціямъ какъ санитарный, такъ и думскій врачъ обязаны посѣтить каждое училище своего участка не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, а въ случаѣ появленія въ училищѣ эпидемическихъ болѣзней посѣщенія учащаются по мѣрѣ надобности; но закрытіе училища по случаю появленія заразныхъ болѣзней можетъ быть сдѣлано лишь по распоряженію члена, завѣдывающаго училищемъ. О всѣхъ недостаткахъ училища какъ въ санитарномъ, такъ и въ медицинскомъ отношеніяхъ врачи нечедленно должны увѣдомлять какъ санитарную, такъ и училищную комиссію.

Сверхъ того, думскіе врачи обязаны осматривать всѣхъ вновь поступающихъ дѣтей, при легкихъ заболѣваніяхъ подавать медицинскую помощь учащимся въ своихъ амбулаторіяхъ въ часы пріема, посѣщать больныхъ дѣтей и на дому, если того пожелаетъ семейство учащагося, а также лечить учащихся и школьную прислугу, разумѣется, безвозмездно. Очевидно, что 25 думскихъ врачей ²⁾, на обязанности которыхъ лежитъ врачебная помощь не только дѣтямъ школъ, но и всему бѣдному населенію своихъ участковъ, не могутъ относиться къ училищамъ съ тою отеческою заботливостію, которая характеризуетъ первыхъ шесть женщинъ-школьныхъ врачей, исключительно вѣдавшихъ однѣ только школы; тѣмъ не менѣе, санитарный и врачебный надзоръ и въ настоящемъ видѣ приноситъ несомнѣнную пользу училищамъ и дѣтямъ. Такъ, больныхъ, которые обращались за помощью къ думскимъ врачамъ въ прошедшемъ 1886 году, было 8,266; изъ нихъ заразными болѣзнями страдало 983 ребенка; смертныхъ случаевъ было только 25, т. е. одинъ случай смерти на 396 учащихся, процентъ самый ничтожный и крайне утѣшительный. Появленіе

¹⁾ Утверждены городской санитарною комиссіею 2-го декабря 1886 г. и введены въ дѣйствіе съ 1-го января 1887 г.

²⁾ Нимѣ изъ 25 думскихъ врачей—10 женщинъ-врачей. Д. С.

какой либо заразной болѣзни въ училищѣ (оспа, корь, скарлатина, дифтеритъ) немедленно вызывало усиленную дѣятельность всѣхъ мѣстныхъ думскихъ и санитарныхъ врачей; училище временно закрывалось; потомъ производилась тщательная дезинфекція всего училищнаго помѣщенія и оно открывалось вновь только по прекращеніи въ той мѣстности заразы. Въ теченіи учебнаго года было закрыто на 2, на 3 недѣли только 8 училищъ.

Но это еще не все. На помощь бѣднымъ дѣтямъ идетъ и «Общество для пособія учащимся въ городскихъ начальныхъ училищахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи с.-петербургской городской думы».

Общество это возникло въ Петербургѣ еще въ 1881 году, по инициативѣ училищной комиссіи и при содѣйствіи нѣкоторыхъ гласныхъ думы. Цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы доставлять одежду, пищу и квартиру дѣтямъ, находящимся въ безпомощномъ положеніи, сиротамъ, потерпѣвшимъ отъ какого либо внезапнаго бѣдствія; оказывать нуждающимся медицинскую помощь въ случаѣ заболѣванія, и вообще не только помогать бѣднымъ въ школѣ, но и доставлять способнѣйшимъ средства къ продолженію образованія по выходѣ изъ училища. За нѣсколько мѣсяцевъ число членовъ въ этомъ благотѣльномъ обществѣ дошло до 300, а капиталъ возросъ до 10,039 р. Чтобы увеличить свои средства, общество, кромѣ сбора членскихъ взносовъ (3 р. въ годъ), устраиваетъ спектакли, базары, концерты; такъ что въ настоящее время общество, благодаря энергической дѣятельности ежегодно избираемаго вновь предсѣдателя М. П. Миткова (гласнаго думы и члена училищной комиссіи), имѣетъ уже 478 членовъ, въ числѣ которыхъ не мало и учащихся, и владѣетъ капиталомъ въ 37,000 р. Въ прошедшемъ 1836 году обществомъ выдано пособій на покупку платья, бѣлья, обуви и на завтраки на 4,955 р. 60 к. 676 учащимся, въ 131 училищѣ; среднимъ числомъ на каждого изъ получившихъ пособіе пришлось по 7 р. 31 коп. Сверхъ того, въ вѣдѣніи правленія общества находятся двѣ квартиры для безпріютныхъ дѣвочекъ, изъ коихъ одна, для 5 дѣвочекъ, содержится на средства почетнаго члена В. А. Ратькова-Рожднова, при 2-мъ Рождественскомъ городскомъ училищѣ для дѣвочекъ, другая, для шести дѣвочекъ, содержится Е. А. Сибиряковой, на частной квартирѣ. Оба пріюта обходятся жертвователямъ до 3,000 р. ежегодно.

Прибавимъ ко всему сказанному, что не смотря на ничтожную плату за ученіе, всего два рубля въ годъ, училищная комиссіа освобождаетъ ежегодно и отъ этой платы до 10% бѣднѣйшихъ дѣтей. Освобожденные отъ платы за ученіе дѣти, сверхъ того, снабжаются

всѣми учебными пособиями изъ суммы 2,500 р., ассигнуемой думою специально на этотъ предметъ.

Кромѣ Думы, санитарной комиссіи и «Общества», помощь дѣтямъ оказывается, въ значительной степени, попечителями школъ то-есть членами училищной комиссіи и даже самими учащими.

Благодаря столь разнообразнымъ видамъ помощи бѣднымъ дѣтямъ, вы не встрѣтите въ городскихъ училищахъ дѣтей оборванныхъ, необутыхъ, лишенныхъ верхняго платья, или не имѣющихъ книгъ тетрадей, аспидныхъ досокъ, перьевъ, грифелей и карандашей. Есть школы, гдѣ дѣти одѣты особенно чисто, опрятно, въ однообразныхъ простыхъ костюмахъ, умыты, причесаны, имѣютъ ежедневный завтракъ; а во всѣхъ вообще обозрѣваемыхъ городскихъ начальныхъ школахъ дѣти такъ прилично сидятъ и держатъ себя, что любое казенное училище можетъ позавидовать такой школѣ.

Не мало помогаетъ сохраненію здоровья дѣтей и хорошая гигиеническая обстановка городскихъ школъ. Хотя берлинское школьное общество опредѣлило minimum для школъ 100 куб. ф. на cadaго учащагося ¹⁾, а освѣщеніе признается удовлетворительнымъ, если на одного ученика приходится не менѣе 400 кв. д. стеклянной поверхности ²⁾, однако, училищная комиссія, принимая во вниманіе дурныя климатическія условія Петербурга, при которыхъ дѣти изъ 9-ти учебныхъ мѣсяцевъ 6½ учатся при окнахъ съ двойными рамами и при недостаткѣ дневнаго свѣта, старается довести въ занимаемыхъ помѣщеніяхъ для школъ количество воздуха до 200 куб. ф., а стеклянной поверхности до 500 кв. д. на cadaго учащагося. «Нельзя не признать, говоритъ В. А. Семеза, инспекторъ народныхъ училищъ, въ официальномъ отчетѣ за 1886 годъ, что въ большинствѣ случаевъ квартира начальнаго городского училища производитъ пріятное впечатлѣніе: она представляетъ собою довольно свѣтлую, теплую, хотя иногда не достаточно просторную классную комнату, съ паркетнымъ поломъ; при ней небольшое помѣщеніе для рекреаціи и двѣ-три комнаты для учительницы. Но помѣщенія для хранения верхняго дѣтскаго платья въ 120 школахъ мало удобны—тѣсны и темны. Кромѣ св. иконы и изображенія Государа Императора и Государыни Императрицы, во многихъ училищахъ находятся портреты въ Божѣ почившихъ высочайшихъ особъ, въ память коихъ училища учреждены. Окна классныхъ комнатъ снабжены шторами. На стѣнахъ развѣшаны наглядныя пособия (большею частью картины изъ священной исторіи, изданія

¹⁾ Деркачевъ, Школьное дѣло.

²⁾ Фармаковскій, Школьная діететика.

Рокочи и К^о, атласъ Лейтемана, изданія вольно - экономическаго общества, географическія ландкарты, картины Фену и Д. Д. Семенова). Классная мебель довольно разнообразна. Начиная съ 1878 года, городское управленіе, при открытіи новыхъ училищъ, нѣсколько разъ вводило новыя системы училищныхъ столовъ. Общее во всѣхъ этихъ системахъ лишь то, что каждый отдѣльный столъ устраивается на два человѣка, съ опорой для спины сидящаго, и что размѣры столовъ рассчитаны на 3 различные возраста. Кромѣ столовъ, въ классной комнатѣ находятся непременно двѣ-три классныя доски, компендіумъ, классныя счеты, стойки для вывѣшиванія наглядныхъ пособій» и т. п. ¹⁾).

Нечего и говорить, что сами учащіе употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для поддержанія ежедневной чистоты и свѣжести воздуха въ классѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что сама дума и всѣ ея агенты: санитарная и училищная коммиссія съ ихъ членами, учащіе, врачи, эксперты, а равно общество для пособія бѣднымъ дѣтямъ, каждый въ кругѣ своей дѣятельности, способствуютъ къ осуществленію на практикѣ принципа правильнаго физическаго воспитанія дѣтей, обучающихся въ городскихъ училищахъ. А потому и не удивительно, что докторъ С. М. Васильевъ, по осмотрѣ дѣтей въ этихъ училищахъ, между прочимъ, писалъ предсѣдателю училищной коммиссіи еще въ 1883 г.: «Мною вынесено самое отрадное впечатлѣніе о среднемъ уровнѣ здоровья дѣтей въ городскихъ училищахъ. Особенно же мнѣ было пріятно еще разъ убѣдиться въ томъ, какое громадное значеніе на развитіе груди оказываетъ пѣніе. Признаюсь, что, приступая къ своимъ наблюденіямъ, я думалъ встрѣтиться съ весьма печальнымъ физическимъ развитіемъ учениковъ и ученицъ; но какъ пріятно было видѣть, что средній уровень физическаго развитія учащихся въ городскихъ училищахъ несомнѣнно выше, чѣмъ въ гимназіяхъ, не смотря на то, что въ послѣднихъ воспитываются, во всякомъ случаѣ, дѣти болѣе зажиточныхъ семействъ, чѣмъ въ первыхъ» ²⁾).

Такъ умѣло, практично и дѣлесообразно организованы въ Петербургѣ врачебно-санитарный надзоръ надъ школами (о которомъ, напр., въ Москвѣ до сихъ поръ еще не было и рѣчи), помощь бѣднымъ дѣтямъ школьникамъ и вообще вся гигиеническая обстановка начальныхъ училищъ! Все это, въ совокупности взятое, несомнѣнно благотворно повліяетъ на физическія силы подростовающаго поколѣнія и

¹⁾ Отчетъ с.-петерб. училищн. сов. за 1886 годъ.

²⁾ Рѣчь предсѣдателя коммиссіи, сказанная на актѣ 1883 года.

разовѣтъ въ простомъ населеніи болѣе заботливое отношеніе къ сохраненію здоровья своихъ дѣтей.

6. Организациѣ школъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи.

Нормальнымъ типомъ городской начальной школы признается училище съ тремя послѣдовательными отдѣленіями: младшимъ, среднимъ и старшимъ; но больше школъ съ двумя отдѣленіями и очень немного съ однимъ младшимъ (во вновь открытыхъ училищахъ). Такъ, въ 1886 — 1887 учебномъ году изъ всего числа (230) училищъ было съ тремя отдѣленіями 87, съ двумя 130 и съ однимъ младшимъ 13. Но въ какому-бы типу по своей организациѣ училище ни принадлежало, оно должно имѣть трехгодичный курсъ при одномъ законоучителѣ и одномъ учителѣ или учительницѣ; комплектъ учащихся для каждаго училища полагается максимумъ 50, минимумъ 40, смотря по размѣрамъ классныхъ помѣщеній; обязательные уроки продолжаются отъ 9-ти до 2-хъ часовъ, съ получасовымъ перерывомъ для отдыха и завтрака и съ малыми перемѣнами въ 10 минутъ, между часовыми уроками. Въ сужденіи о томъ, какой типъ школъ болѣе удовлетворяетъ педагогическимъ требованіямъ, всѣ эксперты и большинство учащихся стоятъ на сторонѣ двухотдѣленной организациѣ школъ. И совершенно справедливо. Трехотдѣленная организациѣ однокласснаго начальнаго училища, созданная барономъ Н. А. Корфомъ для селъ, при которой одному учителю приходится заниматься одновременно съ тремя послѣдовательными отдѣленіями, достаточно уже осуждена и нашей педагогической литературой, и практикой, и даже отзывами инспекторовъ народныхъ училищъ, какъ система, тормозящая успѣхи дѣтей въ наукахъ, мѣшающая установленію стройной классной дисциплины, а главное—безмѣрно и безцѣльно утомляющая какъ учащихся, такъ и учащихся, безвременно подрывая ихъ силы. Между тѣмъ, двухотдѣленная система, по наблюденію экспертовъ, даетъ возможность учащимъ легче и удобнѣе распредѣлять учебный матеріалъ и самостоятельныя работы дѣтей, посвящать больше времени на занятія учащихся съ тою или другою группою дѣтей, слѣдить за дисциплиною класса, основательнѣе приготовляться къ меньшему числу уроковъ; оттого въ школахъ съ двумя отдѣленіями успѣхи дѣтей идутъ быстрѣе и замѣтно отражается вліяніе учительницы на нравственность дѣтей. Въ Москвѣ въ этомъ отношеніи пошли еще дальше. Тамъ городское училище также состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій, но каждое отдѣленіе составляетъ одинъ классъ, поручаемый отдѣльному учителю, причемъ каждый преподаватель, начиная обученіе

съ младшаго отдѣленія, продолжаетъ его въ среднемъ и старшемъ отдѣленіяхъ, занимаясь въ теченіи 3-хъ лѣтъ съ одною и тою-же группою учениковъ. Одинъ изъ преподавателей называется старшимъ, другіе двое—младшими. Нормальный комплектъ московскаго начальнаго училища—100 дѣтей, такъ что каждому преподавателю приходится заниматься съ 30—35 дѣтьми, въ Петербургѣ съ 40—50 при двухъ или даже трехъ разнородныхъ отдѣленіяхъ. Очевидно, что трудъ учащихъ и учащихся въ московскихъ школахъ легче труда петербургскихъ.

Въ петербургскихъ начальныхъ училищахъ введены слѣдующіе учебные предметы: Законъ Божій, чтеніе по книгамъ церковной и гражданской печати, чтеніе рукописей, чистописаніе и диктовка, элементарная ариѳметика, пѣніе, предметные уроки (не во всѣхъ училищахъ), рукодѣліе (въ женскихъ училищахъ), ручной трудъ (только въ одномъ мужскомъ училищѣ), рисованіе (въ нѣкоторыхъ училищахъ) и гимнастика (въ очень рѣдкихъ случаяхъ). Преподаваніе Закона Божія возлагается на обязанность законоучителя, которымъ можетъ быть священникъ, дьяконъ или свѣтское лицо, получившее богословское образованіе; всѣ прочіе предметы поручаются одному учителю или учительницѣ; но если учащій не умѣетъ обучать пѣнію, то для уроковъ пѣнія приглашается особое специальное лицо.

Въ городскія училища дѣти поступаютъ 8—9 лѣтъ, учатся 3—4 года, и въ этотъ короткій періодъ времени они должны по Закону Божію: а) знать наизусть общеупотребительныя молитвы съ разумніемъ ихъ смысла; б) умѣть связно и толково передавать важнѣйшія событія изъ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта; в) кратко объяснять Символь вѣры, 10 заповѣдей и молитву Господню; г) выказать знакомство съ церковнымъ богослуженіемъ, и д) по церковно-славянскому языку дѣти доводятся до свободнаго и правильнаго чтенія съ передачею прочитаннаго. По русскому языку отъ выпускныхъ дѣтей требуется: а) умѣнье читать не только бѣгло, но и выразительно любую статью, доступную пониманію ученика; б) связно пересказать прочитанную статью повѣствовательнаго характера въ прозѣ, безъ помощи вопросовъ; в) знать наизусть 10—20 образцовыхъ стихотвореній и басенъ; г) писать подъ диктовку съ соблюденіемъ преподаваемыхъ въ теченіи трехъ лѣтъ орфографическихъ правилъ; д) изложеніе письменно прочитаннаго или рассказаннаго, въ связи съ соблюденіемъ знаковъ препинанія; письмо должно быть чистое, по транспаранту, почеркъ правильный, наконецъ, е) ученикъ долженъ умѣть читать болѣе или менѣе четкую рукопись. По ариѳметикѣ выпускныя дѣти доводятся до умѣнья рѣшать устно и письменно

съ надлежащими разъясненіями сложныя прикладныя задачи на четыре дѣйствія съ цѣлыми, простыми и именованными числами; знать нумерацію и правила производства дѣйствій; имѣть даже первоначальныя понятія о дробяхъ.

Чтобы судить о томъ, на сколько добросовѣстно учащіе выполняютъ предъявленную программу и какихъ результатовъ они достигаютъ,—надо знать ту обстановку, при которой совершаются выпускные экзамены и которая уничтожаетъ всякую тѣнь подозрѣнія въ пристрастіи или послабленіи экзаменующихся. Выпускные экзамены производятся не самими учащими, и даже не членами комиссіи или экспертами, а членами столичнаго училищнаго совѣта, письменные въ училищныхъ помѣщеніяхъ, а устные—публично въ залѣ городской думы, ежегодно, обыкновенно въ теченіи мая мѣсяца. Вотъ что, между прочимъ, мы читаемъ въ официальномъ отчетѣ училищнаго совѣта за прошлый 1886 г.: «Письменныя испытанія. Такъ какъ каждая статья для диктовки включала до 100 словъ, а среднее число ошибокъ въ экзаменаціонныхъ работахъ 4,72, то должно придти къ заключенію, что результаты по диктовкѣ получились весьма удовлетворительныя. Неудовлетворительными успѣхами по диктовкѣ оказались только два училища (изъ 132). Еще выше успѣхи по изложенію: неудовлетворительныхъ работъ вовсе нѣтъ—всѣ онѣ отличаются достаточною полнотою и правильностью. Но самыя высшіе результаты въ письменныхъ испытаніяхъ получились по ариметикѣ. Изъ 2,494 ариметическихъ работъ, исполненныхъ 745 мальчиками и 502 дѣвочками, невѣрно рѣшены только—40 задачъ и 27 вычисленій. Есть цѣлыя городскія части, училища которыхъ за исполненіе ариметическихъ работъ получили круглые 5, таковы, наприимѣръ, женскія училища Коломенской и Нарвской частей; средній баллъ всѣхъ работъ 4,3 ¹⁾). Устные испытанія

¹⁾ Вотъ какія, наприимѣръ, письменныя работы были предложены выпускнымъ дѣтямъ на экзаменахъ въ май мѣсяцѣ 1887-го года.

Диктовка: Въ августъ мѣсяцъ. Нѣсколько дней сряду не показывалось ни облачка на небѣ; солнце пекло и съ утра дулъ сильнѣйшій вѣтеръ, поднимая по дорогѣ облака горячаго песка. Вода въ рѣкѣ сбыва и бѣжала по лаванкамъ. Въ прудѣ цѣлый день слышались всплески и звизги дѣвочекъ и мальчиковъ. Комары начали тучами носиться въ рѣдкомъ воздухѣ. Время было рабочее: все населеніе вышло въ поля, а малыя ребятишки забирались въ заросшіе, тѣнистые сады, въ которыхъ вездѣ чернѣли и краснѣли спѣлыя ягоды. Кое-гдѣ по пыльной дорогѣ ѣхали скрипучія телеги. На нѣкоторыхъ задворкахъ разгребли запоздавшее сѣно, сѣвши поскорѣе покончить съ нимъ и приняться жать. Къ вечеру со всѣхъ сторонъ уже раздаются пѣсни, смѣхъ и дѣтскіе голоса; мелькаютъ пѣвтыя одежды бабъ.

производились по Закону Божію, по чтенію славянскому и русскому съ передачей содержанія, причеъ производился разборъ синтаксической и этимологической, и по ариметикѣ. Успѣхи по Закону Божію найдены выше хорошихъ. По прочимъ предметамъ результаты устныхъ испытаній оказались еще выше письменныхъ. Вотъ процентное отношеніе оцѣнки успѣшности школъ по устнымъ испытаніямъ изъ русскаго языка и изъ ариметики.

	По русск. яз.	По арием.
Удовлетворительныхъ школъ	1%	1%
Хорошихъ	» 24%	21%
Отличныхъ	» 75%	78% ^а .

Въ настоящемъ 1887 году на выпускные экзамены явилось 924 мальчика и 530 дѣвочекъ, всего 1454 учащихся; получили свидѣтельства объ окончаніи курса 906 мальчиковъ и 523 дѣвочки; слѣдовательно, не выдержали экзамена только 25 дѣтей, т. е. всего 1,7%; число - же успѣшно окончившихъ курсъ во всему числу учащихся

Всѣ счастливы: плоды годовыхъ трудовъ собираются, а вышній годъ они обѣщаютъ быть особенно обильными.

Письменное изложеніе разсказа, прослушаннаго два раза. Въ одной деревнѣ Симбирской губерніи жилъ земледелецъ—Фролъ Силинъ. Мужикъ онъ былъ трезвый, работящій, хозяинъ исправный: во время пахалъ, во время сѣялъ, и хлѣбъ у него лучше родился, чѣмъ у другихъ. Пришелъ худой годъ: не было урожая ни на травы, ни на хлѣбъ. Только у Фрола Силина стоятъ сиврды хлѣба отъ прежняго урожая. И думаютъ люди: вотъ-то попользуется Фролъ. Какую цѣну за хлѣбъ положить, такую и возьметъ: нужда, торговаться никто не будетъ. А Фролъ Силинъ позвалъ къ себѣ самыхъ бѣдныхъ и говоритъ: „Вамъ теперь нужда въ хлѣбѣ, а у меня его много, возьмите себѣ сколько нужно каждому до новаго хлѣба“. Узнали объ этомъ бѣднѣе и въ другихъ деревняхъ,—и тамъ былъ голодъ,—пришли и они къ Силину за хлѣбомъ; онъ никому не отказывалъ. На слѣдующій годъ былъ такой урожай, какого люди давно не помнили. Собрали мужики хлѣбъ и каждый привезъ Силину, сколько бралъ. Но Фролъ не взял хлѣба. „У меня новаго хлѣба много, благодарите Бога—не меня“, сказалъ Силинъ, „и если есть у васъ лишній, раздайте его бѣднымъ“. Мужики такъ и сдѣлали.

Задача. Двѣ артели рабочихъ чистили одновременно два участка дороги и окончили починку въ 42 дня. Въ первой артели было 20 человекъ и каждому изъ нихъ приходилось чинить разстояніе въ 4 сажени 3 фута 6 дюймовъ. Второй участокъ былъ короче перваго на 3 версты 30 саж., а число рабочихъ второй артели было на 5 человекъ болѣе числа рабочихъ первой артели. Какой дѣльемъ разстояніе чинилъ ежедневно каждый рабочій второй артели, если всѣ они работали поровну?

Примѣръ. Отъ произведеній 7654 и 99 отнять сумму 98765, 74(98, 724 и 17 и остатокъ уменьшить въ 39 разъ.

Д. С.

составляетъ около 13⁰/₁₀₀; въ обоихъ случаяхъ результатъ весьма утѣшительный. Приведенные факты лучше всякихъ комментарій доказываютъ, какъ успѣшно идетъ преподаваніе Закона Божія, русскаго языка и ариметики въ начальныхъ петербургскихъ училищахъ, особенно, если мы прибавимъ, что обученіе письму, чтенію и счету совершается по самымъ современнымъ усовершенствованнымъ способамъ при помощи лучшихъ руководствъ и учебныхъ пособій.

Не менѣе удовлетворительно поставлены въ городскихъ училищахъ предметные уроки и пѣніе. На предметныхъ урокахъ учащіе сообщаютъ дѣтямъ нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія изъ области естествознанія, географіи и даже русской исторіи, путемъ-ли наглядныхъ бесѣдъ по картинамъ Вольно-Экономическаго общества, Лейтемана, Шрейбера, Рождественскаго, Д. Семенова и Фену, или помощью книги для чтенія, или при пособіи волшебнаго фонаря и простыхъ опытовъ. Такимъ образомъ, по выходѣ изъ училища, дѣти приобретаютъ основныя и правильныя понятія о повседневныхъ явленіяхъ природы и знаютъ главнѣйшіе факты изъ отечественной географіи и исторіи. Подобные уроки развиваютъ въ дѣтяхъ пылливость, поселяютъ въ нихъ нѣрѣдко похвальное стремленіе къ дальнѣйшему образованію и любовь къ чтенію доступныхъ имъ по содержанию книгъ, что легко и удовлетворяется, такъ какъ училища (за немногими исключеніями) имѣютъ уже хорошо сформированную дѣтскую бібліотеку. Впрочемъ, предметные уроки поставлены прочно только въ училищахъ съ двумя отдѣленіями; въ школахъ съ тремя отдѣленіями на систематическое веденіе такихъ уроковъ не хватаетъ времени.

Дѣти петербургскихъ городскихъ училищъ поютъ много и любятъ пѣть; поютъ молитвы, церковныя пѣснопѣнія, народныя гимны, патриотическія и дѣтскія пѣсни. На публичныхъ актахъ благодарственный молебень поетъ до 500 дѣтскихъ голосовъ. Особенно много и хорошо поютъ дѣти въ тѣхъ школахъ, гдѣ въ дѣтскомъ пѣніи принимаютъ участіе и сами учащіе. Въ такихъ училищахъ разрѣшается даже имѣть на средства шеолы недорогіе роали или фисгармоніи. Поэтому должно пожелать, чтобы дѣло обученія пѣнію всецѣло перешло въ руки самихъ учащихся. Въ настоящее время все къ тому и клонится. Многія учительницы усердно посѣщаютъ думскій пѣвческій хоръ М. А. Бермана и, подъ руководствомъ его, постепенно готовятся къ тому, чтобы въ близкомъ будущемъ вести уроки пѣнія самимъ безъ приглашенія постороннихъ лицъ ¹⁾.

¹⁾ Достоинно вниманія, что Михаилъ Андреевичъ Берманъ съ самаго основанія городской училищной комиссіи, т. е. съ іюля 1877 года, состоитъ

Черченіе и рисованіе имѣють несомнѣнно важное педагогическое значеніе въ обще-образовательномъ курсѣ народной школы: оно не только способствуетъ развитію глаза и руки, даетъ задатки эстетическаго вкуса, помогаетъ выработкѣ красиваго письма, но и крайне необходимо для послѣдующаго ремесленнаго обученія, въ которомъ такъ нуждаются весьма многіе изъ питомцевъ городскихъ школъ.

Къ сожалѣнію, на этотъ столь важный предметъ въ петербургскихъ училищахъ не обращено должнаго вниманія. Въ однихъ училищахъ уроковъ рисованія вовсе нѣтъ, въ другихъ оно отдано на совершенный произволъ дѣтей, въ видѣ самостоятельнаго занятія или развлеченія, въ третьихъ, оно ведется безъ всякой системы. Москва въ этомъ отношеніи лучше распорядилась: въ тамошнихъ городскихъ училищахъ преподають рисованіе особые учителя-спеціалисты, для чего на каждое училище московскою думою ассигнуется въ годъ по 200 р. Поэтому неудивительно, что въ московскихъ училищахъ преподають черченіе и рисованіе съ проволочныхъ, гипсовыхъ и даже деревянныхъ фигуръ; большинство школъ доходитъ до рисованія орнаментовъ съ тушевою, а въ женскихъ школахъ рисуютъ даже цвѣты и узоры и занимаются сочиненіемъ самостоятельныхъ узоровъ ¹⁾. Изъ петербургскихъ училищъ пока только въ одномъ охтенскомъ рисованіе ведетъ спеціалистъ.

Въ женскихъ училищахъ положено также обучать и рукодѣлію. Но, принимая во вниманіе, что вообще трудно соединить занятіе какимъ-нибудь ремесломъ съ первоначальнымъ обученіемъ въ начальной школѣ, гдѣ дѣти оканчивають курсъ нерѣдко 11—12 лѣтъ, рукодѣлію не можетъ быть отведено значительное число часовъ и занятіе рукодѣліемъ не можетъ идти въ извѣстной послѣдовательности и доходить хотя до нѣкотораго совершенства. Поэтому успѣхи дѣвочекъ по рукодѣлію находятся въ полной зависимости отъ искусства и охоты самихъ учительницъ. Лучшія дѣтскія работы представляются на дѣтскіе базары, устраиваемые въ думѣ въ пользу бѣдныхъ дѣтей. Цѣль сама по себѣ очень хорошая и поучительная для дѣтей, но едва ли ковры, дорогія салфетки, туалетныя бездѣлушки, часто весьма

ея дѣлопроизводителемъ. Его энергія, замѣчательнымъ способностямъ въ веденію обширнаго дѣлопроизводства комиссія и, въ особенности, его просвѣщенной любви и преданности дѣлу народнаго образованія—комиссія весьма и весьма много обязана. М. А. Берманъ снискалъ себѣ уваженіе и признательность всего состава комиссія и всѣхъ безъ исключенія учащихся въ завѣдываемыхъ ею школахъ.

Мих. С.

¹⁾ Баронъ Н. А. Корфъ. „Вѣстникъ Европы“, 1882, іюнь, Московскія и петербургскія школы.

красивыя, могутъ быть полезны для тѣхъ, кто ихъ производитъ. За то есть школы, въ которыхъ дѣти одѣты въ платья и передники, спитыя старшими дѣвочками. Чтобы хоть сколько нибудь урегулировать преподаваніе рукодѣлія, комиссія, при помощи экспертовъ и опытныхъ учительницъ, выработала новую программу, въ которой главное вниманіе обращено на то, чтобы дѣвочки выучились: чинить, штопать, шить, вязать все то, что необходимо въ ихъ домашнемъ быту. Однимъ изъ членовъ училищной комиссіи внесено предложеніе о введеніи ручнаго труда, по шведской системѣ, въ мужскія училища, но вопросъ этотъ пока еще не разработанъ и ручной трудъ введенъ только, въ видѣ опыта, въ одномъ училищѣ, благодаря тому обстоятельству, что учитель знаетъ это новое у насъ дѣло.

Не въ лучшемъ пока положеніи находится и гимнастика, хотя въ нѣкоторыхъ школахъ заведены даже гимнастическіе снаряды. Правда, дѣти съ радостью бѣгутъ въ свѣтлыя и теплыя школы изъ своихъ часто темныхъ, холодныхъ и смрадныхъ подваловъ и угловъ, но все таки они осуждены быть запертыми на 5, на 6 часовъ въ одной комнатѣ, изъ которой имъ выбѣжать некуда, такъ какъ наемныя помещенія для школъ не имѣютъ ни школьныхъ дворовъ, ни садовъ, гдѣ бы дѣти могли побѣгать, порѣзвиться и подышать свѣжимъ воздухомъ во время перемѣнъ. Поэтому нельзя не приветствовать училищную комиссію за то, что по ея инициативѣ, въ прошломъ году, профессоръ Лесгафтъ прочелъ въ залѣ думы для учащихся рядъ лекцій по гимнастикѣ и ознакомилъ ихъ на практикѣ съ различными гимнастическими упражненіями и играми, которыя могутъ быть введены въ каждой школѣ безъ всякихъ дорого стоящихъ снарядовъ. Лекціи почтеннаго профессора не прошли безслѣдно: многіе учащіе и сами продолжаютъ заниматься гимнастическими упражненіями для поддержанія собственнаго здоровья и бодрости духа, что неминуемо должно благотворно отразиться на ихъ преподаваніи, а нѣкоторые учащіе даже пробуютъ вводить гимнастику въ своихъ школахъ.

Такимъ образомъ, уже изъ этого краткаго очерка о положеніи учебнаго дѣла въ городскихъ училищахъ видно, что, за исключеніемъ одного рисованія, оно находится въ болѣе чѣмъ удовлетворительномъ состояніи, а рукодѣліе и гимнастика на пути къ улучшенію. Это мнѣніе подтверждается и отчетами экспертовъ за послѣдніе три года. Изъ нихъ, между прочимъ, мы узнаемъ, что въ 1884—1885 учебномъ году, изъ числа бывшихъ въ томъ году 183 училищъ, эксперты дали неблагопріятный отзывъ объ успѣхахъ дѣтей въ наукахъ лишь въ 6 учил. (3,3%), въ 1885—1886 г. только въ 9 учил. изъ 207 (4%),

а въ прошломъ 1886—1887 г. только въ 4 учил. изъ 230 (1,7⁰/₀); значить, учебное дѣло въ петербургскихъ начальныхъ училищахъ съ каждымъ годомъ прогрессивно улучшается.

Въ отличномъ положеніи находится въ городскихъ училищахъ и воспитательное дѣло. Нравственное воздѣйствіе учащихся на своихъ питомцевъ обнаруживается въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ тѣхъ порядкахъ и обычаяхъ, которые господствуютъ въ школахъ, и въ тѣхъ воспитательныхъ мѣрахъ, которыя употребляются въ городской школѣ.

Что касается до отношенія учащихся къ дѣтямъ, то, по свидѣтельству членовъ комиссін и экспертовъ, отношенія ихъ самыя гуманныя, проникнутыя истинною христіанскою любовью и согрѣтыя материнскою заботливостію о нуждахъ дѣтей, и это главнымъ образомъ отъ того, что большинство учащихся—учительницы, при томъ весьма хорошо образованныя. Изъ школьныхъ обычаевъ, которые установлены въ петербургскихъ училищахъ, весьма распространены и обыкновенны слѣдующіе: а) предъ началомъ и послѣ ученія дѣти поютъ и читаютъ общія молитвы; б) предъ завтракомъ и послѣ завтрака они читаютъ или поютъ также соотвѣтственную молитву; в) дѣти входятъ на каждый урокъ и уходятъ съ него поочередно, въ стройномъ порядкѣ, попарно; г) послѣ завтрака, всѣ дѣти умываютъ руки и лицо; д) строго наблюдается за тѣмъ, чтобы всѣ учебныя принадлежности дѣти содержали въ чистотѣ и порядкѣ; е) во избѣжаніе толкотни и шалостей на улицѣ, дѣти выпускаются изъ школы не всѣ вмѣстѣ, а небольшими группами, въ 5, въ 10 человекъ; ж) дѣти уходятъ изъ школы не иначе, какъ вѣжливо попрощавшись съ учителемъ или учительницей и почтительно здороваясь при входѣ въ школу; з) предъ началомъ каждого урока учащіеся остаются нѣсколько секундъ стоящими, съ цѣлю возбужденія вниманія къ уроку и для выслушанія отъ учащаго его приказаній и распоряженій и раздачи дѣтямъ всѣхъ необходимыхъ принадлежностей для предстоящаго урока, и во время самаго урока на каждый вопросъ учителя или учительницы дѣти отвѣчаютъ не всѣ вдругъ, а лишь по назначенію и пріучаются отвѣчать громко, а не тихо или сквозь зубы. Вотъ и всѣ тѣ немногія правила, которыя устроятъ школьный порядокъ и способствуютъ спокойному ходу обученія въ лучшихъ городскихъ училищахъ. Хотя совершенно справедливо, что при разумной методѣ преподаванія наказанія за шалости не можетъ быть, потому что всѣ дѣти заинтересованы преподаваніемъ и заняты, и за лѣность также, потому что въ начальной школѣ все усваивается дѣтьми въ классѣ-же, тѣмъ не менѣе, тѣ изъ учащихся, которые не сумѣли пріобрѣсти

еще надлежащаго нравственнаго авторитета въ глазахъ дѣтей или не приобрѣли еще навыка въ воспитывающѣмъ обученіи, принуждены бывають прибѣгать къ нѣкоторымъ наказаніямъ, которыя не могутъ быть оправданы съ строго воспитательной точки зрѣнія, каковы, напр., частый крикъ на дѣтей, высыланіе дѣтей изъ класса въ корридоръ, оставленіе дѣтей въ школѣ послѣ уроковъ и т. п. Къ счастью, такія мѣры практикуются въ петербургскихъ школахъ съ каждымъ годомъ все рѣже и рѣже. Вообще же, учащіе не допускають наказаній въ смыслѣ мести (т. е. отплаты зломъ за дурной поступокъ), а равно и наказаній, вызывающихъ въ ребенкѣ чувства физической боли, страха, ожесточенія и т. п.; если же и приходится прибѣгать къ наказанію, то оно носитъ нравственный, естественный характеръ, т. е. такой, который прямо вытекаетъ изъ свойства проступка и въ самомъ себѣ заключаетъ исправленіе зла, причиненнаго проступкомъ; напр., ученикъ, нарушающій порядокъ въ классѣ, ставится на мѣстѣ или сажается на отдѣльную скамейку; мѣшающій игрѣ лишается участія въ игрѣ; испортившій книгу, на нѣкоторое время не имѣетъ права получить другой книги и т. д. Относительно сообщеній родителямъ о проступкахъ дѣтей мнѣнія учащихся раздѣляются. Одни изъ нихъ совершенно отвергають эту мѣру, какъ вызывающую со стороны необразованныхъ и часто грубыхъ родителей побои и истязаніе дѣтей. Другіе, напротивъ, находятъ, что, обращаясь лично къ родителямъ, учительница своими совѣтами предупреждаетъ побои и даже такъ вліяетъ на родителей, что они и въ другихъ случаяхъ обращаются къ учительницѣ за совѣтомъ, какъ поступить съ ребенкомъ при томъ или другомъ проступкѣ, совершенномъ на дому. Всякія же тѣлесныя наказанія въ петербургскихъ школахъ вовсе не допускаются.

Въ отчетахъ экспертовъ мы встрѣчаемъ очень много характеристикъ, какъ отдѣльныхъ училищъ, такъ и цѣлыхъ группъ школъ, которыя проливають яркій свѣтъ на постановку въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла; для полноты картины приводимъ нѣкоторые изъ такихъ отзывовъ: «Нѣсколько мужскихъ школъ представляютъ образецъ такихъ училищъ для мальчиковъ, въ которыхъ безъ всякихъ наказаній, но силою характера, стойкостью даннаго слова, серьезнымъ и разумнымъ преподаваніемъ учительницы, дѣти научаются цѣнить школу, уважать авторитетъ учащаго и серьезно относиться къ своему дѣлу. Площадная брань, мелкая вражда, дѣтскія драки въ этихъ школахъ немислимы. Замѣчательно, что дѣти приучены не только прилично сидѣть и внимательно слушать въ классѣ въ присутствіи учительницы, но даже и безъ нея; во время переминовъ ученики ведутъ себя какъ благовоспитанныя дѣти: играютъ, поють,

разговариваютъ, шалятъ, но безъ дракъ и ссоръ. Немудрено, что при такой образцовой дисциплинѣ, дѣти оказываютъ хорошіе успѣхи въ наукахъ; книги и тетради ихъ въ порядкѣ...»

«По выработанному и цѣлесообразному методу преподаванія, по тактичному обращенію съ дѣвочками, по умѣнью будить въ нихъ любознательность, охоту къ ученію, по умѣнью привить имъ хорошія нравственныя привычки, отличаются не мало и женскихъ училищъ гдѣ дѣвочки читаютъ, произносятъ стихотворенія, объясняютъ рѣшенія ариѳметическихъ задачъ, дѣлаютъ грамматическій разборъ, пишутъ—тольково, бойко, умно и въ то-же время дѣвочки очень скромны, привѣтливы и послушны»....

«Нѣкоторые учителя мужскихъ училищъ, можно сказать, живутъ исключительно школою; они равнымъ образомъ заботятся какъ объ основательномъ обученіи дѣтей, такъ и о привитіи имъ нравственныхъ привычекъ. Такъ и вѣдетъ въ такихъ школахъ порядочность»....

«Въ нѣсколькихъ вновь открытыхъ училищахъ учительницы въ первый же годъ успѣли приобрести нравственный авторитетъ въ глазахъ дѣтей, занимаются энергично, вразумительно; слишкомъ отстающихъ дѣтей нѣтъ; всѣ тольково читаютъ и бойко считаютъ; порядокъ въ школахъ образцовый; дѣти послушны, привѣтливы, но отнюдь не загнаны; всегда умыты, причесаны, прилично одѣты; тетради и книги содержатся въ аккуратности и чистотѣ. На всемъ видѣнъ отпечатокъ образцовой, умной, заботливой воспитательницы-учительницы»....

«Изъ всѣхъ народныхъ школъ, писалъ одинъ эспертъ въ своемъ отчетѣ еще въ 1884 г., видѣнныхъ мною въ теченіи 30-лѣтней педагогической дѣятельности, при чемъ приходилось и самому открывать и организовать не малое число ихъ, петербургскія начальныя городскія училища слѣдуетъ признать лучшими, какъ по составу учащихъ лицъ и по внѣшней обстановкѣ, такъ и по своей организаціи въ особенности же по духу любви, который въ нихъ царитъ — любви дѣтей къ школѣ и школы къ дѣтамъ. Одна изъ главнѣйшихъ причинъ такого состоянія училищъ—замѣчательно добросовѣстное отношеніе учащихъ къ своимъ обязанностямъ при ихъ высокомъ образовательномъ цензѣ». Вотъ гдѣ секретъ поистинѣ блестящаго положенія петербургскихъ училищъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи—это въ удачномъ выборѣ учащаго персонала. Въ самомъ дѣлѣ, по дѣйствующимъ съ 1883 г. правиламъ ¹⁾, въ число учащихъ въ город-

¹⁾ Правила о порядкѣ зачисленія и назначенія кандидатовъ и кандидатовъ на учит. должности въ с.-петерб. нач. городск. училищахъ.

скихъ училищахъ могутъ попасть лишь тѣ лица, которыя, кромѣ средняго общаго образованія, получили еще специальное педагогическое или высшее научное, имѣютъ за собою самостоятельную преподавательскую практику (не менѣе года продолжавшуюся) и, сверхъ того, выдержали удовлетворительно пробныя уроки въ присутствіи предсѣдателя комиссіи, двухъ или трехъ экспертовъ и двухъ членовъ училищной комиссіи.

Очевидно, что, при существованіи подобныхъ требованій, въ петербургскія начальныя училища попадаетъ большинство учительницъ, а не учителей, такъ какъ для молодыхъ людей, получившихъ высшее образованіе, открывается болѣе широкое поприще, а окончившіе курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ не проходятъ предварительно средне-образовательнаго курса; напротивъ, не говоря уже о высшихъ женскихъ курсахъ и александровскихъ педагогическихъ, даже въ с.-петербургскую земскую школу поступаютъ дѣвѣны, окончившія предварительно полный курсъ ученія въ женскихъ (гимназіяхъ или институтахъ).

Какъ высокъ поэтому образовательный цензъ нынѣшняго состава учащихся въ с.-петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищахъ показываютъ слѣдующія статистическія данныя: изъ 230 учащихся лицъ — учителей 27, учительницъ 203. Учителя, за исключеніемъ одного, опредѣлены до изданія новыхъ правилъ, и большинство изъ нихъ получило образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ, меньшинство въ учительскихъ институтахъ, гимназіяхъ и духовныхъ семинаріяхъ. Напротивъ, изъ учительницъ, послѣ прохожденія курса средняго образованія, 21 окончили высшіе женскіе курсы, 108 высшіе педагогическіе, 64 с.-петербургскую земскую учительскую школу, 6—тверскую учительскую семинарію и только 4 не получили ни специально-педагогическаго, ни высшаго научнаго образованія. Приведенныя данныя доказываютъ съ одной стороны, что преобладающій контингентъ учащихся лицъ — учительницы, а съ другой стороны, что образовательный цензъ учительницъ выше учителей — фактъ весьма знаменательный, говорящій въ пользу того, что петербургская дума предпочитаетъ для своихъ школъ женскій трудъ, поощряя вмѣстѣ съ тѣмъ русскую женщину къ полученію болѣе солиднаго образованія. Знаменательно, что и московская дума пришла къ убѣжденію предпочитать для своихъ школъ также учительницъ, хотя, впрочемъ, въ Москвѣ для занятія учительскаго мѣста считается достаточнымъ представленіе свидѣтельства на званіе народнаго учителя или учительницы ¹⁾.

¹⁾ Московск. городск. учил. „Женское образованіе“. 1887 г. Январь.

Но предъявляя столь высокія требованія къ педагогическому персоналу для своихъ школъ, дума тѣмъ самымъ какъ бы обязывалась обставить своихъ учителей и учительницъ возможно лучше въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Какъ мы уже сказали выше, всѣ учащіе безъ различія пола, при готовой квартирѣ, изъ двухъ-трехъ комнатъ съ кухнею, получаютъ по 600 руб. въ годъ жалованья, 120 руб. на прислугу, да кромѣ того наградныхъ къ рождественскимъ праздникамъ по 50 руб. — всего до 800 руб. Нерѣдко также училищная коммиссія, по случаю болѣзни, смерти дѣтей или за усиленныя занятія по школѣ выдаетъ единовременныя пособія въ размѣрѣ отъ 50 до 150 руб. Подведя итогъ всему, что предлагаетъ городъ своимъ учителямъ и учительницамъ натурой и деньгами, окажется, что годовое содержаніе каждаго изъ нихъ обходится думѣ не менѣе 1,000—1,200 руб., т. е. почти столько же, сколько получаетъ преподаватель учительской семинаріи. Едва ли какой нибудь другой городъ не только въ Россіи, но и въ западной Европѣ можетъ сравниться съ Петербургомъ по издержкамъ вознагражденія народнаго учителя. Въ Москвѣ, напр., старшему учителю назначено жалованья 500 руб., старшей учительницѣ — 400 руб., а младшимъ учителямъ и учительницамъ — по 300 р. За то нельзя не сочувствовать тому, что въ Москвѣ жалованье учителямъ и учительницамъ постепенно возрастаетъ, вслѣдствіе прибавки за каждые 3 года службы по 50 р. для учителя и по 40 р. для учительницы до тѣхъ поръ, пока максимумъ для перваго составитъ 750 р., а для второй 600 р., но и въ этомъ случаѣ въ Москвѣ почему-то трудъ учительницы цѣнится менѣе труда учителя, чего мы не видимъ, и совершенно справедливо, въ Петербургѣ. Будущая участь народнаго учителя какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ теперь обезпечена. Какъ тамъ, такъ и здѣсь выработаны пенсіонныя уставы, по которымъ въ Петербургѣ учащимъ въ начальныхъ училищахъ за 25 лѣтъ службы полагается пенсія въ размѣрѣ 65% съ получаемаго оклада, а за 20 лѣтъ половинная пенсія ¹⁾, въ Москвѣ за тѣ-же 25 лѣтъ высшій окладъ пенсіи 400, а низшій 300 рублей ²⁾. Однимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ еще не ограничивается вполне заботливое отношеніе думы къ своимъ учительницамъ. Заболѣетъ ли кто изъ нихъ, на помощь школѣ является запасная учительница и больная не тревожится тѣмъ, что дѣти во

¹⁾ Уставъ о пенсіяхъ и единовремен. пособіяхъ лицамъ, служащимъ при городскомъ обществ. управленіи.

²⁾ „Женское образованіе“ 1836 г., февраль.

время ея болѣзни останутся безъ призора ¹⁾, окажется ли квартира вредною въ гигиеническомъ отношеніи или появится среди дѣтей эпидемія—санитарная коммиссія принимаетъ мѣры въ устраненію неблагоприятныхъ условій; въ вопросахъ хозяйственныхъ, воспитательныхъ или учебныхъ — учительница всегда встрѣтитъ добрый совѣтъ, поддержку и разрѣшеніе у попечителя школы или эксперта.

Прибавимъ ко всему сказанному, что отношенія всѣхъ лицъ, привоснованныхъ къ школѣ, самыя добрыя, прямыя, откровенныя, чуждыя всякой искусственности и фальши.

Вотъ почему въ петербургскія начальныя училища идутъ самыя лучшія педагогическія силы; учительницы гордятся своимъ общественнымъ положеніемъ; дорожатъ службою городу. И дѣйствительно, сказать, что учительницы относятся къ своему дѣлу исполнѣ добросовѣстно, съ умѣньемъ и знаніемъ, недостаточно; нѣтъ, онѣ вкладываютъ въ школу всю свою душу, работаютъ для нея неустанно, до самоотверженія, до истощенія силъ.

Получивъ строго научный взглядъ и стремленіе къ высшимъ идеаламъ, онѣ и дѣтей не только учатъ, но и воспитываютъ, облагораживаютъ, посѣвая въ нихъ и любовь къ ученію и задатки христіанской нравственности.

Добросовѣстность и любовь къ дѣтямъ почти у всѣхъ учительницъ доходитъ до того, что онѣ занимаются съ дѣтьми не только въ урочное время, но собираютъ, почему либо отставшихъ, дѣтей по вечерамъ и даже по праздникамъ, въ твердомъ убѣжденіи, что ни одинъ ребенокъ не долженъ оставить школу необученнымъ, какъ слѣдуетъ, и что выбрасывать ребенка на улицу есть тяжкій грѣхъ всякой школы. Въ теченіи, напр., послѣднихъ 3-хъ лѣтъ не было ни одного случая исключенія ребенка изъ думскихъ школъ.

Надо посмотрѣть на дѣтей, когда ихъ приводятъ въ школу, прослѣдить ихъ жизнь въ школѣ, приглядѣться къ нимъ, когда они выходятъ изъ школы, чтобы судить насколько плодотворна дѣятельность учительницы, получившей высшее образованіе. Въ большинствѣ случаевъ въ городскія начальныя училища поступаютъ дѣти прямо съ улицы, изъ разныхъ подваловъ, норъ и логовищъ, гдѣ

¹⁾ Институтъ запасныхъ учительницъ и кандидатокъ—прекрасное учрежденіе Думы. Три запасныя учительницы, получая постоянное жалованье по 500 рублей въ годъ безъ квартиры, обязаны, по первому требованію учил. коммиссіи, замѣщать заболѣвающихъ учительницъ; не хватаетъ запасныхъ учительницъ, посылаются въ школы кандидатки съ вознагражденіемъ по 2 руб. за учебное время дня.

итится простой рабочей людъ. Нерѣдко родители приводятъ въ школу ребенка 7—8 лѣтъ, уже нравственно испорченнаго, съ дурными наклонностями, не причесаннаго, оборваннаго и грязнаго, и взгляните на этого же ребенка при выходѣ его изъ школы—и вы его не узнаете. Это уже благонаправное, воспитанное дитя 12—13 лѣтъ, опрятно и прилично одѣтое, прямо и довѣрчиво смотрящее вамъ въ глаза и бойко отвѣчающее на ваши вопросы. И все это дѣлается ласковымъ словомъ, теплымъ участіемъ къ дѣтскимъ радостямъ и горестямъ. Учительница всегда и вездѣ съ дѣтьми: и во время молитвы, и на урокахъ, и во время ихъ игры; она и въ семейство зайдетъ, и елку дѣтямъ устроить, и прогулку совершить. Прибавимъ ко всему сказанному, что въ учащей корпораціи не рѣдкость встрѣтить лицъ, которыя въ совершенствѣ изучили всѣ лучшіе современные методы элементарнаго преподаванія съ цѣлью облегчить дѣтямъ ученіе, сдѣлать, вопреки установившейся пословицѣ, не только плоды, но и корень ученія сладкимъ; такіе учащіе вносятъ въ свое преподаваніе не малую долю и собственнаго творчества, въ убѣжденіи, что школа, гдѣ нѣтъ постояннаго творчества—мертвый организмъ. Есть даже лица, которыя успѣли приобрести почетную извѣстность въ педагогической и дѣтской литературѣ. Достаточно указать на такія довольно извѣстныя имена, какъ: С. М. Макарова (скончавшаяся въ 1887 году), О. И. Шмидтъ, А. В. Пѣшехонова, Ф. Ф. Пуцковичъ, братья Кореневы и др.

Изъ настоящаго очерка о дѣятельности учащихся не трудно убѣдиться въ благотворномъ вліяніи на петербургскія школы огромнаго большинства учителей и учительницъ, которые въ своей дѣятельности преслѣдуютъ не однѣ только учебныя цѣли, но и воспитательныя; а послѣднія, можетъ быть, еще важнѣе первыхъ для того контингента дѣтей, которыя учатся и воспитываются въ школахъ бѣдняковъ. Главная причина такого воспитывающаго значенія петербургской начальной школы кроется въ привлеченіи Думою въ школы путемъ широкой конкуренціи, хорошей матеріальной обстановки и требованій отъ учащаго персонала наивысшей нормы образовательнаго ценза—такихъ просвѣтительныхъ силъ, которыя бы въ короткій промежутокъ времени въ состояніи были бы выполнить двойную задачу народной школы: дать первоначальное образованіе дѣтямъ и воспитать физически и нравственно подрастающее поколѣніе бѣднѣйшаго населенія столицы.

Такъ, только въ XIX столѣтіи начинается осуществляться на практикѣ великій завѣтъ величайшаго славянскаго педагога Амоса Коменскаго XVI-го вѣка, что школа прежде всего должна быть «мастерскою гуманности».

7. Отношеніе столичнаго общества къ начальной школѣ.

Мы счастливы начать заключительную главу нашей статьи со многосламенательнаго заявленія, что думскія школы привлекаютъ вниманіе прежде всего Августѣйшей фамиліи.

По милостивѣйшему вниманію нынѣ царствующаго Государя Императора, каждый разъ, когда по повелѣнію Его Величества давались бесплатные спектакли въ Императорскихъ театрахъ для дѣтей различныхъ петербургскихъ учебныхъ заведеній, и дѣти начальныхъ городскихъ училищъ пользовались этою царскою милостію и царскимъ угощеніемъ. Такъ бываетъ ежегодно на Рождественскихъ праздникахъ, на Пасхѣ, на масленицѣ и въ высоко торжественные царскіе дни. На всю жизнь останутся памятными для дѣтей такіе дни, въ которые они чувствовали себя счастливыми и облагоденными Царемъ и Царицею наравнѣ со своими привилегированными сверстниками.

Нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ, интересуюсь устройствомъ петербургскихъ начальныхъ училищъ, содержимыхъ столичнымъ общественнымъ управленіемъ, неоднократно ихъ посѣщалъ, высказывая нерѣдко учительницамъ свое удовольствіе о всемъ видѣнномъ и слышанномъ имъ въ школахъ.

Зоологическій садъ, акваріумъ, выставки художественныхъ картинъ, народный театръ, балаганы, циркъ, благодаря содѣйствію думы открыты въ извѣстные праздничные дни для бесплатнаго посѣщенія дѣтьми начальныхъ школъ; а дѣтожь они пользуются бесплатными проѣздами въ Царское Село, Павловскъ и на Поповку для прогулокъ и учебныхъ экскурсій. Сколько полезныхъ свѣдѣній, сколько пріятныхъ воспоминаній приобрѣтутъ дѣти отъ подобныхъ посѣщеній! Какою благодарностію будутъ преисполнены они къ той школѣ, которая заботится о всестороннемъ развитіи ихъ ума и сердца, которая доставляетъ имъ не только знанія и умѣнія, но и радости, и удовольствія даже и внѣ школы!

Съ 15 августа по 23 декабря и учащіе, и учащія почти непрерывно, усиленно работали. Пора отдохнуть, развлечься, повеселиться. Наступаютъ рождественскіе праздники. Дѣти-бѣдняки не поглядываютъ уже съ завистью на приготовленіе «елки» для барскихъ дѣтей. Въ каждой школѣ устраивается собственная своя «елка». Намъ нерѣдко случалось бывать на подобныхъ школьныхъ «елкахъ». Трогательно было видѣть, какъ маленькія дѣти, собранныя въ школѣ

изъ самыхъ темныхъ закоулковъ Петербурга, беззаботно веселились вокругъ ярко освѣщенной и разукрашенной елки, пѣли, играли, танцовали, произносили стихотворенія, басни и цѣлыя дѣтскія сценки въ костюмахъ и маскахъ, а волшебный фонарь, забавные опыты и фокусы приводили въ неподдѣльный восторгъ дѣтей. Присутствовали и радовались родители. Между ними можно было замѣтить и бѣднаго чиновника-труженика, и отставнаго солдата, и дворника, и рабочаго, и кухарку, и прачку и т. д. Здѣсь они во-очію убѣждаются, чему учатъ ихъ дѣтей въ школѣ, какъ обращаются съ ними, какою любовью и заботливостью окружаютъ ихъ, и сами научаются относиться къ дѣтямъ съ болѣею теплотою и справедливостью. Кромѣ различныхъ сладостей, каждый ребенокъ получаетъ на «елкѣ» то красивую книжку съ картинками, то игрушки, то новенькую блузу, то новенькіе сапоги или башмаки: учительница знаетъ, кто въ чемъ изъ дѣтей нуждается, кому изъ дѣтей доставить и пользу, и удовольствіе. Если церковь своимъ благолѣшіемъ и величіемъ привлекаетъ и дѣлаетъ прихожанина усерднымъ и богомольнымъ, то и школа чистотою, привѣтливымъ свѣтомъ, радушною теплотою должна пріютить дѣтей не только въ учебные дни, но и въ праздники, воторые, впрочемъ, должны оставаться вполне дѣтскими.

Ученіе въ школахъ начинается и заканчивается также праздникомъ, носящимъ уже религіозно-торжественный характеръ. Во время лѣтнихъ каникулъ всѣ школы обыкновенно ремонтируются, чистятся, принимаютъ обновленный видъ. Когда оканчивается пріемъ дѣтей, что обыкновенно бываетъ около половины августа, дѣти и ихъ родители приглашаются въ школу на молебствіе. Дѣти въ чистенькихъ, хотя и въ самыхъ простенькихъ, костюмахъ, въ стройномъ порядкѣ группируются возлѣ священника, впереди ихъ стоитъ учительница; позади толпятся матери и отцы, снарядившіе дѣтей получше въ хорошія школы ¹⁾, верѣдко на послѣдніе трудовые гроши. Какія слезы умиленія видѣются на глазахъ родителей, когда надъ наклоненными дѣтскими головками священникъ читаетъ: «И приношаху къ Нему дѣти, да коснется ихъ... Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ, и не браните имъ... И обемъ ихъ, возложъ рукъ на нихъ, благословляше ихъ». По окончаніи молебствія священникъ окропляетъ святою водою и дѣтей, и школу, благословляетъ ихъ св. крестомъ, говоритъ имъ назидательное слово... И это религіозное служеніе, и опрятная, изящная обстановка школы, и этотъ добрый, ласковый, полный

¹⁾ Такъ обыкновенно называетъ простой народъ въ С.-Петербургѣ городскія училища.

любви взоръ учительницы — пронаводятъ магическое вліяніе на дѣтей и родителей. И тѣ, и другіе уже на порогѣ такой школы начинаютъ сознавать, что школу надо уважать, цѣнить, гордиться ею.

По окончаніи ученія, 30-го мая, въ день рожденія великаго основателя Петербурга, преобразователя и обновителя Россіи Петра I, выпускныя дѣти, въ сопровожденіи своихъ учителей и учительницъ, собираются въ обширное зало Думы на публичный актъ, на который нерѣдко пріѣзжаютъ высокопоставленныя лица города, духовныя и свѣтскія, а также представители учебнаго вѣдомства, гласныя думы, всѣ члены училищной комиссіи, родители учащихъ и проч. Здѣсь приноситъ снова благодареніе Богу за успѣшное окончаніе ученія, учащіе и дѣти выслушиваютъ напутственное слово архипастыря, рѣчь предсѣдателя училищной комиссіи, заключительное слово городского головы; дѣти получаютъ евангеліе, аттестатъ, угощеніе, и веселые, счастливые возвращаются домой, гдѣ, окруженные своими родственниками, передаютъ свои впечатлѣнія и воспоминанія о школѣ, которая не только озарила ихъ свѣтомъ ученія, но и посѣлала въ сердцахъ ихъ сѣмена христіанской нравственности, сдѣлала ихъ благовоспитанными и добрыми дѣтьми, научила ихъ любить ученіе.

Послѣ всего до сихъ поръ сказаннаго нами о петербургской народной школѣ неудивительно, что подобная школа въ теченіи перваго же десятилѣтія своего существованія на почвѣ общественнаго управленія столицы успѣла пріобрѣсти уже значеніе и извѣстность какъ въ глазахъ болѣе образованнаго общества, такъ и въ средѣ простаго, рабочаго населенія Петербурга. Для доказательства, насколько въ городскомъ обществѣ пробуждается интересъ къ петербургскимъ начальнымъ училищамъ, приведемъ лишь слѣдующіе отрадные факты.

Въ 1878 году гласный спб. городской думы д. с. с. Громовъ, письмомъ отъ 2-го іюня, изъявилъ готовность безвозмездно отпустить лѣсъ на сумму 5,500 р. для постройки особой школы на 120 мальчиковъ и дѣвочекъ. Это благое желаніе приводится теперь въ исполненіе однимъ изъ компаньоновъ покойнаго, В. А. Ратьковымъ-Рожновымъ, еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Гласный Думы и членъ училищной комиссіи г. Ратьковъ-Рожновъ приступилъ уже къ строительству на свой счетъ всего школьнаго дома, который будетъ отвѣчать всѣмъ современнымъ педагогическимъ и гигиеническимъ условіямъ для помѣщенія въ немъ съ будущаго учебнаго года двухъ училищъ — мужскаго и женскаго.

Въ 1880 г. дочь покойнаго О. О. Эвальда пожертвовала облигацию въ 1000 р. въ собственность двухъ училищъ, основанныхъ

думою въ память ея отца, съ тѣмъ, чтобы проценты съ капитала расходовались ежегодно на устройство въ этихъ школахъ рождественской «елки» для дѣтей.

Гласный думы и бывший членъ училищной комиссiи А. Д. Водениковъ, по случаю столѣтняго юбилея (въ 1881 году), перваго городского училища—Исакиевскаго (нынѣ Коломенское 2-е) пожертвовалъ капиталъ въ 5,000 рублей, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ него могъ получать дальнѣйшее образованiе одинъ изъ учащихся въ этомъ училищѣ; а жившiй долгое время въ Петербургѣ швейцарскiй подданный Целикоферъ оставилъ, по завѣщанiю, также 5,000 р. въ пользу городскихъ училищъ.

Въ томъ-же 1881 г. гласный Ф. К. Санъ-Галли построилъ на свои средства два училища—мужское и женское, снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ, и содержалъ ихъ на свой счетъ въ теченiи пяти лѣтъ.

Въ 1882-мъ году землевладѣлецъ В. Ф. Лугининъ на тѣхъ же основанiяхъ устроилъ женское училище и содержалъ его три года. Въ настоящее время всѣ три училища переданы въ вѣдѣнiе и содержанiе общественнаго управленiя.

Въ 1883 г. общество для пособiя бѣднымъ учащимся, какъ мы уже упоминали выше, положило начало устройству квартиръ для безпрiютныхъ дѣтей, обучающихся въ городскихъ училищахъ. На этотъ предметъ «общество» изъ пожертвованiй сотрудниковъ газеты «Голосъ», ея редактора А. А. Краевского и Ѳ. И. Базилевскаго, собрало капиталъ въ 5,400 р., но какъ на проценты съ такого капитала трудно было бы приступить къ осуществленiю задуманнаго столь благотѣтельнаго предпрiятiя, то на помощь обществу пришли два его члена: А. Д. Водениковъ и В. А. Ратьковъ-Рожновъ, которые приняли на себя: первый—устройство и содержанiе прiюта для 4-хъ мальчиковъ, а второй—5 дѣвочекъ. Когда прiютъ А. Д. Воденикова былъ закрытъ въ 1885 г., за окончанiемъ курса ученiя дѣтьми прiюта въ городскихъ училищахъ, то на мѣсто его возникъ новый прiютъ на 6 дѣвочекъ, содержимый на средства Е. А. Сибиряковой. В. А. Ратьковъ-Рожновъ расходуетъ ежегодно на содержанiе прiюта до 700 р., а Е. А. Сибирякова до 2,500 р.; учительница 2-го рождественскаго училища Е. П. Рѣпина вотъ уже 8-й годъ безвозмездно принимаетъ на себя уходъ и воспитанiе сиротъ, помѣщеннаго у нея на квартирѣ, прiюта В. А. Ратькова-Рожнова. Кстати прибавимъ еще, что «Общество фармацевтовъ» снабжаетъ дѣтей городскихъ училищъ лекарствами частью безплатно, частью за половинную цѣну, а К. И. Шуппе уже нѣсколько лѣтъ безвозмездно и на довольно значительную сумму отпу-

скаеть изъ своей аптеки медикаменты для всѣхъ нуждающихся учениковъ 2-го Коломенскаго училища ¹⁾).

Въ началѣ 1881—1882 учебнаго года при училищной комиссіи была учреждена центральная бібліотека для учащихся, чтобы, съ одной стороны, удовлетворить нравственныя потребности ихъ, а съ другой, облегчить стремленіе къ педагогическому ихъ самоусовершенствованію. Въ настоящее время эта бібліотека насчитываетъ уже 3,854 названія, въ 5,925 томахъ, на сумму 7,053 руб. 87 коп., преимущественно книгъ педагогическаго и научнаго содержанія и книгъ для дѣтей. Очевидно, что 900 руб., отпускаемыхъ ежегодно думою на пополненіе и содержаніе бібліотеки, было бы далеко недостаточно для сформированія ея въ указанныхъ размѣрахъ. И дѣйствительно, большая половина книгъ (почти на 4,000 р.) подарена. Самое крупное приношеніе было сдѣлано бывшимъ петербургскимъ педагогическимъ собраніемъ, которое передало въ распоряженіе училищной комиссіи всѣ свои книги: между ними самое видное мѣсто занимаютъ педагогическія и философскія сочиненія изъ бібліотеки покойнаго К. Д. Ушинскаго; наследница О. О. Эвальда прислала также 282 названія педагогическихъ книгъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; точно также поступила и вдова покойнаго ректора академіи художествъ г. Иордана. Наши главнѣйшіе издатели педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ, гг. И. И. Глазуновъ, Вольфъ, Ильинъ, Моревъ и Фену, пожертвовали часть своихъ изданій. Не мало присылаютъ въ бібліотеку книгъ и журналовъ А. А. Краевскій, М. И. Семейскій (доставившій, между прочимъ, различныя изданія, относящіяся до осмотрованныхъ имъ заграничныхъ школъ), М. М. Стасюлевичъ и А. С. Суворинъ.

Столь же сочувственно отнеслось петербургское общество и къ двумъ народнымъ читальнямъ, которыя возникли въ столицѣ по инициативѣ нынѣшняго городского головы В. И. Лихачева и наименованы «Пушкинскими» въ память исполнившагося 29 января 1887 года пятидесятилѣтія кончины безсмертнаго русскаго поэта, того достопамятнаго дня, съ котораго произведенія поэта сдѣлались достояніемъ народнымъ. Отвѣтственное и непосредственное завѣдываніе читальнями приняли на себя безвозмездно члены училищной комиссіи, гласныя думы, Н. А. Варгунинъ и П. А. Потѣхинъ.

Извѣстный русскій путешественникъ по Средней Азійи Н. М. Пржевальскій, счастливое возвращеніе котораго изъ новаго путе-

¹⁾ Всѣ данныя о пожертвованіяхъ заимствованы изъ годичныхъ отчетовъ училищной комиссіи.

шествія привѣтствовала городская дума черезъ своихъ представителей въ торжественномъ собраніи Императорскаго русскаго географическаго общества, согласно выраженному г. гласными желанію, сдѣлать въ залѣ городской думы, 8-го марта 1886 года, публичное сообщеніе о своемъ путешествіи въ Среднюю Азію, и собранную при этомъ съ посѣтителей плату, въ суммѣ 587 р. 61 к., просилъ обратить на устройство первой городской читальни.

5-го января 1887 года городской голова получилъ два письма: одно за подписью г. Б. Кетрица, съ приложеніемъ на устройство двухъ городскихъ читаленъ 800 руб. отъ нѣкоторыхъ лицъ, пожелавшихъ содѣйствовать благому дѣлу устройства въ городѣ даровыхъ читаленъ, и другое — отъ И. М. Сибирякова съ приложеніемъ 700 р. на устройство нѣсколькихъ читаленъ въ память Пушкина.

Петербургскій комитетъ грамотности съ своей стороны поспѣшилъ прислать въ народныя читальни по 4 экземпляра cadaго изъ своихъ изданій (всего 84 книжки). Этому благому примѣру послѣдовали И. И. Глазуновъ, М. И. Семевскій, Н. А. Лейкинъ, Фену и Карбасниковъ. Такъ петербургское общество отзывчиво ко всякому благому дѣлу, направленному къ распространенію и поддержанію народнаго образованія среди трудового населенія столицы.

Мы упомянули здѣсь только о выдающихся пожертвованіяхъ, а сколько еще бываетъ пожертвованій, въ особенности со стороны членовъ училищной комиссіи (попечителей школъ), вещами и деньгами для бѣдныхъ дѣтей, пожертвованій не крупныхъ, но дорогихъ, какъ выраженіе сочувствія школъ, какъ выраженіе любви къ тѣмъ бѣднякамъ, которые учатся въ ней и нуждаются во всемъ необходимомъ, нуждаются и по выходѣ изъ школы.

До сихъ поръ мы все говорили объ отношеніи къ городской школѣ образованнаго и зажиточнаго класса населенія; но и отношеніе къ ней простаго рабочаго люда несомнѣнно доказывается чрезмѣрнымъ наплывомъ учащихся не только въ существующія уже школы, успѣвшія уже себя зарекомендовать съ хорошей стороны, но и во вновь отрываемыя. Родители просто съ боя берутъ школу: не успѣютъ прибить вывѣски надъ училищемъ, какъ толпы родителей и дѣтей тѣснятся у дверей школы.

По составу учащихся подавляющее большинство, 92,73% вѣ, въ прошломъ 1886 г. принадлежало къ сословіямъ мѣщанскому, ремесленному, крестьянскому и нижнимъ чинамъ; 4% дали дворяне, чиновники и духовныя лица и 3% купцы, почетные граждане и свободные художники.

При приѣмѣ дѣтей въ послѣдніе три года наблюдается еще одно отрадное явленіе: теперь уже рѣдко приводятъ въ школу восьмилѣтнихъ дѣтей совершенно безграмотными, ибо первымъ началомъ грамоты дѣти, играя и шута, научаются отъ своихъ братьевъ и сестеръ—питомцевъ начальной школы.

Такъ, въ какія нибудь 10 лѣтъ свѣтъ образованія начинаетъ проникать въ глубь самой темной и безпріютной семьи петербургскаго населенія. Какъ-же безсмертна должна быть память Александра II Освободителя, который, даровавъ свободу миллионамъ людей, свободно растворилъ для дѣтей этихъ миллионъ и двери школы! Пусть же растетъ и множится число начальныхъ училищъ въ Петербургѣ, а по благому примѣру и во всѣхъ городахъ и весяхъ нашего обширнаго отечества! Эта заслуга петербургской думы не забудется исторією и внесется свѣтлыми буквами въ ея страницы на память отдаленнаго потомства.

Пожелаемъ, чтобы уже въ теченіи наступившаго втораго десятилѣтія существованія городскихъ школъ на почвѣ общественнаго самоуправленія столицы коммиссія начальныхъ училищъ могла бы, въ годичномъ своемъ отчетѣ, заявить Думѣ, что съ нынѣшняго года въ С.-Петербургѣ уже нѣтъ болѣе безграмотныхъ дѣтей!

Д. Д. Семеновъ.

11-го іюля 1887 г.
Павловскъ.

Антонія Кюлвейнъ.

И лишь недавно прочла опроверженіе „институтки“ (?) моего разсказа объ Антоніи Кюлвейнъ (а не Килевейнъ, какъ пишетъ „институтка“, „Русская Старина“ 1887 г., июль, стр. 236—238).

Прежде всего сознаюсь, что я никогда не считала необходимымъ удостовѣряться въ истинѣ словъ особы, правдивость которой для меня, какъ и для всѣхъ ее знавшихъ, вопроса не составляла... Разсказы Антоніи Христьяновны, касавшіеся пможенного мною въ „Русск. Старинѣ“ событія, какъ и многіе другіе, записаны въ дневникѣ, который я вела съ дѣтства. Что она,—бѣдная, безправная сирота, получала всю жизнь милостью царскою пенсію,—фактъ, извѣстный многимъ, кромѣ меня.

Не перемѣшаны-ли лица „институткой“?

На это подозрѣніе меня наводитъ многое. Во первыхъ, появленіе какой-то сестры Елены, о которой положительно никто изъ насъ отъ нея не слыхивалъ, хотя она разсказывала намъ все касавшееся ея семьи и старшаго брата, вскорѣ, впрочемъ, умершаго. Во вторыхъ, хотя я незнаю точнаго года ея выпуска, но думаю, что въ 1835 г. она еще не могла кончить курса. Ей теперь далеко не было-бы 70 лѣтъ!...

Бонной А. Х. Кюлвейнъ никогда не бывала, а была очень разумной и прекрасно знавшей свое дѣло, въ особенности языка, воспитательницей и учительницей. Не спорю противъ того, что институтки 1830-хъ годовъ всѣ были такъ гениальны, что А. Х. Кюлвейнъ приходилось кончать образованіе въ отдѣлѣ тунидъ; знаю лишь тотъ фактъ, что мать моя ее всегда находила знающей, умной собесѣдницей, чрезвычайно цѣнила ея мнѣнія касательно своихъ произведеній и любила, какъ лучшаго друга. Что же касается меня лично, то я обязана ей всѣмъ, что есть во мнѣ скольконибудь разумнаго и честнаго: начиная съ нравственнаго развитія и малыхъ моихъ знаній до умѣнія связать и написать два къ ряду понятныхъ слова.

Для меня—я, думаю, для всѣхъ знавшихъ А. Х. Кюлвейнъ,—ея пребываніе въ какой-то камчаткѣ Екатерининскаго института составляетъ полнѣйшій сюрпризъ!...

Впрочемъ, не большій, чѣмъ удостовѣреніе „институтки“ въ томъ, что будто-бы „Кюлвейнъ во всю свою жизнь,—живи она хоть сто лѣтъ (!),—не могла бы догнать г-жу Воейкову ни въ чемъ изъ наукъ“,—преподававшихся въ 1830-хъ годахъ въ Екатерининскомъ институтѣ...

Почему?!...

Вѣра Желиховская.

С.-Петербургъ,
1887 года, 22 августа.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства

1800 г. ¹⁾.

3 февраля Генералъ отъ пѣхоты князь Сибирской и генералъ-лейтенантъ Турчаниновъ отставлены отъ службы (№ 12).

— Кронштадтскаго порта крѣпость-коммисару Звѣреву позволено быть въ Санктпетербургѣ для объясненія по дѣламъ въ комис. экспедиціи.

— Съ Майна отъ 21 января. Въ письмахъ изъ Вѣны превозносятся великими похвалами красоту, отличныя и превосходныя качества (великой княгини Александры Павловны) супруги эрцгерцога Иосифа палатина венгерскаго. Ей 17 лѣтъ отъ рожденія, а супругу ея 24. Она весьма знающа въ языкахъ, ибо говоритъ совершенно по французски, по нѣмецки и по русски; разумѣетъ также англійской, итальянской и латинской языкъ. Сими послѣдними усугубить она уваженіе и приверженность къ себѣ венгерцевъ.

— Продаются книги: Емилій и Софія или благовоспитанные любовники, съ приобщеніемъ повѣсти уединенника. Исторія о славномъ рыцарѣ Полиціонѣ, египетскомъ царевичѣ, получившемъ себѣ за храбрость и силу въ замужество прекрасную королеву Милитину, и о смирѣ ихъ, дивномъ въ герояхъ Херсонѣ, съ картинами, 4 р. 50 коп.

— Пропала 1 числа сего мѣсяца маленькая старая собачка кобель, которая ходитъ и сидитъ на заднихъ ногахъ, а передними машетъ, отродокъ болонскихъ собакъ, шерстью косматая, бѣлая, съ рыжими пятнами,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. XI, стр. 187—190, 589—590, 784—788; т. XII, стр. 231—236, 451—452, 663—664, 830—832; т. XIII, стр. 457—458; изд. 1882 г., т. XXXV, стр. 425—432, 653—664; изд. 1883 г., т. XL, стр. 449—456, 645—648; т. XLI, стр. 363—370, 619—626; т. XLII, стр. 279—280; т. XLIV, стр. 625—634; изд. 1885 г., т. XLVII, стр. 336—345; изд. 1886 г., т. L, стр. 451—458.

большими висающими ушами. Доставившему оную Москов. части, въ 1 кварт., въ домъ подъ № 139, жильцу Андрею Арѣхову, заплачено будетъ за труды.

14 февраля. Провозведенъ изъ генералъ-лейтенантовъ въ генералы отъ кавалеріи войска донскаго Иловайской I (№ 13, приказъ 3-го февраля).

— Продается ода на случай освобожденія Италіи его сіятельствомъ княземъ Италійскимъ, графомъ Суворовымъ-Рымникскимъ, соч. Поспѣловой, въ бум. 26 коп.

— Фельетъ честь имѣть увѣдомить почтенную публику, что въ среду, т. е. 15 числа сего мѣсяца, будетъ послѣдній раугъ. Господа подписавшіеся благоволятъ пріѣзжать съ дамами своими, а тѣ, которые не подписались, могутъ билеты получать въ низу у входа, плата по рублю съ человѣка. Въ пятницу же, т. е. 17-го числа, будетъ маскарадъ.

17 февраля. Генералъ отъ кавалеріи Иловайскій I и генералъ-маіоръ Иловайскій 2-й отставлены отъ службы (№ 14, приказъ 11-го февраля).

— Е. и. в. высочайше повелѣваетъ, чтобы всѣ военные начальники, какижъ бы чины и были, не иначе свосились со всѣми не военными мѣстами, какъ вѣдѣніями, а коли отношеніе идетъ на лицо какой особѣ, такъ письмами, а рапортами ни къ кому не относятся, кромѣ военныхъ начальниковъ.

— Генералъ отъ инфантеріи графъ Каховскій отставленъ отъ службы.

— Е. и. в. предписываетъ всѣмъ шефамъ полковъ не перемѣщать ротныхъ командировъ безъ соизволенія на то его величества.

— Позволено быть изъ Кронштадта въ С.-Петербургъ, для объясненія по дѣламъ морской артилеріи, капитану 1-го ранга барону Лаудицу.

— Титулярные совѣтники Кожинъ 1 и Кожинъ 2 переименованы въ капитаны, кои съ состоятѣ по арміи съ ношеніемъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку мундира, и опредѣлены въ свиту е. и. в. (приказъ 14 февраля).

— Прошеніе генерала отъ кавалеріи Дотиншампа, представляющаго свою яко бы невинность въ употребленіи для письменныхъ дѣлъ унтеръ-офицера гренадерскаго принца Мекленбургскаго полку, оставлено безъ уваженія ¹⁾.

— Прошеніе маіора Нагеля о представленіи гос. им.—ру двухъ переводовъ его тактическихъ выигъ и проекта о укрѣпленіи обрушившейся горы Кіево-печерскія лавры, къ Дивіуру простирающейся, оставлено безъ вниманія.

— Съ итальянской границы, отъ 22 января. До прибытія россіянъ въ Неаполь, лазароны дѣлали тамъ всякія наглости. Незадолго передъ тѣмъ напали они на нѣкоторыхъ яковинцевъ, вымазали ихъ дегтемъ, потомъ катали въ перьяхъ, и въ такомъ нарядѣ водили ихъ по городу.

21 февраля. Отъѣзжающіе за границу: ...князь Николай Ивановичъ

¹⁾ Маркизъ Дотиншампъ отставленъ приказомъ отъ 30-го декабря 1799 г. (№ 2 Вѣдомостей 1800 г.).

Ромадановскій-Лодыженскій, дѣйств. т. сов., живетъ Москов. части въ 3 кварт. подъ № 310.

24 февраля. Дѣйств. ст. сов. Герардъ 3 произведенъ въ генераль-лейтенанты съ отданіемъ слѣдующаго старшинства, съ опредѣленіемъ въ инженерный корпусъ, и командированъ въ департаменту водяныхъ коммуникацій и въ экспедицію о дорогахъ ¹⁾ (№ 16).

— Свѣты е. и. в. капитанъ Кожинъ 1 и Кожинъ 2 всемілостивѣе пожалованы въ флигель-адъютанты къ е. и. в. (приказъ 20 февраля).

— Армянину Павлову, просившему монаршей помощи на путь въ Іерусалимъ, для поклоненія гробу Господню, дается знать, что на удовлетвореніе просьбы его высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

— Изъ Парижа, отъ 3-го февраля. Въ Парижѣ въ Нойерской улицѣ существуетъ еще тотъ самый домъ, въ которомъ родился Жанъ-Батистъ Руссо, сынъ башмачника. Нынѣшній хозяинъ онаго прибилъ на воротахъ слѣдующій билетъ: „въ семъ домѣ, гдѣ родился великій Руссо, свѣтъ свѣтъ своего столѣтія, отдадутся въ наемъ меблированныя покои“.

— Почтенную публику имѣю честь увѣдомить, что, съ дозволенія начальства, сего февраля 26-го числа, въ Кушелевомъ театрѣ, мною на флейтѣ данъ будетъ концертъ, а посему ласкаюсь надеждою благосклоннаго посѣщенія. Пигманъ, юноша, 7 лѣтъ отъ роду имѣющій.

— Нѣкоторая женщина, со многими дарованіями, желаетъ опредѣлиться здѣсь въ городѣ или на мызѣ надзирательницею надъ дѣтьми или ключницею.

— Желающіе продать повара или повариху, также голландскую или холмогорскую корову стѣльную или дойную, благоволятъ дать знать въ Стремляной улицѣ, подъ № 32, служителю Потапу Ефимову.

— Отъѣзжающіе за границу: Катерина Володимировна, жена отставнаго генерала отъ кавалеріи Ст. Ст. Апраксина, съ малолѣтнею дочерью, дворовыми людьми и арапомъ Острогорскимъ,—жив. 1 Адмир. ч. подъ № 113.

28 февраля. Корпусъ принца Конде распущенъ (№ 17, приказъ 23-го февраля).

— Государственную экспедицію конскихъ заводовъ, конхъ одна изъ главнѣйшихъ обязанностей есть снабждать лошадыми придворную нашу конюшню, поручаю отъ нынѣ въ главную дирекцію оберъ-штабмейстеру нашему графу Кутайсову, не занимая его всѣдневнымъ участіемъ въ текущихъ дѣлахъ, но предоставляя надзору его и утвержденію (составляемья) экспедицію распоряженія по конскимъ заводамъ.

— Прошеніе генерала-маіора Арбенева, описывающаго свою яко бы невинность по случаю отлучки его въ Гельдеръ отъ мѣста сраженія, бывшаго

¹⁾ Тѣмъ же приказомъ приняты въ службу ген.-м. Деволантъ, съ производствомъ въ генераль-лейтенанты, полк. Фелькерзамъ и ген.-м. князь Салаговъ.

8-го сентября 799 года, и просящаго монаршаго къ нему благоволенія, оставлено безъ уваженія.

2 марта. Свиты е. и. в. по квартирмейстерской части всѣмъ чинамъ, находящимся при инспекціяхъ, явиться въ С.-Петербургъ. (№ 18).

— Во всѣхъ обществахъ говорятъ теперь о молодомъ диварѣ, найденномъ въ локанскомъ лѣсу, въ авейронскомъ департаментѣ (бывшемъ Руергѣ), гдѣ поймали его три охотника. При ихъ приближеніи, нагой сей мальчишъ бросился бѣжать и взлѣзъ на дерево. Когда дають ему хлѣба, то онъ, обнюхавъ его, грызеть, плюетъ и потомъ бросаетъ; то-же самое дѣлаетъ и со всякою другою пищею; а сіе и доказываетъ, что онъ давно уже живетъ въ лѣсу. Удивительно, какъ онъ могъ выдержать жестокую стужу нынѣшней зимы въ локанскомъ лѣсу, который находится на самой холодной и высокой горѣ. Мальчишъ сей, кажется, не можетъ имѣть болѣе 10 или 12 лѣтъ отъ роду. Онъ лица прекраснаго, глаза нѣтъ черныя и быстрыя, бѣгаетъ рысью. Когда подають ему картофелей, то беретъ ихъ столько, сколько прекрасныя его ручки могутъ захватить; ежели картофель вареной (что для него гораздо пріятнѣе), то, облунивши его, ѣстъ, какъ обезьяна. Онъ весьма крѣпокъ на ухо, и долго думали, что вовсе глухъ, но вскорѣ убѣждены были въ противномъ. Его теперь одѣли, но онъ всячески старается сбросить свое платье, которое, какъ ему кажется, его связываетъ. Предоставляя ученымъ пзслѣдованіе сего явленія, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можно полагать, что мальчишъ сей принадлежитъ которому нибудь изъ тѣхъ несчастныхъ семействъ, кои изъ всей Франціи стекались въ лангедовскія горы, гдѣ искали они для себя безопаснаго убѣжища отъ тиранскаго правленія 1793 года, и что онъ, лишась тамъ по какому либо случаю своихъ родителей, питался каштанами и дикими плодами. Въ 1793 году могъ онъ имѣть 4 или 5 лѣтъ отъ роду, слѣдственно въ силахъ уже былъ доставать себѣ пищу; но по чрезвычайному своему малолѣтству, конечно, позабылъ и самыя слѣды общезнѣтія.

— Съ дозволенія правительства данъ будетъ императорскимъ камеръ-музыкантомъ Дали-оккою-контрабасистомъ и Червенкою-гобонистомъ на Каменномъ театрѣ, при аккомпанировкѣ госпожъ Маччурлети, г. Тесторъ и Мандишъ и всего придворнаго музыкальнаго хора, вокальный и инструментальный концертъ. О дальнѣйшемъ изъяснено будетъ въ нечатной афишкѣ.

— Желашіе будущю весною въ С.-Петербургѣ Невскую преспективу, начиная отъ Полицейскаго моста до Лиговскаго канала, по обѣимъ сторонамъ, въ два ряда посадить березками, кои-бъ были не тонѣе въ окружности 6 вершковъ, а при томъ и около оныхъ сдѣлать балюстраду, могутъ съ ясними о состояніи своемъ доказательствами и залогами являться с.-петербургскаго городского правленія въ камеральный департаментъ къ торгамъ каждыдневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней съ 15 числа марта.

Въ оной департаментъ могутъ съ 15-го же марта являться съ ясними о себѣ доказательствами и залогами ежедневно, исключая воскресныя и табельныя дни, также тѣ, кои пожелаютъ будущю весною въ С.-Петербургѣ Невскую преспективу, начиная отъ Казанскаго моста и продолжая до Анничковскаго, по обѣимъ сторонамъ, въ два ряда посадить липками, но не менѣе въ окружности 6 вершковъ имѣющими.

Отъѣзжающіе за границу: ...Левъ Давыдовъ, генералъ-маіоръ, съ женою Катериною Николаевною, малолѣтними дѣтьми и дворовыми людьми; при немъ отставной поручикъ Тахаловъ, жнв. Лѣт. ч. подъ № 165.

— Отъ конторы театральнаго дирекціи почтенная публика извѣщается, что въ нынѣшнемъ великомъ посту имѣютъ быть на Каменномъ театрѣ, по воскреснымъ днямъ, концерты, даваемые отъ дирекціи: на второй недѣлѣ марта 4-го: новая итальянская ораторіа, сочиненіе г. Гульгельми, съ пѣніемъ лучшихъ итальянскихъ актеровъ и хоромъ придворныхъ пѣвчихъ. На третьей недѣлѣ, 11-го числа, будутъ играть виртуозы разные концерты и лучшія выбравшія изъ французскихъ и итальянскихъ оперъ піесы, съ пѣніемъ лучшихъ актеровъ и хоромъ придворныхъ пѣвчихъ. На четвертой недѣлѣ, 18-го, та-же итальянская ораторіа, что и на второй недѣлѣ. На пятой недѣлѣ, 25-го, такой же концертъ, какъ и на третьей недѣлѣ, съ перемежною новыхъ какъ концертныхъ, такъ и піесъ для пѣнія. На шестой недѣлѣ, апрѣля 1-го, русская ораторіа, сочиненія г. Сартти, съ роговою музыкою, хоромъ и пѣніемъ лучшихъ русскихъ пѣвчихъ. Желающіе абонировать ложи благоволятъ прислать въ контору съ деньгами, отъ которой даны будутъ билеты.

6 марта. Гарнизоннаго Бугакова полку поручикъ принцъ Биронъ отставленъ отъ службы. (№ 19).

— Изъ Вѣны, отъ 12 февраля. Цензора (въ Италіи) получили именное императорское королевское повелѣніе, по которому въ здѣшнихъ областяхъ не должно печатать и привозить никакихъ исторій о волшебникахъ и духахъ, никакихъ романовъ о разбойникахъ или обманщикахъ, никакихъ сочиненій о сообществахъ и проч.

— Изъ Брина, отъ 12 февраля. Его сіятельство російскій императорскій генерал-ссимусъ и императорскій королевскій фельдмаршалъ, князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій, во время проѣзда своего чрезъ Моравію, былъ встрѣченъ 4 сего мѣсяца въ городѣ Вишау тамошнимъ обер-амтманомъ, комиссаромъ Целлиномъ, бургомистромъ Заулихомъ, при игрании на трубахъ и дятварахъ. Его сіятъ—во, будучи весьма доволенъ таковою нечаянною встрѣчею, обнялъ помянутыхъ особъ, и пригласилъ ихъ къ столу, во время коего сей герой пилъ за здоровье ихъ им. вел.—въ Павла I и Франца II. Въ продолженіи стола дѣти обер-амтманова пришли съ другими дѣтьми, и пропѣвши въ похвалу сему герою кантатъ вмѣстѣ съ инструментальною музыкою, поднесли князю Италійскому разные плоды, яко малой даръ, не имѣя ничего лучшаго. При сей сценѣ покатылись отъ радости слезы по ланитамъ досто-почтеннаго и украшеннаго сѣдинами героя, лобызавшаго съ усердіемъ многократно всѣхъ бывшихъ тутъ дѣтей. Потомъ, посадивши за столъ вокругъ себя небольшой хоръ сикъ пѣвцовъ, самъ ихъ подчивалъ и давалъ каждому мальчику пѣть изъ своей рюмки. Почти полтора часа разговаривалъ сей герой съ одними своими маленькими гостями, увѣщевая ихъ быть добродѣтельными и благочестивыми; онъ рассказывалъ имъ также и о собственныхъ своихъ дѣтяхъ, и въ продолженіе разговора очень часто показывались въ очахъ его радостныя слезы. „Сегодня, повторялъ онъ неоднократно, самыя пріятнѣйшіе у меня за столомъ гости. О невнимности! и я, любезные мои дѣти, скоро на васъ буду походить; вы для меня столь пріятны, что не могу съ вами расстаться“, и въ самомъ дѣлѣ его сіятъ—во сидѣлъ за столомъ цѣлый

часъ богѣе обыкновеннаго. Потомъ приказалъ своимъ служителямъ уложить хорошо принесенные дѣтьми подарки, вмѣстѣ съ однимъ экземпляромъ поминутаго кантата, для воспоминанія пріятнаго для него поѣзда чрезъ Моравію. По окончаніи стола его сіятъ—во далѣ въ память каждому изъ сихъ дѣтей по экземпляру гравированнаго своего портрета, увѣщевалъ ихъ при томъ вторично шествовать по стези благочестія и добродѣтели, облобызавъ и благословилъ, каждою особенно, знаменіемъ святаго креста, благодаря усердно за оказанную ему честь.

— Продается: Переходъ въ Швейцарію чрезъ Альпійскія горы россійскихъ им—хъ войскъ, подъ предводительствомъ генералиссимуса, 1799 г., соч. г. Державина, съ 2-ми вишетами, изъ коихъ послѣдній представляетъ Чертовъ мостъ. На В. О., на Большомъ проспектѣ, въ 14 линіи, въ домѣ Винтера подъ № 613, цѣною по 1 р. экземпляръ.

9 марта. Генералу-интенданту Балле позволено сѣздить въ Кронштадтъ (№ 20).

— Управляющій лѣснымъ департаментомъ адмиралъ де-Рибасъ, за положеніе за смолу въ лѣсной доходъ гораздо ниже ихъ цѣнъ противу представленныхъ архангельскимъ гражд. губ—мъ, отставленъ отъ службы.

— Назначены квартиры полкамъ: мушкетерскому Меркулова въ Орлѣ, драгунскому Шрейдерса 2 въ Тутѣ.

— Изъ Праги, отъ 17 февраля. Когда князь Италійскій, по отъѣздѣ своемъ отсюда, проѣзжалъ чрезъ богемской городъ Гогенмаутъ, то встрѣтили его тамъ съ пушечною пальбою, и молодыя дѣвцы поднесли ему лавровой вѣнечъ, которой онъ благосклонно принялъ и наложилъ на свою голову, а привѣтствующимъ изъяснилъ свою благодарность ласками и поцѣлуями. Для засвидѣтельствованія же своей признательности городу сему, вписалъ онъ себя своеручно, такъ какъ и въ Шильзенѣ, въ росписи мѣщанскихъ стрѣлковъ, съ приложеніемъ при томъ княжескаго своего герба печати.

— Изъ Шверина, отъ 19 февраля. 15 сего мѣсяца прибыли сюда въ вожделѣнномъ здравіи наслѣдныи нашъ принцъ Фридерикъ-Людовикъ и супруга его, наслѣдная принцесса, ея и. в. Елена Павловна, и при всеобщихъ восклипаніяхъ были встрѣчены торжественнѣйшимъ образомъ.

— По Вознесенской улицѣ, въ д. Исаевой подъ № 216, продается баба и дѣвка, также мебели, двумѣстная карета и сани.

— Отъ конторы театальной дирекціи почтенной публикѣ извѣщается, что ежели кто желаетъ подписаться вообще на спектакли, какъ то: на 60 фр—хъ репрезентаций, 30 ит—хъ, 30 русскихъ съ большими балетами, для комплектованія 200 годовыхъ спектаклей, коихъ дирекція имѣетъ дать въ теченіи сего 1800 г., начиная оныя послѣ Пасхи и продолжая по великой постѣ будущаго 1801 г., при чемъ дирекція всячески будетъ стараться дѣлать удовольствіе почтенной публикѣ, избирая наилучшія зрѣлища, — то-бы благоволили являться въ назначенную контору, или присылать по 21 число сего мѣсяца. Сборъ деньгамъ будетъ чиниться съ господъ подписавшихся три раза въ годъ, т. е. каждые 4 мѣсяца впередъ; и потому при подпискѣ,

получа третнюю плату, имѣютъ быть даваны билеты. По прошествіи же означеннаго срока, хотя и деньги вносимы будутъ, но оныя уже не примутся и билеты даваны не будутъ. А цѣны годовныя на всѣ вообще спектакли, съ большими и малыми балетами для гг. подписавшихся, суть слѣдующія: каждой ложѣ въ 1-мъ ярусѣ 1400 р., во 2-мъ 1000 р., въ 3-мъ 600 р., каждымъ кресламъ 200 р., отдѣленному мѣсту въ партерѣ 1 р. 50 к.

13 марта. Генерал-лейтен. Амбразанцовъ отставленъ отъ службы. (№ 21).

— Аудиторамъ кирасирскихъ полковъ (всѣмъ имъ) явиться въ генералъ-аудиторіатъ ¹⁾.

— Лейбъ-кирасирской ея и. вел.—ва полкъ переведенъ изъ санкт—ой въ брестскую инспекцію и назначены непремѣнныя квартиры въ Яновѣ и ближайшихъ селеніяхъ.

— Комендантамъ по гарнизону и комендантству доносить обо всемъ прямо къ е. и. вел.—ву; о вѣрѣнныхъ же имъ баталіонахъ относиться къ шефамъ ихъ полковъ.

— Въ прошломъ 1799 году въ здѣшней имп—ой столицѣ родилось 7489 младенцовъ, 3874 человека мужскаго и 3615 женскаго полу, въ числѣ коихъ находилось 26 младенцовъ, кои родились мертвы. Умерло 9869 человекъ, 6277 мужскаго и 3592 женскаго полу, браковъ сочеталось 1554 пары.

— Изъ Милана, отъ 6 февраля. Массена недавно началъ раздавать гарнизону (въ Генуѣ) шляпы и чулки. Но едва солдаты получили сія вещи, то и продали ихъ опять жителямъ, для доставленія себѣ състныхъ припасовъ.

16 марта. Отставленъ отъ службы лейбъ-кирасирскаго е. и. вел.—ва полку командиръ генералъ-лейтенантъ дюкъ де-Ришолье (№ 22, приказъ 11 марта).

— Изъ Парижа, отъ 24 февраля. Завтра въ первой разъ, по прошествіи 10 лѣтъ, будетъ опять данъ маскараднй балъ въ оперномъ театрѣ. Центральное правленіе хотя и запретило сіе увеселеніе, но Бонапарте, не уважая никакихъ намековъ и тоскливыхъ заботъ, позволилъ оное. Тѣснота будетъ страшная. Никто не долженъ идти въ маскарадъ съ оружіемъ.

20 марта. Отставленный отъ службы генералъ-лейтенантъ дюкъ де-Ришолье принятъ попрежнему въ службу и назначенъ шефомъ лейбъ-кирасирскаго е. и. вел.—ва полку. (№ 23, приказъ 14 марта).

23 марта. Генералъ отъ кавалеріи графъ Денисовъ отставленъ отъ службы (№ 24).

— Въ суконной линіи, въ книжныхъ лавкахъ подъ № 15 и 16 продается вновь переведенная комедія Гваделупской житезъ, соч. г. Мерсье, въ которой помѣщена Славная эпистола къ моему кафтану. Нѣжныя души и чувствительныя сердца найдутъ въ оной комедіи себѣ пищу.

¹⁾ Вызвано 17 человекъ, которые и названы по фамиліямъ.

27 марта. 4 Адм. части, въ 4 кварт., въ большой Коломнѣ, въ д. Большая, продается молодая и собою хорошая дѣвка. О цѣнѣ спросить въ томъ же домѣ въ верхнемъ этажѣ, что къ воротамъ (№ 25).

3) марта. Предписывается всѣмъ вообще въ донесеніяхъ къ его имп. вел.—ву не помѣщать слова стража, но вмѣсто онаго писать караулъ (№ 26).

— Его и. в. усматриваетъ по присланнымъ въ гвардію изъ полковъ людямъ, что во многихъ полкахъ оны имѣютъ позу болѣе сходную для кулачнаго бою, нежели приличную для солдата, что и сего дня было особенно замѣчено съ людьми изъ полку генералъ-маіора Хитрова, которымъ были такъ задержаны, что отъ нихъ добиться слова нельзя было, что и дается къ замѣчанію всей арміи.

— Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ 2, позволившій себѣ, стоя на квартирахъ въ Ригѣ, привести барабанщиковъ своего полку на квартиру консула Тромповскаго и заставилъ бить въ барабанъ до тѣхъ поръ, что младенецъ онаго Тр—го отъ испугу умеръ, за каковую шалость отставленъ отъ службы.

— Предписывается всѣмъ шефамъ не иначе отвѣтствовать на сообщаемыя именныя повелѣнія отъ генералъ-адъютантовъ, какъ партикулярными письмами, а не рапортами, какъ оное сдѣлалъ генералъ-маіоръ Лобановъ, которому за оное и дѣлается выговоръ.

— Генералъ-адъютантъ князь Щербатовъ за битые почталіоновъ и взятые 12 лошадей вмѣсто 6 отставленъ отъ службы.

— Изъ Копенгагена, отъ 11 марта. Зундъ покрытъ еще такъ крѣпкимъ льдомъ, что ежедневно прѣзжаетъ сюда множество шведскихъ саней.

— Продаются книги: Путь къ добродѣтели и любомудрію, полезнѣйшая для образованія и просвѣщенія юншества книга, 60 коп., и комическая опера Тарасъ въ ульѣ, 50 коп.

— У Казанской, въ пѣвческой школѣ продается взрослая здоровая дѣвка.

3-го апрѣля. Дѣвцѣ, дочери умершаго конюшеннаго комиссара Шумлепова, жаловавшейся на отставнаго подпоручика Веригина, который, яко-бы обольстя взять ее за себя, лишилъ ее чести и, приживъ съ нею младенца, оставилъ ее съ онымъ безъ призрѣнія, отказывается, поелику по взятой справкѣ открылось, что Веригинъ взять ее за себя никогда не обѣщался, поставляя причиною тому, что онъ навѣстенъ былъ о непристойномъ ея поведеніи (№ 27).

— Иностранцу Конголо, просившему о позволеніи представить государю им—ру собраніе рѣдкихъ картинъ, объявляется, что е. и. вел.—ву не угодно смѣть оныя.

— Инспектору Эргарту, просившему объ опредѣленіи его ко двору и изяснившему при томъ, что государь им—ръ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ сонзволнлъ ему сіе обѣщать, отказывается потому, что никогда ему такого высочайшаго обѣщанія сдѣлано не было.

— Изъ Парижа, отъ 14 марта. Въ Бордо недавно стоялъ нащѣи у позорнаго столба нѣкоторый тамошній житель за то, что онъ женился на двухъ живыхъ женахъ.

— Изъ Вѣны, отъ 12 марта. Въ день рожденія Ренгерскаго палатина, 9-го числа сего мѣсяца, супруга его (великая княгиня Александра Павловна) особливо тѣмъ ознаменовала сію торжественную эпоху, что ея им. выс—во въ офенскомъ ломбардѣ выкупила всѣ заклады бѣдныхъ отъ самаго малѣйшей цѣны до 10 гульденовъ, и повелѣла безденежно возвратити оныя хозяевамъ. Употребленная на то сумма простирается до 40 тысячъ гульденовъ.

— Во 2 Адмиралтейской части, въ Столярной Мѣщанской улицѣ, въ д. подъ № 137, продаются двѣ дѣвки, изъ коихъ одна умѣетъ вышивать золотомъ и шелками, да новыя на четыре лошади шоры.

— Еще продается крестьянская 14 лѣтъ дѣвка въ Малой Коломнѣ, 4 ч. во 2 кварт. подъ № 68, да лѣтная повозка. О цѣнѣ спроситъ у живущей подъ тѣмъ же № хозяйки.

6-го апрѣля. Предписывается всѣмъ господамъ военнымъ губернаторамъ и инспекторамъ по случаю усмотрѣнія е. и. в—вомъ, что нѣкоторые, получая изъ с.-петербургскаго камеральнаго департамента свидѣтельства для выѣзда изъ города, представляютъ оныя въ другихъ мѣстахъ вмѣсто паспортовъ, служащихъ имъ для свободнаго вездѣ жительства, то чтобъ таковыя свидѣтельства нигдѣ не имѣли другихъ видовъ, кромѣ только свободнаго выѣзда изъ Санктпетербурга (№ 28).

— Кагалергардскому полку состоятъ въ инспекціи генералъ отъ кавалеріи фонъ деръ-Палена.

— Изъ Лондона, отъ 4-го и 18-го февраля. Недавно умершій здѣсь португальскій жидъ де-Маттосъ Можатта постановилъ въ своемъ завѣщаніи, чтобъ его могли охраняли цѣлый годъ, и отказалъ по оному тремъ на то опредѣленнымъ сторожамъ 200 гиней.

— Оттуда же. Полковникъ Куниняга мѣ, у котораго отстрѣленъ подбородокъ въ Голландіи, и который былъ помолвленъ на дѣвицѣ Вортлей, но теперь сомнѣвался, захочетъ ли она за него выйти замужъ при сихъ обстоятельствахъ, получилъ отъ нея отвѣтъ слѣдующій: „ежели ваша душа не перемѣнилась такъ, какъ ваша особа, то я желаю сдержатъ свое обѣщаніе“. Рѣдкій примѣръ вѣрности и истинной склонности.

— Отъѣзжающіе за границу: ...Петръ Степ. Валуевъ, дѣйств. тайн. сов., съ фамилією, жив. у Анчикова мосту, въ д. вдовы Милутиной, подъ № 162

10-го апрѣля. Е. и. в. высочайше указъ соизволилъ не брать пошлины за приложение государственной печати къ высоч—мъ граматамъ, на княжеское достоинство даваемымъ (№ 29).

13-го апрѣля. Мушкетерскимъ полкамъ, потерявшимъ знамена: Ласунскаго—три, Тучкова 1-го—два, Пришибшевскаго—одного, Измайлова—одного, Повамошвейковскаго 2-го—два и Вязмитинова—одного, впредь знаменъ давано не будетъ (№ 30).

— Е. и. в., усмотря по пришедшему съ границы мушкетерскому Бороздина 1-го полку, что во всѣхъ частяхъ, составляющихъ службу, сдѣлано упущеніе, даже и обмывовенный шагъ ни мало не сходенъ съ предписаннымъ уставомъ, и видя противное всему данному высочайшему повелѣнію, дѣлаетъ замѣчаніе на общее лицо.

— Продаются за сходную цѣну: краснаго дерева дамскій туалетъ иностранной работы со всѣмъ приборомъ и брилліантовья серьги новѣйшаго вкуса, да способные ко всякой домашней работѣ крестьяннѣ съ женою, разумющею пивоваренное искусство. О цѣнѣ спросить у живущей въ Каретной ч. на Невскомъ проспектѣ въ д. подъ № 15 самой хозяйки.

17-го апрѣля. Мушкетерскаго графа Каменскаго полку майоръ Дейферъ за дерзкіе поступки исключенъ изъ службы (№ 31).

— Прошеніе исключеннаго изъ службы генералъ-майора Балашева—о всемілостивѣйшемъ его прощеніи, оставлено безъ уваженія.

— 12-го числа сего мѣсяца вскрылась Нева и около полудня рѣка отъ льду совершенно очистилась, такъ что нынѣшнюю зиму она 142 дня была покрыта льдомъ, которое продолженіе времени 5 днями менѣе средняго числа.

20-го апрѣля. Бывшему генералъ-адъютанту князю Италійскому, графу Суворову-Рымникскому, всемілостивѣйше повелѣваемъ быть по прежнему двора нашего камергеромъ (№ 32, указъ придв. конторѣ 16-го апрѣля) ¹⁾.

— Вторая часть дѣяній генералиссимуса кн. Италійскаго гр. Суворова-Рымникскаго изъ печати вышла. Особы, благоволившія на оную подписаться, могутъ для полученія оной присылать билеты, куда слѣдуетъ.

— 3 адмир. ч. въ 3. кварт. въ Большой Подъяческой улицѣ продается каменный о двухъ этажахъ домъ, подъ № 250; да тутъ же продается прочная нѣмецкой работы двумѣстная карета, таратайка, мало поѣзженныя дрожки и мальчишъ, ко всякой работѣ способный. Цѣну всему объявить въ томъ же домѣ кучеръ Прокофій.

— Контора театральнѣйшей дирекціи почтенную публику чрезъ сіе извѣщаетъ, что какъ нынѣ послѣдовало абонированіе ложъ и креселъ на городскомъ театрѣ на всѣ вообще спектакли на цѣлый годъ, то по сему случаю прежняя абонировка ложъ и креселъ на одни токмо французскіе спектакли существовать не можетъ; а по сему она и уничтожается, и тѣ ложы и кресла отданы будутъ желающимъ абонировать на годичное время; имѣющие билеты на французскіе спектакли, но котѣрымъ сроки еще не вышли, для полученія по онимъ обратно за остальныя спектакли денегъ, благоволятъ съ тѣми билетами являться сами, или кого прислать, въ контору ежедневно въ 9 часовъ утра до 2 го часа пополудни. Далѣе же по онимъ билетамъ отъ нынѣ пользоваться не могутъ.

24-го апрѣля. Повелѣвается состоящимъ въ полкахъ инфантеріи изъ дворянъ унтеръ-офицерамъ двадцати называться подпрапорщиками (№ 38).

¹⁾ Объ этомъ состоялся приказъ и по военному вѣдомству 17-го апрѣля (№ 33).

Повелѣвается полкамъ не собираться для учебнаго времени безъ особаго на то высочайшаго повелѣнія.

— Желающіе продать двухъ добраго поведенія поваровъ среднихъ лѣтъ, холостыхъ или женатыхъ, довольно искусившихся въ поваренномъ искусствѣ, да молодыхъ лѣтъ парикмахера женскаго и мужскаго, благоволятъ увѣдомитъ о семъ подполковнику Маріанну Вронскую.

— Отъѣзжающіе за границу: ...Князь Багратионъ, сенаторъ, жив. во 2-й Мѣщанской, въ нѣмецкомъ трактирѣ Гейна.

27-го апрѣля. Кираспрскаго Миллера 2 полку полковникъ Тешшау, за старостию лѣтъ, отставленъ отъ службы. Генералъ отъ инфантерій Архаровъ отставленъ отъ службы (№ 34).

— Предписывается всѣмъ инспекторамъ объѣзжать полки инспекцій ихъ въ учебное время для осмотра, а е. н. вел.—ву только доносили бы заблаговременно, когда они для сего осмотра отправятся.

— Дѣйств. тайн. сов. графу Артемію Воронцову, что на всеподданнѣйшій докладъ объ обстоятельствахъ невступленія отъ него въ сенатъ апелляціонной жалобы въ годовой срокъ на рѣшеніе межевой канцеляріи о землѣ, бывшей при селѣ его Никольскомъ въ Тамбовской губерніи, и на просьбу его о восстановленіи сей апелляціи, упущенной повѣренными его, послѣдовало высочайшее е. н. в. повелѣніе: «своя была воля выбирать повѣреннаго плута, а потому дѣло оставить въ законномъ положеніи».

— Продается дворовый человѣкъ, способный ко всякой домашней работѣ, которой при томъ мастеръ стрѣлять и собакъ лгавыхъ тресировать. Видѣть его и о цѣнѣ узнать могутъ на Новыхъ мѣстахъ близъ измайловскаго экзерцисгауза въ домѣ секретарши Бобровой подъ № 814.

1-го мая. Адъютантъ генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова-Римникскаго, полковникъ Кушниковъ, и подполковникъ баронъ Розенъ опредѣлены по прежнему въ полки, первой въ гренадерской Розенберга, а послѣдній въ мушкетерской графа Ланжерона; майорамъ же Румянцову и Ставракову и капитану Кригеру состоять по арміи (№ 35).

— Ломакину, написанному изъ подпоручиковъ въ рядовые за пьянство и за самовольную отлучку и просившему всемилоствѣйшаго прощенія, прощеніе возвращено съ надраніемъ и со взысканіемъ вѣсовыхъ денегъ.

— Майору Кульневу, выключенному изъ службы по суду, надъ ничѣ производившемуся, и просившему о разсмотрѣніи вновь онаго дѣла, и Казанской губерніи города Козьмодемьянска мѣщанину Башкирцову, описывающему причиняемыя ему пермскимъ губернаторомъ притѣсненія и содержаніе его якобы безвинно подъ карауломъ и просившему дозволенія предстать ему лично къ е. н. в.—ву для разныхъ донесеній, прощенія возвращены съ надраніемъ и со взысканіемъ вѣсовыхъ денегъ.

— Изъ Лондона, отъ 11-го апрѣля. Съ герцогомъ Горкскимъ, выѣхавшимъ 8-го числа верхомъ, случилось такое несчастіе, что упала подъ нимъ лошадь,

которую испугала пробѣжавшая мимо ея собака; и какъ нога запуталась въ стремени, то герцога влекла лошадь на разстояніе довольно нарочитое, отъ чего весьма сильно повредилъ онъ себѣ лицо, брюхо, ноги и руки.

— Изъ Парижа, отъ 30-го марта. Кунакъ Тивено, изобрѣтатель талиграфіи (скорописанія), въ непродолжительномъ времени издастъ способъ какъ писать музыку съ такою же скоростію, какъ ее играютъ. Искусство сіе называетъ онъ музыкальною брахиграфіею (скорописью).

4-го мая. Шкловскаго кадетскаго корпуса майоръ Твардовскій за старостію и дряхлостію отставленъ отъ службы (№ 36).

— Въ 3 адмир. части въ Вознесенской улицѣ въ домѣ подъ № 216 у отъѣзжающаго продается лучшаго турецкаго табаку 15 фунтовъ, семь турецкихъ съ длинными чубуками трубокъ, изъ конхъ четыре осмыпанъ янтарями; да годный въ рекруты молодой человекъ и добраго поведенія деревенская дѣвка. О цѣнѣ спросить у дворника.

8-го мая. Е. и. в. объявляетъ свое благоволеніе военному губернатору графу Палену за благочиніе и порядокъ, соблюденный вчерашняго дня (1-го мая) на гуляньѣ; равно и всѣмъ подкомандующимъ его здѣшняго гарнизона. (№ 37).

11-го мая. Шефу кирасирскаго полку генералъ-майору Гамперу имѣть пребываніе свое въ мызѣ Шветтофѣ. (№ 38).

— Стекланному фабриканту Гейнцѣ, просившему о позволеніи съѣздить въ Тюрингенъ для принятія наслѣдства, повторяется прежняя высочайшая резолюція, что онъ можетъ ѣхать за границу, но безъ возврата.

— Маркизъ де Мастинъ, просившей о всемілостивѣйшемъ позволеніи мужу ея съ младенцомъ и кормилицею пріѣхать въ Россію, объявляется, что просьба ея оставлена безъ вниманія.

— У книгопродавца Федора Свѣшниковъ принимается подписка на книгу подъ названіемъ: „Что нибудь отъ бездѣлья и на досугѣ“, еженедѣльное изданіе Николая Осипова, частію историческаго, а частію моральнаго, критическаго и шутиваго содержанія, взятаго изъ лучшихъ русскіихъ и иностранныхъ писателей. Цѣна за полгода 3 р. 50 к. При подпискѣ получаютъ отпечатанные 18 листовъ и билетъ для полученія впредь выходящихъ листовъ въ каждую субботу.

15-го мая. Е. и. в. объявляетъ совершенную свою благодарность е. и. выс—ву Александру Павловичу и свое благоволеніе учившимся сего дня (9-го мая) лейбъ-гвардіи полковъ лейбъ-баталіонамъ е. и. вел—ва, е. и. выс—ва Александра Павловича и е. и. выс—ва Константина Павловича; баталіонамъ: Сукина, Мазовскаго и Голыцкаго и оныхъ штабъ и оберъ-офицерамъ, а нижнимъ чинамъ жалуетъ по рублю на человека, по фунту говядины и по чаркѣ вина. (№ 39).

— Мая 7-го былъ на Царицынскомъ лугу смотръ лейбъ-гвардіи полку е. и. вел—ва, по окончаніи котораго государь им—ръ, въ знакъ своего удовольствія, всемілостивѣйше возложилъ изволилъ командирскій крестъ

державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго на командира полка своего имени генераль-лейтенанта и кавалера Талызина.

— Маркизу Паж-Дебадену, бывшему французской королевской службы капитану, просившему о принятіи его въ російскую службу, отказывается, по неимѣнію въ немъ надобности.

— На просьбу войска Донскаго генераль-маіора Курнакова 1-го о увольненіи его отъ службы съ награжденіемъ за 30-лѣтнее продолженіе оной, высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

— Прошеніе находящагося въ Тобольскѣ французскаго офицера маркиза де Бомануа, о дозволеніи ему возвратиться оттолъ къ своему королю и родственникамъ, оставлено безъ уваженія.

— Италианцу Монтебелло, просившему о принятіи его въ службу въ театральную дирекцію пѣвцомъ и требовавшему себѣ жалованья по 10 тысячъ руб., да на квартиру по 500 р., просьба его, яко не дѣльная, возвращена ему съ надраніемъ.

— Продаются книги: „Примѣчатель свѣта, или живи подумай“, въ пер. 1 р. 50 коп. „Философъ горы Амсунской, или мысли при извѣстіи о смерти великой Екатерины II“, въ бум. 30 коп.

— У живописца Вениамина Патерсона, живущаго по Екатер. канавѣ, между государственнымиъ заемнымиъ банкомъ и Ковушенинымъ мостомъ, въ Шаровомъ домѣ, подъ № 131, продаются изъ собранія раскрашенныхъ эстамповъ, состоящаго изъ 10 листовъ и представляющаго берегъ Невы рѣки вдоль набережной, начиная отъ Воскресенскаго моста до истока оной у Галернаго двора, и переднюю часть Васильевскаго о—ва, первые 5 листовъ, удостоенные высочайшаго е. и. в—ва одобренія, а именно: видъ статуи им—ра Петра I, Воскресенскаго моста съ переднею частію крѣпости, набережной отъ Мраморнаго дворца до импер—го Зимняго, им—го Зимняго дворца съ частію адмиралтейства. Каждый листъ стоить перваго сорта 20 р., втораго 15 р. Такъ же и послѣдніе 5 въ скоромъ времени выданы будутъ.

— Въ Преобраз. полку въ Большой Офицерской улицѣ въ д. тит. сов—ни Дори, что прежде былъ князя Давыдова, продается годной въ рекруты человекъ и верховая лошадь.

18-го мая. Е. и. вел—во объявляетъ особенное благоволеніе государю наследнику цесаревичу и великому князю Александру Павловичу, яко первому его помощнику (№ 40).

25-го мая. Исключенный изъ службы съ лишеніемъ чина въ прошлаго 1799 года егерскаго Михельсона 2-го полку штабс-капитанъ Сибирцовъ, въ уваженіе просьбы его вел—ва короля шведскаго, принятъ по прежнему въ службу въ тотъ же полкъ (№ 42).

— Мая 12-го былъ смотръ на Царицынскомъ луку полкамъ кавалергардскому, конной гвардіи, лейбъ-гусарскому и лейбъ-казацкому, при которомъ случаѣ е. и. в. изволилъ пожаловать нижнимъ чинамъ кавалергардскаго полку по фунту говядины и по чаркѣ вина, а лейбъ-гусарскаго полку — по чаркѣ вина.

— При высочайшемъ своемъ отъѣздѣ въ городъ Павловскъ того же дня (14-го мая), при парогѣ е. и. в. дозволилъ объявить е. и. выс—ву Константину Павловичу совершенное свое благоволеніе всѣмъ господамъ штабъ и оберъ-офицерамъ. (№ 42).

— „Камергеру г. Кутайсову быть при мнѣ штатсъ-секретаремъ“ (собственноручный указъ императора Павла Петровича, 19-го мая).

29-го мая. Прошеніе Паздерскаго, изъяснявшаго свою погрѣшность по духовному его состоянію и чрезъ неждѣнныя учиненную, и просившаго всемілостивѣйшаго прощенія, оставлено безъ уваженія (№ 43).

— Черниговской богоявленской церкви протоіерею Кудинскому, испрашивавшему въ сдѣланной имъ погрѣшности всемілостивѣйшаго прощенія, прошеніе возвращено съ надбраніемъ и со взмсканіемъ вѣсовыхъ денегъ.

— Припечатанный въ прошедшихъ вѣдомостяхъ о желаніи купить добраго поведенія дѣвочку можетъ освѣдомиться не только объ одной, которой 7 лѣтъ, но и о другой—10 лѣтъ, на Петерб. сторонѣ въ Большой Дворянской улицѣ, въ домѣ подъ № 5^о5.

1-го іюня. Ихъ импер—мъ высочествамъ Константину Павловичу и Николаю Павловичу помѣняться полками (№ 44, приказъ 28-го мая).

— Мостовской, урожденной княжнѣ Радзивиль, просившей паспорта срокомъ на 10 мѣсяцевъ для проѣзда въ Пирмонтъ, объявляется, что просьба ея оставлена безъ уваженія. Просьба генералъ отъ кавалеріи Доттишампа возвращена ему съ надбраніемъ и со взмсканіемъ вѣсовыхъ денегъ.

— Продаются сочиненія и переводы князя Алексѣя Ив. Голлицына: 1) ода на принятіе титула великаго магистера е. и. в—омъ и на побѣды графа Суворова-Рымнинскаго; 2) государю им—ру Павлу I; 3) надгробная Великой Екатерины; 4) къ портрету гр. Суворова; 5) ода на случай ваятія Праги гр. Суворовымъ и другихъ его въ Польшѣ; 6) на путешествіе государя им—ра въ Казань; 7) Суворовъ; 8) стихи на смерть Ломоносова; 9) къ портрету г. Хераскова; 10) акростихъ на Вольтера; 11) стихи на Бонапарте; 12) къ французамъ въ Египтѣ; 13) письмо (леди) Темири къ лорду Бандлору, волонтеру на кораблѣ адмирала Нельсона и многія другія стихотворенія и театральныя сочиненія, въ бум. 2 р. 80 в.

— Продается собраніе сочиненій и подражаній Пав. Сумъ въ стихахъ. Книжка сія сдѣлаетъ читателямъ удовольствіе; стихотворецъ замысловатъ, шутивъ, рассказываетъ легко, затѣйливо, пріятно, смѣшито, нравится, и подаетъ надежду, что русская литература современемъ еще богѣе украсится его счастливымъ талантомъ, въ бум. 1 р. 10 к. (№ 42).

Историческіе матеріалы, замѣтки и стихотворенія

Замѣтка Петра I.

штандартъ—24 (пушки) 8 фунтовья
3 корабля на каждомъ 54 пушки
изподніе 18 фунтовья
а верхніе 8 фунтовья
на еордекѣ і бакѣ 4 фунтовья.

вышеписанныя карабли могутъ быть на море выюне мѣссдс.

Примѣчаніе. Написано на полуишетъ, нижня половина котораго загнута
Все есбствениоручно.

Прочитано А. Э. Вычшовымъ.
Сообщ. А. Э. Коки.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ

1758 г.

[По титулѣ]. Бытъ челомъ коллежскій совѣтникъ и академіи наукъ профессоръ Михайло Васильевъ сынъ Ломоносовъ, а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1. Сего 1758 года, маія 5 дня, въ присутствіи правительствующаго сената объявлено мнѣ, что въ ономъ опредѣлено украсить въ здѣшней крѣпости церковь святыкъ апостолъ Петра и Павла мозаичнымъ художествомъ съ монихъ заводовъ въ честь и славу великихъ дѣлъ безсмертна памяти государя родителя вашего императора Петра Великаго, о чемъ изъ онаго сената поданъ докладъ вашему императорскому величеству. Къ сему прошенію

2. А понеже за другими важнѣйшими государственными попеченіями минуло уже многое время безъ всемиловѣйшія онаго доклада конфирмаціи, для того заготовленныя на заводахъ монихъ къ тому матеріалы, машины и мастеровые люди состоятъ почти безъ дѣла, отъ чего причиняется монихъ заводамъ не

малое поврежденіе, затѣмъ, что отъ употребленной на произведеніе мозачнаго искусства суммы нѣтъ почти никакого поворота, за неимѣніемъ частныхъ охотниковъ къ покупкѣ мозаики. Коллежскій совѣтникъ и профессоръ

З. И дабы высочайшимъ вашего и—го в—ва указомъ повелѣно было сіе мое всенижайшее прошеніе въ учрежденной при дворѣ в. в—ва конференціи принять и для вышесказанныхъ причинъ, а паче для великолѣпнаго изображенія трудовъ бессмертна памяти великаго вашего родителя и для умноженія преквальныхъ дѣлъ благополучнаго вашего государствованія соблагволишь учинить всемилостивѣйшую конфирмацію. Михайло Ломоносовъ

Всемилостивѣйшая государыня! прошу вашего и—го в—ва о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Октября дня 1758 года. Прошеніе писалъ академіи наукъ конектъ Иванъ Барковъ. Руку приложилъ ¹⁾.

Сообщилъ Г. К. Р.

Александръ Васильевичъ Суворовъ

1760 г.

[По титулѣ]. Бьетъ челомъ генералъ-поручикъ и кавалеръ Василій Ивановъ сынъ Суворовъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1. По всевысочайшему вашего и. в—ва указу отъ 31 декабря 759 года сынъ мой, Казанскаго пѣхотнаго полку подполковникъ Александръ Суворовъ, предѣленъ, по представленію господина генерала крѣгс-комисара князя Шаховскаго, къ правленію оберъ-крѣгс-комисарской должности и изъ полку выключенъ. Къ сему

2. А нынѣ оный сынъ мой ко мнѣ пишетъ что онъ по своимъ молодымъ лѣтамъ желаніе и ревность имѣетъ еще далѣе въ воинскихъ операціяхъ практиковаться и службу свою, по прежнему, продолжать при полку. Прошенію

И дабы всевысочайшимъ в. и. в—ва указомъ повелѣно было онаго сына моего отъ правленія оберъ-крѣгс-комисарской должности исключить и опредѣлять, по прежнему, въ полкъ при заграничной арміи, дабы онъ, по своей ревности, далѣе при оной вашему и—у в—у нанусердѣйшую свою службу продолжать могъ. Василій

Всемилостивѣйшая государыня, прошу вашего и. в—а о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Февраля дня 1760 г. Къ подацію надлежитъ въ учрежденную при дворѣ в. и. в—а конференцію. Челобитную писалъ военной коллегіи канцеляристъ Федоръ Матвѣевъ. Суворовъ руку приложилъ ¹⁾.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

¹⁾ Подлинникъ въ сенатскомъ архивѣ.

Равоказъ священника очевидца о взятіи Очакова

6-го декабря 1788 г.

[Письмо отъ 4-го января 1789 г.].

Ваше высокопреосвященство, милостивѣйшій архіепископъ! Я утруждаю ваше высокопреосвященство частыми письмами, и неизвѣстно—утрудилъ ли я оными и всѣ ли къ вамъ доходятъ? На другой день послѣ взятія Очакова писалъ я къ вамъ весьма коротко, ибо обстоятельства наши, въ которыхъ мы тогда находились, болѣе писать не дозволяли, а теперь—послику нынѣ болѣе можно къ вамъ писать, по причинѣ спокойнаго состоянія нашихъ дѣлъ,—то я о томъ же увѣдомить васъ и самую истину,—чтобъ удовлетворить вашему любопытному духу и представить предъ глазами вашими,—всячески постараюсь.

Въ первыя числа декабря, нашъ, нынѣ торжествующій, герой ¹⁾, вышедши изъ терпѣнія по столь долго ожидаемому времени произвольной ²⁾ давно осажденнаго города (сдачи), приказалъ приготовиться отборнымъ войскамъ къ нападенію на Очаковъ—городъ столь упорный и не щадящій крови своихъ гражданъ. Нападеніе оное долженствовало быть 6-го декабря во освященный день святому Николаю. Между тѣмъ, какъ обыкновенно поступаютъ великіе вожди, чтобы удобнѣе и удачнѣе совершить предпринимательство дѣла, раздѣлилъ онъ на извѣстныя части солдатъ, намѣревающихся идти; надъ каждою частію поставилъ особенныхъ полководцевъ, искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, давши имъ планъ, какъ поступать и дѣйствовать весьма самымъ яснымъ истолкованіемъ. Шесть было колоннъ, съ шести сторонъ города напасть имѣющихъ, которыя для исполненія сего дѣла назначены были, чтобъ видно (было) употребленіе воинствующихъ со всѣхъ сторонъ (для нападенія) на городъ. Все приготовлено... Вотъ уже наступила тотчасъ ночь, въ которую однимъ должно было убивать, а другимъ самимъ убитымъ быть... Въ 6 часовъ пополудни

¹⁾ Т. е. князь Потемкинъ.

²⁾ Т. е. добровольной.

князь призвалъ меня къ себѣ и приказалъ мнѣ съ соборомъ священниковъ въ церкви истинно-воинствующей всенощное бдѣніе (отслужить), потомъ окропить святою водою тѣхъ, которые намѣрены были идти. Они разошлись по мѣстамъ, каждому назначеннымъ. Послѣ сего князь приказалъ призвать меня опять въ свою палату и приказалъ, почти уже въ полночь, отиѣтъ молебень, который въ самомъ началѣ чиновника положень, и при томъ съ колѣнопреклоненіемъ. Окончивши оный, по приказанію князя, ходилъ я въ полкъ Екатеринославскій, надъ которымъ онъ особеннымъ и начальникомъ называется, для отправленія такого-жъ молебна (и) тамъ.

Отправивши то, что для меня принадлежало, отпустилъ я солдатъ на сраженіе, окропивши святою водою, прося всеусердно отъ Бога помощи нашимъ, а пораженія непріятелю. Когда я помышляю о моей жизни, то сомнѣваюсь, чтобы мои молитвы испросили чтонибудь у Бога, но молитвы другихъ, особливо воинствующихъ, услышаны были Овымъ, въ чемъ насъ самый случай увѣрялъ.

Въ 6 часовъ пополудни начались молитвы утреннія, начался и приступъ къ городу.

Придвинулись солдаты (и) наступили на городъ; со всѣхъ сторонъ раздался крикъ, смѣшанный съ средними выстрѣлами пушекъ и непрерывныхъ ружей; послѣ сего сразились еблизе: турки—саблями, а наши—на штыки; по прошествіи часа съ четвертью между сраженіемъ ослабѣла въ конецъ сила непріятелей, а особливо когда уже съ ихъ стороны убито было 7 тысячъ. Однако же, наши щадили, сколько было возможно, безоружныхъ женщинъ и младенцевъ. Заняли крѣпость, повели плѣнныхъ (и) разграбили имѣніе побѣжденныхъ, ибо права войны позволяютъ побѣдителямъ сіе чинить надъ побѣжденными.

Съ нашей стороны, въ разсужденіи съ числомъ убитыхъ непріятелей, весьма мало убито; впрочемъ, воспоминаеть (сіе) ужасается мой духъ.

Теперь я начну писать о радостивѣшнихъ происшествіяхъ.

Мы проздравили князя со взятіемъ города и одержаніемъ столь славной побѣды; онъ принималъ наши проздравленія съ весьма веселымъ видомъ, побѣду же не себѣ, но Господу силъ и храбрости воиновъ приписывалъ; и мы также проздравлены отъ него взаимно. О, день веселый и торжество ни въ чемъ (съ другими), развѣ со днемъ святыхъ пасхи, равняющееся!

Когда сіе происходило, привели пашу—начальника Очаковского, который нашими же солдатами едва былъ сохраненъ отъ гнѣва нашихъ другихъ солдатъ. Князь порицалъ плѣнника за безразсудное его упорство и за пролитіе столь многа крови своихъ согражданъ. Паша отвѣтствовалъ, что онъ дѣлалъ то, что ему должно было дѣлать: «тебѣ, сказалъ онъ, приказано было взять городъ, а мнѣ оный не давать». Къ сему присовокунилъ еще и то, что нѣкто у него не погибъ, развѣ тотъ, которому судьбою назначено было умереть. Вотъ мужъ храбрый и богословствующій, сколько прилично магометанину!

Я не могу надвинуться снисхожденію князя къ плѣннымъ и истинно отеческому старанію, о пользѣ ихъ пекущемуся: онъ снабждаетъ ихъ пищею и одеждою, какъ людей сродныхъ себѣ.

На другой день послѣ сраженія приказано мнѣ было идти въ російскій Очаковъ выбрать изъ мечетей турецкихъ лучшую для переименія въ православный храмъ.

Взошелъ я въ городъ, наполненный по всѣмъ улицамъ трупами различными и многообразными смертми погибшихъ; вездѣ почти во время моего пути должно было мнѣ переходить черезъ кучи убитыхъ... Но отвратился отъ сего многоужаснаго зрѣлища. Въ городѣ были три знатнѣйшія капища, изъ которыхъ одно ядрами пушечными весьма было повреждено и испроломано, а другое наполнено сугарями; третіе выбралъ я. Прочетши молитвы и окропивши св. водою, поставилъ иконостасъ, престолъ и жертвенникъ. Когда я сіе приутоплялъ, съ коликою душевною радостію наши солдаты, кушцы и маркитанты, которые тутъ были, поднимали колокола со мною, изъ лагера принесенные, ставили крестъ сверхъ луны на капище, звонили и знаменали себя крестомъ, говорили, что звономъ колоколовъ духъ російскій оживотворился: слѣдственно православіе распространяется. По городу самъ князь, въ великомъ провожаніи многихъ знатнѣйшихъ особъ, ходилъ; я вышелъ къ нему на встрѣчу въ провожаніи священниковъ, облеченныхъ въ священныя одежды, поднесъ для цѣлованія образъ Спасителя нашего и хлѣбъ съ солю, по обыкновенію, отъ древнѣйшихъ еще временъ въ Россіи принятому; просдравлялъ побѣдителя сими словами: «благословенъ, грады во имя Господне». Потомъ началась литургія; читалъ евангеліе то, которое обыкновенно читаютъ на заутрени въ день войнъ, яко весьма приличное нашимъ обстоятельствамъ и обыкновенію города. О семъ я вамъ, высокопреосвященнѣйшій, за нужное почелъ увѣдомить въ разсужденіи города Очакова. Вашего высокопреосвященства всегдашній почитатель Моисей. Января 4 числа, 1789 года. Изъ города святыхъ Елисаветы.

Примѣчаніе. Помѣщая на страницахъ уважаемой „Русской Старины“ письмо очевидца о взятіи крѣпости Очакова въ подлинникѣ, такъ какъ нахожу его интереснымъ уже потому, что обстоятельства, сопровождавшія взятіе этой крѣпости, налагаются лицомъ духовнымъ съ своеобразной точки зрѣнія и съ такими подробностями, которыя могли быть не замѣчены очевидцами другаго званія и положенія. Къ сожалѣнію, я не могу сказать — кто былъ Моисей—авторъ этого письма,—и кому изъ тогдашнихъ архіереевъ адресовалъ онъ свое посланіе? Предполагаю, что оно адресовано московскому или петербургскому владыкѣ настоятелю походной церкви вл. Потемина, быть можетъ, состоявшимъ въ санѣ архимандрита. Письмо написано на большомъ листѣ толстой бумаги и весьма старательно, прамыиъ почеркомъ, безъ малѣйшихъ помарокъ.

Сообщ. А. Ш. Мерцаловъ.

Прошеніе крѣгсъ-комиссара Лузина Павлу І.

Уму Умовичу,
 Павлу Петровичу,
 Твой крѣгсъ-комиссарь,
 Лузинъ Иванъ,
 Бьетъ въ барабанъ,
 Трамъ, тамъ, тамъ, тамъ!
 Не по правиламъ фортификаціи,
 Ниже по ситуаціи,
 Но по Божеской власти
 Петербургъ раздѣленъ на части:
 Спрѣчь въ крѣпости комендантъ,
 А въ городѣ друтой,
 Сіе доноситъ тебѣ Лузинъ,
 Яко мужъ не искусенъ,
 Истощая ума своего крошки
 Просить отъ щедротъ твоихъ трошки.

Лузинъ Иванъ.

Примѣчаніе. Курьезное прошеніе это найдено мною въ одной изъ рукописей конца XVIII вѣка.

Сообщ. С. Стерлеговъ.

Крѣпость Новогеоргіевскъ.

Запечные мастера и кнуты.

22-го сентября 1832 г. было предложено министромъ внутреннихъ дѣлъ, Д. Н. Блудовымъ, циркулярно-секретно гражданскимъ губернаторамъ слѣдующее:

— „Въ іюлѣ мѣсцѣ 1832 г. сынъ французскаго маршала князя Екмильскаго, бывъ въ Москвѣ, купилъ тайнымъ образомъ, чрезъ агента своего, у запечнаго мастера два кнута, кои наказываются преступники.

По всеподданнѣйшему докладу о семъ государю императору, его величество высочайше повелѣтъ сонзволить: „впредь ни кнотовъ, ни запечнаго мастера никому не показывать“.

О такомъ высочайшемъ его императорскаго величества повелѣніи было сообщено начальникамъ губерній къ надлежащему исполненію.“

Сообщ. Г. Е. Р.

Примѣчаніе. Не на основаніи ли этого повелѣнія запечные мастера на всю жизнь заперались въ острогахъ?

ОТШЕЛЬНИКЪ ФЕДОРЪ

Отшельникъ Александръ (Теодоръ) въ Сибири.

Въ XI книгѣ «Русской Старины» изд. 1880 г., на стр. 742—744, напечатана замѣтка кн. Н. С. Голицына, подъ названіемъ «Народная легенда объ Александрѣ-отшельникѣ».

Подъ именемъ Александра-отшельника кн. Голицынъ описываетъ неизвѣстную личность, проживавшую въ «одномъ изъ глухихъ мѣстъ» Западной Сибири, пользовавшуюся большою популярностью между простымъ народомъ, считавшимъ этого отшельника за нѣчто въ родѣ святаго и вѣровавшаго, что онъ — происходитъ изъ царскаго рода. Последнее возникло потому, — какъ сообщаетъ кн. Голицынъ, — что неизвѣстный имѣлъ большое сходство съ императоромъ Александромъ I, за котораго, будто, многие и принимали его.

Хотя въ замѣткѣ кн. Н. С. Голицына точно не обозначена мѣстность, гдѣ проживалъ этотъ отшельникъ, но такъ какъ въ рассказѣ упомянуто, что это было—въ Западной Сибири, въ 1860-хъ годахъ, — то я и предполагаю, что кн. Голицынъ говоритъ о томъ отшельникѣ, который жилъ неподалеку отъ Томска и умеръ гдѣтъ семнадцать тому назадъ. Да и другихъ отшельниковъ, которые бы пользовались большою извѣстностью и о которыхъ бы ходила молва, что они, будто, изъ царскаго рода,—въ нынѣшнемъ столѣтіи ни въ Восточной, ни въ Западной Сибири—не существовало.

Поэтому я считаю не безынтереснымъ сообщить извѣстныя мнѣ подробности объ «Александрѣ-отшельникѣ», какъ его называетъ кн. Н. С. Голицынъ, не вошедшія въ замѣтку послѣдняго; тѣмъ болѣе что этотъ отшельникъ, дѣйствительно, загадочная и странная личность...

Вблизи Томска, въ 4—5 верстахъ, есть заимка (такъ въ Сибири называются хутора, загородныя дачи, — вообще, небольшое пространство земли съ домомъ, пашней и т. п.), принадлежащая томскому купцу Семену Теофановичу Хромову, почтенному старцу, помнѣи 1881 г. здравствующему.

На этой-то заимкѣ, въ убогой маленькой келіи, проживалъ въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ какой-то неизвѣстный мужчина, котораго знали подъ именемъ «отца Теодора» (а не Александра). Явился онъ на заимку Хромова уже очень пожилымъ человѣкомъ. Какъ онъ попалъ именно къ г. Хромову, и когда тотъ построилъ для него келію на заимкѣ—миѣ неизвѣстно. Только про этого старца сначала говорили, что онъ—бѣглый ссыльно-каторжный и ходили слухи, что купцу Хромову стоило не мало денегъ, чтобы оградить принятаго имъ къ себѣ старца отъ притѣсненій со стороны полицейскихъ и иныхъ властей.

Въ прежніе годы въ Сибири деньги были—всесильнымъ орудіемъ и помощью ихъ можно было заставить власть имущихъ смотрѣть на многое сквозь пальцы. Благодаря щедрости Хромова, — старца не тревожили.

Этотъ отшельникъ, какъ я уже говорилъ, былъ старикъ—высокаго роста, худощавый, съ правильными чертами лица и большой бородой; вообще, наружность имѣлъ величественную.

Замѣчательный даръ слова, которымъ онъ, по словамъ знавшихъ его, обладалъ, знаніе иностранныхъ языковъ и, въ то-же время, отшельнической образъ жизни, при стараніи въ разговорѣ избѣгать разсказовъ о себѣ, а порою—и намеки о своемъ высокомъ происхожденіи, которые онъ позволялъ себѣ въ присутствіи иныхъ изъ посѣщавшихъ его, — все дѣлало изъ него странную, загадочную личность, и люди малообразованные, какими являлись большинство посѣщавшихъ его, невольно поддавались обаянію его и дѣлались его усердными почитателями.

Говорятъ, что нѣкоторымъ изъ посѣщавшихъ его, которымъ онъ особенно довѣрялъ и которые пользовались его расположеніемъ, неизвѣстный старецъ, подъ строжайшею тайною — взявъ съ нихъ предварительно клятву въ молчаніи — сообщалъ, кто онъ. Только молва, существовавшая между сибиряками объ этомъ таинственномъ отшельникѣ, не признавала его за покойнаго императора Александра I, а самъ старецъ по намекамъ, дѣлаемымъ имъ, впрочемъ, очень не многимъ изъ его почитателей, давалъ понять, что онъ или императоръ Петръ III, или цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Простой народъ и даже многіе изъ купцовъ ходили и ѣздили на поклоненіе къ этому старцу, пользовавшемуся славой исцѣлителя болѣзней и слышаго, за его, дѣйствительно, строго иноческаго образъ жизни, за угоднаго Богу человѣка.

Про даръ провидѣнія, которымъ, будто - бы, обладалъ старецъ, ходили въ Томскѣ разсказы еще при жизни его. Такъ, разсказываютъ:

разъ зимою у отца Феодора вышли на займѣ дрова. Онъ послалъ къ купцу Хромову (жившему въ самомъ Томскѣ) одного изъ рабочихъ, бывшихъ на займѣ, просить о присылкѣ ему дровъ (вѣсія его составляла особый маленькій домикъ). Хромовъ сказалъ посланному старцу, что дрова тотчасъ будутъ доставлены, и въ то-же время приказалъ одному изъ своихъ служащихъ наложить дровъ и отвезти старцу.

Тому служащему, которому дано было это порученіе, почему-то не хотѣлось ѣхать на займку, и онъ, накладывая дрова на дровни, въ досадѣ нѣсколько разъ выругался, обозвавъ притомъ заочно и старца, къ которому, волей неволей, надо было везти дрова, неприличными словами.

Когда, затѣмъ, дрова были этимъ служащимъ доставлены старцу, — послѣдній сказалъ:

— Спасибо! но дровъ теперъ мнѣ не нужно.

— Какъ не нужно! да вы-же сами просили прислать ихъ?—замѣтилъ привезшій дрова служитель.

— Отъ тебя дровъ не возьму!—отвѣчалъ старецъ.—Ты съ некою везъ ихъ мнѣ. Употреблялъ ругательства, когда накладывалъ дрова, да и меня при этомъ обругалъ ни за что, ни про что худыми словами.

И — старецъ передалъ изумленному служителю дословно все то, что онъ говорилъ въ Томскѣ передъ отъѣздомъ къ нему.

Сознавая свою вину, служитель палъ на колѣни и испросилъ у старца прощеніе.

Отецъ Феодоръ — какъ передаютъ знавшіе его — отлично зналъ русскую исторію и въ разговорахъ (которыми онъ удостоивалъ, повторяю, очень немногихъ, избранныхъ и излюбленныхъ имъ, будучи съ большинствомъ посѣтителей немногословенъ, а иныхъ — и вовсе, подъ предлогомъ нездоровья, не принимая къ себѣ) онъ обнаруживалъ большое знаніе вышшаго петербургскаго свѣта и закулисныхъ дворцовыхъ происшествій конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія.

Онъ умеръ въ глубокой старости — болѣе ста лѣтъ отъ роду.

Передъ смертю — гласитъ легенда — онъ написалъ кому-то изъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургъ письмо, которое, будто, было имъ вручено одному изъ его почитателей, съ тѣмъ, что, когда онъ умретъ, письмо-бы было доставлено по назначенію.

Старецъ никакъ не соглашался, не смотря на всѣ просьбы его почитателей, снять съ себя портретъ, но почитателямъ его удалось, какъ-то, перекадрить его: съ него снята была фотографическая

карточка. Мнѣ удалось получить съ нея копію. Отецъ Θεодоръ (называемъ его такъ, какъ всё звали при жизни) изображёнъ на ней во весь ростъ— въ ивиатюрѣ, стоящимъ въ своей кельѣ. Одѣтъ онъ (какъ и описываетъ кн. Голицынъ) въ длинную, спускающуюся ниже колѣнъ, рубашку русскаго покроя; подвязанъ поясомъ; одна рука покоится на груди, другая заткнута за поясъ. Въ кельѣ — незамѣтно никакой мебели, кромѣ небольшого шкапчика, на которомъ поставлена икона Божіей Матери. Въ одномъ углу кельи видѣется — распятіе. На ногахъ у старца башмаки, изъ подъ которыхъ видѣются бѣлые носки.

Портретъ о. Θεодора прилагается къ настоящей книгѣ «Русской Старины».

Келія, которую занималъ этотъ загадочный старецъ, сохранилась до сихъ поръ (1881 г.).

Отецъ Θεодоръ похороненъ въ Томскѣ, въ оградѣ Алексѣевскаго монастыря. На его могилѣ—плита, на которой, говорятъ, существуетъ какая-то странная надпись, которую мнѣ разсмотрѣть не пришлось.

Когда лица, мало знакомыя съ отцемъ Θεодоромъ, обращались къ нему и спрашивали, кто онъ такой,—то онъ, обыкновенно, отвѣчалъ:

— Запоматоваль, — давно уже это было!

Во всякомъ случаѣ, личность Θεодора замѣчательна, такъ какъ онъ является едва-ли ни послѣднимъ изъ самозванцевъ на Руси, выдававшихъ себя за лицъ царскаго рода.

В. Долгоругой.

Томскъ.
11-го февраля 1881 г.

Петръ Чаадаевъ.

1836 г.

Отъ находящагося въ Московской губерніи корпуса жандармовъ подполковника Бѣгичева. № 221. 13 ноября 1836 года. Москва. Донесеніе на предписаніе за № 85-мъ о связяхъ и знакомствѣ отставнаго ротмистра Петра Чаадаева.

Секретно.

Во исполненіе предписанія вашего превосходительства отъ 5 сего ноября за № 85 о дознаніи подъ рукою съ кѣмъ наиболѣе отставной ротмистръ Петръ Чаадаевъ имѣетъ связи и знакомства, и въ чемъ заключаются бесѣды его съ знакомыми?—честь имѣю донести вашему превосходительству, что по развѣданіямъ моимъ г. Чаадаевъ имѣетъ здѣсь весьма обширный кругъ знакомства, и какъ его посѣщаютъ многіе, равно онъ и самъ ѣздитъ къ разнымъ лицамъ;—но замѣчаютъ, что онъ ближе прочихъ знакомъ съ отставнымъ генераль-маіоромъ Орловымъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ, княгинею Мещерскою, сихъ послѣднихъ двухъ особъ имѣются у него портреты, изъ коихъ Тургенева съ надписью внизу: «безъ боязни обличаху», — находится въ числѣ взятыхъ у Чаадаева бумагъ его; съ отставнымъ генераль-маіоромъ княземъ Гагаринымъ, и секретаремъ ученыхъ обществъ Масловымъ. Въ чемъ же заключаются бесѣды г. Чаадаева съ знакомыми, того достовѣрно никто не знаетъ, но по ученымъ его занятіямъ, полагать можно, что и разговоры съ означенными лицами относятся до предметовъ ученыхъ.

Подполковникъ Бѣгичевъ.

Начальнику 2 округа корпуса жандармовъ, господину генераль-маіору и кавалеру Перфильеву.

Гавріилъ Степановичъ Батенковъ.

На страницѣ 642-й ювьевской книги „Русск. Ст.“ изд. 1887 г. г. Янъ сообщаетъ нѣсколько данныхъ о Гавріилѣ Степановичѣ Батенковѣ — „Къ матеріаламъ для его биографіи“, свидѣнія о которой мы находимъ у С. В. Максимова, въ III части его извѣстнаго сочиненія: „Сибирь и каторга“ (примѣч. къ стр. 259, изд. 1871 г.), а также въ журналѣ „Русскій Архивъ“ за 1881 г., гдѣ помѣщены: Записки Г. С. Батенкова „Данныя—повѣсть собственной жизни“ (т. II, 2, стр. 251—276), съ указаніемъ преимущественно на дѣтскіе годы, и „Разсказы о Г. С. Батенковѣ“, записанные въ семействѣ, связанномъ съ нимъ тѣсною, долголѣтнею дружбою (т. III, 2, стр. 436—441). Въ небольшую замѣтку г. Яна вкрались, сверхъ того, нѣкоторыя ошибки, которыя мы считаемъ долгомъ поправить, въ виду интереса личности Батенкова.

Прежде всего въ сообщеніи г. Яна замѣчаются ошибки въ правописаніи собственныхъ именъ. Такъ, рѣчка въ Томскѣ, черезъ которую Батенковъ соорудилъ мостъ, существующій еще понынѣ, превосходящій крѣпостью и устойчивостью другой, болѣе новый, мостъ, который неоднократно уже, кажется, подымало во время весенняго половодья, и напоминающій старожиламъ-томичамъ о ихъ знаменитомъ землякѣ, Гавріилѣ Степановичѣ, рѣчка эта носитъ названіе не „Умайны“, какъ пишетъ г. Янъ, а „Ушайки“, какъ легко убѣдиться, взявъ любое описаніе г. Томска, хотя-бы изданіе Хоз. департ. минист. внутр. дѣлъ „Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири“ (Спб. 1882 г., стр. 161). Далѣе, извѣстный всей Западной Сибири владѣлецъ богатыхъ золотыхъ приисковъ—есть Асташевъ, а не Осташевъ. Наконецъ, упоминаемаго г. Яномъ Лучшева авторъ „Разсказовъ о Батенковѣ“, лицо, очевидно болѣе знакомое съ послѣднимъ, чѣмъ Ал. Степ. Поповъ, со словъ котораго г. Янъ записалъ свои матеріалы, называетъ Лутчевымъ.

Помимо этихъ ошибокъ въ замѣткѣ г. Яна, мы усматриваемъ слѣдующія неточности. Батенковъ не „остался въ Томскѣ инженеромъ“ послѣ Сперанскаго и тогда выстроилъ мостъ, какъ можно понять изъ словъ г. Яна, а уѣхалъ въ Россію вмѣстѣ со Сперанскимъ, что можно заключить изъ „Разсказовъ“, гдѣ исторія постройки моста сообщена довольно подробно.

Хотя Максимовъ ¹⁾ также говоритъ, что отъ Батенкова, „завишагося въ Томскѣ съ именемъ секретнаго, всѣ сторонились, и никто не хотѣлъ пускать его на квартиру“, однако такой отзывъ врядъ-ли можно примѣнить къ И. Д. Асташеву, какъ дѣлаетъ г. Янъ, такъ какъ покойный Асташевъ, какъ мы слышали отъ лично знавшихъ его, отзывался о Батенковѣ всегда съ большимъ уваженіемъ. Объ „Альбиносѣ“ мы находимъ подробныя указанія у Максимова; надо замѣтить также, что и въ Сибири (въ Тобольскѣ) первое время этотъ гостинщикъ показывался за деньги.

Прибавимъ еще и то обстоятельство, о которомъ мы не нашли указаній въ упомянутой выше литературѣ и о которомъ слышали отъ своихъ родственниковъ, проводшихъ долгое время въ Сибири, что проживая въ Томскѣ, послѣ возвращенія на родину изъ Петропавловской крѣпости, Гавриилъ Степановичъ весьма часто и охотно бывалъ и вращался въ семействѣ Кобылиныхъ, въ которомъ былъ дружески принятъ, какъ старый—еще во время службы въ Томскѣ—хорошій знакомый.

Въ заключеніе позволимъ себѣ выразить желаніе, что было-бы весьма нелишнимъ и интереснымъ, если-бы кто-либо изъ старожиловъ сибиряковъ подѣлился съ публикой своими воспоминаніями или сѣдѣніями о жизни и личности Г. С. Батенкова.

К. М. С. В.

Примѣчаніе. Желаніе это будетъ со временемъ исполнено, такъ какъ въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“ имѣется множество интересныхъ матеріаловъ къ біографіи Г. С. Батенкова и въ особенности за время его пребыванія въ ссылкѣ, въ Сибири.

Ред.

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что почтенный Сергій Васильевичъ, вѣроятно по ошибкѣ, въ двухъ мѣстахъ Батенкова величаетъ «Семеновичемъ», а не «Степановичемъ», какъ-бы слѣдовало.

В.

Николай Михайловичъ Языковъ

1830 г.

Ея свѣтлости,

главноуправляющей отдѣленіемъ народнаго продовольствія по части чайныхъ
обстоятельствъ,

отъ благодарныхъ членовъ Троицко-Сергіевской экспедиціи.

Въ тѣ дни, какъ путь богоугодной
Отъ мѣста, гдѣ теперь стоимъ,
Мы совершали пѣшеходно
Къ мѣстамъ и славнымъ и святымъ;
Въ тѣ дни, какъ сладостнаго мая
Любезно-свѣжая пора,
Тиха отъ утра до утра,
Сила намъ, благословляя
Нашъ подвигъ вѣры и добра,
И въ тѣ часы, какъ дождь холодной
Невасте намъ предвозвѣстилъ,
И трудъ нашъ мило-пѣшеходной
Вздою тряской замѣнилъ;
Тамъ, гдѣ рука императрицы,
Которой нѣма въ родъ и родъ
Сей бѣлокаменной столицы
Какъ драгоцѣнность перейдетъ,
Своею властію державной
Соорудила православно
Живымъ струямъ водопроводъ;
Потомъ въ селѣ, на брегѣ Учи,
Тамъ, гдѣ въ досадномъ холодѣ,
При входѣ въ избу на доскѣ,
Въ шинели, въ бѣломъ колпакѣ,
Лежалъ дрожащій и дремучій

Историкъ нашего пути,—
 Его жестоко утомили
 Часы хожденья и усилій,
 И скучный страхъ впередъ идти;
 Потомъ, въ избѣ деревни Талиць,
 Гдѣ идетъ хладъ со всѣхъ сторонъ,
 Гдѣ въ ночь усталый постоялецъ
 Дрожать и жаться принужденъ;
 Потомъ въ мѣстахъ, гдѣ казнь плаха
 Смирляла пламенныхъ стрѣльцовъ,
 Гдѣ не нашли-бъ мы и слѣдовъ
 Ихъ достопамятнаго праха;
 Тамъ, гдѣ полудня въ знойный часъ,
 Уныль и жаждущій подушки
 На улицѣ одинъ взъ насъ
 Лежалъ—подъ нимъ лежали стружки!
 Потомъ, въ виду святыхъ воротъ,
 Бовницъ, соборовъ, колоколенъ,
 Тамъ, гдѣ не даромъ богомоленъ
 Христолюбивый нашъ народъ;
 Обрато, въ день дождя и скуки,
 Когда мы съѣхалися въ домъ
 Жены, которой бѣли руки
 Играли будущимъ царемъ,—
 Всегда и всюду благосклонно
 Вы чаемъ угощали насъ.
 Вы прогоняли омракъ сонный
 Отъ нашихъ думъ, отъ нашихъ глазъ.
 Итакъ, да знаменье оставимъ
 На память будущимъ вѣкамъ,
 И свой великій долгъ исправимъ
 Святой признательности къ вамъ.
 Мы всѣ съ поклономъ вамъ подносимъ
 И купно молимъ васъ и просимъ
 Принять съ улыбкою нашъ даръ,
 Лишь съ виду малый и убогій,
 Какъ принимаютъ наши боги
 Кадиль благоговѣйный паръ.

Постельничій и походный вершенписецъ Н. Языковъ

Изъ собранія автографовъ

В. Н. Поливанова (1885).

Москва, у Красныхъ воротъ.

Мая 11-го дня, 1830 года.

О сообщеніи матеріаловъ для изданія сочиненій Полежаева.

Въ ряду второстепенныхъ поэтовъ Пушкинской эпохи бесспорно одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Полежаеву по силѣ его таланта, къ сожалѣнію, остановленнаго въ самомъ началѣ развитія крайне неблагоприятными для поэта обстоятельствами.

Благодаря именно этимъ же обстоятельствамъ, стихотворенія Полежаева въ свое время очень рѣдко появлялись на страницахъ тогдашнихъ журналовъ, а почти исключительно попадали, за ничтожный авторскій гонораръ, въ руки спекулянтовъ-издатей московскаго толкачаго рынка и печатались ими въ безобразнѣйшихъ сборникахъ съ затѣйливыми именами, чуть-ли не на оберточной бумагѣ, безъ всякаго порядка, и со множествомъ ошибокъ, опечатокъ и пропусковъ, къ которымъ тогдашняя цензура присоединяла еще значительную долю своихъ.

За исключеніемъ этихъ сборниковъ появилось и очень хорошее изданіе въ 1857 г., но, къ сожалѣнію, оно не представляетъ надлежащей полноты, заключаая въ себѣ только избранныя стихотворенія.

Предположивъ нынѣ сдѣлать возможно полное и порядочное изданіе сочиненій Полежаева и подготовивъ его по имѣющимся у меня матеріаламъ, я сверхъ того обращался ко многимъ лицамъ, у которыхъ могъ предполагать рукописи поэта или матеріалы для его біографіи. Къ сожалѣнію, однако, я никакъ не могъ дознаться: гдѣ находятся теперь рукописи Полежаева, которыя другъ его, А. П. Лазовскій, уже давно умершій, сообщалъ въ свое время Кетчеру для изданія 1857 г. и которыми я тогда могъ воспользоваться только въ очень незначительной мѣрѣ.

Остановивъ повтому печатаніе своего изданія до начала октября мѣсяца, обращаюсь съ покорнѣйшей просьбой къ лицамъ, владѣющимъ рукописями, принадлежащими А. П. Лазовскому, сообщать мнѣ ихъ на короткое время или прислать копіи, а также прошу и всѣхъ

лицъ, у которыхъ имѣются какія либо исправленія и дополненія къ стихотвореніямъ Полежаева или матерьялы для его біографіи, не оставятъ меня своими благосклонными сообщеніями, такъ какъ только при такомъ общемъ содѣйствіи и общей помощи можно надѣяться на возстановленіе и пополненіе текста и самой біографіи поэта, искаженныхъ прежними издателями и біографами.

Мой адресъ: Петру Александровичу Ефремову, въ С.-Петербургѣ, по Лыговкѣ, № 25.

П. А. Ефремовъ.

Примѣчаніе. Исполняя желаніе П. А. Ефремова, съ удовольствіемъ перепечатываемъ приведенное выше заявленіе его, появившееся въ газетахъ.

Просимъ многочисленныхъ читателей „Русской Старинѣ“ — не отказать въ сообщеніи почтенному нашему біографу всего, что можетъ послужить для предпринятаго имъ изданія сочиненій Полежаева, каковое изданіе, безъ сомнѣнія, будетъ исполнено также обстоятельно и исполнѣ хорошо, какъ изданы подъ редакцію П. А. Ефремова собранія сочиненій многихъ русскихъ славныхъ писателей.

Р е д.

Портретъ Фигнера.

Считаемъ необходимымъ замѣтить, что портретъ партизана Фигнера, — приложенный къ „Русской Старинѣ“ изд. 1887 г., августъ, — исполненъ съ весьма рѣдкаго экземпляра, имѣющагося въ громадномъ и драгоценномъ собраніи портретовъ русскихъ людей, принадлежащемъ Петру Александровичу Ефремову и постоянно имъ пополняемомъ. Другой экземпляръ того же портрета мы видѣли на стѣнѣ дворянскаго клуба въ г. Псковѣ, въ читальной комнатѣ, гдѣ онъ издавна виситъ какъ изображеніе знаменитаго исковича.

М. С.

Солдатская пѣсня

1812 г.

Вы солдатушки—уланн,
 Ваши лошади буланн;
 Гдѣ вы были, побывали?
 Мы подъ городомъ стояли,
 Подъ Можайскъ воевали.
 Мы Москвою проѣзжали,
 Во слободку заѣзжали.
 Во слободкѣ одинъ дворникъ,
 Одинъ дворникъ и тотъ вдовій.
 Ко вдовѣ мы заѣзжали,
 Почевать у ней просились:
 Пусть, вдова, почевати,
 Почевать насъ, постояти,
 Насъ солдатушекъ немного:
 Полторасть—все на коняхъ,
 Полтретьяста—пѣшеходовъ.
 Намъ вдовушка отвѣчала,
 Почевать насъ не пускала:
 У меня дворникъ маленекъ,
 Нова горенка тѣсененька.
 Мы солдатушки смѣленьки:
 Во дворъ силой ворвались,
 Во набушку взобралися
 И посѣли всѣ по лавкамъ,
 Всѣ по лавкамъ, по порядку.
 А большой гость впереди сѣлъ,
 Впереди сѣлъ, подъ окошкомъ;
 А вдова стоитъ у печки,
 Поджавши ручки къ сердечку.
 Какъ большой гость слово молвить,
 Слово молвить, рѣчь говорить:
 Ты давно-ль, вдова, вдовѣешь?

А много ли сиротѣшь?
Я вдовѣю гдѣтъ пятнадцать,
Сиротѣю съ годомъ двадцать,
Подойди, вдова, по-ближе,
Поклонись гостямъ пониже,
И сними съ меня ты шляпу,
Шляпу мою пуховую,
Пуховую—полковую.
Что не въ ней-ли полотенецъ,
Не твое ли рукодѣлье?
Въ полотенецѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенецъ,
То не нашъ ли обручальный?
Какъ пошла вдова по снѣгамъ,
Будить вдова милыхъ дѣтокъ:
Вы вставайте, милы дѣтки,
Что прѣехалъ вашъ родитель,
Вашъ родитель, мой сожитель.
Не ходи, вдова, по снѣгамъ,
Не буди ты милыхъ дѣтокъ;
Мнѣ не вѣкъ здѣсь вѣковати,
Только ночку ночевати.

Эту пѣсню я часто слышала отъ своей няни въ 1840-хъ годахъ. Мы жили тогда во Владимірской губерніи. Отецъ моей няни былъ солдатъ.

Собщ. Л. В. Киселева.

Москва.

Александра-Фленушка.

Одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа П. И. Мельникова: „Въ гѣсахъ“.

Нѣсколько гѣтъ тому назадъ, читая „Въ гѣсахъ“ Печерскаго (Мельникова), я совершенно случайно спросила бабушку мою (рожд. Жедринскую), почтенную старицу (въ настоящее время ей 88-й годъ), что такъ какъ она нижегородка, то слыхала-ли что-либо о тѣхъ скитахъ, которыя такъ прекрасно описаны г. Печерскимъ? И что-же оказывается, что бабушка моя не только что слыхала, но даже знала м. Манею (подлин. имя) и не разъ бывала въ гостяхъ у нея съ своимъ отцемъ, который раньше служилъ въ военной службѣ при государѣ императорѣ Павлѣ Петровичѣ, въ Петербургѣ, а потомъ былъ семеновскимъ предводителемъ дворянства.

Судьба Александры-Фленушки (имя Фленушка вымышленное) очень печальна.

Бабушкѣ моей хотя и 88-й годъ, но она не утратила ни своей прекрасной памяти, ни своего честнаго и правдиваго ума.

Вотъ что она мнѣ рассказала о трагической смерти Александра. Послѣ Манеи, Александра заступила ея мѣсто.

Равъ является къ ней Самоквасовъ (дѣйствующее лицо въ рассказѣ Печерскаго). Уходя отъ игуменни, Самоквасовъ говоритъ ей послушницѣ: „матушка не приказала беспокоить ее!“

Проходитъ часъ — другой, наконецъ, послушница терять терпѣнiе, начинаетъ беспокоиться и идетъ къ сестрамъ сообщить имъ свою тревогу. Монахини идутъ къ игуменѣ, подходятъ къ ея двери и видятъ, что дверь келiи сваружи заперта. Онѣ окликаютъ матушку, но отвѣта нѣтъ. Тогда, видя что-то неладное, отпираютъ дверь, и глазамъ ихъ представляется ужасная картина: несчастная Александра, привязанная косою къ самоварному крану совсѣмъ ошпаренная, была уже мертвая. Такъ какъ въ тѣ времена скиты (раскольническiе) сильно преслѣдовались, то за молчанiе, кому слѣдовало, раскольниками было преподнесено „рѣшето жемчуга“.

Сообщ. К. И. Коваленкова.

Сергиевскiй Посадъ.

Замѣтки В. И. Дала на «Хрестовый календарь».

1. Я бы назвалъ его принятымъ въ народѣ именемъ мѣсяцеслова.
 2. Наборъ я бы постарался устроить покрупнѣе—хотя, конечно, убористая печать необходима.
 3. Врѣссы пророчества, уличаемыя день за-день въ пустословіи, я бы выкинулъ; нашъ народъ не требуетъ этихъ предсказаній, необходимыхъ нѣмцамъ и полякамъ, а они вводятъ въ ошибки. Народныя же прирѣты, изъ коихъ многія оказываются вѣрными, я бы старался съ году на годъ расширять, собирая ихъ со всѣхъ концовъ.
 4. Если бы предполагалось увеличить объемъ календаря, то я бы ежегодно помѣщалъ дюжину краткихъ и ясныхъ бесѣдъ, проповѣдей, толкованій на изреченія евангельскія. Это крайне охотно читается, если писано не по семинарски.
 5. Ежегодно могло бы быть прилагаемо и по статьѣ, разъясняющей какой либо общій, занимательный предметъ, наприм., о подлинныхъ отношеніяхъ къ намъ западныхъ губерній и самой Польши; о всѣхъ славянскихъ народахъ и нарѣчійхъ или языкахъ ихъ; разъясненіе всей общности нынѣшняго земскаго управленія, которое, при единодушномъ, дружномъ направленіи всѣхъ сословій, даетъ имъ власть и средства устроить бытъ свой; жизнь людей, вышедшихъ своими силами, на нашигъ глазахъ, въ высшіе дѣятели, какъ Скобелевъ, Евдокимовъ и проч. Подобныя статьи и ежегодное ожиданіе новыхъ, хорошо и по-русски написанныхъ, сильно увеличило бы спросъ на календарь, и ввело бы его въ обиходъ.
 6. Можно бы прибавить и противъ дней и недѣль всѣ народныя ихъ названія, даже народныя названія мѣсяцевъ, кои есть, отчасти, въ календарѣ моихъ пословицъ.
- Для всѣхъ прибавокъ этихъ, кажется, пришлось бы отдать подъ каждый мѣсяцъ по страницѣ.

Врачебная помощь.

Въ холерѣ лучшая охрана сѣра, наружно: толченую сѣру или сѣрный цвѣтъ носить всегда при себѣ, насыпая щепотью въ обувь. Нашатырь же не помогаетъ, а вредитъ.

«Вливай въ ротъ (утопленника) по нѣскольку капель нашатырнаго спирта»—я бы выпустилъ: въ суматохѣ зальютъ и задуютъ этимъ обмершаго.

Совѣтъ обратиться къ доктору, для спасенія замерзшаго, не давая при томъ никакого совѣта для помощи, бѣдновать; какъ же не велѣтъ растирать его снѣгомъ, въ нежаркой избѣ, на полу, гдѣ довольно холодно. Тутъ ждать доктора некогда.

Закапываемая или засыпанная землею пораженнаго молніею (способъ хорошій, мною испытанный), надо быть весьма осторожнымъ, чтобы не задавить его землею—никакъ нельзя насыпать на него земли болѣе вершка. Конать могилы не нужно, а на мѣстѣ подсыпать ему земли въ головы и легонько обвалить все тѣло землею или грязью.

«Угорѣвшаго вынести на свѣжій воздухъ»—и въ 30 градусовъ морозу?

При ушибѣ свинцовая вода никуда не годится; бодяга хороша, но надо остерегаться, она всю кожу сдеретъ. А главное и самое превосходное средство не названо: прикладывать весьма жидкій настой арники, или аптечнаго настою по чайной ложкѣ на стаканъ холодной воды. Противъ этого средства нѣтъ другого, равнаго ему.

Объ ознобахъ, столь частыхъ, не сказано ни слова. На это есть всякому сподручное средство, если имъ во время запасешься: настоемъ водки на жгучей крапивѣ; его надо прикладывать, покалѣ ознобъ не заглохнетъ, тогда полно. Разумѣется и ознобу надо сперва дать отойти исподволь, растирая снѣгомъ, но не на морозѣ, а въ теплѣ.

Кровь носомъ: лягъ навзничъ, а руки закинь выше головы.

Вообще, во всѣхъ кровоточеніяхъ нѣтъ ничего лучше хорошаго знахаря, въ зубной боли также; но какъ говорить въ просвѣщенный XIX вѣкъ о заговорахъ!! Мы такъ умны стали, что и въ Бога не вѣруемъ, не только въ заговоры. А знахарь, и самъ того не вѣдая, дѣйствуетъ таинственно для насъ силою природы, которой ученые наши сочли необходимымъ дать и самое ученое названіе магнетизма, хотя оно также ничего не объясняетъ. Но это въ календарь не идетъ.

При ожогѣ, но только въ самомъ началѣ, крапивный настой изъ лучшихъ средствъ, а затѣмъ хлопчатка, или посыпка мукой, которая спекается коркой и покрываетъ больное мѣсто.

Въ сибирской язвѣ надо вытравить, чѣмъ бы то ни было, самую болячку. Росной ладонъ плохое средство; разрѣжь болячку накрестъ и прикладывай: нашатырь съ табакомъ, уксусъ съ солью, или немого толченаго купоросу, или полщеноти негашеной извести и проч.

Надо сильно остерегать крестьянъ отъ вошедшаго въ обычай леченія суемой въ водкѣ и окуркой киноварью. Цѣльныя деревни страдаютъ этой отравой. Ртуть, во всякомъ видѣ, ядъ; врачи отравляютъ ею день за день людей, не видя, что они дѣлаютъ, потому что пошлѣшаны на кичливой раціональности, а въ рукахъ не врача ртутныя снадобья—адское, предательское средство, на гибель цѣлымъ поколѣніямъ.

В. И. Даль.

Сообщ. А. А. Гатцукъ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ДОБРОЛЮВОВЪ.

Посланіе къ С. П. Галахову.

Примѣры заразительны ¹⁾
 Твердятъ намъ все не впрокъ,
 И вашъ превосходительный
 Примѣръ меня увлекъ.
 Стихами безтолковыми
 Хочу вамъ описать
 Какъ трудностями новыми
 Судьба меня опять
 Преслѣдуетъ несчастнаго,
 На цѣлые два дня
 Сообщества прекраснаго
 Лишая вновь меня.
 Терплю я испытаніе
 Въ лицѣ моихъ друзей...
 Но вотъ вамъ описаніе
 Исторіи моей.
 Въ числѣ моихъ пріятелей
 Полякъ одинъ здѣсь былъ,
 Чуть въ секту зажигаемой
 Онъ не записанъ былъ,
 За то, что злыхъ зарядами
 Билъ глупыхъ на повалъ,
 И прямо казнокрадами
 ругалъ;
 За то, что справедливости
 И честности хотѣлъ,
 Шелъ противъ всякой мерзости,
 Безчестья не терпѣлъ.
 Онъ нашъ педагогическій
 Оставилъ институтъ,
 За то, что нашъ классическій
 Директоръ слишкомъ крутъ,

¹⁾ За нѣсколько дней до этого посланія мы въ шутку играли въ рюми.
 Г.

Морить насъ тяжкимъ голодомъ,
 Что рубища намъ шьеть
 И будто-бъ тяжкимъ молотомъ
 Намъ голову куеть.

Но на смѣхъ душамъ пламеннымъ
 На Невскомъ иль въ Морской,
 На Выборгской, на Каменномъ,
 Все тотъ же родъ людской.

. учреждениямъ
 Кому-жь у насъ служить
 Когда не упражненіемъ
 Начальникамъ служить
 Въ домашней экономіи.
 Такъ нашъ и П—нъ,
 На зло всей гастрономіи,
 Набилъ себѣ карманъ
 И вывелъ изъ терпѣнія
 Голодныхъ лекарей,
 И вотъ, въ ожесточеніи
 Противъ судьбы своей,
 Отправили Поржницкаго
 Къ N. N. они опять,
 Чтобы низкаго
 Грѣшки изобличать.
 И вотъ они представились
 Передъ лицо N. N.,
 Черезъ мѣсяцъ же отправились
 Они всѣ въ фельдшера.
 Ихъ чудная исторія
 Извѣстна вѣрно вамъ.
 И вамъ, крушась отъ горя, я
 Ее не передамъ.
 Изъ всей ихъ аттестаціи
 Могу сказать одно,

Прощеніе имъ дано,

А чтобъ отъ нихъ избавиться
 Онъ далъ имъ свой декретъ,

Чтобы въ Казань отправиться
 Имъ въ университетъ.
 На дняхъ же собираются
 Друзья мои туда,
 Быть можетъ распрощаемся
 Мы съ ними навсегда.
 Разлуку чтобъ печальную
 Немного усладить,
 Мы предъ дорогой дальнею
 Рѣшились вмѣстѣ быть,
 И даже я ужасную
 Имъ жертву приношу,
 Когда сию несчастную
 Галиматью пишу!
 Но что же дѣлать — дружество
 Царить въ душѣ моей,
 Во мнѣ не станетъ мужества
 Бѣжать моихъ друзей,
 Хотя-бъ и веселѣе васъ
 Было увидать
 Варварѣ Алексѣевнѣ
 Прошу васъ передать
 Глубокое почтеніе.
 Супругѣ вашей то-жъ.
 У нихъ ужъ и прощенія
 Боюсь просить я,—дрожа
 Пройметъ меня отъ мысли взбалмочной,
 Что я ихъ обмануль
 И вмѣсто Шестилавочной
 Вдругъ къ Выборгской махнуль.
 На ваше покровительство
 Надѣюсь только я —
 Гнѣвъ ихъ превосходительства
 Смягчите для меня.
 И въ счастья, и въ несчастія
 Вамъ преданный душой,
 Я быть имѣю счастье
 Покорнѣйшимъ слугою —

Н. А. Добролюбовъ.

Сообщ. А. Галаховъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ КРЕСТЬЯНИНА-ПОЭТА

С. Д. ДРОЖЖИНА ¹⁾.

1.

Я цвѣла и красовалася
 Словно ландышъ полевой,
 И отъ молодежь скрывалась
 Подъ шелковою фатой.
 У меня-ли брови черныя,
 Съ поволокою глаза,
 У меня-ли груди полныя,
 И широкая коса...
 Подошла пора, приспѣлося
 Время дѣвницъ любить,
 И безъ друга не хотѣлося
 Мнѣ одной на свѣтѣ жить.
 Его рѣчи полюбовныя
 Вдругъ запали въ мою грудь,
 И порою въ ночи темныя
 Не давали мнѣ заснуть.
 За весной весна смѣнялася,
 Вала травушка въ поляхъ,
 Скоро съ милымъ я разсталася,
 Молодѣшенька въ слезахъ.
 Общался мой дѣтинушка
 Вернуться по веснѣ,
 Да загинулъ какъ былинушка
 Въ чужой дальней сторонѣ.
 Безъ него-ли осѣкается
 Моя русая коса,
 Брови черныя стираются,
 Вянетъ дѣвичья краса.
 Безъ него-ли въ ночь глубокую,
 Что гробовая доска
 Давитъ сердце одинокое
 Безотрадная тоска.

¹⁾ См. автобіографію и стихотворенія крестьянина Спиридона Дмитріевича Дрожжина въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г., т. XLIII, стр. 503—522; т. XLIV, стр. 93—122; 307—334; изд. 1885 г., т. XLV, стр. 478—480; изд. 1887 г., т. LV, стр. 148—154.

По каменьямъ течеть рѣченька,
 Течеть рѣченька бурливая,
 Раскипѣлося по дѣвицѣ
 Въ груди молодца ретивое.
 „Если ты на свѣтъ родилася
 Ужъ такая распригожая,
 На цвѣточекъ на лазоревый
 Средь муравушки покожая.
 Не круши меня, зазнобушка,
 Красотою ненаглядною,
 Выйди къ молодцу удалому
 На свиданье въ ночь туманную;
 Словомъ ласковымъ, привѣтливымъ
 Разгони тоску, разлапушка!“
 — „Рада-бъ выйти, да про дѣвицу
 Пробѣжить худая славушка“.
 „Ты отъ матушки украдучись
 Не селомъ иди,—сторонкою,
 По заулку, огородами,
 Черезъ поле да задворкою!“
 — „Стороной пойду я дѣвица,
 Злые люди догадаются,
 По заулку, огородами—
 Псы зубастые разлаются.
 Если любишь, добрый молодецъ,
 Посылай ты сваху къ батюшкѣ,
 Мы ему тогда поклонимся
 И возьмемъ согласье матушки“.

3.

Пролетѣло
 Лѣто красное,
 Охладѣло
 Солнце ясное.
 Разгулялись
 Вѣтры буйные,
 Разыгрались
 Вьюги шумныя...
 У меня-ли,
 Разудалаго,
 Полняла
 Щеки алма,

Помутились
Очи темныя,
Распустились
Кудри черныя.
Грудь безъ друга
Встосковалася,
Горе-вьюга
Разыгралася,—
Постыла
Постель холодную,
Занесла
Дорожку торную,
Запустила
Всю мятежницъ,
Разлучила
Съ красной-дѣвицей.

С. Д. Дрожжинъ.

Деревня Нивовка.

По поводу одного изъ стихотвореній К. Р.

1886 г.

Въ уважаемой «Русской Старинѣ» за августъ мѣсяць, 1887 года, томъ LV, стр. 467—473, помѣщена статья, посвященная молодому весьма талантливому поэту К. К. Р. Она мнѣ напомнила одно обстоятельство, которое и излагаю, какъ-бы въ дополненіе къ этой статьѣ.

Въ іюнь 1887 года послѣдовало приказаніе по петербургскому военному округу и по войскамъ гвардіи объ устройствѣ отдѣльныхъ кладбищъ для войскъ петербургскаго округа. Для обсужденія этого вопроса составлена была коммиссія, которая и объяснила причины, вызывающія необходимость отдѣльныхъ кладбищъ, между прочими, слѣдующими доводами:

«При прощаніи со своимъ, павшимъ на полѣ битвы, товарищемъ, у живаго солдата заболитъ по немъ сердце, но тою святою болью, гдѣ нѣтъ мѣста грѣшному упреку.

«Не то представляетъ для него видъ до нельзя упрощенныхъ и пренебрежительныхъ солдатскихъ похоронъ въ мирное время, когда онѣ, безъ всякой уже уважительной причины, мало даже напоминаютъ собою христіанскій обрядъ. Зачастую только приказъ по полку о нарядѣ команды на похороны и объ исключеніи изъ списковъ преждевременно умершаго оставляетъ впоследствии кой какой слѣдъ и то въ полковомъ архивѣ; но и приказъ напоминаетъ лишь то, что такой-то служилъ, а когда умеръ, то исключенъ изъ списка, а гдѣ похороненъ умершій, того нельзя найти и въ полковомъ архивѣ.

«Церковный обрядъ отпѣванія рѣдко совершается въ церкви и обыкновенно безъ присутствія товарищей покойнаго.

«Вся вышесказанная здѣсь горькая несправедливость къ умершимъ солдатамъ, самымъ честнымъ слугамъ государя и отечества, всегда больно отзывается и въ душѣ оставшихся въ живыхъ ихъ товарищей».

Когда я прочиталъ эти строки, онѣ отозвались чѣмъ-то знакомымъ, память указала мнѣ на стихи К. Р., озаглавленные «Умеръ», о которыхъ упоминается въ «Русской Старинѣ». Вотъ это прекрасное стихотвореніе:

Умеръ.

Умеръ, бѣдняга! Въ больницѣ военной
 Долго, родимый, лежалъ;
 Эту солдатскую жизнь постепенно
 Тяжкій недугъ доканалъ...
 Рано его отъ семьи оторвали:
 Горько заплакала мать,—
 Всю глубину материнской печали
 Трудно перомъ описать!
 Съ невыразимой тоскою во взорѣ
 Мужа жена обняла;
 Полную чашу великаго горя
 Рано она испила.
 И протянулъ къ нему съ плачемъ рученки,
 Мальчикъ-малютка грудной...
 ... Изъ виду скрылись родныя избенки,
 Край онъ покинулъ родной.
 Въ гвардію былъ онъ назначенъ, въ пѣхоту,
 Въ полкъ нашъ по долгому пути;
 Сдали его въ Государеву роту
 Царскую службу нести.
 Съ виду пригожій онъ былъ новобранецъ,
 Стройный и рослый такой,
 Кровь съ молокомъ, во всю щеку румянецъ,
 Войкій, смысленый, живой;
 Съ еле замѣтнымъ пушкомъ надъ губами,
 Съ честнымъ открытымъ лицомъ,
 Волосомъ русъ, съ голубыми глазами,
 Ну—молодецъ молодцомъ.
 Былъ у ефрейтора онъ на порукѣ,—
 Къ участи новой привыкъ,
 Приноровился къ военной наукѣ,—
 Смѣтливый былъ ученикъ.
 Старымъ его ужъ считали солдатомъ,
 Сталъ онъ любимцемъ полка;

Въ этомъ измайловцѣ щеголеватомъ
 Кто бы узналъ мужа!
 Онъ безупречно во всякомъ нарядѣ
 Службу свою отбывалъ,
 А по стрѣльбѣ скоро въ первомъ разрядѣ
 Ротный его записалъ.

Мы-бы въ учебной командѣ зимою
 Стали его обучать,
 И подготовленный онъ-бы весной
 Въ роту вернулся опять;
 Славнымъ со временемъ былъ-бы онъ взводнымъ...
 Но не сбылись тѣ мечты!
 Кончились лагеря; вѣтромъ холоднымъ
 Желтые сдуло листья,
 Сѣрый спустился туманъ на столицу,
 Льются дожди безъ конца...
 — Въ осень ненастную сдали въ больницу
 Нашего мы молодца.

Таялъ онъ, словно свѣча, по немногу
 Въ нашемъ суровомъ краю;
 Кротко, безропотно Господу Богу
 Отдалъ онъ душу свою.
 Умеръ вдали отъ роднаго селенья,
 Умеръ въ разлуцѣ съ семьей,
 Безъ материнскаго благословенья
 Этотъ солдатъ молодой.
 Ласковой, нѣжной рукою закрыты
 Не были эти глаза,
 И ни одна о той жизни прожитой
 Не пролилася слеза!

Полкъ о кончинѣ его извѣстилъ, —
 Хлопоты съ мертвымъ пошли:
 Въ старый одѣвъ мундиръ, положили
 Въ гробъ и въ часовню снесли.
 Къ выносу тѣла къ военной больницѣ
 Вводъ былъ отъ насъ наряжень...

По небу тучи неслись вереницей
 Въ утро его похоронъ;
 Выла и плакала снѣжная вьюга
 Съ жалобнымъ воплемъ таиннымъ,
 Плача объ участи нашего друга,
 Словно рыдая надъ нимъ!
 Вынесли гробъ; привязали на дроги,
 И по худой мостовой

Старая кляча знакомой дорогой
 Ихъ потащила рысцою.
 Свади и мы побрели за ворота,
 Чтобъ до угла проводить:—
 Въводу до перваго лишь поворота
 Надо за гробомъ слѣдить.
 Дрогамъ во слѣдъ мы глядѣли, глядѣли
 Долго съ печалью нѣмой...
 Перекрестилися, шапки надѣли
 И воротились домой...

Люди чужіе солдата зароютъ
 Въ мерзлой землѣ глубоко
 За городомъ, тамъ, гдѣ вѣтеръ лишь воетъ,
 Гдѣ-то въ глуши, далеко.

Спи-же, товарищъ ты нашъ, одиноко,
 Спи-же, покойся себѣ
 Въ этой могилкѣ сырой и глубокой,
 Вѣчная память тебѣ!

Такъ вотъ въ чемъ вся суть: стихотвореніе молодого поэта, сильное любовью и состраданіемъ, въ данномъ случаѣ пробудило сердца, которыя какъ будто только ждали призыва для совершенія добраго дѣла.

Дѣйствовать съ такою мощію на добрыя чувства людей есть призваніе истиннаго поэта.

Да сохранить-же Господь и возраститъ эту силу въ душѣ К. К. Р. на благо человѣчества!

Солдатъ.

„Словарь къ Новому Завѣту“.

Составилъ Петръ Андреевичъ Гильтебрандтъ.

Въ настоящей книгѣ «Русской Старины», въ отдѣлѣ объявленій, читатели, конечно, замѣтятъ объявленіе о «Справочномъ и Объяснительномъ Словарѣ къ Новому Завѣту», составленномъ членомъ археологической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, П. А. Гильтебрандтомъ, нынѣ ученымъ справщикомъ при святѣйшемъ синодѣ. Отлагая до удобнаго случая подробный отчетъ объ этомъ повстинѣ монументальномъ трудѣ, мы пока скажемъ нѣсколько словъ и лишь для того (не скрываемъ), чтобы поставить въ извѣстность нашихъ почтенныхъ подписчиковъ и читателей объ этомъ «Словарѣ» и возбудить къ нему то сочувствіе, которое онъ вполне заслуживаетъ.

Трудъ г. Гильтебрандта есть трудъ одиночный, совершенный имъ однимъ. Тамъ, гдѣ требовалась бы цѣлая академія, цѣлое учрежденіе,—его замѣнила, и съ успѣхомъ, энергія одного лица. Это — только по части составленія и редижированія. Но надо было издать—это совсѣмъ уже особое дѣло для человѣка, обладающаго лишь хлѣбомъ насущнымъ, но не капиталомъ. Г. Гильтебрандтъ совершилъ и это. Словарь его весь оконченъ—и весь сполна изданъ.

Изъ массы отзывовъ, помѣщенныхъ въ разныхъ изданіяхъ, видно, что «Словарь къ Новому Завѣту» встрѣченъ чрезвычайно сочувственно.

Государь Императоръ и многіе изъ членовъ августѣйшей фамиліи подписались на это изданіе. Св. синодъ и оберъ-прокуроръ рекомендовали это изданіе епархіальнымъ преосвященнымъ.

У г. Гильтебрандта собрано много благодарственныхъ отзывовъ отъ подписчиковъ на «Словарь». Мы ихъ видѣли и читали. Нѣкоторыми изъ нихъ почтенный сочленъ нашъ по археологической комиссіи подѣлился съ нами. Вотъ, на примѣръ, два изъ нихъ, принадлежащіе къ разнымъ полюсамъ: отзывъ академика и отзывъ фабричнаго рабочаго.

Многоуважаемый Яковъ Карловичъ Гротъ, предсѣдательствующій во второмъ отдѣленіи императорской академіи наукъ, пишетъ къ П. А. Гильтебрандту, отъ 18-го февраля 1886 года, слѣдующее:

— «Получивъ шестую и послѣднюю книгу вашего «Словаря къ Новому Завѣту», чувствую сердечную потребность поздравить васъ съ окончаніемъ этого монументальнаго труда и вмѣстѣ принести вамъ глубокую мою благодарность за драгоценный даръ. Вчера я провелъ цѣлый вечеръ въ просмотрѣваніи разныхъ частей его и не могъ не удивляться совершенству исполненія плана, который вы себѣ составили. Это истинный подвигъ на пользу многихъ поколѣній и отрадный памятникъ нашего времени, доказывающій, что и среди суеты настоящаго есть еще люди, хранящіе священный огонь любви къ высокимъ духовнымъ дѣламъ и способные вдохновляться ею на трудъ долгій и тяжелый. А вашъ трудъ тѣмъ замѣчательнѣе, что вы совершили его въ сравнительно короткій срокъ».

Затѣмъ, въ октябрѣ 1886 года, составитель Словаря получилъ отъ фабрично-рабочаго ярославской большой мануфактуры, Ивана Федоровича Рожкина, вмѣстѣ съ просьбою выслать экз. словаря, письмо, изъ котораго приводимъ слѣдующую выдержку: «Ваше изданіе, какъ руководство, необходимо для справокъ и поясненій господамъ ученымъ, но еще болѣе оно нужно и полезно простымъ людямъ, любящимъ Слово Божіе и желающимъ уразумѣть смыслъ и силу св. Писанія.. Искренно, отъ души, сердечно благодарю васъ и желаю вамъ отъ Бога, да посѣянное вами на нивѣ Божіей принесетъ и плоды, достойные славы Божіей, чрезъ что да снидетъ на васъ и трудъ вашъ отъ Господа Бога благословеніе небесное, и да поможетъ вамъ и на прочее время такъ же трудиться для славы Бога и пользы ближняго».

Эти простые слова простаго человѣка вполне подтверждаютъ данную имп. обществомъ любителей древней письменности аттестацію Словарю г. Гильтебрандта, а именно: Общество признало этотъ Словарь—«необходимымъ пособіемъ для ближайшаго изученія церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта, настольною книгою въ семьѣ и школѣ и вообще у каждаго образованнаго православнаго христіанина».

Вотъ на эту-то «настольную книгу», на этотъ отличный трудъ единаго изъ ученыхъ труженниковъ нашихъ, мы и сочли своимъ долгомъ обратить вниманіе нашихъ подписчиковъ и многочисленныхъ читателей «Русской Старины».

Ред.

Л.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ
САВВАИТОВЪ

1-го сентября.

Юбилей его ученой дѣятельности.

1837—1887.

I.

1-го сентября 1887 года скромно, но весьма задушевно отпразднованъ юбилей полувѣковаго служенія отечественной наукѣ, — богословію, исторіи, археологіи и этнографіи, — достоуважаемаго Павла Ивановича Савваитова.

Прежде другихъ явились съ привѣтомъ къ юбиляру его сочлены по археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія: академикъ А. А. Кунинъ, А. И. Тимоѣевъ, М. И. Семевскій, П. А. Гильтебрандтъ и помощникъ директора императорской публичной бібліотеки, онъ-же членъ и правитель дѣлъ археографической комиссіи, Л. Н. Майковъ, прочитавшій слѣдующій адресъ комиссіи:

Адресъ юбиляру отъ его сочленовъ по археографической комиссіи.

«Высокоуважаемый Павелъ Ивановичъ. Сегодня исполняется полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ вы вступили на поприще государственной службы по духовно-учебному вѣдомству: начало этой службы было для васъ и началомъ ученой дѣятельности, которую вы съ тѣхъ поръ продолжаете непрерывно, плодотворно и съ тѣмъ же рвеніемъ, какое одушевляло васъ въ молодые годы.

«Уроженецъ города Вологды, питомецъ вологодской семинаріи, затѣмъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ и магистръ с.-петербургской духовной академіи, вы умѣли самыя раннія педагогическія занятія ваши соединить съ трудами чисто учеными, сперва наблюдая и изслѣдуя народный бытъ и народное слово въ родномъ вамъ краѣ, а затѣмъ постепенно расширяя кругъ вашихъ изученій въ области богословскихъ наукъ, церковной исторіи, отечественныхъ древностей и письменности. Остроумными розысканіями вашими впервые разъяснены наукѣ самобытный строй, составъ и взаимное отношеніе нарѣчій зрянскаго языка, употребляемаго значительною частью населенія

Вологодской губерніи; замѣчательнѣйшіе древніе монастыри этого края нашли себѣ въ лицѣ вашемъ обстоятельнаго историка. Затѣмъ, въ неоднократныя поѣздки ваши по разнымъ мѣстностямъ Россіи и въ усердными занятіями въ архивахъ и рукописныхъ собраніяхъ вы подготовили обширныя матеріалы для новыхъ ученыхъ работъ. Многочисленныя сообщенія по части отечественной исторіи, археологіи и этнографіи, доставленныя вами въ общества археологическое, географическое, любителей древней письменности и другія, а также во многіе духовныя и ученые журналы, отличаются какъ богатымъ интересомъ содержанія, такъ и строгою тщательностью ученой обработки. Замѣчательныя труды ваши неоднократно были увѣнчиваемы почетными наградами и доставили вамъ званіе члена во многіхъ ученыхъ обществахъ и учрежденіяхъ, между прочимъ званіе члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Одинъ изъ важнѣйшихъ трудовъ вашихъ по обилію содержащихся въ немъ свѣдѣній и по тщательности и разнообразію объясненій: «Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора» — составляетъ драгоцѣнный вкладъ въ науку русской археологіи и служить настольною справочною книгою для всѣхъ, кто занимается нашею бытовою старинною московскаго періода.

«Археографическая коммиссія съ 1858 года считаетъ васъ въ составѣ своихъ членовъ. Цѣлый рядъ ея изданій, исполненныхъ при вашемъ ближайшемъ участіи, служить живымъ и нагляднымъ свидѣтельствомъ тому, съ какимъ усердіемъ вы посвящали свои труды и обширныя познанія на пользу коммиссіи. Подъ вашимъ наблюденіемъ положено начало изданію Великихъ Миней-Четійхъ, собранныхъ митрополитомъ Макаріемъ, и новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Вы завѣдывали изданіемъ двухъ выпусковъ Лѣтописи занятій коммиссіи и въ каждомъ изъ нихъ помѣстили любопытныя, вами отысканныя, историческіе документы. Вашими стараніями впервые напечатанъ и превосходно объясненъ драгоцѣнный памятникъ русской письменности XIII вѣка—Хожденіе новгородскаго архіепископа Автонія въ Царьградъ. Наконецъ, подъ вашимъ надзоромъ воспроизведенъ свѣтопечатью харатейный списокъ новгородской лѣтописи, и многолѣтними трудами вашими приготовленъ къ изданію старѣйшій изъ памятниковъ новгородскаго лѣтописанія, печатаніе котораго вынѣ близится къ концу.

«Столь многочисленныя и разнообразныя труды ваши, ясно свидѣтельствующіе какъ о рѣдкихъ дарованіяхъ и объ основательныхъ и разностороннихъ познаніяхъ вашихъ, такъ и о безкорыстной любви вашей къ наукѣ, давно пріобрѣли вамъ вполне заслуженную почетную

извѣстность въ ученomъ мiрѣ. Археографическая коммиссія, съ дѣятельностью которой работы ваши имѣютъ столь тѣсную связь, не можетъ не относиться къ нимъ съ особеннымъ уваженіемъ и съ искреннею признательностью. Благоволите, высокоуважаемый Павелъ Ивановичъ, принять въ нынѣшній памятный день живѣйшее выраженіе того глубокаго уваженія, которое питаетъ къ вамъ коммиссія. Да продлятся еще надолго дни и труды ваши на пользу и славу всѣмъ намъ дорогой отечественной науки».

Подлинный подписанъ членами археографической коммисіи.

Вслѣдъ за симъ явился археологъ П. Н. Петровъ, авторъ „Исторіи города С.-Петербурга“, сказавшій привѣтъ, въ которомъ выставилъ на видъ дѣйствительно замѣчательную черту въ добродушномъ и ровномъ характерѣ юбиляра, его снисходительность къ чужому мнѣнію и терпимость, готовность слушать собрата по наукѣ и бесѣдовать съ нимъ до самаго поздняго часа ночи. И дѣйствительно, Павелъ Ивановичъ является едва-ли ни послѣднимъ изъ могилановъ ученаго добродушія и радушія, независтливымъ и „независтнымъ“, т. е. нескупнымъ, неоскуднымъ, обильнымъ источникомъ знанія, изъ котораго черпать можетъ всякій нелѣнливый.

Вскорѣ явился профессоръ В. И. Ламанскій, предсѣдательствующій въ отдѣленіи этнографіи географическаго общества, вмѣстѣ съ секретаремъ отдѣленія Ѳ. М. Истоминымъ. Какъ извѣстно, Павелъ Ивановичъ весьма много потрудился для императорскаго географическаго общества.

Министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ лично и с.-петербургская духовная академія, почетнымъ членомъ которой состоитъ съ февраля 1884 г. Павелъ Ивановичъ, чрезъ своего ректора, епископа Антонія, поздравили юбиляра.

С.-Петербургская духовная семинарія и ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія привѣтствовали въ особыхъ адресахъ П. И. Савваитова чрезъ депутаціи.

Семинарія почтила своего профессора, который изъ полувѣковой своей ученой, учебной и административной дѣятельности двадцать пять лѣтъ съ честью и талантомъ занималъ въ этой семинаріи каеэдру, преподавая: святое писаніе, герменевтику,

патристику, чтенія отцовъ церкви по гречески, православное исповѣданіе, ученіе о расколѣ, и былъ въ ней бібліотекаремъ.

Ученый комитетъ мин. народн. просвѣщ. въ сердечно-дружескихъ выраженіяхъ привѣтствовалъ своего сочлена правителя дѣлъ; „нелегкую обязанность“ эту Павелъ Ивановичъ, по словамъ привѣтственнаго адреса комитета, несетъ уже многіе годы съ неослабнымъ вниманіемъ. „Ваша всегдашняя готовность быть полезнымъ, ваше благодушіе и прямота останутся навсегда памятными товарищамъ вашимъ“.

Отъ императорскаго общества любителей древней письменности предсѣдательствующій въ немъ тайный совѣтникъ Д. Θ. Кобеко, экзархъ Грузіи Павелъ, профессоръ В. И. Ламанскій—отъ географическаго общества, депутація отъ филологическаго общества и отъ археологическаго института также привѣтствовали юбиляра.

Получено было нѣсколько писемъ отъ бывшихъ воспитанниковъ Павла Ивановича, его сослуживцевъ, сочленовъ по ученымъ обществамъ, знакомыхъ и почитателей. Такъ, между прочими, прочитаны въ день юбилея письма: извѣстнаго археолога ген.-лейтен. А. И. Савельева, професс. Д. А. Корсакова, тайн. сов. Н. А. Ратынскаго, Л. Лева, священника Жудра изъ Гомеля, свящ. Дроздова изъ г. Устюга — который привѣтствовалъ въ юбиларѣ „добрую, безупречную жизнь для всѣхъ доброжелательнаго труженика науки“; гг. Гречулевича, дѣйств. ст. сов. Дроздова, Ив. Камчатова, А. Пановой и друг.

До тридцати телеграммъ было прислано уважаемому юбиляру съ разныхъ концовъ Россіи отъ Варшавы до Чекмента въ Средней Азій, Тегерана въ Персіи и Біарица во Франціи. Вотъ лица, приславшія привѣтствія по телеграфу:

Изъ Москвы: намѣстникъ Троицко-Сергіевой лавры архим. Леонидъ; предсѣдатель имп. московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ И. Е. Забѣлинъ, который сердечно привѣтствовалъ отъ общества день полувѣковаго юбилея „многоплодной, многополезной дѣятельности П. И. Савваитова“.

Предсѣдатель императорскаго общества любителей древней письменности гр. С. Д. Шереметевъ, члены археографической комиссіи и другихъ ученыхъ обществъ Н. П. и А. П. Бар-

суковы и Г. Ѳ. Карповъ; директоръ I-го московск. корпуса А. Хаминъ.

Изъ окрестностей Спб.: Гавриловъ, И. П. Корниловъ, И. И. Ростовцевъ, г. Белярминовъ.

Особенно сердечны были привѣты отъ земляковъ Павла Ивановича—вологжанъ: Кириковъ, ректоръ вологодской семинаріи о. Лосевъ, Ширяевъ, настоятель Спасо-Прилудскаго монастыря о. Ѳеодосій, Суворовъ.

Изъ Петрозаводска—Елинскіе; оттуда-же епископъ Павелъ. Изъ Орла: Лебединскіе; изъ Минска: Поликарповичъ; изъ Новгородской губ.: профессоръ Н. И. Барсовъ, Шелашниковъ; изъ Ярославля: городской голова Ив. Соболевъ; изъ Чевмента: священникъ А. Тихоміровъ; изъ Тегерана: Левитскій; изъ Лондона: Мордовинъ; изъ Вятки: архіепископъ Макарій; изъ Варшавы: архіепископъ Леонтій; изъ Казани: архіепископъ Палладій; изъ Biarritz: товарищъ министра народнаго просвѣщенія кн. М. С. Волконскій.

Вообще все празднованіе годовщины полувѣковаго служенія наукъ П. И. Саввантова отячалось задушевностью; въ юбилярѣ, что такъ рѣдко бываетъ, привѣтствовали не только неутомимаго труженика, даровитаго ученаго, но и самаго благодушнаго, самаго доброжелательнаго человѣка.

Какъ человѣкъ, Павелъ Ивановичъ снискалъ отъ всѣхъ его знающихъ, отъ всѣхъ, кто только когда либо къ нему обращался за совѣтомъ и содѣйствіемъ въ ученыхъ и историческихъ трудахъ, всеобщее уваженіе и любовь; это не черствый педантъ, не человѣкъ, преисполненный самомиѣнія и самовозвеличенія,—нѣтъ, это—полный жизни, привѣтливости и вполне русскаго добродушія и остроумія подвижникъ науки. Это русскій хорошій человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова... У него, какъ вполне справедливо сказали мы въ другой нашей статьѣ, множество друзей и почитателей и нѣтъ завистниковъ и недруговъ.

Чувствомъ уваженія и любви проникнуто было и чествованіе полувѣковаго его служенія отечественной наукѣ.

II.

Профессура П. И. Саввантова въ с.-петербургской духовной семинаріи, пишетъ намъ П. А. Гильтебрандтъ, выработала изъ П. И. прекраснаго знатока слова Божія, издателя и толкователя. Мы разумѣемъ подъ этимъ два труда Павла Ивановича, о которыхъ многіе позабыли, а громадное большинство, вѣроятно, и совсѣмъ не знаетъ и не слыхало. Это:

— Библейская герменевтика (Спб., 1859), т. е. „наука, въ которой преподаются правила, какъ узнавать и изъяснять подлинный смыслъ Священнаго Писанія“. Это небольшая „книжица“ въ 144 страницы, но какая! Здѣсь „въ краткихъ, но точныхъ словахъ“ говорится о смыслѣ Св. Писанія и главномъ руководительномъ началѣ толкованія; о средствахъ и пособіяхъ, необходимыхъ для уразумѣнія сего смысла, и о способѣ изъясненія его путемъ перевода, парафраза, примѣчанія и толкованія. Эта прекрасная „книжица“ вплотную позабыта, и даже въ продажѣ не находится. Самая „Герменевтика“ переименована или въ „Экзегетику“, или въ „Богословіе толковательное“, или въ „Изъясненіе (или Толкованіе) Св. Писанія“. При синодѣ въ настоящее время переиздаются такія классическія сочиненія, какъ „Письма Муравьева“, „Бесѣды Амфитеатрова“;— „Библейская герменевтика“ Павла Ивановича, хотя и позабытая, прямо подходит къ разряду сочиненій, вопіющихъ о переизданіи. Интересно было-бы изъ устъ самого Павла Ивановича выслушать читателямъ „Русской Старины“ рассказъ о тѣхъ препятствіяхъ, которыя пришлось автору „Библейской герменевтики“ побороть и выпустить свою книгу въ свѣтъ, въ 1859 году; до этого года „Герменевтика“, какъ мы слышали, была два раза печатаема, но оба изданія не узрѣли свѣта. Вотъ эту-то исторію и интересно было-бы выслушать отъ самого Павла Ивановича, который еще такъ недавно („Чтенія общ. люб. дух. просв.“ 1884, февраль) рассказалъ чрезвычайно интересную исторію „Объ изданіи Остромирова Евангелія и о содѣйствіи московскаго митрополита Филарета выпуску въ свѣтъ этого изданія“.

— Новый Заѣтъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ (Спб., 1861—1866), исполненный подъ опытнымъ смотрѣніемъ Павла Ивановича, по просьбѣ Авраама Сергѣевича Норова. На послѣдней страницѣ Четвероевангелія упомянуто: „сіе Святое Евангеліе начаса тисненіемъ въ лѣто отъ Рождества Христова 1860, въ день святыхъ великомученицы Варвары“; а въ концѣ Апокалипсиса, въ сноскѣ: „сіа священная книга Новый Заѣтъ Господа нашего Исуса Христа совершися тисненіемъ въ лѣто отъ Рождества Христова 1866 марта 14, въ день иже во святыхъ отца нашего Теогноста митрополита кievскаго и всея Россіи“. Это драгоцѣнное и до послѣдняго времени единственное изданіе представляетъ верхъ добросовѣстности учено-издательской и корректорской, что особенно важно въ подобныхъ книгахъ.

За полѣвка Павломъ Ивановичемъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго адреса археографической комиссіи, чрезвычайно много сдѣлано, написано и издано: „яже аще бы по единому писана быша“ (т. е. если-бы писать о томъ подробно), то не хватило-бы и негдѣ было „вмѣстити пишемыхъ книгъ“. За эти полѣвка Павелъ Ивановичъ поработалъ и потрудился, „яко добръ воинъ“. И вотъ этому-то „доброму воину“ археографіи, исторіи, археологіи и богословія мы отъ всей души и отъ всего сердца желаемъ возможно долгихъ дней и неослабѣвающей энергіи для трудовъ и изданій дальнѣйшихъ.

III.

Въ 1873 г., по случаю избранія Павла Ивановича Саввантова въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ, покойный И. И. Срезневскій сообщилъ нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ. Приводимъ изъ нихъ нѣкоторыя, съ дополненіемъ имѣющихся у насъ данныхъ.

П. И. Саввантовъ родился въ 1815 году (15 февраля), въ Вологдѣ, сыномъ священника, учился въ вологодской семинаріи, а потомъ съ 1833 года въ с.-петербургской духовной академіи. Въ 1837 году, по окончаніи академическаго курса, причисленъ къ первому разряду академическихъ воспитанниковъ, опредѣленъ бывшею комиссіею духовныхъ училищъ наставникомъ философіи въ вологодскую семинарію,

и затѣмъ возведенъ въ степень магистра и въ званіе профессора. Тогда ему еще не было 23-хъ лѣтъ. Въ должности наставника философіи въ Вологдѣ онъ оставался пять лѣтъ, исполняя по временамъ обязанности наставника и по другимъ предметамъ, между прочимъ, по исторіи и по еврейскому языку. Въ 1842 году онъ переведенъ въ с.-петербургскую семинарію профессоромъ патристики, св. писанія, герменевтики и чтенія отцевъ церкви греческихъ и латинскихъ, и оставался въ этой должности 25 лѣтъ, съ 28 года до 53 года жизни. Не ограничивая свою дѣятельность занятіями по названнымъ предметамъ и научными трудами, Павелъ Ивановичъ слишкомъ четыре года (въ 1853—1858 гг.) преподавалъ въ семинаріи статистику русскаго раскола и занимался обзорѣмъ сочиненій какъ раскольническихъ, такъ и написанныхъ противъ нихъ: почти двѣнадцать лѣтъ (въ 1855—1867 гг.) былъ бібліотекаремъ семинаріи. Кроме того, занимался преподаваніемъ русскаго языка и словесности — въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ (въ 1843—1862 гг.), въ коммерческомъ училищѣ (въ 1845—1847 гг.) и въ школахъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (въ 1853—1854 гг.) и нѣсколько лѣтъ (въ 1862—1864 гг.) былъ наставникомъ-наблюдателемъ по русской литературѣ въ Павловскомъ корпусѣ и въ 1-мъ Павловскомъ военномъ училищѣ.

Исполняя преподавательскія обязанности, П. И. Савваитовъ все болѣе предавался и научнымъ трудамъ, между прочимъ собранію и разработкѣ памятниковъ русской древности и старины. Какъ издавна началось это, узнаемъ изъ записокъ современника о Вологдѣ, М. П. Погодина, относящихся къ 1841 г. и напечатанныхъ въ «Москвитинѣ» 1842 г.—«18 августа. Познакомился съ профессоромъ исторіи Савваитовымъ и получилъ отъ него много извѣстій о матеріалахъ, имъ собранныхъ. Есть очень любопытныя, особенно относящіяся до жизни частной, о коей мы знаемъ такъ мало.—21 августа. Былъ у г. Савваитова. Онъ живетъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, священникомъ, и занимаетъ одну маленькую комнатку, отъ которой еще отдѣлены три клѣточки. Здѣсь онъ занимается своей философіей и исторіей, но долженъ очищать ее, если къ отцу (каѳедральному священнику) придетъ какой прихожанинъ. Кто бы подумалъ, что за сальнымъ огаркомъ, въ захолустьи бѣднаго губернскаго города, въ полуразвалившейся избенкѣ, читается и разбирается Августинъ и Кантъ. . Г. Савваитовъ показалъ мнѣ свое собраніе. Есть вещи прелюбопытныя». Это говорится о молодомъ человѣкѣ, которому едва минуло 25 лѣтъ. Въ Вологдѣ П. И. Савваитовъ долженъ былъ ограничивать свою любознательность и страсть собирать и объяснять памятники старины и народности только въ кругѣ того, что представляли мѣстныя средства. Кру-

гозоръ его внимательности и работъ расширился съ переѣзда въ Петербургъ — при помощи и нѣкоторыхъ изъ его начальниковъ, и еще болѣе при помощи дружбы. Между прочимъ, онъ сошелся здѣсь и очень сблизился съ И. П. Сахаровымъ, извѣстнымъ собирателемъ «Сказаній русскаго народа», постоянно увлеченнымъ всѣмъ, что могъ найти и въ памяти народа и въ старописанныхъ и старопечатныхъ листахъ и книгахъ. Пользуясь, по мѣрѣ возможности, тѣмъ, что хранилось въ библиотекахъ общественныхъ и частныхъ и что доставлялось ему со стороны, съ его родины и изъ другихъ мѣстъ, П. И. Саввантовъ не упускалъ случаевъ и самъ ѣздить. Такъ, въ 1846 и 1853 гг. онъ былъ посылаемъ начальствомъ для ученыхъ изслѣдованій и обзорѣнія замѣчательнѣйшихъ книгохранилищъ въ губерніяхъ Вологодской, Ярославской, Костромской и Владимірской, въ 1858 г. въ Москву для изслѣдованій въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ вотчинномъ архивѣ (что при департаментѣ правительствующаго сената); нѣсколько разъ выѣзжалъ въ разныя мѣста по своему выбору и по порученіямъ археологическаго общества. Болѣе правильно пошли его работы съ тѣхъ поръ, какъ въ 1858 г. онъ былъ избранъ членомъ археографической комиссіи и позже, съ того времени, какъ онъ вышелъ въ отставку изъ семинаріи и предался исключительно научнымъ занятіямъ.

Литературными работами, если не считать студенческихъ и вообще не напечатанныхъ, П. И. Саввантовъ сталъ заниматься съ 1840-хъ гг. Въ «Москвитинѣ» 1841 и 1842 года появилось нѣсколько работъ его, — первая изъ нихъ (въ «Москвитинѣ» 1841 г. II, 270; — III, 3, — и 1842, IV, 251 — 275) была о вологодскихъ пѣсняхъ. Сообщение небольшое, но по отзыву покойнаго академика Срезневскаго — «очень замѣчательное, какъ свидѣтельство какихъ взглядовъ на народность, на народную поэзію и на народный языкъ въ это относительно давнее время, когда всѣмъ этимъ занимались еще очень мало и немногіе, и когда понятія обо всемъ этомъ были очень туманны, хотѣлъ держаться молодой профессоръ вологодской семинаріи. Онъ считалъ необходимымъ удерживать въ переписи пѣсни народный говоръ до мелочи, — и далъ такимъ образомъ довольно полный образецъ вельскаго народнаго языка, не потерявшій и доселѣ своего достоинства. Одинъ изъ первыхъ (если не первый) онъ тутъ же обратилъ вниманіе на неохотность нашихъ селянъ сообщать пѣсни свои для записыванія («вѣдь пѣсня была» — говорятъ обыкновенно — «а мало-ли что бываетъ: за иное и въ судъ поведутъ») и на употребленіе слова былина («въ Вельскомъ уѣздѣ всѣ рассказы (о старинѣ) называются былинами

и рассказываются на распѣвъ¹⁾. Въ другихъ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Москвитянинѣ», П. И. Савваитовъ сообщилъ не только замѣчанія, любопытныя при изученіи народности, но и нѣкоторые остатки старины и объясненія на нихъ. Съ того давняго времени онъ продолжалъ сообщать въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и отдѣльно подобныя наблюденія и объясненія относительно народности, старины и древности русской, исторіи и современнаго положенія разныхъ монастырей, жизни замѣчательныхъ русскихъ людей и т. п. Въ «Москвитянинѣ», въ «Географическихъ Извѣстіяхъ», въ Запискахъ и Извѣстіяхъ Археологическаго Общества, въ Запискахъ и Извѣстіяхъ Академіи, въ «Вѣстникѣ Географическаго Общества», въ «Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія», въ «Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи», въ «Кирилло-Меоодіевскомъ сборникѣ», въ «Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», въ альманахѣ «Утро», въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древностей», въ «Русскомъ Архивѣ», въ «Русской Старинѣ», помѣщено имъ многое, менѣе или болѣе любопытное и важное. Кое-что не менѣе замѣчательное издано и отдѣльно, и давно уже сдѣлалось не доступно для большинства занимающихся. Изъ числа его трудовъ по русскимъ древностямъ и старинѣ болѣе другихъ замѣчательны его Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія и проч. съ объяснительнымъ указателемъ (1865) и его только что оконченное изданіе доселѣ бывшаго почти совершенно неизвѣстнымъ Путешествія новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII вѣка, съ разнообразными объясненіями (1872). Эти два труда П. И. Савваитова какъ нельзя яснѣе даютъ знать, съ какою стойкостью и какъ безкорыстно умѣетъ онъ работать на пользу науки.—Говоря о трудахъ П. И. Савваитова по русской древности и старинѣ, въ особенности должно указать, что и сдѣлано въ вышеприведенномъ адресѣ, о его дѣятельности по званію члена археографической комиссіи.

Всего того, что сдѣлано П. И. Савваитовымъ по русскимъ древностямъ и старинѣ, слишкомъ достаточно для дѣятельности самаго достойнаго труженика. И однако, у него оставалось времени не мало и для трудовъ другого рода.

По званію профессора с.-петербургской семинаріи П. И. Савваитовъ долженъ былъ съ 1842 г. заняться герменевтикой и близкими съ нею отраслями знаній,—и въ 1844 г. уже издалъ свой трудъ: «Виблейская герменевтика», трудъ, переизданный въ 1857 и потомъ

¹⁾ Рассказы о старинѣ называются тамъ и былинами и былями.

въ 1859 г. Второе изданіе этой книги было принято какъ пособіе, а третье какъ руководство по классу герменевтики въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Нѣсколько другихъ трудовъ меньшаго размѣра по объясненію книгъ св. писанія, исторіи христіанства и т. п. издано было имъ или отдѣльно, или въ такихъ повременныхъ сборникахъ, какъ «Духовная Весѣда», «Духъ Христіанина», «Странникъ» и пр. Къ этому же отдѣлу трудовъ надо отнести и трудъ Новаго Завѣта на славянскомъ языкѣ съ греческимъ текстомъ, подобраннымъ изъ разныхъ изданій, гдѣ можно было найти то или другое выраженіе, соотвѣтствующее славянскому переводу,—трудъ столько же тяжелый, какъ и невидный, и едва ли не менѣе полезный, чѣмъ бы могло быть изслѣдованіе для разрѣшенія вопроса: когда, какіе именно списки Новаго Завѣта были въ виду при измѣненіи древняго славянскаго перевода. П. И. Савваитовъ принялъ его на себя по желанію А. С. Норова, предпринявшаго изданіе Новаго Завѣта въ такомъ видѣ.

Третій отдѣлъ трудовъ П. И. Савваитова касается зырянскаго языка, употребляемаго, какъ извѣстно, значительною частію народа въ Вологодской губерніи, родинѣ Савваитовыхъ, и изученнаго имъ еще въ юности. Кромѣ нѣсколькихъ книжекъ на зырянскомъ языкѣ для народа, онъ написалъ грамматику зырянскаго языка и зырянско-русскій и русско-зырянскій словарь (1849). За два послѣдніе труда онъ удостоенъ былъ демидовской преміи. Нельзя упустить изъ виду, что П. И. Савваитовъ изучилъ этотъ языкъ и представилъ о немъ свои наблюденія не по одному какому нибудь нарѣчію, а по всѣмъ четыремъ главнымъ и по нѣкоторымъ мѣстнымъ говорамъ, и только вслѣдствіе сравненія нарѣчій и говоровъ порѣшилъ, что всѣхъ важнѣе нарѣчіе сысольское. Съ этими главными трудами по зырянскому языку соединяются и нѣсколько малыхъ этнографическихъ и археологическихъ, каковъ напр. о зырянскихъ деревянныхъ календаряхъ и о пермской азбукѣ (въ Трудахъ 1-го археологическаго съѣзда).

Обширная и разнообразная дѣятельность П. И. Савваитова не могла не вызывать къ нему сочувствіе разныхъ ученыхъ обществъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ очень ревностнымъ членомъ ¹⁾. Не пересчитывая всѣхъ обществъ, въ которыхъ онъ

¹⁾ А именно Павелъ Ивановичъ состоитъ членомъ: археографической комиссіи (съ 1858 г.), императорскихъ русскихъ обществъ: географическаго, археологическаго, вольно-экономическаго, московскаго археологическаго, а также общества исторіи и древностей россійскихъ; общества любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ; общества любителей древней письменности; московск. общества любит. духовн. просвѣщенія; членомъ-основателемъ королевскаго общества сѣверныхъ антиваріевъ

находится членомъ, укажу на его постоянное участіе въ трудахъ русскаго археологическаго общества: оно и наградило его за услуги, имъ оказанныя, золотою медалью.

— «Въ ряду людей, сочувствующихъ дѣятельности П. И. Саввантова, писалъ въ 1883 г. знаменитый профессоръ и академикъ И. И. Срезневскій, не могу не поставить и себя. Чѣмъ болѣе я узнавалъ его, чѣмъ болѣе случаевъ было мнѣ бесѣдовать съ нимъ о томъ, что и его и меня занимало, тѣмъ потребнѣе было для меня уважать его. Какъ ученый труженикъ, онъ приготовленъ къ труду очень разнообразными знаніями и между прочимъ знаніемъ языковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и готовностью трудиться—съ увлеченіемъ, безъ усталы, денно и ночью. При работѣ имъ овладѣваетъ не желаніе скорѣе добраться до конца начатаго дѣла, а стараніе дойти до полнаго разрѣшенія каждаго частнаго вопроса, до объясненія каждой мелочи. Время для него при этихъ развѣдкахъ какъ будто не существуетъ: онъ не въ силахъ спѣшить и рассчитывать ни недѣли, ни мѣсяцы, ни годы. Не существуетъ для него при этомъ и усталость отъ хлопотъ: занятый какою-нибудь трудностью, представившеюся ему въ работѣ, онъ не подѣнится перебивать въ разныхъ библіотекахъ, архивахъ, кабинетахъ и у разныхъ лицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, и написать нѣсколько писемъ; онъ успокоится тогда только, когда дѣло покажется ему яснымъ, разрѣшеніе трудности удовлетворительнымъ или же невозможнымъ. Черта завидная, встрѣчающаяся въ труженикахъ всякаго рода не очень часто».

IV.

СПИСОКЪ ТРУДОВЪ П. И. САВВАИТОВА.

I. Отдѣльныя изданія.

- Библейская герменевтика. 1 изд. 1844; 2 изд. 1857; 3 изд. 1859.
 Описаніе Вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря. 1844.
 Описаніе Велико-Устюжскаго Архангельскаго и приписнаго къ нему Троицкаго Гледенскаго монастырей. 1848.
 Грамматика зырянскаго языка. 1849.
 Зырянско-русскій и русско-зырянскій словарь. 1849.

въ Копенгагенѣ въ 1857 г.; членомъ комиссін для разбора дѣлъ синодальнаго архива, членомъ-кореспонд. императорской академіи наукъ, почетн. членомъ спб. духовн. академіи, ростовскаго музея, членомъ общ. московск. музея и проч. Съ 1861 г. Павелъ Ивановичъ состоитъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. и кавалеромъ ордена св. Владиміра 2-й степ. Ред.

Описание Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря и приписной къ нему Дѣдовской Троицкой пустыни. 1850.

Взятіе Анапы эскадрою Черноморскаго флота въ 1807 году. 1851.

Святый Климентъ, епископъ римскій. Патрологическій опытъ. 1852.

Адмиралъ сенаторъ Сементъ Аванасьевичъ Пустошгинъ. Жизнеописание. 1853.

Описание Семигородной Успенской пустыни и упраздненнаго Катромскаго Николаевскаго монастыря. 1 изд. 1856; 2 изд. 1870.

Описание вологодскаго Спасо-Каменскаго Духова монастыря. 1860.

Описание старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей архива московской оружейной палаты, съ объяснительнымъ указателемъ и съ двѣнадцатью табличками рисунковъ. 1865.

Пресвященный Амвросій Орнатскій, епископъ пензенскій и саратовскій. Биографическій и библиографическій очеркъ. 1869.

Путешествія новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ, въ концѣ 12-го столѣтія. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. 1872.

Новгородскія писцовыя книги:

Томы I и II. Переписная оброчная книга Деревской пятны, около 1495 г. 1859—1862.

Томъ III. Переписная оброчная книга Вотьской пятны (первыя 12 л.). Лѣтопись занятій археологической комиссіи. 1864 года. Вып. 3.

Великія Минеи Четы:

Сентябрь, дни 1—13. Сбл. 1868.

„ дни 14—24. Сбл. 1869.

„ дни 25—30; Слб. 1883 г.

Сказанія о русскихъ и славянскихъ святыхъ, извлеченныя изъ Великихъ Миней Четинъ. Часть I, 1868; часть II, 1886 г.

Записки императорскаго археологич. общества. Т. XI и XII. Слб. 1865.

Велѣдѣнъ кыдѣ позъас вічѣсѣны Jen пісѣкінеј і кыдѣ колѣд пуктныи морт вічѣсј пісѣкі. 1845.

Кыи вівајубѣмъ јыиисѣ, вісѣталѣмъ Петыр-Павел лунѣ. 1848.

Новый Заветъ Господа нашего Иисуса Христа на греческомъ и славянскомъ языкахъ:

а) Святѣе Евангеліе. 1861.

б) Дѣянія и посланія апостольскія и Апокалипсисъ. 1866.

Сказанія о земной жизни Пресвятой Богородицы. 1 изд. 1869; 2 изд. 1871

Строгоновскіе вклады въ Сольвычегодскій Благовѣщенскій соборъ по надписямъ на нихъ, съ приложеніемъ соборной описи 1579 г. Слб. 1886 г., въ 8 д., 120 стр.

О змырянскихъ деревянныхъ календаряхъ и о пермской азбуцѣ, изобрѣтенной Св. Стефаномъ. Москва, 1873 г.

Объ изданіи Остромирова Евангелія и о содѣйствіи московскаго митрополита Филарета выходу въ свѣтъ этого изданія. Москва, 1884 г.

II. Статьи, сообщенія, замѣтки.

- Вологодскія пѣсни (съ примѣчаніями). Москвит. 1841 г. Ч. II. № 3 и Ч. III. № 5.
- Извѣстное челобитіе 1660 года и пѣснь о князѣ Млханѣ. Ib. 1842. Ч. IV. № 8.
- Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Устьемьсольскомъ уѣздѣ Вологодской губ. Ib.
- Двѣ грамоты по дѣлу святѣйшаго Никона, патріарха всероссійскаго. Ib. Ч. V. № 9.
- Дорожныя замѣтки отъ Вологды до Устюга. Ib. Ч. VI. № 12.
- Свѣдѣнія о нарѣчіяхъ зырянскаго языка. Географ. Изв. 1848 г. Вып. 2.
- Три русскія надписи въ Вологдѣ и Сольвычегодскѣ. Зап. археолог. общ. Спб. 1851 г. Т. III.
- Оружейная палата Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, по описнымъ книгамъ 1668 г. Зап. отд. русск. и слав. археологін. Т. I. 1851.
- Предположеніе объ археологической программѣ. Ib. Отд. IV.
- Современное извѣстіе о дѣлахъ подъ Москвою въ сентябрѣ 1611 года. Учен. зап. имп. акад. наукъ по I и III отдѣленіямъ. Т. III. Вып. 1. 1853.
- Извѣстіе объ изданіи источниковъ для каноническаго права греко-восточной церкви. Ib.
- Матеріалы для біографіи М. М. Сперанскаго. Москвит. 1855 г. № 3, кн. 1.
- Нѣсколько примѣчаній къ обзору русской духовной литературы. Изв. имп. акад. наукъ по отд. русск. яз. и слов. Т. VI. 1857 г.
- Начало и распространеніе христіанства въ предѣлахъ вологодской епархіи и учрежденіе вологодской епархіи. Вѣстн. Русск. Географич. Общ. 1858. Ч. XXII.
- Отчетъ о писцовыхъ книгахъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1858. № 11.
- О новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1859 г. № 12.
- Поручная записка взынковскихъ посадскихъ людей по иконописцѣ Пономаревѣ, 1674 г. Изв. Имп. Археолог. Общ. 1859 г. Т. I.
- Урь и шайт. Зырянскія названія копѣйки и рубля. Тамъ-же. Т. II. 1861 г.
- Церкви и ризница Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, по описнымъ книгамъ 1668 г. Зап. отд. русск. и слав. археологін. Т. II. 1861 г.
- Св. Игнатій Богоносецъ, епископъ антиохійскій. Дух. Бес. 1860 г. Т. IX.
- Объ артосной палатинѣ, хранящейся въ ризницѣ Святидухова монастыря гор. Вологды. Изв. Имп. Археол. Общ. Т. II. 1861.
- Разборъ труда В. И. Дала: „Толковный словарь живаго великорусскаго языка“. Отч. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1862 г. и Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1863. Кн. I.
- Преподобный Феодосій тотемскій. Дух. Бес. 1861 г. Томъ XII.
- О книгѣ Іова. Ib. 1861 г. Т. XIII.
- Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Исусѣ (Филип. 2, 5). Ib. 62 г. Т. XV.
- Вологодскіе акты 1500—1684 гг. Лѣт. занят. археограф. ком. Вып. 3.
- Акты Спасо-Каменскаго монастыря 1545—1698 гг. Ib.

Опись нѣмѣющихся въ домовотчинной преев. Серапіона, епископа вологодскаго и бѣлозерскаго жаловѣнными грамотамъ, указамъ и всякимъ крѣпостямъ, и платежнымъ отписямъ, и квитанціямъ, и книгамъ 1756 г. Ib.

Чинъ поставленія на великое княжество Дмитрія Іоанновича, внука Іоанна III Васильевича. Ib.

Посланіе константинопольскаго патріарха къ всероссійскому митрополиту Фотію, о Григоріи Цамалахѣ. Ib.

Посланіе прота и иноковъ Аѳонской горы къ вел. князю Василью Васильевичу о правовѣрїи восточной церкви и о сумудрїи западной, по случаю Флорентійскаго собора. Ib.

Посланіе в. кн. Василія Васильевича къ проту и инокамъ Аѳонской горы о дѣйствїяхъ митрополита Исидора и объ осужденїи его московскимъ соборомъ. 1441 года. Ib.

Известная роспись образовъ, келейныхъ книгъ, рухляди и денегъ серебряныхъ Вологодскаго архіепископа Марвелла. Ib.

Словорная роспись приданаго 1718 года. Иав. Имп. Арх. Общ. Т. IV. 1863.

Мнѣніе о трудахъ П. С. Воронова. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1864 годъ, кн. I.

Похвала св. Кириллу, учителю Словѣнску языку. Створено Климентомъ епископомъ. Кирилло-Мееод. Сборникъ. М. 1865 г.

Двѣ рѣчи Иринея, епископа Вологодскаго: 1) ея имп. величеству, послѣ посвященія во епископа Вологодскаго; 2) предъ молебствїемъ при выборѣ судей во вновь открытое (въ 1870 г.) вологодское намѣстничество. Приб. къ волог. епарх. вѣд. 1868 г. № 14.

Объ изданїи Остромирова Евангелія.

Отзывъ о статьѣ А. С. Полонскаго, подъ заглавіемъ: „Анадырскій Островъ“. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1869 годъ.

Какими приношенїями Воложане, Устюжане, Тотмяне и нѣкоторые Вологодскіе монастыри прїивѣтствовали царя Алексѣя Михайловича, по случаю вѣнчанія его на царство. Приб. къ Волог. епарх. вѣд. 1870 г. № 8.

Грамота святѣйшаго патріарха Филарета Новгородскому митрополиту Макарію о разрѣшенїи Вологодскаго архіепископа Нектарія, жившаго на смьренїи въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, 24 мая 1621. Ib. № 16.

Наказная память Вологодскаго и Великопермскаго архіепископа Сильвестра. Ib. № 15.

Слово Амвросія, епископа Вологодскаго, на бракосочетанїе ея высочества принцессы Анны съ его свѣтлостію кн. Антономъ-Ульрихомъ, герцогомъ Брауншвейгскимъ и Люнебургскимъ. Ib. № 14.

Мысли Інокентія, архіепископа Херсонскаго, о Россійскомъ Библейскомъ Обществѣ. Утро. М. 1868 г.

Замѣтка о Кіевскомъ митрополитѣ Евгеніѣ. Ib.

Письмо архіепископа Макарія, аѳтайскаго миссіонера, къ А. С. Норову. Ib.

О Зырянскихъ деревянныхъ календаряхъ и Цермской азбукѣ, изобрѣтенной св. Стефаномъ. Труды перваго археол. съѣзда въ Москвѣ. II. 1871 г.

Есть сообщенія въ Чтенїяхъ Московскаго общества исторїи и древностей россійскихъ, въ „Духъ Христіанна“, въ „Странникъ“, въ „Русскомъ Архивѣ“, въ „Русской Старинѣ“.

Послѣдній многолѣтній трудъ Павла Ивановича, оконченный имъ буквально наканунѣ своего полувѣкового юбилея служенія его на поприщахъ археографіи, археологіи и исторіи, составляетъ редація Новгородскихъ лѣтописей, именно лѣтописи съ 6362 года (854), по синодальному списку:

— „Временникъ, еже есть нарицается лѣтописаніе князей земля руския, и како избра Богъ страну нашу на послѣднѣе время, и грады почаша бивати по мѣстомъ, преже новгородчкая волость і потомъ киевская, и о поставленіи Кіева, како во ими назвася Кіевъ“.

Эта книга убористой печати, въ восьмую долю, — до 37 печатныхъ листовъ—издана археографическою комиссією, подъ редакцію ея члена П. И. Савваитова, и обставлена имъ примѣчаніями и безчисленнымъ множествомъ разночтеній (варьян-товъ), разныхъ списковъ.

Трудъ многолѣтній, колоссальный, трудъ высоко плодотворный, такъ какъ эта лѣтопись составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ выкаменей отечественной исторіи.

М. С.

Л.

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ

АЙВАЗОВСКІЙ.

Полувѣковая годовщина его художественной дѣятельности.

26-ое сентября.

1837—1887.

„Русская Старина“, постоянно внимательная въ заслугамъ наиболѣе выдающихся русскихъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ служенія ихъ отечеству, еще въ 1878-мъ году помѣстила обширную автобіографію высокоуважаемаго, славнаго во всей Европѣ профессора живописи, Ивана Константиновича Айвазовскаго.

Редакторъ „Русской Старины“ лично убѣдилъ Ивана Константиновича подѣлиться своими воспоминаніями съ читателями этого изданія, и его автобіографія, изложенная скромно, просто, съ задушевною искренностію, напечатана въ XXI-мъ, XXII-мъ, XXIII-мъ и въ XXXI-мъ томахъ „Русской Старины“ (изд. 1878 г., апрѣль, стр. 649—674; іюль, стр. 423—444; сентябрь, стр. 55—74; октябрь, стр. 281—306; изд. 1881 г., іюль, стр. 411—436). Эта автобіографія великаго русскаго художника, конечно, навсегда послужитъ, да ужъ въ настоящее время и послужила всѣмъ и каждому, кто пожелаетъ ознакомиться съ художественною дѣятельностію истинно феноменальнаго, по своему таланту, мариниста, наилучшимъ для того источникомъ.

Айвазовскимъ съ 1836-го по 1887-й годъ написано до 2,300 картинъ; многія, очень многія изъ нихъ представляютъ совершенство, повторяемъ—почти феноменальное явленіе въ живописи; всѣ онѣ служатъ украшеніемъ сотней музеевъ, общественныхъ и частныхъ собраній художественныхъ произведеній, едва ли не во всѣхъ странахъ стараго и новаго свѣта.... Многіе изъ русскихъ художниковъ заняли видное мѣсто на страницахъ исторіи отечественныхъ художествъ, но, какъ справедливо замѣчено „Русской Стариною“ еще въ 1878-мъ году, завидный жребій списать вполнѣ европейскую славу выпалъ на долю лишь

немногихъ русскихъ и къ числу этихъ немногихъ принадлежитъ художникъ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій.

Отсылая читателей нашихъ, которые пожелали бы воскресить въ своей памяти всё подробности труженической и полной блестящихъ триумфовъ артистической жизни Айвазовскаго, къ его собственному, въ высшей степени интересному и обширному, разсказу, мы здѣсь лишь въ нѣсколькихъ строкахъ напомнимъ главнѣйшіе факты жизни, труда и торжества маститаго профессора.

Иванъ Константиновичъ родился въ Крыму въ Феодосіи, 17 іюля 1817 года. Ребенкомъ 10—12 лѣтъ Айвазовскій самоучкою игралъ на скрипкѣ и занимался рисованіемъ; феодосійское уѣздное училище было первымъ учебнымъ заведеніемъ, которое дало мальчику первоначальное образованіе; въ 1830-мъ году онъ его продолжалъ въ симферопольской гимназій, но и здѣсь, и тамъ постоянно рисовалъ. Рисунки эти были замѣчены, представлены императору Николаю Павловичу, и вотъ юноша переведенъ въ С.-Петербургъ, гдѣ 23-го августа 1833 года опредѣленъ ученикомъ, пансіонеромъ кабинета его величества, въ императорскую академію художествъ.

Въ мартѣ 1836 года талантъ Айвазовскаго обратилъ особое вниманіе августѣйшаго его покровителя императора Николая Павловича, при весьма интересныхъ обстоятельствахъ, уже разсказанныхъ въ „Русской Старинѣ“ („Русск. Стар.“ 1878 г., т. XXII). Николай I одобрилъ его картину, выдалъ художнику денежную награду и назначилъ Айвазовскаго сопровождать его императорское высочество великаго князя Константина Николаевича въ его первомъ практическомъ плаваніи по Финскому заливу.

Результатомъ этого плаванія для Айвазовскаго было то, что въ осенней въ академіи выставкѣ 1836 г. имъ было написано семь морскихъ видовъ, послужившихъ краеугольными камнями его будущей извѣстности и славы. Айвазовскій тогда же, въ сентябрѣ 1836 г., былъ награжденъ за свои картины первую золотую медалью, приблизившею ему на два года срокъ отъѣзда въ чужіе края, назначеннаго, вмѣсто 1842 г., на 1840 г. Картины его были куплены императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Въ мартѣ 1838 года, послѣ пятилѣтней разлуки съ своею

родиною, Айвазовскій отправился въ Крымъ; отсюда присланы имъ пять картинъ; въ апрѣлѣ 1839 г. является новый рядъ его картинъ; сюжетъ для нихъ онъ беретъ на очаровательномъ южномъ берегу Крыма. Лѣтомъ того же 1839 г. Иванъ Константиновичъ сопутствуетъ генералу Н. Н. Раевскому въ его боевой экспедициі— на восточный берегъ Чернаго моря. Плодомъ участія Айвазовскаго въ экспедициі была превосходная картина, изображающая перестрѣлку въ моментъ десанта у Субаша. Какъ эта картина, такъ и видъ Севастополя въ 1840 году, были приобретены императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Въ томъ же 1840 году Айвазовскій отправленъ, какъ одинъ изъ талантливейшихъ художниковъ, выпущенныхъ академію, въ Италію. Невозможно въ краткой замѣтѣй перечислить длинный рядъ художественныхъ произведеній Ивана Константиновича, скажемъ одно, что онъ трудился неустанно, трудился съ поразительною энергіею и каждый день пребыванія его въ Италіи былъ днемъ его все большаго и большаго усовершенствованія; но это не былъ рядовой труженникъ, это былъ истинный художникъ,—талантъ, писавшій всегда подъ наитіемъ вдохновенія.

— „Живописецъ, только копирующій природу, — говорилъ намъ еще въ 1878 г. Иванъ Константиновичъ, — становится ея рабомъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Человѣкъ, не одаренный памятью, сохраняющею впечатлѣнія живой природы, можетъ быть отличнымъ копирувальщикомъ, живымъ фотографическимъ аппаратомъ, но истиннымъ художникомъ—никогда! Движенія живыхъ стихій неуловимы для кисти: писать молнію, порывъ вѣтра, всплескъ волны—немыслимо съ натуры. Для этого-то художникъ и долженъ запоминать ихъ, и этими случайностями, равно какъ и эффектами свѣта и тѣней, обставлять свою картину. Такъ я писалъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, такъ пишу и теперь; писать тихо, корпеть надъ картиною цѣлые мѣсяцы не могу. Сюжетъ картины слагается у меня въ памяти, какъ сюжетъ стихотворенія у поэта; сдѣлавъ набросокъ на клочкѣ бумаги, я приступаю къ работѣ и до тѣхъ поръ не отхожу отъ полотна, пока не выскажусь на немъ моею кистью“.

„Набросавъ карандашомъ на клочкѣ бумаги планъ задуманной мною картины, я принимаюсь за работу и, такъ сказать, всей душой отдаюсь ей. Обдумывая картину, я не отвлекаю отъ

моего вниманія не только праздными разговорами, но даже и видомъ предметовъ постороннихъ; не выхожу на улицу, не смотрю ни на горизонтъ, ни на окрестную мѣстность. Непременное условіе моей мастерской—гладкія стѣны, не обвѣшанныя ни картинами, ни эскизами. Удаленіе отъ мѣстности, изображаемой на моей картинѣ, заставляетъ лишь явственнѣе и живѣе выступить всё ея подробности въ моемъ воображеніи.... Вдохновенный видомъ живописной мѣстности при эффектномъ ея освѣщеніи, либо какимъ нибудь моментомъ бури—я сохраняю воспоминаніе о нихъ многіе годы. Таково же точно свойство и чувствительныхъ моихъ способностей: горе и радость я сознаю сильнѣе, когда они переходятъ въ область минувшаго.... Мое воображеніе сильнѣе воспримчивости дѣйствительныхъ впечатлѣній. Они записываются въ памяти моей, какъ будто какими-то симпатическими чернилами, проступающими весьма явственно отъ времени или отъ теплаго луча вдохновенія. Въ теченіи многихъ лѣтъ моей художественной дѣятельности я написалъ очень много картинъ, въ которыхъ сосредоточены воспоминанія о живой природѣ разныхъ мѣстностей и разныхъ эпохъ моей жизни.... Таково, повторяю, свойство моей кисти и характерная особенность моей художественной складки... Внимательно изучивъ атмосферическія перемѣны, игру свѣта и тѣни на волнахъ моря, на вершинахъ горъ, на купахъ деревьевъ—я могу воспроизводить ихъ, какъ нѣчто давно мнѣ знакомое, съ тою быстротою, за которую укоряютъ меня нѣкоторые строгіе судьи“. („Русская Старина“, 1878 г., томъ XXII, автобіографія И. К. Айвазовскаго, стр. 425—427).

Поразительная быстрота работъ—свойство, присущее таланту И. К. Айвазовскаго, явленіе весьма замѣчательное, но уже имѣвшее мѣсто въ исторіи живописи. Такъ, изъ великихъ мастеровъ разныхъ старинныхъ школъ уважемъ на Кореджіо (1569 † 1609), на Рубенса (1577 † 1640), на Рембрандта (1606 † 1671), наконецъ, на Луку Джіордано (1632 † 1705), прозваннаго „скорописцемъ извѣстную“; картину свою — „Умирающій Сенека“ онъ написалъ въ однѣ сутки, — И. К. Айвазовскій, въ академіи художествъ, въ мастерской художника Орловскаго, въ теченіи 2½ часовъ написалъ большую картину (въ 1875 г.),

а въ бытность свою въ Петербургѣ, съ 5-го ноября 1877 по 1-е марта 1878 г., написалъ до двадцати картинъ.

Пребываніе въ Италіи было въ высшей степени полезно для развитія художественнаго таланта молодого человѣка. Осматривая и изучая памятники искусства — въ особенности въ Римѣ, Айвазовскій тогда же восторженно писалъ къ одному изъ своихъ знакомыхъ: „Здѣсь, въ Италіи, день стоитъ года. Я, какъ пчела, сосу медь изъ цвѣтника, чтобы принести благодарную дань царю и матушкѣ Россіи!“

Отсылаемъ читателей къ автобіографіи славнаго художника; въ ней онъ найдетъ, между прочими интересными подробностями, обстоятельный рассказъ Ивана Константиновича о первомъ пребываніи за границей въ 1840 до осени 1844 г., въ Италіи, Франціи, Англіи, Португаліи, Испаніи, Нидерландахъ, о его неутомимыхъ трудахъ въ бытность его въ западной Европѣ ¹⁾, его знакомствахъ и приключеніяхъ; тамъ же приведены и восторженные отзывы газетъ того времени, между прочимъ, „Художественной Газеты“ 1841 года, издававшейся въ С.-Петербургѣ, о блестящихъ успѣхахъ русскаго художника (см. „Русскую Старину“, изд. 1878 г., т. XXII, стр. 423—444).

Осенью 1844 года Айвазовскій былъ уже въ С.-Петербургѣ: въ высшей степени милостивый приѣмъ императора Николая Павловича, званіе академика, орденъ св. Анны 3-й степени и, наконецъ, громадный заказъ отъ самого государя—были наградами Айвазовскому за его заграничные труды, за ту славу, которою озарилъ онъ русскую академію художествъ, являясь, въ качествѣ ея питомца, съ своими дивными картинами на выставкахъ художественныхъ произведеній въ различныхъ центрахъ европейской цивилизаціи.

Государь поручилъ Айвазовскому написать виды нашихъ первоклассныхъ портовъ и приморскихъ городовъ. Отсюда новыя путешествія, новыя картины, новый родъ блестящихъ триумфовъ на художественныхъ выставкахъ.

21-го сентября 1844 г. Айвазовскій былъ удостоенъ званія

¹⁾ Со времени выѣзда своего изъ Россіи въ 1840 г. по конецъ 1843 г.—Айвазовскій нарисовалъ до 50 большихъ картинъ и набросалъ безчисленное множество эскизовъ. („Русск. Стар.“, 1878 г., т. XXII, стр. 440).

„живописца главнаго морскаго штаба е. и. величества“. Интересны рассказы объ отношеніяхъ государя Николая Павловича къ гениальному художнику:

— „Милость и благосклонное ко мнѣ вниманіе въ Божѣ почивающаго императора—такъ рассказывалъ намъ въ 1878 году Иванъ Константиновичъ, были для меня велики и останутся навсегда незабвенны. По высочайшей волѣ, мнѣ, когда я писалъ виды морскихъ сраженій, давались всевозможныя пособія отъ адмиралтейства: чертежи кораблей, рисунки оснастки судовъ, вооруженіе и т. д. Для доставленія мнѣ случая видѣть полетъ ядра рикошетомъ по водной поверхности, императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ произвести при мнѣ, въ Кронштадтѣ, нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ боевыми зарядами. Для ближайшаго ознакомленія моего съ движеніями военныхъ кораблей во время морскихъ сраженій, государь предложилъ мнѣ однажды присутствовать на морскихъ маневрахъ на Финскомъ заливѣ. Глубоко врѣзались въ мою память эффекты отраженія солнечныхъ лучей въ клубахъ пороховаго дыма, быстро взвивавшихся къ небу, или плавно разстлавшихся на поверхности залива. Помню, какъ государь, осматривая одну изъ оконченныхъ мною картинъ, замѣтилъ, что изображенныя на ней волны и всплески отъ ядеръ, падающихъ въ воду, не совсѣмъ согласны съ дѣйствительностью, а потому его величество желалъ-бы, чтобы я сдѣлалъ нѣкоторыя исправленія. Я позволилъ себѣ отозваться, что предпочитаю, вмѣсто исправленія, написать новую картину. Князь Петръ Михайловичъ Волконскій, строгій блюститель экономіи по министерству двора, послѣдшилъ предудить меня, что вторую картину я обязанъ написать безъ всякаго за нее вознагражденія. Даже безъ этого предваренія я, конечно, и самъ не упомянулъ бы о вторичной платѣ; но покойный императоръ Николай Павловичъ, съ свойственною ему истинно царскою щедростью, приказалъ выдать мнѣ и за вторую картину точно такое же вознагражденіе, какъ и за первую. Прибавлю ко всему этому, что обхожденіе государя со мною всегда отличалось тою обаятельною благосклонностью, съ которою онъ вообще относился къ художникамъ и артистамъ“. („Русск. Стар.“, 1878 г., т. XXII, стр. 443—444).

Было бы очень долго, если бы мы стали обозрѣвать жизнь и художественную дѣятельность маститаго художника за все полустолѣтіе; она изложена со словъ самого Ивана Константиновича въ обширной монографіи, протянувшейся десять лѣтъ тому назадъ, къ большому удовольствію читателей „Русской Старины“, по нѣсколькимъ книгамъ изданія нашего журнала за 1878 и 1881 годы. Скажемъ коротко: въ основѣ этой жизни лежалъ трудъ, трудъ и опять-таки трудъ.

Работая непрерывно, отдаваясь труду беззавѣтно, съ страстью, художникъ постоянно учился и учился усердно у величайшей учительницы—природы, внимательно изучая ее въ многочис-

сленныхъ, съ этою цѣлью предпринимаемыхъ, путешествійхъ. Самое пребываніе его въ родномъ Крыму, куда онъ издавна стремился каждую раннюю весну, нельзя было назвать отдыхомъ, напротивъ: южная природа была нестоимымъ источникомъ вдохновенія для трудолюбиваго художника, и въ Крыму все лѣто до поздней осени онъ работалъ гораздо болѣе, нежели зимою въ Петербургѣ... Въ одинъ изъ періодовъ его продолжительнаго пребыванія въ Крыму, съ апрѣля 1845 г. по іюль 1846 года, Иванъ Константиновичъ имѣлъ, какъ онъ говорилъ, истинное счастье, по волѣ государя, сопровождать его императорское высочество государя великаго князя Константина Николаевича въ его продолжительномъ плаваніи въ берегамъ европейской Турціи, Малой Азіи и по Архипелагу.

— „Это путешествіе, кромѣ наслажденія—быть въ обществѣ высокообразованнаго, любезнаго, всегда добраго и благосклоннаго ко мнѣ генераль-адмирала, доставило мнѣ,—говорилъ намъ Иванъ Константиновичъ,—обширный запасъ эскизовъ и обогатило мою счастливую художественную память множествомъ новыхъ впечатлѣній“.

Лѣтомъ 1846 года, по возвращеніи изъ своего путешествія, Айвазовскій, со свойственною ему быстротою, воспроизвелъ и выставилъ въ Одессѣ и Феодосіи двѣнадцать картинъ... Они были встрѣчены восторженными отзывами. (См. „Русскую Старину“ 1878 г., т. XXIII, стр. 59, біографія Айвазовскаго).

Итакъ, въ десять лѣтъ безвѣстный юноша—сдѣлался европейскою знаменитостью: Италия, Франція, Англія, Нидерланды восхищались его произведеніями, съ уваженіемъ произносили его имя; на родинѣ, въ Россіи, онъ силою своего таланта и неутомимаго труда занялъ почетное положеніе, и восторгъ, возбуждаемый его произведеніями во всѣхъ классахъ общества, былъ надежнымъ залогомъ упроченія его славы и за обезпеченіе его матеріальнаго благосостоянія...

И этотъ почетъ, эта слава не умалились затѣмъ—въ теченіи болѣе пятидесяти лѣтъ.

Болѣе полулѣта маститый художникъ-профессоръ пользуется всеобщимъ уваженіемъ, каждое произведеніе его гениальной кисти встрѣчается—какъ произведеніе великаго мастера, славнѣйшаго учителя.

Это чистый, безъ пятна и упрека, служитель искусства. Всю жизнь онъ стоялъ внѣ всякихъ дрязгъ, пошлостей, сплетень и интригъ, которыми и нашъ художественный міръ кипятъ, какъ и другіе мірки. Какъ гражданинъ, онъ сдѣлалъ очень много для своего родного края, и никогда не отвращался отъ бѣдности и несчастія: какъ часто сборы съ выставокъ его истинно художественныхъ произведеній, во всѣ періоды его многолѣтней жизни привлекавшихъ толпы зрителей, обращаемы имъ были въ пользу бѣдныхъ всѣхъ слоевъ русскаго общества и въ особенности часто въ пользу бѣдныхъ тружениковъ и учащихся въ области того искусства, которое обезсмертило его имя!

Честь и слава Ивану Константиновичу Айвазовскому, слава и какъ художнику, и какъ гражданину нашего дорогаго Отечества.

26-е сентября 1887 года было истиннымъ праздникомъ и вполне заслуженнымъ торжествомъ въ жизни великаго художника.

Къ многочисленнымъ привѣтамъ, присланнымъ и полученнымъ имъ какъ съ высоты трона, такъ и изъ дальнихъ уголковъ Россіи, присоединился голосъ с.-петербургскаго городского общественнаго управленія.

Еще 16-го сентября, въ засѣданіи с.-петербургской городской думы, гласные М. П. Боткинъ, П. В. Жуковскій и М. И. Семевскій—пишущій эти строки—внесли предложеніе почтить юбиляра, въ день 26-го сентября 1887 г. (день ангела Ивана Константиновича), привѣтствіемъ, и тутъ-же все собраніе единогласно приняло это предложеніе и утвердило адресъ, предложенный М. И. Семевскимъ. Вотъ онъ:

С.-Петербургская Городская Дума

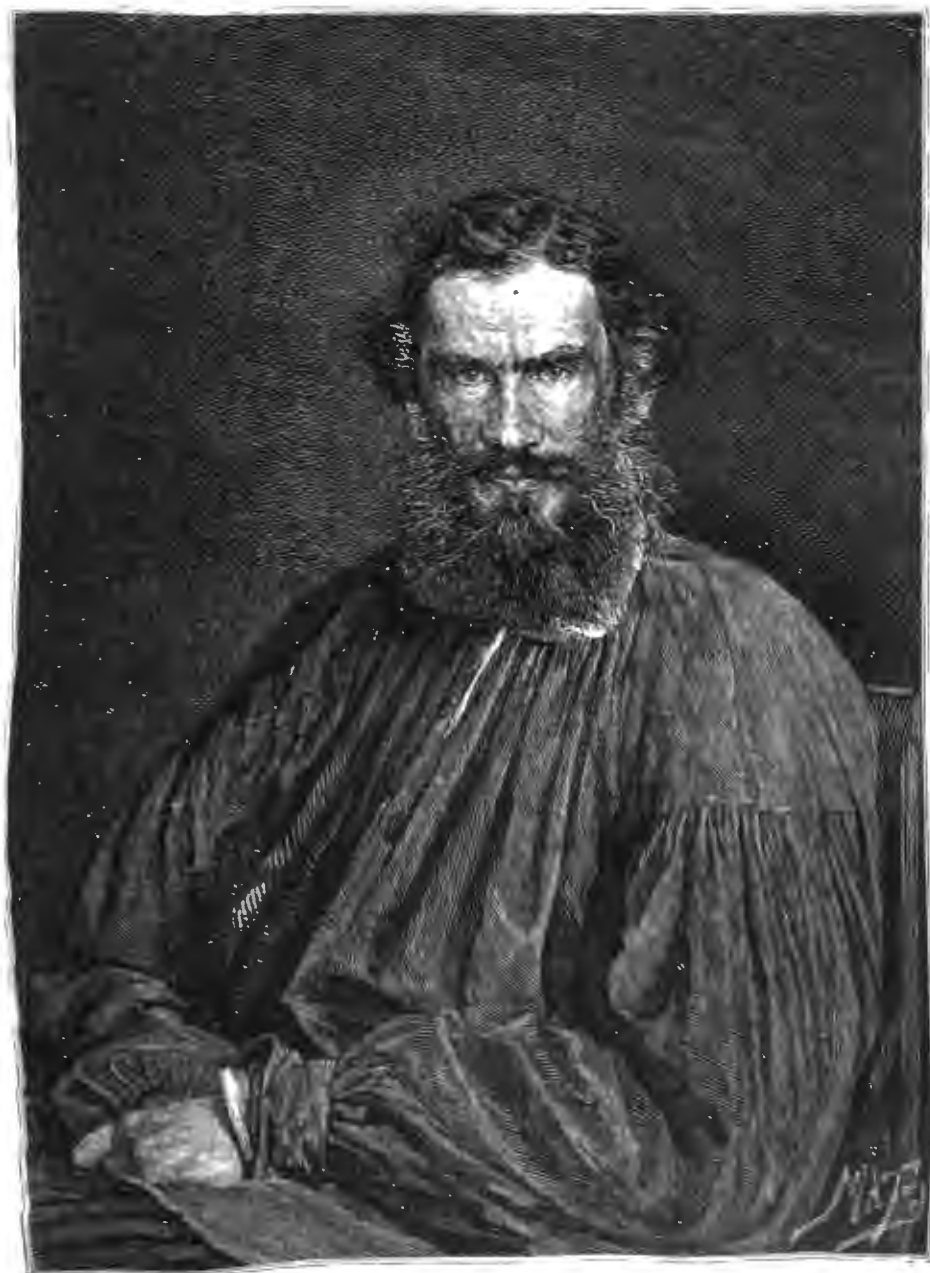
И. К. Айвазовскому.

— „Общественное управленіе города С.-Петербурга привѣтствуетъ васъ, высокоуважаемый Иванъ Константиновичъ, въ день пятидесятилѣтней годовщины служенія вашего отечественному искусству.

„Высокохудожественныя произведенія вашей кисти прославили имя ваше не только въ Россіи, но и далеко за ея предѣлами.

„Да сохранитъ Господь жизнь вашу на долгіе годы, да продолжатся труды ваши во славу дорогаго нашего Отечества и да пребудутъ они образцомъ для художниковъ всего міра“.

М. С.

ГРАФЪ ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ
ВЪ 1873 Г.

ГРАФИРА В. МАТЪ СЪ ПОРТРЕТА ПИСАННАГО КРАМСКИМЪ.

ТЕОДОСІЙ ЯНОВСКІЙ, АРХІЕПІСКОПЪ НОВГОРОДСКІЙ.

Историко-біографическій очеркъ.

IV ¹⁾.

Указомъ Петра I-го и по письму его, собственною его рукою писанному, къ Стефану Яворскому, въ 31-й день декабря 1720-го, Теодосій нареченъ архіепископомъ велико-новгородскимъ и велико-луцкимъ ²⁾. Теофанъ былъ моложе Теодосія, но епископомъ псковскимъ сдѣланъ былъ въ 1719-мъ году, а Теодосій только въ концѣ 1720 г.

П. Н. Петровъ объясняетъ это оставленіе Теодосія архимандритомъ до 1721-го года охлажденіемъ къ нему Стефана Яворскаго ³⁾. Изъ дѣла Тверитинова очевидно было натянутое отношеніе Стефана Яворскаго къ Теодосію, котораго первый готовъ бы былъ и тогда засадить въ монастырь, если бы только Теодосій не имѣлъ за себя покровителей въ лицѣ Меншикова и другихъ приближенныхъ къ государю лицъ, за сочувствіе Теодосія къ дѣлу Тверитинова.

Въ 1721-мъ году 25 января состоялся именной указъ объ учрежденіи духовной коллегии или святѣйшаго правительствующаго синода, вышелъ духовный регламентъ и назначены члены святѣйшаго синода ⁴⁾. Рѣшившись учредить новую форму

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., т. LV, июль, стр. 1—34; т. LVI, октябрь, стр. 31—44.

²⁾ См. Опис. докум. свят. синода, томъ I, X приложение, 15 письмо.

³⁾ См. примѣч. въ его книгѣ: Исторія С.-Петербурга, 357, стр. 50.

⁴⁾ Полн. собр. зав. Рос. имп., т. VI, № 3718.

церковнаго правленія, государь поручилъ Теофану Прокоповичу составить уставъ духовной коллегіи, который въ 1719 году и былъ имъ написанъ, подъ заглавіемъ: Духовный Регламентъ.

Въ манифестѣ объ учрежденіи святѣйшаго синода и изданіи Регламента, составленномъ Теофаномъ, слова: „понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ; къ тому-же не наслѣдственная власть, того ради вѣще не брегуть“, равно какъ слова: „имѣютъ-же всѣ члены сея коллегіи, при вступленіи въ свое дѣло, учинить присягу, или обѣщаніе предъ святымъ евангеліемъ, по приложенной формѣ присяги“, приписаны государемъ. Послѣ наименованія президента и двухъ вице-президентовъ, слова: „четыремъ совѣтникамъ, четыремъ ассесорамъ“, приписаны Теоодосіемъ, равно какъ и слѣдующая за тѣмъ статья: „а понеже помянулось въ семъ Регламентѣ, въ I-й части, въ 7 и 8 пунктахъ, что президентъ подлежати имать суду своего братіи, сіе есть той же коллегіи, аще бы въ чемъ знатно погрѣшилъ; того ради опредѣляемъ и голосъ оному имѣть единъ, съ прочими равный“¹⁾. На регламентѣ Теоодосій подписался еще какъ архимандритъ Александро-Невскій, такъ какъ оный былъ подписанъ имъ въ первой половинѣ 1720 года, до его хиротоніи²⁾.

Духовная коллегія, при первоначальномъ ея учрежденіи, состояла изъ президента, каковымъ былъ назначенъ Стефанъ, митрополитъ рязанскій и муромскій, бывший мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, двухъ вице-президентовъ, каковыми были назначены Теоодосій, архіепископъ велико-новгородскій и великолудскій, и Теофанъ, архіепископъ псковскій и нарвскій,—четырехъ совѣтниковъ, каковыми были: архимандритъ симоновскій Петръ, шпатскій Гавріилъ, новоспасскій Іерофей и высокопетровскій Леонидъ, и четырехъ ассесоровъ: іерея Анастасія Кондоиди (грека), протопопа троїцкаго Іоанна, петропавловскаго Петра и іеромонаха Варлаама, исполнявшаго должность оберъ-секретаря³⁾.

Въ новомъ званіи Теоодосій не снискалъ любви ни у духовенства, ни у народа. Духовенство не любило его за то, что онъ обращался съ нимъ надменно, смотрѣлъ на великорусскихъ

¹⁾ См. кабин. Петра В., дѣла I, № 31, л. 30 и 31.

²⁾ См. Опис. докum. свят. синода, т. I, стр. 30.

³⁾ Тамъ-же, томъ I-й, № 665, столб. 709.

архіереевъ съ презрѣніемъ, а прочихъ архимандритовъ и протопоповъ ни во что не ставилъ. „Только себя любилъ, писалъ о немъ казанскій митрополитъ Сильвестръ, а братію весьма ненавидѣлъ. Еще же по острожелчію своему дневною вымышлялъ, какъ бы брату своему павость сотворить, а иногда искій, кого бы и поглотити“. Кромѣ того, подъ рукою ходили слухи, что онъ бралъ съ архіереевъ и архимандритовъ дары и за это вознаграждалъ ихъ доходными мѣстами и оберегалъ отъ донощиковъ. Народъ не могъ извинить ему его прихотливой жизни, оскорблявшей въ его лицѣ санъ епископа и званіе монаха ¹⁾. „Въ санѣ архіерейскомъ, говоритъ С. М. Соловьевъ ²⁾, Ѳеодосій былъ человѣкомъ энергическимъ, но неудержимымъ въ дѣлѣ и словѣ, властолюбивымъ и корыстолюбивымъ. Ѳеодосій былъ готовъ на преобразованія въ церкви, но когда эти преобразованія начинали клониться къ уменьшенію его значенія и доходовъ, онъ былъ очень недоволенъ и не умѣлъ сдерживать своего неудовольствія. Честолюбіе Ѳеодосія было оскорблено тѣмъ, что, по смерти Стефана Яворскаго, онъ не былъ назначенъ президентомъ синода, корыстолюбіе — урѣзывать доходъ, неадачею жалованья“.

По учрежденіи святѣйшаго синода, Стефанъ Яворскій хотя и былъ назначенъ президентомъ синода, но дѣйствующими и вліятельными лицами въ немъ уже были Ѳеодосій и Ѳеофанъ Провоповичъ, какъ вице-президенты синода. Ѳеодосій и Ѳеофанъ въ синодѣ дѣйствовали согласно въ одномъ направленіи и въ этомъ направленіи сходились съ государемъ. Съ Ѳеодосіемъ Ѳеофанъ первые годы синодальнаго правленія былъ уклончивъ, уступалъ Ѳеодосію повсюду первенство и во всемъ преимущество, какъ младшій архієпископъ. Стефанъ же былъ уже слабъ и хворъ и не могъ даже аккуратно посѣщать синодальныя засѣданія.

Петръ, безъ сомнѣнія, по словамъ г. Чистовича, не все зналъ о Ѳеодосіи; а то, что видѣлъ и зналъ, не казалось ему ни дурнымъ, ни предосудительнымъ для духовнаго лица. У него идея

¹⁾ См. объявленіе казанскаго митрополита Сильвестра о Ѳеодосіи, въ прибавленіи, № II; объявленіе это находится въ рукописи, въ дѣлахъ архива свят. синода, 1731 г., № 292, л. 86—91.

²⁾ См. т. XVIII его Исторіи, стр. 315.

всегда шла впереди факта и заслоняла собою фактъ. Ему нравились понятія Ѳеодосія: что нужды, что онъ живетъ не какъ подвижникъ? За то разумѣть дѣло и проводить хорошія понятія въ церковномъ правленіи. Петръ радъ былъ встрѣтить человѣка съ свѣтлою мыслию и живымъ взглядомъ на вещи, и держалъ и цѣнилъ его, не смотря на недостатки и веровности его личнаго поведенія, такъ, какъ онъ цѣнилъ Меншикова и другихъ.

Еваторина смотрѣла на Ѳеодосія глазами Петра и уважала его, какъ вѣрнаго исполнителя государевой воли. Изъ писемъ къ ней Ѳеодосія видно, что онъ пользовался ея милостію и прибѣгалъ къ ея покровительству, когда замѣчалъ, что навлекъ на себя гнѣвъ государя. Но и тутъ Ѳеодосій не могъ сдерживать своей заносчивости. Въ 1721 году государыня пожаловала ему на панагію алмазовъ, съ тѣмъ, чтобы украсить ими на одной сторонѣ распятіе, а на другой портретъ государя. Пожалованныхъ алмазовъ не достало на это украшеніе. Ѳеодосій обратился къ кабинетъ-секретарю Макарову и просилъ его доложить государынѣ, чтобы она не поскупилась на прибавку алмазовъ, потому что онъ (Ѳеодосій) въ гробъ съ собою панагіи не положитъ, а по смерти его она возвратится въ кабинетъ. Ѳеодосій такъ писалъ Макарову: „Всемиловитѣйшая государыня царица и великая княгиня Екатерина Алексѣевна, при походѣ своемъ нынѣ въ Ригу, изволила пожаловать на обѣщанную давно невскому архимандриту панагію алмазовъ, которые отданы господиву Черкасову. А по усмотрѣнію золотыхъ дѣлъ мастера, на украшеніе обоедное, то есть распятія и персоны государевой вмѣстѣ, оныхъ алмазовъ будетъ мало, и ежели де (сказалъ мастеръ) убрать хорошенько, то на одну сторону къ распятію или къ персонѣ государевой, надобно къ прежнимъ въ прибавокъ алмазовъ на 260 рублей. А ежели де обѣ стороны убирать равно, то надобно на 1,000 рублей къ прежнимъ алмазамъ. А прежнихъ алмазовъ число и количество вѣдомо у помянутаго господина Черкасова. А понеже оной панагіи невскій архимандритъ въ гробъ съ собою не положитъ, но останется въ монастырѣ въ сокровищѣ церковномъ, на славу царскаго величества, или можетъ, по смерти упомянутаго архимандрита, до заслуженія въ такихъ же трудахъ другаго, и въ кабинетъ (вм. въ кабинетъ) паки возвращена быть; того ради, поманувъ убогіе труды и

многое жданіе (разумѣется архіерейства) настоящаго архимандрита, благоволите оную панагію устроить по обѣщанію мнѣ вашего благородія, чтобъ знатна была онаго служба. Прочее пребываю вашего благородія всеблагожелательный молитвенникъ, Ѳеодосій архієпископъ новгородскій, архимандритъ Александроневскій. Изъ монастыря Александроневскаго, апрѣля 25 дня 1721 года“.

Къ этому же письму приложена цидулка Ѳеодосія къ Макарову, въ формѣ постскрипта. „Ежели благовременно будетъ, не извольте запаматовать о отдачѣ соляныхъ прибыльныхъ денегъ Невскому монастырю на строеніе, отъ промысла того-жъ монастыря“.

„О архимандритахъ, которымъ быть въ коллегіи духовной, чтобъ отданы были въ ихъ диспозицію монастыри ихъ совѣмъ, какъ были прежде описи, чтобъ о томъ изволилъ самъ всемиловѣйшій государь повелѣть отъ каморъ и штатсъ-конторъ коллегій президентамъ“.

Подобное требованіе Ѳеодосія не могло произвести хорошаго впечатлѣнія на Екатерину. Но за прежнею близостью, въ продолженіи многихъ лѣтъ, еще ступевывались черты грубости и заносчивости зазнавашагося монаха ¹⁾. Алмазы были присланы ²⁾; панагія сдѣлана, и Ѳеодосій носилъ ее, какъ драгоценный даръ государя, на груди, на голубой лентѣ. „Всенижайше благодарю, писалъ Ѳеодосій императрицѣ, вашему величеству за милостивѣйшее благоволеніе о устроеніи панагіи невскому архимандриту, которая уже начата дѣлать“...

При самомъ утвержденіи своемъ, святѣйшій синодъ долженъ былъ заниматься дѣломъ о разводѣ Салтыковыхъ, дѣломъ новымъ и труднымъ. По поводу этого дѣла, Ѳеодосій Яновскій писалъ императрицѣ Екатеринѣ: „Всенижайше доношу вашему величеству о дѣлѣ Салтыкова съ женою его, которые хотятъ, чтобы дѣло по ихъ желанію было сдѣлано, а виноватаго бѣ не было; къ тому жъ и чести своей очень берегутъ и одинъ

¹⁾ См. стр. 85 Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время.

²⁾ См. письмо Ѳеодосія къ государинѣ, отъ 5-го мая 1721 г., напечат. у Чистовича, стр. 85—86 въ выноскахъ. Подлинное въ госуд. архивѣ, въ собраніи писемъ разныхъ лицъ къ Екатеринѣ I. И. М.

другому не уступаетъ; когда она подала челобитную на мужа въ синодъ, тогда его въ С.-Петербургѣ не было; а когда онъ прибылъ, тогда она изъ С.-Петербурга провалилась, а онъ безъ нея не хочетъ противъ ея челобитья отвѣтствовать; отъ чего не малая въ синодѣ трудность. И ежели впредь такъ будутъ поступать, то намъ не чѣмъ будетъ и начать. Не изволите ли, ваше величество, увѣдомиться чрезъ царевну, герцогиню Курляндскую, о ея, Салтыковой, отъ мужа въ Митавѣ побояхъ, такожде и у доктора ея высочества, который ее, Салтыкову, послѣ тѣхъ побоевъ пользовалъ лекарствами; секретарю вашего величества взять бы сказку за рукою онаго доктора, которая бы намъ въ рѣшенію дѣла много помогла; понеже побоевъ смертныхъ и не смертныхъ никто такъ тонко не можетъ, какъ доктора. Сіе написавъ, ежели что непристойное, всенижайше прошу прощенія ¹⁾).

Въ этомъ любопытномъ письмѣ вскрываются причины той медленности, какою отличалось тогда наше судопроизводство. Въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о разводѣ Александры Григорьевны, урожденной Долгоруковой, съ кравчимъ Василиемъ Федоровичемъ Салтыковымъ. Отецъ Салтыковой, князь Григорій Федоровичъ Долгорукій, также въ письмѣ къ императрицѣ, указываетъ на другія причины медленности: „Всѣмъ обидимымъ милостивая мать! Извѣстно вашему величеству, какія дочь моя отъ мужа своего нестерпимыя обиды и смертныя побои терпѣла и совсѣмъ ограблена и нынѣ безъ всякаго милостиваго страждетъ разсужденія, что еще по се время не только праваго рѣшенія и ни начала по неусыпному моему прошенію въ ея извѣстномъ дѣлѣ нѣтъ, когда многія противныя сильныя особы людей въ пользу его просятъ и принуждаютъ, а моего никакого истиннаго прошенія принять не хотятъ и къ себѣ ни съ какою истинною меня не допускаютъ; того ради помянутый зять мой въ Москвѣ и по

¹⁾ См. письмо въ госуд. архивѣ, въ собраніи писемъ къ Екатеринѣ I, напеч. также у Соловьева, т. XVIII, стр. 197—198, и у г. Чистовича, см. стр. 26 его Феофана; К. А. Чистовичъ болѣе придерживается точныхъ выражений подлинника письма, а Соловьевъ нѣкоторыя слова замѣняетъ словами современнаго языка. Мы приводимъ это письмо согласно съ принятымъ текстомъ С. М. Соловьева. См. также каб. дѣла кн. 57, II отдѣл., л. 68 и 69, докладъ синода царю по дѣлу Салтыкова, отъ 28-го августа 1721 г., и л. 31 и 32 той-же книги. И. М.

деревнямъ всегда ѳздитъ и доннѣ гуляетъ и веселится и мнѣ ругается, и я, съ моею фамиліею, въ слезахъ едва живъ обрѣтаюсь, что по се время ни въ которой коллегіи ни единого моего праваго дѣла окончить, ни правымъ, ни виноватымъ учинить не хотятъ, токмо безстыдно все продолжаютъ до того времени, чтобъ я отсюды по прежнему отѣхалъ“¹⁾. Дѣло это длилось, не смотря на медицинское освидѣтельствованіе побоевъ Салтыковой докторомъ Бидлоо, и кончилось уже въ 1730 году. Салтыкова постриглась, послѣ развода, въ нижегородскомъ монастырѣ, а мужъ ея въ томъ же году умеръ²⁾.

Ѳеодосій былъ солидаренъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ раскольниковъ съ нижегородскимъ епископомъ Питиримомъ, съ которымъ онъ былъ въ перепискѣ. Ѳеодосій самъ извѣстилъ Питирима о своей хиротоніи въ архіепископа новгородскаго, и Питиримъ отвѣчалъ ему, что онъ радуется всею душою, что Ѳеодосій сдѣланъ архіепископомъ новгородскимъ³⁾. Питиримъ обращается къ Ѳеодосію по дѣламъ раскольническимъ и Ѳеодосій ходатайствуетъ о приведеніи въ исполненіе его ходатайствъ предъ синодомъ и предъ государемъ чрезъ кабинетъ-секретаря Магарова. Питиримъ, очевидно, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ѳеодосіемъ, и сходился Питиримовъ взглядъ на раскольниковъ со взглядомъ на послѣднихъ самого Ѳеодосія. А каковъ былъ взглядъ Ѳеодосія на раскольниковъ, мы уже видѣли изъ его записки, представленной государю о братьяхъ Денисовыхъ.

Ѳеодосій, въ качествѣ архіерея новгородскаго, на первыхъ же порахъ начинаетъ проявлять свою административную дѣятельность какъ по своей епархіи, такъ и по синоду, какъ старшій и вліятельный вице-президентъ послѣдняго. По имянному указу 1721 г., Ѳеодосій опредѣляетъ въ святѣйшій синодъ канцеляристами къ дѣламъ изъ архіерейскихъ домовъ старыхъ подъячихъ, изъ новгородскаго—Герасима Семенова, и изъ ростовскаго — Ивана Орлова⁴⁾. Первый изъ этихъ канцеляристовъ,

¹⁾ См. письмо въ госуд. архивѣ, въ собраніи писемъ къ Екатеринѣ I-й.

²⁾ См. подробности у М. И. Семевскаго, въ его книгѣ: „Дарица Правосовья“, въ главѣ IV. Изданіе второе. 1883 г.

³⁾ См. Опис. докум. св. синода, т. I, приложенія, стр. СХVIII, письмо 10 марта 1721 г. Питирима.

⁴⁾ См. Опис. докум. св. синода, т. I, стр. 76, № д. 106 и 371, 16 февр. и 12 сент. 1721 г.

Герасимъ Семеновъ, за усердные труды, былъ назначенъ, по приговору святѣйшаго синода, секретаремъ, дабы имя его написано было съ прочими секретарями. Впрочемъ, такъ какъ Герасимъ Семеновъ былъ и секретаремъ архіепископа новгородскаго Ѳеодосія, то синодъ постановилъ: „быть ему у дѣлъ секретаремъ и засѣданіе съ прочими секретари имѣть, и въ званіи своемъ дѣйствительно поступать, когда президентство, а именно президентъ и вице-президенты со прочими членами собраніе имѣть будутъ, и въ прочія времена быть ему, Герасиму, при ономъ преосвященномъ архіепископѣ у отправленія порученныхъ ему дѣлъ, а за вышеозначенные его труды до синодальной отправки учинить ему изъ синодальныхъ доходовъ трактamentъ секретарской“

Ѳеодосій опредѣляетъ въ греко-славянскую при его домѣ школу учителемъ и проповѣдникомъ, вмѣсто выбывшихъ въ Москву братьевъ Лихудовъ, іеродіакона московскаго Заиконоспасскаго монастыря, Іоасафа Туркевича, и изъ своей домовой казны опредѣляетъ ему жалованье ¹⁾. О своемъ опредѣленіи Ѳеодосій доноситъ святѣйшему синоду.

31-го марта 1721 года преосвященный Ѳеодосій представляетъ въ святѣйшій синодъ доставленную ему мірскимъ судьей, нижегородскимъ губернаторомъ Ржевскимъ, табель о раскольникахъ и о собранныхъ съ нихъ деньгахъ за 1718—1719 годы, по нижегородской епархіи. Табель эта повѣзываетъ, что всѣхъ раскольниковъ въ Нижегородской губерніи было въ то время 37,771 душа обоюго пола; собрано съ нихъ штрафныхъ денегъ 19,715 руб., 33 алтына, 2 деньги ²⁾.

Церковникъ ямбургскаго собора, Петръ Борисовъ, подаетъ преосвященному Ѳеодосію свое представленіе о сборѣ вѣчныхъ пошлинъ съ жителей лютеранскаго исповѣданія въ Ямбургѣ, Копорьѣ и другихъ новозавоеванныхъ городахъ и уѣздахъ; подобное же доношеніе подавъ означенный выше Борисовъ и въ святѣйшій синодъ ³⁾.

Въ 1721 г. Ѳеодосій предлагаетъ святѣйшему синоду письмо

¹⁾ См. I т. Опис. docum. св. синода, № д. 117 и 396, 24 февр. и 13 сент. 1721 г., стр. 88.

²⁾ См. томъ I-й Опис. docum. св. синода, стр. 96—97.

³⁾ Тамъ-же, стр. 115.

Митрополита Тихона, объ отдачѣ въ ризницу казанскаго архіерейскаго дома церковныхъ вещей, оставшихся послѣ смерти армянскаго архіерея. 5 марта 1721 г. состоялось опредѣленіе синода отдать эти вещи епископу Иннокентію, опредѣленному въ Китай во епископа ¹⁾).

Въ 1721 году Ѳеодосій проситъ синодъ сдѣлать распоряженіе о высылкѣ въ Александро-Невскій монастырь изъ Кіево-Печерскаго и другихъ малороссійскихъ монастырей голосистыхъ іеромонаховъ и монаховъ и о посылкѣ на флотъ монаховъ изъ другихъ архіерейскихъ домовъ и монастырей, кромѣ Невскаго ²⁾).

Въ 1721 году открылось, что Ѳеодосія хотять лишити жизни, по доносу іеродіакона Александро-Невскаго монастыря Пафнутія на намѣстника того монастыря, іеромонаха Варлаама Голенковскаго, о намѣреніи сего послѣдняго лишити жизни архіепископовъ новгородскаго Ѳеодосія и псковскаго Ѳеофана. По этому доносу были допрошены іеродіаконъ Павелъ и Мелетій. Іеродіаконъ Павелъ показалъ, будто намѣстникъ Александро-Невской лавры Варлаамъ Голенковскій говорилъ ему, Павлу, въ чуланѣ своемъ наединѣ: „судья де имъ Богъ, что меня никуда не отпущаютъ, когда-бъ де ихъ Богъ умертвилъ двухъ человѣковъ, а имянно, новгородскаго, да псковскаго архіереевъ, то-бъ де я на Украйну свободно выгѣхалъ“. Іеродіаконъ же Мелетій показалъ, что ему Павелъ, сидѣвшій на цѣпи въ хлѣбной, передалъ слѣдующія слова намѣстника: „коли-бъ намъ уморитъ преосвященнаго архіерея новгородскаго, да преосвященнаго же архіерея псковскаго, то-бъ де нашъ верхъ былъ“. Спрошенный намѣстникъ, іеромонахъ Варлаамъ, отрицалъ справедливость показаній Павла. На очной ставкѣ всѣ остались при своихъ показаніяхъ; тѣмъ и закончилось производство означеннаго дѣла ³⁾).

¹⁾ См. Опис. док. св. синода, т. I, стр. 129—130. Разумѣется здѣсь святый Иннокентій Кульчицкій, въ 1721 году 5-го марта посвященный въ сибирское государство, умершій 1721 г. ноября 26; 1804 года окт. 28 причтенъ къ лику святыхъ (см. списки архіереевъ, Юрія Толстого, стр. 6).

²⁾ См. тамъ-же, стр. 167 и 168, т. I-й.

³⁾ См. стр. 188 I т. Опис. док. св. синода, 1721 г. марта 23-го дня, № д. 187 и 307. Мы выше замѣчали, что намѣстникъ лавры, Варлаамъ Голенковскій, былъ товарищъ Ѳеодосія по академическому курсу въ кievской академіи и, по всей вѣроятности, ему хотѣлось подняться въ іерархію церковной, но его не помышали Ѳеодосій и Ѳеофанъ. И. М.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1721 года Θεодосій запрещаєтъ, въ домовой походной церкви ближняго боярина графа Петра Матвѣевича Апраксина, съ подвижнымъ антиминомъ, отправлять богослуженіе; хотя онъ представлялъ ему свое болѣзненное состояніе, не позволяющее ему посѣщать другія церкви, но преосвященный Θεодосій велѣлъ ему обратиться въ синодъ съ просьбою о сѣмъ. 26-го апрѣля сего же года святѣйшій синодъ разрѣшилъ совершеніе божественной литургіи въ домовой церкви графа Апраксина до времени, доколѣ святая церковь въ показанномъ оному графу мѣстѣ построена будетъ по образцовому манеру архитектора Трезина ¹⁾. Эту домовую церковь блаженныя памяти государыни царицы и великой княгини Марѣи Матвѣевны графъ Апраксинъ перенесъ, въ 1717 году, на загородный свой дворъ, находящійся на Невскомъ проспектѣ, называемомъ Фонтана.

26-го апрѣля 1721 года Θεодосій проситъ о припискѣ къ новгородской епархіи девятнадцати церквей Ржевскаго уѣзда новоторжской приписи и о перечисленіи этихъ церквей въ вѣдомство синодальнаго дома. 28-го апрѣля 1721 года означенныя церкви были причислены къ новгородской епархіи; но, по изложеніи Θεодосія, 24-го мая 1725 года, эти церкви переписаны были со всѣми ихъ доходами въ вѣдомство синодальнаго дома ²⁾.

Послѣ недавно описаннаго мною случая съ Голенковскимъ, Θεодосій проситъ уволить его отъ должности намѣстника Александро-Невскаго монастыря. Въ 1716 г., по именному указу, Варлаамъ Голенковскій былъ присланъ въ Александро-Невскій монастырь въ санѣ игумена, потомъ онъ былъ назначенъ намѣстникомъ монастыря. Выборъ его, однако, оказался не совсѣмъ удачнымъ. Отъ намѣстникъ, не смотря на неоднократныя со стороны преосвященнаго Θεодосія увѣщанія, своему дѣлу и званію не прилежалъ, но жилъ въ монастырѣ, яко гость гостилъ. Поэтому преосвященный Θεодосій просилъ святѣйшій синодъ, дабы позволено было помянутаго Варлаама Голенковскаго отъ намѣстничества отставить въ братство, а на мѣсто его выбрать въ намѣстника изъ іеромонаховъ того-жъ Александро-Невскаго монастыря тщаливаго. Святѣйшій

¹⁾ См. стр. 206, т. I, Опис. докум. св. синода.

²⁾ См. тамъ-же, стр. 225—226.

синодъ изъявилъ согласіе на эту мѣру и предложилъ архіепископу Ѳеодосію привести ее въ исполненіе ¹⁾.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1721 г., по доношенію Ѳеодосія и по требованію святѣйшаго синода, посланъ поручикъ Иванъ Коптѣловъ въ новгородскую епархію для сыска раскольниковъ и для сбора съ нихъ двойныхъ оладныхъ денегъ, а съ не бывшихъ у исповѣди и святаго причастія штрафныхъ ²⁾.

Въ томъ же мѣсяцѣ Ѳеодосій жалуется въ святѣйшій синодъ на офицеровъ, обирающихъ его домовыхъ служителей. Обиды заключались въ томъ, что офицеры сами становились у архіерейскихъ служителей постоемъ, врываясь насильно въ дома ихъ, и буйствовали въ нихъ, какъ хотѣли. Святѣйшій синодъ два раза жаловался на это военной коллегіи, требуя огражденія архіерейскихъ служителей отъ своеволія офицеровъ, но обиды не прекращались ³⁾.

А. И. Ушаковъ объявляетъ Ѳеодосію, въ маѣ 1721 года, вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ, преступленіе архимандрита Гедеона; при этомъ тайною канцеляріею было замѣчено только, что это дѣло, по своему существу, не синодальнаго правленія, т. е. чисто гражданское или политическое. Съ Гедеона сняли монашескій и священнический санъ, назвавши его растригою Григорьемъ, и сослали въ Кирилловъ-Бѣлоозерскій монастырь ⁴⁾.

По всѣмъ дѣламъ, гдѣ были замѣшаны духовные,—а такихъ дѣлъ было много,—Ѳеодосій участвовалъ, съ учрежденіемъ тайной канцеляріи въ С.-Петербургѣ, въ засѣданіяхъ ея; такъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1721 года, Ѳеодосій въ тайной канцеляріи даетъ мнѣніе: „попа Якова Семенова, за совершеніе въ Москвѣ, въ разныхъ домахъ, церковныхъ требъ раскольническимъ обычаемъ, за такое его дерзновеніе надлежитъ съ наказаніемъ сослать въ Соловецкій монастырь, въ земляную тюрьму, для покаянія, и быть ему тамъ до кончины жизни его неисходно“ ⁵⁾.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1721 года Ѳеодосій доноситъ святѣйшему

¹⁾ См. Опис. докум. и дѣлъ св. синода, т. I, стр. 240.

²⁾ См. тамъ-же, стр. 256—267.

³⁾ См. тамъ-же, стр. 267.

⁴⁾ См. тамъ-же, стр. 302—309.

⁵⁾ См. тамъ-же, стр. 310—312.

синоду о дьячѣхъ Троицкой новгородской церкви, Василии Евневовѣ, огласившемъ ложное чудо, будто бы бывшее въ этой церкви, и въ этомъ же доношеніи опредѣляетъ казнить этого дьячка за это преступленіе ¹⁾).

Вмѣстѣ съ другими преосвященными, Θεодосій жалуется на обиды, наносимыя его подчиненнымъ свѣтскими управителями ²⁾ и проситъ святѣйшій синодъ распорядиться посылкою на флотъ іеромонаховъ, по доношенію князя Александра Даниловича Меншикова ³⁾).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1721 года Θεодосій проситъ святѣйшій синодъ вытребовать въ типографію точныя копии съ грамотъ восточныхъ патріарховъ о разрѣшеніи патріарха Никона изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и московской патріаршей ризницы, для исправленія по нимъ печатавшейся въ то время книги: „Отвѣты Питирима раскольникамъ“. Присланныя изъ иностранной коллегіи копии съ восьми патріаршихъ грамотъ были отправлены святѣйшимъ синодомъ къ преосвященному Θεодосію ⁴⁾). Последнее ходатайство Θεодосія предъ синодомъ опять свидѣтельствуетъ намъ о солидарности взглядовъ Θεодосія и Питирима на расколъ и ихъ взаимныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Θεодосіемъ же, по всей вѣроятности, эти копии съ грамотъ препровождены были къ нижегородскому епископу Питириму для означенной выше цѣли.

Въ томъ же мѣсяцѣ Θεодосій производитъ слѣдствіе по жалобѣ монаха Макарія, сосланнаго въ Соловецкій монастырь, на неисходное пребываніе въ немъ въ монастырскихъ трудахъ по денежной претензіи его на епископа Аарона ⁵⁾).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1721 года, Θεодосій представляетъ въ святѣйшій синодъ донесеніе архимандрита Александро-Свирскаго монастыря Кирилла о могилѣ монаха Марвелла, почитаемаго за святаго; святѣйшій синодъ опредѣлилъ: за святаго того Марвелла

¹⁾ См. Опис. докум. св. синода, т. I, стр. 346.

²⁾ См. тамъ-же, стр. 357.

³⁾ См. тамъ-же, стр. 370.

⁴⁾ См. тамъ-же, стр. 429.

⁵⁾ См. тамъ-же, стр. 459; Ааронъ съ 1714 года викарій корельскій, изъ архим. Юрьева монастыря (см. Списки архіереевъ, стр. 4). И. М.

отнюдь не почитать, и предписалъ Ѳеодосію образъ Марселла прислать въ синодъ ¹⁾.

Ѳеодосію Яновскому Петръ I объявляетъ въ 1721 году, отъ 16 ноября, о необходимости воспитанія дѣтей духовенства въ учреждаемыхъ школахъ при архіерейскихъ домахъ. Такимъ образомъ, по волѣ государя, при Ѳеодосіи Яновскомъ, въ 1721 году основано въ С.-Петербургѣ духовное училище при Александро-Невскомъ монастырѣ. Петръ Великій обратилъ особое вниманіе на состояніе духовенства вообще и, въ частности, на состояніе духовенства новооснованной имъ столицы государства. Высочайшими указами еще 1714 и 1716 годовъ повелѣно было учредить при архіерейскихъ домахъ и въ знатныхъ монастыряхъ цифирныя школы и обучать въ нихъ цифири и геометріи протопопскихъ, поповскихъ, дьяконскихъ и причетническихъ дѣтей. Но постановленіями регламента цифирныя школы были отмѣнены, а вмѣсто ихъ повелѣно всякому епископу имѣть въ домѣ, или при домѣ своемъ, школу для дѣтей священническихъ и прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ ²⁾, и соединить съ ними цифирныя школы, гдѣ онѣ были открыты. Первое духовное училище (съ 1721 по 1725 г.) носило названіе: Александро-Невская Словенская школа. Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, увагомъ преосвященнаго Ѳеодосія, архієпископа велико-новгородскаго и архимандрита Александро-Невскаго монастыря, отъ 11 іюля 1721 года, предписано было: „учредить въ общую пользу при Александро-Невскомъ монастырѣ, для обученія юныхъ дѣтей чтенію и писанію, словенскую школу, въ которой какъ того монастыря служительскихъ дѣтей, такъ и сиротъ, не имѣющихъ родителей и своего пропитанія и постороннихъ, кто кого отдать похочеть, принимая отъ 5 до 13 лѣтъ, учить словенскаго чтенія и писанія, по новопечатнымъ букварямъ.... И содержать ту школу изъ обыкновенныхъ того монастыря доходовъ. Въ то же время приказано было: „для содержанія при Невскомъ монастырѣ въ ученіи словено-россійской грамматики школьникова убрать при канцеляріи свѣтлицу, со всѣмъ, какъ надлежитъ“. Рапортомъ отъ 4 ноября монастырская канцелярія доносила преосвященному Ѳеодосію,

¹⁾ См. Опис. docum. св. синода, т. I, стр. 450—452.

²⁾ См. Полп. Собр. Закон., томъ VI, 3718.

что вышеписанная свѣтлица убрана совсѣмъ, какъ можно школьникова учить ¹⁾).

Первые воспитанники Словенской школы были изъ всѣхъ сословій, но болѣею частію служительскія дѣти изъ монастырскихъ вотчинъ, дьяческіе, подьяческіе, посадскіе и монастырскіе келейники. Церковническихъ дѣтей до 1725 года было очень не много. Для пріема и выпуска воспитанниковъ не было определенныхъ сроковъ: поступали въ разныя времена и продолжали ученіе столько времени, во сколько кто успѣвалъ пройти всѣ хитрости грамоты и цифири. Впрочемъ, главный начальникъ школы, преосвященный Теодосій, наблюдалъ, чтобы безъ угазу не окончившіе грамматики и не обучившіеся ариметикѣ и не свидѣтельствоваанные имъ самимъ изъ школы не выходили и ни въ какія службы не опредѣлялись. Отцевъ обязывали не брать изъ школы дѣтей до совершеннаго обученія ихъ. Сироты получали отъ монастыря пищу и одежду; прочіе состояли на содержаніи своихъ отцевъ, которые платили за нихъ въ монастырь по три четверти ржи и по три рубля денегъ въ годъ. Въ Александроневской школѣ учились азбукѣ, письму, ариметикѣ, псалтири, грамматикѣ и толкованію евангельскихъ блаженствъ. Въ свободное время воспитанники обучались, по силѣ духовнаго регламента, игрѣ на мусивійскихъ инструментахъ и живописи, для чего приглашаемы были особые мастера изъ города. Сначала былъ одинъ учитель, но когда число воспитанниковъ увеличилось и одному учителю стало трудно управляться со всѣми, то преосвященный Теодосій, въ августѣ 1723 года, вызвалъ изъ новгородской школы другаго учителя, Андрея Тишина, который помогалъ подьяку Иродіону Тихонову, по должности наставника, обучая, кромѣ того, желающихъ и греческому языку. Канцелярія Невскаго монастыря возложила на него обязанность, сверхъ занятій по школѣ, обучать ореографіи подьячихъ Невской канцеляріи. вмѣстѣ съ ними келейный іеромонахъ Веніаминъ обучалъ старшихъ школьниковъ ариметикѣ.

Чтобы не было недостатка въ учителяхъ способныхъ для епархіальныхъ школъ, приказано было выбрать остроумнѣйшихъ

¹⁾ См. Исторію С.-Пбург. Дух. Акад. И. А. Чистовича, стр. 5, в томъ I Опис. дозум. свят. синода, стр. 715.

изъ подъяковъ, или изъ поповскихъ дѣтей возрастныхъ отъ 15 до 20 лѣтъ, и прислать ихъ въ домъ преосвященнаго новгородскаго Ѳеодосія, и съ каждой епархіи по три человѣка, и по обученіи ихъ въ томъ домѣ преосвященнаго Ѳеодосія, выслать ихъ для обученія священно-служительскихъ дѣтей въ тѣ епархіи, изъ которыхъ они присланы будутъ, чтобы неимуществомъ тѣхъ учителей впредь никто не извинялся ¹⁾).

Весь курсъ ученія, въ архіерейскихъ школахъ того времени, ограничивался умѣньемъ читать по часослову и псалтири и знаніемъ заповѣдей, и обыкновенно распредѣлялся такъ: 1) азбука, 2) часословъ, 3) псалтирь, 4) заповѣди. Исключеніе изъ этого составляли школы: Элинно-греческая, подвѣдомая московской типографіи, Славяно-латинская и Кіевская школы, гдѣ преподавались науки: грамматика, піитика, риторика, філософія, богословіе, и гдѣ существовало раздѣленіе учениковъ на фариствова, инфимистова, грамматиковъ, синтактово, піитовъ, риторовъ, філософовъ и богослововъ ²⁾).

Образцовая или учительская школа Ѳеодосія Яновскаго ограничивала свой кругъ образованія грамматикою, но и ту могли побѣдить не всѣ, а только нѣкоторые.

Ѳеодосій въ 1722 году предложилъ святѣйшему синоду, что въ С.-Петербургѣ „люди духовнаго и мірскаго чиновъ обучаютъ дѣтей с.-петербургскихъ жителей словесной грамотѣ, которая въ дѣтскомъ возрастѣ требуетъ отъ учащаго весьма правильно грамматичнаго отъ фундамента къ чтенію и письму наученіемъ вкорененія. А они, учащіе, всѣ ли таковаго находятъ искусства, о томъ святѣйшему правительствующему синоду неизвѣстно“. Вслѣдствіе этого предложенія Ѳеодосія, святѣйшій синодъ возложилъ на учителя Тихонова порученіе проэкзаменовать всѣхъ учителей со стороны ихъ познаній и способностей къ учительству и представить въ святѣйшій синодъ вѣдомость съ отиѣткою, кому можно дозволить обученіе дѣтей и кого слѣдуетъ отстранить. Такимъ образомъ неспособнымъ запрещено было принимать на

¹⁾ См. т. I Опис. докум. и дѣлъ св. синода, стр. 715.

²⁾ См. тамъ-же, стр. 715.

себя учительское званіе¹⁾. Ефедосій учредилъ также надзоръ за учителями въ частныхъ домахъ и школахъ.

Въ 1721 же году Ефедосій, вмѣстѣ съ Ефеофаномъ Провопо-вичемъ, имѣлъ третье столкновеніе съ Стефаномъ Яворскимъ, весьма непріятное для послѣдняго, по дѣлу сына кабалнаго (двороваго) человѣка Кузьмы Любимова, ложно писавшаго въ царевичу Алексѣю Петровичу и Алексѣю Нарышкину о небесномъ къ нему гласѣ²⁾. Любимовъ, побуждаемый видѣніями и снами и жслающей снискать милость царевича Алексѣя Петровича, сочинилъ въ 1713 году акааність Алексѣю человѣку Божию, также стихиры и канонъ, бондакъ и иносѣ, канонъ же Марку Фраческому и стихиры малой и большой вечерни и, наконецъ, акааність Александру Невскому. Поднести Любимовъ нашель лучшимъ своимъ сочиненія чрезъ Алексѣя Ивановича Нарышкина, какъ любимца царевича. Нарышкинъ тогда былъ воеводою въ Угличѣ, и вмѣсто того, чтобъ переслать письмо и сочиненія Любимова въ царевичу, переслалъ ихъ къ князю Ефодору Юрьевичу Ромодановскому въ Преображенскій приказъ. Ромодановскій не усмотрѣлъ важности въ письмахъ и сочиненіяхъ Любимова, выпустилъ его на волю и возвратилъ ему бумаги. Въ 1720 году П. А. Толстой, въ тайной канцеляріи, уже по смерти царевича Алексѣя Петровича, возбудилъ это дѣло снова, по доносу на Любимова, что онъ сочинялъ въ пользу царевича молитвы и акааністы. Послѣ суда и смерти несчастнаго царевича, сношенія съ царевичемъ, самыя невинныя, были предметомъ страшныхъ розысканій. Послали отыскивать Любимова, нашли у старухи его матери уцѣлѣвшія сочиненія сына и привезли его вмѣстѣ съ ними въ тайную канцелярію. 28 февраля 1721 года тайная канцелярія предположила препроводить все дѣло на распоряженіе святѣйшаго синода; но это постановленіе канцеляріи, самимъ Петромъ, при личномъ его присутствованіи въ тайной канцеляріи, 9 марта 1721 года, было разсмотрѣно подробно: Петръ приказалъ „князь Алексѣя человѣка Долгорукова, Кузьму Любимова, и присланныя изъ Преображенской канцеляріи тетрадки сочиненія его, Любимова, отослать въ духовный синодъ³⁾, и о томъ его

¹⁾ См. Архивъ свят. синода, дѣло № 626, 1722 г.

²⁾ См. госуд. архивъ, дѣло № 91, разрядъ VI, о Кузьмѣ Любимовѣ.

³⁾ См. тамъ-же, дѣло № 91, разр. VI.

сочиненіи освидѣтельствовать и слѣдовать о чемъ надлежить, а что явится, тому извѣстіе и его, Любимова, папи прислать въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ ¹⁾, а по присылкѣ, за его ложный вымыселъ, будто ему былъ нѣкоторый гласъ, и то чудо вымысла солгалъ на Бога, учинить ему, Любимову, наказаніе: бить его кнутомъ и, вырвавъ ноздри, послать на каторгу въ вѣчную работу“. Странное постановленіе! Для чего же посылать еще Любимова въ синодъ, когда судьба его рѣшена была уже впередъ?

Въ синодѣ въ то время Стефанъ Яворскій не присутствовалъ по болѣзни. Любимова разспрашивали Теоодосій и Теофанъ, оба хлопотавшіе о томъ, чтобъ поскорѣе сбыть старика, твердо стояшаго въ своихъ убѣжденіяхъ, честнаго, правдиваго и неодобряшаго ихъ поведенія. Изъ разспросовъ Любимова обнаружилось, что онъ свои сочиненія, то есть, аваансты, каноны и прочія представлялъ Стефану, который благодарилъ его за труды и одобрялъ ихъ будто бы къ печатанію.

Еоодосій и Теофанъ, ободряемые нерасположеніемъ Петра къ Стефану, не постыдились оскорбить больнаго старика, задавъ ему вопросныя пункты.

Отвѣты Стефана такъ ясно обрисовываютъ его характеръ, что мы не лишнимъ считаемъ привести ихъ въ подлинникѣ ²⁾:

Вопросъ первый, предложенный Стефану Еоодосіемъ и Теофаномъ. „О смотрѣніи Божіи къ нему, Любимову, о началіи аваанстнаго сочиненія, также сочиненныхъ имъ, Любимовымъ, Алексію челоуѣку Божію аваанстъ и Марку Фряческому службу тебѣ, преосвященному митрополиту, онъ объявлялъ ли, и оныя ты смотрѣлъ ли и, по исправленіи, префекту Гавріилу и архимандриту Лопатинскому отдавалъ ли, и по исправленіи по нихъ приносить молитву и въ 1717 году, по его же, Любимова, прошенію, аваанстъ Александру Невскому сочинять его ты благословлялъ ли?“ ³⁾.

¹⁾ У Есипова эти слова приведены не точно: см. Люди стараго вѣка, стр. 257, и слнчи съ дѣломъ госуд. архива № 91, разр. VI, съ указомъ 1721 г. 9 марта, подпнс. П. А. Толстымъ и А. И. Ушаковымъ.

²⁾ См. Есиповъ, Люди стараго вѣка, стр. 258 и слѣд.

³⁾ См. дѣло, № 91, разр. VI. Любимовъ въ спросѣ своемъ въ тайн. роз. дѣлѣ канц. показалъ почти одинаково съ вышеозначеннымъ вопросомъ, относительно Стефана.

Стефанъ на предложенный ему вопросъ отвѣчалъ: „Во первыхъ, надо бы накрѣпко смотрѣть и истязати время, въ кое сочинялъ Любимовъ канонъ, и въ какое время началась несчастливая трагедія, и тѣя времени взмѣривши вся лукавая помышленія, у благоразумныхъ и боящихся истязателей могутъ не во что же быти и подозрѣвнїе неправедное яко прахъ предъ лицомъ вѣтра исчезнути. Второе, допросить сочинителя оныхъ канонѡвъ, какииъ намѣренїемъ, чьиъ поученїемъ и подущенїемъ, чьиъ благословенїемъ сочинялъ свое письмо, а мнѣ идущему изъ церкви подавъ онъ таковыя тетради, не упомяну воего года и воего мѣсяца, и просилъ, чтобъ мнѣ пересмотрѣть оное письмо, нѣтъ ли въ немъ безмѣстїа, и я взявъ оное письмо и, вошедъ въ келью, не смотрѣлъ его внимательно, но абїе съ дьявами кинулся въ управленїю дѣлъ и къ челобитнымъ, а то письмо лежало безъ чтенїа моего, и понеже онъ, Любимовъ, часто мнѣ на дорогѣ накучалъ, и я то письмо послалъ въ учительный монастырь, не упомяну чрезъ кого, къ учителямъ разсмотрѣть, тое дѣло онымъ вручилъ, откуда явственно можно познати, что тутъ коварства никакого не было, понеже дѣло шло въ публику, а коварства публики не любятъ, и не того ради послано письмо къ учителямъ, чтобъ они его лукавое намѣренїе утвердили и похвалили, но того ради, аще нѣтъ въ немъ чего противнаго православной вѣрѣ, ибо тое вездѣ дѣется, о чемъ знаютъ, которые видали таковымъ дѣламъ поведенїе, а навпаче, что въ то время еще не было запрещенїа, чтобъ не писать никакихъ писемъ, къ хвалѣ Божїей подлежащихъ. Авафїистъ Александру Невскому первое слышу“

На вопросъ второй, предложенный Стефану Θεодосїемъ и Θεοфаномъ, что будто Любимовъ „ему, пресвященному, письмо подавъ, самъ ли, и ты его то письмо прочиталъ ли, и за труды его благодарилъ ли и то врученное письмо нынѣ у насъ ли?“ Стефанъ отвѣчалъ: „О писанїи во мнѣ особенномъ упомяну только, или въ письмѣ, или въ предисловіи помню, что написалъ свое нѣкое явленїе Божеское, о чемъ и я его истязалъ, и за то самое и читать не хотѣлъ его канонѡвъ. Быть можетъ, что я, не могучи иначе сбыти отъ себя онаго докучника Любимова, выслалъ его письма чрезъ вельяника своего Григорья Томашевскаго. О письмѣ особенномъ не упомяну, аще же бы было мню яко въ немъ прошенїе о читанїи его канонѡвъ, пусть онъ самъ признаеть“.

На третій вопросъ: „по сочиненіи акаѳистовъ, каноновъ и письменныхъ молитвъ, напечатать, ты, преосвященный митрополитъ, ему, Любимову, позволилъ ли, и словесно ль или письменно, и то письменное повелѣніе ему ли отдано?“ Стефанъ отвѣчалъ, что „позволять мнѣ печатать его писемъ и думать невозможно, понеже печатный дворъ не въ моей власти, но во власти графа Ивана Алексѣевича (Мусина-Пушкина), до котораго мнѣ дѣла никакого не было, и ихъ справщикъ Ѳеодоръ Поликарповъ безъ указа никогда же бы дерзнулъ печатати“ ¹⁾. Любимовъ, при спросѣ въ тайной канцеляріи, сказалъ: „акаѳистъ и каноны онъ объявлялъ рязанскому архіерею (котораго въ письмѣ назвалъ архіерейскимъ величествомъ), а рязанскій архіерей, смотря тѣ труды его, отдалъ ко исправленію префекту Гавріилу и архимандриту Лопатинскому, а по исправленіи, онъ, Рязанской, благословилъ его, Любимова, приносить по нихъ молитву, а въ 1717 году, по прошенію его, Любимова, Стефанъ Яворскій благословилъ Любимова сочинять акаѳистъ Александру Невскому, который и сочиненъ“ ²⁾. Любимовъ благословенія на печатаніе своихъ акаѳистовъ и каноновъ и не испрашивалъ у Стефана Яворскаго, какъ видно изъ допроса Любимова, по отношенію его къ Стефану Яворскому.

Послѣдній вопросъ, предложенный Стефану Яворскому: „Напечатанный Алексѣю челоуѣку Божію акаѳистъ въ лицахъ и службу Марку Фряческому печатную же тебѣ, преосвященному митрополиту, онъ, Любимовъ, самъ вручилъ ли, и ты у него принялъ ли, и изъ вѣли своей помянутаго велейника Григорія къ нему посылалъ ли, и за труды его похвалать ты повелѣлъ ли, и приносить по нихъ молитвы повсюду благословилъ ли, и тотъ акаѳистъ и службу онъ, велейникъ, ему, Любимову, назадъ отдалъ ли, и по твоему ли приказу и резолюціи, каковая обь ономъ ему, Любимову, отъ тебя, преосвященнаго митрополита, была ли и словесна ли или письменна?“

Стефанъ на послѣдній вопросъ Ѳеодосія и Ѳеофана отвѣчалъ: „Печатныхъ его писемъ не видѣло мое смертное око никакихъ,

¹⁾ Въ дѣлѣ госуд. архива, № 91, VI разр., о Любимовѣ, въ тайной канцеляріи и не спрашивали о томъ Любимова, позволилъ ли Стефанъ напечатать ему его сочиненія и пр., такъ какъ подобный спросъ былъ не уместенъ.

²⁾ См. госуд. архива дѣло № 91, разр. VI, допросъ Любимова. И. М.

и не видалъ, и не принималъ ни отъ него, ниже отъ иныхъ, ниже его за трудъ хвалилъ, ниже печатныя его сочиненія (развѣ може писанныя) чрезъ Григорія келейника не высылалъ. Но что больше: чистая совѣсть яко щитъ непобѣдимъ, въ немъ всѣ стрѣлы лукаваго разженныя угасоша, и еще аще будутъ, силою Божіею угаснуть; Богъ неповинныхъ скрываетъ въ тайнѣ лица своего отъ мятежа человѣческаго, прикрываетъ ихъ въ кровѣ своемъ отъ пререванія язвъ". Подписалъ: „писалъ больною, но не трепещущею рукою въ С.Пбургѣ, года 1721, марта 24 дня. Смиренный Стефанъ, митрополитъ рязанскій“. Стефанъ вскорѣ послѣ таковыхъ допросовъ уѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Москву и уже болѣе въ С.-Петербургъ не возвращался и синодальное управленіе находилось въ рукахъ Ѳеодосія, какъ старшаго вице-президента, и Ѳеофана. Ѳеодосій съ Ѳеофаномъ, при всемъ желаніи повредить Стефану, ничего не могли съ нимъ подѣлать; отвѣты его были на ихъ допросы такъ хороши, что имъ ничего не оставалось болѣе, какъ замять подобное дѣло и виновнымъ оказался одинъ Любимовъ.

1721 года 22-го декабря императоръ Петръ I-й, будучи въ синодальномъ домѣ, указалъ изъ оставшихся послѣ патриарховъ мантий и одеждъ годное на церковное облаченіе раздать отъ синода въ бѣдныя церкви, а что къ употребленію въ облаченіе неудобно, то раздать синодальнымъ членамъ, по разсмотрѣнію, безъ оцѣнки и безденежно. Этотъ указъ святѣйшему синоду объявленъ былъ вице-президентомъ онаго, преосвященнымъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ.

Ѳеодосій въ 1722 году, въ бытность свою въ кельѣ синодальнаго дома казначея, іеромонаха Филагрія, разсматривалъ оставшіяся патриаршія вещи и взялъ снятый съ бѣлаго чешуйчатого камчатнаго клобука крестъ золотой, въ которомъ было 10 алмазовъ четверогранныхъ, да по концамъ четыре жала, обнизано въ одну нить среднимъ гурмысаскимъ жемчугомъ. Изъ вещей патриаршихъ преосвященному Ѳеодосію достались: ряса обьяриная малиновая, на собольемъ пластинчатомъ мѣху, ряса холодная бархатная вишневая и перчатки бархатныя зеленые, на собольемъ мѣху ¹⁾.

¹⁾ См. Опис. докum. п дѣлъ св. синода, т. I, стр. 752.

Въ 1721 же году Ѳеодосій исправляетъ проектъ посланія святѣйшаго синода къ восточнымъ патріархамъ, объ учрежденіи, въ замѣнѣ патріаршаго, синодальнаго правленія ¹⁾. Ѳеодосій въ концѣ формы письма до греческихъ патріарховъ отъ російскаго синода, о объявленіи установленія онаго, вмѣсто російскаго патріарха, написалъ своею рукою слѣдующія слова: „сочинено пресвященнымъ Ѳеофаномъ псковскимъ на латинскомъ языкѣ, на которомъ и красоту лучшую имѣеть. Преведено на славенскій того-жъ сенсу имѣ же. И ежели всемилостивѣйшему государю такъ угодно, къ патріархамъ пошлется на греческомъ и славенскомъ“ ²⁾.

Въ февралѣ 1721 года Ѳеодосій отправляетъ къ Петру I-му письмо, въ которомъ проситъ его величество, чтобы деньги, собранныя съ раскольниковъ, повелѣно было обратить на трактатъ духовнаго правительства ³⁾.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1721 же года Ѳеодосій проситъ кабинетъ-министра, Алексѣя Васильевича Макарова, исходатайствовать у всемилостивѣйшаго государя повелительный о семъ указъ, по которому бы оными сборными съ раскольниковъ деньгами про себя и про другихъ мощно было дѣйствовать святѣйшему синоду ⁴⁾. „Безъ вашего собственнаго вѣдѣнія, пишетъ Ѳеодосій къ Макарову, сихъ денегъ на опредѣленный синодскимъ членамъ трактатъ и въ надлежащіе расходы держать не смѣемъ“.

Пиритимъ, епископъ нижегородскій, въ 1721 г. отъ 26 февраля, сообщаетъ Ѳеодосію объ отъѣздѣ нижегородскаго вице-губернатора г. Ржевскаго съ вѣдомостями о раскольникахъ въ С.-Петербургъ и проситъ Ѳеодосія ходатайствовать предъ государемъ объ удержаніи Ржевскаго на мѣстѣ или о назначеніи его вице-президентомъ надворнаго суда, въ каковой должности онъ можетъ быть полезенъ для искорененія раскола ⁵⁾. Это письмо

¹⁾ См. Описаніе докум. и д. свят. синода, т. I, стр. 770. Въ сентябрѣ 1723 года объявлена была грамота антиохійскаго и константинопольскаго патріарховъ, признававшихъ синодъ (см. Полн. собр. зак. № 4,310, Исторію Соловьева, т. XVIII, стр. 193).

²⁾ См. кн. 21, л. 80—83. Каб. д. Петра Вел., II отдѣл.

³⁾ См. Опис. докум. и д. св. синода, т. I, стр. 74.

⁴⁾ См. кн. 57, Каб. д. Петра Вел., II отдѣл., л. 30. Письмо Ѳеодосія къ Макарову, 23 апр. 1721 г.

⁵⁾ См. Опис. док. и д. св. синода, I т., стр. 95 и 134.

свидѣтельствуеть намъ опять о солидарности между Питиримомъ и Ѳеодосіемъ въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ ими противъ раскольниковъ. Въ этомъ же году Ѳеодосіѣ получаетъ письма отъ казанскаго митрополита Тихона, который проситъ Ѳеодосія принять мѣры къ поддержанію православнаго миссіонерства среди инородцевъ казанской епархіи и въ то-же время проситъ объ увольненіи его отъ управленія епархіею за старостію его лѣтъ ¹⁾.

Святѣйшій синодъ, отъ 15 марта 1721-года, имѣя во главѣ подпись Ѳеодосія Яновскаго, „доноситъ царскому пресвѣтлому величеству о томъ, что въ сенатѣ происходитъ въ сторонѣ правительства духовнаго противность, а имянно:

1) На пункты, подавныя отъ духовнаго правительства, и собственною вашего величества рукою опредѣленные, о вѣдѣніи патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, быть въ правленіи духовномъ, какъ было въ монастырскомъ приказѣ, а нынѣ, по опредѣленію сената, велѣно онымъ и служителемъ ихъ быть подъ судомъ по генеральному регламенту въ юстицъ-коллегии, а когда генеральной регламентъ сочиниванъ, тогда о духовномъ правительствѣ еще и начинанія не было; а нынѣ, по всемилостивѣйшему опредѣленію вашего величества, духовное правительство отъ прочихъ коллегій отмѣнно, равно какъ сенатъ, и ежели быть по сенатскому нынѣ опредѣленію, то онымъ вотчинамъ и ихъ служителемъ прежнее отъ монастырскихъ властей утѣсненіе будетъ, и дабы прежнее собственною вашего величества рукою всемилостивѣйшее опредѣленіе непременно было.

2) О опредѣленныхъ въ духовное правительство собственнымъ вашего величества на реестрѣ подписаніемъ секретарехъ и подъячихъ, въ ихъ сенатскомъ приговорѣ опредѣлено противно оному, что быть въ синодѣ тѣмъ, которые не у дѣлъ, и посему знатно опредѣляются тѣ, которые уже въ дѣламъ не годны, каковыми не тощю таковаго важнаго и великаго дѣла, но и легчайшихъ дѣлъ управлять невозможно, а оныя по реестру секретари и подъячіе, хотя и у дѣлъ, но не въ сенатѣ, ниже въ коллегіяхъ, и не у толь важныхъ, какъ духовное правительство, во ономъ же сенатскомъ

¹⁾ См. Опис. docum. и д. св. синода, I т., стр. 364—368.

приговорѣ опредѣлено, дабы синоду довольствоватися монастырскаго и патриаршихъ приказовъ, и архіерейскими и знатныхъ монастырей дьяками и подьячими, а изъ оныхъ мѣсть лучшіе приказные люди разобраны до сего времени въ дѣламъ въ коллегіи въ губерніи, а оставлены только негодные.

3) Духовныя персоны до опредѣленія духовнаго правительства, по разнымъ касающимся до нихъ дѣламъ, браны были въ разныя канцеляріи и привазы, а отнынѣ, дабы вашего величества всемилостивѣйшимъ указомъ повелѣно было, чтобы до оныхъ духовныхъ персонъ ни касалось, изслѣдовать о томъ въ духовномъ правительствѣ, доколѣ изъ нихъ до кого не дойдетъ до розыску гражданскаго суда, дабы иногда безвинные не страдали со злодѣями въ темницахъ.

4) О требованіяхъ духовнаго правительства противъ посылаемыхъ въ сенатъ вѣдѣній докладъ бываетъ какъ о партикулярныхъ дѣлахъ по реестру, въ чемъ есть духовнымъ дѣламъ продолженіе и остановка, и дабы такия духовнаго правительства дѣла, яко не партикулярныя, но важныя въ резолюціи предлагалися вромѣ реестра безъ продолженія.

5) С.-Петербургской типографіи правитель Аврамовъ писался доннынѣ цейхъ-директоромъ, понеже имѣлъ въ правленіи своемъ с.-петербургской цейгоузъ, а нынѣ ему, при правительствѣ духовномъ, каковой имѣть рангъ; его прошеніе, дабы писаться генераломъ директоромъ, а въ духовномъ правительствѣ приговорили, напримѣръ, именоватися ему оберъ-директоромъ отъ типографіи, или верховнымъ или главнымъ директоромъ отъ типографіи, или протодиректоромъ отъ типографіи. А дѣло его будетъ надсмотрѣніе имѣть какъ надъ типографіями, такъ и надъ иконописцами и живописцами, и надъ ихъ академію, ежели опредѣлено будетъ.

6) С.-Петербургской типографіи въ одномъ ли мѣстѣ быть и розданные станы во едино собрать ли, а мнится быть прилично, дабы въ одномъ мѣстѣ оную размножить¹⁾.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1721 года Ѳеодосій и Ѳеофанъ въ письмѣ къ Магарову (отъ 30-го апрѣля) жалуются „на долговременное вослѣніе съ синодальныхъ предложеніяхъ его царскому величеству

¹⁾ См. кн. каб. д. Петра В. 57, л. 18 и 19, л. 33 и 34.

и просятъ г. Макарова прилежно потщиться, церкви ради святой, исходатайствовать у всемилостивѣйшаго государя милостивое рѣшеніе на ихъ предложенія“¹⁾). Синодъ переживалъ трудное время, время начальной дѣятельности, и въ какую эпоху! Предложенія синодальныя не скоро утверждались и не скоро приводились въ исполненіе; приходилось синоду нѣсколько разъ докладывать его величеству объ одномъ и томъ же предметѣ и не получать резолюцій на синодальныя доношенія.

И. Я. Морозкинъ.

[Продолженіе слѣдуетъ]

¹⁾ См. 57 кв., каб. д. Петра В., II отд., л. 31.

ГРАФЪ ВИКТОРЪ НИКИТИЧЪ ПАНИНЪ

министръ юстиціи.

«Не уклоня сердце мое въ словеса лукавствіа».

Псал. Давида.

I.

Введеніе.—Значеніе времени управленія министерствомъ юстиціи графомъ В. Н. Панинымъ.—Родители его: графъ Никита Петровичъ и графиня Софья Владиміровна.—Графы Никита Ивановичъ, Петръ Ивановичъ и Никита Петровичъ Панины.—Воспитаніе графа Виктора Никитича.—Вступленіе его на службу 15-го декабря 1819 года.—Буря на Черномъ морѣ и капитанъ Палохристи.—Назначеніе графа Панина въ Грецію повѣреннымъ.—Переводъ его въ помощники статсъ-секретаря при государственномъ совѣтѣ.—Назначеніе товарищемъ министра юстиціи въ 1832 году и управляющимъ министерствомъ юстиціи въ 1839 году.

Въ 1874 году, 12 (24) апрѣля, въ г. Ниццѣ, на 73 году своей жизни, отошелъ въ вѣчность графъ Викторъ Никитичъ Панинъ.

Прахъ его покоится въ фамильномъ склепѣ въ стѣнахъ Троицко-Сергіевской пустыни, что близъ Петербурга.

Отпѣваніе графа на вѣчный покой: идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни въздыханіе, но жизнь безконечная, происходило 5-го мая того-же 1874 года. Имя графа Виктора Никитича Панина и должность министра юстиціи, которую онъ занималъ назадъ тому 24 года, было однозначущее выраженіе.

Такъ, когда говорили о графѣ Панинѣ, то въ имени этомъ подразумѣвали и министра юстиціи, и наоборотъ, когда упоминали о министрѣ юстиціи, то думали о графѣ Панинѣ.

Повторяемъ, въ свое время, въ устахъ всѣхъ, это имѣло одинъ смыслъ и было одно слово.

И, дѣйствительно, графъ Панинъ былъ назначенъ на эту должность въ 1839 году и, оставаясь въ этомъ званіи до конца 1862 года, т. е. въ теченіи 23 лѣтъ, былъ въ памяти современниковъ лицомъ несмѣняемымъ. Мысль эта еще болѣе подтверждается, если припомнимъ, что въ 1832 году онъ былъ уже товарищемъ министра юстиціи и за отсутствіемъ бывшаго тогда министра Дашкова управлялъ министерствомъ юстиціи (1833 г.).

Итакъ, имя графа Панина въ теченіи 30 лѣтъ неразрывно было связано съ судебнымъ вѣдомствомъ. Между тѣмъ, въ это время возрасло, созрѣло и достигло высшихъ должностей цѣлое поволеніе людей, посвятившихъ себя дѣлу суда.

Многіе изъ нихъ, начавъ при графѣ Панинѣ службу тотчасъ по окончаніи курса наукъ, достигали впоследствии званія сенаторовъ. Вотъ это время, по справедливости, можно назвать панинскимъ періодомъ. Честный и суровый взглядъ графа Панина на дѣло вообще и на службу въ особенности, сознание въ необходимости дѣятельной власти, а равно уваженіе къ добросовѣстному труду и, наконецъ, стремленіе къ поддержанію историческихъ основъ нашего отечества, — суть тѣ свойства, кои были присущи ему. Послѣдствія очевидны. Свойства сіи не могли не быть усвоены и лицами, созрѣвшими въ длинный періодъ его управленія и кои нынѣ, въ похвалу его добраго имени и времени, занимаютъ высшія должности по судебному вѣдомству.

При графѣ Панинѣ вступленіе на службу обусловливалось непременно окончаніемъ курса наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Такой выборъ людей имѣлъ послѣдствіемъ то, что въ производствѣ судебныхъ дѣлъ выработалась своего рода научность, образовалась стойкость или твердость взглядовъ, возникло уваженіе къ закону и, въ концѣ концовъ, оскрѣпла и самая судебская правда.

Да! Наука и опытъ на дѣлѣ, при безупречности въ направленіи, образовали массу людей панинскаго періода. Но время не удержимо! За смертью графа Панина слѣдуютъ, въ свою очередь, одинъ за другимъ, и его старѣйшіе подчиненные. И скоро,

и близко то время, когда не останется въ живыхъ ни одного изъ тѣхъ бывшихъ его подчиненныхъ, кои во время его составляли боевую или, лучше сказать, дѣловую силу судебного вѣдомства. Почтемъ-же память графа Виктора Никитича изложениемъ хотя главныхъ обстоятельствъ его жизни, а равно служебной и государственной его дѣятельности. Но для того, чтобы поселить довѣріе въ читателѣ, скажемъ, что пишущій сіи строки въ теченіи многихъ лѣтъ, съ 1844 по 1861 годъ, занималъ при немъ разныя должности, въ томъ числѣ начальника гражданскихъ отдѣленій департамента министерства юстиціи и старшаго юрисконсульта при консультаціи. Нынѣ, по прошествіи многихъ лѣтъ, спокойно, съ полнымъ сознаниемъ отвѣтственности за истину предъ потомствомъ и, наконецъ, съ молитвою на устахъ о томъ, чтобы Господь Богъ не уклонилъ сердце наше въ слова лукавствія, мы рѣшились посвятить нѣсколько страницъ памяти отошедшаго въ вѣчность графа Виктора Никитича.

Но при всемъ этомъ оговоримся, что мы не пишемъ полной біографіи его, на что потребовались бы многія данныя, коихъ мы, находясь въ Кіевѣ, не имѣемъ, но мы по преимуществу излагаемъ живыя и личныя воспоминанія о немъ, и если коснемся нѣкоторыхъ фактовъ внѣ служебныхъ отношеній, то только по тѣсной связи описываемыхъ предметовъ съ другими обстоятельствами его жизни, провѣренными нами.

Впрочемъ, для изложенія нашей статьи мы заручились свѣдѣніями, частью полученными непосредственно отъ вдовы графа Панина, графини Натальи Павловны, урожденной Тизенгаузеръ, а частью почерпнутыми нами изъ другихъ источниковъ, болѣе или менѣе официальныхъ и не подлежащихъ сомнѣнію.

Начнемъ съ того, что графъ Викторъ Никитичъ былъ сынъ графа Никиты Петровича Панина, жившаго въ 1771 по 1837 годъ, извѣстнаго въ свое время дипломата и образованнѣйшаго человѣка; супруга его, мать графа Виктора, была графиня Софья Владиміровна, урожденная графиня Орлова, умершая 7 января 1844 года. По общему отзыву современниковъ, графиня Софья Владиміровна отличалась образованностью, высшими душевными качествами и въ особенности щедрою благотворительностію.

Бравъ родителей графа Виктора послѣдовалъ съ соизволенія императрицы Екатерины II, выраженаго въ письмѣ ея отъ 2-го

апрѣля 1789 года въ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову (Русск. Истор. Сб., т. I, стр. 116).

При чемъ императрица соизволеніе это напутствовала добрыми пожеланіями на радость и утѣшеніе какъ самихъ бракосочетавшихся, такъ и ихъ родителей.

Въ 1791 году у графа Никиты и его супруги родился сынъ Александръ, бывшій попечитель Харьковскаго округа, жившій постоянно въ Москвѣ. Онъ умеръ въ 1850 году. А въ 1801 г., 28 марта, явился на свѣтъ Божій и нашъ графъ Викторъ.

Въ промежутокъ времени между рожденіями сихъ сыновей родители ихъ подверглись несчастію: они въ теченіи марта мѣсяца 1797 года потеряли двухъ мальчиковъ, Петра и Владимира, и дочь Елизавету.

Чтобы лучше отгѣнить родъ отца графа Виктора, Никиту, отъ другаго графа, тоже Никиты Панина, жившаго также во времена Екатерины II, мы скажемъ нѣсколько словъ о семъ послѣднемъ.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, получившій графское достоинство, родился 15 сентября 1718 года и умеръ 31 марта 1783 года. Онъ извѣстенъ былъ какъ первоприсутствовавшій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а главное — какъ воспитатель наследника престола, великаго князя Павла Петровича. Женатъ онъ не былъ, хотя и былъ помолвленъ съ дочерью графа Петра Борисовича Шереметьева, но невѣста его, фрейлина императрицы Екатерины, графиня Анна Петровна, предъ самою своею свадьбою, къ несчастію, занемогла оспою и умерла 17 мая 1768 г., на 24 году своей жизни.

Родной братъ графа Никиты Ивановича, графъ Петръ Ивановичъ, былъ дѣдъ нашего графа Виктора, отличался преимущественно на поприщѣ военной службы и прославилъ себя въ турецкую войну 1770 года взятіемъ Бендеръ и въ 1774 году уничтоженіемъ пугачевскихъ скопищъ. Умеръ въ 1789 году.

Графъ Петръ Ивановичъ былъ женатъ два раза: первая его жена, Анна Алексѣевна, была изъ рода Таищевыхъ, а вторая, Марія, была урожденная Ведель.

Отъ двухъ сихъ женъ, какъ извѣстно, онъ имѣлъ двадцать два человѣка дѣтей. Изъ нихъ двадцать умерли при жизни родителей, а изъ оставшихся: дочь Софія была замужемъ за

Тутолминнымъ, а сынъ Никита былъ отецъ нашего графа Виктора. Графъ Никита Петровичъ былъ посломъ въ Берлинъ въ царствованіе императора Павла, а потомъ вице-президентомъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и вице-канцлеромъ—на 29 году своей жизни!

Біографіи графа Никиты Ивановича, Петра Ивановича и, наконецъ, Никиты Петровича не составляютъ предмета нашей статьи, а потому мы, не вдаваясь въ это, обращаемся къ графу Виктору Никитичу.

Служеніе отца его на дипломатическомъ поприщѣ, по всей вѣроятности, дало поводъ и ему самому посвятить себя этого-же рода дѣятельности.

Воспитаніе свое графъ Викторъ Никитичъ получилъ домашнее, въ имѣніи Смоленской губерніи, въ селѣ Думно, подъ руководствомъ своего отца, одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, и ученаго воспитателя-нѣмца, по имени Бютгеръ.

Воспитаніе это, если судить по послѣдствіямъ, было весьма основательное.

Фактъ этотъ подтверждается тѣмъ, что онъ держалъ экзаменъ въ московскомъ университетѣ и обнаружилъ потомъ глубокія и обширныя свѣдѣнія въ области разныхъ наукъ, языкахъ, древнихъ и новыхъ, а главное—и въ русскомъ языкѣ. Сопровождался-ли этотъ экзаменъ полученіемъ ученой степени студента или кандидата, мы не знаемъ.

Если принять во вниманіе, что экзаменъ этотъ онъ держалъ на 18 году своей жизни, то трудно предположить, чтобы онъ получилъ ученую степень; скорѣе нужно думать, что экзаменъ этотъ былъ на право вступленія на службу. Но съ другой стороны, извѣстно и то, что первый чинъ, который онъ получилъ на службѣ, былъ чинъ титулярнаго совѣтника, поэтому нужно думать, что онъ экзаменомъ въ университетѣ получилъ право на чинъ 12 класса, что соотвѣтствуетъ степени кандидата. Впрочемъ, это не важно,—въ виду того, что онъ впоследствии достигъ высшихъ степеней служебной іерархіи. Замѣтимъ, что въ концѣ XVIII столѣтія и въ началѣ нынѣшняго основательное изученіе русскаго языка не входило въ область воспитанія нашихъ знатныхъ фамилій. Дѣти ихъ отлично говорили и писали на иностранныхъ языкахъ и въ особенности на французскомъ, но по

русски, въ стыду своему, и писали, и говорили не-умѣло. Правда, въ то время Карамзинъ и другіе писатели открыли глаза нашимъ соотечественникамъ въ томъ, что знаніе русскаго языка— есть первый долгъ всякаго, любящаго свое отечество, но повторяемъ, что высшіе дворяне того времени плохо говорили по русски и еще хуже того писали на своемъ родномъ языкѣ. Но графъ Панинъ представлялъ въ этомъ отношеніи исключеніе: онъ правильно писалъ по русски и совершенно свободно излагалъ свои мысли, при томъ почеркъ его руки былъ весьма четкій и красивый. Хотя предшественники его, министры юстиціи: Державинъ, Дмитріевъ, Дашковъ и Блудовъ были знатоками въ русскомъ языкѣ, но и графъ Панинъ между современниками отличался знаніемъ русскаго языка и притомъ слылъ за образованнѣйшаго и ученаго человѣка.

Государственная служба его началась 15 декабря 1819 года вступленіемъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ. Черезъ годъ съ небольшимъ онъ назначенъ былъ переводчикомъ, а въ слѣдующихъ за симъ годахъ 1823 и 1824 онъ имѣлъ уже два ордена: св. Анны 3 степени и св. Владиміра 4 степени, и получилъ чинъ титулярнаго совѣтника. Въ томъ-же году онъ назначенъ былъ въ миссію въ Мадридъ вторымъ секретаремъ, но здѣсь онъ не долго оставался и послѣ 14 декабря 1825 года снова возвратился въ коллегію. Въ 1826 и 1827 годахъ графъ Панинъ получилъ чины коллежскаго ассесора, надворнаго совѣтника и званіе камеръ-юнкера. Въ 1828 году объявлена была война съ турками и графъ Викторъ Никитичъ былъ назначенъ въ походную канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ.

Канцелярія эта, вмѣстѣ съ своимъ министромъ Нессельроде и прочими иностранными послами, въ октябрѣ 1828 года, на пути изъ г. Варны въ г. Одессу, едва не сдѣлалась жертвою бурныхъ волнъ Чернаго моря, хотя графа Панина въ томъ числѣ не было, по случаю его командировки.

Извѣстно, что императоръ Николай, по взятіи крѣпости Варны русскими войсками, 2-го октября 1828 года, сѣлъ на корабль „Императрица Марія“ и отправился въ г. Одессу.

Сопровождавшая его военно-походная канцелярія, съ министромъ графомъ Нессельроде, помѣстилась на фрегатѣ „Пантелеймонъ“ и должна была слѣдовать за государемъ. Въ теченіи

полтора сутокъ плаваніе было весьма благополучно, но вдругъ все измѣнилось, забушевала буря и оставалось одно только—закрыть паруса и отдаться на произволъ шторма. Густой туманъ и порывистый вѣтеръ разъединили два корабля, а штормъ усилился до ужасающихъ размѣровъ; мачты на кораблѣ „Марія“ разбились въ дребезги и, въ довершеніе бѣдствія, корабль этотъ несло по направленію къ Босфору, т. е. въ Константинополь—ко врагу, турецкому султану Махмуду.

Императоръ, въ виду угрожающихъ обстоятельствъ, началъ отдавать приказанія матросамъ, но капитанъ корабля Папо-Христи, сознавая всю важность ответственности предъ Россією и всё печальныя послѣдствія отъ неумѣлыхъ распоряженій, громко и смѣло воскликнулъ:

— „Государь, здѣсь на кораблѣ одинъ капитанъ—Папо-Христи, другаго нѣтъ и быть не можетъ!“

— Справедливо! отвѣчалъ государь. Исполняйте свои обязанности!

Туманъ между тѣмъ разсѣялся, корабль былъ въ виду турецкихъ береговъ. Но Провидѣніе хранило жизнь государя. Буря начала стихать и корабль, не смотря на свои поврежденія, получилъ правильный ходъ и благополучно прибылъ въ г. Одессу.

А о судьбѣ фрегата „Пантелеймонъ“ не было долго никакихъ свѣдѣній. Разнесся слухъ, что фрегатъ погибъ безслѣдно, но Провидѣніе и его хранило!

По описанію, корабль этотъ, лишившись мачтъ и всѣхъ снастей, носился въ морѣ по волѣ вѣтра и волнъ. Капитанъ объявилъ, что къ спасенію нѣтъ никакой надежды.

Всѣ начали готовиться въ смерти. Офицеры, матросы и члены дипломатическаго корпуса стояли на волѣняхъ и молились Богу. Иеромонахъ, замѣнявшій на кораблѣ должность священника, читалъ разрѣшительныя молитвы. Четыре дня и ночи фрегатъ носился по морю, но, наконецъ, благодареніе Богу, достигъ, сверхъ всякаго чаянія, севастопольскаго порта. Пассажиры сошли на берегъ полумертвые отъ страха, изнеможенія, голода и холода.

Въ томъ-же 1828 году графъ Викторъ Никитичъ командированъ былъ въ Грецію къ повѣренному нашему Бунгаро, гдѣ поддерживалъ президента графа Каподистрія, а въ 1829 году

онъ самъ назначенъ былъ уполномоченнымъ въ Грецію, гдѣ и оставался до 1831 года. Время, проведенное графомъ Панинымъ въ Греціи (съ 1828—1831 г.), чрезвычайно интересно въ исторіи. Это то самое время, когда греческое королевство, такъ сказать, получило свою политическую жизнь. Адрианопольскій миръ въ сентябрѣ 1829 года опредѣлилъ ея границы и самобытное существованіе. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ особыхъ данныхъ о дѣятельности здѣсь графа Панина и должны будемъ описаніе о семъ предоставить будущему его историку.

Въ теченіи этого времени графъ Панинъ получилъ чины коллежскаго и статскаго совѣтниковъ, а въ 1830 и въ 1833 г. награжденъ былъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, съ пожалованіемъ въ званіе камергера.

Если принять во вниманіе, что въ 1831 году ему было не болѣе 30 лѣтъ отъ роду, а исправленіе должности повѣреннаго въ Греціи было соединено съ важными обязанностями и довѣріемъ, то нельзя не признать, что способности графа проявлялись въ первые годы его службы и замѣчены были тогда-же высшимъ правительствомъ. Замѣчаніе это подтверждается еще тѣмъ, что въ томъ-же 1831 году онъ назначенъ былъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, по департаменту законовъ, а вслѣдъ затѣмъ 21 апрѣля 1832 года онъ назначенъ былъ въ исправленію должности товарища министра юстиціи, коимъ былъ тогда Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, къ которому графъ питалъ глубокое уваженіе. Личность министра юстиціи Дашкова и образъ его дѣйствій въ поддержаніи законнаго порядка, въ ходѣ судебныхъ дѣлъ, оставили глубокіе слѣды и въ товарищѣ его, графѣ Викторѣ Никитичѣ.

Личное уваженіе ихъ между собою сдѣлало ихъ друзьями. Дашковъ не долго былъ министромъ. Въ это время умираетъ главноуправляющій II отдѣленіемъ собственной е. в. канцеляріи, графъ Сперанскій, и онъ заступаетъ его мѣсто. Дашкова замѣнилъ графъ Блудовъ и въ отсутствіе его, съ 3 іюня по 5 сентября 1834 года, графъ Панинъ управляетъ министерствомъ юстиціи.

Послѣ сего въ 1839 году, декабря 31 дня, графъ Панинъ, на 38 году своей жизни, назначается управляющимъ министерствомъ

юстиціи, а засимъ 16 апрѣля 1841 года утверждается въ этой должности съ производствомъ его въ тайные совѣтники.

Въ семьѣ графа Панина сохранилось такое преданіе, что когда онъ былъ еще помощникомъ статсъ-секретаря и былъ однажды на балу, императоръ Николай Павловичъ, обратившись къ французскому послу Баремту и указавъ на графа Панина, сказалъ: „вотъ мой будущій министр“.

Со времени 1839 года по 21 октября 1862 года графъ Панинъ остается постоянно въ званіи министра юстиціи, и въ этотъ періодъ заявили свои стойкія служебныя достоинства и выработали свои убѣжденія тѣ лица, кои отчасти и нынѣ составляютъ высшую судебную власть.

Мы говоримъ о нѣкоторыхъ членахъ государственнаго совѣта и въ томъ числѣ о нынѣшнемъ министрѣ юстиціи.

II.

Назначеніе графа Панина въ 1860 году предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу.—Опроверженіе мнѣнія о томъ, что графъ Панинъ былъ противникомъ крестьянскаго дѣла.—Рѣчь графа при вступленіи въ редакціонную комиссію.—Дѣятельность его въ комиссіи.—Содержаніе высочайшаго рескрипта графу Панину, 23-го апрѣля 1861 года.

О трудахъ графа Панина по министерству, образъ дѣйствій и, наконецъ, управленіи онымъ мы скажемъ впоследствии, теперь же упомянемъ, что, состоя въ званіи министра, на него, 18-го февраля 1860 года, по случаю смерти Я. И. Ростовцева, было возложено предсѣдательство и непосредственное начальство надъ редакціонными комиссіями, состоявшими при главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, съ освобожденіемъ его отъ управленія министерствомъ юстиціи.

Многіе, со словъ сенатора Соловьева, писатели о крестьянской реформѣ говорятъ еще и теперь, что графъ Панинъ былъ будто бы противникомъ крестьянскаго дѣла до назначенія его предсѣдателемъ редакціонной комиссіи. Не такъ, скажемъ мы. Правда, онъ, состоя еще до этого времени въ секретномъ, а съ 1858 г. въ Главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, указывалъ на важность сего дѣла и на то, что оно слѣдуетъ вести съ крайнею осторожностью,

но это не значитъ — быть противникомъ реформы по крестьянскому дѣлу; это только свидѣтельствуетъ о его своеобразной мудрости и не болѣе того. И дѣйствительно, крестьянское дѣло въ самомъ началѣ было темное, во всякомъ случаѣ новое, выходявшее изъ круга науки, не обставленное осязательными данными, а потому, какъ и слѣдовало ожидать, графъ Панинъ отнесся къ нему совершенно сдержанно и съ явною, вполне основательною, осторожностью.

Доказательствомъ вѣрности этого взгляда служить прилагаемое слово, сказанное членамъ редакціонной комиссіи 21 февраля 1860 года. „Господа, сказалъ графъ Панинъ, вы помните слова государя императора. Они глубоко запечатлѣны въ моей памяти и я буду дѣйствовать сообразно съ ними. Вы знаете, что предсѣдатель редакціонной комиссіи еще не утверждёнъ, а потому я не могу сказать ничего ни успокоительнаго, ни неблагоприятнаго для васъ. Я надѣюсь, что вы воздержитесь отъ всего, что можетъ возбудить большія надежды или опасенія дворянства. Хотя самъ богатый помѣщикъ, я не забуду интересовъ помѣщиковъ небогатыхъ; но помня, что крестьяне здѣсь не имѣютъ представителей, я всегда буду имѣть въ виду ихъ выгоды, тѣмъ болѣе, что вполне убѣждёнъ, что это дѣло не можетъ обойтись безъ жертвъ со стороны дворянства. Это дѣло, господа, наше частное, семейное, оно не должно выходить отсюда, не надо распространять его, а тѣмъ болѣе писать что нибудь о немъ за границу. Теперь я имѣю, господа, къ вамъ еще просьбу: я слышалъ, что многіе изъ васъ собираются у графа Шувалова, гдѣ дворяне готовятъ выборы, а потому я прошу васъ прекратить ваши посѣщенія къ нему, потому что тамъ будутъ стараться завлечь васъ. Дверь моя, господа, всегда открыта для всѣхъ и каждаго изъ васъ; но я прошу васъ не посѣщать меня, чтобы не подать повода къ толкамъ, что я нахожусь подъ вліяніемъ. Итакъ, господа, совѣтую вамъ заняться. Въ этомъ отношеніи я имѣю навыкъ и могу сказать вамъ, что нѣтъ такого государственнаго дѣла, котораго нельзя было бы окончить въ 14 дней“.

Рѣчь ободряющая, вызывающая на скромность и трудъ, но скажемъ, что и званіе предсѣдателя редакціонной комиссіи онъ принялъ съ должною покорностію, единственно только по волѣ

государя императора, но тѣмъ не менѣе обязанности по сему званію онъ исполнялъ въ высшей степени добросовѣстно.

Такимъ образомъ, по свидѣтельству многихъ членовъ редакціонной комиссіи, онъ изучалъ крестьянское дѣло во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ, прислушивался къ мнѣнію опытнѣйшихъ изъ нихъ, относясь съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ ко всему. И только благодаря графу Панину и его настойчивости, всѣ попытки затормозить это дѣло послѣ смерти Ростовцева не увѣнчались успѣхомъ.

Тутъ онъ встрѣчалъ, какъ и слѣдовало ожидать, многое для себя новое, о чемъ прежде и не думалъ, какъ и многіе лучшіе его современники. Предъ нимъ открылся другой міръ и иной бытъ! Но, къ счастью, этотъ міръ былъ не чуждъ для него, такъ какъ графъ родился, воспитался и провелъ первую молодость въ деревнѣ и былъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ разныхъ губерніяхъ.

Въ оправданіе графа скажемъ еще, что мысль объ устройствѣ быта крестьянъ въ томъ видѣ, какъ оно выражено въ крестьянскомъ положеніи 19 февраля 1861 года, развила не вдругъ, но мало по малу и съ бѣльшими или меньшими недоразумѣніями. Да и вообще слѣдуетъ замѣтить, что для составленія крестьянскаго положенія не было такого мудреца, который бы, такъ сказать, сразу обхватилъ все дѣло и имѣлъ бы ясную идею, что и какъ слѣдуетъ написать и изложить.

Графъ былъ человѣкъ научный, глубоко образованный, съ многосторонними знаніями, но въ мысляхъ своихъ и въ общемъ порядкѣ онъ не иначе допускалъ развитіе законодательства, какъ въ строгой исторической послѣдовательности.

Въ крестьянскомъ же дѣлѣ что было научнаго и историческаго? Въ немъ ясно было одно только, это то, что всякій человѣкъ, какъ существо нравственное и свободное, не можетъ быть вещью или рабомъ другаго подобнаго же существа и что государь императоръ заявилъ твердое намѣреніе покончить вопросъ, тяготѣвшій вѣками надъ Россією, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ! Но на какихъ основаніяхъ? Вотъ это былъ вопросъ крайне темный,—какъ по существу своему, такъ и по отношенію къ дворянству, какъ сословію, на коемъ зиждились основы государства. Да и самъ государь, со всею своею любовію

въ челоѣчеству и въ особенности въ Россіи, не могъ вполне и съ ясностью выразить, что и какъ онъ желаетъ свершить освобожденіе крестьянъ.

Слова въ рескриптахъ на имя начальниковъ края и губерній и въ официальныхъ заявленіяхъ о томъ, что освобожденіе крестьянъ должно быть безобидно для обѣихъ сторонъ, т. е. помѣщиковъ и крестьянъ, далеко не выражали того, что и какъ слѣдовало сдѣлать.

Къ разрѣшенію сего вопроса нужно было призвать всю Россію въ лицѣ всего російскаго дворянства, ея губернскихъ комитетовъ и опытнѣйшихъ людей въ лицѣ членовъ редакціонной комиссіи, преданныхъ всею душою великому дѣлу освобожденія крестьянъ и исполненія въ семъ отношеніи воли государя императора.

Съ назначеніемъ предсѣдателемъ редакціонной комиссіи у графа Панина не было уже колебанія и онъ со страстью предался этому и довершилъ оное вмѣстѣ съ другими со славою.

Итакъ, убѣдимся, что графъ Викторъ Никитичъ не былъ противникомъ крестьянскаго дѣла, напротивъ того, онъ, какъ мужъ государственный и служивой, любящій свое отечество, думалъ о томъ, какъ бы окончить это дѣло безъ сотрясенія отечества и какъ бы не ввести правительство въ ошибку.

Не осуждать за это нужно, но воздавать должную похвалу. Такъ и сдѣлалъ царь!

Важность заслугъ собственно членовъ редакціонной комиссіи въ общемъ составѣ выражена въ рескриптѣ государя императора, послѣдовавшаго на имя графа Виктора Никитича, какъ предсѣдателя, отъ 17 апрѣля 1861 года, и въ другомъ рескриптѣ отъ 23 апрѣля 1861 г., по поводу пожалованія его высшею наградю въ государствѣ,—орденомъ Андрея Первозваннаго, исчислены всѣ его заслуги по крестьянскому дѣлу.

Мы не можемъ, при изложеніи его государственной дѣятельности, не упомянуть о семъ рескриптѣ, приводимъ его цѣликомъ:

„Нашему статсъ-секретарю и дѣйствительному тайному совѣтнику министру юстиціи, графу Виктору Панину. По особенной къ вамъ довѣренности и по вашей опытности въ дѣлахъ государственнаго управленія, приобрѣтенной многолѣтнею и всегда

полезною службою вашею отечеству, мы, въ февралѣ 1860 года, призвали васъ въ исполненію обязанностей предсѣдателя редакціонныхъ комиссій, учрежденныхъ для составленія проектовъ положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Комиссіямъ предстояло тогда привести въ общую систему всѣ предварительныя работы и приступить къ составленію окончательныхъ проектовъ новыхъ законоположеній. Все это исполнено редакціонными комиссіями съ полнымъ успѣхомъ во время вашего предсѣдательства. По поступленіи работъ сихъ комиссій въ главный по крестьянскому дѣлу комитетъ, а потомъ въ государственный совѣтъ, вы принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ вообще трудахъ по разсмотрѣнію новыхъ о крестьянахъ положеній. Вполнѣ сочувствуя освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ и изучивъ всѣ вообще подробности этого труднаго, обширнаго и многосложнаго дѣла, вы пламеннымъ въ этомъ дѣлѣ участіемъ много содѣйствовали успѣшному его совершенію. Желая изъявить вамъ искреннюю признательность нашу за огромные и полезные труды, вами въ этомъ дѣлѣ понесенныя, и, вообще, за ревностное и полезное служеніе ваше престолу и отечеству въ важныхъ государственныхъ должностяхъ, на васъ возложенныхъ, мы, въ изъявленіи такой признательности нашей, всемилостивѣйше пожаловали васъ кавалеромъ императорскаго ордена нашего св. апостола Андрея Первозваннаго, коего знамя, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ къ вамъ императорскою милостію нашею навсегда благосклонны“.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою подписано: Александръ.

Въ С.-Петербурѣ.
Апрѣля 23-го дня 1861 г.

III.

Назначеніе графа Панина непрѣмнымъ членомъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.—Опроверженіе мнѣнія о томъ, что онъ былъ противникомъ судебной реформы.—Слухи о поводахъ къ выходу въ отставку.—Д. Н. Замятинъ.—Заслуги его.—Имена лицъ, занявшихъ мѣста при введеніи реформы.

Съ окончаніемъ крестьянскаго дѣла, графъ Викторъ Никитичъ въ то-же время, именнымъ указомъ 19-го февраля 1861 г., назначенъ былъ непрѣмнымъ членомъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и здѣсь, какъ и во всѣхъ возлагаемыхъ на него обязанностяхъ, онъ полагалъ свою душу и дѣятельность на благослуженіе отечеству. Но силы его, повидимому, ослабѣвали и глаза въ особенности стали болѣть. Въ уваженіе сего ему предоставлено было воспользоваться отпускомъ съ 1-го іюля по 25-е октября 1861 года. Засимъ онъ снова вступаетъ въ управленіе министерствомъ юстиціи, гдѣ въ это время шла усиленная работа по начертанію новыхъ судебныхъ уставовъ.

Излагать его дѣятельность и личныя воззрѣнія отдѣльно отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ, кои занимались этимъ дѣломъ, мы считаемъ неудобнымъ. Достаточно будетъ сказать, что его дѣятельность въ семь отношеніи и усилія слились въ общую массу работъ и по достоинству вмѣстѣ съ другими оцѣнены верховною властью.

Скажемъ, что имена членовъ государственнаго совѣта, а въ томъ числѣ и графа Виктора Никитича, а равно и лицъ, бывшихъ въ комиссіи, учрежденной при государственной канцеляріи по устройству судебныхъ мѣстъ и новаго судопроизводства, должны сохраниться на вѣки въ благодарномъ потомствѣ.

Противудѣйствія со стороны графа Виктора Никитича въ какомъ-либо отношеніи не было, доказательствомъ сему служить обширная переписка его съ графомъ Блудовымъ, имѣющаяся въ министерствѣ юстиціи, начиная съ 1849 года.

Разсмотрите и увѣруйте въ то, что мы говоримъ!

Правда, были заявленія его и мнѣнія частью несогласныя съ окончательными выводами, принятыми впоследствии въ государственномъ совѣтѣ, но это ничего не доказываетъ.

Дѣло устройства суда и начертанія правилъ новаго судопроизводства развивалось и выяснялось тоже не вдругъ, а постепенно.

Повѣдаемъ теперь, что при первоначальномъ обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ проекта судопроизводства заявлена была графомъ Блудовымъ высочайшая воля о томъ, чтобы въ совѣтѣ не было возбуждаемо вопросовъ ни о гласномъ, ни объ устномъ судопроизводствѣ, ни о присяжныхъ засѣдателяхъ, ни объ адвокатахъ, но впослѣдствіи все это устранено,—сила вещей измѣнила намѣренія власти.

Фактъ о семъ не былъ оглашенъ до сихъ поръ въ печати, но оный не подлежитъ сомнѣнію.

Итакъ, скажемъ, что до начертанія основныхъ началъ нашего судоустройства и судопроизводства, высочайше утвержденныхъ 29-го сентября 1862 года,—всѣ блуждали и не знали на чемъ остановиться. Разногласія графа Панина съ другими членами тутъ были не при чемъ и потому память о немъ не должна быть омрачаема.

Правда, вслѣдъ за утвержденіемъ 29-го сентября 1862 года означенныхъ выше сего основныхъ правилъ, графъ Викторъ Никитичъ, 21-го октября 1862 г., по разстроенному здоровью и, главнымъ образомъ, по слабости глазъ, не считая себя въ силахъ исполнить реформу, уволился отъ званія министра юстиціи; но не забудемъ того, что въ то-же время онъ оставленъ въ званіи члена государственнаго совѣта и статсъ-секретаря и вслѣдъ за симъ 27-го февраля 1864 года былъ назначенъ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ собственной е. в. канцеляріи и предсѣдателемъ департамента законовъ государственнаго совѣта.

Въ этомъ случаѣ ходъ его службы и дѣятельности былъ совершенно одинаковъ съ предшественниками его, Д. В. Дашковымъ и графомъ Блудовымъ, кои оставили по себѣ добрую память въ дорогомъ нашемъ отечествѣ. Все это мы приводимъ, чтобы отвергнуть заявленія нѣкоторыхъ писателей о томъ, что будто бы роль графа Панина, съ утвержденіемъ упомянутыхъ основныхъ правилъ, по званію министра была сыграна и ему пришлось выйти въ отставку и что, наконецъ, будто бы судебная реформа есть исключительное дѣяніе его преемника Д. Н. Замятнина. Не такъ, отвѣчаемъ мы.

Сначала упомянемъ, что дѣйствительно силы графа Виктора

Никитича, въ особенности же зрѣніе, слабѣли и ему надо было подумать о своемъ здоровьи. Но не смотря на это, въ официальномъ мірѣ носились разные слухи о причинахъ его отставки. Самый правдоподобнѣйшій изъ сихъ разсказовъ, по нашему мнѣнію, былъ слѣдующій: въ осенній сезонъ 1862 года въ государственномъ совѣтѣ разсматривался проектъ законоположеній объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Инициатива этого закона, разумѣется, всецѣло принадлежала милосерднѣйшему изъ монарховъ, императору Александру II. О приведеніи сего предположенія въ исполненіе предложилъ и настаивалъ въ особенности графъ М. А. Корфъ. Члены государственнаго совѣта, въ виду сего, а можетъ быть и глубокаго убѣжденія, признали эту мѣру своевременною. Но не такъ думалъ графъ Панинъ,—онъ отрицалъ эту мѣру, какъ не соответствовавшую степени развитія и образованія народа, а главное потому, что съ неустройствомъ тюремной реформы—тѣлесныя наказанія невозможно было замѣнить тюремнымъ заключеніемъ.

Ко благу человѣчества, мнѣніе его не было принято.

Но не свроемъ о томъ, что впослѣдствіи, послѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, тюрьмы были переполнены арестантами и приходилось выпускать ихъ на свободу раньше срока, определеннаго судебнымъ рѣшеніемъ.

Тѣмъ не менѣе, вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній совпалъ съ мыслию графа Панина о выходѣ въ отставку, о чемъ и подано было имъ прошеніе, которое и было принято, и 21-го октября 1862 г. о семъ состоялось высочайшее соизволеніе.

Постановленіе объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній опубликовано было 17-го апрѣля 1863 года,—день рожденія приснопамятнаго императора Александра II.

Приводимъ означенный фактъ, чтобы повѣдать, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего такого, чтобы набрасывало какую либо тѣнь на честное имя графа Виктора Никитича Панина. И дѣйствительно, въ мнѣніяхъ его о несвоевременности отмѣны тѣлесныхъ наказаній ничего нѣтъ не соответствующаго ни законодательству, ни тогдашнимъ нравамъ народонаселенія.

Тѣлесныя наказанія существовали издавна, народъ былъ грубъ и страхъ для нарушителей закона необходимъ былъ, да и теперь въ волостяхъ, по приговорамъ сельскихъ властей, крестьяне

подвергаются сѣченію розгами. Если это наказаніе поддерживаетъ грубость нравовъ, то тюремныя заключенія обрезаютъ на праздность, возвращаютъ денежныя взысканія и раззоряютъ крестьянъ.

Въ виду послѣдняго, графъ Панинъ и находилъ отмѣну тѣлесныхъ наказаній преждевременною.

Но мы отъ себя скажемъ, что нужно было повончить и съ этимъ дѣломъ, позорящимъ человѣчество, а потому слава и вѣчная благодарность государю императору Александру II за отмѣну казней и тѣлесныхъ наказаній! Что же касается до мысли о томъ, что будто бы дѣло судебной реформы принадлежитъ преемнику графа Панина—Д. Н. Замятнину, то это болѣе, нежели преувеличено и далеко отъ истины.

Если бы можно было спросить самого Замятнина: правда ли, что ему приписываютъ? Онъ, какъ человѣкъ добросовѣстный, отвѣчалъ бы: не правда. Я, сказалъ бы онъ, продолжалъ то, что было выяснено прежде меня, и то, что не могло быть иначе; я, по званію министра, выбиралъ только лицъ на мѣста изъ числа людей, кои были подготовлены въ долгій періодъ управленія графа Панина и кои имъ были уже намѣчены. Вотъ въ чемъ собственно состояла дѣятельность и заслуга Замятнина!

Въ доказательство сего, припомнимъ имена лицъ, поступившихъ при первоначальномъ введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. Въ сенатѣ первоприсутствующимъ въ гражданскомъ отдѣленіи—Башуцкій, въ уголовномъ—Корніолинъ-Пинскій; сенаторы гражданского департамента—А. И. Войцеховичъ, М. Н. Любошинскій, Д. Н. Набоковъ; сенаторы уголовного департамента: В. А. Арцимовичъ, Буцковскій; оберъ-прокуроры уголовного департамента: Ковалевскій и гражданского—фонъ-Дервизъ.

Въ с.-петербургской палатѣ: Гольтгойеръ, Фришъ, Шаровскій, Зубаревъ, Гюне, Ковалевскій, Чемадуровъ.

Въ московской палатѣ: Полъновъ, Шаховъ и проч.

Всѣ эти лица, за исключеніемъ Башуцкаго и Войцеховича, суть люди окончательно выработавшіеся и воспитавшіеся въ періодъ времени графа Панина. Правила реформы ими были восприняты до назначенія ихъ на сіи должности. Оставшіеся при Д. Н. Замятнинѣ лица: Н. И. Стояновскій, Хвостовъ, Шрейбертъ, Д. И. фонъ-Дервизъ, Эссенъ, Рѣпинскій, Беръ и Врангель—суть

также лица, выработавшіяся и созрѣвшія въ министерствѣ юстиціи въ періодъ управленія графа Панина.

Всѣмъ этимъ мы не хотимъ умалить достоинствъ Замятина, напротивъ того, онъ, какъ начальникъ, былъ крайне доступный, привѣтливый, добрѣйшій и опытный въ выборѣ людей; вотъ съ этими достоинствами онъ имѣлъ полную возможность узнать лицъ, могущихъ привести въ дѣйствіе судебную реформу.

Такимъ образомъ, созданіе судебной реформы не есть дѣяніе бывшаго министра юстиціи Замятина, но есть плодъ усилій цѣлаго поколѣнія людей и дѣльцовъ созрѣвшихъ и выработавшихъ свои убѣжденія въ теченіи долгаго періода панинскаго времени. При томъ, съ учрежденіемъ особой комиссіи при государственномъ совѣтѣ, министерство юстиціи въ начертаніи проэкта было въ сторонѣ.

Министерству или, лучше сказать, Д. Н. Замятину принадлежит самое открытіе и введеніе реформы, что и послѣдовало въ с.-петербургскомъ округѣ 17 апрѣля 1866 года.

Графъ Панинъ въ это время продолжалъ свою дѣятельность въ государственномъ совѣтѣ и по званію главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ, гдѣ и оставался по 1867 годъ. Его замѣнилъ князь С. Н. Урусовъ.

Въ заключеніе сего отдѣла добавимъ, что и лица, составлявшія комиссію при государственной канцеляріи для составленія судебныхъ уставовъ, въ большинствѣ принадлежали также къ составу министерства юстиціи—времени графа Панина.

Мысль о томъ, что графъ Панинъ, выборомъ людей и научною подготовкою ихъ къ занятію высшихъ должностей, далъ полную возможность впослѣдствіи введенія судебной реформы въ 1864 г. выражена вполне въ высочайшемъ рескриптѣ отъ 15 декабря 1869 года.

Рескриптъ этотъ напечатанъ нами въ заключеніе настоящаго нашего очерка.

IV.

Награды, кои получены графомъ Панинымъ во время его службы.—Вниманіе императора Николая I къ его женитьбѣ на графинѣ Наталіи Павловнѣ, урожденной Тизенгаузенъ.—Дѣти графа Панина.—Щедрость его.

Занятіе высочайшаго поста министра юстиціи съ 1839 года по 1862 годъ, въ теченіи двухъ царствованій, свидѣтельствуешь, что милость къ графу Виктору Никитичу императоровъ Николая и Александра II была къ нему постоянна и неизмѣнна. Но въ службѣ вниманіе государей въ заслугамъ ихъ министровъ выражается еще пожалованіемъ ихъ орденами въ сроки болѣе или менѣе короткіе. Въ этомъ отношеніи, можемъ сказать, графъ Панинъ не былъ счастливъ.

Такимъ образомъ, орденъ св. Анны 1-й степени онъ получилъ 31 декабря 1834 года, когда былъ товарищемъ министра юстиціи, а чрезъ девять лѣтъ послѣ сего, именно 1 января 1843 года, онъ пожалованъ былъ орденомъ Бѣлаго Орла. Въ 1846 году, декабря 31 дня, онъ награжденъ былъ орденомъ Александра Невскаго и затѣмъ до самой смерти императора Николая, послѣдовавшей 18 февраля 1855 года, въ теченіи девяти лѣтъ, служба графа Виктора Никитича ни чѣмъ не была поощрена.

Служащіе въ то время въ министерствѣ юстиціи не могли объяснить это, но должно засвидѣтельствовать, что графъ работалъ съ прежней энергіей, ѣздилъ безъ пропусковъ во дворецъ на выходы и ни словомъ, ни взглядомъ, ни дѣломъ не далъ повода думать, что онъ былъ не въ милости.

Въ это время постоянно въ обществѣ носился слухъ, что вотъ-вотъ будетъ назначенъ другой министръ на мѣсто Панина, но это не оправдывалось. Преданный графу М. И. Топильской былъ въ отчаяніи, метался повсюду, чтобы узнать, что, какъ и почему, но самъ графъ Панинъ по виду былъ доволенъ.

Годы сіи были временемъ недоумѣнія.

Немилость государя къ нему объясняли тѣмъ, что самъ графъ былъ скучъ на представленія къ наградамъ и что императоръ,

не жалуя его, давалъ тѣмъ ему чувствовать, что онъ самъ забывалъ другихъ; впрочемъ, все это были одни только слухи, но скажемъ встати, что графъ Панинъ, дѣйствительно, не былъ щедръ на награды. За то если графъ Панинъ кого либо награждалъ или дѣлалъ представленія о комъ либо внѣ правилъ, то можно было быть увѣреннымъ, что это лицо поистинѣ было того достойно.

Впрочемъ, мы припомнимъ одинъ случай, свидѣтельствующій объ особомъ взглядѣ графа на награды. Въ числѣ воспитанниковъ перваго выпуска училища правовѣдѣнія 1840 года отличались по службѣ въ особенности два: Н. Ѳ. Коржевскій и Л. Л. Вестингаузенъ.

Послѣ четырехлѣтней службы, они, по ходатайству графа Панина, были награждены орденами Станислава 2-й степени, сопровождаемыми собственноручными его письмами о томъ, что они награждаются не столько за личныя заслуги, сколько, главнымъ образомъ, для того, чтобы служили примѣромъ для другихъ, будучи одними изъ первыхъ, проявившихъ свою дѣятельность.

За исключеніемъ этого случая, мы не помнимъ, чтобы кто либо въ короткое время удостоенъ былъ наградами не въ мѣру или кто либо получилъ высшую должность, не прослуживъ въ низшей достаточное время.

Слово карьеристъ не имѣло мѣста при графѣ Панинѣ. Въ 1856 году 1 января, т. е. почти чрезъ годъ послѣ смерти императора Николая, графъ Панинъ произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а въ 1859 году 8 сентября ему пожалованы алмазные знаки въ ордену Александра Невскаго.

Въ 1865 году 1 января онъ пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени, потомъ награжденъ былъ золотою медалью въ память устройства крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, такую же медаль онъ получилъ въ 1861 году за труды по освобожденію крестьянъ въ Россіи.

Засимъ апрѣля 16 дня 1867 года, въ выраженіе монаршей признательности за продолжительное и обильное полезными результатами служеніе и въ изъявленіе искренняго благоволенія е. и. в., всемилостивѣйше пожалованы алмазные знаки императорскаго ордена св. апостола Андрея Первозваннаго, при именномъ высочайшемъ рескриптѣ.

Послѣдняя его награда была 15 декабря 1869 года, когда по случаю 50-лѣтняго юбилея графъ Викторъ Никитичъ все-милостивѣйше пожалованъ былъ украшеннымъ алмазами портретомъ е. и. величества для ношенія въ петлицѣ на Андреевской лентѣ, при именномъ высочайшемъ рескриптѣ.

Независимо отъ должности министра юстиціи, въ 1842 году онъ былъ назначенъ вице-президентомъ общества попечительства о тюрьмахъ, потомъ въ 1844 году онъ былъ назначенъ въ комитетъ, учрежденный для начертанія проекта о преобразованіи мужскихъ сиротскихъ институтовъ; въ чемъ состояла дѣятельность графа Панина въ семъ комитетѣ мы обстоятельныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Въ 1849 году 21 апрѣля ему объявлена была признательность государя за Константиновскій межевой институтъ. Онъ также много посвящалъ времени дѣлу спеціальнаго размежеванія земель въ Россіи.

Далѣе, по случаю участія графа въ Человѣколюбивомъ обществѣ, онъ неоднократно получалъ признательность отъ государя императора.

Ко всему этому добавимъ, что въ 1865 году онъ состоялъ предсѣдателемъ въ комитетѣ объ устройствѣ евреевъ, но въ скорости дѣла сего комитета были переданы въ комитетъ министровъ.

Въ 1866 году іюня 15 дня, за отсутствіемъ предсѣдателя департамента законовъ, онъ назначенъ былъ членомъ верховнаго уголовного суда.

16 апрѣля 1867 года онъ былъ уволенъ, по разстроенному здоровью, отъ должности главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и въ званіи статсъ-секретаря.

Въ заключеніе сего отдѣла расскажемъ еще и другіе поводы къ немилости государя императора Николая къ графу Панину. Такъ, говорятъ, что будто-бы однажды графъ А. Ѳ. Орловъ спросилъ Панина: почему тебя не награждаютъ? Послѣдній будто-бы отвѣчалъ: „я того не требую, я служу Россіи!“ Слова его были переданы императору и онъ будто-бы сказалъ: „Ну, пусть-же его Россія и награждаетъ!“ Объясняютъ еще неудовольствіе императора на Панина другимъ случаемъ: государь однажды посѣтилъ госпиталь, гдѣ докторъ Флоринскій пожаловался ему

на то, что Пашковъ магнетизеръ не платитъ ему. Государь, въ уваженіе его, приказалъ взымать съ Пашкова въ 6-ти мѣсячный срокъ, но графъ Панинъ доложилъ государю, что при установленныхъ срокахъ мѣра эта не можетъ быть приредена въ исполненіе.

О семейной жизни графа Панина вотъ что намъ извѣстно: на 33 году своей жизни онъ женился на фрейлипѣ двора ея величества Натальѣ Павловнѣ Тизенгаузенъ.

Фамилія графовъ Тизенгаузенъ принадлежитъ къ древнимъ и знаменитымъ родамъ Остзейскаго края. Отецъ ея, графъ и сенаторъ, былъ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Во время женитьбы графъ Панинъ былъ товарищемъ министра юстиціи Д. В. Дашкова.

Вступленіе его въ бракъ сопровождалось испрошеніемъ все-милостивѣйшаго соизволенія, которое и послѣдовало 27 декабря 1834 г.; государь императоръ Николай Павловичъ, разрѣшивъ этотъ бракъ, благоволилъ собственноручно на докладѣ написать: „весьма радъ счастливому выбору графомъ Панинымъ и желаю ему всякаго благополучія“.

Обстоятельство это свидѣтельствуетъ, что императоръ Николай сердечно относился къ семейному положенію графа Панина.

Въ другой разъ императоръ Николай выразилъ ту мысль, что продолжительное отсутствіе Панина отъ должности товарища министра ему, государю, не желательно. Такая мысль государя выражена была при слѣдующихъ обстоятельствахъ: послѣ бракосочетанія графа Виктора Никитича, именно въ апрѣлѣ 1835 года, онъ просился въ 4-хъ мѣсячный отпускъ въ Москву для свиданія съ своими родителями, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ходатайствовалъ о дозволеніи ему посѣтить и родителей его жены, графовъ Тизенгаузенъ, въ Остзейскомъ краѣ.

Императоръ, разрѣшая ему отпускъ, соизволилъ отозваться: „я увѣренъ, что графъ Панинъ лишнее время въ отпуску не пробудетъ“.

Ясно, что государь о графѣ Панинѣ имѣлъ понятіе какъ о человѣкѣ трудящемся.

Да, онъ трудился и трудился неустанно, что извѣстно всемъ служившимъ подъ его начальствомъ, о чемъ мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Отъ брака съ графиней Наталіей Павловной онъ имѣлъ сына Владиміра, уже умершаго, и четыре дочери, изъ коихъ старшая, Ольга, родилась въ 1836 г., и три другія, Евгенія, Леонилла и Наталія, родившіяся въ 1837, 1840 и 1843 гг. Намъ извѣстно, что старшая изъ ихъ дочерей, графиня Ольга Викторовна, вышла замужъ за графа Левашева, графиня Леонилла состояла въ замужествѣ за графомъ Владиміромъ Егоровичемъ Комаровскимъ, а графини Евгенія и Наталія скончались. Сынъ Владиміръ былъ женатъ на дочери генерала Сергѣя Ивановича Мальцева и умеръ въ 1872 г., въ подмосковномъ имѣніи, въ с. Морфинѣ, оставивъ по себѣ дочь Софію.

Состояніе графа было значительное и заключалось въ 8-ми тысячахъ душъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ. Послѣ освобожденія крестьянъ онъ объѣхалъ всѣ имѣнія съ сыномъ и щедро предоставилъ крестьянамъ въ собственность всѣ земли, которыми они до тѣхъ поръ пользовались.

Приводимъ это для того, чтобы удостовѣрить, что графъ дѣйствительно былъ богатъ и не дорожилъ жалованьемъ по должности министра юстиціи. Содержанія онъ получалъ 8,017 рублей ассигнаціями и, какъ намъ положительно извѣстно, оное употреблялъ на помощь чиновникамъ его вѣдомства и другимъ людямъ.

Такъ, онъ почасту снабжалъ одеждою бѣдныхъ чиновниковъ, равно дровами, чаемъ въ зимнее время и проч. пособіями.

Лица сіи, получивъ пособія, не знали даже отъ кого оныя были пожертвованы.

Объ этомъ знали экзекуторъ департамента министерства юстиціи Лалаевъ, да М. И. Тописькой, который завѣдывалъ домашними дѣлами графа Панина.

V.

Обязанности генераль-оберъ-прокурора.—Свойство судебныхъ дѣлъ, требующихъ письменности.—Вниманіе графа вообще къ дѣламъ.—Анекдотъ его съ М. А. Корфомъ по поводу личныхъ докладовъ.—Консультація при министерствѣ юстиціи, важность оной.—Опроверженіе мифа о томъ, что графъ Панинъ не былъ самовластенъ.—Взгляды его на дѣла уголовныя.—Стойкость въ дѣлахъ графа Панина.—Дѣло о маіоратѣ графа Ивана Ѳедоровича Паскевича-Эриванскаго.—Милосердіе императора Александра II.

Съ должностію министра юстиціи соединяется и званіе генераль-оберъ-прокурора.

Обязанности его и отношенія къ сенату и судебнымъ мѣстамъ были весьма обширны. Мы не станемъ ихъ исчислять, такъ какъ оныя опредѣлены закономъ (т. I, учр. мин., ст. 1905 и т. д.), но скажемъ, что свойство всѣхъ судебныхъ дѣлъ, кои поступали въ министерство юстиціи, при своей сложности, требовали неизбѣжно письменности. Доклады составляютъ возможно краткіе, но тѣмъ не менѣе всякія дѣла представляются министру не иначе, какъ при запискѣ.

Люди, служившіе при графѣ Панинѣ, сознавали, что нужно облегчать министру и избавлять его, по возможности, отъ чтенія обширныхъ докладовъ, но устранить вовсе письменность и замѣнить ее личными докладами было нельзя. Посему напрасно обвиняютъ графа Панина въ пристрастіи къ бюрократизму.

Подчиняясь по необходимости письменному порядку, графъ Панинъ могъ удобно располагать своимъ временемъ.

Припомнимъ, что онъ, по званію министра юстиціи, въ теченіи недѣли долженъ былъ присутствовать: въ понедѣльникъ и пятницу въ государственномъ совѣтѣ, во вторникъ—въ комитетѣ гг. министровъ, въ четвергъ—въ совѣтѣ гг. министровъ. Въ пятницу почасту бывалъ и въ общемъ собраніи сената.

При докладахъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ графъ удивлялъ всѣхъ знаніемъ обстоятельствъ оныхъ и вообще поражалъ своимъ краснорѣчіемъ.

Готовясь къ докладу въ государственномъ совѣтѣ, онъ, какъ намъ извѣстно, бралъ дѣла на домъ и просиживалъ надъ ними до глубокой ночи, а часто и до разсвѣта. Подлинныя бумаги

судебныхъ дѣлъ и печатныя записки оныхъ были испещрены его замѣтками. Однимъ словомъ, онъ работалъ, какъ истый юрисконсультъ.

Кабинетъ графа въ министерствѣ съ длинными и широкими столами заваленъ былъ ежедневно докладами и бумагами. Представляли графу только то, что было неотлагательно нужно, но громадный запасъ докладовъ хранился въ канцелярїи директора; сей послѣдній пускалъ въ ходъ, когда представлялась къ тому возможность.

Простой взглядъ на груды дѣлъ и бумагъ, коими заваленъ былъ кабинетъ графа, могъ привести простаго смертнаго въ ужасъ и отчаяніе.

Все это заставляло графа беречь время, сидѣть въ кабинетѣ и волею-неволею не быть доступнымъ для всѣхъ и во всякое время, какъ того многіе желали.

Не будемъ скрывать и того, что графъ Панинъ дѣйствительно любилъ уединеніе и отдавалъ себя всецѣло труду, но все это не подлежить нареканію.

Прїемъ публики производился въ назначенное время еженедѣльно; при семъ онъ, выслушивая просителей со вниманіемъ, терпѣливо отбиралъ записки и прошенія и потомъ не оставлялъ безъ вниманія.

Въ крайнихъ случаяхъ онъ предоставлялъ дѣлать прїемъ просителей своимъ товарищамъ: Шереметьеву, Илличевскому или Д. Н. Замятнину.

Всѣмъ этимъ мы хотимъ сказать, что графъ Панинъ небезучастно относился въ обществу, въ чемъ его такъ упрекали.

По поводу обвиненія его въ отсутствіи личныхъ докладовъ расскажемъ одинъ характерный случай, свидѣтельствующій о томъ, что графъ Панинъ былъ находчивъ, остеръ и не давалъ себя въ обиду.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ императора Александра II, когда, съ цѣлью достигнуть прогресса,—всѣ огуломъ заговорили о необходимости гласности, устности и о личныхъ докладахъ и когда въ этомъ только и видѣли спасеніе отечества, графъ заявилъ, что и онъ въ возможныхъ случаяхъ послѣдуетъ такому же порядку. И дѣйствительно, начались личные доклады у графа. Потомъ, встрѣтясь съ графомъ Модестомъ Андреевичемъ Корфомъ,

управлявшимъ тогда II-мъ отдѣленіемъ собственной е. в. канцеляріи, онъ сказалъ ему, что вотъ и онъ въ министерствѣ юстиціи вводитъ личный докладъ.

— Прекрасно, поздравляю съ прогрессомъ, вскричалъ Корфъ, давно бы пора это сдѣлать.

Графъ Панинъ сдержанно выслушалъ это, а потомъ сказалъ ему: „а знаете, что я замѣтилъ? Что чиновники изъ лиценстовъ докладываютъ гораздо хуже университетскихъ и правовѣдовъ, да и вообще, прибавилъ онъ, лиценсты выказываютъ себя какъ-то неумѣлыми и даже грубыми“.

Графъ Корфъ понялъ, куда метилъ графъ Панинъ.

Извѣстно, что Корфъ былъ лиценстъ.

Особымъ предметомъ заботливости и попеченія графа Панина безъ сомнѣнія были консультаціи, учрежденныя при министерствѣ юстиціи.

Сюда поступали дѣла по разногласіямъ гг. сенаторовъ изъ общихъ собраній сената, коихъ въ то время было три: два въ С.-Петербургѣ и одно въ Москвѣ.

По поступленіи сихъ дѣлъ въ министерство въ видѣ печатныхъ записокъ, графъ немедля ихъ предварительно обозрѣвалъ и тутъ же собственноручно отмѣчалъ какъ въ книгѣ, заведенной по сему предмету по консультаціи, такъ и на самихъ печатныхъ запискахъ: кому какое дѣло онъ назначаетъ для доклада и на какое число, при чемъ означалъ имя, отчество и фамилію докладывающаго полными словами. При назначеніи дѣлъ можно было видѣть, что графъ отлично зналъ спеціальность докладывавшихъ, не смѣшивая криминалистовъ съ цивилистами.

Онъ не ограничивался только лицами, служащими въ министерствѣ юстиціи или по консультаціи, нѣтъ, всѣ оберъ-секретари и секретари сената, а равно чиновники за оберъ-прокурорскимъ столомъ привлекаемы были и къ докладу. Напримѣръ, П. А. Зубовъ, оберъ-секретарь 5-го департамента, часто по назначенію Панина докладывалъ дѣла или писалъ предложенія; за симъ дѣла докладывались и составлялись, такъ называемые, журналы съ прописаніемъ мнѣнія членовъ консультаціи и вмѣстѣ съ сенатскимъ заключеніемъ, а часто и съ подлиннымъ дѣломъ, представлялись графу. По возвращеніи отъ графа можно было ясно

видѣть по замѣткамъ, на печатныхъ запискахъ и по журналу консультаціи, что онъ дѣло это разсматривалъ во всѣхъ подробностяхъ.

При изложеніи же своихъ резолюцій, графъ вовсе не стѣснялся ни большинствомъ мнѣній гг. сенаторовъ, ни голосами членовъ консультаціи, а прямо высказывалъ или прописывалъ свое заключеніе.

Въ случаѣ несогласія графа съ большинствомъ сенаторовъ въ прежнее время писалось предложеніе и вносилось въ общее собраніе. Принятіе $\frac{2}{3}$ -ми голосовъ сенаторовъ предложенія г. министра означивало дѣло, т. е. предложеніе обращалось въ опредѣленіе и посылались исполнительные указы, а въ противномъ случаѣ дѣло вносилось въ государственный совѣтъ.

Проходили многіе мѣсяцы, пока дѣло, внесенное въ государственный совѣтъ, подвергалось тамъ разсмотрѣнію.

Тутъ опять графъ, выказывая свое терпѣніе, снова возобновлялъ въ своей памяти дѣло, разумѣется, во всей подробности.

По свидѣтельству лицъ, графъ при докладѣ въ государственномъ совѣтѣ поражалъ всѣхъ и знаніемъ дѣла, и, сверхъ того, краснорѣчіемъ.

Этого мало, оставаясь недоволенъ работою докладывающихъ, не только исправлялъ редакціи предложенія, но самъ писалъ ихъ во всей полнотѣ.

Такъ, въ 1852 года, онъ написалъ предложеніе о земляхъ Пермской губерніи, Чердынскаго уѣзда, по рѣкѣ Лолопъ, графовъ Строгоновыхъ.

Предложеніе было весьма обширное и сдѣлало бы честь лучшему и опытнѣйшему юрисконсульту.

Но составляя самъ предложенія, онъ умѣлъ цѣнить труды своихъ подчиненныхъ и благодарить ихъ въ такихъ выраженіяхъ, кои обличали въ немъ, что на письменныя работы ихъ онъ смотритъ какъ-бы на созданія художниковъ, увѣковѣчивающихъ имя своими произведеніями. Старшій юрисконсультъ С. И. Зарудный (нынѣ сенаторъ) занимался съ особою любовію старымъ дѣломъ о земляхъ г. Смоленска. Дѣло это, по своей сложности, обширности и запутанности, было весьма трудное, но С. И. Зарудный отнесся къ нему весьма серьезно и съ любовію. Докладъ

по сему дѣлу и составленіе по оному предложенія были такъ отчетливо и художественно изложены, что графъ, читая оныя, не могъ не восхищаться работою его.

Утверждая докладъ его и подписывая составленное по оному предложеніе сенату, графъ Панинъ сказалъ приблизительно слѣдующія слова:

— „Если бы я хотя одинъ разъ въ жизни доложилъ бы такое дѣло и написалъ бы такое предложеніе, какъ С. И. Зарудный, то я считалъ бы, что моя жизнь прожита не напрасно“.

Вникните въ эти замѣчательныя слова.

Министръ цѣнить письменную и служебную работу своего подчиненнаго и ставить ее такъ высоко, что если бы онъ ее свершилъ, то считалъ бы достаточнымъ, чтобы прославить свое имя. Сказать подобныя слова могъ только тотъ, который умѣлъ понимать, цѣнить работу и сознавать ее трудность, а это не всякому дается.

Да и вообще скажемъ, что каждый разъ, когда по какому-либо бывшему на консультаціи дѣлу сенатскія печатныя записки возвращались отъ графа, всѣ мы, работавшіе при немъ, съ любопытствомъ разсматривали оныя, гдѣ онъ и въ какомъ мѣстѣ, и на чемъ именно, остановилъ свое вниманіе.

Замѣтки сіи подтверждали и убѣждали насъ во-очію, что графъ Панинъ былъ дѣлецъ, трудолюбивый и глубокомысленный человѣкъ.

Такого трудолюбія въ разработкѣ дѣла мы не встрѣчали ни въ одномъ изъ тогдашнихъ членовъ консультаціи, ни въ его товарищахъ Илличевскомъ и Замятнинѣ и ни въ комъ-либо другомъ.

Обыкновенно при обсужденіи дѣла на консультаціи члены оной ограничивались только изъясненіемъ согласія, — съ большинствомъ или съ меньшинствомъ голосовъ общаго собранія сената или съ кѣмъ либо отдѣльно изъ гг. сенаторовъ. Въ особую разработку дѣла, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, никто изъ нихъ не пускался.

Одинъ только графъ Панинъ не стѣснялся ни большинствомъ голосовъ гг. сенаторовъ въ сенатѣ, ни мнѣніемъ членовъ консультаціи, и прямо высказывалъ свое убѣжденіе.

А между прочимъ встати скажемъ, сколько важныхъ дѣлъ

рѣшено на консультаціи и сколько лицъ, благодаря внимательному разсмотрѣнію въ оной, охранены отъ потери правъ и получили свое имя и имущество и, наконецъ, сколько вопросовъ юридическихъ разъяснены въ ней до степени догматовъ, не говоря о другихъ законоположеніяхъ, разсмотрѣнныхъ также въ консультаціи.

Мы могли бы, въ подтвержденіе сего, привести многочисленные примѣры, но ограничимся нѣсколькими:

1) Жена инспектора кievскаго университета Дудникова обвинялась въ убійствѣ своего мужа (1852 г.) и приговорена къ лишенію всѣхъ правъ, но по докладу на консультаціи совершенно оправдана. Докладывалъ Д. П. Шубинъ.

2) Заброшенный и загнанный своимъ отцемъ генераломъ Широимъ, по ненависти къ своей женѣ, мальчикъ по имени Заботинъ получилъ имя и достояніе своего отца, Широа. Докладывалъ М. Н. Любоцинскій.

3) Вопросъ о силѣ и значеніи десяти-лѣтней давности получилъ окончательное объясненіе въ дѣлѣ князя Сергѣя Голицына съ Марковымъ. Докладывалъ С. И. Зарудный.

4) Дѣло о Платоновскомъ принсѣ, въ коемъ участвовали личности, какъ-то: А. Ѳ. Орловъ, Тизенгаузенъ, Безобразовъ, Танѣевъ, Нелидова и друг., получило правильное разрѣшеніе въ пользу купца Голубова. Докладывалъ пишущій эти строки.

5) Почетный гражданинъ Толли, купивъ имѣніе графа Плятера съ публичныхъ торговъ и съ разрѣшенія сената, получилъ купчую и владѣлъ имѣніемъ нѣсколько лѣтъ, но графъ Плятеръ, подъ видомъ неправильности будто описей, по воимъ продано имѣніе, переноситъ дѣло въ общее собраніе сената и тутъ большинство, не обращая вниманія на права Толли и купчую, постановляетъ торги уничтожить; но министръ юстиціи, Д. Н. Набоковъ, согласно съ меньшинствомъ, далъ предложеніе въ томъ смыслѣ, что публичные торги не могутъ быть нарушаемы безъ достаточнаго уваженія и основаній, кои опредѣлены въ законѣ, каковыхъ поводовъ въ дѣлѣ вовсе не было. И дѣйствительно, государственный совѣтъ, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ 13-го октября 1883 года, вполне подтвердилъ такой взглядъ министра юстиціи. Дѣло это осязательно доказываетъ, что „большинство“ гг. сенаторовъ не всегда служитъ доказательствомъ, что мнѣніе онаго

правильно. Напротивъ того, часто мнѣніе меньшинства гг. сенаторовъ бываетъ болѣе справедливымъ. Вотъ, въ такихъ случаяхъ министръ юстиціи былъ истиннымъ представителемъ законовъ и благодѣяніемъ для рѣшенія многихъ дѣлъ. Избавленіе министра юстиціи отъ разсмотрѣнія дѣлъ общаго собранія сената послѣдовало отчасти въ тѣхъ видахъ, чтобы избавить государственный совѣтъ отъ разсмотрѣнія дѣлъ, поступавшихъ въ оный изъ общаго собранія сената, и тѣмъ дать государственному совѣту исключительную возможность посвятить себя законодательнымъ дѣламъ.

Впрочемъ, оцѣнка мѣропріятій правительства послѣдняго времени не входитъ въ предѣлы нашей статьи, мы говоримъ только о томъ, что было прежде при графѣ Панинѣ. Въ заключеніе о консультаціи скажемъ еще то, что она имѣла особое значеніе въ томъ отношеніи, что здѣсь оберъ-прокуроры, какъ члены оной, могли провѣрять свои взгляды и направлять дѣла къ единообразному рѣшенію, а это весьма важно. Наконецъ, консультаціи были лучшею школою для молодыхъ юристовъ.

Въ доказательство того, что графъ Викторъ Никитичъ не считалъ себя, бывши на консультаціи, самовластнымъ начальникомъ, а относился съ полнымъ уваженіемъ къ мнѣнію своихъ подчиненныхъ, сохраняя при этомъ установленный порядокъ—я могъ бы привести много примѣровъ, но ограничимся однимъ изъ болѣе видныхъ. Случай этотъ былъ на консультаціи въ то время, когда я былъ старшимъ юрисконсультомъ.

Случай этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: по закону (209, т. I, ч. II), когда во время производства гражданскаго дѣла откроются обстоятельства, которыя по рѣшенію гражданскаго суда, еще не окончательному, подвергають суду уголовному, то сей послѣдній можетъ быть начатъ не прежде, какъ по совершенномъ окончаніи суда гражданскаго.

На практикѣ случаи такіе имѣли почасту примѣненіе и сами по себѣ не возбуждали сомнѣнія.

Но по одному дѣлу, начатому и производившемуся гражданскимъ порядкомъ, въ которомъ открылись уголовные признаки преступленія, графъ Панинъ на одномъ изъ журналовъ консультаціи написалъ, что то дѣло слѣдовало начать уголовнымъ, а не гражданскимъ порядкомъ, и въ этомъ смыслѣ состоялась его

резолуція, по которой мнѣ слѣдовало написать предложеніе общему собранію сената.

Но я внутренно находилъ резолюцію графа Панина неправильною и потому объяснился объ этомъ съ членами консультаціи, написалъ возраженіе и представилъ графу, домогаясь, чтобы онъ отмѣнилъ свою первоначальную резолюцію. Графъ на моей запискѣ написалъ, что въ предстоящую субботу самъ явится на консультацію для доклада означеннаго дѣла.

Въ субботу графъ явился на консультацію и по дошедшей очереди самъ сталъ докладывать дѣло. Докладъ его былъ ясенъ и послѣдователенъ, съ изъясненіями какъ его самого первоначальной резолюціи, такъ и моего мнѣнія, противъ котораго онъ возражалъ. Графъ нашелъ такое мнѣніе мое неправильнымъ, въ виду того, что разсматриваемое дѣло въ существѣ своемъ было уголовное, и потому законъ, изъясненный въ 209 ст., т. I, ч. II, не могъ быть къ дѣлу примѣненъ. Нѣкоторые члены, напримѣръ, М. Н. Любоцинскій и другіе, по обыкновенію, смѣло возражали графу. Засимъ графъ, отобразивъ мнѣнія членовъ консультаціи и когда по счету за нимъ оказалось большинство, то, обратясь ко мнѣ, какъ старшему юрисконсульту, сказалъ: „исполните мою первоначальную резолюцію“. Затѣмъ всталъ, раскланялся со всѣми и удалился въ свой кабинетъ. Былъ ли правъ графъ или нѣтъ, это другой вопросъ. Мы только обращаемъ вниманіе на способъ устраненія разногласія, котораго держался графъ.

Обращаю вниманіе на этотъ случай въ томъ отношеніи, что графъ былъ чуждъ самовластиа. И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы приказать исполнить его первоначальную резолюцію, графъ является въ консультацію, самъ докладываетъ дѣло; убѣждаетъ всѣхъ членовъ оной въ правильности своего взгляда; способъ, какъ видите, далеко чуждый самовластиа и достойный подражанія.

Равнымъ образомъ, въ свое время было много нареваній на графа Панина, какъ министра юстиціи, въ томъ отношеніи, что по дѣламъ уголовнымъ онъ будто бы злобно относился къ лицамъ, виновнымъ въ преступленіяхъ, увеличивая всегда мѣру наказанія, и не желалъ ходатайствовать предъ государемъ о смягченіи наказаній.

Намъ извѣстно, что графъ Панинъ въ дѣлахъ уголовныхъ,

тамъ, гдѣ законъ въ точности опредѣлялъ мѣру наказанія, не считалъ себя вправе ослаблять законъ, уменьшая мѣру наказанія. Вотъ таковой взглядъ графа могли считать жестокостью, но это едва ли справедливо.

Равнымъ образомъ, графъ строго относился къ такого рода дѣламъ, гдѣ въ опредѣленіямъ суда предполагалось ходатайствовать предъ государемъ императоромъ о смягченіи наказанія.

Дѣйствительно, въ ходатайствѣ о монаршемъ милосердіи относительно смягченія наказанія графъ Панинъ при бѣгалъ только въ случаяхъ, явно заслуживающихъ, по его понятіямъ, милосердія. Нельзя смотрѣть на монаршее милосердіе, какъ на заурядную мѣру, ибо въ такомъ случаѣ эта мѣра потеряла бы свое высоекое и разумное значеніе. Вотъ таковой взглядъ и вызывалъ нареканія,—но все это опять едва-ли справедливо.

Къ чести графа Панина скажемъ, что на его убѣжденія не вліяли никакія ходатайства высокопоставленныхъ лицъ; онъ равно относился ко всѣмъ и для него буква закона была превыше всего.

Въ подтвержденіе сего мы расскажемъ только слѣдующій случай: извѣстно, что блаженной памяти императоръ Николай высоко чтимъ и даже называлъ „отцомъ-командиромъ“ свѣтлѣйшаго князя Ивана Ѳеодоровича Паскевича-Эриванскаго.

Въ то время, когда онъ былъ варшавскимъ намѣстникомъ, онъ возмѣнилъ намѣреніе изъ своихъ имѣній учредить маіоратъ.

Составивъ актъ по сему предмету, князь Паскевичъ при письмѣ представилъ оный государю императору. Таковыя просьбы всегда разсматривались въ министерствѣ юстиціи, и въ случаѣ уважительности представлялись чрезъ комитетъ гг. министровъ на высочайшее утвержденіе. Министерство юстиціи, по разсмотрѣніи маіоратнаго акта, нашло въ немъ нѣкоторыя отступленія отъ правилъ, изданныхъ по сему предмету 10-го іюня 1845 г. (ст. 467, т. I, ч. I). Отступленія сіи касались, впрочемъ, не главныхъ предметовъ, но частныхъ случаевъ, которые могли проявиться только въ будущемъ. Но не смотря на это, министерство юстиціи сочло своимъ долгомъ доложить объ этомъ государю императору, указывая на необходимость измѣнить проектъ маіоратнаго акта—графа Паскевича.

На это послѣдовала такая высочайшая резолюція, чтобы

о препятствіяхъ къ утвержденію маіоратнаго акта сообщить князю Ивану Федоровичу.

По всей вѣроятности, князь не ожидалъ этого и позволилъ себѣ снова написать государю императору письмо, въ которомъ, напоминая о своихъ заслугахъ предъ престоломъ и отечествомъ, ходатайствовалъ настойчиво объ утвержденіи маіоратнаго акта, безъ всякаго измѣненія.

Письмо это снова было препровождено въ министерство юстиціи, но послѣднее не сочло себя вправѣ, въ угоду князю, колебать прямой смыслъ закона и измѣнять свое прежнее заключеніе.

Все это съ высочайшаго разрѣшенія снова было разъяснено князю Варшавскому, но онъ въ новомъ письмѣ государю позволилъ себѣ исчислить всѣ свои боевыя заслуги, въ выраженіяхъ глубоко огорченнаго человѣка, и просилъ рѣзво не отказывать ему.

Засимъ государь смиловался и изволилъ написать приблизительно слѣдующее: препятствія, о коихъ упоминаетъ министр юстиціи, могутъ представиться только въ будущемъ. Посему онъ, государь, считаетъ возможнымъ утвердить маіоратный актъ князя Паскевича съ тѣмъ, чтобы, когда описываемый случай представится на самомъ дѣлѣ, то о семъ должно быть испрошено особое высочайшее соизволеніе. Этотъ примѣръ, а такихъ случаевъ можно привести много, свидѣтельствуетъ съ одной стороны о стойкости заключеній министерства юстиціи, а съ другой подтверждаетъ, что приснопамятный императоръ Николай питалъ глубокое уваженіе къ закону, который считалъ превыше державной своей воли.

А между тѣмъ говорили и писали, что будто бы графъ Панинъ не былъ самостоятеленъ и справедливъ въ мнѣніяхъ своихъ и что будто бы онъ желалъ угождать особамъ и лицамъ, близко стоявшимъ ко двору или къ высшимъ властямъ.

Чистая напраслина, скажемъ мы.

Въ подтвержденіе сего можно бы привести много случаевъ, напримѣръ, что ходатайства въ свое время сильныхъ людей: графа А. Ѳ. Орлова, В. А. Нелидовой, Тизенгаузенъ, Безобразова, княгини Софіи Радзивилль и друг., оставлены были безъ послѣдствій, если только ходатайства сіи выходили изъ круга, очерченнаго закономъ.

Такъ, въ теченіи многихъ лѣтъ нашей службы при графѣ Панинѣ, мы не знаемъ ни одного случая, чтобы судебное дѣло подвергалось какому либо исключенію въ порядкѣ-ли разсмотрѣнія или въ ходѣ своемъ. На все клалась печать закона, которому всѣ должны подчиняться безъ возраженія.

Такъ было при императорѣ Николаѣ, но твердость министерства при его преемникѣ императорѣ Александрѣ II должна была уступить милосердному его взгляду на дѣло.

Въ доказательство приведемъ слѣдующій примѣръ:

Графиня Кушелевой, урожденной Васильчиковой, подкинута была неизвѣстнаго происхожденія дѣвочка.

Графиня была бездѣтна и со свойственною ей добротою она приняла эту дѣвочку и начала ее воспитывать какъ собственное свое дитя.

По достиженіи ею извѣстнаго возраста, графиня начала ходатайствовать предъ государемъ императоромъ о предоставленіи этой дѣвочкѣ фамиліи также Кушелевой.

Просьба сія была препровождена въ министерство для доклада, которое по разсмотрѣніи нашло эту просьбу не подлежащею удовлетворенію.

Мотивы въ этому были слѣдующіе: дѣвочка, о которой идетъ рѣчь, была неизвѣстнаго происхожденія, а между тѣмъ родъ Кушелевыхъ принадлежитъ къ знатнѣйшей фамиліи, изъ коей племянники ея мужа находились тогда въ живыхъ. Далѣе, что сама Кушелева изъ рода Васильчиковыхъ. Наконецъ, что законы въ точности опредѣляютъ случаи о присвоеніи фамилій чужеродцамъ и т. д.

Но государь императоръ, единственно по монаршему своему милосердію къ дѣвочкѣ, соизволилъ предоставить ей фамилію Кушелевой.

Приведа эти примѣры, мы хотѣли обозначить рѣзкое отличіе двухъ царствованій императора Николая и Александра II.

При первомъ положительный законъ былъ превыше всего, а при второмъ милосердіе было на первомъ планѣ.

Замѣчательно, что, по восшествіи на престолъ Александра II, первое высочайшее повелѣніе, полученное въ министерствѣ юстиціи, было о признаніи дитяти Мины Ивановны Бурковой законнымъ. Личность эта находилась подъ покровительствомъ графа Влади-

міра Федоровича Адлерберга. Кстаті припомнимъ, что въ періодъ царствованія Александра II многія незаконнорожденныя дѣти утверждены были въ законности и, сколько помнится, въ подобныхъ случаяхъ въ комиссіи прошеній, гдѣ разсматривались подобныя дѣла, отказа не было. А между тѣмъ извѣстно изреченіе императора Николая, который на просьбу о дарованіи законности одному изъ незаконнорожденныхъ сказалъ: „не законнаго не могу сдѣлать законнымъ“.

Когда получено было въ министерствѣ юстиціи высочайшее повелѣніе о дарованіи законности вышеозначенной подвинутой дѣвицѣ фамиліи Купшелевой, графъ Панинъ скорбѣлъ и печалился не о томъ, что милосердіе государя пало на нее, нѣтъ, онъ вкручинился тому,—что министерство юстиціи при разсмотрѣніи подобныхъ дѣлъ потеряло почву въ томъ отношеніи: слѣдуетъ-ли держаться закона или все представлять на милосердіе государя.

Много было нареканій на графа Панина на то, что онъ исходатайствовалъ въ 1851 году законъ о томъ, что служащіе въ канцеляріяхъ сената чиновники не могутъ быть ходатаями по производившимся въ какомъ бы то ни было мѣстѣ или вѣдомствѣ частнымъ дѣламъ, кромѣ своихъ собственныхъ, и то не иначе, какъ по письменному разрѣшенію начальства (ст. 195, пун. 5, т. X, ч. II).

Въ соблюденіи сего правила всѣ сенатскіе чиновники обязывались подписками.

Въ этомъ законѣ порицатели графа Панина, а въ томъ числѣ и А. И. Герценъ въ своей книжкѣ: „Голоса изъ Россіи“, видятъ лишеніе и ограниченіе личныхъ правъ.

Намъ извѣстны поводы къ исходатайствованію графомъ Панинымъ сего закона, который на самомъ дѣлѣ былъ весьма полезенъ на практикѣ и имѣлъ цѣлью оградить правосудіе, подвигнуть чиновниковъ къ труду оффиціальному, а не частному, и возвысить личность служащихъ, а также прекратить лихоимство, пустившее глубокіе корни подъ видомъ ходатайства.

Въ подтвержденіе сего скажемъ, что сенатскіе чиновники 1840-хъ годовъ, числясь на службѣ въ сенатѣ, занимались по часту и заурядъ ходатайствомъ по частнымъ дѣламъ и при своихъ отношеніяхъ къ другимъ сослуживцамъ, состоявшимъ на службѣ

въ другихъ департаментахъ сената и подчиненныхъ оному мѣстахъ, обдѣлывали дѣла своихъ кліентовъ въ ущербъ правосудію.

Зло было явное — оставлять такой порядокъ нельзя было. Нужна была мѣра крутая. Вотъ мотивы того закона. Итакъ, упомянутый законъ имѣлъ цѣль нравственную. Благомыслящіе люди или вообще чиновники не могли жаловаться на это, такъ какъ у насъ издавна существовалъ общій законъ о томъ, что вообще служащіе не могли быть ходатаями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они при должностяхъ находятся. Вотъ этотъ законъ, въ виду того, что сенатъ представляетъ собою высшее судебное правительственное мѣсто, имѣвшій вліяніе на всѣ вѣдомства, получилъ дальнѣйшее развитіе, но всякій по собственному дѣлу, безъ затрудненія, въ силу исходатайствованія графомъ Панинымъ закона, могъ получать разрѣшеніе для веденія собственнаго своего дѣла. Ясно, что и это обвиненіе на графа Панина неосновательно.

Н. М. Колмаковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ССЫЛЬНЫЕ И ЗАТОЧЕННЫЕ ВЪ ОСТРОГЪ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ

въ XVI—XIX вв.

Историческій очеркъ.

IV¹⁾.

Арестанты въ прошлыхъ столѣтїяхъ отправлялись въ Соловки подъ конвоемъ какаго-либо сына боярскаго. Сынъ боярскій сопровождалъ колодника обыкновенно не одинъ, а ему въ помощь давались или стрѣльцы и солдаты, когда ссыльный отправлялся свѣтскимъ начальствомъ, и недѣльщики, — если духовнымъ. Подъ конвойныхъ и колодника давались подводы; конвойный снабжался инструкціею, какъ ему обращаться въ пути съ колодникомъ. Послѣдній обыкновенно скрывался на дорогу по рукамъ и ногамъ, на ночлегъ запирался въ особую комнату, къ нему не пускали постороннихъ людей, развѣ только для подачи милостыни, но разговаривать имъ строго запрещалось. Остановка въ пути дозволялась только на случай смертной болѣзни колодника; тогда приказывалось исповѣдать и приобщить его, если онъ самъ того пожелаетъ, и опять продолжать свой путь. Кромѣ путевой инструкціи, конвойному вручалась грамота на имя настоятеля монастыря съ братїею, которую онъ долженъ былъ вручить настоятелю вмѣстѣ съ колодникомъ. Вотъ образецъ грамоты, при вонхъ присылались ссыльные люди.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., т. LVI, октябрь, стр. 45—71.

— „Отъ преосвященнаго Корнелія, митрополита великаго Нова-града и Великихъ Лукъ, Соловецкаго монастыря келарю, старцу Лаврентію, казначею, старцу Иларіону, съ братією. Въ нынѣшнемъ 186 г., іюля въ 18 день, по нашему преосвященнаго митрополита указу посланъ къ вамъ въ Соловецкій монастырь черный поць Ааронъ и софійскаго дому и нашъ сынъ боярскій Василій Малгинъ, да бобыль Гаврилко Гусевъ, да посадскій человекъ Гришка Судоплетовъ скованы въ кандалахъ, софійскаго дому и нашмъ сыномъ боярскимъ съ Иваномъ Жегловымъ, да недѣльщикомъ Мишкою Афонасьевымъ. И какъ къ вамъ ся наша, преосвященнаго митрополита грамота придетъ, а софійскаго дому и нашъ сынъ боярскій Иванъ Жегловъ да недѣльщикъ Мишка къ вамъ въ Соловецкій монастырь прїѣдутъ, и вы бъ у него, сына боярскаго да недѣльщика Мишки, сына боярскаго Василія Малгина, и бобыля Гаврилку и посадскаго человека Гришку Судоплетова взяли, и тѣ домовые кандалы велѣли снять и отдали сыну боярскому Ивану Жеглову да недѣльщику Мишкѣ, а ихъ, чернаго поца Аарона и сына боярскаго Василія Мелгунова, бобыля Гаврилку велѣли въ свои монастырскіе кандалы заковать на шесть недѣль, и къ церкви божіей, къ божественному пѣнію къ вечернямъ, и къ заутре, и къ обѣднямъ велѣли бѣ имъ, черному поцу Аарону, сыну боярскому Вас. Мелгунову и бобылю Гаврилкѣ приходить по вся дни, безобгвнно въ кандалахъ. И какъ шесть недѣль минеть, и вы-бѣ съ нихъ (перечисляются имена) кандалы велѣли снять и велѣли тому черному поцу Аарону въ Соловецкомъ монастырѣ стоять на клиросѣ, а бобылю Гаврилкѣ велѣли-бѣ работать монастырскую работу съ монастырскими работниками, и велѣли-бѣ беречь ихъ съ великимъ береженіемъ, чтобы они изъ монастыря никуда не ушли. А посадскаго человека Гришку Судоплетова, сковавъ въ монастырскіе кандалы, велѣли-бѣ посадить въ тюрьму и беречь такожь съ великимъ береженіемъ, чтобы онъ изъ тюрьмы не ушелъ и дурна никакова надъ собою не учинилъ. А буде онъ, Гришка, раскается и захочетъ во иноческій чинъ постричься и вы бъ его, Гришку, велѣли постричь въ расу и отдали поць началъ попу или старцу добру, искусну и крѣпкожительноу и велѣли-бѣ за нимъ подсматривать. А буде онъ учнетъ жить по монашескому чину, велѣли-бѣ постричь совершенно и велѣли-бѣ въ томъ монастырѣ въ монастырскихъ службахъ, гдѣ доведется, а безъ нашего, преосв. митрополита, указу выпускать изъ монастыря никуда не велѣли-бѣ. Писано въ Новѣ-градѣ 7186 (1678) г., іюля 18 дня“.

Когда привозили арестанта въ монастырь, то вмѣстѣ съ грамотою или указомъ сдавали его настоятелю монастыря. Принявъ арестанта, настоятель, въ старое время, передавалъ его монастырскому городничему, въ болѣе позднее — караульному офицеру, вмѣстѣ съ инструкцією его содержанія. Всѣ вещи и деньги арестанта отбирались и сдавались на храненіе, — вещи въ рухольную палату монастыря, а деньги казначею. Какъ у рухольнаго, такъ и у казначея имѣлись особыя книги, куда вписывались арестантскія деньги и вещи; деньги выдавались арестанту казначеемъ, по мѣрѣ нужды, по особой книжкѣ для каждаго

арестанта. Изъ этихъ книжекъ видно, что арестанты тратили свои деньги большею частію на улучшеніе своей пищи и на чай. Если арестанту удавалось заработать какимъ-либо способомъ копѣйку, то въ большинствѣ случаевъ и эти сбереженія отдавались на храненіе казначею.

Сдѣлавъ опись отобраннымъ вещамъ и деньгамъ, заставляли арестанта подписаться подъ нею, и потомъ вели его въ казематъ. Вскорѣ послѣ заключенія, къ узнику являлся настоятель или духовникъ освѣдомиться, что за человѣкъ присланный, есть ли надежда на его исправленіе. Часто отъ этого перваго визита, отъ того впечатлѣнія, какое произвелъ арестантъ на начальника, зависѣла во многомъ та или другая строгость заключенія. Или запирался онъ наврѣнку въ своемъ казематѣ подъ самое строгое смотрѣніе, или давались ему извѣстныя льготы, дозволялись прогулки, посѣщеніе церкви и другихъ узниковъ. Если присланный назначался не подъ караулъ, т. е. въ тюрьму, а подъ присмотръ, то его отдавали на руки какому-либо монаху, который долженъ былъ наблюдать какъ надъ его нравственностію, такъ и надъ тѣмъ, „дабы онъ утечки не учинилъ“. Кромѣ этого, ему назначалась какая-либо работа, если она не была назначена ранѣе начальствомъ, приславшимъ арестанта. Потомъ монастырское начальство, которому было вмѣнено въ обязанность употреблять всевозможныя мѣры въ исправленію и наставленію на путь истины заблудшихъ, время отъ времени обходило съ цѣлію увѣщаній чуланы тѣхъ арестантовъ, коихъ велѣно исправлять. Эти посѣщенія, смотря по дѣятельности настоятеля, производились раза два въ недѣлю, а иногда и разъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Увѣщаніями занимались и сами настоятели, и другія лица изъ монашества, которымъ настоятель считалъ возможнымъ ввѣрить это трудное дѣло. Увѣщатели старались сначала, опираясь на св. писаніе, опровергнуть ученія арестантовъ, доказать ихъ заблужденія; но когда, часто, эти мѣры не только не приводили къ раскаянію, но вызывали дерзкій отпоръ со стороны арестанта, тогда употреблялись болѣе энергичныя мѣры. Арестанты, не слушавшіе увѣщаній, подвергались болѣе строгости, заключенія, ихъ переводили въ худшіе казематы, ухудшали пищу, а въ рѣдкихъ случаяхъ сажали на цѣпь, налагали оковы и т. п. Однако, не смотря на всю важность успѣшности увѣщаній

арестантовъ въ смыслѣ служебномъ, соловецкое начальство, по крайней мѣрѣ въ XIX ст., насколько я могъ судить по арестантскимъ официальнымъ дѣламъ, не пользовалось прямымъ насиліемъ при увѣщаніяхъ. Правда, увѣщанія бывали часты, настойчивы, арестантъ долженъ былъ выслушивать восхваленіе того, что онъ считалъ неправдою, и поруганіе тому, что онъ считалъ святынею.

Обыкновенно, въ первое время арестантъ горячо защищалъ свою вѣру, горячо спорилъ съ увѣщателемъ, но послѣ, увидя бесполезность и вредъ для себя отъ этого, хладнокровно выслушивалъ все, что ему говорили, но вѣрно держался своихъ заблужденій. Другіе же, не въ состояніи будучи переносить тягости заключенія, не имѣя нравственной поддержки въ своихъ единомышленникахъ, входили въ сдѣлку съ совѣстію, рѣшались принести раскаяніе, и тѣмъ избавиться отъ заключенія. Лишь только узникъ высказывалъ намѣреніе раскаяться, немедленно присылался отъ настоятеля опытный писецъ, и скоро являлось „чистосердечное“, краснорѣчивое раскаяніе съ проклятіемъ прежняго заблужденія и слезною мольбою присоединить его къ святой церкви. Это раскаяніе посылалось въ синодъ. Послѣ нѣкотораго времени испытанія, арестантъ присоединялся къ церкви и выпускался изъ тюрьмы.

Но далеко не всегда эти краснорѣчивыя раскаянія на бумагѣ были таковыми же на дѣлѣ. Нерѣдко написавшій такое раскаяніе измѣнялъ ему еще ранѣе, чѣмъ успѣвали услатъ бумагу въ синодъ. Иногда притворство раскаянія было такъ искусно, что сектанту удавалось уходить не только изъ тюрьмы, но и изъ монастыря, и уже много послѣ дѣло показывало, что это было далеко не чистосердечное раскаяніе. Свобода, впрочемъ, никогда не давалась немедленно послѣ раскаянія, но всегда проходилъ годъ или два предварительнаго искуса. Весь успѣхъ зависѣлъ отъ того, какъ удачно выдерживалъ заключенный этотъ искусъ: успѣлъ его выдержать, т. е. казаться истовымъ православнымъ, креститься тремя крестами, ходить по праздникамъ въ церковь, исповѣдываться и приобщаться, а главное, слушать и соглашаться во всемъ съ начальствомъ,—тогда свободенъ; не успѣлъ—десять лѣтъ заключенія.

Хотя побѣги арестантовъ изъ Соловокъ случались крайне

рѣдко, но все-таки бывали. Что же предпринимало монастырское начальство въ этихъ случаяхъ? Какъ только побѣгъ дѣлался извѣстнымъ, прежде всего отбирали допросъ съ караульнаго—какъ, когда и почему бѣжалъ арестантъ? а самого сторожа засаживали въ тюрьму. Изъ монастыря посылались немедленно гонцы къ монастырскимъ вотчиннымъ приказчикамъ съ повелѣніемъ слѣдить за всякимъ пришлымъ человѣкомъ, описывались примѣты бѣглеца, и по нимъ велѣли хватать подозрительныхъ людей. По всему острову разсмѣлились люди исвать бѣглеца, а чтобы кто-либо изъ монастырскихъ людей не унесъ бѣглецу одежды, а особенно хлѣба, и тѣмъ даль-бы возможность скрыться на островѣ до благоприятнаго времени, по всему монастырю отдавался приказъ, чтобы никто, ни подъ какимъ видомъ, изъ монастыря не уходилъ. Всѣ прѣвзаходящіе поморы отдавались подъ присмотръ, чтобы не могли увести кого не слѣдуетъ; отправляющіяся суда тщательно осматривались. Такое осадное положеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока бѣглець не отыскивался или не дѣлалось извѣстнымъ, что онъ переѣхалъ на берегъ. На случай поимки арестанта, — что чаще всего случалось,—его подвергали допросамъ—какъ и когда онъ убѣжалъ, не подговаривалъ-ли кто къ побѣгу, не было-ли пособниковъ и совѣтниковъ и т. д. Послѣ допроса бѣглеца забовывали въ ручные и ножные кандалы, а иногда приковывали его къ стѣнѣ на цѣпь. Доносилось о такомъ происшествіи и высшему начальству, и дѣло вончалось тѣлеснымъ наказаніемъ и усиленіемъ надзора.

Для того, чтобы арестанты какъ-либо не ухищрялись писать „зловредныя тетрадишки и воровскія письма“, а равно, чтобы не могли сдѣлать какихъ-либо приготовленій къ побѣгу, въ арестантскихъ чуланахъ дѣлались караульными, совмѣстно съ монастырскимъ начальствомъ, обыски. При этихъ обыскахъ нерѣдко попадались запрещенныя вещи, въ родѣ лоскутковъ исписанной бумаги, береста, угля и т. п. вещей, а иногда и цѣлыя сочиненія—тетрадки. Незначительныя проступки, въ родѣ имѣнія запрещенныхъ вещей, наказывались монастырскимъ начальствомъ самостоятельно, а въ болѣе важныхъ, напр., при находкѣ какихъ-либо сочиненій, доносилось или въ синодъ, или въ тайную канцелярію, и оттуда выходила резолюція.

Между арестантами попадались такіе неспокойные люди,

которые не унимались даже въ тяжкомъ заключеніи и при всякомъ удобномъ случаѣ произносили „важныя и непристойныя слова“. Такимъ неутомоннымъ людямъ въ ротъ владывали особый инструментъ, препятствующій говорить, называвшійся кляпъ. „А если паче чаянія, говоритъ старая инструкція, оный колодникъ станетъ произносить важныя и непристойныя слова, то власть ему въ ротъ кляпъ и вынимать, когда пища будетъ давана, а что произнесетъ онъ въ это время, то все сполна записывать и, держа секретно, писать о томъ въ тайную канцелярію“.

Непристойныя слова играли въ ту пору большую роль; въ дѣлахъ соловецкаго архива находится много доносозъ и слѣдствій объ этихъ „словахъ“. Доносили и монахъ на монаха, и подначальный на начальника, арестантъ на арестанта, даже духовникъ на исповѣдника. По доносамъ производились слѣдствія; много людей оговоренныхъ брали подъ караулъ, т. е. сажали въ тюрьму, налагали оковы и производили допросы съ пристрастіемъ.

Были-ли въ ходу пытки—положительно сказать не могу, хотя есть указанія на ихъ существованіе. Архіепископъ холмогорскій Афанасій въ одной грамотѣ солов. архимандриту Варсонофію предписываетъ не производить пытокъ ¹⁾. Можно полагать, что и послѣ этой грамоты и стязанія для познанія истины были въ ходу. Такъ, въ 1774 году архангельскій губернаторъ снова посылаетъ соловецкому архимандриту слѣдующее сообщеніе:

„Въ 15 день сего мѣсяца удостоился я получить въ секретномъ предложеніи отъ его сіятельства г-на д. т. с. генералъ-прокурора и разныхъ орденовъ кавалера кн. Александра Вяземскаго имянное ея и. в. всевысочайшее повелѣніе о недѣланіи присутственнымъ мѣстамъ ни по какому дѣлу, ни подъ какимъ видомъ никому никакихъ при допросахъ тѣлесныхъ истязаній для познанія о дѣйствіяхъ истины. И во исполненіе сего всевысочайшаго повелѣнія, предписавъ во всѣ вѣдомства моего присутственнымъ мѣстамъ, за должное нашегъ, въ разсужденіи могущихъ иногда быть и въ Соловецкомъ монастырѣ такихъ дѣлъ, сообщить о томъ и в. в.—преподобію, прося держа оное въ глубочайшемъ секретѣ. Ноября 15 д. 1774 г.“.

Конечно, если употреблялись при дѣлахъ съ арестантами эти мѣры стариннаго дѣлопроизводства и правосудія, то только въ особенно важныхъ дѣлахъ, наприм., когда арестантъ произносилъ

¹⁾ Грам. духовн. особъ въ солов. ризницѣ № 287.

важное и непристойное „блеваніе“ (дѣло Жукова), или сочинялъ „злодѣйственныя воровскія тетрадишья“ (дѣло Щербакѣва) ¹⁾. Въ большинствѣ случаевъ доносы оказывались ложными, оговоренныхъ людей, полуживыхъ отъ страха, выпускали на свободу, а лживаго донощика били плетьюми. Если доносъ подтверждался, то опять плети, только не донощику, а произносителю „словъ“. Доносы, будь они справедливы или нѣтъ, мало въ чемъ измѣняли положеніе ссыльнаго, въ лучшемъ случаѣ могли считать его на хорошемъ виду и дать незначительныя льготы въ строгости заключенія. Но инымъ этого было недостаточно. Заключение дѣлалось до того невыносимымъ, что они рады были принять и плети, и всякаго рода истязанія, лишь бы, хотя на время, освободиться, выйти изъ душнаго каземата, повидать людей. Для достиженія таковой цѣли служило объявленіе „слова и дѣла“.

Начальство, услышавъ страшное „слово и дѣло“, сейчасъ начинаетъ допросы, что это за слово, но арестантъ не сдастся, а говоритъ, что объявить это онъ можетъ только предъ самимъ государемъ. Дѣлать печего, заковываютъ колодника въ кандалы, даютъ ему провожатыхъ людей и отправляютъ въ Москву или въ Питеръ. Дологъ былъ въ то время путь отъ Ледовитаго моря до Москвы, много удавалось повидать узнику и свѣту божьяго, и людей дорогою, надышаться свѣжимъ воздухомъ. Привезли его въ Москву, а тамъ сказываетъ какіе-либо пустяки; бьютъ его плетьюми, и снова отсылаютъ въ соловецкій казематъ. Съ дорогами, допросами проходить цѣлый годъ, годъ жизни не въ примѣръ лучшей, чѣмъ въ казематѣ,—и колодникъ доволенъ. Повадны стали арестантамъ такія прогулки въ Москву, многіе изъ нихъ стали объявлять важность или слово и дѣло, начальству наводили много хлопотъ и безповойства. Во избѣжаніе этого, при посылкѣ нѣкоторыхъ арестантовъ, прямо объявлялось, что если они учнутъ сказывать важность или слово и дѣло, то въ томъ имъ, за многими ихъ подозрительствомъ, не вѣрять, оговоренныхъ ими людей подъ караулъ не брать, въ Москву ихъ не посылать, а за такое ихъ сказыванье чинить имъ на мѣстѣ наказаніе плетьюми.

Нельзя сказать, чтобы монастырское начальство, въ лицѣ

¹⁾ Соловецкій монастырь, архивъ, док. № 159.

настоятеля, было всегда строгимъ, безсердечнымъ исполнителемъ нерѣдко суровыхъ предписаній высшаго начальства; нѣтъ, были между ними люди добрые, способные проникнуть въ душу несчастнаго арестанта, задѣть въ ней живую струну, видѣть въ арестантѣ не столько преступника, сколько несчастнаго человѣка.

Таковы были архимандриты Варсонофій, Герасимъ, Иларій, Порфирій.

Они дѣлали все возможное, чтобы сдѣлать положеніе арестантовъ насколько возможно сноснымъ: улучшали пищу, давали льготы относительно строгости заключенія, хорошо аттестовали предъ начальствомъ скромныхъ изъ нихъ, ходатайствовали объ освобожденіи ихъ, призрѣвали больныхъ. Но и для нихъ, при всемъ ихъ добромъ желаніи, не всегда возможно было дѣлать послабленія арестантамъ, не вызвавъ доносовъ со стороны подчиненныхъ, монаховъ. Такъ одинъ монахъ, наказанный за какой-то проступокъ архим. Варсонофіемъ, донесъ на него, что онъ мирволить государевымъ врагамъ-арестантамъ, посылалъ графамъ Толстымъ, сосланнымъ въ Соловки, на царскія именины по кружкѣ пива и меду. Архимандриту много нужно было писать, чтобы снять съ себя такое подозрѣніе, и это удалось ему только потому, что онъ былъ лично извѣстенъ въ Петербургѣ высшимъ властямъ.

Высшее начальство, посылавшее ссыльныхъ въ Соловки, тоже не всегда забывало ихъ, но выказывало о нихъ заботливость въ той или другой степени. Говоря—высшее начальство, я разумѣю тѣхъ, которые ссылали въ Соловки, а ссылали какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица. Въ допетровское время ссылали патріархи, митрополиты, архіереи и самъ царь. Въ XVIII ст. большее число арестантовъ было посылаемо по распоряженію тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, а потомъ по синодскимъ резолюціямъ. Съ 1835 г. ссылатъ въ Соловки можно было только по высочайшему повелѣнію. Посылая человѣка въ ссылку или заточеніе, начальство требовало болѣе или менѣе частыхъ и точныхъ свѣдѣній объ его житіи и поведеніи. Въ XVI и XVII ст. свѣдѣнія эти требовались очень рѣдко, и лишь въ особенно важныхъ случаяхъ, наприм., смерти, бѣгства или раскаянія заточеннаго, монастырское начальство дѣлало отписку. Въ XVIII ст. требуются синодомъ уже болѣе частыя и точныя свѣдѣнія объ

арестантахъ, черезъ полгода или 4 мѣсяца. Съ конца прошлаго столѣтія начали ежегодно посылать въ синодъ вѣдомости о всѣхъ содержавшихся арестантахъ съ обозначеніемъ, кто съ какого времени, по чьему рѣшенію и за что заточенъ.

Одинъ несчастный случай—убійство арестантомъ часоваго и вызванная имъ ревизія острога, назначенная по высочайшему повелѣнію, побудили синодальнаго оберъ-прокурора гр. Протасова обратить особое вниманіе на соловецкихъ арестантовъ. Послѣ ревизіи Соловецкаго острога въ 1835 г. былъ смѣненъ архимандритъ Досифей, и на мѣсто его назначенъ архим. Иларій. Лишь только Иларій вступилъ въ управленіе монастыремъ, гр. Протасовъ потребовалъ отъ него самыхъ точныхъ свѣдѣній какъ о положеніи монастыря вообще, такъ и въ частности о состояніи содержащихся въ немъ арестантовъ. Такимъ образомъ, въ августѣ 1836 г., архим. Иларій получилъ отъ графа Протасова слѣдующее отношеніе:

„Ваше в—преподобіе, по вступленіи въ управленіе Соловецкимъ монастыремъ, конечно, не оставили войти въ разсмотрѣніе всего того, что относится до благоустройства сей обители и въ особенности до содержанія находящихся въ оной арестантовъ. Находя съ своей стороны нужнымъ имѣть подробныя свѣдѣнія о состояніи вѣрренной вамъ обители, я покорнѣйше прошу в. в—біе доставить мнѣ таковыя свѣдѣнія съ мнѣніемъ вашимъ: какія могутъ быть приняты мѣры для приведенія сего монастыря въ должное благоустройство и для улучшенія положенія арестантовъ“.

Въ сентябрѣ того же года архимандритъ Иларій послалъ гр. Протасову слѣдующія свѣдѣнія о положеніи арестантовъ въ Соловкахъ:

„Касательно содержащихся арестантовъ честь имѣю донести в. сіятельству, что съ прибытія моего сюда всемѣрно стараюсь объ улучшеніи ихъ участи протавъ прежняго. На сей конецъ, для душевной пользы ихъ, часто лично вижусь съ ними, дѣлаю, по обязанности, увѣщанія и вразумленія на ихъ сомнѣнія, которыя, чтобы не могли остаться безъ плодовъ, но были подкрѣпляемы непрерывно, поручилъ и монастырскому духовнику ходить къ нимъ. Равномѣрно и въ разсужденіи довольствія ихъ и житія, узнавая отъ самихъ о нуждахъ ихнихъ, сколько возможно удовлетворяю оныя, какъ въ пищѣ, такъ и одеждѣ, и сдѣлалъ уже въ обѣихъ сихъ статьяхъ прибавки. А для спокойнѣйшаго пребыванія въ своемъ жилищѣ, и чтобы избавить отъ теперешняго стѣсненія и происходящихъ черезъ то для нихъ тягостей, полагаю я вывести, живущую въ одной съ ними казармѣ, солдатскую команду, которой тутъ и быть неприлично, и при томъ безпокойно и утѣснительно для ней, а находились бы впродъ одни часовые. Ибо при теперешнемъ

помѣщеніи въ одной связи и арестантскихъ жимыхъ чулановъ и сей казармы бываетъ удушливая духота и тягость, вредящая здоровью, особенно въ зимнее время, когда нельзя свободно освѣжать въ покояхъ воздухомъ, какъ дѣлается сіе лѣтомъ, а только курится можжевеловымъ; при томъ и чуланы арестантскіе устроены съ отверстіями у каждаго вверху перегородокъ для прохода или тепла, отчего всякому изъ нихъ можно имѣть между собою словесное сообщеніе, къ утвержденію себя въ своихъ ересяхъ, и тѣмъ ослаблять или уничтожать дѣлаемыя имъ увѣщанія. Для вывода отсюда солдатъ, необходимо нужно рядомъ тутъ же выстроить для жилья имъ особенную казарму". (Далѣе, жалась на бѣдность монастыря, проситъ психодатайствовать отъ казны потребную для постройки сумму). „По выводѣ же солдатъ изъ арестантской связи, считаю весьма полезнымъ учредить, дабы они въ опознненной казармѣ имѣли общую трапезу, за однимъ столомъ, а не каждый особо въ запертомъ своемъ чуланѣ, какъ донныя сіе соблюдается. Во время трапезы избранный мною изъ братіи читалъ бы имъ книги св. писанія и отеческія, кои со временемъ непремѣнно могутъ произвести надъ кѣмъ-либо спасительное дѣйствіе, при помощи божіей, а что есть изъ арестантовъ такіе, кои по своимъ ересямъ не пріемлютъ церковныхъ нашихъ установленій, то время понудитъ ихъ къ участию съ прочими въ общей трапезѣ и къ слушанію слова Божія“.

Эти свѣдѣнія для гр. Протасова оказались недостаточными. Черезъ два года онъ снова обращается къ архимандриту съ просьбою доставить ему, по указанной формѣ, именную вѣдомость содержащихся въ монастырѣ лицъ съ показаніемъ въ ней противъ каждаго: по чьему распоряженію кто присланъ, когда, по какой причинѣ, сколько имѣетъ лѣтъ отъ роду и въ какомъ находится состояніи здоровья, содержится ли въ строжайшемъ заключеніи, или пользуется хотя нѣкоторымъ облегченіемъ, какъ-то: прогулкою и т. п., какую употребляетъ пищу и какую имѣетъ одежду, имѣетъ ли книги для чтенія и какія, бываетъ ли на божественныхъ службахъ, часто ли получаетъ увѣщанія и духовное утѣшеніе, не терпитъ ли какихъ невыгодъ отъ стужи или сырости, какое имѣетъ призрѣніе въ случаѣ болѣзни, наконецъ, въ какомъ положеніи его разумъ и вообще степень умственныхъ понятій, также какъ себя ведетъ, чувствуетъ ли свое заблужденіе или преступленіе?

На эти запросы архимандритъ отвѣчаетъ гр. Протасову довольно подробно.

— „При семъ честь имѣю представить на благоусмотрѣніе в. сіятельства по данной формѣ именную вѣдомость о лицахъ, заключенныхъ въ монастырѣ, съ подробнымъ въ ней о каждомъ описаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ считаю изъяснить: во первыхъ—значущіея по вѣдомости люди заключены

по воспослѣдовавшимъ о нихъ высочайшимъ повелѣніямъ, кромѣ одного, крестьянина Никодима Вакорина, который поступилъ вслѣдствіе состоящаго положенія комитета г.г. министровъ; во вторыхъ—въ случаѣ болѣзни ихъ тѣлесной, такъ и помѣшательства разсудка, леченія здѣсь не бываетъ, по немѣлнѣю ни медиковъ, ни лекарствъ, кромѣ обычныхъ пластырей для случающихся иногда наружныхъ вередовъ при работахъ и при другихъ случаяхъ; но для утѣшенія въ какой-либо временной слабости дается или чай, или шалфей и лекарственные травы, частію здѣсь растущія, смотря по чело-вѣку и по его къ нимъ питьямъ расположенію; раскольникамъ же, не употребляющимъ оныхъ, дается медъ. Не только сіи заключенные, но и всѣ вообще обитатели здѣшніе, числомъ до 500, никакого пользованія не имѣютъ, но въ несомнѣнномъ упованіи на молитвы св. соловецкихъ угодниковъ божіихъ, ходатаевъ нашихъ, сохраняются въ положеніи здоровомъ. А изъ числа заключенныхъ лицъ, значущихся въ вѣдомости, только трое одержимы болѣзнію, но и то одинъ давною наружною грыжею, другой давною чахоткой, и третій отъ старости, да трое находятся въ сумашествіи, какъ-то: поручикъ Александръ Горожанскій, военный поселеникъ Ѳеодоръ Рабочій и рядовой Иванъ Смирновъ, коихъ весьма нужно бы отправить въ г. Архангельскъ для пользованія въ домѣ умалишенныхъ, по примѣру подобнаго же сумашедшаго, бывшаго въ здѣшнемъ острогѣ, мастераго Петра Потапова, который туда отправленъ съ разрѣшенія св. синода, ибо сія болѣзнь все болѣе и болѣе усиливается, а затѣмъ и духовнымъ утѣшеніемъ они пользоваться не могутъ. Въ третьихъ—книги для чтенія заключеннымъ выдаются изъ монастырской бібліотеки слѣдующія: Новый завѣтъ, бесѣды св. Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, Ефрема Сиринна и подобныя, также О вѣрѣ, Жезль правленія, Пращица, Розмысь и Благовѣстникъ, которыя разбираются какаю кому нужна, а вѣкоторые читаютъ охотнѣе нинѣ издаваемыхъ „Христіанское Чтеніе“ и „Кіевское Воскресное Чтеніе“, которыя я собственно для себя получаю и даю имъ пользоваться. Въ четвертыхъ—посѣщенія заключенныхъ для обыкновенныхъ увѣщаній ихъ дѣлаются мною каждую недѣлю одинъ, два и три раза, смотря по надобности въ томъ и по досугу мнѣ; кромѣ сего, по порученію моему, и духовникъ монастырской ходитъ къ нимъ. Въ пятыхъ—поконъ заключенныхъ сухіе и всегда теплые, кромѣ только крайнихъ къ надворнымъ стѣнамъ, кои отъ того имѣютъ сырость и то небольшую, ноелку находящіеся тутъ же скопцы не могутъ по своей испорченной натурѣ переносить и малаго холода. А одежда дается монастырская теплая и зимняя всѣмъ равная, пища братская, такъ что одна сія пища составляетъ монастырю болѣе отпускаемой годовой суммы на каждого чело-вѣка на все вообще содержаніе, т. е. пищу, и одежду, и обувь, по 160 рублей.

„Не лишнимъ, со своей стороны, нахожу присовокупить на благоусмотрѣніе в. сїятельства особое описаніе о трехъ разногласіяхъ раскольническихъ, называемыхъ: 1) еедосѣвщина, 2) морельщина, 3) стравники, къ коимъ изъ числа заключенныхъ принадлежитъ 12 чело-вѣкъ, и сдѣлавъ сіе описаніе съ ихъ словъ. А прочіе арестанты принадлежатъ къ сектамъ уже извѣстнымъ по ихъ наименованіямъ, другіе суть держащіе наше православное исповѣданіе, или за особая преступленія присланы. Хотя участники въ сектахъ раскольническихъ по онимъ между собою несогласны, отъ различія ихъ мудрованій, и явные одинъ другимъ порицатели, но ненависть къ нашей святой церкви у нихъ единодушная.

„По сей причинѣ не соглашаются и трапезу имѣть всѣ за однимъ столомъ, какъ я предлагалъ де учредить съ чтеніемъ во время оной книгъ св. писанія и отеческихъ для содѣйствія ихъ обращенія къ православію. Такое все ихъ несогласіе происходитъ отъ того, какъ имѣю узнаю мною, что предъ обѣдомъ и по обѣдѣ читать должно, по нашему церковному уставу, молитвы, и притомъ здѣсь надревле соблюдается слѣдующій благочестивый обычай: каждодневно предъ обѣдомъ, по божественной литургіи, окропляется, съ произношеніемъ молитвъ, святою водою изготовленная пища какъ на кухнѣ, такъ и въ трапезной; со святою водою и св. крестомъ ходить для сего по очереди іеромонахи. Раскольники изъ ненависти къ нашимъ церковнымъ установленіямъ, по полученіи принесенной съ келарской кухни для всѣхъ пищи, разносятъ ее каждый въ свой чуланъ, и тамъ прежде полагаютъ поклоны, чтобы безгрѣшно могъ употребить ее, по причинѣ нашего окропленія и молитвъ, тогда уже начинаютъ обѣдать. Сіе невѣжественное мнѣніе ихъ и не допускаетъ участвовать въ общественномъ обѣдѣ“.

Записка о раскольническихъ сектахъ.

1. Бедошестина.

Браку у нихъ не имѣется, присоединяющихся же къ нимъ отъ православной церкви женатыхъ перекрещиваютъ по своему расколу и налагаютъ эпитимію, послѣ чего мужъ съ женою живутъ невозбранно. Рождающихся отъ нихъ дѣтей, такъ и отъ оныхъ, не имѣющихъ брака, крестить избранный на то наставникъ; за государя молятся, но въ молитвахъ говорятъ вмѣсто благочестивѣйшаго—о самодержавномъ. Сей секты нижеслѣдующіе арестанты:

1. Иванъ Федотовъ,	}	Всѣ одного согласія.	
2. Сергій Гнуснѣ.			
3. Семенъ Шубинъ,			
4. Никодимъ Вакоринъ,			
5. Архипъ Павловъ,			
6. Василій Герасимовъ,			
7. Тарасъ Семеновъ,			
8. Козьма			} Макѣевы.
9. Филиппъ			

10. 8-го класса чиновникъ Александръ Крестинскій, новоженъ, потому что вѣнчанъ былъ православнымъ священникомъ въ нашей святой церкви, и потомъ уже къ оной сектѣ присоединился. О бракѣ овъ имѣть мнѣніе, что должно быть оному, а совершеніе сего таинства въ нашей церкви отвергаетъ, яко не признающій ея дѣйствія, но единомыслію своему съ раскольниками. Съ вышепомянутыми безбрачниками не имѣетъ согласія еще и въ томъ, что вмѣстѣ съ ними не молится и не ѣстъ, во всѣхъ же прочихъ раскольническихъ мудрованіяхъ ихъ согласенъ съ ними. Для таковыхъ новоженевъ исключительно имѣется для моленія въ Москвѣ, въ Покровскомъ, моленная, въ которой и крестятъ и браки совершаютъ сами безъ священниковъ и безъ употребленія вѣнцовъ,—причемъ ни Апостола, ни Евангелія не читаютъ, а только служатъ молебень всемілостивому Спасу и пречистой Богородицѣ, особо ими на то сочиненный. И если дѣти какъ вышеупомянутыхъ не признающихъ брака коренныхъ раскольниковъ, такъ и рождающихся отъ

свѣхъ новоженовъ, пожелають вѣвчаться, то бракъ совершается въ сей же Покровской моленной и потомъ новобратные сія облагаются, по вышеписанному, зпитимію подобно новоженамъ.

2. Называемые странными.

Сей секты не помнящій родства бродяга Егоръ Ивановъ знаетъ, что власти на землѣ есть, а что онъ по Божію произволу установленъ—не признаетъ сего и не почитаетъ для себя обязанностію повиноваться имъ; въ случай же принужденія ихъ въ тому противу воли удаляются отъ общаго сожительства въ степи, безъ вятія съ собою женскаго пола, и тамъ готовы умерить себя голодомъ, нежели исполнить приказаніе. Съ прочими никакими сектами не молятся и не ѣдятъ и всѣ они суть перекрещиванцы.

Федоръ Хоменко—крещенъ въ грекороссійской церкви, по малороссійскому обыкновенію поливательнымъ крещеніемъ, а посему и не признаетъ оное дѣйствительнымъ, и даже отпалъ отъ святой церкви нашей и не хочетъ никогда ходить въ оную. Предпочитаетъ секту Федосѣевщины и явно говорить, что имѣетъ желаніе присоединиться къ ней и никакихъ увѣщаній, дѣлаемыхъ ему, не принимаетъ.

3. Моральцами.

Сей секты Егоръ Афанасьевъ крещеніе принимаетъ отъ святой церкви нашей, и перекрещиваній въ ихъ секту уже нѣтъ никому, но преданій церковныхъ не признаютъ и отвергаютъ, возлагаютъ надежду на всемілостиваго Спаса. И если которые, по мнѣнію ихъ, пожелають спасти душу свою, то, взявъ женъ и дѣтей своихъ, оставляютъ села и уходятъ въ степи; тамъ которые малодушнѣе другихъ чѣмъ могутъ питаются, а ревностные умеряютъ себя голодомъ, почитаясь за то мучениками. Ни съ какими другими сектами не въ согласіи, а потому ни съ кѣмъ вмѣстѣ не молятся и не ѣдятъ.

Послѣдствіемъ этой переписки было отдѣленіе караульной команды отъ арестантовъ: солдатамъ была построена на казенный счетъ особая казарма, тюрьма увеличена. Въ слѣдующіе годы, во время прокурорства Нечаева и Карасевскаго, заботливость объ арестантахъ не прекращается. Прокуроры своими запросами какъ-бы наталкивали соловецкое начальство находить всевозможные случаи, могущіе облегчить участь заключенныхъ.

V.

Близость отношеній между коренными жителями монастыря и ссылочными людьми несомнѣнно должна была оказывать извѣстное вліяніе на обѣ стороны. На сторонѣ монашества была сила власти, извѣстная устойчивость, неподвижность мнѣній, наконецъ, такъ сказать, массовое давленіе на одиночныхъ ссыльныхъ. На сторонѣ ссыльныхъ, въ большинствѣ случаевъ—людей убѣжденных, была сила нравственной устойчивости, крѣпкій характеръ, идея и страданіе за нее, какъ-бы она зачастую ни была дика и нелѣпа. Но они были одиночны, въ положеніи людей подозрительныхъ, противъ вліянія которыхъ говорило ихъ положеніе. Ссыльные не были сильны своимъ количествомъ, не находили нравственной поддержки въ своей братіи; напротивъ, какъ люди разныхъ религіозныхъ мнѣній, считающихъ свою вѣру единственно способною привести въ спасенію, а вѣру прочихъ толковъ не вѣрною, ведущею къ погибели и достойною проклятій, ссыльные разныхъ толковъ (а имя имъ легіонъ) вели ожесточенные споры между собою, проклинали другъ друга и тѣмъ взаимно подрывали свои ученія. Не смотря на это неблагоприятное положеніе ссыльныхъ сектантовъ, не смотря на стоглазый надзоръ надъ ними, ссыльные все-таки время отъ времени заставляли задумываться твердыхъ въ своихъ понятіяхъ монаховъ, а иногда даже промѣнять свою святыню на ученіе ссыльнаго.

Чѣмъ глубже входимъ мы въ даль время, тѣмъ замѣтнѣе это вліяніе идей и ученій ссыльныхъ на монашество. Такъ, игуменъ Артемій, сосланный при Грозномъ за ересь Башкина, не смотря на двойной надзоръ со стороны монастырскаго начальства, такъ успѣлъ повліять на своего сторожа, что тотъ далъ возможность бѣжать ему. Особенно сильно вліяніе ссылочныхъ людей на монашество было въ эпоху всероссійскаго религіознаго броженія, вызваннаго никоновскою реформой. Двое ссылочныхъ ростовскихъ людей (имена ихъ не упомянуты), жившихъ сначала въ Кандалажномъ монастырѣ, а потомъ переведенныхъ въ Соловецкій, сильно распространяли расколъ и чинили великое смятеніе, за что грамотою новгородскаго митрополита велѣно ихъ

заковать въ желѣза и бросить въ тюрьму (Грамм. дух. ос., № 135). Общее недовольство настолько успѣшно было раздуваемо ссыльными людьми, что обратилось въ явный бунтъ. Ссылные мистики начала настоящаго столѣтія, въ родѣ игумена Израиля, есаула Котельникова и іероманаха Геронима свели не одного монаха съ обычнаго пути аскетическихъ умствованій. Даже представители такой противоестественной секты, какъ скопцы, имѣли успѣхъ среди монашества. Въ соловецкомъ архивѣ находится дѣло о монахѣ Теофанѣ Акуловѣ, который оказался оскотленнымъ. Одинъ архимандритъ въ своемъ донесеніи оберъ-прокурору синода жалуется, что изъ монашествующихъ не кому поручить дѣлать увѣщанія еретикамъ, ибо невѣжественные и глупые неспособны это дѣлать, а когда были поручены увѣщанія еретиковъ болѣе ученымъ и умнымъ, то они не только не имѣли успѣха, но сами увлеклись еретичествомъ ¹⁾. Если принять во вниманіе, что я говорю о такихъ случаяхъ, которые мнѣ удалось найти въ дѣлахъ архива, а не касаюсь того вліянія, которое не получило оффиціальной огласки, то станетъ понятнымъ, что воздѣйствіе ссыльныхъ на монаховъ было далеко не малое.

Что касается вліянія монаховъ на ссыльныхъ, которые спеціально посылались въ монастырь для исправленія, и монастырское начальство по обязанности должно было употреблять всѣ усилія, чтобы обратить заблудшаго на путь истины, то успѣхи начальническихъ увѣщаній были далеко не блистательны. Почти изъ 200 ссыльныхъ найдутся единицы, которыя подъ вліяніемъ монашескихъ увѣщаній добровольно, чистосердечно раскаялись; нѣсколько болѣе изъявили притворное раскаяніе, чтобы избавиться чрезъ это тюрьмы и ссылки. Но за то громадное большинство изъ нихъ остались вѣрны своимъ ученіямъ, недоступны никакимъ увѣщаніямъ монашествующихъ.

¹⁾ Донесеніе архимандрита Александра въ 1855 году.

VI.

Первымъ ссыльнымъ въ Соловки, о которомъ сохранилось письменное извѣстiе, былъ игуменъ Троицкаго монастыря Артемiй. Онъ обвиненъ былъ въ соучастii и единомыслии ереси Башкина и осужденъ духовнымъ соборомъ, собраннымъ Грознымъ въ 1554 г. Я не буду касаться подробностей обвиненiя Артемiя, — желающiе найдуть это въ общихъ руководствахъ по русской исторiи ¹⁾, скажу только въ нѣсколькихъ словахъ о винѣ Артемiя. Артемiя обвиняли въ соучастii Башкину, который отвергалъ божество Иисуса Христа, церковные правила и обряды, св. угодниковъ, и изрыгалъ на нихъ хулы, особенно на Николая Чудотворца, не поклонялся иконамъ и называлъ ихъ идолами. Въ число обвиненiй Артемiю поставили и то, что онъ ѣздилъ въ нѣмецкiй городокъ искать такого человѣка, который могъ бы „говорить съ нимъ книгами о вѣрѣ“. Артемiй былъ приглашенъ сначала на соборъ, судившiй Башкина, не въ качествѣ обвиняемаго, но какъ членъ собора, но будучи предупрежденъ, что его заподозрѣваютъ въ единомыслии съ Башкинымъ, счелъ за благо скрыться изъ Москвы, что и поставлено было ему, потомъ, въ вину. Вынужденный послѣ явиться на тотъ соборъ, Артемiй былъ обличенъ Башкинымъ, — который при допросахъ Грознаго, „звеса языкъ“, выдалъ всѣхъ своихъ единомысленниковъ, — и многими другими доносчиками въ разныхъ мелочныхъ выраженiяхъ относительно вѣры. Не смотря на слабыя улики, но должно быть за рѣзкiе отвѣты, соборъ осудилъ Артемiя и послалъ въ Соловки подъ строгiй началъ. Онъ присланъ былъ въ Соловки при грамотѣ отъ имени митрополита Макария и всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ, изъ которой я позволю себѣ привести то мѣсто, которое касается строгости содержанiя Артемiя въ Соловкахъ. Послѣ изложенiя винъ и свидѣтельскихъ показанiй противъ Артемiя грамота излагаетъ такое рѣшенiе собора:

¹⁾ Костомаровъ, Монографiя; Соловьевъ, Ист. Россiи съ древнихъ временъ; Макарий, И. Р. Ц., т. VI, стр. 250.

„Сего ради соблагочествѣвшимъ царемъ соборъ осудихомъ... повелѣхомъ отведену быти ему въ честную обитель боголѣпнаго преображенія Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, во общій монастырь преподобныхъ и богоносныхъ Савватія и Зосимы, содолождскихъ чудотворцевъ, къ духовному настоятелю игумену Филиппу со всею о Христѣ съ братією. Пребывати-же ему внутри монастыря съ великою крѣпостію и множайшимъ храненіемъ, заключеву-жь ему быти въ нѣкоей кельѣ молчательной, да яко и тамо душевредный и богохульный недугъ отъ него ни на единого-же да не распространится, и да не бесѣдуетъ ни съ кѣмъ-же, ни съ церковными, ни съ простыми того монастыря или инаго монастыря мнихи; но ниже писанія глаголати ему къ кому, или учить кого, или инако мудрованіе, или къ нѣкомъ посланья посылати, или отъ нѣкихъ посланья прѣимати, или слово, или кую вещь, или ино что, ниже собою, ниже пѣнми, ниже сообщатися и дружбу имѣти съ кѣмъ, или нѣкими смѣяти ходатайство свойственно и дерзновенно показати къ нему, но точію затворену и заключену въ молчаніи сидѣти и каятися о прелести еретичества своего, въ нѣже впаде. Да обращааясь обратится къ истиннѣй вѣрѣ православія, да никто-же отъ него погибнетъ, сего ради и юза ему соборная отъ насъ наложена есть, яко быти ему во отлученіи и необщеніи совершеннѣмъ дондеже обратится отъ своего нечестія и въ конецъ покается и исправится воистину, и тогда вся о немъ да совершатся по священнымъ правиламъ; и того ради повелѣхомъ дати ему единого отъ достовѣрныхъ православныхъ иноковъ, презвитера, и да исповѣдается ему и вается, и той священникъ да смотритъ и испытываетъ о немъ: аще истинно есть покаяніе его, и о томъ о всемъ извѣщаетъ настоятелю духовному, тебѣ игумену Филиппу, да и самъ ты, игумень, его временемъ наказуи и поучай отъ божественнаго писанія о всѣхъ полезныхъ къ его обращенію. И аще прилежно и трудолюбиво житіе его, и таковъ аще будетъ, да причастится въ болѣзнь при смерти; аще оздоровѣетъ отъ недуга, да пребываетъ безъ святаго и пречистаго причащенія на всегда, точію при смерти да причастится. Книгъ же имѣти ему на молитву и моленіе и прочитыванье, ихъ же смиреніе наше со священнымъ соборомъ повелитъ ему яко же ко Господу Богу обращаться и каятися отъ бѣсовскія прелести его нечестія; отъ прочихъ же книгъ всяческихъ уврежати ему и съ великимъ опасеніемъ соблюдатися и немудрствовати, якоже окаянне мудрствовалъ. Подобаеть же съ великимъ разсмотрѣніемъ и мудрованіемъ испытовати и смотрѣти житія его, аще истинно, свято и незлостно обращеніе его въ православіе, и аще плоды духа имать свидѣтельствующа къ спасенію, и сокрушенно сердце и смиренъ разумъ, и покаяніе, и исповѣданіе прилежно. Подобаеть же и тому самому стражу, который къ нему приставленъ, съ нимъ съ великимъ опасеніемъ соблюдати себя отъ него, да не како повреженъ будетъ. Такъ же и той самый презвитеръ да соблюдаетъ себя твердѣйша прежь рѣченныя ради вини; иже аще приходити къ нему имать исповѣди ради, подобаеть же вадъ симъ смотрѣти твердѣйша, яко да не изнесутъ отъ него ни къ кому же ничто же, ниже отъ кого къ нему принесутъ и дадутъ или пошлютъ что нигдѣ же, ни когда же, ни ко мнѣхомъ, ни къ миряномъ, но вся бываемая отъ него ко архіепископу Пимену Великаго Новограда и Пскова доправляетъ истинно настоятель той честныя обители, и архіепископъ Пимень списываетъ о томъ благочестивому царю и великому князю и нашему смиренію и ни како-же ничто-же да не скрываетъ благо или зло. Аще истинно будетъ обращеніе его православней

вѣрѣ Господа нашего Иисуса Христа да поразумѣетъ о семъ великій и божественный соборъ со совѣтомъ божественнаго писанія и еже о св. дусѣ съ сыномъ святыя церкви и нашего смиренія православнаго и христілюбиваго царя, государя великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца повелѣніемъ о всѣхъ полезныхъ благочестивой нашей вѣрѣ и къ душевной пользѣ о всѣхъ благочестивыхъ, хотящихъ каятися истинно, а нечестиво, и таковыхъ святая соборная апостольская церковь приѣмлетъ и о всѣхъ исправляти повелѣваетъ по священнымъ правиламъ. Аще-ли не учнетъ каятися, но пребывать имать въ своемъ злочестіи, и тогда держать его въ волицей крѣпости, дондеже обратится и покается, и тогда вся о немъ да совершатся по священнымъ правиламъ.

Елицы же чрезъ заповѣданіе и запрещеніе наше къ нему дерзнуть или посланья посылати, или бесѣдовати, или учти, или инако како приобщатися. или явне, или тайне, такови убо вси, аще и въ величествѣ кто будетъ, или властїю, или саномъ нѣкіимъ почтены отъ православнаго и христілюбиваго великаго державнаго государя нашего великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца и отъ нашего смиренія и отъ всего великаго и божественнаго собора безо всякаго сомнѣнія и извѣта единсовѣтники и единомышленники да вмѣняты ему, и тѣмъ же судомъ да сужени будутъ, яко богохульни единомысленники и поборники, ихъ же подобаетъ ненавидѣти совершенною ненавистїю, яко же речеть благочестивый Иванъ Златоустъ.... и такови убо и отъ нашего смиренія и отъ всего великаго и божественнаго собора епитимїями и отлученіи наказуются; аще-ли-жь и еще не послушныи нѣбють и не утрезвятся и не удѣломудратся, тогда духовными мечи да разсѣаемы будутъ, отъ православнаго же и христілюбиваго и боговѣчнаго царя нашего государя великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца законную казнь примуть. И по свидѣтельству закона сія изложена и утверждена и списана быша въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7062, мѣсяца генваря въ 24 день. (Грамота Солов. ризн. № 295).

Неизвѣстно долго ли Артемій пробылъ въ такомъ заключеніи, но ему удалось приобрѣсти, вопреки всѣмъ запрещенїямъ, друзей и съ помощію ихъ бѣжать изъ Соловокъ. Бѣжалъ онъ за рубежъ, въ Литву, гдѣ, по сказанїямъ Курбскаго, былъ ярымъ защитникомъ православїя, и написалъ нѣсколько книгъ въ защиту его. Это послѣднее обстоятельство показываетъ, какъ шатки были обвиненїя собора противъ Артемїя.

Время и мѣсто кончины Артемїя неизвѣстны.

Въ числѣ членовъ собора, осудившихъ Артемїя, былъ протопопъ Силивестръ, авторъ „Домостроя“, которому и самому вскорѣ привелось испытать участь Артемїя. Попавши въ немилость къ Грозному, онъ въ 1560 г. былъ также сосланъ въ Соловки въ заточеніе. Письменныхъ извѣстій о его ссылкѣ не имѣется; указываютъ только, по преданію, его могилу близь Преображен-

скаго собора. Надо полагать, что строгость его заключенія много смягчалась тѣмъ, что настоятелемъ монастыря былъ, въ то время, его хорошей знакомый, игумень Филиппъ, потомъ митрополитъ московскій.

VII.

Въ 1605 году былъ присланъ изъ Москвы бывшій царь казанскій Симіонъ Бекбулатовичъ. Онъ былъ второй царь казанскій, взятый въ плѣнъ при завоеваніи Казани Іоанномъ Грознымъ. Въ магометанствѣ онъ назывался Гедеригъ-Магметъ. Попавши въ плѣнъ, онъ изъявилъ желаніе принять православную вѣру со всѣмъ своимъ семействомъ, и былъ крещенъ въ присутствіи царя; воспріемникомъ его отъ купели былъ митрополитъ Макарій. Такой поступокъ казанскаго царя не остался безъ награды со стороны Грознаго: онъ далъ ему титулъ царя тверскаго, назначилъ придворный штатъ, и поселилъ его въ Твери. По смерти Грознаго, при Ѳедорѣ Іоанновичѣ, не смотря на отличія на полѣ брани, оказанныя Бекбулатовичемъ, по проискамъ Бориса Годунова, онъ былъ лишень царскаго титула, ослѣпленъ и сосланъ на житье въ Кушилинскую волость, Тверской губерніи. Во время самозванца Симіонъ Бекбулатовичъ оказывается въ Москвѣ, ратуетъ противъ Лжедмитрія, укоряя его въ принятіи латинскихъ обрядовъ и увѣщаетъ народъ стоять за православіе. За эти поступки самозванецъ сослалъ его въ Соловецкій монастырь, приказавъ постричь въ монашество.

Симіонъ Бекбулатовичъ былъ постриженъ въ Соловкахъ подъ именемъ Степана.

Во время междуцарствія онъ писалъ просьбу Пожарскому и прочимъ боярамъ, прося освободить его отъ соловецкаго житія. Просьба его была уважена, и въ отвѣтъ—получена отъ Пожарскаго такая грамота:

„Въ Кирилловъ монастырь игумену Матеею съ братією бояра и воеводи и Дмитрій Пожарскій съ товарищи бьютъ челомъ. Билъ намъ челомъ старецъ Степанъ Бекбулатовъ, а сказалъ: велѣлъ де его постричь въ Соловецкомъ монастырѣ воръ, что былъ на Москвѣ, растрига Гришка Отрепьевъ; и нынѣ де ему въ Соловецкомъ монастырѣ нужда великая, и намъ бы ему

велѣти быти въ Кирилловъ монастырь, и по совѣту всей земли велѣли есмь старцу Степану Бекбулатову быти въ Кирилловъ монастырь, и на Соловки о томъ описано-жь; а велѣли старца Степана съ Соловокъ отпустить и проводить до Кириллова монастыря соловецкимъ служкамъ. И какъ къ вамъ въ Кирилловъ монастырь старецъ Степанъ Бекбулатовъ и съ нимъ соловецкіе служки прїѣдутъ, и вы бѣ старца Степана у тѣхъ соловецкихъ взяли, и устроили его въ Кирилловъ монастырь, и покоили его по монастырскому чину, какъ прочую братію.... Писано въ Ярославѣ, гѣта 7120. Іюля въ 25 день". (Ист. оп. Сол. м., а. х. Досифея, т. I, стр. 108).

По приговору Пожарскаго съ боярами въ 1612 году былъ присланъ въ Соловки для самаго тяжкаго тюремнаго заключенія атаманъ разбойнической шайки Петръ Отяевъ. Онъ во время междуцарствія рыскалъ со своею шайкою по Московскому государству, оскверняя и раззоря монастыри и храмы и избивая по деревнямъ беззащитный народъ.

По грамотамъ патриарха Филарета сосланы въ Соловки:

1623 г. Боярскій сынъ Ѳеодоръ Семенскій подъ началъ въ хлѣбню за насильное постриженіе своей жены.

1627 г. Хутынскаго монастыря дьяконъ Ефремъ за то, что онъ „дѣйствовалъ священническая“.

Того-же года. Подъ началъ въ черную работу Троице-Сергіева монастыря старецъ Нахомъ Нащовинъ „за блудъ и другое его неистовство“. Въ 1627 г. освобожденъ отъ черныхъ работъ.

1628 г. Казначей Суздальскаго монастыря старецъ Ѳеофанъ „за грубость“.

Того-же года. Дьячекъ Васька Марковъ за растлѣніе своей дочери, подъ строгій надзоръ.

По грамотамъ Аффонія, митрополита новгородскаго:

1) Въ 1641 г. Черный попъ Гедеонъ за то, что пьяный вышелъ изъ алтаря безъ ризъ; его велѣно держать 6 недѣль на цѣпи и сѣять муку, а потомъ дозволить служить.

2) 1648 г. Посланъ въ тяжкіе труды черный попъ Нектарій за то, что на церковный помостъ „испустилъ воды“. Черезъ годъ ему разрѣшили служить.

Въ 1652 году, по грамотѣ Никона, митрополита новгородскаго, былъ вызванъ къ нему изъ Соловокъ подначальный ста-

рецъ Арсеній грекъ, какъ человекъ образованный, ученый, для исправленія богослужебныхъ книгъ. Онъ сосланъ былъ въ Соловки по подозрѣнiю въ неправославномъ образѣ мыслей, какъ человекъ, получившій образованiе въ латинскихъ западныхъ училищахъ и принимавшій временно латинство, чтобы быть допущеннымъ въ эти училища ¹⁾.

Въ первыхъ годахъ второй половины XVII столѣтiя въ Соловки было сослано очень много людей за непризнанiе и протестъ противъ никоновской реформы по исправленiю богослужебныхъ книгъ; между ними особенно видное мѣсто занимаетъ кн. Львовъ, начальникъ печатнаго двора въ Москвѣ. Точно годъ, въ который былъ онъ сосланъ, не извѣстенъ, но въ 1657 г., когда былъ присланъ въ Соловки исправленный служебникъ, въ числѣ ссыльныхъ былъ и кн. Львовъ. Въ 1655—1656 гг. былъ соборъ изъ греческихъ и русскихъ святителей для разсмотрѣнiя исправленнаго служебника и, кажется, въ это время и былъ высланъ кн. Львовъ. Видной роли въ подготовленiи возмущенiя соловецкихъ монаховъ онъ не игралъ; живя въ монастырѣ, занимался болѣе кутежами, чѣмъ ратоборствомъ за старину. Въ началѣ возмущенiя монаховъ, онъ былъ увезенъ изъ Соловокъ.

Явное возмущенiе соловецкихъ старцевъ противъ церковной, а потомъ и государственной власти выразилось въ 1666 г. и продолжалось до взятiя монастыря воеводою Мещериновымъ въ 1676 г. Конечно, въ этотъ перiодъ въ Соловки ссыльныхъ не присылали. Послѣ усмиренiя монаховъ, первымъ ссыльнымъ явился Иванъ Мещериновъ, тотъ самый, который взялъ монастырь и усмирилъ монаховъ.

Взойдя въ монастырь, какъ побѣдитель, Мещериновъ властною рукою бралъ себѣ монастырскiя богатства и принималъ отъ побѣжденныхъ старцевъ богатые дары. При занятiи монастыря онъ обошелся съ побѣжденными по варварски: всѣ деревья кругомъ монастыря были увѣшаны трупами монаховъ, толпа полунагихъ черноризецевъ была выгнана изъ монастыря на морскую губу въ январскiе морозы и тамъ монахи были заморожены.

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Росс., т. XI, стр. 284.

Уситые, повѣщенные и замороженные монахи валялись около монастыря не погребенными до лѣта. Только немногіе счастливыцы, которые имѣли возможность дать суровому воеводѣ богатые дары, остались въ живыхъ. О разграбленіи монастырскаго имущества воеводою-побѣдителемъ было донесено въ Москву и оттуда посланъ князь Волконскій для изслѣдованія дѣла. Доносъ подтвердился и побѣдитель попалъ въ число подначальныхъ людей. Сторону Мещеринова держалъ новгородскій митрополитъ Варсанофій, въ вѣдѣніи котораго состоялъ тогда Соловецкій монастырь: онъ часто писалъ грамоты соловецкому архимандриту, прося оказывать снисхожденіе и пріятство Мещеринову. Стараніями Варсанофія Мещериновъ, около 1680 г., былъ освобожденъ.

Афанасіемъ, архіепископомъ холмогорскимъ, сосланы въ Соловки:

1) 1681 г. Черный попъ Симіонъ „за неповорство“, подъ строгій надзоръ, чтобы держали его въ хлѣбнѣ на цѣпи.

2) 1685 году Казначей архіепископа Афанасія іеромонахъ Сергій подъ началъ за скаредныя дѣла. Въ 1686 г. посаженъ подъ караулъ „за его воровскія письма“; послѣ былъ держанъ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, но, по просьбѣ воеводы Кондратія Нарышвина, былъ раскованъ.

3) 1695 г. Житель г. Архангельска Ивашка Филатовъ за пьянство и распутство „въ тяжкіе труды“.

По указу Петра I, въ 1691 году, посланъ для содержанія „въ земляной тюрьмѣ“ самозванецъ Ивашка Салтыковъ.

Въ слѣдующемъ году посланъ для такого же содержанія Мишка Амиревъ; „за великія непристойныя слова, вмѣсто смертныя казни, велѣно его держать въ земляной тюрьмѣ вмѣстѣ съ самозванцемъ Ивашкою Салтыковымъ“. Черезъ годъ была послана царская грамота, коей повелѣвалось изъ земляной тюрьмы Амирева выпустить, постричь въ монахи и быть ему въ томъ монастырѣ „неисходно до кончины живота его, изъ монастыря никуда его не отпущать, ни въ какую отхожую службу не посылать и смотрѣть того на ерѣпко, чтобы былъ онъ всегда въ видахъ и жилъ во всякомъ послушаніи и братіи нивакого ропота ни чинилъ, никакихъ неприятныхъ словъ не говорилъ“. Постриг-

шись въ монашество, подъ именемъ Моисея, Амиревъ такъ умѣлъ поддѣлаться въ монахамъ, что его назначили нарядчикомъ-распорядителемъ работъ. Однако, въ этой должности онъ побылъ не долго; у него нашли какія-то „ябедническія письма“ и по указу царя Петра онъ былъ отставленъ отъ нарядчиковъ съ тѣмъ, что если будетъ еще писать письма, то будетъ посаженъ въ тюрьму. Въ 1700 г. Амиревъ, „черезъ воровскую стѣну“, ушелъ изъ монастыря и, не смотря на все стараніе царя Петра отыскать его, онъ остался не найденнымъ.

VIII.

Въ 1700 г. въ Москвѣ было возбуждено дѣло Талицкаго ¹⁾. Дѣло было такого рода. Книгописецъ Григорій Талицкій, по доносу одного пѣвчаго, былъ схваченъ, и въ пыткѣ признался, что составилъ воровское письмо, будто настало послѣднее время и явился антихристъ, т. е. Петръ I, а также и другія многія статьи писалъ государю въ укорузну, и народу отъ него отступать приказывалъ, слушать и подати платить запрещалъ, а велѣлъ взыскать князя Михаила (Черкаскаго), отъ котораго будетъ добро народу. Находясь подъ пытками, Талицкій, между прочимъ, показавъ, что онъ о послѣднемъ вѣвѣ и объ антихриствѣ разговаривалъ съ тамбовскимъ епископомъ Игнатіемъ, который велѣлъ все это написать въ книгу и прислалъ ему 5 рублей денегъ, и онъ за эти деньги послалъ епископу тетрадки. Игнатій по этимъ показаніямъ тоже былъ схваченъ и, подвергнутый пыткамъ, признался, что слышалъ отъ Талицкаго поносныя слова на государя и говорилъ: „видимъ мы и сами, что худо дѣлается, да что мнѣ дѣлать, я немощенъ“, просилъ Талицкаго написать все въ тетрадахъ получше, чтобы можно было ему, Игнатію, лучше истину познать. Талицкій уличалъ Игнатія еще въ томъ, что когда Игнатій слушалъ написанное въ тетрадахъ, то плакалъ и, взявши тетради, поцѣловалъ ихъ. Игнатій, разстриженный, измученный пытками, сосланъ въ Соловецкій монастырь въ тюрьму, гдѣ и пробылъ до своей смерти.

¹⁾ Соловьевъ. И. Р., т. XV, стр. 122—124.

Въ Соловки онъ посланъ былъ при слѣдующей грамотѣ Афанасія, архіепископа холмогорскаго:

„Въ нынѣшнемъ 1701 году, декабря въ 22 день, за грамотою великаго государя и царя и великаго князя Петра Алексѣевича великія и бѣлыя и малыя Россіи самодержца изъ Преображенскаго приказа, за прописью дьяка Якова Никонова присланъ къ намъ, преосвященному архіепископу, на Коломгоры, съ провозатыми вологодскими стрѣльцами, вора и бунтовщика Гришки Таллицкаго сообщникъ и единомышленникъ растрига Ивашко Шангинъ (Игнатій), за его воровство. Изъ Холмогоръ галѣно его послать къ вамъ въ Соловецкій монастырь и посадить его въ Головленкову тюрьму и быть ему въ той тюрьмѣ до кончины живота его непсходно, а пищу давать ему противъ таковыхъ же подначальныхъ. А черепль, бумаги ему, Ивашкѣ, давать отнюдь не велѣно, и ни отъ кого ему писемъ не принимать и не отдавать, а такъ же и отъ него ни къ кому никакихъ писемъ не принимать же и не отдавать, а буде отъ кого какія письма явятся къ нему, Ивашкѣ, или отъ него, Ивашки, и тѣ письма велѣно отсылать къ Москвѣ въ Пресображенскій приказъ... Декабря 22 дня 1701 года“.

Долго ли сидѣлъ Игнатій въ тюрьмѣ—неизвѣстно. Погребенъ онъ подъ Преображенскимъ соборомъ. На его могилѣ, въ стѣнѣ, поставлена архимандритомъ Александромъ плита, съ надписью: „На семь мѣстѣ погребено тѣло тамбовскаго епископа Игнатія, умершаго въ 1699 г., понесшаго долгое и тяжкое разлученіе со своею паствою“. Явная несообразность. На грамотѣ Афанасія о присылкѣ Игнатія находится помѣтка: „1702 г. Января 17 дня, подалъ преосвященнаго архіепископа грамоту кемскій стрѣлецъ Степашко Осиповъ“. Если Игнатій привезенъ въ январѣ 1702 года, то онъ не могъ умереть въ 1699 г., да еще потерпѣвъ долгое разлученіе съ паствою!

Въ томъ же году и по тому же дѣлу былъ присланъ въ Соловки духовникъ Петра I, „распятскій попъ Иванъ Ивановъ“, какъ названъ онъ въ грамотѣ. Онъ былъ присланъ не въ тюрьму, какъ Игнатій, а велѣно было только постричь его немедленно въ монахи. Постриженный подъ именемъ Іова, онъ своимъ подвижничествомъ и смиреніемъ приобрѣлъ довѣріе братства и расположеніе соловецкаго настоятеля. Пріѣхавшій лѣтомъ того же года царь Петръ, по словамъ автора Житія Іова, увѣрился въ невинности его и приглашалъ снова вернуться въ Москву на почетную должность, но испытавъ всѣ тревоженія мірскаго жизни, старецъ Іовъ отказался отъ приглашенія царя

и пожелалъ окончить дни свои въ мирной Соловецкой обители. Но и общая монастырская жизнь не удовлетворила несчастнаго старца, и онъ, съ благословенія настоятеля, удалился въ лѣсъ Анзерскаго острова, гдѣ на горѣ, названной имъ Голговою, основалъ уединенный монашескій скитъ и оставилъ своимъ ученикамъ очень строгій уставъ скитской жизни. Онъ умеръ 1720 г. и погребенъ подъ голговецкой церковію.

Въ томъ же году сосланъ учитель московской школьной палаты іеродіаконъ Іовъ за непослушаніе, грубость и прочіе пороки.

Въ 1707 г. по указамъ царя Петра Алексѣевича присланы: Монахъ Волоколамскаго Іосифова монастыря Герасимъ Синица „для того, что онъ, Герасимъ, будучи въ домѣ гостя Саввы Малыгина, говорилъ непристойныя слова, а въ Преображенскомъ приказѣ при допросѣ заявилъ, что ничего не помнитъ, такъ какъ былъ пьянъ... За то ему, монаху Герасиму, учинено въ Преображенскомъ приказѣ жестокое наказаніе, вмѣсто кнута, снемъ рубаху, бить плетью нещадно, и велѣно его съ Москвы послать въ дальніе монастыри подъ началъ“.

Калужскій посадскій бобыль Ѳедоръ Мутовозовъ за „то его воровство, что онъ написалъ и подкинулъ воровское подметное письмо и съ пытокъ въ томъ воровствѣ винулся“. Мутовозова велѣно держать въ монастырскихъ трудахъ до смерти, никуда изъ монастыря не выпуская, чернилъ, бумаги и прочаго, чѣмъ писать можно, давать ему не велѣно.

Бродящій монахъ Симіонъ, что слыветъ Сава—большая слава, за то, что онъ по Москвѣ ходитъ по кружаламъ и валяется по улицамъ, а въ монастыряхъ нигдѣ не живетъ. Держать велѣно его въ монастырскихъ трудахъ до царскаго указа, а пищу давать братскую.

Въ 1708 г. присланы въ Соловки люди, замѣшанные въ борьбу между Кочубеемъ и Мазепою: попъ Иванъ Святайло съ сыномъ Иваномъ и іеромонахъ Сѣвскаго Спасскаго монастыря Никаноръ ¹⁾. Этимъ людямъ старшій Кочубей довѣрилъ

¹⁾ Объ этомъ дѣлѣ см. въ Ист. Р. Соловьева, т. XV, стр. 274, 277, 294.

свою тайну объ измѣнѣ Мазепы и поручилъ имъ доносъ на Москвѣ царю. Но пользующійся въ то время довѣріемъ царя Мазепа сумѣлъ оправдаться отъ доноса, и довѣренные Кочубея заплатились за свою услугу ссылкой. Присланы они при указахъ царя Петра, въ коихъ про вину Святайлова выражено такъ: „попа Ивана Святайло за ложное донесеніе на гетмана и кавалера Ивана Степановича Мазепу сослать въ Соловецкій монастырь на вѣчное житье съ сыномъ Иваномъ, и если изъявить желаніе, то постричь въ монахи“; а про чернеца Никанора сказано, что онъ „явился въ Кочубеевѣ дѣлѣ“. За Никанора просилъ холмогорскій архіепископъ Афанасій, чтобы архимандритъ былъ въ нему „милостивымъ“.

Въ концѣ года измѣна Мазепы оправдала доносъ Кочубея, и въ Соловкахъ былъ полученъ указъ объ освобожденіи Святайлова и Никанора.

Въ 1709 г. присланъ въ Соловки двое-крещенецъ жидовскаго роду Матеей Никифоровъ. Дѣло было такого рода: еврей изъявилъ желаніе принять православную вѣру и былъ крещенъ подъ именемъ Ивана. Спустя нѣкоторое время онъ снова крестился и принялъ имя Матеея. Эта продѣлка была замѣчена, и перекрещенецъ попалъ въ патриаршій приказъ, который рѣшилъ: за тѣ его вины учинить ему жестокое наказаніе, бить плетми безъ пощады, что онъ тѣмъ крещеніемъ другимъ преступилъ правила святыхъ и уставъ церковный, знатно посмѣваясь христіанской вѣрѣ, чего бы ему дѣлать не довелось“.

Около этого времени были заточены въ соловецкую крѣпость два графа Толстыхъ. Письменныхъ документовъ объ ихъ присылкѣ не нашлось; но находится слѣдственное дѣло по доносу одного монаха на архимандрита Варсонофія въ томъ, что онъ „мирволить гр. Толстымъ, посылаетъ со своего стола явства и питія“. Изъ этого дѣла видно, что они сидѣли въ келарской тюрьмѣ, и что при нихъ былъ слуга. Умерли они въ заточеніи и похоронены на западной сторонѣ Преображенскаго собора. На ихъ могилахъ до сихъ поръ видны бѣлыя надгробныя плиты.

1721 г. игуменъ Мошногорскаго монастыря Іосафъ за „нѣкоторыя дерзновенныя важныя слова и за перстное сложеніе

противнаго вѣста и за постриженіе монахинь былъ наказанъ нещадно плетми и присланъ въ Соловецкій монастырь въ подземную тюрьму. Ему, должно быть, какъ нибудь удалось бѣжать или онъ былъ освобожденъ, такъ какъ въ 1728 г. снова присылается въ Соловки вмѣстѣ со священникомъ новгородской епархіи Ѳеодоромъ Ефимовымъ и вазначеемъ Троице-Сергіева монастыря Ѳеогностомъ, съ наказомъ, чтобы ихъ держали въ самыхъ вѣрпкихъ тюрьмахъ порознь, ихъ не выпуская, къ нимъ никого не впуская и ни въ чемъ имъ не вѣря. Въ 1743 г. онъ объявляетъ „слово и дѣло“. Когда отказались вести его по этому заявленію въ Москву, то онъ объявилъ, что за Днѣпромъ онъ знаетъ мѣсто, гдѣ зарыто въ землю много драгоценностей, и это мѣсто онъ можетъ указать. Что дало ему это заявленіе по дѣлу—неизвѣстно, вѣроятно плети, ибо онъ вскорѣ умеръ въ Соловкахъ.

Въ 1722 году, по повелѣнію Петра I, изъ тайнаго Преображенскаго приказа былъ присланъ іеромонахъ Соловецкаго монастыря Иванъ Обуяновскій за произнесеніе имъ важныхъ и непристойныхъ словъ, „въ земляную тюрьму“, на вѣчно. Черезъ годъ Обуяновскому сдѣлано облегченіе, онъ переведенъ изъ земляной тюрьмы въ ваземать подъ успенскимъ крыльцомъ. Сидя тамъ въ сосѣдствѣ съ другими такими же подначальными греками-монахами Герасимомъ и Парфеніемъ, онъ посовѣтовалъ имъ объявить государево слово и дѣло и съ помощію этого избавиться не только отъ тюрьмы, но и отъ ссылки. Согласно этому совѣту, ссылные греки объявили слово и дѣло. Этимъ заявленіемъ началось большое дѣло. Въ соборной кельѣ собралось все монастырское начальство: архимандритъ Варсонофій, вазначей монахъ Андроникъ, инвизиторъ ¹⁾ іеромонахъ Миронъ, ризной іеромонахъ Ѳеодосій, монахъ Иларій Стромилловскій; городничій Діодоръ представилъ предъ ихъ лицо объявителей слова и дѣла монаховъ Герасима и Порфирія. Начали ихъ спрашивать какое слово и дѣло они знаютъ, откуда узнали, не научилъ-ли кто объявить имъ это? Изъ разспросовъ оказалось, что

¹⁾ Должность такая была учреждена Петромъ I. Въ монастырскомъ архивѣ находится большое дѣло объ инвизиторахъ и ихъ дѣятельности.

ихъ подговорилъ объявить это распопъ Иванъ Обуяновскій, обѣщая тѣмъ избавиться имъ отъ суда и ссылки. Призванный на это судилище Обуяновскій признался, что, желая освободить невинныхъ монаховъ отъ ссылки, онъ посовѣтовалъ имъ объявить государеву важность; важность эта состояла въ слѣдующемъ: а) одинъ приходой монахъ обокралъ съ иконъ драгоценные камни и эти камни взялъ себѣ архимандритъ, а вора отпустилъ; б) что въ монастырѣ есть въ числѣ монаховъ бѣглые солдаты; в) когда на Дону была съ татарами война, тогда татары, будто, много нашихъ казаковъ взяли въ плѣнъ къ себѣ. И когда съ ними учинили миръ, тогда велѣно тѣхъ казаковъ назадъ отдать, и будто тѣ татары, не хотя нашихъ казаковъ назадъ возвратить, дали за то много денегъ Петру Матвѣевичу Апраксину и тѣмъ оныхъ, будто, у себя удержали.

Первыя два показанія, по тщательному изслѣдованію монастырской коллегіи, оказались ложными, а о третьей они ничего не могли рѣшить, а потому рѣшили Обуяновскаго отослать для разслѣдованія дѣла въ Москву, въ Преображенскій приказъ. Такъ какъ дѣло это считалось государственнымъ, важнымъ, поэтому, не дожидая открытія навигаціи, Обуяновскаго, сковавъ по рукамъ и ногамъ, 1 января 1725 года отправили изъ Соловецкаго монастыря въ Москву. Въ тайномъ приказѣ онъ, должно быть, не могъ доказать вѣрности показанія своего относительно взятки Апраксина, а потому, получивъ въ приказѣ жесточайшее наказаніе плетми, снова былъ заключенъ въ соловецкій казематъ. Пытался онъ еще разъ объявить слово и дѣло, но это объявленіе не было принято къ свѣдѣнію, и онъ принужденъ былъ 26 лѣтъ просидѣть въ казематѣ и тамъ покончить свою жизнь.

IX.

1727 г., священникъ села Качалаева, Пензенской губерніи, Кирилль Ѳедоровъ, находясь въ компаніи съ крестьяниномъ помѣщика Сумарокова Лукіаномъ Серебрянниковымъ, имѣлъ дерзость говорить поносныя слова, относящіяся до императрицы Екатерины I. Этотъ разговоръ былъ кѣмъ-то подслушанъ и переданъ начальству. Священникъ привезенъ въ тайную канцелярію, а также слушавшій его Серебрянниковъ. Подвергнутый пыткамъ, священникъ Ѳедоровъ заявилъ, что поносныя слова на императрицу говорилъ потому, что былъ пьянъ. Тайная канцелярія учинила имъ такую резолюцію: распопу Кирилла Ѳедорова за великія его непристойныя слова бить внудомъ и урѣзать языка; крестьянина помѣщика Сумарокова Лукіана Серебрянникова за не извѣтъ о тѣхъ словахъ бить внудомъ-же и сослать ихъ: распопу и Серебрянникова въ Соловецкій монастырь, распопу въ заточеніе, а Серебрянникова въ тяжкіе монастырскіе труды.

Черезъ три года распопъ умеръ въ заточеніи, а Серебрянниковъ былъ освобожденъ въ 1743 году.

1732 г. Дворцоваго села, Московскаго уѣзда, раздѣяконъ Алексѣй Клементьевъ, „который причинился въ кражѣ имъ въ той церкви изъ алтара съ престола евангелія, креста и разныхъ книгъ и въ сказываньи слова и дѣла“. По рѣшенію тайной канцелярії велѣно его, наказавъ нещадно плетми, сослать въ Соловецкій монастырь. При пересылкѣ его изъ Москвы въ Соловки, вышла непріятность между тайной канцеляріей и смотрителемъ московскаго соловецкаго подворья, показывающая порядки того времени. Дьяконъ Клементьевъ, назначенный въ Соловки, былъ присланъ смотрителю московскаго подворья для отправки по назначенію. Смотритель, ссылаясь на то, что у нихъ нѣтъ вотчины въ московскомъ уѣздѣ, и на бѣдность монастыря, отказывался переслать арестанта на свой счетъ и отправилъ обратно въ канцелярію, чтобы отправили его на казенный счетъ. Канцелярія, не внявъ его жалобамъ, отправляетъ арестанта опять на подворье, съ подворья опять въ канцелярію, и такъ до трехъ разъ,

пока, наконецъ, не сдался смотритель подворья и не отправилъ арестанта въ Соловки.

Клементьевъ умеръ въ Соловкахъ въ 1739 году.

Въ томъ же году присланъ подъячій Константиновъ при слѣдующемъ указѣ тайной канцеляріи: „понеже имяннымъ ея и. в. указомъ велѣно содержащагося въ канцеляріи розыскныхъ дѣлъ колодника подъячаго Ивана Константинова за важную его вину послать въ Соловецкій монастырь и содержать его въ томъ монастырѣ въ крѣпкомъ смотрѣніи, не выпуская никуда, и чернилъ и бумаги не давать, и того накрѣпко, вамъ, архимандриту съ братією, смотрѣть за нимъ, чтобы онъ отнюдь ничего не писалъ и ни съ кѣмъ не разговаривалъ и никуда не ушелъ и въ томъ вамъ подписаться, а такъ-же и впредь, которыя во ономъ монастырѣ будутъ власти потому-жъ подписываться, и тѣ подписки присылать за руками вашими въ тайную канцелярію. Понеже, ежели что посему опущено будетъ или отъ него, Константинова, явятся какія письма, или на словахъ что непристойное будетъ разсѣвать, и то все будетъ взыскано на васъ, властяхъ, и Соловецкаго монастыря архимандриту съ братією о вышеписанномъ учинить по сему ея и. в. указу. 1732 года генваря 6 дня. Генералъ и гвардіи полковникъ Ушаковъ“.

Колодникъ былъ сданъ на руи монастырскому городничему монаху Діонисію, и съ него взята росписка въ этомъ смыслѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по привозѣ въ монастырь Константиновъ умеръ.

1737 г., священникъ выгозерскаго погоста, Олонецкой губерніи, Григорій Гавриловъ „за нѣкоторую его вину“, по наказаніи кнудомъ, сосланъ въ Соловецкій монастырь. Живя въ монастырѣ, Гавриловъ признался, что онъ крестьянинъ нюхотцой соловецкой вотчины. Въ 1715 году, будучи 15 лѣтъ отъ роду, онъ ушелъ съ родины на Выгъ, тамъ своею начитанностію приобрѣлъ довѣріе жителей и по просьбѣ ихъ посвященъ въ С.-Петербургъ во священника. Возвратясь на Выгъ, онъ перешолъ въ расколъ и сдѣлался на Выгозерѣ раскольническимъ священникомъ, въ чемъ и состояла его „нѣкоторая вина“. Былъ съ женою и дѣтьми водворенъ въ Нюхчу, въ число прежнихъ крестьянъ.

1739 г., по указу тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярш присланъ „адмиралтейскаго вѣдомства магазинъ-вахтеръ князь Дмитрій Мещерскій за нѣкоторую важную его вину“. Содержать его приказано было „въ земляной тюрьмѣ до смерти не-исходно“, подъ самымъ вѣрнѣшимъ карауломъ. Въ 1741 году, по указу тайной-же канцелярш, дана льгота князю Мещерскому: его приказано изъ земляной тюрьмы освободить, а помѣстить на житье въ монастырѣ, но только подъ строгое смотрѣніе, чтобы онъ куда либо уйти не могъ.

М. А. Колчинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Михаилъ Васильевичъ Милоновъ

въ 1803 — 1813 гг.

Благодаря весьма обязательному сообщенію академика Я. К. Грота—представляемъ здѣсь два документа, немаловажные для біографіи известнаго поэта-сатирика М. В. Милонова.

Ред.

I.

Августа 19-го дня 1809 года.

Свидѣтельство. Изъ учрежденнаго при императорскомъ московскомъ университетѣ благороднаго пансіона дано сіе студенту Михаилу Милонову, сыну коллежскаго совѣтника Василя Милонова, въ томъ, что онъ, записанъ будучи въ помянутый пансіонъ 1803 года, учился: 1) закону Божію и священной исторіи; 2) исторіи и географіи; 3) ариметикѣ и геометріи; 4) тригонометріи и алгебрѣ; 5) российскому законоискусству; 6) натуральной исторіи и физикѣ; 7) российскому краснорѣчію и стихотворству; 8) гражданской архитектурѣ; 9) французскому, нѣмецкому и латинскому языкамъ, и 10) рисовать,

съ отмѣннымъ понятіемъ весьма прилежно и съ превосходными успѣхами. Велъ себя честно и благородно. Былъ одинъ изъ первыхъ и самыхъ лучшихъ благородныхъ воспитанниковъ въ ученіи и поведеніи, въ знакъ чего при публичныхъ экзаменахъ получилъ двѣ книги, серебряную и золотую медали и одобрителный листъ за отличные успѣхи въ наукахъ, особливо въ беллетрахъ. Въ 1805 году, декабря 23 дня, произведенъ отъ университета студентомъ и продолжалъ въ ономъ слушать профессорскія лекціи по 1809-й годъ. Дано въ Москвѣ за подписаніемъ статскаго совѣтника, профессора, оного пансіона инспектора и ордена святыя Анны втораго класса кавалера, съ приложіемъ герба фамиліи его печати. Антонъ Прокоповичъ-Антонскій, (М. П.).

II.

31 мая 1813 г.

№ 2054. Служащему въ департаментѣ министерства юстиціи г-ну титулярному совѣтнику Милонову.

Господиномъ министромъ юстиціи откомандированы вы къ исправленію должности правителя канцеляріи въ комиссію, учрежденную для разсмотрѣнія прошеній обывателей московской столицы и губерній, потерпѣвшихъ раззореніе отъ нашествія непріятельскаго. Вслѣдствіе чего рекомендую вамъ немедленно явиться къ президенту той комиссіи, господину оберъ-шенку графу Головину, купно съ канцелярскими чиновниками, назначенными въ ту комиссію изъ департаментовъ правительствующаго сената. Директоръ департамента графъ Салтыковъ.

Сообщ. Акад. Я. К. Гротъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

Записки курляндскаго дворянина.

1796—1801.

Въ 1886 году (въ Лейпцигѣ), подъ заглавіемъ: «Изъ дней имп. Павла» издана, на нѣмецкомъ языкѣ, часть обширныхъ ненапечатанныхъ мемуаровъ барона N. (фамилія автора скрыта подъ этою буквою), занимавшаго въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій довольно выдающееся положеніе въ нашей административной сферѣ. Имѣя большія связи, будучи хорошо знакомъ съ многими изъ приближенныхъ ко двору людей, и самъ въ продолженіи нѣкотораго времени пользовавшійся благосклонностію монарха, авторъ, рядомъ съ фактами общезвѣстными, представляетъ намъ нѣсколько любопытныхъ характеристическихкихъ подробностей изъ тогдашней придворной и общественной жизни. Не смотря на то, что баронъ N., подобно большинству чиновниковъ того времени, испыталъ на себѣ измѣнчивость характера императора Павла и, послѣ выдающихся знаковъ вниманія, подвергся внезапной опалѣ, — онъ сохранилъ къ этому государю самыя теплыя чувства, и печальную пережѣну въ его нравѣ постоянно приписываетъ пагубному вліянію людей, успѣвшихъ втереться въ его довѣріе.

Въ Запискахъ барона N. мы встрѣчаемся съ характеристиками нѣкоторыхъ лицъ, игравшихъ въ то время значительную роль. Сопоставленіе ихъ съ тѣми, что о помянутыхъ лицахъ уже было написано, можетъ пролить новый свѣтъ на явныя и тайныя пружины государственной дѣятельности въ эпоху Павла I.

Замѣтимъ, что авторъ самъ былъ очевидцемъ или дѣйствующимъ лицомъ въ ббльшей части тѣхъ событій, которыя описываетъ; объ остальныхъ же имѣлъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія отъ своихъ друзей и знакомыхъ, и лишь самая незначительная часть написаннаго имъ почерпнута изъ третьихъ, четвертыхъ и т. д. рукъ.

Въ виду несомнѣнной занимательности книги барона N. и значенія ея — какъ матеріала — для новѣйшей исторіи нашего отечества, мы прикладываемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нея извлеченія, представляющія болѣе общій интересъ.

Замѣтимъ при этомъ, что авторъ, еще при жизни Екатерины II, былъ, —

какъ видно изъ его Записокъ,—хорошо извѣстенъ наследнику престола, Александру Павловичу, и пользовался его расположеніемъ. Въ моментъ воцаренія Павла баронъ N. жилъ въ Митавѣ, гдѣ занималъ мѣсто предсѣдателя суда.

И. О.

I.

Извѣстіе о внезапной кончинѣ императрицы Екатерины II сообщено было генераль-губернатору (Курляндіи) Палену запискою изъ Риги,—какъ разъ въ то время, когда мы сидѣли у него за обѣдомъ. Измѣнившись въ лицѣ, онъ молча ушелъ въ свой кабинетъ и хотя скоро возвратился и, сѣвъ на свое мѣсто, старался казаться спокойнымъ, однако, не смотря на его старанія, всѣ замѣтили, что онъ взволнованъ и встревоженъ.

Послѣ обѣда онъ тотчасъ же удалился и вечеромъ не появлялся въ кругу гостей, собравшихся у его жены. Только на третій день событіе это сдѣлалось нѣсколько болѣе извѣстнымъ, благодаря проѣзду курьера, посланнаго къ князю Рѣпинцу, занимавшему мѣсто генераль-губернатора ливляндскаго, эстляндскаго и литовскаго; тогда Паленъ, отвѣди меня въ сторону, сообщилъ мнѣ эту важную новость,—но совершенно конфиденціально, такъ какъ еще не имѣлъ прямаго сообщенія ни отъ государя, ни отъ сената.

Я былъ сильно пораженъ этою кончиною, которая должна была повести за собою большія перемѣны во всемъ государствѣ, и хотя имѣлъ основанія хвалиться тѣмъ благоволеніемъ, которое новый императоръ выказывалъ мнѣ, еще будучи великимъ княземъ,—однако, былъ искренно опечаленъ кончиною великой монархини. Паленъ очень этому удивился. «Вы должны быть въ восторгѣ», сказалъ онъ, «я знаю, какъ великій князь васъ цѣнилъ, и увѣренъ, что государь вамъ это докажетъ». — «Правда», отвѣчалъ я, «государь, въ теченіи двухъ лѣтъ, выказывалъ мнѣ весьма лестное благоволеніе; но теперь, отвлекаемый во всѣ стороны, поглощенный занятіями, онъ обо мнѣ не подумаетъ. Но я и не имѣю притязаній на это»...

Наконецъ, прибыла изъ Риги эстафета съ циркулярнымъ сообщеніемъ о вступленіи на престолъ Павла I и съ повелѣніемъ о приводѣ къ присягѣ.

Черезъ два дня послѣ этого, когда мы вечеромъ играли у генерала Палена въ бостонъ, мнѣ подали съ почты письмо подъ императорскою печатью и потребовали росписку въ полученіи. Письмо оказалось отъ тещи моей, г-жи Де-Лафонъ (директрисы Смольнаго института въ Петербургѣ). «Нашъ несравненный государь» — писала она — «назначилъ высокую супругу свою главною начальницею здѣшняго института, и е. в. императрица пріѣзжала сама, чтобы сообщить объ этомъ повелѣніи. При этомъ случаѣ я назначена статсъ-дамою, и обожаемая императрица наша украсила грудь мою своимъ портретомъ. Я слишкомъ взволнована и ничего болѣе не могу писать вамъ, дорогія мои дѣти.

Императрица увѣнчала доброту свою еще тѣмъ, что предложила сама отправить это письмо, дабы вы получили его безъ задержки».

Письмо это, прочитанное всѣмъ присутствующимъ, возбудило въ нихъ весьма различныя чувства, преобладающимъ изъ коихъ, конечно, была зависть. Зависть эта возрасла до гораздо большихъ размѣровъ, когда генераль-губернаторъ получилъ указъ, по которому автору этихъ Записокъ дарованы были различныя льготы по имущественнымъ правамъ.

Столько знаковъ царской милости—продолжаетъ авторъ—требовали и съ нашей стороны выраженія подобающей благодарности; но такъ какъ я привязанъ былъ къ иѣсту мнѣи обязанностями предсѣдателя суда, то мы рѣшили, чтобы жена моя поѣхала въ Петербургъ и тамъ повергла дань глубокой признательности къ ногамъ нашихъ высокихъ благотворителей. Я, между тѣмъ, приготовлялся къ переезду на новую квартиру, какъ вдругъ потребованъ былъ генераломъ Паленомъ.

«Видите ли»—воскликнулъ онъ, обнимая меня—«то, что я вамъ предсказывалъ, сбылось! Государь повелѣваетъ вамъ прибыть въ Петербургъ. Вотъ это повелѣнiе, написанное генераль-прокуроромъ княземъ Куракинымъ; оно гласитъ слѣдующее: Вы имѣете сообщить статскому совѣтнику и предсѣдателю суда, барону **, высочайшее е. и. величества повелѣнiе о безотлагательномъ прибытiи его въ Петербургъ».

Болѣе взволнованный, нежели обрадованный, открывавшемуся мнѣ лестною перспективою, я сдалъ всѣ дѣла моего вѣдомства секретарю; 16 декабря 1796 г. отправился въ путь, а 20 былъ въ Петербургѣ. Между Дерптомъ и Ригею встрѣтилъ намъ нѣсколько человекъ поляковъ, которыми государь возвратилъ свободу; между ними былъ и извѣстный баншачникъ Килинскій.

Было уже около 7 часовъ вечера, когда я прибылъ во дворецъ, чтобы явиться его величеству. Во дворцѣ нашелъ я полную во всемъ переѣзду¹⁾, но дошелъ безъ задержанiя, до внутреннихъ покоевъ, гдѣ находятся дежурные камергеры. Тамъ съ довольно удивленными лицами стали спрашивать меня, что мнѣ нужно.—«Государь повелѣлъ мнѣ прибыть въ Петербургъ; такъ вотъ я явился, чтобы представиться ему».—Послѣ нѣкоторой бѣготни придворныхъ, взадъ и впередъ, показался генераль-адъютантъ графъ Растищинъ, который осведомился о мнѣи имени, чинѣи причинахъ моего прибытiя. Отвѣтивъ довольно обстоятельно на оба первые вопроса, я прибавилъ: «что касается до

¹⁾ Когда я прiѣхалъ ко двору, то нашелъ всѣ переднiя залы въ траурномъ облаченiи; но за единственнымъ исключенiемъ князя Зубова, который не могъ скрыть своей основательной горести, всѣ прочiе придворные, казалось, совсѣмъ забыли о великой государынѣ, какъ будто она скончалась лѣтъ двадцать тому назадъ. А между ними было много такихъ, которыхъ императрица Екатерина осыпала своими щедротами. Эта позорная неблагодарность просто ужаснула меня.

причинъ прибытія, то онѣ мнѣ неизвѣстны, такъ какъ государь императоръ еще не объявлялъ мнѣ ихъ; но вотъ мой паспортъ; изъ него вы усмотрите точное повелѣніе монарха». — Растопчинъ пошелъ къ государю и черезъ нѣсколько минутъ возвратился: «е. в. поручилъ мнѣ передать вамъ, господинъ баронъ, что онъ очень радъ вашему прибытію; государь дастъ вамъ знать черезъ генераль-прокурора, въ которомъ часу желаетъ завтра видѣть васъ».

Я поспѣшилъ въ Смольный институтъ, къ моей тещѣ, у которой нашель всѣхъ дамъ, изъ нашихъ пріятельницъ. Мы уже отобѣдали, когда изъ дворца пріѣхала фрейлина Нелидова. Самымъ любезнымъ образомъ выразила она радость свидѣться со мною у «доброй мамоньки». (Такъ продолжали называть мою тещу всѣ бывшія воспитанницы института, какое бы положеніе въ обществѣ онѣ ни занимали). Подѣловавъ у своей «мамоньки» руку, она сказала ей: «нѣтъ величества поручаютъ мнѣ поздравить васъ съ удовольствіемъ видѣть у себя господина барона. Государь желаетъ привѣтствовать его завтра вечеромъ». Затѣмъ, обратясь ко мнѣ, г-жа Нелидова вѣжливой замѣтила: «Вы не дурно сдѣлаете, если завтра по утру зайдете къ генераль-прокурору; но ранѣе восьми часовъ!» — прибавила она, улыбаясь. — «Да, заявилъ кто-то изъ присутствовавшихъ, — все въ Петербургѣ измѣнилось; поднимаются очень рано, а въ 11 часовъ вечера всѣ по домамъ».

Передъ восемью часами я пріѣхалъ къ князю. Пріемная его была уже полна; я приказалъ доложить о себѣ и чрезъ нѣсколько минутъ былъ допущенъ въ кабинетъ.

Князь Алексѣй Куракинъ — очень красивый мужчина. Блестящіе глаза и густыя, черныя, красиво-очерченныя брови придавали бы его наружности строгое выраженіе, если бы оно не смягчалось его привѣтливыми манерами и вѣжливымъ тономъ рѣчи. Войдя въ кабинетъ, я передалъ ему удостовѣрительное письмо отъ Палена.

— Вамъ нѣтъ надобности въ этомъ письмѣ, господинъ баронъ! — сказалъ Куракинъ, — государь много говорилъ о васъ и приказалъ мнѣ пригласить васъ сегодня вечеромъ ко двору, для представленія ихъ величествамъ. Это даетъ вамъ право присутствія на малыхъ выходахъ (*les petites entrées*) и ужинать съ государемъ. Къ этому знаку своего благоволенія е. в. присоединяетъ еще и другой: онъ предоставляетъ вамъ свободный выборъ болѣе соответствующаго вамъ мѣста, нежели то, которое вы теперь занимаете».

— «Я слишкомъ тронутъ благостію государя, чтобы имѣть возможность выразить передъ вашимъ сіятельствомъ всю мою благодарность. Моя жизнь и мои способности принадлежатъ ему: онъ пусть и рѣшаетъ мою судьбу.»

— «Но государь приказываетъ вамъ, — возразилъ Куракинъ, — выбрать какое либо мѣсто; я не осмѣлюсь приносить ему неопредѣленный отвѣтъ; онъ этого не любитъ».

«Если ужъ мнѣ непременно надо высказаться — отвѣчалъ я, послѣ нѣко-

торой записки, то не скрою отъ васъ, князь, что предпочелъ бы дипломатическое поприще всякому другому. Если не ошибаюсь, то есть свободное мѣсто въ Неаполѣ».

— «Кажется, что на это мѣсто уже кто-то назначенъ, и я полагаю, что государь намѣренъ удержать васъ въ Петербургѣ, при своей особѣ».

«Какъ ни лестно для меня это намѣреніе, возразилъ я, однако, не знаю, какое бы мѣсто могъ принять при дворѣ; я недостаточно для этого здоровъ, да и недостаточно богатъ, чтобы появляться тамъ съ подобающею пышностію. Впрочемъ, я занимался общественнымъ и гражданскимъ правами, и только въ должности такого рода могъ бы отвѣчать ожиданіямъ нашего великаго монарха».

Тутъ я вдругъ вспомнилъ о назначеніи г. Ховена въ сенаторы; за эту должность я ухватился и представилъ ее генералъ-прокурору, какъ единственную, которая могла бы меня прельстить, если бы я долженъ былъ остаться въ Петербургѣ.

Не распространяясь объ этомъ вопросѣ, князь отвѣчалъ мнѣ: «Такъ не угодно ли вамъ будетъ сегодня вечеромъ, въ 7¹/₂ часовъ, пожаловать ко двору; я буду тамъ, для представленія васъ е. в—ву, если, впрочемъ, вы не предпочтете, чтобы я самъ сопровождалъ васъ туда».—Предложеніе это было мною принято; затѣмъ я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, стараясь сколько нибудь ориентироваться въ томъ новомъ мірѣ, гдѣ, въ теченіи пяти недѣль, все подверглось перемѣнѣ.

Вечеромъ нашелъ я во внутреннихъ покояхъ дворца очень мало народа, и появленіе мое, повидимому, произвело нѣкоторую сенсацию. Не могли постигнуть, какъ человѣкъ, пріѣхавшій изъ провинціи, могъ получить право присутствія на «petite entrée», не состоя въ числѣ особъ третьяго класса, или не имѣя придворной должности.

Князь Рѣпинъ, передъ присоединеніемъ Курляндіи къ Россіи, обращался со мною очень надменно; теперь же, побесѣдовавъ сначала съ генералъ-прокуроромъ, онъ подошелъ ко мнѣ и наговорилъ мнѣ разныхъ любезностей. Я отвѣчалъ ему учтиво, но довольно холодно. Онъ становился все вѣжливѣе и вѣжливѣе и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ банальныхъ фразъ, спросилъ меня задумчивымъ тономъ:

— «Можно ли узнать, господинъ баронъ, зачѣмъ государь приказалъ вамъ пріѣхать?»

«Этого я не знаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ я, но, можетъ быть, узнаю черезъ полъ-часа».

Графъ Николай Румянцовъ, которымъ я всегда былъ отличаемъ, привѣтствовалъ меня весьма дружелюбно; тутъ же подошелъ и добрый другъ мой, графъ Вильгорскій, у котораго я уже былъ, но не засталъ дома; состоя въ должности гофмейстера, онъ обязанъ былъ представлять государю списокъ тѣхъ

лицъ, которыя пожелали бы остаться ужинать. Свиданіе наше было самое сердечное, и немедленно затѣмъ вышелъ изъ кабинета князь Куракинъ.

— «Пойдите къ ихъ величествамъ», сказалъ онъ. «Вы должны преклонить колѣно, поцѣловать руку у государя, а потомъ у государыни».

Въ глубокомъ молчаніи и съ болѣе чѣмъ почтительными минами вступили мы всѣ въ залу, гдѣ собралась царская фамилія. Ближе всѣмъ къ дверямъ, черезъ которыя мы вошли, стоялъ императоръ. Каждый изъ входившихъ дѣлалъ ему низкій поклонъ, а затѣмъ отходилъ влѣво, чтобы дать мѣсто слѣдующимъ. Когда князь Куракинъ вошелъ со мною, то низко преклонился и назвалъ меня. Я опустился на колѣно, чтобы поцѣловать руку у государя, но онъ поспѣшно меня поднялъ, обнялъ и когда я хотѣлъ благодарить, то возразилъ мнѣ:

— «За что вамъ меня благодарить? я еще ничего для васъ не сдѣлалъ, но, прибавилъ онъ, схвативъ меня за руку, теперь я васъ держу крѣпко, и вы больше отъ меня не ускользнете!»

Слова эти, сказанныя весьма громко, обнаружили передъ всѣмъ дворомъ ощущенія государя. Я направился къ императрицѣ, и когда поцѣловалъ у нея руку, она сказала мнѣ весьма пріятливо:

— «Не нашли ли вы, что наша добрая маменька Де-Лафонъ помолодѣла?»

«Вашему и. в—ву, отвѣчалъ я, предоставлено было сдѣлать это чудо: сначала воскресить, а затѣмъ помолодить».

— «Правда, продолжала государыня, она была очень плоха».

«Хуже, чѣмъ во всѣхъ представляемыхъ о ней отчетахъ», возразилъ я въ полъ-голоса. Государыня улыбнулась и стала довольно откровенно говорить объ институтѣ. Въ это время императоръ разговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ. Императрица сѣла за партію бостона съ княземъ Рѣшнинымъ, вице-канцлеромъ Куракинымъ и графомъ Николаемъ Румянцовымъ. Она сидѣла на софѣ, государь справа отъ нея, а великій князь Александръ рядомъ съ отцомъ, на креслѣ; далѣе великій князь Константинъ и прочіе, по чинамъ. Замужнія великія княгини сидѣли по другую сторону императрицы, а юныя великія княжны, съ г-жею Ливенъ, за особымъ круглымъ столомъ занимались рукодѣльемъ.

Разговоръ велъ одинъ государь; ему или просто отвѣчали, или разъясняли подробности того, о чемъ онъ спрашивалъ; но бесѣда шла лишь о вещахъ маловажныхъ. Изъ иностранцевъ приглашены были въ этотъ вечеръ только графы Дитрихштейнъ и Брюль, присланные съ поздравленіями отъ вѣнскаго и берлинскаго дворовъ; кромѣ того, генералъ Клинтспортенъ, изъ Швеціи, и графъ Штальбергъ, присланный отъ какого-то нѣмецкаго двора. Ни одинъ изъ иностранныхъ посланниковъ не имѣлъ доступа въ этотъ тѣсный кружокъ.

Кто уѣлся на своемъ мѣстѣ, тотъ уже не смѣлъ съ него сдвинуться, и это принужденное положеніе прекращалось лишь тогда, когда приглашали къ ужину. На столѣ было около двадцати приборовъ: 8—9 членовъ императорской

фамиліи, дежурные придворные чины ¹⁾, 2—3 постороннихъ челоуѣка и 5—6 лицъ, пользовавшихся правомъ присутствія на «petite entrée». По окончаніи ужина всѣ вышли въ другую комнату, гдѣ государь поговорилъ еще съ нѣкоторыми лицами. Затѣмъ, съ ласковымъ выраженіемъ лица, которое дѣлало всю его наружность столь отличною отъ той, какую онъ имѣлъ при дурномъ настроеніи духа, государь приблизился ко мнѣ и сталъ разговаривать со мною весьма привѣтливо. Я удалился въ совершенномъ отъ него восторгѣ, и, при уходѣ моемъ, всякій старался сказать мнѣ какую нибудь любезность. О, вы! которые близко знали Павла въ первые два года его царствованія, скажите: развѣ не имѣлъ онъ чувствительнаго сердца, не обладалъ доброжелательнымъ характеромъ, просвѣщеннымъ умомъ? И если ему случилось дѣлать несправедливость—не происходило ли это отъ презытка его любви къ справедливости, и развѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ убѣждался въ своей ошибкѣ, не имѣлъ онъ мужества сознаться въ ней и стараться ее исправить? Но низкіе льстецы, но люди, желавшіе удержаться на своемъ мѣстѣ, въ ущербъ правдѣ, испортили эти хорошія свойства и мало по малу задушили драгоценныя зародыши его добродѣтелей, способствуя развитію противоположныхъ качествъ!..

Въ воскресенье, 26 декабря 1796 г., когда я собирался идти къ генераль-прокурору, то получилъ отъ него слѣдующую записку: «Князь Куракинъ имѣетъ честь увѣдомить господина барона, что государь императоръ только что подписалъ указъ, которымъ вы назначаетесь сенаторомъ, съ производствомъ въ тайные совѣтники. Князь Куракинъ совѣтуетъ вамъ сегодня же утромъ отправиться во дворецъ для принесенія благодарности е. в—ву, что вы исполните согласно указаніямъ дежурнаго камергера».

Можно себѣ представить, какое удовольствіе доставило это мнѣ и жонѣ моей, которая считала себя теперь навсегда соединенною съ своею матерью, которую обожала. Мы поспѣшили къ ней, чтобы сообщить добрую вѣсть. Весь институтъ съ искреннимъ участіемъ отнесся къ этой царской милости, которая тѣмъ болѣе была замѣчательна, что вослѣдовала такъ скоро и что я, съ повышеніемъ званія, перескочилъ черезъ четвертый классъ табели о рангахъ.

Передъ тѣмъ, чтобы ѣхать во дворецъ, я отправился къ князю, чтобы поблагодарить его, и признаюсь, что совершенно помимо поста, мнѣ записанаго—исполнился искреннею къ нему симпатіею.

Государю я приносилъ благодарность передъ всѣмъ дворомъ. Когда мы уходили, то генераль-прокуроръ предупредилъ меня, чтобы я пріѣхалъ во дворецъ

¹⁾ Т. е. оберъ-гофмейстерина, статсъ-дама, двѣ фрейлины, оберъ-гофмаршалъ, гофмаршалъ и дежурный генераль-адъютантъ.

къ ужину, такъ какъ можетъ случиться, что императоръ пожелаетъ о чемъ нибудь поговорить со мною.

Я послѣдовалъ его совѣту. При нашемъ появленіи государь приблизился ко мнѣ и, оставивъ остальное общество, далъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ.

— «Скажите мнѣ откровенно, какъ идутъ дѣла въ Курляндіи?»

«Смѣю увѣрить в. в., отвѣчалъ я, что можетъ быть немного есть въ Россіи губерній, гдѣ господствуетъ большій порядокъ и гдѣ дѣла рѣшаются съ большою быстротою».

— «А, Паленъ? Гм!—довольны имъ?» (При этомъ государь быстро взглянулъ на меня).

«Да, государь, имъ повсюду довольны».

— «Говорите мнѣ по чистой совѣсти: я ожидаю отъ васъ правды».

«Я никогда не скрылъ бы ее отъ моего монарха, даже если бы глубочайшая благодарность не возлагала на меня этой обязанности... Осмѣливаюсь повторить в. в.—у, что большинство обывателей имъ довольны». Чрезвычайно похвальное лицо государя явственно обнаружало, что отвѣтъ мой не очень-то его удовлетворилъ. Онъ прервалъ меня вопросомъ:

— «У васъ тамъ полякъ есть, Гурко. Это что за человѣкъ?»

«Вице-губернаторъ Гурко, отвѣчалъ я, имѣетъ усердіе къ службѣ и не лишень способностей».

«Такъ онъ пригодится для добряка Ламсдорфа (губернатора), прервалъ государь;—я его знаю, это почтенный человѣкъ».

Черезъ день послѣ этого, когда я сидѣлъ за обѣдомъ у моей тещи, мнѣ принесли слѣдующую записку отъ генераль-прокурора: «г. баронъ! с. в. соизволилъ повелѣть, учредить при сенатѣ особую комиссію, и издалъ указъ, въ силу коего ваше пр—во назначается членомъ оной. Сегодня, въ 5 часовъ по полудню, назначено засѣданіе этой комиссіи, въ 1-мъ департаментѣ сената. Я буду имѣть честь представить собранію ея то дѣло, о которомъ сегодня будетъ рѣчь», и т. д.

Этотъ новый знакъ царскаго довѣрія живо тронулъ меня. Въ 5 часовъ я прибылъ въ сенатъ, гдѣ нашелъ только старика Соймонова (дядю сенатора 3-го департамента) и Завадовскаго, которые весьма удивились, что я назначенъ къ засѣданію въ комиссію по дѣлу чрезвычайной важности, прежде объявленія о назначеніи меня сенаторомъ и приведенія, по этому званію, къ присягѣ.

Явились всѣ члены; часовые были разставлены на извѣстномъ разстояніи, чтобы никто изъ низшихъ чиновниковъ, или кто бы то ни было, не могъ слышать докладъ о дѣлахъ, ввѣренныхъ этой тайной комиссіи; генераль-прокуроръ самъ прочелъ указъ о назначеніи насъ членами, при чемъ прибавлялъ: «Такъ какъ с. п.—во г. баронъ ** уже приносилъ присягу на чинъ статскаго совѣтника и званіе предсѣдателя суда, то с. в. находитъ, что онъ имѣетъ

право здѣсь засѣдать до возобновленія присяги, которая касается лишь его чина тайнаго совѣтника, но не званія судьи».

Дѣло шло о доносѣ майора И. на вице-адмирала Мордвинова.

Составъ комисіи былъ слѣдующій: сенаторъ графъ Иванъ Яковлевичъ Сиверсъ (бывшій посолъ въ Польшѣ), извѣстный своею честностью; графъ Завадовскій, старикъ Соймоновъ, управляющій главнымъ казначействомъ Васильевъ, Тарбеевъ, я, генераль-прокуроръ и генераль-губернаторъ Архаровъ.

Этотъ Архаровъ, котораго покойная императрица, незадолго до своей кончины, вызвала изъ Москвы, гдѣ онъ отличался въ званіи оберъ-полиціймейстера, считался единственнымъ въ своемъ родѣ человѣкомъ по дѣламъ высшаго полицейскаго надзора въ большомъ, столичномъ городѣ. Дѣятельный, вкрадчивый, скрытный подъ маскою открытой фizioноміи, лицемѣръ со всеми приемами искренности,—онъ пользовался благоволеніемъ придворной челяди, которой прислуживался, и чувствовалъ за собою поддержку той массы дураковъ и олуховъ, которые, во всѣхъ классахъ общества, составляютъ большинство и которые восхваляютъ все, что озаряется сіяніемъ счастья. Таковъ былъ петербургскій генераль-губернаторъ, который, по занимаемому имъ мѣсту, находился въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ государемъ; ловко пользуясь доставляемыми ему полиціею средствами, онъ умѣлъ, когда нужно, внушать императору Павлу безпокойство, затѣмъ, опять, по своему усмотрѣнію, успокоивать его, и этимъ придавать себѣ значеніе весьма необходимой личности.

Засѣданіе продолжилось до 11 часовъ ночи. На другой день я былъ введенъ въ сенатъ, далъ присягу и занялъ мѣсто подлѣ г. Ховена, назначеніе котораго въ сенаторы сначала было для меня загадкою, такъ какъ я зналъ, что государь, будучи еще великимъ княземъ, былъ о немъ очень дурнаго мнѣнія. Наконецъ, я получилъ ключъ этой разгадки. Между бумагами императрицы найденъ былъ списокъ лицъ, которые къ новому году должны были получить повышеніе. Государь счелъ своею обязанностію исполнить волю матери, и такимъ-то образомъ Ховенъ попалъ въ сенатъ. Однако, государь никогда не говорилъ съ нимъ и не оказывалъ ему никакого личнаго вниманія.

Старшимъ въ 3-мъ департаментѣ былъ графъ Строгановъ, извѣстный даже за границею своею симпатичностію; то былъ человѣкъ вполне разумный и благородный, страстный поклонникъ искусствъ, владѣлецъ большого имѣнія, съ сердцемъ чуткимъ и сострадательнымъ; но при всѣхъ этихъ качествахъ онъ страдалъ отсутствіемъ характера и энергіи. Сужденія его были шатки; забавы, развлечения и обязанности придворнаго человѣка не оставляли ему нужнаго времени для того, чтобы основательно обдумать дѣло, или во что нибудь углубиться.

Вслѣдствіе этого недостатка, который можетъ быть и самъ онъ ощущалъ, главнымъ вліяніемъ въ 3-мъ департаментѣ сталъ пользоваться молодой

Соймоновъ, сдѣлавшійся чѣмъ-то въ родѣ диктатора въ этомъ судилищѣ, потому что старикъ Стрѣкаловъ, безпечный Пастуховъ и добрыйшій графъ Миннихъ были безусловными нулями и никогда не имѣли собственного мнѣнія. Г. Ребиндеръ—очень хороший шталмейстеръ—засѣдалъ въ сенатѣ, самъ не зная почему; но, хотя ему не доставало познаній, онъ все таки обладалъ весьма здравымъ природнымъ разсудкомъ, характеромъ и такою манерою держать себя, которая можетъ внушать уваженіе. Графъ Потоцкій, имѣвшій всѣ чувства чловѣка порядочнаго, страдалъ отсутствіемъ связности въ мысляхъ. Но кто былъ просто изумительнъ, это—г. Голохвастовъ, вышедшій изъ оберъ-прокуроровъ въ сенаторы и окончательно распростившійся съ логикою. Когда онъ, по выслушаніи какого либо дѣла, хотѣлъ дать о немъ отчетъ, то начиналъ путаться, оставлялъ исходный пунктъ, прицѣплялся къ какой нибудь ошибкѣ въ формальностяхъ, и зачастую даже не доходилъ до вопроса, который надо было поставить, чтобы формулировать рѣшеніе дѣла. О г. Ховенѣ я не стану говорить: его умъ и познанія слишкомъ хорошо извѣстны въ исторіи Курляндіи.

За то нашъ первый прокуроръ, Козодавлевъ, былъ какъ разъ на своемъ мѣстѣ. Онъ учился въ Лейпцигѣ, былъ знакомъ съ нѣмецкимъ и французскимъ языками, довольно сносно зналъ по латынѣ, а роднымъ своимъ языкомъ владѣлъ въ совершенствѣ. При этомъ онъ былъ вѣжливъ, выслушивалъ безъ предубѣжденія всякое мнѣніе, и старался приводить всѣхъ къ соглашенію, не задѣвая ничего самолюбія; словомъ, онъ былъ тонкій придворный чловѣкъ.

Здѣсь долженъ я упомянуть объ одномъ фактѣ, доказывающемъ желаніе государя ускорить, во благо своихъ подданныхъ, медленный ходъ юстиціи. Съ изумленіемъ и гнѣвомъ узнавъ, что въ сенатѣ находится болѣе 10,000 нерѣшенныхъ дѣлъ, онъ учредилъ временной сенатъ для окончанія старыхъ процессовъ, и этихъ облегчилъ производство новыхъ дѣлъ. На это онъ пожертвовалъ болѣе 100,000 рублей. Хотя распоряженіе это было весьма важно для счастья его подданныхъ, однако, никто не сдѣлалъ извѣстнымъ этого проявленія благости и справедливости ¹⁾.

Гофмаршалъ графъ Віельгорскій далъ мнѣ совѣтъ два раза въ недѣлю ужинать во дворцѣ. Поэтому былъ я тамъ и въ среду, по окончаніи засѣданія тайной комиссіи, длившася только полтора часа.... Когда государь увидѣлъ меня, то, отвѣдя въ сторону, спросилъ:

— «Что вы думаете о доносѣ маіора И.Р.»

¹⁾ И. Сиверсъ упоминаетъ объ этомъ лишь въ слѣдующей замѣткѣ (Blum, Ein Russischer Staatsmann, Leipzig und Heidelberg, 1858, S. 148): „Виземскій (въ царствованіе Екатерины II) представлялъ дѣла къ докладу въ засѣданіяхъ, не соображаясь съ текущими нумерами. Вслѣдствіе сего осталось 11,000 нумеровъ, которые, при воцареніи Павла, были перевезены за Неву“. (Примѣчаніе издателя 1886 г.).

«В. в.,—отвѣчалъ я, мы до сихъ поръ слушали только обвинителя. Но такъ, на первый взглядъ,—я считаю доносъ ложнымъ».

— «Почему же это?»

«Потому, что въ немъ встрѣчаются противурѣчія, преувеличенные рассказы... и если дозволяли бы мнѣ высказать напередъ мое мнѣніе, то я, кажется, осмѣлился бы увѣрять, что г. вице-адмиралъ не виновенъ».

— «Вы, безъ сомнѣнія, съ нимъ знакомы?»

«Виноватъ, государь, я никогда не видалъ его».

— «Однако»,—тутъ императоръ сталъ говорить о нѣкоторыхъ подробностяхъ доноса.

Я взялъ смѣлость опровергать его простыми предположеніями и, въ заключеніе, замѣтилъ: «Можетъ быть и обвиняемый въ состояніи будетъ представить тѣ или другія руководившія имъ побужденія. Надо его самого выслушать».

Меня поразило стремленіе къ справедливости и человѣчности, съ какими государь относился къ этому уголовному дѣлу.

— «Видите ли,—сказалъ онъ, между прочимъ, — сколь ни высокаго я мнѣнія о генералѣ - прокурорѣ, однако не желаю предоставлять ему одному рѣшать такіа дѣла, гдѣ рѣчь идетъ о жизни или чести котораго либо изъ моихъ подданныхъ. Я строго отнесся къ выбору лицъ, составляющихъ комиссію, и—прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ,—я покоенъ, потому что вы находитесь въ ихъ числѣ».

Никогда не рѣшился бы я повторить эту, дѣйствительно, преувеличенную фразу, если бы графъ Шуазель-Гуфье, графъ Николай Румянцовъ и князь Александръ Куракинъ не находились достаточно близко отъ ясаъ, чтобы ее услышать. Первый отпустилъ мнѣ, при этомъ случаѣ, прелестный комплиментъ; а когда впоследствии оба мы, сами не зная за что, попали въ изгнаніе, то не разъ припоминали эту фразу.

Послѣ ужина государь обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— «Довольны были бы ваши земляки, если бы возстановить ихъ прежніе судебные порядки?»

«В. в., отвѣчалъ я, — они были бы въ восторгѣ отъ такой милости, потому что сердце у нихъ лежитъ къ старымъ формамъ судопроизводства, не смотря на то, что они признаютъ въ нихъ возможность нѣкоторыхъ злоупотребленій».

— «Чтобы успокоить сердца курляндцевъ, сказалъ государь,—вы можете сообщить имъ, что я имъ отдамъ назадъ ихъ прежнія судебныя учрежденія; потому что (при этомъ онъ улыбнулся) отдать назадъ саму Курляндію—уже невозможно. Я ни у кого ничего не стану брать, но съумѣю сохранить то, что имѣю».

Легко угадать мой отвѣтъ: мнѣ посчастливилось дать ему такой оборотъ, что я могъ прочесть на лицѣ государя лестное одобреніе.

Странно, что этотъ властитель, передъ которымъ все трепетало, никогда не внушалъ мнѣ ни страха, ни смущенія. Приемъ ян, оказанный мнѣ съ самаго начала, снялъ съ меня всякую принужденность, искренность ли моего къ нему расположенія вселила въ меня эту глубокую довѣрчивость, — только могу увѣрить, что всѣ мои отвѣты шли прямо отъ сердца и, пожалуй, благодаря этому, удостоивались высочайшаго одобренія.

Когда государь объявилъ мнѣ о возстановленіи нашихъ прежнихъ судебныхъ порядковъ, то я прежде всего призналъ необходимость уничтоженія монополіи, которою пользовались—противно законамъ здраваго смысла и во вредъ публикѣ—восемь курляндскихъ адвокатовъ. На другой же день написалъ я генераль-прокурору откровенное и должнымъ образомъ мотивированное письмо, которое онъ предъявилъ е. и. в.—ву. Во время сенатскаго засѣданія, 10 января, я былъ весьма удивленъ, когда стали читать указъ, въ силу котораго отиѣнялось положенное число восьми адвокатовъ и уже разрѣшалось такъ называемымъ унтеръ-адвокатамъ тоже вести дѣла во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ.... Мнѣ, совмѣстно съ генераль-прокуроромъ, е. в. изволилъ повелѣть заняться преобразованиемъ прежнихъ формъ управленія въ Курляндіи. Къ этому же дѣлу, по моей просьбѣ, былъ приглашенъ и г. Ховенъ; въ письмоводители взяли г. Тихошрова, котораго я только что погѣстилъ въ канцелярію князя Куракина.

Когда, черезъ два дня послѣ этого, я былъ при дворѣ, то государь, послѣ ужина, отозвалъ меня въ сторону и, устремивъ на меня ему одному—въ извѣстные моменты—свойственный взглядъ, спросилъ:

— «Вы, безъ сомнѣнія, хорошо знакомы съ графомъ Потоцкимъ (Игнатіемъ)?»

«Да, государь, я знаю его уже болѣе десяти лѣтъ. Это человѣкъ умный, обладающій познаніями и чрезвычайно любезный въ обществѣ». (Я особенно интонировалъ послѣднее качество, зная, какъ государь цѣнитъ свѣтскую любезность).

— «Но говорятъ, что онъ человѣкъ опасный», замѣтилъ Павелъ.

«В. в., при просвѣщенномъ, сильномъ, благотѣльномъ и справедливымъ правительствѣ никто не опасенъ». На это государь отвѣчалъ мнѣ удовлетвореннымъ тономъ:

— «Я надѣюсь, что господа поляки мною довольны... Но, à propos! Вице-адмиралъ Мордвиновъ прибылъ. Посмотришь, какъ-то онъ будетъ защищаться».

«Очень просто, государь, и очень хорошо».

— «Я жаламъ бы этого, но (тутъ лицо Павла приняло строгое выраженіе) надѣюсь, что дѣло будетъ исследовано въ точности, до малѣйшихъ подробностей». — Глубокій поклонъ былъ моимъ отвѣтомъ.

Непосредственно по вступленіи своемъ на престолъ, Павелъ приступилъ къ преобразованію учрежденныхъ Екатериною II (1775) генераль-губерна-

торствъ. Переѣзны эти могли бы повлечь за собою общую путаницу, если бы она не предотвращена была необычайною быстротою, съ которою, денно-нощно, работала генераль-прокуроръ.

Баронъ Паленъ лишился своего генераль-губернаторства въ Курляндіи и принужденъ былъ удовольствоваться мѣстомъ командира кирасирскаго полка, стоявшаго въ Ригѣ. Губернатору (курляндскому) Ламсдорфу пришлось теперь возытаться со всѣми недоразумѣніями, обыкновенно возникавшими при подобныхъ переѣздахъ, и, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, испрашивать особыхъ приказаній. Всякій разъ государь давалъ повелѣнія генераль-прокурору приглашать меня къ совѣщанію о тѣхъ мѣрахъ, какія слѣдовало принять.

Въ то время продолжались и засѣданія тайной комиссіи по дѣлу вице-адмирала Мордвинова. Маіоръ И. всячески старался запутать дѣло и, чтобы выиграть время, вызывалъ все новыхъ свидѣтелей.... Дѣло, однако, кончилось благополучно, благодаря, преимущественно, стараніямъ автора записокъ; маіоръ И. доведенъ былъ до признанія въ ложности своего доноса, къ которому побудило его чувство мщенія, такъ какъ Мордвиновъ отказалъ ему въ мѣстѣ. Государь былъ весьма доволенъ этою развязкою, принялъ вице-адмирала въ частной аудіенціи, возвратилъ его на прежнее мѣсто въ Одессѣ и пожаловалъ ему осыпанную алмазами табакерку съ своимъ портретомъ.

При восстановленіи прежнихъ судебныхъ порядковъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, часть аппеляціонныхъ дѣлъ, направляемыхъ въ сенатъ, была возвращена въ юстицъ-коллегію, которая была учреждена Петромъ I, для веденія судебныхъ дѣлъ ново-пріобрѣтенныхъ провинцій, согласно законамъ и статутамъ послѣднихъ. Но потомъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ при Екатеринѣ II нововведеній, за коллегію этою сохранено лишь веденіе консисторіальныхъ дѣлъ, возникшихъ у лютеранъ, кальвинистовъ и католиковъ. Мало по малу она пришла въ такое запущеніе, что въ теченіи 15 лѣтъ оставалась безъ предсѣдателя, такъ какъ г. Симолянъ, занимающій мѣсто посланника въ Лондонѣ, а потомъ въ Парижѣ, никогда и не заглядывалъ въ коллегію ¹⁾; вице-президенты же ея были избраны изъ совершенно невѣстныхъ при дворѣ лицъ. Недовольный подобными порядкомъ дѣлъ, императоръ Павелъ вознамѣрился поставить это учрежденіе на одну ногу съ прочими государственными коллегіями, въ которыхъ тогда вездѣ предсѣдательствовали сенаторы ²⁾. Вслѣдствіе сего, князь Куракинъ

¹⁾ Его хотѣли выжить изъ департамента иностранныхъ дѣлъ, и такимъ образомъ онъ былъ назначенъ въ предсѣдателя этой коллегіи; однако, онъ написалъ императрицѣ, что, никогда не занимавшійся юриспруденціей, не можетъ занимать этого мѣста. Вслѣдствіе сего, онъ сохранилъ титулъ предсѣдателя, не исполняя обязанностей его.

²⁾ Въ иностранной коллегіи предсѣдателемъ былъ, въ то время, государственный канцлеръ сенаторъ графъ Остерманъ; въ военной коллегіи — фельдмаршалъ и сенаторъ графъ Николай Солтыковъ; въ адмиралтействъ-коллегіи — графъ Чернышевъ; въ коммерцъ-коллегіи — сенаторъ Соѣмоновъ.

обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не согласился ли бы я принять на себя обязанности предѣдателя помянутой коллегіи, по дѣламъ Лифляндіи и Эстляндіи...

— «Государь желаетъ,—прибавилъ онъ,—чтобы этому высшему судебному учрежденію возвращено было прежнее значеніе его, и взглянулъ бы на добровольное усиленіе вашихъ трудовъ, какъ на новое доказательство вашего усердія».

«Желаніе моего монарха для меня равносильно приказанію,—отвѣчалъ я,—и если мнѣ можно разсчитывать на поддержку вашего сіятельства, при необходимыхъ преобразованіяхъ, то охотно принимаю эту должность»...

Черезъ день послѣ этого въ сенатѣ былъ прочитанъ указъ о моемъ новомъ назначеніи....

Въ тотъ же вечеръ я явился во дворецъ, для принесенія благодарности императору. Когда я преклонилъ колѣно, е. в. изволилъ громко сказать слѣдующія слова:

— «Мнѣ слѣдуетъ благодарить васъ за то, что вы обременяете себя новою работою». — Затѣмъ, нѣсколько понизивъ голосъ: «Я предоставляю вамъ самыя широкія полномочія относительно вашихъ господъ пасторовъ. Глядите во всѣ глаза и сообщайте мнѣ; я знаю, что многіе изъ нихъ пропитаны духомъ новшества и обнаруживаютъ воззрѣнія, сходныя съ теперешними французскими ученіями. Законно-существующимъ въ моемъ государствѣ вѣроисповѣданіямъ я всегда буду покровительствовать,—и слѣдовательно, и служителямъ ихъ; но пусть они не уклоняются отъ подобающаго повиновенія законамъ, иначе я накажу ихъ примѣрно, потому что они будутъ вдвойнѣ виноваты».—Волѣе четверти часа государь говорилъ объ этомъ предметѣ весьма умно, горячо и справедливо. Въ заключеніе онъ сказалъ: «Во всѣхъ случаяхъ, требующихъ моего непосредственнаго рѣшенія, обращайтесь прямо ко мнѣ»...

Едва началъ я водворять нѣкоторый порядокъ въ юстицъ-коллегіи, какъ снова былъ призванъ къ императору.

— «Со всѣхъ сторонъ,—сказалъ онъ, я получаю жалобы на епископовъ и на начальниковъ монашескихъ орденовъ. Это понуждаетъ меня придать вашей коллегіи еще одинъ департаментъ, собственно для католиковъ. Между польскимъ и литовскимъ духовенствомъ есть безпокойныя головы, которыя еще придерживаются прежняго духа инсубординаціи и анархіи. За этиихъ господами надо зорко присматривать».

Но, в. в.,—возразилъ я,—католики наврядъ ли пожелаютъ видѣть во главѣ этого департамента мірянина и не-католика».

— «Тѣмъ хуже для нихъ. Я самъ ниѣю честь быть міряниномъ, и снабжаю васъ моимъ полномочіемъ; мнѣ кажется, что я этому дѣлу господинъ. Впрочемъ, въ составъ этого департамента вы можете взять и католиковъ, но должны мнѣ служить за нихъ порукою».

«В. в. позвольте мнѣ представить этихъ лицъ; иначе я не могъ бы ручаться».

— «Само собою разумѣется. Обдѣляйте это дѣло съ генераль-прокуроромъ»

26 января 1797 г. государь подписалъ указъ; 27 онъ былъ прочитанъ въ сенатѣ, и я оказался обремененнымъ ужасною дѣловою тяжестью и страшною отвѣтственностью, безъ увеличенія жалованья и даже безъ назначенія мнѣ столовыхъ денегъ, присвоенныхъ всѣмъ прочимъ начальникамъ департаментовъ. Конечно, я могъ бы получить ихъ, еслибы сталъ просить; но развѣ нельзя было избавить меня отъ этой необходимости?

Указъ объ учрежденіи католическаго департамента разосланъ былъ по всѣмъ губерніямъ; въ то же время я увѣдомилъ объ этомъ, циркулярно (съ приложеніемъ копіи имяннаго высочайшаго указа), архіепископовъ могилевскаго и уніятскаго и всѣхъ прочіхъ епископовъ русскихъ провинцій.

Всѣ епископы отнесли къ этому повелѣнію съ подобающимъ монарху почтеніемъ, кромѣ монсвиора Сестренцевича, архіепископа могилевскаго. Онъ прислалъ мнѣ длинное частное письмо, и—надѣясь ли этимъ склонять меня въ его пользу, или же въ доказательство того, что письмо это неофициальное—оно было написано по нѣмецки.

Я поставленъ былъ въ весьма затруднительное положеніе, такъ какъ видѣлъ, что намѣреніе архіепископа состояло въ томъ, чтобы себя лично освободить отъ соображеній съ помянутымъ указомъ. Павелъ слишкомъ ревниво относился къ своему авторитету, чтобы равнодушно взглянуть на подобную выходку духовнаго главы русскихъ католиковъ. Если бы я представилъ о ней официальный докладъ, то могъ опасаться подвергнуть архіепископа монаршему гнѣву и даже повредить всему духовенству. Съ другой стороны, слишкомъ большою смѣлостію было бы допустить то исключительное положеніе, на которое заявлялъ притязанія Сестренцевичъ. По зрѣломъ обсужденіи вопроса, генераль-прокуроръ ознакомилъ съ этимъ дѣломъ государя императора, и в. в. повелѣлъ мнѣ послать архіепископу форменный выговоръ, внушивъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, что если онъ не станетъ оказывать немедленнаго повиновенія царскому указу и приказаніямъ, исходящимъ изъ юстицъ-коллегіи, то будетъ наказанъ по всей строгости закона.

Только тѣ, которымъ была извѣстна гордость этого прелата, могутъ представить себѣ въ какую ярость онъ пришелъ. Онъ немедленно сталъ, подъ рукою, добиваться разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ. Разрѣшеніе это дано ему было не скоро; но когда онъ пріѣхалъ, то въ началѣ старался скрывать свою ненависть ко мнѣ подъ самымъ смиреннымъ и лицеярнымъ обличіемъ. Ненависть стала обнаруживаться лишь мало по малу, и послѣ того, какъ онъ тысячу разъ завѣралъ меня въ своей живѣйшей ко мнѣ привязанности....

Въ это же время (въ февралѣ 1797) князь Зубовъ, получившій разрѣшеніе отправиться за границу, пробѣжалъ черезъ Ригу. Генераль Паленъ, а также лифляндскій губернаторъ Кампенгаузенъ посѣтили его. Полицейскій шпіонъ, который, по приказанію петербургскаго генераль-губернатора Архарова,

слѣдовалъ за Зубовымъ, донесъ, что князь былъ принятъ въ Ригѣ необычайнымъ образомъ; между прочими выдумками, онъ сообщалъ, будто Паленъ провожалъ Зубова до Митавы, т. е. внѣ границъ губерніи, — чего полковые командиры никогда не сѣютъ дѣлать. Государь, котораго старались возстановить противъ Зубова, страшно разгнѣвался, когда ему рассказали о почестяхъ, оказанныхъ обыкновенному его подданному, и, не давъ себѣ труда изслѣдовать доносъ, исключилъ Палена изъ рядовъ арміи. Паленъ, въ оправданіе себя, написалъ письмо, но государь, какъ говорили, бросилъ его, не читая. Каппенхаузенъ потерялъ свое мѣсто, благодаря тому же ложному доносу. Однако, очевидная невинность этихъ господъ побудила князя Рѣпина и генерала Бенкендорфа къ такому горячему за нихъ заступничеству, что государь простилъ ихъ.

Передъ отбытіемъ своимъ въ Москву, Павелъ снова внушалъ мнѣ — имѣть строжайшій надзоръ за протестантскимъ духовенствомъ вообще, а генераль-прокуроръ обѣщалъ давать наискорѣйшее рѣшеніе въ вѣренныхъ мому руководству дѣламъ.

Едва прошла одна недѣля, какъ прокуроръ юстицъ-коллегіи Брискорнъ указалъ мнѣ на шведскаго пастора Сигнеуса, какъ на подозрѣннаго въ томъ, что ѣздилъ въ Швецію и что при этомъ избѣжалъ проѣзда черезъ нашъ пограничный постъ. Свидѣтелемъ этого показанія онъ называлъ пастора Ск.... Дѣло, впрочемъ, окончилось благополучно; Сигнеусъ, посланный съ полицейскимъ офицеромъ въ Москву, былъ оправданъ; государь приказалъ отпустить его, а мнѣ рескриптомъ — 2 апрѣля 1797 года — выразилъ особе свое благоволеніе, за надлежащее отношеніе къ этому дѣлу.

5 апрѣля 1797 г. состоялась коронація. Царскія милости при этомъ были безграничны и безпримѣрны: графъ Везбородко возведенъ въ княжеское достоинство, и ему пожаловано 30,000 душъ крестьянъ; оба брата Куракины получили таковыя 12,000 и, кромѣ того, сдѣланы обладателями богатѣйшихъ во всемъ государствѣ рыбныхъ промысловъ. Имѣніями и орденами, вообще, не скупились. Пользуясь этимъ, г. Кутайсовъ, хотя уже получившій чинъ статскаго совѣтника, вздумалъ попросить у государя еще орденъ св. Анны 2-го класса. Сильно разгнѣвавшись, Павелъ выгналъ его и, войдя къ императрицѣ, у которой засталъ фрейлину Нелидову, объявилъ ей, что Кутайсовъ уволенъ, за его безстыдство. Старанія государыни успокоить своего супруга, въ которомъ кровь еще кипѣла, были напрасны; только послѣ обѣда удалось г-жѣ Нелидовой испросить прощеніе Кутайсову. Тотъ, во изъявленіе благодарности, бросился къ ея ногамъ; но послѣдствія показали какова была его признательность къ обвинъ его благодѣтельницамъ!

Черезъ нѣсколько дней, послѣ этого, на одномъ изъ баловъ, Павелъ обратилъ вниманіе на дѣвицу Лопухину. Въ тотъ же вечеръ онъ говорилъ о ней съ Кутайсовымъ, и этотъ совершенно поверхностный разговоръ послужилъ основой

для весьма дальновиднаго плана, развитію котораго шло, однако, довольно медленно.

II.

Такъ какъ императоръ пожелалъ, возвращаясь изъ Москвы, осмотрѣть другую часть государства, то путь его направился чрезъ Литву, Курляндію и Лифляндію. Генералъ-губернаторъ Архаровъ пріѣхалъ прямо въ Петербургъ и, думая приготовить государю пріятный сюрпризъ, приказалъ всѣмъ безъ исключенія обывателямъ столицы окрасить ворота своихъ домовъ и даже садовыхъ заборовъ полосами черной, оранжевой и бѣлой красокъ, на манеръ казенныхъ шлагбаумовъ. Это смѣшное приказаніе надо было выполнить немедленно, и оно повлекло за собою огромные расходы, такъ какъ маляры воспользовались удобнымъ случаемъ и запрашивали сколько вздумается.

Со всѣхъ сторонъ раздались крики негодованія. Императрица, поспѣшившая на встрѣчу своему августѣйшему супругу, была сильно поражена этимъ приказаніемъ, о которомъ ничего ей не было сказано. Она ли обратила вниманіе государя, или самъ Павелъ пораженъ былъ комическимъ однообразіемъ казенныхъ и частныхъ построекъ,—но онъ, при вѣздѣ своей, спросилъ, что означаютъ эта странная фантазія?—Ему отвѣчали, что полиція принудила обывателей безотлагательно исполнить волю ихъ монарха. «Такъ что-жъ я, дуракомъ что ли сталъ, —гнѣвно воскликнулъ Павелъ,—чтобы отдавать такіа повелѣнія!»—Этотъ, самъ по себѣ маловажный, случай повлекъ за собою паденіе Архарова. Его замѣнилъ графъ Буксгевденъ...

Я привелъ здѣсь этотъ рассказъ, чтобы указать на любовь государя къ справедливости. Человѣка, отличнаго имъ, какъ Архаровъ, онъ немедленно наказалъ, лишь только удостовѣрился въ его жестокости, несправедливости и двуязычій. Вообще, мнѣ кажется, что никто изъ смертныхъ не обнаруживалъ въ своемъ характерѣ такихъ контрастовъ свѣта и тѣни, какъ императоръ Павелъ I. Его умъ и его страсти, его чувствительность и его жестокость, его добродѣтели и пороки, его энтузіазмъ въ дружбѣ и его упорная ненависть къ тому же лицу, его признательность за все, что, какъ ему казалось, искренне дѣлали въ его пользу, и его бѣшенный гнѣвъ при малѣйшемъ упущеніи, замѣченномъ относительно его собственной особы,—все это доходило въ немъ до крайности... Нашлись люди, умѣвшіе злоупотреблять его добротою и любовью къ справедливости, извратить самыя добродѣтели его, и осуществившіе справедливость изрѣченія: *corruptio optime pessima*.

Вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ Москвы, государь явилъ мнѣ новое

доказательство своего довѣрія, назначивъ меня (указомъ 31 мая 1797 г.) членомъ вновь учрежденной комисіи, для редактированія государственныхъ законовъ.

Екатерина II задалась достойнымъ ей генія планомъ—издать гражданскій и уголовный кодексъ. Вслѣдствіе этого, она написала свою «инструкцію» депутатамъ, созданнымъ ею для совершенія этого великаго дѣла. Различныя причины прервали эту работу; но черезъ нѣсколько лѣтъ императрица возвратилась къ своему любимому плану и учредила новую комисію, которая работала уже довольно продолжительное время, когда смерть оторвала Екатерину отъ счастья ея подданныхъ.

Павелъ, жаждавшій славы законодателя, поручилъ тремъ сенаторамъ, — въ числѣ коихъ находился и я, — пересмотрѣть, совмѣстно съ генераль-прокуроромъ, ту часть работы, которая уже была сдѣлана, исправить ее и закончить.

Эта прибавка труда почти что превысила мои силы; такъ какъ уже прежде, для надлежащаго изслѣдованія ввѣренныхъ мнѣ важныхъ дѣлъ, мнѣ часто приходилось работать у себя дома.

Какъ только окончилось первое засѣданіе комисіи, я просилъ показать мнѣ общій планъ предполагавшагося свода законовъ. Мнѣ отвѣчали, что такого плана не имѣется. Я написалъ генераль-прокурору, чтобы получить, по крайней мѣрѣ, обзоръ отдѣльныхъ частей, и только съ трудомъ добился этого. Съ этой минуты всѣ эти господа стали ко мнѣ не благоволить.

Первый вопросъ шелъ о порядкѣ веденія процессовъ. Я нашелъ, что пропущено двадцать существенныхъ статей, и обратился съ этимъ замѣчаніемъ къ князю (Куракину), прося его поддержать, въ особенности, предложеніе мое относительно средствъ къ сокращенію процессовъ. Предложеніе это состояло, между прочимъ, въ томъ, чтобы поставить судьямъ въ обязанность стараться примирить тажущіяся стороны, прежде чѣмъ дать дѣлу законный ходъ. Мѣра эта, принятая уже въ Пруссіи, Швеціи и Даніи, заслужила одобреніе генераль-прокурора. Однако, для введенія ея въ кодексъ начали ставить затрудненія; но когда я объявилъ, что обращусь прямо къ государю, то статья эта была принята. Все это не способствовало тому, чтобы расположить въ мою пользу господъ членовъ прежней комисіи.

Павелъ, всегда готовый исправить сдѣланную имъ несправедливость, если она должнымъ образомъ была объяснена, опять принялъ Палена въ армію, съ возвращеніемъ ему полнаго старшинства, и назначилъ Кампенгаузена сенаторомъ въ 3-й департаментъ. Новый сенаторъ очень мнѣ понравился; я былъ въ восторгѣ, что нашъ 3-й департаментъ получалъ подкрѣпленіе въ лицѣ лифляндскаго дворянина, который, при прямомъ и честномъ характерѣ, обладалъ умомъ и юридическими познаніями. Последнимъ онъ былъ обязанъ своею репутаціею, и это увеличало довѣріе общества къ 3-му департаменту, противъ котораго ново-приобрѣтенный провинціи питали довольно сильное и, можетъ быть, основательное предубѣжденіе. Я приведу здѣсь нѣкоторыя черты, чтобы

указать на тотъ духъ партій, который господствовалъ между старыми россиянами и новопріобрѣтенными провинціями, да который и въ настоящее время еще продолжается.

Однажды Соймоновъ захотѣлъ было принять прежній диктаторскій тонъ, для поддержанія своего взгляда на одно изъ лифляндскихъ дѣлъ, которое мы, конечно, должны были лучше его знать. Онъ предварительно поговорилъ съ Стрекаловымъ, Пастуховымъ и Голохвастовымъ, и тѣ приняли его сторону. Пренія сдѣлались оживленными. Минихъ не могъ подавать голоса, такъ какъ состоялъ въ родствѣ съ одной изъ тяжущихся сторонъ. Графъ Строгановъ былъ нездоровъ. Такимъ образомъ, составилось большинство изъ Ребиндера, Потоцкаго, Ильинскаго, Ховена, Кампенгаузена и меня. Но такъ какъ для того, чтобы не переносить дѣла въ общее собраніе сената, департаментъ долженъ былъ рѣшить оное единогласно, то оберъ-прокуроръ употреблялъ всѣ старанія, чтобы согласить насъ. Соймоновъ упрямился, мы тоже стояли на своемъ; наконецъ, онъ позволилъ себѣ выразиться такъ: «вы, господа, придерживаетесь вашей нѣмецкой юриспруденціи». — «Конечно, — возразилъ г. Ховенъ, — потому что она основана на правовыхъ принципахъ, и здѣсь идетъ рѣчь о привилегированной провинціи, которая руководствуется своими частными законоположеніями». — «Вы все съ вашими привилегіями!» — «Онѣ также священны, какъ и всякія другія права», — отвѣчали ему.

Я, видя, что они начинаютъ горячиться, началъ говорить: «Господа, мы отдаляемся отъ нашего вопроса; возвратимся къ нему и сопоставимъ то, что было сказано за и противъ». Затѣмъ, вкратцѣ изложивъ сущность дѣла, я прочелъ соответствующую статью закона, которая была понятна и ясна, и заключилъ словеснымъ повтореніемъ нашего мнѣнія. «Таково настоящее положеніе вопроса, — обратился я къ оберъ-прокурору, — и я заявляю за себя и за большинство, что мы ни однимъ словомъ не отступимъ отъ нашего мнѣнія, основаннаго на долгомъ и зрѣломъ изслѣдованіи».

Оберъ-прокуроръ отвелъ Соймонова въ сторону. Послѣдній счелъ за лучшее уступить, и на этотъ разъ все устроилось.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, я опять имѣлъ столкновеніе съ прежнимъ диктаторомъ, изъ-за одного курляндскаго дѣла. Онъ вздумалъ противопоставлять софизмы авторитету положительной статьи закона. Раздосадованный его неосновательнымъ разсужденіемъ, я сказалъ ему:

— «Мнѣ кажется, что вашему п—ву легче придумывать какіе-либо аргументы, нежели оспаривать меня на основаніи законовъ, потому что курляндскіе законы вамъ такъ мало извѣстны, что сомнѣваюсь, знаете ли вы даже, на какомъ языкѣ они написаны».

— «О, очень хорошо знаю, — возразилъ онъ съ гнѣвомъ; они написаны на вашемъ прелестномъ нѣмецкомъ діалектѣ».

— «Вотъ видите ли! Вы ошибаетесь, ваше п—во; они изложены по

латински, и мы даже не имѣемъ общепринятаго и утвержденного перевода». — Для подтвержденія своихъ словъ я всталъ, взявъ въ руки собраніе законовъ Курляндіи и съ торжествующимъ лицомъ показалъ ему *Formula Regiminis et Statuta*, напечатанные исключительно на латинскомъ языкѣ. — Ни сколько не смутившись, Соймоновъ тотчасъ же отвѣчалъ мнѣ:

— «У насъ въ сенатѣ принимаются одни русскіе акты; мнѣ мало дѣла до того, сдѣланъ ли русскій переводъ съ нѣмецкаго или съ латинскаго языка, и вашему п—ву, — прибавилъ онъ, — никакой пользы нѣтъ отъ вашего латинскаго образованія».

— «Польза для меня только та, — отвѣчалъ я, — что переводчикъ не можетъ обмануть меня». — Объясненіе сдѣлалось нѣсколько горячимъ, но оно было прервано, и дѣло рѣшили, какъ слѣдовало рѣшить.

Позволю себѣ вставить здѣсь нѣсколько замѣчаній относительно сената. Въ свое время я сообщалъ ихъ генераль-прокурору, но онъ отвѣтилъ мнѣ, что провести какую либо реформу невозможно.

Сенатъ раздѣляется на шесть департаментовъ, изъ коихъ два въ Москвѣ. 3-й департаментъ завѣдуетъ 13-ю губерніями и составляетъ для нихъ послѣднюю судебную инстанцію; это представляетъ невѣроятныя затрудненія, въ виду многочисленности частныхъ законоположеній во всякой губерніи. Ингерманландія, Эстляндія и Лифляндія руководствуются во многихъ случаяхъ шведскими законами и провинціальными статутами. Въ Курляндіи опять другіе законы. Вильно и Гродно держатся *Statuta Magni Ducatus Lithuaniae*, а въ бѣлорусскихъ губерніяхъ и въ Кіевѣ судятъ частію по старымъ польскимъ законамъ и уложеніямъ, частію по обнародованнымъ впослѣдствіи указамъ.

Всякій безпристрастный человѣкъ согласится со мною, что судьямъ невозможно знать всю эту громаду законовъ, написанныхъ на разныхъ языкахъ. Не слѣдовало ли бы, какъ для болѣе точнаго сужденія, такъ и для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ, раздѣлить 3-й департаментъ на два, поручивъ одному отдѣлу шесть, а другому семь губерній? Нельзя возражать, что это удвоило бы расходы, потому что, въ сущности, въ 3-мъ департаментѣ достаточно членовъ для того, чтобы раздѣлить ихъ. Ихъ тамъ 10—12, а для каждого отдѣла довольно было бы и пяти.

То же можно сказать и о 1-мъ департаментѣ, который былъ загроможденъ дѣлами, благодаря дурному распредѣленію ихъ.... О другихъ недостаткахъ умалчиваю; но несообразности, про которыя я упомянулъ, были такъ значительны, устранить ихъ было столь легко, что упорство, съ которымъ генераль-прокуроры противились подобной реформѣ, было бы совершенно необъяснимымъ, если бы не знать, что ихъ авторитетъ и ихъ вліяніе утверждались, частію, именно на этой ошибочной организаціи сената. Единственнымъ отвѣтомъ было мнѣ то, что все это установлено Петромъ Великимъ, и что изъ уваженія къ его памяти нельзя дѣлать нововведеній.

Осенью 1797 года прибылъ въ Петербургъ кавалеръ мальтійскаго ордена Рачинскій, привезшій съ собою крестъ Ла-Валетта ¹⁾). Графъ Литта былъ назначенъ посланникомъ гротмейстера, и 27 ноября 1797 г. разыграна была, по возможности серьезно, комедія его приѣма. 29-го числа того же мѣсяца происходила публичная аудіенція. Весь сенатъ стоялъ по правую сторону трона, на которомъ восѣдалъ Павелъ, въ парадномъ костюмѣ, окруженный государственными канцлерами княземъ Безбородко, вице-канцлеромъ княземъ Куракинскимъ и др. высшими сановниками. Литта былъ одѣтъ въ большую мантию изъ чернаго бархата, лице его имѣло торжественное выраженіе; сопровождаемый императорскимъ комиссаромъ, оберъ-церемоніймейстеромъ и секретаремъ посольства, предшествуемый тремя рыцарями, несшими на золотыхъ подушкахъ облаченіе для государя, крестъ Ла-Валетта и нѣсколько другихъ крестовъ для царской фамиліи, онъ приближился къ трону и произнесъ рѣчь на французскомъ языкѣ. По окончаніи ея, онъ вручалъ свои вѣрительныя грамоты государю, который передалъ ихъ князю Безбородко. Послѣдній отвѣчалъ по русски, что императоръ съ удовольствіемъ соглашается на присвоеніе титула протектора ордена и принятіе креста бывшаго гротмейстера Ла-Валетта. Послѣ этого Литта поднесъ крестъ государю и, между прочимъ, произнесъ слѣдующую фразу: «Вотъ знакъ почтенія, которое храбрость оказываетъ добродѣтели». Когда посланникъ, подойдя къ Павлу, сталъ возлагать на него мальтійское облаченіе, то Кутайсовъ завязывалъ ленты онаго. Хитрый итальянецъ Литта хотѣлъ доставить этому старому служителю какую нибудь роль при торжествѣ; хотя было бы гораздо естественнѣе, если бы эта легкая работа была исполнена оберъ-камергеромъ.

Обойду молчаніемъ тѣ церемоніи, которыя происходили у императрицы, а также возведеніе въ рыцарское званіе великихъ князей и принца Конде, который былъ одновременно сдѣланъ кавалеромъ большаго креста и великимъ пріоромъ.... Вскорѣ, однако, мальтійскій орденъ былъ недостойнымъ образомъ профанированъ и потерялъ свое значеніе.

Если припомнить событія, которыя, въ концѣ 1797 года, свершились во Франціи, то нельзя удивляться тому безпокойству, которое выказывалъ Павелъ, въ виду старанія приверженцевъ разрушительныхъ доктринъ—повсюду пропагандировать ихъ. По донесеніямъ своихъ пословъ и многочисленныхъ эмиссаровъ онъ хорошо зналъ обо всѣхъ подобныхъ попыткахъ, и потому съ особенною подозрительностію относился къ тому классу иностранцевъ, которые, подъ предлогомъ образованія юношества, внушали ему превръщеніе ко всему, что называется послушаніемъ, долгомъ и правиломъ. Низвергнуть прежнія идеи, дабы всему дать новый видъ,—вотъ направленіе, которому стали слѣдовать не только

¹⁾ Крестъ этого знаменитаго гротмейстера хранился въ сокровищницѣ ордена, какъ драгоценнѣйшій памятникъ.

нѣмецкіе и швейцарскіе учителя, но и нѣкоторые изъ лютеранскихъ и реформатскихъ пасторовъ.

На одномъ изъ придворныхъ вечеровъ императоръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— «Не слышали вы о новыхъ продѣлкахъ и нововведеніяхъ вашихъ лифляндскихъ пасторовъ?»

«Нѣтъ, государь, не слыхалъ».

— «Ну, такъ я долженъ вамъ сообщить, что тамъ нѣкоторые изъ этихъ господъ измѣнили обрядъ крещенія и стараются ввести много разныхъ новостей».

Послѣ этого онъ разсказалъ мнѣ объ одномъ лифляндскомъ семействѣ, гдѣ пасторъ, губернёръ и учитель стали говорить другъ другу <ты>, придерживаясь принциповъ равенства, и повелѣлъ мнѣ обратить вниманіе на это обстоятельство.

— «Я буду охранять лютеранскую церковь,—продолжалъ онъ съ горячностью,—потому что ученіе ея извѣстно; но если всякій пасторъ вздушаетъ, по своему личному усмотрѣнію, дѣлать перемѣны, такъ нужно тутъ водворить порядокъ. Вы понимаете меня?»

«Вполнѣ понимаю, в. в.—во. Но я ни случайно, ни официально не получалъ какого-либо особеннаго донесенія изъ этихъ провинцій; а между тѣмъ о какихъ либо неблаговидныхъ дѣлахъ, которыя тамъ творятся, могу освѣдомиться лишь изъ жалобы, законнымъ образомъ представленной въ юстицъ-коллегію. Единственная мѣра, какую я могъ бы принять, это — разослать всѣмъ лютеранскимъ пасторамъ циркуляръ, въ которомъ бы имъ строго воспрещалось всякое нововведеніе, сколько нибудь противурѣчащее аугсбургскому вѣроисповѣданію и высочайше утвержденнымъ церковнымъ порядкамъ».

Предложеніе это было одобрено государемъ. Но нельзя себѣ представить того ропота, который поднялся противъ меня, отъ Петербурга до Архангельска...

Приведа затѣмъ нѣсколько случаевъ столкновенія моего съ лютеранскими пасторами, изъ-за вышепомянутаго циркуляра, авторъ продолжаетъ:

Душою и сердцемъ страдалъ я отъ этихъ раздоровъ, которые могли бы кончиться весьма печально для неразумныхъ нововодителей. Они не воображали, что, принимая съ одной стороны, строгій тонъ, для обузданія ихъ дерзкихъ выходокъ, я, съ другой стороны, напрягалъ всѣ мои силы, чтобы скрыть буйный духъ этихъ безумцевъ отъ Павла, который наказалъ бы ихъ крайне строго.

Можно себѣ представить, какого дурнаго мнѣнія онъ былъ о нихъ, потому что онъ вдругъ приказалъ мнѣ болѣе не принимать пасторовъ изъ иностранцевъ, особенно же изъ шведовъ.

— «Я даже не желалъ бы,—сказалъ мнѣ однажды государь,—допускать въ духовное званіе тѣхъ господъ, которые теперь возвращаются изъ нѣмецкихъ университетовъ; потому что тамъ все заражено».

«Но, в. в., — возразилъ я, — откуда же брать пасторовъ, изучившихъ богословіе? Вѣдь у насъ нѣтъ университетовъ».

«Надо учредить семинарію».

«Это потребуетъ времени, в. в.»

— «Можно все сдѣлать быстро, если есть усердіе. На ваше рвеніе я достаточно рассчитываю, для того чтобы поручить вамъ начертаніе плана (учрежденія семинаріи)».

«В. в., у католиковъ имѣются университеты (въ Вильнѣ, Кіевѣ, Могилевѣ), семинаріи и денежныя средства; но у лютеранъ и кальвинистовъ ихъ нѣтъ. Конечно, можно было бы безъ большихъ расходовъ прибавить въ Митавѣ одного профессора богословія и увеличить раздѣры ревельской гимназіи».

— «Устраивайте это, какъ хотите».

«Въ такомъ случаѣ разрѣшите мнѣ, в. в., погребовать относительно этого, вашииъ именемъ, соответствующія свидѣнія отъ епископовъ и губернаторовъ помянутыхъ провинцій?»

— «Конечно; я уполномочиваю васъ сдѣлать это и совѣтую слегка поналечь на этихъ господъ».

Вслѣдствіе этихъ повѣлій я написалъ официальные и весьма настоятельные письма: князю Репнину, генераль-губернатору литовскому, губернаторамъ: эстляндскому, лифляндскому и курляндскому, и приказалъ юстицъ-коллегіи написать повелѣнія, отъ имени государя, католическимъ и униатскимъ архіепископамъ и епископамъ....

III.

Государь, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, особенно подтягивалъ конно-гвардейскій полкъ. Что ни дѣлалъ шефъ этого полка, Паленъ, императоръ всегда оставался недовольнымъ. На каждомъ парадѣ онъ отправлялъ нѣсколькимъ офицеровъ подъ арестъ, да и на самого командира такъ гнѣвался, что можно было подумать, что онъ на другой же день будетъ уволенъ. Однако, всѣ эти бури ничѣмъ не кончались, и Паленъ самъ говорилъ: «Я положу на тѣ маленькія куколки, которыхъ хотѣли бы опрокинуть и поставить вверхъ ногами, но которыя всегда опять становятся на ноги». Впрочемъ, секретъ его устойчивости можно было легко понять... Онъ никогда, ни о комъ не говорилъ прямо чего либо дурнаго; но никогда онъ и не являлся защитникомъ честнаго человѣка, на котораго заводили клевету, а соблюдалъ при этомъ осторожное и пресупное молчаніе, или же отпускалъ какую нибудь остроту, казавшуюся лишь забавною, но, на дѣлѣ, гораздо болѣе опасною, какъ какъ при дворѣ все смѣшное и неловкое гораздо труднѣе прощается, нежели пороки, прикрывающіеся соблазнительною оболочкою. Такимъ-то образомъ Паленъ всѣхъ расположилъ къ себѣ, заслужилъ любовь придворной челяди, порядочнымъ

людямъ казался не опаснымъ и, незамѣтнымъ образомъ, растистилъ себя дорогу, которая должна была привести его къ высшимъ милостямъ и безграничному довѣрiю.

Однажды государь, довольно несправедливымъ образомъ, отправилъ его сына на гауптвахту; онъ думалъ, что отецъ будетъ просить о его помилованiи, или выкажетъ извѣстное безпокойство; но Паленъ, представляя свой рапортъ, оказался въ спокойномъ и веселомъ расположенiи духа.

— «Мнѣ досадно, — сказалъ государь, — что вашъ сынъ сдѣлалъ ошибку».

«Наказывая его, — отвѣчалъ Паленъ, — в. в. поступили по справедливости, и это научить молодаго человѣка быть внимательнѣе».

При своей преобладающей страсти къ справедливости, Павелъ пришелъ въ восторгъ отъ этого отвѣта; а то онъ, одну минуту, подумалъ было, что поступилъ съ молодымъ Паленомъ несправедливо.

Сколь живо было въ Павлѣ желанiе быть справедливымъ со всякимъ, показывать слѣдующая черта. Однажды утромъ (10 ноября 1797 г.) меня разбудили въ 6 часовъ, для врученiя собственноручнаго письма государя. Я вообразилъ себя, что рѣчь идетъ о дѣлѣ первостепенной важности; поспѣшно раскрылъ письмо; смотрю на подпись: — Павелъ. — Содержанiе письма было слѣдующее:

— «Г. тайный совѣтникъ, и пр. Прилагаю при семъ еще нѣсколько бумагъ, касающихся жалобы бригадира Поддяцкаго на майора Гермейера, а также и объясненiя послѣдняго. Поручаю вамъ разобрать показанiя противныхъ сторонъ и рѣшить дѣла, согласно закону. Пребываю къ вамъ благосклоннымъ. Павелъ».

Дѣло оказалось болѣе запутаннымъ, нежели важнымъ; оно было скоро окончено, и когда я представилъ о томъ непосредственный докладъ государю, онъ казался весьма довольнымъ. Мнѣ неизвѣстно еще, какiя особыя причины имѣлъ Павелъ интересоваться этими довольно неизвѣстными лицами; но приведенный случай показываетъ, какъ строго наблюдалъ онъ за веденiемъ судебныхъ дѣлъ.

Весѣдуя со мною о рѣшенiи этого дѣла, онъ замѣтилъ, что я внимательно разсматриваю крестъ Ла-Валетта, который висѣлъ у него на груди, на золотой цѣпочкѣ.

— «Что это вы такъ внимательно разсматриваете?» — спросилъ государь.

«Вотъ этотъ достопочтенный крестъ знаменитаго Ла-Валетта».

Тогда государь, во вниманiе къ моему близорукости, благоволилъ разрѣшить мнѣ взять крестъ въ руки, для подробнаго осмотра. Вѣроятно, онъ при этомъ взглянулъ и на мой орденъ: то была лента св. Станислава. Затѣмъ, поговоривъ со мною еще нѣсколько минутъ, онъ обратился къ другимъ.

На слѣдующiй день, когда я находился въ юстицъ-коллегiи, генераль-прокуроръ прислалъ за мною секретаря канцелярiи ордена св. Анны, съ просьбою прийти къ себѣ, такъ какъ имѣетъ надобность поговорить со мною по порученiю императора. Я отправился въ сенатъ, гдѣ г. Ховенъ сказалъ мнѣ, что и его пригласилъ къ себѣ генераль-прокуроръ. При подобномъ приглашенiи,

посланномъ черезъ орденскаго секретаря, мы не сомнѣвались, что государь желаетъ замѣнить нашъ польскій орденъ которымъ нѣбудь изъ русскихъ.

Это подтвердилъ и генераль-прокуроръ, когда мы вошли къ нему: «Е. в. повелѣлъ мнѣ объявить вамъ, господа, чтобы сегодня вечеромъ, ровно въ 5 часовъ, вы находились въ императорскихъ апартаментахъ, гдѣ с. в., вѣроятно, украситъ васъ лентою ордена св. Анны»..

«Позвольте намъ, князь,—сказалъ я,—начать съ принесенія благодарности вамъ».

— «Вы мнѣ ни чѣмъ не обязаны, г. баронъ; я даже и не упоминалъ объ этомъ с. в.—ву. Онъ самъ сегодня утромъ спросилъ меня, почему это вы не имѣете ни одного русскаго ордена, и прибавилъ, что сегодня же хочетъ пожаловать васъ. Но такъ какъ г. Ховенъ находится въ такомъ же положеніи, то я воспользовался симъ случаемъ, чтобы напомнить о немъ, и государь украситъ орденомъ васъ обоихъ».—Я вспомнилъ при этомъ то, что произошло вчерашнимъ вечеромъ, рассказалъ о томъ генераль-прокурору и онъ замѣтилъ, что это можетъ быть и было причиною рѣшенія государя.

Въ 5 часовъ мы были на мѣстѣ. Мы встрѣтили лишь оберъ-церемоніймейстера Валужева и нѣсколькихъ дежурныхъ придворныхъ чиновъ. Немедленно за симъ вступилъ въ залу императоръ. Онъ прямо подошелъ къ намъ и, не говоря ни слова, надѣлъ шляпу и быстро вынулъ шпагу изъ ноженъ. Оберъ-церемоніймейстеръ, державшій на золотомъ подносѣ два орденскіе знака, обратился къ г. Ховену, который, въ качествѣ старшаго, стоялъ справа отъ меня, и воскликнулъ: «на колѣни!»—Государь трижды ударилъ Ховена шпагою по плечу и возложилъ на него ленту, говоря при этомъ: «прините знаки сего ордена, въ знакъ моего благоволенія».—Затѣмъ онъ поднялъ его и обнялъ. Я тоже преклонилъ колѣно передъ государемъ, и онъ сказалъ мнѣ:

— «Это—старый долгъ, который я съ радостію уплачиваю. Прините сей знакъ моего благоволенія и удовольствія, внушаемаго мнѣ вашимъ усердіемъ и вашею службою».

Мы благодарили государя. Отпуская насъ, онъ прибавилъ:

— «Надѣюсь опять увидѣть васъ вечеромъ, на балу».

Мы, конечно, явились на балъ; причежь достаточно ясно могли замѣтить проявленія зависти и досады, вопреки холоднымъ поздравленіямъ, которыми насъ пріѣтствовали. Ордена этого не имѣли еще многіе изъ сенаторовъ, какъ-то: графъ Воронцовъ, Леонтьевъ, Головкинъ, Тарбѣевъ, Голохвастовъ, а также и другія лица, изъ придворныхъ чиновъ. Горько роптали на это, но роптали втихомолку, чтобы Павелъ ничего не услышалъ, иначе онъ бы счумѣлъ заставить замолчать недовольныхъ. Ненависть этихъ господъ, тѣмъ не менѣе, была возбуждена и скоро нашла случай выказать себя.

Возникшій незадолго предъ тѣмъ процессъ между старшинами реформатской церкви (нѣмцами и французами) представленъ былъ въ 3-й департаментъ

сената, и тамъ почти единогласно утверждено было рѣшеніе вѣстиць-коллегии, основанное на соотвѣствующихъ статьяхъ указа 1778 года. (На рѣшеніи этомъ остановились, дабы спасти старшинъ: графа Головкина, пастора Мансбейдела и негоціанта Фуерса отъ болѣе строгаго взыскапія). Я, какъ непосредственно заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, конечно, не принималъ участія въ засѣданіяхъ департамента съ того дня, какъ тамъ стали (обсуждать упомянутый процессъ; но я зналъ всѣ подробности преній, и такъ какъ онѣ не разъ возобновлялись, то, вѣроятно, и государь узналъ о нихъ.

— «Я слыхалъ,—сказалъ онъ мнѣ однажды,—что въ 3-мъ департаментѣ много спорятъ. О чемъ же это?»

«В. в.,—отвѣчалъ я,—передъ тѣмъ, чтобы рѣшить вопросъ, его съ точностію обсуждаютъ, помня изрѣченіе: *in contradictione veritas*».

— «Но въ чемъ же предметъ этихъ преній?»

«Это дѣло старшинъ реформатской церкви».

— «Нельзя ли мнѣ имѣть честь познакомиться съ ними? Какъ ихъ зовутъ?»

«Графъ Головкинъ и купецъ Фуерсъ». Я назвалъ Головкина очень тихо, а съ болѣе сильною интонаціею упомянулъ о Фуерсѣ. Однако, государь приказалъ мнѣ повторить эти фамиліи, и воскликнулъ:

— «А-а, г. Головкинъ! Онъ хочетъ разыгрывать роль главы реформатоуъ».

«В. в. позволите мнѣ замѣтить, что онъ, какъ старшина этой церкви, полагалъ нужнымъ поддерживать права сной; но такъ какъ вѣстиць-коллегія его сѣбнула, то онъ, за свою ошибку, уже понесъ наказаніе, и весьма вѣроятно, что рѣшеніе это сенатомъ будетъ одобрено».

— «Но вѣдь этимъ вы наживете непріятности съ польскимъ королемъ, который очень его любитъ».

«В. в., я не забочусь о неудольствіи польскаго короля».

— «Какъ такъ?»

«Потому что я нвкогда не посѣщаю его польскаго величества».

— «Это вы хорошо дѣлаете,—сказалъ Павелъ,—потому что тамъ составился небольшой кружокъ праздныхъ людей, которые вообразили себѣ, что могутъ фрондировать, анализировать... Мнѣ бы желательно было, чтобы польскій король отнюдь не забывалъ, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ».—Государь произнесъ эти слова очень громко, такъ что не только Нарышкинъ, слышавшій весь разговоръ, но и многія другія лица могли слышать ихъ. Я ничего не отвѣтилъ, а государь продолжалъ: «Г. Головкинъ и тамъ играетъ роль краснбая. Я все знаю, и желаю бы, чтобы польскому королю было извѣстно, что я ничего не просмотрю». Четты лица Павла стали оживляться; я же хотя сохранялъ спокойную наружность, но страдалъ невыносимо, потому что чувствовалъ приближеніе бури. Онъ сказалъ еще нѣсколько словъ о польскомъ королѣ и, удаляясь, прибавилъ, какъ бы послѣ нѣкотораго раздумья: «А! г. Головкинъ!».

Послѣ ужина, когда мы уходили, Нарышкинъ замѣтилъ мнѣ:

— «Я видѣлъ, какъ вы страдали при сегодняшнемъ разговорѣ, и вамъ дѣлаетъ честь, что вы имѣли мужество оправдывать Головкина».

«Но мнѣ кажется, — отвѣчалъ я, — что государь ошибается и говорить о перемоніи-мистерѣ (Головкинѣ), между тѣмъ какъ дѣло идетъ о его братѣ, графѣ Петрѣ».

На слѣдующій день, въ субботу, я выходилъ лишь для присутствія въ законодательной комисіи. Когда я, въ воскресенье, прибылъ ко двору, то генералъ-губернаторъ, графъ Буксгевденъ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— «Знаете ли вы, что случилось съ вашимъ Головкинымъ?»

«А что же?»

— «Государь выслалъ его въ изгнѣіе, за то, что онъ провинился противъ юстицъ-коллегіи, которой былъ подчиненъ, какъ старшина реформатской церкви». — Замѣтивъ мое горестное изумленіе, Буксгевденъ продолжалъ: «Мнѣ досадно, что государь высказалъ причину своего повелѣнія, потому что теперь при дворѣ поговариваютъ, что это устроили вы, въ отищеніе за насмѣшки Головкина надъ юстицъ-коллегіею».

Глубоко огорченный этимъ, я цѣлую недѣлю не показывался во дворецъ; когда же, наконецъ, опять явился туда, то государь уже не заговаривалъ со мною объ этомъ дѣлѣ и, такимъ образомъ, воспрепятствовалъ моему намѣренію испросить прощеніе Головкина. Такъ какъ ни кому не дозволялось говорить съ государемъ о томъ, о чемъ онъ самъ не заговаривалъ, то я и лишень былъ удовлетворенія, которое доставило бы отраду моему сердцу и посрамило бы клеветниковъ..

Между тѣмъ губернаторы оствѣйскихъ провинцій уже доставили мнѣ свѣдѣнія, относящіяся до гимназій и школъ, и проектъ семинарій для лютеранъ былъ уже почти законченъ. Но епископъ каменецкій и виленскій затануль отвѣтъ, и князь Рѣпинъ написалъ мнѣ длинное письмо, въ это извиненіе. Письмо это доказывало, что князь, введенный въ заблужденіе своими подчиненными, или какими нибудь господами, въ расчеты коихъ входило утаить денежные фонды семинарій, намѣревался уклониться отъ доставленія свѣдѣній, требуемыхъ юстицъ-коллегіею...

Я, съ своей стороны, тоже былъ вынужденъ писать князю, но онъ не отвѣчалъ мнѣ самъ, такъ какъ собирался ѣхать въ Петербургъ, а поручилъ исполнить это литовскому губернатору Вутакову, который и сообщилъ мнѣ нѣкоторыя, весьма поверхностныя, свѣдѣнія.

По прибытіи князя Рѣпина, архіепископъ могилевскій вступилъ съ нимъ въ соглашеніе, чтобы ускорить исполненіе плана для отнятія у меня католическаго департамента и для порученія онаго вѣдѣнію его, архіепископа. Вѣроятно, государя увѣрили, что проектъ организаціи семинарій еще не оконченъ, потому что католическій департаментъ ничего въ этомъ дѣлѣ не смыслятъ,

и что редація этого проекта должна быть поручена священникамъ. Внушенія эти уже стали производить свое дѣйствіе, когда государь спросилъ меня:

— «А что, проектъ о семинаріяхъ развѣ еще не готовъ?»

«Та часть, которая касается лютеранъ и реформатовъ, уже окончена, в. в., и переписывается на бѣло; но епископы еще не доставили достаточно подробныхъ свѣдѣній».

— «Это очень медленно подвигается», замѣтилъ Павелъ, отвернулся отъ меня и въ тотъ вечеръ больше со мною не заговаривалъ.

На другой день, въ сенатѣ, генераль-прокуроръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— «Государь намѣренъ снять съ васъ неприятную обувь».

«Юстицъ-коллегію?» радостно спросилъ я.

— «Нѣтъ, не всю коллегію, а католическій департаментъ».

«О, князь, я въ восторгѣ.... безконечныя столкновенія, непрерывныя доносы, и все это задаромъ, такъ какъ ни чести, ни выгодъ нѣтъ для меня никакихъ. Положеніе мое, какъ сенатора, выше положенія предсѣдателя, а я не получаю ни прибавки къ жалованью, ни столовыхъ, которыми пользуются всѣ другіе предсѣдатели».

Указъ былъ обнародованъ. Онъ гласилъ слѣдующее: «Католическій департаментъ вѣрается архіепископу моголевскому, а юстицъ-коллегія нѣтъ оставаться на прежнемъ положеніи»....

Король польскій скончался скоропостижно, вслѣдствіе удара, и государь повелѣлъ устроить погребеніе со всѣми, подобающими коронованному лицу, почестями. Какъ страстный любитель церемоніала, онъ приказалъ архіепископу отправить богослуженіе въ католической церкви со всевозможною пышностію. Сестренцевичъ, хотя втайнѣ и былъ врагомъ апостолическаго нунція Литты, однако, соединилъ съ нимъ усилія, чтобы отпѣваніе королевскаго тѣла было исполнѣ торжественно и великолѣпно. Прахъ Станислава Августа въ теченіи цѣлой недѣли покоился въ Мраморномъ дворцѣ, на парадной кровати, подъ балдахиномъ, окруженный королевскими регаліями. Чины первыхъ пяти классовъ должны были посѣбно дежурить у тѣла. Мнѣ нездоровилось, и я былъ избавленъ отъ этой тяготы. Въ день отпѣванія, епископъ облекся въ богатыя ризы и велѣлъ выткать на своей митрѣ вензель Павла I-го. Это произвело чрезвычайный эффектъ, и съ того дня государь не зналъ, какъ и выразить ему свою благосклонность. Онъ пожаловалъ ему звѣзду св. Андрея Первозваннаго и оказывалъ ему, при дворѣ, выдающееся вниманіе.

Вскорѣ послѣ этого скончался и герцогъ Виртембергскій, родитель императрицы. Государь не преминулъ и ему устроить великолѣпное отпѣваніе. Сестренцевичъ тутъ опять блеснулъ, и съ этой минуты императрица стала раздѣлять съ своимъ супругомъ расположеніе къ нему. Онъ получалъ отъ Павла брилліантовый епископскій крестъ, а отъ государыни драгоцѣннѣйшую

золотую табакерку. Надменность, внушенная этими знаками благорасположенія,—не смотря на все лицемеріе Состренцевича—дала таки себя знать свѣтскимъ членамъ его новаго департамента; относительно же меня, лично, онъ постоянно придумывалъ искусные подвохи.

Освобожденный отъ тяжкаго бремени, я могъ съ большимъ усердіемъ посвящать себя кониѣ другимъ обязанностямъ, въ особенности же—разработкѣ гражданскаго кодекса, первая часть коего (введеніе общей для всего государства формы веденія процессовъ) приближалась къ окончанію. Такъ какъ императоръ замѣтилъ неполноту русскаго уголовнаго кодекса, то онъ поставилъ комисію въ обязанность безотлагательно заняться уложеніемъ о наказаніяхъ. Поводомъ къ этому былъ слѣдующій случай.

Нѣсколько человекъ поляковъ, обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ, было заключено въ крѣпость. Государь повелѣлъ сенату обсудить это дѣло въ общемъ собраніи, и съ особымъ вниманіемъ. Имена преступниковъ были мнѣ неизвѣстны; я крайне опасался найти между ними котораго нибудь изъ моихъ друзей, или старыхъ знакомыхъ, потому что революціонныя страсти бушевали въ Польшѣ столь же сильно, какъ во Франціи.

Въ засѣданіи присутствовало семьдесятъ сенаторовъ, и всѣ они желали найти поляковъ невиновными. Но захваченныя письма на имя французской директоріи, подлинность коихъ они не отвергали, равно какъ сознаніе преступниковъ въ присягѣ, или данной,—вести въ Польшѣ республиканское правленіе, при помощи Франціи,—все это служило столь крупнымъ обвиненіемъ, что спасеніе ихъ дѣлалось невозможнымъ.... Слишкомъ много было неоспоримыхъ уликъ. Всѣ преступники сознались, что приносили личную присягу императору; а потому, согласно буквѣ закона, они подлежали лишенію дворянскаго званія, наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь.

Сенатъ представилъ объ этомъ дѣлѣ обширный всеподданнѣйшій докладъ. Въ докладѣ выставлялись на видъ разныя облегчающія обстоятельства (старость одного, молодость другаго, ограниченность третьяго, и т. п.), которыя могли бы вызвать милостивое воззрѣніе монарха; но, вѣстѣ съ тѣмъ, замѣчено, что сенаторы, какъ подчиненные буквѣ закона, созваны были лишь для того, чтобы опредѣлить сущность дѣла и подвести его подъ существующія статьи.

Сенатскій приговоръ представленъ былъ государю утромъ, и въ тотъ же вечеръ онъ сказалъ мнѣ:

— «Я весьма недоволенъ вами и прочими господами сенаторами».

«Чѣмъ заслужили мы это несчастіе, в. в.?» спросилъ я.

— «Какъ? Вы не соблюдаете постепенности въ наказаніяхъ, и всѣхъ осуждаете въ равной мѣрѣ!»

«В. в. позволите мнѣ замѣтить, что въ этомъ виновато русское уложеніе о наказаніяхъ, а не судьи, которые могутъ лишь скорѣе о строгости и неполнотѣ закона, но, по долгу присяги, обязаны только прилагать

его къ фактамъ. Потому что, иначе, судья обратился бы въ законодателя. В. в. изволили сознать, насколько наши законы нуждаются въ точномъ пересмотрѣ, и повелѣли намъ заняться этимъ».

— «А далеко ли подвинулось у васъ это дѣло?»

«Первая часть гражданскаго кодекса окончена».

— «Ахъ, возьмитесь немедленно за уложеніе о наказаніяхъ и учредите постепенность, въ которой было бы должное соотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ».

Таковы-то были постоянныя стремленія Павла, когда онъ не увлеклся, не волновался и не горячился. Я часто возвращаюсь къ этой мысли, но не могу отстранить ее.

Строгий приговоръ сената былъ государемъ измѣненъ. Старика онъ отправилъ къ его семьѣ, въ Литву, безъ всякаго наказанія; прочіе отдѣлялись однимъ страхомъ: они возведены были на эшафотъ, гдѣ имъ объявлено помилованіе, т. е. они не подверглись наказанію вѣнцомъ, ссылка имъ была снята, чина и срокъ ея сокращенъ ¹⁾.

Перев. съ нѣмецкаго яз. И. О.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Вслѣдствіе кончины Павла, Александръ I возвратилъ всѣхъ и отпустилъ на родину.

Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX вѣка ¹⁾.

II ¹⁾.

Не смотря на всѣ либеральныя мечтанія императора Александра I относительно уничтоженія крѣпостнаго права, въ его царствованіе этотъ трудный вопросъ былъ рѣшенъ, и то весьма неудовлетворительно, лишь въ Остзейскомъ краѣ; что касается собственной Россіи, то даже для ограниченія крѣпостнаго права было принято слишкомъ мало мѣръ. Такая крайняя медлительность правительства въ самомъ главномъ дѣлѣ внутренней политики возбуждала, само собою разумѣется, недовольство въ лучшихъ представителяхъ русской интеллигенціи и въ особенности въ молодомъ поколѣніи, и это недовольство еще болѣе усиливалось вслѣдствіе того, что о крестьянскомъ вопросѣ было почти совершенно невозможно говорить въ печати. Существованіе крѣпостнаго права со всѣми его злоупотребленіями и бездѣятельность правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ были, по признанію нѣкоторыхъ декабристовъ, одною изъ главныхъ причинъ ихъ вступленія въ тайное общество. Одинъ изъ членовъ этого общества, поэтъ Вильгельмъ Кюхельбекеръ, объясняя во время слѣдствія причины, побудившія его желать измѣненія существующаго порядка, сказалъ, что одною изъ нихъ была распространяющаяся въ простомъ народѣ порча нравовъ, особенно-же, лужавство и недостатокъ честности, которыя онъ приписывалъ угнетенію и всегдашней неувѣренности раба относительно права пользованія своимъ имуществомъ. «Признаюсь», продолжаетъ онъ, «что эта причина была для меня одна

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1887 г., т. LVI, октябрь, стр. 71—106.

изъ самыхъ главныхъ, ибо, взирая на блистательныя качества, которыми Богъ одарилъ народъ русскій, . . . я душою скорбѣлъ, что все это подавляется, вянетъ, не принеши никакого плода въ нравственномъ мѣрѣ». Другой членъ тайнаго общества, Крюковъ, объясняя въ своихъ показаніяхъ причины вступленія въ общество, указывалъ, между прочимъ, на то, что въ Подольской губерніи онъ видѣлъ, «до какой степени простирается угнетеніе крестьянъ помѣщиками и жидами». Пестель, описывая то, какимъ образомъ онъ пришелъ къ своимъ крайнимъ воззрѣніямъ, говоритъ: «обращалъ я также мысли на положеніе народа, при чемъ всегда сильно поражало меня рабство помѣщичьихъ крестьянъ, а равно дѣйствовали на меня преимущества аристократіи, которую считалъ я, такъ сказать, стѣною, между монархомъ и народомъ стоящею и отъ монарха ради собственныхъ выгодъ истинное положеніе народа укрывающею». Якушкинъ въ своихъ Запискахъ рассказываетъ, что въ половинѣ 1810-хъ годовъ въ бесѣдахъ того кружка гвардейскихъ офицеровъ, въ которомъ онъ вращался по своему служебному положенію, обыкновенно шелъ разговоръ о положеніи Россіи. «Тутъ разбирались главные язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами». Самъ онъ, еще въ 1816 г., пріѣхавъ въ свое не большое имѣніе Смоленской губерніи, объявилъ своему дядѣ, который управлялъ этимъ имѣніемъ, что онъ желаетъ освободить крестьянъ. «Въ это время», продолжаетъ Якушкинъ, «я не очень понималъ, ни какъ это можно было устроить, ни того, что изъ этого выйдетъ, но имѣя полное убѣжденіе, что крѣпостное состояніе—мерзость, я былъ проникнутъ чувствомъ прямой моей обязанности освободить людей, отъ меня зависящихъ».

Однако, при образованіи Союза Благоденствія, составители его устава недостаточно рѣшительно высказались по крестьянскому вопросу. «Законоположеніе» этого тайнаго общества было составлено Александромъ и Михаиломъ Муравьевыми, вв. Сергѣемъ Трубецкимъ и П. Колошинимъ въ значительной степени по уставу нѣмецкаго «Союза добродѣтели» (Тугендбунда), но любопытно, что параграфы, относящіеся къ крестьянскому дѣлу, были измѣнены и смягчены. Нѣмецкій уставъ требуетъ, чтобы вступающій въ союзъ, если имѣетъ крестьянъ, освободилъ-бы ихъ, не позже конца того-же хозяйственнаго года, отъ подданическихъ отношеній, и обеспечилъ-бы ихъ достаточнымъ количествомъ земли. Въ русскомъ уставѣ нѣтъ, и членамъ общества рекомендовалось только чекъ своимъ крѣпостнымъ, распространеніе гунна крестьянъ, и, въ случаѣ возможности, борьба

съ злоупотребленіями крѣпостнымъ правомъ. Союзъ Благоденствія ставилъ себѣ цѣлью употреблять всѣ усилія къ искорененію пороковъ и въ томъ числѣ «жестокостей съ подвластными». Члены Союза должны были стараться «склонять помѣщиковъ въ хорошему съ крестьянами обхожденію, представляя, что подданные такіе-же люди, и что никакихъ въ мірѣ отличныхъ правъ не существуетъ, которыя дозволили бы властителямъ жестоко съ подвластными обходиться». Они должны были также обратить вниманіе помѣщиковъ на то, чтобы они не допускали своихъ крестьянъ «бродить по міру», и тѣхъ, у кого болѣе такихъ нищихъ крѣпостныхъ, подвергать «сужденію соотечественниковъ», чтобы заставить владѣльцевъ подобныхъ имѣній «взять мѣры къ преобразенію праздношатапія». Всякій членъ Союза долженъ и самъ «въ управленіи подвластными быть добро-сердечнымъ и человѣколюбивымъ» и стараться «доказать всѣмъ, что жестокость съ подвластными есть дѣло безчестное, ибо участь ихъ и безъ притѣсненій заслуживаетъ не только сожалѣніе, но и всевозможное стараніе улучшить оную». Члены Союза, состоящіе на службѣ по выбору дворянства или по назначенію правительства, «выхваляютъ помѣщиковъ, извѣстныхъ своимъ добрымъ съ подвластными обхожденіемъ», а также «истребляютъ продажу крѣпостныхъ людей въ рекруты, отклоняютъ вообще отъ продажи ихъ по одиночкѣ, стараясь вразумить, что люди не суть товаръ и что только простиительно однимъ народамъ, не просвѣщеннымъ свѣтомъ христіанства, почитать подобныхъ себѣ собственностію, участію коей каждый, имѣющій оную располагать можетъ по произволенію»¹⁾.

Одинъ изъ составителей «Законоположенія Союза Благоденствія», кн. Трубецкой, описывая въ своихъ замѣткахъ тогдашнее положеніе Россіи, говоритъ: «Язва крѣпостнаго состоянія располагаетъ Россію къ большимъ бѣдствіямъ, въ случаѣ внутреннихъ безпокойствъ (какъ былъ примѣръ тому во времена Пугачева), нежели всякое другое европейское государство. Развитіе промышленной образованности, не соединенное съ развитіемъ нравственнаго въ той-же степени просвѣщенія, могло заставить крѣпостныхъ съ нетерпѣніемъ сносить свое состояніе, тѣмъ болѣе, что слухи о желаніи государя дать свободу крестьянамъ должны были представить помѣщиковъ, какъ единственное препятствіе къ полученію ея».

Далѣе Трубецкой указываетъ на весьма неодинаковое положеніе низшаго класса въ Россіи. «Въ Финляндіи свобода, въ народахъ

¹⁾ А. Н. Пыляевъ. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, изд. 2-е, 1885 г., стр. 378—79, 506, 521, 523, 524, 529.

магометанской вѣры и идолопоклоннических — также, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ только что она возникала, въ Царствѣ Польскомъ существовала въ законѣ, но не въ самомъ дѣлѣ. Одни только христіане, и то большею частью православные, подчинены необузданной волѣ помѣщиковъ ¹⁾). Крестьяне казенные великороссійскіе и украинскіе, такъ называемые казаки, одни изъ русскихъ не несутъ помѣщичьяго ига, но и не пользуются правами свободныхъ состояній. Никакая мѣра, никакой законъ не опредѣляютъ» повинностей вѣрнопостныхъ крестьянъ. «Помѣщикъ полагаетъ ее по произволенію, изъ оброчныхъ сажаетъ на пашню, если ему разсудится, или, отрывая отъ земли, заводитъ фабрику. Несчастные жители арендныхъ имѣній и даже многихъ помѣщичьихъ въ Бѣлоруссіи, въ Литвѣ и Польской Украинѣ живутъ почти круглый годъ мѣсячною дачею ²⁾, не имѣя ничего собственнаго; пьянство одна отрада ихъ, и отъ него лучший доходъ помѣщика. Государственные доходы—основанные на безнравственности народа; правосудіе—продажное; взятки—должный доходъ чиновника! Вотъ зло, съ которымъ должно было вступить въ борьбу, и чрезъ его только истребленіе можно было водворить въ отечествѣ благосостояніе. Этотъ подвигъ общество поставило себѣ обязанностью, и уставъ долженствовалъ быть составленъ такъ, чтобъ велъ къ выполненію его. Достигло-ли того общество сочиненіемъ его, есть вопросъ, котораго я рѣшить не берусь, но думаю, что если вполнѣ не достигло, то, по крайней мѣрѣ, не удалилось отъ предмета своей цѣли. В. А. Жуковскій, которому онъ былъ впоследствии предложенъ для чтенія, возвращая его, сказалъ, что уставъ заключаетъ въ себѣ мысль такую благодѣтельную и такую высокую, для выполнения которой требуется много добродѣтели, и что онъ счастливымъ бы себя почелъ, если-бы могъ убѣдить себя, что въ состояніи выполнить его требованія, но что, въ несчастію, онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточной къ тому силы».

Иначе отнесся къ этому дѣлу Н. И. Тургеневъ, который уже приобрѣлъ тогда извѣстность своею книгою «Теорія налоговъ», изданною въ 1818 г.

«Въ концѣ 1819 г.», рассказываетъ Н. Тургеневъ въ своихъ мемуарахъ, «однажды ко мнѣ пришелъ кн. Трубецкой. Я едва зналъ его по имени. Не входя въ долги предварительныя объясненія, онъ

¹⁾ Эту-же мысль высказалъ Н. И. Тургеневъ въ своей запискѣ 1819 г., представленной гр. Милорадовичемъ государю.

²⁾ Нельзя не замѣтить, что такіе случаи были довольно рѣдкимъ явленіемъ.

сказалъ мнѣ, что, судя по тому, что онъ могъ знать обо мнѣ и о моихъ мнѣніяхъ, онъ считаетъ себя обязаннымъ предложить мнѣ вступить въ общество, уставъ котораго онъ вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ представилъ: это былъ уставъ «Союза Благоденствія»... Общество ставило себѣ цѣлью общее благо. Члены общества должны были быть раздѣлены на различные классы и отрасли, изъ которыхъ одна должна была заниматься распространеніемъ просвѣщенія, другая правосудіемъ, третья политической экономіею и финансами и т. д. Въ подобномъ планѣ не было для меня ничего соблазнительнаго. Я не вѣрилъ, чтобы въ Россіи какое нибудь общество могло доставить средства для достиженія столь важнаго и сложнаго результата, какой имѣли въ виду въ этомъ предпріятіи... Прибавлю, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, я былъ удивленъ и огорченъ тѣмъ, что, не смотря на выраженіе многихъ добрыхъ намѣреній въ уставѣ общества, въ немъ не было и рѣчи о дѣлѣ, въ моихъ глазахъ самомъ важномъ: уничтоженіи крѣпостнаго права... Однако, я не счелъ себя въ правѣ слѣдовать примѣру моего друга поэта» (В. А. Жуковскаго), «я думалъ, что всякій честный человѣкъ долженъ отложить въ сторону неважныя соображенія относительно формы, не обращать вниманія на личныя неудобства и даже опасности, если онъ можетъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать дѣлу нравственному и полезному. Упущеніе, о которомъ я упомянулъ, быть можетъ, содѣйствовало принятію мною рѣшенія, такъ какъ я тотчасъ-же составилъ планъ обратить вниманіе общества на вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Я немедленно объявилъ объ этомъ моему собесѣднику и, убѣдившись изъ его словъ, что какъ онъ, такъ и его друзья воодушевлены наилучшими намѣреніями относительно бѣдныхъ русскихъ крѣпостныхъ, почувствовалъ сладостную надежду, что будетъ подвинуто впередъ дѣло, составляющее предметъ моихъ постоянныхъ заботъ».

Вступивъ въ общество, Н. И. Тургеневъ предложилъ, чтобы каждый членъ его далъ обязательство «сдѣлать немедленно все, что будетъ въ его власти, во первыхъ, чтобы ослабить крѣпостное право, а затѣмъ содѣйствовать его уничтоженію. Каждый изъ васъ, говорилъ я имъ, владѣтеъ или будетъ владѣть крѣпостными; если вы владѣте ими, дайте немедленно свободу тѣмъ, которые состоятъ въ вашемъ личномъ услуженіи, и примите мѣры для освобожденія крестьянъ, обратившись къ правительству, такъ какъ законъ это позволяетъ. Такимъ образомъ, не только нѣсколькими крѣпостными будетъ менѣе, но и правительство, и общество увидятъ, что уважаемые помѣщики желаютъ, чтобы крѣпостные сдѣлались людьми свободными. Тогда мысль объ эмансипаціи укрѣпится, и къ ней

начнуть привыкать. Чтобы насколько возможно подкрѣпить свою проповѣдь примѣромъ, я прибавилъ, что дамъ отпускныя мнѣмъ слугамъ, что и исполнилъ немедленно. Мое предложеніе было принято безъ затрудненій».

«Что касается споровъ о политической свободѣ и о конституціяхъ», продолжаетъ Тургеневъ, «то я былъ слишкомъ поглощенъ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ, чтобы много ими заниматься... Я не относился къ этимъ спорамъ индифферентно. Я, конечно, имѣлъ опредѣленные мнѣнія о главныхъ вопросахъ политической организаціи, о представительствѣ, свободѣ печати, равенствѣ передъ закономъ, организаціи власти законодательной, исполнительной и судебной; я не отказался бы дѣйствовать и даже пожертвовать собою, чтобы добиться гарантирующихъ все это учрежденій, тотчасъ же, какъ только будетъ уничтожено крѣпостное право; но пока существуетъ рабство, всѣ мои мысли были сосредоточены исключительно на томъ, что я считалъ самымъ большимъ зломъ, требующимъ самаго быстрого леченія... По моему мнѣнію, всѣ вопросы подчинены вопросу объ освобожденіи крѣпостныхъ. Когда я замѣчалъ въ своихъ собесѣдникахъ стремленіе къ политической свободѣ безъ желанія освободить крѣпостныхъ, негодованіе овладѣвало мною; видя меня, можно было бы подумать, что я защищаю абсолютизмъ. Это рѣдко случалось съ молодыми людьми, которыхъ мнѣ всегда удавалось убѣждать, но съ лицами пожилыми, поставленными на вершинѣ общественной пирамиды и болѣе или менѣе проникнутыми аристократическими принципами, которые прежде всего мечтали о палатѣ пэровъ и т. п., споръ дѣлался страстнымъ, даже рѣзкимъ, и тогда я особенно часто увлекался до проповѣди о выгодахъ, представляемыхъ неограниченною верховною властью въ странѣ, гдѣ существуетъ крѣпостное право»¹⁾.

Либеральные взгляды на крестьянскій вопросъ, распространенные среди молодежи, применувшей къ тайному обществу, были странны и чужды громадному большинству нашего высшаго сословія. Когда И. Д. Якушкинъ, еще въ 1816 г., какъ мы видѣли, объявилъ своему дядѣ, что хочетъ освободить крестьянъ, тотъ выслушалъ это предположеніе «даже безъ удивленія, но съ какимъ-то скорбнымъ чувствомъ»: онъ былъ увѣренъ, что его племянникъ сошелъ съ ума. Многіе изъ членовъ тайнаго общества «стали при всѣхъ случаяхъ гремѣть противъ дикихъ учрежденій, каковы: палка, крѣпостное состояніе и проч. Теперь покажется невѣроятнымъ», писалъ Якушкинъ въ 1855 г., «чтобы вопросы, давно уже порѣшенные между образованными людьми,

¹⁾ La Russie et les Russes, I, 77—78, 81—83.

38 лѣтъ тому назадъ были вопросами совершенно новыми даже для людей, почитаемыхъ тогда образованными, т. е. для людей, которые говорили по французски и были нѣсколько знакомы съ французскою словесностью... Всѣ почти помѣщики смотрѣли на крестьянъ своихъ какъ на собственность, вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе—какъ на священную старину, до которой нельзя было коснуться безъ потрясенія самой основы государства. По ихъ мнѣнію, Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія уничтожалось и самое дворянство... Вообще свобода мыслей тогдашней молодежи пугала всѣхъ, но эта молодежь вездѣ высказывала смѣло слово истины». И. Д. Якушкинъ рѣшился сдѣлать, что могъ, для своихъ крѣпостныхъ. Когда въ 1819 г. онъ заѣхалъ въ свое смоленское имѣніе, крестьяне стали просить его, такъ какъ онъ не служилъ, чтобы онъ пріѣхалъ пожить съ ними: по ихъ словамъ, его присутствіе будетъ полезно уже тѣмъ, что при немъ ихъ будутъ менѣе притѣснять. Молодой помѣщикъ охотно исполнилъ эту просьбу. Первымъ распоряженіемъ его было—уменьшить на половину господскую запашку, затѣмъ многіе отяготительные поборы были отмѣнены. Онъ допускалъ всѣхъ крестьянъ къ себѣ и, по возможности, удовлетворялъ ихъ просьбы; вскорѣ отучилъ ихъ кланяться въ ноги и стоять передъ барининомъ безъ шапки, когда онъ самъ былъ въ шляпѣ. За проступки они наказывались не иначе, какъ по приговору всѣхъ домохозяевъ. Затѣмъ онъ сталъ готовить планъ совершеннаго освобожденія своихъ крѣпостныхъ, съ предоставленіемъ въ ихъ собственность усадебныхъ земель, который, однако, ему не удалось привести въ исполненіе и вслѣдствіе несочувствія этому дѣлу крестьянъ, и по несогласію администраціи. Въ 1820 г. Якушкинъ, узнавъ о разныхъ злоупотребленіяхъ, совершенныхъ въ его имѣніи земскимъ засѣдателемъ во время отсутствія помѣщика, былъ такъ возмущенъ, что написалъ адресъ къ императору, гдѣ излагалъ всѣ бѣдствія Россіи и предлагалъ созвать земскую думу. Адресъ этотъ, по мысли Якушкина, должны были подписать всѣ члены Союза Благоденствія; но по совѣту одного изъ членовъ общества адресъ былъ уничтоженъ. Такъ какъ нѣкоторые члены общества были недовольны бездѣйствіемъ Союза Благоденствія, то на сѣздѣ въ Москвѣ, въ январѣ 1821 г., было объявлено, что онъ прекращаетъ свое существованіе. Такимъ образомъ, ненадежные члены были удалены изъ общества, но оно возродилось въ видѣ двухъ главныхъ отдѣловъ—Сѣвернаго и Южнаго обществъ ¹⁾).

¹⁾ Въ 1821 г. Якушкинъ принялъ въ члены тайнаго общества смоленскаго помѣщика, отставнаго генерала Пассека. Еще ранѣе, возвратившись

Относительно одного изъ членовъ тайнаго общества, Лунина, мы имѣемъ извѣстіе недостаточно ясное. По словамъ Д. Завалишина, «Лунина хотѣлъ освободить своихъ крестьянъ, но встрѣтилъ въ томъ препятствіе» (со стороны ли правительства, или какое иное — неизвѣстно. Вѣроятно, предположенія его, какъ и Якушкина, противорѣчили правиламъ закона о свободныхъ клѣбопашцахъ); «онъ хотѣлъ дать свободу хотя по завѣщанію, но родные оспаривали завѣщаніе, что и было причиною неудовольствію Лунина на сестру»¹⁾. Либеральные взгляды Лунина на крестьянскій вопросъ видны изъ его статьи «Взглядъ на тайное общество въ Россіи» (1816—1826), въ которой онъ говоритъ, что это общество «подняло голосъ противъ рабства и торга русскими, несомнѣннаго съ божьими и человѣческими законами»; по его же словамъ, партія, враждебная тайному обществу, «состояла изъ той части дворянъ, которая боялась лишиться крѣпостныхъ и своихъ правъ».

Дѣятельнѣе всѣхъ работалъ для крестьянскаго дѣла Н. И. Тургеневъ: въ 1819 г. онъ подалъ государю замѣчательную записку, въ которой предлагалъ цѣлый рядъ дѣльныхъ мѣръ для ограниченія крѣпостнаго права; въ 1820 г. пытался устроить съ этою же цѣлью гласное общество, наконецъ, онъ могъ оказать много услугъ крестьянскому дѣлу по своему служебному положенію; проектъ превращенія продажи людей безъ земли, въ составленіи котораго онъ принималъ участіе въ 1820 г., былъ отвергнутъ государственнымъ совѣтомъ, но во многихъ частныхъ случаяхъ дѣла, въ которыхъ были заинтересованы крѣпостные крестьяне, получали благопріятное рѣшеніе, особенно

изъ за-границы, Пассекъ жестоко порицалъ крѣпостное состояніе... «Онъ всегда былъ добръ до своихъ крестьянъ», говоритъ Якушкинъ, «во съ этихъ поръ посвятилъ имъ все свое существованіе, и всѣ его старанія клонились къ тому, чтобы упрочить ихъ благосостояніе. Онъ завелъ въ своемъ имѣніи прекрасное училище „по способу взаимнаго обученія, и набралъ въ него взрослыхъ ребятъ“. Пассекъ предоставилъ въ распоряженіе крестьянъ сдачу рекрутъ и всѣ мірскіе сборы; „они имѣли свой судъ и расправу: по воскресеньямъ избранные отъ міра старики собирались въ конторѣ и разбирали тяжбы между крестьянами“. Добрый помѣщикъ въ нѣсколько лѣтъ истратилъ на своихъ крестьянъ десятки тысячъ; благосостояніе крестьянъ не-вѣроятно улучшилось, и въ имѣніи было много грамотныхъ. Къ несчастію, Пассеку не пришло въ голову обратить своихъ крестьянъ въ свободныхъ клѣбопашцевъ, и послѣ его смерти наследники уничтожили всѣ его благія учрежденія.

¹⁾ Изъ напечатанной переписки Лунина въ 1839 г. видно, что крестьяне его сестры въ это время были освобождены; вѣроятно, это тѣ самыя, которые до ссылки принадлежали самому Лунину, и освобожденіе ихъ совершилось, безъ сомнѣнія, подъ его влияніемъ.

въ искахъ относительно освобожденія, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ общинъ ¹⁾. Кромѣ того, онъ заключилъ со своими крестьянами частный договоръ, подобный тѣмъ, которые были установлены указомъ 1842 г. объ обязанностяхъ крестьянъ. Упомянемъ еще, что членъ тайнаго общества, баронъ В. И. Штейнгейль, написалъ въ 1823 г. записку о необходимости уничтожить продажу людей, которую и представилъ государю.

«Всѣ декабристы, сколько мнѣ извѣстно», говоритъ Е. И. Якушкинъ, авторъ одной изъ статей о Рылѣевѣ, «признавали необходимость освобожденія крестьянъ... относительно же способовъ освобожденія мнѣнія были различны. Одни высказывали самый широкій взглядъ на владѣніе землею (Пестель и нѣкоторые члены Южнаго общества), который казался другимъ утопическимъ. Освобожденіе крестьянъ безъ земли представлялось для нихъ немыслимымъ. Другіе были за личное освобожденіе..., и считали освобожденіе съ землею невозможнымъ. Третьи, и въ томъ числѣ Н. М. Муравьевъ, думали, что крестьяне должны получить въ собственность только дома и огороды, остальные же земля должна остаться за помѣщиками или государствомъ (въ экономическихъ и удѣльныхъ мнѣніяхъ) ²⁾».

Въ «Донесеніи слѣдственной комиссіи» упоминаются слѣдующіе проекты конституцій, выработанные въ тайномъ обществѣ: 1) Никиты Муравьева; 2) «Русская Правда», Пестеля; 3) неоплненный проектъ, найденный въ бумагахъ кн. Трубецкаго, который былъ «не что иное, какъ списокъ конституціи Муравьева съ весьма неважными перемѣнами», и 4) «Государственный Заветъ», найденный у Сергѣя Муравьева-Апостола — сокращеніе проекта Пестеля. Такимъ образомъ, было, собственно говоря, два проекта конституціи: Никиты Муравьева (составленный въ 1822 г.) и Пестеля.

Въ неоконченной конституціи, найденной въ бумагахъ кн. Трубецкаго и, какъ уже сказано, весьма сходной съ составленною Никитою Муравьевымъ, — въ исчисленіи того, что предполагалось объявить въ сенатскомъ манифестѣ объ учрежденіи временнаго правительства, между прочимъ, упомянуто и «уничтоженіе владѣнія крѣпостными людьми», но на какихъ основаніяхъ, — неизвѣстно. Что касается

¹⁾ См. подробности о Н. И. Тургеневѣ въ нашей статьѣ въ журналѣ „Русская Мысль“ 1884 г., № 2, стр. 118—120, № 3, стр. 88—95. № 6, стр. 197 и слѣд.

²⁾ Рылѣевъ былъ „за надѣленіе крестьянъ не только огородною, но и полевой землею; какъ та, такъ и другая должны были поступить въ ихъ собственность“. „Девятнадцатый вѣкъ“, изд. Г. Вартемова. I. 361. В. С.

соціальныхъ взглядовъ Пестеля, то они казались Н. И. Тургеневу утопическими. «Одинъ изъ основныхъ пунктовъ теоріи Пестеля и его друзей», говоритъ Тургеневъ, «состоялъ въ томъ, чтобы сдѣлать поземельную собственность нѣкоторымъ образомъ общою всѣмъ, опредѣливъ обработку ея регламентами, изданными верховною властью. По крайней мѣрѣ, они предполагали предоставить пользованіе казенными землями тѣмъ, которые не имѣли поземельной собственности. То, что законъ королевы Елизаветы гарантировалъ всякому англичанину,—право получить прокормленіе, за неимѣніемъ другихъ средствъ существованія, съ помощью налога на бѣдныхъ, они хотѣли гарантировать—каждому, предоставивъ владѣніе или, скорѣе, пользованіе извѣстнымъ количествомъ земли для удовлетворенія его потребности». По словамъ декабриста барона А. Е. Розена, П. И. Пестель предлагалъ въ «Русск. Правдѣ» «освобожденіе всѣхъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и надѣленіе всѣхъ землею въ собственность», а также «общинное управленіе крестьянъ». По немногимъ выдержкамъ изъ «Русской Правды», приведеннымъ въ «Исторіи царствованія Александра I» Богдановича, мы знаемъ только, что, по плану Пестеля, «земля въ волостяхъ раздѣляется на участки, и каждому гражданину дается одинъ изъ участковъ; остающаяся же отъ раздачи земля составляетъ имущество всей волости и отдается въ наемъ, но не болѣе какъ на одинъ годъ... Все заводится сперва въ казенныхъ селеніяхъ; господскіе же крестьяне выкупаютъ свою свободу деньгами, либо лѣтнею работою, и, сдѣлавшись вольными, поступаютъ въ волости».

По свидѣтельству кн. С. П. Трубецкаго, въ проектѣ государственнаго уложенія, которое должно было выработать «временное правленіе», состоявшее изъ Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова, «главными пунктами» должны были быть: «учрежденіе представительнаго правленія, по образцу просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ, и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости». Если вѣрить свидѣтельству Д. Завалишина, «нѣкоторыя данныя и мысли по крестьянскому вопросу» (вырабатываемыя въ сѣверномъ тайномъ обществѣ), «разумѣется, въ видѣ общихъ разсужденій, были прочитываемы Мордвиновымъ..., который часто обращался къ этому вопросу, и на одно чтеніе свода всего, что было [выработано въ совѣщаніяхъ тайнаго общества, Мордвиновъ пригласилъ марквиза Паулуччи, бывшаго генераль-губернатора остзейскихъ провинцій, гдѣ крестьяне были освобождены... Замѣчательно, что въ нашихъ совѣщаніяхъ Г. С. Батенковъ заявлялъ мнѣніе Сперанскаго, что освобожденію крестьянъ должно предшествовать введеніе конституціи, и что тогда освобожденіе совершится легче. Большинство мнѣній склонялось къ выкупу

государствомъ, что облегчалось тѣмъ, что большинство имѣній было заложено».

Рылѣевъ, а также Николай и Александръ Бестужевы въ первыхъ числахъ декабря 1825 г., по свидѣтельству Н. А. Бестужева въ его Воспоминаніяхъ о Рылѣевѣ, «рѣшились всѣ трое идти ночью по городу, останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часоваго и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ и убавлена до пятнадцати лѣтъ солдатская служба... Нельзя представить жадности, съ какою слушали насъ солдаты», продолжаетъ Н. Бестужевъ; «нельзя изъяснить быстроты, съ какою разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостоаврилъ насъ въ этомъ».

Нѣкоторые декабристы заявленіемъ своихъ имѣній и послѣ ареста желали содѣйствовать тому, чтобы правительство обратило вниманіе на крестьянскій вопросъ. Такъ, Якушкинъ, еще въ ожиданіи ареста, нарочно положилъ на столъ листъ съ вычисленіями относительно выкупа крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, надѣясь, что его возьмутъ вмѣстѣ съ другими бумагами, и что этотъ документъ, можетъ быть, обратитъ вниманіе правительства. Якушкинъ предложилъ арестовавшему его полиціймейстеру взять эти исчисления, но получилъ отвѣтъ, что эти цифры совершенно ненужны. На первомъ допросѣ во дворцѣ Якушкинъ, на вопросъ Левашова, каковы были его дѣйствія по обществу, отвѣчалъ: «я всего болѣе занимался отысканіемъ способа уничтожить крѣпостное состояніе въ Россіи».

— Что же вы можете сказать объ этомъ? спросилъ Левашовъ.

«То, что это такой узелъ, который долженъ быть развязанъ правительствомъ или, въ противномъ случаѣ, насильственно разорванный, онъ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія».

— Но что же тутъ можетъ сдѣлать правительство? — возразилъ Левашовъ.

«Оно можетъ выкупить крестьянъ у помѣщиковъ».

— Это невозможно! Вы сами знаете, какъ русское правительство скудно деньгами.

Баронъ В. И. Штейнгель, въ январѣ 1826 г., написалъ императору Николаю изъ крѣпости письмо, въ которомъ, между прочимъ, доказывая, что русское правительство въ царствованіе императора Александра само распространяло тѣ либеральныя идеи, которыя теперь ставятся въ вину членамъ тайнаго общества, употребляетъ такое сравненіе: «Когда вы изволите быть въ Москвѣ, то увидите въ ней въ миниатюрѣ изображеніе русскаго юношества, возросшаго

въ XIX вѣвѣ: это училище, обществомъ сельскаго домоводства для помѣщичьихъ крестьянскихъ дѣтей учрежденное... Съ преподаваніемъ наукъ, развивающихъ высшія понятія, возвышающихъ душу, они дѣлаются людьми выше своего состоянія; и зачѣмъ все это? Чтобы по окончаніи курса отдать (ихъ) помѣщику, который, при первомъ капризѣ, можетъ сего образованнаго юношу послать на конюшню для тѣлеснаго наказанія. Не есть ли это то-же, что точить на себя ножъ ожесточенія?» Далѣе, въ перечислѣ мѣръ, которыя, по мнѣнію барона В. И. Штейнгеля, необходимо принять правительству, онъ называетъ, улучшеніе состоянія земледѣльцевъ и уничтоженіе «унизительной для націи продажи людей» («къ сему средства», прибавляетъ Штейнгель, намекан на упомянутое выше письмо его, «я имѣю счастье представить покойному государю»). Въ показаніяхъ своихъ во время слѣдствія члены тайнаго общества также старались обратить вниманіе правительства на крестьянскій вопросъ: мы указывали въ началѣ этой главы на показанія Кухельбекера, Крюкова и Пестеля.

И во время ссылки декабристы не переставали интересоваться крестьянскимъ вопросомъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже серьезно работали надъ рѣшеніемъ этой трудной задачи. Въ Читинскомъ острогѣ декабристы читали лекціи для товарищей, Барону А. Е. Розену пришлось «пояснять личное освобожденіе крестьянъ Прибайкальскихъ губерній изъ крѣпостной зависимости безъ надѣловъ земли, безъ всякихъ выкупныхъ договоровъ, но съ общимъ правомъ пріобрѣтенія земельной собственности по обоюдному соглашенію». Въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ, объ освобожденіи крестьянъ въ Эстляндіи въ 1816 г., онъ выражается такимъ образомъ: «Дворянство эстляндское доказало свое челоуѣколюбіе добровольнымъ ограниченіемъ своей власти; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно сдѣлало ошибку важную, давъ личную свободу крестьянамъ, не обезпечивъ въ то же время ихъ существованія прочными постановленіями, относительно пользованія землею». М. А. Фонъ-Визинъ составилъ въ Сибири, въ 1840-хъ годахъ, нѣсколько замѣчательныхъ записокъ по крестьянскому вопросу. Наконецъ, нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, на примѣръ, А. Н. Муравьеву, Г. С. Батенкову, М. М. Нарышкину, барону Е. А. Розену и другимъ, удалось поработать для окончательнаго уничтоженія крѣпостнаго права и въ царствованіе императора Александра II.

III.

Вниманіе декабристовъ было болѣе обращено на необходимость политическихъ, нежели социальныхъ реформъ; не для всѣхъ членовъ тайнаго общества было даже ясно, что, прежде чѣмъ добиваться политическихъ реформъ, нужно покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Настолько мы знаемъ мнѣнія декабристовъ, лишь немногіе изъ нихъ были проникнуты социалистическими взглядами; но въ числу этихъ немногихъ несомнѣнно принадлежалъ Пестель. Послѣ того, какъ мечты декабристовъ о политической свободѣ потерпѣли такое жестокое крушеніе, съ теченіемъ времени все болѣе должно было усиливаться въ интеллигенціи сознаніе необходимости социальныхъ реформъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ среду молодежи стали проникать съ запада социалистическія идеи.

Въ первой половинѣ 1830-хъ годовъ въ Москвѣ существовалъ кружокъ молодежи, во главѣ котораго стоялъ Герценъ и въ которомъ участвовалъ Огаревъ. Интересуясь преимущественно вопросами исторіи и другихъ общественныхъ наукъ, они, между прочимъ, съ увлеченіемъ зачитывались брошюрами сенъ-симонистовъ, ихъ проповѣдями, изложеніемъ ихъ процессовъ. Герценъ и Огаревъ, въ то время студенты московскаго университета, мечтали основать зерно общества, подобнаго декабристамъ, но ихъ собственные взгляды были еще далеко не выяснены. Они проповѣдывали идеи и декабристовъ, и французской революціи, и сенъ-симонизмъ, и конституцію, и республику, и чтеніе политическихъ книгъ, и необходимость сосредоточенія силъ въ одномъ обществѣ. Нивакого тайнаго общества они, разумѣется, не составляли. Въ 1834 г. члены кружка были арестованы, и въ слѣдующемъ году Герценъ былъ сосланъ въ Пермь и оттуда въ Вятку, а Огаревъ—къ отцу въ Пензу.

Слѣдственная коммисія по дѣлу этого кружка убѣдилась, что члены его «проникнуты пагубнымъ ученіемъ Сенъ-Симона». Уничтоженіемъ его собраній не было, разумѣется, прекращено распространеніе социалистическихъ идей, серьезное сочувствіе которымъ въ 1840-хъ годахъ мы находимъ въ такихъ выдающихся писателяхъ, какъ тотъ же Герценъ и В. Г. Бѣлинскій, а также и въ другихъ русскихъ образованныхъ людяхъ.

Съ начала 1840-хъ годовъ въ лучшихъ представителяхъ русской интеллигенціи, а также и среди нѣкоторой части молодежи мы замѣчаемъ значительный интересъ къ французской социалистической

литературѣ. По свидѣтельству П. В. Анненкова, прїѣхавъ въ Петербургъ въ 1848 г. изъ-за границы, онъ «встрѣтилъ дома отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллектуальной жизни Парижа. Книга Прудона о собственности, «Икарія» Кабе, сочиненія Фурье,—все это служило предметомъ изученія, горячихъ толковъ, вопросовъ и чайній всякаго рода... Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ въ эту эпоху (1840—1843 гг.), подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ». Въ числѣ лицъ, охваченныхъ этимъ движеніемъ, былъ, между прочимъ, Мих. Вас. Буташевичъ-Петрашевскій, имя котораго связано съ цѣлымъ кружкомъ людей, съ нимъ единомышленныхъ и вмѣстѣ съ нимъ пострадавшихъ. Мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права, преслѣдуемая въ печати и на каедрѣ, должна была тѣмъ не менѣе развиваться частью въ произведеніяхъ русскихъ авторовъ, напечатанныхъ за-границею, частью въ кружкахъ молодежи и вообще передовыхъ людей того времени; само собою разумѣется, что на ряду съ другими настоящими реформами, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ обсуждался и въ кружкѣ петрашевцевъ, о которомъ мы и будемъ говорить лишь настолько, насколько необходимо для возможнаго выясненія этой стороны взглядовъ его членовъ ¹⁾.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій воспитывался въ Александровскомъ лицей и еще въ 1836 году, 14-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, былъ замѣченъ тамъ «въ либеральномъ образѣ мыслей»; выйдя оттуда, онъ поступилъ въ университетъ вольнослушателемъ по юридическому факультету и въ 1841 году получилъ кандидатскій дипломъ. Уже въ это время онъ мечталъ о необходимости республиканской формы правленія, о прекращеніи войнъ, о полной терпимости въ дѣлахъ вѣры. Вслѣдъ за тѣмъ Петрашевскій ревностно предался изученію сочиненій Фурье, въ то время строго запрещенныхъ, но легко добываемыхъ изъ-за границы при посредствѣ петербургскихъ иностранныхъ книжныхъ магазиновъ. Усвоивъ систему Фурье и ознакомившись съ другими произведеніями, посвященными социальнымъ вопросамъ, Петрашевскій началъ распространять взгляды, которые казались ему наиболѣе правильными и симпатичными: раздавалъ знакомымъ иностранныя книги и журналы, старался дѣйствовать на молодежь, какъ непосредственно, такъ и чрезъ облизавшихся

¹⁾ Кромѣ печатныхъ источниковъ, мы могли при этомъ воспользоваться копіею съ записки секретной слѣдственной комиссіи по дѣлу этого кружка, сообщеніемъ которой мы обязаны редакціи „Русской Старины“. В. С.

съ нимъ учителей, и съ этою цѣлью, въ 1844 году, просилъ объ опредѣленіи его наставникомъ въ лицей, но получилъ отказъ. Тѣмъ не менѣе, будучи прежде самъ воспитанникомъ лицея, Петрашевскій имѣлъ тамъ знакомства; нѣкоторые лицеисты посѣщали его по праздникамъ, и слѣды его вліянія были замѣчены въ этомъ заведеніи. Трехъ лицеистовъ, по официальному свидѣтельству, онъ, «въ самое короткое время успѣлъ довести до того, что въ нихъ обнаружилось скептическое направленіе мысли относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка». (Одинъ изъ нихъ былъ исключенъ изъ заведенія, другой подвергнутъ исправительному наказанію).

Съ 1845 г. у Петрашевскаго стали собираться по пятницамъ его знакомые—педагоги, литераторы, студенты, при чемъ онъ былъ крайне неостороженъ и приглашалъ къ себѣ лицъ, весьма мало ему извѣстныхъ. Здѣсь обсуждались такіе вопросы, какъ необходимость улучшенія судопроизводства, уничтоженія крѣпостнаго права и т. п., которые нѣсколько лѣтъ поздиѣ были подняты самимъ правительствомъ, но тогда считались совершенно не подлежащими обсужденію частныхъ лицъ.

Для лучшаго распространенія симпатичныхъ Петрашевскому идей была учреждена, по свидѣтельству записки слѣдственной комиссіи, «библиотека социальныхъ книгъ на общія деньги», распорядителемъ которой былъ самъ Петрашевскій ¹⁾.

Петрашевскій не ограничился однако проведеніемъ своихъ идей въ кругу только знакомыхъ, но пожелалъ дать имъ и гораздо большее распространеніе путемъ печати. Съ этою цѣлью онъ задумалъ издать маленькую энциклопедію въ формѣ словаря иностранныхъ словъ, въ составленіи которой принялъ дѣятельное участіе весьма талантливый молодой человекъ, Валеріанъ Николаевичъ Майковъ, вскорѣ заявившій себя нѣсколькими прекрасными критическими статьями въ «Отечественныхъ Запискахъ» ²⁾. Въ 1845 году вышелъ

¹⁾ Въ описи библиотеки, оставшейся послѣ Петрашевскаго и подлежащей, по распоряженію правительства, продажѣ съ публичнаго торга, мы находимъ, между прочимъ, сочиненія Огюста Конта, Люи Блана, Кабе, Ламменэ. книги о сенъ-симонизмѣ, социалистахъ, объ освобожденіи рабовъ, о собственности и проч.

²⁾ В. Н. Майковъ, младшій братъ вѣстнаго поэта, въ 1842 году окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата юридическихъ наукъ. Въ 1846 году, когда Вѣлинскій покинулъ „Отечественныя Записки“ для обновленнаго „Современника“, Майковъ сталъ сотрудничать въ первомъ изъ этихъ журналовъ. Въ 1847 году онъ утонулъ, купаясь

первый выпускъ этой книги подъ заглавіемъ: «Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, издаваемый Н. Кириловымъ» ¹⁾). На оберткѣ мы находимъ «нѣсколько словъ отъ издателя»: «Объявивъ о выходѣ въ свѣтъ предлагаемаго «Словаря» и открывъ на него подписку», говоритъ онъ, «я ободренъ быть успѣхомъ, превзошедшимъ мои ожиданія. Это заставило меня приступить немедленно къ улучшенію своего изданія. Первоначальною цѣлью моею было простое слѣдующее; теперь же, какъ увидать гг. подписчики изъ перваго выпуска, «Словарь» есть не что иное, какъ краткая энциклопедія искусствъ и наукъ или, вѣрнѣе сказать, краткая энциклопедія понятій, внесенныхъ къ намъ европейскою образованностью. Средства не позволили мнѣ дать этой энциклопедіи надлежащую полноту. Тѣмъ не менѣе, по поводу филологическаго толкованія иностранныхъ словъ, читатели найдутъ здѣсь столько свѣдѣній, сколько необходимо ихъ имѣть для уразумѣнія современныхъ литературныхъ произведеній, помѣщаемыхъ въ журналахъ и газетахъ». «Словарь» былъ «всепреданнѣйше» посвященъ издателемъ Н. Кириловымъ великому князю Михаилу Павловичу, главному начальнику военно-учебныхъ заведеній. Первый выпускъ былъ составленъ очень осторожно, а нѣкоторыя статьи, какъ, на примѣръ, объ аристократіи ²⁾ и конституціи ³⁾, могли показаться администраціи

въ пруду въ окрестностяхъ Петербурга. См. интересную статью о немъ Е. К. Арсеньева въ „Вѣстникѣ Европы“ 1886 г. № 4 (на стр. 810—811, тутъ есть указаніе на отраженіе въ рецензіяхъ В. Майкова его отрицательнаго отношенія къ крѣпостному праву).
В. С.

¹⁾ Липранди свидѣтельствуеетъ, что книга эта, „подъ именемъ Кирилова“, была издана Петрашевскимъ („Русская Старина“ 1872 г., т. VI, 73). Не слѣдуетъ думать, что Кириловъ былъ лишь псевдонимомъ Петрашевскаго; такое лицо дѣйствительно существовало, но словарь былъ составленъ Петрашевскимъ и его кружкомъ.

²⁾ Здѣсь авторъ указываетъ на то, что „по смыслу нашихъ законовъ, кровь и богатство ничего не значатъ на службѣ въ сравненіи съ познаніями и способностями“ и съ удовольствіемъ заявляетъ, что „въ этомъ отношеніи мы, русскіе, можемъ гордиться предъ англичанами, народомъ, который почитаетъ себя достигшимъ совершенства въ своей государственной организаціи“.

³⁾ „На практикѣ до сихъ поръ это хваленое правленіе“, говоритъ здѣсь между прочимъ авторъ: „есть не что иное, какъ аристократія богатства... Защитники конституціи забываютъ, что человѣческій характеръ заключается не въ собственности, а въ личности, и что, признавъ политическую власть богатыхъ надъ бѣдными, они защищаютъ самую страшную деспотію! Двѣсти тысячъ богатыхъ, управляющихъ 33-мя милліонами бѣдныхъ и нищихъ,—то же самое, что каста аѳинскихъ или римскихъ гражданъ, которые

даже весьма благонамѣренными. Отрицательное отношеніе составителей «Словаря» къ конституціи вызывалось тѣмъ, что для нихъ на первомъ мѣстѣ стояли вопросы не политическаго устройства, а задачи экономическія и социальныя, и подкрѣплялось еще отсутствіемъ въ то время въ западной Европѣ всеобщей подачи голосовъ. Одинъ изъ петрашевцевъ свидѣтельствуетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, что онъ, «какъ убѣжденный послѣдователь Фурье, политикой въ собственномъ смыслѣ не интересовался вовсе и въ особенности къ формѣ правленія былъ совершенно равнодушенъ» ¹⁾).

Во второмъ выпускѣ «Словаря», вышедшемъ въ 1846 году и доведенномъ до буквы О, гораздо яснѣе раскрывались взгляды его составителей: тутъ уже прямо дѣлались ссылки на сочиненія Овена, Сень-Симона, Базара и Анфантена, Фурье, Кабе, Прудона и проводились взгляды, заимствованные изъ ихъ сочиненій. Укажемъ для примѣра на нѣкоторыя мѣста. Въ статьѣ «Нормальное состояніе» авторъ говоритъ, что «нормально развитымъ или благоустроеннымъ обществомъ... будетъ то, которое доставляетъ всякому изъ членовъ своихъ средства для удовлетворенія ихъ нуждъ пропорціонально потребностямъ ²⁾ и поставляетъ всякаго человѣка въ такое положеніе или отношеніе къ цѣлому обществу, что онъ, предаваясь вполне влеченію естественныхъ своихъ побужденій, нисколько не можетъ нарушать гармоніи общественныхъ отношеній, но будетъ дѣятелемъ не только полезнымъ самому себѣ, но и цѣлому обществу безъ самозавлання личности». Въ статьѣ «Новаторство» сказано, что «примѣромъ сиблаго новаторства въ бытѣ общественномъ могутъ служить системы Овена, Сень-Симона, Фурье». Въ статьѣ «Овенизмъ» сжато излагается ученіе Овена, и указано, между прочимъ, на отрицаніе имъ «исключительно частной собственности» и требованіе, чтобы орудія производства составляли общее достояніе. Подъ словомъ «органическая эпоха» излагаются нѣкоторыя черты сень-симонизма. Статья «Оракулъ» заключается слѣдующими словами: «ученіе Христово въ первобытной чистотѣ своей нанесло сильный ударъ всѣмъ возможнымъ пифіямъ и прорицателямъ, изобличило ихъ хищничество, коварство и деспотизмъ, и въ противоположность тому являя примѣръ безкорыстія, братолюбія, имѣя

угопали въ нѣгѣ и роскоши, попирая личность миллионовъ людей, официально называвшихся вещами». (Въ выносѣхъ пояснено: „здѣсь разумѣются рабы“).

¹⁾ Сочиненія Ф. М. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 86.

²⁾ Разрядка автора.

основнымъ догматомъ милосердіе, а цѣлью водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности ¹⁾, съ каждымъ днемъ привлекало себѣ новыхъ сподвижниковъ... Какъ ни прекрасно начало сего ученія, но оно еще не получило нормальнаго развитія». Въ статьѣ «Организація производства» особенно рекомендуются сочиненія Фурье и указываются нѣкоторыя черты его ученія, болѣе подробное изложеніе котораго предполагалось сдѣлать подъ словомъ «фурьеризмъ».

Люди, пронизанные социалистическими взглядами, разумѣется, не могли быть защитниками крѣпостнаго права, но въ первыхъ двухъ выпускахъ «Словаря» составителямъ его рѣдко представлялся случай (а быть можетъ они не имѣли къ тому и возможности) выразить свое отвращеніе къ рабству: оно затронуто лишь въ статьяхъ «Негрофиль» и «Негры». Статья «Негрофиль» начинается такимъ образомъ: «Такъ называютъ благородныхъ поборниковъ правды, принимающихъ живое, дѣятельное участіе въ судьбѣ несчастнаго племени негровъ... и доблестныя усилія которыхъ, въ новѣйшее время, увѣнчались успѣхомъ. По важности современнаго политическаго вопроса о торговлѣ неграми и уничтоженіи невольничества, мы считаемъ не излишнимъ изложить его съ нѣкоторою подробностью». Авторъ приводитъ слова папы Льва X, который «объявилъ невольничество противнымъ какъ христіанской религіи, такъ и человѣческой природѣ», и указываетъ на протесты противъ торговли неграми въ сочиненіяхъ различныхъ писателей и ученыхъ, а затѣмъ и на запрещеніе ея правительствами европейскихъ государствъ. Покончивъ съ вопросомъ о торговлѣ неграми, авторъ переходитъ къ ихъ эмансипаціи и уничтоженію невольничества. «Идея, разъ пробужденная», говоритъ онъ, «не усыпаетъ, а идетъ дальше: такъ, по превращеніи торговли негровъ (sic) негрофилы начали стремиться къ уничтоженію невольничества, начали представлять, что негры, рожденные въ колоніяхъ, не менѣе заслуживаютъ состраданія, какъ и тѣ, которые живутъ въ Африкѣ, что слѣдовательно, уничтоживъ торгъ неграми въ Африкѣ, тѣмъ болѣе надобно уничтожить его на рынкахъ колониальныхъ городовъ». Далѣе авторъ указываетъ на то, что въ 1824 г. въ Англии былъ принятъ билль, которымъ, между прочимъ, смягчена и опредѣлена мѣра наказаній для рабовъ и указаны случаи, когда эти наказанія допускаются, запрещено запираеть негровъ на ночь и тѣмъ болѣе заковывать ихъ въ цѣпи, запрещено при продажѣ разлучать членовъ семейства другъ съ другомъ, признано

¹⁾ Разрядка, какъ здѣсь, такъ и ниже, принадлежитъ авторимъ „Словаря“.

за неграми право безусловной собственности—движимой и недвижимой и они допущены къ свидѣтельству на судѣ противъ своихъ владѣльцевъ. Наконецъ, актомъ парламента въ 1833 г. рабство негровъ было окончательно уничтожено во всѣхъ американскихъ и африканскихъ колоніяхъ англичанъ, при чемъ рабовладѣльцы должны были получить вознагражденіе въ 20 мил. стерл.». Въ заключеніе авторъ защищаетъ «разумность и святость уничтоженія подобнаго рабства и угнетенія». Въ статьѣ «Національное собраніе» авторъ, конечно, не забываетъ упомянуть объ уничтоженіи въ началѣ французской революціи «рабства (*l'abolition de la qualité de serf*)» и «феодалныхъ судовъ (*l'abolition des juridictions seigneuriales*)». Само собою разумѣется, что этими указаніями авторъ вездѣ желаетъ намекнуть на необходимость уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, ограниченія крѣпостнаго права въ Россіи.

Составители словаря предполагали не только закончить его, но и снабдить еще многими добавленіями; однако, имъ не удалось осуществить эти намѣренія: «Карманный словарь», по распоряженію цензурнаго комитета, былъ отобранъ изъ лавокъ, при чемъ, однако, къ великому сожалѣнію Ир. Липранди, автора известной записки о петрашевцахъ, «издатель остался безъ всякаго за то преслѣдованія, не спрошено было даже и о лицахъ, доставлявшихъ статьи», хотя, казалось бы, трудно было преслѣдовать за изданіе книги, вышедшей въ свѣтъ съ дозволенія цензуры.

Видя невозможность проводить свои взгляды въ печати, Петрашевскій ¹⁾ попробовалъ прибѣгнуть къ иному способу. Въ мартѣ 1848 г. онъ роздалъ петербургскимъ дворянамъ во время губернскихъ выборовъ болѣе 200 экземпляровъ литографированной записки «о способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній», «косвенно содѣйствующихъ», по мнѣнію ея автора, «освобоженію крестьянъ». Содержаніе ея, какъ и вообще подробности относительно взглядовъ Петрашевскаго на крестьянскій вопросъ, къ сожалѣнію, почти совершенно неизвѣстны. Въ докладѣ слѣдственной комиссіи, учрежденной по дѣлу Петрашевскаго, сказано объ этой запискѣ, что авторъ ея выходитъ «совершенно изъ предѣловъ, допускаемыхъ закономъ. Напримѣръ, Петрашевскій полагаетъ гибельнымъ для общественнаго благосостоянія вообще предоставленіе права владѣнія населенными землями одному только классу исключительно, желаетъ введенія у насъ нѣкоторыхъ правилъ, существующихъ въ Пруссіи, Польшѣ и Франціи, пишетъ, что мѣры эти дадутъ

¹⁾ Онъ служилъ въ то время въ департаментѣ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ.

возможность крестьянамъ быть обязанными своему труду и благо-разумію, а не странному пожертвованію другихъ,—своимъ освобожденіемъ, что нравственная сторона этой мѣры, какъ развивающая духъ предусмотрительности въ низшемъ классѣ, весьма важна, какъ благонадежное средство приготовленія сихъ классовъ къ пользованію дарами гражданской свободы. Онъ хочетъ улучшенія формъ судопроизводства и надзора за административными и исполнительными властями, полагая, что всѣ сіи мѣры развиваютъ нравственныя и матеріальныя силы въ народѣ, находящемся понижѣ въ дремотномъ состояніи, и проч.» Петербургскій губернскій предводитель дворянства Потемкинъ сказалъ Петрашевскому, что государю императору «благо-угодно, дабы о семъ предметѣ не было разсужденія», и Петрашевскій своей записки нигдѣ не читалъ. Для уясненія взглядовъ Петрашевскаго на крестьянскій вопросъ мы имѣемъ еще лишь слѣдующія указанія.

Въ одномъ письмѣ къ пріятелю, упомянувъ о томъ, что кіевскій генералъ-губернаторъ Бибииковъ привезъ въ Петербургъ извѣстія «будто бы въ смежныхъ съ Галиціей губерніяхъ» Россіи крѣпостные «весьма расположены выпрѣзать помѣщиковъ», и что «эти извѣстія имѣли свое влияние на возобновленіе общаго вниманія къ эмансипаціи крестьянъ». Петрашевскій продолжаетъ: «мнѣ кажется, что этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ безъ предварительнаго преобразования судоустройства и судопроизводства, т. е. безъ введенія *de la publicité de procédure avec le jury*». Мы знаемъ также, что одному изъ членовъ кружка петрашевцевъ, а именно Кайданову, жившему въ Ростовѣ, проэктъ Петрашевскаго, желавшаго, очевидно, распространить его и между провинціальными дворянами, совершенно не понравился. Въ декабрѣ 1848 г. онъ писалъ брату въ Петербургъ: «получилъ я письмо Петрашевскаго; но едва-ли могу быть полезнымъ: во первыхъ, потому что крестьяне Ростовскаго уѣзда принадлежатъ по большей части Панину, Шереметеву, Орлову и другимъ богачамъ, живущимъ въ Петербургѣ, а въ Ростовѣ живутъ только четыре раззорившіеся помѣщика, и то такіе, съ которыми можно еще играть въ карты, но никакъ не говорить о какомъ нибудь дѣлѣ; во вторыхъ, потому что я не могу проповѣдывать то, чему самъ не сильно сочувствую, а я не могу сочувствовать его проэктору, какъ и всему тому, что ведетъ къ меркантильному феодализму и финансовой аристократіи; да къ тому же я не помѣщикъ, меня нисколько не интересуется возвышеніе цѣнности наслѣденныхъ имѣній; пусть цѣны на имѣнія падаютъ все ниже и ниже и дадутъ государству возможность пріобрѣтать эти имѣнія отъ помѣщиковъ».

Итакъ Петрашевскій въ своей запискѣ высказывался за предостав-

леніе права владѣть населенными имѣніями лицамъ, не принадлежащимъ къ дворянству, но по всей вѣроятности не иначе, какъ подъ условіемъ введенія въ этихъ вотчинахъ извѣстныхъ ограниченній помѣщичьей власти. Чтобы облегчить проведеніе подобной мѣры, онъ, вѣроятно, и указывалъ дворянству на то, что увеличеніе количества помѣщиковъ увеличитъ цѣнность населенныхъ имѣній. Само собою разумѣется, что этимъ не ограничивались его пожеланія относительно крестьянскаго вопроса; онъ, конечно, съ нетерпѣніемъ ожидалъ совершеннаго уничтоженія крѣпостнаго права, но думалъ, что этой мѣрѣ должно предшествовать преобразование нашего обветшалаго судопроизводства: введеніе гласности и суда присяжныхъ.

Если записку Петрашевскаго не одобрили нѣкоторые изъ членовъ его кружка, то еще менѣе понравилась она министру внутреннихъ дѣлъ и шефу жандармовъ. «Въ началѣ марта 1848 г. разнесся слухъ», рассказываетъ Ив. Липранди, «что Петрашевскій роздалъ многимъ какую-то литографированную записку вреднаго или, по крайней мѣрѣ, сомнительнаго содержанія. Получивъ приказаніе.. министра внутреннихъ дѣлъ—стараться достать экземпляръ этой записки. я не встрѣтилъ къ тому большаго затрудненія, такъ какъ записка эта была роздана на выборахъ многимъ дворянамъ. Содержаніе записки не могло не обратить вниманіе г. министра, и она тотчасъ же была препровождена къ шефу жандармовъ, который равномѣрно усмотрѣлъ важность ея содержанія, и оба они замѣтили, что это должно быть плодомъ тайнаго, обдуманнаго предначертанія. Тогда только по взаимному соглашенію ихъ сіятельствъ (гр. Л. А. Перовскаго и гр. А. Ѳ. Орлова), возложено было на меня собрать свѣдѣнія о Петрашевскомъ. И тутъ я не встрѣтилъ ни малѣйшаго препятствія, ибо оказалось, что всѣ благомыслящіе знали Петрашевскаго за вольнодумца въ полномъ значеніи этого слова».

Цѣлый годъ продолжалась негласная работа Липранди, которому удалось, наконецъ, ввести на собранія Петрашевскаго своего агента по фамиліи Антонелли. Кромѣ Петрашевскаго, собранія въ это время и ранѣе бывали еще у литератора А. Н. Плещеева, у Нагорнаго или Европеуса, у Кузьмина и Бѣлецкаго, у поручика Пальма, литератора Дурова и Пальма, жившихъ вмѣстѣ, у поручика Момбелли и у чиновника азіатскаго департамента Кашкина. Люди, сочувствующіе взглядамъ кружка Петрашевскаго, были и въ провинціи, гдѣ они и распространяли по возможности ученіе, которое сами исповѣдывали: таковы были Кузьминъ въ Тамбовѣ, Кайдановъ въ Ростовѣ, отставной подпоручикъ Черносвитовъ въ Сибири, тит. совѣт. Тимковскій въ Ревелѣ. Кайдановъ въ письмахъ говоритъ о

своей «наставѣ», для которой переводить на русскій языкъ сочиненія Бидермана о социализмѣ; онъ выписываетъ и читаетъ Консидерана, Фурье, Прудона, Луи-Блана, Сень-Симона, Кабе; пишетъ, что «совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія Фурье, вовсе не считая себя обязаннымъ свято вѣрить à toutes les extravagances de notre Maître».

Въ Петербургѣ собранія у Петрашевскаго и людей съ нимъ единомышленныхъ посѣщали литераторы, офицеры, чиновники, учителя, студенты, художники и даже купцы и мѣщане ¹⁾). Тутъ очень много толковали объ ученіи Фурье и другихъ социальныхъ теоріяхъ того времени, но въ примѣненіи къ русской дѣйствительности все сводилось къ «тремъ главнымъ вопросамъ», т. е. къ горячему протесту противъ цензуры, негласнаго суда и крѣпостнаго права, другими словами: къ требованію освобожденія крестьянъ, свободы книгопечатанія и преобразованія судопроизводства. Мы остановимся лишь на тѣхъ свидѣніяхъ, въ сожалѣнію, крайне неполныхъ и отрывочныхъ, какія мы имѣемъ о толкахъ и мнѣніяхъ петрашевцевъ относительно крестьянскаго вопроса. На собраніяхъ у Петрашевскаго читались рефераты, — между прочимъ и объ освобожденіи крестьянъ; въ бесѣдахъ по этому предмету, кромѣ самого хозяина, всего болѣе принимали участіе помощникъ инспектора классовъ въ технологическомъ институтѣ и преподаватель въ двухъ корпусахъ Ястржембскій, состоявшій при министерствѣ юстиціи и готовившійся быть учителемъ въ училищѣ правовѣдѣнія Головинскій, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Павелъ Кузьминъ, офицеръ Григорьевъ, литераторъ Ф. М. Достоевскій, служившій въ азиатскомъ департаментѣ, кандидатъ спб. университета, Дмитрій Дмитріевичъ Ахшарумовъ и офицеръ Момбелли.

Такъ, по свидѣтельству Липранди, основывающемуся на сообщеніяхъ агента Антонелли, Головинскій «отличался краснорѣчіемъ, дерзостью выраженій и самымъ враждебнымъ духомъ, разбирая три главные вопроса», въ томъ числѣ и уничтоженіе крѣпостнаго права; онъ говорилъ также, что болѣе другихъ «противенъ освобожденію

¹⁾ «Русская Старина» 1872 г. т. VI, 73—79. Липранди въ своихъ донесеніяхъ насчитывалъ болѣе ста человекъ, которые, по его мнѣнію, «должны были» болѣе или менѣе сочувствовать «обществу» Петрашевскаго. Въ «запискѣ слѣдственной комиссіи» сказано: «въ 1848 году собранія сіи» (у Петрашевскаго) «были немногочисленны, но съ этого года они начали увеличиваться, именно отъ 10, 15 и до 30 человекъ; число лицъ, посѣщавшихъ разновременно эти собранія, было далеко значительнѣе, потому что гости мѣнялись съ каждымъ годомъ, даже съ каждымъ мѣсяцемъ; одни оставляли Петрашевскаго также легко, какъ другіе съ нимъ знакомились».

крестьянъ гр. Панинъ», и, между прочимъ, заявилъ на одномъ изъ собраній у Петрашевскаго, что «въ слѣдующія двѣ пятницы предполагаетъ сказать о законной возможности крестьянъ требовать освобожденія». Во время слѣдствія двое изъ членовъ кружка Петрашевскаго, Филипповъ и Григорьевъ, показали, что Головинскій доказывалъ возможность освободить крѣпостныхъ «безъ содѣйствія и воли правительства, чрезъ возстаніе ихъ самихъ», такъ какъ крестьянамъ «не трудно внушить, до какой степени противуестественны ихъ отношенія къ помѣщикамъ», а Палемъ на слѣдствіи добавилъ, что Головинскій, «говоря очень горячо», утверждалъ, что «для освобожденія крестьянъ всѣ мѣры хороши». Но Головинскій, отрицая это, отозвался, что объ уничтоженіи крѣпостнаго права онъ «говорилъ въ томъ смыслѣ, что это можетъ сдѣлать правительство въ силу самодержавнаго права»¹⁾. Дм. Дм. Ахшарумовъ доказывалъ на собраніяхъ у Петрашевскаго, что «вопросы о судопроизводствѣ и объ освобожденіи крестьянъ должны разрѣшиться въ одинъ и тотъ же день». Ѡ. М. Достоевскій, какъ сказано въ донесеніяхъ Липранди, принималъ участіе въ преніяхъ «о трехъ главныхъ вопросахъ... соглашався съ мнѣніемъ Головинскаго»²⁾. Однажды, возвращаясь отъ Петрашевскаго, Черносивитовъ спросилъ Спѣшнева: какая, по его мнѣнію, реформа теперь всего полезнѣе въ Россіи. Спѣшневъ отвѣчалъ: «реформа крѣпостнаго состоянія», съ чѣмъ согласился и Черносивитовъ. Другой разъ Петрашевскій, будучи у Черносивитова, спросилъ Спѣшнева: «какіе и гдѣ вы видите способы къ возстанію?»

¹⁾ Въ «запискѣ секретной слѣдственной комиссіи» такимъ образомъ наложено показаніе Головинскаго: въ апрѣлѣ 1848 г., на одномъ изъ вечеровъ у Петрашевскаго, онъ «говорилъ объ освобожденіи крестьянъ въ томъ смыслѣ, что всякое улучшеніе въ администраціи должно начаться съ сравненія крѣпостныхъ съ прочими сословіями, т. е. въ дарованіи имъ гражданскихъ правъ, права собственности и права быть свидѣтелями. Когда же Петрашевскій возразилъ, что правительство скорѣе займется улучшеніемъ судопроизводства, чѣмъ освобожденіемъ крестьянъ, которое повлечетъ за собою гибельное столкновеніе сословій и такой переворотъ, который затруднитъ разрѣшеніе этого вопроса, то онъ, Головинскій, сказалъ, что все это можетъ устраниваться временною диктатурою, разумѣя подъ этимъ самодержавіе, которое, охраняя въ обыкновенное время существующія отношенія между сословіями, при необходимости для пользы общественной, въ силу права державнаго, можетъ вмѣнять ихъ не постепенно и чрезъ обоюдное согласіе, а рядомъ энергическихъ мѣръ, выходящихъ изъ предѣловъ обыкновенной законности». Слѣдственная комиссія замѣтила, что «понятія о диктатурѣ и о самодержавіи совершенно противоположны».

²⁾ На одномъ изъ собраній у Петрашевскаго офицеръ Григорьевъ излагалъ свое мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ.

Тотъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, всего одинъ вопросъ въ Россіи представить поводъ въ народному возстанію, именно крѣпостной вопросъ. Петрашевскій высказался при этомъ вообще противъ бунта и возстаній черни и выразилъ надежду на измѣненіе общественнаго устройства въ духѣ ученія Фурье.

Кружокъ, собиравшійся у Дурова, какъ свидѣтельствуеъ г. А. П. Милюковъ, его посѣщавшій, болѣе всего былъ занятъ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ и о томъ, какими путями и когда оно можетъ совершиться. Иные высказывали мнѣніе, что въ виду реакціи, вызванной у насъ европейскими революціями, правительство едва ли приступитъ къ рѣшенію этого дѣла, и что слѣдуетъ ожидать движенія скорѣе снизу, чѣмъ сверху. Другіе, напротивъ, утверждали, что народъ нашъ не пойдетъ по слѣдамъ европейскихъ революціонеровъ и, не вѣруя въ новую Пугачевщину, будетъ терпѣливо ждать рѣшенія своей судьбы отъ верховной власти. Въ этомъ смыслѣ съ особенною настойчивостью высказывался Ѳ. М. Достоевскій. «Я помню», рассказываетъ А. П. Милюковъ, «какъ однажды, съ обычною своею энергіей, онъ читалъ стихотвореніе Пушкина «Уединеніе». Какъ теперь слышу восторженный голосъ, какимъ онъ прочелъ заключительный куплетъ: «Увижу-ль, о друзья, народъ неугнетенный» и т. д. «Когда при этомъ кто-то выразилъ сомнѣніе въ возможности освобожденія крестьянъ легальнымъ путемъ, Достоевскій рѣзко возразилъ, что ни въ какой иной путь онъ не вѣритъ. Однако-же, по свидѣтельству Пальма, когда однажды во время спора былъ поставленъ вопросъ: «ну, а если-бы освободить крестьянъ оказалось невозможнымъ иначе, какъ чрезъ возстаніе», то Достоевскій съ обычною горячностью отвѣтилъ: «такъ хотя бы чрезъ возстаніе!» Одно изъ главныхъ преступленій Достоевскаго, по обвинительному акту, состояло въ томъ, что въ мартѣ 1849 г. онъ читалъ полученное изъ Москвы отъ А. Н. Плещеева письмо Бѣлинскаго къ Гоголю на собраніяхъ у Петрашевскаго и Дурова и отдалъ его для снятія копіи Момбелли. Въ письмѣ Бѣлинскаго членамъ этихъ кружковъ долженъ былъ нравиться, между прочимъ, и энергическій протестъ противъ крѣпостнаго права. Г. Милюковъ свидѣтельствуеъ, что Ѳ. М. Достоевскій «читалъ соціальныхъ писателей, но относился къ нимъ критически. Соглашаясь, что въ основѣ ихъ ученій была цѣль благородная, онъ, однако-жъ, считалъ ихъ только честными фантазерами. Въ особенности настаивалъ онъ на томъ, что всѣ эти теоріи для насъ не имѣютъ никакого значенія, что мы должны искать источниковъ для развитія русскаго общества не въ ученіяхъ западныхъ соціалистовъ, а въ

жизни и вѣковомъ историческомъ строѣ нашего народа, гдѣ въ общинѣ, артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы, болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія Сень-Симона и его школы. Онъ говорилъ, что жизнь въ иварійской коммунѣ или фаланстерѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги. Конечно, наши упорные проповѣдники социализма не соглашались съ нимъ¹⁾. Однако-же, по словамъ петрашевца Дебу, и ревностные поклонники Фурье обращали вниманіе на русскую общину, съ которою ихъ познакомилъ Гакстгаузенъ; относительно фаланстеря онъ подтверждаетъ, что взглядъ Достоевскаго «былъ практичнѣе».

Липранди обвиняетъ нашихъ фурьеристовъ въ томъ, что они стремились распространять свои идеи въ народѣ и для этого «ступали въ разговоръ съ легковыми извозчиками во время переѣздовъ и усиливались направить ихъ и ожесточить противъ помѣщиковъ и высшаго правительства»; онъ говоритъ, что свѣдѣнія объ этомъ были получены изъ двухъ источниковъ. Подобное обвиненіе мы встрѣчаемъ въ донесеніи Липранди относительно Ястржембскаго: онъ, по словамъ агента Антонелли, научалъ извозчика «не платить господамъ подать, а какъ будутъ требовать, то давать имъ колотушку» и въ заключеніе сказалъ ему: «вотъ видишь, нѣмцы—нехристи, да не берутъ оброка; какъ же православные дерутъ съ васъ, мужиковъ?» На что извозчикъ будто бы сказалъ: «хотѣли было ихъ освободить, да (начальство) не захотѣло». Иначе рассказываетъ объ этомъ въ своихъ Воспоминаніяхъ Ястржембскій: когда на слѣдствіи отъ него требовали признанія въ томъ, что онъ «проповѣдывалъ извозчикамъ необходимость убіенія помѣщиковъ, то допрашиваемый пояснилъ, что однажды извозчикъ жаловался ему на тяжесть оброка и при этомъ сказалъ: «некому за насъ заступиться: Богъ высоко, царь далеко», онъ-же, Ястржембскій, по привычѣ своей думать иногда въ слухъ, замѣтилъ: «да, французы, нѣмцы и прочіе нехристи свободны, а русскій православный народъ въ рабствѣ». Случай этотъ онъ потомъ сообщалъ у Петрашевскаго, гдѣ его слышалъ Антонелли и передалъ съ дополненіями и извращеніями.

Въ теченіи года съ небольшимъ Липранди наблюдалъ за кружкомъ Петрашевскаго и, наконецъ, 20-го апрѣля 1849 г. онъ получилъ

¹⁾ Милуковъ. О. М. Достоевскій (къ его біографіи): „Русская Старина“ изд. 1881 г., т. XXX, стр. 695, 697.

отъ министра внутреннихъ дѣлъ приказаніе передать все дѣло Дубельту, съ четырьмя именованными списками лицъ, болѣе или менѣе принадлежавшихъ къ обществу, съ отмѣтками противъ каждаго о степени ихъ участія, для произведенія одновременнаго ареста. 23-го апрѣля, по свидѣтельству Липранди, было «арестовано 33 человека (независимо другихъ пяти), которыхъ агентъ мой лично самъ видѣлъ на этихъ собраніяхъ».

Такъ какъ при обыскахъ были найдены нѣкоторые документы, изболочившіе либеральныя мнѣнія арестованныхъ, то мы укажемъ на тѣ мѣста въ нихъ, которыя прямо относятся къ крестьянскому дѣлу, какъ составляющему предметъ нашего изслѣдованія, не касаясь остальныхъ затронутыхъ тамъ вопросовъ.

Такъ, въ захваченномъ письмѣ А. Н. Плещеева къ Дурову, — первый писалъ изъ Москвы, въ мартѣ 1849 г.: «Дворянство нисколько не негодуетъ на то, что... одинъ изъ нихъ сословія завелъ у себя въ деревнѣ гаремъ и изнасилничалъ одну дѣвушку въ глазахъ ея отца и матери. Въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, Захревскій» (московскій генералъ-губернаторъ) «хорошо поступилъ, хоть и нарушилъ право, т. е. наказалъ безъ суда, непосредственно, отпустивъ тотчасъ же на волю весь гаремъ и отдавъ барина подъ строжайшій надзоръ полиціи... Баринъ этотъ—нѣкто Смирновъ». Найдены были также дневникъ штабсъ-капитана Кузьмина, веденный въ Тамбовѣ (въ іюнѣ 1848 г.); здѣсь объ одномъ весьма вліятельномъ мѣстномъ помѣщикѣ, которому Кузьминъ, по всей вѣроятности, сообщилъ записку Петрашевскаго объ увеличеніи цѣнности дворянскихъ имѣній, было сказано слѣдующее: «С—въ, не смотря на образованность и начитанность современную, имѣетъ довольно дикій и допотопный взглядъ на помѣстное право. Зная неправильность порядка, въ которомъ люди имѣютъ право на личность подобныхъ себѣ, старается доказать, что допущеніе купцовъ къ владѣнію населенными землями ¹⁾ съ тѣмъ, чтобы дѣлать крестьянъ обязанными, и вообще, кромѣ дворянъ, другихъ классовъ, имѣющихъ на то средства и досугъ заниматься» (хозяйствомъ?) «лично, будетъ несправедливо и даже вредно, потому что разстроитъ существующій порядокъ, организацію работъ, вопросъ, занимающій западъ Европы, но у насъ окончательно рѣшенный».

¹⁾ Это, какъ мы видѣли выше, предлагалъ Петрашевскій, и по всей вѣроятности онъ готовъ былъ допустить подобную мѣру именно на томъ условіи, о которомъ упоминаетъ далѣе Кузьминъ, т. е. съ обращеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанности.

«Вопросъ объ улучшеніи быта рабочаго класса», продолжаетъ Кузминъ, «имѣетъ двѣ человѣческія цѣли: 1) обезпеченіе существованія трудящагося и 2) возможность путемъ труда улучшить свое положеніе и совершенствоваться. Близорукіе помѣщики-эгоисты свазуть,—у насъ возможно достигъ той и другой цѣли; работающій мужикъ не умретъ съ голоду и даже можетъ разбогатѣть, а потомъ выкупить на волю себя съ семействомъ, а потомъ уже вести дѣтей своихъ, какъ пожелаетъ. Не проникнувши глубоко въ этотъ вопросъ, оно кажется и дѣйствительно такъ, но на самомъ дѣлѣ нѣтъ; чѣмъ прилежнѣе мужикъ, тѣмъ болѣе достается и работы на его долю; у мужика есть хлѣбъ въ голодный годъ, хлѣбъ, собранный крохами въ лучшіе годы, политый потомъ, и такой мужикъ естественно не получить помощи во время голода; лѣнтяя же и пьяница обезпечивается въ случаѣ неурожая. У лѣнтяя нѣтъ лошади, помѣщикъ—или дай ему лошадь, чтобы тотъ работалъ на барщинѣ и въ домѣ, или дасть ему другое назначеніе съ обезпеченіемъ содержанія; прилежный мужикъ, собравъ деньжонокъ, хочетъ выкупиться на волю, помѣщикъ требуетъ за это сумму, превосходящую собранный мужикомъ капиталъ; но воля такъ заманчива, что мужикъ входитъ въ долгъ и выкупается. И разъ объявивъ себя не бѣднякомъ, онъ подвергается всѣмъ притѣсненіямъ, которыя во власти помѣщика, чтобы заставить мужика предпочесть свободу въ рубищѣ достатку съ притѣсненіемъ; возражайте на это—я опровергну примѣрами.

«С—въ самъ говоритъ, что его мнѣніе противу настоящаго порядка, что капиталныя выгоды его страдаютъ,—не нравится ему (помѣщику) имѣніе, онъ распродаетъ его по розницѣ: крестьянъ на сюзъ, лѣсъ на срубъ, землю особо, и получить гораздо болѣе, нежели бы получилъ, продавъ имѣніе цѣлое, какъ было; мало того, купить онъ землю въ многоземельной губерніи, напр., въ Саратовской, мужики охотой не идутъ туда (что весьма естественно),—онъ назвалъ его Сибирью, выселилъ туда негодяевъ, и саратовское имѣніе, населенное негодяями, даетъ ему доходу болѣе при 40 душахъ негодныхъ, нежели тамбовское при 150 хорошихъ крестьянахъ. Этотъ взглядъ положительный; но онъ же есть взглядъ не человѣческій, не современный и даже не далекъ ¹⁾).

¹⁾ Беклемишевъ въ рукописи, подъ названіемъ „Переписка двухъ помѣщиковъ“, мечталъ о преобразованіи общественнаго строя Россіи въ духѣ ученія Фурье, желаетъ „сообщить помѣщиковъ и крестьянъ“; тогда не будетъ болѣе безпорядковъ: „Тогда помѣщики не будутъ болѣе, какъ мышь, дрожать ежeminутно за жизнь свою. они будутъ спокойно ложиться спать. Отчего?“

Письмо А. Н. Плещеева и дневникъ Кузьмина, хотя изъ нихъ и ясно видно было отрицательное отношеніе обоихъ этихъ лицъ къ крѣпостному праву, что съ точки зрѣнія тогдашней администраціи было вовсе не позволительно, все-таки могли гораздо менѣе скомпрометтировать ихъ авторовъ, чѣмъ объясненія десяти заповѣдей, найденныя въ бумагахъ студента Филиппова. Въ объясненіи 4-й заповѣди сказано: «Видали мы господь, что, почитай, цѣлую недѣлю гоняють бѣдныхъ крестьянъ на барщину. Приѣдетъ праздникъ Господень, и радъ бы мужикъ справить его по христіански, да глядишь: то сѣно не убрано, то хлѣбъ пора жать, то дровъ навозить, а дома и холодно, и голодно. Какъ быть? Ништо станешь дѣлать! пошелъ мужикъ на работу, и праздникъ ему не праздникъ. А кто причина, что мужикъ не справляетъ праздника Божія? Господинъ. Тажкій отвѣтъ дастъ онъ Богу на судѣ страшномъ, что ввелъ мужика въ соблазнъ». Къ преступленіямъ противъ шестой заповѣди авторъ причисляетъ обиду ближняго и притѣсненія со стороны помѣщиковъ, требуя при этомъ отъ крѣпостныхъ протеста противъ гнета, который они терпятъ: «Какъ же, забывая слово Божіе, начальники и господа слова не вымолвятъ съ нашимъ братомъ мужикомъ безъ брани?.. Дадимъ отвѣтъ и мы, что попустили ихъ обижать нашихъ братій; пора унять беззаконниковъ, да перестануть гнѣвить Господа Бога, ибо коли не уймешь ихъ, гнѣвъ Господень падетъ на всѣхъ насъ. Мало того, чтобъ не убивать человѣка, надо и не обижать ближняго... Нарушающій слово Божіе смертью да умретъ. Всѣ вы идете смотрѣть, какъ навазываютъ мужиковъ, что посмѣли послушаться господина или убили его. Развѣ вы не понимаете, что они исполнили волю Божію и что принимаютъ наказаніе какъ мученики за своихъ ближнихъ. Развѣ не будете защищаться, коли нападуть на васъ разбойники, а помѣщикъ, обижаящій крестьянъ своихъ, не хуже ли онъ разбойника?» По поводу седьмой заповѣди сказано: «Бракъ по назначенію помѣщика—прелюбодѣяніе и еще большій грѣхъ и для помѣщика, и для жениха съ невѣстой». На допросѣ Филипповъ показалъ, что «хотя толкованіе десяти заповѣдей написано имъ съ цѣлью распространять ложныя мысли о божественномъ писаніи, но онъ никому этого сочиненія не показывалъ». И дѣйствительно, мѣстами оно болѣе напоминаетъ предварительный черновой набросокъ: такъ, послѣ

Оттого, что не будетъ больше рабовъ, порою потрясающихъ самое твердое иго, не будетъ болѣе нищихъ въ вѣчной борьбѣ съ обществомъ, отказывающимъ имъ въ насущномъ хлѣбѣ, не будетъ пролетаріевъ, не будетъ отверженцевъ».

вышеприведенныхъ словъ по поводу седьмой заповѣди, въ свѣдѣніяхъ прибавлено: «объ насилуваніи, встати и объ насилуваніи помѣщиковъ», что очевидно представляетъ простую замѣтку для памяти, мысль, которую нужно было со временемъ развить ¹⁾). Въ составленной поручикомъ Григорьевымъ статьѣ «Солдатская Бесѣда», предназначенной, очевидно, для чтенія солдатъ, авторъ влагааетъ въ уста обнищавшаго отставнаго служиваго воспоминаніе о томъ, какъ развратничалъ ихъ баринъ-нѣмецъ, какъ угощалъ своихъ гостей невинными крестьянскими дѣвушками, какъ никакія жалобы начальству не помогали, какъ, наконецъ, онъ избилъ барина за изнасилованіе своей сестры, и за это ему забили лобъ.

Нѣкоторые изъ петрашевцевъ и на допросахъ заявляли о своемъ отрицательномъ отношеніи къ крѣпостному праву: такъ, отставной поручикъ Черноосвитовъ сказалъ, что «считаетъ необходимымъ слѣдовать нѣкоторыя перемѣны въ общественныхъ учрежденіяхъ, особенно освободить крестьянъ». Ханьковъ заявилъ слѣдственной комиссіи, что онъ признаетъ насущными потребностями Россіи «свободное книгопечатаніе, публичное судопроизводство и освобожденіе крестьянъ». Петрашевскій сказалъ слѣдственной комиссіи, что онъ готовъ указать «способы и множество мѣръ, которыя могутъ содѣйствовать къ разрѣшенію вопроса объ освобожденіи крестьянъ, этого труднѣйшаго и щекотливѣйшаго изъ вопросовъ нашего общественнаго быта».

Въ докладѣ генераль-аудиторіата, подтвержденномъ 19-го апрѣля 1849 г., о системахъ «соціальныхъ и коммунистскихъ» и въ томъ числѣ о системѣ Фурье, было сказано, что подсудимые, примѣняя эти ученія въ Россіи, имѣли, между прочимъ, въ виду уничтоженіе «права собственности общественнымъ способомъ чрезъ соединеніе помѣщиковъ и крестьянъ въ одну общину» ²⁾.

¹⁾ Въ лекціяхъ законовѣдѣнія (незавѣстно чьихъ), найденныхъ у поручика Пальма, Липранди обратилъ вниманіе на слѣдующее мѣсто, гдѣ опровергалось мнѣніе Аристотеля о невозможности равенства: «Люди по природѣ всѣ равны, а слѣдовательно и рабства быть не должно. Несправедливость рабства можно доказать и исторически, потому что съ постепеннымъ образованіемъ людей рабство болѣе и болѣе исчезаетъ». Продолжая далѣе разсуждать о причинахъ неравенства, авторъ видитъ одну изъ нихъ въ «феодалномъ и крѣпостномъ владѣніи». „Русская Старина“, т. VI, 82.

²⁾ Тутъ, очевидно, имѣется въ виду рукопись Беклемишева. Липранди въ мнѣніи, подданномъ имъ въ слѣдственную комиссію, пытался даже связать усиленіе крестьянскихъ волненій и убійствъ помѣщиковъ съ пропагандою петрашевцевъ. „Русская Старина“, т. VI, 78—79. В. С.

Приговоръ по дѣлу Петрашевскаго извѣстенъ. Замѣтимъ только, что Головинскій, опредѣленный рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны, былъ наказанъ только за «либеральные разговоры на собраніи у Петрашевскаго и Дурова, изъ коихъ у перваго самъ онъ объяснялъ возможность освобожденія крестьянъ безъ воли правительства»¹⁾).

В. И. Семевскій.

¹⁾ Достоинно вниманія, что возвращенные императоромъ Александромъ II изъ ссылки участники въ дѣлѣ Петрашевскаго сослужили добрую службу государю и отечеству въ крестьянскомъ дѣлѣ. Такъ, нѣкоторые изъ нихъ, и особенно Спѣшневъ былъ усерднымъ, честнымъ и энергическимъ мировымъ посредникомъ въ Псковской губерніи, Островскаго уѣзда, мировымъ посредникомъ—доброй памяти перваго призыва. Спѣшневъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ. М. В. Петрашевскій умеръ поселенцемъ въ г. Минусинскѣ, 7-го декабря 1867 г.

РУССКІЕ ИЗБРАННИКИ И СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

въ XVIII-мъ вѣкѣ ¹⁾.

СВІ. ПЛАТОНЪ ЗУВОВЪ I.

Если поэтъ и ваятель не стѣсняются придавать изображаемымъ ими предметамъ пріятную форму и легко обходятъ или едва лишь касаются недостатковъ, чтобъ искусствомъ своего изображенія произвестъ наиболѣе пріятное впечатлѣніе, то историкъ не можетъ позволить себѣ такіа вольности. Истина—первый и нерушимый законъ историка.

Фамилія Зубовыхъ принадлежитъ къ старому дворянскому роду, который лишь въ концѣ царствованія Екатерины II достигъ нѣкотораго значенія. Зубовъ-отецъ былъ вицегубернаторомъ въ провинціи и при этомъ управлялъ сосѣдними имѣніями генераль-аншефа Николая Ивановича Салтыкова ²⁾. Зубовъ имѣлъ значительныя помѣстья; его доходъ опредѣляли въ 20,000 рублей. Благодаря счастью своихъ сыновей, онъ также повысился. Онъ былъ даже генераль-прокуроромъ сената и тайнымъ совѣтникомъ, но не могъ удержаться. Быть можетъ, онъ былъ уменъ, но несомнѣнно золъ. Его обвиняли, что онъ, прикрываясь авторитетомъ императрицы, дѣлалъ несправедливости и обманы. Проступокъ, имъ совершенный, былъ, должно быть,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1836 г., т. L, апрѣль, стр. 1—180; т. LI, іюль, стр. 1—20.; т. LII, октябрь, стр. 1—24; изд. 1837 г., т. LIII, февраль, стр. 299—328; мартъ, стр. 533—550; т. LIV, апрѣль, стр. 35—46; т. LVI, октябрь, стр. 1—30.

²⁾ Салтыковъ былъ воспитателемъ обонхъ великихъ князей, Александра и Константина, президентомъ военной коллегіи, кавалеромъ всѣхъ русскихъ орденовъ и теперь фельдмаршалъ. Впрочемъ, многія его заслуги весьма сомнительны.

очень великъ, если могли осмѣлиться крики о немъ довести до слуха императрицы, которая была вынуждена уволить отца избранника и даже удалить его отъ двора. Мы слышали, что онъ умеръ прежде императрицы. Жена его была статсъ-дамою государыни. Отъ этого брака произошли четыре сына—Николай, Платонъ, Валерьянъ и Дмитрій—и одна дочь. Отецъ далъ сыновьямъ лишь обыкновенное, но не совсѣмъ ужъ дурное образование. Главная ихъ наука состояла въ довольно поверхностномъ знаніи французскаго языка. Онъ отвезъ всѣхъ четырехъ сыновей въ Петербургъ, гдѣ, при помощи генерала Салтыкова, они тотчасъ же были опредѣлены офицерами въ различные гвардейскіе полки. О трехъ старшихъ сыновьяхъ говорится въ особыхъ статьяхъ. Изъ всѣхъ братьевъ, Дмитрій—самый незначительный во всѣхъ отношеніяхъ и, вѣроятно, именно поэтому самый лучший. Его сдѣлали камергеромъ и дали ему въ жены княжну Ваземскую¹⁾, дочь тогдашняго генераль-прокурора. Онъ имѣлъ несчастіе быть тугимъ на ухо. Сестра Зубовыхъ давно уже стала извѣстна своею (свободною) жизнью. Ея мужемъ былъ Жеребцовъ, камергеръ. Она имѣла одного сына, который былъ уже камеръ-юнкеромъ. Онъ былъ посланъ въ Берлинъ съ извѣстіемъ о смерти Павла I.

При этомъ его очень дурно дрессировали (онъ былъ чрезвычайно болтливъ). Его мать была тогда также въ Германіи. Она имѣла осторожность выѣхать изъ Петербурга еще до смерти императора.

Платонъ Зубовъ, второй изъ всѣхъ братьевъ, былъ офицеромъ въ конной гвардіи и, въ день паденія Мамонова, занималъ караулъ въ Царскомъ Селѣ. Ему было тогда 22 года.

Салтыковъ былъ друженъ съ отцомъ его. Если ему удастся составить счастье молодого человѣка, онъ могъ разсчитывать на его благодарность и на свое вліяніе на дѣла. Платонъ Зубовъ явился. Его внѣшній видъ былъ также мало представительнъ, какъ и его способности. Если-бы представился выборъ, онъ никогда не былъ бы избранъ; но такъ какъ хотѣли показать Мамонову, что въ адъютантахъ нѣтъ недостатка, то онъ сталъ избранникомъ. До сихъ поръ многие избранники носили имя Александра. Теперь явился маленькій, слабенькій на видъ, человѣкъ, носившій ничего не значущее для избранника имя великаго Платона. Въ первый же вечеръ немилости Мамонова, Зубовъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ императрицы и полковникомъ, и получилъ чрезъ

¹⁾ Графъ Дмитрій Александровичъ Зубовъ († 1836) былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Александровнѣ Ваземской († 1835 г.). В. Б.

Салтыкова приказаніе сопровождать государыню и нѣсколькихъ придворныхъ лицъ въ прогулкѣ по водѣ .

Впрочемъ, вначалѣ не было причины радоваться такому избранію. Бесѣда Зубова не была ни жива, ни остра и, вслѣдствіе своей юности, онъ дѣлалъ промахи, свойственные лишь людямъ, еще не окончившимъ своего образованія. Онъ чувствовалъ непристойность своего поведенія, бросилъ ее и сталъ, наконецъ, весьма любезенъ въ обществѣ (не считая даже престижа, который всегда является въ столь особенномъ санѣ). Зубовъ много трудился надъ приобрѣтеніемъ научныхъ познаній, и трудился съ успѣхомъ. Любимою его склонностію была музыка. Онъ съ жаромъ изучалъ ее и достигъ большаго искусства въ игрѣ на скрипкѣ. Онъ тѣмъ удобнѣе могъ предаваться занятіямъ, что вель при дворѣ такую тихую жизнь, какую только позволялъ придворный шумъ. Это онъ сдѣлалъ по совѣту Салтыкова, своего «бывшаго» защитника, такъ какъ теперь онъ не нуждался уже въ защитникѣ. Его менторъ предостерегалъ его отъ всякихъ связей, которыя такъ легко могутъ имѣть видъ интригъ, и давалъ ему тѣ правила, слѣдованіе которымъ могло ему пригодиться для укрѣпленія своего значенія, но которыя не были, конечно, наилучшими для блага человѣчества. Вслѣдствіе этихъ наставленій, Зубовъ постановилъ себѣ правила, которыя для него стали закономъ: никогда не имѣть желанія, которое не совпадало бы съ мнѣніемъ императрицы; всегда льстить капризамъ императрицы и ея главнымъ страстямъ, съ которыми Салтыковъ бѣгло ознакомилъ его, и, наконецъ, смиряться предъ княземъ Потемкинымъ и противиться ему не прежде, чѣмъ когда онъ будетъ настолько крѣпокъ, чтобъ князь не могъ уже его свергнуть. Зубовъ точно слѣдовалъ этимъ правиламъ и былъ весьма счастливъ, по крайней мѣрѣ относительно вѣшняго блеска

Платонъ Зубовъ былъ посвященъ во всѣ вѣшнія, внутреннія и военныя дѣла русскаго двора; вскорѣ же онъ достигъ такого значенія, что сталъ главнымъ двигателемъ русской государственной машины. Наконецъ, одинъ только его голосъ сталъ рѣшающимъ въ совѣтѣ императрицы. Въ нашъ планъ не входитъ разсказъ всѣхъ замѣчательныхъ событій его жизни до смерти Екатерины. Его исторія такъ тѣсно сплелась съ лѣтописями послѣднихъ семи лѣтъ царствованія Екатерины, что читая одно, необходимо читаешь и другое.

Замѣчательнѣйшія политическія событія того времени, когда Зубовъ имѣлъ наибольшее вліяніе при дворѣ, были, приблизительно, слѣдующія: шведская война, которой онъ, по совѣту Салтыкова,

противился; верельскій миръ съ этою державою, которому онъ, по тому же побужденію, содѣйствовалъ; война съ Турціею, которую онъ, по указанію Салтыкова же, порицалъ и тѣмъ разошелся съ Потемкинымъ; смерть Іосифа II; несостоявшійся конгрессъ въ Систовѣ; смерть Потемкина, который былъ открытымъ врагомъ Зубова и могущество котораго разбивалось о высокое значеніе этого избранника, какъ о камень, не производя никакого дѣйствія; Яскій миръ съ Портою, на заключеніи котораго онъ настаивалъ; революція и происшедшія изъ нея возстанія въ Польшѣ; второй раздѣлъ Польши, который онъ и Марковъ позорнѣйшимъ образомъ подготовили и совершили; убійство Густава III; смерть Леопольда II; пріемъ графа д'Артуа и французскихъ эмигрантовъ; торговля мѣры противъ Франціи и, наконецъ, неудавшійся планъ брака Густава Адольфа II съ великою княгинею Александрою Павловною, въ чемъ Зубовъ, равнымъ образомъ, принималъ большое участіе.

Екатерина умерла среди хлопотъ объ этомъ бракѣ. Исторія не можетъ дать ей болѣе подходящаго титула, какъ Екатерина Счастливая. Этотъ проектъ брака былъ, можетъ быть, единственный проектъ въ ея жизни, въ которомъ ей не посчастливилось. Несомнѣнно, что ее свело въ могилу горе по поводу этого злополучія, которое такимъ оскорбительнымъ образомъ компрометировало ее въ глазахъ всего свѣта и заставляло отказаться отъ излюбленной ею идеи.

Зубовъ успѣвши извѣстить великаго князя о смертельной болѣзни его матери, но его услужливость была уже поздною; Безбородко упредилъ его.

Когда императрица умерла, Зубовъ былъ нѣмецкій имперскій князь, носилъ портретъ государыни, былъ генераль-фельдцейгмейстеръ, генераль-адъютантъ, генераль-губернаторъ Екатеринослава и Тавриды, сенаторъ, шефъ кавалергардовъ и кавалеръ орденовъ св. Андрея, св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, Чернаго Орла и св. Анны.

По смерти императрицы, которая окончила жизнь страшнымъ крикомъ, Зубовъ представился молодому монарху, который утвердилъ его во всѣхъ должностяхъ и, обнимая, милостиво сказалъ ему: «*l'ami de ma mère sera toujours le mien*». Въ началѣ, дѣйствительно, казалось, что это вовсе не пустыя слова. Зубовъ былъ каждодневнымъ собесѣдникомъ государя.

Къ этому времени относится анекдотъ, который, быть можетъ,

немногимъ читателямъ извѣстенъ. Первое лѣто своего царствованія Павелъ проводилъ въ своемъ загородномъ дворцѣ, въ Павловскѣ, съ своею супругою, дѣтьми и небольшимъ числомъ друзей, къ которымъ принадлежалъ и Платонъ Zubovъ. Императоръ имѣлъ при себѣ большой отрядъ гвардіи, болѣе тысячи человекъ, которыхъ онъ весь день обучалъ, и чтобъ испытать ихъ бодрость и военную выработку, будилъ ихъ по ночамъ тревогами и выводилъ въ строй готовыми къ походу. Въ этихъ случаяхъ онъ самъ вставалъ, одѣвался, шелъ на дворцовый дворъ и въ казармы, чтобъ трубить тревогу и судить о готовности войскъ. Впрочемъ, тамъ, въ своей семьѣ, императоръ жилъ совсѣмъ по домашнему. По вечерамъ онъ обыкновенно очень рано отпускалъ дворъ. Затѣмъ отправлялся съ супругою и немногими довѣренными лицами въ императорскую спальню и проводилъ еще нѣсколько часовъ въ дружеской бесѣдѣ. Однажды, вечеромъ, часовъ уже въ 11, гвардейцы услышали звукъ, похожій на тревогу, котораго въ императорскомъ дворцѣ вовсе не слышали. Въ одну минуту войска были готовы и появились на дворцовомъ плацу, чтобъ принять приказанія императора. Они дивились, не видя императора, но терпѣливо ожидали его. Между тѣмъ прибытіе войскъ сопровождалось шумомъ, который произвелъ во дворцѣ удивленіе

. Наконецъ, пришло на мысль разузнать, чѣмъ было вызвано это странное происшествіе. Причина его оказалась слѣдующая: за нѣсколько дней до этого происшествія, императоръ, охотно все германизовавшій, приказалъ, чтобъ почтальонамъ были выданы нѣмецкіе рожки, которыми они должны были оповѣщать о времени своего прибытія. Приказъ этотъ не былъ еще всѣмъ извѣстенъ. Между тѣмъ, одинъ изъ почтальоновъ, снабженный уже рожкомъ, привезъ кого-то съ экстреннымъ мальпостомъ изъ Петербурга въ Павловскъ и сталъ трубить по всему городку и у гвардейскихъ казармъ. Гвардейцы приняли рожокъ за тревогу и — произошло то, что мы сообщили выше. Теперь всѣ улеглись спать

Неизвѣстно почему, но скоро императоръ лишилъ Зубова своей милости. Въмѣсто нея появилось рѣшительное неблаговоленіе императора. Поводомъ къ этому послужилъ недостатокъ 18,000 рублей въ артиллерійской кассѣ, которою завѣдывалъ Зубовъ, какъ фельдцейхмейстеръ. Императоръ приказалъ тотчасъ же наложить запрещеніе на всѣ имѣнія Зубова, но еще прежде, чѣмъ успѣли исполнить это приказаніе, Зубовъ уплатилъ недостающую сумму. Тѣмъ не менѣе,

Зубовъ лишился тогда всѣхъ своихъ должностей и съ нимъ обходились отнынѣ какъ съ отставнымъ генералъ-аншефомъ.

Этотъ случай сдѣлалъ, однако, Зубова болѣе осторожнымъ. Онъ нашелъ болѣе благоразумнымъ держаться вѣ сферѣ молвіи, такъ легко поражающей. Въ этихъ видахъ онъ просилъ позволенія отпра- виться въ путешествіе и получилъ отпускъ съ такою легкостью и въ такихъ выраженіяхъ, что это путешествіе можно было принять за изгнаніе. Онъ пріѣхалъ въ Германію и всѣ, знавшіе его въ Россіи, видѣли теперь передъ собою совершенно другаго человѣка. Прежде онъ былъ гордъ и отталкивалъ всѣхъ отъ себя; теперь, когда не стало жрецовъ, воздававшихъ ему нѣкогда почитаніе — любезенъ и веселъ.

Легко понять, что онъ сохранилъ свои связи въ Россіи

. Нашли средство добиться къ Кутайсову, подкупивъ его любовницу. Черезъ этого всемогущаго въ то время человѣка всѣ Зубовы получили разрѣшеніе возвратиться въ Петербургъ. Достигнувъ этого, Зубовъ притворился, будто его волнуютъ такіа чувствованія, кото- рыхъ онъ никогда и не имѣлъ. Онъ старался показать, что его тро- гають хлопоты Кутайсова въ его пользу. Чтобъ выразить ему свою благодарность, онъ представился какъ будто хочетъ жениться на его дочери. Этой уловкой онъ опять добился благоволенія Павла, ко- торый далъ ему и его братьямъ доказательства своей полной милости. Такое великодушіе Павла должно было бы примирить съ нимъ даже и его враговъ, но они не были способны на подобныя чувствованія. Они опасались, что императоръ вновь прогнѣвается, такъ какъ онъ всегда дѣйствовалъ подъ впечатлѣніемъ минуты, что и придавало его характеру отпечатокъ какого-то непостоянства.

Вскорѣ послѣ (восшествія на престолъ Александра), Платонъ Зу- бовъ покинулъ дворъ, гдѣ ему ужъ больше нечего было дѣлать, и отправился въ Курляндію, въ свое имѣніе.

Изъ этого краткаго и недостаточнаго біографическаго очерка чи- татели въ состояніи будутъ судить хотя до нѣкоторой степени, что Зубовъ чрезвычайно развилъ прилежаніемъ свой довольно обыкновен- ный умъ и что всѣми почти его дѣйствіями руководили гордость, мстительность и жестокость.

Въ картинной галлерей императорскаго эрмитажа, въ Петербургѣ, показывали два изображенія Зубова: какъ государственнаго человѣка и какъ генералъ-фельдцейхмейстера. Первое было поколѣннымъ пор- третомъ. Платонъ сидитъ передъ столомъ, на которомъ лежатъ ланд- карты, рисунки и книги. Это изображеніе было вырѣзано потомъ на мѣди. На другомъ онъ изображенъ во весь ростъ. Онъ стоитъ

въ латахъ, отчасти прикрытый пурпуровою тогой и окруженный массою орудій, символовъ его высокаго военнаго сана. Эту картину рисовалъ знаменитый Лампи.

Многимъ, конечно, читателямъ придется, по прочтеніи этого очерка, на мысль сдѣлать паралель между Григоріемъ Орловымъ и Платономъ Зубовымъ, которая можетъ быть распространена отчасти и на ихъ братьевъ. Приводимъ наиболѣе поразительные пункты ихъ сходства и различія: всѣ братья Зубова, какъ нѣкогда братья Орлова, были возведены въ графское достоинство .

оба они были вторыми изъ братьевъ, наконецъ, оба были генераль-фельдцейхмейстерами, носили портретъ императрицы и въ послѣдній годъ своего избранства стали нѣмецкими имперскими князьями.

Примѣч. переводчика. Платонъ Александровичъ Зубовъ. 1767—1822. П. С. З. № 17,706, 17,724, 17,832, 17,854, 17,967. 17,972, 18,309. 18,595, 18,877, 19,682; А. Г. С., I, ч. 2, 154, 211; Бумаги Екатерины II. (Сборникъ, XXIII, 516, 566; XLII, 19, 23, 24, 60, 64, 137, 235, 238); Указы Павла I (Истор. Вѣстн., 1881, VI, 203); Рескриптъ Павла I (Осмнадц. вѣкъ. IV, 474); Финанс. докуменги (Сборникъ, XXVIII, 429); Письма Павла I („Русская Старина“, 1882, XXXIII, 443, 444); Расходы Павла I („Русская Старина“, 1873, VIII, 98); Бычковъ, Письма и бумаги Екатерины II, Слб., 1873, 99; Письма Зубова (Воронцовъ, XXIV, 250; Осмнадц. вѣкъ, IV, 183); Письма Екатерины II (Архивъ, 1864, 568; 1865, 767; „Русская Старина“. 1876, XVII, 31, 33, 35, 38, 205, 212, 412, 417, 425, 645); Бумаги Ренина (Сборникъ, XVI, 87, 282); Письма Безбородко (Сборникъ XXVI, 414, 428. 430, 431, 496; XXIX, 502); Воронцовъ, V, 274, 369; VIII, 52, 66, 72, 80, 84, 125, 128, 157, 168; IX, 416; X, 6, 12, 172; XII, 258; XIII, 255, 315, 345, 354; XIV, 149, 177; XVIII, 60; XX, 30, 53, 138, 388; XXI, 310; Письма Гримма (Сборникъ, XXXIII, 308); Гарновскій, XVI, 401, 404, 406, 411, 424; Castega. II, 379, 427, 443, 455; Энгельгардтъ, 109, 125; Masson, 96, 108, 123; Державинъ, 610, 617, 625, 638, 696, 698, 739, 752; Виле-Лебревъ, 299; Храповицкій, 292, 295, 315, 325, 363, 378, 435, 503; Записки гр. Комаровскаго (Осмнадц. вѣкъ, I, 342); Воспоминанія Нелья (Осмнадц. вѣкъ, III, 397); Ségur, II, 168; Разсказъ Лубинскаго (Архивъ, 1871, 148); Карабановъ, V, 144; Разсказы Львовой („Русская Старина“, 1880, XXVIII, 352; Дмитриевъ, 36; Sternberg, Bemerkungen über Russland auf einer Reise gemacht in 1792 und 1792. S. I., 1794; Отзывъ гр. Завадовскаго (Архивъ, 1883, II, 127); А. Л., Замѣтки о фамили Зубовыхъ („Русская Старина“, 1876, XVII, 173; П. П., Князь П. А. Зубовъ („Русская Старина“, 1876, XVI, 591); Вейдемейеръ. Дворъ, II, 92; Вантышъ-К., Словарь, II, 411 (17, изд. 1847 г.); Спески. 127, 236, 329; Долгоруковъ, II, 317; III, 134; Карабановъ-Долгоруковъ, 125, 151, 198; Барновичъ, Богатства частныхъ людей, 333; Соч. Державина. изд. Грота, I, 599; IX, 671; Письма Державина (Библиогр. Зап., III, 520); Записки греческаго митрополита Хрисанфа (Архивъ, 1872, 863); Проза Пушкина (Библиогр. Зап., II, 131, 528); Ода П. Зубову („Русская Старина“, 1871, IV, 299); Hegmann, VII, 395, 409, 437, 534, 535, 591, 592, 600, 656.

В. В.

СVII. ВАЛЕРІАНЪ ЗУБОВЪ II

Въ царствованіе императрицы Екатерины II самымъ удивительнымъ являлась быстрая перемѣна въ поведеніи людей, которыхъ неожиданное счастье приближало къ трону. За день до этого они принадлежали къ тому классу общества, въ который поставило ихъ рожденіе и способности; они были скромны и часто любезны. Въ день, когда рѣшалась ихъ судьба, они были какъ бы одуряемы счастьемъ. Они поднимались до высшихъ сферъ и приближались къ земному божеству. На этой высотѣ у нихъ кружилась голова. Они вели себя неловко и нуждались въ помочахъ. День же спустя они выказывали обыкновенно все безстыдство выскочки, забывшаго, что 24 часа назадъ онъ былъ ничто, стремящагося презирать окружавшихъ его и грозящаго злоупотребить своимъ незаслуженнымъ возвышеніемъ. Молодой человекъ, о которомъ мы говоримъ здѣсь, велъ себя именно такъ.

Валеріанъ Зубовъ третій изъ братьевъ, былъ 19-ти лѣтъ при возвышеніи Платона, и прапорщикъ въ конной гвардіи. Онъ былъ тотчасъ же командированъ въ караулъ въ Царское Село, и такъ какъ онъ поправился, то его ежедневно допускали въ общество императрицы. Государыня оказывала ему столько же милости, какъ и его брату. Чтобы обставить его возвышеніе, онъ, въ чинѣ майора гвардіи, былъ посланъ въ армію князя Потемкина. Недовольный возвышеніемъ Зубовыхъ, Потемкинъ выражалъ это тѣмъ презрѣніемъ, съ какимъ относился къ Валеріану публично, при всѣхъ. Но такъ какъ Потемкину намекнули изъ Петербурга, чтобъ онъ послѣ перваго же счастливаго дѣла прислалъ Зубова обратно въ Петербургъ, то онъ уступилъ требованіямъ политики и послалъ его въ Петербургъ съ извѣстіемъ о взятіи какой-то турецкой крѣпости, кажется, Измаила. Когда Валеріанъ, передъ отъѣздомъ изъ лагеря, явился въ послѣдній разъ къ князю, чтобъ получить послѣднія приказанія, случился интересный анекдотъ, много разъ уже рассказанный, но все же удивительный: «если императрица спроситъ тебя — сказалъ князь дружески Валеріану — какъ я себя чувствую, скажи ей, что зубы причиняютъ мнѣ боль, но когда я пріѣду въ Петербургъ, то вырву ихъ». Этого, однако, не случилось. Зубы продолжали причинять ему боль. Потемкинъ явился въ Петербургъ, хотѣлъ ихъ вырвать, но искусство его, какъ зубнаго врача, оказалось для этого слишкомъ слабымъ.

Едва Валеріанъ прибылъ ко двору, его повысили въ чинѣ, сдѣлали флигель-адъютантомъ императрицы и, кромѣ другихъ подарковъ,

онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Онъ остался въ Петербургѣ, ежедневно бывалъ у императрицы и былъ осмыпанъ знаками милости. Въ 1791 году его доходы считали уже въ 22,000 руб.

Довольно ограниченному уму Валерьяна такая жизнь должна была казаться приятною, и тѣмъ не менѣе Валерьяну хотѣлось идти дальше по пути военной славы, но, конечно, идти по своему. Беспорядки въ Польшѣ дали ему случай если и не прославиться, то стать извѣстнымъ. Какъ генералъ-майоръ и кавалеръ ордена св. Александра Невскаго, онъ получилъ важное командованіе и отиѣтилъ всюду свое пребываніе слѣдами безразсудства и жестокости. Крайне низкое, безстыдное и возмутительное обхожденіе его съ нѣкоторыми польскими панами и ихъ женами содѣйствовало взрыву возстанія въ Варшавѣ, въ 1794 году, и происшедшему отъ того несчастію многихъ русскихъ. Извѣстны средства, употреблявшіяся для успокоенія поляковъ. Зубовъ занялся насильственнымъ примѣненіемъ ихъ. Но онъ былъ наказанъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ проявилъ наибольшую несправедливость. Однажды, въ сентябрѣ 1794 года, онъ отправился на рекогноспировку и, къ тому же, туда, гдѣ было особенно опасно. Отчасти онъ сдѣлалъ это не во-время, отчасти же онъ не былъ къ этому призванъ. Это было съ его стороны не мужество, а своевольство. Поляки это замѣтили, прицѣпились и ему оторвало ногу ядромъ. Тотчасъ же былъ отправленъ въ Петербургъ курьеръ, не получившій, конечно, награды за это извѣстіе. Оно распространило при дворѣ ужасъ. Императрица сама написала Валерьяну и просила его возвратиться въ Петербургъ. Она послала ему очень удобную англійскую дорожную карету и 10,000 дукатовъ на дорожныя издержки. Затѣмъ она дала ему орденъ св. Андрея Первозваннаго, вслѣдствіе чего онъ сталъ генералъ-лейтенантомъ, и 300,000 рублей на уплату его долговъ.

Зубовъ прибылъ въ Петербургъ въ началѣ 1795 года. На каждой станціи для него заготовляли 110 лошадей и онъ всѣ ихъ бралъ, между тѣмъ какъ для герцога курляндскаго Бирона, который въ то-же время ѣхалъ въ Петербургъ, заказывали на каждой станціи лишь 60 лошадей, изъ которыхъ онъ бралъ только 40. Валерьянъ представлялся императрицѣ въ креслѣ на колесахъ. Великая во всемъ, и въ своихъ чувствованіяхъ, государыня не могла удержать слезъ при видѣ Валерьяна. Она хотѣла подарками выразить свое участіе и облегчить его судьбу. Не всѣ, конечно, подарки были извѣстны публикѣ; извѣстны же были слѣдующіе: прекрасный, миленькій дворецъ въ Большой Миліонной улицѣ, принадлежавшій въ прежнее время генералу Густаву Бирону и купленный нынѣ (1808 г.) камергеромъ Дивовымъ; подарокъ въ 25,000 руб. золотомъ и, наконецъ, пенсія въ 13,000 руб.

серебромъ. Лечение сопровождалось страданіями и шло медленно, потому что онъ предавался всяческимъ излишествамъ. Онъ остался калѣкой. Ему пришлось отпилить часть колѣна. Одни говорятъ, что ему отпилили слишкомъ много, другіе—слишкомъ мало. Выписали изъ Англии искусственныя колѣна, но ни одно не пришлось. Когда онъ появлялся публично при дворѣ, онъ ходилъ на деревяшкѣ. Тѣмъ не менѣе, его все повышали въ чинахъ. Въ 1795 году Валерьянъ былъ генераль-аншефъ инфантеріи и директоръ кадетскаго артиллерійскаго и инженернаго корпуса.

Но славолюбіе Зубова все еще было не удовлетворено. Онъ просилъ о позволеніи командовать арміей въ Персіи и получилъ разрѣшеніе. Прежде тѣмъ говорить объ этомъ походѣ, необходимо сказать о причинѣ войны.

Нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, во время князя Потемкина, одинъ изъ его племянниковъ, генераль Павелъ Потемкинъ¹⁾ командовалъ русскою арміей на Кавказѣ²⁾. Въ то время, въ сосѣдней или, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ отдаленной Персіи нѣсколько братьевъ оспаривали другъ у друга правленіе страной и изгоняли другъ друга. Одинъ изъ нихъ, изгнанный однимъ изъ своихъ братьевъ, спасся со всѣми своими драгоценностями къ Павлу Потемкину. Этотъ принялъ его и сказалъ, что доставить его въ Россію. Всѣ его богатства были нагружены на корабль, а ему сказали, что онъ будетъ отправленъ вслѣдъ затѣмъ на другомъ кораблѣ. Онъ согласился; но къ его крайнему удивленію его не хотѣли принять ни на одинъ изъ кораблей. Между тѣмъ, корабль съ драгоценностями уже отплылъ. Персіянинъ сѣлъ на маленькое судно и поплылъ въ догонку своихъ сокровищъ. Когда онъ былъ уже такъ близокъ къ кораблю, на которомъ нахо-

¹⁾ Павелъ Потемкинъ пользовался дурною славой; говорили, что у него злое сердце, и этотъ слухъ подтверждается тѣмъ, что выше рассказано. Онъ былъ очень храбръ и получилъ за храбрость орденъ св. Георгія 2-й степени. Онъ умеръ во время процесса. Его жена была Закревская.

²⁾ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, 1743—1796. Арх. Г. С., I, ч. 2, 58, 64, 79, 125, 191; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, I, 99; XIII, 373, 408, 420; Архивъ, 1872, 873); Письма Екатерины II къ П. С. Потемкину („Русская Старина“, 1875, XIII, 115); Наставленіе Потемкина капитану Лувику (Архивъ, 1864, III, 109); Мазсон, 255; Вейдемейеръ, Дворъ, I, 163; Евгений, II, 136; Бантышъ-К., Словарь, IV, 192; Списки, 227, 317; Карабановъ-Долгоруковъ, 188, 195; П. С. Потемкинъ („Русская Старина“, I, 317; II, 226, 335, 345, 351; IV, 574; V, 346); Каратыгинъ, Гр. П. С. Потемкинъ (Истор. Вѣстн., 1883, XIII, 345); Гротъ, П. С. Потемкинъ во время пугачевщины („Русская Старина“, 1870, II, 399); Библиогр. Зап., II, 183; Лонгиновъ, Замѣтка о судѣ надъ П. С. Потемкинскимъ (Архивъ, 1863, 462); Сантовъ, 108. В. В.

дѣлись его сокровища, что могъ вскочить на него, онъ бросился и ухватился обѣими руками за бортъ. Ему отрубили пальцы и несчастный упалъ обратно въ свое судно. Изуродованный, онъ бѣжалъ на родину и былъ убитъ своимъ братомъ. Это былъ 75-лѣтній эвнухъ. Другой братъ еще въ юности оскопилъ его. Теперь этотъ эвнухъ былъ узурпаторомъ большей части Персіи. Другаго своего брата, Муртасу-Кули-хана, шаха армянскаго, онъ тоже изгналъ, и русскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Персією, прогналъ въ Баку; впрочемъ, никакихъ другихъ враждебныхъ дѣйствій относительно Россіи онъ не дѣлалъ. Муртаса зналъ уже русскихъ. Въ 1793 году, когда эвнухъ лишилъ его владѣній, онъ убѣжалъ на русскую землю и именно въ Астрахань. Теперь онъ сдѣлалъ то-же самое и, какъ человѣкъ, умѣвшій защищать себя, прибылъ даже въ Петербургъ. Здѣсь онъ представился императрицѣ, потребовалъ выдачи сокровищъ своего покойнаго брата, захваченныхъ Павломъ Потемкинымъ, и просилъ о защитѣ противъ эвнуха. Защита была ему обѣщана и Валерьянъ Zubovъ получилъ командованіе надъ арміей, назначенной въ персидскій походъ.

Легко догадаться, что онъ отправился въ походъ со всевозможными удобствами, опустошилъ нѣсколько провинцій, перебилъ несмѣтное число людей и сдѣлалъ распоряженія объ осадѣ Дербента ¹⁾. Предшествовавшія кровопролитія сдѣлали Валерьяна Zubova страшнымъ. Городъ тотчасъ сдался. Рассказываютъ, будто 120-лѣтній старикъ поднесъ Zubovu ключи города, тѣ самые, которые онъ нѣкогда подносилъ императору Петру I. Если этотъ анекдотъ, выдуманный, быть можетъ, только ради оригинальности, справедливъ, то старикъ могъ пожаловаться на жестокость своей судьбы, приберегшей для него, послѣ столькихъ лѣтъ, несравненно большее униженіе, чѣмъ первое. Тогда онъ отдавалъ ключи великому, всѣми почитаемому и коронованному побѣдителю; теперь — юному, невѣжественному и злодѣйскому выскочкѣ. Взятіемъ Дербента закончилъ Валерьянъ свою военную карьеру. Время его блеска миновало. Екатерина II умерла.

Павелъ I не видалъ никакого интереса въ войнѣ съ Персією. Онъ отозвалъ назадъ войска, но сдѣлалъ это въ крайне оскорбительной для Валерьяна Zubova формѣ. Ни единымъ словомъ не извѣщая его, командующаго арміей, онъ послалъ всѣмъ, находившимся подъ его начальствомъ, генераламъ приказаніе возвратиться со всѣми своими

¹⁾ Въ петербургскомъ арсеналѣ есть модель Дербента, сдѣланная по приказанію Петра I. По ней видно, что городъ никогда не былъ обложенъ, для чего потребовалась бы невѣроятно большая армія.

войсками въ Россію и отправиться на свои зимнія квартиры. Валерьянъ остался бы совершенно одинъ, если-бъ не рѣшился послѣдовать за другими. Въ этомъ столь оскорбительномъ для чести Зубова приказѣ Павла I можно видѣть одинъ изъ побудительныхъ мотивовъ къ злобѣ Зубовыхъ .

Валерьянъ возвратился въ Петербургъ и былъ нехорошо принятъ императоромъ. Такъ какъ другіе братья покинули уже дворъ, то и этотъ Зубовъ удалился отъ двора и отправился въ свои великолѣпныя имѣнія въ Курляндіи, въ бывшіе удѣлы герцога, между которыми лучшее было Вюрцанъ ¹⁾. Такимъ образомъ, Валерьянъ раздѣлилъ участь обоихъ старшихъ братьевъ. Впослѣдствіи онъ виѣстѣ съ ними же прибылъ въ Петербургъ .

Мудрость совѣтовала Зубовымъ удалиться вслѣдъ за восшествіемъ на тронъ Александра, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, такъ они имѣли случай замѣтить, что имъ едва-ли удастся играть роль при новомъ правленіи, хотя и милостивомъ, но справедливомъ и чело-вѣколюбивомъ. Валерьянъ тоже послѣдовалъ этому указанію мудрости и отправился въ Курляндію. Тамъ онъ и умеръ, лѣтомъ 1804 года.

Мы знаемъ уже всѣ важнѣйшія должности, которыя занималъ Валерьянъ. Но къ этому мы должны еще прибавить, что онъ былъ нѣмецкій имперскій графъ и кавалеръ орденовъ Бѣлаго, Чернаго и Краснаго Орла.

Валерьянъ Зубовъ былъ невысокъ ростомъ; тѣмъ не менѣе, это былъ чрезвычайно красивый мужчина. Особенно у него были живые глаза; взглядъ его былъ чрезвычайно приятенъ. Послѣ того какъ онъ лишился употребленія ноги и долженъ былъ все сидѣть, онъ сталъ очень толстъ. Его внутреннія качества вовсе не соответствовали его внѣшности. Онъ былъ чело-вѣкъ ограниченный, ничему не учившійся; онъ былъ легкомысленъ, развратенъ, расточителенъ, злопамятенъ и жестокъ.

Полагающіе, что Валерьянъ Зубовъ получилъ отъ императрицы чистыми деньгами и имѣніями не болѣе милліона рублей, ошибаются; вѣрнѣе было бы сказать два милліона. Его драгоцѣнности также были весьма значительны.

Валерьянъ Зубовъ былъ женатъ. Его женою была разведенная

¹⁾ Въ Вюрцанѣ прелестный замокъ; только жаль, что комнаты очень низки. Распланировку сада дѣлала императрица Анна, какъ герцогиня Курляндская.

жена графа Прото-Потоцкаго, нѣкогда очень богатаго поляка, имѣвшаго въ Варшавѣ мѣняльную лавку и потерявшаго все свое состояніе во время бѣдствій, постигшихъ его родину. Зубовъ жилъ съ нею открыто и когда она формально развелась съ своимъ мужемъ, Валерьянъ женился на ней. Мы слышали, что отъ этого брака были дѣти.

Примѣч. переводчика. Валерьянъ Александровичъ Зубовъ, 1771—1804. Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXII, 616, 632, 643, 671, 685; XLII, 24, 64, 185, 327); Письма Зубова (Архивъ, 1873, 876; Соч. Державина, изд. Грота, V, 819); Записка Зубова о торговлѣ съ Азією (Архивъ, 1873, 879); Воронцовъ, VIII, 72, 124, 132, 144, 151; X, 205, 220; XIII, 354; XIV, 481, 496; XX, 138, 388; Григорьевъ, Записка Хусанфа о походѣ въ Персію (Чтенія, 1861, I, 5); Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 499; XXIX, 534); Бумаги Репнина (Сборникъ, XVI, 407, 508); Письмо Румянцева („Русская Старина“, 1873, VIII, 722); Храповицкій, 317, 502; Записки гр. Комаровскаго (Осмнадц. вѣкъ, I, 343); Энгельгардтъ, 141, 174, 190; Masson, 110, 153, 268, 273, 296; Державинъ, 613, 787, 788, 799, 804; Castéra, II, 283, 382, 401, 415, 425, 426, 443, 447, 455; Вейдемеьеръ, Дворъ, II, 145; Бантышъ-К., Словарь, II, 406; Списки, 128, 240; Карабановъ-Долгоруковъ, 188; Соч. Державина, изд. Грота, I, 804, 743; Химровъ, Густавъ Биронъ, братъ регента (Осмнадц. вѣкъ, II, 283); Russica, II, 692 [См. примѣч. подъ № 106]. В. В.

СУЩ. НИКОЛАЙ ЗУВОВЪ Ш.

Николай Зубовъ былъ старшимъ изъ братьевъ. Онъ (вѣроятно, еще, 1808 г., живъ) очень высокъ ростомъ, но уродливъ; у него мало ума, онъ крайне невѣжественъ; кажется, не очень храбръ. Онъ доказалъ свою возмутительную жестокость и вель, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, въ высшей степени невоздержный образъ жизни.

Послѣ этого всякій удивится, что такой человѣкъ занималъ довольно важныя мѣста въ арміи. Платонъ и Валерьянъ вытянули въ гору своего брата, у котораго было также мало достоинствъ, какъ и у нихъ. Прежде всего, Николай былъ посланъ въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ. Не сдѣлавъ тамъ ровно ничего, онъ возвратился ко двору и получилъ за свои военныя заслуги гражданскій орденъ. Затѣмъ онъ отправился въ Польшу, подъ команду Игельстрема. Онъ былъ въ Варшавѣ въ 1794 году, когда тамъ вспыхнуло страшное возстаніе. Зубовъ бѣжалъ и, по собственному побужденію, явился курьеромъ въ Петербургъ съ этимъ извѣстіемъ; но такъ дурно считалъ, что явился ко двору какъ разъ въ день рожденія императрицы.

Конечно, онъ не могъ теперъ разсчитывать на награду — онъ получалъ ее позже. При порабощеніи Польши онъ опять является дѣйствующимъ лицомъ и по случаю незначительной схватки, въ которой его люди отбили у поляковъ четыре или пять пушекъ, получалъ золотую шпагу, богато усыпанную брилльянтами. По окончаніи этого такъ называемаго похода, онъ получилъ прусскій и русскій ордена.

Послѣ этого Николай Zubovъ оставилъ военную службу и сталъ императорскимъ шталмейстеромъ.

По смерти императрицы, онъ вмѣстѣ съ братьями впалъ въ немилость. Въ это время онъ жилъ то въ имѣніяхъ своихъ и женинныхъ, то въ Москвѣ. Позже онъ прибылъ въ Петербургъ и присутствовалъ при восшествіи на престолъ Александра.

Послѣ онъ опять отправился въ свои имѣнія, которыя, насколько намъ извѣстно, никогда уже не покидалъ болѣе.

Когда Екатерина II умерла, онъ былъ генераль-маюръ, шталмейстеръ, кавалеръ орденовъ Чернаго Орла, св. Александра Невскаго и св. Владимира 3-й степени. Павелъ I оставилъ ему всѣ его должности и знаки отличія; онъ долженъ былъ только отказаться отъ чина генераль-маюра, такъ какъ императоръ не терпѣлъ отставныхъ военныхъ и давалъ имъ соотвѣтствующій гражданскій чинъ.

Въ то время, какъ братья находились въ милости, Николай Zubovъ женился на единственной дочери генераль-фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго.

Отчасти за женой, отчасти по милости императрицы, Николай Zubovъ получилъ столь большія имѣнія, что его можно причислить къ самымъ богатымъ частнымъ лицамъ въ Россіи.

Примѣч. переводчика. Николай Александровичъ Zubovъ, 1763—1805. Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXIII, 624); Рескрипты Павла I (Осмнадц. вѣкъ, IV, 474); Воронцовъ, VIII, 129, 161; XIV, 511; Храповицаій, 310, 353, 426; Энгельгардтъ, 195; Castera, II, 382, 401, 415, 425, 426; Письма Суворова къ зятю (Архивъ, 1866, 951); Бантышъ-К., Списки, 130, 244; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 334. [См. примѣч. подъ № 106].

В. В.

ОИХ. АРКАДІЙ МОРКОВЪ.

Великіе таланты даютъ своимъ обладателямъ основательное право притязать на высшія государственныя должности; но для этого необходимо, чтобъ эти таланты не сопровождались пошlostью, высокохѣріемъ и злобою. Пошlostь, не идущая даже къ красотѣ, еще болѣе обезображиваетъ уродство и дѣлаетъ его еще болѣе разительнымъ; высокохѣріе умаляетъ достоинство способностей, а злость, если имѣетъ вліяніе, часто ведетъ къ проклятію всѣхъ націй. Такова характеристика человѣка, достопримѣчательностей жизни котораго мы хотимъ коснуться.

Мы не можемъ опредѣлить былъ ли Аркадій Морковъ ¹⁾, какъ одни говорятъ, сыномъ, или какъ другіе съ болѣею увѣренностью утверждаютъ, внукомъ русскаго крестьянина. Достоверно только, что его образованіе было значительно выше его происхожденія. Онъ изучилъ языки и другія извѣстныя и прикладныя науки, и сдѣлалъ въ тѣхъ и другіихъ тѣмъ болѣе успѣхи, что обладалъ необыкновенными способностями. Люди прозорливые, знавшіе его еще тогда, говорили, что въ немъ лежали многообѣщающіе зародыши, но развивавшіеся при неблагопріятныхъ вліяніяхъ.

Морковъ началъ свою политическую карьеру тѣмъ, что былъ частнымъ секретаремъ князя Голицына, бывшаго посланника въ Голландію. Въ домѣ его онъ оставался не долго. Его дарованія пужались въ болѣе высокой сферѣ.

Онъ былъ извѣстенъ графу Стакельбергу ²⁾, который отправился посланникомъ въ Испанію и взялъ его съ собою сперва частнымъ секретаремъ, но тотчасъ поручилъ ему дѣла своего штата и вскорѣ добылъ ему мѣсто императорскаго секретаря посольства въ Мадридѣ. Такимъ образомъ, творцомъ карьеры Моркова былъ собственно Стакельбергъ и Моркова упрекали, что онъ впоследствии совершенно забылъ это благодѣтельное для него обстоятельство.

Когда Морковъ возвратился въ Россію, онъ былъ посланъ въ Варшаву, гдѣ тогда русскимъ посломъ былъ Салдернъ. Здѣсь ему представилось широкое поприще для его рѣшительнаго таланта

¹⁾ Морковъ по русски значитъ морковь.

²⁾ Стакельбергъ, одинъ изъ дѣявѣйшихъ министровъ, умеръ въ Дрезденѣ шесть или восемь лѣтъ назадъ. Одинъ изъ его сыновей, равнымъ образомъ ловкій человѣкъ, также посланникъ.

къ интригамъ, составлявшимъ въ то время главное занятіе русскихъ дипломатовъ въ Польшѣ. Онъ велъ ихъ, конечно, искусѣ Салдерна, который, впрочемъ, могъ поспорить съ нимъ въ злой волѣ. Они были согласны относительно сущности; они расходились только въ способѣ примѣненія средствъ для достиженія своей цѣли. Это различіе было главною причиною ссоры, которая, наконецъ, должна была быть предоставлена рѣшенію императрицы. Оба забылись до того, что посоль приказалъ арестовать посольскаго секретаря. Морковъ былъ вскорѣ же освобожденъ отъ ареста, такъ какъ Салдернъ сознавалъ, зчто не имѣлъ никакого права къ столь самовольному шагу. Вскорѣ ратѣмъ пришло приказаніе Моркову явиться въ Петербургъ. Въ февралѣ 1772 года онъ отправился въ Россію, и тогда случилось, что ожидали: умный посольскій секретарь свернулъ шею считавшему себя умнымъ послу. Съ этого времени и до 1779 года Морковъ оставался въ Петербургѣ, въ канцеляріи департамента вѣнскихъ дѣлъ. Въ 1779 году онъ отправился, какъ посольскій совѣтникъ, съ княземъ Репнинымъ на конгрессъ въ Тешень. Оттуда онъ былъ посланъ въ Парижъ, какъ повѣренный въ дѣлахъ.

Послѣ того онъ былъ посланникомъ въ Швецію, гдѣ подготовилъ и началъ то, что Разумовскій продолжилъ и окончилъ.

Въ 1787 году, вслѣдствіе удаленія Бакунина ¹⁾, стало вакантнымъ третье мѣсто въ министерствѣ вѣнскихъ дѣлъ. Безбородко, знавшій дѣловитость Моркова, постарался такъ, что императрица назначила его третьимъ членомъ этой имперской коллегии. Безбородко и Морковъ, оба люди умные, были вполнѣ согласны въ веденіи дѣлъ. Съ неловкимъ графомъ Остерманомъ, который былъ первымъ изъ нихъ трехъ, они обходились какъ съ автоматомъ, который долженъ былъ дѣлать лишь то, что они желали. Это согласіе ихъ было тѣмъ естественнѣе, что оба они были вѣрными сотоварищами въ веденіи неправильной жизни, какую только можно себѣ представить. Но и относительно Безбородко Морковъ скоро забылъ о той благодарности, которую онъ былъ долженъ ему. Онъ свергнулъ его, присоединясь къ невѣжественному, но всецѣльному Зубову. Изъ этого видно, что умный человѣкъ достигнетъ всего, чего желаетъ, если даже встрѣтятся и препятствія. Императрица имѣла предубѣжденіе противъ Моркова, которое нельзя себѣ и объяснить. Тѣмъ не менѣе, Морковъ повелъ дѣло такъ, что въ сущности Зубовъ былъ только орудіемъ и онъ чрезъ этого выскочку дѣлалъ все, что хотѣлъ. Салдернъ былъ творцомъ перваго расчлененія Польши, Морковъ повелъ дѣло дальше. Онъ,

¹⁾ Хвалить не характеръ Бакунина, но его умъ.

вмѣстѣ съ Зубовымъ и Северсомъ, былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во второмъ (отнятіи) польскихъ провинцій и, наконецъ, въ совершенномъ уничтоженіи политическаго существованія этого государства. Поляки громко проклинали его.

Онъ недолго оставался на своемъ посту по смерти Екатерины. Павелъ I, презиравшій Моркова и желавшій чувствительно наказать его, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, далъ ему лишь нѣсколько часовъ сроку, чтобы уѣхать изъ Петербурга въ свои имѣнія. Впослѣдствіи императоръ предлагалъ ему вновь вступить въ службу, но Морковъ былъ настолько уменъ, что отклонилъ это предложеніе. Онъ остался въ своихъ имѣніяхъ не только при Павлѣ, но и при нынѣшнемъ правительствѣ и, вѣроятно, еще и теперь (1808 г.) живетъ тамъ на доходы отъ своего огромнаго состоянія.

Когда онъ оставилъ службу, онъ былъ нѣмецкій графъ, тайный совѣтникъ и кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Владимира 2-й степени.

Морковъ никогда не былъ женатъ, но уже много лѣтъ онъ живетъ съ старою французскою актрисою, Madame Hus, которую онъ вывезъ изъ Стокгольма въ Петербургъ, и имѣлъ отъ нея нѣсколько дѣтей. Въ лучшіе дни ее содержалъ въ Страсбургѣ нынѣшній (1808 г.) баварскій король, тогда принцъ Максимилианъ Цвейбрюкенскій.

Примѣч. переводчика. Аркадія Ивановичъ Морковъ, 1747—1827. П. С. З., № 16,498, 16,594, 17,606; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXIII, 289; XXVI, 223; XXVII, 334; XLII, 332); Мѣсяцесловъ на 1789 г. 36; Расходы Павла I („Русская Старина“, 1873, VIII, 99); Письма Моркова (Воронцовъ, XIV, 209; XX, 1; Архивъ, 1869, 866); Донесенія Моркова (Архивъ, 1873, 2,229); Бумаги Репнина (Сборникъ, XV, 446, 567; XVI, 296, 329, 336); Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 382, 423, 492, 494, 499; XXIX, 532, 536, 540); Воронцовъ, V, 202; VIII, 85, 92, 106, 128, 151, 204; IX, 110, 234, 252, 258, 346; X, 39, 154, 181, 219, 222; XII, 282, 331; XIII, 55, 216, 260, 276, 278, 290, 325, 342, 345, 351, 359; XIV, 20, 26, 165, 439; XVIII, 61, 361; XXIX, 481; Храповицкій, 369, 401, 416, 435, 533; Энгельгардтъ, 194; Державинъ, 648; Masson, 144; Casters, II, 333, 401, 425; Пикарь, I, 133; Карабановъ, въ „Русской Старинѣ“, V, 462; Отзывъ Завадовскаго (Архивъ, 1883, II, 127, 165); Бартеневъ, А. И. Морковъ (Бесѣда, 1857, IV, 1); Вейдемейеръ, Дворъ, II, 148; Вантышъ-К., Словарь, I, 369; Списки, 209; Долгоруковъ, II, 320; III, 200; Карабановъ-Долгоруковъ, 188, 198; Вѣсти изъ Россіи (Архивъ, 1876, I, 90); Радищевъ, А. Н. Радищевъ („Русская Старина“, 1872, VI, 574); Вяземскій, V, 53; Arneth, Joseph II und Leopold von Toscana (Архивъ, 1872, I, 770); Гротъ, Шведская война 1788 г. (Архивъ, 1869, 112); Негтманн, VII, 360, 365, 395, 411, 436, 506, 534, 535, 591, 592, 601; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 92, 362; Сантовъ, 86.

В. В.

СХ. ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ КУТАЙСОВЪ.

Клю краснѣеть, видя погрѣшности того монарха, котораго она, ради его многихъ добрыхъ качествъ, съ такимъ участіемъ защищаетъ отъ враговъ и отъ людей, которые судятъ о немъ и осуждаютъ, не зная его; Клю краснѣеть, замѣчая, что хотя этотъ государь во все свое царствованіе имѣлъ только одного избранника, но и при этомъ одиночномъ избраніи онъ впалъ въ ошибку большинства своихъ предшественниковъ и избралъ выскочку, лишеннаго всякихъ заслугъ.

Кутайсовъ, вѣроятно, еще здравствующій (1808 г.), по рожденію мохамеданинъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ уже большимъ мальчикомъ въ первую турецкую войну, въ 1770 году, при взятіи Бендеръ, и, какъ рѣдкость, подаренъ великому князю Павлу, который тоже былъ юнъ еще. Павелъ окрестилъ его въ греческую вѣру, при чемъ, кажется, молодой прозелитъ получилъ имя Ивана. Мы не знаемъ происхожденія данной ему фамиліи Кутайсовъ. Великодушный Павелъ не удовольствовался только крещеніемъ. По его приказанію, его избранникъ (онъ былъ уже имъ въ то время) былъ обученъ французскому языку и необходимымъ наукамъ, по крайней мѣрѣ, поверхностно. Хотя Кутайсовъ дѣлалъ лишь посредственные успѣхи, онъ все же научился большому, чѣмъ знаютъ обыкновенно люди его категоріи.

Великій князь принялъ его въ число придворныхъ служителей, но не возвысилъ его даже и до камердинера. Всѣ, посѣщавшіе русскій дворъ въ началѣ 1790-хъ годовъ, видѣли, въ комнатахъ наслѣдника, въ Зимнемъ дворцѣ, и во время зимнихъ празднествъ въ каменно-островскомъ дворцѣ, Кутайсова въ лакейской ливреѣ. Такъ какъ онъ былъ турокъ, то его показывали тогда, какъ рѣдкое существо.

Въ срединѣ послѣдняго десятилѣтія онъ снялъ, наконецъ, ливрею и сталъ дѣйствительнымъ камердинеромъ. Уже тогда говорили шопотомъ, что Кутайсовъ будетъ играть роль, когда Павелъ взойдетъ на престолъ

Кутайсовъ былъ посредникомъ при сближеніи Павла съ Нелидовою ¹⁾,

¹⁾ Дѣвица Нелидова съ умомъ и познаніями соединяла великолѣпный характеръ. Впрочемъ, можно было только удивляться, какимъ образомъ Павелъ могъ предпочесть ея маленькую, уродливую фигурку признанной красотѣ своей супруги.

придворною дамою великой княгини-матери. Избранникъ Кутайсовъ велъ себя при этомъ весьма ловко и къ удовольствію своего государя, но, пока жила Екатерина II, не могъ подняться выше камердинера.

Со смертью Екатерины вошла счастливая звѣзда Кутайсова. Новый императоръ объявилъ его своимъ фактическимъ избранникомъ, осыпавъ его почетными должностями и подарками. Но монархъ могъ возвеличить его, какъ хотѣлъ, онъ все же не могъ вложить въ него внутреннее содержаніе и его отъ природы доброе сердце не могъ снабдить остроумнымъ характеромъ. Павелъ I, знавшій, вѣроятно, слабость Кутайсова, предписалъ ему какъ нерушимый законъ: никогда не разговаривать съ чужими людьми, чтобъ они ничего не могли узнать отъ него о частной жизни императора. Хитрый Безбородко, съумѣвшій скоро же раскусить избранника, снизошелъ съ своей высоты и присоединился къ Кутайсову, чтобъ при помощи его подняться еще выше. Союзъ этихъ двухъ лицъ породилъ неограниченную власть, которую они и практиковали. Безбородко руководилъ Кутайсовымъ, а Кутайсовъ направлялъ императора по волѣ своего друга. Дѣвицу Нелидову необходимо было удалить. Благодаря своимъ достоинствамъ, она стала подругой императрицы. Въ императорской семьѣ не было согласія, чего они и не желали, такъ какъ оно могло быть опаснымъ ихъ вліянію. Поэтому-то имъ было необходимо разрушить (дружбу) угрожавшую имъ опасностью. Значеніе братьевъ Куракиныхъ ¹⁾ хотя и было ослаблено Безбородко и Кутайсовымъ, или даже совѣмъ пало, но Куракины были друзьями императрицы и Нелидовой—они легко могли подняться и отомстить своимъ противникамъ. Эту случайность необходимо было предотвратить. Нѣкогда, при коронаціи въ Москвѣ, дѣвица Лопухина ²⁾ произвела впечатлѣніе на государя. Эту склонность вновь пробудили, предложивъ императору, въ 1798 году, вновь отправиться въ Москву съ небольшою свитою. Путешествіе состоялось. Кутайсовъ сопровождалъ императора, быть можетъ, и Безбородко, и оба, по крайней мѣрѣ, достигли своей цѣли; чтобъ погубить Лопухину, противъ нея былъ сдѣланъ родъ заговора, который Кутайсовъ открылъ по своему возвращеніи въ Петербургъ. По мѣрѣ того какъ участники заговора теряли

¹⁾ Оба князя Куракины, Александръ и Алексѣй, столь же милые люди, какъ и истинные патриоты. Они издавна были вѣрными друзьями Павла. Старшій теперь (1808 г.) посломъ въ Вѣнѣ, младшій министромъ въ Петербургѣ.

²⁾ Дѣвица Лопухина красивѣе, чѣмъ дѣвица Нелидова, что не значитъ еще красивая, вышла теперь (1808 г.) за князя Гагарина, бывшего посланника въ Неаполь.

милость императора, ихъ антагонисты возвышались. Фамилія Лопухиныхъ была возведена въ княжеское достоинство. Безбородко стоялъ тогда такъ высоко, что не могъ уже возвыситься. Кутайсовъ же, бывшій только егермейстеромъ съ чиномъ генераль-лейтенанта и кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени и мальтійскимъ кавалеромъ ¹⁾, сталъ, по случаю бракосочетанія великой княжны Елены съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, въ 1799 году, имперскимъ графомъ и, если мы не ошибаемся, тогда же оберъ-егермейстеромъ съ чиномъ генерала и кавалеромъ ордена св. Андрея.

Кутайсовъ не пользовался своимъ вліяніемъ такъ, какъ долженъ бы былъ пользоваться. Онъ могъ способствовать добру и препятствовать злу; но онъ не дѣлалъ ни того, ни другаго

Въ мартѣ 1801 г. онъ убѣжалъ въ Кенигсбергъ, гдѣ и жилъ нѣкоторое время. Вѣроятно, онъ отправился потомъ въ свои имѣнія, въ Россію. Гдѣ онъ находится теперь (1808 г.), намъ неизвѣстно.

Кутайсовъ былъ или и теперь еще женатъ. Отъ этого брака у него была одна дочь, на которой намѣревался жениться князь Зубовъ, чтобъ такимъ образомъ вѣрнѣе обмануть ея отца.

[Гельбигъ.]

Примѣч. переводчика: Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, 1759—1848. П. С. З. № 18595, 19238; Воронцовъ, VIII, 195, 276; X, 104, 110, 131, 278; XIV, 377; XVIII, 194, 327, 355; XXIII, 135; Державинъ, 702, 715, 719, 730, 732, 736; Записки Саблукова (Архивъ, 1869, 1894) Энгельгардтъ, 197; Masson, 271, 424; Журналъ Будберга (Сборникъ, IX, 398); Бантышъ-К., Словарь, II, 236; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 688; Долгоруковъ, II, 220, 322. В. В.

Перевелъ съ нѣмецкаго, составилъ примѣчанія и сообщ. въ 1885 г.

В. А. Вильбасовъ.

К О Н Е Ц Ъ .

¹⁾ Конечно, первый примѣръ въ исторіи, что турокъ родомъ сталъ мальтійскимъ кавалеромъ!

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ,

† 18-го февраля 1877 г.

Глава XX ¹⁾).

О житіи моемъ на квартирѣ.

Не ласковы были къ намъ учителя, не блаженствовали мы при нихъ въ классѣ, но и на квартирѣ не всегда весела и безбоязненна была жизнь моя. Анна Яковлевна, замѣчая много глупостей и шалостей за Кудрявцевымъ и Евсеємъ, покушалась усилить дисциплину, но дѣйствовала не очень рѣшительно, да и съ этими двумя избалованными, испалившимися и притомъ довольно взрослыми господами не легко было ей бороться. При поступленіи моемъ въ низшее отдѣленіе, оба они перешли въ Рязань; изъ прежнихъ квартирантовъ я остался только одинъ, но на квартиру еще поступили трое: мой односельчанинъ Андрюша, братъ жены моего дяди Василя Мартыновича, Антонъ Соловьевъ и прежній мой односельчанинъ (по Палицамъ) Феофиловъ, внукъ тамошняго священника Евдокима и сынъ дьячка Кузьмы; Андрюша былъ помоложе, а Соловьевъ и Горловъ постарше меня годомъ или немного побольше.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., т. XVII и XVIII; изд. 1882 г., т. XXXIII и XXXIV; изд. 1884 г., т. XLII и XLIII, стр. 87—104; 289—312;

Съ самаго начала сентябрьской трети 1820 г. Анна Яковлевна сказала намъ своего рода назидательную проповѣдь, совѣтывала быть смиренными, прилежными, не шалить, не проказничать; въ случаѣ повиновенія нашего обѣщалась быть къ намъ ласковою, заботиться о нашихъ нуждахъ, но съ другой стороны напоминала и о розгѣ, если мы не послѣдуемъ ея совѣтамъ. Меня же, какъ человѣка ей уже извѣстнаго, какъ низшекласнаго, сдѣлала чѣмъ-то въ родѣ старшаго надъ тремя соквартирантами, которые всѣ были въ приходскомъ, приказала мнѣ въ ея отсутствіе смотреть за ними и доносить ей объ ихъ неисправностяхъ. Анна, слушая все это, прибавляла: «да, матушка Анна Яковлевна, не надобно выпускать ихъ изъ рукъ, а то вонъ прежніе балобаны чего тутъ не надѣлали? Да вотъ старшаго-то вышшняго еще покрѣпче нужно бы держать, кому довольно и пяти ударовъ лозой, а ему надобно десятокъ». Анна Яковлевна, слѣдуя, разумѣется, не совѣтамъ Анны, а своимъ собственнымъ правиламъ, прибавила: «ты, Митя, уже большой, вѣрно будешь поумнѣе этихъ (указывая на приходскихъ) и не доведешь себя до розги; но смотри, и тебѣ потачки не будетъ».

Анна Яковлевна не ограничилась одною только проповѣдью, а позаботилась о насъ и въ другихъ отношеніяхъ. Пища наша была по прежнему хороша, даже получше; потомъ намъ вѣдѣно было недѣли черезъ двѣ выбивать пыль изъ войлоковъ, на которыхъ мы спали. Баню стали для насъ топить не черезъ двѣ недѣли, а еженедѣльно. А главное, заботливая хозяйка почти всегда сама бывала съ нами въ банѣ, не снимая, впрочемъ, при насъ съ себя рубахи. Если время у нея было свободное, то сама, сидя на скамеечкѣ, мыла каждому изъ насъ голову. Затѣмъ уже приказывала самимъ мыть тѣло и другъ другу вытирать спины намыленными суковками. За недостаткомъ свободнаго времени мыла кого-нибудь одного или двухъ, а прочіе уже сами занимались своими головами. Въ то-же самое время она внимательно осматривала каждого изъ насъ, какъ говорится, съ ногъ до головы, спереди и сзади, чтобы видѣть не появляется ли на насъ чесотка. Самъ по себѣ такой осмотръ для насъ ничего бы не значилъ, но бѣда тутъ состояла въ томъ, что при этомъ открывалось—кого изъ насъ недавно посѣкли въ классѣ. Тутъ начи-

нались допросы: за что это высѣкли? давались совѣты вести себя и учиться получше и пр.

Получивши отъ Анны Яковлевны что-то похожее на званіе старшаго надъ своими соквартирантами, я сталъ поступать съ ними, руководясь тѣмъ идеаломъ, который могъ составить по образцамъ своихъ классическихъ старшихъ. На это я считалъ себя тѣмъ болѣе уполномоченнымъ, что отцы моихъ подчиненныхъ просили меня тоже смотрѣть за ними, объяснять уроки, не позволять имъ лѣниться и пр. Я по своимъ тогдашнимъ понятіямъ могъ считать себя чѣмъ-то въ родѣ маленькаго Михаила Яковлевича. И дѣйствительно, повелъ себя я относительно соквартирантовъ важно и почти начальнически, дѣлалъ имъ выговоры, т. е. бранилъ ихъ за неисправности, позволялъ себѣ подрать ихъ за волосы и за уши, а главное жаловался Аннѣ Яковлевнѣ на ихъ неисправности и на то, что они осмѣливаются меня не слушаться, за что Анна Яковлевна иногда ихъ наказывала розгою. Такими поступками, разумѣется, я не могъ пріобрѣсти любви своихъ подчиненныхъ. Но я постарался увеличить ихъ нерасположеніе къ себѣ и другими глупостями, съ важностью доказывая, что они, приходскіе, предъ нами, низшеклассными ничего не значать, что мы ихъ можемъ колотить, какъ намъ угодно, что насъ учителя не сѣкутъ, а если и сѣкутъ, то не больно, по рубахѣ, а ихъ, какъ мальчишекъ, порютъ не на животъ, а на смерть. Съ своей стороны и подчиненные начали противъ меня бунтовать, стали жаловаться на меня за мою придирчивость къ нимъ, за щипки, пинки и пр. Сторону ихъ приняла и Анна.

— «Вы бы, матушка Анна Яковлевна, старшаго-то самого хорошенько высѣкли; онъ-то настоящій забіяка и озорникъ».

Общая наша командирша дѣлала мнѣ замѣчанія, грозила и со мною расправиться, если я не оставлю своихъ притязаній на званіе начальника, иногда трепала даже за волосы и за уши и все это при моихъ подчиненныхъ. Амбиція моя страдала и я озлобился еще болѣе противъ своихъ подчиненныхъ. Въ концѣ сентября, въ субботу, когда намъ нужно было мыться въ банѣ, меня за что-то высѣкли въ классѣ; мои соквартиранты отъ кого-то узнали объ этомъ и шепнули Аннѣ, которая во время обѣда привялась надо мною смѣяться.

— «Что, старшій, разрисовали и тебѣ ж—у? Вотъ пойдете въ баню, Анна Яковлевна увидитъ это».

Хоть высѣкли меня не больно и не обнажая, однако, я все-таки полагалъ, что слѣды сѣченья могла замѣтить Анна Яковлева и я долженъ буду въ присутствіи своихъ подчиненныхъ рассказать, за что меня высѣкли, и выслушать проповѣдку. Я рѣшился не идти въ баню и послѣ обѣда сталъ одѣваться. Въ это время вошла къ намъ хозяйка.

— «Куда это ты идешь? — спросила она меня. Вѣдь скоро пойдемъ въ баню». Я отвѣчалъ: «мнѣ съ другими товарищами велѣлъ придти къ себѣ Красновъ, чтобы поработать у него». Злая Анна тотчасъ же рассказала, что меня высѣкли и что я вѣрно вру. Начались допросы, я стоялъ на своемъ, но Анна вызвалась меня провожать къ Краснову и посмотрѣть правду ли я говорю.

Анна Яковлевна согласилась на это предложеніе.

— «Ну ступай съ нею, сказали мнѣ, но смотри, если совралъ ты, такъ я въ другой банѣ выпорю тебя; лучше сознайся, пока еще есть время». Я долженъ былъ отказать отъ своего плана. Разумѣется, всѣ засмѣялись, а я униженный предъ соквартирантами еще болѣе осердился на нихъ и началъ придумывать, какимъ образомъ мнѣ отдѣлаться отъ бани; взялъ какую-то книжку и забрался въ темный уголъ чердака. И потому, когда прочіе мальчики собрались идти въ баню, меня не оказалось на лицо; искали, звали меня, а я сидѣлъ помалчивая. Но Анна скоро отыскала, привела меня и сказала, гдѣ меня нашла.

— «Ты что это тамъ дѣлалъ?»-- спросила меня Анна Яковлевна.

«Урокъ училъ», отвѣчалъ я. Разумѣется, всѣ захохотали, потому что тамъ, гдѣ меня нашли, нельзя было ничего читать, по причинѣ темноты. Всѣ пошли въ баню, а я сталъ изъ сундучка доставать бѣлье и подъ разными предлогами протягивалъ время. Анна, замѣтивши мои продѣлки, насильно меня потащила въ баню; я у нея вырывался, не шелъ и кричалъ, но все-таки приведенъ былъ въ предбанникъ. Анна Яковлевна, мывшая уже товарищей моихъ, велѣла Аннѣ помочь мнѣ раздѣться и втолкнуть меня въ самую баню. Но, вошедши раздѣтый уже, я остановился у порога.

— «Ну, иди ко мнѣ,—сказала Анна Яковлевна, я тебѣ голову

вымою». — «Я не маленькій, отвѣчалъ я», и самъ вымоюсь», и началъ наливать себѣ воду.

Раздосадованная моимъ упрямствомъ, она велѣла соквартирантамъ подтащить меня къ ней, и я, дѣлать нечего, подошелъ и сталъ съ лѣвой стороны ея на колѣни и положилъ голову свою на ея лѣвую ногу. Но вмѣсто мытья она обѣими руками подхватила меня подъ животъ, подняла и положила такъ, что я растянулся спиною вверхъ; велѣла Андриюшѣ изъ вѣника вынуть два прута и, очистивъ отъ листьевъ, похлестать меня ими. Андриюша еще не привыкъ сѣчь другихъ и потому его сѣченье было для меня очень не больно, да и ударилъ онъ разъ пять. Аннѣ Яковлевнѣ хотѣлось только попристращать меня. Но амбиція моя еще болѣе прежняго разыгралась.

Пришедши изъ бани, мои приходскіе рассказали Аннѣ о томъ, что меня въ банѣ посѣкли, и вмѣстѣ съ нею принялись надо мною смѣяться. Я выходилъ изъ себя и особенно золь былъ на Горлова, который болѣе всѣхъ смѣялся. При Аннѣ мнѣ ничего нельзя было сдѣлать. Но когда она ушла изъ кухни куда-то, я не вытерпѣлъ, подскочилъ къ Горлову, стоявшему комнѣ спиною, ударилъ его и онъ, на мою бѣду, ударился объ стѣну носомъ, изъ котораго тотчасъ потекла кровь. Поднялся, разумѣется, крикъ, доложили Аннѣ Яковлевнѣ и она, пришедши въ кухню, увидала Горлова въ крови. Тутъ уже и ея терпѣніе лопнуло. Возвратившаяся вскорѣ Анна еще болѣе подзадорила свою хозяйку.

«Давно я вамъ, матушка, говорила, что онъ забіяка, вотъ смотрите-ка, какъ онъ парня избилъ». Ее послали въ баню добыть изъ распареннаго вѣника хорошую розгу. Когда Анна воротилась съ розгою, я сидѣлъ въ переднемъ углу за столомъ и, не смотря на приказанія Анны Яковлевны, не выходилъ, или, лучше, не торопился выходить оттуда. Анна, между тѣмъ, поставила на серединѣ кухни скамейку, отодвинула столъ и, связавши мнѣ руки, понесла меня къ камнѣ, положила поперегъ ея на животъ, такъ что моя голова и грудь были на одной сторонѣ скамьи, а на другой—висѣли ноги. Заверотить рубаху за обшивку и сваять долой инекспресибли было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ, и посыпались удары по моему тѣлу. Экзекуція была жестокая; по окончаніи ея, почти весь обнаженный, я въ полубезпамятствѣ легъ на заднюю лавку, плакалъ, плакалъ, да и

заснулъ. Андрюша прикрылъ меня моимъ халатомъ. Горько было мнѣ проснуться; подчиненные мои видѣли, что меня такъ выскли при нихъ, какъ ихъ еще не скли; весь форсъ, по поговоркѣ, слетѣлъ съ меня. И Аннѣ Яковлевнѣ, когда она успокоилась, стало меня жалко; въ слѣдующій день она позвала меня въ горницу, посадила къ себѣ на колѣни и говорила: «что это тебѣ глупому вздумалось такъ упрямиться и потомъ еще драться? перестань дурачиться, теперь ты самъ видишь, какъ за это наказываютъ». Потомъ дала какихъ-то лакомствъ и отпустила. Но я уже увидалъ, что мнѣ нечего превозноситься предъ своими соквартирантами, помирился съ ними, а съ Андрюшей сдѣлался опять пріятелемъ. Да и мудрено было мнѣ превозноситься, потому что между нами не дѣлали различія, когда приходилось насъ за что-нибудь наказывать. Впрочемъ, Анну уже почти никогда не заставляли сѣчь насъ, мы сами другъ друга держали и скли, а иногда и сама Анна Яковлевна брала розгу въ руки.

Въ половинѣ сентябрьской трети 1820 г. число соквартирантовъ нашихъ увеличилось двумя новыми товарищами, Ивановыми; старшій былъ вышекласнымъ ученикомъ, младшій моимъ товарищемъ. Отецъ ихъ, священникъ Гусевскаго погоста, Гаврилъ, вѣсилъ, кажется, пудовъ до 10-ти. Туловище его безъ головы, ногъ и рукъ, ну, кажется, чуть-чуть не могло-ли назваться кубическимъ. Онъ слылъ богатымъ человѣкомъ, по крайней мѣрѣ жилъ богато, по барски. Поэтому и дѣтей своихъ поставилъ на нашей квартирѣ на особенныхъ условіяхъ. Они должны были обѣдать вмѣстѣ съ хозяевами, пили даже чай утромъ и вечеромъ, помѣстились въ горницѣ (въ передней за ширмою), мы ихъ и называли горничными, а они насъ кухонными. Впрочемъ, младшій братъ, Петръ, скоро сдружился и почти всегда проводилъ время съ нами вмѣстѣ, если только мы сами, наскучивъ его шалостями, не проговяли его отъ себя. Но старшій братъ, Василій, любилъ разыгрывать предъ нами роль какого-то вышаго существа. Это былъ типъ тогдашняго избалованнаго, испалившагося священническаго сына; при отличныхъ способностяхъ не отличался успѣхами и, кажется, едва-ли уже не былъ оставленъ въ высшемъ классѣ на второй курсъ. Съ нами обращался самымъ высококомѣрнымъ образомъ; называлъ насъ почти

всегда не иначе, какъ кухонными чумичками или замарашками, дрянью и пр.; нашихъ именъ долго и знать не хотѣлъ. Не меньше обнаруживалъ спѣси и предъ Анною: «эй ты, баба, подай то-то, сдѣлай то-то, что ты, мерзавка, замѣшкалась» и пр. Анна, обижаясь такими привѣтствіями, ругалась съ нимъ чуть не при каждой встрѣчѣ. «Ну уже попадешься ты мнѣ въ руки, когда матушкѣ Аннѣ Яковлевнѣ угодно будетъ велѣть отпороть тебя, ужъ такъ отпору, что небу жарко будетъ, тогда заговоришь другимъ языкомъ, натѣшусь я». «Э, погоди, баба, отвѣчалъ Ивановъ, далека пѣсня, я вѣдь не эти мальчишки замарашки (т. е. мы), меня не уложите на полъ». До Анны Яковлевны начали доходить частыя жалобы на него и отъ насъ и отъ Анны. Кромѣ того, онъ иногда по нѣсколько часовъ не приходилъ по окончаніи послѣ обѣденныхъ классовъ, иногда и съ квартиры уходилъ безъ спроса; извѣстно уже было, что онъ и попивалъ, и въ карты игралъ и пр. Онъ потому и отданъ былъ подъ надзоръ Анны Яковлевны, чтобы она попыталась исправить его. Она, дѣйствительно, задумалась взяться за это; сначала хотѣла дѣйствовать словами и убѣжденіями, потомъ стала грозить и розгами; угроза эта, однажды, была высказана и при насъ. Ивановъ, не желая конфузиться предъ нами, отвѣчалъ: «ну ужъ извините, до этого далека пѣсня, не горячитесь, Анна Яковлевна, вѣдь я не мальчишка»; онъ былъ въ это время лѣтъ 16-ти, такъ что въ баню его не брала съ собою Анна Яковлевна. Она на этотъ разъ удержалась отъ вспышки, но сказала: «вотъ увидимъ», и Ивановъ тоже ей отвѣтилъ: «увидимъ», и дѣйствительно дѣло скоро довелъ до развязки. Черезъ нѣсколько дней онъ не только насъ разбранилъ безо всякаго повода, но кому далъ толчекъ, кому щипокъ, да вдобавокъ ушелъ безъ спроса изъ дому. По возвращеніи его, Анна Яковлевна рѣшилась его высѣчь, но онъ выдержалъ себя, не легъ на полъ и даже сталъ отмахиваться руками, когда она съ Анною хотѣла было нагнуть его. Ивановъ торжествовалъ и хвастался предъ нами на кухнѣ своею стойкостью, и Аннѣ говорилъ: «ну что вы съ матушкою сдѣлали»? Но торжество его было непродолжительно. Гусевскій погостъ отстоялъ отъ Касимова верстахъ въ 18 — 20; Анна Яковлевна дала знать отцу Гавріилу, чтобы онъ самъ пріѣхалъ въ городъ. Когда мы чрезъ

нѣсколько дней возвратились домой по окончаніи послѣобѣденнаго класса, Анна намъ показала пару отличныхъ розогъ и прибавила, что пріѣхалъ отецъ Гавріилъ, переговорилъ уже съ Анною Яковлевною и велѣлъ ей, Аннѣ, приготовить пару розогъ. Скоро подтвердилъ слова Анны меньшей Ивановъ и затѣмъ немного погодя вошелъ и отецъ Гавріилъ съ старшимъ сыномъ. «Ну что, Анна, все у тебя готово?», и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ: «покажи-ка мнѣ»; взглянувши на розги, прибавилъ: «хорошо, возьми-ка вотъ его, да получше сѣки, я тебѣ спасибо скажу, а ты, Василий, поди-ка вотъ сюда», и придвинулъ его къ скамейкѣ, которую Анна успѣла отодвинуть къ срединѣ комнаты. Надобно сказать, что о. Гавріилъ говорилъ самымъ спокойнымъ образомъ, не горячась, не возвышая голоса, какъ будто дѣло шло о самыхъ пустякахъ, но уже за то видно было, что онъ будетъ дѣйствовать неумолимо и рѣшительно. Ивановъ началъ было упрашивать отца. «Полно, полно тебѣ болтать-то, ложись-ка на скамейку, а ты, обращаясь къ Аннѣ, прибавилъ: уложи, да привяжи его». Анна уложила, плотно привязала своего врага къ скамьѣ нашими кушаками и обнажила; двоихъ изъ насъ о. Гавріилъ заставилъ держать скамью, чтобы она какъ нибудь не упала. И досталось же Иванову, обѣ розги сдѣлались негодными къ употребленію; когда отвязали Иванова отъ скамьи, то онъ, подобно мнѣ, тоже легъ на заднюю лавку и болѣе часа лежалъ не вставая. На слѣдующій день о. Гавріилъ, прощаясь съ сыномъ, сказалъ, что тотчасъ же опять пріѣдетъ и угоститъ еще болѣе жаркою банею, если онъ будетъ бунтовать противъ Анны Яковлевны.

Болѣе нежели на недѣлю Василий Ивановъ присмирѣлъ, но мелочно спѣсивая его натура мало по малу взяла свое. Онъ опять началъ задавать намъ и Аннѣ форсу. И когда мы говорили, что ему, кажется, нечѣмъ теперь превозноситься передъ нами, что его недавно высѣкли въ квартирѣ такъ, какъ изъ насъ никого не сѣкли, то онъ отвѣчалъ: «ну что же? высѣкли, правда, но по приказанію отца, а не какой нибудь Анны Яковлевны», что его мы не только не сѣкли, но и не держали, что его привязали къ скамьѣ, что онъ по прежнему не слушается Анны Яковлевны» и пр., а вдобавокъ началъ насъ честить кухонными чумичками и замарашками, а Анну—бабою. Эта баба

не умѣла молчать, не только сама давала, какъ говорятъ, сдачи своимъ языкомъ, но и пересказывала все хозяйкѣ. Анна Яковлевна не очень испугалась самохвала; услышавши отъ насъ, что онъ по прежнему насъ ругаетъ, она привела его въ кухню и рѣшилась сама своею властью высѣчь. Сначала Ивановъ думалъ было оказывать какое-то сопротивленіе, но когда ему напомнили, что завтра же пошлютъ къ отцу нарочнаго, то онъ счелъ за лучшее растянуться на полу; одинъ изъ насъ взялся за лозу, а четверо держали его. Въ слѣдующія трети операція эта очень часто надъ нимъ возобновлялась, гораздо чаще, нежели сколько каждому изъ насъ приходилось ей подвергаться на квартирѣ, потому что Ивановъ не совсѣмъ еще отсталъ отъ прежнихъ своихъ шалостей. Анна Яковлевна была къ нему гораздо строже, нежели къ намъ. Мало по малу нашъ горничный баринъ, какъ мы называли Василя Иванова, присмирѣлъ, началъ съ нами обращаться по товарищески и даже позволялъ намъ надъ собою подсмѣиваться. «Что это ты, Василій Гавриловичъ, съ нами поладилъ? вѣдь прежде къ тебѣ приступа не было», спрашивалъ кто нибудь изъ насъ. «Да, отвѣчалъ онъ, по неволѣ поладишь, лоза не свой братъ, ты самъ знаешь, какъ отъ нея больно бываетъ». Но настоящимъ образомъ онъ немного развѣ сдѣлался лучше прежняго, дурныя его привычки позадержались, но не истребились. По переводѣ его въ семинарію, онъ вновь принялся за лѣнь и за шалости и сколько помнится, исключенный изъ нея чрезъ два года, поступилъ въ приказные; сначала служба его шла не дурно; по слухамъ, его считали хорошимъ чиновникомъ, но потомъ мало по малу онъ предался пьянству и распутной жизни и умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ.

Помирившись съ Ивановымъ, я не могъ поладить съ розгами, которыми по временамъ угощала меня Анна Яковлевна. Хотя большей части моихъ товарищей, какъ я уже сказалъ выше, доставалось отъ хозяевъ и вышекласныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ были квартиры, гдѣ нашъ братъ пользовался болѣею свободою и рѣже былъ наказываемъ, нежели у насъ; иные же любили похвастаться, что они живутъ на квартирѣ припѣваючи и что до нихъ тамъ никто пальцемъ не дотрогивается. Увлекаемый подобными разказами, я рѣшился какъ нибудь перебраться на другую квартиру, на волю, на просторъ. Разумѣется, началъ

жаловаться дома на разныя притѣсненія отъ Анны Яковлевны и отъ Анны, на дурную пищу, на то, что насъ часто посылаютъ по городу съ порученіями и не дають учить уроки, что въ самой квартирѣ намъ покоя нѣтъ отъ руготни Анны и пр. Конечно, въ этомъ случаѣ не обошлось безъ преувеличенія, даже многое, напр., относительно пищи было попридуманно. Но всѣ мои рассказы ничего бы не сдѣлали, если бы у батюшки не вышла разладка съ Бѣляевыми на второмъ году моего низшекласснаго житья-бытья. Въ то время метрическія и духовныя книги, т. е. записи о рождающихся, причастившихся и не причастившихся, доставляемы были въ каждое духовное правленіе духовенствомъ приписанныхъ къ нему уѣздовъ, а оттуда уже пересылались въ консисторію. Тогдашній архіерей Сергій захотѣлъ, чтобы все это представлялось прямо въ консисторію. Распоряженіе очень хорошее; духовенство съ книгами всегда уже прилагало, какъ тогда говорили, документы князя Хованскаго, т. е. тогдашнія ассигнаціи, въ качествѣ взятки, членамъ и повытчику правленія, но, кромѣ того, надобно было также задобрить и консисторію, которая имѣла право повѣрять пересланные къ ней документы; не задобри, тогда обойдется дороже. По новому же распоряженію архіерея приходилось давать взятки только въ консисторію. Такимъ нововведеніемъ члены и повытчики духовныхъ правленій весьма были недовольны, даже озлоблены; вѣдь оно было очень убыточно для ихъ бездонныхъ кармановъ. Но не знаю, справедливая или нѣтъ, только тогда молва гласила, что мой батюшка, пользовавшійся хорошимъ расположеніемъ владыки, внушилъ ему это нововведеніе. Разумѣется, члены Касимовскаго духовнаго правленія: нашъ смотритель, Красновъ, отецъ Федоръ и особенно повытчикъ Бѣляевъ начали косо посматривать на моего батюшку. На квартирѣ же пришлось и мнѣ много разъ слышать, какъ при мнѣ же бранили его и Иванъ Ефимовичъ, и отецъ Федоръ, и Анна Яковлевна; послѣдняя сдѣлалась, какъ мнѣ показалось, суровѣе прежняго со мною. Однажды наказывали всѣхъ насъ кухонныхъ за какую-то шалость; она велѣла прочимъ дать по шести ударовъ, а когда дошла очередь до меня, то сказала: «ну, а этому дайте десятокъ, вѣдь отецъ его...» тутъ она не докончила своей фразы, но ясно было, что мнѣ достались лишніе четыре удара изъ-за

моего батюшки. И объ этомъ я сказалъ дома, матушка вступилась за меня и положено было съ 1822 года перевести меня на новую квартиру.

XXI.

О житѣ моемъ на новой квартирѣ и о переводѣ въ рязанское духовное училище.

Хотя батюшка и рѣшился освободить меня изъ-подъ опеки Анны Яковлевны, но давать мнѣ полный просторъ и волю вовсе не думалъ; онъ отыскалъ такую квартиру, гдѣ бы я находился подъ надзоромъ вышекласснаго ученика. Въ то время обучались въ касимовскомъ духовномъ училищѣ три брата Гусевы, дѣти діакона села Парихина Федота; средній, Прокопій, былъ моимъ товарищемъ, младшій, Дмитрій, въ приходскомъ училищѣ, а старшій, Яковъ, въ высшемъ отдѣленіи занималъ первое мѣсто; послѣднему-то, по тогдашнему нашему выраженію, и отдали меня въ руки. Послѣ святокъ батюшка самъ привезъ меня въ Касимовъ; не знаю, что и какъ онъ говорилъ моимъ хозяйкамъ о моемъ переходѣ на новую квартиру, но Анна Яковлевна, пришедши на кухню, сказала мнѣ: «ты, Митя, переходишь на новую квартиру. Ну, смотри, вспомнишь и обо мнѣ; ты думаешь, что тамъ жить тебѣ будетъ лучше, увидишь да и пожалѣешь, что ушелъ отъ насъ». Но я былъ въ восхищеніи, и тотчасъ по отъѣздѣ батюшки переѣхалъ на новую квартиру. Кромѣ Гусевыхъ тутъ жили еще Иванъ Крыловъ, мой товарищъ, сынъ парихинскаго священника Ивана Антоновича, о которомъ я говорилъ выше, двое Веселкиныхъ, дѣти Михея, причетника села Курмона; старшій сынъ, прежній мой аудиторъ, учился и теперь вмѣстѣ со мною, а второй—въ приходскомъ училищѣ; наконецъ, Тимоѣей Гусевъ, сынъ парихинскаго причетника Ивана Елисеева; его мы звали Тимоша.

Новая квартира находилась у самаго Никольскаго оврага, въ домѣ какой-то мѣщанки Дарьи. Домъ этотъ состоялъ изъ небольшого флигеля въ три окна по лицевой сторонѣ. Почти двѣ трети его занималъ какой-то купеческій прикащикъ со своей семьей, а остальное его пространство, шириною аршинъ пять,

а длиною аршинъ десять было нашею семинарскою квартирою; болѣе нежели четверть ея занята была большою русскою печью, между нею и стѣною находился проходъ аршина два съ чѣмъ-либо, гдѣ на гвоздяхъ висѣло наше платье; въ остальной части, кромѣ лавокъ, стоялъ столъ и скамья. Въ такой-то комнатѣ жили хозяйка съ сыномъ и дочерью, да насъ восемь семинаристовъ, всего 11 человекъ. Въ холодное время спали хозяйка и дочь на печи, сынъ ея и мы располагались на палатяхъ, по лавкамъ и на скамейкахъ, но по очереди человекъ по 2—3 на полу. Можете судить, что за воздухъ былъ бы въ такой комнатѣ даже при хорошей вентиляціи. Но о ней тогда мы и слухомъ не слыхали. Прибавьте сюда еще, что въ печи каждый день готовилась и оставалась до ужина пища; для освѣщенія употреблялись низкаго сорта сальныя свѣчи, а у хозяйки даже лучина. И все-таки, сколько теперь припоминаю, не жаловались мы на дурноту воздуха, даже едва ли подозрѣвали ее. Постели свои, т. е. войлокъ и подушку, мы на день должны были выносить въ сѣни, а на ночь вносили и укладывали на полу и по лавкамъ; только спавшіе на палатяхъ избавлены были отъ этихъ излишнихъ хлопотъ. Въ теплое же время мы спали одни въ сѣняхъ, а другіе на сушильѣ, но въ обоихъ мѣстахъ часто дождь беспокоилъ насъ, потому что по бѣдности хозяйки кровля вездѣ была плоха; поэтому и лѣтомъ иногда приходилось опять перебираться или въ избу, или въ амбаръ подъ сѣнями, гдѣ стоялъ разный домашній скарбъ. Дворъ былъ не маленькій, а за нимъ лежалъ еще садъ или, лучше, огородъ, въ которомъ вовсе почти не было плодовыхъ деревьевъ и росло нѣсколько вязовъ, ветель и березъ, съ которыхъ, въ случаѣ надобности срѣзывались розги для насъ. Кромѣ того, большія деревья доставляли намъ особаго рода удовольствіе: мы влѣзали на нихъ или для того, чтобы раззорить гнѣздо вороны, грача и пр., или только для того, чтобы тамъ посидѣть на сучкѣ.

Поддержатъ чистоту и опрятность въ нашей квартирѣ мудрено было даже самой заботливой женщиной. Наша хозяйка по временамъ мывала не только лавки, но и полы; только это мало помогало; 11 человекъ даже не въ грязное время скоро затаптывали полъ, а въ грязное—черезъ день или два слѣды мытья исчезали. На насъ это имѣло дурное вліяніе. Спавши по оче-

реди, какъ я сказалъ, на полу, мы должны были класть на него свои войлоки; отъ безпорядка, господствовавшаго въ томъ мѣстѣ, куда мы складывали постели, часто случалось, что сторона войлока, которая въ предыдущую ночь касалась пола, въ слѣдующую — обращена была вверхъ и, такъ сказать, вычищалась, бѣльемъ спавшаго, отъ приставшей къ ней пыли и грязи; къ этому нужно присоединить, что баню для насъ топили и мы перемѣняли бѣлье черезъ двѣ недѣли. Самая баня на нашемъ дворѣ была ветхая, темная, а зимою на полу было даже холодно. Иногда же приходилось намъ мыться въ баняхъ у сосѣдей, съ которыми наша хозяйка, изъ экономіи, топила ихъ бани вмѣстѣ: тогда даже и воды теплой не много доставалось каждому на долю. Особенно никогда не забуду одной бани, принадлежавшей домику, устроенному въ полугорѣ Никольскаго оврага; баня вся врыта была въ гору, такъ что только дверь, да небольшое около нея окно замѣтны были снаружи; въ нее, какъ мы тогда выражались, и свѣтъ Божій не проходилъ, гдѣ же тутъ было хорошо вымыться? Послѣ всего здѣсь сказаннаго, понятно, чѣмъ дѣлалось на насъ бѣлье чрезъ двѣ недѣли предъ нашею банею; по этимологіи его, конечно, нужно было производить отъ слова бѣлый, но по цвѣту его слѣдовало бы назвать чернымъ. Такъ какъ новые мои соквартиранты давнымъ давно уже жили въ такой неопрятности, то на тѣлѣ каждого изъ нихъ было много семинарскаго бисера, такъ называли мы чесотку. Чрезъ нѣсколько недѣль и я началъ украшаться этимъ бисеромъ; эта семинарская проказа, усилившаяся послѣ во время моего житья въ рязанской семинаріи, съ промежутками продолжалась у меня до самой академіи, гдѣ меня уже кое-какъ вылѣчили при помощи сѣрныхъ ваннъ; хотя кромѣ того не было ни одного домашнего отпуска, въ теченіи котораго матушка не лечила бы меня; отъ меня заражались чесоткою наши домашніе въ Тумѣ.

На новой же своей квартирѣ я вполне также ознакомился съ семинарскою пѣхотою и кавалеріей. Названія эти, можетъ быть, для всѣхъ моихъ читателей покажутся непонятными. Известно, что есть преимущественно три рода насѣкомыхъ, которыя мучатъ нечистоплотное человѣчество, это вошь, блоха и клопъ. Семинаристы въ мое время подвергались нападеніямъ всѣхъ этихъ мелкихъ своихъ враговъ и въ шутку называли

вшей пѣхотою, блохъ — каллериі, а клоповъ — артиллеріей. У Анны Яковлевны мы мало знакомились съ этими родами воинствъ; особенно пѣхота была ею неумолимо преслѣдуема. Но на новой квартирѣ никто не заставлялъ насъ хорошенько и чисто чесать свою голову; бѣлье не перемѣнялось нами по двѣ недѣли, и кавалеріи, особенно пѣхотѣ, было полное раздолье. Тутъ я въ первый еще разъ сталъ встрѣчать ее у себя не на головѣ только, а и въ бѣльѣ. Если бы даже я и вздумалъ каждый день чесать свои волосы, то это не избавило бы меня отъ нашествія пѣхоты, потому что у прочихъ квартирантовъ было ея множество и въ бѣльѣ, и въ платьѣ; отъ нихъ она перешла бы ко мнѣ. Не меньше было въ нашихъ постеляхъ и кавалеріи въ теплое время, но артиллерія почему-то не успѣла еще устроить свою штабъ-квартиру у насъ.

Пища наша была уже очень неизысканна. Мои соквартиранты знали, что у Анны Яковлевны кормили семинаристовъ хорошо и подавали пищу, конечно, въ деревянной, но все-таки порядочной посудѣ и потому передъ ужиномъ въ первый день моего у нихъ житья начали надо мною подшучивать, говоря: «смотри, не потони въ нашей купели сілоамской, не раздери рта нашими ковшами». И когда начали собирать ужинать, то они закрыли мнѣ глаза и говорили: «погоди, погоди, мы тебя вдругъ обрадуемъ». Наконецъ, открыли мнѣ глаза и я увидалъ предъ собою огромную съ толстыми стѣнками деревянную чашку самой грубой работы; это и была сілоамская купель; равнымъ образомъ и ложки, конечно, нельзя было назвать ковшами, но, дѣйствительно, онѣ по одиночкѣ не во всякій ротъ могли проходить свободно. Любезные мои товарищи, замѣтивъ мое изумленіе, помирали со смѣху. Принялись за ужинъ. Я замѣтилъ, что щи забѣлили сметаню, поэтому надѣялся найти ихъ очень вкусными, предполагая, что въ нихъ варилась говядина, но тотчасъ разочаровался въ этомъ. Изъ моихъ соквартирантовъ только одинъ Крыловъ имѣлъ отца достаточнаго священника, а прочіе были дьяконскими и дьячковскими дѣтьми и потому объ изысканной пищѣ отцы и не позволяли имъ думать. Экономія въ этомъ отношеніи была самая строгая. Всѣ почти запасы: ржаная мука, гречневая крупа, скоромное масло, окорока ветчины или свинина, даже горшки сметаны привозились изъ дома, одно почти только постное коно-

пلياное масло покупалось въ Касимовѣ. Въ скоромные будничные дни щи варились только изъ воды и капусты съ прибавкою небольшого количества крупъ; оскоромливаемы же они были сметаною уже когда ихъ хозяйка подавала на столъ. Въ праздничные дни во щахъ варилась ветчина или свинина; свѣжую говядину въ теченіи двухъ третей года мы едва ли не три только раза покупали, именно въ Троицынъ день, въ заговѣнье предъ Петровымъ постомъ, да въ день Петра и Павла. Второе блюдо наше состояло изъ каши со скоромнымъ масломъ. Въ постные дни, разумѣется, пища была еще скуднѣе; щи состояли изъ той же воды, капусты, какъ и скоромные, да еще подбивались мукою; каша подслащивалась постнымъ масломъ; кромѣ того, въ великій постъ подавалась бѣлая капуста съ квасомъ, а лѣтомъ мы для своего холоднаго покупали сначала лукъ, а потомъ свѣжіе огурцы; лукъ толкли, огурцы изрѣзывали или тоже толкли, подливали квасу, солили, вотъ и готово холодное. Самый квасъ, который по договору варила для насъ на свой счетъ хозяйка, былъ очень дуренъ; онъ, какъ мы говаривали, рвалъ глаза, т. е. былъ очень кисель. Такъ какъ я изъ двора ничего не привозилъ, то свою долю муки, крупы и масла покупалъ въ Касимовѣ, а за ветчину, сметану и пр. платилъ деньгами, сколько приходилось по оцѣнкѣ, сдѣланной моими соквартирантами. Скудную роспись нашихъ блюдъ за обѣдомъ и ужиномъ мы, подобно всѣмъ касимовскимъ семинаристамъ, пополняли блюдомъ изъ раковъ, которыхъ въ Окѣ было многое множество. Ловля производилась нами весною, лѣтомъ и даже осенью при помощи самыхъ простыхъ способовъ. Мы брали изношенный лапотъ, клали на него небольшой камень и кусокъ хлѣба и опускали на веревочкѣ въ воду. Болѣе совершенный приборъ состоялъ изъ небольшого обруча, котораго вся середина закрывалась обрывкомъ отъ невода или бредня; такіе обручи назывались сѣтками. Подержавши нѣсколько времени свои приборы въ водѣ, мы вытаскивали ихъ и находили раковъ въ лаптѣ или сѣткѣ; а иной своею клешнею прицѣплялся даже спизу или съ боку ихъ и попадался въ наши руки. Но иногда ни лаптя, ни сѣтки не было, тогда отправлялись на тѣ мѣста Оки, гдѣ дно ея покрыто было камнями. Раздѣвшись, мы тутъ ногами ощупывали порядочной величины камни, опускались на дно и рукою отыскивали тамъ

раковъ, не всегда находили, но все-таки мало по малу налавливали сколько нибудь. Хотя рака принадлежатъ къ постнымъ кушаньямъ, но мы и въ скоромные дни не пренебрегали ими. Если удавалось достать какой-либо бредень, то ходили ловить рыбу; удочка у насъ была въ небольшомъ употребленіи. Впрочемъ, начальство наше по какимъ-то своимъ соображеніямъ запрещало намъ ловлю и раковъ, и рыбы; поэтому мы производили ее или ночью, или хоть и днемъ, но въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы насъ не увидѣлъ начальнической глазъ.

Хозяйка наша не принадлежала къ положительно дурнымъ женщинамъ; въ ней было даже не мало и хорошихъ качествъ, но бѣдность нерѣдко дѣлала ее злою, несправедливою и корыстолюбивою. Она съ двумя своими малолѣтними дѣтьми только и жила своимъ домомъ; не помню сколько ей платилъ приказчикъ, занимавшій двѣ трети дома; съ каждаго изъ насъ она получала по 10 руб. ассигнаціями въ годъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на свой счетъ заготовляла для насъ капусту, квасъ и соль; доходы, какъ видите, небольшіе. Неудивительно послѣ этого, что она любила пользоваться нашими припасами; не смотря на самый внимательный нашъ надзоръ, находила возможность украсть у насъ немного и муки, и крупы, и масла, и даже сметаны. Когда же во щахъ варилось мясное, то успѣвала изъ нихъ отливать для своей семьи хорошую порцію и дополняла ихъ водою; усмотрѣть за всѣмъ намъ не было никакой возможности. Далѣе она выходила изъ себя какъ скоро мы что-нибудь портили, ломали и, вообще, причиняли ей какой-либо убытокъ.

Наконецъ, въ новой своей квартирѣ я вполне ознакомился съ однимъ неудобствомъ, котораго у Анны Яковлевны почти не зналъ. Колодезя на дворѣ у насъ не было, а воды на нашу квартиру требовалось для 11 человекъ. Въ малолѣтнихъ своихъ дѣтяхъ хозяйка не могла еще имѣть помощниковъ въ этомъ отношеніи, вотъ почему она и пускала къ себѣ семинаристовъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы они носили нужную для нихъ воду; впрочемъ, такое условіе почти на всѣхъ квартирахъ существовало. У Анны Яковлевны насъ слишкомъ рѣдко принуждали къ этой работѣ, но здѣсь теперь пришлось мнѣ держать очередь по части водоношенья. И одинъ ушатъ принести было не очень легко, потому что колодезь находился дома черезъ два отъ насъ, но въ баню,

при мытьѣ бѣлья, при варкѣ квасу нужно было привести не одинъ ушатъ.

Немного прошло времени какъ я ознакомился со всѣми описанными недостатками новой квартиры, а вмѣстѣ съ тѣмъ скоро я увидалъ, что и розги, которыя особенно заставили меня оставить прежнюю квартиру, употребляются и на новой. Прежде всего я состоялъ подъ полнымъ надзоромъ старшаго Гусева, Якова Федотовича; онъ получилъ полномочіе отъ моего батюшки принимать всѣ мѣры, какія сочтеть нужными, противъ моихъ лѣности и шалостей. Кромѣ того, Яковъ Федотовичъ былъ нашимъ квартирнымъ старшимъ и, на основаніи тогдашнихъ училищныхъ юридическихъ неписанныхъ законовъ, обязанъ былъ доносить инспектору о нашихъ неисправностяхъ, а за это почти всегда грозили розги, приложеніемъ которыхъ къ виновному поручалось иногда заняться самому же старшему; такъ уже лучше было быть высѣченнымъ на квартирѣ безъ приказа инспекторскаго. Еще мое положеніе на новой квартирѣ, по крайвей мѣрѣ, сначала, имѣло особое неудобство. Всѣ мои одноквартиранты были или близкіе родственники между собою, или односельчане, я одинъ былъ между ними чужой человѣкъ, только Крыловъ состоялъ въ дальнемъ родствѣ со мною и, главное дѣло, былъ я новичокъ на новой квартирѣ. Мои соквартиранты не то, что меня не любили, но имъ хотѣлось бы меня поучить по своему, поздравить съ квартирою также, какъ поздравляли съ пріѣздомъ или съ банею другъ друга ученики Михаила Яковлевича, о чемъ я говорилъ выше. Недѣли черезъ три я доставилъ имъ случай достигнуть своей цѣли. Сальныя свѣчи наши хранились въ стѣнномъ шкафѣ, находившемся въ сѣняхъ; онѣ обыкновенно висѣли тамъ на мочалѣ, которая продѣвалась сквозь ихъ свѣтильни, оканчивавшіяся чѣмъ-то похожимъ на колечко. Чтобы взять одну изъ такихъ свѣчей, надобно было или разрѣзать это кольцо, или развязать узелъ мочалки. Однажды, во время вечернихъ занятій меня послали за свѣчою; ножа я не взялъ, хотя мнѣ и говорили о томъ; я отвѣчалъ, что сниму съ мочалки. Но въ сѣняхъ снять съ гвоздя всю связку свѣчь, да потомъ развязать мочалку, взять свѣчу, послѣ опять завязать мочалку и повѣсить связку на гвоздь мнѣ показалось продолжительнымъ; я пережогъ свѣтильню горѣвшею въ моей рукѣ свѣчою и не обратилъ

вниманія на то, не загорѣлась ли отъ свѣчи или мочалка, или другая свѣтильня. Чтобы скрыть слѣды того, какимъ образомъ мною снята свѣча, я, вошедши въ комнату, тотчасъ же у двери сталъ, какъ мы говорили, обжигать свѣтильню. Меня вновь спросили: да ты тамъ не огнемъ ли пережоги свѣтильню? и получили въ отвѣтъ: «ну вотъ еще, какъ будто я не знаю, что дѣлать». Между тѣмъ, хозяйка минутъ черезъ 10—15 вышла въ сѣни и съ ужасомъ закричала: пожаръ! пожаръ! Къ ней выбѣжали и увидѣли, что разныя вещи въ шкапѣ горѣли. Конечно, скоро все затушили, но не выходи никто еще минутъ 10—15, вѣроятно, произошелъ бы настоящій пожаръ. Разумѣется, виноватый былъ извѣстенъ; заператься и оправдываться мнѣ не было возможности. Хозяйка, жившая только своимъ домикомъ, выходила изъ себя и требовала, чтобы меня сейчасъ же высѣкли; любезные мои соквартиранты готовы были къ услугамъ и самъ Яковъ Федотовичъ находилъ это справедливымъ. Но я рѣшился протестовать противъ всеобщаго приговора и требовалъ, чтобы дѣло было представлено на усмотрѣніе высшей инстанціи. Тутъ я руководствовался особымъ расчетомъ. За нѣсколько дней до этого времени Красновъ посадилъ меня въ классѣ на четвертое мѣсто и сдѣлалъ аудиторомъ; я полагалъ, что онъ будетъ снисходительнѣе моихъ соквартирантовъ къ такой важной особѣ, какою я сдѣлался въ классѣ. По утру и хозяйка, и Яковъ Федотовичъ пожаловались Краснову на меня. «Да что же ты еще не высѣкь его?» — спросилъ Красновъ Якова Федотовича я, получивъ въ отвѣтъ, что я не захотѣлъ его послушаться, прибавилъ: «ну такъ побольнѣе высѣки его». Противъ такой резолюціи мнѣ апеллировать уже нельзя было.

По возвращеніи нашемъ въ квартиру, не захотѣли откладывать мою экзекуцію и высѣкли меня, какъ поджигателя, прежде обѣда; любезные мои товарищи меня держали, а озлобленной хозяйкѣ предоставили сѣчь. Послѣ того я уже сдѣлался покорнымъ подданнымъ Якова Федотовича и подчинялся приговорамъ его безъ прекословія. Впрочемъ, онъ не злоупотреблялъ своею властью, да и мои соквартиранты, окрестивъ или поздравивъ меня домашними розгами, перестали видѣть во мнѣ новичка, да и самъ я, потерявъ пораженіе, велъ себя уже поаккуратнѣе; поэтому мнѣ отъ Якова Федотовича пришлось быть высѣченнымъ не болѣе 2—3 разъ.

На новой квартирѣ мнѣ пришлось или вновь, или поближе прежняго ознакомиться съ разными семинарскими глупостями и шалостями. Укажу преимущественно на двѣ изъ нихъ. Семинаристы въ то время принадлежали къ хищному племени или, выражаясь по нынѣшнему, придерживались коммунистическихъ идей. Въ Касимовскомъ училищѣ нашъ коммунизмъ обнаружился только въ нашествіяхъ на садъ въ лѣтнее время; маленькіе и большіе мародеры дѣлали непрошенные визиты сосѣднимъ садамъ. У Анны Яковлевны мы этимъ мародерствомъ не занимались, но на новой квартирѣ оно бывало въ употребленіи. Центромъ нашей дѣятельности по этой части было наше сушило. Тутъ у насъ находился довольно длинный шестъ, на концѣ котораго укрѣпленъ былъ гвоздь, загнутый въ видѣ крючка острымъ концомъ. Этимъ-то крючкомъ мы и доставали яблоки изъ сосѣдняго сада, но перелѣзая въ чужіе сады черезъ заборы осмѣливались одни Веселкины; прочіе же собирали перебрасываемые оттуда яблоки. Въ этомъ случаѣ и нашъ квартирный командиръ если и не бывалъ дѣйствующимъ лицомъ, то не отказывался пользоваться добытыми плодами. Другая глупость, не касаясь ни чьей собственности, была, между тѣмъ, болѣе гадка, нежели предъидущая; ее мы называли игрою въ сѣченье. Ученики, добывши какія-нибудь карты, любили въ нихъ играть; иные, какъ я уже говорилъ про прежнихъ своихъ соквартирантовъ, пускали при этомъ въ ходъ и деньги; но большинство довольствовалось играми въ дурачки, свои козыри, мельники и пр., только нельзя же было и тутъ обойтись безъ наказаній проигрывающагося. Обыкновенное наказаніе было битье по носкамъ. Каждый партнеръ бралъ извѣстное число картъ въ руку и билъ ими по носу дурака, мельника и пр. столько разъ, сколько слѣдовало по уговору. Надобно сказать, что нѣкоторые молодцы умѣли очень больно бить по носкамъ, такъ что у дурака изъ глазъ текли невольно слезы, и носъ краснѣлъ и даже дѣлался иногда опухлымъ; по послѣднему признаку учителя или хозяева квартиръ догадывались о томъ, что ученики гдѣ-либо играли въ карты. Во избѣжаніе такой улики, или просто подъ вліяніемъ циническаго настроенія, игроки часто носки замѣняли сѣченьемъ. Дурака, мельника и, вообще, проигравшагося со смѣхомъ валили на полъ, на скамью, садились на голову и на ноги и,

оббавивъ педагогическую часть, били по ней ладонью или, нерѣдко, какимъ-либо прутикомъ.

Такая игра происходила иногда и безъ картъ. Сначала устанавливали какую-либо очередь между собою и первый по ней долженъ былъ лечь; его кто-либо ударялъ; поднявшись, онъ долженъ былъ угадать, кто ударилъ; угадалъ, тогда ложись ударившій, не угадалъ, тогда опять ложись неугадчикъ. Но чтобы не пришлось одному испытывать слишкомъ много ударовъ, то было постановлено не болѣе трехъ разъ къ ряду класть на полъ одного и того же; если при третьемъ разѣ онъ и не угадывалъ ударившаго, то ложился уже слѣдующій очередной. Конечно, тутъ боль была незначительная, но самая игра показывала какой-то дикій цинизмъ. У Анны Яковлевны она намъ была неизвѣстна до появленія Ивановыхъ на квартирѣ, да и потомъ рѣдко была въ ходу, потому что Анна Яковлевна, узнавая о ней, всегда сѣкла за нее настоящимъ образомъ. Но на новой квартирѣ уже не было препятствій; самъ наибольшій нашъ часто участвовалъ въ ней, а хозяйка только бывало помираетъ со смѣха, смотря на эту гадость.

Но случалось, что насъ всѣхъ или почти всѣхъ сѣкли на квартирѣ безъ игры, не шутя, противъ нашего желанія. Квартира наша, по несчастію, лежала на той дорогѣ, по которой большею частію ходилъ Красновъ изъ своего дома въ дѣвичій монастырь, гдѣ былъ священникомъ, и обратно.

Какъ мы ни старались вести себя осторожно, но нерѣдко ошибались въ своихъ расчетахъ. Иногда онъ видѣлъ кого-либо изъ насъ лавившаго по вязу, ветлѣ и пр., иногда слышалъ шумъ и гамъ нашъ. Розыскы и взысканія большею частію производились по утру въ классѣ, но два раза Красновъ не вытерпѣлъ, не отлагалъ дѣла въ долгій ящикъ, а заходилъ прямо къ намъ въ квартиру: отщипавши того или другаго за волосы, онъ приказывалъ принести розгу и сѣчь одного за другимъ, начиная со старшаго. И для всѣхъ насъ подобныя визиты были, какъ говорится, не по шерсти; свидѣтелями нашего униженія была хозяйка со своими дѣтьми, но амбиція наибольшаго нашего болѣе всего тутъ страдала. Вѣдь онъ имѣлъ право сѣчь и сѣкалъ каждаго изъ насъ, а тутъ ему же, старшему, приходилось ложиться на полъ; мы сажались ему на руки и на ноги, раздѣ-

вали, какъ обыкновеннаго ученика, а одинъ кто-либо стегалъ его лозою, не думая о пощадѣ.

Что касается до нашихъ успѣховъ и поведенія, то мы, вообще, считались хорошими учениками. Двое изъ насъ, я и Дмитрій Гусевъ, кончили курсъ и были ординарными профессорами въ духовныхъ академіяхъ, трое: оба Веселкина и Крыловъ, кончили курсъ въ семинаріи и первые двое въ первомъ разрядѣ; наибольшій нашъ Яковъ Гусевъ принадлежалъ постоянно къ отличнымъ ученикамъ, но, сдѣлавшись нездоровымъ въ философскомъ классѣ, поступилъ изъ него въ монахи. Прокопій Гусевъ былъ всегда очень хорошимъ ученикомъ, но умеръ въ реторикѣ; одинъ только Тимошей учился дурно и скоро исключенъ изъ училища. Относительно поведенія, если не брать во вниманіе общихъ ученическихъ и ребяческихъ шалостей и глупостей, слѣдуетъ назвать дурнымъ только одного старшаго Веселкина. Этотъ молодецъ еще въ низшемъ отдѣленіи обнаружилъ сильную склонность къ мотовству, лакомству, картежной игрѣ и даже къ пьянству; занималъ деньги у всѣхъ, кто вѣрилъ еще ему, даже поворовывалъ понемногу у насъ. Отецъ его, узнавши о такихъ шалостяхъ, пріѣзжалъ въ Касимовъ; сначала шли допросы, а потомъ начались и расправы. Замѣчательно, что старикъ дѣйствовалъ тутъ своеобразно. Поговорить, посидить, побранится, подеретъ за волосы, за уши, покормитъ оплеухами, потомъ уходитъ въ садъ, самъ наломаетъ прутьевъ и, вошедши въ комнаты, спрячетъ лѣвую руку съ ними назадъ и, подошедши быстро къ сыну, хватаетъ его за голову, ущемляетъ ее между ногъ и, обжавивъ виновнаго, самъ сѣчетъ; иногда, уставши, отдохнетъ, потомъ опять примется за него. Но всегда почти, выскѣши старшаго сына шалуна, возьмется за младшаго, ни въ чемъ не виновнаго, но непременно посѣчетъ и его, приговаривая: «и ты не будь похожъ на Мартиніана—и тебѣ также, какъ и ему достанется больно». Обыкновенно хозяйка наша вступалась за виновнаго и почти отнимала его у разсерженнаго отца. Повторяю, мы по поведенію считались хорошими, даже очень хорошими учениками. И что же вышло потомъ? Семинарское воспитаніе принесло не очень хорошіе плоды. Я одинъ остался на всю жизнь не пьяницею. Яковъ Гусевъ, пока учился въ семинаріи, былъ примѣрнаго поведенія, но въ монашествѣ, мало по

малу привыкъ къ рюмочкѣ, уволенъ былъ за пьянство отъ должности настоятеля монастыря близъ Скопина и теперь (писано въ 1860 г.г.) живетъ, пьетъ и допиваетъ свой вѣкъ, страдаетъ водяною и притомъ не только во время своихъ запоевъ, но и въ трезвомъ состояніи видитъ чертиковъ и слышитъ разные голоса. Дмитрій Гусевъ хоть еще въ семинаріи началъ попивать, но, служа въ петербургской академіи, сдерживалъ себя; перешедши же въ казанскую академію, мало по малу, вдался въ пьянство, страдалъ запоями и подвергся параличу. Теперь живетъ въ отставкѣ, ослабѣлъ памятью, видитъ Господа Саваова, Иисуса Христа и пр.; я еще поговорю объ его помѣшательствѣ. Мартиніанъ Веселкинъ и Крыловъ, бывши священниками, продолжали свою разгульную семинарскую жизнь и умерли отъ пьянства. Тимошей Гусевъ, поступивши на причетническое мѣсто въ Тумѣ, хотя еще живъ теперь, но давно уволенъ за штатъ; отъ пьянства у него руки тряслись уже когда ему было съ небольшимъ 40 лѣтъ. Младшій Веселкинъ любилъ выпить, бывалъ и гулякою, но, поступивши въ свѣтское званіе, велъ себя все-таки лучше старшаго брата; онъ умеръ еще въ молодости. Послѣ я много разъ еще буду говорить, до какой степени и духовенство наше, и его племя страдаетъ склонностью къ пьянству.

Заговорившись о своей квартирѣ, я не касался классическихъ нашихъ дѣлъ; впрочемъ, о нихъ немного можно прибавить къ тому, что сказано въ 19-й главѣ. Гороховъ, къ концу нашего учебнаго курса, слишкомъ частенько являлся пьянымъ; разумѣется, для насъ такіе визиты не всегда оканчивались благополучно; я уже говорилъ въ 18-й главѣ, что Гороховъ пьяный бывалъ щедръ на розги. Но все-таки мы гораздо болѣе тяготились любезнѣйшимъ Михаиломъ Яковлевичемъ. Мы уже, какъ я говорилъ прежде, сдѣлались покорнѣйшими его подчиненными, не щадили себя, когда онъ заставлялъ держать другъ друга; но ему этого было мало, онъ намъ какъ будто не довѣрялъ или хотѣлъ подвергать большому униженію и потому очень нерѣдко или приглашалъ своихъ приходскихъ сѣкуторовъ и держателей въ нашъ классъ, или совершалъ надъ нами экзекуціи въ приходскомъ училищѣ. Собирая, такъ называемыя, травы (о чемъ будетъ говорено ниже), мы иногда видали, какъ приходскіе заготавливаютъ въ лѣсу розги, и узнавали, что это дѣлается по при-

казу Михайла Яковлевича для насъ на завтрашній день. Особенно намъ памятна послѣдняя экзекуція. Михайлъ Яковлевичъ не представлялъ списка о нашихъ неисправностяхъ цѣлый іюнь мѣсяць, но сдѣлалъ это 1-го или 2-го іюля и получилъ разрѣшеніе наказать насъ. Мы знали, что за насъ вступиться некому, но намъ досадно было быть высѣченными при окончаніи нашего учебнаго двухъ-лѣтія въ низшемъ отдѣленіи, и въ досадѣ своей говорили, что мы не послушаемся Михайла Яковлевича или станемъ съчь другъ друга не больно и пр. Слухъ объ этомъ дошелъ до него; по расчету или безъ всякаго расчета, только онъ насъ не сѣкъ до 10-го числа; мы даже увѣрились, что онъ испугался нашихъ угрозъ. Но 11-го числа, пришедши въ классъ, мы узнали, что къ нынѣшнему дню у приходскихъ приготовлены розги для насъ. До роспуска оставалось только дней пять и потому наши матери и отцы легко могли замѣтить слѣды экзекуціи, которая готовилась для насъ. Мы стали искать защиты у Горохова и Краснова, когда они шли на экзаменъ въ высшее отдѣленіе. Но бѣда наша состояла въ томъ, что по предметамъ Горохова отвѣты вышекласныхъ были неудовлетворительны и протопонъ и Красновъ ему дѣлали замѣчанія; Гороховъ съ ними поссорился. И потому, увидѣвши наши слезы, онъ хотя и вступился было за насъ, но Красновъ не только не поддержалъ его, но даже, какъ бы на зло ему, сказалъ, что они того и стоятъ, и доложилъ даже о нашей жалобѣ пришедшему вскорѣ протопону. Этотъ раскричался и велѣлъ сказать Михайлу Яковлевичу, чтобы онъ съ нами раздѣлался получше. Поощрять его, впрочемъ, и не нужно было. Въ 10 часовъ насъ всѣхъ потребовали въ приходское училище; тамъ уже нашли все и всѣхъ готовыми къ принятію насъ. Михайлъ Яковлевичъ сказалъ намъ привѣтственную рѣчь: «вы жаловались на меня, не хотѣли меня послушаться, ну вотъ я посмотрю, какъ вы не слушаетесь», и велѣлъ насъ устанавливать въ два ряда, съ полнѣйшею подготовкою. Дѣйствительно, отпороли насъ чуть не всѣхъ самымъ лучшимъ образомъ; Михайлъ Яковлевичъ такъ больно никогда насъ всѣхъ за разъ не наказывалъ; ему, кажется, хотѣлось съ нами распрощаться такъ, чтобы мы подольше помнили его.

Но время не обращаетъ вниманія на учителей и идетъ для учениковъ своимъ чередомъ; благодаря этому, и мы добрались

до конца своего низшекласнаго курса. 13-го іюля насъ торжественно экзаменовали; многіе изъ насъ, пожалуй, даже спасибо сказали начальству за то, что во время экзаменовъ оно держало насъ на ногахъ, потому что отъ послѣдняго угощенія Михаила Яковлевича имъ сидѣть на вытяжку нѣсколько часовъ было бы неудобно. 15-го числа насъ распустили по домамъ и я отправился домой пѣшкомъ, какъ ученикъ уже высшаго отдѣленія, имѣя разные планы касательно жизни послѣ каникулъ. Дѣло состояло въ томъ, что на новой квартирѣ я не нашелъ тѣхъ выгодъ, которыхъ ожидалъ, не отдѣлался отъ тѣхъ неприятностей, которыя заставили меня убраться съ прежней квартиры, и между тѣмъ встрѣтилъ много неизвѣстныхъ мнѣ прежде неудобствъ. Конечно, на новой квартирѣ меня поменѣе сѣкли, нежели на старой, конечно, хозяйка Дарья не была моею командиршей, но за то дурная пища, неопрятность, тѣснота, семинарскіе бисеръ, кавалерія и пѣхота такъ мнѣ надоѣли, что я скоро сталъ жалѣть о прежнемъ житьѣ-бытьѣ. Анна Яковлевна, прощаясь со мною, говорила мнѣ, чтобы я ходилъ къ нимъ; я воспользовался этимъ приглашеніемъ. Въ первый разъ она приняла меня ласково и, увидавъ черное бѣлье на мнѣ, сказала: «да что ты такой запачканный? Давно ли ты былъ въ банѣ?» Потомъ посмотрѣла мнѣ въ голову и, нашедши пѣхоту, велѣла ходить къ нимъ въ баню. Я ходилъ въ тѣ недѣли, когда у насъ не было бани, и Анна Яковлевна, по своему обычаю, или сама мыла намъ голову, или смотрѣла, чтобы мы мыли ее хорошо. Хотя я тутъ не могъ надѣвать чистое бѣлье, но, по крайней мѣрѣ, прежнее выжаривалось въ банномъ жару и чрезъ то истреблялась пѣхота, появившаяся въ немъ. Видя такую заботливость о себѣ Анны Яковлевны, я рѣшился вновь перейти къ ней на квартиру и послѣ Пасхи собрался съ духомъ просить ее о томъ. Она побранила меня за то, что я много напрасно на нее наговаривалъ батюшкѣ, потомъ прибавила, что не станетъ мнѣ потакать и употребить розгу, если я и въ высшемъ классѣ стану у нея пошаливать. И когда я ей обѣщалъ полное во всемъ повиненіе, то она согласилась и велѣла мнѣ поговорить о томъ съ батюшкою.

Но у батюшки были свои планы на счетъ моей особы. Хотя

я и занималъ четвертое мѣсто въ классѣ, но онъ, проэкзаменовавши меня въ латинскомъ языкѣ и другихъ предметахъ, видѣлъ, что мои успѣхи не очень удовлетворительны; можетъ быть, онъ приписывалъ это нашимъ учителямъ, но не считалъ и меня правымъ, зная, что я не прочь пошалить и полѣниться. Недовѣріе его ко мнѣ подтверждали и тѣ рисунки на моемъ тѣлѣ, съ которыми я почти всегда пріѣзжалъ домой во время отпусковъ. Конечно, я сваливалъ все на притѣсненія и жестокость учителей и особенно Михаила Яковлевича, но все-таки нельзя же было мнѣ доказать и совершенную свою невинность. Батюшка особенно сталъ недовѣрчивъ ко мнѣ послѣ того, какъ узналъ, что я обманулъ его во многомъ, убѣждая свести меня съ квартиры отъ Бѣляевыхъ. Онъ имѣлъ право полагать, что мои недостатки съ поступленіемъ въ высшее отдѣленіе еще болѣе увеличатся. На основаніи всѣхъ этихъ причинъ онъ, не говоря мнѣ ни слова, рѣшился перевести меня въ рязанское училище, и отдать подъ строгій надзоръ или Артемія Ивановича Вихирева, или Трифона Васильевича Кудрявцева, которые послѣ камикулъ поступили въ философію и принадлежали къ лучшимъ ученикамъ.

Не зная, впрочемъ, ничего объ этомъ, я съ радостью пришелъ домой, но встрѣченъ былъ батюшкою очень сурово по одному обстоятельству. Когда я послѣ Пасхи поѣхалъ въ Касимовъ, то онъ приказалъ мнѣ непременно на вакацію принести съ собою латинскіе грамматику и лексиконъ; онъ хотѣлъ меня занять переводами. Но я рѣшительно забылъ объ этомъ и явился домой не принеся ни одной книжки. Увидавши меня на-легкѣ, батюшка меня спросилъ: «а гдѣ же книги, которыя я велѣлъ тебѣ принести съ собою?» Тутъ-то только я вспомнилъ его приказаніе и ничего не могъ отвѣчать. Батюшка такъ былъ раздосадованъ, что тотчасъ же хотѣлъ меня высѣчь; насилу матушка уговорила его: «ну что ты, парень шелъ 60 верстъ пѣшкомъ, усталъ, а ты его прямо хочешь сѣчь; успѣешь и послѣ». По утру была истоплена баня, въ которой батюшка и матушка увидали на мнѣ ясные слѣды послѣдняго прощанія Михаила Яковлевича съ нами. Батюшка еще болѣе осердился на меня. «Ужъ если тебя такъ зысѣкли предъ самымъ почти роспускомъ, то

вѣрно ты надѣлалъ ужасныя гадости». Я сказалъ, что такъ насъ отдѣлалъ всѣхъ Михайлъ Яковлевичъ; это подтвердилъ и Андруша. Впрочемъ, батюшка былъ не ласковъ ко мнѣ почти всю вакацію; съѣздилъ въ Касимовъ за моимъ сундучкомъ и постелью и объявилъ мнѣ, что я буду переведенъ въ рязанское училище. Но, разставаясь съ Касимовымъ, я еще хочу сказать кое-что и о городскихъ жителяхъ, а также объ училищѣ, о тѣхъ его порядкахъ, которыхъ я еще не касался.

Д. И. Ростиславовъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЬБОМЪ С. Д. ПОЛТОРАЦКАГО

1820—1852.

XIV¹⁾.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Его стихотворенія

1.

Голова и Ноги.

[васня²⁾].

Уставши бѣгать ежедневно
По лужамъ, по грязи, по жесткой мостовой,
Однажды ноги очень гнѣвно
Разговорились съ головой:
Какъ мы несчастны, Боже мой!
Что вѣкъ (намъ) суждено тебѣ повиноваться!—
Днемъ, ночью, осенью, весной—
Лишь вздумалось тебѣ: изволь бѣжать, таскаться,
Къ тому-жъ, окутавшись чулками,
Ботфортами и башмаками,
Ты насъ, какъ каторжныхъ, моришь,
Богъ вѣдаетъ зачѣмъ—нести себя велишь;
Покойно судишь, говоришь

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1857 г., т. LVI, октябрь, стр. 125—142.

²⁾ Ходила въ рукописныхъ спискахъ, затѣмъ была напечатана въ одномъ изъ историческихъ журналовъ, вошла въ собраніе сочиненій поэта; приводится здѣсь потому, что помещена Полторацкимъ въ его альбомъ. Ред.

О свѣтѣ, о людяхъ, о модѣ,
 О доброй и дурной погодѣ,—
 Частенько на нашъ счетъ себя ты веселишь
 Насмѣшкой колкою, словами
 И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами,
 Хотя-бъ смири́й была за трудъ нашъ неизмѣнный,
 Такъ—нѣтъ; когда душою напряженной
 Несемъ смущенную къ торжественнымъ Богамъ—
 Тогда лелѣешь насъ; но лишь домой вступили—
 То ноги,— по твоимъ словамъ,—
 Какъ будто не ходили...
 „Молчать!“ вскричала голова. „Молчать!
 Иль не страшить моя васъ сила?
 Бродяги! вамъ-ли размышлять?
 Природа мѣсто мнѣ когда опредѣлила
 Васъ выше (для того), чтобы повелѣвать.
 — „Но пусть-бы ты повелѣвала,
 Да насъ, какъ смылочныхъ, повсюду-бъ не совала,—
 А прихотямъ твоимъ несносно угождать;
 И между нами, вѣдь, признаться,
 Коль ты имѣешь власть (надъ) нами управлять,
 Тогда имѣемъ мы все право спотыкаться,
 И можно иногда, споткнувшись... какъ-же быть,—
 Твое могущество о камень расшибить“ .

Смыслъ этой басни всякій знаетъ,
 Но должно—цыцъ! молчать! дуракъ (лишь) все болтаетъ.

2.

КЪ НЕВѢСТѢ.

Сегодня вечеромъ увижусь я съ тобою,
 Сегодня предъ отцемъ отнюдь не слищемъ яру:
 Иль руку соедини съ моею ты рукою,
 Иль ею укажи мнѣ дверь.

* *

Не то я въ горести, какъ зюзя, натануса,
 На трювѣ ухарской стрѣлою полечу;
 Прославшись до Твери, въ Твери опять напысю,
 И пьянымъ въ Петербургъ на пьянство прискачу.

* *

Но если счастье назначено судьбою
 Тому, кто цѣлымъ вѣкъ со счастьемъ не знакомъ,
 Я—русскій человекъ! напысю сви́нья-сви́нью.
 И въ радости пропыю погоню съ кошелькомъ.

XV.

Нелединскій-Мелецкій.

[Стихотвореніе]

Андрею Лаврентьевичу Львову.

Ты споришь, Львовъ,
 Что сто стиховъ
 На рѣму овъ
 Набрать я не готовъ.
 Ты правъ, не безъ большихъ трудовъ
 Найду я столько словъ.
 Я-жъ ненатуральный рѣмолъ
 И даль-бы сто воловъ,
 Три четверги бобовъ
 И столько-же стручьевъ,
 Да денегъ пять рублевъ,
 Чтобъ схожихъ сто найти концовъ
 И выдти тѣмъ изъ хвастуновъ.
 Смотри, я щедръ—каковъ!
 О, богъ золотоголовъ!
 Возьми подъ свой покровъ
 И не лишн даровъ
 Меня—скуднѣйшаго изъ всѣхъ твоихъ рабовъ!
 Молюся безъ плодовъ,
 Фебъ съ музами суровъ
 Для тѣхъ, кто въ рѣмахъ новъ,
 Онъ любитъ тѣхъ писцовъ,
 Которые умовъ
 Не тратятъ ради пустяковъ,—
 Другихъ онъ чтитъ за шалуновъ
 И за своихъ враговъ
 Безъ всѣхъ обвиняковъ.
 Свѣтлѣйшій изъ боговъ
 Бѣжитъ отъ болтуновъ,
 Парнасскихъ тѣхъ сверчковъ,
 У конхъ голосовъ
 Не болѣ, какъ у мрачныхъ совъ,
 Которы ходяковъ
 И самыхъ вздоковъ
 Пугаютъ средь гнсовъ.
 Пегасъ, хотъ безъ подковъ,
 Имъ надавалъ толчковъ,
 Съ парнасскихъ береговъ
 Ихъ ссунетъ въ мрачный ровъ.
 Мой будетъ рокъ таковъ

За то, что пять часовъ,
 Какъ сущій пустословъ,
 Ишу сто рнемъ на овъ.
 Да гдѣ-жъ ихъ взять? Умомъ вспорхнувъ до облаковъ,
 Для рнemi встрѣчу тамъ летающихъ орловъ,
 Сравняю ихъ полеть съ полетомъ соколовъ
 И, чтобъ запутать миѣ чтецовъ,
 Низринусь вдругъ изъ тутъ до Стихсовыхъ краевъ.
 Тамъ, не страшась духовъ,
 Не спрашиваясь колдуновъ:
 Съ усами, безъ усовъ,
 Съ хвостами, безъ хвостовъ—
 Сберу я всѣхъ боговъ
 И имъ задамъ твою задачу, Львовъ,
 Авось, межъ ихъ есть стихословъ.
 Самъ между тѣмъ пойду ловить дроздовъ,
 Нажарю ихъ и воробьевъ,
 Скворцовъ,
 Перепеловъ,
 Индѣйскихъ пѣтуховъ,
 Синицъ и ястребовъ,
 Наставя блюдъ, горшковъ,
 Къ столу созвавъ пѣвцовъ,
 Прыгуньевъ, скакуновъ,
 На скрипкахъ игроковъ,
 Борцовъ,
 Лихихъ бойцовъ
 И всякихъ удалцовъ,
 Пошлю къ тебѣ пословъ.
 Изъ нихъ Степанъ Крыловъ
 На карточкѣ безъ улоковъ
 Подастъ тебѣ къ обѣду зовъ.
 Съ тобою подтвердимъ обжорныхъ мы задовъ
 И тутъ отъ тарта, сникъ жильцовъ
 Дождемся или нѣтъ имъ заданныхъ стиховъ.
 Еще, коль мало пустяковъ,
 Я сказку слышану скажу отъ стариковъ
 Видалъ-ли ты ословъ?
 Одинъ изъ нихъ, гуляя межъ ручьевъ,
 По близости луговъ,
 Увидѣлъ у кустовъ
 Премножество цвѣтовъ—
 Ромашекъ, васильковъ
 И васекъ, и нупковъ,
 И всякихъ тутъ родовъ.
 Голодныхъ жадность псовъ
 Оскаленемъ зубовъ
 Явилъ глациѣшій изъ скотовъ,
 Эмблема дураковъ—

Онъ поднялъ сильный ревъ
 И, не боясь волковъ,
 Пустился по цѣптамъ на ловъ.
 Оселъ хоть не рѣювъ,
 Но тутъ махнулъ черезъ пять рзовъ.
 Хотѣлъ поѣсть до стебельковъ
 И не оставить ни листковъ;
 Но, бывъ простякъ изъ простяковъ,
 Не зналъ, съ чего начать, и дѣдался стадовъ.
 Отъ неучивыхъ пастуховъ
 Принявши съ сотню тутъ толчковъ
 И въ голову тузовъ,
 И подъ животъ пиньковъ,—
 Голодный упался на силу отъ коровъ.
 Вотъ то-то безтолковъ!
 А я, вѣдь, не таковъ:
 Я зналъ, съ какихъ начать мнѣ словъ,
 Чтобъ написать его рнежъ на овъ.
 Впередъ не спорь-же, Львовъ!
 Прощай и будь здоровъ!

XVI.

Современный геній ¹⁾.

1862 г.

Онъ геній, говорятъ,—и какъ опровергать
 Его ума универсальность?
 Богъ произвелъ его, чтобъ міру показать
 Души презрѣнной геніальность.
 Измѣнникъ царственный! онъ права первенства
 У всѣхъ измѣнниковъ оспорилъ.
 Онъ все нечистое возвелъ до торжества
 И все святое опозорилъ.
 Дипломъ на варварство, на низости патентъ
 Стяжалъ онъ—подлости дпетаторъ,
 Клятвопреступникъ, тать, безчестный президентъ.
 И вѣроломный императоръ!
 Онъ говорить: „Клянусь!“ а самъ ужъ мысль тантъ
 Смять клятву, пзоровать присягу,
 „Империа—не брань, но миръ“,—онъ говорить.
 А самъ выдергиваетъ шпагу.

¹⁾ Наполеонъ III.

Достигнувъ вышины чрезъ низкія дѣла,
 Въ Италію просунулъ лапу.
 Пощупалъ—тутъ ли Римъ и дядина Орла
 Когтями онъ пригладилъ папу;
 Опутавъ Англію своимъ союзомъ съ пей,
 Ей поднималъ парусъ дерзновенный
 И немощь жалкую лоскутницы морей
 Онъ обнажилъ передъ вселенной;
 Свою союзницу на гибель соблазнилъ
 Сойти съ родной ея стихіи;
 Защитникъ Турціи, ее онъ раздавилъ
 Защитой противу Россіи,—
 И тонетъ въ оргіяхъ, и гордо смотритъ онъ
 На свой Парижъ подобострастный,
 И, передъ нимъ салонясь, продажный Альбионъ
 Съ своей монархиней безгласной
 Ему сметаешь пыль съ темнично-бѣглыхъ ногъ
 И Веллингтоновской подвязкой
 Въпячаетъ нашего предателя чулокъ,
 Быль Ватерлоо почисливъ сказкой.
 Убейте прошлое! пусть дней новѣйшихъ судъ
 Во прахъ Исторію низложитъ!
 Вытописатели внозь примутся за трудъ
 И прахъ разроютъ... но, быть можетъ,
 До дней сихъ доведя разскавъ правдивый свой
 И видя, какъ упрекъ здѣсь горекъ
 Для человѣчества, дрожащею рукою
 Изломитъ грифель свой историкъ
 И разобьетъ скрижаль!... Но лѣтопись грѣха
 И гнусныхъ возней вѣроломства
 На огненномъ крылѣ могучаго стиха
 Дойдетъ, домчится до потомства
 И передастъ ему, какъ Страсбургскій буланъ,
 Назалъ, питомецъ беззаконій
 Съ привороченнымъ орломъ, безстыдный шарлатанъ,
 Матежникъ, схваченный въ Булонь
 И изъ тюрьмы—бѣглець законамъ игралъ,
 И всѣмъ святымъ для человѣка,
 И, стиснувъ Фрнцію, съ насильничкой поспралъ
 Всы девятнадцатаго вѣка....
 Гюго! твой мѣткій ямбъ въ порывѣ гнѣвнымъ силъ
 Ему безсмертье обезвечилъ,
 Ты хищника стихомъ желѣзнымъ заклеилъ
 И стыдъ его увѣзовѣчилъ,
 И жалъ мнѣ одного, что этотъ срамъ ввѣрталъ
 Ты гармоническому звуку
 И что его, клейма, неволью замаралъ
 Ты поэтическую руку.
 А ты пока сіи, верховный образецъ

Измѣнь, разбоевъ и предательствъ!
 Ты видишь, для тебя языкъ боговъ пѣвецъ
 Готовъ унижить до ругательства,
 Но время разорветъ твою съ фортуной связь,
 Гигантъ нечестія въ коронѣ!
 Хламъ чловѣчества! Увѣчанная грязь!
 Монархъ съ пощечной на тронѣ.

В. Венедиктовъ.

XVII.

Николай Платоновичъ Огаревъ.

1848 г.

Друзья! уныніе грѣшно,—
 Ему не надо предаваться:
 Въ душѣ рождается оно,
 Когда перестаемъ мужаться.
 Творецъ невидимой рукой
 Насъ тяжелой извой поражаетъ:
 Смиримся: гвѣвъ Его святой
 Насъ къ покаянью призываетъ
 Путемъ страданій, горя, слезъ.
 Кто вѣчности достигъ порога,
 Кто съ умилеіемъ донесъ
 До гроба крестъ свей—ради Бога—
 Смерть для того, какъ лѣтняя ночь:
 Едва успѣетъ тьма разлиться,
 Какъ солнце гонитъ сумракъ прочь,
 Востокъ отрадно золотится!
 Друзья! уныніе грѣшно!
 Творите Господу моленья,
 Чтобъ въ душу заровнялъ смренья,
 Надеждъ, бодрости зерно.
 Любовью чистою и вѣрой
 Мы заглушимъ въ своихъ сердцахъ
 Духъ гордости закоренѣлый,
 Сомнѣнья голосъ, ропоть, страхъ.
 Для благости Творца безмѣрной
 Довольно лишь любви слѣпой,
 Молитвы теплой, задушевной,—
 Слезы раскаянья одной.

Н. Огаревъ.

25 іюня 1848 г.

XVIII.

Б а с н я.

[1850 г.].

У мужичка зажиточнаго было
 Стадовъ множество—при каждомъ и пастухъ.
 И несся межъ сосѣдей слухъ,
 Что все въ довольствѣ мирномъ жило,
 Что мужичку могло принадлежать.
 Хозяинъ былъ онъ строгій, умный
 И пастушковъ чтобъ выбирать.
 Имѣлъ на то разсудокъ чудный.
 Умѣя всѣхъ въ рукахъ держать.
 Но, вѣдь, и въ солнцѣ пятва ссть.—
 Какъ сказываютъ звѣздочеты.
 Мужичекъ, забывъ свои расчеты,
 Зачѣмъ и почему—Богъ вѣсть—
 Отъ одного изъ главныхъ стадъ
 Пастуха отставилъ,—и что же?
 Приставилъ онъ въ нему,—мой Боже!
 Собаку,—собаку, что тому назадъ
 Лѣтъ нѣсколько прогнали
 За глупость, злобу, небреженье
 И гдѣ-то такъ изъ сожальнѣя
 На привязи ее держали.
 — Вотъ снущенъ съ дѣви старый пѣсъ,—
 Овецъ грызетъ, кусаетъ, лаетъ
 И пить, и вѣсть, и спать мѣшаетъ,
 И страхъ такой на всѣхъ нанѣсъ,
 Что овцы глупыя не знаютъ,
 Что дѣлать имъ,—иуда бѣжать!
 Нельзя гулять,—нельзя лежать,—
 Трясутся и не понимаютъ.
 Горька имъ сдѣлалась трава
 Луговъ постныхъ москворѣцкихъ,
 Забавъ нѣтъ прежнихъ молодецкихъ,
 Вараны отняты права.
 Ягнѣта даже не играютъ,
 Боятся пить въ Москвѣ-рѣкѣ;
 Собравшись тихо въ уголкѣ,
 Овечки слезы проливають.
 А пѣсъ не спитъ ни день, ни ночь,
 Какъ не грызетъ и не кусаетъ,
 Такъ злобится, и мчитъ и лаетъ,

И зубы скалить во всю мочь.
 Баранью кротость знает всякъ,
 Они не жаждут полной волп,
 Но перенестъ такой юдоли
 Не въ силахъ будучи. и такъ
 Они тихонько разбрелся
 Посреди густыхъ лѣсовъ,
 Въ дали родимыхъ береговъ
 Печально жить перенеслися.

Придетъ пора, когда постричь
 Овецъ хозяинъ пожелаетъ;
 Но что его тутъ ожидаетъ,
 Когда на столъ извѣстный князь
 Не будетъ отъѣзжа? Сердить
 Хозяинъ будетъ, давши маху,
 И хотъ повѣсить онъ собаку,
 Но стадо ужъ не воротить

Изъ этого примѣра видимъ,
 Что въ стадѣ не должно никакъ
 Безъ пастуха держать собакъ;
 Ущербъ хозяйскій ясно видимъ—
 Съ овецъ возможно шкуру драть
 И плотно стричъ,—подчасъ и жарить,
 И кипятить, варить и парить,
 Но злomu псу ихъ не вѣрять,
 Хозяинъ будетъ безъ овецъ,
 Оставшись съ бѣшеной собакой.
 Надъ нимъ смѣяться будетъ всякій—
 Прохожій мимо молодець.
 Не лучше-ль такъ вести бы дѣло,
 Какъ экономя велить
 И какъ пословица гласить:
 И волкъ-то смѣть, и овцы цѣлы.

XIX.

Князь Евгений Петровичъ Оболенскій.

Письмо къ брату его, князю Константину Петровичу Оболенскому, въ Москву.

Генваря 8-го, 1850 г. Ялutorовскъ.

Вотъ тебѣ обращается твой портретъ, другъ Константинъ, — къ тебѣ его
 везетъ К. Казанцевъ, Гавриилъ Петровичъ, бывший учитель тобольской гим-
 назіи, предобрый и прехорошій человѣкъ, — кажется, что самая доска пробита.
 Но это не бѣда, — твое лицо цѣло, слѣдовательно, надобно только перецѣпить

текло, а портретъ съ пулею въ груди пусть останется такимъ, какъ есть. Сдѣлай дружбу: пришли его ко мнѣ обратно какъ можно скорѣе. Я буду ожидать его въ концѣ февраля.

Теперь поговоримъ съ тобою на счетъ нашего Сергѣя Кашкина.

Я имѣлъ уже извѣстіе объ участи его сына, Николинки—отъ Пуцина, который въ Иркутскѣ видѣлся съ однимъ изъ его товарищей, сосланнымъ туда на службу, кажется, безъ лишенія чиновъ. По его словамъ, Николай былъ секретаремъ общества и былъ призванъ государемъ (Николаемъ Павловичемъ) и довольно смѣло отвѣчалъ. Теперь остается знать, какой участи онъ будетъ подверженъ.

Петрашевскій съ товарищемъ уже въ Tobольскѣ. Ихъ привезъ фельдшеръ въ простой арестантской одеждѣ, и, кажется, велѣно имъ идти въ партію до Нерчинскихъ рудниковъ, и особенное имѣть за ними наблюденіе. По словамъ Петрашевскаго, осужденныхъ въ Нерчинскѣ—всѣхъ девять человекъ; онъ назвалъ трехъ,—но въ числѣ ихъ Кашкина нѣтъ. По словамъ Лобанова, переданнымъ Пуцинымъ, нашъ Николай осужденъ на трехлѣтнее заключеніе въ крѣпости и оттуда, безъ сомнѣнія, на Кавказъ солдатомъ. Но такъ какъ это извѣстіе подлежитъ еще сомнѣнію, и притомъ Николай былъ секретаремъ общества, то немудрено, что онъ можетъ отправиться въ Нерчинскъ въ числѣ девяти. Въ послѣднемъ случаѣ передай Сергѣю, что онъ будетъ снабженъ въ Tobольскѣ и деньгами, и всѣми нужнымъ. Я такимъ образомъ распорядюсь, чтобы наши дали ему все, что будетъ возможно, счета же ты сведешь съ Сергѣемъ, а Наташа передастъ мнѣ тѣмъ путемъ, который она знаетъ. Вездѣ, по пространству всей Сибири, начиная отъ Tobольска, въ Томскѣ, Красноярскѣ, въ Иркутскѣ и далѣе—за Байкаломъ—онъ найдетъ нашихъ, которые всѣ, безъ исключенія, будутъ ему помощниками—и дѣломъ, и словомъ. Что касается до Нерчинска и его рудниковъ, то если онъ будетъ тамъ, то при всемъ тяжеломъ его положеніи, если юноша не потеряется, если отецъ и мать будутъ оказывать ему постоянную любовь и неизмѣнное участіе, то онъ пройдетъ невредимъ и черезъ это испытаніе. Я тамъ былъ, и въ продолженіи года работалъ въ шахтахъ со всѣми простыми осужденными. Каждый день въ шестомъ часу утра намъ дѣлали переключку и каждому изъ насъ давали въ товарищи простаго работника. Поочередно съ нимъ я держалъ кирку или отбивалъ молотомъ руду отъ стѣнъ шахты. Эта работа продолжалась до 11 часовъ. Окончивши ее, мы возвращались въ свои казармы и весело обѣдали; а потомъ весь вечеръ были свободны. Потомъ разбивали руду, на чистомъ воздухѣ, молотили и переносили ее на носилкахъ—урокомъ: по 30 пудовъ на двухъ работниковъ,—и тутъ работа не казалась тяжелой, и всѣ мы были веселы и довольны. Когда же насъ перевали въ Читу, то работали на большой дорогѣ, засыпали рвы, канавы, съ тачками перевозили землю съ одного мѣста на другое, и, наконецъ, въ продолженіи десяти

лѣтъ я каждый день моложь на ручномъ жерновѣ муку—по пуду въ день. Все это прошло, и я душой не погибъ, слава Господу Богу!

Душевно бы желалъ, чтобы Николай (Кашкинъ) не подвергался этому испытанію, но если оно его постигнетъ, пусть Сергѣй помнитъ, что его любовь, его попеченіе о сынѣ могутъ одни поддержать въ немъ и бодрость, и надежду. Если во все это тяжелое для меня время я сохранялъ душевную бодрость и силу, то обязанъ постоянному попеченію добрѣйшаго родителя, его всегдашней любви, неизмѣнной заботливости, всегдашней перепискѣ со мною. Присоедини къ этому любовь твою, любовь сестеръ,—все это вмѣстѣ всегда поддерживало во мнѣ ту силу души, которая такъ нужна въ тяжелыхъ испытаніяхъ жизни.

О заключеніи въ крѣпость и о томъ, что можно перенести въ этомъ тяжеломъ уединеніи, я не имѣю полного понятія, потому что самъ испыталъ только шестимѣсячное заключеніе въ Равелинѣ (Петропавловской крѣпости). Но, по словамъ Кюхельбекера, Поджіо, которые провели въ казематахъ по десяти лѣтъ, и Г. С. Батенкова, который прошелъ чрезъ это испытаніе въ продолженіи двадцати лѣтъ—оно очень тяжело, но облегчается исполнителями, которые не всѣ злые люди и доступны просьбамъ ¹⁾. И потому, если Николай будетъ въ крѣпости, то и тамъ пусть его ищетъ его отецъ. И я увѣренъ, что Сергѣй найдетъ возможнымъ помочь ему въ уединеніи, доставляя ему книги и все, что нужно для небольшого развлеченія; главное въ томъ, чтобы на всякомъ шагѣ онъ зналъ, что эта любовь вездѣ его ищетъ и находитъ. Его юная душа не ожесточится; но, напротивъ, находя вездѣ опору и утѣшеніе, она окрѣпнетъ въ борьбѣ съ несчастьемъ и сдѣлается, можетъ быть, лучше, чѣмъ была. Если Николаю суждено быть въ Нерчинскѣ, то пусть Сергѣй пишетъ прямо къ Екатеринѣ Ивановнѣ Трубецкой (рожденной Лаваль). Лишь только я узнаю, что Николай въ Тобольскѣ, я сейчасъ сообщу съ Восточною Сибирью, и его вездѣ встрѣтять, какъ роднаго.

Но довольно объ этомъ. Можетъ быть, все кончится лучше, нежели ожидаемъ,—и моя тревога будетъ лишняя.

Письмо тебѣ вручить, какъ уже я тебѣ сказалъ, Гаврила Петровичъ Казанцевъ, ученикъ педагогическаго института, который, окончивъ курсъ шестилѣтняго преподаванія въ тобольской гимназіи, отправляется въ Тверь къ отцу-архимандриту Желтиковскаго монастыря. Онъ намѣренъ поступить въ гражданскую службу,—и если найдетъ мѣсто въ Твери, то устроится тамъ; если же нѣтъ, то онъ желалъ бы быть и въ Москвѣ. Онъ человекъ хорошій, и я увѣренъ, что, занявъ должность, будетъ ее исправлять честно

¹⁾ Въ 1879 г. мы посѣтили, подлѣ роднаго намъ города Торопца, уважаемаго землевладѣльца г. Поджіо, племянника здѣсь упомянутого декабриста. У этого помѣщика хранится оловянная ложка и, сколько помню, кружка оловянная; та и другая вещи отъ многолѣтняго употребленія узникомъ, въ казематѣ, весьма значительно сбавлены, стерты губами и языкомъ. Ред.

и добросовѣстно. Если ты можешь ему помочь, то помоги черезъ своихъ знакомыхъ. Его жена, молодая и милая женщина, въ полномъ смыслѣ сибирячка, которая по французски не знаетъ, но по русски болтать умѣетъ. Если Наташа можетъ ихъ принять, то, вѣроятно, они не будутъ лишніе въ ея гостиной.

О себѣ ничего не скажу тебѣ, другъ Константинъ. Пятьдесятъ три года положили свою печать, но крѣплюсь и бодрствую. Жена тебя приветствуетъ всею любовью. Она любитъ твои здоровыя лицо и твою молодцоватость. Пущинъ, Муравьевъ ¹⁾ дружески тебѣ жмутъ руки. Затѣмъ обнимаю тебя—твой другъ и братъ Евгенийъ Оболенскій.

Не рѣшился, другъ Константинъ, расстаться съ твоими портретами. Я вынулъ осторожно стекло—и ты вышелъ цѣлъ и невредимъ, но безъ стекла и съ грудью, вдавленною гвоздемъ. Но я предпочелъ имѣть тебя въ этомъ (видѣ), нежели заставлять тебя вновь сидѣть подъ прямыми лучами солнца; кромѣ того, избавляю тебя отъ хлопотъ пересылки, а главное, не расстаюсь съ тобою. Обнимаю тебя еще разъ. Спасибо за портретъ!

XX.

Къ исторіи цензуры

1827—1852 гг.

1.

Ноябрь 26-го дня 1827 г.

Издателю „Московского Телеграфа“ симъ объявляется, что по предписанію г. попечителя, согласно съ мнѣніемъ комитета, представленное вамъ извѣщеніе г. редакторовъ издаваемого въ Женевѣ журнала особо печатать запрещается, а можетъ быть напечатано оно въ одномъ изъ номеровъ „Московского Телеграфа“.

Въ должности предсѣдателя цензоръ Сергій Аксаковъ. Секретарь Новиковъ.

2.

6-го декабря 1827 г.

1. „Московский Телеграфъ“ 1827 года № 22. Зачеркнуто послѣ словъ „считать превосходнымъ“ слѣдующее: „напротивъ того весьма посредственный переводъ г. Каченовскаго, сдѣланный не съ подлинника, а съ польскаго перевода, совсѣмъ не былъ по вкусу москвитянамъ“.

¹⁾ Матвій Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, † 1886 г. въ Москвѣ.

На полях сдѣлана приписка красными чернилами: „исключить! Какое вы имѣете право сказать, что сей переводъ былъ не по вѣусу всей московской публики? Вы можете сказать, что онъ не понравился вамъ, что онъ— по вашему мнѣнію—дуренъ“.

2. Послѣ словъ: „твореній графа Хвостова“ зачеркнуто: „и въ нашей литературѣ, какъ и въ другихъ, встрѣчается галиматья“.

3. „И даже о „Русскомъ Вѣстникѣ“, появившемся какъ-то опитъ“. Слова: „даже“, „какъ-то“ зачеркнуты красными чернилами.

8.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Московскій цензурный комитетъ въ Москвѣ.

Мая 25-го 1828 г., № 130.

Господину издателю „Московского Телеграфа“. Въ исполненіе предложенія его превосходительства г. попечителя московскаго учебнаго округа отъ 24-го мая, за № 669-мъ получоннаго, московскій цензурный комитетъ: 1) требуетъ отъ васъ увѣдомленія, кто сочинитель статьи о физикѣ Аеенея, въ 7-мъ номерѣ „Телеграфа“ напечатанной, которую г. попечитель находитъ неблагонамѣренною; 2) комитетъ предписываетъ вамъ, чтобъ вы воздержались отъ насмѣливыхъ сужденій—о трудахъ университетскихъ профессоровъ, а также и о сочиненіяхъ отъ университета или съ одобренія онаго издаваемыхъ, какъ отъ мѣста казеннаго, обязаннаго строгимъ отчетомъ во всѣхъ дѣланіяхъ своихъ высшему начальству. 3) Если же и засмѣ уже не прекратятся справедливыя жалобы на вашъ журналъ въ оскорбленіи личности самихъ чиновниковъ университета, то г. попечитель вынужденнымъ найдетъ законнымъ порядкомъ запретить издаваніе онаго на будущее время.

Въ должности предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета С. Ахсаковъ. Секретарь Новиковъ.

4.

Въ московскій цензурный комитетъ, издателя „Московского Телеграфа“, Николая Алексѣевича Пеловаго

Донесеніе.

№ 450. 1828 г., мая 29-го дня.

На предписаніе сего комитета отъ 25-го текущаго мѣсяца за № 130, почтеннѣйше честь имѣю донести слѣдующее:

1. Статью о физикѣ Аеенея, помѣщенную въ № 7-мъ „Телеграфа“, сочинялъ я самъ.

2. Если сія статья могла подать поводъ къ подозрѣнію въ неблагонамѣренности, то за чистое и благое намѣреніе, съ какимъ писана сія статья, я готовъ отвѣтствовать, какъ сочинитель и какъ журналистъ; тѣмъ еще менѣе могу быть названъ за нее сочинителемъ насмѣлей. Сожалѣя, что комитетъ не обозначилъ мѣсть, котормя подали поводъ къ такому названію, смѣю сказать, что недовольство сочинителя, затрудняющагося, можетъ быть, отвѣтомъ на рецензію, не даетъ еще статьѣ сущности насмѣливыхъ сужденій.

Точнымъ смысломъ всмочайше утвержденного устава о цензурѣ § 3 можно признавать таковыми сочиненія, „когда въ оныхъ оскорбляется честь какого либо лица непристойными выраженіями или предосудительнымъ обвародованіемъ того, что касается до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветою“. Напротивъ, въ статьѣ о физикѣ Атеней нѣтъ никакихъ непристойныхъ выраженій; вся она состоитъ изъ ученыхъ изслѣдованій; въ ней не только не представляется и не клеветается нравственность чья-либо, но даже ни разу не упомянуто имя сочинителя, коего сочиненіе подверглось критическому изслѣдованію. Если авторъ можетъ оскорбляться приведеніемъ источниковъ, изъ коихъ заимствовалъ онъ свои мысли, выдавая ихъ за свои собственные, если сіи мысли опровергаются, то все сіе есть закономъ дозволенное право, даже обязанность рецензента, и таковое право употреблено уже было мною въ статьѣ: О физикѣ Атеней (Телеграфъ, № 6-й), гдѣ разобрана мною статья, въ которой основанія философіи выведены издателемъ Атеней изъ Шеллинга, такъ же какъ въ статьѣ О физикѣ основанія взяты имъ изъ Шеллинга и Окена, что доказано мною цитатами, въ вѣрности коихъ убѣдится каждый, кто приметъ на себя трудъ сравнить съ цитруемыми сочиненіями.

3. Если на статьѣ: О физикѣ Атеней основана увѣренность въ правдивости моихъ сужденій „о трудахъ университетскихъ профессоровъ и о сочиненіяхъ отъ университета или съ одобренія оныхъ издаваемыхъ“, осмѣливаюсь донести, что то изданіе Атеней есть предпріятіе частное и къ университету ни мало не принадлежащее. О книгахъ, университетомъ издаваемыхъ, въ журналѣ моемъ никакихъ рецензій не помѣщается. Справедливыя жалобы на журналъ, „мною издаваемый, въ оскорбленіи личности чиновниковъ университета“ мнѣ вовсе неизвѣстны, и ни одной жалобы донынѣ отъ нихъ до меня не было приносимо. Напротивъ, я имѣлъ честь удостоиваться всегда лестныхъ для меня—словесныхъ и письменныхъ отзывовъ и участія въ трудахъ моихъ отъ почтеннѣйшихъ профессоровъ московскаго университета. Впрочемъ, печатая всѣ статьи моего журнала съ позволенія цензурнаго комитета, осмѣливаюсь сослаться въ благонамѣренности ихъ за прошедшее и будущее время на собственное комитета усмотрѣвіе. Мая 28-го дня 1828 года.

Къ сему донесенію издатель „Московскаго Телеграфа“ Николай Алексѣевъ Полевой подписуюсь.

На этой бумагѣ сдѣлана надпись цензора С. Т. Аксакова:

— „Возвратить оное донесеніе г. издателю „Телеграфа“, прося его отвѣчать только на вопросъ: Кто сочинитель статьи „О физикѣ Атеней“? Объясненія-же свои онъ можетъ препроводить особою бумагою прямо въ г. почителю“.

5.

Въ московскій цензурный комитетъ. Издателя „Московскаго Телеграфа“ Николая Полеваго

Донесеніе.

Получивъ обратно изъ сего комитета поданное мною донесеніе, которымъ полагаю я удовлетворительно объясниться по всѣмъ тремъ пунктамъ, находящимся въ предписаніи комитета отъ 25-го мая сего 1828 г. за № 130,

въ точное исполненіе надписи, на упомянутомъ донесеніи моемъ сдѣланной, снѣмъ донести честь имѣю, что статью „О физикѣ Атеней“, помѣщенную въ № 7-мъ издаваемого мною журнала,—сочинилъ я самъ. Мая 29 дня 1828 г.

Къ сему донесенію издатель „Московского Телеграфа“ Николай Алексѣевъ Полевой подпишусь.

6.

„Посланіе къ любимымъ братьямъ москвитчамъ“ 1840 г.

Съ эпиграфомъ: «Дворянство,—ограда престола и чести народной,—да станеть примѣромъ всемъ другимъ состояніямъ» (Манифестъ 1826 г.).

(Въ посланіи авторъ убѣждаетъ дворянъ служить по выборамъ, подавать голосъ, помогать государю—указывать и т. д.—все въ монархическомъ духѣ и въ духѣ православія).

Цензурный комитетъ вернулъ посланіе автору (г. Убри) съ надписью: „Для исправленія“,—а въ чемъ должно состоять исправленіе—неизвѣстно.

7.

„Московский Телеграфъ“. I. Изыщная словесность. „Вѣдьма“. Баллада.

Переводъ В. А. Жуковскаго.

Вся длинная баллада съ начала до конца эцчернута красными цензурскими чернилами и не пропущена въ печать.

Внизу рукою цензора написано: „Баллада „Старушка“, нѣмѣ явившаяся „Вѣдьмой“, подлежитъ вся запрещенію, какъ пьеса, въ которой дьяволъ торжествуетъ надъ церковью, надъ Богомъ“.

Примѣчаніе. Эта баллада напечатана въ полномъ собраніи сочиненій В. А. Жуковскаго, т. I, (изд. 7-е), только съ нѣскольکو измѣненнымъ заглавіемъ.

8.

Редація газеты „Сѣверной Пчелы“.

Спб., іюня 14 дня 1851 г., № 100.

Редація „Сѣверной Пчелы“, препровождая къ его превосходительству Леонтыю Васильевичу (Дубельту) прилагаемую при семъ статью о происшествіи во Владимірѣ, заимствованную изъ № 22 „Владимірскихъ губернскихъ Вѣдомостей“ (также при семъ прилагаемыхъ), покорнѣйше проситъ его превосходительство увѣдомить: можетъ-ли быть означенная статья напечатана въ газетѣ „Сѣверная Пчела“.

Приписка на этой-же бумагѣ: „По моему мнѣнію,—эту статью не должно

было печатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ, которыя не для сего учреждены, но какъ она уже напечатана, то—кажется—нѣтъ препятствій печатать ее и въ „Сѣверной Пчелѣ“. Какъ прикажете?”

Отвѣтъ графа А. Ф. Орлова: „Я нахожу печатаніе этой статьи въ „Сѣверной Пчелѣ“ совсѣмъ ненужнымъ. Губернскихъ вѣдомостей никто почти не читаетъ, а „Сѣверная Пчела“ по всей имперіи и въ чужихъ краяхъ читается. Зачѣмъ возобновлять общую скорбь о семъ несчастномъ происшествіи? Поблагодарить Николая Ивановича Греча за его осторожность и объявить ему мое мнѣніе. Стрѣльня, 16 іюня. Графъ Орловъ“.

9.

Статья Булгарина о Гоголѣ въ отвѣтъ на статью «Московскихъ Вѣдомостей» въ № 76 1852 г.

Цензоръ А. Крыловъ не пропустилъ статьи и сдѣлалъ такое замѣчаніе: „Сказанное здѣсь о Гоголѣ исключено мною по особому приказанію не возбуждать полемики по сему предмету. Цензоръ А. Крыловъ. 11 іюля 1852 г.“.

Въ упомянутой выше статьѣ, какъ и въ другихъ своихъ статьяхъ, Фадѣй Венедиктовичъ Булгаринъ по обыкновенію не признавалъ таланта Гоголя; онъ говорилъ его поклонникамъ: „Наслаждайтесь въ волю! Но я вовсе не намѣренъ заводить полемику для доказательства, что дважды два четыре, что огонь грѣетъ, а ледъ морозитъ. У всякаго свой вкусъ. Но мы не охотники до такихъ картинъ, какъ будочникъ, охотящійся за насѣкомыми въ своемъ воротникѣ, какъ лакей съ душкомъ, какъ пляска въ присядку у губернатора, какъ переплывающіеся отъ скуки малороссіяне и пр., и пр.. Наслаждайтесь, господа, повтореніями (Булгаринъ упрекалъ Гоголя, что онъ подражаетъ и повторяетъ французовъ) писателя, котораго вы называете гениемъ, и читайте цѣлѣнно журналы натуральной школы“.

Сообщ. Ш. С. Непрасова.

Матеріалы къ русской исторіи XVIII-го вѣка.

I.

Государь мой Андрей Ивановичъ! изволь написать въ рескрипте къ сыну моему Александру о болѣзни какая у Государя ¹⁾ і чтобъ докторъ привезъ собою лекарства к тому приличныя. О семъ мне государыня приказывала. Слуга твой Гр. Головкинъ.

На оборотѣ адресъ: Андрею Ивановичу Остерману.

II.

Маія въ 24 день 1727.

Светлейшій князь ²⁾. Хотя бъ желала васъ самага видѣть и обо всемъ переговорить, но понеже извѣстной случай меня до сего не допускаетъ чтобъ могла васъ видѣть, того ради можетъ быть извѣстны чрезъ господина графа Басевича о чемъ оной будѣтъ предлагать, извольтѣ быть вѣроятны, что оную мою комиссію вѣрно я вышеозначенному графу Басевичу поручила, в чемъ надѣюсь что ваша светлость сего не оставитъ, ибо во ономъ весьма благонадѣжна, понеже во всѣхъ моихъ дѣлахъ отъ Васъ оставлена не была никогда, въ чемъ и нынѣ безъ сумнѣнія остаюсь Елисаветъ.

¹⁾ Петра Великаго.

²⁾ Къ кн. А. Д. Меншикову.

III.

Из Митава 26 день Сентября 1727 году.

Петръ Михайловичъ ¹⁾, письмо ваше от 19 сего я исправно получила за что вам благодарствую. Изволте отписать как вас скоро отпустят, а я здорова; толка надселас в моем доме і деревнях. Толька моя надежда Богъ сам і пресвятая Бѣа. Боле писат не знаю, толка что поляки очен ко мне ласковы і с великимъ респектом ко мне поступают і жены ихъ. Слышела я, что вамъ нужда есть в денгах; вы извольте у каво занят 200 или 300 рублей; я заплачу тот часъ і пребываю вамъ всегда дображелательная Анна.

IV.

Іюня 11 дня 1722. Село Сарское.

Господинъ Генераль-Майоръ и Екатеринославской Губерніи губернаторъ Каховской. Протоіерю Трофиму Кудинскому оказавшему на штурмъ Измаилскомъ похвальное усердіе въ ободреніи войскъ и неустранимомъ при оныхъ слѣдованіи на приступъ всемиловѣйше повелѣваемъ производить изъ доходовъ губерніи Екатеринославской по триста рублей на годъ по смерть ево. Пребываемъ въ протчемъ къ вамъ благосклонны. Екатерина.

Примѣчаніе. Письмо писано все рукою императрицы. Хранится, какъ и предыдущія, въ моемъ собраніи автографовъ. Е. В.

V.

1798.

Графъ Алексей Григорьевичъ. Узнавъ о празднествѣ, сдѣланномъ вами, по случаю прошедшаго дня моихъ именинъ, и судя изъ онаго, что вы хотѣли дать мнѣ лично знать о вашей ко мнѣ преданности, я изъявляю вамъ мою благодарность, яко о дѣлѣ персонально ко мнѣ относящемся, пребывая вамъ въ прочемъ благосклоннымъ. Павелъ.

Примѣчаніе. Письмо адресовано графу Алексѣю Григорьевичу Орлову-Чесменскому, по случаю устроеннаго имъ торжественнаго празднованія въ Карлсбадѣ, дня тезоименитства имп. Павла (см. „Русская Старина“ 1882 г., сентябрь, стр. 653).

¹⁾ П. М. Бестужеву-Рюмину.

VI.

Указъ главнаго магистрата.

1753 г.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской изъ Главнаго Магистрата, Главнаго Магистрата канторѣ. Минувшаго Генваря 12-го дня. Въ Главной Магистратѣ изъ государственной Коллегии Иностранныхъ Дѣлъ промеморіею объявлено: Ея Императорскому Величеству извѣстно учинилось коимъ образомъ россійскіе купцы для торга своего въ чужестранныя государства, а особливо въ Швецію, пріѣзжаютъ и тамъ такъ гнусно и подло пребываніе свое имѣютъ, что не токмо великое презрѣніе и посмѣяніе на себя самихъ, но и на все россійское купечество немалое предъсужденіе и поношеніе тѣмъ наносятъ; а именно многіе въ сѣрыхъ кафтанахъ и съ небритыми бородами пріѣзжаютъ, надлежащаго пристойнаго обхожденія съ чужестранными купцами не имѣютъ, притомъ же нѣкоторые и не трезво себя содержать также и другіе весьма непристойныя поступки дѣлаютъ; того ради Ея Императорское Величество соизволила повелѣть о вышенисанномъ чрезъ Главной Магистратѣ всему купечеству объявить, дабы подъ опасеніемъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества гнѣва отъ нынѣ впредь всѣ россійскіе купцы, которые въ чужестранныя государства и города для торга или корреспонденціи ѣздятъ будутъ, не токмо поведеніе свое и платье совершенно перемѣнили, но и всякое честное и пристойное обхожденіе и знакомство тамо заводить старались, ибо тѣмъ они какъ себѣ самимъ, такъ и всему россійскому купечеству честь, почтеніе и лучший кредитъ у всѣхъ чужестранныхъ націй приобрѣсти могутъ. И по указу Ея Императорскаго Величества въ Главномъ Магистратѣ опредѣлено: въ Московскій и въ прочіе губернскіе и провинціальныя магистраты, а изъ оныхъ въ приписныя къ провинціямъ города въ магистраты-жъ и ратуши прислать указы и велѣть во исполненіе вышеобъявленнаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія отъ тѣхъ магистратовъ каждый въ своемъ городѣ купечеству о вышенисанномъ объявить съ подпискою съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, дабы отъ нынѣ впредь всѣ россійскіе купцы, кои въ чужестранныя государства и города для торга или корреспонденціи ѣздятъ будутъ, не токмо поведеніе свое и платье перемѣнили, но и всякое честное и пристойное обхожденіе и знакомство тамъ заводить

старались подъ опасеніемъ за неисполненіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества гнѣва и жестокаго истязанія. И главнаго Магистрата Канторѣ учинить по сему Ея Императорскаго Величества указу, а въ прочіе губернскіе и провинціальныя магистраты указы посланы февраля 15 дня 1753 года.

Примѣчаніе. (Изъ рукописнаго историческаго сборника XVIII в., в. листъ, № 196, въ нашемъ собраніи въ с. Солыгаевѣ на Юдѣ, Рыбинскаго уѣзда)

Сообщ. 15 дек. 1882 г. О. О. Вычмовъ.

Всероссійскій дворянскій молебень

1851 — 1852.

Въ 1851 году исполнилось двадцать пять лѣтъ со времени вступленія на престолъ императора Николая I го. Событіе это было отпраздновано торжественнымъ образомъ въ каждой губерніи. Но дворянство Смоленской губерніи не удовольствовалось официальнымъ празднованіемъ дня царскаго юбилея. Оно задумало отправить отъ себя депутацію въ Москву и тамъ въ большомъ Успенскомъ соборѣ отслужить молебенъ о здравіи и долголѣтствіи Николая Павловича. Смоленскому губернскому предводителю князю Друцкому-Соколинскому была, за подписью уѣздныхъ предводителей и другихъ дворянъ, подана докладная записка, въ которой говорилось: «Чѣмъ можемъ мы проявить чувство благодарности къ Монарху? чѣмъ ознаменовать нашу преданность ему? Ничѣмъ инымъ, какъ благодарственнымъ молебномъ отъ лица дворянъ въ первопрестольной Москвѣ, въ Успенскомъ соборномъ храмѣ, какъ мѣстѣ священнаго вѣнчанія царей Россіи». Предводитель смоленскаго дворянства взялся за осуществленіе мысли, возникшей въ средѣ его. Но въ это время среди смоленскихъ дворянъ явилась новая мысль: устроить дѣло такъ, чтобы молебенъ въ Москвѣ былъ не только смоленскимъ, но всероссійскимъ, чтобы депутаціи изъ всѣхъ русскихъ губерній съѣхались въ извѣстное

время въ Москву и тамъ совершили общественное молебствіе. А поэтому князь Друцкой-Соколинскій разослалъ предводителямъ другихъ губерній письма съ просьбой принять участіе въ задуманномъ смоленскимъ дворянствомъ дѣлѣ. Вместе съ этими письмами были отправлены копии съ формальнаго постановленія смоленскаго дворянства, о предстоящемъ молебнѣ. Въ этомъ постановленіи, между прочимъ, было сказано:

«Князь! въ пламенной любви и преданности къ царю первенства нигдѣ намъ не уступать. Мысль смольянъ — есть мысль россиянь. Она горитъ уже лучомъ безсмертія. На наше движеніе, среди благоговѣйнаго созерцанія, безмолвнаго удивленія великимъ подвигамъ вѣщности, намъ откликнутся вѣрные сыны въ отдаленнѣйшихъ концахъ. радость, восторгъ отечества хлынетъ къ сердцу Россіи, и торжественный гимнамъ вознесется къ Небу».

Обращая вниманіе губернскихъ предводителей на приведенныя слова, князь Друцкой-Соколинскій говоритъ: «Нынѣ, основываясь на истинѣ, что изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ есть невозбранно, я пріемлю смѣлость войти въ свое время съ представленіемъ объ исходатайствованія всемілостивѣйшаго соизволенія на отправленіе въ Москву депутаціи. Слѣдовательно, дѣйствія мои могутъ быть опредѣлены не иначе, какъ общимъ принятіемъ изъявленной мысли и слитіемъ ея въ одно цѣлое. И что-жь достойнѣе могло осуществлять мысль и желанія сыновъ отечества, какъ молитва за царя предъ цѣлымъ міромъ, отъ лица всего народа?»

Въ декабрѣ 1851 года смоленскимъ губернскимъ предводителемъ стали получаться отвѣты изъ другихъ губерній, на предложеніе смоленскихъ дворянъ. Отвѣты эти были составлены на уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ, и переданы мѣстнымъ губернскимъ предводителямъ. Эти послѣдніе отправляли письма князю Друцкому - Соколинскому. Владимирское дворянство предложило, чтобы каждая губернія послала въ извѣстное время въ Москву, въ качествѣ депутатовъ, всѣхъ своихъ уѣздныхъ предводителей съ губернскимъ во главѣ. Такимъ образомъ, нѣсколько сотенъ дворянскихъ предводителей должны были, въ назначенный день, собраться въ Успенскомъ соборѣ и слушать молебенъ.. Но какой для всероссійскаго моленія избрать день?.. Смоленскому предводителю пришла въ голову мысль, и онъ успѣшилъ сообщить ее во всѣ губерніи: «торжество толикой важности прилично совершить въ день сошествія Св. Духа. Дары Св. Духа осязать благодатью торжественное возношеніе народа и озарять вѣрноподданныхъ свѣтомъ разумѣнія...»

И на это были согласны дворяне другихъ губерній. Нѣкоторые

губернские предводители писали: завидуемъ вамъ, князь, какъ чловѣку, у котораго впервые родилась идея всероссійскаго торжественнаго акта».

16 декабря 1851 года, Друцкой - Соколинскій послалъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Перовскому представленіе слѣдующаго содержанія:

— «Убѣждаясь изъ получаемыхъ отъ гг. губернскихъ предводителей дворянства отзывовъ, что мысль ознаменовать вѣроподданническія чувства благодареніемъ въ Успенскомъ соборѣ принадлежить уже не губерніи Смоленской, а Россіи, и что къ вашему сіятельству отправляются о томъ представленія и ходатайства изъ губерній, я почитаю долгомъ, согласно постановленію смоленскаго дворянства, просить повергнуть на всемогуществѣннѣе воззрѣніе Е. И. В. мое представленіе о соизволеніи на осуществленіе нашей мысли и завѣтнаго желанія о посылкѣ депутаціи въ Москву»...

Въ мартѣ 1852 года департаментомъ общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ губернскимъ предводителямъ дворянства, ходатайствовавшимъ о совершеніи всероссійскаго дворянскаго молебна въ Москвѣ, былъ разосланъ слѣдующій циркулярный отвѣтъ:

— «Имѣю честь увѣдомить, что по всеподданнѣйшему докладу объ извѣстномъ желаніи смоленскаго дворянства прислать депутатовъ въ Москву для возславія въ тамошнемъ Успенскомъ соборѣ молитвъ за дарованная Россіи Е. И. В. благодѣянія, Государь на томъ докладѣ изволилъ собственноручно написать: «молитесь, буде хотятъ, могутъ вездѣ, и можетъ каждый про себя, а не въ видѣ общемъ»...

Такимъ образомъ, всероссійскій дворянскій молебенъ не состоялся.

Сообщ. А. Танжовъ.

Николай Иванович Пироговъ.

Записка его объ открытіи и учрежденіи кафедръ географіи при университетахъ ¹⁾.

При отсутствіи особой кафедры для преподаванія географіи въ университетахъ, нѣтъ науки, которая и связывала бы отдѣльныя отрасли естествознанія и служила бы основаніемъ для изученія всеобщей исторіи и статистики.

Безъ географіи въ курсѣ естественныхъ наукъ не достаетъ широкаго возрѣнія на природу, представителемъ котораго былъ Гумбольдтъ; безъ географіи во всеобщей исторіи и въ статистикѣ теряется связь между природою и общественными явленіями, разъясненіе которой составляетъ заслугу Риттера. Вліяніе этого пробѣла особенно замѣтно въ приготовленіи преподавателей географіи для гимназій. Наставники по сему предмету, взятые изъ историко-филологическаго факультета, по незнакомству съ естественными науками, или вовсе не имѣютъ въ виду основной идеи географіи, или не въ состояніи развить эту идею съ пользою для учениковъ. Наставники же, взятые изъ физико-математическаго факультета, изучавшіе явленія природы независимо отъ вліянія ихъ на общественную жизнь, или вовсе не могутъ оцѣнить значенія физическихъ условій для человѣка, находящагося на различныхъ ступеняхъ общественности, или по крайней мѣрѣ теряютъ изъ виду этнографическій элементъ.

¹⁾ Въ настоящее время, когда преподаваніе географіи установлено, наконецъ, въ университетахъ, интересно привести мнѣніе по сему вопросу знаменитаго нашего ученаго Н. И. Пирогова. Извлекаемъ эту записку изъ архива „Русской Старины“, въ который она сообщена 21-го сентября 1883 года.

Ред.

Вслѣдствіе этого наука, которая могла бы въ гимназіяхъ содѣйствовать умственному развитію дѣтей и сообщать имъ много замѣчательныхъ и полезныхъ свѣдѣній, обращается въ мертвую номенклатуру, въ перечни: собственныхъ именъ, произведеній трехъ царствъ природы, историческихъ событій и проч.

Заучивъ на память этотъ лексиконъ словъ, съ которымъ не связано никакой мысли, ученики выносятъ одно ступѣніе, чувство умственной усталости, тогда какъ географія, при надлежащемъ преподаваніи, должна бы возбудить охоту къ занятіямъ и къ чтенію, наконецъ, дать наставнику нравственное вліяніе на учащихся.

Настоятельная потребность, ощущаемая гимназіями въ хорошихъ преподавателяхъ географіи, указываетъ на необходимость основательной подготовки учителей въ педагогическихъ курсахъ. Достиженіе же этой цѣли условливается открытіемъ особыхъ кафедръ при университетахъ.

Пироговъ.

С. Я. НАДСОНЪ.

По поводу посмертнаго изданія его стихотвореній.

Любовь публики къ юному, такъ рано унесенному смертью, поэту успѣла уже сказаться и на этомъ изданіи. Оно разошлось мгновенно. Но у Надсона было и не мало недруговъ. Въ громкомъ гамѣ различныхъ враждебныхъ ему голосовъ былъ и болѣе умѣренный голосъ, солидно утверждавшій, что значеніе его преувеличено. Самъ поэтъ скромно говорилъ про свои стихи:

Это—не пѣсни, это—намски;
Пѣсни не въ мочь мнѣ сложить:
Некогда мнѣ эти бѣлыя строки
Въ радугу красокъ радить.
Мать умираетъ—дѣтя позабыто.
Въ рваныхъ лохмотьяхъ оно...
Лишь бы хотъ какъ нибудь было излито,
Чѣмъ многозвучное сердце полно!

Жизнь, произведшая такое дѣтя, какъ поэзія Надсона, въ самомъ дѣлѣ была какимъ-то томительно долгимъ процессомъ преждевременнаго умиранія. Но то была въ то-же время и полная, широкая и глубокая жизнь, жизнь сознательная, переполненная сокровищами любящаго сердца, свободная отъ всякой житейской грязи, не сдающаяся, бодрая, не смотря ни на что не теряющая вѣры. Поэтическіе аккорды, издаваемые этою страдальческою жизнью, что бы ни говорилъ самъ поэтъ о художественной ихъ невоздѣланности—аккорды могучіе, полные, глубоко и ясно отдающіеся въ душѣ. Эта поэзія—страждущее, но не душевно-больное дѣтя умирающей матери. Самого поэта никакъ нельзя бы было назвать «больнымъ сыномъ больного вѣка», хотя его такъ и величали. Мы находимъ у него не только нашу душевную

боль и наши умственные язвы, но и живое отъ нихъ врачество. Оно—въ томъ запасъ нравственныхъ силъ, какимъ онъ былъ одаренъ и какого именно и не достаетъ намъ.

Въ новомъ изданіи — болѣе половины книги отведено стихотвореніямъ, не входившимъ въ прежнія. Но не только въ этомъ богатомъ отдѣлѣ посмертныхъ стихотвореній (нѣкоторыя изъ нихъ появлялись, правда, въ журналахъ),—и въ предшествующемъ ему, среди пьесъ, помѣщенныхъ и въ пятомъ изданіи, встрѣчается нѣсколько, въ немъ не имѣющихся. Между тѣмъ каждый лишній аккордъ этой преждевременно «сломанной арфы» — настоящій подарокъ въ наши дни, когда такъ нужна намъ нравственная поддержка.

Стихотворенія въ обоихъ отдѣлахъ расположены по годамъ и заключаютъ въ себѣ цѣлую поэтическую жизнь. Въ біографіи, предшествующей стихамъ, помѣщены отрывки изъ дневника Надсона, такъ много объясняющіе въ его стихахъ. Теперь окончательно ясно, какъ много личнаго въ его поэзіи. Но чья душа была такъ хороша, такъ чиста, тотъ имѣетъ право, тотъ даже обязанъ быть личенъ (субъективенъ) въ своихъ стихахъ.

Многія изъ посмертныхъ стихотвореній посвящены матери, которой рано лишился поэтъ, но которая часто представлялась его любящему воображенію. Когда онъ въ своихъ свѣтлыхъ грезахъ простираетъ къ ней руки, то его никакъ нельзя сравнивать съ Некрасовымъ, вызывавшимъ тѣнь матери не на радость ей, а только на поддержку себѣ—чтобы, вымоливъ у нея прощенье, подняться на ея зовъ изъ охватывающаго его омута. Надсонъ могъ просить у своей матери просто привѣта, ласки,—онъ могъ вызывать ея тѣнь, не стыдясь передъ ней ни за что, не рискуя ее огорчить такимъ вызовомъ. Ни множество, съ самаго ранняго дѣтства прочитанныхъ безъ разбора, книгъ, ни, какъ онъ выражается, «стоглавое товарищество» въ корпусѣ не замутили своимъ вліяніемъ его чистой души. Она омрачалась горемъ, сомнѣніями, но не страстями въ обычномъ, изменномъ смыслѣ. Онъ рано начинаетъ влюбляться—но это скорѣе какой-то благоговѣйный культъ созданій своего же собственнаго творческаго воображенія. Послѣ нѣсколькихъ разочарованій, онъ останавливается на существѣ, которое въ самомъ дѣлѣ стало для него воплощеніемъ неземной красоты, т. е. красоты душевной. Безпощадная смерть отнимаетъ ее у поэта, но онъ постоянно поминаетъ ее въ своихъ стихахъ, оставаясь въ самомъ дѣлѣ ей вѣрнымъ, а не рисуясь только своимъ постоянствомъ, какъ рисовались въ свое время «рыцари Тогенбурги». Если бы всякая юношеская любовь оставалась такою чистою и вдохновительною въ общественномъ смыслѣ, можно бы

было не бояться преждевременности любви. Вотъ что писалъ онъ въ своемъ дневникѣ 31-го марта 1879 г.:

— «Я послѣ ея смерти—смерти совѣмъ не боюсь, но умирать не хотѣлъ бы изъ принципа; во-первыхъ, мнѣ еще сильно нужно работать надъ собою, для того, чтобъ сдѣлаться достойнымъ ея; во вторыхъ, нужно работать для другихъ, нужно постараться одному сдѣлать то, что мы собирались сдѣлать съ нею вмѣстѣ. У меня есть талантъ—въ этомъ я, наконецъ, убѣдился,—и ея именемъ я общаю не допускать ни одного фальшиваго и неискренняго звука въ моихъ пѣсняхъ, ни одного подкупнаго слова». (XXX).

Итакъ, онъ хочетъ жить, потому что это его долгъ, потому что жизнь нужна ему, какъ художнику—т. е. прежде всего работающему надъ самимъ собою, призванному нравственно воздѣлать свою душу, чтобы стала она достойною того идеала, который воплотился для него въ миломъ существѣ. Въ этой завѣтной работѣ не допускается остановокъ; въ такихъ остановкахъ—не роздыхъ ради обновленія силъ, а опасность дремоты съ расслабляющими душу снами. Не даромъ же внутренній голосъ говорилъ поэту:

Ты, я знаю, силенъ: ты безстрашно сносишь
И борьбу, и грозу, и тревоги —
Но сильнѣе открытыхъ, разгнѣванныхъ силъ
Этотъ тайный соблазнъ поодороги.
Дальше жъ, путникъ!.. Повѣрь, лишь ослабитъ тебя
Мигъ отрады, мигъ грѣзъ и покоя, —
И продашь ты все то, что ужъ сдѣлалъ, любя,
За поворное счастье застоя. (61).

Такіе стихи напоминаютъ въ нашей литературѣ развѣ Хомяковскаго «Труженника», да еще исполненныя такой же могучей нравственной силы стихотворенія И. С. Аксакова. Но за Надсономъ, при такой же силѣ нравственной, остается перевѣсъ поэтической силы, живаго творчества въ выраженіи мысли. Онъ хочетъ неустанно работать для другихъ, исполняя обѣтъ, данный, должно быть, заодно съ милымъ существомъ, и такую загробную связь съ нимъ напоминаетъ Жуковского, только придавая тому же идеализму опредѣленныя, ясныя формы. Онъ воображаетъ себѣ, должно быть, то же милое существо, воображаетъ его живымъ, когда говоритъ:

Не хочу я, мой другъ, чтобъ судьба намъ съ тобой
Все дарила улыбки да розы,
Чтобы насъ обходили всегда стороной
Роковыя житейскія грозы;
Чтобъ ни разу не сжалась тревогою грудь

И за міръ бы не стало обидно..
 Чѣмъ такую безвѣстную жизнь помянуть?
 Да и жизнью назвать ее стыдно!
 Нашимъ счастьемъ пусть будетъ—несчастье вдвоемъ... (401).

Рѣшаясь вполне жить для другихъ, весь отдаться общественному служенію, онъ боится съ другой стороны, чтобы это не стало забвеніемъ милаго существа. Онъ хочетъ оправдаться передъ его тѣнью, указывая на то, что вѣдь они же никогда и не гадали о возможности счастья, а думали только, по чудному его выраженію, о «несчастьи вдвоемъ».

Припомнимъ стихи, въ которыхъ она какъ бы опять передъ нимъ оживаетъ:

Не называй меня безумнымъ, дорогая,
 Не говори, что я солгалъ передъ тобой;
 Нѣтъ, я люблю тебя, какъ мальчишкѣ, отдавая
 Всю душу, всѣ мечты, всю жизнь—тебѣ одной;
 Но отголоски гровъ недавняго ненастья,
 Какъ голосъ совѣсти, твердятъ душѣ моей:
 „Есть дни, когда такъ пошла вѣнокъ любви и счастья
 И такъ прекрасенъ тернъ страданій за людей!“ (368).

Но что, ежели онъ разумѣеть тутъ не ее, переносясь въ невозвратное прошлое, т. е. въ тогдашнія ихъ мечты о будущемъ, а имѣеть въ виду настоящее какое нибудь живое существо, любовь къ которому начинаетъ вкрадываться въ его душу? Такое обстоятельство, какъ видно изъ біографіи, заводилось было въ жизни поэта. Но вотъ золотое мѣсто въ его письмѣ:

— «Есть что-то подлое и низкое въ способности забвенія, вложенной въ душу человѣка; забвеніе, въ сущности говоря, та же измѣна и даже хуже измѣны, такъ какъ лицо страдательное изъ могилы не въ силахъ поднять свой голосъ... Сколько разъ я молилъ у прошлаго прощенія за одну только возможность жить въ настоящемъ! Помните, еще не такъ давно... я, на основаніи того, что есть забвеніе, отрицалъ любовь, такъ какъ такая любовь на время кажется мнѣ жалкой, ничтожной, «земной» любовью, а сердце просить, требуетъ вѣчности и чистоты идеала». (XXXI).

При такомъ взглядѣ было бы слишкомъ не легко развиться въ немъ какой нибудь новой любви, и вотъ почему, надо думать, упомянутое обстоятельство только промелькнуло въ жизни поэта. Трудно представить себѣ болѣе возвышенное понятіе о любви, чѣмъ то, которое выразилось у него въ слѣдующемъ покаянномъ плачѣ на священной могилѣ:

Прости мнѣ, моя дорогая,
 Лживыя слезы, на мраморъ могильной доски,
 Тяжко упавшія, память твою оскорбляя:
 Нѣту любви, если годы похитить могли
 Чистый твой образъ изъ сердца... Безъ вѣчности чувства
 Смысла въ немъ нѣтъ!.. Если жъ нѣту любви—нѣтъ искусства,
 Правды, добра, красоты—нѣтъ души у земли! (249).

Рисуя свою любовь, столь отличную отъ того, что составляетъ содержаніе столькихъ романовъ съ обыкновеню ихъ развязкою, поэтъ говорить:

Если любить—безконечно томиться
 Жаждой обаяній и знойныхъ ночей, —
 Я не любилъ: я молился предъ ней,
 Такъ горячо, какъ возможно молился. (247).

Не то ужасъ, не то отвращеніе наводитъ на поэта именно то, что для столькихъ другихъ и даже великихъ поэтовъ становилось предметомъ восторженнаго воспѣванія на всѣ лады. Ярko отличаясь отъ нихъ, утверждаетъ Надсонъ:

Только утро любви хорошо:
 Хороши только первыя, робкія рѣчи,
 Трепетъ дѣвственно чистой, стыдливой души,
 Недомолвки и бѣглыя встрѣчи...

* *

Подъгулъ—первый шагъ къ охлажденью: мечта
 И возможной, и близкою стала;
 Съ подъгулемъ роняетъ вѣнокъ чистота
 И кумиръ низведенъ съ пьедестала...

* *

Взглядъ, прикованный прежде къ прекраснымъ очамъ,
 И горѣвшій стыдливой мольбою,
 Нагло бродитъ теперь по открытымъ плечамъ,
 Обнаженнымъ безстыдной рукою... (279).

Та личная любовь, какую поэтъ любилъ ту, которую называлъ сестрою своей души (281), — это частица той міровой любви, о великомъ, нравственно-властномъ, значеніи которой говоритъ поэтъ въ своемъ особомъ стихотвореніи на смерть Достоевскаго, вошедшемъ въ отдѣлъ посмертныхъ. Въ началѣ рисуется тутъ Валтасаровъ пиръ. Бурная туча, смутившая было пирующихъ, пронеслась, и оргія опять достигаетъ разгара.

Но есть иная власть надъ пошлостью людскою
 И эта власть—любовь! Созданія искусства,
 Въ которыхъ теплится оговъ ея святой,

Сметаютъ прочь съ души позорящія чувства;
 Какъ благодатный свѣтъ, въ эгоистичный вѣкъ,
 Сіяетъ всѣмъ она, любя и изцѣляя, —
 И не дрожитъ предъ ней отъ страха человѣкъ,
 А вѣкъ склоняется, ее благословляя!.. (220)

Вотъ этою-то міровою любовью и пропитана была насквозь поэзія Надсона и, повторяю, она постоянно отражалась у него въ чистомъ зеркалѣ его личной привязанности. Въ какой угодно литературѣ слишкомъ рѣдко вы встрѣтите лирика съ такою постоянною чистотою чувства.

Любя своюю особенною любовью, т. е. благоговѣнно склоняясь передъ почившею «сестрою своей души», поэтъ обѣщаетъ не допускать ни одного фальшиваго звука въ своихъ пѣсняхъ. И онъ до конца остается вѣренъ такому обѣту, очень хорошо понимая, какъ легко выдается красивая фальшь за правду и какъ удобно бываетъ составить себѣ славу на подобной фальши. Онъ говоритъ:

Лги—людямъ ложь нужна... Рисуйся передъ ними,
 Крикливо негодуй, сурово обличай,
 Громи людской позоръ упреками своими
 И доблестью своей нахально щеголай.
 Пусть отойдетъ любовь отъ твоего порога,
 Возьми оружьею гнѣвъ, варая и губя,—
 И робкая толпа въ тебѣ увидитъ бога,
 И робкая толпа превознесетъ тебя...
 Но, если ты правдивъ, но, если, обличая
 Другихъ, ты и себя не хочешь пощадить... (237).

Стихотвореніе, къ несчастью, такъ и осталось не оконченнымъ.

Но дневникъ Надсона, заодно со стихами его, показываетъ намъ, какъ чутко онъ слышалъ фальшь даже въ ближайшей къ нему молодой средѣ съ излюбленными ею словечками, смыслъ которыхъ понималъ онъ такъ часто совсѣмъ иначе, выводя изъ него убійственный укоръ имъ-же — употребляющимъ эти словечки. Трудно было подкупить поэта, не даромъ клявшася быть неподкупнымъ, даже восторженными оваціями, въ которыхъ его чуткое сердце чуяло что-то театральное. Не даромъ писалъ онъ однажды: «Я не рисуюсь—мнѣ въ самомъ дѣлѣ было грустно до тяжести, когда уходилъ я домой, увѣнчанный моимъ успѣхомъ. Причина этому та, что отъ меня не укрылась изнанка многого... не укрылись ложь и фразы этого вечера... не укрылась та, если можно такъ выразиться, его оргійная сторона, которая мнѣ такъ противна»... (XLII—XLIII).

Въ дневникѣ поэта находимъ мы слѣдующее замѣчательное мѣсто, относящееся еще къ его восемнадцати лѣтнему возрасту (10-го мая 1880 г.): «Идеаль жизни, я жизни не личной, а общественной, слѣдовательно самый высокій идеаль — свобода, равенство, братство,

трудъ, и т. д., и т. д. Все это, въ концѣ концовъ, сводится къ одному давно знакомому итогу: «наслажденіе», а наслажденіе возможно и безъ жертвъ, и безъ борьбы, — стоитъ только потушить въ себѣ то, что мы называемъ лучшимъ въ человѣкѣ... Но теперь вопросъ: если бы эгоистичный идеалъ и былъ достижимъ, удовлетворилъ ли бы онъ меня? Нѣтъ, потому что я уродливо созданъ, созданъ для самопожертвованья и другаго великодушничанья, а не для эгоистичнаго счастья и блаженнаго покоя. Слѣдовательно, или для меня нѣтъ идеала, или единственный возможный въ жизни идеалъ слишкомъ узокъ для меня.. Мнѣ для меня тѣснѣе, а другаго нѣтъ, даже если допустить существованіе рая, который опять таки сводится къ личному блаженству и покою и, значить, выдуманъ людьми». (XXXV).

Вполнѣ опять заодно съ дневникомъ написались у поэта стихи:

Нѣтъ, а больше не вѣрю въ вашъ идеалъ
И впередъ я глазу равнодушно:
Если бъ мнѣ въ мирѣ вашихъ грезъ, наконецъ, и насталъ —
Мнѣ бъ въ немъ было мучительно душно:
Сколько праведной крови погибшихъ бойцовъ,
Сколько свѣтлыхъ созданій искусства,
Сколько подвиговъ мысли, и мукъ, и трудовъ, —
И итогъ этихъ трудныхъ, рабочихъ вѣковъ —
Пиръ животнаго, сытаго чувства!
Жалкій, пошлый итогъ! Каждый честный боецъ
Не отдастъ за него свой терновый вѣнецъ... (302).

Какъ бы насмѣшливо относясь къ своему «великодушничанью», и даже называя свою натуру «уродливою», поэтъ, очевидно, не промѣнялъ бы ее ни на какую другую. «Идеалы въ наше время что - то отличное отъ жизни, писалъ онъ въ январѣ 1882 г., стоящее виѣ ея, а не сама жизнь; о нихъ можно говорить, спорить, горячиться, но проводить ихъ въ жизнь — «помилуйте, это донъ - вихотство, это непрактично». (XXXVIII). Самъ поэтъ всегда оставался «Донъ-Кихотомъ», потому что всегда говорилъ:

Отдайся всей душою
На служенье братьямъ, позабуди себя
И иди впередъ, свѣта передъ толпою,
Поднимая павшихъ, вѣра и любя!
Не гонись за шумомъ быстраго успѣха,
Не мѣняй на хавръ суроваго креста, —
И пускай тебя язвятъ отравой смѣха
И клеймятъ враждой нечистыя уста.

Голое, холодно - насмѣшливое отрицаніе, развѣдающія сомнѣнія и издѣвки, разшатывающее остроуміе, безъ зиждательной силы мысли, твердо вѣрящей въ путь, которымъ надо идти, постоянно наводчили

ужась на нашего поэта, заставляя его вздыхать, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, по «возвышающемъ насъ обманѣ». Вѣдь онъ говорилъ:

Въ болыне наши дни, въ дни скорби и сомнѣній,
 Когда такъ холодно и мертвенно въ груди,
 Не нуженъ ты толпѣ, невѣрующей гевіи,
 Пророкъ погубилъ, грозящей впереди; —
 Пусть истина тебѣ слова твои внушаетъ,
 Пусть намъ исхода нѣтъ — не вѣруй, но молчи..
 И такъ ужъ ночь вокругъ свой сумракъ навдвигаетъ,
 И такъ ужъ гаситъ день послѣдніе лучи...
 Пускай иной пророкъ, пророкъ, быть можетъ, лживый,
 Но только вѣрящій, намъ глѣсами гремитъ,
 Пускай его обманъ, нарядный и красивый,
 Хотя на краткій мигъ намъ сердце оживитъ!

Исканіе вѣрующаго пророка взаимно во всемъ сомнѣвающихся, не увѣренныхъ и въ самихъ себѣ, обличителей, или, что хуже того, проповѣдниковъ бесплодности подвига, разрѣшителей на вся ради того, что вѣдь ничего не подѣлаешь — пламенное исканіе въ наше время существа, призваннаго «жечь своимъ глаголомъ сердца людей» въ силу того «пылающаго угля», который «водвинуть ему въ грудь» вмѣсто обыкновеннаго сердца, проходитъ черезъ многія, начинаемыя и обрываемыя, стихотворенія нашего поэта. Онъ зоветъ, зоветъ, — и не дозовется пророка!

Напрасная мечта! Пророковъ нѣтъ.. Мельчай,
 Не въ силахъ ихъ создать ничтожная среда.
 Есть только хищниковъ не дремлющая стая,
 Да пошлость жалкая, да мелкая вражда...

И она не дремала. На нее не дѣйствовали примиряющимъ образомъ кличъ, раздававшійся съ одра болѣзни Надсона: «пора, явись, пророкъ!» Ее не уличали, не приводили въ молчаливую робость его выстраданныя слова:

Теперь или никогда! Сознанье умираеть,
 Стыдъ гаснеть, совѣсть спитъ. Ни проблеска кругомъ,
 Одно ничтожество свой голосъ возвышаетъ.

Оно продолжало его возвышать противъ поэта и дошло до ожесточеннаго лая. Это бѣсенята завидовали серафиму.

Но его не стало. На двадцать пятомъ году жизни догорѣлъ этотъ яркій духовный свѣтъ, слишкомъ нужный во дни невѣрія и нравственной раанузданности или дряблости. Ему противно было быть идоломъ молодежи, онъ былъ ей, какъ и всему обществу, прямымъ и правдивымъ другомъ, не знающимъ лести или потачки. Такіе люди не заживаются: ужъ слишкомъ мы не достойны ихъ.

Отъ А. Миллера.

Памяти Софьи Марковны Котельниковой, урожденной Кисель,

падчерицы историка Н. И. Костомарова.

Послѣ смерти Николая Ивановича Костомарова, 7-го апрѣля 1885 г., право собственности на изданіе всѣхъ его сочиненій, какъ бывшихъ уже въ печати, такъ и хранящихся въ рукописяхъ, перешло, по духовному завѣщанію покойнаго историка, къ супругѣ его, Алинѣ Леонтьевнѣ Костомаровой.

Въ послѣдніе годы жизни Николая Ивановича редакторскіе труды по изданію его сочиненій (вторыми, третьими и даже четвертыми изданіями), какъ-то: провѣрку текста и цитатъ по подлиннымъ источникамъ, редакторскія корректуры (вторыя, третья, а не рѣдко, въ видахъ строжайшей точности печатанія, и четвертыя), составленіе алфавитныхъ и предметныхъ указателей къ этимъ сочиненіямъ, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія и слабости зрѣнія престарѣлаго историка,—приняла на себя супруга его, Алина Леонтьевна Костомарова, а ей во всемъ помогала юная дочь ея, Софья Марковна Кисель, впоследствии, въ замужествѣ — г-жа Котельникова. Всѣ послѣднія сочиненія Николая Ивановича (послѣдняго десятилѣтія его жизни) ими же, Алиною Леонтьевною и Софьею Марковною, переписывались набѣло для печати. Наиболѣе обширное сочиненіе покойнаго (посмертное, еще неизданное) — «Объ историческомъ значеніи южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» — все переписано Софьею Марковною съ особенною тщательностью.

Въ виду такого усерднаго и сердечнаго отношенія послѣдней къ трудамъ покойнаго историка и будучи увѣрена, что, при достигнутой уже ею опытности въ редактированіи его сочиненій, дальнѣйшее изданіе ихъ, даже послѣ смерти г-жи Костомаровой, будетъ обезпечено въ надежныхъ рукахъ ея любимой дочери, Алины Леонтьевны духовнымъ завѣщаніемъ своимъ всѣ права собственности на изданіе

сочиненій своего мужа передала ей — Софьѣ Марковнѣ, по мужѣ — Котельниковой.

Но къ величайшей скорби всѣхъ, близко знавшихъ послѣднюю, молодая жизнь ея пресѣклась слишкомъ рано: 25-го апрѣля 1887 г. Софья Марковна Котельникова скончалась. Убитая горемъ мать ея, желая почтить дорогую память нѣжно любимой дочери добрымъ, достойнымъ ея свѣтлой памяти, дѣломъ, въ первыя, самыя тяжкія минуты материнской скорби, боясь, при крайне болѣзненномъ состояніи своемъ, не пережить повесенной ею жестокой утраты, просила меня тотчасъ же, въ тѣ самыя минуты, когда дорогая ей покойница находилась еще въ своей квартирѣ, написать Н. С. Таганцеву, г-ну предсѣдателю общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, членомъ котораго покойная Софья Марковна состояла въ теченіи послѣднихъ лѣтъ по выпускѣ ея изъ Смольнаго института, — чтобы г. Таганцевъ пожаловалъ къ ней для составленія духовнаго завѣщанія, которымъ она передавала какъ свои права собственности, такъ и права усопшей дочери — на изданіе всѣхъ сочиненій Николая Ивановича Костомарова — литературному фонду.

Н. С. Таганцевъ немедленно исполнилъ волю завѣщательницы: завѣщаніе было написано

1-й пунктъ новаго завѣщанія А. Л. Костомаровой гласитъ: «принадлежащее ей право собственности на изданіе всѣхъ вообще сочиненій покойнаго мужа ея, Николая Ивановича Костомарова, какъ бывшихъ уже въ печати, такъ и хранящихся въ рукописяхъ, она, Алина Леонтьевна Костомарова, завѣщаетъ въ полную собственность обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и кромѣ того она завѣщаетъ тому же обществу всѣ изданія и экземпляры сочиненій покойнаго мужа ея, Николая Костомарова, кои останутся въ день ея смерти въ книжныхъ складахъ или отданными на комиссію книгопродавцамъ, со всѣми по тѣмъ изданіямъ разсчетами, которые по тотъ день окажутся не оконченными, съ возложеніемъ на общество слѣдующаго обязательства: а) всѣ суммы, имѣющія поступить отъ изданій Николая Ивановича Костомарова и отъ продажи экземпляровъ оныхъ, — должны быть обращены обществомъ въ неприкосновенный капиталъ имени Николая Ивановича Костомарова; б) на проценты съ того капитала, немедленно по утвержденіи сего завѣщанія судомъ къ исполненію, общество обязуется приступить къ учрежденію въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету для студентовъ, преимущественно изъ занимающихся русскою исторіею, — двухъ стипендій: одной — имени покойнаго мужа завѣщательницы, Николая Ивановича Косто-

марова, а другой—имени покойной дочери ея, Софьи Марковны Котельниковой; в) всё оставшіеся проценты съ капитала общество обязуется употреблять на воспитаніе дѣтей нуждающихся литераторовъ и ученыхъ; г) впредь до образованія капитала, проценты съ коего будутъ достаточны для уплаты обѣихъ стипендій,—таковыя должны уплачиваться обществомъ изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи сочиненій Николая Ивановича Костомарова».

Въ настоящее время «Историческихъ монографій» Н. И. Костомарова обращается въ продажѣ восемнадцать томовъ; девятнадцатый выйдет надняхъ, а двадцатый составитъ изъ «Очерка торговли Московскаго государства» и нѣсколькихъ мелкихъ статей, въ родѣ «Ксенія Годуновой» и проч. Этотъ двадцатый томъ, вѣроятно, будетъ печататься подъ редакцію завѣщательницы нынѣшнюю зимою.

Такимъ образомъ, въ собственность литературнаго фонда поступить:

Двадцать томовъ «Историческихъ монографій и изслѣдованій».

Два тома (теперь въ трехъ, а будетъ въ четырехъ книгахъ) «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣателей».

Шесть томовъ (малыхъ) повѣстей и разсказовъ («Вудеяръ», «Сынъ», «Черниговка», «Холуй», «Разказы Богучарова», «Еллины Тавриды», съ «Кремудемъ Кордомъ» вполсѣдствіи).

Одинъ томъ «Творіи Іереміи Галки» (если онъ не подаренъ покойнымъ историкомъ навсегда одесситамъ).

Одинъ томъ «Очерковъ изъ русской исторіи», «Вытовыхъ и путевыхъ замѣтокъ».

Два тома изъ всего, что печаталось въ «Бесѣдѣ» и «Русской Мысли» и что имѣется въ рукописи: «Объ историческомъ значеніи южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества».

Два тома (по меньшей мѣрѣ) изъ собранія всѣхъ статей критическихъ и полемическихъ, и, наконецъ:

Одинъ томъ «Автобіографіи» покойнаго историка, имѣющейся въ рукописи.

Итого тридцать-пять томовъ—результаты сорока-семи лѣтъ трудовъ! Даръ, достойный безсмертнаго имени историка и свѣтлой, глубоко-трогательной памяти юной, угасшей въ началѣ разцвѣта, молодой жизни, лучшей изъ женщинъ—падчерицы его, Софьи Марковны Котельниковой. Эту свѣтлую память своего сочлена литературный фондъ почтилъ встанавіемъ въ первомъ послѣ смерти Софьи Марковны общемъ своемъ собраніи, 3-го мая 1887 г., въ третью годовщину кончины К. Д. Кавелина.

Напомню здѣсь прекрасныя, теплыя слова П. А. Гайдебурова,

сказанныя имъ въ «Недѣля» по поводу безвременной кончины Софьи Марковны: «это была милая и чрезвычайно симпатичная дѣвушка (говорить онъ): изящная, пріятливая, ласковая и кака-то, если такъ можно выразиться, жизнерадостная. Она, между прочимъ, прекрасно читала вслухъ (по-русски и по-малороссійски) и часто, въ этомъ отношеніи, замѣняла Костомарову—Алину Леонтьевну. Скромная, никогда не выдвигавшаяся впередъ, она, однако-же, на костомаровскихъ «вторникахъ» сдѣлалась душой общества, а на шевченковскихъ поминкахъ и другихъ случайныхъ собраніяхъ малороссовъ, гдѣ она часто бывала, безъ нея какъ будто чего не доставало. Послѣ смерти Костомарова, Софья Марковна вышла замужъ за В. Г. Котельникова, молодые поселились на одной гѣстницѣ съ Алиной Леонтьевной—и около нихъ изъ ближайшихъ друзей покойнаго Николая Ивановича образовался тѣсный, мирный кружокъ. Все, казалось, устроилось такъ хорошо и прочно, что оставалось только жить и радоваться: любяще мужъ и мать, искренніе друзья, хорошія средства, жажда жизни — все было. И вдругъ... Софья Марковна умираетъ»... («Недѣля», 1887 г., № 19).

Къ этимъ симпатичнымъ словамъ можно бы прибавить еще многое, что выяснило бы еще ярче свѣтлую личность покойной. Но я ограничусь указаниемъ только на то, какъ обаятельно было нравственное вліяніе этого молодого, прекраснаго существа на все ее окружавшее. Въ кругу близкихъ знакомыхъ Н. И. Костомарова находилось не мало ученыхъ, литераторовъ и художниковъ, изъ коихъ въ душѣ каждого, я увѣренъ, она оставила глубокій слѣдъ своего духовнаго воздѣйствія, и этотъ слѣдъ всегда останется лучомъ свѣта въ воспоминаніяхъ каждого. Во всѣхъ насъ она будила жажду работы и укрѣпляла вѣру въ ненамѣнное служеніе идеаламъ добра, правды и любви. Она слѣдила за нашими работами съ самымъ милымъ участіемъ, поощряла насъ, вдохновляла, и замѣчанія ея всегда были глубоко вѣрны, а совѣты — въ высшей степени благотворны.

Терять такую душевную красоту и притомъ—въ самомъ ея раннемъ разцвѣтѣ—больше чѣмъ обидно. Пусть же вѣчно вспоминаютъ эту безвременно похищенную у насъ смертью красоту человѣческаго духа тѣ, которымъ она будетъ подавать руку помощи и изъ-за могилы, благодаря челоуѣколюбивому подвигу ея достойной матери.

Д. Л. Мордовцевъ.

21-го сѣнтября 1887 г.

АЛЕКСАНДРЪ ВОСИЛЬЕВИЧЪ ГОЛОВНИНЪ.

I¹⁾.

Рѣчь статсъ-секретаря тайн. сов. А. В. Головкина въ особомъ собраніи лицъ, созданныхъ, по повелѣнію императора Александра II, для разсмотрѣнія проекта университетскаго устава 17-го января 1863 г.

17 января 1863 г. собрались, по высочайшему повелѣнію, у генер.-адъют. графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, для разсмотрѣнія проекта унив. устава, представленнаго тогдашнимъ министромъ нар. просв., слѣд. лица: оберъ-гофм. бар. Мейендорфъ, ст.-секр. бар. Корфъ, ген.-адъют. кн. Долгоруковъ, м—ръ в. д., ст. секр. Валуевъ и тогдашній м—ръ нар. просвѣщенія. М—ръ нар. просвѣщенія А. В. Головкинъ изложилъ изустно слѣдующее:

—«Прежде обсужденія устава считаю необходимымъ объяснить настоящее положеніе дѣла по составленію онаго. Въ началѣ 1862 г., при вступленіи моемъ въ управленіе м—вомъ, я получилъ проектъ унив. устава, составленный бывшею тогда комиссіею, подъ предсѣдательствомъ покойнаго сенатора фонъ-Брадке. Отдавая полную справедливость этому труду и особенно тому направленію, которое было дано комисіи почтеннымъ предсѣдателемъ оной, я не считалъ, однако, возможнымъ въ первые дни управленія м—вомъ внести въ госуд. совѣтъ и защищать проектъ устава, въ составленіи котораго я вовсе не участвовалъ. Государю императору, согласно всеподданнѣйшему

¹⁾ Помѣщаемъ документъ, полученный нами въ 1871 г. отъ покойнаго А. В. Головкина. Это копія съ его рѣчи 1863 г., сказанной имъ въ званіи министра народнаго просвѣщенія; она объясняетъ основанія и цѣль реформы университетовъ, совершенной въ 1863 г. Помѣщаемъ эту рѣчь на стр. „Русской Старины“—какъ документъ вполне историческій. Ред.

докладу моему въ совѣтѣ министра, угодно было тогда приказать: сообщить этотъ проектъ всему нашему учебному вѣдомству и затѣмъ пересмотрѣть въ м—во нар. пр., съ тѣми замѣчаніями, которыя будутъ на него получены.

«Высоч. воля сія была исполнена, замѣчаній собрано весьма много, имъ составлены были особые своды и на основаніи ихъ изготавленъ представленный мнѣ проектъ унив. устава. Прежде чѣмъ приступить къ обработкѣ подробностей этого устава и отдѣлкѣ редакціи онаго, я просилъ государя императора о дозволеніи доложить въ совѣтѣ министровъ главныя начала проекта съ тѣмъ, чтобы на основаніи тѣхъ началъ, которыя будутъ его величествомъ одобрены, заняться въ м—во нар. пр. окончательною обработкою предметовъ второстепенныхъ и самой редакціи. Его величеству угодно было на сіе согласиться, съ тѣмъ чтобы проектъ сей былъ предварительно разсмотрѣнъ нашимъ сегодняшнимъ собраніемъ. Посему я имѣю честь покорнѣйше просить обратить вниманіе преимущественно на главныя основныя мысли проекта, а не на редакцію и предметы второстепенные, развитіе коихъ будетъ зависѣть отъ главныхъ началъ.

«Къ сему считаю нужнымъ присовокупить еще слѣдующія соображенія. Безпорядки, происшедшіе въ нашихъ университетахъ въ 1861 году, не были поводомъ къ составленію новаго университетскаго устава, но были причиной ускоренія этой работы. М—во нар. пр. гораздо прежде сознавало необходимость принять разныя мѣры относительно университетовъ, и предмѣстникъ мой, д. т. с. Ковалевскій, еще въ 1858 г. обратился къ попечителямъ для собранія свѣдѣній о тѣхъ перемѣнахъ въ уставѣ, которыя они признавали нужными. Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, что г. Ковалевскому не отдается надлежащая справедливость. Онъ работалъ спокойно надъ составленіемъ новаго устава, вполне сознавая главный недостатокъ нашихъ университетовъ. Этотъ недостатокъ состоялъ не въ частныхъ случаяхъ безпорядковъ между студентами: тамъ, гдѣ собирается ежедневно нѣсколько сотъ или тысячь молодыхъ людей въ возрастѣ способномъ къ увлеченіямъ, съ неопытною и самонадѣянностію, всегда были и будутъ уклоненія отъ порядка. М—во пр. видѣло въ нашихъ университетахъ другой, гораздо болѣе важный, недостатокъ, состоявшій въ упадкѣ ихъ научной дѣятельности, т. е. недостиженіи той именно цѣли, для которой университеты существуютъ. Причины такого явленія весьма различны, равно какъ и послѣдствія оныхъ, и къ числу сихъ послѣдствій относятся, между прочимъ, и безпорядки, произведенные студентами. Причины помянутаго явленія касаются: во 1-хъ, профессоровъ, а во 2-хъ, студентовъ и въ 3-хъ, университетскаго устава.

1) Относительно профессоровъ. Правительство наше для университетовъ, равно какъ и для другихъ учреждений, дѣлало всегда очень много, а общество оставалось въ сторонѣ и бездѣйствіи. Сначала профессора выписывались изъ за границы, затѣмъ русскіе посылались за границу для приготовления къ кафедрамъ, а въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ готовились профессора для русскихъ университетовъ въ Дерптѣ; затѣмъ прекращены были эти три средства приготовления профессоровъ, и съ того времени университеты наши, необновляемые свѣжими силами, оскудѣли: старые профессора, не возбуждаемые конкуренціею, впали въ апатію, кафедры стали замѣщаться лицами, не имѣющими надлежащихъ ученыхъ степеней, и весьма натурально, что наука не могла идти впередъ; преподаваніе не происходило надлежащимъ образомъ и университетскія коллеги, при упомянутомъ составѣ лицъ, не могли имѣть нравственнаго вліянія на студентовъ. Сверхъ того, ничтожное содержаніе не могло не только привлекать къ профессорской должности, но даже случалось, что одновременно нѣсколько профессоровъ оставляли кафедры для другаго рода службы, который лучше обеспечивалъ ихъ семейства. Въ настоящее время у насъ около 40 кафедръ вакантныхъ, и я долженъ сознаться, что не могу безъ страха просматривать списки наличныхъ профессоровъ. Читая эти списки, нельзя не предполагать, что многіе профессора, по естественному ходу вещей, должны въ непродолжительномъ времени сойти съ своего поприща, нѣсколько другихъ могутъ оставить университетъ по какимъ либо причинамъ, и тогда мы будемъ вынуждены къ одновременному закрытію нѣсколькихъ факультетовъ. При такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ я долженъ былъ, при самомъ вступленіи въ управленіе м—вомъ, рѣшиться на чрезвычайную мѣру и, по примѣру прежнихъ лѣтъ, но въ гораздо бѣльшемъ числѣ, послать молодыхъ ученыхъ за границу для приготовления къ профессорскимъ должностямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ могутъ, конечно, не удастся, но я надѣюсь, что другія черезъ два или три года займутъ вакантныя кафедры. Сверхъ того, весьма бы желательно возобновить приготовленіе профессоровъ въ Дерптѣ. Дерптскій университетъ находится въ исключительномъ положеніи: такъ какъ преподаваніе происходитъ тамъ на нѣмецкомъ языкѣ, то весьма легко сдѣлать его однимъ изъ первыхъ университетовъ въ Европѣ, пригласивъ на нѣсколько лѣтъ въ Дерптъ нѣкоторое число знаменитѣйшихъ европейскихъ ученыхъ. Нынѣшній попечитель графъ Кейзерлингъ, по своимъ ученымъ связямъ и сношеніямъ, могъ бы это легко исполнить. Въ то же время мы могли бы учредить въ Дерптѣ нѣсколько профессорскихъ стипендій, которыя доставили бы русскимъ университетамъ

недостающее число профессоровъ. Для всего этого необходимы, однако, денежные средства, и вопросъ объ ассигнованіи оныхъ будетъ предложенъ обсужденію комитета финансовъ, о чемъ увѣдомилъ меня г. м—ръ финансовъ. Но всѣ вышепомянутыя административныя мѣры суть только распоряженія временныя; необходимо было озаботиться изысканіемъ средствъ для постоянного приготовленія въ самихъ университетахъ молодыхъ ученыхъ, которые заступали бы устарѣвшихъ профессоровъ. Для сего положено въ проектѣ устава учрежденіе приватъ-доцентовъ, молодыхъ ученыхъ, которые допускаются съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ къ чтенію лекцій по разнымъ наукамъ, читаемымъ также профессорами. Черезъ это учрежденіе будутъ достигнуты двѣ цѣли: профессора будутъ возбуждены къ дѣятельности посредствомъ конкуренціи съ молодыми учеными и изъ этихъ ученыхъ будутъ готовиться новые профессора.

2) Относительно студентовъ. Правительство наше съ половины прошедшаго столѣтія употребляло разныя средства для привлеченія молодыхъ людей къ высшему образованію. Вытѣность студентомъ считалась сначала въ дѣйствительную службу, студентамъ были присвоены красивые мундиры и шпаги, во всѣхъ университетахъ были казенно-коштные студенты на полномъ содержаніи правительства и, наконецъ, университеты давали чины, которые ставили молодыхъ людей въ гражданской службѣ разомъ выше лицъ, прослужившихъ весьма долгое время, но не получившихъ университетскаго образованія. Всѣ сии искусственныя мѣры, которыя продолжались цѣлое столѣтіе, не могли остаться безъ послѣдствій: университеты наши, дѣйствительно, наполнились молодыми людьми, но должно сознаться, что не всѣ они шли въ университетъ, собственно для образованія, а для весьма многихъ прохожденіе черезъ университетъ было какъ бы аферой или спекуляціей для составленія себѣ служебной карьеры. Въ настоящее время, кажется, необходимо отмѣнить эти искусственныя средства привлеченія молодыхъ людей на службу, дабы они видѣли въ университетѣ только средство къ высшему образованію. Для достиженія этой цѣли было бы необходимо отмѣнить вовсе право университетовъ давать чины, предоставивъ имъ только право удостоивать ученыхъ степеней. Но подобная мѣра не можетъ быть принята только для однихъ университетовъ, а должна быть одновременно распространена и на другія учебныя заведенія. Притомъ, необходимо бы измѣнить правила на счетъ приѣма въ государственную службу лицъ, не имѣющихъ чиновъ. Если бы отмѣнить нынѣ право университетовъ давать чины, то это правило должно распространиться только на тѣхъ студентовъ, которые послѣ изданія онаго поступятъ въ университетъ и слѣдовательно только черезъ

четыре года выйдутъ изъ онаго. Въ теченіи этого времени можно бы было заняться пересмотромъ постановленій о другихъ учебныхъ заведеніяхъ и о приѣмѣ въ государственную службу. Не зная вообще насколько все сіе соотвѣтствуетъ общимъ видамъ правительства, я не рѣшился прямо внести въ проектъ университетскаго устава отміну права давать чины; но полагая, что подобная перемѣна въ будущемъ должна быть желательна, я включилъ правило, что университеты не будутъ давать степень дѣйствительнаго студента, которая не есть званіе ученое, но съ которою соединенъ чинъ XII класса, предоставляемый студентамъ, которые не въ состояніи выдержать испытаніе на степень кандидата. Эта мѣра была бы первымъ осторожнымъ шагомъ къ будущей отміну права университетовъ давать чины. Сверхъ того, дабы доставить университетамъ лучший составъ аудиторій, въ уставѣ постановлено, что кромя представленія гимназическаго аттестата молодые люди, желающіе поступить въ университетъ, подвергаются въ ономъ дополнительной повѣркѣ ихъ знаній. Такимъ образомъ, приѣмъ въ университетъ былъ бы строже.

3) Относительно университетскаго устава. Будучи пѣлый годъ въ отставкѣ и путешествуя по Россіи туристомъ, какъ бывший секретарь географическаго общества, я останавливался въ университетскихъ городахъ и весьма натурально проводилъ время большею частью между профессорами. Я помню, что бѣльшая часть откровенныхъ разговоровъ ихъ состояла въ жалобахъ на то, что уставъ не даетъ имъ права заниматься собственными дѣлами университета, что все дѣлаетъ попечитель, который не можетъ знать потребностей науки какъ профессеры, и затѣмъ являлись обыкновенно оужденія и критика дѣйствій попечителя. Попечитель являлся какимъ-то полиціймейстеромъ въ отношеніи къ студентамъ; профессора стояли въ сторонѣ, критиковали его дѣйствія, и весьма натурально, что они не могли имѣть на студентовъ того нравственнаго вліянія, которое могла бы имѣть цѣлая коллегія профессоровъ. Отъ этого происходило фальшивое положеніе попечителя и безучастіе къ нуждамъ и пользамъ университета со стороны преподавателей. Въ прошедшемъ году вступивъ въ управленіе м—вомъ, я вспомнилъ эти впечатлѣнія, и полученныя мною свѣдѣнія и мнѣнія разныхъ лицъ на проектъ устава доказывали вѣрность оныхъ. Университетъ состоитъ, съ одной стороны, изъ 50 или 70 ученыхъ, имѣющихъ свои достоинства и недостатки, съ другой стороны изъ нѣсколькихъ сотъ молодыхъ людей въ возрастѣ увлеченія и неопытности. Для управленія тѣми и другими невозможно простое полиціймейское устройство, невозможно единоличное дѣйствіе попечителя. Необходимо, чтобъ коллегія профессоровъ была привлечена къ участію

въ управленіи въ весьма значительной степени, но чтобъ попечитель могъ останавливать всякое неправильное ея дѣйствіе. Необходимо, чтобъ студенты видѣли порицаніе своихъ неодобренныхъ поступковъ и подвергались взысканію за оныя не со стороны одного попечителя, но именемъ всей коллегіи профессоровъ, и притомъ, чтобъ это взысканіе налагалось не административнымъ распоряженіемъ, но съ соблюденіемъ всѣхъ формъ правильного суда. Тогда только явится то нравственное вліяніе и та законность, которой безпрекословно подчиняются молодые люди. Слѣдуя этимъ мыслямъ, въ проектѣ устава даны значительныя административныя права совѣту университета и учрежденъ университетскій судъ для проступковъ студентовъ. Сверхъ того, составлены новыя штаты, постепенное введеніе конхъ по мѣрѣ средствъ государственнаго казначейства составляетъ необходимое условіе для улучшенія нашихъ университетовъ. Назначены каедры сообразно современнымъ потребностямъ науки, постановлены весьма важныя правила о раздѣленіи факультетовъ и т. д.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что не смотря на всѣ его недостатки, университетское образованіе есть лучшее, которое получалось молодыми людьми въ имперіи, и что каждый начальникъ былъ весьма доволенъ, когда могъ для своего департамента или канцеляріи приобрести молодыхъ людей съ университетскими аттестатами.

А. В. Головиннъ.

II.

Александръ Васильевичъ Головиннъ

въ отношеніяхъ къ земству

1881 г.

Я имѣлъ честь знать покойнаго Александра Васильевича съ 1881 года; познакомился съ нимъ въ бытность его въ имѣніи своемъ, Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда, въ селѣ Гулынкахъ, гдѣ я ему представлялся, какъ предсѣдатель пронской уѣздной земской управы, въ вѣдѣніи которой находятся устроенныя и пожертвованныя имъ, А. В. Головиннымъ, заведенія пронскому земству.

Достойно вниманія, что и этотъ единственный случай моего свиданія съ покойнымъ не прошелъ безъ послѣдствій для добраго дѣла со стороны незабвеннаго Александра Васильевича.

Пріѣхавши въ Гулынки по обязанностямъ службы—навѣстить вѣренныя попеченію земства гулынкскія заведенія: больницу, женское и мужское училища, а также зданія, гдѣ помѣщаются служащіе для сихъ заведеній, я тамъ же узналъ, что А. В. собирается на поѣздъ желѣзной дороги, возвращаясь въ Петербургъ,—слѣдовательно, долженъ былъ поспѣшить къ нему, и въ первое же свиданіе былъ поставленъ въ необходимость обратиться къ А. В. съ ходатайствомъ за одну изъ служащихъ, которой А. В. могъ оказать помощь. Почтенный А. В. спросилъ меня только, хорошо-ли мнѣ извѣстна личность (только что поступившая на службу въ Гулынки), за которую я предъявилъ ходатайство, и на отвѣтъ мой въ утвердительномъ смыслѣ А. В. мнѣ высказала, что мой лестный отзывъ обязываетъ его быть внимательнымъ къ моему ходатайству, и сію же минуту, при мнѣ, потребовалъ бурмистра и приказалъ ему выдавать дополнительное содержаніе лицу, за которое я ходатайствовалъ предъ нимъ. Этотъ случай свидѣтельствуешь, насколько покойный былъ готовъ всегда сдѣлать посильное добро. И мое личное впечатлѣніе совершенно одинаково съ мѣткимъ опредѣленіемъ, сдѣланнымъ А. Ө. Кони, свойствъ покойнаго, выраженныхъ имъ въ мартовской книгѣ «Русской Старины» изд. 1886 г., о томъ, «что у всякаго, кто встрѣчался съ Головиннымъ, при извѣстіи о его смерти, съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія соединяется воспоминаніе объ очень сутуловатомъ старичкѣ, небольшого роста, который умѣлъ соединять утонченную, чрезвычайно рѣдкую и даже забытую въ наше время, вѣжливость съ твердостью взглядовъ и математическою точностію выражений».

Въ дополненіе къ изложенному въ томъ же журналѣ, мартъ, 1886 г., на 785 стр., могу сообщить, что гулынкскія заведенія пожертвованы Александромъ Васильевичемъ и переданы земству въ 1869 г. съ капиталомъ въ 12,000 руб. Для земства особенно цѣнна больница, такъ какъ она находится въ той части уѣзда, которая слишкомъ удалена отъ возможной медицинской помощи, ибо больница, переданная Приказомъ Общественнаго призрѣнія, помѣщается въ городѣ, на краю уѣзда, въ противоположной сторонѣ отъ гулынской больницы, и эта часть уѣзда, конечно, обязана прямо покойному, что она не въ безпомощномъ состояніи въ врачебномъ отношеніи. Могу свидѣтельствовать еще и о томъ, что А. В. постоянно не переставалъ приходить на помощь больницѣ и послѣ пожертвованія ея земству съ зданіями и землею при ней, — такъ, онъ выстроилъ на свой счетъ баню, часовню для покойниковъ, помѣщеніе для фельдшеровъ; не рѣдко присылалъ врачамъ медицинскія книги и вновь появляющіеся дорогіе медикаменты для больницы. Гулынкскія заведенія,

можно сказать, осиротѣли безъ него, и намъ, пронскимъ жителямъ, нельзя не присоединиться къ тѣмъ, кто, воздавая честь по заслугамъ, умѣетъ цѣнить добро и помнить его. Сими строками, въ предѣлахъ для меня возможнаго, желаю почтить память покойнаго.

Предсѣдатель Пронской земской управы Левъ Мичуринъ.

1887 г., сентября 7-го дня.

III.

Письмо А. В. Головинна къ педагогу.

Петербургъ. 4-го марта 1881 г.

— «Многоуважаемый Николай Николаевичъ! Ваше письмо отъ 1-го марта доставило мнѣ не только удовольствіе, но истинную отраду и успокоеніе. Оно пришло въ то время, когда мы находились подъ тяжкимъ, потрясающимъ впечатлѣніемъ страшнаго злодѣйства, великаго горя, событія историческаго и неизвѣстнаго будущаго. Нравственная, умственная болѣзнь, ведущая къ извращенію понятій и къ ужаснымъ преступленіямъ съ рѣшимостью жертвовать собой для достиженія злой цѣли, должна заставить педагоговъ думать крѣпкую думу. Въ эти минуты горя, путаницы мыслей, нервическаго лихорадочнаго состоянія я получаю письмо почтеннаго педагога, спокойное, тихое, наполненное добрыхъ чувствъ, благихъ намѣреній, описывающее его полезную дѣятельность для правильнаго развитія молодыхъ поколѣній, для насажденія въ нихъ добрыхъ чувствъ, здравыхъ понятій, твердыхъ правилъ. Чтеніе этого письма доставило мнѣ истинное утѣшеніе. Если я особенно потрясенъ кончиною покойнаго Государя и особенно возмущенъ противъ виновниковъ его мученической смерти, то это весьма понятно. Я былъ четыре года его министромъ въ самую лучшую эпоху его царствованія. Я участвовалъ во многихъ изъ тѣхъ засѣданій совѣта министровъ, подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, которыя останутся въ исторіи, и каждая двѣ недѣли работалъ съ нимъ наединѣ. Его великая историческая личность будетъ болѣе и болѣе расти, по мѣрѣ удаленія отъ современныхъ дразгъ и мелочей. Жизнь его есть великая трагедія. Его жизнеописаніе послужитъ въ рукахъ педагоговъ великимъ орудіемъ для развитія въ юношахъ любви къ добруму.

Искренно преданный А. Головиннъ.»

Примѣчаніе. Напечатанное выше письмо А. В. Головинна, писанное къ одному изъ русскихъ педагоговъ, доставлено намъ при слѣдующей замѣткѣ г. Н. К.: „Скончавшійся въ 1886 г. членъ государственнаго совѣта статсъ-секретарь А. В. Головиннъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, одинъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей Россіи, обладалъ широкимъ научнымъ образованіемъ и горячею любовью къ педагогическому дѣлу. Созданный имъ уставъ гимназій 1864 г., по выраженію бывшаго министра нар. просв. графа Д. А. Толстаго (Сб. пост. по мин. нар. просв., т. V, изд. 1877 г., стр. 275), „положилъ классическое образованіе въ основу собственно научнаго университетскаго образованія“ и всѣ лучшіе пункты этого устава перешли и въ позднѣйшее законодательство по гимназическому образованію въ Россіи. Покинувъ министерскій постъ, Александръ Васильевичъ не переставалъ съ горячимъ участіемъ слѣдить за судьбою образованія молодежи въ нашемъ отечествѣ, глубоко скорбя при отрицательныхъ явленіяхъ въ мірѣ педагогическомъ и искренно радуясь, если образованіе ставилось въ тѣсную связь съ воспитаніемъ. Помѣщаемое ниже письмо А. В. написано 4-го марта 1881 г. къ директору одной губернской гимназій и представляетъ несомнѣнный интересъ по воспоминаніямъ и отзывамъ покойнаго патріота о безвременно почившемъ благодѣтелѣ Россіи“.

Алексій Дебре.

Замѣтка.

Въ журналѣ „Русская Старина“ 1887 г., кн. VIII, на стр. 446, сказано, что по просьбѣ генерала В. Гербеля французскій подданный Алексій Дебре былъ опредѣленъ учителемъ рисованія, при тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это не совсѣмъ вѣрно. Алексій-Геврихъ Дебре состоялъ преподавателемъ танцевальнаго искусства при императорскомъ университетѣ св. Владиміра. Сначала на уроки танцованія собиралось не болѣе 20 студентовъ и преподавателю не предстояло особыхъ трудовъ; но впоследствии, танцованіе было включено въ число обязательныхъ предметовъ для казенно-комитетныхъ студентовъ (въ 1840-хъ годахъ); кромѣ того, въ зданіи университета были назначены танцевальныя вечера, въ которыхъ принимали участіе вообще всѣ студенты и приглашаемыя ими лица, мужчины и дамы, изъ городского общества. При этихъ условіяхъ размѣры дѣятельности преподавателя танцевальнаго искусства должны были значительно расшириться. Не смотря на это, г. Дебре являлся аккуратнo на свои уроки и исполнялъ добросовѣстно свои обязанности; въ отношеніяхъ съ студентами онъ постоянно отличался чисто французскою галантностію. Г. Дебре давалъ уроки танцованія въ кievской гимназій и былъ любимымъ преподавателемъ въ обществѣ.

Кн. В. Д. Дабляжа.

Екатерина Федоровна Жуковская.

Замѣтка.

Находясь на воспитаніи въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ съ 1838 по 1844 г., я не могъ узнать причины, по которой бабушка моя, Екатерина Федоровна Жуковская, пользуется казенною квартирою въ корпусѣ, въ такъ называвшемся учительскомъ флигелѣ, на конюшенномъ дворѣ. Жительство ея въ корпусѣ тѣмъ болѣе интересовало меня, что ни ея мужъ, ни она сама и никто изъ родственниковъ никогда не служили въ корпусѣ. Только по выходѣ изъ корпуса отецъ разъяснилъ мнѣ эту загадку.

Незадолго до кончины императрицы Екатерины II, мой дѣдъ, по какому-то несправедливому доносу, былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Черезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ императора Павла I, государь, пріѣхавъ въ корпусъ, направился прямо въ лазаретъ. Въ числѣ больныхъ былъ и мой отецъ, страдавшій глазами. Императоръ, обходя больныхъ, остановился у кровати моего отца и прочелъ его фамилію, написанную на доскѣ.

— „Не родственникъ-ли твой находится арестованнымъ въ крѣпости?“ спросилъ императоръ. Узнавъ изъ отвѣта, что арестованный его отецъ, государь чрезвычайно ласково сказалъ: „я разсмотрѣлъ его дѣло. Онъ ни въ чемъ не виноватъ, и я уже приказалъ его освободить; ты можешь объявить объ этомъ твоей матушкѣ“. Затѣмъ, императоръ, отойдя нѣсколько шаговъ, остановился и спросилъ сопровождавшаго его доктора—можно-ли отпустить больного домой и, получивъ утвердительный отвѣтъ, пошелъ далѣе.

На другой день жена освобожденнаго, еще молодая и очень красивая особа (что удостовѣряетъ ея портретъ), и къ тому же замѣчательно умная и находчивая женщина, испросила у императора соизволеніе представиться и благодарить за оказанную милость. Императоръ принялъ ее чрезвычайно благосклонно и при этомъ спросилъ, не имѣетъ-ли она какой либо просьбы? Ободренная милостивымъ вниманіемъ государя, бабушка моя сказала, что если бы было повелѣніе отвесити ей казенную квартиру, то она была бы вполне счастлива, избавившись отъ неудобствъ найма.

— „Чего же лучше какъ 1-й корпусъ, гдѣ воспитывается вашъ сынъ“, отвѣчалъ сынъ императоръ, безъ сомнѣнія удивленный такою наивною и оригинальною просьбою. Въ тотъ же день послѣдовало высочайшее повелѣніе и бабушка моя, поселившись въ учительскомъ флигелѣ, жила въ немъ въ царствованія Павла I, Александра I, Николая I, и умерла, достигнувъ глубокой старости, около 100 лѣтъ. Всѣ попытки корпуснаго начальства лишить ея квартиры уничтожались подтвержденіемъ высочайшаго повелѣнія императора Павла I.

П. В. Жуковский.

З в ѣ р ь я д а .

Звѣрьяда претерпѣла множество вариантовъ, благодаря тому, что каждый выпускъ въ ней дѣлать свои дополненія и измѣненія. Однако, въ большинствѣ Звѣрьядъ сохранились слѣдующіе стихи:

Ужь блинокъ часть освобожденія
Отъ логарисмовъ и нулей,
Отъ скучайшаго ученія,
Отъ наукъ и отъ звѣрей.

Прощайте плюсы, яксы, зеты,
Научныхъ формулъ легионъ;
Банкеты, траверсы, барбетты,
Бѣда въ манежѣ безъ стремянъ.

Прощайте всѣ учителя,
Предметы общей нашей скуки,
Ужь не заставьте меня
Приняться слова за науки.

Послѣ этихъ вступительныхъ стиховъ, Звѣрьяда видоизмѣняется сообразно съ разными выпусками, хотя въ большинствѣ Звѣрьядъ сохранилось слѣдующее четверостишіе:

Кончатъ звѣрьяду уже надо.
Прощайте, звѣри, всѣ толпой,
Беземысленныхъ педантовъ стадо,
Забудеть васъ корнетъ лхой.

Въ виду того, что изъ бывшихъ воспитанниковъ школы никому неизвѣстна Звѣрьяда, въ которой бы фигурировали лица, современныя пребыванію поэта М. Ю. Лермонтова въ школѣ, и въ виду сообщенія г. Познанскаго о принадлежности Звѣрьяды, въ ея первой редакціи, его перу, мнѣніе, что Звѣрьяда сочинена М. Ю. Лермонтовымъ, падаетъ само собою.

Собщ. М. О. Пѣтуховъ.

Н. А. Добролюбовъ

1861 г.

Напечатанное въ ноябрьской книгѣ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г. стихотвореніе покойнаго Добролюбова: „По чугуннымъ рельсамъ“ является въ печати не въ первый разъ: оно было помѣщено въ 1862 г. въ „Современникѣ“. Необходимо при этомъ замѣтить, что сообщенный въ „Русской Старинѣ“ списокъ напечатанъ съ ошибками, а именно, послѣднія восемь строкъ въ „Современникѣ“ читаются волиѣ правильно такъ:

Да, я вѣрю твердо:
Мертвая машина
Произволь не свяжетъ
Руси — исполни.

Вѣрю: все машины
Съ русскою природою
Сами оживятся
Духомъ и свободой.

П. Травинъ.

Городъ Буй.
11-го ноября 1886 г.

Упомянутое выше стихотвореніе явилось впервые въ печати въ „Современникѣ“ подъ заглавіемъ: „Въ прусскомъ вагонѣ“ и злѣмъ вошло во все изданія собранія сочиненій покойнаго Н. А. Добролюбова.

Н.

7-го ноября 1886 г.
г. Козловъ.

С. П. Колошинъ.

Въ июньской книгѣ „Русской Старинѣ“ (1887 г., стр. 692) напечатано стихотвореніе „Испанія и Россія“, съ объясненіемъ, что авторъ его — И. Колошинъ, издатель-редакторъ „Московского Наблюдателя“. По поводу этого комментарія необходимо замѣтить, что Колошина звали Сергѣемъ Павловичемъ; притомъ онъ издавалъ (съ декабря 1861 года) не „Московский Наблюдатель“, а еженедѣльный журналъ „Зритель общественной жизни, литературы и спорта“, прекратившійся въ 1863 году (на 36 №).

Д. Языковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ К. К. Р.

1882—1885.

Вслѣдъ за появленіемъ въ „Русской Старинѣ“ замѣтокъ о стихотвореніяхъ К. Р. („Русск. Стар.“ 1887 г., книги VIII и X), къ намъ обращаются многіе съ просьбами указать гдѣ можно получить изданіе стихотвореній этого молодого и даровитаго поэта. Сколько намъ извѣстно, книга не поступала въ продажу, но имѣя отъ автора его, въ полномъ смыслѣ изыщную, книжечку, мы, въ дополненіе къ приведеннымъ на страницахъ нашего журнала стихотвореніямъ К. Р., приводимъ еще нѣсколько стихотвореній того же поэта.

Ред.

I.

Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

Сраженный стрѣлой ассирійскою, палъ
Кесарь, отступникъ Христова ученія;
Въ смертной тоскѣ къ небесамъ онъ воззвалъ:
Ты побѣдалъ, Галилеянинъ!

* * *

Погибъ Юліанъ, врагъ Христова креста,
Церковь свободна отъ злаго гоненія,
Снова воскликнули вѣрныхъ уста:
Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

* * *

Расторгнемъ-же сѣти порока и зла,
Къ свѣту воспрянемъ изъ тьмы усмленія;
Вновь да раздастся и наша хвала:
Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

1882 г.

II.

Земля пробудилась отъ долгаго сна,
 Явилась предвѣстница гѣта,—
 О, какъ хороша ты, младая весна!
 Какъ сердце тобою согрѣто!

* *
 *

Люблю я просторъ этихъ ровныхъ полей,
 Люблю эти вешнія воды!
 Невольно въ душѣ отразилась моею
 Краса обновленной природы.

* *
 *

Но можно-ль любить, когда все, въ чему мы
 Привязаны сердцемъ таеъ нѣжно,
 Закрыть подъ холоднымъ дыханьемъ зны
 И вьюгой завѣется снѣжной?...

1882.

III.

Письмо.

Опять тѣ алые цвѣты
 По прежнему твой взоръ плѣняютъ
 И, воскресая о быломъ мечты,
 Тебѣ меня, мой другъ, напоминаютъ.
 — Ты думаешь, что въ горести нѣмой—
 Свидѣтели тѣхъ дней, когда съ тобой
 Вдвоемъ мы по саду бродили,—
 Они, въ разлукѣ сѣтуя со мной,
 Головки нѣжныя склонили?
 О нѣты! не обо мнѣ они случаютъ,
 Давно меня забыли тѣ цвѣты;
 Но чувствуютъ они и коннаартъ,
 Что день и ночь, всю жизнь горюешь ты
 По дорогой отчизнѣ; что не можетъ
 Ихъ прелесть замѣнить тебѣ цвѣтовъ,
 Подъ пеленою сѣверныхъ снѣговъ

Рожденныхъ; что тебя всечасно гложетъ
 Тоска по родинѣ... Они грустятъ
 И знаютъ, что тебѣ твоя Россія
 Дороже, чѣмъ блестящій ихъ нарядъ.
 Чѣмъ страны южныя, тебѣ чужія;
 Что пламенѣя знойно и свѣтло,
 Гдѣ ярче небосклонъ сияетъ,
 Варостившее ихъ солнце не пригрѣветъ
 Тебя такъ нѣжно и тепло,
 Какъ сѣвера холодное свѣтло;
 И никогда ничто въ землѣ чужой
 Тебѣ не будетъ, какъ въ странѣ родной,
 Такъ близко, дорого и мило.

1883 г.

IV.

Я засыпаю... Ужъ слабѣя и блѣднѣя,
 Сознанье сле властно надо мной,
 И все еще, какъ ваяву, дрожа, нѣмѣя,
 Я вижу образъ твой передъ собой.

За мной смыкаются дѣйствительности двери,
 Я сплю,—и въ царствѣ призраковъ и сновъ
 Ты мнѣ являешься, плѣнительная пери,
 И звуки ласковыхъ я слышу словъ.

Я просыпаюсь, полянъ волшебныхъ впечатлѣній,
 Къ тебѣ протягиваю руки я.—
 Но разступились уже ночныя тѣни,
 Ужъ водарилось сіянье дня.

И пронеслися мимолетныя видѣнья...
 И цѣлый день съ томленіемъ, съ тоской
 Я темной ночи жду,—жду грезъ и усыпленья,
 Чтобъ хоть во снѣ увидѣться съ тобой!

1883 г.

V.

Повѣло черемухой,
 Проснулся соловей,
 Ужь пѣсню заливается
 Онъ въ зелени вѣтвей.
 Учи меня, соловушко,
 Искусству твоему!
 Пусть пѣснь твою волшебную
 Прочувствую, пойму.
 Пусть раздается пѣснь моя
 Могуча и сильна,
 Пусть людямъ въ душу просится,
 Пусть ихъ живить она;
 И пусть все имъ становится
 Дороже и любѣй,
 Какъ первая черемуха,
 Какъ первый соловей!

1884 г.

VI.

Смеркалось, мы въ саду сидѣли,
 Свѣча горѣла на столѣ.
 Ужь въ небѣ звѣзды заблестѣли,
 Ужь смокли пѣсни на селѣ...
 Кусты смородины кивали
 Кистами свѣлыхъ ягодъ намъ,
 И грустно астры допвѣтали,
 Пестрѣя въ травѣ здѣсь и тамъ.
 Между акацій и малины
 Цвѣлъ макъ махровый надъ прудомъ,
 И горделиво георгины
 Качались въ сумракѣ nocturno.
 Тутъ и березы съ тополями
 Росли, и дубъ, и кленъ, и вязъ,
 И вѣтви съ зрѣлыми плодами
 Клонили яблони на насъ;
 Трещала кузнечикъ голосистый
 Въ кустѣ осыпавшихся розъ...
 — Подъ этой яблоней тѣнистой
 Въ умѣ столпилось столько грезъ
 И столько радужныхъ мечтаній,
 Живыхъ надеждъ, волшебныхъ сновъ
 И дорогихъ воспоминаній

Былыхъ, счастливейшихъ годовъ!..

Садъ задремалъ; уже стемнѣло,
И воцарилась тишина...
Свѣча давно ужъ догорѣла,
Всходила полная луна,—
А мы . . . мы все въ саду сидѣли,
Намъ не хотѣлось уходить!
Лишь поздней ночью еле-еле
Могли домой насъ заманить.

1885 г.

VII.

Царь Саулъ.

Душа изнываетъ моя и тоскуетъ,—
О пой же мнѣ, отрокъ мой, пѣсню твою:
Пусть звуки ея мою скорбь уврачуютъ,—
Я такъ твои пѣсни святыхъ люблю!

Гнетутъ меня злобнаго духа объятъ,
Опять овладѣло уныніе мной,
И страшныя вновь изрыгаютъ проклятъя
Уста мои вмѣсто молитвы святой.

Томлюся я, гнѣвомъ пылая, и стражду;
Недугомъ палящая мучится плоть,
И злоба въ душѣ моей.. Крови я жажду,
И тцегны успія зло побороть.

Не разъ, жalomъ немощи той уязвленный,
Тебя могъ убить я въ безумномъ бреду.
— О пой же! быть можетъ тобой исцѣленный,
Рыдая, къ тебѣ я на грудь упаду!..

1884 г.

VIII.

Тебя пресѣдуетъ людская злоба
И не дають тебѣ отъ скорби отдохнуть;
Но потери немного: вѣдь до гроба
Не дологъ путь!

* *

Пробьетъ желанный часъ освобожденья;
Земли оковы смерть сорветъ своей рукой,
И отойдешь въ блаженномъ усмиреннѣ
Ты на покой.

* *

Упреки колкіе, обиды злыя,
Все, все переноси и не клянй людей:
Онн орудья слабыя, слѣпныя
Судьбы своей.

* *

Терпи безропотно своя страданья,
Послѣднюю слезу скорѣе съ глазъ отри
И за печали всѣ, за испытанья
Благодари!

1885 г.

К. К. Р.

Изъ альбома „Русской Старины“ (томъ III).

I.

Родная земля и въ горсти мила!

20-го іюля 1887 г.
Висбаденъ.

Ольга.

II.

Безъ цѣли не даны ни радость, ни страданье;
Есть въ счастье заповѣдь, въ печали есть призванье.
Смиренно вознося мысль къ Богу твоему,
Не спрашивай: «Господь! за что?» спроси: «къ чему?»

27-го сентября 1887 г.
Спб.

Графъ П. А. Валугевъ.

Князь Николай Николаевич и княгиня Варвара Павловна Еникѣвы.

I.

Въ уважаемомъ журналѣ «Русская Старина» изд. 1887 г., кн. II, стр. 402, въ весьма интересномъ историческомъ изслѣдованіи В. И. Семевскаго: «Борьба крѣпостныхъ съ помѣщичьей властью въ царствованіе императора Николая», упоминается случай 1848 г., бывший, по словамъ цитируемыхъ авторомъ статьи документовъ, въ имѣніи нѣкоей княгини Еникѣвой, Пензенской губерніи, и состоявшій въ томъ, что трое дворовыхъ ея крестьянъ, вызванные яко-бы жестокимъ обращеніемъ ея мужа, нанесли ему нѣсколько ударовъ арапникомъ.

Совершенно не знаю и никогда не слыхалъ—былъ ли такой случай съ кѣмъ либо изъ моихъ однофамильцевъ; но въ виду того, что покойные родители мои, князь Николай Николаевичъ и княгиня Варвара Павловна, были помѣщиками Пензенской губерніи, именно Мокшанскаго уѣзда, сельца Головачовки, долгомъ считаю заявить, во избѣжаніе какого либо недоразумѣнія, что такового случая, по отношенію къ моему отцу, никогда не было. Напротивъ, то были добрѣйшіе и благодѣтельнѣйшіе люди. Отецъ мой умеръ въ 1877 г. и, не смотря на то, что уже прошло послѣ 19-го февраля 1861 г. шестнадцать лѣтъ, крестьяне такъ его любили, что сами на свой счетъ служили по немъ панихиды не только въ домѣ его, но и литіи на всѣхъ перекресткахъ при его погребеніи. Дѣйствительно, это былъ въ высшей степени гуманный человекъ. Будучи отличнымъ хозяиномъ-агрономомъ, садоводомъ и пчеловодомъ, онъ дѣлился своими знаніями съ крестьянами, занимаясь и медициной—безмездно лечилъ ихъ, наконецъ, при освобожденіи своихъ крестьянъ, на основаніи Положеній 19-го февраля, онъ сдѣлалъ для нихъ все, что только добрый помѣщикъ, проникнутый сознаніемъ величія акта освобожденія, могъ и долженъ былъ сдѣлать.

Необходимо также замѣтить, что князь Николай Николаевичъ Еникѣвъ былъ человѣкъ искренно религіозный и ужъ, конечно, никогда не способный на жестокое обращеніе съ крестьянами, съ которыми онъ жилъ во всю свою продолжительную девяносто девятилѣтнюю жизнь въ замѣчательно хорошихъ отношеніяхъ.

Въ истиннѣ мною сказаннаго ссылаюсь на его сосѣдей, на его крестьянъ и вообще на всѣхъ его земляковъ, всегда его любившихъ и уважавшихъ.

II.

Не ограничиваясь приведеннымъ заявленіемъ, передаю нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія о моихъ родителяхъ.

Князь Николай Николаевичъ Еникѣвъ въ молодости своей былъ депутатомъ дворянъ Мокшанскаго уѣзда, а подъ старость, не смотря на свои преклонные года, былъ земскимъ гласнымъ нѣсколько лѣтъ. Къ его рѣчамъ всегда прислушивались и мнѣніе его высоко уважали. Онъ былъ внѣ всякихъ партій, всегда ратовалъ за правду, говорилъ всегда прямо и открыто, никогда, никому и ни въ какихъ случаяхъ не льстилъ и въ своихъ сужденіяхъ всегда былъ вполне независимъ. Глубоко вѣрующій и вполне христіанинъ, онъ былъ человѣкъ высокой нравственности, и вмѣстѣ съ этимъ философъ съ гуманной точки зрѣнія. Хорошій сельскій хозяинъ, большой садоводъ и пчеловодъ, онъ всѣ системы извѣстныхъ въ то время пчеловодовъ: Прокоповича, Пута, Джержана и другихъ соединилъ и составилъ замѣчательный улей, который онъ называлъ: «Комодный улей». Эти ульи его системы и по настоящее время находятся Спб., въ въ Императорскомъ сельско хозяйственномъ музеѣ, что въ зданіи бывшаго Солянаго Городка, противъ Лѣтнаго сада, входъ съ Рыночной улицы.

Всякій, кто бесѣдовалъ съ моимъ отцомъ, ощущалъ необыкновенное душевное спокойствіе, такъ какъ высокія истины богопознанія и о цѣляхъ человѣчества высказывались имъ чрезвычайно просто, ясно и убѣдительно. Онъ былъ философъ вполне вѣрующій, а въ жизни и въ своихъ дѣяніяхъ поступалъ, какъ учитъ тому христіанская вѣра.

Какъ агрономъ, онъ ввелъ орошеніе водою громаднаго головачевского сада и огорода, посредствомъ вырытыхъ канавъ, чрезъ которыя вода, проведенная за 3 или 4 версты, и хорошо инвентированная, протекала въ садъ и огородъ, и, смотря по надобности, орошала гряды и различныя насажденія.

Онъ былъ нововодителемъ нѣкоторыхъ отраслей сельскаго хозяйства, такъ, между прочимъ, онъ первый сталъ разводить въ Мокшанскомъ уѣздѣ, въ головачевскомъ саду, тутовницу (*Alorus nigra, morus alba*), для кормленія тутовичными листочками шелковичныхъ червей, и достигъ того, что туковыя деревья разрослись цѣлыми аллеями, болѣе 50,000 деревцовъ вполнѣ акклиматизировались и приносили плоды. Съ успѣхомъ разводилъ онъ шелковичныхъ червей, на дому разматывался шелкъ бѣлый и желтый, и получалось порядочное количество шолка, который въ Москвѣ отдавали въ краску, и затѣмъ на фабрику, гдѣ изъ головачевского шелку ткались платки и платочки.

Княгиня Варвара Павловна Еникѣева, рожденная Бахметева, была женщина замѣчательнаго ума, сердечной теплоты и безъ конца добрая, религіозная и гостепріимная. Не могу умолчать, что при всей своей кротости и сердечной добротѣ, эта женщина высказывала замѣчательную твердость характера и необыкновенную силу воли, олицетворявшую и дѣлавшую ее вполнѣ героинею. Приведу для подтвержденія моихъ словъ два примѣра изъ жизни моей матушки, навѣчно запечатлѣвшихся въ моей памяти. Вскорѣ послѣ севастопольскаго разгрома, а именно въ 1858 году, ѣхали мы съ матушкой изъ Петербурга въ Москву, по Николаевской желѣзной дорогѣ; въ вагонѣ, гдѣ мы находились, были лица, которыя себѣ позволили, на французскомъ языкѣ, дурно отзываться о Россіи и ея правительствѣ. Какъ теперь помню, матушка встала, вытянулась во весь ростъ и, съ энергическимъ жестомъ правой руки, громко произнесла:

— Господа, вы критикуете и дурно относитесь объ общемъ нашемъ отечествѣ Россіи и ея правительствѣ — скажите, зачѣмъ же вы носите русскій мундиръ?

Говоруны тотчасъ же замолчали.

Другой случай. Были мы еще дѣтьми, проводили лѣто въ Ораніенбаумѣ, у родственниковъ Свищевыхъ. Черезъ знакомыхъ моряковъ, въ лѣтній жаркій день, былъ предложенъ матушкѣ и родственникамъ двѣнадцати-весельный катеръ прокатиться изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ. Прогулка удалась вполнѣ, на катерѣ былъ поднятъ парусъ и дулъ свѣжій вѣтерокъ, а здоровые и сильные матросы, равномерно ударяя веслами, заставляли катеръ быстро скользить по водному пространству. Не знаю, какъ случилось, заговорился ли съ дамскимъ обществомъ сопровождавшій насъ морской офицеръ, или не замѣтилъ, но, вдругъ, къ ужасу всѣхъ, видимъ: несется на нашъ катеръ, на всѣхъ парусахъ, голландскій бригъ... Одно мгновеніе и мы были бы смяты и потоплены. Вдругъ раздается громкая команда: «Гребцы, парусъ долой, гребите назадъ!»

Какъ теперь вижу, матушка встала съ своего мѣста и прокомандовала эти пять словъ такъ внушительно, что матросы тотчасъ же послушались и исполнили ея приказаніе: парусъ мгновенно опустили и стали веслами грести назадъ и успѣли еще настолько отплыть назадъ, что бригъ безпрепятственно прошелъ мимо насъ, не задѣвъ нисколько, но за то нашъ катеръ подвергся большой качкѣ отъ только что уплывашаго брига. Офицеръ и его команда, а также и все общество дамъ и мужчинъ, горячо благодарили матушку за ея присутствіе духа, чрезъ что она спасла всѣмъ жизнь.

Матушка была домовитая и добрая хозяйка; не проходило дня, въ который не были бы въ Головачевскомъ домѣ гости: во всякое время года, они прѣзжали и гостили по днямъ, по недѣлямъ....

Матушка имѣла ковровую фабрику, пряжу; прали изъ шерсти своихъ овецъ, затѣмъ, дома также пряжа красилась въ различные цвѣта и ткались прекрасные ковры. Разнообразные узоры рисовалъ московскій художникъ Милюковъ. Затѣмъ, было также тонкое тканье каемочекъ и угловъ коклюшками, изъ самаго тонкаго козьего пуха (ангорскаго), основою былъ шелкъ-сырецъ.

По такому способу ткались, на небольшихъ вертикальныхъ станочкахъ, каймы и углы для шалей, шарфовъ и платковъ; на таковыхъ тканяхъ сочетаніе цвѣтовъ, какъ полевыхъ, такъ и садовыхъ, было доведено до совершенства. Козій пухъ тоже красили дома и краски были чрезвычайно прочны и красивы. Стороны, какъ правая, такъ и лѣвая, были одинаковыя; эта работа походила скорѣе на рисунокъ, нежели на тканье. Каемочки и углы пришивались къ самому лучшему бѣлому индѣйскому кашемиру.

Были также и кружевницы. Плетись великолѣпныя кружева, не хуже алансонскихъ; матушка сама составляла рисунки и сводки для кружевницъ, и я помню очень хорошо, что многія барыни и барышни прѣзжали нарочно въ Головачевку, чтобы обучиться кружевному мастерству.

Однимъ словомъ, княгиня В. П. Еникъева была примѣрная супруга, мать, хорошая хозяйка и вполнѣ добрая русская женщина.

Кн. Н. Н. Еникъевъ.

12-го октября 1887 г.
С.-Петербургъ.

Отшельникъ Теодоръ.

Замѣтка.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ объ отшельникѣ Александрѣ-Теодорѣ, помещеннымъ въ X книгѣ „Русской Старины“ изд. 1887 г., имѣю сообщить слѣдующее:

Въ Сибири, при отсутствіи почти монастырей, на просторѣ, желающіе въ уединеніи спасаться подвижники поселялись въ глухихъ мѣстахъ—заникахъ и гѣсахъ. Но молва объ ихъ благочестивой жизни распространялась въ народѣ по селеніямъ и городамъ и привлекала въ нихъ посѣтителей и поклонниковъ. Таковъ былъ въ 1820—1840 годахъ на югѣ Енисейской губерніи старецъ Даніилъ, почитавшійся за святаго не только русскимъ православнымъ народомъ, но даже иновѣрцами. (Извѣстно, что одинъ еврей принялъ христіанство и при крещеніи получилъ имя Даніила, отъ котораго идетъ извѣстный въ Енисейской губерніи родъ богатыхъ промышленниковъ и купцовъ Даниловыхъ). Таковымъ же слылъ и отшельникъ старецъ Теодоръ, жившій близъ пограничнаго, между Енисейской и Томской губерніями, села Краснорѣчнскаго.

Въ іюлѣ 1859 года, мы (я и бывшій о. ректоръ семинаріи, нынѣ одинъ изъ сибирскихъ архіереевъ), путешествуя изъ Томска въ Иркутскъ, нарочно заѣзжали къ жившему недалеко за селомъ Краснорѣчнскимъ молчаливому отшельнику Теодору. Новый деревянный домикъ былъ построенъ для него почитателемъ его, томскимъ купцомъ Хромовымъ (отъ котораго о. ректоръ и получилъ приглашеніе посѣтить старца), равно и скромное содержаніе простую пищу и одеждою отпускалось ему Хромовымъ-же. Келья его въ этомъ домѣ почти безъ мебели, съ простыми лавками и деревяннымъ ложемъ, но чистая; въ переднемъ углу былъ только крестъ съ бібліей. Старецъ Теодоръ—высокаго почти роста, прямодержавшійся сѣдой старикъ съ сѣрыми глазами и длинной бородой, блѣдный и худощавый. Онъ не ходилъ въ село къ народу и въ церковь и рѣдко выходилъ изъ кельи въ поля и гѣсы. Намъ онъ привѣчалъ довольно равнодушно. На привѣтствіе, рѣчи и совѣты о. ректора посѣщать церковь и пріобщаться Св. Тайнъ, онъ отвѣчалъ мало, на странномъ наръчій изъ смѣси церковно-славянскаго языка съ латинскимъ, невразумительными фразами мистическими и даже апокалипсическими. Изъ этого посѣщенія мы вынесли такое предположеніе о немъ, что онъ или изъ Западной Россіи уніатскій богословъ, сбившійся съ логическаго толка или смысла, или же философъ-мистикъ и масонъ (у котораго, какъ говорится, зашелъ

умъ за разумъ). О времени и причинѣ его появленія въ Сибири мы точныхъ свѣдѣній собрать не успѣли.

Впослѣдствіи, спустя гдѣтъ 15, въ 1870-хъ годахъ, уже послѣ смерти этого старца Теодора, на хромовской землѣ близъ Томска, мнѣ приходилось слышать въ Томскѣ отъ родственниковъ Хромова легковѣрное увѣреніе о необыкновенномъ величіи этого старца отшельника, будто бы скрывавшагося тайнѣ самого императора Александра Павловича. Мои возраженія и опроверженія, конечно, не поколебали этой вѣры, и легковѣрная молва держалась и обращалась. правда, довольно скромно и въ ограниченномъ кругу родственниковъ и близкихъ знакомыхъ Хромова.

Но въ концѣ 1885 года здѣсь, въ С.-Петербургѣ, случайно пришлось мнѣ видѣть и читать объемистую рукопись, нарочито доставленную сюда изъ Сибири для опубликованія и данную одному о. протоіерееу его прихожаниномъ для ознакомленія объ этомъ необыкновенномъ отшельникѣ Теодорѣ какъ знатномъ и великомъ въ мірѣ, съ легендами объ его мудрости, прозорливости, святости и даже чудесахъ. Эта рукопись можетъ быть любопытна въ психологическомъ отношеніи по изображенію или объясненію происхожденія и развитія легендъ о странномъ отшельникѣ Теодорѣ въ пораженномъ и заповоленномъ воображеніи легковѣрныхъ его поклонниковъ (Хромова и его близкихъ).

Здѣсь же въ Петербургѣ пришлось намъ слышать нѣсколько совершенно не только невѣроятныхъ, но нелѣпыхъ разсказовъ на ту-же тему о мнимой смерти императора Александра Павловича, а именно:

— Во время пребыванія своего въ Таганрогѣ императоръ, осматривая со своимъ лейбъ-медикомъ Вилліе военный лазаретъ, нашелъ тамъ умирающаго солдата, весьма схожаго лицомъ съ императоромъ. Этотъ солдатъ былъ доставленъ во дворецъ и выданъ за Александра Павловича, который удалился, какъ простой странникъ. Солдатъ же по смерти былъ похороненъ какъ императоръ. Вилліе же, какъ главный дѣятель этой подлѣйки, награжденъ былъ огромною суммою денегъ, на которую будто-бы и выстроена была клиника Вилліе.

— Отшельникъ Теодоръ завѣщалъ, будто-бы, передъ смертію доставить во дворецъ икону и перстень.

Вещи эти были привезены въ Петербургъ и доставлены по назначенію, причемъ эта икона и перстень оказались тѣми самыми, которые пропали, будто-бы, передъ кончиною императора Александра Павловича.

И. С.

ДМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РОВИНСКІЙ.

Его труды и изданія по исторіи гравированія и вообще иконографіи
въ Россіи ¹⁾

въ 1856—1886 гг.

Имѣя предъ собою только что прибрѣтенный нами послѣдній по времени истинно монументальный трудъ Д. А. Ровинскаго: «Матеріалы для исторіи русской иконографіи», мы считаемъ весьма полезнымъ помѣстить на стр. «Русской Старины» обширный перечень трудовъ и изданій Дмитрія Александровича.

Считаемъ при этомъ не безъинтереснымъ указать на главнѣйшія данныя изъ біографіи этого уважаемаго дѣятеля.

Д. А. Ровинскій, какъ видно изъ нѣвѣющей въ III томѣ альбома редактора «Русской Старины» замѣтки, родился 18-го августа 1826 г., окончилъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія въ 1844 г., участвовалъ въ трудахъ по освобожденію крестьянъ (1860—1861 гг.), а затѣмъ и въ составленіи «Судебныхъ Уставовъ» (1862 — 1864 гг.), съ 1870 г. сенаторъ уголовного кассационнаго департамента; весьма рано, именно съ 1855 г., сталъ посвящать досуги отъ службы на составленіе собранія гравюръ, а одновременно—на труды по исторіи въ Россіи гравированія и на изданіе матеріаловъ для русской иконографіи. При этомъ Дмитрій Александровичъ не шадилъ и не шадитъ ни трудовъ, ни громаднхъ издержекъ; онъ совершаетъ въ вакаціонное отъ службы время далекія путешествія. Европейская Россія, въ ряду

¹⁾ Поименованные здѣсь книги, атласъ и сборники портретовъ, за исключеніемъ сполна распроданныхъ, можно получить: въ С.-Петербургѣ—у Фельтена и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“; въ Москвѣ—у Готье.

прочихъ европейскихъ государствъ, осматрѣна Д. А. особенно усердно; гдѣ онъ только ни побывалъ на пространствахъ отъ Закавказья и южнаго берега Крыма до Соловецкой обители!.. Всюду Д. А. умѣлъ приобрести не только новыя свѣдѣнія, но и новыя рѣдкіе экземпляры для своего наибольшаго, знаменитѣйшаго собранія русскихъ гравюръ, портретовъ, лубочныхъ картинъ, а въ послѣдніе годы и литографій...

Изданныя Д. А. труды увѣнчаны отъ академіи наукъ преміями, а самъ почтенный труженникъ науки, онъ же и сенаторъ, почтенъ званіями: въ 1879 г. — почетнаго члена императорской академіи художествъ, а въ 1882 г. — почетнаго члена императорской академіи наукъ.

Ред.

I. Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка. Спб. 1856 г. 8°. (Ц. 1 р. 50 к.).

II. Русскіе граверы и ихъ произведенія. Москва. 1870 г. 8°. На слоновой бумагѣ 10 р., на простой 2 р. 50 к.

III. Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Спб. 1872 г. 8°. На слоновой бумагѣ 5 р., на простой 1 р. 15 к.

Примѣчаніе. Первые три книги, въ этомъ спискѣ поименованныя, разошлись сплона.

IV. Русскій граверъ Чесовъ. Спб. 1878 г., въ листъ, съ 17-ю портретами, воспроизведенными съ оригиналовъ Чесова, по способу Силони: Актеръ Волковъ, Екатерина II (2 раза), Елисавета Петровна (съ двухъ оригиналовъ), Фельдмаршалъ Мюнхъ, Гр. Г. Г. Орловъ (3 раза), Гр. И. Г. Орловъ, Петръ Великій (3 раза), Гр. К. Сиверсъ (2 раза), Чесовъ (самъ граверъ) и И. И. Шуваловъ. (17 р.).

V. Та-же книга, съ французскимъ текстомъ. (17 р.).

VI. Русскія народныя картинки. Спб. 1881 г. Исслѣдованіе въ 5-ти книгахъ, съ алфавитомъ, въ 8-ю долю листа; къ нему атласъ въ большой листъ, содержащій въ себѣ болѣе 500 картинокъ. Цѣна изданію:

А. Экземпляръ атласа въ 4-хъ томахъ, картинки не раскрашены (раскрашено всего 16 для образца), съ текстомъ въ 5-ти книгахъ, на простой бумагѣ 17 р.

Б. Экземпляръ атласа въ 4-хъ томахъ, 169 картинокъ раскрашенныхъ (остальные листы не раскрашены), съ экземпляромъ книги на зеленой бумагѣ 100 р.

В. (Разошлось сплона): Экземпляръ атласа въ 7-ми томахъ, картинки

раскрашенные и черныя—вдвойнѣ (болѣе 1000 листовъ), съ экземпляромъ книги на слоновой бумагѣ, 210 р.

Отдѣльно отъ атласа продаются: 1) Брюсовъ календарь 6-ти листовою; 2) Притча о блудномъ сынѣ (65 листовъ), и 3) Азбука 1812 г. (раскрашенная, въ футлярѣ); по 5 р. каждый номеръ.

Цѣна текста 5-ти книгъ отдѣльно отъ атласа: на веленовой бумагѣ 25 р., на простой 10 р.

Алфавитъ къ нимъ отдѣльной книжкой 1 р.

VII. Достоверные портреты московскихъ государей: Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грознаго, и посольства ихъ времени. Спб. 1882 г. Въ большой листъ, съ 47 рисунками (25 р.).

Изъ числа этихъ рисунковъ: 1) Посольство Кошмичева въ Гродно и 2) Посольство кн. Сугорскаго (раскрашенное отъ руки) продаются отдѣльно, по 10 р. каждое.

VIII. То-же изданіе, съ французскимъ текстомъ. Спб. 1882 г. (25 р.).

IX. Николай Ивановичъ Уткинъ, его жизнь и произведенія. Спб. 1884 г. 8°, съ его портретомъ (3 р.).

X. Атласъ къ предъидущей книгѣ, съ 33 гравюрами Уткина и его учениковъ, а именно: 1. Портретъ Н. И. Уткина; 2. Меркурій обучаетъ Амура; 3. Св. Іоаннъ Креститель; 4. Портретъ К. Семеновою; 5. Громобой, вышетка; 6. Аракчеевъ; 7. Суворовъ; 8 и 9. Портитъ и лѣстница Академіи Худож.; 10. Медаль съ изображеніемъ Кановы; 11. Митрополитъ Михаилъ; 12. Екатерина II, гуляющая въ Царскосельскомъ саду; 13. Ломоносовъ; 14. Рикордъ; 15. Розенцвейгъ; 16. Оленинъ, съ оригинала Крюгера; 17. Уваровъ; 18. Памятникъ Ломоносову; 19 и 20. Двѣ доски для Антропометриіи Шебуева; 21. Оленинъ, съ ориг. Брюллова; 22. Св. Василій Великій; 23. Св. Семейство. Работы учениковъ Уткина: 24. Св. Іеронимъ, К. Аванасьева; 25. Мартосъ, Владимірова; 26. Св. Марія Магдалина, Грунтова; 27. Моленіе о Чашѣ, Захарова; 28. Иродіада, Збруева; 29. Умершій Авель, Іордана; 30. Меркурій и Аргусъ, его же; 31. Видъ Іерусалима, Лебедева; 32. Богоматерь, Пищалкина; 33. Богоматерь, Степанова. Въ огромный листъ. Цѣна атласу на простой бумагѣ (бѣлой или желтой) 40 р., на китайской 60 р.

XI. Виды Соловецкаго монастыря, отпечатанные съ древнихъ досокъ, хранящихся въ тамошней ризницѣ (51 доска). Спб. 1884 г. Въ большой листъ (они составляютъ 1-е Дополненіе къ Русскимъ Народнымъ Картинкамъ); отпечатки съ переводовъ на камень (10 р.).

XII. Матеріалы для Русской Иконографіи. Портреты, виды, историческіе листы, смѣсь. Выпускъ 1. Спб. 1884 г., въ большой листъ, 40 рисунок.

1. Царевна Софья Алексѣевна, грав. Аванасьевицъ, съ ориг. Тарасевича; 2. Она же, грав. Бютелингоу; 3. Картина, приложенная къ книгѣ: *Благодать и Истина*, 1683 г., съ изображеніями Софьи и царей Петра и Іоанна; 4. Кн. В. В. Голицынъ, грав. Тарасевича; 5—10. 6 картинокъ изъ книги: *Schleussing'a. Derer beyder Czaren in Russland...* 1693 г.; 11—14. 4 листа посольства кн. Я. Долгорукаго въ 1686 г.; 15. Царевна Софья, изд. Боннара; 16. Цари Петръ и Іоаннъ, поясныя изображенія, гравированныя въ 1685 г.; 17. Они же, въ ростъ; 18. Цари Теодоръ, Іоаннъ и Петръ (1721 г.); 19 и 20. Петръ I въ русскомъ нарядѣ; 21. Заглавный листъ къ Алфавиту Максимовича 1705 г., съ изображеніями русскихъ царей; 22. Гравюра Щирскаго, съ ушка, находящагося въ библиотекѣ Кіево-Софійскаго собора; 23. Петръ, побѣдитель Азова, и казнь Якушки-измѣнника, гравюра Нахтгласса; 24. Заглавный листъ къ Атласу рѣки дона (Кройса), съ изображеніемъ Петра I; 25—29. Пять портретовъ царя Михаила Теодоровича; 30—36. Семь досокъ изъ Кіевопечерской типографіи: Владиславъ IV, Стефанъ Яворскій, Рафаэль Заборовскій, Мавена, Варлаамъ Ясинскій (два портрета) и Осада Почаевской лавры; 37—39. Три листа работы граверовъ-серебрянниковъ: *О тебѣ радуется*, Символь Вѣры и листъ сошнаго письма; 40. Видъ Коломенскаго дворца, гравюра Гяльфердинга (Цѣна 20 р.).

XIII. То же изданіе, выпускъ II. Сиб., 1884 г., 40 рисунковъ: 41. Владиславъ IV, Царь Московскій, грав. Ворстерманомъ; 42. Медаль съ его изображеніемъ; 43—48. Шесть картинокъ изъ польской похвальной брошюры 1605 г., по случаю бракосочетанія Дмитрія Самозванца съ Мариною Мишкекъ (портреты: Дмитрія, Марины, ея отца, кардинала Мацеовскаго, Аванасія Власова Безобразова и московскій гербъ); 49. Дмитрій Самозванецъ, грав. Киліаномъ; 50. Онъ же, грав. Іоде; 51—54. Четыре фантастическіе портреты его же; 55. Карлъ Ходкевичъ; 56. Исаакъ Масса, авторъ лѣтописи о смутномъ времени; 57. Борисъ Годуновъ (фантастическій портретъ); 58. Кн. Михаилъ Скопинъ; 59. Вооруженіе древняго русскаго воина 1579 г.; 60. Петръ I на конѣ, *Allard sc.*; 61. Петръ I съ аллегорическ. фигур., работы Нахтгласса; 62. Петръ I на конѣ; 63. Петръ I и Екатерина I, грав. въ 1717 г.; 64. Бухвостовъ въ ростъ, грав. Махаевъ; 65. Биронъ, работы Соколова, неоконченный; 66. Іоаннъ Антоновичъ (*Leopold exc.*); 67. Арестъ Анны Леопольдовны; 68. Екатерина II (Елисавета Петровна), *Schemitz del.*; 69—71. Три гравюры Скородумова: Е. Р. Дашкова, скульпторъ Шварцъ и кн. Потемкинъ (покойникомъ); 72. Мих. Ник. Муравьевъ (*Seeliger sc.*); 73—80. Восемь видовъ московскихъ монастырей, грав. Пикаромъ до 1715 г.:

Даніловъ, Спасъ Симоновъ, Покровской, Донской, Дѣвичій, Андреевскій, Спасъ Новый и Воскресенскій. (Цѣна 20 р.).

XIV. То же изданіе; выпускъ III. Спб. 1884 г., 40 рисунковъ: 81. Андрей Виніусъ, грав. Вишера; 82—88. Семь портретовъ Царя Алексѣя Михайловича; 89. Коть царя Алексѣя Михайловича, раб. Hollar'a; 90. Докторъ Францискъ Скорина; 91. Митрополитъ Даніилъ; 92 и 93. Два портрета царя Θεодора Іоанновича; 94. Янъ Сапѣга; 95. Станиславъ Жолкевскій; 96—98. Три картинки изъ брошюры: Вирши на погребъ Гетмана Сагайдачнаго, 1622 г.; 99 и 100. Петръ I, раб. Файторна, и приложенный, для слѣченія, портретъ его съ гравюры Гунста; 101. Акафистъ, посвященный царевичу Алексѣю Петровичу; 102—104. Три портрета Петра I, грав. Хенрикезомъ въ 1777 г., Хубракемомъ, съ К. Мора, и Аванасьевымъ, съ Каравакка; 105. Екатерина II, и 106. Баронъ Строгановъ, грав. Чемесовымъ; 107. Отечество, и 108. Семь смертныхъ грѣховъ, двѣ гравюры царскаго иконописца Симона Ушакова; 109. Лѣствица Іоанна Лѣствичника, и 110. Повѣсть о Вѣсѣ Зереферѣ, двѣ картинки, работы граверовъ-серебряниковъ; 111. Екатерина II въ профиль (сидящая); 112. Радищевъ; 113. Видъ села Измайлова, работы Ив. Зубова; 114—119. Шесть портретовъ императора Александра I, съ оригиналовъ: Скородумова (1785 г.), Кюгельхена (1799 г.), Сентъ-Обена (1807 г.), Жерара (1814 г.), Изабе (1815 г.) и гр. Θ. Толстаго. 120. Портретъ Боровиковскаго. (Цѣна 20 р.).

XV. То же изданіе; выпускъ IV. Спб. 1886 г., 40 рисунковъ: 121. Графиня Орлова, грав. Берсеневъ; 122. Св. Іеронимъ, его же; 123—130. Восемь картинокъ изъ жизни Самозванца; 131—146. Костюмныя картинки съ гравюрь Вейгеля и Вечалдіо; 147—150. Маски и бюсты Петра I; 151. Политическій тризетъ Екатерины II; 152. Потопъ на сѣверѣ въ 1806 г.; 153. Развореніе Пруссіи; 154—156. Три карикатуры на Беннингсена; 157—160. Наполеонъ въ бѣдѣ, 4 картинки. (Цѣна 20 р.).

XVI. То же изданіе; выпускъ V. Спб. 1886 г. 40 рисунковъ: 161. А. В. Олсуфьевъ (грав. Радигъ); 162. Графъ В. П. Шереметевъ (грав. Шхонбескомъ); 163 и 164. Ломоносовъ; 165. Н. П. Румянцевъ (грав. Скородумовъ); 166. Семейство графини Дашковой (его же); 167. Кн. Ю. В. Долгоруковъ и 168. Фильдъ, грав. Кипренскимъ; 169. Феодоръ Ивановичъ Калмыкъ; 170. Галактіоновъ; 171 и 172. Заглавные листы къ Импологіи 1630 и Мечу Духовному; 173. Картинка къ книгѣ о пяти ранахъ Христа. Двѣ гравюры Тарасевича; 174. Феодоръ Стратилатъ (Шакловитый), и 175. Георгій Земля; 176—186. Одиннадцать рѣдкихъ портретовъ Петра I и Екатерины I; 187. П. И. Потемкинъ, грав. Блотелингомъ; 188. Царь Михаилъ Феодоровичъ изъ

Олеарія; 189. Царь Василій Шуйскій; 190. Семейство Екатерины II (раб. Сидо)—десять сатирическихъ картинокъ; 191. Свиданіе въ Тильзитѣ; 192. Бонтинентальная система; 193. Казакъ Землянутинъ въ Англій. 194—196: Дочь Платова и графъ Платовъ; 197 и 198. Казакъ тушитъ Наполеона; 199. Казакъ возстановляетъ Лудовика XVIII; 200. Русскіе въ Парижѣ. (Ц. 20 р.)

XVII. То же изданіе; выпускъ VI. Спб. 1886 г., 40 рисунковъ: 201 Богданъ Хмельницкій (Хондіуса); 202 и 203. Самозванецъ и Марина (Снядецаго); 204. Кантемиръ (Вагнера); 205—207. Князь Меншиковъ (Симона), его жена и дочь (А. Зубова); 208 и 209. Двѣ гравюры Берсенева; 210 и 211. Царь и парница изъ Мейерберга; 212—215. Шереметевъ, Хованскій, Елешенко и Ю. Хмельницкій (изъ книги Gualdo, 1670 г.); 216—220. Костюжные листы XVII столѣтія; 221 и 222. Мазепа; 223—229. Семь портретовъ Петра I; 230. Яковъ Де-ла-Гарди (Фалька). Десять сатирическихъ картинокъ; 231. Свиданіе на Нѣманѣ; 232—238. Бѣдствія Наполеона и его арміи; 239. Оксфордскіе доктора; 240. Веронскій конгрессъ. (Цѣна 20 р.)

XVIII. Одиннадцать гравюръ И. А. Берсенева. Спб. 1886 г. (Ц. 5 р.).

1886.

УЧЕНЫЯ АРХИВНЫЯ КОММИССІИ

ВЪ 1886 г.

Обзоръ ихъ дѣятельности.

Читано директоромъ археологическаго института И. Е. Андреевскимъ,
въ собраніи института 10 октября 1887 г.

1887.

УЧЕНЫЯ АРХИВНЫЯ КОММИССІИ

въ 1886 г.

Читано въ собраніи археологическаго института 10 октября 1887 г.

Согласно высочайше утвержденному опредѣленію комитета министровъ 13 апрѣля 1884 г., на археологическій институтъ возложена обязанность представлять академіи наукъ отчетъ о дѣятельности за минувшій годъ ученыхъ архивныхъ комиссій, начавшихъ въ 1884 г. создаваться въ Россіи съ легкой руки чредителя археолог. института— Н. В. Калачова.

Рука его оказалась легкою и, конечно, по той причинѣ, что не корыстные расчеты легли въ основаніе представленныхъ имъ плановъ, но любовь къ отечеству, неразрывно связывавшаяся у него съ любовью къ наукѣ, та любовь къ истинѣ, которая была украшеніемъ этого ученаго учредителя археологич. института и вызвала къ нему справедливое и все выростающее уваженіе нашей доброй семьи архивистовъ.

Въ 1884 г. стараніями Калачова создались четыре ученые архивныя комиссіи—въ Твери, Тамбовѣ, Орлѣ и Рязани, въ 1885 г. къ нимъ присоединилась пятая—въ Костромѣ.

О первыхъ шагахъ дѣятельности этихъ 5 комиссій я вмѣлъ честь сообщать въ прошедшемъ году, представивъ отчетъ о ихъ дѣятельности за 1885 годъ.

Въ настоящее время я буду просить у почтеннаго собранія вниманія на нѣсколько минутъ, чтобы представить ему отчетъ о дѣятельности этихъ пяти комиссій за 1886 г. Я ввожу въ отчетъ только эти пять комиссій, хотя въ 1886 г. открылись еще двѣ новыя комиссіи: въ Саратовѣ и Симферополѣ.

Разрѣшеніе на открытіе саратовской комиссіи было дано г. министромъ внутр. дѣлъ 14 января 1886 г., а открытіе комиссіи послѣдовало въ концѣ года, 12-го декабря. На учрежденіе таврической комиссіи дано было разрѣшеніе г. министромъ 11 сентября, но открылась она только 24 января нынѣшняго 1887 года. Обѣ эти комиссіи, саратовская и таврическая, открылись при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, но разборъ ихъ дѣятельности можетъ войти только въ будущій отчетъ.

Отчетъ же за 1886 г. можетъ касаться только дѣятельности первыхъ пяти комиссій — тверской, тамбовской, орловской, рязанской и костромской.

И этотъ отчетъ за второй годъ дѣятельности ученыхъ архивныхъ комиссій можетъ засвидѣтельствовать, какъ явленіе утѣшительное, что эти новыя ученые установленія не только продолжаютъ дѣйствовать, но сознательно крѣпнуть въ выполненіи принятыхъ на себя немаловажныхъ функций для дѣла науки. Представляя отчетъ въ прошедшемъ году о первыхъ шагахъ дѣятельности комиссій, мы, конечно, должны были имѣть въ виду мнѣнія нѣкоторыхъ скептиковъ, что эти комиссіи, какъ и многія полезныя учрежденія, совершенно искусственны, что энергія собравшихся членовъ возможна только на первыхъ порахъ, что очень скоро она потухнетъ, какъ тухнетъ многое, касающееся науки, что нѣтъ возможности пробудить въ этихъ глухихъ уголкахъ Россіи стремленія къ истинѣ, труду и т. д., и т. д.

Но вотъ и второй годъ дѣйствуютъ комиссіи, темныя предсказанія не оправдываются, энергія членовъ не потухла, напротивъ, крѣпнетъ, и въ глухихъ уголкахъ Россіи оказывается спросъ на образованіе, спросъ на научныя работы и на стремленіе къ истинѣ....

I.

Въ выполненіи важнѣйшей изъ функций, возложенныхъ на ученые архивныя комиссіи, — составленіе губ. историческаго архива, — не только не ослабла энергія комиссій, но, напротивъ, скромно намѣченные пути въ первый годъ теперь освѣтились, окрѣпли и ведутъ къ ясно сознаваемой цѣли. Именно, слѣдующими способами создаютъ это дѣло архивныя комиссіи:

1. Усердно продолжая разбирать описи губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, продолжаютъ выдѣлять въ губернскій историческій архивъ тѣ дѣла, бумаги и документы, которые заключаютъ въ себѣ значеніе для отечественной исторіи и науки права.

Тверская комиссія, окончивъ въ отчетномъ году приспособленія для помѣщенія историческаго архива въ зданіи бывшаго рабочаго дома, ввѣрила завѣдываніе этимъ новымъ историческимъ архивомъ члену комиссіи—А. А. Смирнову.

Въ этотъ архивъ перенесены всѣ документы, отобранные въ 1885 году для вѣчнаго храненія, а въ отчетномъ году вотъ сколько разобрано дѣлъ и сколько выдѣлено въ историческій архивъ: а) подъ непосредственнымъ наблюденіемъ г. управляющаго казенною палатою, состоящаго вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдателемъ комиссіи, г. Жизневскаго, разобраны 2,976 дѣлъ тверской казенной палаты, начиная съ 1826 г., изъ коихъ выдѣлены для храненія въ архивѣ только 19 дѣлъ контрольнаго отдѣленія, а остальные предназначены къ уничтоженію; б) изъ доставленныхъ бывшимъ предсѣдателемъ тверскаго окружнаго суда, членомъ комиссіи, И. И. Влезковымъ, описей разобранныхъ дѣлъ старицкой ратуши (1758—1800 гг.) и вышневолоцкаго магистрата (1843—1847 гг.) рассмотрѣны (П. О. Симономъ) и отобраны для архива: изъ 896 дѣлъ старицкой ратуши 130 дѣлъ и 16 дѣлъ изъ 932 дѣлъ вышневолоцкаго магистрата; в) рассмотрѣны описи (В. А. Плетневъ) 2,691 дѣла тверскаго губернскаго правленія за 1841—1875 гг., отобрано въ историческій архивъ 129 дѣлъ (1844—1871 гг.) о замѣчательныхъ подвигахъ человеколюбія. Отбирая эти дѣла для храненія, почтенная комиссія руководилась тѣмъ соображеніемъ, что статистика нравственности, основывая свои выводы на числѣ преступленій и игнорируя подвиги человеколюбія, приходитъ къ заключеніямъ невѣрнымъ, одностороннимъ; сохраненіе въ историч. архивѣ данныхъ о подвигахъ человеколюбія можетъ содѣйствовать къ поправкѣ статистическихъ выводовъ; г) рассмотрѣны весьма важныя дѣла управленія вышневолоцкой системы судоходства съ 1775 по 1841 г. и дѣла вышневолоцкаго правленія по бывшимъ учрежденіямъ вѣдомства путей сообщенія съ 1806 по 1844 г. Эти важные историческіе документы, въ количествѣ 2,393 дѣлъ, записавшіе первые шаги нашего центрального управленія дѣлами путей сообщенія, комиссія рѣшила въ полной ихъ совокупности храниги въ историч. архивѣ и подвергнуть ихъ тщательному описанію и изученію, начало чего уже предпринято А. А. Смирновымъ, и д) дѣла весьегонской городской шестигласной думы (съ 1822 по 1877 г.): предсѣдатель комиссіи г. Жизневскій, рассмотрѣвъ по описи 2,084 дѣла, отобралъ для храненія 50 дѣлъ. Кроме того, предсѣдатель комиссіи открылъ цѣлый рядъ сношеній, съ цѣлію узнать, какое содержаніе нижеслѣдующихъ архивовъ и какія могутъ потребоваться средства для описанія и приведенія ихъ въ порядокъ:

Кашинскаго Клобукова монастыря, тверской гимназіи, погорѣльской ратуши, тверской дух. семинаріи и нѣкоторыхъ духовныхъ училищъ.

Такимъ образомъ, въ тверской исторической архивъ внесено къ 1-му января 1887 года 994 дѣла (книги и документы разумѣются подъ именемъ дѣлъ).

Тамбовская комиссія, кромѣ продолженія разбора и описанія обширнаго архива шацкой провинціальной канцеляріи (П. И. Пякаревъ и М. Г. Розановъ), изъ котораго въ отчетномъ году отобрано въ историч. архивъ и подробно описано 425 дѣлъ (а всего съ открытія комиссіи отобрано и описано 1,848 дѣлъ)—рѣшилась отложить до будущаго времени разборъ и описаніе другихъ архивовъ, сосредоточенныхъ въ г. Тамбовѣ, такъ какъ они вполнѣ обезпечены отъ уничтоженія. Но за то она рѣшилась предпринять разборъ и описаніе архивовъ уѣздныхъ городовъ, находящихся не въ такой безопасности, какъ архивы губернскіе. Въ отчетномъ году комиссія приступила къ разбору архива елатомской городской думы, заключающаго въ себѣ не мало данныхъ для исторіи города Елатымы—одного изъ самыхъ древнихъ городовъ губерніи.

Въ отчетномъ году, благодаря особенно заботливости непремѣннаго попечителя комиссіи, губернатора барона А. А. Фредерикса, окончены начатыя еще при покойномъ Н. В. Калачовѣ, при участіи въ издержкахъ археологич. института, постройки для приспособленія помѣщенія архива: теперь въ распоряженіи комиссіи для архива и музея три обширныя залы, расположенныя въ каменной пристройкѣ публичной бібліотеки. (Освященіе и открытіе историч. архива и губ. музея послѣдовало не въ отчетномъ году, а только 17 іюня нынѣшняго 1887 г.).

Орловская комиссія продолжала начатый ею разборъ различныхъ правит. архивовъ. Разобрано: а) 85 дѣлъ карачевского уѣзднаго суда съ 1783 по 1799 г. (Г. М. Пясецкій); б) оставшіяся въ архивѣ окружнаго суда дѣла орловской верхней расправы, орловской провинц. канцеляріи и сѣвскаго провинц. магистрата (С. А. Блохинъ).

Рязанской комиссіи удалось пересмотрѣть болѣе 6,000 дѣлъ, изъ которыхъ для историческаго архива отобрано 2,043 дѣла. Именно: а) изъ архива губ. предводителя дворянства отобрано и описано 361 дѣло (А. В. Селивановъ); б) изъ архива упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ съ 1800 г.—315 дѣлъ (служащими въ окружн. судѣ подъ наблюденіемъ Селиванова); в) изъ архива рязанской воеводской канцеляріи XVIII в. 172 дѣла (архимандритъ Владиміръ); г) изъ канцеляріи губернатора, 1828 и 1829 г.—8 дѣлъ (В. И. Ла-

шевскій); д) раненбургскаго предводителя дворянства съ 1800 г.— 222 дѣла (А. В. Селивановъ); е) казенной палаты, губ. чертежной и почтовой конторы 52 дѣла.

Костромская коммиссія занялась разсмотрѣніемъ дѣлъ по описямъ: а) губернскаго правленія съ 1746 по 1765 г.; б) канцеляріи губернатора съ 1798 по 1808 г.; в) бывшаго приказа общ. призрѣнія съ 1784 по 1867 г.; г) строителной и дорожной коммисіи съ 1828 по 1866 г., и д) въ архивѣ окружнаго суда дѣла 10 уѣздныхъ судовъ съ 1800 по 1810 г.

2. Коммиссія не только не отбросила уже проявленной ими попытки пополнять историческій архивъ актами изъ частныхъ архивовъ, но, напротивъ, достигли въ отчетномъ году весьма цѣнныхъ въ этомъ направленіи результатовъ.

Такъ, въ тверской историч. архивъ (музей) пожертвованъ всеюгонскимъ помѣщикомъ Николаемъ Михайловичемъ Корякинымъ его фамильный архивъ, состоящій изъ 783 столбцовъ XVI и XVII ст. и дѣловыхъ бумагъ XVIII ст.,—касающихся дворянскихъ родовъ Заборовскихъ, Нелединскихъ, Вломберховъ, Палицынскихъ, Корякиныхъ и друг. Вѣжницкій землевладѣлецъ Николай Ѳеодоровичъ Ивановъ также пожертвовалъ 59 столбцовъ XVII ст., заключающихъ въ себѣ ввозныя, послушныя грамоты, прощѣныя и раздѣльныя записи, выписи изъ писцовыхъ и отъазныхъ книгъ, челобитныя, явочныя и о справкѣ помѣстій; къ этой связкѣ столбцовъ онъ приложилъ 27 листовъ разныхъ бумагъ на имя бригадира Люцевина и 15 бумагъ XVIII ст. по дѣламъ Окуловыхъ. Бромъ того, изъ поступившихъ въ 1885 г. въ архивную коммиссію частныхъ архивовъ Травинныхъ и Кисловскихъ эти архивы приняты уже въ истор. архивъ послѣ сдѣланнаго ихъ описанія членомъ коммисіи г. Крыловымъ. Въ этихъ частныхъ архивахъ оказалось до 350 бумагъ XVIII ст., содержаніе ихъ по преимуществу тяжбы между помѣщиками, грамоты на владѣніе пустошами и т. д. Коммиссія удержала для историч. архива только 46 дѣлъ; тяжбыныя дѣла представляютъ интересъ только въ смыслѣ подтвержденія неудобныхъ порядковъ тогдашняго гражданскаго процесса, именно отъѣнной его тщательности, вслѣдствіе чего самыя несложныя по существу дѣла тянулись десятки лѣтъ; напр., тяжба о мельницѣ, построенной на р. Медвѣдицѣ, въ Кашинскомъ уѣздѣ, Отрочьимъ монастыремъ, которому принадлежалъ берегъ рѣки, велась ровно 60 лѣтъ.

Орловская коммиссія, въ этихъ же видахъ пополненія историческаго архива извлеченіемъ документовъ изъ частныхъ архивовъ, обращалась съ циркулярною просьбою къ настоятелямъ монастырей и

священникамъ, но въ отчетномъ году такихъ выписокъ было доставлено очень мало. Но за то одному изъ членовъ коммиссии, г. Пунареву, удалось получить отъ одного землевладѣльца, г. Пигарева, 40 документовъ XVII ст., состоящихъ изъ выписей отъ разныхъ книгъ Ливенскаго уѣзда на помѣстныхъ земляхъ, выписей изъ крѣпостныхъ книгъ, поступныхъ и кабальныхъ записей и проч.; съ 21 этихъ документовъ сняты копіи для историческаго архива.

Рязанская коммиссія, кромѣ архива Солотчинскаго монастыря XVII и XVIII в. (г. Доброклонскій описалъ и зарегистрировалъ 995 дѣлъ), получила отъ своихъ сочленовъ, или чрезъ ихъ посредство, значительную массу актовъ XVII и документовъ XVIII ст.

Костромской коммиссии въ этомъ отношеніи также посчастливилось. Кромѣ разбора богатаго архива Ипатьевскаго монастыря (И. В. Миловидовъ), печатаемаго, по мѣрѣ изготовленія описей, въ Костромскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, изъ которыхъ готовится и 70 отдѣльныхъ оттисковъ описанія, тотъ-же почтенный членъ коммиссии г. Миловидовъ разобралъ частный архивъ г. Мягкова, двѣ рукописи котораго подробно описаны имъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а шесть рукописей, заключающихъ въ себѣ купчія выписи изъ вотчинныхъ книгъ и проч., описаны священникомъ Богоявленскаго монастыря о. Іоанномъ Успенскимъ.

Кромѣ того, на циркулярную просьбу о. благочиннымъ, отъ многихъ получались указанія на хранящіяся при той или другой церкви важные документы, которые будутъ списаны и внесены въ историческій архивъ.

3. Опытъ перваго года—командированія своихъ членовъ въ центральные архивы для выборки изъ нихъ документовъ, касающихся собственной губерніи,—давшій выгодныя послѣдствія, продолжается и въ отчетномъ году.

Членъ тверской коммиссии И. Ѳ. Токмаковъ, продолжающій свои усердные поиски въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ отчетномъ году нашелъ восемь дѣлъ второй половины XVII в., имѣющихъ большое значеніе для тверскаго историческаго архива, и одно дѣло 1707 г. По просьбѣ коммиссии, съ нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣлъ г. Токмаковъ снялъ копіи.

Тотъ-же неутомимый Токмаковъ сообщилъ и тамбовской коммиссии указанія на цѣлую серію документовъ, касающихся Тамбовскаго края. Но помимо этого тамбовская коммиссія обогатилась собраніемъ изъ этого архива и московскаго архива министерства юстиціи выборками по той причинѣ, что ея почтенный предсѣдатель И. И. Дубасовъ, поддерживая постоянно личныя и письменныя сношенія

съ московскими архивами, и самъ извлекалъ изъ нихъ многоразличные документы, изъ коихъ многие и напечатаны въ приложеніяхъ къ журналамъ тамбовской комиссіи.

Старанія г. Токмакова, бібліотекаря главнаго архива мин. иностр. дѣлъ, не ограничились услугами для тверской и тамбовской комиссій: онъ сообщилъ и орловской комиссіи найденный имъ въ архивѣ списокъ матеріаловъ по археографіи Орловскаго края и, кромѣ того, двѣ рукописи, изъ коихъ одна, 1718 года, касается отправленія въ Орловскій уѣздъ посольской канцеларіи подьячаго Никиты Герасимова для приведенія оттуда въ Москву женщины Мары Онуфріевой съ усомъ и бороною.

Дѣлопроизводитель, притомъ особенно дѣятельный, рязанской комиссіи, А. В. Селивановъ, списалъ для рязанскаго историческаго архива въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ любопытное сыскное дѣло о разбойникѣ Ѳедѣ Кислеченкѣ, а тотъ-же г. Токмаковъ доставилъ списокъ матеріаловъ по археографіи Рязанскаго края.

II.

Въ выполненіи и другой обязанности—собираніи свѣдѣній о древностяхъ края—архивныя комиссіи продолжаютъ и въ отчетномъ году тѣ приемы, которые оказались весьма плодотворными и въ 1885 году.

Но первая мѣра, справедливо принятая многими комиссіями, заключающаяся въ разосланныхъ объявленіяхъ о значеніи собиранія предметовъ древности и о желаніи нѣкоторыхъ комиссій, какъ напримѣръ тамбовской, выдавать денежное вознагражденіе нашедшимъ тѣ или другіе предметы древности, вызвала нѣкоторыя недоразумѣнія, легко впрочемъ устранимыя. Именно, у насъ имѣется учрежденіе—императорская археологическая комиссія, которой предоставлена привилегія требовать къ своему разсмотрѣнію всѣ находимыя въ Россіи предметы древности. Эта привилегія дарована археологической комиссіи въ то время, когда не было и мысли о подобныхъ комиссіяхъ, дѣйствующихъ въ губерніи. Теперь, конечно, при посредствѣ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, самое полученіе предметовъ древности дѣлается гораздо удобнѣйшимъ, и работами нашихъ комиссій легко можетъ воспользоваться императорская археологическая комиссія. Средства, пущенныя для того въ ходъ губернскими комиссіями, оказались весьма цѣлесообразными. Напримѣръ, тамбовская

комиссія разослала свои объявленія въ августѣ, а уже въ ноябрѣ въ комиссію были присланы изъ Калининской волости, Лебединскаго уѣзда, найденныя тамъ въ одномъ крестьянскомъ огородѣ 568 серебряныхъ монетъ времени царя Михаила Ѳеодоровича.

Орловская комиссія, плодомъ своихъ просьбъ къ настоятелямъ монастырей и священникамъ, получила, между прочимъ, сообщеніе, что въ трубчевскомъ Троицкомъ соборѣ имѣется семь надписей на надгробныхъ камняхъ, сдѣланныхъ въ XVI столѣтіи, о погребеніи князей Трубецкихъ, что въ соборѣ хранится серебряно-позлащенный ковшъ, пожалованный Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами, а также Евангеліе и Святцы, пожалованные Алексѣемъ Михайловичемъ, и на этихъ предметахъ имѣются надписи.

Члены рязанской комиссіи, съ правителемъ ея дѣлъ, г. Селивановымъ, производили въ теченіи лѣта осмотры различныхъ памятниковъ рязанской древности, причемъ имъ удалось приобрести нѣсколько предметовъ для рязанскаго истор. архива.

Членъ костромской комиссіи, М. В. Арцимовичъ, доставилъ комиссіи записку о находящейся въ с. Парскомъ, Юрьевецкаго уѣзда, церкви Іоанна Предтечи, какъ заслуживающей по древности нѣкоторыхъ сохранившихся въ ней иконъ, вниманія и изученія. Также, вслѣдствіе приглашенія комиссіи, получены отъ нѣкоторыхъ благотворительныхъ сообщенія объ имѣющихся надгробныхъ надписяхъ.

Другая мѣра, проводившаяся комиссіями, касается производившихся раскопокъ. Въ отчетномъ году, впрочемъ, только рязанская комиссія самостоятельно занималась раскопками. Почтенный членъ ея, правитель дѣлъ комиссіи, А. В. Селивановъ, произвелъ важную раскопку на Старопосадскомъ кладбищѣ (въ г. Касимовѣ, при чемъ вырыты изъ земли три надгробныхъ камня съ разными украшеніями и арабскими надписями). Препровожденные въ академію наукъ снимки съ надписей были рассмотрѣны академикомъ Радловымъ. Хотя не всѣ надписи, по причинѣ недостаточной явственности, могли быть разобраны, но разобранныя указываютъ на важность найденныхъ камней для исторіи Касимовскаго царства. Произведенныя въ с. Старой-Рязани раскопки ничего замѣчательнаго не обнаружили.

Въ третьихъ, добываемые членами комиссій и доставляемые жертвователями предметы древности создаютъ при историческихъ архивахъ музеи, имѣющіе, конечно, свою будущность.

Но говоря объ этомъ новомъ и естественно возрастающемъ при историческихъ архивахъ учрежденіи, надобно замѣтить, что они создаются не одинаково, или лучше сказать, что тверской музей стоитъ на совершенно особыхъ началахъ. Собственно, онъ учрежденіе

отдѣльное, находящееся въ вѣдомствѣ статистическаго комитета, и связанъ съ архивною комиссіею только чрезъ посредство ея почтеннаго предсѣдателя, г. Жизневскаго, завѣдующаго музеемъ и не щадящаго стараній для его развитія и процвѣтанія. И въ отчетномъ году музей обогатился многими предметами древности, и между прочимъ—изъ села Путани, Тверскаго уѣзда, обломкомъ каменной плиты съ загадочнымъ изображеніемъ заключенныхъ одинъ въ другомъ трехъ четверугольниковъ, подобнымъ тому, какое находится на имѣющемся уже въ музеѣ бѣжицкомъ камнѣ, который былъ разбираемъ покойнымъ графомъ Уваровымъ. Всего въ отчетномъ году поступило въ музей 559 предметовъ (что съ прежними, къ 1 января 1887 годѣ, составляетъ 3,410 предметовъ). Привѣтствуя это развитіе музея, его ежегодные приросты, много обязанные, конечно, почтенному предсѣдателю комиссіи, г. Жизневскому, нельзя не пожелать однако, чтобы тверской музей сдѣлался музеемъ комиссіи, состоящимъ при историческомъ архивѣ, и чтобы его богатый отдѣлъ рукописей (къ 1 января 1887 г.—3,292) вошелъ въ историческій архивъ, такъ какъ рукописямъ мѣсто не въ музеѣ, а въ архивѣ. Тутъ встрѣтятся, правда, формальныя затрудненія, но съ ними легко будетъ справиться предсѣдателю комиссіи, столько-же заботящемуся объ ея интересахъ, сколько пекущемуся и о процвѣтаніи музея. Можно думать, что отъ такого слитія музей не пострадаетъ, такъ какъ въ отчетномъ году музей тамбовскій, образующійся орловскій и рязанскій обогатились множествомъ важнѣйшихъ предметовъ древности.

4. Ближе вращаясь въ области древнихъ сокровищъ, архивныя комиссіи и въ отчетномъ году, также какъ въ предъидущемъ, принимаютъ мѣры для охраненія предметовъ древности. Особенную энергію въ этомъ направленіи выказала опять таки рязанская комиссія. По ея ходатайству высокопреосвященный архіепископъ рязанскій Θεоктистъ сдѣлалъ распоряженіе по епархіи, чтобы передѣлка и исправленіе церковныхъ строеній, построенныхъ ранѣ середины XVIII вѣка, разрѣшались консисторіею не иначе, какъ по предварительному сношенію съ архивною комиссіею; вслѣдствіе этого консисторіею составленъ и архивною комиссіею провѣренъ особый списокъ всѣхъ церковныхъ строеній, воздвигнутыхъ ранѣ половины прошедшаго столѣтія. Кромѣ того, комиссія возбудила предъ епархіальнымъ начальствомъ и другое ходатайство—чтобы реставрированіе древнихъ иконъ производилось не иначе, какъ съ разрѣшенія архивной комиссіи, которая будетъ брать на себя посредничество въ присканіи опытнаго художника.

III.

То, что въ первомъ году дѣятельности ученыхъ архивныхъ комиссій явилось весьма смѣлымъ починомъ, что мы привѣтствовали, какъ дѣло чрезвычайной важности, хотя и опасались, чтобы первыми удачами и не ограничилось все дѣло, это—печатаніе историческихъ и юридическихъ документовъ,—не только не ослабѣло въ отчетномъ году, но, напротивъ, представляетъ такое отрадное расширение, что наши архивныя комиссіи завоевываютъ вниманіе и уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ людей. Въ отчетномъ году комиссіи напечатали цѣлую серію весьма важныхъ документовъ, именно 88 актовъ и описи нѣкоторыхъ архивовъ.

Именно, тверская комиссія въ своихъ журналахъ помѣстила цѣликомъ одинъ документъ (отрывокъ изъ записной книжки 1753 г. новоторжскаго бургомистра Морозова о поднесеніи хлѣба-соли императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и о всемілостивѣйшемъ прошеніи жителей г. Торжка за учиненную ими драку съ придворнымъ лакеемъ, сопровождавшимъ гардеробъ государыни) и описаніе 30 документовъ, преимущественно XVII ст.

Тамбовская комиссія, въ приложеніяхъ къ своимъ журналамъ, напечатала 16 открытыхъ ею документовъ и описи архива.

Рязанская комиссія, въ приложеніяхъ къ своимъ журналамъ, напечатала 63 документа, изъ коихъ нѣкоторые представляютъ большую важность, и списокъ матеріаловъ по археографіи рязанскаго края, составленный И. Ѡ. Токмаковымъ ¹⁾.

Костромская комиссія приступила въ отчетномъ году къ печатанію въ Костромскихъ губ. вѣдомостяхъ «Содержанія рукописей, хранящихся въ архивѣ Ипатьевского монастыря». Такъ какъ изготовлены 70 отдѣльныхъ оттисковъ, то получится новый, весьма важный, сборникъ историческихъ актовъ. Уже напечатано 8 грамотъ XVII ст.

¹⁾ О трудахъ Рязанской ученой архивной комиссіи помѣщена обширная статья въ „Русской Старинѣ“ изд. 1887 г., т. LIV, апр., стр. 185—216а и 562.

IV.

Внутренняя сторона молодой еще жизни наших ученыхъ архивныхъ комиссій представляетъ опять много привлекательнаго. Скромныя единенія добровольныхъ труженниковъ, принявшія на себя важныя научныя задачи, сдѣлались въ силу только выполненія этихъ задачъ, мѣстными историческими обществами, засѣданія которыхъ, посвящаемыя только научнымъ бесѣдамъ о дѣлахъ прошедшихъ, все болѣе и болѣе завоевываютъ къ себѣ вниманіе со стороны мѣстной интеллигенціи. Благодѣтельное покровительство, встрѣченное комиссіями со стороны мѣстныхъ просвѣщенныхъ архипастырей, не только охранило на первыхъ порахъ собранія этихъ новыхъ въ Россіи ученыхъ обществъ, но и доставило имъ самобытное существованіе въ губерніяхъ. Оттого уже на второй отчетный годъ дѣятельности комиссій новыя лица стремятся вступить въ члены комиссій: желаніе принять участіе въ ихъ работахъ расширяется, и самое званіе члена комиссіи начинаетъ приобрѣтать почетъ и значеніе.

Такъ, къ 19 членамъ тверской комиссіи въ отчетномъ году присоединилось новыхъ 10 членовъ, между которыми имѣются почтенныя представители судебного персонала и учебнаго міра.

Тамбовская комиссія имѣетъ уже 46 членовъ, между которыми имѣются и лица духовныя, и преподаватели, и члены судовъ, и пріясные повѣренные, и врачи, и архитекторы. (Въ отчетномъ году прибавилось 7).

Въ орловской комиссіи всѣхъ членовъ къ 1 января 1887 г. было уже 64, въ рязанской—71 (въ отчетномъ году прибавилось 10 членовъ); костромская комиссія обогатилась 23 новыми членами.

Этотъ выгодный ростъ личнаго состава архивныхъ комиссій объясняется какъ полнѣйшимъ интересомъ сообщеній и бесѣдъ въ собраніяхъ комиссій, такъ и весьма почтенными учено-литературными трудами многихъ членовъ каждой изъ этихъ пяти комиссій. Въ отчетномъ году, кромѣ специальныхъ, чисто архивныхъ, своихъ работъ, многіе члены обогатили русскую историческую литературу немаловажными вкладами.

Такъ, почтенный предсѣдатель тверской комиссіи, г. Жизневскій, кромѣ печатанія описи предметовъ, приобрѣтенныхъ музеемъ въ 1885 г., (въ Тверскихъ губ. вѣдомостяхъ), напечаталъ въ Трудахъ моск. археолог. общества нумизматическій отдѣлъ тверскаго музея. Протоіерей В. Ѡ. Владиславловъ, въ редактируемыхъ имъ Тверскихъ

епархіальных вѣдомостяхъ, напечаталъ рядъ (12) статей по исторіи Тверскаго края и приготовилъ уже къ печати Обзорныя копии съ хранящихся въ селѣ Путани писцовыхъ книгъ 1540—1627 и 1628 гг.

Священникъ В. Л. Успенскій окончилъ начатый имъ въ 1885 г. «Лѣтописный сборникъ положительныхъ свѣдѣній объ Осташковѣ до 1772 г.» и Житіе преподобнаго Нила, Столбенскаго Чудотворца.

Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ написалъ «Исслѣдованіе объ исторіи княжества Ржевскаго».

И. А. Федоровъ «О состояніи сафьянаго дѣла при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ».

Н. А. Кривницкій помѣстилъ въ Тверскихъ епарх. вѣдомостяхъ: «Къ 100-лѣтнему юбилею въ Бозѣ почившаго московскаго митрополита, высокопреосвященнаго Филарета».

В. И. Колосовъ, кромѣ статей по русской церковной исторіи, напечатанныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, помѣстилъ въ Тверскихъ епарх. вѣдомостяхъ: а) Книга памяти тверской семинаріи ректора, Желтикова монастыря архимандрита Макарія; б) Историческія свѣдѣнія о тверской семинаріи; в) Историческая замѣтка о днѣ открытія тверской духовной семинаріи,—и приготовлена была къ печати (въ нынѣшнемъ году и напечатанная) «Тверскіе филантропы XVIII ст.».

Членъ орловской комиссіи, Г. М. Пясецкій, напечаталъ: а) Историческое описаніе Орловскаго Введенскаго дѣвичьяго монастыря и б) Жизнеописаніе блаженной памяти игуменьи и схимонахини Серафимы, бывшей настоятельницы Орловскаго Введенскаго монастыря.

Н. П. Барышниковъ напечаталъ: «Императрица Екатерина въ Орловской губерніи».

Членъ костромской комиссіи, С. И. Ширскій, собралъ данныя для некролога знаменитаго изслѣдователя старины, протоіерея Діева.

Почтенныя литературныя работы членовъ комиссій также оказываютъ содѣйствіе къ развитію единенія между комиссіями, стремленіе къ которому проявилось и въ первомъ году, а въ отчетномъ году выразилось:

1) въ сообщеніи комиссіями одна другой своихъ журналовъ съ ихъ приложеніями;

2) въ избраніи комиссіями въ свою среду членовъ другихъ комиссій;

3) въ сообщеніи одною комиссіею другой находимыхъ ею документовъ и касающихся другой комиссіи. Такъ, для примѣра, можемъ указать, что орловская ученая комиссія не могла не оцѣнить всей

выгоды проявляющагося единенія, когда въ отчетномъ году почтенный предсѣдатель тамбовской комиссіи препроводилъ ей весьма важный для орловской комиссіи документъ—жалобу ельчанъ, поданную царю Михаилу Феодоровичу Романову и патриарху Филарету Никитичу на притѣсненія, имъ дѣлаемыя бояриномъ Иваномъ Никитичемъ Романовымъ.

V.

Переходя къ обзорѣнню финансовой стороны положенія ученыхъ архивныхъ комиссій, я долженъ повторить то замѣчаніе, которое сдѣлалъ въ прошлогоднемъ отчетѣ, именно, что эта сторона самая бѣдная, и что эти пять комиссій продолжаютъ пребывать самыми дешевыми установленіями въ мірѣ.

Именно, кромѣ отпущенныхъ въ отчетномъ году, по ходатайству археологическаго института, г. министромъ юстиціи, по 300 р. на каждую изъ четырехъ первыхъ комиссій и 200 р. на костромскую для расходовъ по разбору и описанію архивовъ судебныхъ мѣстъ,—бюджетъ каждой изъ пяти комиссій болѣе, чѣмъ скромнѣе, и къ сожалѣнію и археологическій институтъ, по той же причинѣ скромности своихъ средствъ, долженъ былъ только поощрять скромность комиссій.

Дѣйствительно, вотъ ихъ бюджеты въ отчетномъ 1886 году:

Тверская комиссія имѣла въ своемъ распоряженіи только 200 рублей, посланные ей археологическимъ институтомъ. Изъ этихъ денегъ употреблено:

На устройство помѣщенія историческаго архива	42 р. 75 к.
» покупку стульевъ	46 — »
» » подсвѣчниковъ	5 » — »
и на отопленіе	7 — »

Остатокъ 97 р. 65 к. перешелъ на 1887 годъ.

Тамбовская комиссія не имѣла въ отчетномъ году никакихъ источниковъ дохода, и просуществовала на денежные средства, которыя давалъ ей непремѣнный попечитель, ревностный оберегатель ея интересовъ, губернаторъ баронъ А. А. Фредериксъ. Съ 1887 г. она положила установить членскій взносъ, въ размѣрѣ не менѣе 3-хъ рублей съ каждаго члена.

Рязанская комиссиа нѣсколько богаче.

Ея приходъ:

Оставалось къ 1 января 1886 г.	16 р. 78 к.
Поступило членскихъ взносовъ	250 »
Выручено отъ продажи изданій	3 »
Итого	269 р. 78 к.

Расходъ:

Мебель и шкафы	32 р. 15 к.
Доплата за портретъ Калачова и за рамку на портретъ кн. Гагарина	34 » 20
Приобрѣтеніе находокъ для музея	26 » 85 »
Приобрѣтеніе книгъ	25 50 »
Переплеты	7 56 »
Раскопки	17 » 54 »
Канцелярскіе расходы	8
Типографіи	7 » 35
Мелочные	18 » 64 »
Итого	177 р. 79 к.
Остатокъ	91 р. 99 к.

Орловская комиссиа прожила на членскіе взносы:

Отъ прежняго года ихъ оставалось не- израсходованными	38 р. 47 к.
Вновь поступило	48 »
Итого	86 р. 47 к.

Израсходовано:

За переписку описей, отчетовъ, жур- наловъ и перевозку дѣлъ, всего	10 р. 90 к.
Осталось на слѣдующій годъ	75 » 57

Костромская, по скромности, совсѣмъ умолчала о своемъ бюджетѣ.

Небогатая денежными приходами, всѣ комиссиа, однако, и въ отчетномъ году обогатилась многими пожертвованіями книгъ въ образующіяся при ихъ архивахъ библиотеки и вещей въ ихъ музеи.

Вотъ коротенькія данныя о дѣятельности пяти архивныхъ комиссій въ 1886 г. Но и эти данныя способны вызвать благодарность и уваженіе со стороны просвѣщенныхъ дѣятелей. Сколько новаго внесено этими безкорыстными тружениками въ область научную, сколько новыхъ и важныхъ документовъ ими напечатано, сколько сдѣлано для созданія новыхъ историческихъ архивовъ, сколько возбуждено стремленій по охраненію родной старины, сколько вызвано вниманія къ вопросамъ историческимъ. Безкорыстныя научныя работы и

заключаютъ въ себѣ то чарующее, что не только самихъ работниковъ поднимаютъ изъ области мелкихъ матеріальныхъ интересовъ въ высокія области мысли и анализа, но вмѣстѣ съ ними поднимаютъ и общество, среди котораго они работаютъ и дѣйствуютъ: внимающіе имъ, съ уваженіемъ смотрящіе на воздвигаемое ими дѣло, тѣмъ самымъ, незамѣтно для себя, вмѣстѣ съ ними поднимаются, движутся впередъ. И размышляя объ этихъ скромныхъ, но уже видныхъ научныхъ работахъ, размышляя о значеніи научнаго труда, по привычкѣ ли, а можетъ быть уже и по природѣ, я переношу мысль къ с.-петербургскому университету, — вспоминается его симпатичный пѣвецъ, покойный Подолинскій, вспоминается и послѣдній стихъ его добраго посланія къ университету, — стихъ, въ которомъ такъ вѣрно звучитъ утѣшающая и ободряющая истина, тотъ стихъ, который спб. университетъ сдѣлалъ своимъ девизомъ:

„Гдѣ высоко стоитъ наука,
„Стоитъ высоко человекъ“.

И. Е. Андреевичъ.

— — —

Баженины.

Купеческій родъ гор. Архангельска.

Въ июльской книгѣ изд. 1887 г. журнала „Русская Старина“, въ интересной статьѣ Н. В. Латкина — „Купеческій родъ гор. Архангельска — Баженины“—суть вѣсколько неточностей, а именно: годъ смерти послѣдняго изъ рода Бажениныхъ, Никифора Степанова, не 1863-й, а 1861-й (въ июнѣ); изъ трехъ оставленныхъ имъ дочерей и по настоящее время (1887 г.) всѣ здравствуютъ, а не двое только; средняя и младшая замужемъ не за „братьями“ Платуновыми, какъ пишетъ г. Латкинъ, а мужъ средней дочери—родной дядя мужу младшей.

У младшей дочери (моей матери) имѣется медальонъ Петра Великаго собственноручной государя работы, подаренный имъ предку ея, Діонисію Федорову Баженину ¹⁾. Прилагая при этомъ фотографическій снимокъ съ медальона, предоставляю на ваше усмотрѣніе — помѣстить его въ „Русской Старинѣ“. Рѣзанъ онъ на бакаутскомъ деревѣ; размѣръ его: 5³/₈ д. въ діаметрѣ, а самый овалъ, гдѣ портретъ—большая ось 3 д. и малая 2³/₄ дюйма.

Н. Н. Платуновъ.

Гор. Слободской, Вятской губерніи.

Лузинъ.

Необходимо оговорить, что напечатанное въ 10-й книгѣ изд. 1887 г. „Русской Старинѣ“, Прошеніе кригсъ-комиссара Лузина Павлу І было помѣщено по другому списку въ „Русскомъ Архивѣ“, изд. 1878 г., кн. I. стр. 645, гдѣ напечатана и резолюція императора Павла Петровича: „Выдать ему дураку 2,000 руб.“.

Сообщ. А. Чичеринъ.

20 окт. 1887 г.

¹⁾ О немъ упоминается въ статьѣ Н. В. Латкина.

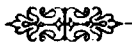
1787—1887 гг.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

БАТЮШКОВЪ

род. 18-го мая 1787 г.

Привѣты и отклики по поводу сочиненій К. Н. Батюшкова,
явившихся въ изданіи, исполненномъ его братомъ,
П. Н. Батюшковымъ. Спб. 1887 г. Три тома.

РОД. 1787 Г. † 7-ГО ИЮЛЯ 1855 Г.
ВЪ ВОЛОГДѢ.

Сочиненія К. Н. Батюшкова. Изданы П. Н. Батюшковымъ, со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написаною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Саитовымъ. Спб. 1885—1887 гг., типографія В. С. Балашова, въ 6. 8-ю долю:

Томъ первый. Предисловіе издателя, стр. I—XXVII; о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, — изслѣдованіе Л. Н. Майкова, съ прилож. документовъ и указателя личныхъ именъ, стр. 1—360; стихотворенія, стр. 1—298; примѣчанія и указатель личныхъ именъ, стр. 299—463.

Къ первому тому приложенія: на мѣди гравированный профессоромъ И. П. Пожалостинимъ портретъ К. Н. Батюшкова, исполненный въ 1883 г., съ портрета знаменитаго Кипренскаго (1815 г.); два снимка съ гравированныхъ виньетокъ 1817 г. въ собранію сочиненій Батюшкова; снимокъ съ автографа—письма поэта Батюшкова.

Томъ второй: Проза, стр. 374; примѣчанія и указатель личныхъ именъ, стр. 375—595.

Томъ третій: Письма, стр. XV+594;—примѣчанія, дополненія и указатель личныхъ именъ, стр. 595 по 804.

Цѣна за три тома 15 руб. съ пересылкою.

Примѣчаніе. Отмѣтимъ здѣсь, что сочиненія К. Н. Батюшкова въ указанномъ здѣсь изданіи были напечатаны въ числѣ 2,135 экземпляровъ и вышли въ свѣтъ 3-го апрѣля 1887 г.; въ нихъ 300 экз. почтенный издатель разослалъ въ даръ разнымъ лицамъ, учебнымъ и другимъ учрежденіямъ и редакторамъ различныхъ изданій; затѣмъ къ 1-му ноябрю 1887 г. продано 1,871 экземпляръ, оставалось къ помянутому числу у издателя 464 экземпляра.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ

1787 ^{МАЯ}/₁₈ 1887.

I.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1887-го года русская литература имѣла свой дорогой праздникъ: былъ день столѣтней годовщины рожденія поэта Батюшкова, этого талантливаго предтечи великаго Пушкина,—Батюшкова, этого вполне классическаго писателя, на прелестныхъ произведеніяхъ котораго изучало отечественный языкъ нѣсколько поколѣній и будутъ изучать грядущія поколѣнія дотолѣ, доколѣ русское слово останется предметомъ изученія.

Праздникъ ознаменованъ созданіемъ величаваго памятника.

Помпей Николаевичъ Батюшковъ на сооруженіе сего памятника положилъ много энергія, заботъ, много средствъ матеріальныхъ, а приглашенные имъ къ дѣлу Л. Н. Майковъ и В. И. Саитовъ приложили свои обширныя знанія и необыкновенное трудолюбіе, оживленное искреннею любовью къ памяти поэта и его твореніямъ.

Мы говоримъ о роскошномъ, во всѣхъ отношеніяхъ образцовомъ, изданіи полнаго собранія сочиненій К. Н. Батюшкова, явившемся въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1887 г., въ С.-Петербургѣ.

Въ «Русской Старинѣ» [изд. 1887 г., т. LIV, май, стр. 505—565] мы представили обширное обзорное помянутаго изданія и, смѣемъ думать, вполне обстоятельную оцѣнку труда біографа Батюшкова и редактора его сочиненій.

Нашимъ полнымъ искренности и увлеченія привѣтомъ столь высоко замѣчательнаго акта въ исторіи русской литературы, наково изданіе П. Н. Батюшковымъ полнаго собранія сочиненій его брата, мы упредили отзывы почти всѣхъ, безъ исключенія, органовъ періодической русской печати.

Всѣ ихъ отзывы, явившіеся вслѣдъ за обширною статью «Русской Старины», слились въ общій гулъ похвалъ поэту, а также издателю и редактору его твореній.

Сохранимъ здѣсь, въ сообщеніи М. И. Городецкаго, перечень газетъ и журналовъ, съ указаніемъ тѣхъ нумеровъ, въ которыхъ появились статьи о помянутомъ изданіи. Историкъ русской литературы этотъ перечень понадобится впоследствии, а почитателямъ памяти даровитаго поэта онъ и теперь интересенъ.

- 1) „Русская Старина“, м.й 1887 г., съ портретомъ (книга вышла 1-го мая).
- 2) „Наблюдатель“, май, 1887 г. (книга вышла 15 мая).
- 3) „Звѣзда“ отъ 16 мая 1887 г., № 20, съ портретомъ.
- 4) „Всемирная Иллюстрація“ отъ 16 мая 1887 г., томъ XXXVII, № 21 (957), съ портретомъ.
- 5) „Новости“ отъ 18 мая, № 134, отъ 1 и 8 іюля, №№ 177 и 184. Отъ 29 мая, № 144.
- 6) „Сынъ Отечества“ отъ 18 мая, № 125.
- 7) „Петербургскія Вѣдомости“ отъ 18 мая, № 135.
- 8) „Минута“ отъ 18 и 21 мая.
- 9) „Московскія Вѣдомости“ отъ 18 мая, № 135.
- 10) „Нижегородскій Виржевой Листокъ“ 20 мая, № 112.
- 11) „Новое Время“ отъ 19 мая № 4,029, 21 мая № 4,031 и 26 мая № 4,035.
- 12) „Петербургскій Листокъ“ 20 мая № 134 и 21 мая № 135.
- 13) „Рижскій Вѣстникъ“, отъ 20 мая № 108.
- 14) „Варшавскій Дневникъ“ отъ 16, 22, 27 и 30 мая, №№ 106, 110, 113 и 115.
- 15) „Южный Край“ отъ 21 мая, № 2,195.
- 16) „Историческій Вѣстникъ“, іюнь, съ портретомъ.
- 17) „Гражданинъ“.
- 18) „Вологодскія Губернскія Вѣдомости“ 22 мая, № 21.
- 19) „Современныя Извѣстія“ 16 августа, № 224.
- 20) „Вѣстникъ Европы“, сентябрь, 1887 г.

Но кромѣ отзывовъ, явившихся въ печати, явились и письменные отклики русскихъ людей, по поводу столь крупнаго, столь знаменательнаго и по послѣдствіямъ въ высококомъ дѣлѣ образованія русскихъ молодыхъ поколѣній столь плодотворнаго событія, каково появленіе изданія полнаго собранія сочиненій Батюшкова.

Эти отклики явились въ письмахъ множества лицъ, къ издателю, т. е. къ Помпею Николаевичу Батюшкову, обращенныхъ.

Мы упросили, въ видахъ общаго интереса, каковой представляютъ таковыя отзывы, дать намъ прочесть означенныя письма и привести изъ нихъ нѣсколько выписокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отклики русскихъ людей, написанные подъ пер-

вымъ, самымъ живымъ, впечатлѣніемъ просмотра роскошнѣйшаго изданія твореній поэта, весьма интересны.

И вотъ теперь, въ виду предстоящаго въ ноябрѣ сего года торжества поминковъ — дорогой для образованнаго русскаго общества — памяти К. Н. Батюшкова, поминковъ, предназначенныхъ къ совершенію въ императорской академіи наукъ, считаемъ мы вполне своевременнымъ привести на страницахъ «Русской Старины» появившья выписки.

Прежде, однако, чѣмъ приводить ихъ, напомнимъ, что издатель сочиненій К. Н. Батюшкова, Помпей Николаевичъ, былъ осчастливленъ Высочайшею благодарностью за исполненный имъ трудъ:

— «Государь Императоръ, благосклонно принявъ экземпляръ изданнаго вами полнаго собранія сочиненій покойнаго вашего брата Константина Николаевича,—писалъ къ П. Н. Батюшкову, 7 апрѣля 1887 г., генераль-адъютантъ Рихтеръ,—высочайше соизволилъ мнѣ поручить выразить вамъ искреннюю Его Величества благодарность».

Въ собственноручныхъ рескриптахъ и въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ прислали привѣты и благодарность издателю ихъ императорскія высочества в. к. Владиміръ Александровичъ и Константинъ Константиновичъ.

— «Какое великолѣпное изданіе!—пишетъ г. министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ,—сейчасъ-же (7-го апрѣля 1887 г.) примусь за чтеніе біографіи Константина Николаевича, еще разъ благодарю...»

— «Спѣшу искренно благодарить васъ за это изданіе. Слава и честь вамъ за такое прекрасное и обстоятельное его выполненіе. Это изданіе воскрешаетъ въ мысли нашей цѣлую эпоху, къ которой относится поэтическая дѣятельность вашего брата. Душевно преданный К. Побѣдоносцевъ (6-го апрѣля 1887 г.)».

— «О наслажденіи, какое доставилъ мнѣ просмотръ великолѣпнаго изданія сочиненій Константина Николаевича Батюшкова, распространяться не буду, писалъ 3-го апрѣля академикъ Я. К. Гротъ. Довольно сказать, что вы этимъ изданіемъ воздвигли тройной памятникъ, давъ и редактору Л. Н. Майкову возможность заявить себя почетнымъ и прочнымъ образомъ. Портретъ К. Н. Батюшкова (гравюра Пожалостина) замѣчательно хорошъ и также послужитъ къ чести русскаго художника».

— «Новое изданіе сочиненій К. Н. Батюшкова, пишетъ 7-го апрѣля 1887 г. маститый историкъ русскаго языка и литературы А. Д. Галаховъ, по своему достоинству, внутреннему и вѣшнему, стоитъ рядомъ съ академическимъ изданіемъ Державина. Превосходно изложенная

біографія, полнота и точность провѣреннаго текста, какъ стихотворнаго, такъ и прозаическаго, интересъ писемъ, обиліе приложений и примѣчаній—совершенно удовлетворяютъ самаго взыскательнаго читателя.

«Наконецъ, продолжаетъ А. Д. Галаховъ,—мы имѣемъ два изданія, соответственнаго значенію лица! Но Державинъ—поэтъ XVIII вѣка. Къ намъ ближе поэтический триумvirатъ вѣка XIX-го. Одивъ изъ триумvirовъ теперь передъ нами: остаются Жуковскій и Пушкинъ. Богъ дастъ, наступитъ и ихъ очередь».

— «Поздравляю съ блестящимъ окончаніемъ вашего труда, писалъ 15-го мая 1887 г. П. Н. Батюшкову Дм. Фед. Самаринъ: изданіе превосходно во всѣхъ отношеніяхъ; статья Майкова, я ее только что прочелъ, написана съ большимъ талантомъ. Но задача ваша еще не окончена: вамъ надобно, кромѣ этого роскошнаго изданія, выпустить другое—дешевое, чтобы дать возможность учащейся молодежи ознакомиться съ сочиненіями К. Н. Батюшкова».

— «Такое классическое изданіе твореній славнаго русскаго поэта, совершенное трудами почтеннѣйшаго Леонида Николаевича Майкова, дѣлаетъ честь нашему времени. Оно обезсмертитъ ваше имя въ лѣтописяхъ отечественной литературы». (Членъ археографической комиссіи А. П. Барсуковъ, письмо 12-го апрѣля).

— «Отъ души привѣтствую васъ съ блистательнымъ исполненіемъ во истину патриотическаго предпріятія — изданія полнаго собранія сочиненій К. Н. Батюшкова». (Членъ археографической комиссіи Н. П. Барсуковъ, 13-го апрѣля).

— «Ваше изданіе является такимъ капитальнымъ событіемъ, что передъ нимъ блѣднѣютъ всѣ юбилейныя изданія Пушкина и на сравненіе напрашивается лишь академическое изданіе Державина. Трудъ Л. Н. Майкова и комментаріи къ сочиненіямъ К. Н. придаютъ вашей книгѣ значеніе цѣлаго курса исторіи русской литературы въ началѣ нашего столѣтія. Великое вамъ спасибо за прекрасный и полезный подарокъ всѣмъ любителямъ словесности». (Членъ археографической комиссіи М. А. Веневитиновъ, 6-го мая 1887 г.).

— «Поздравляю васъ съ прекраснымъ исполненіемъ давнѣшняго завѣтнаго вашего намѣренія—изданія сочиненій К. Н. Батюшкова. Сколько новаго, важнаго, разъясненнаго! Честь вамъ и благодарность отъ всѣхъ друзей здороваго русскаго просвѣщенія». (П. И. Бартевъ, 29-го апрѣля).

— «Исслѣдованіе Л. Н. Майкова о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова безусловно хорошо; это одинъ изъ самыхъ лучшихъ его трудовъ, прямо сказать—образцовый трудъ. Въ особой и довольно обширной статьѣ для моей «Русской Старины», мною составленной

(и въ ней, въ книгѣ V, изд. 1887 г., напечатанной), я выяснилъ, какъ умѣлъ, горячо и искренно, всё достоинства какъ монографіи г. Майкова, такъ вообще редакціи и внѣшности всего монументальнаго изданія сочиненій Батюшкова. Примите выраженія моей признательности какъ лица, которое съ особеннымъ наслажденіемъ прочло изданіе ваше, явившееся истиннымъ подаркомъ для всей образованной Россіи и не только современнаго, но и длиннаго ряда грядущихъ поколѣній». (М. И. Семевскій, 20-го апрѣля 1887 г.).

Глубоко сердеченъ откликъ статсъ-секретаря *Θ. Оома* (Государыни Императрицы), сына той прелестной и высокоправственной особы—современницы К. Н. Батюшкова, которая въ жизни нашего поэта была свѣтлымъ для него явленіемъ: «Роскошно собраніе сочиненій покойнаго брата вашего. Цѣнно оно мнѣ и по тѣмъ страницамъ, которыя посвящены имъ памяти моей матери, которой я обязанъ всёмъ и благодарныя чувства къ которой могутъ угаснуть только виѣстѣ съ жизнею моею. Если я всегда почиталъ поэта Батюшкова, то чувствовалъ какую-то нравственную съ нимъ связь, какъ съ человекомъ, который умѣлъ цѣнить всё достоинства той дѣвушки, которая впоследствии сдѣлалась и всю жизнь свою оставалась мнѣ нѣжнѣйшею матерью». (4-го апрѣля 1887 г.).

Въ высшей степени интереснымъ и, въ автобіографическомъ отношеніи, весьма важнымъ является вызванное появленіемъ изданія П. Н. Батюшкова письмо къ нему (отъ 12-го апрѣля 1887 г.) славнаго поэта Аполлона Николаевича Майкова. Приводимъ этотъ документъ цѣликомъ:

— «Несказанное удовольствіе доставило мнѣ чтеніе вашего изданія! Сочиненія Константина Николаевича Батюшкова для меня особенно дороги: я помню, что въ юности моею, когда я началъ писать стихи, его произведенія, а именно: «Умиравшій Тассъ», «На развалинахъ замка въ Швеціи», «Я берегъ покидалъ туманный Альбіона», «Есть наслажденіе», которыя я всё знаю наизусть отъ начала до конца, и потомъ «Антологія греческая»—имѣли главное и рѣшающее вліяніе на образованіе моего слуха и стиха. Пушкинское вліяніе уже легло на эту почву. Все это я живо припомнилъ и только теперь понялъ и утверждаю тотъ фактъ, для меня несомнѣнный, перечитавъ залпомъ всё стихотворенія К. Н. Читая, я уже подсказывалъ себѣ впередъ что за тѣмъ слѣдуетъ. А ужъ красота изданія, это кажется послѣднее слово нынѣшняго типографскаго искусства, руководимаго изящнымъ вкусомъ. Сожалѣю, что стѣсненъ въ отзывѣ моемъ о біографіи: писалъ ее очень ужъ мнѣ близкій человекъ¹⁾. Но

¹⁾ Аполлонъ Николаевичъ и Леонидъ Николаевичъ Майковы — родные братья.

не могу не замѣтить, что отъ этой близости біографія много выиграла. Автору ея изъ жизни извѣстны многія тайны поэтическаго творчества; онъ знаетъ, напримѣръ, что стихи пишутся не какъ репортерныя статьи тотчасъ въ минуту впечатлѣнія, а всегда тогда, когда впечатлѣніе уляжется, осмыслится и приметъ свой опредѣленный образъ, иногда очень много времени послѣ факта; отчего онъ и не впасть въ безполезныя и, по моему негѣпныя, розысканія разныхъ ненужныхъ датъ и подробностей (напримѣръ, въ родѣ: въ какомъ платьѣ была такая-то, когда встрѣтилъ ее поэтъ). И засимъ главное, что у него прослѣжено, это развитіе и поднятіе все выше и выше поэтической творческой силы въ поэтѣ и постепенное и постоянное расширеніе горизонта его зрѣнія. Вотъ этого внутренняго интереса изображаемаго лица, какъ поэта, я не видалъ ни въ одной русской біографіи. Объ изображеніи такъ называемой среды ничего не говорю, это не ново, и особенно успѣшно обрабатывалось нашими біографами и критиками, но въ этой внѣшности у нихъ обыкновенно и тонетъ образъ главнаго-то лица.

«Итакъ, къ драгоценнымъ воспоминаніямъ и признанію, чѣмъ я обязанъ вашему брату, я, благодаря вамъ, долженъ и могу присоединить радость, сказавъ, что «доволеиъ и своимъ братомъ». И за все это вамъ сердечное спасибо, честь и слава!»

— «Прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ и для всѣхъ драгоценно изданіе сочиненій вашего покойнаго брата, писалъ Помпею Николаевичу, отъ 19-го мая 1887 г., уважаемый историкъ и предсѣдатель Императорскаго Московскаго Общества исторіи — И. Е. Забѣлинъ: славная память Константина Николаевича Батюшкова, такъ полно и всесторонне оживленная этимъ превосходнымъ памятникомъ, да сохранится на вѣки, на большую славу русской литературы».

Оставляя въ сторонѣ, за недостаткомъ мѣста, отзывы многихъ другихъ лицъ, письма которыхъ лежатъ передъ нами, закончимъ наши выписки мнѣніями, высказанными о новомъ изданіи сочиненій Батюшкова профессорами русской словесности въ университетахъ дерптскомъ — П. А. Висковатовымъ и московскомъ — Н. С. Тихонравовымъ:

— «Я въ правѣ назвать К. Н. Батюшкова дорогимъ мнѣ поэтомъ,—пишетъ 30 мая 1887 г. П. А. Висковатовъ: многіе годы читаю я о немъ съ кафедръ, посвящая по нѣсколько лекцій разбору его произведеній. Я съ дѣтства любилъ этого славнаго поэта, вліяніе коего на Пушкина было, по моему мнѣнію, сильнѣе вліянія Жуковскаго.

«Я увѣренъ,—продолжаетъ г. Висковатовъ,—что прекрасное ваше изданіе вызоветъ наставниковъ и профессоровъ нашей словесности

въ слову сочувствія, которое найдетъ отголосокъ въ молодежи, интересующейся славою таланту, вашими представителями ума и таланта».

Съ своей стороны, известный ученый и московскій профессоръ русской словесности, бывший председатель Общества Любителей Рус. Словесности при московскомъ университетѣ, въ кановомъ Обществѣ П. Н. Батюшкова имѣлъ честь состоять почетнымъ членомъ, — Н. С. Тихонравовъ писалъ, 1 июня 1887 г., къ издателю сочиненій К. Н. Батюшкова такъ:

— «Въ русской литературѣ до сихъ поръ нѣтъ сколько нибудь удовлетворительныхъ изданій классическихъ русскихъ писателей. До послѣдняго времени издатели только исправляли по своему, т. е. портили текстъ, русскихъ классиковъ. Такое фривольное обращеніе съ вашими «образцовыми» писателями началось съ XVIII вѣка и первою жертвою усердія издателей былъ Кантемиръ. На немъ не останавлились. Сочиненія Ломоносова изданы были съ поправками Бозодавлева; сочиненія Сумарокова—безобразно изданы Новиковымъ; Фонъ-Визинъ «исправленъ» по рукописямъ будто-бы въ изданіи Бекетова; Жуковскій съ товарищами «поправили» текстъ Пушкина въ посмертномъ изданіи «Сочиненій»; Жуковскаго «поправили» Блудовъ и Сербиновичъ; Н. Н. не мало также принялъ грѣха, издавая крайне небрежно русскихъ классиковъ.... У насъ установилась какая-то традиція—издатель долженъ «поправить» издаваемого автора. Дошло до того, что ко времени пятидесятилѣтія со дня смерти Пушкина не нашлось въ Россіи ни отдѣльнаго лица, ниже общества, которое оказалось бы въ состояніи издать удовлетворительно творенія великаго поэта... Одинокимъ исключеніемъ изъ традиціонныхъ пріемовъ изданія классиковъ является у насъ академическое изданіе «Сочиненій Державина», совершенное трудами Я. К. Грота. Вы подарили нашей литературѣ изданіе произведеній вашего брата, которое ни въ чемъ не уступаетъ, по своимъ ученымъ достоинствамъ, академическому изданію Державина. Слѣдуетъ желать, чтобы примѣръ, вами поданный, нашелъ себѣ побольше послѣдователей, т. е. чтобы ваше изданіе твореній К. Н. Батюшкова убѣдило нашихъ издателей, что только добросовѣстное изученіе жизни и сочиненій издаваемого писателя, съ соблюденіемъ требованій литературной критики, можетъ подготовить матеріалъ для классическаго изданія классическаго писателя.

«Къ столѣтней годовщинѣ рожденія К. Н. Батюшкова вы воздвигли ему лучшій памятникъ, какого только можетъ желать писатель: трудами вашими и избраннаго вами редактора Л. Н. Майкова разъяснено значеніе К. Н. Батюшкова въ исторіи нашей литературы,

облегчено изученіе его произведеній молодымъ поколѣніемъ, т. е. въ школахъ наставникамъ данъ въ руки многосторонній и вѣрный комментарий къ сочиненіямъ поэта. Въ русскомъ обществѣ изданіе это должно оживить поэзію и личность одного изъ даровитѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ русскихъ поэтовъ. Позволяю себѣ, однако, высказать вамъ съ совершенною откровенностію одно пожеланіе. Рядомъ съ этимъ ученымъ изданіемъ сочиненій К. Н. Батюшкова, которое по цѣнѣ не можетъ быть многимъ доступно, не слѣдуетъ ли издать общедоступнаго, школьнаго изданія, цѣною не выше одного рубля. Въ это общедоступное изданіе можно не помѣщать ни писемъ, ни біографій, ни объяснительныхъ примѣчаній къ отдѣльнымъ пьесамъ; но всѣ стихотворенія и всѣ прозаическія статьи слѣдуетъ внести съ необходимыми краткими объясненіями. Теперь, когда ученое изданіе сочиненій К. Н. отпечатано, очень не трудно сдѣлать и общедоступное изданіе. Возможно широкое распространеніе произведеній такого поэта, какъ К. Н. Батюшковъ, въ высшей степени желательно въ интересахъ укрѣпленія въ молодомъ поколѣніи уваженія къ славнымъ писателямъ русскимъ и въ интересахъ расширенія въ нашемъ отечествѣ эстетическаго образованія».

II.

Къ біографіи П. Н. Батюшкова.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ текущаго 1887 г. въ императорской академіи наукъ предположено празднованіе столѣтней годовщины дня рожденія знаменитаго русскаго поэта и писателя Константина Николаевича Батюшкова, исполнившейся 18-го мая 1887 г.

По поводу этого юбилея, въ майской книгѣ «Русской Старины» изд. 1887 г. были помѣщены: 1) Очеркъ жизни и дѣятельности К. Н. Батюшкова, съ превосходно исполненнымъ портретомъ его и изображеніемъ памятника на его могилѣ; 2) Замѣтки о полномъ собраніи его сочиненій, и 3) Очеркъ трудовъ и общественной дѣятельности Помпея Николаевича Батюшкова—издателя сочиненій его брата, съ портретомъ его ¹⁾.

Несомнѣнно, на страницахъ «Русской Старины» своевременно

¹⁾ «Русская Старина», изд. 1887 г., т. LIV, стр. 505—561.

будеть отведено мѣсто и описанію воспоминанія столѣтней годовщины поэта въ академіи наукъ, въ дополненіе къ тому, что уже было сказано въ этомъ журналѣ о покойномъ поэтѣ.

Съ своей стороны, считаемъ необходимымъ дополнить и очеркъ дѣятельности брата поэта по тѣмъ даннымъ, которыя весьма обязательно доставлены намъ однимъ изъ свидѣтелей патріотической и многополезной дѣятельности Помпея Николаевича по обновленію и возрожденію нашихъ сѣверо-западныхъ окраинъ.

Какъ въ дѣятельности гр. М. Н. Муравьева нельзя усматривать исключительно гонителя поляковъ, яко-бы желавшаго крутыми мѣрами подавленія мятежа отмстить за русскихъ, такъ точно и въ трудахъ П. Н. Батюшкова мы видимъ стремленіе къ очищенію дѣла народнаго образованія въ краѣ не отъ одной только польщизны, но вообще отъ всѣхъ наносовъ, не свойственныхъ русскому краю.

До вступленія П. Н. Батюшкова въ управленіе виленскимъ учебнымъ округомъ, во многихъ школахъ Гродненской губерніи и по преимуществу въ уѣздахъ Бѣлостокскомъ и Бѣльскомъ, при разныхъ фабрикахъ, устроенныхъ нѣмцами, широко распространилось, подъ видомъ конфессіональнаго обученія, нѣмецкое обученіе. Фабриканты Мовсы, Захерты и проч. устроили при своихъ фабрикахъ многолюдныя школы съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ. Мало было бы горя въ томъ, если бы такая система образованія ограничивалась дѣтьми нѣмцевъ фабричныхъ; отчего же нѣмецкими дѣтямъ не учиться въ нѣмецкой школѣ, хотя бы и на русской землѣ? Но дѣло въ томъ, что въ эти школы привлекались бѣлоруссы и литвины римско-католическаго исповѣданія и даже крестьянскія дѣти православнаго исповѣданія. Такое же явленіе повторилось и въ Ковенской губерніи, гдѣ частью мѣстными землевладѣльцами, частью же реформатскими пасторами были устроены училища, съ привлеченіемъ педагоговъ-нѣмцевъ, получившихъ образованіе въ кенигсбергской учительской семинаріи. Училища эти по системѣ образованія не только ничего общаго не имѣли съ задачами русской народной школы, но положительно были имъ враждебны. Такая система обученія нашла себѣ покровительство въ извѣстномъ графѣ Кайзерлингѣ и въ виленской реформатской коллегіи, предѣвателемъ которой въ то время состоялъ суперъ-интендентъ Липинскій, ярый поборникъ польскаго дѣла, выказавшій противодѣйствіе въ замѣнѣ польскаго языка русскимъ, при преподаваніи закона Божія въ слущкой бывшей реформатской гимназій, въ то время, какъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа для римско-католиковъ русскій языкъ былъ уже принятъ безъ всякаго протеста со стороны преподавателей-ксендзовъ.

Все это не ускользнуло отъ вниманія П. Н. Ватюшкова, зорко слѣдившаго за народнымъ образованіемъ въ краѣ и ревниво охранявшаго русскія начала преподаванія отъ вторженія чуждыхъ элементовъ. Командировавъ сначала въ Гродненскую, а потомъ въ Ковенскую губерніи окружныхъ инспекторовъ В. П. Кулина и Н. Н. Новикова, Помпей Николаевичъ получилъ отъ нихъ характерное описаніе положенія нѣмецкихъ школъ. Въ обширныхъ запискахъ командированные лица представили любопытную картину германизации мѣстнаго не-нѣмецкаго населенія путемъ школъ, облеченныхъ покровомъ конфессіональнаго обученія. Энергическія и рѣшительныя мѣры со стороны попечителя Ватюшкова завершились распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшимъ въ февралѣ 1869 г. Этимъ распоряженіемъ прекращена независимость какихъ либо школъ въ краѣ отъ мѣстной училищной администраціи и всѣ школы реорганизованы на разумныхъ основаніяхъ.

Кромѣ характеристики дѣятельности П. Н. Ватюшкова, приведенная справка не лишена интереса и въ другомъ отношеніи. Она показываетъ, что исторія германизации русскихъ окраинъ восходитъ въ болѣе отдаленную эпоху, чѣмъ это казалось въ наше время; дѣло только въ томъ, что теперь противъ германизации приняты законодательныя мѣры, тогда какъ въ 1860-хъ годахъ въ одной изъ важнѣйшихъ нашихъ окраинъ нѣмецкое вторженіе получило сильный отпоръ, благодаря инициативѣ и энергій одного лишь лица, съ честію и полнымъ пониманіемъ дѣла выполнившаго предстоявшую задачу.

Другая весьма важная мѣра, предпринятая и выполненная П. Н. Ватюшковымъ, состоитъ въ учрежденіи русскихъ женскихъ пансіоновъ въ разныхъ городахъ сѣверо-западнаго края. Мѣра эта имѣетъ немаловажное значеніе, какъ первая и при томъ весьма удачная попытка поставить женское воспитаніе въ краѣ на правильную почву. Съ 1869 г., которому принадлежитъ время открытія упомянутыхъ учебныхъ заведеній, дѣло это остается донинѣ въ томъ направленіи, въ какомъ поставилъ его Помпей Николаевичъ Ватюшковъ.

М. И. Г.

21-го сентября 1887 г.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

подлинныя его рукописи

въ изслѣдованіи и описаніи И. Ѳ. Вычкова.

I.

Съ давняго времени ежегодные отчеты, выпускаемые въ свѣтъ Императорскою Публичною Библіотекою въ С.-Петербургѣ, сдѣлались сборниками весьма драгоцѣнныхъ свѣдѣній для лицъ, интересующихся тою или другою отраслью науки вообще, и русскою исторіею, исторіею русской литературы и художествъ въ особенности.

Въ самомъ дѣлѣ, независимо отъ данныхъ какъ статистическихъ, такъ и иныхъ, знакомящихъ съ дѣятельностью перваго въ Россіи по своему значенію общественнаго книгохранилища, помянутые отчеты всегда представляютъ въ текстѣ или въ приложеніяхъ замѣтки, статьи, а иногда и цѣлыя изслѣдованія гг. ученыхъ, трудолюбивыхъ библіотекарей, по всѣмъ отраслямъ наукъ,—изслѣдованія, главнымъ образомъ, состоящія изъ научныхъ описаній тѣхъ или другихъ сокровищъ, хранящихся въ этой богатѣйшей библіотекѣ.

Одинъ изъ таковыхъ трудовъ, и притомъ вполне замѣчательный, помѣщенъ въ приложеніи къ вышедшему въ августѣ мѣсяцѣ сего 1887 года «Отчету Императорской Публичной Библіотеки за 1884 годъ»: мы говоримъ о составленномъ однимъ изъ почтенныхъ библіотекарей—онъ же завѣдуетъ рукописнымъ отдѣломъ Императорской Публичной Библіотеки — Иваномъ Ѳедоровичемъ Вычковымъ «Описаніи бумагъ В. А. Жуковскаго». Описаніе это занимаетъ двѣсти страницъ убористой печати и вноситъ множество нандрагоцѣннѣйшихъ данныхъ въ литературную дѣятельность знаменитаго поэта, представляя, между прочимъ, не только массу варьянтовъ уже извѣстныхъ его произведеній, весьма важныхъ для воспроизведенія предъ

читателями всего процесса творчества славнаго поэта, но выводя на свѣтъ и неизвѣстныя доселѣ произведенія Жуковскаго.

Въ этомъ-же трудѣ И. Ѡ. Бычкова—очень много поправокъ къ тексту послѣдняго восьмага изданія (Спб. 1885 г.) сочиненій В. А. Жуковскаго, каковой текстъ внимательно сличенъ трудолюбивымъ изыскателемъ съ подлинными рукописями поэта, при чемъ И. Ѡ. установлены точныя указанія на время написанія той или другой пьесы, на имена лицъ, къ которымъ нѣкоторыя изъ нихъ писаны, и представлено не мало драгоценнѣйшихъ данныхъ къ биографіи Жуковскаго и характеристикѣ той сферы, въ которой онъ жилъ и трудился. Совершенно понятно, что отнынѣ ни новое изданіе сочиненій В. А. Жуковскаго, ни составленіе его жизнеописанія, ни даже лекціи гг. профессоровъ, учителей и преподавательницъ русской словесности объ этомъ столь крупномъ писателѣ, педагогѣ и гражданинѣ земли русской, крупномъ по его дарованіямъ и тому значенію, каковое имѣеть Жуковскій въ исторіи русской литературы вообще и въ жизни его августѣйшаго питомца, Царя-Освободителя, въ особености, не обойдутся отнынѣ безъ предварительнаго знакомства и справокъ съ отличнымъ трудомъ Ив. Ѡед. Бычкова о подлинныхъ бумагахъ В. А. Жуковскаго. Взглянемъ нѣсколько ближе на этотъ замѣчательный трудъ.

Въ 1883 году, какъ извѣстно, праздновался юбилей столѣтней годовщины дня рожденія В. А. Жуковскаго. Читатели припомнятъ, что «Русская Старина» приняла съ своей стороны весьма живое участіе въ чествованіи славной памяти—отличнаго поэта, гуманнѣйшаго педагога и превосходнѣйшаго по сердцу русскаго человѣка. На страницахъ «Русской Старины» явилось обширное собраніе дотогѣ не извѣстныхъ въ печати матеріаловъ къ жизнеописанію Жуковскаго; редакторъ журнала, пишущій эти строки, внесъ, въ званіи гласнаго Спб. Городской Думы, предложеніе общественному управленію столицы принять участіе въ торжествѣ юбилея Жуковскаго, имѣвшаго мѣсто въ Академіи Наукъ, каковое предложеніе было принято, равно и адресъ Спб. Думы, въ редакціи издателя «Русской Старины»; бюстъ Жуковскаго былъ вѣнчанъ лавровымъ вѣнкомъ въ торжественно публичномъ засѣданіи академіи, вѣнчанъ изъ рукъ городского головы въ сопровожденіи депутатовъ отъ столицы,—въ числѣ ихъ имѣлъ честь быть и пишущій эти строки¹⁾; затѣмъ городское управленіе ассигновало

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVII, въ которомъ помѣщено много сообщеній по поводу чествованія памяти В. А. Жуковскаго и матеріаловъ къ его биографіи, стр. 181—212; 429—456; 483—488; 664—678; 489—493 и проч. и проч.

сумму на постановку памятника В. А. Жуковскому въ Петербургѣ и таковой былъ устроенъ по конкурсу, Городскою Думою объявленному, поставленъ и торжественно открытъ въ С.-Петербургѣ въ 1887 году.

Очень полезны таковыя юбилеи. Оживляютъ они въ обществѣ нравственный образъ чествуемаго писателя или общественнаго дѣятеля—со всѣми тѣми идеалами, къ достиженію которыхъ была направлена ихъ дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ на свѣтъ божій—изъ подъ-спуда русскаго, столь обычнаго, равнодушія, невниманія и небрежности—не рѣдко много цѣннаго матеріала къ жизнеописанію и характеристикѣ чествуемаго лица.

Такъ случилось и съ Жуковскимъ. Однимъ изъ самыхъ блестящихъ результатовъ того, что русское общество помянуло его—въ 1887 году, въ день столѣтней годовщины дня рожденія Василя Андреевича, было то, что уже въ 1884 году его сынъ—художникъ, и притомъ талантливый—Павель Васильевичъ Жуковскій, живущій, большею частью, въ Германіи, принесъ въ даръ Императорской Публичной Библиотекѣ обширное собраніе бумагъ, оставшихся послѣ его отца. Этотъ драгоценный вкладъ не остался безъ вниманія среди массы рукописей книгохранилища. И. Ѳ. Бычковъ тогда же приступилъ къ его описанію, и вотъ оно явилось въ отчетѣ за тотъ же 1884 годъ, вышедшій нынѣ въ свѣтъ.

Все собраніе бумагъ Жуковскаго раздѣлено составителемъ описанія на отдѣлы; самый богатый его отдѣлъ имѣющій историко-литературное значеніе, составляютъ бумаги: сочиненія, переводы, дневники, замѣтки, педагогическія работы самого поэта, обнимающія почти всю его литературную дѣятельность съ 1800 по 1852 годъ.

Въ составленномъ И. Ѳ. Бычковымъ описаніи, бумаги эти распределены такъ: а) Матеріалы для автобіографіи поэта и его путевые дневники; б) сочиненія и переводы, въ стихахъ и прозѣ; в) нѣсколько бумагъ, касающихся литературнаго общества «Арзамасъ»; г) бумаги, относящіяся до самообразования Жуковскаго, и д) педагогическія его работы.

Въ каждомъ изъ названныхъ отдѣловъ бумаги размѣщены, насколько возможно, въ хронологической послѣдовательности.

Мы уже говорили, что составитель описанія нашелъ въ рукописяхъ Жуковскаго довольно много его произведеній, до сихъ поръ не напечатанныхъ; таковыя пьесы имъ приведены или въ отрывкахъ, дающихъ возможность быстро отыскать въ рукописяхъ поэта—цѣлое произведеніе, или теперь же въ описаніи помѣщены цѣликомъ, такъ напр. 64 стиха изъ «Вѣчнаго Жида», все переложеніе «Слова о полку Игоревѣ»—переложеніе чрезвычайной важности для исторіи

нашей словесности, именно потому, что оно принадлежит В. А. Жуковскому; конспектъ его автобіографіи, обзорѣніе записныхъ тетрадокъ поэта, его дневниковъ и проч. и проч.

Вотъ, напр., образчикъ вновь открытыхъ стихотвореній:

Тѣснѣтся всѣ къ тебѣ во храмъ,
И всѣ съ колѣнопреклоненьемъ
Тебѣ приносятъ омнѣямъ,
Тебя греющимъ славить пѣньемъ;
Я одинокъ въ углу стою,
Какъ живню, полонъ я тобою,
И жертву тайную мою.
Я приношу тебѣ душою.

4 (16) февраля 1821 г.

Въ бумагахъ сохранилось множество замѣтокъ о планѣ и развитіи тѣхъ или другихъ задуманныхъ Жуковскимъ стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторые такъ и остались ненаписанными; составитель описанія весьма бережно сохраняетъ въ немъ всѣ таковыя наброски; затѣмъ трудъ его былъ бы чрезвычайно обширенъ по объему, еслибы И. О. Вычковъ приводилъ всѣ открытыя имъ новыя редакціи стихотвореній или и вовсе не изданныя пьесы цѣликомъ, но онъ ограничивается, въ большинствѣ случаевъ, приведеніемъ начальныхъ строкъ, отмѣчая: Нач., т. е. начало. Таковой приемъ вполнѣ основателенъ, такъ какъ трудъ г. Вычкова, прежде всего, есть указатель къ рукописямъ, поступившимъ въ общественное книгохранилище и для общаго пользованія всѣхъ интересующихся литературой.

Приводимъ изъ «Описанія» нѣкоторые неизданныя стихотворенія Василя Андреевича, преимущественно небольшія по объему:

Трехъ Грацій древность признавала,
Тебя жъ, Эрминія, природа создала
На то, чтобъ Грацій ты собою затѣвала,
Для Грацій—граціей была.

Вамъ странно, отъ чего во всю я жизнь мою
Такъ веселъ! Вотъ секретъ: вчера дарю забвенью,
Веселью нынѣ отдаю,
А завтра—Провидѣнью.

Къ портрету императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Въ царцахъ скромная, любовь страны своей,
И въ бурю бѣдъ она душой была спокойна,
И вѣкъ ея свой судъ потомству дать объ ней:
Была величія и счастья достойна.

А. А. Воейковой.

Сашка, Сашка!
 Вотъ тебѣ бумажка.
 Сегодня шестое ноября,
 И я, тебя бумажкою дая,
 Говорю тебѣ: здравствуй;
 А ты скажи мнѣ: благодарствуй,
 И желаю тебѣ всякаго благополучія,
 Какъ въ губерніи маркиза Паулучія,
 Такъ и во всякой другой губерніи и уѣздѣ,
 Какъ по прїѣздѣ, такъ и по отъѣздѣ.
 Избави тебя Богъ отъ Грабовскаго,
 А люби и почитай господина Жуковскаго.

—
 Кто нашу жизнь своимъ добромъ считаетъ,
 За насъ впередъ заботливо глядитъ,
 О счастьи, какъ мы, за насъ мечтаетъ,
 Какъ мы отъ нашихъ бѣдъ дрожатъ,
 Кто, проводивъ насъ въ дальній путь съ тоскою,
 Въ кругу семьи нашъ празднуетъ возвратъ—
 Того зовемъ мы братомъ или сестрою;
 Ты мнѣ—сестра, а онъ мнѣ—братъ!

Солнце и Воей.

Солнцу разъ сказать Воей:
 „Солнце, ярко ты сіяешь!
 Ты всю землю оживляешь
 Теплотою своихъ лучей!...
 Но сравнишься-ль ты со мною?
 Я сто разъ тебя сильнѣй!
 Захожу, пушусь, завою,
 И въ минуту мракомъ гучь
 Потемню твой яркій лучъ.
 Всей землѣ свое сіянье
 Ты безъ шума раздаешь,
 Тихо на небо взойдешь,
 Продолжаешь путь въ молчаньѣ,
 И закатъ спокоенъ твой!
 Мой обмчаи не такой!
 Съ ревомъ, свистомъ я летаю,
 Всѣмъ верчу, все возмущаю,
 Все дрожить передо мной.
 Такъ не я ли царь земной!...
 И труда не будетъ много
 То на дѣлѣ доказать.

Хочешь власть мою узвать?
 Вотъ, гляди: большой дорогой
 Путешественникъ идетъ,
 Кто скорѣй съ него сорветъ
 Плащъ, которымъ онъ накрылся,
 Ты нль а?... И вмгъ Борей
 Всею силою своей,
 Какъ неистовый, пустился
 Съ путешественникомъ въ бой.
 Тянетъ плащъ съ него долой!
 Но напрасно онъ хлопочеть...
 Путешественникъ впередъ
 Все идетъ себѣ, идетъ,
 Уступить никакъ не хочетъ
 И плаща не отдаетъ.
 Наконецъ Борей въ досадѣ
 Замолчалъ; и вдругъ изъ тучъ
 Показало солнце лучъ,
 И при первомъ солнца взглядѣ,
 Оживленный теплотой,
 Путешественникъ по волю
 Плащъ, ему не нужный богъ,
 Снялъ съ себя своей рукой.
 Солнце весело блеснуло
 И сопернику шепнуло:
 „Везразсудный мой Борей!
 Ты расхвастался напрасно!
 Видишь: злости самовластной
 Милость кроткая сильнѣй!“

Начало черноваго наброска стихотворенія:

Какая хитрая обманщица надежда!
 Какъ любить нашу играть она душой?
 Посмотришь—чудная блеститъ на ней одежда,
 И, чтобъ вѣрнѣй плѣнить, она передъ тобой
 Является или небесной благодатью
 Или земной Ростопчиной!

Вотъ до сихъ поръ не бывшіе въ печати второй и третій куплеты
 «Пѣсни русскихъ солдатъ» (1834 г.):

Боже, царя храни!
 Вѣрною стражей
 Въ мирѣ у трона мы;
 Страхъ и препона мы
 Дерзости вражей.
 Боже, царя храни!

Боже, царя храни!
 Рады мы бою!
 Царь нашъ, предъ нами будь!
 Смерти подставимъ грудь,
 Станемъ стѣною.
 Боже, царя храни!

Драгоценны свѣдѣнія, извлеченныя составителемъ «Описанія» изъ бумагъ Жуковского о времени и ходѣ его труда относительно перевода «Одиссея» (стр. 113—114) и вообще о переводахъ Жуковского, разбѣянные въ надлежащихъ мѣстахъ разсматриваемаго труда, а также обзоръ всего, что сохранилось въ бумагахъ Жуковского, поступившихъ въ публичную библиотечку, относительно педагогическихъ его трудовъ въ качествѣ воспитателя цесаревича Александра Николаевича....

Общее количество группъ книгъ (рукописныя), тетрадей, альбомовъ, отдѣльныхъ связокъ, папокъ бумагъ В. А., разобранныхъ и описанныхъ г. Бычковымъ,—193.

Чтобы оцѣнить всю значительность труда, употребленнаго въ теченіи продолжительнаго времени И. Ѳ. Бычковымъ на составленіе его «Описанія бумагъ В. А. Жуковского» надо знать, что большинство этихъ бумагъ писаны просто иногда невозможнымъ, по своей неразборчивости, почеркомъ поэта, очень часто карандашомъ—полуистершимся отъ времени, съ массою помарокъ, недописокъ, недомолвокъ... и все это разобрано, систематически расположено и подмѣчены малѣйшія погрѣшности послѣдняго (1885 г.), восьмага, изданія сочиненій В. А. Жуковского, каковыя оказались теперь при поразительно усидчивомъ сличеніи печатнаго текста съ подлинникомъ автора.

Болѣе значительныя изъ вновь открытыхъ И. Ѳ. Бычковымъ отрывковъ или и цѣлыхъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ, стихотвореній и прозы Жуковского или бывшихъ и въ печати, но въ иной редакціи, суть слѣдующія: «Къ А. Н. Арбеневоу» (1812 г. Описаніе, стр. 35—36). «Фурману» (1815 г. Описаніе, стр. 42); «Богатырь Алеша Поповичъ» (1810 г., Описаніе, стр. 50—52); «Солнце и Борей» (Описаніе, стр. 64—65); «Умирающій лебедь» (Описаніе, стр. 65—66); «Золота арфа» (Описаніе, стр. 67—70); «Русская слава» (Описаніе, стр. 72); «Народная пѣсня» (Описаніе, стр. 72); Эпиграммъ къ «Жизни за Царя», либретто оперы М. И. Глинки (Описаніе, стр. 73—77); «Часто въ прогулкахъ моихъ...» (Описаніе, стр. 77—78); «Агасферъ» (1831 г. Описаніе, стр. 93—94); три стихотворенія: «Пери», «Пѣснь бедуинки», «Мечта» (Описаніе, стр. 100—103); «Всесилецъ Богъ...» (1841 г. Описаніе, 107); одно изъ размышленій политическаго содержанія

(Описание, 116—117); «Рустемъ и Зорабъ» (Описание, стр. 122—124); «Странствующій жидъ» (Описание, стр. 145—148); объ обществахъ «Арзамасъ» и проектъ особаго сборника сочиненій его членовъ (Описание, стр. 157—163) и многія другія.

Помѣщенное въ дополненіи къ Описанію переложеніе «Олова о полку Игоревѣ», исполненное В. А. Жуковскимъ и нынѣ открытое въ его бумагахъ И. Ѳ. Бычковымъ, весьма замѣчательно. Нѣтъ сомнѣнія, что оно не только войдетъ въ новыя изданія сочиненій В. А. Жуковскаго, но и гораздо равнѣ явится въ перепечаткахъ въ учебникахъ по исторіи русской словесности и въ разныхъ хрестоматіяхъ, къ ней относящихся.

Честь и слава И. Ѳ. Бычкову за его добросовѣтный, усердный и въ высшей степени полезный трудъ по описанію бумагъ славнаго поэта и воспитателя незабвеннаго Государя-Освободителя!

Отчетъ императорской публичной бібліотеки за 1884 годъ (кстати отмѣтимъ, вѣдая не пожалѣть, что появленіе отчетовъ этого книгохранилища до сихъ поръ не войдетъ въ сроки: въ 1887 году, да еще осенью, мы, вазалось бы, могли читать отчетъ за 1886 годъ, а передъ нами отчетъ за 1884 годъ!) — эта книга заключаетъ въ себѣ кромѣ весьма важнаго по значенію описанія бумагъ Жуковскаго, еще описаніе (трудъ того-же И. Ѳ. Бычкова) бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, состоящихъ изъ 110 номеровъ книгъ, связокъ и папокъ (см. приложение къ отчету, стр. 1—65); кромѣ того, есть нѣсколько интересныхъ замѣтокъ въ самомъ текстѣ отчета, относительно различныхъ приобретеній бібліотеки за обозрѣваемый годъ, какъ то бумаги Суворова и проч.

Изъ статистическихъ же данныхъ приведемъ, въ заключеніе нашей статьи, любопытное для насъ, какъ редактора-издателя «Русской Старины», свидѣніе.

Въ ряду 416 повременныхъ изданій на русскомъ языкѣ—по числу требованій читателями въ императорской публичной бібліотекѣ—въ 1884 году «Русская Старина» занимаетъ шестое мѣсто или первое послѣ пяти литературно-научныхъ журналовъ («Вѣстникъ Европы», «Дѣло», «Отечественныя Записки», «Русская Мысль» и «Русское Богатство»), а именно:

«Русская Старина» требуема была для прочтеній 2,177 разъ; въ этой цифрѣ и число отказовъ—въ удовлетвореніи требованій, такъ какъ книги журнала были въ это время въ чтеніи у другихъ посѣтителей бібліотеки.

Мих. Семевскій.

ГРАФЪ ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ

1828—1887 гг.

I.

Въ славной плеядѣ писателей, которыхъ полный разцвѣтъ относится къ великой эпохѣ Александра II, одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ занимаетъ, конечно, гр. Л. Н. Толстой. Если собственно съ этой эпохи обращено было на русскую жизнь и литературу особенное вниманіе и за границу, то въ послѣднее время вниманіе это преимущественно привлекъ къ себѣ, вмѣстѣ съ покойнымъ Ф. М. Достоевскимъ, именно Л. Н. Толстой. И это совершенно понятно: онъ, какъ и Достоевскій, исполнѣ самобытенъ и своеобразенъ, и, изучая его, иностранцы встрѣчаются съ тѣмъ, что совершенно для нихъ ново и ради чего русская литература и получаетъ для нихъ, наконецъ, образовательное значеніе.

Подробныхъ свѣдѣній о писателяхъ, еще не закончившихъ своего жизненнаго поприща (а мы надѣемся, что Л. Н. Толстой еще далеко его не закончилъ), трудно, конечно, и требовать. Только самыя выдающіяся черты сообщены были, сколько намъ извѣстно, близкимъ къ нашему автору лицомъ, въ краткомъ очеркѣ, находящемся въ томъ томикѣ избранныхъ сочиненій графа Л. Н. Толстаго, который входитъ въ составъ «Русской библиотеки» М. М. Стасюлевича (ч. IX. Спб., 1879).

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой родился 28-го августа 1828 г., въ томъ самомъ сельцѣ Ясная Поляна, Тульской губерніи, Крапивенскаго уѣзда, именемъ котораго онъ впоследствии озаглавилъ свое извѣстное народно-педагогическое изданіе. Отецъ его, гр. Николай Ильичъ, участвовавшій въ войнахъ 1812 и 1813 гг., а равно и дѣдъ—Илья Андреевичъ, самыми именами сходятся съ тѣми дѣйствующими

лицами въ хроникѣ «Война и Миръ», которыя нѣсколько замаскированы въ ней фамиліею Ростовыхъ. Мать нашего автора, Марья Николаевна, рожденная кн. Волконская, точно также можетъ быть сближена съ извѣстнымъ лицомъ той же хроники, при чемъ даже самая фамилія ея очень мало видоизмѣнена (вмѣсто Волконскихъ — Болконскіе). Матери лишился нашъ авторъ на второмъ году своей жизни, отца на десятомъ. Воспитателями автора и его трехъ старшихъ братьевъ, по обычаю нашихъ барскихъ семействъ, были двое иностранцевъ—нѣмецъ и французъ. Это нѣсколько напоминаетъ то, что встрѣчаемъ мы въ первыхъ повѣстяхъ Л. Н. Толстого—«Дѣтство» и «Отрочество», которыя, однако-же, далеки отъ того, чтобы служить автобіографіею молодыхъ лѣтъ автора (гораздо болѣе автобіографическаго сообщено имъ въ «Войнѣ и Мирѣ», а потомъ въ «Исповѣди»). Въ 1841 г. семейство Толстыхъ переѣхало изъ деревни въ Казань (временно оно жило въ Москвѣ, гдѣ старшій братъ автора сперва готовился, а потомъ и поступилъ въ университетъ). Тутъ-то Левъ Николаевичъ сталъ и самъ, въ 1843 г., студентомъ (по факультету восточныхъ языковъ), вслѣдъ за своими братьями (сюда-же перешелъ изъ Москвы и старшій). Съ восточнаго факультета, избраннаго, вѣроятно, совершенно случайно, Левъ Николаевичъ перешелъ на юридическій, тоже едва ли гармонировавшій съ его естественными наклонностями, но передъ экзаменомъ со втораго на третій курсъ совершенно вышелъ изъ университета и уѣхалъ съ братьями въ доставшуюся ему по раздѣлу Ясную Поляну, гдѣ и прожилъ до 1851 года (по временамъ посѣщая Москву и Петербургъ). Привязанность къ старшему брату заставила его переѣхать на Кавказъ, бывшій мѣстомъ службы этого брата, и поступить тамъ въ одну батарею съ нимъ, а именно въ 4-ю 20-й артиллерійской бригады. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, нашъ авторъ относилъ это къ тѣмъ грѣхамъ своей юности, въ которыхъ онъ такъ чистосердечно каялся въ своей «Исповѣди». На Кавказѣ написаны были «Дѣтство», сейчасъ же и посланное въ «Современникъ», затѣмъ «Отрочество», «Набѣгъ», «Утро молодого помѣщика» и начата «Кавказская повѣсть» (часть которой—«Казакъ» напечатана была потомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»). Въ 1853 г. Левъ Николаевичъ, по своей просьбѣ, былъ переведенъ въ дунайскую армію и участвовалъ въ кампаніи 1854 г. По отступленіи русской арміи изъ Яссы, онъ перешелъ въ Севастополь и участвовалъ въ безсмертной его оборонѣ, служа въ легкой артиллеріи. Въ маѣ 1855 г. онъ былъ назначенъ командиромъ горнаго дивизиона и участвовалъ въ роковомъ сраженіи на Черной рѣчкѣ 4-го августа, а 27-го августа былъ при штурмѣ Севастополя, послѣ котораго отправился курьеромъ въ Петербургъ.

Севастопольскія впечатлѣнія отразились на его извѣстныхъ «Севастопольскихъ разсказахъ»; въ которыхъ исчезаетъ все эффектное и все казовое военной поры, выступаетъ впередъ вся изнанка героической эпохи, но вполне сохраняетъ свое обаяніе истинный героизмъ. Участіе въ великой севастопольской эпопеей никакъ уже не могло быть отнесено къ «грѣхамъ юности», хотя бы авторъ, впоследствии, глядѣлъ свысока и на эту страницу въ своей жизни, теоретически увлекаясь своимъ ученіемъ о «непротивленіи злу».

Въ 1856 г. гр. Л. Н. Толстой вышелъ въ отставку и жилъ зимою въ Петербургѣ и Москвѣ, а лѣтомъ въ «Ясной Полянѣ»¹⁾. Послѣ двухъ поѣздокъ за границу, съ 1861 г. онъ жилъ въ деревнѣ, сперва исполняя должность мирового посредника (перваго, по времени, призыва), потомъ занимаясь народными школами и издавая педагогическій журналъ «Ясная Поляна». Онъ, такимъ образомъ, и словомъ и дѣломъ принялъ живое участіе въ незабвенной порѣ нашего внутренняго возрожденія, которымъ мы отводили себѣ душу послѣ парижскаго міра. То полусатирическое отношеніе къ этой порѣ, которое проглянуло въ первой главѣ его неоконченнаго романа «Декабристы», по нашему мнѣнію, должно быть отнесено къ несомнѣннымъ уже «грѣхамъ» его гениальнаго пера (отрывки эти напечатаны были сперва въ сборникѣ «Литературнаго Фонда», а затѣмъ вошли и въ полное собраніе его сочиненій, т. 2).

Ко времени жизни отъ 1855 по 1861 годъ относятся у нашего автора: «Юность», послѣдній изъ севастопольскихъ очерковъ «Севастополь въ августѣ», «Два гусара», «Альбертъ», «Люцернъ», «Три смерти», «Семейное счастье», «Полюшка».

Въ 1862 г., Левъ Николаевичъ женился, въ Москвѣ, на дочери доктора Андрея Евстафьевича Берса, Софьѣ Андреевнѣ. Съ той поры живетъ онъ почти постоянно въ своей «Ясной Полянѣ», на зиму прѣзжаетъ въ Москву, отдаваясь заботамъ о своихъ и крестьянскихъ дѣтяхъ, а въ послѣдніе годы и земледѣльческому труду.

¹⁾ Къ этому времени (мартъ 1856 г.) относится его портретъ въ офицерскомъ сюртукѣ, онъ снятъ въ общей группѣ съ слѣдующими его сотоварищами по литературѣ: И. С. Тургеневъ,—А. Н. Островскій,—И. А. Гончаровъ,—А. В. Дружининъ и Д. В. Григоровичъ. Фотографія исполнена у С. Л. Левинскаго, а превосходный снимокъ съ нея воспроизведенъ при «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., апрѣль.

II.

Любимецъ народныхъ былинъ, крестьянскій сынъ Илья Муромецъ, распрощался съ плугомъ, взявшись за мечъ-кладенецъ ради обороны той же матери земли. Богатырь русской творческой мысли, Л. Н. Толстой, баринъ по происхожденію и по воспитанію, началъ съ военнаго поприща, а кончилъ тѣмъ, что навсегда поселился въ деревнѣ и взялся, въ прямомъ смыслѣ, за крестьянскій трудъ. Но настоящимъ его служеніемъ землѣ, т. е. населяющему ее міру-народу, остается все-таки его богатырскій мечъ—то перо, которымъ онъ постоянно оборонялъ почву, все непосредственное, свѣжее, безыскусственное отъ всего напускнаго и дѣланнаго, столь неразрывно связаннаго съ барскимъ бытомъ и барскими правами.

Ко времени послѣ 1862 г. относятся два большія произведенія, «Война и Миръ» и «Анна Каренина»—съ одной стороны; «Азбука», «Книга для чтенія», статья «о народномъ образованіи»—съ другой.

«Война и Миръ», эта реалистическая эпопея нашихъ наполеоновскихъ войнъ, которою зачитывались и зачитываются люди самыхъ различныхъ возрѣвій и вкусовъ вслѣдствіе того, что тутъ творческая сила Л. Н. Толстаго достигла высшей степени своего развитія, вызвала, въ свое время, нападки со стороны искреннихъ, но одностороннихъ «патріотовъ» и побудила автора написать объяснительную статью, появившуюся въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 г. ¹⁾ Въ сущности, это—примѣненіе къ бывшей порѣ той же точки зрѣнія, съ которой отнесся авторъ въ своихъ Севастопольскихъ очеркахъ къ порѣ, непосредственно имъ самимъ пережитой. Тутъ такое же уничтоженіе казоваго, искусственнаго героизма при такомъ же сохраненіи всего обаянія отъ героизма настоящаго, неподдѣльнаго. Хроника «Война и Миръ», по своему основному возрѣвію, должна бы имѣть особенно отрезвляющее впечатлѣніе въ той странѣ, гдѣ и сложились выраженія grand, sublime въ томъ фальшивомъ смыслѣ, какой и разоблачается тутъ нашимъ авторомъ.

«Анна Каренина», вызвавшая при своемъ появленіи со стороны нѣкоторыхъ странныхъ обвиненія за самый выборъ такого великосвѣтскаго сюжета, на самомъ дѣлѣ заключаетъ въ себѣ то же, излюбленное Толстымъ, изобличеніе великосвѣтской лжи съ одной стороны,

¹⁾ Къ сожалѣнію, не вошедшую въ Полное собраніе сочиненій.

сведеніе вопроса о семейной нравственности къ его простымъ и естественнымъ основамъ—съ другой.

Статья о народномъ образованіи, появившаяся въ свое время въ «Отечественныхъ Запискахъ», является, въ связи съ другими педагогическими статьями нашего автора, защитою народнаго здраваго смысла отъ той прививной искусственной педагогики, которая видить въ крестьянскихъ дѣтяхъ какихъ-то идиотовъ по природѣ. Книжки для народнаго чтенія (выдержавшія тринадцать, а одна даже четырнадцать изданій), являются примѣненіемъ къ дѣлу того педагогическаго приема Л. Н. Толстаго, въ силу коего самъ учитель долженъ прежде всего изучать ту народную почву, на которую хочетъ онъ дѣйствовать, считаться съ ея потребностями, наклонностями, а отчасти и ея вкусами.

Изъ критическихъ статей, относящихся къ дѣятельности Л. Н. Толстаго до 1862 года, самыми выдающимися по таланту остаются, конечно, статьи покойнаго А. А. Григорьева (въ журналѣ «Время» 1862 г.) ¹⁾. Что касается слѣдующаго затѣмъ періода, то самую внимательную его оцѣнку представляютъ статьи Н. Н. Страхова, включенныя имъ въ Сборникъ критическихъ статей объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (Петербургъ, 1885 г.). «Анна Каренина», въ связи съ послѣдующими сочиненіями нашего автора, всего лучше оцѣнена преждевременно погибшимъ даровитымъ критикомъ М. С. Громекою въ рядѣ статей, сперва печатавшихся въ «Русской Мысли», а затѣмъ и отдѣльно изданныхъ подъ заглавіемъ: «Послѣднія произведенія гр. Л. Н. Толстаго». М. 1885 г. ²⁾.

Уже въ заключительной части «Анны Карениной», особенно же въ эпилогѣ этого романа, авторъ коснулся уже нѣкоторыхъ вопросовъ, ставшихъ основною темою его послѣднихъ произведеній, изъ которыхъ только немного вошло въ 12 томъ полнаго собранія его сочиненій, остальное же извѣстно по тѣмъ гектографированнымъ изданіямъ, которыя такъ и остаются недоступными большинству. Съ содержаніемъ ихъ отчасти знакомитъ книга покойнаго Громеки, а равно и статьи г. Гусева: «Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мимо новая вѣра» (въ «Православномъ Обзорѣніи» 1886 г.). Основательную оцѣнку религіозно-философскихъ воззрѣній Толстаго представляютъ также

¹⁾ Онъ, къ сожалѣнію, не вошелъ въ 1-й и пока единственный томъ сочиненій даровитаго критика.

²⁾ Эта замѣчательная книга вызвала брошюру князя Кемскаго (псевдонимъ): «Анна Каренина подъ ножемъ критики». Петербургъ, 1885 г.

статьи, появившіяся въ «Философскомъ сборникѣ» профессора Козлова (Кіевъ, 1885 г.).

Дидактизмъ послѣднихъ произведеній Л. Н. Толстаго если иногда и сходится съ дидактизмомъ покойнаго Ф. М. Достоевскаго, то во многомъ весьма существенномъ и основномъ даже прямо расходится съ нимъ—въ томъ, напримѣръ, что Толстой всю сущность христіанства сводитъ къ такъ называемому «непротивленію злу», тогда какъ Достоевскій былъ далекъ отъ того, чтобы въ употребленіи силы видѣть непремѣнно насиліе. Между тѣмъ оба они были поставлены на одну почву въ брошюрѣ г. Леонтьева: «Наши новые христіане—Ф. М. Достоевскій и Л. Н. Толстой», М., 1880 г. Брошюра эта исполнена самаго отчаяннаго изувѣрства. Новозавѣтная религія любви подмѣнена тутъ ветхозавѣтною религіею страха.

Очень тяжелое впечатлѣніе производятъ и новѣйшія выходки противъ Л. Н. Толстаго .

Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что въ этихъ произведеніяхъ гр. Толстаго многое недоговорено, невыяснено, многое доведено до самой парадоксальной крайности, а потому и можетъ и должно вызывать нападенія съ различныхъ сторонъ. Но нападенія нападеніямъ рознь.

Наша критика по поводу послѣднихъ произведеній Л. Н. Толстаго раздѣлилась, можно сказать, на два стана. Къ числу дерзающихъ не только сомнѣваться въ вѣрности многого, высказаннаго въ послѣднее время знаменитымъ писателемъ, но и горячо, даже рѣво съ нимъ спорить, должны быть отнесены Н. К. Михайловскій (статья котораго изъ «Отечественныхъ Записокъ» 1875 г. и «Сѣвернаго Вѣстника» 1885 г. вышли въ видѣ отдѣльной книжки подъ заглавіемъ: «Критическіе опыты, I. Гр. Л. Н. Толстой», Петербургъ, 1887 г.); А. М. Скабичевскій (весьма интересныя статьи котораго также изданы отдѣльною книгою: «Гр. Л. Н. Толстой какъ художникъ и мыслитель». Критическіе очерки и замѣтки. Петербургъ, 1887 г.) и г. Слонимскій (замѣтки его печатались въ «Вѣстникѣ Европы» за 1886 г.). Къ числу ревностныхъ защитниковъ и поборниковъ великаго писателя должны быть отнесены: бар. Р. А. Дистерло (статьи его изъ «Недѣль» переизданы отдѣльно подъ заглавіемъ: «Гр. Л. Н. Толстой, какъ художникъ и моралистъ». Петербургъ. 1887 г.), особенно же Л. Е.

Оболенскій (издавшій свои статьи уже вторымъ дополненнымъ изданиемъ: «Л. Н. Толстой и его философскія и нравственныя идеи». Петербургъ, 1887 г.).

Пишущій эти строки соприсчисленъ почтеннымъ издателемъ «Русскаго Богатства» къ первому, т. е. враждебному стану. Но это несправедливо. Въ своей книгѣ о «Русскихъ писателяхъ послѣ Гоголя» мы старались высказаться о Л. Н. Толстомъ безъ всякаго, кажется намъ, раздраженія. Мы даже вполне признаемъ развивающее, образовательное значеніе гениальныхъ парадоксовъ, и относимъ къ числу ихъ и «непротивленіе злу», и боязнъ какаго бы то ни было употребленія денегъ, и обязательность для всѣхъ физическаго труда и т. п., но мы не думаемъ, чтобы гениальность писателя обязывала относиться къ нему только благоговѣнно, мы допускаемъ въ отношеніи къ гению и сомнѣніе, и полемическій жаръ, если они вызываются несоотвѣтствіемъ у этого гения основныхъ цѣлей съ добываемыми результатами.

Увлеченіе нашимъ великимъ писателемъ иностранной критики не можетъ служить предостереженіемъ или острасткою для критики русской. Да вѣдь и иностранная критика, даже въ лицѣ наиболѣе, кажется, восторженнаго г. де-Вогюз, озадаченная, подобно отечественной критикѣ, исполнискою творческою силою Л. Н. Толстаго, и справедливо преклоняясь также передъ отвагою его критической мысли, далека однако-же отъ того, чтобы становиться молчаливою. (Съ иностранными отзывами о нашемъ авторѣ знакомитъ книга Ф. Н. Булгакова: «Л. Н. Толстой и отзывы о немъ русской и иноземной критики». Спб. 1886 г.).

Послѣднее произведеніе гр. Л. Н. Толстаго—драма «Власть тьмы», безусловно защищаемая Л. Е. Оболенскимъ, заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, болѣе сдержаннаго и вдумчиваго отношенія къ ней. Считая вполне полезными для народа (развѣ за немногими исключеніями) рассказы Л. Н. Толстаго, и глубоко сожалѣя о новѣйшихъ затрудненіяхъ для ихъ распространенія, мы бы сочли, съ другой стороны, драму «Власть тьмы» вовсе не желательною для народной сцены. Мы можемъ ошибаться, но дѣйствіе ея на зрителей такой сцены неволью представляется намъ подходящимъ къ дѣйствию зрѣлища смертной казни. Дидактизмъ этой драмы рассчитанъ на устрашеніе, на самомъ-же дѣлѣ можетъ обратиться въ соблазнъ. Что касается значенія ея вообще, то ея психологія едва ли такъ безупречна, какъ это представляется г. Оболенскому, а ея ультрареализмъ не въ такой мѣрѣ выкупается идеальнымъ строемъ основной мысли, какъ въ «Смерти Ивана Ильича», послѣдней повѣсти Л. Н. Толстаго, вошедшей въ двѣнадцатый томъ Полнаго собранія его сочиненій.

Мы въ правѣ ожидать еще многого отъ нашего великаго писателя, не только отъ его творческихъ силъ, но и отъ его могучей мысли, вѣрить въ то, что она пробьется на такую прямую дорогу, которая окажется въ самомъ дѣлѣ спасительною для всѣхъ насъ.

Ор. Е. Миллеръ.

20-го октября 1887 г.

Поправка.

Въ статью В. И. Семевского, въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины“ 1887 г., вкрасась опска: на стр. 423 напечатано: подтвержденномъ 19 апрѣля.

Слѣдуетъ читать: подтверждено 19 декабря.

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЙВАЗОВСКІЙ.

Къ воспоминаніямъ о его юбилеѣ 26-го сентября 1887 г.

I.

На торжествѣ чествованія Ивана Константиновича Айвазовскаго въ Императорской академіи Художествъ, въ числѣ депутатовъ, привѣтствовавшихъ уважаемаго юбиляра, въ ряду другихъ представителей отъ с.-петербургской городской думы, былъ гласный М. И. Семеновскій. По прочтеніи Н. Н. Медвѣдевымъ адреса городской думы, М. И. Семеновскій сказалъ:

— «Вслѣдъ за общимъ привѣтомъ съ моими сотоварищами по городской думѣ, обращеннымъ къ вамъ отъ с.-петербургскаго городского общественнаго управленія, позвольте мнѣ, высокоуважаемый Иванъ Константиновичъ, привѣтствовать васъ въ настоящій дорогой для всего русскаго общества день отъ редактируемаго мною изданія «Русская Старина».

«Десять лѣтъ тому назадъ, я имѣлъ истинное удовольствіе выслушать отъ васъ подробное обзорѣніе всей вашей жизни и художественной дѣятельности: жизнь эта прошла въ непрестанныхъ трудахъ, посвященныхъ славѣ дорогаго нашего отечества, и эта слава далеко разнеслась за рубежомъ безпредѣльной Россіи. Имя ваше принадлежитъ теперь всему цивилизованному міру. Излагая свои Воспоминанія на страницахъ «Русской Старины», вы съ полнѣйшею искренностію повѣдали вашимъ современникамъ и потомству всѣ тѣ замѣчанія, всѣ тѣ указанія относительно искусства, мощнымъ представителемъ котораго вы доселѣ служите, — всѣ тѣ указанія, которыя выработаны вами въ теченіи многолѣтней труженической жизни вашей. Такимъ образомъ, вы не только дали русскому обществу многочисленныя

произведенія дивной кисти вашей, но и преподали вашимъ послѣдователямъ самые полезныя совѣты и запечатлѣли ихъ въ вашихъ запискахъ. Многочисленные ученики и послѣдователи ваши, разбѣянные по всему лицу Россіи и за ея границами, конечно, не престанутъ имѣть въ своей памяти произведенія Айвазовскаго и воспользуются вашими указаіями. Живите же долго и да послужитъ ваша дѣятельность и въ будущемъ вдохновительницею русскихъ художниковъ. Привѣтствую васъ отъ глубоко признательной вамъ редакціи «Русской Старины».

Подробности торжества въ стѣнахъ императорской академіи художествъ, въ собраніи многочисленныхъ представителей всѣхъ сферъ знаній: науки, литературы, художества и искусствъ, въ собраніи, удостоенномъ присутствіемъ августѣйшаго президента императорской академіи художествъ, были напечатаны во всѣхъ газетахъ и во многихъ журналахъ, и намъ не приходится повторять ихъ здѣсь. Скажемъ лишь, что торжество это несомнѣнно навсегда сохранится и въ лѣтописи императорской академіи художествъ и въ исторіи русскаго общества, какъ въ высочайшей степени замѣчательная дань признательности и уваженія, которая выразила, можно сказать, вся Россія и всѣ главнѣйшіе центры художественной дѣятельности въ Европѣ въ мощному русскому гению-художнику ¹).

II.

Въ тотъ же день, 26-го сентября, какъ опять таки извѣстно всѣмъ изъ газетъ, былъ торжественный обѣдъ юбиляру, данный многочисленнымъ собраніемъ представителей петербургскаго общества.

Обѣдъ происходилъ въ громадной залѣ бывшаго помещенія клуба художниковъ, въ Троицкомъ переулкѣ (нынѣ домъ Павлова). На обѣдѣ присутствовали: министры народнаго просвѣщенія и путей сообщенія, множество профессоровъ, академиковъ, художниковъ, писателей и различныхъ чиновныхъ и вѣчныхъ особъ; было не мало и дамъ.

¹) Укажемъ здѣсь на хорошо составленную Л. Е. Мазировымъ брошюру: „Иванъ Константиновичъ Айвазовскій, по поводу его пятидесятилѣтняго юбилея. Спб. 1887 г., въ м. 8 д., стр. 125. Это оттискъ очень хорошихъ статей по сему предмету, явившихся въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, съ дополненіемъ адресовъ, рѣчей и привѣтствій на обѣдѣ, данномъ обществомъ юбиляру. Наша рѣчь не была своевременно нами написана, а сказана экспромтомъ, а потому явилась въ брошюрѣ въ извлеченіи (стр. 96).

Ред.

Послѣ обычныхъ тостовъ за здоровье Государя Императора и Августѣйшихъ особъ, а равно вслѣдъ за тостомъ, принятымъ съ особеннымъ одушевленіемъ, за здоровье высоко чтимаго юбиляра, первую рѣчь сказалъ редакторъ-издатель «Русской Старины» М. И. Семевскій.

— «Высокоуважаемый Иванъ Константиновичъ и милостивые государыни и государи! Позвольте перенести ваше вниманіе на старину, особенно дорогую для нашего юбиляра и весьма пріятную для русскаго общества. Я хочу перенести ваше воображеніе за 51 годъ, ни болѣе ни менѣе, до настоящаго времени, когда впервые появились, въ сентябрѣ 1836 г., на выставкѣ императорской академіи художествъ картины молодаго художника Айвазовскаго. Картины эти были тотчасъ замѣчены всѣми и привлекли къ себѣ толпы посѣтителей выставки. Издававшійся тогда журналъ «Художественная Газета», внимательно слѣдившая за состояніемъ и успѣхами художества въ Россіи и Европѣ, послѣдила дать отзывъ о томъ впечатлѣніи, которое произвели на русское его времени общество произведенія молодаго, до тѣхъ поръ совершенно безвѣстнаго, ученика академіи художествъ. Вотъ что писалъ редакторъ названной газеты, Несторъ Кукольникъ, писатель, по тому времени, довольно талантливый и, во всякомъ случаѣ, европейски многосторонне образованный, въ особенности отлично знавшій и понимавшій искусство:

— „Картины этого художника изображаютъ: пароходъ, идущій въ Кронштадтъ, и голландскій корабль на открытомъ морѣ. Говоримъ безъ оковъ, что талантъ художника поведетъ его далеко. Изученіе природы откроетъ ему детальныя сокровища, о которыхъ теперь талантъ только догадывается“...

«Передавая содержаніе картинъ Айвазовскаго, Кукольникъ съ восторгомъ восклицаетъ:

„О! тутъ нечего ворожить! Еще нѣсколько лѣтъ опыта и труда, освѣщенныхъ размышленіемъ! Рожденный въ Крыму, на берегахъ Чернаго моря, какъ сонъ дѣтства, голубитъ онъ темныя воспоминанія золотого возраста, что уже громко говоритъ о внутреннемъ поэтическомъ дарованіи въ картинахъ его...

„Разнообразность его таланта видна въ быстромъ его трудѣ... Айвазовскій не можетъ, не долженъ быть одностороннимъ. Его фигуры, земля, небо доказываютъ чѣмъ онъ быть можетъ и долженъ. Произведенія Айвазовскаго теперь уже поражаютъ, кидаются въ глаза. Мы ожидаемъ, что они глубоко будутъ западать въ душу зрителя и на долго будутъ оставаться на днѣ ея... Дай, Господи, намъ многія лѣта, да узримъ исполненіе нашихъ надеждъ, которыми дѣлимся съ читателями“.

•Милостивые государыни и государи! Минуль 51 годъ съ того момента, когда были напечатаны прочитанныя мною строки. Спрашивается: оправдалъ ли художникъ Айвазовскій высказанныя въ этомъ отзывѣ надежды? Отвѣтомъ на это можетъ служить то торжество, которымъ ознаменовывается сегодня болѣе чѣмъ полувѣковой юбилей его художественной дѣятельности! Но онъ сталъ оправдывать этотъ привѣтъ съ первыхъ же лѣтъ, когда выступилъ на самостоятельное поприще. Извѣстность его облетѣла всю Россію. Новому богатырю русской славы было тѣсно въ предѣлахъ обширнаго нашего отечества и его слава пролетѣла далеко, далеко за рубежъ Россіи: имя его славится и чувствуется не только во всѣхъ центрахъ европейской цивилизаціи, но проникло и на дальній Востокъ, гдѣ только явились первые зерна этой цивилизаціи. И какимъ достойнымъ носителемъ русскаго генія явился чувствуемый нами художникъ! Вся его многолѣтняя жизнь посвящена искусству и служенію на поприщѣ художествъ отечеству. Многочисленныя произведенія его сдѣлались украшеніемъ не только множества хранилищъ художественныхъ сокровищъ, но и предметами благотворенія, такъ какъ, чуткій и отзывчивый на все доброе, Айвазовскій многократно предоставлялъ всѣ сборы съ выставокъ своихъ произведеній на самыя разностороннія, но всегда самыя добрыя дѣла. Сотни учащихся художниковъ были поддержаны щедрою и доброю рукою великодушнаго своего учителя. И посмотрите, какою признательностію, какимъ уваженіемъ окружена личность высоко чтимаго нашего юбиляра! Что касается до славы его какъ первокласснаго дѣятеля отечественнаго искусства, то она такъ прочна, такъ велика, такъ возрасла въ теченіи болѣе чѣмъ полувѣка, что если бы къ многочисленному настоящему собранію представителей всей, можно сказать, знати русской науки, художествъ, литературы и искусствъ присоединились бы, возставъ изъ могилъ, гениальный Брюлловъ, дружеское участіе котораго ободряло первые взмахи дивной кисти Айвазовскаго, если бы, говорю я, явился гениальный Пушкинъ, любовавшійся на выставкѣ, въ сентябрѣ 1836 г., картинами Айвазовскаго, то и они съ величайшимъ восторгомъ присоединились бы къ намъ и слили бы свои клики съ нашимъ общимъ, отъ сердца вырывающимся кликомъ: да здравствуетъ дорогой нашъ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій, одинъ изъ могучихъ богатырей русской славы!»

Рѣчь эта была принята съ всеобщимъ энтузіазмомъ...

III.

7-го октября 1887 года, Иванъ Константиновичъ собралъ вокругъ себя, въ трехъ залахъ одного изъ извѣстныхъ ресторановъ Петербурга, до 150-ти лицъ своихъ близкихъ знакомыхъ, обоего пола Обѣдъ былъ вполне достоинъ всѣмъ извѣстнаго радушія и гостепримства Айвазовскаго. На этомъ обѣдѣ сказано была только одна рѣчь нынѣшнимъ ректоромъ с.-петербургскаго университета, г. Владиславлевымъ. Она извѣстна изъ газетныхъ сообщений; въ ней г. Владиславлевъ предлагалъ наименовать Черное море моремъ Айвазовскаго, но затѣмъ, оставляя эту мысль, окончилъ свою рѣчь пожеланіемъ, дабы это прекрасное море по прежнему оставалось вдохновителемъ мощныхъ произведеній Айвазовскаго,—своего поэта въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Но, оставляя море,—скажемъ отъ себя,—волноваться межъ роскошныхъ береговъ Тавриды, грознаго Кавказа и турецкими берегами, которые, рано или поздно, но сдѣлаются-же, наконецъ, берегами русскими и море Черное станетъ моремъ чисто русскимъ, подойдемъ ближе къ Айвазовскому какъ къ человѣку - гражданину, и спросимъ его, въ чемъ заключается причина, что все многочисленное собраніе 7 октября, состоявшее изъ лицъ самыхъ разнородныхъ по положенію своему и по состоянію,—лицъ, начиная отъ стоящихъ близъ трона сановниковъ до бѣдныхъ тружениковъ художества и искусства и до юныхъ учащихся—всѣ успѣшили откликнуться на приглашеніе радушнаго хозяина, всѣ явились, никого не было въ нѣтяхъ. Мнѣ кажется, если-бы И. К. Айвазовскій послалъ приглашеніе и своему своему нравному нѣкогда наставнику, профессору Таннеру, злобная зависть котораго чуть не погубила въ 1836 г. выступившаго на поприще художественной дѣятельности Айвазовскаго ¹⁾; если-бы, говоримъ мы, могло дойти и до него, Таннера, давно уже своимъ смерти опочившаго, приглашеніе, то, всеконечно, и онъ явился-бы съ величайшимъ удовольствіемъ на эту дружественную и торжественную трапезу. Въ чемъ заключается причина этого явленія? Въ томъ ли только, что общество видитъ предъ собою мощный талантъ и того, какъ мы уже сказали, богатыря, который создаетъ славу нашего отечества? Нѣтъ, не одно только это сознаніе, что предъ нами стоитъ человѣкъ вполне историческій, но что именно предъ нами человѣкъ—какъ гражданинъ земли

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 657—670.

русской — заслуживаетъ полнѣйшей симпатіи. Вотъ что привлекло за эти столы многочисленныхъ гостей и заставило ихъ здѣсь соединиться въ столь тѣсную семью. Всѣ здѣсь присутствующе дѣйствительно одушевлены однимъ чувствомъ уваженія и любви къ Айвазовскому.

Въ самомъ дѣлѣ, всю свою жизнь онъ свято исполнялъ Богомъ данное ему призваніе: онъ честно служилъ русскому народу дарованнымъ ему талантомъ; онъ, прославляя себя, прославилъ имя русскаго человѣка. Ни почести, ни чины, ни богатѣйшее вознагражденіе за его труды не могли не только уничтожить, ниже ослабить присущія ему душевныя качества. Доброта, привѣтливость, радушіе Айвазовскаго извѣстны издавна. Многіе изъ присутствующихъ на настоящемъ обѣдѣ многократно воспользовались знаменитымъ гостепримствомъ владѣльца роскошнаго имѣнія близъ города Феодосіи, а пробыть туда въ близкомъ будущемъ желѣзная дорога, — пробыть-же она, наконецъ, туда, — и число посѣтителей Феодосіи значительно увеличится. Никогда, во всю свою жизнь, Айвазовскій не забывалъ, при какой бѣдности, при какой безвѣстности онъ, — самая фамилія котораго была для него еще въ 1836 году вопросомъ, ибо онъ писалъ и его называли: то Гайвазовскій, то Айвазовскій, — при какой безвѣстности началъ онъ свою дѣятельность, и потому сердце его всегда было и есть открыто для его бѣдствующихъ собратій по художеству. Никогда художникъ, въ особенности русскій, обращавшійся къ Айвазовскому, не былъ имъ невыслушанъ и неподдержанъ. Все это всѣмъ извѣстно. Выйдя изъ самой глубины низшаго слоя добраго русскаго народа, въ которомъ растворяются всѣ элементы инородческіе, въ томъ числѣ и армянскіе, и усваиваются лучшія черты великорусскаго племени, Айвазовскій — вполнѣ русскій человѣкъ со всѣми его добрыми качествами.

Отиѣтнимъ въ немъ черту какъ художника: никогда онъ не порывалъ связей съ академіею художествъ, своею учительницею; всегда сознавалъ, какъ много онъ былъ ей обязанъ. Между тѣмъ, кто не знаетъ, что эта почтенная старушка (ей теперь уже идетъ 122-й годъ!) бывала, въ особенности въ прежнее время, и своенравна, и капризна по отношенію даже къ Айвазовскому. Въ интересныхъ Запискахъ Ивана Константиновича («Русская Старина» изд. 1878 г.), мы читаемъ, между прочимъ, рассказы о томъ, что нерѣдко академія, именно потому, что она (говоримъ про прежнее время) капризная старушка, не находила иногда въ своихъ залахъ, во время выставокъ, удобнаго мѣста для картинъ своего знаменитаго мариниста, и развѣшивала ихъ то высоко, то въ дурно освѣщенныхъ углахъ, предпочитая имъ иногда произведенія болѣе слабой кисти. Но Айвазовскій,

зная, что это лишь припадки каприза и своенравія, относился постоянно ровно къ своей учительницѣ, не прерывалъ никогда съ нею связей, всегда стоялъ выше интригъ, козней, дразгъ, чуждался сплетень, не принадлежалъ ни къ какимъ кружковымъ партиямъ, всегда былъ выше этого, и вотъ, посмотрите, какъ возликовала наша заслуженная старушка академія художествъ въ день сегодняшняго торжества, какъ сердечно, какъ любовно обняла она славнаго своего питомца!

Да! Иванъ Константиновичъ, проживя до глубокой старости, можетъ высоко держать свое чело, не опуская глазъ ни предъ кѣмъ; жизнь его, какъ гражданина-художника, не имѣетъ пятенъ. Пусть же будетъ она поучительна для всѣхъ, начиная съ лицъ, стоящихъ высоко у власти, до тѣхъ, которые лишь вступаютъ на жизненный тернистый путь. Пусть помнятъ всѣ они, что лишь глубокая искренняя преданность своему долгу, честность, въ особенности же доброе сердце, чуткая отзывчивость на все, съ чѣмъ связано благо и слава дорогаго нашего отечества и нашихъ согражданъ, только это вѣнчается, подобно сегодняшнему дню, чувствомъ общимъ для всѣхъ, чувствомъ любви, признательности и уваженія.

IV.

30-го сентября 1887 г. въ собраніи с.-петербургской городской думы прочитано было секретаремъ собранія благодарственное письмо И. К. Айвазовскаго, къ общественному управленію столицы обращенное.

Такъ какъ письмо это составить не безынтересную страницу въ биографіи маститаго художника, то мы перепечатаваемъ этотъ документъ изъ «Извѣстій С.-Петербургской Городской Думы». (1887 г., № 38, стр. 277—278):

— «26-го сентября, въ день пятидесятилѣтняго юбилея моей художественной дѣятельности, общественное управленіе С.-Петербурга почтило меня своимъ привѣтомъ. Глубоко тронулъ меня этотъ высокій знакъ сочувствія къ моей художественной дѣятельности.

«Питомецъ императорской петербургской академіи художествъ,— я не могъ не вспомнить, что здѣсь, въ Петербургѣ, болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, я увидѣлъ зарю первыхъ моихъ успѣховъ; здѣсь, въ дорогомъ для меня городѣ, еще въ 1836 году, общество встрѣтило мои картины самымъ ободряющимъ вниманіемъ и тѣмъ возбудило во

мнѣ энергію всецѣло отдаться моему призванію служить пламенно любимому отечеству — въ качествѣ художника.

«Сюда, въ Петербургъ, всегда влекло меня сердце, и съ нимъ, съ этимъ славнымъ городомъ, дѣлился я, въ теченіи болѣе полувѣка, произведеніями моей кисти, представляя ихъ на выставки, оставляя на стѣнахъ общественныхъ музеевъ и частныхъ собраній, дворцовъ и зданій лицъ различнаго положенія и состоянія.

«И какъ тепло, какъ сердечно относилось ко мнѣ всегда общество петербургское! Нынѣ оказанный въ Петербургѣ высокій мнѣ почетъ, достойно увѣнчавъ полувѣковыя отношенія ко мнѣ его населенія, ярко озарилъ закатъ моей труженнической жизни самымъ живительнымъ свѣтомъ.

«Нѣтъ сомнѣнія, что сочувствіе ко мнѣ Петербурга послужить какъ настоящимъ, такъ и грядущимъ нашимъ художникамъ самымъ живымъ свидѣтельствомъ того, что въ Россіи и этотъ родъ служенія отечеству всегда найдетъ высоко-нравственную поддержку со стороны не только отдѣльныхъ лицъ и общества, но и общественныхъ управленій, соединяющихъ въ своей средѣ представителей всего населенія.

«Примите и передайте, ваше превосходительство, Николай Николаевичъ ¹⁾, с.-петербургской городской думѣ выраженія безпредѣльной моей признательности. Иванъ Айвазовскій».

Собраніе постановило: напечатать письмо профессора Айвазовскаго въ «Извѣстіяхъ Городской Думы», что и было сдѣлано.

Мих. Семевскій

¹⁾ Исправлявшій должность городского головы — Н. Н. Медвѣдевъ.

Поправка.

На стр. 567, 568, 569, 570, 573 и 574 ноябрьской книги «Русской Старины» 1887 г., вкралась описка: напечатано: **И. Θ. Бычковъ, Иванъ Θедоровичъ Бычковъ, читай: Иванъ Афанасьевичъ Бычковъ.**

Подобная же описка сдѣлана на оберткѣ той-же книги и на стр. 490, а именно: напечатано: **Θедоръ Θедоровичъ Бычковъ, читай: Θедоръ Афанасьевичъ Бычковъ.**

EXTRAIT DU CATALOGUE

d'ouvrages en toutes langues relatifs à la Russie,

en vente aux prix marqués

A LA LIBRAIRIE DE JOSEPH BAER & C.,

commissionnaires de la Bibliothèque Impériale Publique de St.-Petersbourg, des Musées Publique et Roumiantzof de Moscou, de la Bibliothèque de l'Université Impériale de Varsovie, etc.

A FRANCFORT S. MEIN.

- 45 ¹⁾. Bunge, F. G. v., Darstellg. der gegenw. Verfassung der Stadt Dorpat. Riga 1827. 8°. Cart. M. 3.—
46. — Beiträge z. Kunde der. liv.- esth.- u. curländ. Rechtsquellen. Riga 1832. 8°. Pbd. M. 2.—
47. — Altlivlands Rechtsbücher, z. Th. nach bisher unbenutzten Texten hrsg. Leipz. 1879. gr. 8°. (M. 6¹/₂.) br. M. 5.—
48. Busch, F., Der Fürst Karl Lieven und die Kais. Universität Dorpat unter s. Oberleitung. Mit 2 Portr. u. 1 Facsim. Dorpat 1846. gr. 4°. br. M. 4.
49. Büsching, A. F., Magazin für die neue Historie u. Geographie. 23 Bde. u. Fortsetzung von Canzler—24 Bde. mit Kupfrn. Hambourg u. Leipzig 1767—90. 4°. Hlbd., unbeschn. M. 68. —
- * Eine wahre Fundgrube von Materialien für Russische und Polnische Geschichte. Einige Karten fehlen anscheinend.
50. Bastille, C. S., La cuestion de Oriente segun los documentos diplomaticos. Madrid 1877. gr. 8°. br. M. 2. —
51. Buddens, Halbrussisches. 2 Bde. Leipz. 1847. gr. 8°. (M. 12) Pbd. M. 6.
52. Caccia, A., La Russia, ricordo di un viaggio. Lugano 1848, kl. 8°. br. M. 2. —
53. Calmon, R., Trois semaines à Moscou. Mai—Juin 1883. Paris 1883. 8°. br. M. 2.—
54. Carlson, F., Quae a Carolo XII post pugnam Pultavensem de pace acta sint, et quae fuerint consilia Goerzii. Ups. 1849. gr. 8°. br. M. 3. —

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, 1887 г., т. LVI, сентябрь и октябрь, объявления въ концѣ книгъ.

55. Carr, J., L'été du Nord ou voyage autour de la Baltique, par le Danemark, la Suède, la Russie 1804. Trad. par Bertin. 2 vols. avec 2 planches. Paris 1818. gr. 8°. br. M. 5. —

55. Carrington, G., Behind the scenes in Russia. London 1874. 8°. (17 sh. 6 d.) Sars. M. 4.—

57. Carte de la Russie d'Europe, donnant l'indication des routes et chemins de poste etc., fidèlement copiée sur celle rédigée au Dépôt Imp. des Cartes à St. Pétersb. en 1809. Paris 1812. 12 Bl. Quer-Folio, illum. Cart. M. 6.—

58. Carte géographique et statistique de la Russie occidentale avec les provinces asiatiques russes etc. Réd. par D. J. T. Ahrens. Nürnberg. 1815. Color. Blatt. Imp-Folio. M. 2. —

59. (Castéra), Vie de Catherine II, Impératrice de Russie. 2 vols. avec 6 portraits. Paris 1797. gr. 8°. Frz. M. 6. —

60. — Le même ouvrage. 3 vols. av. 16 portr. et cartes. Par. an VIII. gr. 8°. Frz. M. 12. —

61. — The life of Catherine II, Empress of Russia. Enlarged edition. From the French. 3 vols. with 7 portraits and a map. London 1798. gr. 8°. Frz. M. 6. —

62. Castlereagh, Memoirs and correspondence of viscount Castlereagh, second Marquess of Londonderry, edited by his brother, Charles Vane, Marq. of Londonderry. 12 vols. with a portrait. London 1848—53. gr. 8°. (£ 8. 8 sh.). Lwd. M. 85.—

63. Castrén, M. A. Versuch e. ostjakischen Sprachlehre, nebst kurzem Wörterverzeichnis. Hrsg. v. A. Schiefner. 2. verb. Aufl. Petersb. 1858. — Beigeb.: Ders., Versuch e. jenessej-ostjakischen u. kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen. Hrsg. v. A. Schiefner. Ebd. 1858. gr. 8°. M. 5.—

64. Catalogue du cabinet des monnaies et médailles Russes du Gén. F. de Schubert à St. Pétersbourg. Partie I (seule parue): Monnaies (1420—1855). Carlsr. 1857. gr. 4°. br. M. 24. —

65. Catalogue de la section de Russico ou écrits sur la Russie en langues étrangères de la Bibliothèque Imp. Publique. 2 vols. St. Pétersb. 1873. Imp. 8° br. M. 24. —

66. Catharina II. Vita e fasti di Caterina II, imperatrice ed autocratrice di tutte le Russie. 6 voll. con 6 ritratti, tavole e carte. Lugano 1797—99. 8°. Schönes Ex. in 6 Hfrzbdn. M. 15. —

La Librairie Joseph Baer & C°. à Francfort s. Mein possède un assortiment de plus de 300,000 ouvrages anciens et modernes en toutes langues, classés systématiquement: histoire, sciences politiques, généalogie, numismatique, littérature, beaux-arts, arts industriels, sciences exactes et naturelles etc. Elle distribue régulièrement des catalogues spéciaux, qui sont à la disposition de quiconque lui fera l'honneur de les demander.

Prière d'adresser les commandes directement à Francforte s. M. ou par l'entremise d'une librairie de St. Pétersbourg ou de Moscou.

(Продолжение слѣдуетъ).

К. П. БРЮЛОВЪ, — М. И. ГЛИНКА, — Н. В. КУКОЛЬНИКЪ
ВЪ 1842 Г.

РИСУНОКЪ СЪ НАТУРЫ П. А. КАРАТЫГИНА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

Библиотека "Руниверс"

ССЫЛЬНЫЕ И ЗАТОЧЕННЫЕ ВЪ ОСТРОГЪ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ

въ XVI—XIX вв.

Историческій очеркъ.

X¹⁾.

Губернскій секретарь Пархомовъ.

Въ 1742 году изъ г. Архангельска, при указѣ Варсанофія, архіепископа архангельскаго, былъ присланъ въ Соловецкій монастырь Бѣлгородской губерніи губернскій секретарь Максимъ Пархомовъ „за немаловажную его духовную вину“, причемъ велѣно, расковавъ его, держать въ монастырскихъ трудахъ несходно. Человѣкъ онъ по тому времени былъ довольно образованный, зналъ грамматику, риторику, латинскій, греческій и нѣмецкій языки. „Немаловажная духовная его вина“ была такого рода.

1722 года 8-го ноября, въ одномъ женскомъ монастырѣ, расположенномъ въ окрестностяхъ Бѣлгорода, происходило необычное дѣйствіе: постриженіе замужней женщины въ монашество. При обычномъ всѣмъ постриженницамъ вопросѣ священника: „почто, дочь, притекла еси?“, она нервно вздрогнула, углы рта искривились въ страдальческую улыбку, что-то въ родѣ протеста, отказа готово было сорваться съ языка ея, но суровый

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., т. LVI, октябрь, стр. 45—71; ноябрь, стр. 333—360.

взглядъ мужчины, стоявшаго нѣсколько поодаль ея, точно нависшій мечъ надъ головою, заставилъ ее дать уставный отвѣтъ: „иноческаго житія хочу, отче честный“. Когда же, послѣ вычисления всѣхъ обязанностей и тягостей монашеской жизни, ее спросили—волею ли она хочетъ ангельскаго житія, языкъ ея отказался дать отвѣтъ, нервная дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу и крупныя слезы потекли изъ глазъ. Послѣ постриженія, когда стали на нее накладывать монашеское платье, силы окончательно покинули ее, ноги подкосились и она только потому не упала, что стоящіе возлѣ нея монахини поддержали ее подъ руки. Послѣ окончанія обряда, ее, совершенно обезсиленную, унесли въ приготовленную ей келью. Всѣ присутствующіе, пораженные этимъ печальнымъ случаемъ, плакали.

Этому событію предшествовала длинная семейная драма.

Секретарь Бѣлгородской губ., Максимъ Пархомовъ, былъ женатъ уже лѣтъ семь и имѣлъ четверыхъ дѣтей; жену его звали Ириной. Жили они сначала согласно, любовно, но на бѣду приглянулась ему чернобровая статная красавица Дарья, жена Григорія Козмовскаго, обывателя г. Бѣлгорода. Страсть Пархомова разгоралась все болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала противѣть ему его худенькая жена Ирина. Къ увеличенію зла, на привязанность Пархомова Дарья отвѣчала ему взаимностью, и они вступили въ преступную связь. Съ этихъ поръ для жены Пархомова начинается не жизнь, а каторга: ненавидимая мужемъ, она должна была выносить всевозможныя униженія и тяжкія истязанія. Одна отрада въ жизни ея были дѣти: это только спасало ее отъ самоубійства.

Случилось, что мужъ любовницы Пархомовъ вскорѣ умеръ и она, сдѣлавшись свободной, начала добиваться скрѣпленія своей связи бракомъ. Но для этого нужно было, чтобы жена Пархомова или умерла, или постриглась въ монашество. Естественная смерть не приходила, а на убійство они не рѣшались, оставалось одно: уговорить Ирину постричься въ монашество. Все было пущено въ ходъ: и ласки, и угрозы, голодь и смертные побои, но бѣдная женщина не сдавалась, выносила всю эту каторгу ради дѣтей. Видя неуспѣшность всѣхъ своихъ стараній, чтобы согласить жену къ постриженію, Пархомовъ рѣшился на отчаянный шагъ—постричь ее силою. Невозможное дѣло нынѣ, насильное

постриженіе, въ старое время было въ большомъ ходу,—примѣры подавались къ этому свыше. Не полюбила жена, надо жениться на другой; незаконная связь преслѣдовалась и государствомъ, и обществомъ, разводъ не дозволялся, а можно было заживо погребсти жену въ монастырѣ и съ чистою совѣстью пожениться на другой. Секретарь, важное лицо въ губерніи въ то время, избивъ жену до полусмерти, ведетъ ее въ монастырь и заставляеть, при его же глазахъ, постричь ее въ монахини. Схоронивъ жену въ монастырѣ, Пархомовъ черезъ четыре дня перевѣнчался со своей возлюбленной Дарьей.

Проходитъ годъ. Пархомовъ, съ чистою совѣстью, какъ законный мужъ, живетъ со своей красавицей Дарьей. Несчастная инокиня Иродіада, въ тиши монастыря, забывъ побои, вздумала снять съ себя ненавистное черное платье, и съ этою цѣлью подаетъ просьбу въ духовную династерію, жалуясь на насильное постриженіе, просить разрѣшить ее отъ узъ монашества. Духовная династерія уважила просьбу жены Пархомова и освободила ее отъ монашества, о чемъ ей и выдали на руки указъ. Къ мужу она не смѣла явиться, а поселилась жить у своихъ родныхъ. Духовная династерія, принявъ фактъ насилія и освободивъ отъ монашества жену Пархомова, самого Пархомова не коснулася, не подвергла его никакому наказанію за насиліе; онъ преспокійно поживалъ со своей новой женой Дарьей, когда другая жена Ирина, боясь явиться къ нему, скиталась по родственникамъ. Минуло еще три года, у Пархомова отъ Дарьи родился сынъ Богданъ; по этому случаю, на радостяхъ, онъ задалъ большой пиръ. Кто-то, оскорбленный на этомъ пиру, изъ мести, написалъ въ синодъ доносъ, что Пархомовъ имѣетъ двухъ живыхъ женъ. Для обсужденія этой жалобы, 16-го декабря 1726 г., было въ синодѣ особое засѣданіе, на которомъ рѣшили, что постриженіе первой жены Ирины и бракъ со второй Дарьей Козмовской были противны уставамъ церкви, а потому рѣшили: бракъ Пархомова съ Дарьей Козмовской расторгнуть и считать недействительнымъ, а велѣтъ ему, Пархомову, снова жить съ первой своей женой Иринею, если она того сама пожелаетъ; Пархомова же до конца жизни ни съ кѣмъ болѣе не вѣнчать. Для выслушанія этого приговора Пархомовъ былъ вытребованъ, въ маѣ 1727 г., въ С.-Петербургъ и далъ своеручную росписку

въ этомъ. Первая жена Пархомова, больная, еле живая, отказалась жить съ нимъ; вскорѣ она умерла.

Пархомовъ, давъ росписку, что не будетъ жить со второй женой, преспокойно отправился вмѣстѣ съ нею въ свою вотчину въ Переяславскую губ., и началъ жить по старому. У нихъ опять родился ребенокъ, дочь Елисавета, и Пархомовъ такъ былъ радъ этому случаю, что родины и крестины праздновалъ на широую ногу. Объ этомъ случаѣ не преминули донести синоду, выставя празднованіе родинъ и крестинъ какъ бы насмѣшкою надъ рѣшеніемъ синода. Синодъ, видя упрямство Пархомова относительно несожитія съ Дарьей Козмовской, рѣшилъ, на страхъ другимъ, предать его отлученію отъ церкви и анаемѣ. Синодскимъ указомъ отъ 5-го мая 1729 г. велѣно Пархомова и Дарью Козмовскую въ церкви не пущать, ни до какихъ таинствъ не допускать и ни съ какими требами духовенству въ домъ ихъ не входить. Должно быть крѣпка была ихъ взаимная привязанность, что, не смотря на такія страшныя въ то время мѣры синода, они не думали разлучаться и просить у синода приобщенія къ церкви. Пождавъ полгода раскаянія и смиренія отлученныхъ супруговъ, синодъ рѣшился прибѣгнуть уже не къ духовнымъ мѣрамъ строгости; онъ послалъ указъ въ юстицъ-коллегію, чтобы она распорядилась розыскомъ беззаконниковъ, если найдетъ ихъ, то прислала бы въ синодъ для наказанія. Но не тутъ-то было. Услыхавъ о такомъ распоряженіи, беззаконники уѣхали въ одну глухую свою вотчину, около Глухова, и тамъ „аки свинні въ блатѣ чрезъ многихъ лѣтъ валялись въ прелюбодѣйствѣ“.

Прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ Пархомовъ скрылся, много произошло перемѣнъ за это время на Руся, много правителей смѣнилось. Въ 1741 г. Пархомовъ задумалъ попытать счастья: онъ обратился въ кабинетъ принцессы Анны Брауншвейгской, съ просьбою освободить его отъ наказанія, въ юстицъ-коллегію не спрашивать и разрѣшить законное сожитіе съ Дарьей Козмовской, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время синодъ распорядился секвестромъ пархомовскихъ деревень, пока онъ не явится въ синодъ. Просьба его была уважена. Получивъ изъ кабинета указъ, онъ имѣлъ оплошность явиться съ нимъ въ синодъ для ходатайства о причтеніи къ церкви и тамъ былъ заарестованъ.

Сидя подь карауломъ, скованный, Пархомовъ подаетъ синоду донесеніе, въ коемъ объявляетъ, что постановленія синода объ отлученіи отъ церкви признаетъ правильнымъ, и что жить болѣе съ Дарьей Козмовской не будетъ. Представленный предъ собраніемъ синода, онъ выразилъ тоже словесно. За такое покаяніе его освободили отъ оковъ, оставивъ подь арестомъ. Но трудно было Пархомову отказаться отъ любимой женщины, съ которой прожилъ 20 лѣтъ, и онъ началъ умолять синодъ не разводить его съ Дарьей, простить его старую вину, дать возможность дожить имъ свой вѣкъ вмѣстѣ на законномъ основаніи. Такую просьбу синодъ счелъ дерзостью и оковы снова на него были наложены. Такимъ образомъ, Пархомовъ содержался при синодѣ 8 мѣсяцевъ, то вполнѣ раскаиваясь и подчиняясь рѣшенію синода, то прося разрѣшенія жить съ женою. Но при каждой попыткѣ просить разрѣшенія жить съ Дарьей на него налагались оковы, и снимали ихъ лишь тогда, когда онъ отказывался отъ такого злаго намѣренія. Въ началѣ 1742 г. нашли и Дарью Козмовскую въ Глуховѣ и прислали ее въ синодъ подь караулъ. Перепуганная женщина согласилась на все, отказывалась отъ мужа, лишь бы дали ей свободу. Наконецъ, и Пархомовъ, и жена его окончательно объявили, что они болѣе не будутъ жить вмѣстѣ и просили свободы. Синодъ предварительно предложилъ имъ, дабы загладить ихъ проступки, не пожелаютъ ли они потрудиться въ монастырѣ, онъ въ мужскомъ, она въ женскомъ, но они отказались.

Получивъ отъ Пархомовыхъ раскаяніе, синодъ все-таки не рѣшался выпустить ихъ на свободу, опасаясь, что и послѣ этого они снова начнутъ „въ плотоугодіи пребывать“, а потому опредѣлили: Пархомова и Дарью Козмовскую отъ клятвъ и анаемы по церковному чиноположенію разрѣшить и ввести ихъ, какъ уставъ повелѣваетъ, въ церковь. Принимая во вниманіе важность ихъ вины, сочинить краткое письменное объясненіе ихъ проступка и приказать чередному архіерею въ с.-петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ въ воскресный день, при собраніи народа, прочесть послѣ присоединенія Пархомовыхъ въ церковь. А чтобы Пархомовы не имѣли возможности жить вмѣстѣ, то рѣшили, заковавъ ихъ, отослать Пархомова въ Соловецкій монастырь, а Козмовскую въ одинъ изъ женскихъ монастырей.

Въ первое воскресенье послѣ крещенья 1742 г. въ Петропавловскомъ соборѣ состоялось торжественное присоединеніе къ церкви Пархомова и Козмовской, послѣ чего служащій архіерей прочелъ описаніе ихъ вины, которое заканчивалось приговоромъ:

— „Онаго Пархомова и Козмовскую отъ наложенныхъ на нихъ клятвъ и анаемы по церковному чиноположенію разрѣшить и въ церковь ввести ихъ, яко же чинъ и уставъ церкви о таковыхъ повелѣваетъ, а о важности преступленія ихъ для публичнаго въ церкви прочтенія сочинить краткое на письмѣ изъясненіе, и то все учинить въ с.-петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ въ воскресный день, при народномъ собраніи, чредослужащему архіерею. (Что и учиняется).

„Понеже оные Пархомовъ и Козмовская не устращася таковыхъ нашихъ клятвъ и гнѣва божія и безсовѣстно и каменносердечно ави свиніи въ блатѣ черезъ многихъ лѣтъ валялись въ прелюбодѣйствѣ и сами отъ своего произволенія съ покаяніемъ къ св. церкви не возвратились, и уже въ арестѣ будучи, особливо оный Пархомовъ, разными св. синоду доношеніями, повинувась св. церкви и суду духовному и обѣщаваясь къ тому съ Козмовскою не жити, употреблялъ прошеніе о неразводѣ ихъ. И тако, ежели по принятіи ихъ къ св. церкви, попустить ихъ свободно жити отнюдь не надежно, чтобы они совершенно разлучились, но есть крайняя опасность паки по своему безстрастію и каменносердечію не впали въ прежнее скверное беззаконіе и не спогиблибъ съ душами своими вѣчно, какъ и прежде, за учиненнымъ уже провлятіемъ, то чинили. И для того, во отвращеніе отъ таковаго ихъ душепагубнаго сквернодѣйства, а на наставленіе ихъ къ покаянію и на путь спасенія, разослать ихъ cadaго въ монастыри подѣ карауломъ скованныхъ“.

Такое торжественное присоединеніе къ церкви, подобное вывозу на эшафотъ, собрало громадную массу народа и Пархомовы, навѣрное, не одну недѣлю были темою для разговора.

О судьбѣ Дарьи я не имѣю никакихъ свѣдѣній; самъ же Пархомовъ, скованный, былъ 1 февраля того года отправленъ черезъ Архангельскъ и Суму въ Соловецкій монастырь подѣ конвоемъ двухъ синодскихъ солдатъ. Монастырскому начальству приказывалось расковать его и держать въ монастырскихъ трудахъ до кончины живота его неусходно, подѣ надлежащимъ при-

смотримъ, чтобы онъ побѣгу не учинилъ, во всякомъ воздержаніи и наблюдательствѣ, и велѣть пражодить ему въ божественной службѣ всегда и слушать ее со всепрележнымъ усердіемъ объ отпущеніи тягчайшаго своего согрѣшенія моленіемъ. Велѣно было поручить наблюденіе надъ нимъ какому либо опытному старцу и сему послѣднему вмѣнено въ обязанность дѣлать Пархомову наставленія. Особенное вниманіе приказывалось обратить на то, чтобы Пархомовъ не переписывался со своей женой, но по запросу архимандрита монастыря ему дозволено было переписываться съ дѣтьми и знакомыми, письма Пархомова въ которыхъ сохранились при дѣлѣ, и я приведу нѣкоторыя изъ нихъ, такъ какъ они знакомятъ съ состояніемъ ссыльныхъ.

Разлука съ любимой женой, оторванность отъ родины, благодатной Малороссіи, и поселеніе въ такомъ крайсвѣтномъ монастырѣ, какъ Соловки, сильно повліяли на бѣднаго Пархомова. Ему становилось въ Соловкахъ такъ невыносимо, хотя онъ жилъ на свободѣ и сравнительно хорошо, что онъ сталъ просить какъ милости каторжной работы, писалъ объ этомъ и дѣтямъ и друзьямъ. По поводу этихъ писемъ и не разъ выраженного Пархомовымъ желанія быть переведеннымъ въ Петербургъ на каторгу, архимандритъ доносилъ синоду, что Пархомовъ ведетъ себя хорошо, но просится на каторгу и, описывая его отчаяніе, боится, „чтобы отъ онаго Пархомова обители убытку, а невиновнымъ напраснаго страданія не учинилось“. Изъ дѣла не видно была-ли уважена просьба Пархомова о переводѣ на каторгу, видно только, что онъ былъ куда-то увезенъ изъ Соловокъ.

Письма Пархомова изъ Соловокъ.

— М. г. мой, Павелъ Васильевичъ! Прошу васъ, государя моего, не оставить меня прегорчайшаго невольника въ забвеніи. И елико Богъ тебѣ да поможетъ, сотвори милость. Изъ дѣтей моихъ ежели кого случится вамъ гдѣ видать, изволь сказать, что при отпускѣ сего письма я живъ. А дѣти мои служатъ въ арміи: Левъ капитаномъ въ Рязанскомъ драгунскомъ полку, Савва подпоручикомъ въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку, Христофоръ—прапорщикомъ въ Новотроицкомъ драг. пол., Богданъ капитанармусомъ въ Слободскомъ драг. полку. И скажи, пожалуй, имъ, ежели изъ нихъ кого увидишь, чтобы они о свободѣ моей изъ такой прегорькой моей неволи и ссылки блии челомъ. А я въ прегорькой неволѣ и ссылки стражду съ два года и о нихъ, дѣтяхъ своихъ, всѣ-ли они живы, гдѣ и какъ обрѣтаются ни о чемъ невѣстенъ, и писемъ отъ нихъ ни отъ кого здѣсь, въ крайсвѣтномъ заморскомъ островѣ,

не получалъ, ибо и переслать не можно. Опиши, пожалуй, ко мнѣ о своемъ здоровьѣ и изъ блага свѣта въ наше невольное, прегорькое и прескорбное темное мѣсто. А ежели кто человѣколюбецъ, милостивая утроба, ту высокую милость ко мнѣ показать и отъ сей прегорькой ссылки чрезъ его милостивое представительство меня свободили, а вмѣсто сей ссылки въ каторжную работу меня отдали, съ радостію моею души готовъ на каторгу, нежали въ семь крайсвѣтномъ, заморскомъ, темномъ и студеномъ, прегорькомъ и прескорбномъ мѣстѣ быти. Здѣшней же горести нашей и описать не можно. Да подасть вамъ всевышній Богъ на бѣломъ свѣтѣ при всякомъ благополучіи здравствовать на множество лѣтъ, чего я вамъ сердечно желаю. Азъ въ прегорьчайшей моей неволѣ въ деню и въ ночномъ мѣсѣ рыданіи остаюсь вамъ слугою секретарь М. Пархомовъ. 4 февр. 1743 г. Соловки". (Синодскому канцеляристу Шеславскому).

—, Богданъ Максимовичъ, свѣтъ очей моихъ, здравствуй!

Я Божию милостію въ прегорьчайшей неволѣ, въ ссылкѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ еще по вогѣ божіей живѣ. Отсюда же я послалъ къ вамъ и писалъ о своей горести четыре письма. А тѣ письма посланы въ Москву, въ пакетъ, къ г-ну капитану Михаилу Семенову Ладыгину, да г-ну секретарю Сергѣю Ив. Попову. И изъ оныхъ вы получили-ли, о томъ отъ васъ и отъ ихъ милости ни отъ кого сюда къ себѣ писемъ я не получалъ и по нынѣ. Здѣсь при горьчайшей моей неволѣ и въ ссылкѣ стражду другой годъ, а въ С.-Петербургѣ, при св. синодѣ, въ казармѣ, содержался девять мѣсяцевъ подъ крѣпкимъ карауломъ. По указу св. синода велѣно солов. мон. о. архимандриту въ какомъ я буду состояніи, обо мнѣ въ синодъ писать, который по тому указу обо мнѣ, что я въ смиреніи нахожусь, и писалъ. И притомъ и мое прошеніе о свободѣ меня изъ ссылки послано марта 26 ч., прошлый годъ. На то все въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ прошломъ году, присланъ къ нему, о. архимандриту, указъ, что доношеніе и прошеніе мое получены, и обо мнѣ велѣно писать, какъ мнѣ въ ссылкѣ годъ пройдетъ. Нынѣ писалъ я къ отцу архимандриту съ прошеніемъ, чтобы онъ пожаловалъ по тому вторичному указу и обо мнѣ отписалъ и притомъ мое прошеніе въ синодъ къ нему послалъ, понеже въ зиму онъ обрѣтается на сухомъ тамъ берегу (а мы въ монастырѣ, за моремъ, на островѣ) и что изволятъ учинить того не знаю.

Когда ты сіе мое письмо получишь, какъ можешь у господъ своихъ командующихъ попроси объ отпускѣ себя и поѣзжай въ Москву или С.-Петербургъ, гдѣ св. синодъ обрѣтается, и проси милости у нихъ. И гдѣ тебѣ Господь способность подастъ о свободѣ меня изъ прегорьчайшей сей неволи изъ ссылки, тамъ и проси. Лучше бы быть мнѣ на каторгѣ, нежели въ здѣшнемъ крайсвѣтномъ на морѣ Соловецкомъ островѣ. Не токмо здѣшнимъ морскимъ жестокимъ, ядовитимъ воздухомъ человѣческое здоровье, но и желѣза стѣдаются. И ежели милости о свободѣ моею не получишь, то проси и сей челомъ и прямо напиши, чтобы меня изъ сей ссылки взяли и въ каторжную работу въ Сиб. отдали.... А письма изъ Москвы или С.-Петербурга посылай на нѣмедной почтѣ, на г. Архангельскъ, а на пакетъ надписывай: отдать въ гор. Архангельскъ, губер. секретарю Фед. Осип. Котельникову. 3 февр. 1743 года". Писано сыну Богдану).

XI.

1743 г.—распошъ Михайло Степановъ за убійство своей работницы—въ черные труды навѣчно.

1744 г. По указу св. синода велѣно матроса Никифора Куницына „за богоотступное своеручное его письмо, каково писалъ на князь тьмы, содержать его въ вѣчныхъ монастырскихъ до смерти его никуда не исходныхъ трудѣхъ... и что за такое его тяжкое предъ Богомъ согрѣшеніе во всю свою жизнь приносить Господу Богу покаяніе, приходя съ работъ въ церковь ко всякому славословію по вся дни“.

Въ томъ же году, раскольщикъ Афанасій Бѣлокопытовъ, „за раскольническое его вымышленное толкованіе и за написаніе имъ важныхъ злодѣйственныхъ противныхъ тетрадишекъ и за неповорство святѣй православной восточной церкви и за прочія его воровства, вмѣсто смертнаго казни, учинить жестокое наказаніе: бить вкнутомъ и, урѣзавъ языка, сослать его во онѣй вапш Соловецкій монастырь, въ которомъ содержать его подъ крѣпкимъ карауломъ до смерти никуда неисходна“.

Въ слѣдующемъ 1745 г. Бѣлокопытову удалось убѣжать изъ тюрьмы, но не надолго; черезъ четыре дня его поймали и снова посадили. Вотъ что онъ рассказываетъ на допросѣ о своемъ побѣгѣ.

Къ окну его тюрьмы, по древнему обычаю, приходили разные люди и приносили подаванія, кто нитокъ, кто холста, кто сѣтнаго. Къ нѣкоторымъ приходившимъ къ нему людямъ онъ сталъ обращаться съ просьбою принести ему досокъ для того, чтобы построить въ своемъ казематѣ чуланъ. Досокъ ему наошили и чуланъ онъ построилъ, хотя топора ему не было дано. Найдя въ стѣнѣ кусокъ желѣза и нѣсколько гвоздей, за чуланною заборкою началъ понемногу ломать стѣну и послѣ долгихъ усилій, наконецъ, проломалъ ее. Въ темную ночь на 15 августа онъ вышелъ чрезъ проломанную дыру изъ каземата, взошелъ на крѣпостную стѣну и оттуда черезъ бойницу на веревкѣ, заранѣе

приготовленной изъ подаяннаго холста и нитокъ, спустился на землю. Выйдя за стѣну, онъ ушелъ въ лѣсъ и, найдя тамъ пустую избу, на время скрылся въ нее. Въ слѣдующую ночь онъ натаскалъ отъ этой избы къ морю досокъ, связалъ ихъ веревкою и на такомъ плотѣ пустился плыть въ море. Но на его несчастіе вѣтеръ былъ неблагоприятный, за море онъ уѣхать не могъ, его снова прибило къ берегу и 20 августа его схватили.

Первая неудача не отбила у него охоты еще попытать счастья какъ либо уйти изъ Соловокъ. Разъ его переводили изъ одного каземата въ другой, дорогой удалось ему незамѣтно взять ножъ. Съ помощію этого ножа онъ началъ у дверей своего каземата прорѣзывать отверстіе, а чтобы не было замѣтно это, то прорѣзанное мѣсто закладывалъ кускомъ дерева. Въ ночь на 14 сентября 1746 г., когда караульные всѣ спали, окончательно прорѣзалъ у двери отверстіе и, выйдя чрезъ него изъ каземата, скрылся въ лѣсъ. И этотъ побѣгъ былъ неудаченъ: не зная мѣстности, онъ заблудился въ лѣсѣ и 22 сент. былъ пойманъ, засажень въ самый вѣрнѣй казематъ, скованный по рукамъ и ногамъ, и такъ сидѣлъ до смерти.

Въ 1746 г. изъ самарской воеводской канцеляріи, по распоряженію синода, присланъ новокрещенный изъ персіанъ Александръ Михайловъ за то, „чтобы онъ отъ благочестія какимъ либо случаемъ не могъ въ невѣріе обратиться и тѣмъ благочестіе поругано не было и для лучшаго въ благочестивомъ законѣ къ вѣрѣ утвержденія содержать его безысходно съ дачею надлежащаго пропитанія и съ вѣрнѣмъ смотрѣніемъ“.

Гренадеръ Ѳеодоръ Устиновъ и канцеляристъ канцеляріи главной фортификаціи Михаилъ Платановъ за „нѣкоторыя важныя вины“, первый подъ караулъ, другой подъ присмотръ. Платановъ въ томъ же году умеръ.

1748 г. присланъ воспріавшій изъ жидовъ вѣру греческую Павелъ Ѳеодоровъ, „дабы онъ отъ православныя вѣры не отвратился“, съ присовокупленіемъ, что если онъ пожелаетъ постричься въ монашество, то постричь его. Дѣйствительно, 1760 г. іюня 22 д., онъ былъ постриженъ монахомъ.

1749 г. Нижегородецъ Григорій Дружининъ, за расколь, сумасшедшій, въ желѣзахъ и въ тюрьму. Изъ тюрьмы онъ бѣжалъ два раза, и въ обоихъ случаяхъ пойманъ. Какъ иногда бывалъ слабъ надзоръ за арестантами показываютъ побѣги Дружинина. Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ у Никольскихъ воротъ, вмѣстѣ съ другими арестантами. Разъ караульные всѣ вышли изъ коридора и забыли задвинуть засовъ у его чулана. Пользуясь этимъ, онъ свободно вышелъ изъ тюрьмы, посидѣлъ немного между коробами въ Никольскихъ воротахъ, пока народъ прошелъ на обѣдъ, потомъ вышелъ изъ-за стѣны въ близъ лежащей лѣсокъ и тамъ сбилъ съ ногъ кандалы. Въ лѣсѣ онъ заплуталъ между озерами, и потомъ былъ пойманъ.

1750 г. Игуменъ московской епархіи Крестовоздвиженскаго монастыря Теофанъ „за явное съ женскимъ поломъ грѣхопаденіе“ сосланъ на годъ монастырскихъ трудовъ, а потомъ навсегда простымъ монахомъ. Человѣкъ, должно быть, образованный, что видно изъ описи его книгъ на четырехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Онъ былъ лишень игуменства и іеромонашества.

1752 г. По распоряженію архангельскаго епископа іеромонахъ Соловецкаго монастыря Рафаилъ за „волшебство“ лишень іеромонашества и отданъ въ монастырскіе поваренные труды, а равно и пономарь Кострюковъ и іеромонахъ Сергій за то же преступленіе посажены въ тюрьму.

Того же года. Дворцоваго села Ишеева крестьянинъ Василій Щербаковъ за важную его вину, учинивъ наказаніе, бить кнутомъ нещадно, посланъ въ Соловецкій монастырь въ монастырскіе труды навѣчно, „понеже онъ, Щербаковъ, явился въ немало-важной винѣ и дабы отъ него впредь таковыхъ важныхъ продержостей произойти не могло“. Живя въ монастырѣ, Щербаковъ написалъ какую-то тетрадь, которая, будучи отъ него отобраана, отослана въ тайную канцелярію. За написаніе этой тетради въ тайной канцеляріи опредѣлено: „оному Щербакову за сочиненіе имъ вышепоказанной суевѣрной, богопротивной и важной тетради и дабы онъ впредь таковыхъ тетрадокъ сочинять не дерзалъ

и имѣлъ бы отъ того крѣпкую предосторожность, и во удержаніе учинить наказаніе: бить плетми и по учиненіи того наказанія содержать его въ Соловецкомъ монастырѣ, какъ посланнымъ ранѣе указомъ велѣно. Смотрѣть надъ нимъ весьма прилежно, почасту, дабы онъ впредь таковыхъ же тетрадишекъ сочинять не могъ, чего ради пера, чернилъ, бумаги, угля, береста и прочаго къ письму способнаго отнюдь бы при немъ не было и онаго ему не давать“. Черезъ три года послѣ этого Щербакъ умеръ.

1753 г. По распоряженію конторы тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріи присланъ раскольникъ дьячковъ сынъ Иванъ Яковлевъ. Въ инструкціи, присланной вмѣстѣ съ нимъ, приказывается содержать его съ большою строгостію. „Раскольника дьячкова сына Ивана Яковлева, говоритъ инструкція, за злодѣйственныя богопротивныя важныя его вины (о которыхъ въ тайной канцеляріи явно по дѣлу), сверхъ бывшаго ему розыску, вмѣсто смертныя казни учинить жесточайшее наказаніе: бить кнутомъ нещадно и, вырѣзавъ ноздри (которое ему и учинено), скована въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ содержать въ особомъ уединенномъ мѣстѣ подъ крѣпкимъ карауломъ никуда неисходна, и постороннихъ къ нему, кромѣ караульныхъ, ни для чего не допускать, и караульнымъ же разговоръ съ нимъ никакихъ имѣть не велѣтъ, и писемъ ни къ кому ни о чемъ писать ему не давать, чего ради пера, чернилъ и прочаго, чѣмъ можно писать, отнюдь бы при немъ не было; смотрѣть же наврѣшко того, дабы онъ не могъ каковымъ образомъ утечки учинить, и во время того его содержанія пищу ему давать токмо одинъ хлѣбъ и воду. А ежели, паче чаянія, оный Яковлевъ станетъ произносить каковыя важныя и непристойныя слова, тогда ему въ ротъ класть языкъ, который вынимать тогда, когда ему пища давана быть и хлѣбъ, и о томъ, записывая и держа секретно, изъ онаго монастыря писать въ тайную канцелярію“.

При такомъ способѣ содержанія въ уединенномъ мѣстѣ, Яковлевъ имѣлъ силы прожить семь лѣтъ; онъ умеръ безъ раскаянія 11 авг. 1760 г.

Того же 1753 г. Игуменъ Руфъ, черниговскаго Ключевскаго

монастыря за произнесение важныхъ и непристойныхъ словъ жестоко наказанъ плетью и сосланъ въ Соловецкi монахомъ. Черезъ годъ снова былъ посланъ игуменомъ въ тотъ же Ключевскiй монастырь.

1754 г. Бывшiй униатскiй попъ, принявшiй православiе, Корнилий Судилловскiй, „который подъ слѣдствиемъ явился въ наибольшей винѣ“. Содержать его велѣно въ трудахъ подъ карауломъ до кончины живота съ правомъ, впрочемъ, принять монашество.

1755 г. Холмогорецъ Василій Еремѣевъ въ уединенное мѣсто, съ правомъ власть клясть въ ротъ.

Новокрещенный изъ евреевъ Афанасiй Кискинъ за произнесение о вѣрѣ Христовой непристойныхъ словъ и поруганiе св. креста, для пребыванiя на братской порци, держать раскована, только подъ присмотромъ, „дабы онъ таковыхъ продерзостей, каковы у него прежде послѣдовали, чинить не могъ“.

Купецъ Яковъ Сергѣевъ, раскольникъ, въ уединенную тюрьму.

Иеромонахъ Высокопетровскаго монастыря Иринархъ „за произношенiе отъ него тягчайшаго богохуленiемъ согрѣшенiя. Ему запрещено на три года священнослуженiе и назначено быть въ черной работѣ. Пища монашеская, въ среду и пятокъ сухояденiе, а хмѣльнаго никогда.

1756 г. Колодникъ Макаръ Алексѣевъ. Кто онъ и за что— неизвѣстно. Сказано только, что если онъ будетъ объявлять слово и дѣло или важность, то въ тайную канцелярiю его не присылать, а, записавъ оныя секретно, посылать въ тайную канцелярiю, а ему чинить за это наказанiе плетью.

Бывшiй iеродiаконъ Боровскаго монастыря Мартирiй, а по растриженiи Митрофанъ Васильевъ, „за великоважную его вину,

по учиненіи жестокаго наказанія кнутомъ, содержать вѣчно, не-исходно въ тяжкихъ монастырскихъ трудахъ“.

Колодникъ Ѳедоръ Васильевъ за „вину его“ содержать до кончины живота его никуда неисходна въ тяжкихъ трудахъ, дабы онъ утечки учинить не могъ, скована. Цищу давать ему противъ одного монаха.

1757 г. Свято-троицкой Сергіевой лавры монахъ Серапіонъ Магницкій „за безпокойство“; содержать въ поваренныхъ и хлѣбопечныхъ трудахъ неисходно, а если будетъ чинить безпокойство, то держать въ тюрьмѣ.

Сержантъ Московскаго полка Алексѣй Совѣтовъ „за учиненіе имъ продерзостной вины и не раскаяніе“ содержать пять лѣтъ въ тяжкихъ монастырскихъ трудахъ.

1758 г. Новгородскаго Юрьева монастыря іеродіаконъ Іоасафъ Масловъ „за вину его“ быть въ монастырѣ въ вѣчномъ неисходномъ житіи, а ежели, паче чаянія, оный Іоасафъ, будучи въ томъ монастырѣ, станетъ за собою или за кѣмъ другимъ сказывать слово и дѣло по 1 и 2 пунетамъ, или объявлять важность, то ему въ томъ, за многимъ его подозрительствомъ, не вѣрить и оговоренныхъ имъ людей подъ караулъ не брать и въ тайную канцелярію не присылать, а за то его сказыванье имъ слова и дѣла и объявленіе важности чинить въ монастырѣ наказаніе плетью и для извѣстія объ этомъ писать въ тайную канцелярію.

1759 г. Присланъ изъ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи колодникъ Петръ Салтыковъ, коего велѣно было содержать до кончины живота его никуда изъ онаго монастыря неисходно подъ карауломъ и поступать во всемъ, какъ отъ тайной канцеляріи опредѣлено „непремѣнно“. При Салтыковѣ присланъ для услугъ его дворовый человѣкъ Игнатій Рагозинъ съ тѣмъ, что если Салтыковъ захочетъ отпустить Рагозина, то прислать его сначала въ тайную канцелярію. Зимой 1762 года Салтыковъ былъ освобожденъ. Объ его освобожденіи была послана экстренная

грамота въ зимнее время, и арестантъ былъ немедленно увезенъ въ Петербургъ.

Въ 1759 году присланы:

Два вдовыя попа изъ Москвы Иванъ Леонтьевъ и Андрей Шапкинъ за пьянство первый, а второй по желанію, „а паче дабы отъ него нѣкотораго продерзводства не происходило“; и обои „за нѣкоторую вину“ биты были предварительно плетями. Если захотятъ они принять монашество, то постричь ихъ, чѣмъ и воспользовался Шапкинъ. Замѣчено про обоихъ, чтобы объявленію ими слова и дѣла не вѣрили, а били-бы за это плетями на мѣстѣ.

По указу Варсонофія, архіепископа холмогорскаго, присланы въ іюнѣ мѣсяцѣ архангелогородской Кузнечевской церкви попы Никола Ивановъ и Иванъ Васильевъ, дьяконъ Иванъ Кузьминъ и Нижнекайдурской церкви попъ Никифоръ Наумовъ, всѣхъ ихъ, по наказаніи плетями, велѣно держать до указа въ тяжкихъ монастырскихъ трудахъ, „а ежели оны попы и дьяконъ учнутъ чинить непослушаніе и своевольства, то смирать ихъ, по монастырскому обычаю, нещадно“. Всѣ они были освобождены въ октябрѣ того-же года.

Крестьянинъ Хлотаевскаго уѣзда Новотроицкаго дворцоваго села Ардатова слѣпой Василій Дурновъ „за вину его“ до кончины живота неисходно. Пища ему была назначена противу одного работника.

1760 г. Бывшій строитель Предтеченской пустыни, Трубчевскаго уѣзда, монахъ Варсонофій (Василій Марковъ) „за важную его вину содержать подъ крѣпкимъ карауломъ до конца живота его неисходно и нивуда не пускать, а пищу давать противу одного монаха“.

1761 г. Свято-троицкаго Александро-невскаго монастыря монахъ Ананія за непристойные его монашескому чину непорядочныя поступки и за разные изъ монастыря побѣги и сказыванье за собою слова и дѣла битъ былъ, по распоряженію тайной

канцеляріи, предъ собраніемъ того Александро-невскаго монастыря братіи, плетъми нещадно и посланъ въ Соловецкій монастырь подъ караулъ „неисходно“.

Донскаго монастыря бѣгле: іеромонахъ Игнатій и іеродіаконъ Кипріянь за „неоднократныя побѣги изъ монастыря, за напрасное святѣйшаго синода утружденіе, за несправедливыя жалобы на члена синода Донскаго монастыря архимандрита Варсонофія; а паче за производимыя отъ нихъ непристойныя монашескому чину неприличныя поступки и нецотребства“. За эти вины имъ учинено было наказаніе шелепами при собраніи братства въ трапезѣ Донскаго монастыря. Въ Соловки посланы на послушаніе.

Изъ обрѣтающейся въ С.-Петербургѣ конторы преосвященнаго Іоасафа, епископа архангельскаго и холмогорскаго, „вѣлно присланнаго изъ оной конторы главнаго магистрата ратсгера Андрея Давидова Опащикова сына его Петра, по просьбѣ отца, за нецотребныя, противомерзкіе и пьянственныя его поступки въ монастырскіе черныя труды до исправленія его въ состояніе“.

1762 г. Дворовый человѣкъ поручика Сабурова, Сергѣй Трифоновъ, въ монастырскіе труды. „А какъ онъ сумасшедшій, и оттого происходятъ разныя непристойныя слова, и для того во всемъ томъ, что онъ въ разговорахъ произносить будетъ, не вѣрять“.

Московскаго уѣзда села Жукова попъ Семенъ Васильевъ за „ложно вымышленное его о нѣкоторыхъ продерзкихъ и непристойныхъ словахъ показаніе“, закованный въ кандалахъ, „дабы онъ впредъ ни на кого ложно доносить не отваживался“, посланъ въ вѣчному и неисходному содержанію въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ употреблять его вѣлно въ работы. Буде-же онъ будучи въ пути или монастырѣ станетъ на кого о какихъ-либо дѣлахъ доносить или-же что произносить, то дабы нецотребныя люди не могли отъ него иногда претерпѣть каковаго оскорбленія, онымъ его доносамъ не вѣрять и никакихъ слѣдствій не

производить, а ему, яко уже доказательному клеветнику и продрзателю, чинить въ томъ мѣстѣ плетью наказаніе“.

1781 г. Секретарская вдова Матрена Теплицкая принесла жалобу оберъ-прокурору синода вн. Вяземскому на сына своего подпоручика Александра Теплицкаго, который за непорядочное поведеніе, по просьбѣ ея, содержался въ смирительномъ домѣ больше года и по сіе время велъ себя не порядочно, чиня ослушаніе и грубости и съ содержащимися тамъ колодниками заводить драки. По увольненіи изъ смирительнаго дома, онъ по прежнему „обращался въ предосудительныхъ поступкахъ“. И, наконецъ, придя въ домъ матери своей, сначала обругалъ ее непотребными словами, а потомъ избилъ ее. Обо всемъ этомъ доложено было ея и. величеству, на что она повелѣтъ соизволила: „онаго Теплицкаго послать въ Соловецкій монастырь, чтобы содержать его тамъ до того времени, покуда онъ въ дерзновеніи своемъ раскаяется и развращенную свою жизнь исправитъ“. Въ монастырѣ велѣно заставлять его рубить дрова, копать огороды и возить для монастыря воду.

Какъ не исправился Теплицкій въ смирительномъ домѣ, такъ мало пользы принесла ему жизнь въ Соловкахъ. Въ теченіи года въ монастырѣ онъ столько накуралесилъ, что архимандритъ не зналъ, что съ нимъ и дѣлать, и просилъ его убрать куда либо. На это отвѣчали изъ Петербурга, чтобы для смиренія назначали Теплицкаго въ такія тяжкія работы, какія только найдутся въ Соловкахъ. Но и это не помогло. Теплицкій въ Соловкахъ устроилъ фабрикацію фальшивой монеты, былъ пойманъ, судимъ и, по наказаніи внудомъ, сосланъ въ каторгу.

XII.

Въ 1781 г. былъ присланъ особенный колодникъ, который именовался бывшимъ Пушкинымъ. За годъ до его присылки вологодскій и ярославскій генераль-губернаторъ Мельгуновъ потребовалъ отъ соловецкаго архимандрита точнаго плана всѣхъ арестантскихъ помѣщеній. Въ октябрѣ того-же года архимандритъ получилъ отъ Мельгунова слѣдующее письмо:

„Весьма секретно“. Высочайшее имяное ея и. в. имѣю я повелѣніе о переводѣ одного секретнаго колодника изъ того мѣста, гдѣ онъ нынѣ содержится, для таково-жъ содержанія въ Соловецкомъ монастырѣ. А какъ сей преступникъ человекъ хитрый и дерзкій, того ради и повелѣно держать его такъ, чтобы онъ не только приходящихъ богомольцевъ, ниже кого изъ монастырскихъ жителей, исключая караульныхъ, какъ онъ ни кого, такъ и его никто-бы видѣть не могли. Оный же колодникъ будетъ къ вамъ присланъ будущю весною, для котораго прошу ваше в. — преподобіе приготовить удобное мѣсто къ вышеописанному содержанію; для лучшаго мнѣ усмотрѣнія присылаю при семъ тотъ планъ, который вы прислали ко мнѣ, прошу на ономъ назначить, въ которыхъ кельяхъ назначите вы посадить того колодника, однако-жъ, чтобы въ той палатѣ было одно окошко и то небольшое за желѣзною рѣшеткою. Гдѣ вы таковой покой назначите, при увѣдомленіи прошу опять доставить ко мнѣ планъ, дабы я могъ сіе видѣть. Сентября 27-го дня 1780 года.

Согласно этому предписанію для ожидаемаго арестанта былъ назначенъ казематъ между кожевенной кладовой и живописной палатой, въ с.-з. углу крѣпостной стѣны. А такъ какъ это помѣщеніе съ двухъ сторонъ было открыто, то для полного изолированія отъ всего живаго были устроены двѣ стѣны: одна высокая деревянная, другая каменная, упирающаяся въ крѣпостную стѣну. Для приспособленія каземата, согласно инструкціи, было израсходовано болѣе 200 рублей, которые монастырское начальство требовало съ Мельгунова, но тотъ отказалъ имъ въ этомъ на томъ основаніи, что казематъ останется у нихъ-же и пригодится для другихъ людей.

Когда, такимъ образомъ, былъ устроенъ казематъ во всемъ согласный требованіямъ Мельгунова и найденъ удовлетворяющимъ своему назначенію, былъ присланъ обѣщанный колодникъ при такомъ отношеніи Мельгунова:

„Секретно“. Архангельскому оберъ-коменданту отъ меня предписано секретнаго колодника бывшаго Пушкина, о которомъ я вамъ прежде писалъ для содержанія въ Соловецкомъ монастырѣ, отправить къ вамъ на одномъ изъ монастырскихъ судовъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ и тремя солдатами на цѣлый годъ, по гривнѣ на каждый день съ кормовыми деньгами; и для того, когда оный колодникъ къ вамъ въ Соловецкій монастырь привезенъ будетъ, имѣете в. в. —преподобіе посадить его въ назначенный вами на планѣ подъ № 19 покой, приставя къ нему для караула присланныхъ съ нимъ отъ архангельскаго оберъ-коменданта унтеръ-офицера и солдатъ. А дабы онъ уйти не могъ, или не могло отъ него произойти какихъ пребывающимъ тамъ людямъ безпокойствъ и не меньше и приходящимъ для моленія въ монастырь людей, отнюдь-бы онъ, а равно и его никто видѣть не могъ, то его въ вышенисанномъ покоѣ приказать запереть, и изъ онаго нигуда не выпускать, а на кормовыя деньги покупать ему пищу и платье и отдавать тѣ деньги для сей покупки онымъ приставленнымъ къ нему солдатамъ. О состояніи его, и какимъ образомъ онъ жизнь проводить будетъ, по прошествіи полугода, меня и вологодское намѣстничество увѣдомлять, надписывая на конвертъ: по секрету, а нимиъ какъ скоро привезенъ будетъ, такъ меня увѣдомить-же. Апрѣля 27 дня 1781 года. Ярославль.

Ожидаемый колодникъ былъ привезенъ въ Соловки 18 іюля 1781 г. и посаженъ въ приготовленный казематъ, согласно инструкціи. Относительно содержанія его въ матеріальномъ отношеніи вышло недоразумѣніе: на содержаніе его пищей и одеждой полагалось по гривнѣ въ день, которую и расходовали его тюремщики, но съ наступленіемъ зимы потребовалось освѣщеніе и отопленіе, а потому монахи обратились съ просьбою о выдачѣ особыхъ денегъ на этотъ предметъ. Въ выдачѣ денегъ имъ отказали, а позволили, если захотятъ, брать изъ отпускаемой гривны по двѣ копейки на отопленіе и освѣщеніе. Что касается поведенія арестанта, то архимандритъ каждое полугодіе по октябрю 1784 г. доносилъ, что бывший Пушкинъ ведетъ жизнь смиренную, никакихъ продерзостей не дѣлаетъ, такъ что обвиненіе его Мельгуновымъ въ хитрости и дерзости на дѣлѣ не оправдалось. Въ началѣ 1785 года онъ былъ куда-то увезенъ изъ Соловокъ. Кто онъ былъ—изъ дѣла не видно, извѣстно только, что онъ привезенъ былъ изъ Пустозерска.

Въ царствованіе Елизаветы было совершено одно изъ ряда вонъ выдающееся преступленіе: поручикъ Жуковъ вмѣстѣ со своею женою убилъ свою мать и родную сестру. Преступленіе это произвело въ обществѣ большое впечатлѣніе и правительство не знало какъ наказать этихъ злодѣевъ.

Екатерина II обратила вниманіе на дѣло Жуковыхъ; она дала запросъ членамъ синода бывали-ли подобныя преступленія въ исторіи, если были, то какъ относились къ нимъ святые отцы, и просила мнѣнія членовъ синода, какъ поступить съ Жуковыми. Синодъ отвѣчалъ, что подобныя примѣры бывали въ исторіи и описывали разныя наказанія, коимъ подвергались такіе злодѣи, но что касается наказанія Жуковыхъ, то на это отвѣчали, что воля есть в. величества, но съ христіанской точки зрѣнія, лучше всего дать злодѣямъ возможность раскаяться, т. е. не казнить ихъ. Императрица рѣшила заключить Жуковыхъ по монастырямъ до смерти ихъ, чтобы они могли почувствовать свой грѣхъ.

Для успокоенія общества былъ составленъ особый манифестъ, гдѣ излагалось злодѣяніе Жуковыхъ, запросъ членамъ синода и ихъ отвѣты и рѣшеніе императрицы, и манифестъ этотъ разосланъ повсемѣстно для обнародованія.

Поручикъ Жуковъ былъ заключенъ въ Соловецкую крѣпость. Изъ каземата его каждодневно водили въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ въ одеждѣ кающагося отмаливать свое злодѣяніе. Будучи помѣщикомъ, онъ взялъ съ собою двухъ слугъ, но не нуждаясь въ ихъ услугахъ въ казематѣ, онъ посылалъ ихъ сначала на заработки въ Архангельскъ, но когда ему запретили это дѣлать, то продалъ ихъ по 10 рублей за штуку.

Въ числѣ секретныхъ дѣлъ монастыря находится „дѣло о важномъ блеваніи смертоубійцы колодника Жукова“. Блеваніе это состояло вотъ въ чемъ.

Въ день коронованія императрицы въ монастырѣ была торжественная служба, на которой, между прочими, былъ и Жуковъ. Во время великаго выхода, когда архимандритъ, принимая св. дары, поминалъ царскую фамилію, Жуковъ, подойдя къ настоятельскому мѣсту, закричалъ: „..... какая она императрица, она де татарка“. Безумца увели. Послѣ службы отъ всѣхъ служащихъ были отобраны росписки, что они, подѣ страхомъ смертной казни, ни кому не расскажутъ „блеванія“ Жукова. Начались допросы почему „блевалъ“, не подучалъ-ли кто, не было-ли сообщниковъ и проч., и, наконецъ, Жукова заковали и отправили въ Архангельскъ. Дѣло пошло своимъ чередомъ, и, наконецъ, о немъ доложено было государынѣ. Императрица повелѣла дѣло прекратить, а Жукова отправить обратно въ

Соловки, но заключить его тамъ такъ, чтобы про него никто ничего не зналъ. Просидѣвъ въ такомъ заключеніи около двухъ лѣтъ, Жуковъ „своею волею удавился“, какъ показывалъ его караульный.

Въ 1786 году монастырское начальство, имѣя въ виду манифестъ 1787 года, представило губернатору слѣдующую вѣдомость о содержащихся въ острогѣ арестантахъ съ обозначеніемъ ихъ преступленій, въ надеждѣ, что правительство освободитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, подведя подъ милостивый манифестъ.

Вѣдомость о содержащихся въ Соловецкомъ монастырѣ колодникахъ отъ іюня по октябрь мѣсяць 1786 г.

1) Федоръ Васильевъ, содержащійся съ 1756 г., мая 28. По указу св. синода и тайной розыскныхъ дѣлъ канцларіи за немаловажную его вину въ содержанію до кончины живота его никуда непосходна въ тяжкихъ трудахъ скována, а въ прошломъ 766 г. по выс. ея и. в. соизволенію велѣно оставить его подѣ присмотромъ монашескимъ, а не подѣ карауломъ.

2) Алакторскаго уѣзда, Дворцоваго села Новотроицкаго крестьянинъ Василій Думнобъ (слѣпсй), съ 1769 г., окт. 4. По ук. а. х. д. конс., а въ оному по ук. синода, по опредѣленію бывшей тайной канцларіи за вину его для содержанія неисходно до кончины живота.

3) Поручика Ивана Сабурова дворовый человекъ Сергій Трифоновъ, съ 1762 г., сент. 4. По ук. синода по в. пов. для употребленія въ работы, а какъ онъ сумасшедшій, отчего происходятъ всякія непристойныя слова, то что въ разговорахъ произносить будетъ, во всемъ томъ не вѣрить ему.

4) Новгородскаго вѣхотнаго полка солдатъ Иванъ Алексѣевъ (умеръ 1789 г.), съ 1762 г., окт. 1. По имянному ея и. в. указу на вѣчное пребываніе, и чтобы отъ него какихъ безпокойствъ монашествующимъ не произошло для содержанія караула командированы арханг. гарнизона солдаты, и чтобы его, кромѣ церкви, никуда не выпускать. 1781 г. велѣно изъ подѣ караула свободить, а оставить подѣ монашескимъ присмотромъ.

5) Малороссіянецъ Антонъ Любимскій, съ 1765 г., марта 6. По присланнымъ изъ св. синода изъ учрежденной по церковнымъ имѣніямъ комиссіи и изъ коллегіи экономіи съ прописаніемъ имяннаго ея и. в. указа для содержанія яко безумнаго неисходно, и чтобы онъ себя и кого другаго не повредилъ какиимъ орудіемъ и не допускать его имѣть бумаги, чернила, пера и проч.

6) Воложскій дворянинъ Михайло Ратицовъ, съ 1766 г., августа 19. По указу св. синода во исполненіе ея и. в. конфирмаціи за оказавшееся смертное преступленіе и безумство: дабы отъ него подобныхъ тому неистовствъ и неповиннымъ людямъ вреда впредѣ произойти не могло, содержать скována, употреблять притомъ ко всякимъ работамъ. Если противъ чаянія со временемъ придетъ въ чувство, и тогда учинить ему церковное покаяніе, а чтобы онъ другимъ людямъ вреда учинить не могъ, опредѣлить къ нему изъ обрѣтающихся въ монастырѣ солдатъ особый караулъ, за которымъ во

время священнослуженія къ церкви. славословію водить и стоять до усмотрѣнія его состоянія въ паперти.

7) Бывшій бѣлгородской епархіи, Мирнопольскаго Николаева монастыря архимандритъ, а нынѣ монахъ Григорій Спичинскій, съ 1772 г., марта 2. По имянному ея и. в. указу за оказавшіяся его вины, по лишеніи архимандритства, содержать простымъ монахомъ на неисходномъ послушаніи 1784 г. по секретному сообщенію яросл. и вологодск. ген. губерн. Мельгунова, по высочайш. повелѣнію Спичинскаго, какъ человѣка непостояннаго и дерзкаго нрава, также во многихъ клеветахъ и неосновательныхъ доносахъ и ложныхъ разглашеніяхъ извѣстнаго, содержать подъ стражею въ особливомъ покоѣ и нивого къ нему изъ пріѣзжающихъ въ монастырь не допускать. Равно же для удержанія его отъ всякихъ клеветъ, бумаги, чернила и ничего къ письму способнаго ему не давать.

8) Бывшей сѣчи запорожской кошевой Петръ Кольнишевскій ¹⁾, съ 1776 г., іюля 29. По указу синода во исполненіе высочайшаго ея и. в. на всеподдан. генер.-аншефа, военной коллегіи вице-президента, новороссійск. ген.-губернатора и кавалера Григ. Ал. Потемкина докладъ конфирмаціи для содержанія безвыпускно изъ монастыря и удаленія не токмо отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія за неослабнымъ карауломъ обрѣтающихся въ монастырѣ солдатъ.

9) Филиппъ Тимофѣевъ, что нынѣ монахъ Филимонъ, съ 1780 г., декабря 22. По предписанію прокурора кн. Вяземскаго, вслѣдствіе ея и. в. соизволенія за обращеніе его напередъ сего въ пьянствѣ и оттого узнанное преступленіе и дерзость. чтобы за жизнiю и поведеніемъ имѣть неослабное смотрѣніе, и чтобы онъ изъ монастыря никуда отлучаемъ не былъ, въ какомъ онъ состояніи находится будетъ ежегодно къ его сiнтельству рапортовать.

10) Бывшій Пушкинъ, съ 1781 г., іюня 18. По секретн. сообщенію ген.-губери. Мельгунова во исполненіе высоч. ея и. в. повелѣнія для содержанія въ особливомъ покоѣ за особымъ карауломъ.

11) Лишенный дворянства и чиновъ отставной подпоручикъ Петръ Шелешовъ, съ 1783 г., іюня 5. По имянн. ея и. в. указу за оказавшееся неумышленное смертное отца своего убійство на вѣчное и безысходное пребываніе къ употребленію въ работу, чтобы онъ по смерть свою приносилъ покаяніе въ своемъ тяжкомъ преступленіи.

12) Отставной подпоручикъ Александръ Теплицкій, съ 1783 г., іюня 23. Во исполненіе ея и. в. повелѣнія приказано послать для содержанія до того времени, покуда онъ въ дерзновеніи своемъ раскается и развращенную жизнь свою исправить. На пропитаніе же ему изъ монастырской сумми ничего не производить, но принудить, чтобы онъ доставалъ себѣ работою.

13) Лишенный дворянства Илья Рачинскій, съ 1783 г., августа 4. Въ силу высоч. ея и. в. повелѣнія, по освобожденіи отъ оковъ, держать, во избѣжаніе побѣга и всякихъ непристойныхъ поступковъ, подъ надлежащимъ присмотромъ.

14) Лишенный чиновъ бывшій поручикъ Михаилъ Попескулъ, съ 1785 года, октября 1. По высочайшему повелѣнію. По лишеніи чиновъ за вѣско-

¹⁾ О Кольнишевскомъ и его жизни въ Соловкахъ см. статью г-жи Ефименко «Русск. Стар.», т. XIV, изд. 1875 г.

торья учиненныя имъ преступленія въ неисходному пребыванію и содержанію, какъ чловѣка, наполненнаго дерзостію и отчаяніемъ и склоннаго не только къ клеветѣ, но и на всякія вредныя дѣланія, подѣ такимъ присмотромъ, чтобы онъ никакъ изъ монастыря уйти не могъ, и писемъ писать ему никому не позволить и о образѣ жизни и поведеніи его извѣщать чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ архангельскаго губернатора.

15) Бывшій лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка лекарь Алексѣй Лебедевъ (1790 г. въ маѣ приказано было сдать его сенатскому курьеру для отправки въ С.-Петербургъ), съ 1786 г., мая 9. По высочайшему повелѣнію для содержанія подѣ крѣпкою стражею особо отъ прочихъ колодниковъ, и кромѣ церкви его нигуда не выпускать, принявъ при томъ всенястрожайше соотвѣтственно высоч. ея и. в. повелѣнію предосторожности, дабы онъ ни себѣ, ни другимъ вреда по безумію причинить не могъ и не имѣлъ способу ни токмо къ сообществу съ кѣмъ бы то ни было, но и ни къ какому изъясненію безумныхъ изрѣченій на словахъ и на письмѣхъ и для того ни чернила, ни бумага, ни прочаго къ письму служащаго ему не давать. На пропитаніе производить противъ одного монаха. О его жизни сообщать ежегодно кн. Вяземскому.

16) Полоцкаго намѣстничества мѣщанинъ Леоновичъ за переходъ изъ православія въ унию въ 1786 г.

По представленіи этой вѣдомости на благоусмотрѣніе ея и. в. государыня повелѣла, дабы всѣхъ показанныхъ въ вѣдомости, содержащихся въ Соловецкомъ монастырѣ колодниковъ, оставить въ томъ монастырѣ, на основаніи преждеучиненныхъ о содержаніи ихъ предписаній.

XIII.

Въ 1806 г. въ селѣ Константинополь, Маріупольскаго уѣзда, Еваторинославской губерніи, захвачено было полиціей три чловѣка, не исповѣдующихъ никакой религіи и не признающихъ никакой власти. Ихъ подвергли допросамъ, причемъ оказалось, что они уже много лѣтъ ходятъ изъ мѣста въ мѣсто, проповѣдуя свое ученіе объ исчезновеніи благодати на землѣ и незаконности власти. По докладѣ о нихъ, Александръ I повелѣлъ послать ихъ въ Соловки для исправленія. 1807 г. въ Екатеринбургѣ они были скованы и каждый порознь отправлены въ Соловки въ заточеніе. вмѣстѣ съ ними также отправленъ въ Соловки екатеринбургскій мѣщанинъ Соколовъ, по примѣру ихъ оказавшій сопротивленіе властямъ. Въ монастырѣ велѣно ихъ держать въ самомъ строгомъ заключеніи и направлять на путь истины краткими

мѣрами. Пробывъ годъ въ заключеніи, они изъявили раскаяніе и желаніе присоединиться къ церкви. По донесеніи объ ихъ раскаяніи въ синодъ, они были подвергнуты еще годовому искусу, и потомъ присоединены къ церкви и чрезъ недолгое время освобождены.

Въ томъ же 1806 году въ Новгородѣ возбуждено было дѣло о распространеніи жидовствующей ереси. Однимъ изъ главныхъ виновныхъ оказался псаломщикъ Ивановъ, котораго за приверженность и распространеніе жидовствующей ереси, по высочайшему повелѣнію, сослали въ Соловки въ заточеніе, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ.

Въ томъ-же году гвардеецъ Ширшевъ, за убійство въ принадлежѣ сумасшествія. Какъ сумасшедшій, былъ содержимъ въ особомъ мѣстѣ, но, понятно, заточеніе не вылѣчило его отъ сумасшествія.

1812 г., по высочайшему повелѣнію, присланъ крестьянинъ Вятской губ., Орловскаго уѣзда, Семень Шубинъ, за произношеніе на св. церковь и св. дары богохульныхъ словъ и за приверженность къ расколу. Пробывъ въ острогѣ непоколебимымъ въ своихъ заблужденіяхъ до своей смерти въ 1875 г. Умеръ 89 л. отъ роду; предъ смертію года три не въ состояніи былъ ходить.

Въ 1815 г., по высочайшему повелѣнію, присланъ въ Соловки изъ Петропавловской крѣпости французъ Августъ Турнель. За что—неизвѣстно. Человѣкъ онъ былъ, надо полагать, очень богатый, что видно изъ описи его имущества, привезеннаго съ собою, въ которой значится много золотыхъ и серебряныхъ вещей (колецъ золотыхъ болѣе 20 штукъ), 6 фразовъ и т. п. Въ 1820 г. онъ былъ увезенъ въ Архангельскъ.

Въ 1818 г. дворовый человѣкъ графа Головкина Антонъ Дмитріевъ, за распространеніе свопчества и за оскорбленіе себя и своего господина гр. Головкина. Сидѣлъ въ соловецкой крѣпости до смерти своей, 1880 г. Онъ такъ свыкнулся съ тюрмой, что когда въ 1870-хъ годахъ его освободили, то онъ не хотѣлъ

выйти изъ тюрьмы и тамъ доживалъ свой вѣкъ „не въ родѣ арестанта“. Умеръ не раскаявшись.

Въ 1821 г. присланъ, по высочайшему повелѣнію, томскій купецъ Меѳодій Петровичъ Шумиловъ. При присылкѣ его въ Соловки оберъ-прокуроръ синода, кн. А. Н. Голицынъ, послалъ на имя соловецкаго архимандрита слѣдующее своеручное письмо:

Секретно. Нужнымъ считаю сообщить вамъ, что съ симъ отношеніемъ посланный арестантъ есть скопецъ, по волѣ государя императора отправленъ генераль-губернаторомъ с.-петербургскимъ гр. Милорадовичемъ. Его имя Меѳодій, по фамиліи Шумиловъ, сильно зараженъ скопческою ересью и очень не глупый человѣкъ. Надобно обратить на него ваше вниманіе для обращенія его на истинный путь, и не давайте ему способу сообщаться письмами, ни лично со своими сообщниками. Онъ преданъ душевно старику-начальнику скопцовъ, бывшему прежде въ Петербургѣ, и коего онъ почитаетъ даже Искупителемъ. Прошу васъ по временамъ увѣдомлять меня, какіе въ немъ плоды вы будете усматривать. Объ его фамиліи вамъ не нужно другимъ рассказывать и рапортовать въ Синодъ, а можно обозначать просто скопцомъ. Кн. Голицынъ. 19 авг. 1821 года.

Шумиловъ былъ сначала старообрядцемъ безпоповщинской секты, но въ 1818 г. присоединился къ православію. Очень богатый человѣкъ, имѣвшій процессъ съ 1-мъ департаментомъ сената по наложенію секвестра на его имущество въ 2.591,000 р. Умеръ въ Соловкахъ безъ раскаянія въ 1823 г., не дождавшись окончанія своей тяжбы.

1821 года инвалидъ Иванъ Кузнецовъ, за совращеніе въ расколъ военныхъ нижнихъ чиновъ. Не раскаялся и умеръ въ тюрьмѣ 1836 г.

1822 года с.-петербургскій мѣщанинъ Семень Кононовъ за скопчество. Умеръ въ соловецкой тюрьмѣ въ 1856 году безъ раскаянія.

Въ 1822 г. свѣтскимъ начальствомъ въ Калужской губерніи, Перемыс. уѣзда, въ дер. Жалеговъ и Полянахъ открыта новая секта, имѣющая, по соображенію калужскаго начальства, совершенное сходство съ сектою скопцовъ. Основателями этой секты оказались: земскій писарь Вареоламей Павловъ, экономическіе

крестьяне Герасимъ и Евстаѣй Глумовы и Иванъ Терентьевъ. Комитетъ министровъ, на разсмотрѣніе котораго было отдано это дѣло, опредѣлилъ первыхъ троихъ послать въ Соловецкій монастырь въ число штатныхъ служителей. Варв. Павловъ оказался зараженнымъ венерическою болѣзнію, а потому отправленъ въ архангельскую больницу для излѣченія. Послѣ возвращенія его изъ больницы въ 1825 году, арестантъ штабсъ-капитанъ Созоновичъ произвелъ надъ нимъ операцію оскопленія, о чемъ монастырское начальство узнало лишь въ 1827 г. Послѣ этого случая Павлова заперли въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ, въ 1824 г., не раскаявшись.

Въ 1823 г. присланы въ соловецкій острогъ наставники старообрядческаго московскаго Рогожскаго кладбища, московскіе мѣщане Иванъ Ѳедотовъ и Сергѣй Гнусинъ, какъ распространители вреднаго государству ученія. При дѣлѣ о нихъ находится посланіе забайкальскихъ старообрядцевъ, гдѣ они просятъ своихъ наставниковъ разъяснить многіе спорные пункты своего вѣроученія. Изъ этого посланія видно, что Гнусинъ и Ѳедотовъ играли очень видную роль въ мірѣ старообрядцевъ. Сосланные въ Соловки, они были заключены въ острогъ и тамъ составляли одну душу. Въ своихъ заблужденіяхъ остались непоколебимы до смерти. Умерли они почти вмѣстѣ: Ѳедотовъ 22, а Гнусинъ 27 іюня 1839 г. Оставшіяся послѣ нихъ деньги 65 р., по духовному завѣщанію, были отданы для поминовенія немущимъ, преимущественно содержащимся въ острогѣ.

Въ томъ же году, по высочайшему повелѣнію, присланы въ заточеніе рядовые 34-го егерскаго полка: Степанъ Евсѣевъ, Алекс. Яковлевъ, Иванъ Ивановъ, Клементій Григорьевъ, Игнатій Дружининъ и Иванъ Низовцевъ и крестьянинъ Павловъ за скопчество. Никто изъ нихъ не раскаялся, а потому они сидѣли въ заточеніи до смерти.

Въ 1825 г., по высочайшему повелѣнію, по наказаніи к у-томъ, присланъ на вѣчно въ соловецкій острогъ на заточеніе учитель новоторжскаго приходскаго училища Василій Воскресенскій за богохульство. Находясь въ острогѣ, онъ, какъ чело-

вѣкъ сравнительно образованный, былъ употребляемъ на письменныя работы при архимандритѣ Досиѣеѣ. Его трудами разобранъ былъ соловецкій архивъ, сдѣлана ему опись; онъ составилъ „Историческое описаніе Соловецкаго монастыря“, 3 тома,—очень серьезный и добросовѣстный трудъ, изданный архимандритомъ Досиѣеемъ Нѣмчиновымъ, какъ его собственный трудъ. Конечно, онъ тотчасъ же по приѣздѣ въ Соловки раскаялся въ своихъ рѣзкихъ словахъ относительно религій, сказанныхъ въ запальчивости, но только черезъ десять лѣтъ освободили его изъ тюрьмы и то съ условіемъ остаться въ монастырѣ. Въ 1841 г. онъ принялъ монашество подъ именемъ Кассіана.

Крестьянинъ Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, Иванъ Низовъ—въ 1825 г. посланъ въ Соловки, за расколъ и оскорбленіе святыни, въ число штатныхъ служителей. 4-го іюля 1826 г. бѣжалъ, подговоривъ приѣзжихъ крестьянъ перевезти его на материкъ, но былъ пойманъ и заключенъ въ острогъ. Въ 1835 г. подалъ заявленіе о раскаяніи, и вскорѣ освобожденъ.

М. А. Колчинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ

въ селѣ Надеждинѣ, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи,

въ концѣ XVIII-го вѣка.

Обрядъ правила для здѣшняго образа жизни въ селѣ Надеждинѣ.

1. Хозяинъ, удаляясь отъ суеты и пышностей мірскихъ, желаетъ и надѣется обрѣсти здѣсь уединеніе совершенное, и отъ онаго произтекающее счастливое и ничѣмъ непоколебимое спокойствіе духа.

2. Хозяинъ почитаетъ хлѣбосольство и гостепримство основаніемъ взаимственнаго удовольствія въ общежитіи, слѣдственно видитъ въ оныхъ пріятныя для себя должности.

3. Всякое здѣсь дѣланное посѣщеніе хозяину будетъ имъ принято съ удовольствіемъ и признаніемъ совершеннымъ.

4. Хозяинъ, наблюдая предметъ и пользу своего скюда прѣзда, опредѣляетъ въ каждый день раздѣлять свое время съ жалующими къ нему гостями, отъ часа пополудни до обѣда, время обѣда и всѣ (часы) послѣ обѣда до семи часовъ вечера.

5. Хозяинъ по вышесказанному наблюденію опредѣляетъ утро каждаго дня отъ семи часовъ до полудни для разныхъ собственныхъ его хозяйственныхъ объѣздовъ, осмотровъ и упражненій; а вечеръ каждаго дня отъ семи до десяти часовъ опредѣляетъ онъ для уединеннаго своего чтенія или письма.

6. Хозяинъ проситъ тѣхъ, кои могутъ пожаловать къ нему на одинъ или на два или на многіе дни, чтобъ, бывъ въ его домѣ, читали сами себя хозяевами, никакъ не помня о немъ единственно въ семь качествъ; приказывали бы его людямъ все надобное для ихъ услуги и однимъ словомъ распоряжали бы своимъ временемъ и своими упражненіями отъ самаго утра, какъ каждый привыкъ и какъ каждому угодно, отнюдь не снравливаясь къ провозженію времени самого хозяина, который чрезъ то съ новою къ нимъ благодарностію получить всю свободу имъ предпріятое безостановочно и съ продолжительнымъ тцаніемъ выполнять.

7. Хозяинъ никогда не ужинаетъ, но всякій день въ девять часовъ вечера будетъ у него ужинъ готовъ для всѣхъ прибывшихъ къ оному; и онъ, прося дозволенія отъ онаго всегда отлучаться, проситъ также своихъ случающихся гостей, не смотря на его отсутствіе, за оный садиться и за онымъ самимъ хозяйничать.

Сообщ. И. О. Горбуновъ.

Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX вѣка ¹⁾.

IV ¹⁾.

Мы видѣли въ первомъ очеркѣ, до какой степени было стѣснено въ первой четверти XIX вѣка обсужденіе въ публичной печати крестьянскаго вопроса; цензурныя строгости въ этомъ отношеніи были чрезвычайно велики и въ царствованіе императора Николая. Такимъ образомъ, наша интеллигенція была лишена возможности открыто разсуждать объ уничтоженіи крѣпостнаго права и необходимыхъ для этого средствахъ; но разъ возбужденная мысль не могла быть подавлена никакими запретительными мѣрами, и крестьянскій вопросъ дѣлается, какъ мы уже знаемъ, предметомъ усиленнаго вниманія тайнаго общества въ концѣ первой четверти XIX вѣка и кружка Петрашевцевъ въ концѣ 1840-хъ годовъ. Наконецъ, вопросъ о необходимости уничтоженія у насъ крѣпостнаго права начинаютъ обсуждать и за границею, сначала иностранцы, а затѣмъ и русскіе, которые здѣсь высказываютъ свою мысль вполне, безъ всякихъ стѣсненій.

Въ 1822 г. въ Парижѣ была издана, на французскомъ языкѣ, въ двухъ томахъ, весьма интересная книга Пассенана, подъ заглавіемъ: «Россія и рабство въ ихъ отношеніяхъ къ европейской цивилизаціи, или вліяніе крѣпостнаго права на домашнюю жизнь русскихъ, ихъ гражданское, нравственное и политическое состояніе и на судьбы Европы». Авторъ, многіе годы жившій въ Россіи, собралъ не мало фактовъ о печальномъ положеніи нашихъ крѣпостныхъ; кромѣ того, онъ доказываетъ въ своемъ сочиненіи невыгодность крѣпостнаго труда,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1887 г., т. LVІ, октябрь, стр. 71—106; ноябрь, стр. 395—424.

опровергаетъ возраженія противъ необходимости освобожденія крестьянъ въ Россіи, считаетъ мало удачными мѣры въ пользу крестьянъ императора Александра I, но съ своей стороны предлагаетъ только ограниченіе власти господъ наказывать крѣпостныхъ и совѣтуетъ склонять помѣщиковъ къ отдачѣ крестьянамъ земли въ аренду участками отъ 15—30 десятинъ за половину или треть сбора ¹⁾. Какъ бы слаба ни была положительная сторона книги Пассенана относительно крестьянскаго вопроса, во всякомъ случаѣ знакомство съ нею было бы полезно для русскаго общества уже вслѣдствіе того, что въ ней рѣзко обличались злоупотребленія помѣщичьей властью. Но сочиненіе это было въ 1823 г. запрещено въ Россіи и потому не имѣло замѣтнаго вліянія на русское образованное общество.

Авторъ вышедшаго въ свѣтъ значительно позднѣе (въ 1843 г.) и болѣе извѣстнаго сочиненія о Россіи, маркизъ Кюстинъ, удѣляетъ довольно мало вниманія положенію нашихъ крѣпостныхъ, но нельзя не замѣтить, что онъ сумѣлъ понять опасность безземельнаго освобожденія. Указавъ на то, что самая завѣтная мечта русскихъ крестьянъ — сдѣлаться изъ помѣщичьихъ казенными, авторъ продолжаетъ: «Освободивъ сразу такихъ людей» (какъ видно изъ послѣдующаго, тутъ дѣло идетъ о безземельномъ освобожденіи), «вы возбудите въ странѣ сильное волненіе. Съ той минуты, какъ крестьяне, лишенные земли, увидятъ, что ее продаютъ, отдаютъ въ наемъ и обрабатываютъ безъ нихъ, они поднимутся массами, крича, что у нихъ отнимаютъ ихъ имущество» ²⁾.

Гораздо болѣе вліянія, чѣмъ оба предыдущія сочиненія, имѣлъ въ Россіи трудъ Гакстгаузена, которому были предоставлены всѣ средства для того, чтобы онъ могъ основательно ознакомиться съ состояніемъ нашего отечества.

Въ маѣ 1842 г. русскій посланникъ въ Берлинѣ, бар. Мейендорфъ, обратился съ письмомъ къ графу Киселеву, въ которомъ, препровождая къ нему статью, появившуюся въ одной берлинской газетѣ о незадолго передъ тѣмъ изданномъ у насъ законѣ объ обязанныхъ крестьянахъ, онъ говоритъ: «Статья эта составлена бар. Гакстгаузенемъ, который въ теченіи многихъ лѣтъ съ успѣхомъ изучалъ

¹⁾ La Russie et l'esclavage dans leurs rapports avec la civilisation européenne ou de l'influence de la servitude sur la vie domestique des russes, sur leur existence civile, morale et politique et sur les destinées de l'Europe, par M. P. D. de Passenans. P. 1822, tome I, 110—115, 153—166, 182—192.

²⁾ La Russie en 1839, par le marquis de Custine. Seconde édition. P. 1843, t. I, p. 299.

положеніе крестьянъ среди славянъ и нѣмцевъ и даже имѣлъ специальное порученіе отъ прусскаго правительства произвести по этому предмету изысканія во всѣхъ частяхъ Германіи и сосѣднихъ странъ. Результатъ этихъ наблюденій изложенъ имъ во многихъ трудахъ, напечатанныхъ на счетъ прусскаго правительства. Они не только доставили г. Гакстгаузену почетную извѣстность, но служатъ отчасти основаніемъ реформъ, подготовляемыхъ въ аграрномъ законодательствѣ Пруссіи. Прилагаемая статья въ прусской газетѣ составляетъ самое блистательное доказательство проникательности г. Гакстгаузена. Непродолжительнаго путешествія въ Москву, сдѣланнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было для него достаточно, чтобы пріобрѣсти относительно положенія крестьянъ въ Россіи свѣдѣнія болѣе вѣрныя, чѣмъ тѣ, которыя сообщаютъ большинство иностранцевъ, посѣщавшихъ страну до и послѣ него». Далѣе Мейендорфъ высказалъ мысль, что если наше правительство назначеніемъ небольшого пособія облегчитъ бар. Гакстгаузену путешествіе по Россіи, то, быть можетъ, онъ окажется полезнымъ для насъ своими обширными свѣдѣніями, не говоря уже о научномъ значеніи его изслѣдованій; баронъ Мейендорфъ обращалъ вниманіе Киселева также и на то, какъ важно для политическаго значенія и финансовыхъ интересовъ Россіи, чтобы въ Европѣ имѣли о ней благопріятныя свѣдѣнія, а ихъ всего скорѣе можетъ сообщить Гакстгаузенъ, судя по его статьѣ о законѣ 2-го апрѣля 1842 г., и имѣя въ виду его строго монархическія сужденія.

Въ приложенной къ этому письму статьѣ бар. Гакстгаузенъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ указу 2-го апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ: этимъ закономъ, какъ извѣстно, помѣщикамъ предоставлялось заключать съ своими крѣпостными договоры, по которымъ, сохраняя право собственности на свою землю, они могли отдавать ее въ пользованіе крестьянъ за условленныя повинности.

По докладу гр. Киселева, императоръ Николай повелѣлъ назначить бар. Гакстгаузену пособіе въ 1,500 руб., «не дѣлая, впрочемъ, изъ сего путешествія мѣру правительственную».

Прежде чѣмъ отправиться въ путь, бар. Гакстгаузенъ обратился къ Киселеву съ тремя письмами; пересылая ихъ нашему министру, Мейендорфъ писалъ: «Многія лица, знающія г. Гакстгаузена, полагаютъ, что его путешествіе... поможетъ русскому правительству выяснитъ, какимъ образомъ можно постепенно освободить крестьянъ. Я не могу вполнѣ раздѣлять это мнѣніе. Большое различіе въ положеніи крестьянъ въ Россіи и другихъ странахъ заставляетъ меня думать, что мѣры относительно этого сословія, вызванныя благородными намѣреніями государя императора, не могутъ походить на принятія за

границей. Но если эта цѣль не будетъ вполне достигнута, путешествіе бар. Гакстгаузена раскроетъ тѣмъ не менѣе много интересныхъ данныхъ».

Въ письмѣ къ Киселеву, отъ 17-го января 1843 г., Гакстгаузенъ говоритъ: «Двадцать лѣтъ моей жизни посвящены изученію исторіи германскихъ и славянскихъ народовъ, и главное мое вниманіе привлекали ихъ деревенскія учрежденія, но я не ограничивался изысканіемъ въ прошедшемъ причинъ настоящаго положенія, а старался вывести изъ своихъ наблюденій законы дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія... Въ теченіи 12 лѣтъ я принималъ участіе въ законодательныхъ работахъ прусскаго правительства и долженъ былъ посѣтить одну за другою всѣ части королевства, чтобы изучить на мѣстѣ положеніе земледѣльческаго населенія, его главныя учрежденія и отношенія къ землевладѣльцамъ. Такимъ образомъ, я былъ въ состояніи подробно ознакомиться съ тѣмъ, какія послѣдствія имѣли реформы, предпринятія съ начала столѣтія въ разныхъ частяхъ Пруссіи. Я былъ свидѣтелемъ потрясенія, произведеннаго революціоннымъ режимомъ Франціи; я видѣлъ, какъ во многихъ странахъ имъ были разорваны всѣ узы общественнаго устройства; я видѣлъ беспорядокъ, внесенный во всѣ классы и состоянія, и какъ передъ идеями равенства и свободы исчезли не только всѣ преимущества рожденія, но и патріархальная власть сеньера, почтеніе, часто заслуженное вѣковыми благодѣяніями. Такимъ образомъ, въ рейнскихъ провинціяхъ Пруссіи дворянство лишилось своихъ владѣній и почти совершенно исчезло. Раздробленіе тамъ поземельной собственности не знало границъ, но одна власть счастливо пережила всѣ революціонныя потрясенія,—власть деревенскихъ общинъ, которыя, сильныя своимъ единствомъ, вынесли безъ поврежденія всѣ фазисы иностраннаго владычества. Измѣненія, которымъ должны были подвергнуться отношенія землевладѣльцевъ и крестьянъ въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи, были менѣе разрушительны, но тѣмъ не менѣе за нихъ принялись очень сурово. Во многихъ случаяхъ права, приобретенныя землевладѣльцами, были принесены въ жертву мнимому благосостоянію крестьянъ. Время залѣчило рану, нанесенную прусскому дворянству, само правительство, отъавшееся отчасти отъ своего слишкомъ поспѣшнаго образа дѣйствій, пришло ему на помощь, и было бы несправедливо не признать теперь улучшенія земледѣлія и общаго довольства населенія. Но весьма вѣроятно, что, сохранивъ за помѣщиками болѣе полную покровительственную власть надъ крестьянами, предохранили бы этихъ послѣднихъ отъ когтей ростовщиковъ и жидовъ, которые часто заставляютъ ихъ дорого расплачиваться за полученную свободу. Въ Вестфаліи

осмотрительное законодательство, кажется, избѣгло всѣхъ опасностей, не отклоняясь отъ пути, предначертаннаго мѣстною исторіею. Крестьяне оставались тамъ крѣпостными долѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ провинціяхъ Пруссіи, но они были прикрѣплены къ землѣ, столько же ихъ собственными выгодами, какъ и законами. Сначала они были краткосрочными фермерами, но потомъ ихъ аренда сдѣлалась пожизненною и, наконецъ, превратилась, по праву обычая, въ эфитеозъ, такъ что законъ, объявившій ихъ лично свободными, ничего не измѣнилъ въ ихъ дѣйствительномъ положеніи: ни патріархальныхъ отношеній къ господину, ни связей, соединявшихъ между собою членовъ общинъ, управляемыхъ своими выборными властями. Какой контрастъ въ положеніи крестьянъ между Вестфаліею и Помераніею, прежде принадлежавшею Швеціи, государь которой уничтожилъ, въ 1806 г., крѣпостное право однимъ почеркомъ пера! Лично свободные, не привязанные къ землѣ собственнымъ интересомъ, они влечуть жизнь въ нищетѣ. Изъ почтенныхъ крестьянъ образовался классъ странствующихъ поденщиковъ. Таковы фазисы, пройденные Пруссіею, прежде чѣмъ вполнѣ установился существующій порядокъ вещей. Я видѣлъ, что Россія вступила на тотъ же путь, и мною овладѣло желаніе наблюдать ее въ эту эпоху жизненнаго развитія. Это желаніе сдѣлалось непреодолимымъ, когда появился достопамятный указъ 2-го апрѣля. Новый законъ обезпечиваетъ помѣщику право собственности на землю, но крестьянинъ пріобрѣтаетъ возможность» (слѣдовало бы прибавить: съ согласія помѣщика) «замѣнить барщину арендою, продолжительность которой можетъ быть увеличена по желанію. Онъ можетъ надѣяться на пріобрѣтеніе независимаго состоянія. Онъ будетъ обязанъ имъ землѣ, плодородіе которой увеличится его стараніями... Подъ защитою помѣщика укрѣпится общинный строй каждой деревни, и вмѣстѣ съ тѣмъ корпоративныя связи не ослабятъ того чувства уваженія и довѣрія, которое славянскій крестьянинъ всегда сохраняетъ къ своему господину, и которое есть одна изъ прекрасныхъ отличительныхъ чертъ низшихъ классовъ этого великаго народа. Внутренняя жизнь Россіи такъ оригинальна, что ее отнюдь не слѣдуетъ подгонять подъ масштабъ другихъ націй. Поэтому я вовсе не увѣренъ въ томъ, что сдѣланныя мною до сихъ поръ многочисленныя наблюденія могутъ быть полезны русскому правительству. Но если особыя условія, въ которыхъ находится Россія, не позволяютъ ей слѣдовать вполнѣ примѣру другихъ европейскихъ странъ, то знаніе того, что тамъ произошло, можетъ предохранять ее отъ возможныхъ ошибокъ. Я льщу себя надеждою, что могу быть нѣсколько полезнымъ въ этомъ смыслѣ».

На слѣдующій день Гакстгаузенъ въ письмѣ къ Киселеву дѣлаетъ еще нѣсколько замѣчаній относительно закона 2-го апрѣля 1842 г. «На этотъ указъ», говоритъ онъ, «нападаютъ либералы западной Европы, потому что онъ не начинается деклараціею правъ человѣка, и такъ какъ онъ не затрогиваетъ даже вопроса о личной свободѣ крестьянина. Я слышалъ также, что многіе русскіе помѣщики считаютъ его мертворожденнымъ, такъ какъ онъ не имѣетъ принудительной силы. Но эти упреки, по моему мнѣнію, составляютъ лучшее доказательство его значенія. Указъ ограничивается тѣмъ, что устанавливаетъ принципы. Онъ резюмируетъ прошедшее, настоящее и будущее русскаго крестьянина. Это лучъ свѣта, брошенный правительствомъ среди мрака, чтобы освѣтить народу путь, которымъ онъ необходимо долженъ идти въ своемъ естественномъ развитіи. Законъ не желаетъ насильственно создавать новый порядокъ вещей; онъ только даетъ русскому народу возможность сознать то, что должно когда вибудь совершиться, ту цѣль, къ которой должны стремиться соединенныя усилія правительства и народа. Законъ этотъ даетъ крестьянину право заключать договоры съ господиномъ, слѣдовательно пріобрѣтаетъ собственность и употребляетъ для ея защиты, даже противъ господина, средства, дозволенныя закономъ. Принципъ, столь охранительный, можетъ ли остаться безъ послѣдствій? Учрежденіе значительнаго числа фабрикъ въ деревняхъ угрожаетъ русскому крестьянину полнымъ порабощеніемъ. Новый законъ даетъ ему возможность пріобрѣсти независимое положеніе и достаточно гарантируетъ его сохраненіе. Крестьянинъ, который будетъ такъ счастливъ, что получить нѣсколько десятинъ въ аренду на правѣ эмфитеоза, увидитъ свое положеніе упроченнымъ навсегда. Даровать крестьянину личную свободу, не привязавъ его предварительно собственными выгодами къ обработкѣ земли, мнѣ кажется, было бы мѣрою не только ошибочною, но даже гибельною» (при этомъ Гакстгаузенъ опять ссылается на дарованіе личной свободы крестьянамъ въ Помераніи въ 1806 г.).

Всѣ эти соображенія о вредѣ личнаго безземельнаго освобожденія были уже не новостью для русскаго правительства; печальный опытъ, сдѣланный въ Остзейскомъ краѣ, былъ настолько убѣдителенъ, что правительство отказалось слѣдовать по этому пути, какъ это и было торжественно заявлено государемъ въ государственномъ совѣтѣ 30-го марта 1842 г. Но все-таки были не бесполезны и заявленія Гакстгаузена, основанныя на наблюденіяхъ въ Западной Европѣ, хотя, само собою разумѣется, онъ совершенно напрасно приходилъ въ восторгъ отъ закона 2-го апрѣля 1842 г., который дѣйствительно оказался мертворожденнымъ.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ того, какъ Гакстгаузенъ, готовясь къ путешествію въ Россію, изложилъ Киселеву свои взгляды на крестьянскій вопросъ, взгляды, какъ мы видѣли, весьма консервативные, шефъ жандармовъ, гр. Бенкендорфъ, обратился 11-го марта 1843 г. съ слѣдующимъ секретнымъ письмомъ къ графу Киселеву: «Дошло до моего свѣдѣнія, что по вызову вашего сіятельства въ скоромъ времени прибудетъ въ С.-Петербургъ баронъ фонъ-Гакстгаузенъ. Обязанностью считаю предупредить васъ..., что Гакстгаузенъ извѣстенъ за человѣка либеральныхъ мыслей (?), ненавидитъ дворянство (?), и въ недавнемъ времени издана имъ литографированная брошюра о Лифляндіи, въ коей онъ возстаетъ противъ правъ дворянства». Киселевъ послѣдшилъ отвѣтить Бенкендорфу, что дошедшія до него свѣдѣнія «не совсѣмъ точны, ибо я», продолжаетъ министръ государственныхъ имуществъ, «не вызывалъ барона Гакстгаузена, не знаю его, и потому не могу судить о его либеральныхъ наклонностяхъ», и рассказываетъ далѣе, какъ было дѣло, прилагая при томъ и письмо Мейендорфа. «За таковымъ объясненіемъ», продолжаетъ Киселевъ, «которое считаю обязанностью сообщить вамъ..., дабы оградить г. Гакстгаузена отъ неблагонамѣренныхъ толковъ и дѣйствій, я полагаю, что ваше сіятельство не откажете ему въ благосклонномъ покровительствѣ вашемъ, для чести нашего правительства и пользы науки необходимомъ».

3-го марта Гакстгаузенъ прибылъ въ Ригу и тутъ былъ непріятно пораженъ тѣмъ, что мѣстная цензура задержала нѣкоторыя бывшія при немъ книги (напримѣръ, «Путешествіе по Россіи» Коля и др.). Онъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Киселева; послѣднему пришлось написать министру народнаго просвѣщенія, Уварову, и тотъ распорядился о возвращеніи книгъ Гакстгаузену.

Наконецъ, въ мартѣ 1843 г., Гакстгаузенъ пріѣхалъ въ Петербургъ, снабженный письмомъ къ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ отъ короля прусскаго, которому онъ былъ лично извѣстенъ. Составленный Гакстгаузеномъ планъ путешествія по Россіи былъ просмотрѣнъ самимъ государемъ. Очень много матеріаловъ было сообщено Гакстгаузену изъ министерства государственныхъ имуществъ. Между прочимъ онъ услышалъ отъ великой княгини Елены Павловны, что въ канцеляріи министерства есть «Историческій обзоръ состоянія крестьянъ или крѣпостнаго права» во всей Россіи, составленный, по предписанію Киселева, предъ изданіемъ указа 2-го апрѣля 1842 г. Гакстгаузенъ обратился съ просьбою къ Киселеву о переводѣ и сообщеніи ему этого обзора, если онъ не слишкомъ объемистъ. Киселевъ написалъ такую резолюцію: «это не можно и не должно давать; краткій взглядъ

на этотъ предметъ можно имѣть отъ А. П. Заблоцкаго»¹⁾. Кромѣ того онъ велѣлъ сообщить Гакстгаузену, что для него будетъ назначенъ особый переводчикъ. По высочайшему повелѣнію шефъ жандармовъ и министры внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ предписали мѣстнымъ властямъ оказывать всевозможное содѣйствіе нѣмецкому путешественнику; для сопровожденія его при обзорѣннн Петербурга шефъ жандармовъ назначилъ къ нему офицера своего вѣдомства. Но Бенкендорфъ былъ нѣсколько смущенъ, когда Гакстгаузенъ заявилъ ему, что желалъ бы ознакомиться съ образомъ жизни простаго народа въ Петербургѣ, приходящихъ сюда рабочихъ, а также бродягъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, и просилъ о командированіи къ нему съ этою цѣлью чиновника, знающаго нѣмецкій языкъ. «Не рѣшаясь опредѣлить, будетъ ли для барона Гакстгаузена лично посѣщать такія мѣста, гдѣ жительствоуютъ и бывають бродяги и подобныя имъ люди», а также затрудняясь возлагать подобное порученіе на жандармскаго офицера, Бенкендорфъ обратился за совѣтомъ къ Киселеву. Тотъ отвѣчалъ, что онъ «неоднократно объяснялъ» Гакстгаузену, что «поѣздка его не есть мѣра правительственная и официальная, а частная, предпринятая имъ для ученыхъ изысканій»; поэтому онъ «можетъ осматривать въ Россіи все то, что дозволяется видѣть всякому другому частному путешественнику, а затѣмъ», писалъ Киселевъ Бенкендорфу, «вмѣшательство правительства въ его изысканія, по моему мнѣнію, не нужно и было бы несогласно съ первоначально изъявленной по сему предмету высочайшею волею». Кромѣ 1,500 руб., назначенныхъ Гакстгаузену, ему были выданы еще прогоны на 6 лошадей (1,181 рубль), не считая прогоновъ для сопровождавшаго его чиновника, Адерьаса.

Въ концѣ апрѣля 1843 г. Гакстгаузенъ выѣхалъ изъ Петербурга. Черезъ Москву онъ направился въ Ярославль, Вологду, Устюгъ, оттуда въ Нижній Новгородъ, Казань, Самару, Саратовъ, Пензу, Воронежъ, Екатеринославъ, проѣхалъ по Крыму, наконецъ, чрезъ Одессу, Кіевъ и Тулу, въ концѣ октября того - же года прибылъ въ Москву, гдѣ и прожилъ до самаго отъѣзда за границу въ апрѣлѣ 1844 г. Онъ собралъ множество интереснаго матеріала. Для переводовъ написанныхъ по русски бумагъ и различныхъ по нимъ объясненій Киселевъ отправилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Берлинъ на 4 мѣсяца чиновника министерства государственныхъ имуществъ, Лана, которому, впрочемъ,

¹⁾ Поэтому Заблоцкому было поручено составить для Гакстгаузена „Краткій взглядъ на положеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи до состоянія указа 2-го апрѣля 1842 г. и объясненіе политическаго и внутренняго быта государственныхъ крестьянъ и правъ ихъ“.

пришлось прожить тамъ гораздо долѣе. Въ сентябрѣ 1845 г. онъ писалъ въ министерство, что «передъ отъѣздомъ изъ Петербурга баронъ Гакстгаузенъ далъ обѣщаніе написать и издать свою книгу въ теченіи одного года; теперь... прошло уже около осьмнадцати мѣсяцевъ, а книги все еще нѣтъ»; «всякій разъ, когда я говорю ему о качествѣ и достоинствѣ ожидаемой отъ него книги», продолжаетъ Лань, Гакстгаузенъ «значительно киваетъ головою, присовокупляя, что сочиненіе оправдаетъ всѣ ожиданія его сятельства». Теперь мы знаемъ, что Гакстгаузенъ имѣлъ право говорить такимъ образомъ, такъ какъ его трудъ былъ дѣйствительно выдающимся въ свое время явленіемъ.

На напечатаніе книги автору было обѣщано пособіе, въ томъ случаѣ, если она окажется удовлетворительною, и государь повелѣлъ выдать Гакстгаузену 6,000 рублей на изданіе первыхъ двухъ томовъ подлинника. Они вышли въ свѣтъ въ 1847 г., а вслѣдъ затѣмъ появился и французскій переводъ, послѣ чего авторъ получилъ въ подарокъ золотую табакерку съ вензелемъ императора Николая. Въ 1851 г. Гакстгаузенъ сталъ ходатайствовать о назначеніи ему новаго пособія для напечатанія по французски третьяго и послѣдняго тома его сочиненія; тогда русское правительство изъявило согласіе на новое вспомошествованіе не иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго просмотра этого тома. Когда онъ былъ полученъ въ нѣмецкомъ изданіи, гр. Киселевъ доложилъ государю, что «это сочиненіе, отличающаея весьма обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ состоянія Россіи, проникнуто глубокимъ убѣжденіемъ въ превосходствѣ монархическихъ началъ и всего, что для блага Россіи ваше величество совершить изволили. При такомъ направленіи сочиненія, оно имѣетъ то особенное достоинство, что всѣ убѣжденія сочинителя основываются не на поверхностномъ взглядѣ или грубой лести, но на самыхъ тщательныхъ изслѣдованіяхъ положенія нашего государства, и если есть ошибки или невѣрности, то онѣ легко могутъ быть исправлены при французскомъ переводѣ». Поэтому Киселевъ признавалъ полезнымъ изданіе по французски третьяго тома этого труда, но такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ «важныя разсужденія» о внѣшней политикѣ, арміи и флотѣ, о церкви и дворянствѣ, то Киселевъ предлагалъ поручить разсмотрѣніе каждой изъ этихъ статей соответственнымъ учрежденіямъ, или лицамъ, стоящимъ во главѣ ихъ, и государь на это согласился ¹⁾. Выписки изъ третьяго тома были прочтаны

¹⁾ Въ дѣлахъ министерства государственныхъ имуществъ сохранились замѣчанія нѣкоторыхъ вѣдомствъ на третій томъ сочиненія Гакстгаузена.

государемъ, который нашелъ ихъ весьма интересными; онѣ переданы были также для прочтенія и наслѣднику цесаревичу. Что касается вопроса объ обращеніи книги Гакстгаузена въ Россіи въ подлинникѣ, то въ 1853 г. государь повелѣлъ: допустить продажу въ Россіи, подобно первымъ двумъ, и третьей части этого сочиненія, но не иначе, какъ съ исключеніемъ въ этой послѣдней трехъ мѣстъ, признанныхъ предосудительными ¹⁾, и съ воспрещеніемъ переводить книгу на русскій языкъ. Всего на всего Гакстгаузенъ получилъ на поѣздку въ Россію и обратно, на переводы и изданіе своего сочиненія 11,237 р. Въ этотъ счетъ не входятъ выданныя ему прогонныя деньги и болѣе 2,000 руб. жалованія чиновнику Лану. Но та польза, которую принесло Россіи и русской наукѣ сочиненіе Гакстгаузена, вполне окупаетъ эти расходы ²⁾.

Первые два тома сочиненія Гакстгаузена содержатъ главнымъ образомъ описаніе его путешествія, но это не бѣглыя путевыя замѣтки, а цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ наблюденій надъ различными явленіями внутренней жизни Россіи; есть, между прочимъ, и такія главы, какъ, напримѣръ, о половникахъ, о колонизаціи въ Россіи, о ногайскихъ татарахъ. Въ третьемъ томѣ, кромѣ указанныхъ уже статей, мы находимъ чрезвычайно интересную главу объ общинномъ землевладѣніи, гдѣ множество важныхъ и новыхъ данныхъ придаютъ особый интересъ труду Гакстгаузена и составляютъ главную заслугу автора. Мы не имѣемъ въ виду характеризовать все сочиненіе Гакстгаузена, а остановимся лишь на тѣхъ мѣстахъ его, гдѣ дѣло идетъ о крѣпостномъ правѣ и объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ одной изъ главъ перваго тома, сообщивъ нѣсколько данныхъ объ исторіи у насъ крѣпостнаго права, авторъ говоритъ: «Пока Россія была еще чисто земледѣльческимъ государствомъ, крѣпостное право было мало обременительнымъ для помѣщичьихъ крестьянъ, особенно въ Великороссіи, гдѣ прежде было немного имѣній, обитаемыхъ помѣщиками; здѣсь обыкновенно не существовало барщины, и помѣщикъ передавалъ всю землю въ неограниченное пользованіе крестьянской общины за извѣстную ренту, какъ это и теперь часто бываетъ... Высота ренты предписывалась здѣсь самыми обстоятельствами.

¹⁾ На стр. 62 о распространеніи въ Россіи либеральныхъ, коммунистическихъ и социалистическихъ идей; на стр. 85 и 205—206 о религиозныхъ вѣрованіяхъ въ Россіи.

²⁾ См. три дѣла о путешествіи барона Гакстгаузена въ архивѣ министерства государственныхъ имуществъ. В. С.

Господинъ могъ получать только умѣренный чистый доходъ; если онъ желалъ выжимать болѣе, то крестьяне бѣднѣли, ихъ скотъ и хозяйственный инвентарь ухудшался или исчезалъ совершенно, земледѣіе приходило въ упадокъ, и они были не въ состояніи исполнять повинности. Съ другой стороны, правительство требовало, чтобы господинъ самъ отвѣчалъ за казенныя подати крестьянъ въ случаѣ ихъ неспособности, и такимъ образомъ собственный интересъ побуждалъ господина беречь своихъ крестьянъ, гуманно относиться къ нимъ и оказывать имъ помощь. Онъ долженъ былъ даже стараться поддерживать у нихъ извѣстный хозяйственный инвентарь, иначе онъ не могъ надѣяться на аккуратное полученіе ренты. При этомъ онъ жилъ не въ деревнѣ, а въ городѣ, и потому, конечно, не могъ контролировать силу и зажиточности отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ, не могъ, какъ говорится, смотрѣть имъ въ горшокъ, и потому долженъ былъ довольствоваться наложеніемъ оброка по числу душъ; такимъ образомъ, и безъ того уже сильное общинное устройство получало еще большее значеніе. Русская община стала вслѣдствіе этого органически выработавшеюся, свободною республикою, вся зависимость которой ограничивалась тѣмъ, что она уплачивала постоянный оброкъ господину... Но теперь все это измѣнилось, и можно ожидать еще большихъ перемѣнъ, вслѣдствіе проникновенія западно-европейской культуры, развитія промышленности и усиленія роскоши!» Упомянувъ дагѣе объ искусственномъ разведеніи фабрикъ при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ, о томъ, какъ тогда приписывали къ фабрикамъ и отдѣльныхъ людей, и цѣлыя деревни, Гавстгаузенъ продолжаетъ: «Это собственно впервые пробудило въ Россіи мысль, что такъ какъ вся работа крѣпостныхъ принадлежать господину, то онъ можетъ употреблять ихъ на всякую работу, которая приноситъ ему выгоду. Ранѣе этого господинъ пользовался своими крѣпостными лишь въ двухъ видахъ: крестьянами въ земледѣіи и дворовыми для личнаго услуженія. Когда промышленность въ Россіи, поддерживаемая правительствомъ, все болѣе разрасталась, когда дворянство побуждалось правительствомъ вслѣдствіе учрежденія фабрикъ, что въ послѣдніи 25 лѣтъ совершалось въ слишкомъ большихъ размѣрахъ, помѣщики воспользовались своими крѣпостными такимъ-же образомъ, какъ это было прежде на такъ называемыхъ казенныхъ фабрикахъ» (поссесіонныхъ?); «прежде всего они употребили на фабричныя работы свою праздную дворню..., затѣмъ взялись и за крестьянъ, сначала лишь излишнихъ для земледѣія, а затѣмъ нерѣдко уменьшали или даже совершенно уничтожали запашку, такъ какъ въ неплодородныхъ и посредственныхъ мѣстностяхъ земледѣіе приноситъ менѣе дохода,

чѣмъ фабрика. Но скоро обнаружилось, что русскіе—плохіе фабричные работники, если эта работа составляетъ барщину, но что въ свою пользу они трудятся усердно. Поэтому даютъ крѣпостнымъ позволеніе самимъ искать работы, гдѣ они хотятъ, и облагаютъ ихъ за то оброкомъ».—«Мнѣ уже давно казалось», говоритъ авторъ въ примѣчаніи, «что правительство сдѣлало большую ошибку, чрезвычайно поощряя 25 лѣтъ тому назадъ промышленность и учрежденіе фабрикъ, не опредѣливъ ранѣе положительнымъ закономъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, какъ это возможно (и какъ это уже совершилось въ Германіи), или по крайней мѣрѣ не установивъ точно отношеній крѣпостныхъ къ фабрикамъ»¹⁾. Упомянувъ далѣе о широкомъ распространеніи среди крѣпостныхъ оброчной системы и отхожихъ промысловъ, авторъ высказываетъ мысль, что съ 1812 г. среднее дворянство, познакомившись съ западно-европейскою жизнью и комфортомъ, стало презирать національные обычаи и жить на иностранный манеръ. «Оно уже и прежде было склонно къ роскоши, а съ тѣхъ поръ страшно обременило себя долгами. Его имѣнія стали продаваться и переходить въ руки выскочекъ, которыя разбогатѣли самыми дурными средствами на государственной службѣ или разными спекуляціями. Тогда были разорваны старинныя узы взаимной, изъ рода въ родъ унаслѣдованной, любви и вѣрности, которыя одиѣ и дѣлали отношенія, основанныя на крѣпостномъ правѣ, человѣчными, или, по крайней мѣрѣ, сносными. Новые господа смотрѣли на крѣпостныхъ лишь какъ на орудіе, на машины для приобрѣтенія денегъ. Посредствомъ государственной службы все болѣе выскочекъ получало дворянство». Со временемъ и старое дворянство «вступило въ ряды чиновниковъ и было болѣе или менѣе заражено господствующею среди нихъ испорченностью»...

Прежде, когда дворянство было не такъ многочисленно, когда оно составляло съ крѣпостными еще одинъ народъ и мало отличалось отъ него нравами, образованіемъ и міросозерцаніемъ, когда крѣпостное право обнимало лишь людей, занимающихся земледѣліемъ, когда старыя деревенскія общины еще не были ослаблены разрушительными раздѣлами, и въ нихъ былъ еще живъ могущественный принципъ истинной и упорядоченной свободы, тогда крѣпостное право не пред-

¹⁾ Въ введеніи къ книгѣ авторъ говоритъ, что «фабричная промышленность составляетъ одно изъ самыхъ сильныхъ препятствій эмансипаціи, которая и въ Россіи постепенно начинаетъ дѣлаться необходимою» (S. XIII). Во французскомъ переводѣ послѣдняя мысль еще болѣе ослаблена: „l'abolition de la servitude, qui commence à devenir pour la Russie un but, vers lequel elle doit tendre insensiblement“ (p. XI). В. С.

ставляло противуестественныхъ, губительныхъ отношеній ¹⁾, а быть можетъ было даже необходимо для государственнаго развитія Россіи. Теперь оно сдѣлалось противуестественнымъ ¹⁾, и все болѣе выясняется невозможность фиксировать его въ настоящей стадіи и вообще далѣе сохранять его. Этому не скрываетъ ни одинъ умный человѣкъ въ Россіи, но какъ уничтожить или преобразовать эти отношенія, не вызвавъ соціальной революціи? Это главный вопросъ дня!

«Въ настоящее время крѣпостное право въ Россіи есть сенъ-симонизмъ на выворотъ. Послѣдній, какъ извѣстно, требуетъ, чтобы людей надѣляли по ихъ потребностямъ и способностямъ. Господинъ также оцѣниваетъ своихъ крѣпостныхъ. Онъ говоритъ принадлежащему ему человѣку: «тебѣ столько-то лѣтъ, ты такого-то сложенія и здоровья, имѣешь такую-то силу и способность къ работѣ, такое-то образованіе, таланты и знанія, слѣдовательно ты представляешь собою такой-то капиталъ». Но вмѣсто того, чтобы далѣе сказать вмѣстѣ съ Сенъ-Симономъ: «такъ какъ ты имѣешь такую-то цѣнность, то тебѣ приходится столько-то изъ благъ земныхъ», русскій помѣщикъ говоритъ своему крѣпостному: «такъ какъ ты имѣешь такую-то цѣнность, то слѣдовательно ты долженъ зарабатывать столько-то; ты долженъ принести мнѣ проценты съ заключающагося въ тебѣ и принадлежащаго мнѣ капитала, и слѣдовательно ты будешь платить мнѣ столько-то!» ²⁾.

Въ другой главѣ перваго тома авторъ указываетъ на необходимость крупныхъ помѣстій для культурныхъ усовершенствованій, а слѣдовательно и благосостоянія народа, а такъ какъ, по его мнѣнію, большія хозяйства могутъ поддерживаться въ нечерноземной полосѣ Россіи или посредствомъ барщины, или введеніемъ системы хозяйства, связанной съ промышленными предпріятіями, то онъ и дѣлаетъ выводъ, что «въ настоящее время крѣпостное право еще нельзя уничтожить» (въ примѣчаніи онъ прибавляетъ, что «уничтоженіе или преобразование крѣпостнаго права должно всегда разсматривать въ Россіи какъ мѣстный, а не общегосударственный вопросъ»): «во его (крѣпостное право) можно превратить въ отношенія, нормированныя закономъ съ точно опредѣленною барщиною и обузданіемъ всякаго личнаго произвола, какъ это имѣлъ въ виду указъ 1842 г.» (I, 178). Въ другомъ мѣстѣ, сообщая свѣдѣнія объ урочномъ

¹⁾ Во французскомъ переводѣ ослаблено (р. 103).

²⁾ Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Von Aug. Freih. von Haxthausen. Hann. 1847. I, 113—118.

положеніи, введенномъ Бунинымъ въ его тамбовскомъ помѣстьи, Гакстгаузенъ говоритъ: «Если бы правительству въ Россіи удалось такимъ образомъ точно и твердо регулировать барщину, то для настоящаго момента это было бы желательнѣе, чѣмъ уничтоженіе крѣпостнаго права. Изгнать изъ этихъ отношеній необузданный произволъ, установить законныя предѣлы, которые были бы дѣйствительно соблюдаемы, возбудить во всѣхъ классахъ общества сознаніе своихъ правъ— въ этомъ заключалась бы великая задача настоящей минуты (II, 86—87) ¹⁾. Проѣзжая по юго-западному краю, Гакстгаузенъ обращаетъ вниманіе на то, что австрійское правительство приняло серьезныя мѣры для ограниченія крѣпостнаго права въ присоединенныхъ къ Австріи польскихъ провинціяхъ, тогда какъ русское правительство этого не сдѣлало. Тутъ же говоритъ онъ объ издавна существующей въ западной Россіи инвентарной системѣ (II, 481—489, 493—494) ²⁾.

Въ третьей части своего труда, вышедшей въ свѣтъ уже въ 1852 г., въ главѣ, посвященной описанію государственныхъ имуществъ въ Россіи и ихъ управленія, Гакстгаузенъ вновь возвращается къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Придавая громадное значеніе тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты въ царствованіе императора Николая относительно государственныхъ крестьянъ, онъ говоритъ по этому поводу: «Установленіе правовыхъ принциповъ и нормъ обнимаетъ, однако, пока лишь меньшую часть деревенскихъ общинъ; постепенно согласовать съ этимъ и отношеніе другой части—составляетъ вторую великую задачу правительства. Что оно хорошо поняло необходимость этого и думаетъ дѣйствительно въ этому приступить, доказываетъ указъ 2-го апрѣля и послѣдовавшія затѣмъ распоряженія. Правительство остереглось произвольно затрогивать существующія права, оно только указало путь, постановило нормы, чтобы обѣ стороны могли полюбовно покончить между собою. По основному правилу крѣпостнаго права крѣпостной вовсе не имѣетъ собственности; господину принадлежить все, и онъ обязанъ только доставить

¹⁾ Трактатъ о земледѣліи и хлѣбной торговлѣ въ Харьковской губерніи, авторъ говоритъ: «быстрое превращеніе крѣпостнаго права или даже установленіе обязательныхъ договорныхъ отношеній, сообразно указу 1842 г., безъ предварительнаго устройства всевозможныхъ путей сообщенія, было бы, по крайней мѣрѣ для этой мѣстности, истиннымъ бѣдствіемъ» (II, 126).

²⁾ Въ 1847 г. въ двухъ русскихъ журналахъ были помѣщены извлеченія изъ книги Гакстгаузена („Современникъ“, т. VI, смѣсь, стр. 38—48, и „Финскій Вѣстникъ“, т. XXII, стр. 1—16); но ни тамъ, ни здѣсь не были затронуты, вѣроятно, по причинамъ, отъ редакцій независящимъ, мнѣнія Гакстгаузена о крѣпостномъ правѣ.

крѣпостному пропитанію. Итакъ, крѣпостному не достаетъ юридическаго права распоряженія: онъ не можетъ заключать контрактовъ, не можетъ дѣлать завѣщаній и т. п. Но со 2-го апрѣля 1842 г. законодательство даетъ русскому крестьянину право вступать въ договоры» (авторъ забываетъ о законѣ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ) «и тѣмъ совершенно уничтожаетъ настоящее крѣпостное право. Такимъ образомъ слагаются правовыя отношенія, подобныя существующимъ въ Вестфаліи, гдѣ не столько посредствомъ законодательства, сколько путемъ постепеннаго жизненнаго развитія образовались такія отношенія, что крѣпостной владѣть и пользуется крестьянскимъ имѣніемъ на основаніи договора съ своимъ господиномъ. Итакъ, въ настоящее время въ Россіи положено основаніе крестьянскихъ правъ; дальнѣйшее ихъ развитіе дѣло будущаго. Свобода никогда не должна быть подаркомъ; это высокое благо, которое можетъ быть лишь наградою за способности, стараніе и трудолюбіе. Ни одинъ разумный человѣкъ въ Россіи не можетъ и подумать о томъ, чтобы вдругъ, сразу, уничтожить крѣпостное право. Такое освобожденіе крестьянъ въ остзейскихъ провинціяхъ, вѣчно служавшихъ пробною мѣстностью для русскаго законодательства, имѣло вовсе неблагопріятныя послѣдствія; еще и теперь трудятся тамъ надъ тѣмъ, чтобы установить мало-мальски прочныя соціальныя отношенія. Для Россіи такое прекращеніе крѣпостнаго права было бы несказаннымъ бѣдствіемъ. Если бы законодательство установило, что извѣстные классы или категоріи крѣпостныхъ (первоначально за исключеніемъ земледѣльцевъ), купцы, ремесленники, фабричныя работники и т. п. имѣютъ право выкупаться на свободу въ извѣстное время на опредѣленныхъ условіяхъ, то были бы положены достаточныя основанія будущимъ правовымъ отношеніямъ. Остальное было бы дѣломъ времени» (III, 514—516). Далѣе авторъ указываетъ на то, какъ настоятельно необходимо правительству обратить вниманіе на усовершенствованіе земледѣлія не у однихъ государственныхъ, но и у помѣщичьихъ крестьянъ. «Этический принципъ крѣпостнаго права», говоритъ здѣсь, между прочимъ, авторъ, «(безъ признанія котораго оно было бы невыносимою мерзостью), состоитъ въ томъ, что крѣпостныхъ должно разсматривать, какъ принадлежащихъ къ семейству господина и что слѣдовательно господинъ имѣетъ обязанность заботиться объ ихъ умственномъ и физическомъ благосостояніи. Поэтому государь долженъ смотрѣть на помѣстное дворянство, какъ на другую категорію своихъ слугъ и чиновниковъ, при посредствѣ которыхъ онъ руководитъ и управляетъ второю половиною своихъ подданныхъ, т. е. крѣпостными, образовываетъ этихъ послѣднихъ

и оказывааетъ имъ содѣйствіе». По этому поводу авторъ распространяется о необходимости созданія въ Россіи поземельной аристократіи, чтобы посредствомъ нея направить крѣпостныхъ по пути земледѣльческихъ улучшеній и такимъ образомъ поднять въ Россіи уровень сельскаго хозяйства (III, 520—521) ¹⁾.

Мы видимъ такимъ образомъ, что Гакстгаузенъ, вполне признавая значительное ухудшеніе въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ и считая необходимымъ уничтоженіе мало по малу крѣпостнаго права, въ настоящее время требовалъ лишь его ограниченія. Важно было, конечно, что онъ настаивалъ на необходимости земельного обезпеченія крестьянъ при ихъ освобожденіи, но, какъ мы уже замѣтили, съ начала 1840-хъ годовъ правительство само пришло къ этой мысли.

Во время путешествія Гакстгаузена по Россіи съ нимъ познакомился въ 1843 году, въ Москвѣ, А. И. Герценъ, котораго поразили «ясный взглядъ» нѣмецкаго путешественника «на бытъ нашихъ мужиковъ, помѣщичью власть, земскую полицію и управленіе вообще». Но по выходѣ въ свѣтъ всего сочиненія Гакстгаузена, Герценъ естественно остался недоволенъ его консервативными убѣжденіями вообще и въ частности взглядами на крестьянскій вопросъ. Въ изданной въ 1853 г. заграницею брошюрѣ «Крещеная собственность» онъ говоритъ: «Гакстгаузенъ старается доказать въ своей книгѣ, что помѣщикъ представляетъ патриархальную главу общины, нѣчто въ родѣ старинныхъ шотландскихъ клановъ, или арабійскихъ эмировъ. Мнѣніе это, нѣкогда поддерживаемое плантаторами изъ московскихъ панславистовъ, совершенно ложно. Патриархальная глава общины—староста, выбранный міромъ, взятый изъ самой общины, равный всѣмъ. Онъ замѣняетъ отца и есть дѣйствительный опекунъ, ходатай, представитель деревни. Гдѣ же начинается необходимость другой главы, вотчина, посторонняго, опирающагося на внѣшнюю власть, не принимающаго никакого участія въ дѣлахъ общины, не несущаго ея тяги и обладывающаго ее оброкомъ и барщиной? Если-бы помѣщикъ былъ только собственникъ земли, его права ограничивались бы

¹⁾ Было упомянуто, что различныя учрежденія и официальные лица дѣлали замѣчанія на третій томъ сочиненія Гакстгаузена. По вопросу о крѣпостномъ правѣ главноуправляющій вторымъ отдѣленіемъ его величества канцелярш, гр. Блудовъ, сдѣлалъ лишь одно замѣчаніе: авторъ говоритъ, что помѣщикъ можетъ наказывать крѣпостныхъ до 5 ударовъ палками. Блудовъ поправилъ, что господа могутъ подвергать крѣпостныхъ наказанію розгами до 40 ударовъ, палками до 15 ударовъ, или же аресту на время отъ 1—7 дней, а въ случаяхъ особенной важности до 2 мѣсяцевъ (Арх. мин. госуд. имуществъ).

кортомными деньгами за нее, соответственной работой или половничествомъ. Но оно вовсе не такъ. Онъ владѣетъ гораздо больше чело-вѣкомъ, нежели землею, онъ беретъ окупъ не съ десятины, а съ мышпцъ, съ дыханія. Онъ заставляетъ платить за право работы, движенія, существованія. Оброкъ дворовыхъ, ходящихъ по паспорту, основанъ, по превосходному выраженію, невзначай сорвавшемуся у Гакстгаузена, на обратномъ сентъ-симонизмѣ: чѣмъ больше способностей, тѣмъ больше требуетъ баринъ. Очевидная нецѣлостность». Далѣе Герценъ говоритъ о разрывѣ между дворянствомъ и народомъ, о вредномъ для народа развитіи промышленности ¹⁾, но онъ напрасно утверждаетъ, что всего этого не хочетъ видѣть Гакстгаузенъ и напрасно приписываетъ ему «страстную любовь» къ рабству.

V.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что ожиданія тѣхъ, которые возлагали большія надежды на содѣйствіе Гакстгаузена нашему правительству въ дѣлахъ освобожденія крестьянъ, совершенно не оправдались; правда, онъ подкрѣпилъ своимъ авторитетомъ мысль о вредѣ безземельнаго освобожденія, а также поддержалъ собранными фактами мнѣніе тѣхъ, которые, подобно Киселеву, стояли за сохраненіе общиннаго землевладѣнія; но уничтоженіе крѣпостнаго права онъ готовъ былъ отложить въ долгій ящикъ. Гораздо важнѣе и полезнѣе для правильнаго развитія крестьянскаго вопроса было то, что одинъ изъ членовъ кружка Бѣлинскаго, А. И. Герценъ, переселился въ 1847 г. за границу ²⁾. Въ лицѣ его кружокъ получилъ возможность свободно высказать свой взглядъ на крестьянское дѣло. Первоначально онъ пытался въ нашихъ журналахъ бороться съ крѣпостнымъ правомъ посредствомъ беллетристическихъ произведеній, будить русскую мысль изображеніемъ крѣпостничества въ неприкрашенномъ видѣ. И вотъ

¹⁾ „Развитіе промышленности, фабрикъ и самое распространеніе политической экономіи, переложенной на російскіе нравы, дали тысячу новыхъ средствъ употреблять крестьянъ на пользу. Помѣщикъ, „патріархальная глава общины“, сдѣлался мало по малу изъ вельможи фабрикантомъ, плантаторомъ, торговцемъ бѣлыхъ невольниковъ“.

²⁾ Въ этомъ же году появилась за границею книга Н. И. Тургенева «La Russie et les russes», гдѣ авторъ подробно останавливался на крестьянскомъ вопросѣ; см. объ этомъ мою статью въ „Русской Мысли“ 1886 г., № 3.

онъ задѣваетъ его, насколько возможно, и въ романѣ «Кто виноватъ», и въ повѣсти «Сорока воровка». На 1848 г. «Современникомъ» была обѣщана его повѣсть «Долгъ прежде всего», но она не была пропущена цензурой, безъ сомнѣнія за частыя вылазки въ ней противъ крѣпостнаго права. Это помѣшало автору окончить ее; въ 1851 году онъ разсказалъ въ сжатыхъ словахъ ея дальнѣйшій планъ, и въ такомъ видѣ, лишь въ 1854 г., она появилась въ свѣтъ заграничей.

Первымъ дѣйствующимъ лицомъ повѣсти является помѣщикъ Л. С. Столыгинъ, жизнь котораго авторъ относитъ еще къ концу XVIII-го вѣка, но въ его обращеніи съ крѣпостными читатель могъ найти не мало чертъ современныхъ ему нравовъ, которые, по мѣрѣ возможности, рисовали въ своихъ произведеніяхъ и другіе молодые писатели: Тургеневъ и Григоровичъ. Тяжела была жизнь дворовыхъ у Л. С. Столыгина: господинъ запрещаетъ имъ иногда жениться; въ конюшнѣ производятся такія суровыя расправы, что можно умереть во время наказанія, и проч. Въ характерѣ брата Льва Степановича выдающеся чертою была чувственность, рано развившаяся, благодаря существованію дѣвичьей и покровительству матери его развратнымъ наклонностямъ. Сдѣлавшись помѣщикомъ, Степанъ Степановичъ матеріальной стороной хозяйства заниматься не любилъ и предоставилъ управление вотчины старостѣ и повару. Сынъ его, унаслѣдовавъ имѣніе дяди, начинаетъ свое управленіе тѣмъ, что увеличиваетъ оброкъ на 10 рублей съ тягла. Найдя записку, въ которой дядя изъявляетъ желаніе отпустить на волю дворовыхъ, онъ сжигаетъ этотъ документъ. Михаилъ Степановичъ жилъ въ Москвѣ и страшно тѣснилъ дворню: завѣдываніе имѣніемъ онъ поручилъ другому лицу, но иногда безъ всякой нужды врвался въ его управленіе, «распространялъ ужасъ и трепеть, брилъ лбы, наказывалъ, бралъ во дворъ, обременялъ совершенно ненужными работами». Въ ненаписанной и лишь кратко изложенной второй половинѣ повѣсти дѣйствующимъ лицомъ долженъ былъ явиться молодой человекъ, уже проникнутый «искреннимъ желаніемъ освобожденія крестьянъ».

Въ концѣ 1847 г., когда Герценъ былъ уже заграничей, въ «Современникѣ» печатались его «Письма изъ Avenue Marigny», въ которыхъ впервые въ нашей литературѣ высказывалось отрицательное отношеніе къ западно-европейской буржуазіи, къ буржуазной политической экономіи и горячая вѣра въ грядущее значеніе четвертаго сословія. Печатаніе этихъ корреспонденцій въ «Современникѣ» было прервано, и слѣдующія семь писемъ были изданы въ 1850 г. по нѣмецки, въ Гамбургѣ, подъ названіемъ: «Писемъ изъ Итали и Франціи одного русскаго»; дописанное въ 1852 г., все это сочиненіе

было издано въ 1854 г. Въ немъ авторъ, сильно разочарованный событіями 1848 г., со строгою критикою относится къ современнымъ западно-европейскимъ политическимъ и экономическимъ порядкамъ, излагаетъ свои собственные взгляды на общественныя отношенія и ихъ будущее развитіе въ Европѣ и мѣстами находитъ слово сочувствія для русскаго народа и тѣхъ сторонъ русской жизни, которымъ, по его мнѣнію, предстоитъ весьма значительная роль: такъ, напримеръ, западно-европейскія поземельныя отношенія вызываютъ у автора уже въ этомъ произведеніи сочувственное слово русской общинѣ.

Первою книгою, изданою Герценомъ на западѣ, была «*Vom anderen Ufer*» («Съ того берега»); рядъ статей, ее составляющихъ, былъ написанъ по русски въ 1848 — 1849 годахъ; авторъ самъ продиктовалъ ихъ затѣмъ по нѣмцекки и напечаталъ въ 1850 г. (по русски она была издана въ дополненномъ видѣ въ 1855 г.). Въ нѣмецкомъ изданіи не появилось введенія подъ названіемъ «Прощайте», въ которомъ авторъ объясняетъ друзьямъ, почему онъ не возвращается въ Россію: «Я здѣсь полезна», говоритъ онъ имъ: «я здѣсь безцензурная рѣчь ваша, вашъ свободный органъ, вашъ случайный представитель». Онъ ставитъ себѣ еще и другую задачу: знакомить съ Россіею Европу: «Разскажемъ ей объ мощномъ и неразгаданномъ народѣ, который втихомолку образовалъ государство въ шестьдесятъ милліонѣвъ, который такъ крѣпко и удивительно разросся, не утративъ общиннаго начала, и первый перенесъ его черезъ начальные перевороты государственнаго развитія.... который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкій разгулъ богатой природы подъ гнетомъ крѣпостнаго состоянія... Итакъ, прощайте, друзья... Быть можетъ и не такъ далеко, какъ кажется, тотъ день, въ который мы соберемся, какъ бывало въ Москвѣ, и безбоязненно сдвинемъ наши чаши при крикѣ: «за Русь и святую волю!» Самая книга, впрочемъ, была посвящена анализу настоящаго западной Европы и ея вѣроятнаго будущаго; лишь мѣстами авторъ затрагиваетъ въ ней Россію.

Двойная роль, взятая на себя Герценомъ,—свободнаго выразителя идей того русскаго кружка, къ которому онъ принадлежалъ, и истолкователя Россіи предъ Европою,—ясно выразилась въ его письмѣ къ Мишле. Въ легендѣ о Костюшкѣ, напечатанной въ 1851 г. въ газетѣ «*L'Événement*», Мишле помѣстилъ характеристику русскаго народа, которая вызвала горячій отвѣтъ Герцена, напечатанный отдѣльною брошюрою по французски въ 1851 г., а по русски впервые появившійся въ 1858 г. Подчеркивая слова Мишле, что сила русскаго народа «лежитъ въ аграрномъ законѣ, въ постоянномъ дѣленіи земли», авторъ прежде всего посвящаетъ свою брошюру подробному разъясненію

этой мысли: «Жизнь русскаго народа до сихъ поръ ограничивалась общиною; только въ отношеніи къ общинѣ и ея членамъ признаетъ онъ за собою права и обязанности. Въ общины все ему кажется основаннымъ на насиліи... Явная несправедливость помѣщиковъ привязываетъ его еще болѣе къ его правамъ и къ общинному устройству. Община спасла русскій народъ... отъ выкрашенныхъ по европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организація, хотя и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательства власти; она благополучно дожила до развитія социализма въ Европѣ. Это обстоятельство безконечно важно для Россіи...

«Народъ начинаетъ роптать подъ игомъ помѣщиковъ; безпрестанно вспыхиваютъ мѣстные возстанія. Партія движенія, прогресса требуетъ освобожденія крестьянъ; она готова принести въ жертву свои права. Царь колеблется. Обойти вопросъ объ освобожденіи невозможно. Изъ всего этого вы видите, какое счастье для Россіи, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общины; какое это счастье для русскаго народа, что онъ остался внѣ европейской цивилизаціи, которая, безъ сомнѣнія, подкопала бы общину. Европа на первомъ шагу къ социальной революціи встрѣчается съ этимъ народомъ, который представляетъ ему осуществленіе, полудикое, неустроенное, но все-таки осуществленіе постояннаго дѣлежа земель между земледѣльцами. И замѣтите, что этотъ великій примѣръ даетъ намъ не образованная Россія, но самъ народъ. Человѣкъ будущаго въ Россіи — мужикъ, точно также какъ во Франціи — работникъ». Такимъ образомъ, Герценъ, подробно развивая мысль Мишле, съ которою онъ былъ согласенъ, въ то-же время горячо полемизируетъ противъ нѣкоторыхъ мѣстъ характеристики русскаго народа, сдѣланной французскимъ историкомъ. Особенно энергическій протестъ съ его стороны возбуждаютъ слѣдующія слова Мишле о русскомъ крестьянинѣ: «Его община не община, его семейство не семейство, его жена не жена; прежде чѣмъ ему, она принадлежитъ помѣщику; его дѣти не его дѣти; кто знаетъ, кто ихъ отецъ?» Разсматривая по этому поводу отношенія помѣщика къ крѣпостнымъ семействамъ, Герценъ говоритъ: «Для болѣе ясной отличимъ норму отъ злоупотребленій, права отъ преступленій. *Jus primaе noctis* (право первой ночи) <никогда не существовало въ Россіи. Помѣщикъ не можетъ законно требовать нарушенія супружеской вѣрности. Если бы законъ исполнялся въ Россіи, изнасилованіе крѣпостной женщины наказывалось бы точно также, какъ если бы она была вольная, т. е. каторжною работою или ссылкой въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Таковъ законъ;

обратимся къ фактамъ. Я не думаю отвергать, что при власти, данной правительствомъ помѣщикамъ, имъ очень легко насиловать дочерей и женъ своихъ крѣпостныхъ. Притѣсненіями и наказаніями помѣщикъ всегда добьется того, что найдутся отцы и мужья, которые будутъ предоставлять ему дочерей и женъ... Неудивительно также, что честные отцы и мужья не находятъ суда на помѣщика, благодаря прекрасному судебному устройству въ Россіи. Всѣ эти грязныя гадости возможны; стоитъ только вспомнить грубые и развращенныя нравы части русскаго дворянства, чтобы въ этомъ убѣдиться. Но что касается до крестьянъ, то они далеко равнодушно переносятъ развратъ своихъ господъ. Позвольте мнѣ привести этому доказательства: половина изъ помѣщиковъ, убиваемыхъ своими крѣпостными (по статистическимъ даннымъ ихъ число простирается отъ 60 до 70 въ годъ) ¹⁾, погибаетъ вслѣдствіе своихъ эротическихъ подвиговъ. Процессы по такимъ подвигамъ рѣдки; крестьянинъ знаетъ, что суды не уважатъ его жалобъ; но у него есть тоноръ; онъ имъ владѣетъ мастерски и знаетъ это тоже».

Въ 1853 г. Герценъ напечаталъ въ Лондонѣ, уже по русски, брошюру «Крещеная собственность», всецѣло посвященную крестьянскому вопросу; здѣсь онъ развиваетъ взгляды, раздѣляемые тогда лучшими представителями русскаго общества и положенныя затѣмъ въ основу крестьянской реформы: онъ требуетъ надѣленія крестьянъ землею, съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. Признавая добрыя намѣренія императора Николая въ крестьянскомъ дѣлѣ, авторъ справедливо считаетъ совершенно неудачными принятыя имъ въ этомъ отношеніи мѣры.

«Не затруднять слѣдуетъ помѣщичьи права,—ихъ слѣдуетъ уничтожить, ликвидировать. Всѣ маленькія мѣры будутъ недостаточны: изворотливость исполнителей и хитрость помѣщиковъ найдутъ средство обойти законъ. У меня нѣтъ ни земли, ни крестьянъ, я покупаю дворовыхъ людей на имя моего сосѣда, а съ него беру заемное письмо. И потомъ, имѣя двѣ души и двѣ десятины, я могу покупать безъ всякаго ограниченія цѣлыя семьи живописцевъ, музыкантовъ, портныхъ, офиціантовъ и обкладывать ихъ произвольнымъ оброкомъ, черезъ годъ продавать въ рекруты. Торгъ людьми идетъ не хуже, какъ въ Кубѣ или Малой Азіи. Самое существованіе всего несчастнаго сословія дворовыхъ людей—внѣзаконное, ничѣмъ неопредѣленное и зависящее вполне отъ помѣщика. Сколько крестьянъ можетъ взять

¹⁾ Цифры эти, если вѣрить даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ, преувеличены.

помѣщикъ во дворъ изъ деревни, сколько рукъ отнять у семьи? Онъ можетъ взять жену у мужа и сдѣлать ее прачкой у себя въ домѣ, онъ можетъ взять послѣдняго сына у старика отца и сдѣлать изъ него лакея; пока помѣщикъ не уморилъ съ голоду или не убилъ физически своего крѣпостнаго человѣка, онъ правъ передъ закономъ и ограниченъ только однимъ топоромъ мужика. Имъ, вѣроятно, и разрубится запутанный узелъ помѣщичьей власти. Русское правительство соединено съ Англiей договоромъ противъ торга невольниками. Отчего же непременно надобно быть чернымъ, чтобъ быть человѣкомъ въ глазахъ «бѣлаго» правительства».

На вопросъ: «гдѣ же средства для освобожденiя крестьянъ», авторъ отвѣчаетъ: «Средства найдутся. Въ сущности, бояться нечего; вѣдь это хорошо рассказывать иностраннымъ газетамъ о дивныхъ boyards moscovites, всегда готовыхъ на (...убiйство) и грозныхъ своимъ влiянiемъ. Ихъ совсѣмъ нѣтъ. Весь народъ, очевидно, былъ бы за правительство, и не одинъ народъ, а вся образованная часть дворянства. Если законнiыне помѣщики и московскiе бояры будутъ противиться, имъ придется ограничиться ропотомъ. Отчего имъ и не позволить болтать о своемъ неудовольствiи? Они, впрочемъ, столько проповѣдывали намъ безусловную покорность передъ властью, что справедливо было бы отъ нихъ потребовать примѣръ. Да и гдѣ ихъ права? Они владѣли мужиками по царской милости; по царской немилости они перестали бы ихъ раззорять. Люди эти не имѣютъ партiи, ихъ сила мнимая.

«Въ рукахъ правительства рядъ социальныхъ и финансовыхъ мѣръ, которыми оно можетъ безъ сильнаго и внезапнаго потрясенiя освободить крестьянъ съ землею. Оно ихъ знаетъ изъ сотни проектовъ, поданныхъ съ 1842 г. Киселеву и Перовскому. вмѣсто того, чтобы воспитательные дома превращать въ рынки, на которыхъ продаются ревизскiя души съ молотка, правительство можетъ переводить долгъ на деревни и брать съ нихъ въ замѣну оброка свои 5%; оно можетъ сдѣлать внутреннiй заемъ для выкупа другихъ и прочее. Пусть оно только позволитъ дворянамъ прямо и открыто заняться этимъ вопросомъ, пусть разрѣшитъ всѣмъ, кто хочетъ, составленiе общества, товариществъ для выкупа крестьянъ, для помощи освобождающимся».

На возраженiе, что если народъ выноситъ положенiе, въ которомъ онъ находится, то слѣдовательно онъ заслуживаетъ его, Герценъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: «Когда крестьянамъ становится не втерпежъ, они бѣгутъ, дѣлаютъ поджоги или рѣжутъ господъ. Рѣдко сговариваются они съ другими деревнями, хотя и были примѣры лѣтъ десять тому назадъ въ Тамбовѣ и Симбирскѣ, что нѣсколько

деревень дѣйствовали заодно. Бунты ихъ дѣлаются безъ мести и съ отчаянія, безъ всякой надежды поправить свое положеніе. Народу, разбѣянному по необозримымъ долинамъ и живущему въ деревняхъ открытыхъ со всѣхъ сторонъ, ничѣмъ незащищенныхъ кромѣ лѣсовъ, трудно дѣлать возстанія.

«Сверхъ того, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія не былъ до нашего времени понимаемъ одинакимъ образомъ крестьянами и аболиціонистами. Съ точки зрѣнія либерализма и религій собственности вопросъ разрѣшался прямо противъ народнаго смысла. Послѣ наполеоновской войны Александръ освободилъ эстовъ, принадлежавшихъ остзейскому дворянству, онъ далъ имъ личную свободу безъ земли. Весьма вѣроятно, если бы русскіе крестьяне съ нѣкоторою настойчивостію потребовали освобожденія, императоръ, при тогдашнемъ его настроеніи, уступилъ бы имъ. Часть дворянъ лучше не просить, какъ освободить мужиковъ, оставя за собой землю. Что-же было бы изъ такого освобожденія? Представьте себѣ европейское сельское устройство съ нашими чиновниками, съ нашей земской полиціей. Представьте себѣ двадцать милліоновъ пролетаріевъ, ищущихъ работы на господскихъ земляхъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ никакой законности, гдѣ все управленіе подкупное и дворянское, гдѣ личность ничего, а вліаніе все. Помѣщики заключили бы между собой оборонительный союзъ, установили бы свои цѣны противъ крестьянъ, такъ, какъ это было въ остзейскихъ провинціяхъ. Полиція была бы съ ихъ стороны. Общинное начало было бы поражено на смерть у вновь освобожденныхъ; деревня бы потеряла свое единство, и въ полстолѣтія мы перегнали бы Ирландію.

«Есть люди, до сихъ поръ поддерживающіе пользу освобожденія безъ земли, освобожденія въ голодъ и безпріютность, воображая, что въ этомъ новомъ пролетаріатѣ непременно разовьется революціонное начало. Быть голоднымъ и пролетаріемъ вовсе недостаточно для того, чтобы сдѣлаться революціонеромъ. Вывода полисменовъ достаточно, чтобы держать ирландцевъ въ повиновеніи законамъ, лишаящихъ ихъ куска хлѣба. Вообще пролетарій полей очень миренъ. Кругъ его понятій тѣсенъ, онъ слишкомъ подавленъ и сгнетенъ въ землѣ, чтобы быть болѣе нежели недовольнымъ. Онъ принимаетъ свое положеніе за судьбу, онъ страдаетъ, не знаетъ выхода, покоряется...

«Русскіе, говорящіе такъ легко о разрушеніи сельской общины, никогда не думали, что же останется, что будетъ, когда этотъ послѣдній узелъ народной жизни, насильственно развязанный, распустится. Народъ русскій все вынесъ, но спасъ общину; община спасла народъ русскій; уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по

рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи. И коснуться до нея въ то время, когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится въ какому нибудь общинному устройству!..

«Помѣщичья власть, какъ нѣчто совершенно внѣшнее, поддерживаемое однимъ насиліемъ, легко снимется съ сельской жизни».

Многое изъ сказаннаго Герценомъ въ этой статьѣ не утратило и до сихъ поръ самаго животрепещущаго интереса и вопль прилагається къ нѣкоторымъ противникамъ общины и людямъ, которые равнодушно смотрѣли бы на ея разрушеніе, по причинамъ, указаннымъ авторомъ «Крещеной собственности».

Въ другой статьѣ, написанной въ томъ же 1853 г., Герценъ обращается къ «русскому дворянству» и убѣждаетъ его, что «нельзя говорить о правахъ человѣческихъ, будучи владѣльцемъ человѣческихъ душъ».

«Многіе изъ васъ», продолжаетъ авторъ, «желали освобожденія крестьянъ; Пестель и его друзья ставили освобожденіе ихъ своимъ первымъ дѣломъ. Спорили сначала о томъ: съ землею или безъ земли дать волю? Потомъ всѣ увидѣли нелѣпность освобожденія въ голодь, въ бродяжничество, и вопросъ шелъ только о количествѣ земли и о возможномъ возмездіи за нее». Упомянувъ о совѣщаніяхъ дворянства въ разныхъ губерніяхъ объ освобожденіи крестьянъ, Герценъ продолжаетъ:

«И вдругъ дворяне и правительство перепугались, и изъ ихъ — рукъ выпали всѣ благія начинанія. А бояться было нечего; разливъ 1848 г. былъ слишкомъ мелокъ, чтобы поднять наши степи. Съ тѣхъ поръ все заснуло. Куда дѣлось меньшинство, которое шумѣло въ петербургскихъ и московскихъ гостинныхъ объ освобожденіи крестьянъ? Чѣмъ кончились всѣ эти комитеты, совѣщанія, проекты, планы, предположенія?

«А между тѣмъ въ деревняхъ становится неловко. Крестьяне посматриваютъ угрюмо. Дворовые меньше слушаются. Всякія вѣсти бродятъ. Тамъ-то помѣщика съ семьей сожгли, тамъ-то убили другаго цѣпами и вилами, тамъ-то прикащика задушили бабы на полу, тамъ-то камергера высѣкли розгами и взяли съ него подписку молчать».

«Крѣпостное состояніе явнымъ образомъ надоѣло мужикамъ, они только не умѣютъ приняться сообща за дѣло. Вы съ своей стороны знаете, что шагу впередъ нельзя сдѣлать безъ освобожденія крестьянъ. Но оно-то, по счастью, всего больше зависитъ отъ васъ. Зависитъ сегодня. Мы не знаемъ, что будетъ завтра. Чего же вы ждете въ самомъ дѣлѣ? Разрѣшенія правительства? Оно дало вамъ какой-то намекъ въ 1842 г. Вы имъ не воспользовались. Да и какое тутъ позволеніе? Насильно заставить владѣть невозможно: это было бы тиранство совершенно новаго рода, обратная конфискація. Ключъ

отъ цѣни у васъ въ рукахъ. Намъ кажется умнѣе, разсчетливѣе уступить, нежели ждать взрыва. Французское дворянство, 4-го августа 1792 г., поступило въ десять разъ больше умно, нежели самоотверженно. Взвѣсьте, что вамъ выгоднѣе: освобожденіе крестьянъ съ землею и съ вашимъ участіемъ, или борьба противъ освобожденія съ участіемъ правительства? Взвѣсьте, что выгоднѣе: начать собою новую свободную Русь и полюбовно рѣшить тяжелый вопросъ съ крестьянами, или начать противъ нихъ крестовый походъ съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ розгой въ другой? Если есть только будущность Руси и міру славянскому, крестьяне будутъ свободны. И вы, и я, мы чувствуемъ, что освобожденіе крестьянъ необходимо, неотразимо, неминуемо. Если вы не сдумаете ничего сдѣлать, они все таки будутъ свободны по царской милости. Спасите себя отъ крѣпостнаго права (и крестьянъ отъ той крови, которую они должны будутъ пролить. Пожалуйте дѣтей своихъ, пожалуйте совѣсть бѣднаго народа русскаго. Но торопитесь, время страдное, ни одного часа терять нельзя».

На вопросъ, въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ надѣлать крестьянъ землею, Герценъ отвѣтилъ въ одной рѣчи, произнесенной имъ въ Лондонѣ 28 го февраля 1854 г.: «Опыты свести крестьянъ на самую мажоритарную долю земли были сдѣланы — и не удались. Какъ раздѣлить земли, — указываетъ самое положеніе дѣлъ и духъ народа. Мужикъ хочетъ себѣ лишь мірскую землю, лишь ту, которую приобрѣлъ святымъ правомъ работы; больше онъ не требуетъ. Мужикъ русскій не вѣритъ, чтобы мірская земля могла принадлежать иному, нежели міру. Онъ скорѣе вѣритъ, что онъ самъ принадлежитъ землѣ, нежели, что землю можно отнять у міра. Это чрезвычайно важно». Другими словами, Герценъ требовалъ, чтобы крестьяне были освобождены не только съ землею, но и съ сохраненіемъ за ними всей той земли, которою они пользовались. Въ слѣдующемъ году, уже въ новое царствованіе, то-же требованіе повторилъ К. Д. Кавелинъ въ своей запискѣ объ уничтоженіи крѣпостнаго права.

Въ указанныхъ сочиненіяхъ Герценъ высказалъ по крестьянскому вопросу все то, что было выработано лучшими представителями русской интеллигенціи, начиная съ Радищева, который уже требовалъ земельного надѣла для крестьянъ, и кончая членами кружка, въ которому принадлежалъ самъ авторъ «Крещеной собственности» до отъѣзда за границу, и обращаясь въ которому онъ говорилъ: «я здѣсь безцензурная рѣчь ваша». На сказанное имъ въ первой половинѣ 1850-хъ годовъ по крестьянскому вопросу можно смотрѣть, какъ на коллективное заявленіе самыхъ передовыхъ людей русскаго общества наканунѣ новаго царствованія, и потому указанные сочиненія Герцена имѣютъ для насъ особенное значеніе. Сгруп-

пируемъ тѣ положенія по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, какія мы находимъ въ его произведеніяхъ разсматриваемой эпохи:

1) Полумѣры въ крестьянскомъ дѣлѣ ни къ чему не приведутъ; должно совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Если крестьяне не будутъ освобождены, дѣло можетъ кончиться кровавымъ возстаніемъ.

2) Освобожденіе крестьянъ должно быть произведено не иначе, какъ съ надѣленіемъ ихъ землей. Сочувствіе обезземеленію народа съ радикальной точки зрѣнія—нелѣзость.

3) Необходимо сохранить за крестьянами всю ту землю, которою они теперь пользуются.

4) Необходимо сохранить общинное землевладѣніе.

5) Если инициативу освобожденія не возьметъ въ свои руки дворянство (для чего слѣдуетъ разрѣшить ему свободное обсужденіе этого вопроса), то крѣпостное право будетъ уничтожено верховною властью, и дворянство не будетъ имѣть силы этому воспротивиться.

6) Освобожденіе крестьянъ правительствомъ облегчается сильною задолженностью помѣщичьихъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ; возможенъ и внутренній заемъ для выкупа крѣпостныхъ.

Вотъ программа по крестьянскому вопросу, выставленная свободнымъ органомъ русской интеллигенціи въ концѣ царствованія императора Николая; нѣсколько лѣтъ позднѣе она сдѣлалась и правительственной программой. Не было, однако, исполнено при уничтоженіи крѣпостнаго права одно изъ требованій Герцена,—необходимость сохраненія за крестьянами всей земли, предоставленной имъ въ пользованіе помѣщиками. Такимъ образомъ, теоретическія основы будущаго освобожденія были выработаны лучшими представителями интеллигенціи; оставалось лишь сдѣлать ихъ достояніемъ большинства общества и примѣнить къ дѣлу: такова была задача, поставленная исторіею второй половинѣ 1850-хъ годовъ.

VI.

Между тѣмъ какъ самыя выдающіеся представители интеллигенціи уже выработали вполне опредѣленную и благопріятную для народа программу по крестьянскому вопросу, масса дворянства или относилась еще къ нему безучастно, или преслѣдовала въ этомъ дѣлѣ узкоэгоистическіе интересы. Тѣмъ не менѣе, сознание, что съ крѣпостнымъ правомъ придется такъ или иначе скоро покончить, начинало постепенно проникать въ среду провинціального дворянства, по крайней мѣрѣ въ лицѣ его членовъ, болѣе тронутыхъ образованіемъ. Въ этомъ отношеніи любопытно показаніе министра внутреннихъ дѣлъ, Перов-

скаго, какъ извѣстно, вовсе не принадлежавшаго къ числу либераловъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. «Время и новыя отношенія», писалъ онъ въ запискѣ 1845 г., «вовсе измѣнили взглядъ образованныхъ помѣщиковъ на крѣпостное право: они, конечно, опасаются послѣдствій свободы, зная необузданность народа, вышедшаго однажды въ какомъ либо отношеніи изъ своего обычнаго положенія и изъ предѣловъ повинновенія; его владѣльцы нынѣ уже вовсе не боятся утраты своего достоянія отъ дарованія людямъ свободы. Помѣщики сами начинаютъ понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ и что было бы желательно измѣнить эти обоюднo-невыгодныя отношенія. Къ сему повели, мало по малу, возвысившаяся цѣнность и недостатокъ земель, неопредѣлительность крестьянскихъ обязанностей и возникающіе изъ этого раздоры, частые неурожаи и тяжкая обязанность кормить крестьянъ въ такихъ случаяхъ на свой счетъ, безпечность крестьянина, который, принадлежа барину и привыкнувъ видѣть въ немъ опекуна своего, самъ о себѣ не заботится». Что помѣщики дѣйствительно считали свои обязанности относительно крестьянъ весьма обременительными, это видно изъ многихъ ихъ заявленій и между прочимъ изъ неизданнаго письма извѣстнаго смоленскаго губернскаго предводителя дворянства, кн. Друцкаго-Соколинскаго, къ мѣстному губернатору (1852 г.). «Теперь», читаемъ мы здѣсь, «когда нравственная старинная связь» (между помѣщиками и крестьянами) «колеблется, распоряженіямъ помѣщика не соотвѣтствуютъ добрая воля и усердіе крестьянъ, а весьма часто тамъ, гдѣ духъ независимости въ скрытой борьбѣ съ властью помѣщика беретъ верхъ, отъ неосторожнаго распоряженія мѣстнаго начальства, распоряженія владѣльца остаются вовсе неисполненными. Въ такихъ имѣніяхъ можетъ-ли быть какое либо устройство, можетъ-ли помѣщикъ обезпечить благосостояніе не только своихъ крестьянъ, но и собственнаго своего семейства. Земля не обрабатывается какъ должно и въ свое время, хозяйственныя строенія опускаются, урожаи отъ дурной и несвоевременной обработки земли оскудѣваютъ, доходы уменьшаются, словомъ, благосостояніе имѣній часъ отъ часу упадаетъ... Между тѣмъ обязанности о благоустройствѣ имѣнія остаются на владѣльцѣ. Нужны-ли крестьянину хлѣбъ, рабочая скотина, онъ проситъ, а во многихъ имѣніяхъ уже требуетъ его отъ помѣщика, пользуется между тѣмъ землею вдвое болѣе, чѣмъ на помѣщика обрабатываетъ; попался - ли крестьянинъ въ корчемствѣ, штрафныя деньги взыскиваются съ помѣщика; оказалась-ли недоимка на крестьянахъ, земская полиція, по распоряженію губернскаго начальства, печатаетъ амбары помѣщика; постигъ-ли губернію неурожаи, помѣщикъ покупаетъ для крестьянъ хлѣбъ на собственный свой капиталъ, а по неимѣнію денегъ проситъ пособія

у комиссіи продовольствія, которая хотя и выдаетъ ссуду, но подѣ залогъ, однако-же, собственнаго имѣнія помѣщика. Ясно, что въ страдательномъ положеніи есть лицо помѣщика. Онъ стремится поправить дѣло, требуетъ отъ крестьянина труда, но крестьянинъ нинѣ называетъ трудъ угнетеніемъ...¹⁾ Въ виду этихъ-то непріятныхъ сторонъ владѣнія имѣніемъ на крѣпостномъ правѣ известная часть дворянъ, по свидѣтельству Перовскаго, и начала примираться съ мыслью о необходимости освобожденія крестьянъ, но при этомъ они разумѣется, желали, чтобы земля осталась ихъ собственностью, какъ это видно и изъ того, что, по словамъ Перовскаго, «возвысившаяся цѣнность земель» была одною изъ причинъ новыхъ вѣяній среди дворянства по крестьянскому вопросу. Въ одной изъ разсмотрѣнныхъ выше статей А. И. Герцена онъ говоритъ, что передъ 1848 г. былъ замѣтенъ среди дворянъ нѣкоторый интересъ къ крестьянскому дѣлу. «Въ самыхъ помѣщичьихъ губерніяхъ, въ Пензѣ и Тамбовѣ, въ Ярославлѣ и Владимірѣ, въ Нижнемъ и, наконецъ, въ Москвѣ вопросъ объ освобожденіи находилъ сочувствіе и нигдѣ не встрѣчалъ того ослепенія, съ которымъ американскіе помѣщики защищали свои черныя права». Упомянувъ далѣе о проектѣ тульского дворянства, Герценъ говоритъ: «Въ десяти другихъ губерніяхъ совѣщались, дѣлали предположенія». Это показаніе мы должны оставить на отвѣтственности Герцена: намъ известны совѣщанія по крестьянскому дѣлу, кромѣ Тульской, только въ Смоленской, Тверской, Рязанской и Петербургской губерніяхъ, если не считать, разумѣется, губерній западной Россіи, гдѣ такія совѣщанія были вызваны распоряженіемъ правительства о выработкѣ и затѣмъ введеніи обязательныхъ инвентарей. Тѣмъ не менѣе, интереса къ крестьянскому вопросу въ известной части дворянства со второй половины 1840-хъ годовъ отрицать нельзя, хотя повторяю, отношеніе къ этому дѣлу большинства дворянъ было узко-эгоистическое.

Одною изъ важныхъ причинъ распространенія мысли о возможности освобожденія крестьянъ были удачныя попытки обрабатывать землю вольнонаемнымъ трудомъ; этого не упускаетъ изъ виду и Перовскій: «Опыты обработки земель наемными людьми въ губерніяхъ: Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и другихъ показали, что тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ рукахъ, владѣлецъ ненаселенной земли при подобномъ хозяйствѣ оставался въ выигрышѣ противу помѣщика». А. П. Заблоцкій - Десятовскій въ своей известной запискѣ 1841 г. также приводитъ примѣры хозяйствъ, основанныхъ на вольнонаемномъ трудѣ, которые, по его словамъ, «доста-

¹⁾ Рукопись бібліотеки архива мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ.

точно убѣждаютъ въ возможности обработки земли вольнонаемными работниками». Наконецъ, Ю. О. Самаринъ въ замѣткахъ, набросанныхъ въ Кіевѣ въ 1849—1850 гг., говоритъ о томъ, какъ усилилось распространеніе вольнонаемнаго труда въ помѣщичьихъ имѣніяхъ юго-западнаго края вслѣдствіе воздѣлыванія въ большихъ размѣрахъ свекловицы.

Не малымъ побужденіемъ къ прекращенію обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами являлась также и сильная задолженность дворянскихъ имѣній: въ 1852 г. въ государственномъ заемномъ банкѣ было заложено имѣній съ населеніемъ 634.651 душъ м. п., въ сохранныхъ казнахъ 5.209,114 душъ м. п., итого 5.843,765 душъ м. п., а такъ какъ по девятой ревизіи (1851 г.) всего крѣпостныхъ въ Россіи было 10.708,856 душъ м. п., то слѣдовательно 54% крѣпостныхъ было заложено. Среднимъ числомъ въ заложенныхъ имѣніяхъ приходилось въ 1856 г. долгу на ревизскую душу болѣе 69 рублей ¹⁾. Уплата процентовъ по этимъ долгамъ лежала тяжелымъ бременемъ на помѣщичьихъ хозяйствахъ и наводила многихъ дворянъ на мысль, что было-бы весьма недурно раздѣлаться съ этими долгами, хотя бы посредствомъ освобожденія крестьянъ.

Если было, такимъ образомъ, немало причинъ, побуждающихъ дворянство серьезно остановиться на мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права, то какъ эти причины, такъ и вредное вліяніе, оказываемое существованіемъ несвободнаго труда на состояніе земледѣлія, промышленности, торговли и финансовъ, должны были въ скоромъ времени привести и правительство къ признанію необходимости освобожденія крестьянъ. Въ этомъ отношеніи было весьма важно, что оно могло найти въ западной Европѣ примѣры окончательнаго прекращенія отношеній, вытекавшихъ изъ крѣпостнаго права. На полезныя размышленія наводилъ и собственный опытъ нашего правительства въ остзейскомъ краѣ.

9-го іюля 1849 г. было высочайше утверждено лифляндское крестьянское поземельное уложеніе. Цѣлью его было, при сохраненіи правъ, дарованныхъ крестьянамъ въ 1819 г., дать имъ возможность пріобрѣтать поземельную собственность, или, по крайней мѣрѣ, обезпечить за ними пользованіе землею, и способствовать уничтоженію барщины, которая признана вредною для крестьянъ и помѣщиковъ и допущена лишь временно по невозможности сразу совершенно устранить ее ²⁾. Въ этихъ видахъ было постановлено, чтобы въ каждомъ

¹⁾ Ходскій: „Поземельный кредитъ“, стр. 81, 83.

²⁾ Въ 1845 г. правительство ограничило въ Лифляндіи и Эстляндіи размѣръ барщины высшею нормою, которую помѣщикъ не долженъ былъ переступать: относительно денежнаго оброка подобнаго постановленія издано не

помѣсть въ теченіи пяти лѣтъ, при посредствѣ особой комиссіи, были разграничены земли на мызныя, или господскія, и на крестьянскія. Крестьянскія земли помѣщика могъ только отдавать въ аренду крестьянамъ, или продать имъ въ собственность. Обмѣнить крестьянскія земли помѣщикъ могъ не иначе, какъ съ согласія крестьянскаго общества. Условія аренды должны были основываться на добровольномъ соглашеніи, и арендные контракты могли заключаться лишь на опредѣленный срокъ не менѣе шести и не долѣе пятидесяти лѣтъ. Для облегченія приобрѣтенія крестьянами земель въ собственность былъ учрежденъ крестьянскій непрерывно-доходный банкъ¹⁾. Такимъ образомъ, правительство дѣлало опытъ приложенія кредитной операціи къ устройству быта крестьянъ.

Событія 1848 г. заставили, наконецъ, Германію и Австрію окончательно порѣшить крестьянскій вопросъ. 2-го марта 1850 года въ Пруссіи были приняты законы о выкупѣ повинностей и регулированіи отношеній между помѣщиками и крестьянами и объ учрежденіи рентнаго банка. Въ 1848 г. австрійскій сеймъ сдѣлалъ постановленіе объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, т. е. объ уравненіи въ правахъ крѣпостнаго населенія съ прочими жителями имперіи и о выкупѣ повинностей; имп. Фердинандъ II подтвердилъ это постановленіе патентомъ 7-го сентября 1848 г. Ближайшее опредѣленіе способа и мѣры вознагражденія было сдѣлано патентами Франца Іосифа относительно австрійскихъ провинцій въ 1849 — 1850 гг., относительно Венгрии и Трансильваніи въ 1853—1854 гг.

Очередь уничтоженія крѣпостнаго права была теперь за Россіей.

В. И. Семевскій.

было. „Ужъ не отъ того-ли балтійское дворянство“, спрашиваетъ Самаринъ „такъ искренно возненавидѣло барщину съ 1846 г. и такъ полюблило оброкъ о которомъ (по крайней мѣрѣ въ Лифляндіи и Эстляндіи) оно до этого времени не хотѣло и слышать“. („Окраины Россіи“ I, 76, 83, 84). В. С.

¹⁾ Банкъ этотъ долженъ былъ выдавать крестьянамъ ссуды на слѣдующихъ основаніяхъ: цѣна участка опредѣляется договоромъ между продавцемъ и покупателемъ. Изъ этой цѣны отъ 15 до 20% покупщикъ обязанъ заплатить продавцу наличными деньгами; 60% выдаетъ банкъ продавцу своими билетами, приносящими по 4%, выплачиваемыхъ банкомъ; затѣмъ остальные 20—25% остаются въ долгу на покупателя, который, какъ въ этой части капитала, такъ и на уплаченное банкомъ билетами, вноситъ банку по 4%, который эти проценты выдаетъ ежегодно продавцу. Такимъ образомъ, крестьянинъ, имѣя въ наличности 15 — 20% цѣны участка, могъ освободиться отъ всякихъ обязательствъ относительно помѣщика и былъ обязанъ только платить банку по 4% съ остальной суммы. В. С.

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

XX ¹⁾.

Возвращеніе Д. М. Княжевича.—Непріязненные отношенія Надеждина къ профессорамъ лицей.—Путешествіе Н. Н. Мурзакевича съ проф. Нордманомъ по южной Бессарабіи и на остр. Фидовиса.—И. А. Нелюдовъ.—Опять поѣздка по Бессарабіи (1842 г.).—Размовка съ Надеждинимъ.—Назначеніе частнаго пристава и нитейнаго объѣзднаго инспекторами гимназій.—Н. Н. Мурзакевичъ отклоняетъ отъ себя предложеніе гр. С. Г. Строгонова перейти въ московскій университетъ; назначеніе его бібліотекаремъ одесской городской бібліотеки и директоромъ одесскаго музея.—Надеждинъ оставляетъ Одессу.—Разстройство финансовъ дѣлъ Д. М. Княжевича, отъѣздъ изъ Одессы и смерть его (1844 г.).—Первый томъ Записокъ одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1845 г.).—Некрологъ Д. М. Княжевича, написанный Надеждинимъ и Григорьевымъ.—Заключительное слово о Д. М. Княжевичѣ.

Съ возвратомъ Княжевича изъ заграницы въ 1841 году хлопотня стала попрешнему. Частыя засѣданія общества, всегдашняя корректура чего нибудь отнимали у меня немало времени. Новые сотоварищи по лицу: Соловьевъ ²⁾, Коробкинъ ³⁾,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LIII, январь, стр. 1—46; февраль, стр. 263—298; мартъ, стр. 651—666; т. LIV, апрѣль, стр. 129—144; іюнь, стр. 643—652; т. LV, сентябрь, стр. 477—498.

²⁾ Соловьевъ, Мих. Александр. (1838—43); магистръ спб. унив., профессоръ по кафедрѣ энциклопедіи и исторіи права. Напечаталъ: 1) диссертацию на степень магистра—„О значеніи законовъ, Спб. 1841 г.“; 2) Рѣчь на актѣ лицей 1840 г.“, и 3) разборъ книги: „Денница новоболгарскаго образованія, В. Априлова“,—въ „Одесск. Вѣстникѣ“.

³⁾ Коробкинъ, Сем. Ѳеодор. (1838—40); канд. спб. унив., исправл. должн. адъюнкта російскаго законовѣдѣнія. Еж. В. Д.

Линовскій ¹⁾, неприятные по характерамъ и по склонности къ сплетнямъ, которыми отъ скуки забавлялся Надеждинъ, на мирный кругъ напѣ, дружный, возымѣли дурное вліяніе. Вслѣдствіе сплетней благороднѣйшій М. Д. Деларю ²⁾ вынужденъ былъ оставить лицей и удалиться въ деревню. И безъ того пламенный характеръ попечителя, поддерживаемый тремя вышесказанными лицами, при посредствѣ Надеждина, дѣлался чаще и чаще неприятнѣе. Бѣдный директоръ, небожій бюрократъ, постоянно находился въ огнѣ. Не имѣя никакихъ особенныхъ причинъ, Княжевичъ, подъ видомъ введенія своихъ правилъ для воспитанниковъ гимназіи (въ это время соединенной, по уставу, съ лицеемъ) — правилъ чисто механическихъ, поселился въ зданіи лицея. Разумѣется, пошли по городу слухи, что-де въ гимназіи что-то не ладно, поелику попечитель перешолъ туда на житье! Я же видѣлъ „ревность не по разуму“, что въ смягченныхъ словахъ передалъ по принадлежности. Но вмѣсто отвѣта Княжевичъ перевелъ разговоръ на свое семейство.

Въ наступившую вакацію бессарабскій губернаторъ П. И. Федоровъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе заняться статистическимъ описаніемъ Бессарабіи. Не суля многого, я общался сдѣлать возможное по моимъ силамъ. Съ разрѣшенія министра, давшаго мнѣ право отлучаться для сего каждый разъ не болѣе мѣсяца, я пригласилъ въ Бессарабію: профессора естественной исторіи Нордмана ³⁾ и рисовщика Бассоли. Каждый изъ насъ обязался

¹⁾ Линовскій, Влад. Альберт. (1839—53); маг. унив. св. Влад., проф. по кафедрѣ практич. судопр. Труды его: 1) „Исслѣдованіе началъ уголовн. права по улож. царя Алексѣя Михайловича. Одесса, 1847 г.“; 2) „Опытъ историческихъ размыслиній о слѣдственномъ уголовн. судопр. въ Россіи“, — сочиненіе, удостоенное почетнаго отзыва императорской академіи наукъ; 3) разныя статьи въ Запискахъ одесск. Общ. Ист. и Древн. и въ Одесскомъ Вѣстникѣ.

²⁾ Деларю, Мих. Данил. (1837—41); переложилъ въ гексаметры и издалъ въ Одесѣ, въ 1839 г., „Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святослава, внука Олега“ и помѣщалъ свои стихотворенія въ Одесскомъ Альманахѣ.

³⁾ Нордманъ, Александръ Давид. (1832—49); докторъ мед. берл. унив. и канд. филос. абовск. унив., профессоръ естеств. исторіи. Труды его: 1) *Symbola ad monographiam Staphilinorum, Petropoli, 1837*; 2) статьи по ихѣологии въ *Voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée par A. Denidoff. Paris, 1840*; 3) статьи въ Мемуарахъ спб. акад. наукъ и разн. статьи въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ.

свѣдѣнія и работы по своей части доставлять лично начальнику области. Совмѣстный поѣздъ нашъ направленъ былъ прежде всего въ Кишиневскій уѣздъ. Около трехъ недѣль проѣздивши, я съ рисовщикомъ, а Нордманъ особю, наконецъ, съѣхались въ Рени, гдѣ услужливымъ и заботливымъ губернаторомъ все было приготовлено къ дальнему поѣзду — на классическій островъ Фидониса, въ древности извѣстный подъ именемъ Левки (бѣлый). Спустясь по Дунаю на большомъ катерѣ въ сопровожденіи губернаторскаго чиновника порученій, капитана В. С. Тихонова, и другихъ лицъ, мы пристали къ среднему Дунайскому устью, именуемому Сулинскимъ. Здѣсь ждала насъ мореходная лодка „Цецилія“, нагруженная въ изобиліи всякаго рода провизіею. Послѣ тихаго, благополучнаго плаванія по морю, 3-го іюня, раннимъ утромъ, вступили мы на необитаемый островъ. Единственные жители его: бѣлыя чайки, черныя бакланы, да змѣи, сороконожки и друг. прыгающія и кусающія насѣкомыя. Бѣлокаменная скала саженъ 12 или 15, возвышающаяся надъ уровнемъ моря и представляющая продолговатую площадь, длиною версту и шириною около полуверсты, была покрыта густою травою и самосѣйною пшеницею. Крикомъ и хохотомъ встрѣтили насъ тысячи чаекъ, благоразумныя же змѣи старались убѣгать въ густую траву и ущелья. Остатки Ахиллесова небольшого храма мы нашли въ разбитыхъ кускахъ, приготовленныхъ подрядчикомъ Бухтѣевымъ для постройки здѣсь морскаго маяка. Все, что имѣло архитектурную форму, я вынулъ и погрузилъ на лодку, а на мѣстѣ восхожденія на островъ велѣлъ рабочимъ копать землю. Во все пребываніе наше на островѣ собрано много различныхъ древнихъ эллинскихъ и римскихъ монетъ, рѣзныхъ камешковъ изъ колецъ, росписныхъ черепковъ отъ вазъ, нѣкогда великолѣпныхъ и другихъ мелкихъ вещей. Камень съ посвятительною надписью (Εὐχαριστίον) прежде былъ свезенъ въ Сулинскій карантинъ и оттолъ отправленъ въ музей Общества. Сколько величественъ былъ видъ безпредѣльнаго моря днемъ, столько неприятны были ночлеги. Опасенія отъ укушенія змѣй и сороконожекъ (*scolopendra morsitans*) прерывали сонъ и безъ того легкій. Одинъ изъ спутниковъ нашихъ (И. А. Нелидовъ) былъ укушенъ сколопендрою, къ счастью безвредно. Поиски наши были-бы продолжительнѣе, но недостатокъ воды на

нашей лодкѣ, и той отъ сильныхъ жаровъ испортившейся, понудилъ насъ ускорить отплытіемъ. Добрые снаряжители экспедиціи заботились о провизіи даже прихотливой, но упустили изъ виду, что и на водѣ можно умереть отъ безводья. 5 числа, вечеромъ, перебрались мы на „Цецилію“ и пустились въ обратный путь; но не тутъ-то было. Вѣтеръ, дотолѣ хотя слишвомъ слабый, но благопріятный, измѣнился въ свѣжій ZW. Скоро-ли придемъ въ Сулину? — Богъ знаетъ! — Куда-же плывемъ? — По направленію къ Варгѣ! — Нашъ дилетантъ-путешественникъ Нелидовъ, директоръ бессарабскихъ училищъ, осматривавшій Измаильское и Ренисское училища, не сказавъ никому, куда онъ отправляется, тутъ сильно призадумался. Ночью морскія небольшія волны пріятно покачивали съ боку на бокъ послушные паруса; но къ довершенію бѣльшей пріятности утромъ мы узнали, что плохая вода почти на исходѣ и, что важнѣе — „Цецилія“, какъ лодка перегруженная, не имѣетъ балласту: при свѣжемъ вѣтрѣ дѣло очень серьезное. На другой день вѣтеръ стоялъ прежній, не позволявшій судну лавировать. Опять вопросы: Куда идемъ? — Либо въ Варну, либо въ Константинополь! — Да намъ нужно въ Сулину! Шкиперъ съ 4 матросами, пожимая плечами, улыбались. Къ вечеру, однако, вѣтеръ умилоствился, лавировка пошла успѣшнѣе и мы къ ночи добрались до устья Сулина. По быстротѣ Дунайскаго теченія, поднимались „кошкою“, маленькимъ якоремъ, подвозимымъ впередъ и по канату притягивающимъ лодку къ себѣ. Роскошный ужинъ у начальника карантинна, В. В. Соловьева, намъ сопутствовавшего, ожидалъ насъ; пошли разговоры, смѣхъ до глубокой ночи. Мы размѣстились очень удобно; но чрезъ часъ, другой, третій, каждый изъ насъ вскакивалъ съ постели и сквозь зубы начиналъ ворчать. Это поднимали насъ знаменитые Дунайскихъ плавень комары, въ лѣтнее время носящіеся мириадами. Горе тому, кто, живя здѣсь, не имѣетъ „полога“ — кисейный или другой какой либо сквозной мѣшокъ, навидываемый на постель, чтобы не пробрался комаръ. Несчастныя лошади, на карантинно-таможенныхъ кордонахъ, всю ночь бьются около куращихся бучекъ сора. Примѣры не рѣдкіе, что отбившаяся отъ кордона лошадь или корова закусывается или задушается комарами. Бывали случаи, что бѣглецы, желающіе переплыть на турецкую сторону Дуная (для

того, чтобы, возвратившись оттуда, объявить себя турецкими выходцами и тѣмъ получить свободу), заѣдались тѣми-же комарами. По невысылкѣ изъ Вилкова обѣщанныхъ лошадей, мы на другой день вынуждены были всѣ идти пѣшкомъ по сыпучему песку и густой травѣ. Переходъ отъ Сулина до Вилкова, на Килійскомъ рукавѣ Дуная, былъ около 30 верстъ. Волею-неволею ползелись. На половинѣ пути на уединенномъ рыбацкѣмъ хуторѣ нашли пару молодыхъ воловъ, впрягли въ повозочку и, усадя въ нее хромоногаго Нордмана и слабосильнаго итальянца Бассоли, двинулись далѣе. Въ 9 часовъ вечера прибыли на Вилковскій кордонъ. Ночевали между куревомъ, но все-таки жестоко были искусаемы комарами. Утромъ двинулись въ Вилково—деревенскую Венецію: всѣ дома на водѣ. Хлѣбомъ-солью и икрою встрѣтили насъ провинившіеся вилковцы; но болѣе ихъ виноватый чиновникъ, завѣдывающій этимъ посадомъ, знавшій, что въ Вилковѣ, какъ и въ Венеціи, не водится лошадей. 11-го іюня, переправясь черезъ Килійскій рукавъ, мы на борзыхъ коняхъ повеселись черезъ полупустынный „Буджакъ“—Авверманскій уѣздъ (древнее *solitudines Getarum*). Слѣдствіемъ нашего пѣшеходства было то, что я мѣсяцъ пролежалъ въ жестоко-воспалительной бессарабской горячкѣ, исходъ которой бываетъ часто неблагополучный. Эту мѣстность я описалъ выше.

Все, что могъ я написать для редакціи журнала нашего министерства, состояло въ статейкѣ: „О славяно-сербскомъ сборникѣ, напечатанномъ въ Венеціи Божидаромъ въ 1538 году“ (см. кн. XXXIV, стр. 49). Прочее время употреблено было на заготовленіе матеріаловъ для предполагаемаго перваго тома Записокъ Общества Древностей. Программа Записокъ, пущенная въ свѣтъ и разосланная всѣмъ членамъ Общества въ половинѣ 1840 года, обѣщала многое. Чтобы ее выдержать, надлежало употребить особенныя усилія, посылать частныя и частыя письма къ членамъ и стороннимъ лицамъ, дѣлать розыски по архивамъ; справки, повѣрки, копировки и проч., дѣйствительно, были усиленныя. Видя, какъ ретиво хлопочетъ президентъ, и секретарь не сидѣлъ, сложа руки. Благодаря общему сочувствію, матеріалы прибывали постоянно. До глубокой ночи мы засиживались надъ пересмотромъ и редакціею доставленнаго. При откровенномъ, благодушномъ размиѣнѣ мыслей дѣло хотя и медленно, но все-же

подвигалось, а зима и новый годъ стояли у дверей. Что-то принесетъ мнѣ новый годъ?

Наступившій 1842 годъ для меня лично былъ чуть-ли не таковой, какъ и 1839 годъ: душевныя огорченія, болѣзнь усиленная, слѣшныя труды и разстроенныя планы.

Прежде всего началось тѣмъ, что семейство друга моего Кирьякова, по независящимъ отъ дѣтей и меня обстоятельствамъ, должно было, благодаря вмѣшательству сторонняго лица (Нисона), сперва сократить, а потомъ и разорвать наши сношенія. А я, по обѣщанію, данному покойному Кирьякову не оставлять его дѣтей безъ присмотра, только что прошлымъ лѣтомъ (вызванный въ Москву А. Д. Чертковымъ и М. Т. Качановскимъ) на приглашеніе графа С. Г. Строганова (котораго я нашелъ въ постели со сломанною ногою), перейти въ московскій университетъ, отвѣчалъ отказомъ, имѣвъ въ виду единственно дѣтей моего друга! Злой рокъ устроилъ иначе!... Къ разлитію желчи присоединилось кровохарканіе.... Что мнѣ оставалось дѣлать?... Съ тоски я пустился въ Бессарабію. Полубезпамятнаго меня нашелъ около Сатунова слѣдившій за мной, по приказанію П. И. Оедорова, добрый человекъ В. С. Тихоновъ; перевезъ онъ меня въ Измаилъ и тамъ заставилъ принять медицинскія пособія. Поправясь нѣсколько, я пустился по лѣсамъ и долинамъ богатой Бессарабіи, искалъ утѣшенія въ работѣ и не находилъ; все шло механически, холодно. Обѣхавъ многочисленныя монастыри, не знаю почему пышно наименованныя бессарабскою Оиваидою, живописные берега Днѣстра, усѣянныя веселыми деревнями, и достигши до Хотина, я вернулся другою дорогою, по теченію р. Прута. Въ Одессѣ ждала меня кипа бумагъ, которыя надобно было подготовить къ первому тому, затѣмъ началось дѣло самаго хлопотливаго приготовленія Записокъ. Съ разнородными статьями возились буквально день и ночь. Лѣто Княжевичъ проводилъ на хуторѣ, устроенномъ для помѣщенія лицейскихъ воспитанниковъ,—это было около 5 верстъ за городомъ; сюда я ходилъ или ѣздилъ, на свой счетъ, съ статьями Надеждина; тамъ мы спорили, горячились и сессію кончали веселымъ хлѣбосольствомъ хозяйскимъ. До сего времени сношенія мои съ Надеждинымъ, довольно хорошія, рѣзко измѣнились вслѣдствіе неблагородныхъ дѣйствій гг. Соловьева и Линовскаго, а

еще болѣе по причинѣ затѣяннаго Надеждинымъ проекта о передѣлѣ устава Общества Древностей, утвержденнаго 25 марта 1839 г. Кажется, задняя мысль прожектера состояла въ томъ, чтобы новою передѣлкою устава по нововводимымъ бюрократическимъ формамъ, сильно не нравящеюся вице-президенту Общества Стурдзѣ, побудить его отказаться отъ этого званія. Разумѣется, избраніе вице-президентомъ Надеждина могло совершиться при участіи лицъ учебнаго вѣдомства, состоящихъ въ качествѣ членовъ общества. На предложеніе Княжевича, сдѣланное въ засѣданіи, отсутствовавшей Стурдза письменно отвѣчалъ, что нѣтъ рѣшительно никакой настоятельной нужды въ передѣлѣ только что утвержденнаго устава. Пошли писаться проекты, разсылались по экстренной надобности къ членамъ, съ просьбою немедленно сообщить свои замѣчанія; затѣмъ частыя засѣданія; пренія принимали колкій оборотъ. Такъ, однажды, архіепископъ Гавріилъ рѣзко остановилъ Надеждина, неприлично выразившагося на счетъ Стурдзы: „перестаньте, замолчите! Отъ этого происходятъ всѣ ссоры и вляузы“. И ораторъ замолчалъ. Въ другое засѣданіе, на отвѣтныя замѣчанія Стурдзы на новый проектъ устава, Княжевичъ не только позволилъ себѣ, въ пылу гнѣва, сказать непочтительныя слова о рецензентѣ, но даже, къ обидѣ всѣхъ членовъ, бросилъ засѣданіе недоконченнымъ. Это происходило въ биржевой залѣ. Разумѣется, послѣ всего этого Стурдза письменно отказался отъ вице-президентства. Въ пору бурныхъ засѣданій Общества пріѣхалъ изъ Крыма князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

Узнавъ все происходившее, онъ потребовалъ объясненій отъ Общества. А. Ѳ. Негри, Г. И. Соколовъ и я отправились къ князю, изложили дѣло, какъ происходило, и получили оффиціальныи, назидательный совѣтъ уладить все миромъ, добавивъ: „что съ выходомъ Стурдзы Общество потеряетъ полезнаго члена“. Княжевичъ вслѣдствіе этого написалъ извинительное письмо къ Стурдзѣ, а Сафоновъ, Соколовъ и я отправились къ нему съ просьбою отъ имени князя остаться вице-президентомъ, въ чемъ Стурдза рѣшительно отказалъ, сказавъ, что не желаетъ нигдѣ встрѣчаться съ Надеждинымъ. И у Общества, какъ у обыкновенныхъ смертныхъ, dentes sapientiae прорѣзывались съ болью! Вмѣсто извѣстнаго имени, кого же, наконецъ, избрали вице-

президентомъ?—Состоявшаго домашнимъ секретаремъ при князѣ Воронцовѣ, С. В. Сафонова! Сафоновъ удивился, а князь пожалъ плечами при извѣстїи о такомъ удачномъ избранїи, мимо ученаго архїепископа, оріенталиста Негри и даже архимандрита Аванасїа, ученаго ректора семинаріи (теперешняго астраханскаго архїепископа).

Для бѣднаго директора лицея, Синицына, сверхъ двуличнаго инспектора, да г. Надеждина, прибавилось еще новое, горшее зло—вступленіе Княжевича (попечителя учебнаго округа) въ управленіе новороссійскимъ пошлиннымъ сборомъ съ ввозимой въ Новороссійскій край водки!... Какъ ни было неприлично сочетаніе такихъ двухъ занятїй (даже вопреки изреченію Гоголя: „ученый человѣкъ не можетъ быть не пьяница“), но крайняя нужда склонила отца пятерыхъ дѣтей связать двѣ заботы: развитіе просвѣщенїя и развитіе ввоза водки, для усиленїя пошлиннаго сбора.

Еще служа вице-губернаторомъ или директоромъ канцеляріи министра финансовъ, Княжевичъ ввѣрилъ значительный капиталъ для дальнѣйшихъ оборотовъ казенному подрядчику, еврею Фейгину. Когда дѣла Фейгина пошли хуже и хуже, тогда Княжевичъ, чтобы спасти остатки своего капитала, въ счетъ расчета, принялъ въ управленіе водочный пошлинный сборъ. Разумѣется, агентами всего этого дѣла были евреи, слѣдовательно пошли плутни, обманъ, покражи. Княжевичъ, видѣвшій все это и терявшій слѣдовавшїя ему деньги, сталъ находиться чаще и чаще въ ненормальномъ противу прежняго положенїи: частный приставъ Морозовъ и питейный объѣздчикъ Шмаковъ были сдѣланы инспекторами кашиневской и симферопольской гимназїй. Сношенїя съ нимъ для всѣхъ стали тягостными. А тутъ г. Надеждинъ, съ своими постоянными дразгами....

Послѣ многихъ огорченїй, которыми судьба меня такъ щедро надѣляла, наступившїй 1843 годъ доставилъ мнѣ нѣкоторыя прїятности.

Дамскїй, поднятый на меня (за Нисона), походъ, могшїй надѣлать множество непрїятностей, кончился ничѣмъ. Князь Воронцовъ, близко знавшїй меня, устранилъ все то, что могло бы мнѣ быть непрїятнымъ. Узнавъ стороною, что я намѣреваюсь переселиться въ Москву, вслѣдствїе сдѣланнаго мнѣ приглашенїя

графомъ С. Г. Строгоновымъ, князь Михаилъ Семеновичъ, по приѣздѣ на короткое время, въ май мѣсяцѣ, въ Одессу (что онъ почти всякій годъ дѣлалъ, отправляясь на осмотръ вѣрненнаго его управленію края), чрезъ посредство Фабра, сдѣлалъ мнѣ предложеніе — занять мѣсто бібліотекаря одесской городской публичной бібліотеки, въ 1829 г. имъ основанной. Завѣдывавшій бібліотекою нѣкто А. Спада (испанскій жидъ, выкрестъ іезуитскій и нѣкогда лекторъ у князя В. П. Кочубея) умеръ, и потому вакантное мѣсто, приносящее около 1,000 руб. сер. жалованья, совмѣстно съ должностію директора одесскаго городского музея, не смотря на множество искателей этого мѣста (въ числѣ ихъ былъ нѣкогда извѣстный издатель „Московского Дамскаго Вѣстника“, словоохотливый князь П. И. Шаликовъ, прозванный Воейновымъ въ извѣстномъ „Домѣ сумасшедшихъ“ спичкою Шаликовымъ), князь Воронцовъ предоставилъ мнѣ, какъ приведенному городской музей въ извѣстность, съ весьма лестнымъ при томъ отзывомъ, сдѣланнымъ имъ обо мнѣ за его многолюднымъ, параднымъ обѣдомъ. Разумѣется, на завтра, со всѣхъ сторонъ посыпались мнѣ поздравленія и визиты: даже всегда важночопорный П. Я. Марини въ первый разъ навѣстилъ меня въ бѣдненькой моей квартирѣ.

Въ финансовомъ отношеніи положеніе мое сдѣлалось хорошимъ. При той недороговизнѣ, которая была въ то время въ Одессѣ, окладъ въ 2,000 рублей, для человѣка, живущаго скромно, былъ весьма достаточный. Но чтобы не остаться непризнательнымъ къ графу С. Г. Строгонову, всегда ко мнѣ благорасположенному, при посредствѣ А. Д. Черткова я переслалъ благодарственное мое письмо. Отвѣтомъ на него было, что графъ всегда готовъ будетъ пристроить меня къ университету, какъ только объ этомъ его предварю.

Вотъ въ какомъ видѣ я получилъ публичную бібліотеку. Прекрасное помѣщеніе въ домѣ городскихъ присутственныхъ мѣсть, указанное княземъ, вмѣщало въ себѣ шкафы, расположенные только по двумъ стѣнамъ одной изъ трехъ комнатъ бібліотеки. Въ шкафахъ рѣденько были размѣщены книги, преимущественно французскія и др.; русскихъ почти не было примѣтно. Не было славянской Библии, ни Новаго Завѣта; зато имѣлся Алкоранъ магометовъ, переводъ Колмакова; не было ни одного русскаго

классика, кромѣ извѣденной молью Исторіи государства російскаго Карамзина. Какъ библіотека начально составилаь изъ добровольныхъ приношеній, слѣдовательно, большею частію изъ разнотома, то естественно изъ 8,580 томовъ книгъ, принятыхъ мною, полныхъ, дѣльныхъ сочиненій оказалось немного. Многое хорошее выписано было градоначальникомъ Алексѣемъ Ирак. Левшинымъ; но съ выѣздомъ его изъ Одессы, хищническая рука Спады получаемы на содержаніе библіотеки деньги тратила смѣло на подарки опернымъ пѣвицамъ и великосвѣтскимъ дамамъ легваго поведенія. Библіотека почти постоянно была закрыта: старый воловита, съ приапической фізіономіею, рѣдко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; къ тому же библіотека зимою не отапливалась. Въ правилахъ 1830 года библіотеки, въ § 9, было оговорено, что „всякій можетъ входить въ библіотеку и оставаться въ ней со шляпою на головѣ, а зимою въ шинели или другой теплой одеждѣ; но никто не будетъ впущенъ съ собакою, трубкою или сигарою“. Все это, разумѣется, отталкивало любознательныхъ отъ посѣщенія и чтенія. Князь зналъ все это, но жалѣлъ старика, да и не зналъ куда его дѣвать. Старикъ же былъ пренахальный и пренавазчивый, къ тому же дамскій потѣшникъ.

Давая новый порядокъ книгамъ, при распредѣленіи ихъ по предметамъ, невольно знакомишься съ каждою. Увлекаясь занимательностью иной книги, я по цѣлымъ часамъ просиживалъ на подставленной къ шкафамъ лѣстницѣ. Назначенная для приведенія въ порядокъ комиссія, изъ двухъ губернаторскихъ чиновниковъ, смотрѣла на это медвѣдемъ и лишь подписала приготовленные каталоги. Первымъ дѣломъ было: наполнить главные отдѣлы основными сочиненіями, что исподоволь систематически я и дѣлалъ. При выпискѣ новыхъ книгъ я отдавалъ предпочтеніе русскимъ (французскихъ романовъ было достаточно), притомъ историко и географическо-статистическаго содержанія, а главное, преимущественнѣ всего—тому, что относилось къ Новоросійскому краю. Затѣмъ, удѣляя изъ скромной суммы частицу, я погашалъ долги Спады, сдѣланные имъ у парижскихъ книгопродавцевъ. Разрозненные сочиненія я исключилъ изъ каталоговъ. Въ августѣ того же, 1843-го, года библіотека была открыта для публики, по новымъ правиламъ: четыре дня по утрамъ, а два дня въ послѣобѣденное время. Разумѣется,

читатели явились постоянные. Профессора лицей, учителя гимназій и семинарій, студенты, ученики были главными посѣтителями. Что всего замѣчательнѣе: вакаціи лѣтнія и зимнія ученики въ большомъ числѣ посѣщали библіотеку. Къ чести молодого поколѣнія я долженъ еще сказать, что пропажи книгъ не бывало; если же и случались иногда, то виною ея были ученые и по виду люди благоприличные. По выполненіи предположеннаго, я приступилъ къ ученой роскоши. Съ разрѣшенія князя было куплено, на особый счетъ города, богатое собраніе изданій объ изящныхъ искусствахъ, а также приступлено къ собиранію новороссійскихъ и бессарабскихъ рукописей, хотя не важныхъ, но чрезвычайно рѣдкихъ и для края интересныхъ. Обо всемъ этомъ я въ свое время напечаталъ въ приложеніи къ „Новороссійскому календарю“ на 1848 г. маленькую статейку: „Одесская городская публичная библіотека, ея основаніе и успѣхи“.

Наконецъ, въ августѣ же (1844 г.) приступлено было къ изданію въ свѣтъ перваго тома Записокъ Общества. Въ редакціонномъ комитетѣ приняли участіе: Княжевичъ, какъ президентъ Общества, я, какъ секретарь, затѣмъ Стурдза, Надеждинъ и Григорьевъ¹⁾. Стурдза, какъ сказалъ я, отказался отъ участія въ Обществѣ; Григорьевъ, оставивъ лицей, уѣхалъ въ С.-Петербургъ—хлопотать въ министерствѣ о перемѣщеніи въ московскій университетъ на кафедру русской исторіи; а затѣмъ уѣхалъ и Надеждинъ, назначенный редакторомъ Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ, обновленнаго новымъ министромъ, графомъ Л. А. Перовскимъ. Выѣздъ Надеждина изъ Одессы совершился непредвидѣнно.

При содѣйствіи Княжевича, изобрѣтательнымъ умомъ Надеждина былъ придуманъ, явобы необходимый для Новороссійскаго края и Бессарабіи, „главный статистическій комитетъ“, разумѣется, съ порядочнымъ чиномъ и оладомъ жалованья для редактора. Проектъ княземъ былъ принятъ благосклонно, деньги нужныя разложились на всѣ четыре губерніи и уставъ посланъ

¹⁾ Григорьевъ, Васил. Васил. (1838—43); магистръ моск. ун-в., проф. восточныхъ языковъ. Труды его: 1) Описаніе вѣдическихъ монетъ X в., найденныхъ въ Рязанской губ. Спб., 1841 г.; и 2) О достовѣрности ярыковъ, данныхъ ханамъ Золотой орды русскому духовенству. Москва, 1842 г.

на утверждение. Но нетерпеливый Надеждинъ, съ согласія Княжевича, рѣшился уѣхать въ С.-Петербургъ и тамъ, при пособіи братьевъ и пріятелей Княжевича, пристроился сперва къ редакціи сказаннаго журнала, потомъ образовалъ изъ себя еще одно изъ многихъ новое секретное отдѣленіе по раскольничьимъ дѣламъ при министрѣ Перовскомъ. Прекрасное, дѣльное изслѣдованіе г. Надеждина „о скопческой ереси“, напечатанное въ небольшомъ количествѣ секретныхъ экземпляровъ (въ 1845 году), давшее драгоценный матеріалъ для исторіи заблужденій ума человѣческаго, все-таки не оправдываетъ инвизиторской обязанности, добровольно имъ на себя принятой. Правда, что за это и за преслѣдованіе раскольничьихъ архіереевъ, даже за границею, онъ получалъ почетныя награды, но все-таки архіерея, назначеннаго австрійскими раскольниками для Россіи, не нашель, потому что онъ уже жилъ въ Москвѣ; это было его служебное fiasco. Мѣсто редактора главнаго статистическаго комитета, высочайше утвержденного въ этомъ году, получилъ Свальковскій. Итакъ, редакція Записокъ осталась на двухъ лицахъ. Снова начались мои походы и поѣзды на приморскій хуторъ, уже съ корректурами. Каждый листъ имѣлъ не менѣе четырехъ корректуръ. Къ концу декабря у насъ готово было первое отдѣленіе тома, а ихъ было впереди еще два.

Съ одинаковою ретивостью, но уже не съ тѣмъ бодримъ и часто веселымъ духомъ встрѣтилъ бѣдный Княжевичъ наступающій 1844 г. Дѣла его окончательно разстроились; кромѣ потери всего капитала, онъ долженъ былъ платить еще за что-то въ казну. Это и еще слѣдующее маловажное обстоятельство имѣло дурное вліяніе на больнаго человѣка, болѣзною котораго была сильно возбужденная впечатлительность. Ему захотѣлось имѣть отдѣльные дагерротипные портреты своего семейства и свой собственный. Въ рабочей всѣ портреты вышли, но его въ три присѣста совершенно не выходилъ. Это пустое обстоятельство, происшедшее, конечно, отъ несовершенства химическаго процесса, сильно подѣйствовало на него. Пріѣхавъ домой, Княжевичъ слегъ въ постель, съ которой уже полумертвый, въ сентябрѣ, пустился въ дальній путь, въ С.-Петербургъ, откуда не располагалъ болѣе воротиться въ Одессу. Все ученое сословіе лицей проводило его съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ. Конченную печат-

тавиемъ книгу въ листовъ (.... страницъ in 4°) Дмитрій Максимовичъ взялъ съ собою въ Петербургъ: еще тамъ дѣлалась большая карта Скиѳіи, по Геродоту, въ статьѣ Надеждина. Но усилившаяся болѣзнь побѣдила мужественный организмъ. 1-го октября 1844 г. Дмитрій Максимовичъ умеръ на пути, въ сел. Буромѣ (Полтавской губерніи).

Первый томъ Записокъ, официальные бумаги, представленія (въ томъ числѣ ходатайство объ отправленіи меня за границу) пошли сначала въ С.-Петербургъ къ его родному брату; потомъ, по разборѣ, возвращены въ Одессу.

За первый томъ, по ходатайству министра Уварова, дано семейству Княжевича денежное пособіе въ 8,000 р. и разсрочена недоимка; мнѣ же въ ноябрѣ присланъ орденъ св. Анны 3-й степени. Вотъ что по этому поводу показалось мнѣ страннымъ: въ одномъ и томъ же государствѣ заслуги оцѣниваются неравномѣрно. Мнѣ, профессору, коллежскому совѣтнику, за ученую дѣятельность дали крестъ по порядку служебному, и въ то-же время такой же крестъ, дававшій тогда право на потомственное дворянство, дали аудитору 14 класса Гужвѣ (изъ кантонистовъ), по представленію исправлявшаго должность генераль-губернатора Федорова!

Вотъ списокъ статей и статейекъ, помѣщенныхъ мною въ Запискахъ: 1) О двухъ эллинскихъ надписяхъ, найденныхъ вблизи села Троицкаго, въ имѣніи помѣщика Кобле. 2) О надгробномъ памятникѣ Потимоновомъ. 3) О латинской надписи съ именемъ Веспорскаго царя Савромата II. 4) Надпись на окладѣ евангелія въ монастырѣ Кипріяна 1545 г. 5) О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ монетахъ, имѣющихся въ Одессѣ. 6) Договорная грамота сербскаго вряля Стефана Уроша съ Дубровникомъ 1254 г. 7) Грамота Молдо-Влахійскаго воеводы Александра, 1407 г. 8) Указъ Петра Великаго, отъ 27 сентября 1724 г., о пріискахъ каменнаго угля. 9) Донесеніе Россійскаго резидента при Крымскомъ ханѣ, Никифорова, о низложеніи Крымъ-Гирея хана въ 1764 г. 10) Поѣздка на островъ Левки или Фидониса въ 1841 г. 11) Некрологъ М. М. Кирьякова. 12) Некрологъ А. Ф. Спады. 13) Часы Новороссійскаго издѣлія. 14) Древности, открытыя въ Парутинѣ. 15) Нѣкоторыя подробности о церкви св. Іоанна Предтечи въ Керчи. 16) Открытіе древностей близъ селенія

Карталь. 17) Коллекція древнихъ памятниковъ, присланныхъ изъ Николаева Обществу. 18) Древніе памятники, подаренные С. Ю. Дестунисомъ. 19) Древности, переданныя Обществу изъ одесскаго городского музея. 20) Рисунки Василя Барскаго. 21) Приобрѣтеніе Обществомъ неизданныхъ сочиненій Бларамберга, и 22) Приобрѣтеніе Обществомъ сочиненія Дюбрюкса. Замѣтки, указанныя подъ №№ 17, 18, 19, 20, 21 и 22, составляютъ мою личную заслугу предъ Обществомъ.

Моему личному ходатайству Общество обязано тѣмъ, что получило въ свое владѣніе предметы вообще полезные, но для мѣстнаго музея—драгоцѣнные.

Итакъ, первый опытъ нашихъ совокупныхъ трудовъ явился въ свѣтъ и былъ благосклонно принятъ государемъ императоромъ, изъявившимъ трудившимся свое благоволеніе; покровитель же Общества, его высочество государь наслѣдникъ дозволилъ посвятить Записки его имени. Публика тоже встрѣтила первенца Общества хорошимъ приѣмомъ. Казалось, трудившимся оставалось только почивать на пожатыхъ лаврахъ. Но злая судьба повернула дѣло иначе.

Г. Надеждинъ, которому весьма встаетъ приписи слова, сказанныя Агамемнономъ быстроному Ахиллесу: „тебѣ пріятны всегда споры, раздоры и битвы“ (Илліада, I гл., 177) ¹⁾, и Григорьевъ совместно написали некрологъ Д. М. Княжевича. Пускаясь въ панегирикъ, они умышленно допустили многія неточности и неумѣстныя неосновательныя указанія. И чтобы всему этому придать торжественный видъ, облекли статью свою въ официальную форму, въ видъ труда отъ издательнаго комитета, собравшагося въ Петербургъ подъ предсѣдательствомъ „титулярнаго“ вице-президента Сафонова. Сами собою, безъ разрѣшенія Общества, они напечатали некрологъ, приложили его къ Запискамъ и разослали; Обществу же сообщили о томъ для свѣдѣнія. Разумѣется, Общество, сдѣлавъ свои поправки нѣкоторыхъ мѣстъ, попросило комитетъ, спешійся въ С.-Петербургъ вопреки § 69

¹⁾ Вотъ какъ А. А. Бестужевъ, въ VIII письмѣ къ Н. А. Полевому (см. „Рус. Вѣсти“ 1881 г., № III, 308), обрисовалъ характеръ нашего героя: „грязный духъ партій, въ немъ первенствующій, несомнѣно. Онъ, кажется, хочетъ строятся въ вапяхъ развалить Невысоко ему подняться... Н. М.

устава, исправить указанное. Тогда Надежинъ съ Григорьевымъ разобидѣлись и отказались отъ званія членовъ Общества. Сафоновъ, прибывшій въ Одессу, весьма неловко оправдывался, а Надежинъ, сверхъ того, написалъ особое объяснительное письмо къ вице-президенту, который, съ своей стороны, на него далъ категорическій отвѣтъ. Послѣ сего всякія сношенія Общества съ двумя своевольниками навсегда прекратились. Надежинъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, не считъ долгомъ ни доставить Обществу книги, на покупку которыхъ онъ въ 1840 году взялъ 350 руб. асс., ни возвратитъ деньги. По примѣру ихъ отказался отъ участія въ Обществѣ еще г. Линовскій, выкрестъ изъ евреевъ. Отказъ трехъ помянутыхъ членовъ, смерть Княжевича и разнесенные благопріятелями Надеждина слухи, что Общество закрывается, не безъ огорченія были выслушаны остальными членами. Операция эта, впрочемъ, не осталась безъ благотворныхъ послѣдствій. Члены дружнѣе примкнули другъ къ другу, откровеннѣе стали взаимно высказываться и трудиться, не унижая качествъ работавшихъ. Благородный и откровенный характеръ Александра Федоровича Негри и живое участіе благодушнаго архіепископа Гавриила, Тетбу де-Мариньи, Бруна, Соколова, Беккера¹⁾, Палеолога, сдѣлавшихся ретивыми сотрудниками, потрясенное интригами Общество упрочили и дали ему должное, прямое, мирное направленіе. Утомленный трудами и душевнымъ волненіемъ отъ дразгъ, въ концѣ этого года я могъ сообщить редакціи Одесскаго Вѣстника только два матеріала для исторіи Одессы: а) „Любопытную исторію славнаго города Одессы“, сочиненную въ 17.... году дѣйств. ст. сов. Левашевымъ, брошюру рѣдкую, и б) „О младенчествѣ Одессы“, это—письмо А. И. Шостака, писанное въ 1807 г. въ С.-Петербургъ.

Что сказать мнѣ о покойномъ Княжевичѣ, котораго г.

¹⁾ Беккеръ, Павелъ Вас. (1837—62); докторъ іенскаго унив. и магистръ унив. Св. Владимира, проф. римской словесности, директоръ одесск. второй гимназіи (1843—50) и директоръ Ришельевскаго лицея (1857—62). Труды его: 1) Гимназ. курсъ лат. яз. Одесса, 1844, 45; 2) Гражданскій бытъ Тиритовъ. Одесса, 1848; 3) Берегъ Понта Эвксинскаго отъ Истра до Борисоева, въ отношеніи къ древн. его колоніямъ,—сочин., удостоенное почетнаго отзыва акад. наукъ; 4) Die Hetracleotische Halbinsel, Leipzig, 1856, и 5) разн. статьи, помѣщ. въ бюллет. акад. наукъ и въ журн. Ен. В. Д.

Надеждинъ воспѣлъ „безповойную дѣятельность?“ Зная его въ теченіи семи лѣтъ, почти неразлучно съ нимъ проведенныхъ, скажу, что онъ былъ человекъ умный, правительскій, добродушный и готовый не только на доброе дѣло, но и на всякую пріятную услугу; много начитанный, и при природной остротѣ и живости характера сильно впечатлительный. Вся прежняя его жизнь была ознаменована лично къ нему привязанностію всѣхъ, кто съ нимъ служилъ или имѣлъ дѣло. Но, къ прискорбію, долженъ сказать, что добрыйшій Княжевичъ, съ пріѣзда въ Одессу Надеждина, видимо измѣнился. Надеждинъ былъ его домашній злой геній, отнявшій у своего кормильца добрую славу на умъ и на сердце. Надеждинъ не скрывалъ отъ всѣхъ, что онъ пишетъ разные проекты, программы, руководства по лицю и округу для Княжевича; не утаивалъ и нерасположенія къ лицамъ, ему не нравящимся по чему либо, и потому неприятнымъ и Княжевичу. Деларю оставилъ лицей именно по интригамъ Надеждина, а бѣдный, благородный директоръ лицея Н. И. Синицынъ умеръ отъ аневризма въ сердцѣ, вслѣдствіе грубаго обращенія съ нимъ Княжевича. Что дѣлать у насъ, на Руси, бѣдному служащему чиновнику, когда его преслѣдуетъ начальникъ? Суда и управы на него нѣтъ никакой. Остается терпѣть и страдать молча!

Заслуги Княжевича, въ отношеніи къ лицю и округу, значительныя. Къ прежнимъ хорошимъ основаніямъ, положеннымъ Покровскимъ для лицея и всѣхъ гимназій одесскаго учебнаго округа выборомъ способныхъ наставниковъ, Княжевичъ прибавилъ лицю многое,—третье камеральное отдѣленіе, открытое въ 1842 г., такимъ путемъ приблизилъ лицей къ университету. Увеличивъ дотолѣ сжатая науки, согласно съ требованіями специальныхъ программъ, онъ далъ просторъ знаніямъ: такъ, введены были въ математическомъ отдѣленіи—физическая географія; въ камеральномъ—введеніе въ камеральную науку, государственное хозяйство, торговля, физика и физическая географія, химія, естественная исторія, сельское хозяйство, технологія и обзорніе русскихъ законовъ; въ юридическомъ—церковное право, судебная медицина; въ отдѣлѣ общихъ наукъ—сравнительная географія и исторія путешествій и открытій и русскія древности. Къ добросовѣстному преподаванію наукъ сочувственно относились студенты. Они съ своей стороны стали добросовѣстно посѣщать лекціи и начали самостоятельно

трудиться. О лицепріятіи на экзаменахъ не было въ поминѣ, доволѣ нужда не заставила самого Княжевича, противъ воли, сдѣлаться весьма снисходительнымъ въ внуку харьковскаго откупщика Кузина. Юношу, за 2,000 р. с. въ годъ, принялъ къ себѣ въ квартиру профессоръ нравственной философіи, а остальные профессора за большія деньги, стали вливать въ пустую голову знанія.... На выпускномъ экзаменѣ нашъ „молодецъ“ отличился, открывъ, что „Авраамъ распространялъ истинную христіанскую вѣру, а Наполеонъ былъ женатъ на дочери Александра I“.

Одно въ упрекъ можно поставить Княжевичу—отказъ отъ огромнѣйшаго магазина мятежника Собаньскаго (около 7 лѣтъ составлявшаго собственность лица), гдѣ могъ вмѣститься весь лицей съ гимназіею, когда бы въ нему сдѣлали нѣкоторыя пристройки. Княжевичу хотѣлось имѣть лицей неподалеку отъ дома Кошелева, который (Княжевичъ) имѣлъ въ виду купить для себя, а также для квартиръ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ. Съ этою цѣлю архитекторъ Пашинъ дѣлалъ проектъ перестройки, а услужливый Симоновичъ указалъ на праздное мѣсто г. Комара, которое тогда же было у него куплено и потомъ застроено нынѣшнимъ новымъ зданіемъ лицея. Странная черта замѣчалась въ покойномъ: бывъ крайне снисходителенъ ко всѣмъ литераторамъ, онъ никакъ не могъ спойно слышать и говорить о Гоголѣ и его „Мертвыхъ душахъ“.

XXI.

Дружескій кружокъ Н. Н. Мурзакевича.—Некрасивые поступки нѣкоторыхъ лицейскихъ дѣятелей. — Г. И. Соколовъ, инспекторъ лицея. — Назначеніе кн. М. С. Воронцова намѣстникомъ и главнокомандующимъ на Кавказъ (1845 г.).—Его проводы.—Н. Н. Мурзакевичъ приглашенъ состоять при Вел. Кн. Константиѣ Николаевичѣ, во время обзорѣнія Его Имп. Высочествомъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей, Новороссійскаго края и Земли войска Дояскаго.—Путешествіе.

Еще въ 1841 году дружественно расположенное ко мнѣ семейство Лачиновыхъ выѣхало въ Москву, и я остался въ полномъ одиночествѣ. Холостая компанія, состоявшая изъ университетскаго сверстника Ильина ¹⁾, князя Гр. Гр. Голицына, князя Алекс. Ив. Гагарина (убитаго въ 185... г. вмѣстѣ съ Ильинымъ въ Кутаисѣ бѣшеннымъ сванетомъ) ²⁾, Магницкаго (сына), Подолинскаго ³⁾, Полянскаго (внука графини Воронцовой, фаворитки Петра III, вышедшей замужъ за Полянскаго), и др., была хороша и мила, но все таки была холодная, шумная и иногда разгульная. Душа требовала разсѣянія вроткаго, бесѣды тихой, разсудительной. Такимъ былъ домъ Г. И. Соколова, также нашего современника по московскому университету, женатаго на старшей сестрѣ М. М. Кирьякова. Соколовъ прежде постоянно жилъ въ Одессѣ; но, женившись, нѣкоторое время занимался хозяйствомъ въ деревнѣ, а въ наступившемъ 1845 году переѣхалъ снова въ Одессу.

Въ лицей въ это время былъ директоромъ А. Г. Петровъ ⁴⁾.

На вакантное мѣсто инспектора г. Линовскій рекомендовалъ удаленнаго изъ морскаго вѣдомства маіора Варунова.

¹⁾ Некрологъ его см. въ „Одесск. Вѣстн.“ на 186... г. №...

²⁾ Владѣтели. княземъ Дадешкаліани.

³⁾ Подолинскій, Андрей Ив.; авторъ поэмъ Дивъ и Пери, Ницїй и многихъ мелкихъ стихотвореній. Последнее изданіе его сочиненій вышло въ 1860 г., въ 2 т. in 8о; теперь его нѣтъ вовсе въ продажѣ. Подолинскій скончался въ 1836 г.

⁴⁾ Петровъ, Александръ Григ., канд. харьк. унив., перемѣщенъ (1844 г.) изъ директоромъ первой кievской гимназїи директоромъ лицея и помощн. попечителя, и оставался до 1852 г. Скончался въ сент. 1887 г., въ чинѣ тайн. сов. и въ должн. члена сов. управл. по дѣламъ печати.

Всегда послушный Линовскому, г. Петровъ сдѣлалъ официальное представленіе объ утвержденіи рѣшительно никому неизвѣстнаго лица. Но князь Воронцовъ, имѣвшій свѣдѣнія о томъ, что дѣлается серьезнаго въ его краѣ и зная представляемаго Варунова по неисправной очисткѣ Сулинскаго гирла, въ проѣздъ изъ С.-Петербурга чрезъ Елисаветградъ, встрѣтивъ Соколова, предложилъ ему свое содѣйствіе. По совѣту министра Уварова г. Петрову было предложено принять просьбу Соколова, какъ университетскаго кандидата и человѣка, извѣстнаго литературными трудами въ одесскихъ періодическихъ изданіяхъ. Такимъ случаемъ Соколовъ ¹⁾ сдѣлался моимъ сослуживцемъ. Даръ въ словѣ и письмѣ, основательное знаніе русской литературы, живой, благородный, великодушный характеръ, съ необыкновенною при тучности тѣла подвижностію, вотъ какія качества имѣлъ инспекторъ, руководитель коношества. Жена его наслѣдовала умъ и доброту брата. Здѣсь я нашелъ пріютъ въ моемъ одиночествѣ; здѣсь составила оппозиція разрастающемуся безнаказанно лихоимству. Утра посвящая на лекціи и на устройство городской бібліотеки, которая мнѣ очень полюбилась, я проводилъ вечера въ многочисленномъ кругу родственниковъ и сосѣдей Соколова.

По заведенному обычаю, князь Воронцовъ, послѣ Святой недѣли, выѣзжалъ изъ Одессы въ Алунку, гдѣ (кромя выѣзда по губерніямъ) проживалъ до первыхъ чиселъ декабря. Въ этотъ годъ онъ, противу обычая, долго жилъ въ Алушѣ. Производство въ полковники его адъютанта, князя Алекс. Ив. Ггарина, возбудило говоръ, что князю предоставляется право отдѣльнаго командира войскъ. Засимъ скорый пріѣздъ его въ Одессу разъяснилъ дѣло: князь Михаилъ Семеновичъ собственноручнымъ (никому неизвѣстнымъ) письмомъ императора приглашался намѣстникомъ и главнокомандующимъ на Кавказъ. Трудно вообразить какую суматоху произвело это назначеніе въ кругу служащихъ; всѣ захотѣли служить при намѣстникѣ: бѣдному,

¹⁾ Соколовъ, Григ. Ив. (1845—1850); канд. моск. унив., инспекторъ лицей. Труды его: 1) по редакціи Зап. импер. общ. сельск. хоз. южв. Россіи съ 1847 по 57 г.; 2) Курсъ шелководства Дежмета, съ франц; 3) помѣщалъ статьи въ Записк. общ. истор. и древн. и др. періодическихъ изданіяхъ.

утомленному старику не давали ни отдыха, ни прохода военные и гражданскіе чины. На подобную просьбу П. В. Скаржинскаго ¹⁾, князь отвѣчалъ, что его просьба объ адъютантствѣ есть двухсотая. Со всѣхъ мѣстъ съѣхались губернаторы, градоначальники „въ чаяніи движенія воды“. Съ 6 часовъ утра и до 6 вечера князь былъ заваленъ докладами, просьбами, записками. Чудный характеръ этого боярина! Ни разу не показавъ знака утомленія или неохоты выслушать кого либо. Каждое утро, по его призыву, являлся я въ его кабинетъ, гдѣ былъ невольнымъ зрителемъ и слушателемъ всего тамъ происходившаго. Урывая минуты, князь поручалъ мнѣ, какъ своему приближенному, отборъ нужныхъ ему книгъ и нѣкоторыхъ рукописей. Назначивъ около 368 томовъ книгъ изъ дублетовъ для городской публичной библіотеки, онъ рѣшалъ, пересматривая мои отмѣтки: полезны или не нужны онѣ библіотекѣ. Лесажева Жильблаза, не смотря на мое настояніе, таки не далъ, но отложилъ для себя. Каждый день обѣдая у него, я видѣлъ его величавое внѣшнее и внутреннее спокойствіе.

Въ январѣ 1845 г. князь поѣхалъ въ С.-Петербургъ, и вскорѣ, затѣмъ, въ Одессѣ услышали о паденіи могучаго фактума военнаго министра Позена. Чиновный еврей задумалъ урѣзать права намѣстничьи, предварительно принятыя и одобренныя императоромъ. Въ февралѣ возвратился изъ С.-Петербурга князь утомленный; приемы, укладка бумагъ, книгъ, картъ, обѣды многочисленные, докучливыя просьбы, какъ говорится, не давали свободно вздохнуть безмолвному труженику. Тѣ же ежедневныя порученія были мнѣ и въ этотъ разъ, по утрамъ, а вечеромъ обѣда.

7 марта 1845 г. назначено было для отъѣзда князя на Кавказъ.

Чудесная, весенняя, ясная, тихая погода на морѣ, почти весь городъ, высыпавшій на приморскій бульваръ и на пристань пароходную, представляли картину великолѣпную. Толпы простаго народа, отъ искренняго сердца, провожая князя, высказывали ему пожеланія всякихъ благъ. Мѣховая кавказская шапка, надви-

¹⁾ Полковникъ лейбъ-гусарскаго полка, сынъ Виктора Петровича Скаржинскаго, богатаго помѣщика Херсонской губерніи, пославшаго въ 1812 г. экипированный и вооруженный кавалерійскій эскадронъ.

нутая на глаза, отчасти прикрывала слезы добраго боярина, за всѣхъ болѣющаго. Такое всеобщее народное заявленіе начальнику края, удаляющемуся, можетъ быть, навсегда, есть вѣнокъ гражданскій (согопа civilis),—въ наше время, награда, выходящая изъ уровня всѣхъ существующихъ знавовъ отличій!

Съ прїѣздомъ князя въ Тифлисъ, его порученія, вопросы, справки не прекращались; самъ или чрезъ Сафонова (директора канцеляріи) онъ удостоивалъ меня письмами. Пользуясь правомъ, даннымъ мнѣ княземъ Воронцовымъ, я исподоволь пересматривалъ его большую библіотеку: все свѣжее о краѣ Новороссійскомъ непременно получалось. Такимъ путемъ запасъ мѣстныхъ свѣдѣній моихъ увеличивался. И къ неожиданной моей радости благопріятный случай доставилъ мнѣ возможность подѣлиться ими съ однимъ высокимъ слушателемъ, удостоившимъ меня своимъ вниманіемъ.... Въ концѣ мая я собрался поѣхать на Кавказъ, куда давно приглашалъ меня мой пріятель А. А. Борзенко (служившій при князѣ въ Тифлисѣ). По обязанности городского библіотекаря я сказалъ о томъ одесскому военному губернатору Ахлестышеву. Этотъ передалъ мою просьбу исправляющему должность генераль-губернатора, который, призвавъ меня къ себѣ, сказалъ, что не можетъ отпустить, имѣя въ виду скорое посѣщеніе Одессы Его Императорскимъ Высочествомъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

Завѣдывая публичною библіотекою и музеемъ древностей, я не имѣлъ права возражать. 2-го іюня 1845 г. великій князь, обозрѣвая городъ, посѣтилъ и музей Общества.

Вниманіе 17-ти-лѣтняго отлично образованнаго юноши было обращено на всѣ предметы. Въ разспросахъ и разговорахъ, длившихся ровно три часа, великій князь выказалъ знанія, далеко превышающія его возрастъ. Вѣроятно и онъ былъ мною доволенъ; вечеромъ я былъ приглашенъ къ нему на чай. Великій князь и его сопровождающіе: воспитатель вице-адмиралъ Ѡ. П. Литке, его помощникъ капитанъ 1-го ранга Ѡ. С. Лутковскій, докторъ И. С. Гауровицъ, прежній учитель А. Ѡ. Гриммъ и сверстники великаго князя, мичмана: Н. А. баронъ Крюднеръ и С. А. баронъ Фридериксъ, всѣ помѣстились въ домъ князя Воронцова. Послѣ чая Литке, попросивъ меня къ себѣ, пустился въ разспросы: какъ удобнѣе осмотрѣть южный край Россіи, если можно, во

всѣхъ отношеніяхъ? Сообщивъ то, что мнѣ было извѣстно, я готовъ былъ уходить, какъ Литке сказалъ, что его высочеству было бы полезно мое сопутствіе и потому спрашиваетъ: могутъ ли я на это согласиться? „Послѣ завтра мы плывемъ въ Константинополь, оттолъ въ Смирну и обратно оттуда въ Крымъ“. Всеохотно, отвѣчалъ я, готовъ служить его высочеству, но по порядку службы безъ высочайшаго разрѣшенія я не могу отправиться за границу.

Телеграфовъ тогда не было, но существовали курьерскія перекладныя, летавшія иногда на 5-е сутки въ Петербургъ. „Итакъ, до свиданья въ Одессѣ, куда мы еще заѣдемъ“, сказалъ Литке, отпуская меня. 23-го іюня вечеромъ пароходъ явился на одесскій рейдъ, а я, рассчитывая на Крымъ, не изготовилъ себѣ необходимаго для дороги платья. На утро являюсь въ пароходу, находившемуся въ карантинной обсерваціи, вступаю въ переговоры и узнаю, что великій князь нѣсколько дней предполагаетъ заняться морскими эволюціями въ открытомъ морѣ. Нечего дѣлать, съ узелкомъ перебираюсь на пароходъ „Молодецъ“. Странствуемъ по морю туда и сюда, подходимъ къ новороссійской, неумѣстно расхваленной бухтѣ, гдѣ великій князь выходилъ на берегъ и съ отрядомъ войска дошелъ до мѣста, нынѣ именуемаго Константиновскимъ укрѣпленіемъ. Отсюда повернули опять въ море и уже 12 августа подошли къ Теодосіи. Высадили меня для отдыха, а И. К. Айвазовскаго ¹⁾ на мѣсто его жительства. Вечеромъ, при сильномъ волненіи съ моря я снова поплылъ на пароходъ и тутъ уже вступилъ въ менторство. Кромѣ указанія всякихъ достопримѣчательностей въ томъ мѣстѣ, куда мы приставали или выѣзжали, я заблаговременно заготовилъ, еще въ Одессѣ, краткія, но точныя положительныя свѣдѣнія о томъ, что я признавалъ нужнымъ или полезнымъ показывать. Право это мнѣ было предоставлено съ перваго вечера, у Теодосіи, и поэтому Лутковскій и вся молодежь прозвали меня оберъ-квартирмейстеромъ. Замѣтки мои я подавалъ великому князю за утреннимъ чаемъ. Вставали въ 6 часовъ, въ 8 пили чай, въ 2 обѣдали, въ 8 вечерній чай, безъ ужина, и въ 11 час. ложились спать.

¹⁾ И. К. Айвазовскій—извѣстный маринистъ и профессоръ живописи.
Кн. В. Д.

Приготовленный къ мѣстности, великій князь съ пользою для себя осматривалъ показываемое и удачно вступалъ въ разговоры съ мѣстными жителями. Молодежь, опасавшаяся во мнѣ увидѣть педанта, подобно нелюбимому ею нѣмцу Гримму, разувѣрилась и скоро привязалась ко мнѣ со всею полнотою частой души. Напряженный умственно, я отдыхалъ въ кружкѣ умныхъ и добросердечныхъ юношей. Опытный морякъ Лутковскій, совершившій двукратное плаваніе вокругъ всего свѣта, полюбилъ меня такъ, что я сдѣлался его постояннымъ спутникомъ и совквартирантомъ. Учености въ Гриммѣ я не нашелъ. Это былъ обыкновенный старшій учитель гимназіи, знавшій въ подробности средневѣковую исторію Германіи, но прекрасный музыкантъ на фортепіано. Врагдливый характеръ умѣлъ выгодно его поставить между великимъ княземъ и Литве, суровымъ, сухимъ, положительнымъ морякомъ. Выше всѣхъ по образованію былъ докторъ П. С. Гауровицъ, выдававшій себя за датчанина.

Вотъ мѣста, посѣщенныя его высочествомъ: Феодосія, Керчь, Таганрогъ, Ростовъ, Новочеркасскъ, Грушевскія каменноугольныя копи, опять Таганрогъ, Мариуполь, Бердянскъ, ногайскія, мезонитскія колоніи на р. Молочной, хозяйственный хуторъ Корниса, Перекопскія солянныя озера, Симферополь, Алушта, Чатырь-дагъ, Никитскій садъ, Массандра, Ялта, Алуэва, Мелась, Байдарская долина, Балаклава, Георгіевскій монастырь, Севастополь, Чоргунскій бассейнъ, Инкерманъ, Херсонесъ, Бахчисарай, Каралезъ, Мангулъ-Кале, Черкесъ-Кермень, опять Севастополь и Николаевъ.

Не обошлось безъ нѣкоторыхъ случаевъ, болѣе или менѣе смѣшныхъ или странныхъ, бывшихъ во время путешествія великаго князя. Въ Керчи, при осмотрѣ грязныхъ сопокъ, когда великій князь очень близко подошелъ къ жерлу, то градоначальникъ князь Херхеулидзевъ, отводя его, сказалъ: „берегитесь, в. в—во, здѣсь часто проваливаются....“ Въ Таганрогѣ полиціймейстеръ отозвался незнаніемъ названныхъ ему мѣстностей города; на вопросъ: давно ли здѣсь? „Только четыре мѣсяца“. Въ Новочеркасскѣ гостепріимные донцы и ихъ почтенный, изрубленный въ бояхъ, атаманъ Власовъ съ его начальникомъ штаба Хомутовымъ такъ угостили мичмановъ, что одинъ изъ нихъ (Крюднеръ) долженъ былъ выдти изъ-за стола. Досталось же бѣднягу отъ

непотачливаго Литве. Въ менонитскихъ колоніяхъ нѣмецкое чувство Литве до того разнѣжилось, что онъ почти воспѣлъ хвалебный гимнъ нѣмцамъ и произнесъ хулу бѣднымъ крестьянамъ русскимъ. Я возразилъ, что неудивительно благосостояніе колонистовъ, которымъ правительство дозволило выбрать лучшую землю, дало денежное пособіе; освободило навсегда отъ постоя, рекрутства, земской полиціи и многихъ другихъ раззорительныхъ мѣръ, которыми завалены, такъ сказать, по уши, какъ казенные, такъ и помѣщичьи крестьяне. За то же нѣмцы, напр., хозяинъ нашъ Корнисъ, вѣроятно, въ благодарность, не хотятъ изучать русскаго языка, почти изгнаннаго изъ шволъ, и стараются составить *status in statu*. Великій князь Константинъ Николаевичъ согласился со мною. На соляномъ „Красномъ озерѣ“ ни управляющій словонаходчивый Озерецковскій, ни его ловіе чиновники не могли сказать положительное количество соли въ „кабанахъ“. Въ Симферополѣ губернаторъ Пестель не зналъ дороги въ гимназіи и гдѣ живетъ таврическій муфтій. Въ Нивитскомъ саду, изобильномъ разными сортами розъ и винограда, пьяный директоръ Гартвигъ выслалъ, вмѣсто себя, садовника, который съ пользою для любопытствующихъ указалъ роскошь мѣстной природы. Въ Алупкѣ вѣчно пьяненькій главноуправляющій полъ. Ягницкій въ пространномъ дворцѣ сверно и тѣсно насъ размѣстилъ, за то щедро предлагалъ молодежи „запрещенный имъ напитокъ“. Въ Балаклавѣ на ночлегъ насъ почти замучили мѣстныя злыя блохи. Въ Чоргунскомъ бассейнѣ подивились всѣ той ничтожной преградѣ (каменной стѣнкѣ), которая, по мнѣнію инженера Уптона, должна была задерживать страшнѣйшую массу воды, дающей питаніе севастопольскимъ докамъ. Кажется, что Уптонъ былъ болѣе способный винодѣль, чѣмъ гидро-техникъ. Въ Каралезѣ, знаменитомъ живописностью природы, полупьяный земскій исправникъ, Максимовичъ, сбившись съ дороги, довелъ всѣхъ насъ до изнуренія. Показавъ недостатки лицъ мѣстнаго управленія, я долженъ теперь сказать нѣсколько словъ въ похвалу мѣстной природѣ.

Плодородныя степи, прилегающія въ сѣверо-восточной части черноморскаго бассейна, украшенныя разнаго рода хлѣбами, снабжающими разноплеменные рынки Ростова, Таганрога и Симферополя; унылыя аулы ногайскихъ татаръ и, въ противополож-

ность имъ, веселыя менонитскія колоніи, обрамленныя густою растительностью; бесплодныя и безводныя Перекопскія степи, а за ними, къ югу, постепенный переходъ холмовъ къ высокому каменистому хребту Яйлы и Чатыръ-дага; сталактитовыя пещеры и цѣлыя пещерныя города, когда-то первобытныя жилища первобытныхъ жителей Тавриды; живописныя долины и чудесный южный берегъ, яркимъ вѣнкомъ тропической зелени выдѣляющійся изъ морской синевы,—берегъ, не уступающій въ изяществѣ сицилійской и итальянской природѣ; изумрудныя виноградники всѣхъ сортовъ лозъ южной Европы; масличныя, кипарисовыя деревья и горныя сосны (piniae), окружающія древніе храмы, остатки незапамятныхъ временъ; наконецъ, самые жители края: монголы, татары горные и степные, караимы, греки, армяне, малороссіяне, великороссіяне, нѣмцы, цыгане,—все это останавливало вниманіе путешественниковъ!... Все это заставляло пристальнѣе всматриваться въ представляющіяся картины... И благо тому, кому Провидѣніе ввѣрить этотъ чудный край: имѣя власть, можно много сдѣлать для пользы и славы нашего отечества!...

Долѣе всего было пребываніе наше въ Севастополѣ. Здѣсь тогда былъ собранъ черноморскій флотъ въ полномъ составѣ. Великій князь ежедневно его осматривалъ. Особенно отличился выправкой корабль „12 апостоловъ“, командиръ Корниловъ.

Точность и быстрота въ выполненіи маневровъ, какъ я узналъ, не дешево стоила бѣднымъ матросамъ. Ученики свирѣпой Лазаревской школы: Путятинъ (графъ и бывшій мимолеетный министръ просвѣщенія), Нахимовъ, Корниловъ, братья Истомины не щадили ни рукъ, ни ногъ, ни даже головъ несчастныхъ подчиненныхъ и все для того, чтобы „дѣлалось живо“!—Въ Севастополь, въ это время, возвратился изъ-подъ Даргинскаго похода принцъ Александръ Гессенскій, братъ императрицы нашей. Онъ подробно разсказалъ о той бойнѣ, которая была въ окрестностяхъ Дарго. Не легко ему достался георгиевскій крестъ. Въ соупутствіи принца великій князь сдѣлалъ поѣздку въ Бахчисарай, Каралезъ и обратно. На пути принцъ разсказалъ о перемѣнѣ въ обмундировкѣ, дѣлаемой княземъ Воронцовымъ на Кавказѣ, именно, о замѣнѣ мундировъ полукафтанами съ поясами, киверовъ—мѣховыми шапками и ременныхъ перевязей—легкими сумками, а воротенькихъ полусапожковъ—длинными по колѣно сапогами и, наконецъ, полушубками.

29 августа (1845 г.), за большимъ обѣдомъ, къ которому были приглашены морскія власти, было выпито по бокалу за новоутвержденное „Русское Географическое Общество“ въ С.-Петербургѣ, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ великій князь. Его высочество, чокаясь со мною бокаломъ, сказалъ: „вы нашъ? надѣюсь, что не откажетесь содѣйствовать намъ“....

Такимъ образомъ неожиданно я былъ первоизбранникомъ новорожденнаго Общества.

Наканунѣ отплытія нашего изъ Севастополя въ Николаевъ, Лутковскій и мичмана уговорили меня сдѣлать имъ легонкій завтракъ. Когда пришло время и пришла „прожорливая младость“, явился адъютантъ принца и, наконецъ, и принцъ, затѣмъ великій князь и, о ужасъ! самъ Литке. Но дѣло обошлось. Порученіе мое кончилось и мнѣ неудобно было дѣлать наставленія. Выпили по бокалу шипучаго крымскаго вина и, при пожеланіи всякихъ успѣховъ Крыму, отправились на пароходъ „Сѣверную звѣзду“. Погода, повидимому, обѣщала быть тихою, хотя въ теченіи трехъ дней сильно бушевала. Эта тишь обманула опытныхъ моряковъ. Въ открытомъ морѣ зыбъ насъ охватила гораздо хуже той, которая насъ нещадно качала отъ Θεодосіи до Керчи. Кромѣ Литке, принца, Лутковскаго,—всѣхъ увачало, я кое какъ вѣрпился. Ночь была еще хуже, а пароходъ былъ старый и не вѣрпный. Къ полудню другаго дня насилу добрались до Днѣпровскаго лимана. У берега Парутинскаго выходили взглянуть на безчисленные Ольвійскіе курганы; я указалъ на мѣсто переправы шведскихъ войскъ Карла XII отъ косы русской и до косы волошской, и часу въ 5-мъ мы прибыли въ Николаевъ, встрѣченные княземъ Меншиковымъ и адмираломъ Лазаревымъ. Въ ожиданіи скорого приѣзда императора со свитою, насъ размѣстили на „тѣсныхъ квартирахъ“.

Въ ночь на 9 сентября, дня рожденія великаго князя, государь императоръ уже былъ въ Николаевѣ.

Утромъ его высочество удостоилъ меня представленіемъ государю самымъ любезнымъ предвареніемъ,—„Спасибо!“, и приглашеніе къ чаю было отвѣтомъ на мой почтительный поклонъ. Меня смущало не то многочисленное общество, въ которомъ я имѣлъ честь находиться;—тутъ были: государь наследникъ, великій князь, принцъ Гессенскій, графъ Орловъ, графъ Адлербергъ,

князь Меншиковъ и др. сильные сего міра; но меня смущали мои бѣлые панталоны, вымытые въ разсвѣту и просыхавшіе на ногахъ. Послѣ чая я пошелъ откланяться его высочеству предъ отъѣздомъ въ Одессу. Онъ хотѣлъ, чтобы я снова съ нимъ вернулся въ Севастополь. Но мои представленія, что мнѣ пора явиться къ своей должности, поддержанныя Ѳ. П. Литке, были уважены. Меня отпустили и предложили отправиться на нарочномъ пароходѣ въ Одессу, но я отклонилъ это тѣмъ, что пароходъ нуженъе для другихъ. Послѣ дружескаго взаимнаго объятія, великій князь, отпуская, сказалъ, чтобы я не забывалъ своего стараго знакомаго, и на память о себѣ вручилъ перстень съ своимъ вензелемъ. На вопросъ Литке: не имѣю ли чего желать? я отвѣчалъ: „прошу удержать меня въ вашей благосклонной памяти“. Такая дешевая просьба хоть кому понравится.

Что сказать о личности Его Императорскаго Высочества великаго князя? Онъ умственно развитъ выше своихъ лѣтъ, строго логиченъ, въ занятіяхъ усидчивъ, пылокъ, нетерпѣливъ, сухъ въ обращеніи, но добръ и не злопамятенъ. Такъ я сузу по тѣмъ частымъ спорамъ, которые съ нимъ имѣлъ горячій Крюднеръ. Замѣчаемая въ немъ нѣкоторая угрюмость можетъ быть объяснена характеромъ воспитателя, человѣка сухого, упустившаго изъ виду наставленіе мудраго Соломона: „сыне, дай мнѣ сердце твое!“—Его сверстники, не исключая и Ѳ. С. Лутковскаго, были слабо и вообще односторонне подготовлены ¹⁾).

Николай Никиф. Мурзакевичъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

¹⁾ Въ томъ же, 1845 году, 23 іюля, знаменитый поэтъ германскій Фридрихъ Боденштедтъ имѣлъ счастье быть представленнымъ великому князю генералъ-адмиралу въ Константинополь и провести въ его обществѣ цѣлый вечеръ. Напомнимъ отзывъ этого профессора и славнаго литератора: „Я былъ пріятно пораженъ, встрѣтивъ въ молодомъ человѣкѣ обширное и отличное образованіе, много веселости и добродушнаго юмора. Великій князь, между прочимъ, превосходно владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками“. („Русская Старина“ изд. 1897 г., томъ LIV, май, стр. 440).

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ

въ Уральскихъ горахъ въ июль 1837 г.

[Письмо майора П. Е. Ахматова полковнику Касперову, въ г. Уфу].

11-го іюля 1837 г. Златоустъ.

М. г. Константинъ Николаевичъ! Исполняю желаніе ваше и съ тѣмъ вмѣстѣ собственное свое, чтобы подѣлиться со всѣми воспомина-ніемъ о тѣхъ мгновеніяхъ, которыя такъ быстро пронеслись въ бытность здѣсь государя наследника.

Его высочество изволилъ прибыть въ Міасскій заводъ 7-го іюля въ 6 часовъ вечера. Осмотрѣвши заводъ, гдѣ въ особенности обратила на себя вниманіе цесаревича плавка золотыхъ песковъ въ мѣди-плавильныхъ печахъ, по новому способу горнаго начальника Златоустовскихъ заводовъ полковника Аносова, его высочество изволилъ при этомъ назвать его алхимикомъ, сказавъ:

— Вы, полковникъ, алхимикъ; вы изъ ничего дѣлаете золото.

Въ этомъ заводѣ хотя по маршруту и назначенъ былъ ночлеги, но какъ объяснили, что обзоръ золотыхъ промысловъ удобнѣе сдѣлать въ обратный путь изъ Златоуста, чрезъ что сбережется цѣлый день во времени, то его высочество и изволилъ отправиться въ Златоустъ, куда и прибылъ въ 10 часовъ вечера. Спускаясь съ Урала, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ лошади разбили, безъ малѣйшаго, впрочемъ, вреда, одного изъ фельдъегерей, и потому нѣсколько верстъ изволилъ идти вѣшкомъ, милостиво разговаривая съ сопровождавшимъ его нашимъ горнымъ исправникомъ и любясь по всей дорогѣ съ горы иллюминаціею, которою горѣлъ въ то время Златоустъ. Въ самомъ дѣлѣ, огненная гирлянда около заводскаго пруда, въ великолѣпныхъ рамахъ нашихъ горъ—была чудесна!

Въ Ветлугѣ, при самомъ вѣздѣ въ селеніе, его высочество встрѣченъ

былъ полиціймейстеромъ: тутъ-же собравшіеся иностранные мастера кричали ему вивать и потомъ русское «ура!» непрерывно сопровождало его до дворца. По выходѣ изъ коляски, его высочество милостиво всѣхъ привѣтствовало, обратился къ почетному караулу, принялъ рапортъ отъ генерала Шрама, сказавъ ему, что по послѣднему приказу онъ переводится командиромъ въ 23 бригаду; потомъ принялъ рапортъ отъ горнаго начальника и вошелъ во дворецъ. Тутъ же помѣстились генераль-адъютантъ Кавелинъ, полковники: Юрьевичъ и В. И. Назимовъ и молодые офицеры А. В. Адлербергъ и Паткуль, а генералы В. А. Жуковскій и К. И. Арсеньевъ заняли особыя квартиры.

Можно сказать, что съ перваго же мгновенія его высочество обворожилъ всѣхъ: невыразимая доброта души на прелестномъ лицѣ его, ангельская улыбка, высокій ростъ и плѣнительная фигура — однимъ словомъ, все невольно заставляетъ обожать его.

На другой день, вставши довольно рано, его высочество до 11-ти часовъ занимался дѣлами; потомъ было представленіе чиновниковъ и осмотръ заводскаго и оружейнаго производствъ. При этомъ же его высочество изволилъ быть въ домѣ одного изъ иностранныхъ мастеровъ, чтобы посмотреть на домашній бытъ ихъ; былъ въ церкви, въ госпиталѣ и, наконецъ, въ арсеналѣ. Вообще его высочество былъ весьма веселъ, шутилъ и всѣмъ остался доволенъ, въ особенности же въ арсеналѣ. Тутъ поднесено было нѣсколько штукъ разнаго булатнаго оружія и его высочество оставилъ для себя нѣсколько, остальное раздѣлилъ всей свитѣ, а двѣ великолѣпныя стальные вазы изволилъ назначить для императрицы. Послѣ обѣда его высочество изволилъ быть въ саду, гдѣ производилась проба кирасамъ, стрѣльбою изъ солдатскихъ ружей; потомъ отправился на Уреньгу, одну изъ высокихъ горъ, окружающихъ Златоустъ.

Взойдя на нее довольно скоро, онъ любовался прелестнымъ видомъ горы Таганая и окрестныхъ мѣстъ и былъ чрезвычайно веселъ и милостивъ. На самой вершинѣ его привѣтствовало громкое ура слѣдовавшаго за нимъ повсюду во множествѣ народа; спускаясь же съ горы почти бѣгомъ, онъ вдругъ останавливался, а народъ, не могши такимъ же образомъ удержаться, падалъ и толкалъ другъ друга, отившись впереди его. Это въ самомъ дѣлѣ было забавно и его высочество отъ души смѣялся. Вечеромъ онъ занимался дѣлами; между тѣмъ горѣла иллюминація; толпы народа покрывали всю площадь, а подъ балкономъ играла музыка, составленная изъ здѣшнихъ иностранцевъ. Умилительно и отрадно было для сердца слышать въ толпахъ народа отзывы о цесаревичѣ. Одинъ мастеровой спрашиваетъ у другаго,

сколько разъ видѣлъ онъ наслѣдника? тотъ отвѣчаетъ, что видѣлъ хорошо только одинъ разъ; а я такъ видѣлъ пять разъ! говорить ему первый съ какимъ-то особеннымъ самодовольствомъ. Мастеровые Кусинскаго завода просили своего управителя, что бы имъ позволено было идти въ Златоустъ, видѣть цесаревича, и что за вторникъ—какъ рабочій день—они будутъ работать въ первый воскресный день. А для мастерового очень много значить проработать двѣ недѣли сряду безъ отдыха, особенно при огненныхъ работахъ.

Отъѣздъ его высочества назначенъ былъ въ 5 часовъ утра 9 числа. Толпы народа ожидали уже его и онъ, простившись со всѣми ласково, отправился въ коляскѣ. За Ветлугою ожидали его и свиту верховныя лошади, выставленныя казачьимъ кантоннымъ Лябзинимъ; тутъ же были и наши заводскія лошади для начальника и нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ, испросившихъ еще прежде позволеніе сопровождать его высочество до первой станціи.

Бывши въ Златоустѣ въ скюртукѣ Преображенскаго полка, тутъ его высочество изволилъ явиться въ казацкомъ кафтанѣ — и что это за прелесть! Нельзя было довольно насмотрѣться на него, какъ онъ рисовался на лошади и лихо скакалъ во весь карьеръ. Проѣзжая мимо сопки Урала, его высочеству вздумалось побывать на ней. Вздумано и сдѣлано! Онъ тотчасъ приказалъ одному изъ насъ слѣдовать впередъ и со всею свитою поворотилъ за вожатымъ въ лѣсъ, гдѣ нѣтъ ни дороги, ни тропинки. Пока было можно, версты четыре мы слѣдовали на лошадяхъ; но потомъ отъ непрерывно-увеличивающихся препятствій, отъ громадныхъ камней и крутизны, сошли съ лошадей и съ большимъ затрудненіемъ взбирались на самую вершину сопки. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе затрудненій и усталыхъ, такъ что изъ всей нашей кавалькады, которою его высочество нѣсколько разъ любовался, осталось немного.

Не смотря на убѣдительныя просьбы генералъ-адъютанта Кавелина, чтобы не подниматься далѣе, а удовольствоваться пройденнымъ пространствомъ и открывшимися уже прелестными видами, его высочество изволилъ отвѣчать, что онъ затѣмъ и рѣшился подниматься на гору, чтобы достигнуть высочайшаго пункта. Такимъ образомъ продолжая далѣе, первые очутились на самой вершинѣ Паткуль, Адлербергъ и одинъ изъ нашихъ горныхъ инженеровъ. Приблизившись къ ней съ великимъ княземъ, мы общими усиліями способствовали его высочеству перебраться чрезъ нѣсколько затруднительныхъ скалъ и, наконецъ, онъ на высотѣ, гдѣ по одну руку Европа, а по другую Азія, и мы всѣ прокричали ему ура.

Утро было чудесное. Его высочество радостенъ и веселъ, а мы,

горные, о! мы въ это время были на небесахъ! Отдохнувши нѣсколько, вдругъ его высочество говоритъ:

— Господа! споемте всё вмѣстѣ Боже царя храни и началъ первый.

Каждый изъ насъ, кто какъ умѣлъ, но съ душевнымъ благоговѣніемъ, вторилъ ему и потомъ опять громкое ура огласило въ этомъ мѣстѣ предѣлы двухъ частей свѣта. Картина истинно величественная и потрясающая душу! Сынъ могущественнѣйшаго изъ владыкъ земныхъ, на удивенной скалѣ одной изъ высочайшихъ горъ Рифея, съ нѣсколькими изъ вѣрноподанныхъ державнаго отца его, испрашиваетъ ему благословеніе Царя царей! Слезы умиленія и благоговѣнія сопровождали мольбы наши.

Послѣ этого мы стали спускаться съ горы, избравъ для сего противный склонъ ея, и по нѣсколькимъ отдыхамъ, наконецъ, достигли почвы. Тутъ ожидали его высочество генераль-адъютантъ Кавелинъ и нѣкоторые изъ свиты, не поднимавшіеся на вершину, и всё вмѣстѣ выѣхали на большую дорогу.

Послѣ столькихъ трудовъ, кажется, можно бы было нѣсколько пожелать покою и сѣсть въ приготовленные качалки; но его высочество не согласился на это и остальные 10 верстъ до станціи онъ быстро проскакалъ на лихомъ конѣ. Мы, горные, были сердечно рады этому, потому что еще нѣсколько мгновеній могли наслаждаться лицезрѣніемъ его.

Въ Сыростанѣ его высочество подчивалъ насъ чаемъ и шампанскимъ, по случаю дня рожденія генераль-адъютанта Кавелина, и потомъ милостиво и ласково со всѣми нами простился. Коляска его помчалась и мы какъ бы вдругъ всего лишились! Глаза и сердца наши слѣдовали еще за экипажемъ, но скоро подымавшая пыль лишила насъ и этого. О, какъ грустно намъ стало! Зачѣмъ не дернули мы испросить еще позволенія сопровождать его высочество хотя до перваго золотого рудника? Развѣ не были мы свидѣтелями милостиваго его вниманія къ намъ?

Поворотивъ отъ Сыростана вправо, его высочество въ сопровожденіи управляющаго должность главнаго начальника, горнаго начальника и управляющаго золотыми промыслами, обозрѣвъ важнѣйшіе золотые рудники; былъ повсюду доволенъ и, къ вечеру выѣхавъ на большую дорогу, простился съ горнымъ начальникомъ, поцѣловалъ его и отправился далѣе по тракту въ Верхнеуральскъ.

Пребываніе здѣсь государя наследника останется навсегда памятнымъ для Златоуста; но 9 число іюня будетъ счастливѣйшимъ днемъ нашей жизни. Тутъ не было ни этикету, ни церемоній, но за то какъ

пламенно горѣли къ нему сердца наши и чувства благоговѣнія къ нему были столь-же чисты—какъ чистъ нагорный воздухъ, конемъ дышали мы съ нимъ на вершинахъ Урала! Скала, на которой сидѣлъ его высочество, получить, по мѣрѣ возможности, болѣе правильный видъ и на ней высѣкутся вензель его, также годъ, мѣсяцъ и число пребыванія его тамъ и облегчится нѣсколько доступъ къ ней. Вмѣстѣ съ этимъ предположено, чтобы ежегодно, въ 9-е число іюня, подниматься на вершину скалы и праздновать воспоминаніе о немъ троекратнымъ ура и гимномъ: Боже царя храни!

Его высочество въ бытность въ Златоустѣ изволилъ пожаловать въ пользу бѣдныхъ 500 руб., столько-же мастеровымъ, 500 руб. работавшимъ поднесенное ему оружіе, 550 рублей мѣскимъ мастеровымъ, 200 рублей иностранцу, у коего былъ въ домѣ, 100 рублей кирасному мастеру и сверхъ того щедро награждена прислуга при дворцѣ, какъ въ Златоустѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ.

Вотъ все, почтеннѣйшій Константинъ Николаевичъ, что я по скорости успѣлъ собрать и записать о пребываніи въ Златоустѣ государя наследника, этого ангела благодатнаго! Описаніе это оцѣните усердіемъ моимъ къ скорому выполненію вашего желанія, и не забудьте, что при этомъ я не могъ соблюсти красивыхъ оборотовъ слога, а писалъ, какъ диктовало мнѣ сердце.

Ахматовъ.

Сообщ. Н. П. Свѣчина,
рожденная Ахматова.

РУССКАЯ АМЕРИКА

1862—1863.

I.

Стахинская экспедиція.

Въ одинъ изъ апрѣльскихъ воскресныхъ дней 1862 г. я стоялъ у обѣдни въ соборной церкви города Ново-Архангельска, главнаго центра бывшихъ русскихъ колоній на сѣвoroзападномъ берегу Сѣверной Америки и уступленныхъ, въ маѣ 1867 г., правительству Соединенныхъ Штатовъ за 7¼ милліоновъ долларовъ. Настоящее названіе этой мѣстности Аляска-Территорія. Видъ Ново-архангельскаго порта прилагается при этой книгѣ.

Въ срединѣ обѣдни я былъ приглашенъ тогдашнимъ главнымъ правителемъ колоній, капитаномъ 1-го ранга Иваномъ Васильевичемъ Фуругельмомъ, нынѣ адмиралъ, для какихъ-то переговоровъ. При входѣ моемъ въ кабинетъ главнаго правителя или губернатора, какъ тогда называли, И. В. сказалъ мнѣ: „вотъ въ американской газетѣ Echo du Pacifique пишутъ, что въ рѣкѣ Стахинѣ найдено золото въ большомъ количествѣ, такъ что каждый золотоискатель добываетъ чуть не 20 долларовъ въ день; я хочу предложить вамъ отправиться туда, во первыхъ, потому, что нельзя же намъ не знать, что дѣлается въ селеніи Стахинѣ, принадлежащемъ Россіи, селеніи, чрезъ которое слѣдуютъ всѣ золотоискатели, и во вторыхъ, потому, что если вы увидите, что дѣйствительно золото есть, то не замедлите приступить къ его добычѣ“.

Надо было вообразить мою радость, что представился случай отправиться въ путешествіе, и къ тому же я считалъ за большую честь, что выборъ палъ на меня, и, конечно, выразилъ свою полную готовность отправиться туда, куда начальство прикажетъ ¹⁾.

На основаніи моихъ переговоровъ съ главнымъ правителемъ, я немедленно приступилъ къ сформированію экспедиціи. Надо замѣтить, что предстояло дѣло не легкое, отчасти даже рискованное, приходилось проплыть на простой рыболовной байдарѣ (большой лодкѣ) слишкомъ 400 морскихъ миль, проливами, населенными дикарями индійскаго племени, калюжами или волошами, какъ ихъ называли.

Итакъ, выбравши хорошую байдару, оснастивъ ее какъ слѣдуетъ, надо было подумать какъ о составѣ экспедиціи, такъ и о провизіи, которую приходилось взять. Въ мое распоряженіе даны были 6 человекъ солдатъ одного изъ сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ, 4 человека рабочихъ и 1 толмачъ (переводчикъ). Провизія наша состояла изъ 1 пуда чая, 10 пудовъ сахару, 35 пуд. черныхъ и 5 пуд. бѣлыхъ сухарей и 10 ведеръ гамбургскаго рому. Другаго ничего не дано, въ предположеніи, что, раздобывши золото, можно будетъ купить на пріискахъ все, что угодно. Разсчитывая, что по прибытіи въ селеніе Стахинъ, въ таковой посудинѣ, какъ наша тяжелая байдара, невозможно будетъ подниматься въ рѣку Стахинъ къ мѣсту росыпей, взято было еще для покупки легкаго дикарскаго бата 20 шерстяныхъ одѣялъ, 10 кусковъ ситцу и 20 наветиковъ виновари-вермильону, краски, чѣмъ дикари красятъ себѣ лицо.

22-го мая 1862 года мною было получено слѣдующее предписаніе:

— „Получивъ подробныя свѣдѣнія объ открытіи золотыхъ росыпей по рѣкѣ Стахину и о стеченіи туда иностранцевъ-золотоискателей, — возлагаю на васъ нижеслѣдующее порученіе:

1) Принявъ отъ порта 10 человекъ служителей компаніи и шлюпку, отправьтесь съ ними колошенскими проливами къ устью р. Стахинъ, по при

¹⁾ Я былъ стипендіатомъ Главнаго правленія россійско-американской компаніи и, по окончаніи курса въ с.-петербургскомъ технологическомъ институтѣ въ 1860 году, немедленно былъ отправленъ туда кругомъ свѣта на службу. Родился же я въ Калифорніи, селеніи Россъ, въ заливѣ Бодега. Это селеніе до 1839 года также принадлежало Россіи. Мы тамъ сѣяли пшеницу, а американцы нашли громадныя залежи золота. Теперь тутъ, по близости, богатѣйшіе города Санъ-Франциско и Сакраменто. А.

бытіи куда передайте шлюнку колошенскому гоену ¹⁾ на сохраненіе и купите колошенскій батъ, на которомъ должны вы подняться вверхъ по рѣкѣ Стахнѣ къ тому мѣсту, гдѣ въ настоящее время находятся партіи золотоискателей.

2) По прибытіи къ мѣсту узнайте всѣ постановленія, которыя существуютъ и могутъ быть между промышленниками, и соблюдайте ихъ въ точности, избѣгая тѣмъ всякихъ столкновеній.

3) Выберите мѣсто поодаль отъ иностранцевъ и приступите немедленно къ промывкѣ золота, которую продолжайте какъ только возможно долѣе, имѣя въ виду, что вы должны возвратиться въ Ситху съ командой своими средствами, безъ всякой помощи отъ порта.

Во время слѣдованія вашего къ мѣсту назначенія выбирайте для ночлеговъ преимущественно отдѣльные острова, дабы тѣмъ оградить себя отъ нападеній дикарей врасплохъ; имѣйте постоянно часоваго, который долженъ быть поставленъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ палатки и по тому направленію, съ котораго можно ожидать нападенія.

Во время жительства на принскахъ имѣйте также часоваго, ибо, не говоря уже о дикаряхъ, партіи золотоискателей есть выжить всѣхъ націй, которые не упустятъ случая обокрасть васъ.

Какъ только представится возможность имѣть свѣжую провизію, продовольствуйте команду и главное заботьтесь о здоровьи ²⁾ вѣрнѣйшихъ вамъ людей, потому что отъ сего послѣдняго зависить успѣхъ экспедиціи вашей; съ этою цѣлію не позволяйте командѣ спать на голой землѣ и заставляйте ихъ просушивать платье послѣ ненастья.

Для поощренія къ работѣ назначенныхъ въ распоряженіе ваше людей, общайте имъ десятую часть изъ заработанныхъ ими принсковъ золота; вамъ же, какъ руководителю, я назначаю въ вашу пользу восьмую часть изъ всей работы.

По невозможности предвидѣть все, что можетъ встрѣтиться, я предоставляю вамъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію сообразно обстоятельствамъ, будучи увѣренъ, что нашелъ въ васъ человека благоразумнаго и смѣлаго—два качества, необходимыя въ начальникѣ, для успѣха въ подобныхъ экспедиціяхъ. Главный правитель колоній капитанъ 1 ранга Фуругельмъ. Секретарь Кошкинъ⁴.

Получивъ это предписаніе и вооружившись какъ самъ, такъ и команда винтовками и револьверами, мы послѣ прощаній и напутственнаго молебствія отправились, 4 іюня 1862 года, въ экспедицію.

Необходимо замѣтить, что всегда, когда по какимъ бы то ни было надобностямъ приходилось посѣщать колониальные проливы, администрація снаряжала пароходъ подъ командою флотскаго офицера при приличной обстановкѣ, состоящей изъ вонской

¹⁾ Одинъ изъ представителей аристократіи динихъ.

²⁾ Со мной была аптечка съ самыми необходимыми лекарствами. А.

команды и внушительныхъ орудій и конгревовыхъ ракетъ. Настоящая же экспедиція подъ моею командой впервые отправилась, справедливо говоря, при мизерной обстановкѣ, на авось, будь что будетъ.

Путь нашъ лежалъ проливами Малымъ и Большимъ Погибшими, Чатамъ, Кековскимъ, Дюка-Кларенсъ и Стахинскимъ. Во всѣхъ этихъ проливахъ рыщутъ дивари для рыбной ловли, сушки рыбы, посѣщенія другъ друга и проч. Понятно, что байдара наша на веслахъ, при путномъ вѣтрѣ, подъ парусами, подъ флагомъ Россійско-американской компаніи ¹⁾, производила на волошъ своего рода впечатлѣніе. Одни удивлялись, другіе боялись, третьи намѣревались ограбить, четвертые радовались появленію русскихъ совершенно запросто. До селенія Кеку я нигде не заѣзжалъ, останавливаясь ночевать, гдѣ Богъ велѣлъ.

Селеніе Кеку, въ которое мнѣ необходимо было завернуть для покупки бата, расположено на пересѣченіи проливовъ Чатама и Фридрихзунда. Съ этого мѣста начался рядъ безпокойныхъ ночей и равныхъ тревожныхъ сценъ. Въ ночь, предъ вступленіемъ на широкую водную площадь пролива Чатамъ, дивари начали давать намъ чувствовать, что мы въ дикой враждебной сторонѣ. Съ умысломъ или безъ умысла они начали приучать меня къ свисту пуль, пролетающихъ около нашего ночлега. Само собою разумѣется, что первая же здѣсь ночь проведена была безъ сна. На утро, перекрестившись на всѣ четыре стороны, мы начали переплывать проливъ, шириною до 12 миль. Спустя нѣкоторое время, снова начались выстрѣлы по нашей байдари,—тогда я приказалъ толмачу прокричать показавшимся вновь кековцамъ, что мы русскіе, развѣ они не видятъ флага. Дѣйствительно, эта мѣра произвела свое дѣйствіе. Гребля была остановлена, паруса убраны; къ намъ подъѣхало на двухъ батахъ человекъ до 30-ти кековцевъ. Поздоровавшись и попотчивавши ихъ ромомъ и сухарями, я спросилъ, что означаютъ ночные и настоящіе выстрѣлы. Они въ отвѣтъ извинились, заявивши, что они никакъ не думали, что мы русскіе, что они привыкли видѣть русскихъ, ѣдущихъ на пароходѣ, что приняли насъ за англичанъ или французовъ, которыхъ они ненавидятъ за ихъ жестокое обращеніе съ ними,

¹⁾ Русскій купеческій съ двуглавымъ орломъ на бѣлой полосѣ. А.

а потому они и стрѣляли. Оставшись довольны переговорами и разставаясь съ ними, мы направились въ самое селеніе. Снова недоразумѣніе. На берегу стоитъ малюсенькая крѣпостца. Это есть не что иное, какъ досчатый срубъ или большой ящикъ, въ которомъ понадѣланы дыры, изъ которыхъ торчали концы ружейныхъ стволовъ. Снова приказываю объявить толмачу, чтобы они не смѣли стрѣлять, не боялись бы насъ, потому что мы русскіе и плывемъ въ Стахинъ въ гости. Подойдя къ крѣпостцѣ и вышедши на берегъ, мы были встрѣчены всѣми живущими въ селеніи, которыхъ числомъ было не болѣе ста человѣкъ. На мой вопросъ, гдѣ же остальные жители, получилъ отвѣтъ, что всѣ уѣхали въ лѣтникъ, т. е. лѣтнее пребываніе въ мѣстѣ, богатомъ рыбою и удобнымъ для приготовленія юколы, т. е. сушеной рыбы. Угостивши главныхъ тоеновъ ромомъ, а тоенишъ чаемъ съ сухарями, направились далѣе въ сказанный лѣтникъ. Путь лежалъ кековскимъ проливомъ, по которому изъ европейцевъ никто не проходилъ, развѣ только мореплаватель Кузь. Проливъ этотъ настолько мелководенъ, что ежечасно приходилось выскакивать за бортъ, чтобы протаскивать свою байдару. Птицъ въ этомъ проливѣ видимо-невидимо. Если при вѣтеркѣ громадная стая поднималась къ перелету, то мы буквально были засыпаемы пухомъ. Птицы разныя: гуси, утки, гагары, куропатки, рябчики, вороны. Изъ Кековского пролива мы вступили въ проливъ Дюва-де-Кларенсъ, на пересѣченіи котораго съ Стахинскимъ проливомъ и находился лѣтникъ. Здѣсь мы остановились ночевать; утромъ я купилъ большой бачъ за товаръ, спеціально для того взятый, съ придачею одного ведра рому. Я сказалъ „ночевать“ въ смыслѣ дежурства ночью, спать же было нельзя и довольно рискованно, такъ какъ кековцевъ было нѣсколько сотъ человѣкъ. Остался же я здѣсь силою обстоятельствъ, не зная мѣстныхъ условій убыли воды. Оказалось, что вслѣдъ за нашимъ прибытіемъ вода начала убывать настолько скоро и сильно, что наша посудина осталась на верху какъ бы на краю пропасти. Убыль была слишкомъ 25 футъ. Купивши бачъ и взявши его на буйсирь, мы признали за лучшее перебраться на другую сторону пролива, для осмотра и исправленія покуши.

Всѣ эти дни шелъ проливной дождь, промочившій насъ до мозга костей.

Толмачъ Павелъ, принявшій православіе еще въ дѣтствѣ, говоритъ мнѣ: „я попробую пошаманить, авось будетъ ясно“. „Шаманъ, сколько угодно“, отвѣчаю ему. Онъ беретъ винтовку, убиваетъ на лету какую-то птицу, треплетъ ее, напѣвая что-то по дикарски. Въ это время вѣтеръ перемѣнился и быстро появившееся ясное солнышко согрѣло и высушило насъ. Надо замѣтить, штука эта мнѣ стоила не мало хлопотъ; въ моей экспедиционной семьѣ произошелъ религиозный диспутъ, который я едва прекратилъ, проклиная свое разрѣшеніе на шаманство.

Приспособивши купленный отъ кековцевъ бачъ и буксируя его, мы поплыли при прекрасной погодѣ и попутномъ вѣтрѣ Стахинскимъ проливомъ. На вторые сутки предъ нами открылся громадный заливъ, на берегу котораго расположено селеніе Стахинъ (бывшій русскій фортъ св. Діонисія); здѣсь жило самое богатое, сильное, многочисленное и воинственное изъ всѣхъ племенъ, населявшихъ архипелагъ. При видѣ насъ, тотчасъ было замѣтно на берегу особое движеніе. Надо прибавить, что племя это, благодаря частому посѣщенію его англичанами, было достаточно развито. Увидавъ на кормѣ моей байдары флагъ Россійско-американской компаніи, они нашли необходимымъ принять насъ какъ добрыхъ сосѣдей и гостей. Въ разстояніи версты уже начался салютъ, но не холостой, какъ принято у образованныхъ народовъ, а свинцовый. Дѣлать было нечего, приходилось отвѣчать и я приказалъ салютовать изъ 10-ти винтовокъ тоже пулями. Подѣхавши къ берегу, я отрапортовалъ, что мы за люди, зачѣмъ прибыли и что намѣрены дѣлать. Отобравъ отъ моей команды оружіе и перевязавъ его веревками изъ древесныхъ корней, стахинцы пригласили меня и команду пожаловать на обѣдъ къ ихъ главному анкау, т. е. военачальнику, по имени Шекшъ. Господинъ этотъ, представлявшійся на видъ столѣтнимъ старцемъ и и къ тому же слѣпцомъ, одѣтъ былъ въ миткалевья рубаху и кальсоны, имѣя поверхъ нарядку, состоявшую изъ синяго шерстянаго одѣяла, окаймленнаго краснымъ сукномъ. Не могу забыть его характерной бороды изъ трехъ длинныхъ волосковъ. Теперь, когда читаешь или слышишь о трехъ бисмарковскихъ волоскахъ на головѣ, я всегда вспоминаю почтеннаго Шекша. Хотя общаго тутъ ничего нѣтъ, тѣмъ не менѣе вспоминается. Приняты мы были въ барабарѣ, т. е. домѣ, въ которомъ жилъ военачальникъ

НОВОАРХАНГЕЛЬСКЪ

1863.

со своимъ семействомъ. Миѣ подали старое кресло, а командѣ длинныя скамейки. Началось угощеніе. Я, какъ русскій анвау, и Шекшъ, какъ индѣйскій, въ знакъ равенства, должны были пить виски ¹⁾ изъ одного стакана. Хотя и было миѣ тошнехонько, смотря какъ старый слѣпецъ слюнявилъ стаканъ, но дѣлать было нечего, надо было показывать дружественныя отношенія. Команда же пила изъ общей чаши, представлявшей собой кострюлеобразную коробку, плотно сотканную изъ древесныхъ корней, называемую ишватъ. Меню обѣда: нура или сушеная черная морская капуста и рисовая каша, очень любимая дикарями. Результатомъ такого угощенія было то, что моя команда напилась до положенія ризъ.

Пока команда отдыхала, я съ толмачемъ отправился осматривать Стахинъ и дѣлать визиты, между прочимъ, къ молодому Шешу, наслѣднику стахинскаго князя, племяннику старика съ трехволосной бородой. У дикарей управленіе селеніемъ, за смертію владѣтельнаго князя, переходитъ не къ сыну, а къ старшему племяннику.

Молодой Шекшъ принялъ меня любезно и, узнавъ о цѣли моего путешествія, напросился сопровождать меня вверхъ по рѣкѣ, т. е. быть лодманомъ. При прощаніи съ нимъ мы условились отправиться на другой день. Не тутъ-то было. Оригинальное обстоятельство задержало насъ на два дня. Получилось извѣстіе, что въ селеніи Кайганъ умеръ родной братъ Шекша.

У сѣверо-американскихъ дикарей существуетъ обычай, что если кто изъ нихъ поѣхалъ въ гости или по торговымъ дѣламъ въ другое селеніе и тамъ умеръ, то голова покойника должна быть отправлена на родину, а тѣло сожжено на мѣстѣ смерти. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: тѣло брата Шекша было сожжено въ Кайганѣ, а голову кайганцы послали въ Стахинъ. Вотъ, въ ожиданіи этой-то головы мы и не могли пуститься въ дальнѣйшій путь.

Опишу церемонію похоронъ головы.

Голова была привезена на бату въ ящикѣ, называемомъ калугой. Встрѣчена она была съ большимъ почетомъ и салютомъ. По вынутіи изъ калуги, голова была принесена и положена на приготовленный костеръ; когда растопки и сухія вѣтви были зажжены, началось душу раздирающее гвнѣе, скорѣе неописуемый

¹⁾ Американская водка.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1887 г., т. LVII, декабрь.

вой или что-то въ этомъ родѣ, при своеобразной пляскѣ шести женщинъ въ желтыхъ шелковыхъ платьяхъ. По сожженіи, зола была собрана въ вучку и уложена въ памятникъ, состоявшій изъ шкафика на четырехъ высокихъ столбахъ, врытыхъ въ землю.

Поминки заключались въ измельченіи оставшагося имущества, изъ шерстяныхъ одѣялъ, ситцу, миткалю, мѣдныхъ листовъ (тыня) и даже муслину, раздѣлѣ между земляками и родственниками этого добра и, въ концѣ концовъ, въ выпивкѣ до чертиковъ, потому что вечеромъ стахинцы, подѣ влияніемъ поминокъ, начали стрѣлять пулями куда попало и тѣмъ лишили насъ возможности подышать чистымъ воздухомъ.

Ночью меня будить мой толмачъ и говорить, что молодой Шекшъ просить пороху. Зачѣмъ? Салютовать при удушеніи 1 женщины и 2 мужчинъ, которые яко-бы должны сопровождать покойнаго на тотъ свѣтъ и тамъ исполнять роль прислуги. Позвалъ къ себѣ Шекша и, насколько съумѣлъ, убѣдилъ его, что онъ не имѣетъ никакого права распоряжаться чужою жизнью вообще и въ данномъ случаѣ въ особенности, что покойнику не нужна прислуга, что христіане этого не дѣлаютъ, однимъ словомъ, своею проповѣдью настолько повліялъ на умъ и сердце просителя пороха, что, повидимому, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось, процесса удушенія не должно было послѣдовать. „Хорошо, сказалъ молодой Шекшъ, я согласенъ, но что скажутъ старшины?“ Дѣйствительно, часа черезъ два снова приходитъ Шекшъ и заявляетъ, что старшины уступаютъ мнѣ въ томъ, что не будутъ давить трехъ человѣкъ, а одного непременно, причемъ Шекшъ сказалъ мнѣ, что если я не соглашусь, то стахинцы, во всякомъ случаѣ, совершатъ обрядъ, и непременно, надъ тремя существами, такъ сказать, на зло мнѣ, но если они просятъ какъ бы дозволенія на удушеніе одного человѣка, то, по полученіи моего согласія, они исполняютъ свое слово и тѣмъ, по ихъ мнѣнію, имъ будетъ казаться, что они сдѣлали для меня большое одолженіе. Положеніе мое было, въ высокой степени, неприятое, — отправился на золотые прииски, а тутъ разрѣшай вопросъ объ отнятій жизни у человѣка. Подумавъ, что лучше спасти двухъ человѣкъ, нежели, оказавши сопротивленіе, разсердить стахинцевъ и тѣмъ заставить задавить тронхъ, я началъ упрашивать, что ужъ если надо задавить когонибудь, то пусть давятъ только не молодого, а вогонибудь изъ очень старыхъ

или безнадежно больныхъ. Выборъ палъ на одну старуху, лѣтъ 80-ти, которую на другой день утромъ и задушили.

По окончаніи такого прискорбнаго обряда, молодой Шекшъ объявилъ мнѣ, что онъ теперь свободенъ, почему мы и порѣшили отправиться на завтра въ рѣку Стахинъ, причемъ просилъ, чтобы въ наступающую ночь я дозволилъ себя пошаманить для благополучнаго плаванія. Надо сознаться, что, поживши между дикарями, я какъ будто и самъ началъ дичать, почему и изъяснилъ свое согласіе, съ большимъ интересомъ ожидая вечера.

Въ 11-мъ часу вечера меня потребовали къ шаману, живущему въ такой же барабарѣ, какъ и остальные дикари. По срединѣ барабары горѣлъ маленькій костеръ, въ четырехъ углахъ висѣли бубны, напоминающіе наши литавры. Когда меня усадили на скамейку, начались удары въ бубны при дикомъ пѣніи какихъ-то молитвъ и вытрясенія почти двухъ корзинъ птичьяго пуху. Пухъ этотъ, разлетаясь по барабарѣ, садился на меня и залѣзалъ мнѣ въ ротъ, уши, глаза, что было крайне непріятно. Странное и отчасти страшное пѣніе продолжалось часа два. Затѣмъ птичьими крыльями смахнули съ моего лица пухъ и надѣли на шею и обѣ руки плетеные вѣночки изъ корней. Этимъ окончился обрядъ шаманства, причемъ молодой Шекшъ сказалъ, что шаманъ желаетъ мнѣ счастливаго пути.

Утромъ рано двинулись мы въ рѣку Стахинъ.

Въ устьѣ мы встрѣтили человекъ до ста золотонскаателей разныхъ племенъ и нарѣчій, копошившихся на берегу съ своими лодченками, на которыхъ имъ приходилось подыматься вверхъ. Тутъ же стоялъ пароходъ William Moog, пришедшій изъ порта Симсонъ, принадлежавшій Гудзонбайской компаніи и привезшій пассажировъ, газеты и провизію. Когда я спросилъ капитана парохода стоитъ ли подыматься, есть ли золото, онъ мнѣ показалъ стакановъ шесть, наполненныхъ золотомъ, увѣряя, что это стахинское золото. Впослѣдствіи оказалось, что это была своего рода приманка, пріохочиваніе къ подъему. Ему, какъ купцу, выгодно было побольше ртовъ въ мѣстѣ росыпи, такъ какъ у него были устроены тамъ магазины съ водкой и закуской; показываемое же имъ золото было изъ рѣки Фрезеръ.

Много ли, мало ли золота, мнѣ, во всякомъ случаѣ, надо было ѣхать. Устье рѣки очень широкое, входъ въ рѣку живописный

и величественный. Вся рѣка протекаетъ между двухъ рядовъ горъ; быстрота большею частію доходила до 10 узловъ теченія, т. е. до 17 футъ въ 1 секунду. Мы плыли, гребя десятью веслами, съ большимъ трудомъ, мѣстами поднимались посредствомъ отнесенія троса или толстой веревки изъ манильской пеньки впередъ, привязывая ее за дерево и затѣмъ притягиваясь по ней къ дереву и т. д. Въ рѣкѣ, имѣющей, какъ вообще всѣ золотоносныя рѣки, молочный видъ, водится вкусная рыба въ родѣ нашей лососины, по берегамъ рыщеть много черныхъ медвѣдей, въ лѣсахъ громадное количество рябчиковъ и куропатокъ. По правому берегу встрѣчаются красивые глечеры, на лѣвомъ же берегу горячіе ключи. На девятый день подъема мы подошли къ самому опасному мѣсту въ рѣкѣ—водяному порогу или возвышенію. Иностранцы, большею частію, за извѣстную плату, проходили это мѣсто на буксирѣ парохода, у меня же денегъ не было, слѣдовательно, въ силу такого обстоятельства надо было рѣшиться броситься на веслахъ; на бичевой невозможно было, потому что порогъ окаймленъ двумя совершенно отвѣсными скалами; длина этого порога до полуверсты, ширина 20—30 саж. Мы пустились въ порогъ налегкѣ, такъ какъ провизія была нами предварительно перенесена черезъ горы, по ту сторону порога.

Съ помощью Бога намъ удалось благополучно переплыть это страшное мѣсто. До нашего прохода какъ здѣсь, такъ и въ рѣкѣ, погибло нѣсколько золотоискателей, только кресты тамъ и сямъ были нѣмыми свидѣтелями преждевременной гибели искателей приключеній.

На тринадцатый день я достигъ росыпей и какъ всякій вновь прибывающій занялъ на счастье первое попавшееся удобное мѣсто на берегу рѣки. Раскинута была палатка и на другой день приступили къ устройству приспособленій для промывки; надо было устроить, по крайней мѣрѣ, два вашгердига для промывки земли, лежащей близъ береговъ, такъ какъ въ самыхъ берегахъ золота не было. Изъ полученнаго чернаго песку или шлиха, амальгамационнымъ путемъ, т. е. при посредствѣ ртути, приходилось вылавливать золотыя песчинки. Это дѣлается у американцевъ такъ: берется желѣзная сковорода или лучше тазъ съ наклонными стѣнами, владется вымытый шлихъ и чрезъ замшу по верху песка прыскается ртутью. Мельчайшія частички ртути, при трясеніи сковороды, благодаря своему вѣсу, стараются

добраться до дна сковороды, увлекая или растворя встрѣчающееся на пути мучнистое золото. Надо замѣтить, что эта трудная работа производилась, сидя на корточкахъ у воды, такъ какъ при трясеніи сковороды необходимо, по мѣрѣ осажденія золотой амальгамы, водою сливать шликъ вонъ въ рѣку. Вотъ такимъ способомъ иностранцы добываютъ себѣ золото во всѣхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Тихій океанъ въ С. Америкѣ. Оставшаяся на днѣ сковороды золотая амальгама прожимается чрезъ замшу и образовавшійся мягкій бѣлый кусочекъ нагрѣвають на желѣзномъ листѣ, ртуть улетаетъ, кусочекъ желтѣетъ и получается, наконецъ, золото. Команда моя занималась промывкой земли, а я собственно улавливаніемъ ртутью золота. Работа продолжалась 4 дня и добыто было до 10-ти золотниковъ золота. На четвертый день вода въ рѣкѣ поднялась и затопила розсыпь.

Вышло, что мы здѣсь погостили, отдохнули, на людей посмотрѣли и себя показали. Приходилось возвращаться, что и исполнено на другой день.

Какъ выше упомянуто, мы достигли, при трудной греблѣ, розсыпей въ 13 дней, работая по 12 часовъ, т. е. въ 156 часовъ, спустились же въ шестнадцать часовъ. Вотъ какая быстрая рѣка.

Въ Стакинѣ свирѣцтовала страшная оспа (*petite vérole*), отчаяніе стахинцевъ было полное, къ тому же умеръ старикъ Шекшъ, горячо любимый своими подданными. Когда онъ страдалъ сильною ломотою въ спинѣ, то проѣзжавшій англійскій докторъ далъ ему втираніе (нашатырный спиртъ съ вератриномъ, какъ мнѣ потомъ рассказывали). Старикъ бы надо было втирать, а родные посовѣтовали принять ему внутрь. Ясно, что онъ умеръ и тогда дизари, полагая, что англичане его отравили, пожелали мстить всѣмъ бѣлымъ. Надо было представить наше положеніе; нежданно, негаданно попали въ кавардакъ. Дно у байдары нашей было уже пробито и намъ было подсказано молодымъ Шекшемъ, который очень полюбилъ меня, чтобы мы были осторожныѣе и какъ можно скорѣе убирались. Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ! Пока чинили байдару, заболѣла чѣмъ-то молодая жена Шекша. Онъ, зная и видя, что я лечилъ свою команду отъ запоровъ и тому подобныхъ болѣзней, упросилъ вылечить и его жену. Лечить любимую жену только что вступившаго въ управленіе Стахиномъ повелителя, въ такое смутное время, было дѣломъ не легкимъ. Ничего не понимая въ діагнозѣ, но предполагая,

что женщина эта тоже жертва оспы, и положительно не зная чѣмъ ее лечить, да къ тому же въ моей аптекѣ, по преимуществу, были только рвотныя, слабительныя да потогонныя средства, я натолкнулся на сушеную малину и началъ лечить отъ простуды, командѣ же приказалъ своль возможно скорѣе чинить байдару. Заваривъ покрѣпче малины, я напоилъ ею больную и велѣлъ на ночь накрыть ее нѣсколькими одѣялами. Утромъ мы были готовы къ отплытію, а у больной выступили на всемъ тѣлѣ прыщички. Я, надо сознаться, перепугался, но не потерялся. Увѣривъ Шекша, что жена спасена, благодаря скоро выступившимъ прыщамъ, лишь бы она не выходила изъ барабары, и простившись съ стахинцами, я поплылъ тѣми же проливами обратно. Пациентку свою я видѣлъ два года спустя совершенно здоровою, но лицо ея было достаточно испорчено оспою.

По возвращеніи въ портъ Ново-Архангельскъ мною былъ представленъ слѣдующій рапортъ:

„Господину главному правителю россійскихъ колоній въ Америкѣ капитану 1-го ранга Ивану Васильевичу Фуругельму.

Согласно предписанія вашего высокоблагородія, отъ 22-го мая 1862 г., принявъ отъ порта 10 человекъ команды, толмача и провизію, я отправился 4-го іюня сего года проливами на байдарѣ въ рѣку Стахинъ къ золотоноснымъ россыпямъ. Въ половинѣ 9-го часа вечера, іюня 10-го, я прибылъ въ селеніе Кеку, гдѣ намѣревался купить баты. Но такъ какъ здѣсь никого не было и встрѣтившіеся колонисты сказали мнѣ, что всѣ разлѣхались по лѣтникамъ для заготовки провизіи, то я немедленно туда и отправился Кековскимъ проливомъ, оставя Фридрихзундъ и проливъ Врангеля влѣво. Въ полдень 12-го іюня, перейдя Стахинскій проливъ, прибылъ къ упомянутому лѣтнику и съ трудомъ купилъ баты у здѣшняго старшаго тоена по имени Тенца. Купивъ баты, отправился на другую сторону пролива для его починки и подготовки, на что употреблено два дня.

16-го іюня въ 3 часа пополудни прибылъ благополучно въ Стахинъ, гдѣ старшій тоень Куакетль Шекшъ принялъ насъ какъ нельзя лучше. По прибытіи сюда я немедленно распорядился вытаскать байдару на берегъ, отдавъ ее подъ сохраненіе упомянутому тоену. На другой день я не могъ оставить селеніе, ибо толмачъ просилъ повременить по своимъ дѣламъ.

18-го іюня, въ 11 часовъ утра, я отправился въ числѣ 13-ти человекъ со всей провизіей къ мѣсту назначенія. Съ 18-го по 27-е іюня прошли 130 миль по вычисленіямъ иностранцевъ-золотопромышленниковъ; на этомъ разстояніи отъ устья находится пороги или узкія ворота до 20-ти сажень шириною—мѣсто очень опасное, по своей быстротѣ и водоворотамъ, почему раньше, чѣмъ пуститься въ эти ворота, я приказалъ перенести часть груза черезъ горы для облегченія бата, что самое одобрилъ и лоцманъ. Хотя трудно было переходить черезъ горы, но въ 2½ часа я съ 8-ю людьми спустился по ту сторону воротъ. Вернувшись назадъ, немедленно пустились на гребкахъ, — парусъ и бичевая невозможны. Иностранцы говорятъ, что неза-

долго до насъ потонули здѣсь двое, сорвавшись съ руды. Въ продолженіе 1½ часа мы прошли это узкое мѣсто благополучно. На другой день пошелъ дождь и 1-го іюля достигъ центра россыпей. Здѣсь я встрѣтилъ промышленниковъ разныхъ націй. Особеннаго разговора съ ними не имѣлъ, — ихъ удивляло, что я скоро поднялся и мы русскіе были первыя, которые поднялись вверхъ по рѣкѣ въ такое короткое время, т. е. въ 13 дней съ такимъ батою и грузомъ. Хозяева здѣшнихъ лавокъ утверждаютъ, что центръ россыпи находится въ 165 миляхъ отъ устья.

Когда я спросилъ о богатствѣ и количествѣ добываемаго золота, то узналъ, что россыпи довольно бѣдны и золото мелко, какъ мука (*l'or est fin comme la farine*), и что самыя богатые участки даютъ до 5 дол. въ день. Тутъ же я узналъ, что открывшій золото въ р. Стахинъ канадецъ Т. Vog-Snoquet отправился пѣшкомъ за вторыя ворота для отысканія настоящаго мѣсторожденія золота. Эти вторыя ворота гораздо опаснѣе первыя и никто еще изъ промышленниковъ не рисковалъ перейти ихъ. Получивъ такія грустные свѣдѣнія, я поднялся еще выше и 2-го іюля занялъ мѣсто и утвердился на немъ. Здѣсь я командѣ далъ отдыхъ, приказалъ устроить баню изъ парусовъ и брезентовъ и починиться; самъ же наблюдалъ за ходомъ работы и за количествомъ золота, добываемаго сосѣдями, но видѣлъ, что работа не вознаграждала труда, и къ тому усмотрѣлъ, что мнѣ рѣшительно трудно было приступить къ промывкѣ, ибо не было ртути, раздѣлительныхъ чашекъ и проч. Это все такіе матеріалы, которые исключительно требуются здѣсь для промывки столь мелкаго золота, тогда какъ болѣе крупное ничего это не требуетъ. Продавъ собственное свое охъало, я купилъ одинъ фунтъ ртути и устроилъ 3 вашгердика, на которыхъ въ теченіи 4-хъ дней промылъ около 10 золотн. золота, — раздѣлительной чашкой пользовался отъ сосѣдей.

При такой обстановкѣ я все-таки хотѣлъ продолжать промывку нѣсколько дней, но вода начала прибывать и затопила россыпь. Говорятъ, что самая малая вода бываетъ въ концѣ августа и въ началѣ сентября.

Золото болѣе крупное находится за вторыми воротами или порогами. Число золотоискателей простирается до 400 человекъ, поднявшихся или на батахъ, или на пароходѣ. Всѣ эти неудачи и къ тому появившаяся оспа заставили меня вернуться обратно и 11-го іюля, въ 6 час. утра, я оставилъ россыпи. 12-го числа, въ 2 ч. пополудни, прибылъ въ Стахинъ, гдѣ оспа уже была въ своей силѣ, почему я, продавъ бѣть иностранцамъ, какъ можно скорѣе спѣшилъ оставить селеніе и на другой день въ полдень отправился въ проливъ.

Долгомъ считаю сообщить, что при продажѣ бата я разговаривалъ съ равными лицами и, между прочимъ, узналъ, что: 1) стахинскіе колоши производятъ убійства и грабежи на проходящихъ шкунахъ и иностранцы увѣряютъ, что колоши оправдываются тѣмъ, что они дѣйствуютъ по приказанію русскаго начальства, — которое, само собою разумѣется, не отдавало подобныхъ распоряженій, и, сдѣлавъ выговоръ тоену, строго наказавъ, что если еще они посмѣютъ сдѣлать что-либо подобное, то русское начальство приметъ мѣры для восстановленія порядка, и что стахинскіе колоши понятыся за это дорого. 2) Иностранецъ по имени Alonzo Newelb открылъ въ русскіяхъ владѣніяхъ въ селеніи Танкасъ золото и спрашивалъ меня, что можетъ ли онъ разрабатывать безъ вѣдома начальства, на что я ему сказалъ, что слѣдуетъ дать знать вашему высокоблагородію, почему онъ, узнавъ отъ

меня ваше имя, обѣщала увѣдомить васъ чрезъ губернатора въ Викторіи¹⁾

Кромѣ того, необходимымъ считаю также довести до свѣдѣнія вашего высокоблагородія, что во время посѣщенія Стахина всѣ колоши были постоянно пьяны и имѣли большіе запасы крѣпкихъ напитковъ, которые, какъ они сами говорили мнѣ, получаютъ отъ иностранцевъ въ какомъ угодно количествѣ.

20-го іюля, въ 4^{1/2} ч. пополудни, прибылъ въ портъ,—команда все время была здорова и все вообще было благополучно.

Образцы золота имѣю честь у сего приложить“:

Въ маѣ слѣдующаго 1863 года прибылъ въ портъ Ново-Архангельскъ командовавшій Тихоокеанскою эскадрою адмиралъ А. А. Поповъ, который, послѣ переговоровъ съ главнымъ правителемъ колоній, предложилъ мнѣ, какъ уже знакомому со Стахиномъ, отправиться туда еще разъ.

7-го мая 1863 года я получилъ слѣдующее предписаніе:

„Предлагаю вамъ отправиться на корветѣ „Рында“ въ Стахинъ для участія въ экспедиціи, имѣющей собирать свѣдѣнія о золотѣ, и затѣмъ возвратиться въ Ново-Архангельскъ, представивъ мнѣ подробныя свѣдѣнія какъ объ иностранцахъ, находящихся на Стахинѣ, такъ и о количествѣ добываемаго ими золота.

„Всѣ эти свѣдѣнія также имѣете вы представить прямо отъ себя, чрезъ С. Франциско, въ главное правленіе въ С.-Петербургъ.

„При васъ слѣдуютъ штурманъ Кадинъ и толмачъ Жувовъ, которые должны находиться въ распоряженіи г. командира корвета.

„На расходы ваши и г. Кадина по содержанію столомъ получите отъ ново-архангельской конторы нѣкоторое количество иностранной монеты.

„Главный правитель колоній, капитанъ 1-го ранга Фуругельмъ.—Секретарь Кошкинъ“.

Плаваніе на корветѣ „Рында“, благодаря любезному и товарищескому отношенію во мнѣ командира и офицеровъ, вспоминается мною какъ одно изъ счастливыхъ и пріятныхъ періодовъ моей юности.

По возвращеніи въ Ново-Архангельскъ мною, 26 мая 1863 г., представлено было слѣдующее донесеніе:

„Вслѣдствіе инструкціи, данной мнѣ вашимъ высокоблагородіемъ, я отправился 7-го мая на военномъ корветѣ „Рында“ въ Стахинъ для участія въ экспедиціи, куда прибыли 8-го мая вечеромъ.

¹⁾ Главный городъ англійскихъ колоній въ С. Америкѣ.

„По распоряженію г. командира корвета лейтенанта Басаргина (нынѣ контръ-адмиралъ и флагъ-капитанъ его императорскаго величества), 10-го мая экспедиція отправилась въ рѣку Стахинъ въ 3-хъ отдѣленіяхъ. Первое отдѣленіе имѣло цѣлю достигъ центра золотоносныхъ россыпей и отобрать всѣ свѣдѣнія, могущія, въ какой бы то ни было степени, быть полезными для Россіи, и состояло изъ лейтенанта Перелѣшина, америванскаго геолога Блэка и меня. Эта экспедиція отправилась на вельботѣ съ 6-ю гребцами и лодчаною-туземцемъ. Надо при этомъ сказать, что въ инструкціи, данной г-ну Перелѣшину, назначено всего 8 дней для подъема по рѣкѣ и по истеченіи этого времени вернуться назадъ, хотя и не достигнувъ россыпей; при такой обстановкѣ я былъ почти вполнѣ увѣренъ, что мы не достигнемъ цѣли и свѣдѣній полезныхъ никакихъ не отберемъ, да и не отъ кого будетъ. Мои предположенія исполнились,—до мѣста не дошли, въ рѣкѣ никого не видали и въ довершеніе всего, при концѣ 8-ми дневнаго срока, потеряли прекраснаго матроса Сергѣева,—онъ утонулъ на глубинѣ не болѣе 4½ футовъ, причина тому Богу извѣстна; впрочемъ, была назначена изъ гг. офицеровъ слѣдственная коммиссія для разсмотрѣнія причины гибели матроса и я по требованію коммиссіи тоже долженъ былъ представить записку о его смерти, какъ очевидецъ. По истеченіи срока мы вернулись въ 15 рабочихъ часовъ на корветъ. Изъ собранныхъ мною свѣдѣній отъ иностранцевъ, вернувшихся съ россыпей или за болѣзнію, или изъ-за нечего дѣлать, видно, что разработка идетъ гораздо выше по рѣкѣ, нежели въ прошедшемъ году, что изъ 450 золотопромышленниковъ остались едва ли 70,—что количество добываемаго золота отъ 2 до 10 долларовъ въ день,—что, между прочимъ, найденъ самородокъ въ 9 долларовъ,—что партія, отправившаяся въ прошедшемъ году для розысканія кореннаго мѣсторожденія, еще не вернулась и свѣдѣній о ней никакихъ нѣтъ,—что всѣ предполагаютъ о богатствѣ россыпей ближе къ истоку и что въ случаѣ чего будетъ открытъ туда болѣе удобный путь черезъ Портландскій каналъ къ самому озеру, изъ котораго падаетъ рѣка. Эти вернушіеся иностранцы въ числѣ 7 человекъ просили г. командира корвета принять ихъ пассажирами до Викторіи и С. Франциско, въ чемъ имъ не отказано; большимъ подается медицинская помощь. Изъ этой поѣздки я увидѣлъ какъ въ прошедшемъ году была оживлена

рѣка, такъ въ нынѣшнемъ она мертва, нѣтъ лагеря у устья, нѣтъ парохода и шкунъ, нѣтъ никого въ рѣкѣ кромѣ птицъ и черныхъ медвѣдей. Чему приписать это, пока невозможно,—или бѣдности розсыпей, или неудобству плаванія по рѣкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ трудности доставлять провизію и товары. Конечно, если найдутъ богатая золотыя мины, то этотъ ли путь, или предполагаемый новый снова оживутъ и число золотопромышленниковъ не будетъ уменьшаться, а возрастетъ до тысячъ; мы видѣли примѣры въ Калифорніи и Австраліи.

„Второе отдѣленіе экспедиціи имѣло цѣлю исправить карту, черченную когда-то, до границы, отдѣляющей русскія владѣнія отъ англійскихъ, а также для отобранія всевозможныхъ свѣдѣній. Оно состояло изъ лейтенанта Бурачка и прапорщика корпуса штурмановъ Бутыркина и отправилось на 10-ти весельномъ катерѣ. Имъ дано сроку 14 дней. Результатомъ было то, что описъ рѣки пришлось дѣлать съизнова, потому что карта, по словамъ ихъ, вовсе нигуда не годится, направленіе рѣки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не то; глубина поставленная на нѣкоторыхъ мѣстахъ не та; глубина поставленная на нѣкоторыхъ мѣстахъ не та; такъ на мѣстѣ 3-хъ сажень въ настоящее время всего 2¹/₂ фута; почему составляется новая карта, которая будетъ представлена въ департаментъ.

„Третье отдѣленіе экспедиціи имѣло цѣлю описать самое устье рѣки Стахинъ и состояло изъ прапорщика корпуса штурмановъ Дуркина и вольнаго штурмана Кадина. Порученіе исполнено вполне и карта тоже готова къ отсылкѣ въ департаментъ. Какъ эту карту, такъ и глазомѣрную, составленную г. Глэкомъ, г-нъ Кадинъ будетъ имѣть честь представить вашему высокоблагородію.

„Касательно стахинскихъ колошъ честь имѣю донести, что они, попрежнему, имѣютъ у себя водку и проводятъ время въ пьянствѣ,—это говорили мнѣ иностранцы, принятые на корветъ, и кромѣ того, я самъ видѣлъ въ селеніи пьяныхъ. Надо полагать, что водку имъ доставляютъ иностранцы.

„Недалеко отъ якорнаго мѣста корвета на берегу поставленъ памятникъ матросу Сергѣеву, состоящій изъ пирамиды съ крестомъ въ ея вершинѣ.

„24-го мая 1863 г. утромъ оставили Стахинъ и на другой день вечеромъ прибыли въ портъ Ново-Архангельскъ благополучно“.

П. П. Андреевъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Новыя изданія его сочиненій

съ января по августъ мѣсяцы 1887 г. ¹⁾.

29-го января 1887 г. окончился срокъ литературной собственности на сочиненія Пушкина, и сразу, въ первые же дни, появилось нѣсколько полныхъ изданій Пушкина, которыя заранее готовились къ этому сроку. Очень характерно для книжниковъ обѣихъ столицъ то обстоятельство, что сначала изданія эти появились лишь въ Петербургѣ, въ Москвѣ же къ сроку не вышло ни одного полного собранія сочиненій Пушкина, а затѣмъ, когда поразительный успѣхъ петербургскихъ изданій выяснился, въ Москвѣ последовали одно за другимъ пять изданій: это показываетъ отсутствіе предприимчивости и видѣтъ сильную степень спекуляторства у московскихъ издателей. Ниже мы увидимъ, что по существу и характеру самыхъ изданій сравненіе тоже не къ выгодѣ москвичей. Здѣсь я пока не говорю о школьномъ изданіи Пушкина, подъ редакціей Л. И. Поливанова, появившемся въ Москвѣ (первыя два тома) къ 29-му января.

Въ два-три дня вышло сразу пять изданій Пушкина, всего, по крайней мѣрѣ, до 40 тысячъ экземпляровъ. За ними последовали еще и еще новыя изданія. Въ три мѣсяца на книжномъ рынкѣ появилось всего болѣе 150,000 (можетъ быть, и всѣ 200,000) экземпляровъ собранія сочиненія Пушкина въ разныхъ изданіяхъ, и до сихъ поръ число ихъ все растетъ и растетъ. И это кромѣ отдѣльныхъ изданій изъ Пушкина, экземпляры которыхъ должны считаться милліонами. Всѣ эти изданія отлично раскупались и раскупаются.

«Памятникъ нерукотворный», созданный Пушкинымъ, его безсмертная

¹⁾ Краткіе отзывы о новыхъ изданіяхъ Пушкина были напечатаны мною въ № 115 „Русскихъ Вѣдомостей“ изд. 1887 г. В. Я.

произведенія широко распространяются теперь «по всей Руси великой». Но это только еще половина дѣла, тутъ еще является важный вопросъ, въ какомъ видѣ распространяются сочиненія Пушкина.

Мало того, что сочиненія Пушкина выходятъ въ многочисленныя дешевыя изданія, это, конечно, важно, но въ этомъ нѣтъ большой заслуги со стороны издателей: низкая цѣна объясняется конкуренціей, и при томъ даже при такой низкой цѣнѣ издатели все-таки имѣютъ очень достаточный барышъ. Итакъ, многочисленность общедоступныхъ изданій не представляется никакой заслугой: издатели при этомъ обязаны, главнымъ образомъ, позаботиться о достоинствѣ текста,—въ этомъ состоитъ наиболѣе важная и наиболѣе трудная сторона задачи. Изданій Пушкина много, каковъ-же текстъ ихъ?

Прежде всего остановимся на общихъ требованіяхъ, какія мы должны предъявлять къ изданіямъ Пушкина; эти требованія могутъ быть выражены двумя словами: полнота и точность. Къ достиженію обоихъ этихъ необходимыхъ качествъ въ изданіяхъ Пушкина—ведутъ одни и тѣ-же средства; 1) самостоятельное ознакомленіе со всѣми известными рукописями поэта и 2) самостоятельное ознакомленіе со всѣми изданіями сочиненій Пушкина, какъ напечатанныхъ при жизни поэта, такъ и тѣхъ, которыя впервые или же въ дополненномъ видѣ явились послѣ его смерти: при этомъ я разумѣю, конечно, не только отдѣльныя изданія Пушкина, но и тѣ его произведенія или дополненія къ нимъ, которыя печатались по альманахамъ и по журналамъ, а также въ отдѣльныхъ монографіяхъ.

Главное собраніе рукописей Пушкина хранится теперь въ Москвѣ въ Румянцовскомъ музеѣ: тутъ находится больше тридцати черновыхъ тетрадей поэта, заключающихъ болѣе 2,000 писанныхъ листовъ подлиннаго текста, не говоря о копіяхъ, исправленныхъ Пушкинымъ. Изъ всѣхъ новыхъ изданій, о которыхъ я собираюсь говорить, только одно, редактированное П. О. Морозовымъ, пользовалось этими рукописями, и я укажу подробности этого ниже, говоря объ изданіи г. Морозова; а теперь остановлюсь нѣсколько на томъ значеніи, какое имѣетъ прежній печатный пушкинскій текстъ.

При жизни Пушкина многія его произведенія печатались по нѣскольку разъ, при чемъ Пушкинъ иногда дѣлалъ въ послѣдующихъ изданіяхъ поправки и измѣненія: такимъ образомъ, подлинный печатный Пушкинскій текстъ (буду такъ называть произведенія, напечатанныя при жизни поэта) даетъ не только окончательную редакцію того или другаго стихотворенія, но и варианты къ нимъ. Надо прибавить, что между стихотвореніями Пушкина, напечатанными при его жизни, почти двѣ трети такихъ, рукописи которыхъ до насъ не дошли, что еще болѣе, конечно, увеличиваетъ значеніе подлиннаго печатнаго Пушкинскаго текста. Этотъ текстъ долженъ быть теперь внимательно изучаемъ всякимъ издателемъ (т. е. редакторомъ) сочиненій Пушкина, какъ составляющій ихъ первую и главную основу. Какъ ни важно изученіе рукописей

поэта (тѣмъ болѣе, что онѣ еще не исчерпаны), но изученіе подлиннаго печатнаго текста Пушкина, какъ главной основы изданія, еще важнѣе, еще обязательнѣе. Издатель долженъ изучить всѣ печатныя Пушкинскія редакціи каждаго стихотворенія (если этихъ редакцій нѣсколько), выбрать изъ нихъ основную (т. е. обыкновенно наиболѣе позднее изданіе) и дополнить ее указаніемъ имѣющимся вариантовъ. Далѣе, такъ какъ очень многія піэсы Пушкина (по счету даже большая часть ихъ) напечатаны послѣ смерти поэта и иногда по рукописямъ, теперь уже неизвѣстнымъ, то значить, подобному же изученію надо подвергнуть и посмертный печатный текстъ Пушкина. Однимъ словомъ, критическое изданіе сочиненій Пушкина, — а всякое добросовѣстное полное изданіе его должно быть критическимъ, если не по отношенію къ вариантамъ, то по отношенію все-таки къ основному тексту, — критическое изданіе Пушкина должно прежде всего основываться на печатномъ Пушкинскомъ текстѣ, какъ по отсутствію рукописей для болшей части произведеній Пушкина вообще, такъ и по тому важному и самостоятельному значенію, какое, повторяю, принадлежитъ подлинному печатному Пушкинскому тексту, т. е. тексту произведеній его, напечатанныхъ имъ самимъ или подъ его наблюденіемъ, принимая, понятно, при этомъ во вниманіе тѣ измѣненія, которыя дѣлались Пушкинымъ для печати изъ цензурныхъ или личныхъ соображеній и т. д.

Всѣ эти общія элементарныя правила изданій, конечно, уже давно хорошо извѣстны, всегда всѣми признавались, имъ старались слѣдовать по возможности всѣ редакторы изданій Пушкина: П. В. Анненковъ, Г. Н. Геннади, П. А. Ефремовъ; я бы и совѣмъ не остановился на такихъ старыхъ истинахъ, если-бы недавно въ одномъ журналѣ не было высказано удивительное непониманіе этихъ основныхъ правилъ: говоря объ изданіяхъ Пушкина, одинъ рецензентъ называлъ бесполезной Сивифовой работой изученіе печатнаго текста Пушкина, сличеніе «книги въ большую осьмушку съ книгою въ малую осьмушку»...

Этотъ удивительный взглядъ на дѣло серіозно проповѣдуется въ назиданіе будущимъ издателямъ.

I.

Петербургскія изданія.

1. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями П. О. Морозова. Цѣна за семь томовъ шесть рублей.

Предисловіе объясняетъ намъ, что изданіе это имѣло первою цѣлью «представить по возможности полный и тщательно проверенный текстъ произведеній великаго поэта». Что же было сдѣлано редакціею для достиженія этой цѣли, этихъ основныхъ требованій? Предисловіе сейчасъ же даетъ намъ отвѣтъ: «соотвѣтственно этой цѣли, редакціею просмотрѣны, исправлены и дополнены по подлиннымъ рукописямъ Пушкина, хранящимся въ Румянцовскомъ музеѣ и Императорской Публичной библиотекѣ въ Петербургѣ, всѣ его произведенія, впервые появившіяся въ печати послѣ его смерти».

Ниже я сдѣлаю оговорку о такомъ ограниченіи, но въ общемъ избранный приемъ можетъ быть одобренъ. Посмотримъ же на его результаты.

Прежде всего, г. Морозовъ, занимаясь рукописями Пушкина, извлекъ изъ нихъ нѣсколько новыхъ, прежде незамѣченныхъ или неравноразработанныхъ вещей. Такъ, между прочимъ, нѣ въпервые были прочитаны въ рукописяхъ Публичной библиотекы: три стихотворенія, изъ которыхъ два — 1) «Мнѣ васъ не жаль» и 2) «Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ» — важны для біографіи поэта и, не смотря на свою неотдѣланность, отличаются высокимъ художественнымъ значеніемъ. Есть и еще дополненія изъ рукописей Публичной библиотекы. Изъ рукописей Румянцовскаго музея г. Морозовъ извлекъ неразработанные раньше черновые наброски: «Въ рощахъ карійскихъ», «Мнѣ жаль великія жены» и «Еще одной высокой, важной пѣсни» (последнее стихотвореніе интересно по біографическимъ мотивамъ). Затѣмъ сдѣланы дополненія въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ (напр., 4 стиха въ посланіи къ гр. О. и т. д.), въ многихъ стихотвореніяхъ, также какъ и въ прозѣ, сдѣланы новыя исправленія, новыя вставки. Нечего и говорить, конечно, что всѣ многочисленныя дополненія и поправки Пушкинскаго текста, которыя сообщены были раньше въ «Русской Старинѣ» и въ «Русскомъ Архивѣ», на основаніи рукописей, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ, — всѣ они (или почти всѣ) вошли въ изданіе г. Морозова и при томъ иногда съ существенными исправленіями. Такимъ образомъ, въ общемъ г. Морозову удалось извлечь изъ черновыхъ рукописей Пушкина значительныя дополненія и поправки, — въ этомъ главная заслуга разбираемаго изданія; но все-таки я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о способѣ, какой употребленъ г. Морозовымъ для пользованія рукописями.

Прежде всего надо сказать, что г. Морозовъ не выяснилъ намъ этого способа, не опредѣлялъ своего отношенія къ рукописямъ. Какъ онъ ими пользовался? что онъ бралъ изъ нихъ, что оставлялъ? исчерпалъ ли онъ ихъ? и хотѣлъ ли исчерпать? На такіе вопросы «Предисловіе» не даетъ прямого отвѣта; читателю приходится самому доискиваться ихъ рѣшенія.

Г. Морозовъ объясняетъ только (это мѣсто предисловія приведено выше),—что онъ свѣрялъ съ рукописями и исправлялъ лишь тѣ произведенія Пушкина, которыя появились въ печати послѣ смерти поэта. Такого ограниченія, конечно, нельзя безусловно одобрить. Несомнѣнно, провѣрка по рукописямъ для посмертнаго Пушкинскаго текста важнѣе, чѣмъ для подлиннаго его печатнаго текста, но она имѣетъ значеніе и для послѣдняго: она даетъ намъ черновыя къ нему дополненія и варианты, отмѣчаетъ самый процессъ творчества поэта, иногда даетъ поправки къ типографскимъ ошибкамъ и опечаткамъ. Самъ г. Морозовъ, однако, не держится точно выставленнаго ограниченія и, свѣряя иногда съ рукописью произведеніе, напечатанное самимъ Пушкинымъ, даетъ черновыя дополненія, напр., къ «Е. Олѣгину», къ «Кавказскому плѣннику», къ «Разбойникамъ». Но это не входитъ въ систему г. Морозова, и онъ не даетъ, напр., извѣстныхъ уже ранѣе дополненій къ «Борису Годунову» или къ мелкимъ піесамъ: «Шишкову», «Безвѣріе», «Мечтателю» и т. д. Впрочемъ, мы точно также находимъ не всѣ извѣстныя дополненія при нѣкоторыхъ піесахъ, напечатанныхъ послѣ смерти Пушкина, — напр., при «Русалкѣ», при «Галубѣ»; или еще: нѣсколько піесъ, напечатанныхъ по смерти поэта, остались у г. Морозова неисправленными по рукописямъ, укажу для примѣра: «Къ Молодой вдовѣ», «Письмо къ Лидѣ», «Щербинину»; не вполне исправлены: «Здравный кубокъ», «Желаніе» и пр. То-же самое мы видимъ въ отдѣлѣ прозы, но вполне, напр., исправлены: «Арагъ Петра Великаго», «Исторія села Горохива», «Египетскія ночи», или оставленъ безъ поправокъ «Русскій Целамъ» и т. д. Благодаря такому неправильному приему, допускающему неполное исправленіе текста, оказалась возможною слѣдующая курьезная ошибка. Въ піесѣ «Осеннее утро» у Пушкина шестой стихъ съ конца прежде былъ: «стоитъ туманъ на волнахъ поладѣлыхъ»; такъ и напечатано въ посмертномъ изданіи. Но въ рукописи Пушкинъ поправилъ: «...на нивахъ пожелтѣлыхъ»; г. Морозовъ исправилъ лишь одно послѣднее слово и у него вышло: «Стоитъ туманъ на волнахъ пожелтѣлыхъ»... (I, 140... Очень странное описаніе чистыхъ царскосельскихъ прудовъ! ¹⁾).

Если г. Морозовъ не сдѣлалъ съ рукописями Пушкина всего, что должно:

¹⁾ Такъ еще, въ пославіи «Моему Аристарху», г. Морозовъ сдѣлалъ поправки по рукописи, но сохранилъ въ серединѣ піесы (I, 108) рядъ точекъ, совершенно ненужныхъ и ошибочно допущенныхъ П. В. Анненковымъ.

было бы, все таки и сдѣланное имъ вполне заслуживаетъ благодарности. Что касается до печатнаго Пушкинскаго текста, то, къ сожалѣнію, г. Морозовъ занялся имъ не такъ внимательно.

Выше уже говорено о необходимости всякому издателю Пушкина изучить подлинный Пушкинскій текстъ, оригинальныя его изданія: такой приемъ безусловно обязателенъ, и въ этомъ отношеніи можно сдѣлать г. Морозову сильный упрекъ.

Подлинный печатный Пушкинскій текстъ долженъ быть положенъ въ основу критическаго изданія сочиненій Пушкина, и всякій издатель долженъ выяснить, оговорить свое отношеніе къ этому тексту. Г. Морозовъ этого не дѣлаетъ, и читатель опять долженъ самъ заключать объ этомъ отношеніи; къ заключенію же онъ можетъ придти къ такому: г. Морозовъ мало, недостаточно пользовался подлинными Пушкинскими изданіями, а въ основу своего изданія положилъ текстъ Ефремовскаго изданія 1882 г. Г. Морозовъ взялъ текстъ 1882 г., исправлялъ и дополнялъ его по рукописямъ, но недостаточно сѣриль его съ подлиннымъ печатнымъ текстомъ: если не всегда, то часто онъ повторилъ текстъ 1882 г., сохранивъ его ошибки. Приведу нѣсколько примѣровъ, не оставляющихъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія. У г. Морозова (I, 337) въ «Андрей Шенья»: «поднялась вновь усталая сѣкира», а въ собственнымъ изданіяхъ Пушкина 1825 и 1829 гг.: подъялась; «Вакхическая пѣсня» (I, 344): «поднимемъ стаканы»..., изданіе 1829 г.: «подыдемъ»; «Цыганы» (II, 97): «проводжалъ сія шатры», въ изданіи 1832 г.: «проводдалъ»; всѣ эти неточности повторены г. Морозовымъ изъ изданія 1882 г. Или вотъ еще примѣръ, особенно характерный у г. Морозова, вслѣдъ за изданіемъ 1882 г., «Посвященіе Плетневу» (II, 56) помѣщено въ концѣ 1828 г. и помѣчено 29-го декабря 1828 г., а между тѣмъ въ подлинномъ изданіи оно помѣчено: 29-го декабря 1827 г.

Такое же повтореніе ошибокъ или опечатокъ изданія 1882 г. замѣчается и въ текстѣ крупнымъ произведеній. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ «Е. Онѣгина». Глава I, строфа LX, стихъ 10: «Плоды трудовъ своихъ отдамъ», а у Пушкина во всѣхъ изданіяхъ: «плоды трудовъ моихъ»... — Глава III, строфа XVIII, послѣдній стихъ: «И съ пѣньемъ въ церковь повели», у Пушкина: «Да съ пѣньемъ»...—Глава VI, строфа XXI, стихъ 12-й: «Такъ наша вѣрная подруга»,—у Пушкина: «Такъ ваша»...—Глава VII, строфа XVI, стихъ 13-й: «Мальчишки разгнали псовъ»,—у Пушкина: «Мальчишки разогнали»... Той же главы въ строфѣ XXXIV совсѣмъ пропущенъ цѣлый стихъ 6-й: «Высокопарный, но голодный».—Той же главы, строфа XXXVIII, стихъ 1-й: «Прощай, свидѣтель нашей славы», а у Пушкина всадъ: «...падшей славы».—Глава VIII, строфа LI, стихъ 6-й: «А ты, съ которой образованъ»,—у Пушкина: «А та, съ которой»... Всѣ указанныя неточности, — ошибки или опечатки,—находятся въ изданіи 1882 г. и отчасти принадлежатъ

ему, отчасти повторены изъ предшествовавшихъ не Пушкинскихъ изданій, но во всякомъ случаѣ у г. Морозова онѣ (примѣровъ можно было бы привести гораздо больше) повторены изъ изданія 1882 г. и показываютъ намъ, что текстъ 1882 г. положенъ въ основу разбираемаго изданія. Быть можетъ, кто-либо найдетъ, что отмѣченныя неточности часто неважны, но, во-первыхъ, самъ г. Морозовъ, безъ сомнѣнія, не можетъ быть такого мнѣнія, а, во-вторыхъ, согласимся даже, что эти ошибки не важны: это вѣдь, однако, не значить, что ихъ слѣдуетъ повторять. Изданіе полного собранія сочиненій Пушкина—дѣло очень нелегкое; при обширности и сложности такого изданія въ немъ, конечно, трудно вовсе избѣжать ошибокъ и опечатокъ; но вотъ поэтому-то именно и не слѣдуетъ повторять еще чужія ошибки. Въ изданіи г. Морозова есть свои собственные ошибки и опечатки (онѣ отчасти указаны въ поправкахъ изданія, отчасти были отмѣчены уже въ критикѣ), и есть кромѣ того еще ошибки и опечатки изданія 1882 г.; такимъ образомъ, тутъ является уже двойное количество ошибокъ, и какъ бы ни были онѣ мало-важны, но если дѣло пойдетъ такимъ образомъ дальше, Пушкинскій текстъ будетъ мѣняться и искажаться все больше и больше. На данномъ примѣрѣ хорошо видно все значеніе выставленнаго выше принципа: необходимо изучать подлинный печатный Пушкинскій текстъ ¹⁾.

Итакъ, въ основѣ разбираемаго изданія лежитъ, какъ мы видимъ, текстъ 1882 г.; тутъ нельзя не отмѣтить одной странности. Изданіе Литературнаго Фонда пользуется текстомъ Ефремовскаго изданія 1882 г.; особенно важную помощь долженъ былъ оказать VII томъ, въ которомъ г. Ефремовъ впервые собралъ переписку Пушкина (и у насъ есть доказательства, что VII томъ Ефремовскаго изданія опять таки послужилъ основой для VII тома разбираемаго изданія: такъ, напр., въ письмѣ къ Нащокину, отъ 27-го мая 1836 г., у г. Морозова, какъ и въ изданіи 1882 г., пропущена приписка); этого мало, въ своихъ примѣчаніяхъ г. Морозовъ часто пользуется примѣчаніями г. Ефремова, повторяя ихъ иногда буквально,—это особенно замѣтно въ VII томѣ, но встрѣчается также и въ другихъ. И не смотря на такое широкое и внимательное пользованіе изданіемъ 1882 г., въ разбираемомъ изданіи совсѣмъ не упоминается о предшествовавшихъ изданіяхъ П. А. Ефремова, какъ будто ихъ и не было. Такое умолчаніе очень странно.

Остановлюсь теперь еще на вопросѣ весьма важномъ для критическаго изданія, — на вариантахъ. О нихъ предисловіе выражается такъ: «что касается вариантовъ, то, въ виду возможно правильнаго восстановленія текста,

¹⁾ Нельзя также не замѣтить, что въ разстановкѣ знаковъ препинанія г. Морозовъ тоже болѣею частью слѣдуетъ изданію 1882 г., которое иногда значительно въ этомъ отношеніи отличается отъ подлинныхъ Пушкинскихъ изданій. Мнѣ кажется, что гдѣ возможно, т. е. въ большинствѣ случаевъ,—слѣдуетъ сохранять пушкинскую разстановку знаковъ препинанія. В. Я.

изъ числа ихъ приводятся, въ подстрочныхъ выноскахъ, лишь такіе, которые допускались самимъ авторомъ въ различныхъ при жизни его напечатанныхъ изданіяхъ его сочиненій, или же имѣютъ значеніе автобіографическое и историко-литературное..., иѣста, измѣненные или отброшенные при печатаніи, но не зачеркнутыя въ рукописи и т. п.». Признаюсь, я не понимаю, почему какіе бы то ни было варианты, приведенные въ примѣчаніяхъ, могутъ мѣшать «правильному возстановленію (?) текста»,—къ чему тутъ какія-нибудь ограниченія? Конечно, можно считать мелкіе черновые варианты излишними въ популярномъ изданіи Пушкина,—это другое дѣло,—но правильность текста тутъ не при чемъ. Впрочемъ, и при такомъ ограниченіи, странно мотивированномъ, остается все-таки значительное число вариантовъ, дать которыхъ общается г. редакторъ. Но, къ сожалѣнію, онъ не исполняетъ своего обѣщанія: мы почти не находимъ у него никакихъ вариантовъ. Можно было бы указать цѣлый рядъ пѣсень, гдѣ пропущены болѣе или менѣе важныя варианты, какъ изъ незачеркнутыхъ рукописей, такъ и изъ тѣхъ, «которые допускались самимъ авторомъ въ различныхъ, при жизни его напечатанныхъ, изданіяхъ его сочиненій»,—однимъ словомъ, такихъ, которые обѣщаны въ предисловіи; но такой списокъ былъ бы слишкомъ длиненъ; гораздо легче обратно привести списокъ тѣхъ стихотвореній, при которыхъ даны варианты; въ первомъ отдѣлѣ (лирическія стихотворенія) я замѣтилъ такихъ стихотвореній всего шесть: «Наполеонъ» (I, 253), «Элегія» (I, 255), «Ріего» (I, 298), «Для береговъ отчизны дальней» (II, 119), «Полководецъ» (II, 175), «Памятникъ» (II, 190). Трудно сказать, чѣмъ руководствовался г. Морозовъ, выбирая только эти пѣсмы для указанія вариантовъ и оставляя безъ вариантовъ цѣлый рядъ другихъ стихотвореній. Нѣсколько чаще встрѣчается указаніе вариантовъ при крупныхъ произведеніяхъ, но и тутъ далеко нѣтъ желательной или даже обѣщанной полноты. Возьмемъ для примѣра «Е. Онѣгина». Извѣстно, что всѣ главы этого романа выходили сначала отдѣльно; отрывки изъ нихъ печатались раньше еще по журналамъ и альманахамъ; затѣмъ вышло полное изданіе романа въ 1833 г.; всѣ эти изданія разанчались между собою вариантами; были, наконецъ, еще новыя отлнчія и въ изданіи 1837 г. Всѣ эти варианты г. Морозовъ долженъ былъ указать по прямому обѣщанію своего предисловія, но онъ этого не сдѣлалъ; вмѣсто обѣщаннаго, вмѣсто Пушкинскихъ печатныхъ вариантовъ онъ далъ, на ряду съ дополненіями, довольно много черновыхъ вариантовъ, болшею частью несомнѣнно откинутыхъ Пушкинымъ, т. е. не подходящихъ подъ условленное ограниченіе. Иногда у г. Морозова внесены въ текстъ «Онѣгина» первоначальные варианты, безъ указанія на позднѣйшія измѣненія и безъ оговорокъ. Такъ, третій стихъ XIX строфы главы второй у г. Морозова читается: «Она влюблялася въ романы», но это первоначальная редакція «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» 1826 г., въ изданіяхъ же 1826, 1833 и 1837 гг. читаемъ: «Она влюбилася»...; такъ, 12 стихъ

XXV строфы главы четвертой напечатанъ: «Улыбкой Ольги ободренный», но это редакція перваго изданія — 1829 г., а въ изданіяхъ 1833 и 1837 гг. находимъ: «Улыбкой Ольги одобренный». Или еще: г. Морозовъ печатаетъ вторую главу «Е. Онѣгина», съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя сдѣланы, впервые, въ Ефремовскихъ изданіяхъ по подлинной рукописи (даже и тутъ объ Ефремовскомъ изданіи не упомянуто!), но совсѣмъ этого не огорвариваетъ и не указываетъ прежней печатной Пушкинской редакціи измѣненныхъ мѣстъ. Однимъ словомъ, не смотря на общія, данныя въ предисловіи, разбираемое изданіе такъ невнимательно отнеслось въ вариантамъ, что они просто, можно сказать, въ немъ отсутствуютъ.

Кромѣ этихъ общихъ указаній относительно того, какъ изданіе Литературнаго Фонда пользуется рукописями и печатными изданіями Пушкина, сдѣлаю еще нѣсколько второстепенныхъ, частныхъ замѣчаній.

Недостаточная систематичность въ пользованіи рукописями, отмѣченная выше, отразилась, между прочимъ, и на помѣткахъ. Подъ немногими пісами, впервые напечатанными по рукописи (о нихъ говорено выше) сдѣлана краткая ссылка на рукопись, но иногда подобная ссылка, — неизвѣстно зачѣмъ, — сдѣлана при такихъ произведеніяхъ, которыя не только были извѣстны раньше, но въ которыя не внесено тутъ никакихъ измѣненій (напр. II, стр. 124, стр. 313, или V, 109). Такія помѣтки тутъ могутъ лишь сбивать читателя. Напротивъ того, иногда г. Морозовъ ни помѣткой, ни словомъ не упоминаетъ о рукописи тамъ, гдѣ вноситъ въ прежній текстъ существенныя измѣненія; напр., въ элегіи «Опять я вашъ, о, юные друзья» (I, 148), кромѣ другихъ поправокъ, на основаніи рукописи выкинуто шесть стиховъ, но объ этомъ ничего не сказано.

Надо еще отмѣтить, что г. Морозовъ дѣлаетъ иногда невѣрные указанія на счетъ рукописей. Такъ, относительно пропуска въ отрывкѣ: «Мой другъ, уже три дня», онъ замѣчаетъ (I, 285): «здѣсь въ рукописи не достаетъ листа». Читатель долженъ подумать, что пропускъ очень великъ, въ цѣлый листъ, а между тѣмъ у Пушкина отрывокъ этотъ набросанъ на одной страничкѣ въ два столбца, пропускъ же въ срединѣ его зависитъ отъ того, что верхній уголъ страницы оторванъ (Рукопись № 2366, л. 8, см. «Русскую Старину», 1884 г., май, стр. 326. Описаніе рукописей Пушкина въ Румянцовскомъ музеѣ). Еще подобный примѣръ: г. Морозовъ говоритъ (I, 319), что наброски поэмы и драмы «Вадимъ» сохранились въ рукописяхъ Румянцовскаго музея, а между тѣмъ, по упомянутому сейчасъ описанію этихъ рукописей, въ нихъ находятся только отрывки драмъ и программа (поэмы), а самого наброска поэмы нѣтъ. Конечно, это мелочи, но г. Морозовъ, безъ сомнѣнія, согласится, что и такія мелкія ошибки нежелательны, что рукописями Пушкина слѣдуетъ пользоваться со всевозможною точностью.

Относительно правильности хронологическаго распредѣленія нѣкоторыхъ

произведеній, принятаго въ разбираемомъ изданіи, можно иногда сомнѣваться, но во всякомъ случаѣ никакъ нельзя было помѣщать подъ 1822-мъ годомъ программу «Стрѣлецъ, влюбленный въ боярскую дочь» и проч. (II, стр. 320); эта программа находится въ одной тетради съ «Арапомъ Петра Великаго» (1827 года). Можно-ли также относить къ 1820 году набросокъ «И чувствую, душа моя» (I, 232), когда онъ находится въ тетради 1829 года и имѣеть отношенія къ другимъ произведеніямъ этого времени?

Подъ пѣсней «Свободы сѣятель пустынный» г. Морозовъ выставилъ помѣту — «1-го декабря». Дѣйствительно, это стихотвореніе находится въ письмѣ Пушкина къ А. И. Тургеневу отъ 1-го декабря 1823 г., но Пушкинъ говоритъ въ письмѣ объ этихъ стихахъ, что онъ ихъ «написалъ надняхъ»; такимъ образомъ подъ стихами невозможно выставить «1-го декабря», помѣту письма: они относятся къ концу ноября. Вообще надо замѣтить, въ разбираемомъ изданіи помѣты нерѣдко пропущены или переданы неточно, не вполне, — наприм., въ нихъ иногда недостаетъ указанія года или мѣста тамъ, гдѣ въ рукописи оно есть. Подъ однимъ очень небольшимъ стихотвореніемъ: къ Аглаѣ (1821 г.), находимъ странную помѣту: «февраль—мартъ». Неужели оно такъ помѣчено въ рукописи Публичной бібліотеки? Кажется, вѣрнѣе, что это догадка редактора; во всякомъ случаѣ, такую помѣту слѣдовало оговорить. Подъ 1820 годомъ стихи Чаадаеву, помѣченные «Съ морскаго берега Тавриды», должны, конечно, быть помѣщены раньше Нериды и «Рѣдѣть облаковъ»..., двухъ пѣсней, помѣченныхъ «Каменка», а не послѣ нихъ, какъ это сдѣлано г. Морозовымъ: Пушкинъ въ Каменкѣ былъ послѣ Крыма.

Въ концѣ 1825 года помѣщены вмѣстѣ «Пѣсни, записанныя Пушкинымъ», и въ числѣ ихъ находимъ двѣ, которыя не сомнѣнно сочинены, а не записаны Пушкинымъ: 1) «Только что на проталинахъ весеннихъ» и 2) «Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку».

Предисловіе указываетъ, что въ примѣчаніяхъ объяснены, между прочимъ, заимствованія и подражанія Пушкина. Это очень важный и очень интересный вопросъ, который—замѣчу кстати—требовалъ бы спеціальнаго изслѣдованія; дать въ примѣчаніяхъ подобныя указанія—дѣло очень полезное (ср. ниже, объ изданіи г. Полинванова); но только при опредѣленіи этихъ подражаній и заимствованій надо наблюдать строгую мѣру, большую осторожность. Г. Морозовъ, между прочимъ, указываетъ (II, 338), будто описаніе гарена ночью въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ заимствовано Пушкинымъ у Байрона, изъ шестой пѣсни Донъ-Жуана; это указаніе совершенно невѣрно, такъ какъ Бахчисарайскій Фонтанъ написанъ въ 1822 году, а шестая пѣсня Донъ-Жуана издана только въ слѣдующемъ 1823 году. Такимъ образомъ, сходство въ описаніи гареновъ у обоихъ поэтовъ случайное, т. е. зависѣвшее отъ общности сюжета. Этотъ примѣръ хорошо показываетъ, съ какою осмотрительностью надо дѣлать подобныя предположенія и сравненія. Не будь хронологическаго противорѣчія,

указаніе г. Морозова могло бы, пожалуй, получить общее признаніе, и тогда стали бы, можетъ быть, еще обвинять Пушкина въ умышленномъ заирательствѣ, такъ какъ онъ въ своей перепискѣ не разъ повторяетъ, что знаетъ только первыя пять пѣсенъ «Донъ-Жуана».

Вотъ еще ошибка въ этомъ отдѣлѣ примѣчаній: на стр. 371, тома I-го, напечатанъ отрывокъ—«Начало I-й пѣсни Дѣвственницы», и тутъ же замѣчено: «первые 17 стиховъ этого отрывка представляютъ довольно близкій переводъ начала поэмы Вольтера—*Rucelle d'Orleans*. Далѣе слѣдуетъ обращеніе къ самому Вольтеру». Послѣднее совершенно невѣрно, такъ какъ весь отрывокъ переведенъ изъ Вольтера, въ концѣ же его не Пушкинъ насмѣшливо обращается къ Вольтеру, а Вольтеръ къ Шапелену, поэту XVII вѣка, который воспѣлъ Орлеанскую Дѣву въ двадцати четырехъ пѣсняхъ.

Особенность разбираемаго изданія составляетъ его расположеніе. Всѣ стихотворенія Пушкина раздѣлены на два отдѣла—мелкихъ и крупныхъ произведеній. Такое раздѣленіе, стало быть, основывается лишь на принципѣ удобства для читателей, а не на эстетическихъ требованіяхъ, съ точки зрѣнія которыхъ многіе критики осуждали Пушкинское хронологическое распредѣленіе пѣснь, когда оно, послѣ долгаго забвенія, было восстановлено въ изданіи 1880 года; критики тогда находили крайне, наприм., неприличнымъ непосредственное содѣйство графа Нулина съ Борисомъ Годуновымъ, въ изданіи же литературнаго фонда они какъ разъ находятся рядомъ, такъ какъ въ отдѣлѣ крупныхъ произведеній сохраняется хронологическій порядокъ. Но если разбираемое изданіе приняло свою систему въ видахъ удобства для читателей, то оно при этомъ сдѣлало очень существенную ошибку въ раздѣленіи томовъ, такъ какъ читателямъ могло бы казаться удобнымъ имѣть въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ томѣ всѣ мелкія пѣсы поэта, а между тѣмъ тутъ именно этого-то и нѣтъ: первый отдѣлъ занимаетъ весь первый томъ и часть второго тома, крупныя же произведенія составляютъ часть второго тома и весь третій; объемъ томовъ нисколько не мѣшалъ изъ перваго отдѣла составить одинъ томъ, а второй отдѣлъ разбить на два цѣльныхъ тома; теперь же, при существующемъ дѣленіи на томы, при помѣщеніи указателя лишь въ третьемъ томѣ, почти все удобство, которое можно признавать за дѣленіемъ на два отдѣла, пропадаетъ. Для того, чтобы отыскать какое нибудь мелкое стихотвореніе въ разбираемомъ изданіи, читатель все-таки долженъ взять всѣ три первые тома: въ указателѣ третьяго тома найти заглавіе искомой пѣсы, а затѣмъ отыскать ее въ первомъ или во второмъ томѣ.

VII томъ составленъ, какъ и въ изданіи 1882 года, изъ писемъ Пушкина, которыя здѣсь дополнены всѣмъ напечатаннымъ послѣ 1882 года и семейною перепискою. Письма здѣсь расположены въ хронологическомъ порядкѣ, каждый годъ отдѣльно: объ этомъ я тоже буду говорить дальше.

Очень удобно, что въ разбираемомъ изданіи примѣчанія слѣдуютъ непосред-

ственно за каждой пісдой, такъ что они на глазахъ у читателя, а не скрыты въ концѣ тома. Большое удобство представляютъ также указатели, составленные г. Морозовымъ: кромѣ обычнаго алфавита заглавій, онъ даетъ еще указатель хронологической и указатель лицъ и предметовъ (недостаточно, впрочемъ, полные).

Къ изданію литературнаго фонда приложены три портрета; изъ нихъ два извѣстны: хорошая копія съ гравюры Гейтмана и илюстрація съ гравюры Уткина; третій портретъ—неудовлетворительная фототипія съ карандашнаго портрета, нарисованнаго въ 1820 году Жюлемъ Вернэ; къ сожалѣнію, мы не узнаемъ изъ предисловія никакихъ больше подробностей объ этомъ портретѣ. При Пугачевскомъ бунтѣ (VI томъ) наводятся всѣ Пушкинскія приложенія.

Изданіе литературнаго фонда было обставлено очень серьезно: за нимъ наблюдала особая коммиссія, имѣвшая въ своемъ составѣ авторитетныхъ специалистовъ; подробная программа изданія была рассмотрѣна и одобрена отдѣленіемъ русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ; наконецъ, самая редакція текста и составленіе примѣчаній были поручены лицу, уже извѣстному своими работами по русской литературѣ. При подобныхъ условіяхъ отъ изданія можно требовать многого, очень многого; поэтому-то о такомъ изданіи, объ его недостаткахъ и можно сдѣлать строгія замѣчанія. Наконецъ, я позволилъ себѣ остановиться подробнѣе на иныхъ, даже болѣе мелкихъ, промахахъ разбираемаго изданія потому, что оно, совершенно понятно, пользуется теперь особымъ авторитетомъ, послужило уже и еще будетъ служить образцомъ и матеріаломъ для другихъ изданій (см. наприм., ниже, объ изданіяхъ Марокуева, Сытина), такъ что всякая отдѣльная поправка къ нему можетъ имѣть близкое практическое значеніе. Но само собою разумѣется, что я не могъ задаваться въ этой статьѣ цѣлью систематически указать всѣ ошибки разбираемаго изданія: я отмѣчалъ общія черты, указывалъ отдѣльные, характерные примѣры.

Хотя указанныя выше промахи и ошибки въ общемъ всѣ существеннаго характера, но все-таки они не лишаютъ разбираемаго изданія его достоинствъ. Оно исправило и дополнило Пушкинскій текстъ (особенно посмертный) на основаніи рукописей, причемъ нѣкоторыя дополненія и поправки явились здѣсь впервые. Напечатано изданіе, если не великолѣпно, то все-таки пріятно, на удовлетворительной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, въ красивомъ форматѣ. По вѣжливости изданіе это, уступая прежнимъ, лучше всѣхъ новыхъ изданій.

2. А. С. Пушкинъ. Полное собраніе сочиненій. Изданіе В. В. Комарова, подъ редакцію П. А. Ефремова. Семь томовъ, цѣна три рубля.

П. А. Ефремовъ, давно извѣстный своими изданіями русскихъ писателей XVIII и XIX вѣка, два раза уже редактировалъ сочиненія Пушкина. Его первое изданіе 1880 года (Исаковское) надѣлало шуму: г. Ефремовъ впервые въ немъ отмѣтилъ ошибки и неточности Анненковскаго изданія; это было серьезнымъ событіемъ въ исторіи Пушкинскаго печатнаго текста, и въ этомъ одномъ уже немаловажная заслуга г. Ефремова. Изданіе 1882 года (Ф. И. Анскаго, въ Москвѣ) имѣло весьма важную особенность: оно впервые дало собраніе писемъ Пушкина. Для обоихъ изданій г. Ефремовъ внимательно изучалъ печатный Пушкинскій текстъ, воспользовавшись также извѣстнымъ числомъ рукописей поэта, какъ хранящихся въ публичной библиотекѣ, такъ и находящихся въ частныхъ рукахъ; благодаря этому, ему удалось внести въ Пушкинскій текстъ немало поправокъ и даже дополненій. Но, къ сожалѣнію, въ его изданіяхъ были допущены неточности, опечатки: часть ихъ указана выше, когда говорилось о повтореніи ихъ въ изданіи литературнаго фонда.

Г. Ефремовъ тщательно внесъ теперь въ свое новое, Комаровское, изданіе всѣ поправки и дополненія, которыя явились въ печати съ 1882 года. За этотъ періодъ времени черновыя рукописи Пушкина сдѣлались общедоступными въ Румянцовскомъ музеѣ; обширныя извлеченія изъ нихъ, дополнявшія и исправлявшія прежній печатный Пушкинскій текстъ, были сообщены въ «Русской Старинѣ» и въ «Русскомъ Архивѣ». Г. Ефремовъ внимательно и вполне воспользовался этими сообщеніями; самому ему, къ сожалѣнію, не пришлось заняться рукописями Пушкина въ Румянцовскомъ музеѣ. Въ этомъ отношеніи изданіе литературнаго фонда имѣетъ несомнѣнное преимущество: мы видѣли, что г. Морозовъ извлекъ изъ московскихъ рукописей новыя дополненія и поправки. Но такъ какъ, съ одной стороны, главный матеріалъ этихъ рукописей былъ болѣе или менѣе исчерпанъ въ обширныхъ сообщеніяхъ «Русской Старины», а съ другой, г. Морозовъ, какъ замѣчено было выше, не воспользовался всѣми оставшимися въ рукописяхъ данными, то по общему числу и важности поправокъ, внесенныхъ въ текстъ противъ изданія 1882 года, изданіе Комарова мало уступаетъ изданію литературнаго фонда; другими словами, если сравнить Комаровское изданіе съ изданіемъ 1882 года, разница окажется гораздо значительнѣе, чѣмъ между Комаровскимъ изданіемъ и изданіемъ литературнаго фонда. Конечно, новыя дополненія г. Морозова, составляющія отличіе его изданія отъ изданія Комаровскаго, имѣютъ немаловажное значеніе, являясь въ первый разъ; но за то у г. Ефремова, въ Комаровскомъ изданіи, есть нѣкоторыя дополненія, которыя хотя и были напечатаны

раньше, пропущены у г. Морозова; такъ, въ изданіи послѣдняго нѣтъ пѣсень о Стенькѣ Разинѣ, т. е. не тѣтъ, которыя записаны, а которыя сочинены Пушкинымъ (въ Комаровскомъ изданіи, II т., стр. 117); или не хватаетъ приписки въ письмѣ къ Нащокину (о чемъ было сказано уже выше; ср. изд. литературнаго фонда VII, 405, и изд. Ком. VII, 419); или еще, въ письмѣ къ Я. Н. Толстому тоже пропущена приписка (ср. изд. Л. Ф., VII, 40, съ изд. Ком., VII, 143), которую г. Морозовъ долженъ былъ знать и по рукописи, и изъ «Русской Старины» (1884 г., декабрь, стр. 576).

Г. Морозовъ самъ занимался по черновымъ тетраднымъ поэта, это большое преимущество; отъ этого текстъ его изданія полнѣе и точнѣе; но и изданіе г. Ефремова явилось въ достаточной полнотѣ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что по экономическимъ соображеніямъ для дешевизны цѣны (7 томовъ въ 8^о—3 р.), въ Комаровскомъ изданіи изъ Джона Теннера и изъ записокъ Моро-де-Бразе помѣщены только предисловія. Точно также, французскія письма помѣщены лишь въ русскомъ переводѣ. Нѣкоторые изъ ошибокъ прежняго изданія г. Ефремова устранены въ новомъ: знакъ, что г. Ефремовъ снова работалъ по подлинному печатному пушкинскому тексту.

Особенность прежнихъ Ефремовскихъ изданій составляло общее хронологическое распредѣленіе всѣхъ и мелкихъ, и крупныхъ стихотворныхъ произведеній Пушкина, въ новомъ изданіи эта особенность сохранена съ тѣмъ ограниченіемъ (какъ это уже было и въ изданіи 1882 года), что черновые наброски отнесены въ конецъ cadaго тома. Я попрежнему считаю, что это общее хронологическое Пушкинское распредѣленіе стихотвореній — самое лучшее. Письма у г. Ефремова и теперь, какъ въ изданіи 1882 года, расположены не хронологически, а по лицамъ, къ которымъ писаны. Такой порядокъ мнѣ кажется тоже болѣе удобнымъ. Съ одной стороны письма къ одному лицу (наприм., къ жепѣ) нерѣдко представляютъ у Пушкина нѣчто цѣлое, такъ что ихъ и удобно, и пріятно имѣть въ одномъ мѣстѣ, а съ другой для читателя (не для изслѣдователя) вообще, кажется, интереснѣе читать письма по лицамъ, а не по годамъ. Но правда, что для справокъ хронологическое распредѣленіе писемъ лучше. Вообще надо, кажется, быть довольнымъ, что г. Морозовъ и г. Ефремовъ различнымъ образомъ расположили письма Пушкина, и мы имѣемъ теперь ихъ собраніе и по времени, и по лицамъ.

Нельзя не пожалѣть, что въ Комаровскомъ изданіи нѣтъ прежнихъ примѣчаній г. Ефремова, сгруппировавшаго въ нихъ не мало интересныхъ данныхъ.

Къ Комаровскому изданію приложены шесть портретовъ Пушкина; между прочимъ, при II томѣ находится снимокъ съ портрета, рисованнаго Веркэ, но только портретъ этотъ крупнѣе, чѣмъ приложенный при изданіи литературнаго фонда (каковъ же размѣръ подлинника?), имя художника не названо, а самый портретъ отнесенъ къ 1821 г. (въ изданіи литературнаго фонда къ 1820 г.). Жаль, что и у г. Ефремова мы не находимъ никакихъ подробностей объ

этомъ портретѣ. Всѣ портреты Пушкина въ разбираемомъ изданіи исполнены неудовлетворительно: вмѣсто шести неудачныхъ полнотипажныхъ портретовъ Пушкина лучше было бы приложить одинъ хорошій. Нельзя не пожалѣть, что ни въ одно изъ новыхъ изданій Пушкина не повторенъ замѣчательный портретъ работы Райта, появившійся впервые при изданіи 1882 года.

При первомъ томѣ Комаровскаго изданія помѣщена небольшая біографія Пушкина, составленная г. П. П. Каратыгинымъ по его-же известнымъ очеркамъ, напечатаннымъ раньше въ «Русской Старинѣ». Біографія написана живо, не смотря на краткость, но нѣкоторые факты передаются въ ней не совсѣмъ точно.

Изданіе г. Комарова напечатано хорошо, четкими шрифтомъ (не вездѣ чисто), на порядочной бумагѣ и, при дешевой цѣнѣ, представляетъ вполне приличную вѣщность.

Первое изданіе г. Комаровъ пустилъ въ продажу (оно раскуплено было у него въ первый-же день), а затѣмъ рядъ послѣдующихъ изданій (безъ всякихъ измѣненій) онъ разсылаетъ желающимъ изъ подписчиковъ своей газеты «Свѣтъ».

3. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе А. С. Суворина. 10 томовъ. Цѣна 1 р. 50 к.

— Томе, изданіе второе, исправленное и дополненное.

Въ печати уже достаточно извѣстна исторія этого изданія, по отношенію къ изданію Литературнаго Фонда, такъ что на ея подробностяхъ я останавливаться не буду. Вкратцѣ все дѣло въ томъ, что значительная часть изданія г. Суворина напечатана съ корректуръ Литературнаго Фонда ¹⁾, не только со всѣми поправками, внесенными въ текстъ впервые въ этотъ изданіи, но и со всѣми его опечатками и ошибками. Для насъ въ этомъ дѣлѣ любопытно заявленіе А. С. Суворина, что онъ самъ за своимъ изданіемъ не слѣдилъ, а такъ какъ кромѣ него отвѣтственного редактора не имѣется, то оказывается, что издательская фирма г. Суворина печатала полное собраніе сочиненій Пушкина, не только не имѣя болѣе или менѣе авторитетнаго редактора, а просто предоставивъ все дѣло совмѣстному рѣшенію корректора и метранпажа. Такое отношеніе къ изданію представляется весьма страннымъ, и въ результатѣ его было то, что одна часть изданія была напечатана по чужимъ корректурамъ, а другая, по старому, совсѣмъ не исправленному тексту. Такъ все это изданіе и можно раздѣлить на два разные отдѣла: къ одному принадлежатъ мелкія піесы, Е. Онѣгинъ, и значительная часть прозы,—все это напечатано по корректурамъ г. Морозова, со всѣми его дополненіями и поправками, которыя

¹⁾ Изданіе Литературнаго Фонда печаталось въ типографіи А. С. Суворина.
В. Я.

онъ сдѣлалъ, а также, понятно, и съ точнымъ воспроизведеніемъ ошибокъ и опечатокъ; ко второму отдѣлу относится бѣольшая часть крупныхъ произведеній и остальная проза; этотъ отдѣлъ напечатанъ по тексту 1882 года, т. е. безъ позднѣйшихъ поправокъ или дополненій, такъ что, напр., остались неисправленными Борисъ Годуновъ, Каменный Гость, Русалка и многое, многое другое. Есть, однако, очень немного вещей, которыя были исправляемы не по корректурамъ г. Морозова, а самостоятельно, но за то, болышею частью, и не вполне точно. Самодѣятельность безыменнаго редактора сказалась еще въ томъ, что въ изданіе внесены изъ «Чтеній московскаго общества исторіи и древностей руссійскихъ» не принадлежащій, повидимому, Пушкину переводъ «Слова о Полку Игоревѣ», при чемъ текстъ не только не исправленъ по рукописи (хотя на сильныя неточности его было указано въ печати), но даже и не вставлены пропущенныя пять стиховъ, которые приведены были въ «Русской Старинѣ» изд. 1884 года.

Самостоятельность разбираемаго изданія проявилась также въ распредѣленіи произведеній Пушкина по томамъ, главнымъ образомъ въ распредѣленіи мелкихъ піесъ. Въ предисловіи (неизвѣстно кѣмъ оно написано, кѣмъ составленъ планъ изданія; предисловіе говоритъ отъ лица издательской фирмы «мы»), читаемъ: «мелкія стихотворенія мы раздѣлили на три тома, руководствуясь отчасти Бѣлинскимъ въ его разборѣ Пушкина. Въ третій томъ нашего изданія вошли тѣ стихотворенія первыя лѣтъ, которыя или самъ Пушкинъ печаталъ въ собраніяхъ своихъ сочиненій, или вообще указываются, какъ лучшія, или же—хотя иногда и несправедливо—пользуются особенною извѣстностью. Въ этотъ же томъ вошли всѣ стихотворенія до 1826 года, когда дарованія Пушкина не выработались еще до полной самостоятельности (?). Лучшія вещи этого періода мы перенесли въ четвертый томъ нашего изданія, въ которомъ помѣщены всѣ стихотворенія, которыя Пушкинъ написалъ послѣ 1826 г., кромѣ нѣкоторыхъ болѣе слабыхъ,—ими мы дополнимъ третій томъ. Въ четвертый томъ нами выбраны эпиграммы, не имѣющія личнаго характера, или же сильнымъ и рѣзкимъ оборотомъ мысли получившія общую извѣстность. Всѣ стихотворные отрывки и варианты мы собрали въ концѣ третьяго тома». Десятый томъ составленъ изъ стихотвореній лицейскихъ и до 1819 г. Вотъ какая странная система! Въ основу дѣленія на томы положена какъ будто хронологія: 1) лицейскія стихотворенія; 2) стихотворенія до 1826 г., и 3) стихотворенія послѣ 1826 г.; но при этомъ прямо сказано, что по оцѣнкѣ достоинства піесъ (цѣнителемъ былъ все тотъ же безыменный редакторъ изъ служащихъ въ типографіи), онѣ переносятся произвольно изъ тома въ томъ, такъ что хронологія тутъ не при чемъ. И эта оцѣнка или расцѣнка произведена очень странно и небрежно. Такъ, въ IV томъ пошло нѣсколько черновыхъ, совершенно неоконченныхъ, набросковъ, которые при томъ же отчасти относятся ко времени до 1826 г., т. е. въ

IV томъ могли попасть только по своему особенному художественному значенію, ставящему ихъ гораздо выше остальныхъ произведеній Пушкина того времени; таковыми, по мнѣнію безымяннаго редактора, напр., оказались отрывочныя четверостишія 1824 г.: «Два чувства равно близки къ намъ», «Забытъ и роцу и свободу», «Дитя, не смѣю надъ тобой» (IV, стр. 140); или, напр., тутъ-же находимъ стихотвореніе «Роза» («Гдѣ наша роза?»—IV, стр. 137), маленькую бездѣлку 1815 г., надъ которой самъ Пушкинъ отиѣтилъ у себя въ тетради: «не надо». Повидимому, безымянному редактору эта піеса показалась достойною занять мѣсто въ ряду лучшихъ стихотвореній той эпохи, «когда дарованіе Пушкина выработалось до полной самостоятельности». Вообще IV томъ на одну треть состоитъ изъ произведеній до 1826 г.; съ другой стороны, не мало отличныхъ позднихъ произведеній отнесено въ III томъ. Разбирая стихотворенія Пушкина съ такою строгою и своеобразною критикою, безымянный редакторъ сортируетъ ихъ вполне по своему произволу,—піэсы, написанныя въ одно время и стоящія въ связи другъ съ другомъ, притомъ нѣсколько не различающіяся по достоинству,—попадаютъ въ разные томы. Этого мало: піэсы каждаго тома размѣщаются опять совершенно произвольно. Хронологія соблюдена въ X томѣ, но ни въ III, ни особенно въ IV томѣ на нее не обращено ни малѣйшаго вниманія, и всѣ піэсы перемѣшаны и перетасованы безъ всякой системы, безъ толку и смысла (и безъ указанія годовъ). Для всякаго читателя хронологическій порядокъ особенно мелкихъ лирическихъ произведеній Пушкина очень важенъ; онъ чрезвычайно удобенъ для отысканія той или другой піэсы: при чтеніи всякій легко и невольно запоминаетъ до нѣкоторой степени хронологическую послѣдовательность стихотвореній, изъ которыхъ многія имѣютъ такую тѣсную связь съ біографіей Пушкина, болѣе или менѣе извѣстной каждому читателю; такимъ образомъ, читатель легко потомъ находитъ разныя искомыя стихотворенія; не говорю уже о томъ, насколько, съ другой стороны, важнымъ и поучительнымъ поясненіемъ біографіи и личности поэта являются стихотворенія его, расположенныя хронологически. Нельзя не удивляться, къ чему безымянному редактору понадобилось устривать такое болѣе, чѣмъ странное смѣшеніе! Перемѣшавъ стихотворенія Пушкина безъ всякой системы и цѣли, онъ еще нашелъ излишнимъ выставлять при каждой піесѣ ея годъ; правда, къ изданію, по примѣру г. Морозова, приложенъ подробный хронологическій перечень, но какъ буду я искать въ этомъ погодномъ перечнѣ хотя «Розу», напечатанную съ лучшими стихотвореніями 1830-хъ годовъ и относящуюся къ 1815 году! Такая система или такая безсистемность въ расположеніи стиховъ поражаетъ своею полною бездѣльностью.

Не буду дѣлать подробныхъ указаній на отдѣльныя ошибки этого изданія,—ихъ очень не мало, и это слишкомъ бы насъ задержало. Довольно сказать, что оно повторило много ошибокъ и опечатокъ изъ изданія Литературнаго Фонда, да прибавило къ нимъ еще своихъ вдвое или даже втрое.

Къ разбираемому изданію приложены портреты Пушкина и его родныхъ (исполненные довольно плохо и не всегда вѣрно), нѣсколько видовъ (отмѣчу курьезъ: домъ Пушкина въ Кишиневѣ, благодаря ошибокъ съ цинкографіей, представленъ навыворотъ, т. е. какъ бы въ зеркалѣ), нѣсколько снимковъ съ рукописей въ уменьшенномъ видѣ; выборъ этихъ снимковъ далеко не удаченъ, при томъ же если еще уменьшеніе рисунковъ не лишаетъ ихъ значенія, то уменьшонное факсимиле рукописи не имѣетъ смысла: такъ Пушкинъ никогда не писалъ, эти снимки не даютъ никакого понятія объ его почеркѣ. Находящаяся при первомъ томѣ «біографія А. С. Пушкина» представляетъ разсказъ краткій, безсодержательный и неточный,—въ такомъ видѣ она ни для кого не нужна; гораздо было бы лучше дать просто полный хронологическій перечень событій изъ жизни Пушкина, что имѣло бы большое значеніе, особенно бы при хронологическомъ расположеніи стихотвореній.

Внѣшность изданія не совсѣмъ пріятная, не совсѣмъ опрятная, хотя напечатано оно крупно и четко. Существенный недостатокъ: изданіе сброшюровано такъ скверно, что его стоитъ только перелистовать, чтобы оно разлетѣлось по листкамъ. Второе изданіе сброшюровано хорошо.

Первое изданіе фирмы Суворина разошлось въ нѣсколько дней (15,000 экз.); теперь вышло уже второе изданіе, «исправленное и дополненное» (30,000 экз.); конечно, эти исправленія и дополненія указываютъ на недостатки перваго изданія, такъ какъ новыхъ открытій безъименный редакторъ сдѣлать не могъ, такъ какъ новыхъ сообщеній по рукописямъ въ промежутокъ между двумя изданіями сдѣлано было очень немного.

Безъименная редакція заявляетъ, что во второмъ изданіи «распредѣленіе по томамъ нѣсколько измѣнено»; къ сожалѣнію, эти измѣненія ничего не значутъ: нѣсколько стихотвореній, по новому капризу, перенесены изъ III тома въ IV или обратно («Роза», о которой говорено выше, все-таки остается въ IV томѣ); прежняя бессистемность остается въ полной силѣ и попрежнему дѣлаетъ изданіе совершенно неудобнымъ, лишаетъ его значенія. Можно только одобрить перенесеніе изъ III тома въ I черновыхъ дополненій къ разнымъ поэмамъ. Надо еще замѣтить, что Суворинское изданіе отличается значительною осторожностью; въ немъ, напр., совсѣмъ нѣтъ оды «Вольность», «Кинжала», т. е. того, что находимъ въ другихъ такихъ-же дешевыхъ изданіяхъ; вѣроятно, этою же осторожностью объясняется и то, что второе изданіе перенесло въ X томъ «Посланіе въ Сибирь» (1827 г.), хотя по времени и по извѣстности эта піеса должна была бы находиться въ IV томѣ.

Въ черновыхъ дополненіяхъ къ Евгению Онѣгину второе изданіе фирмы г. Суворина воспользовалось новыми сообщеніями, которыя даны въ отдѣльномъ изданіи Московскаго общества любителей россійской словесности; но изданіе фирмы г. Суворина не обратило никакого вниманія на поправки, внесенныя московскимъ изданіемъ въ самый текстъ романа на основаніи подлиннаго

печатнаго Пушкинскаго текста, и повторяетъ всё прежнія ошибки (см., напр., выше ошибки, указанныя въ «Евгеніи Онѣгинѣ» по изданію Литературнаго Фонда). Или еще: «Русалка» во второмъ Суворинскомъ изданіи осталась неисправленною попрежнему, «Каменный гость» исправленъ не вполне, тоже «Арапъ Петра Великаго» и «Египетскія ночи»; «Дубровскій» не исправленъ окончательно по изданію Литературнаго Фонда, также «Исторія села Горохина»; совсѣмъ попрежнему неисправлены всё наброски повѣстей и т. д. Вообще улучшения являются тутъ случайными и все изданіе, какъ оно поставлено, не можетъ, при отсутствіи самостоятельнаго редактора, внушать довѣрія. Надо прибавить, что второе изданіе выходило довольно медленно по томамъ, и безъыменная редакція имѣла довольно времени на исправленія.

4. а) Сочиненія А. С. Пушкина. Полное собраніе въ одномъ томѣ. Изданіе Ф. Павленкова, исполненное подъ редакціей А. М. Скабичевскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

б) То-же, въ восьми томахъ; цѣна 1 р. 50 к.

Томе, изданіе второе, въ одномъ томѣ или въ десяти томахъ, цѣна 1 р. 50 к.

Надо отдать справедливость г. Ф. Павленкову: онъ проявилъ много энергій и предприимчивости при изданіи сочиненій Пушкина. Напечатавъ ихъ въ одномъ томѣ большаго формата, въ два столбца, онъ разбилъ каждый столбецъ на двѣ страницы и напечаталъ то-же собраніе въ восьми маленькиихъ томикахъ, пустивъ каждый изъ нихъ въ отдѣльную продажу. Затѣмъ г. Павленковъ еще варьировалъ эти изданія, выпустивъ ихъ на разные цѣны, — на простой и на лучшей бумагѣ, въ переплетѣ и безъ переплета, а однотомное изданіе еще — съ картинками и безъ картинъ; далѣе, онъ съ того-же набора сдѣлалъ болѣе сорока отдѣльныхъ изданій изъ Пушкина, давъ также томъ мелкихъ стихотвореній, томъ поэмъ, томъ драмъ и т. д., и т. д. Наконецъ, онъ выпустилъ отдѣльнымъ альбомомъ картины къ Пушкину.

Выказавъ такую издательскую предприимчивость, г. Павленковъ позаботился и о текстѣ своего изданія, поручивъ его редакцію извѣстному писателю А. М. Скабичевскому, т. е. и въ этомъ отношеніи г. Павленковъ сдѣлалъ, что могъ, и не его вина, что г. Скабичевскій оказался, къ сожалѣнію, не вполне удовлетворительнымъ редакторомъ сочиненій Пушкина.

Довольно обстоятельная біографія Пушкина, приложенная г. Скабичевскимъ къ изданію, составлена хорошо (хотя въ ней есть ошибки — напр., говорится, что «На выздоровленіе Лукулла» написано на выздоровленіе гр. Уварова, отъ чего весь послѣдующій разговоръ объ этомъ стихотвореніи лишается смысла — и хотя со многими положеніями г. Скабичевскаго нельзя согласиться), но, какъ редакторъ Пушкинскаго текста, А. М. Скабичевскій не сдѣлалъ ничего. Выше достаточно было говорено уже о необходимости пользоваться подлинными изданіями и, по возможности, рукописями поэта.

Г. Скабичевскій въ этомъ отношеніи совершенно ничего не объясняетъ намъ въ своемъ предисловіи, какъ и чѣмъ онъ пользуется; заявляетъ только, что его изданіе «не имѣетъ въ виду никакихъ научныхъ цѣлей, назначается исключительно для публики»; но наврядъ ли это обстоятельство, — желаніе дать популярное изданіе, — можетъ оправдывать редакторскій приемъ г. Скабичевского. Приемъ этотъ до крайности простъ. Редактору нѣтъ дѣла ни до рукописей поэта, ни до подлиннаго печатнаго его текста. Онъ просто беретъ изданіе 1882 г. и перепечатываетъ его, выпуская нѣкоторыя вещи. Выше было уже сказано, насколько текстъ изданія 1882 г. требовалъ исправленій и дополненій на основаніи рукописей или хотя на основаніи тѣхъ сообщеній, которыя за послѣдніе годы были сдѣланы въ печати изъ этихъ рукописей. Разбираемое изданіе объ этомъ нисколько не заботится. Я замѣтилъ въ немъ всего три дополненія къ тексту 1882 г., всѣ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ, — дополненія, все крупныя, въ десятки стиховъ; но затѣмъ, всѣ остальные дополненія, и крупныя, и мелкія, всѣ поправки, часто очень существенныя, все это — сообщенное давно уже въ «Русской Старицѣ» и въ «Русскомъ Архивѣ», оставлено редакторомъ разбираемаго изданія безъ всякаго вниманія, такъ что весь посмертный текстъ Пушкина повторенъ тутъ со всѣми страшными искаженіями, съ невозможными пропусками, какъ онъ печатался прежде. Особенно искажѣна была посмертными издателями проза Пушкина, и все это такъ и напечатано въ разбираемомъ изданіи: въ «Архивѣ Петра Великаго», не говоря уже о другихъ ошибкахъ, такъ и осталась корюшница вмѣсто карлицы; въ наброскахъ для «Египетскихъ ночей» два отрывка попрежнему перепутаны другъ съ другомъ; не исправлены «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», «Альманашникъ», «Разговоръ» и т. д. Этого мало: «Дубровскій» почему-то напечатанъ по тексту 1880 г., т. е. даже безъ исправленій и дополненій изданія 1882 г. Такимъ образомъ, вообще редакторъ разбираемаго изданія вовсе и не подумалъ о необходимости исполнить тотъ не малый редакторскій трудъ, который выполненъ П. А. Ефремовымъ (не говоря уже о П. О. Морозовѣ, занимавшимся по рукописямъ), отъ котораго не отказался и г. Л. Поливановъ даже для школьнаго изданія (см. ниже).

Не обративъ никакого вниманія на поправки и дополненія изъ рукописей, разбираемое изданіе совершенно пренебрегло подлиннымъ печатнымъ текстомъ Пушкина. Выше было упомянуто объ ошибкахъ и неточностяхъ въ изданіи 1882 г.; разбираемое изданіе сохранило ихъ всѣ неприкосновенными, возстановивъ только пропущенный стихъ въ «Евгени Онегинѣ»; но для того, чтобы замѣтить, что въ строфѣ Онегина не хватаетъ четырнадцатаго стиха, конечно, не надо много изслѣдованій; всѣ же остальные ошибки текста съ точностью воспроизведены въ разбираемомъ изданіи. Этого мало: въ немъ повторены иногда простыя опечатки изданія 1882 г., хотя бы онѣ нарушали даже размѣръ стиха, какъ, напр., въ «Лицейской годовщинѣ 1825 года», въ 7-й строфѣ:

Непоколебимъ, свободенъ и безпеченъ (должно быть: непоколебимъ) и т. п.

При такихъ приемахъ редакторской работы и при такомъ тщательномъ воспроизведеніи чужихъ опечатокъ не можетъ быть и рѣчи ни о полнотѣ, ни о точности текста.

Нельзя обойти молчаніемъ слѣдующаго страннаго факта. Въ изданіи 1882 г., при лицейскихъ запискахъ Пушкина (V, 1) сдѣлано нѣсколько объяснительныхъ примѣчаній, въ которыхъ говорится о Пушкинѣ въ третьемъ лицѣ, онъ называется «поэтъ». Не смотря на это, разбираемое изданіе, помѣстивъ эти примѣчанія вслѣдъ за записками, дало имъ особое заглавіе: «примѣчанія Пушкина»! А. М. Скабичевскій оговорился въ предисловіи, что опускаетъ въ своемъ изданіи нѣкоторыя прозаическія малоинтересныя вещи, нѣкоторыя примѣчанія Пушкина, а изъ стихотвореній лишь бесвязные варианты. Я не буду входить въ разборъ можно ли было опустить то или другое, но укажу на слѣдующій странный фактъ: пропущены вовсе не одни «бесвязные варианты», а цѣлый рядъ болѣе или менѣе длинныхъ, законченныхъ стихотвореній, какъ-то: «Другъ Дельвингъ, мой парнасскій братъ», посланіе Гнѣдичу: «Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный», посланіе къ Вигелю, къ Вяземскому, и такихъ пропусковъ много. Отчего же они зависѣли? Отъ совершенно случайнаго обстоятельства. Въ изданіи 1882 г. многія стихотворенія были помѣщены при письмахъ, къ которымъ они имѣютъ отношеніе, въ VII томѣ, и большинство такихъ писемъ, во избѣжаніе повтореній, не были еще разъ напечатаны въ отдѣлѣ стихотвореній. Г. Скабичевскій не внесъ въ свое изданіе переписку Пушкина; поэтому, когда онъ взялъ изданіе 1882 г., чтобы перепечатать его, онъ просто откинулъ VII томъ, не обративъ вниманія на то, что онъ при этомъ откидываетъ и рядъ стихотвореній, напечатанныхъ съ письмами: такъ разбираемое изданіе и обошлось безъ нихъ.

Въ своемъ предисловіи А. М. Скабичевскій говоритъ о неудобствѣ хронологическаго распредѣленія даже мелкихъ стихотвореній Пушкина, такъ какъ для отысканія какой-либо пьесы при хронологическомъ порядкѣ большинству читателей каждый разъ приходится перерывать все изданіе (г. Скабичевскій забываетъ объ указателяхъ). Поэтому-то:

„Принимая во вниманіе вышеозначенныя [вовсе неубѣдительныя] соображенія, мы, по предложенію издателя, расположили произведенія Пушкина не въ хронологическомъ порядкѣ, а въ систематическомъ—по родамъ и видамъ поэзій и прозы, подобно тому, какъ были изданы сочиненія Пушкина имъ самимъ въ 1826 году [порядокъ, откинутый Пушкиннымъ въ слѣдующемъ изданіи, которое расположено хронологически] и затѣмъ въ посмертномъ изданіи 1838 года [которое, кажется, было худшимъ изъ всѣхъ изданій Пушкина и которое до сихъ поръ всѣ ругательски ругаютъ]. Намъ кажется, что мы овазываемъ этимъ публикѣ двойную услугу“...

И далѣе объясняется, что при такомъ порядкѣ будто бы легче найти стихотвореніе, и что читатели тутъ «могутъ получить весьма не лишнія и

любопытныя свѣдѣнія о томъ, что даль по каждому роду и виду поэзіи нашъ бессмертный поэтъ», хотя, конечно, права его на безсмертіе не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, много-ли, мало-ли одъ или эпиграммъ имъ написано. Наконецъ, г. Складочевскій еще убѣжденъ—для учителей русской словесности гораздо удобнѣе систематическое распредѣленіе сочиненій Пушкина, хотя, конечно, учителя русской словесности никакъ не могутъ быть причислены къ «большинству», которое принуждено для отысканія какого нибудь стихотворенія рыться по всему изданію Пушкина.

Нечего, конечно, говорить о произволѣ, съ какимыъ приходится дѣлать стихотворенія Пушкина по родамъ и видамъ; г. Складочевскій между прочимъ принужденъ былъ устроить широкую и смѣшанную рубрику: «Антологія (я), описанія, идилліи, пѣсни и думы», отнеся въ нее добрую часть всякихъ стихотвореній Пушкина. Вообще всѣ доводы редактора въ пользу распредѣленія «по родамъ и видамъ поэзіи», всѣ указанія на двойную или даже тройную выгоду такого систематическаго порядка совершенно не убѣдительны, да и самое примѣненіе на дѣлѣ тутъ же прямо показываетъ свои недостатки и не представляетъ никакихъ удобствъ, не можетъ оказать существенныхъ «услугъ». Почему же редакціею принятъ такой порядокъ? Кажется, прямой отвѣтъ мы находимъ въ цитированномъ выше отрывкѣ изъ предисловія: «по предложенію издателя». Для издателя такое распредѣленіе по родамъ и видамъ поэзіи было важно: оно дало ему возможность выпустить сорокъ отдѣльныхъ изданій отъ того же набора (отдѣльно изданы посланія, сатиры и т. д.). Въ этомъ все и дѣло; издатель предложилъ свой порядокъ, редакторъ его принялъ, причемъ неудачно попытался оправдать его общими, а не издательскими соображеніями. Въ концѣ концовъ систематическое расположеніе въ изданіи Ф. Павленкова (хотя неудачное и неудобное), все-таки, конечно, лучше совершенной путаницы въ изданіи фирмы г. Суворина.

По вѣнности изданія Павленковскія удовлетворительны, и его восьмитомный Пушкинъ по виду пріятнѣе, чѣмъ Суворинское изданіе. Что же касается до портрета Пушкина въ Павленковскомъ изданіи и до иллюстрацій (числомъ 44), то они очень плохи. Лучше было бы дать меньше иллюстрацій, но не такихъ плохихъ полиטיפажей, которые къ тому же, по крайней мѣрѣ отчасти, — не новы.

Изданіе Ф. Павленкова очень быстро разошлось и появилось вторично раньше, чѣмъ вышло второе Суворинское изданіе. Въ первомъ Павленковскомъ изданіи не было писемъ Пушкина: во второе изданіе они вошли (составивъ 9-й и 10-й томы въ многотомномъ изданіи). Но кромѣ прибавки писемъ второе изданіе не внесло никакихъ исправленій: оно представляетъ точное повтореніе перваго изданія, т. е. даетъ текстъ такъ, какъ онъ печатался еще въ 1882 году; оно добавило только подъ рубрикой «вновь найденныя стихотворенія» — семь писемъ изъ изданія Литературнаго Фонда, — какъ будто все различіе

между изданіями г. Морозова и г. Павленкова исчерпывается этими семью стихотвореніями; гораздо лучше было бы вмѣсто этого прибавленія заняться точнымъ исправленіемъ всего текста. Биографія осталась въ прежнемъ видѣ. Текстъ писемъ заимствованъ изъ изданія Литературнаго Фонда.

II.

Московскія изданія.

Б. Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сведомъ отзывовъ критики. Изданіе Льва Поливанова для семьи и школы. Т. I. Лирическія стихотворенія, — цѣна 1 р. 50 к. Т. II. Поэмы, сказанія, баллады, эпическія пѣсни, — цѣна 80 к. Т. III (драматическія произведенія) и т. IV (романъ, повѣсти, проза)—еще не выходили.

Какъ уже было упомянуто выше, къ 29-му января, т. е. къ сроку окончанія литературной собственности на сочиненія Пушкина, въ Москвѣ появилось лишь школьное изданіе Льва Поливанова: съ него мы и начнемъ обзоръ московскихъ изданій.

Потребность въ школьномъ изданіи Пушкина сказалась уже давно. Не говоря объ отдѣльныхъ изданіяхъ изъ Пушкина съ этою цѣлью, нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана крупная попытка въ этомъ направленіи: тогдашнимъ собственникомъ сочиненій Пушкина было выпущено школьное изданіе избранныхъ произведеній поэта въ трехъ томахъ подъ редакціей и съ объясненіями г. Козьмина; изданіе это, не смотря на свои недостатки, имѣло успѣхъ и скоро было повторено: такова была потребность въ подобномъ изданіи. Школьное изданіе Пушкина, сдѣланное теперь г. Поливановымъ, превосходитъ изданіе г. Козьмина, какъ по полнотѣ, такъ и по систематичности. Но все-таки и оно вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія.

Въ своемъ предисловіи (стр. VI) г. Поливановъ говоритъ: «что касается до полноты моего изданія, то въ немъ сохранено все, что представляетъ художественный интересъ и заслуживаетъ общаго вниманія; такого, что было бы неумѣстнымъ въ изданіи для семьи и школы, у Пушкина оказалось весьма немного. Вотъ почему я не считъ возможнымъ назвать свое изданіе избранными сочиненіями». Другими словами, г. Поливановъ утверждаетъ, во первыхъ, что его изданіе есть почти полное собраніе сочиненій Пушкина, и, во вторыхъ, что онъ выпустилъ только то немногое, что не подходитъ для юношескаго возраста. Ни то, ни другое положеніе не вѣрно.

Судя по разбѣрамъ томовъ, прежде всего трудно предположить, чтобы четвертый томъ далъ бы вмѣстѣ съ Е. Онѣгинимъ всю ярову, которая, безъ всякихъ комментарій, въ обыкновенныхъ изданіяхъ представляетъ три большіе тома. И вообще, какъ можно, съ незначительными пропусками,

семь томовъ помѣстить въ четыре, да еще наполненные, по крайней мѣрѣ на половину, критическимъ комментариемъ? Тома г. Поливанова при этомъ меньше обычныхъ томовъ большаго изданія Пушкина. О неполнотѣ изданія мы можемъ вполне судить и по первому тому: въ немъ помѣщено 247 стихотвореній, а между тѣмъ общее число всѣхъ мелкихъ пѣсень Пушкина превышаетъ 750, т. е. разбираемое изданіе даетъ только одну треть ихъ по счету; къ тому же, между стихотвореніями, вошедшими въ изданіе г. Поливанова, не мало такихъ, въ которыхъ сдѣланы болѣе или менѣе крупныя пропуски. Такимъ образомъ, тутъ не можетъ быть и рѣчи о полнотѣ; это, несомнѣнно, не что иное, какъ «избранныя сочиненія».

Какъ же сдѣланъ этотъ строгій выборъ? Неужели двѣ трети мелкихъ стихотвореній Пушкина не годятся «для семьи и школы»? Нѣтъ, тысячу разъ—нѣтъ! Изъ откинутыхъ двухъ третей громадное большинство стихотвореній не заключаетъ въ себѣ ничего не подходящаго для юношества. Было бы очень долго перебирать подъ рядъ всѣ откинутыя г. Поливановымъ стихотворенія; достаточно будетъ указать на одинъ какойнибудь отдѣлъ,—возьмемъ, напр., посланія Пушкина въ первый періодъ его жизни, хоть до 1826 года. Г. Поливановъ выпустилъ посланія: къ Галичу два, къ Пушкину три (одно дано въ отрывкѣ), къ Ломоносову, къ Кожанскому, къ Шишкову, къ Дельвигу два, къ Илличевскому (данъ отрывокъ), къ Zubову, къ Юрьеву, къ Щербянину, къ Кравцову два, къ Чаадаеву два (даны маленькіе отрывки при третьемъ посланіи), къ Кюхельбекеру, къ Энгельгардту, къ Катенину, къ Алексѣеву, къ Давыдову два. Конечно, быть можетъ, въ четвертой, скажемъ, части изъ названныхъ посланій въ изданіи для юношества пришлось бы сдѣлать нѣкоторые пропуски, но все-таки ихъ можно было бы напечатать съ этими сокращеніями (чего, какъ уже замѣчено, г. Поливановъ вовсе не избѣгаетъ); за то остальные три четверти изъ нихъ могли бы быть даны въ своемъ цѣломъ и много послужили бы не только къ характеристикѣ самого Пушкина и его личныхъ связей, но въ значительной степени и къ характеристикѣ его взглядовъ на творчество: онъ прямо высказываетъ ихъ, обращаясь къ Дельвигу, Кожанскому или Шишкову и т. д. Кромѣ совершеннаго пропуска указанныхъ посланій, г. Поливановъ выкинулъ не мало стиховъ изъ другихъ посланій, у него приведенныхъ, при чемъ эти пропуски часто бываютъ непонятны, напр., въ посланіи къ А. Ѳ. Орлову или къ Жуковскому: въ послѣднемъ выпущено болѣе половины, вся характеристика русской литературы XVIII вѣка; зачѣмъ было ее выпускать? Если г. Поливановъ не согласенъ съ оцѣнками, сдѣланными у Пушкина, онъ могъ оговорить свой болѣе правильный взглядъ въ объясненіяхъ. Въ концѣ концовъ, изданію, безъ сомнѣнія, очень повредила пропускъ указанныхъ посланій, и этотъ пропускъ очень вредно отразился и на комментарий, о чемъ будетъ сказано ниже.

Итакъ, изданіе г. Поливанова есть несомнѣнно собраніе избранныхъ

сочиненій Пушкина и притомъ вовсе не такое полное, которое могло бы быть (и должно бы быть) сдѣлано для достиженія цѣлей, поставленныхъ г. Поливановымъ.

Что касается до Пушкинскаго текста въ разбираемомъ изданіи, то съ одной стороны оно довольно внимательно воспользовалось сообщеніями изъ рукописей поэта въ «Русской Старинѣ» 1884 г. (иногда, впрочемъ, нужныя поправки не сдѣланы, см., напр., «Завдравный кубокъ», «Чернильница», или сдѣланы невѣрно, напр., въ наброскѣ о Рюиѣ); но, съ другой стороны, въ основу текста положено изданіе 1882 г., при чемъ повторены многія его ошибки и даже просто опечатки (ср., напр., мѣста, указанные выше для изданія Литературнаго Фонда, или еще, въ «Черенѣ» въ 65 стихѣ Увѣренность вмѣсто Умѣренность). Къ этому присоединяются и собственные опечатки. Заимствованіе черновыхъ вариантовъ изъ «Русской Старины» или «Русскаго Архива» для школьнаго изданія часто не имѣетъ значенія, и редакторъ поступилъ бы гораздо правильнѣе, занявшись вмѣсто того выправкой текста по подлиннымъ Пушкинскимъ изданіямъ.

Въ своемъ комментарий г. Поливановъ желалъ дать исторію каждаго произведенія и его оцѣнку. Рассказывая исторію лирическихъ піесъ Пушкина, г. Поливановъ желаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать послѣдовательную біографію поэта; мысль прекрасная, но исполненная далеко не вполне: послѣдовательной біографіи и характеристики Пушкина мы у г. Поливанова все-таки не находимъ; ниже было говорено, напр., о пропускѣ въ разбираемомъ изданіи большинства посланій Пушкина къ его друзьямъ, а при этомъ, конечно, комментарий уже не можетъ дать намъ точнаго и полного изображенія дружескихъ связей Пушкина, вліяніе которыхъ имѣло такое значеніе въ молодые годы нашего поэта.

Значенію біографическаго комментарія имѣшаютъ еще допускаемыя иногда неточности, которыхъ очень легко было бы избѣжать. Такъ, на стр. 80 говорится, что первое изданіе Руслана и Людмилы, за отъѣздомъ Пушкина изъ Петербурга на югъ, было кончено Вяземскимъ, а на самомъ дѣлѣ оно было поручено Гиддичу; такъ дважды (стр. 84 и 132) г. Поливановъ увѣряетъ, будто Пушкинъ въ 1820-хъ годахъ изучалъ Овидія въ подлинникѣ, а между тѣмъ самъ Пушкинъ говоритъ намъ, что по выгодѣ изъ лица ничего не читалъ по латыни. Г. Поливановъ думаетъ, что заниматься Библией Пушкинъ началъ въ Михайловскомъ, и забываетъ о его извѣстномъ письмѣ изъ Одессы, послужившемъ причиною высылки его въ Михайловское: «Читаю библію..» — такъ начинается это письмо. Въ другомъ мѣстѣ г. Поливановъ рассказываетъ, что Пушкинъ, по возвращеніи изъ ссылки, всю зиму 1826—1827 г. прожилъ въ Москвѣ, а между тѣмъ онъ уѣзжалъ въ срединѣ зимы мѣсяца на полтора опять въ Псковъ.

Говоря о собственномъ комментарий г. Поливанова (онъ, кромѣ того, при-

водитъ много отзывовъ критики), укажу также примѣры совершенно невѣрнаго объясненія въ стихотвореніяхъ. На стр. 176 по поводу «Оды графу Хвостову» говорится, будто Пушкинъ призываетъ Хвостова занять мѣсто тѣни Байрона «въ Андѣ», что, по мнѣнію г. Поливанова, особенно комично; между тѣмъ изъ всего стихотворенія вполне ясно, что Пушкинъ зоветъ Хвостова въ Грецію, «гдѣ отъ крови земля промокла»; ошибочное толкованіе въ данномъ случаѣ произошло отъ слишкомъ буквального пониманія словъ: «на мѣсто тѣни знаменитой»; но вѣдь это и въ обыденной рѣчи постоянно говорится такъ: на мѣсто покойнаго, и никто не думаетъ, что это мѣсто въ гробу.

Другой примѣръ: по поводу «Обвала», на стр. 296, г. Поливановъ говоритъ: «это стихотвореніе вызвано мыслями о борьбѣ русскихъ войскъ съ горцами. Ср. съ (со) «Споромъ Лермонтова». Между тѣмъ, для всякаго читателя, думаю, несомнѣнно, что въ данномъ стихотвореніи нѣтъ никакой аллегоріи: Пушкинъ просто описываетъ картину природы, какую онъ видѣлъ самъ (первая строфа) и передаетъ далѣе случай съ обваломъ, о которомъ онъ слышалъ. И какое тутъ подобіе русской борьбы на Кавказѣ? Обвалъ (т. е. по г. Поливанову—русскія войска) завалилъ рѣку Терекъ (олицетвореніе горцевъ, ихъ характера и взглядовъ), но Терекъ сначала промылся подъ обваломъ, а потомъ обвалъ и совершенно разрушился, такъ что тамъ, гдѣ прежде шель по обвалу путь, теперь читается только Эоль. Нѣкоторое подобіе послѣдней строфы, со стихами въ «Спорѣ» Лермонтова, и послужило, повидимому, основаніемъ для толкованія «Обвала», какъ аллегоріи. У Пушкина:

И путь по немъ широкій шель,
И конь скакалъ, и влекся волгъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ;
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эоль,
Небесъ жилецъ.

Г. Поливанову при этихъ стихахъ, должно быть, припомнились стихи Лермонтова:

Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари—оркы...

Надо думать, что, увлеченный воспоминаніемъ объ этихъ стихахъ, г. Поливановъ призналъ вообще сходство «Обвала» Пушкина со «Споромъ» Лермонтова и отсюда уже и призналъ «Обвалъ» за аллегорію, изображающую нашу борьбу съ горцомъ, хотя для этого нѣтъ никакихъ основаній: самые стихи, которые, повидимому, навели г. Поливанова на мысль о сравненіи, по сущности противоположны. У Лермонтова караваны проходятъ тамъ, гдѣ прежде

носились туманы и орды, а у Пушкина наоборотъ: вѣтеръ носится тамъ, гдѣ передъ этимъ, благодаря случайному обвалу, могли проходить караваны. Но и кромѣ разбираемыхъ стиховъ никакой аналогіи между двумя піесами въ цѣломъ провести нельзя: случайное и преходящее, хотя и величественное, явленіе обвала Пушкинъ никакъ не могъ сравнивать съ нашими завоеваніями на Кавказѣ. Вся піеса просто даетъ картину кавказской природы безъ всякаго олицетворенія и аллегорій.

Для того, чтобы дать оцѣнку произведеній Пушкина, г. Поливановъ дѣлаетъ выборку изъ главнѣйшихъ нашихъ критиковъ: работа серьезная и очень полезная. Однако, опять надо замѣтить, что выборъ отрывковъ не всегда удаченъ; они иногда слишкомъ длинны, иногда черезъ-чуръ кратки, часто не согласованы, не сведены, а выводъ самому читателю бываетъ трудно сдѣлать,—для этого не дается достаточнаго матеріала. Какое, напр., значеніе могутъ имѣть такіе отзывы: «Мечтатель. По замѣчанію Бѣлинскаго, стихотвореніе это показываетъ сильное вліяніе Батюшкова. По мнѣнію Анненкова, оно представляетъ... первое проявленіе самостоятельнаго таланта. Размѣръ его (стихотворенія),—прибавляетъ отъ себя редакція,—употреблявшійся и Батюшковымъ,—одинъ изъ любимыхъ размѣровъ Жуковскаго». Такимъ образомъ, г. Поливановъ, вмѣсто того, чтобы высказаться—кто правъ, Бѣлинскій или Анненковъ, есть ли данная піеса подражаніе Батюшкову или нѣчто самостоятельное, указываетъ еще на сходство съ Жуковскимъ, т. е. оставляетъ вопросъ въ неопредѣленномъ положеніи: зачѣмъ же было его ставить? Или еще № 16. «Изъ посланія къ кн. А. М. Горчакову» (стр. 41). «По замѣчанію Бѣлинскаго, это стихотвореніе носитъ слѣды вліянія Батюшкова. По замѣчанію Гаевского, эта элегія, напоминающая содержаніемъ, размѣромъ и нѣкоторыми выраженіями посланіе Жуковскаго къ Филалету, въ то-же время носитъ слѣды подражанія предсмертной элегіи Жильбера». И опять юный читатель остается въ недоумѣніи, кому же и въ чемъ подражалъ Пушкинъ въ данномъ случаѣ.

Существеннымъ достоинствомъ комментарія г. Поливанова представляется постоянно дѣлаемые сравненія съ иностранными образцами Пушкина (гораздо полнѣе, чѣмъ у г. Морозова), при чемъ приводятся въ подлинникѣ или въ переводѣ иностранныя произведенія, которымъ подражалъ или изъ которыхъ заимствовалъ свои мотивы Пушкинъ.

По внѣшности, изданіе г. Поливанова не особенно изящно, напоминаетъ обычные учебники; къ тому-же комментарий,—въ немъ часто есть чужіе, не Пушкинскіе стихи,—недостаточно отдѣляется по шрифту отъ стихотвореній Пушкина, и послѣднія совершенно тонутъ въ немъ, такъ что ихъ иногда нелегко найти.

На оберткѣ вышедшихъ къ 29-му января первыхъ двухъ томовъ сказано: «томы III и IV печатаются и выйдутъ въ непродолжительномъ времени». Къ сожалѣнію, до сихъ поръ обѣщанные томы не появлялись.

Въ общемъ, изданіе г. Поливанова является удачнымъ, но все-таки оно не исчерпываетъ окончательно всей задачи, во-первыхъ, по неполнотѣ (не говоря уже объ ошибкахъ въ текстѣ), во-вторыхъ, по своей высокой цѣнѣ, въ третьихъ, наконецъ, потому, что оно рассчитано только для юношества старшаго возраста.

Всѣ остальные изданія, о которыхъ буду говорить дальше, печатались уже послѣ выхода изданій выше разобранныхъ,—такимъ образомъ, они всѣ могли и должны были воспользоваться работою г. Морозова или г. Ефремова. Одни изъ нихъ это сдѣлали, другія нѣтъ, но во всѣхъ ихъ не видно и слѣда самостоятельной редакторской работы; поэтому очень подробно говорить о нихъ нечего,—я лишь кратко охарактеризую каждое изъ этихъ изданій и его отношеніе къ своему первоисточнику, т. е. къ тому изданію, которое положено въ его основу.

6. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе А. А. Марцева. Биографическій очеркъ составленъ А. Сосницкимъ. Одинъ томъ, цѣна 1 р. 25 к.

Это изданіе не воспользовалось трудами непосредственныхъ предшественниковъ: оно даетъ текстъ, большею частью, неисправленный, непополненный, какъ онъ печатался до 1882 года включительно. По неполнотѣ и неточности текста, по преднамѣреннымъ пропускамъ для сокращенія своего объема, это изданіе близко къ (первому) изданію г. Павленкова; оно отличается отъ него тѣмъ, что часть стихотвореній и часть прозы напечатаны не по изданію 1882 года, а по изданію 1880 г., т. е. повторяетъ такія особенности его, напр., въ хронологіи піесъ, которыя были исправлены еще въ изданіи 1882 г. (зачѣмъ это было нужно брать за образецъ изданіе 1880 г. — не понятно). За то расположеніе піесъ въ разбираемомъ изданіи лучше, чѣмъ въ изданіи г. Павленкова (здѣсь только три отдѣла — лирика, эпосъ, драма); точно также лучше и внѣшность, т. е. бумага и печать (къ сожалѣнію, изданіе очень плохо сброшюровано); въ немъ, наконецъ, меньше опечатокъ. Забѣчу еще, что курьезная ошибка г. Скабичевского, съ примѣчаніемъ г. Ефремова къ Лицейскимъ запискамъ Пушкина, повторена и въ Карцевскомъ изданіи; надо думать, что она прямо заимствована изъ Павленковскаго изданія, — трудно предположить случайное совпаденіе въ столь странной ошибкѣ.

Портретъ Пушкина, «гравированный художникомъ Яновымъ» (т. е. это, конечно, значитъ — политипажъ) и находящійся на оберткѣ, совершенно никуда не годится. Къ изданію приложенъ биографическій очеркъ, составленный А. Соснецкимъ; читается онъ легко, но въ немъ не мало неточностей и замѣчается странная неразборчивость по отношенію къ источникамъ; тексты

Пушкина цитуются въ неисправленномъ видѣ, что для біографа иногда особенно неудобно.

Изданіе г. Карцева самое дешевое изъ всѣхъ болѣе или менѣе полныхъ изданій сочиненій Пушкина. По слухамъ, оно (15,000 экземпляровъ) почти все уже разошлось, и г. Карцевъ предполагаетъ выпустить второе изданіе, исправивъ и дополнивъ текстъ, но не возвышая цѣны.

7. а) Полное собраніе сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина. Изданіе В. Н. Маракуева. 10 томовъ, цѣна 1 р. 50 к., на плотной бумагѣ 2 р. 50 к., на вале-новой 3 р. 50 к. б) Собраніе сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина. Изданіе В. Н. Маракуева. 6 томовъ, цѣна 1 р.

8. а) Полное собраніе сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина. Изданіе М. Д. Сытина и К°, 10 томовъ, цѣна 1 р. 50 к. б) Собраніе сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина. Изданіе М. Д. Сытина и К°, 6 томовъ, цѣна 1 р.

Всѣ эти четыре изданія, напечатанныя съ одного набора въ типографіи И. Д. Сытина и К°, представляютъ одно и то-же, поэтому я буду говорить о нихъ сразу. Впрочемъ, между изданіями Маракуева и Сытина есть еще одно различіе, кромѣ обертки, о которомъ будетъ сказано ниже.

Прежде всего замѣтимъ, что шеститомное Собраніе сочиненій отличается отъ десяти томнаго Полнаго собранія прямо отсутствіемъ послѣднихъ четырехъ томовъ, заключающихъ въ себѣ журнальныя статьи, историческія сочиненія, записки, письма.

Въ основу разбираемаго изданія положенъ текстъ изданія Литературнаго Фонда; текстъ этотъ перепечатанъ съ старательною точностью, при чемъ лица, завѣдывавшія перепечаткой, допустивъ, конечно, свои опечатки, постарались добросовѣстно сохранить всѣ ошибки своего подлинника, не обративъ вниманія даже на списокъ опечатокъ, приложенный къ изданію Литературнаго Фонда. Тутъ произошелъ характерный для разбираемыхъ изданій случай: въ изданіи Литературнаго Фонда, въ сценѣ изъ «Фауста», была пропущена по недосмотру цѣлая страница, такъ что потомъ эту сцену перепечатали на отдѣльномъ листкѣ, который и раздавался покупателямъ. Разбираемыя изданія не обратили вниманія на этотъ листокъ и напечатали сцену изъ Фауста съ пропускомъ 31 стиха!

Текстъ «Е. Онѣгина», «Бориса Годунова» и «Полтавы» въ разбираемыхъ изданіяхъ взятъ изъ отдѣльныхъ изданій, напечатанныхъ Обществомъ любителей россійской словесности. «Онѣгинъ» дѣйствительно напечатанъ въ этомъ изданіи точнѣе и полнѣе, но за то въ «Борисѣ Годуновѣ» и «Полтавѣ» тамъ данъ только основной текстъ, такъ сказать, вульгата, и гг. Маракуевъ-Сытинъ, воспроизведя его, даютъ «Бориса Годунова» въ менѣе полномъ видѣ, чѣмъ изданіе Литературнаго Фонда. При этомъ же тутъ воспроизведены опять

ошибки изъ изданій Общества словесности, а новыя дополненія къ «Евгенію Онегину» не взяты.

Гг. Маракуевъ-Сытинъ, пользуясь изданіемъ Литературнаго Фонда, выпустили, однако, многое изъ черновыхъ набросковъ и изъ мелкихъ произведеній Пушкина; при этомъ трудно понять, почему одно выброшено, а другое — совершенно такого же характера — оставлено. Гораздо правильнѣе отношеніе къ дѣлу въ изданіи г. Павленкова или г. Карцева: тамъ выпущены всѣ черновые наброски и дополненія, и читатель, по крайней мѣрѣ, знаетъ прямо, чего нѣтъ и что есть, а въ разбираемомъ изданіи это никому неизвѣстно. Наверядь ли и сами издатели знаютъ, что они пропустили... Что? Галуба, ни болѣе, ни менѣе, какъ Галуба.

Дѣлая произвольные пропуски для своего изданія, гг. Маракуевъ-Сытинъ допустили при этомъ повтореніе одного и того-же. Въ этомъ отношеніи особенно отличились оба изданія г. Маракуева: въ нихъ дважды напечатана Полтава! Она помѣщена у г. Маракуева въ IV томѣ безъ примѣчаній и въ V томѣ опять дѣлкомъ, съ примѣчаніями. Въ изданіи г. Сытина, печатавшася съ того-же набора, но, очевидно, позднѣе, «Полтава» изъ IV тома выкинута.

Ко всѣмъ четыремъ разбираемымъ изданіямъ приложены одинаковые два портрета и два вида — все въ очень плохихъ полиграфическихъ; особенно портретъ Пушкина-мальчика поразителенъ по своей негодности. Приложенная краткая біографія и «примѣчанія» тоже изъ рукъ вонъ плохи. Наконецъ, всѣ эти изданія изобилуютъ опечатками.

У гг. Сытина и Маракуева было желаніе издать Пушкина точно и полно, но имъ въ этомъ помѣшали, съ одной стороны, экономическіе расчеты, а съ другой неумѣніе взяться за дѣло и небрежность въ исполненіи.

9. Юбилейное изданіе. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина, въ одномъ томѣ всѣ 7 книгъ, восьмая же книга вмѣщаетъ въ себѣ Пушкина біографію. Просмотрѣис и издаме подъ редакцію Мальцева, по послѣднимъ дополненнымъ изданіямъ Ансана, Суворина и Павленкова, редактированнымъ Снабичевскимъ, Ефремовымъ и другими, Изданіе г. Земскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

По одному заглавію можно уже судить объ этомъ изданіи, но для того, чтобы дать еще лучшее понятіе о немъ, приведу двѣ выдержки изъ объясненій редакціи: «нѣсколько словъ объ этомъ изданіи». Редакція объясняетъ, что въ изданіи

„не помѣщены: вторая часть исторіи Пугачевского бунта, которая почти вся состоитъ изъ однихъ матеріальныхъ замѣтокъ и, кромѣ того, камчатскія дѣла и матеріалы къ составленію исторіи Петра Великаго: они безусловно для публики лишни и не составляютъ ни малѣйшаго интереса, и помѣщеніе ихъ только бы усложнило это изданіе въ цѣнѣ безъ всякой пользы для нея (sic), и цѣна ему была бы вмѣсто одного рубля 50 к. уже не менѣе трехъ рублей“.

А въ концѣ еще:

Примѣчаніе. Помѣщеніе критическихъ замѣтокъ, примѣчаній и разбора на сочиненія Пушкина въ это дешевое изданіе совершенно излишне, что только увеличило бы болѣе чѣмъ вдвое цѣну, какъ мы на этотъ предметъ выше сказали" (sic).

Само изданіе представляетъ безобразную перепечатку изданія 1882 года, не только безъ дополненій и поправокъ (какъ и во второмъ Павленковскомъ изданіи внесены семь,—«около десяти», говоритъ г. Мальцевъ—пѣсь изъ изданія Литературнаго Фонда), но со всякими пропусками и искаженіями, съ совершенно произвольною перебивкою произведеній и пр., и пр. Послѣ стихотвореній 1823 г. находимъ 1828 и 1829 г.; затѣмъ «вторая книга» начинается стихотвореніями 1825 г., а далѣе идутъ годы 1826, 1827, 1830 и т. д. Кромѣ того и между отдѣльными годами пѣсы перебиты.

Разбираемое изданіе очень осторожно въ цензурномъ отношеніи, дѣлаетъ поэтому много пропусковъ въ такихъ мѣстахъ, которыя совершенно свободно печатаются во всѣхъ другихъ изданіяхъ. Оно доходитъ до того, что послѣдній куплетъ въ «Посланіи въ Сибирь» (и заглавіе не дано) печатается такъ:

Ок.. тя.. над..
Темн... рух... и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья м... вамъ отдадутъ.

И даже въ пѣснѣ о сынѣ С. Разина, вмѣсто «во царевомъ кабацѣ» — напечатано: «во цар... кабацѣ».

Опечатокъ въ изданіи множество. Внѣшность ужасная, бумага скверная, полей нѣтъ; текстъ напечатанъ что въ два, что въ три, а что въ четыре столбца,—это перебивается часто на одной страницѣ. Портреты очень плохи, особенно фантастическій портретъ Пушкина во весь ростъ; лицо Пушкина на немъ очень мало похоже, онъ закутанъ въ медвѣжью шинель, въ родѣ Державина, а въ облакахъ чья-то рука держитъ лавровый вѣнокъ, кругомъ котораго надпись: «вѣчная, бессмертная слава великому поэту русскому». Біографія—это «выдержки по редакціи Скабичевского». По заглавію и по вышеприведеннымъ образцамъ слога г. Мальцева можно судить о статьѣ. Къ изданію не приложено указателя, нѣтъ даже порядочнаго оглавленія. Вообще это изданіе во всѣхъ отношеніяхъ худшее изъ всѣхъ новыхъ изданій Пушкина, и наврядъ ли оно можетъ быть превзойдено въ будущемъ.

10. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Состоящее изъ 12-ти частей. Изданіе предназначено для всего русскаго народа. Съ приложениемъ біографіи поэта, торжества открытія ему памятника въ Москвѣ, юбилея 50-тилѣтія и хромотипографированныхъ картинъ. Изданіе книгопродавца издателя С. М. Леукина (1 томъ, цѣна 2 р.).

Леукинское изданіе плохо, но все таки нѣсколько лучше въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ изданіе г. Земскаго. Оно напечатано на болѣе хорошей бумагѣ, всего въ два столбца съ полями: опечатокъ, правда, тоже очень много. Стихотворенія Пушкина перебиты тутъ, кажется, еще больше, чѣмъ у г. Земскаго; за то разбираемое изданіе полнѣе, не дѣлаетъ такихъ безобразныхъ пропусковъ. Текстъ, конечно, взятъ по изданію 1882 г. безъ исправленій. Біографія подробнѣе и нѣсколько лучше составлена, хотя, конечно, о самостоятельной работѣ, о самостоятельной мысли въ ней нѣтъ и помину, а источники ея взяты безъ разбору и безъ провѣрки. Свѣдѣнія объ открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ и о празднованіи его памяти 29-го января 1887 г. заимствованы тоже безъ разбору и безъ системы изъ всякихъ газетъ. Хромотипографическія картины (объявленія г. Леукина все время, и до выхода изданія, и послѣ его появленія, упорно говорили объ олеографическихъ картинахъ), болшею частью, крайне плохи.

III.

Мы рассмотрѣли всѣ или почти всѣ новыя «полныя собранія» сочиненій Пушкина ¹⁾).

Изданій много, но общее впечатлѣніе получается далеко не благоприятное. Какъ уже замѣчено выше, дешевизна изданій не составляетъ еще заслуги издателей. Ни одно изъ новыхъ изданій, за двумя исключеніями, не можетъ удовлетворить двумъ основнымъ требованіямъ, — точности и полнотѣ. Исключеніе составляютъ только два наиболѣе дорогихъ изданія: изданіе Литературнаго Фонда подъ редакціей г. Морозова и Комаровское изданіе подъ редакціей г. Ефремова: только на эти два изданія была положена самостоятельная работа, только они представляютъ извѣстную гарантію относительно точности и полноты текста. Но вполне удовлетворительными, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, и эти два изданія не могутъ быть названы. Во первыхъ,

¹⁾ Еще мнѣ извѣстны: 1) Изданіе газеты „Лучъ“, 2) Изданіе петербургскаго товарищества „Общественная польза“ и 3) одно одесское изданіе, выходящее отдѣльными выпусками; самостоятельнаго значенія они не имѣютъ.

каждое изданіе изъ нихъ представляетъ разныя стороны редакторской работы: г. Морозовъ самостоятельно занимался рукописями поэта, г. Ефремовъ—печатнымъ Пушкинскимъ текстомъ; послѣднее, по моему, важнѣе, но собственно важно-то было бы соединеніе обѣихъ сторонъ. Во вторыхъ, въ обѣихъ изданіяхъ есть существенные недостатки, нѣкоторые пропуски, ошибки и т. д. Оба изданія далеко не разрѣшили омончательно задачи, чѣмъ г. Ефремовъ, впрочемъ, и не задавался.

Поучительную, хотя очень печальную картину представляетъ исторія Пушкинскихъ изданій съ 29-го января 1886 года. На книжномъ рынкѣ появляется множество всякихъ «полныхъ» изданій; но только одно изъ нихъ было редактировано при помощи рукописей поэта, только другое при помощи подлиннаго печатнаго Пушкинскаго текста. Остальныя всѣ изданія пользовались безъ критики, часто безъ системы и со всевозможнымъ произволомъ трудами г. Ефремова и г. Морозова, при чемъ мы видимъ очень поучительное явленіе—постоянное повтореніе чужихъ ошибокъ,—не говоря уже о щедромъ прибавленіи собственныхъ ошибокъ. Въ концѣ концовъ на книжномъ рынкѣ распродано уже до 200 тысячъ экземпляровъ полныхъ изданій Пушкина и готовятся еще новыя изданія, такъ какъ спросъ все продолжается. Къ сожалѣнію, опытъ уже показалъ (второе изданіе Суворинское и Павленковское), что прежнія изданія, какъ они поставлены, наврядъ-ли могутъ быть исправлены. Поэтому-то очень важно извѣстіе о намѣреніи академіи наукъ предпринять изданіе сочиненій Пушкина.

Нечего говорить о томъ, что это обязанность академіи, исполнить которую академія можетъ, какъ должно: для этого у нея есть всѣ данныя.

Академія можетъ, не торопясь, не забываясь о требованіяхъ книжной спекуляціи, серьезно исполнить свою задачу. А задача и теперь еще предстоитъ нелегкая. Рукописи Пушкина все еще далеко не исчерпаны. «Описаніе» ихъ многое оставляло въ сторонѣ, притомъ же въ немъ, какъ и можно было ожидать и какъ показано г. Морозовымъ, вкралось достаточно ошибокъ и неточностей. Г. Морозовъ тоже не исчерпалъ рукописей, тоже допустилъ неточности. Будешь надѣяться, что редація академическаго изданія съумѣетъ окончательно изслѣдовать рукописи Пушкина. Затѣмъ ей, конечно, предстоитъ задача полного сличенія печатнаго Пушкинскаго текста.

Издавать сочиненія извѣстныхъ русскихъ писателей, это—одна изъ главныхъ обязанностей академіи. Изъ примѣра съ изданіемъ сочиненій Державина мы можемъ видѣть, какъ хорошо обставлены бывають подобныя академическія изданія.

Нельзя сомнѣваться, что на изданіе сочиненій Пушкина будетъ теперь употреблено не менѣе труда и заботъ, и мы въ академическомъ изданіи будемъ имѣть полный и точный текстъ Пушкина, снабженный объясненіями и примѣчаніями, съ приложеніемъ портретовъ, видовъ, факсимиле рукописей и рисунковъ,

а также снимковъ съ извѣстныѣ иллюстраціи къ сочиненіямъ Пушкина и проч. Само собою разумѣется, что на ряду съ такимъ роскошнымъ изданіемъ должно быть сдѣлано изданіе болѣе простое и очень дешевое,—быть можетъ, потребуется даже нѣсколько разныхъ изданій и т. д.

Спросъ на сочиненія Пушкина, не удовлетворенный еще количествомъ новыхъ изданій, тѣмъ болѣе не удовлетворенъ ниъ качествомъ. Поэтому-то, повторяю, нельзя не привѣтствовать съ особенною радостью намѣреніе Императорской Академіи наукъ издать собраніе сочиненій А. С. Пушкина достойнымъ образомъ.

В. Е. Ямшкінъ.

Августъ 1887 г.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

Стихотвореніе на французскомъ языкѣ

1841 г.

I.

Въ майской книгѣ «Русской Старины» изд. 1886 г. (стр. 405) я помѣстилъ французскіе стихи, находящіеся между «предсмертными» стихотвореніями Лермонтова, о коихъ въ послѣднемъ изданіи сочиненій редакторъ повторяетъ сказанное имъ и прежде, что это стихотвореніе «нельзя прочесть, потому что карандашъ стертъ». Карандашъ совсѣмъ не стерся и стихотвореніе читается легко, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться, взглянувъ въ знаменитый альбомъ, хранящійся въ императорской публичной библиотекѣ. Помѣщая подлинникъ, я выразилъ неувѣренность, точно ли стихотвореніе принадлежитъ Лермонтову, или же только списано Михаиломъ Юрьевичемъ съ мыслью перевести его на русскій языкъ.

Въ августовской книгѣ «Русской Старины», на стр. 445, г. Якоби, сравнивъ стихи съ произведеніемъ Шиллера «Die Erwartung», находитъ, что это переводъ послѣдняго. Однако, все же остается невыясненнымъ, сдѣланъ ли переводъ Лермонтовымъ или инымъ лицомъ. Во всякомъ случаѣ, эти стихи не переводъ, а лишь навѣяны Шиллеромъ. Лирическое стихотвореніе послѣдняго состоитъ изъ 64 строчекъ, тогда какъ французская пьеса, о коей идетъ рѣчь, состоитъ изъ 18 строкъ. Если переложеніе дѣйствительно сдѣлано Лермонтовымъ, то это только характеризуетъ нашего поэта. Онъ любилъ стихи кованый, выражался кратко и образно, не любилъ многоглаголенія, тогда какъ Шиллеръ охотно переходилъ въ риторичку. Указаніе

г. Якоби побудило меня опять приглядѣться къ извѣстному стихотворенію нѣмецкаго поэта. Оно распадается, такъ сказать, на двѣ части. Въ немъ рисуется влюбленный, ожидающій свою возлюбленную, — онъ прислушивается къ малѣйшему шуму, весь поглощенный мыслью о ея появленіи. Это выражено краткими четырехстишіями, затѣмъ четырехстишія перерываются восьмистрочными ямбами, описывающими мечты и чувства ожидающаго, являясь какъ бы комментариемъ. Можно читать четырехстишія одно за другимъ, выпуская комментарий, и стихотвореніе произведетъ полное впечатлѣніе, даже выиграетъ въ своей лирической образности. Вѣроятно, Лермонтовъ, слагая французскіе стихи, если только онъ думалъ подражать нѣмецкому поэту, вызывалъ изъ памяти одни четырехстишія; но и тутъ французское стихотвореніе является въ болѣе сжатой формѣ, нежели оригиналъ.

Вѣрнѣе всего, что въ поэтической памяти поэта безсознательно сохранился мотивъ шиллеровскаго стихотворенія и онъ, при тождественной обстановкѣ и аналогическихъ чувствахъ, написалъ подобное-же. Переводомъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать напечатанное мною стихотвореніе. Въ сказанномъ каждому легко увѣриться, сравнивъ его съ пьесой Шиллера въ оригиналѣ, или хоть въ переводѣ Мея въ изданіи собранія сочиненій Шиллера г. Гербеля (1875 г., стр. 45). Тамъ же находится нѣсколько стихотвореній Лермонтова, навѣянныхъ на 14-тилѣтняго юношу германскимъ поэтомъ.

Подъ влияніемъ воспитательницы своей, нѣмки Кристины Рѣмеръ, и гувернера г. Кана, Лермонтовъ въ дѣтствѣ находился подъ сильнымъ обаяніемъ поэзіи Лессинга, Гете и Шиллера въ особенности. Рано уже началъ онъ его переводить, подражалъ ему, давалъ своимъ произведеніямъ заглавія на нѣмецкомъ языкѣ ¹⁾. Онъ писалъ даже стихи на языкѣ имъ излюбленныхъ поэтовъ.

Кромѣ четырехстишія Лермонтова на нѣмецкомъ языкѣ, мною уже напечатаннаго ²⁾, въ юношескихъ тетрадяхъ встрѣчается еще и слѣдующее стихотвореніе:

¹⁾ О вліяніи этомъ я говорю въ декабрьской кн. „Русской Мысли“ 1881 г.

²⁾ Sie ist zu schön um tugendhaft zu sein,
Um treu zu lieben ist zu lieblich sie;
Wohl tausend Herzen könnten sie erfreun,
Doch selbst, selbst glücklich wird sie nie.

Четырехстишіе это напечатано въ той же книжкѣ „Русской Мысли“ (прим. 51), но съ опечатками, искажающими смыслъ. Оно переведено самимъ Лермонтовымъ на русскій языкъ, съ прибавленіемъ еще новыхъ четырехъ стиховъ:

Ты слишкомъ для невинности мила
И слишкомъ ты любезна, чтобъ любить;

Dir folgen meine Thränen,
 Dir die du von mir fliehst,
 Und mein unendlich Sehnen
 Ganz ohne Thränen siehst.
 Jetzt ist der Tag verloren,
 Auf den ich mich gefreut,
 Doch was ich dir geschworen,
 Hat mich noch niegereut.
 Und könntest du ihn messen
 Den Schmerz, den ich nicht mass,
 Du würdest nie vergessen,
 Den der dich nie vergass.
 Der Anblick dieser Wunden
 Würd' dir dann schmerzhaft sein,
 Mir würden diese Stunden
 Mein erstes Glück erneun.
 Mein Herz, das du verkennest,
 O, Freundin! bleibt doch dein;
 Das Herz, für das du brennest,
 Wird nicht so standhaft sein ').

Полмиру дать ты-бъ счастье могла,
 Но счастливой самой тебѣ не быть...
 Влаженства намъ не посылаетъ рокъ
 Вдвойнѣ. Видала-ль быстрый ты потокъ?
 Берега его цвѣтуть, тогда какъ дно
 Вездѣ глубоко, холодно, темно...

- *) Переводъ: Во слѣдъ за тобою текутъ мои слезы,
 Онѣ вызваны тобою, меня избѣгающею.
 И на мою безграничную страсть
 Глядящую вовсе безъ слезъ.
 Погибъ для меня день,
 Котораго я такъ радостно ожидалъ;
 Но то, чѣмъ я полюбилъ тебѣ,
 Во мнѣ еще не вызвало раскаянья.
 Если-бъ ты могла измѣрить муку,
 Которая для меня не имѣетъ мѣры,
 То не могла бы забыть того,
 Кто тебя никогда не забывалъ.
 Видѣ этихъ ранъ (моихъ)
 Водѣзненно отозвался бы въ тебѣ —
 Мнѣ же эти мгновенія
 Напомнили бы часы перваго счастья.
 Мое сердце, котораго ты не хочешь познать,
 Другъ мой! все же останется твоимъ;
 Сердце жь, къ которому ты пылаешь,
 Не выкажетъ такого постоянства.

И это стихотвореніе я не могу рѣшительнымъ образомъ признать за Лермонтовское, хотя ни я, ни знатоки нѣмецкой литературы не могли отыскать его въ произведеніяхъ германскихъ поэтовъ. Во всякомъ случаѣ, и оно, и то, которое помѣщаю въ примѣчаніи, рисуютъ состояніе нашего поэта, въ то время полюбившаго сверстницу свою, молодую дѣвушку Барбару Александровну Допухину, на всю жизнь оставшуюся ему милой. Тетради поэта полны мучительныхъ намековъ ревнивыхъ думъ и ощущеній, волновавшихъ молодую душу. Лермонтовъ перелагалъ въ стихи все, что его поражало, и никогда не писалъ ни строчки не пережитаго или не пережившаго имъ.

Если стихи, о коихъ говорю я, не его, то они вполне выражали, что ему хотѣлось выразить, и для него стали собственностью... Внимательное изученіе, однако, все же заставляетъ меня склоняться къ увѣренности, что поэтъ самъ излилъ чувства свои на иностранномъ языкѣ, а не списалъ чужое.

II.

Еще о французскихъ стихахъ Лермонтова.

Въ сентябрьской тетради «Русскаго Архива» изд. 1887 г. (стр. 128) помѣщена статейка: «Лермонтовъ и г-жа Гоммеръ де-Гелль въ 1840 году», сообщенная кн. П. П. Вяземскимъ. Оказывается, что французское стихотвореніе, помѣщенное мною въ майской книгѣ «Русской Старины» изъ альбома «предсмертныхъ стихотвореній» Лермонтова, было въ нѣсколько измѣненной формѣ посвящено легкомысленной, но хорошенькой и умной француженкѣ, еще въ 1840 г. хвастливо говорившей объ отношеніяхъ своихъ къ славному молодому русскому поэту.

Сравнивая обѣ редакціи стихотворенія, я прихожу къ заключенію, что напечатанный мною текстъ болѣе отдѣланъ и слѣдовательно представляетъ позднѣйшій вариантъ. Этимъ объясняется также, почему стихи въ Альбомѣ написаны безъ всякихъ поमारокъ, что и побудило меня высказать мысль о возможной принадлежности ихъ другому поэту и желаніи Михаила Юрьевича перевести пьеску на русскій языкъ. Кто знаетъ, какъ работалъ поэтъ, какъ изъ первоначальныхъ слабыхъ набросковъ мало по малу выходили строки большой граціи, сжатости и чистоты, тотъ сразу согласится, сравнивъ обѣ редакціи, что текстъ, напечатанный мною, является произведеніемъ красоты,

искренности и чистоты чувства, тогда как приводимый въ «Русскомъ Архивѣ» отзывъся наброскомъ, недостаточно отдѣланнымъ, даже, пожалуй, циничнымъ, навѣяннмъ случаемъ никакъ не возвышеннаго характера. Это видно достаточнымъ образомъ изъ заключительныхъ двухъ строкъ. Въ моемъ текстѣ поэтъ пробуждается, когда голосъ возлюбленной касается его слуха, уста чела его:

Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.

Въ текстѣ кн. Вяземскаго спящій просыпается, когда голосъ возлюбленной касается его слуха, нога ноги его:

Sa voix me parlait à l'oreille,
Son pied effleurait le mien.

Удивляюсь, что кн. П. П. Вяземскій не указалъ на эту разницу. Онъ же отвеся къ стихотворенію, очевидно, критически и со вниманіемъ, потому что исправляетъ въ одномъ мѣстѣ текстъ мой и исправляетъ совершенно вѣрно. У меня напечатано:

Le bruit d'une feuille qui pousse
Le vent parfumé de la nuit.

тогда какъ князь указываетъ на то, что вмѣсто qui должно быть que,

Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.

Для бôльшей наглядности приводимъ здѣсь еще разъ оба текста стихотворенія:

Je l'attends dans la plaine sombre...
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement —
Eh non! trompeuse espérance,
C'est un vieux bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant.

Je me penche et longtemps j'écoute,
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas léger produit.
Non, ce n'est rien! c'est dans la mousse
Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.

A Madame Hommaire de Helle.
Près d'un bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant,
Tout dénudé par les vents d'autan,
Je m'assois, fatigué, sur la route.
Attentif,—longuement,—j'écoute
La grande voix du silence.

De loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement,
Son tiède parfum distillant.
Elle vient à moi en courant;
Puis disparaît subitement,
Et se perd dans la nuit sombre.

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profond.
Tout-à-coup, tremblant je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.

C'est la poussière qui poudroie,
Un tas de feuilles qui tourne; —
La chaude bouffée qu'exhalait
Le vent parfumé de la nuit,
En s'avançant à petit bruit,
Un serpent glissait sur les galets.

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse.
Las d'attendre, je m'endors soudain.
Tout-à-coup tremblant je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Son pied effleurait le mien.

Догадка моя о томъ, что мой текстъ есть уже исправленный, подтверждается, впрочемъ, и княземъ. Онъ (на стр. 141) говоритъ, что помнить, какъ въ зиму 1840—1841 гг. Лермонтовъ набрасывалъ свои статьи то карандашомъ, то перомъ. У князя въ памяти сохранились даже нѣкоторыя строки приводимаго стихотворенія, надъ конемъ работалъ поэтъ. Дѣйствительно, хронологія тоже подтверждаетъ мою догадку. Г-жа Гоммеръ де-Гелль говоритъ о стихотворенія въ письмѣ отъ 29-го октября 1840 г., вскорѣ послѣ его поднесенія ей поетомъ. Затѣмъ Лермонтовъ въ ноябрѣ уѣзжаетъ въ Петербургъ, куда является, пробывъ нѣсколько времени въ Москвѣ. Въ Петербургѣ князь Вяземскій видѣлъ, какъ Михаилъ Юрьевичъ работалъ надъ стихами. Уже совладавъ съ ними и давъ имъ совершенно иной колоритъ, Лермонтовъ внесъ ихъ передъ послѣднимъ роковымъ выѣздомъ въ Альбомъ, подаренный ему кн. Одоевскимъ. Не даромъ однимъ извѣстнымъ поетомъ было замѣчено, что часто приходится краснѣть, вспоминая тѣ случаи жизни и тѣхъ женщинъ, которыя подавали первый поводъ къ сочиненію произведеній, являющихся потомъ съ печатью чистоты. Да что намъ до этого, скажу я, повторяя мысль Штрауса, біографа Ульриха Гуттена, что намъ до этого, изъ чего сложился горячій матеріалъ, лишь бы пламя горѣло чистымъ и яркимъ огнемъ. Къ тому же Лермонтовъ не занесъ въ заветную тетрадь то, что написалъ фривольной француженкѣ, а занесъ то, что переработанное имъ, дышетъ чистотой и уже не можетъ считаться посвященнымъ иностранкѣ, да и ею, вѣроятно, было бы найдено недостаточно пикантнымъ. Впрочемъ, француженка оказывается женщиною не безъ ума и наблюдательности, когда говоритъ еще въ 1840 г. о значеніи и судьбѣ Лермонтова. Въ то время, когда многія лица, почитавшіяся въ обществѣ законодателями вкуса и «представителями образованности», видѣли въ Лермонтовѣ «деракаго корнета,

сѣвшаго мечтать о большой поэтической славѣ¹⁾, чуткая французженка, пускай хоть со словъ чужихъ, называетъ его величайшимъ, по смерти Пушкина, поэтомъ Россіи. Затѣмъ она же замѣчаетъ (стр. 133): «Миѣ жаль Лермонтова, онъ дурно кончитъ. Олѣ не для Россіи рожденъ. Его предокъ вышелъ изъ свободной Англїи... а онъ великій поэтъ!!!»

Предсказаніямъ иностранки скоро было суждено осуществиться. Лермонтовъ палъ жертвой не столько своихъ «фарсовъ безъ злобы», надобѣдавшихъ другимъ, сколько жертвою заговора мелкихъ, ничтожныхъ людей, думавшихъ сдѣлать угодное нѣкоторымъ сильнымъ міра сего и выбравшихъ орудіемъ своимъ такого же, какъ они, но только болѣе ограниченаго человѣка—такъ совершенно было убійство.

Князь Вяземскій (на стр. 142) приводитъ разсказъ флигель-адъютанта Лужина, по которому императоръ Николай Павловичъ, при извѣстіи о смерти Лермонтова, сказалъ: «Собака съ собачьей смертїю!» Впрочемъ, государь имѣлъ причины лично негодовать на поэта за дерзкую выходку противъ одной изъ великихъ княженъ—да и не за одно это. (Въ свое время я сообщу этотъ любопытный случай, рѣшившій судьбу Лермонтова). Услужливые люди, съ графомъ Бенкендорфомъ во главѣ, спѣшили поднять гоненіе на молодого человѣка. Только заступничество добросердечнаго великаго князя Михаила Павловича спасало Михаила Юрьевича отъ болѣе тяжкихъ бѣдъ, но отъ смерти не могло спасти.

Что при такихъ условїяхъ,—я о подробностяхъ тоже скажу въ своемъ мѣстѣ,—Лермонтовъ, какъ разсказываетъ кн. Вяземскій, «чувствовалъ себя неловко въ родственной компанїи» и даже съ нимъ, съ которымъ былъ прежде друженъ, сталъ холоденъ (стр. 141)—неудивительно. «Родственная компанїя» была совершенно иного направленія, что сказалось ясно уже въ 1837 г., когда Лермонтовъ вступился за поруганную тѣнь Пушкина²⁾. Зрѣющій духъ поэта

¹⁾ Въ такомъ же родѣ выражалась о Михаилѣ Юрьевичѣ извѣстная прїятельница Гоголя и Пушкина, звѣзда великосвѣтскихъ салоновъ, А. О. Смирнова, рожд. Росеттъ, которой Лермонтовъ посвятилъ всѣмъ извѣстное стихотвореніе. Да и мало ли подобныхъ отзывовъ могъ бы я еще привести.

П. В.

²⁾ См. статью мою о стихахъ на смерть Пушкина въ январской книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1837 г. Относительно незаслуженныхъ нареканій на Лермонтова со стороны „придворной молодежи“ ср. любопытную статью князя А. Васильчикова въ „Голосѣ“ 1873 г. № 15, посвященную защитѣ Михаила Юрьевича. Не могу допустить, чтобы Лермонтовъ, какъ намекаетъ князь, „имѣлъ что-то съ Монго Столыпиннымъ“. Съ легкой руки мало правдиваго графа В. Сологуба распространилось мнѣніе, что между Михаиломъ

чувствовалъ себя не хорошо въ «родственной компаніи». Михаилу Юрьевичу было душно въ этой атмосферѣ, что можно заключить и изъ словъ самого князя Вяземскаго, рассказывающаго, что поэтъ говаривалъ ему: «скучно здѣсь, поѣдемъ освѣжиться къ Карамзиннымъ». У Карамзинныхъ, какъ извѣстно, собиралось развитое и высокообразованное общество. Тутъ можно было встрѣтить представителей лучшей интеллигенціи столицы, людей мысли и таланта. Въ этой средѣ Лермонтовъ былъ принятъ какъ свой человѣкъ. Вотъ если бы наоборотъ, изъ этого круга Михаилъ Юрьевичъ бѣжалъ освѣжиться въ компанію столичныхъ кутиль, среди коихъ, по выходѣ въ офицеры, онъ одно время бывалъ слишкомъ часто—тогда бы дѣйствительно можно было упрекнуть поэта. Но на дѣлѣ было иначе. Сильно и быстро созрѣвали талантъ и умъ его. Его тяготила атмосфера, въ коей былъ онъ вынужденъ дышать, онъ рвался въ отставку, хотѣлъ весь отдаться творчеству литературной дѣятельности; но въ отставку его не пускали, даже въ 48 часовъ времени приказали выѣхать изъ столицы, и давшій это приказаніе гр. Бенкендорфъ въ то-же время сообщалъ на Кавказъ, куда высылали поэта, чтобы его держали въ Тенгинскомъ пѣхотномъ полку и ни за что не позволяли принимать участія въ экспедиціяхъ, которыя одинъ могли дать возможность опальному офицеру выйти изъ угнетающей зависимости.

Рядъ преслѣдованій, вынесенныхъ поэтомъ отъ своихъ недруговъ и особенно отъ графа Бенкендорфа¹⁾, побудившаго его отказаться отъ завѣтной мысли всецѣло отдаться литературной дѣятельности, взорвали молодого человѣка такъ, что, уважая на Кавказъ въ невольное изгнаніе, онъ набросалъ горькое стихотвореніе по адресу своего врага:

Прощай, немытая Россія,
Страна рабовъ, страна господъ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, имъ преданный народъ.

Юрьевичемъ и Монго были натянутыя отношенія или ссора. Это неправда. Братъ „Монго“, Аркад. А. Столыпинъ, опровергаетъ этотъ слухъ самымъ энергическимъ образомъ, когда диктовалъ мнѣ свои сообщенія. Подтвердить это, конечно, и теперь. Монго Столыпинъ, этотъ рыцарь чести и правды, до послѣдняго не только искренно любилъ, но и глубоко уважалъ Лермонтова, которому закрылъ глаза.

¹⁾ Лермонтовъ уже разъ прибѣгалъ отъ преслѣдованія графа Бенкендорфа подъ защиту великаго князя Михаила Павловича, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо его къ его высочеству, печатаемое во 'всѣхъ собраніяхъ сочиненій Михаила Юрьевича.

П. В.

Быть можетъ, за хребтомъ Кавказа
 Укроюсь отъ твоихъ вождей,
 Отъ ихъ всевидящаго глаза,
 Отъ ихъ всеслышащихъ ушей.

Въ раздраженіи своемъ поэтъ не пощадилъ и Россіи, которую онъ любилъ такъ пламенно, къ славѣ которой онъ положилъ свою долю труда и гениа.

Пав. А. Вюковатовъ.

Юрьевъ-Ливонскій.
 7-го септатра 1887 г.

Звѣріада ¹⁾.

Въ уважаемомъ журналѣ „Русская Старина“ было помѣщено сообщеніе Е. А. Теляковскаго о шуткѣ, которая—по преданію, совершенно невѣрному—приписывалась въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ М. Ю. Лермонтову за время бытности поэта въ означенной школѣ; шутка эта была извѣстна подъ названіемъ „Звѣріада“ ²⁾. У меня, какъ у бывшаго воспитаника школы, сохранилось нѣсколько куплетовъ этой шутки, которые я здѣсь и сообщаю. Необходимо, однако, замѣтить, что „Звѣріада“ у меня находится уже въ измѣненномъ послѣдующемъ видѣ. Въ той-же „Русской Старинѣ“ выяснено, что „Звѣріада“ написана была г. Познанскимъ.

З в ѣ р і а д а .

Пора начать намъ звѣріаду,
 Собрались звѣри всѣ толпой,
 Безсмысленныхъ барановъ стадо,
 Подтянетъ васъ корнетъ лхой!..

* *

Бывало эскадронъ гвардейскій
 По всей Россіи славенъ былъ
 И рысаки крестили Невскій,
 Возили юнкеровъ кутилъ.

* *

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1887 г., томъ LIV, апрѣль, стр. 250; май, стр. 504; т. LVI, ноябрь, стр. 517.

²⁾ Названная такъ потому, что во времена М. Ю. Лермонтова, да и въ послѣдующія времена, въ школѣ подпрапорщиковъ младшій курсъ назывался звѣрями, а старшій корнетами.

Теперь же духъ пѣхотный вѣетъ,
Забыто старое, какъ сонъ,
Нововведенья одолѣють,
И станетъ ротой вскадронъ.

* *

Когда настанетъ то мгновенье,
Когда скажу въ послѣдній разъ:
Прощайте, стѣны заточенья,
Ужъ не увижу больше васъ!

* *

Прощай, пролитый желтый дождь
Разсадникъ глупостей и вздора,
Въ тебѣ царить теперь Содомъ,
Настанетъ скоро и Гомора.

* *

Прощайте, всѣ учителя,
Предметы общей нашей скуки,
Ужъ не заставите меня
Приняться снова за науки.

* *

Зубрите, юные вавдамы,
Зубрите день, зубрите ночь,
Хватайте крупныя вы балы,
Не то васъ выгонять всѣхъ прочь.

* *

Кутите, пейте, веселитесь,
Посадить въ карцеръ—не бѣда,
Науку зубрить вы не трудитесь,
Не выйдете проку никогда.

* *

Прощайте, кссы, плюсы, зеты,
Научныхъ формулъ легионъ,
Барбеты, траверсы, банкеты,
Бѣда въ манежѣ безъ стремянь.

* *

Когда настанетъ страшный судъ,
Парадъ увидимъ превосходный,
Корнетъ на небо взойдутъ,
А звѣри въ адъ пойдутъ повзводно... и т. д.

Первоначально всѣхъ куплетовъ было 57, а потомъ прибавилось и, кажется, чуть ли не доросло до 100 слишкомъ. Звѣрїада до сихъ поръ жива въ стѣнахъ Николаевского училища.

Все это интересно, конечно, только потому, что предавіе и, повторяю, совершенно неосновательно, приписывало Лермонтову участіе въ этой шуткѣ.

Членъ общества русскихъ драматическихъ писателей

В. В. Тугомошенинъ.

Варшава.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ,

служба его въ Патріотическомъ институтѣ

1831—1835 ¹⁾).

Служба Н. В. Гоголя въ Патріотическомъ институтѣ относится къ первымъ годамъ его пребыванія въ Петербургѣ. Подобно многимъ великимъ талантамъ, прежде, чѣмъ выйти на настоящій путь, онъ пробовалъ свои силы въ несвойственной ему дѣятельности и только послѣ ряда разочарованій рѣшился отказать отъ нея. Извѣстно, что, по прїѣздѣ въ Петербургъ, Гоголь одно время хотѣлъ сдѣлаться актеромъ, но послѣ первой же репетиціи въ кабинетѣ тогдашняго директора театровъ, князя Гагарина, долженъ былъ убѣдиться въ своей полнѣйшей неспособности къ сценѣ. Затѣмъ онъ сталъ искать государственной службы, о которой мечталъ еще въ ранней юности, надѣясь ознаменовать ее великими дѣяніями, полезными для Россіи и даже всего человѣчества. 10-го апрѣля 1830 г., благодаря покровительству А. А. Трощинскаго, ему удалось поступить на службу въ департаментъ удѣловъ, но, по свидѣтельству его современниковъ, онъ оказался плохимъ чиновникомъ и, пробывъ здѣсь около года, былъ уволенъ по прошенію, какъ видно изъ приложеннаго ниже аттестата.

Послѣ этого новаго разочарованія, онъ рѣшилъ обратиться къ педагогической дѣятельности, къ которой почему-то считалъ себя особенно способнымъ, и довольно долго находился въ этомъ заблужденіи.

¹⁾ Долгомъ считаемъ принести глубочайшую благодарность главному управляющему учрежденіями императрицы Маріи, д. т. сов. И. Н. Дурново, за благосклонное разрѣшеніе нашей просьбы о дозволеніи сотрудничать „Русской Старинѣ“, Н. А. Бѣлозерской, снять копію съ документовъ, на основаніи которыхъ составлена ею настоящая статья. Документы хранятся въ архивѣ канцеляріи Патріотическаго института. Ред.

Въ 1831 году онъ досталъ рекомендательное письмо къ В. А. Жуковскому, который сдалъ его на руки П. А. Плетневу, съ просьбой позаботиться о немъ. Плетневъ, занимавшій тогда должность инспектора классовъ въ Патриотическомъ институтѣ, исходатайствовалъ у ея в—ва для Гоголя мѣсто младшаго учителя исторіи въ этомъ заведеніи, съ жалованьемъ 400 р. въ годъ, какъ видно изъ представленія начальницы института, Л. К. Вистингаузенъ, отъ 6-го февраля.

Гоголь былъ очень доволенъ этимъ назначеніемъ, и въ письмѣ къ матери отъ 16-го апрѣля 1831 года, упоминая объ оставленіи «ничтожной для него службы» въ департаментѣ удѣловъ, онъ пишетъ: ...«Я могъ бы остаться теперь безъ мѣста, если-бы не показалъ уже нѣсколько себя. Государыня приказала читать мнѣ въ находящемся въ ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Впрочемъ, вы не думайте, чтобы это много значило. Вся выгода въ томъ, что я теперь немного больше извѣстенъ, что лекціи мои мало по малу заставляютъ говорить обо мнѣ и главное, что имѣю гораздо болѣе свободнаго времени: вмѣсто мучительнаго сидѣнья по цѣлымъ утрамъ, вмѣсто 42 часовъ въ недѣлю, я занимаюсь теперь 6, между тѣмъ какъ жалованье даже немного болѣе; вмѣсто глупой безтолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидѣлъ, занятія мои теперь составляютъ неизяснимыя для души удовольствія. Осенью поступить ко мнѣ Екатерининскій институтъ и еще два заведенія; тогда я буду заниматься 20 часовъ и жалованья буду получать вчетверо болѣе теперешняго...»¹⁾

Но эти ожиданія почему-то не оправдались и ему пришлось ограничиться преподаваніемъ въ Патриотическомъ институтѣ, гдѣ съ слѣдующаго 1832 года его жалованье было увеличено до 1,200 р. «Въ первое время, говоритъ авторъ «Записокъ о жизни Н. В. Гоголя», онъ принялся за исполненіе своихъ обязанностей съ жаромъ юности, жаждавшаго найти достойное поприще для своей дѣятельности, и, забывая подъ вліяніемъ этого чувства о матеріальныхъ выгодахъ новой своей обязанности, смотрѣлъ на нее, какъ на цѣль своего существованія, на призваніе свыше». Онъ писалъ матери: ...«Я теперь болѣе, нежели когда либо тружусь и болѣе, нежели когда либо весель. Спокойствіе въ моей груди величайшее...»

Въ другомъ письмѣ того-же года, отъ 9-го октября, онъ убѣждаетъ мать не беспокоиться объ его маленькихъ сестрахъ: «Если-бы вы знали, моя безцѣнная маменька, какія здѣсь превосходныя заведенія для дѣвицъ, то вы бы вѣрно радовались, что ваши дочери

¹⁾ См. Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, т. V, Спб., 1857.

родились въ нынѣшнее время. Я не могу налюбоваться здѣшнимъ порядкомъ. Здѣсь воспитанницы получаютъ свѣдѣнія обо всемъ, что нужно для нихъ, начиная отъ домашняго хозяйства до знанія языковъ и опытнаго обращенія въ свѣтъ, и вовсе не выходятъ такими вѣтренными, легкомысленными дѣвчонками, какими дарятъ другіе институты. Два здѣшніе института, Патріотическій и Екатерининскій, самые лучшіе, и въ нихъ-то, будьте увѣрены, что мои маленькія сестрицы будутъ помѣщены. Я всегда, хотя долго, но достигалъ своего намѣренія и твердо увѣренъ, что, съ помощью Божьей, достигну и въ этомъ...»

Можно догадываться, что Н. В. Гоголь съ такимъ же восторгомъ говорилъ и писалъ объ институтѣ и занятіяхъ въ немъ своимъ друзьямъ, судя по тому, что Погодинъ изъ Москвы выразилъ желаніе познакомиться съ записками ученицъ Гоголя. Но онъ медлил съ исполненіемъ этой, имъ же самимъ вызванной, просьбы. Увлекаемый силой своего таланта, онъ все болѣе и болѣе предавался литературнымъ занятіямъ. Наступала самая свѣтлая пора его жизни—начало его славы; въ 1832 году «Вечера на Хуторѣ» были окончательно заданы и увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ; Пушкинъ и Жуковский оцѣнили молодаго писателя и этого было достаточно, чтобы упрочить его положеніе въ литературно-интеллигентномъ мірѣ. Подобный успѣхъ не могъ остаться безъ вліянія на Н. В. Гоголя и долженъ былъ указать на его призваніе. Но онъ продолжаетъ упорно держаться своей педагогической дѣятельности, хотя отношеніе его къ ней далеко не прежнее.

Такъ, напримѣръ, по поводу вышеупомянутыхъ ученическихъ записокъ, онъ пишетъ къ Погодину: «Журнальца, который ведутъ мои ученицы, я не посылаю, потому что онъ обезображенъ посторонними и чужими прибавками, которыя онѣ присоединяютъ иногда отъ себя изъ дрянныхъ печатныхъ книжекъ, какія попадутся имъ въ руки. При томъ же я только такое подносилъ имъ, что можно понять женскимъ мелкимъ умомъ...» Въ другомъ письмѣ, написанномъ двадцатью днями позже, онъ добавляетъ: «Журнала дѣвицъ я потому не послалъ, что приводилъ его въ порядокъ, и его-то, совершенно преобразивши, хотѣлъ я издать подъ именемъ: «Земля и Люди». Но я не знаю, отчего на меня нашла тоска... Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я оставилъ печатаніе... Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего...»

Лѣтомъ 1832 года Н. В. Гоголь рѣшилъ привести въ исполненіе свое обѣщаніе, данное матери относительно помѣщенія въ институтъ

младшихъ сестеръ: и съ этой цѣлью сталъ хлопотать объ отпускѣ, какъ видно изъ приложенныхъ ниже бумагъ: письма самого Гоголя къ статсъ-секретарю Н. М. Лонгинову, донесенія о немъ начальницы института и копии съ выданнаго ему паспорта.

Отпускъ считался съ 1-го юля и былъ данъ Н. В. Гоголю безъ вычета жалованья. Но сверхъ положенныхъ 28 дней онъ просрочилъ цѣлыхъ три мѣсяца; только въ концѣ сентября двинулся въ путь съ маленькими сестрами, прогостивъ въ Москвѣ у друзей, и не ранѣе первыхъ чиселъ ноября явился въ Патріотическій институтъ; вслѣдствіе этого въ правленіи института; какъ видно изъ прилагаемой черновой, поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы «по общему законоположенію о домовыхъ отпускахъ чиновниковъ» приостановить жалованье учителя Гоголя Яновскаго со дня просрочки.

Но правила института, очевидно, не примѣнялись во всей строгости къ Н. В. Гоголю, потому что въ силу ли его личныхъ хлопотъ или благодаря заботливости лицъ, покровительствовавшихъ ему, высочайше повелѣно было выдать ему, въ слѣдующемъ 1833 году, «жалованья 200 рублей, приостановленнаго по случаю неявки его на срокъ изъ домашнего отпуска».

Равнымъ образомъ, сестры его были приняты въ институтъ противъ всѣхъ правилъ, какъ видно изъ представленія начальницы отъ 13 ноября 1832 года, въ которомъ сказано: «Дѣвцы сія не могутъ поступить ни на правахъ штатныхъ воспитанницъ, ни пансіонерокъ, но г. Гоголь проситъ, чтобы ихъ помѣстить въ замѣнъ его жалованья, коего производится ему отъ института 1,200 р. въ годъ»... Императрица утвердила это представленіе съ тѣмъ, чтобы «милость сія не служила примѣромъ для другихъ, единственно по уваженію къ ходатайству г-жи начальницы института, повелѣвъ такъ же и въ спискахъ воспитанницъ и пансіонерокъ дѣвицъ Гоголь Яновскихъ не считать за неимѣніемъ ими права на поступленіе въ Патріотическій институтъ» (5 декабря 1832 г.).

Хотя вопросъ о приѣмѣ сестеръ Н. В. Гоголя былъ рѣшенъ только въ декабрѣ, какъ видно изъ приведенной бумаги, но онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ своего ходатайства, что писалъ матери отъ 22 ноября 1832 года: «Дѣти покамѣстъ живутъ у меня, потому что въ институтѣ произошли небольшія передѣлки и помѣщенія совсѣмъ нѣтъ. На слѣдующей недѣлѣ я ихъ отвезу. На счетъ отягощенія ихъ ученіемъ не безпокойтесь. Онѣ такъ мало успѣли, что будутъ помѣщены вмѣстѣ съ семилѣтними въ предуготовительное отдѣленіе, гдѣ почти ни чѣмъ не будутъ заниматься, выключая первыхъ началъ»... Затѣмъ, тремя днями позже, 25 ноября, Н. В. Гоголь пишетъ Погодину: «Пред-

ставьте себѣ мое горе: я не могу прѣхать къ вамъ такъ скоро, какъ бы мнѣ хотѣлось. Патріотическій институтъ, видно, проиухалъ мое намѣреніе. Вы знаете, что я везъ туда своихъ сестеръ съ тѣмъ, чтобы за нихъ платить. Я зналъ, что комплектъ полонъ, что больше не могутъ принять; но надѣялся, что для меня будетъ сдѣлано снисхожденіе. Какой же бы, вы думали, я получилъ отвѣтъ? Что сестры мои принимаются и платы за нихъ не требуется, но чтобы я за то находился при институтѣ неотлучно. Я согласился, чтобы сбросить съ себя поль-обузы и избавиться на первый случай отъ хлопотъ»....

Дѣйствительно, Гоголь, въ виду принятаго имъ на себя обязательства, продолжалъ давать уроки въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ ему были оказаны новыя милости. На второй годъ поступленія сестеръ его въ институтъ ¹⁾, а именно, съ января 1834 года, съ соизволенія ея в—ва велѣно г. Гоголю Яновскому производить положенное ему жалованье, а сестеръ считать сверхкомплектными воспитанницами, вѣннивъ ему сіе въ особое награжденіе. Кромѣ того, въ томъ же 1834 году, имя учителя Гоголя Яновскаго включено въ списокъ лицамъ и учителямъ при Патріотическомъ институтѣ, удостоеннымъ наградъ, и ему пожалованъ брилліантовый перстень.

Лѣтомъ, отъ 5 іюля 1834 г., въ правленіе Патріотическаго института поступило официальное требованіе изъ канцеляріи попечителя сб. учебнаго округа о доставленія «засвидѣтельствованной копія съ формулярнаго о службѣ Гоголя списка» по случаю поданнаго имъ прошенія объ опредѣленія его на кафедрѣ всеобщей исторіи. Гоголю, какъ извѣстно, удалось, послѣ многихъ хлопотъ, получить мѣсто адъюнкта при сб. университетѣ въ 1834—35 учебномъ году, гдѣ его педагогическая дѣятельность носить въ общихъ чертахъ тотъ же характеръ постепеннаго охлажденія къ ней, какъ и въ Патріотическомъ институтѣ. По свидѣтельству одного изъ его университетскихъ слушателей, Иванцкаго, онъ горячо принялся за дѣло, но кромѣ двухъ блестящихъ лекцій, всѣ остальные его лекціи «были сухи и скучны, поговорить съ полчаса съ кафедрѣ да ужъ не показывается дѣлю недѣлю, а иногда и двѣ. Потомъ опять прѣдетъ и опять та же исторія»....

Весной 1835 г. Н. В. Гоголь, утомленный двойною педагогическою

¹⁾ Сестры Н. В. Гоголя не могли быть приняты въ институтъ раньше 5 декабря 1832—дня подписи бумаги объ ихъ поступленіи. Изъ документовъ видно, что у Гоголя было удержано только годовое жалованье 1,200 р., такъ что сестры его, вѣроятно, поступили въ П. И. съ 1 января 1833 года или же недостающіе дни декабря 1832 не были приняты въ расчетъ. Н. В.

дѣятельностью, сталъ усиленно хлопотать объ отпускѣ въ Кавказскую губернію на четыре мѣсяца для поправленія разстроенаго здоровья, какъ видно изъ прилагаемаго представленія начальницы Патріотическаго института отъ 23 апрѣля и собственноручнаго письма Гоголя къ Г. А. Шверину.

Но Н. В. Гоголю не удалось попасть на Кавказъ по причинѣ, которую онъ самъ объясняетъ въ своемъ письмѣ къ Погодину изъ Полтавы отъ 15 іюля 1835 г.: «Только на Кавказѣ не былъ, куда именно хотѣлъ направить путь. Проклятыхъ денегъ не стало и на половину вояжа. Былъ только въ Крыму, гдѣ пачкался въ минеральныхъ грязяхъ» и проч.

Между тѣмъ, начальница Патріотическаго института, быть можетъ, въ виду просрочки отпуска Н. В. Гоголемъ въ 1832 году или же вслѣдствіе недовольства его уроками, едва дождавшись окончанія четырех-мѣсячнаго срока, подала представленіе отъ 25 іюля 1835 г. о необходимости назначить новаго учителя исторіи. На это немедленно послѣдовало разрѣшеніе ея величества, какъ видно изъ прилагаемаго документа.

Н. В. Гоголь, заранѣе увѣдомленный своими доброжелателями о предстоящей ему отставкѣ, написалъ В. А. Жуковскому слѣдующее письмо отъ 15 іюля 1835 года ¹⁾:

.... «А теперь докучаю вамъ просьбою; вчера я получилъ извѣщеніе изъ Петербурга о странномъ происшествіи, что мѣсто мое въ Патріотическомъ институтѣ долженствуетъ замѣститься другимъ господиномъ. Это для меня крайне прискорбно, потому что, какъ бы то ни было, это мѣсто доставляло мнѣ хлѣбъ и притомъ мнѣ было очень пріятно заниматься, я привыкъ считать чѣмъ-то роднымъ и близкимъ. Мнѣ странно, потому что не имѣеть права сдѣлать это Лонгиновъ, и вотъ почему: когда я просился на Кавказъ для поправленія здоровья, онъ мнѣ сказалъ, что причина моя законная и никакого препятствія нѣтъ на мой отъѣздъ. Зачѣмъ же онъ мнѣ тогда не сказалъ, что поѣжайте, но помните, что вы чрезъ это лишитесь своего мѣста; тогда другое дѣло,—и можетъ быть я бы и не поѣхалъ. Впрочемъ, Плетневъ мнѣ пишетъ, что еще о новомъ учителѣ будетъ представленіе въ августѣ мѣсяцѣ первыхъ чиселъ и что если императрица не согласится, чтобы мое мѣсто отдать новому учителю, то оно останется за мною. И по этому поводу я прибѣгаю къ вамъ, нельзя ли такъ сдѣлать, чтобы императрица не согласилась? Она добра, вѣрно не согласится меня обидѣть»....

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1871 г., стр. 949.

Но хлопоты Н. В. Гоголя не увѣнчались успѣхомъ. Въмѣсто него въ Патріотическій институтъ назначенъ былъ учитель историческихъ наукъ въ Воспитательномъ домѣ, г. Соколовскій, съ прибавкой, согласно его прошенію, 450 р. къ 1,200 ежегоднаго жалованья, получаемаго бывшимъ учителемъ Гоголемъ Яновскимъ.

Этимъ кончаются документы, относящіеся къ службѣ Н. В. Гоголя въ Патріотическомъ институтѣ, которые помимо ихъ безусловнаго интереса со стороны фактическихъ свѣдѣній изъ жизни нашего великаго писателя, не лишены значенія для рѣшенія слѣдующихъ вопросовъ: 1) на чей счетъ воспитывались сестры Н. В. Гоголя? и 2) какъ велико было лично принадлежавшее ему имущество и имущество его матери? ¹⁾.

Первый изъ этихъ вопросовъ рѣшается окончательно приведенными ниже документами и кромѣ того письмомъ самого Н. В. Гоголя къ Жуковскому, отъ 12 сентября 1839 года, въ которомъ, по поводу выпуска своихъ сестеръ, онъ проситъ исходатайствовать ему отъ ея в—ва денежное вспоможеніе и, между прочимъ, пишетъ: «Можетъ быть, какимъ нибудь образомъ, государыня, на счетъ которой они воспитывались, что нибудь стряхнетъ на нихъ отъ благодѣтельной руки своей. Что же дѣлать мнѣ? Знаю, безстыдно и безсовѣстно съ моей стороны просить еще ту, которая уже такъ много удручила мое сердце безсиленнымъ выразить благодарность мою. Но я не нахожу, не знаю, не вижу, не могу придумать средствъ... и чувствую, что меня грызла бы совѣсть за то, что я не былъ безсовѣстнымъ», и проч. ²⁾.

Такимъ образомъ очевидно, что сестры Н. В. Гоголя только первый годъ своего пребыванія въ Патріотическомъ институтѣ воспитывались на счетъ брата, а все остальное время на счетъ государыни.

Что касается втораго вопроса, то онъ остается пока открытымъ, въ виду имѣющихся противорѣчивыхъ показаній:

1) Въ подлинномъ аттестатѣ Н. В. Гоголя, скрѣпленномъ казенною печатью, сказано: «какъ изъ формулярнаго о службѣ его списка видно, происходя изъ дворянъ, имѣетъ Полтавской губерніи въ уѣздахъ Полтавскомъ и Миргородскомъ 80 душъ крестьянъ и 700 десятинъ земли».

¹⁾ См. „Письмо въ редакцію“ Н. Выкова. „Новое Время“ 1887 г., № 4087, мая 28.

²⁾ „Русск. Арх.“ 1871 г., стр. 0935—0936.

2) Н. В. Гоголь въ письмѣ къ С. П. Шевыреву отъ 28 февраля 1843 г., пишетъ изъ Рима, относительно матери и сестеръ: «Я, сдѣлавъ все, что могъ, отдалъ имъ свою половину имѣнія, сто душъ, и отдалъ, будучи самъ нищимъ» и пр. («Русская Старина», сентябрь, 1875 г., стр. 129, ст. «Н. В. Гоголь и неизданныя его письма»).

3) Въ другомъ письмѣ Н. В. Гоголя, того же года, отъ 18 марта, къ С. Т. Аксакову сказано также: «Я отказался отъ своей части имѣнія и отдалъ матери 100 душъ крестьянъ съ землями, тогда какъ самъ не былъ даже на полгода обезпеченъ»... (Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. Спб., 1857 г., т. VI).

4) Въ «Запискахъ о жизни Н. В. Гоголя» (Спб., 1856 г., т. I, стр. 83) сказано, что имѣние Гоголей Яновскихъ состояло изъ 200 душъ крестьянъ и 880 десятинъ земли.

5) М. И. Гоголь въ письмѣ къ Косяровскому, отъ 23 июня 1829 г., сообщаетъ, между прочимъ, по поводу своего долга покойному Д. П. Трощинскому, что «предложила его наслѣднику Андрею Андреевичу принять ея Яресковское имѣние, состоящее изъ 70 десятинъ земли» и проч. («Русская Старина», 1887 г., мартъ, стр. 687).

6) Г. П. Данилевскій въ своей статьѣ «Знакомство съ Гоголемъ» пишетъ со словъ Анны Васильевны Гоголь: «Имѣние Васильевка не было во владѣнн брата. Мать владѣла имъ пожизненно по завѣщанію свекрови. Крестьяне сосѣди звали ее «барыня изъ Яновщины». Это имѣние нѣкогда было заложено, но выкуплено уже давно. Въ немъ за надѣломъ крестьянъ осталось на двѣ части около 700 десятинъ». (См. «Ист. Вѣстн.», декабрь, 1886 г., стр. 500).

7) Другой родственникъ Н. В. Гоголя сообщаетъ: ...«Мать Н. В. Гоголя (имѣя около 1,000 десятинъ земли, далеко не всегда такъ нуждалась, какъ о томъ говорила, и Н. В. Гоголь имѣлъ полное основаніе сказать, что «хорошіи совѣтъ для нея важнѣе помощи, имѣя въ виду ея неумѣніе вести дѣла» и пр. («Н. Вр.» 1887 г. № 4037, мая 28).

8) Н. В. Гоголь въ письмѣ къ Косяровскому, отъ 8 сентября 1828 г., пишетъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ: «А для обезпеченія состоянія матери отказываюсь отъ своего наслѣдія и теперь занимаюсь составленіемъ дарственной записи, по которой часть имѣнія, принадлежащаго по завѣщанію мнѣ съ домомъ, садомъ, лѣсомъ и прудами, оставляется матери моей въ вѣчное владѣніе.... почему знать каковы еще будутъ мои сестры.. можетъ быть.... наслѣдники не дадутъ ей и мѣста, гдѣ бы преклонить голову» и пр. («Русская Старина», 1876 г., январь, стр. 44, статья: Н. В. Гоголь въ его неизданныхъ письмахъ).

При сопоставленіи этихъ данныхъ невольно является вопросъ: какое же собственно было имущество у Гоголей Яновскихъ? Мы не считаемъ себя въ правѣ высказывать какихъ либо соображеній по этому поводу за неизбѣннѣмъ точныхъ свѣдѣній и позволимъ себѣ только слѣдующую оговорку: если указанные въ аттестатѣ 700 десятинъ и 80 душъ составляли въ тѣ времена не все имущество Гоголей Яновскихъ, а только часть, принадлежавшую Н. В. Гоголю (помимо частей матери и четырехъ сестеръ), то отсюда прямой выводъ, что они были достаточно обеспечены. Но тогда становится окончателенно непонятнымъ: какимъ образомъ Н. В. Гоголь и его мать рѣшались прибѣгать къ благодѣяніямъ Д. П. и А. А. Троицкихъ и эти, въ свою очередь, считали нужнымъ помогать имъ? ¹⁾.

Н. А. Вѣловерова.

I ²⁾.

Аттестатъ. Служившій министерства императорскаго двора въ Департаментѣ удѣловъ помощникомъ столоначальника коллежскій регистраторъ Николай Васильевичъ Гоголь Яновскій, какъ изъ формулярнаго о службѣ его списка видно, происходя изъ дворянъ, имѣетъ Полтавской губерніи, въ уѣздахъ Полтавскомъ и Миргородскомъ, 80 душъ крестьянъ и 700 десятинъ земли; по окончаніи курса ученія въ лицей высшихъ наукъ князя Безбородко, съ правомъ на чинъ 14-го класса, поступилъ на службу въ Департаментъ Удѣловъ 1830 года, апрѣля 10-го; указомъ правительствующаго сената того же года, іюня 3-го. утвержденъ въ чинѣ коллежскаго регистратора, со старшинствомъ со дня вступленія въ службу. а 10-го іюля помѣщенъ помощникомъ столоначальника; прошлаго же 1831 года марта 9-го, по прошенію его, изъ Департамента Удѣловъ уволенъ. По служенію его въ семъ департаментѣ поведенія были отличнаго и должность свою исправлялъ съ усердіемъ, въ штрафажъ, подъ судомъ и отпускахъ не былъ; отроду ему нынѣ 23 года, холостъ. Во удостовѣреніе чего и данъ ему, Гоголь-Яновскому, сей аттестатъ изъ Департамента Удѣловъ за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати. Въ С.-Петербургѣ. Генваря «25» дня 1832 года.

Вице-президентъ, гофмейстеръ и сенаторъ Перовскій.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ 1882 г., іюнь, стр. 675.—Тамъ-же, 1887 г., стр. 687.—Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, т. V. Спб., 1857 г., стр. 110—111, 120 и 137.

²⁾ Архивъ канцеляріи Патріотическаго института въ С.-Петербургѣ, 1831 г., книга 40, № 864.

II ¹⁾.

6-го февраля 1831 г. № 23.

Вашему п—ву честь имѣю донести, что преподаваніе исторіи въ младшемъ классѣ Патріотическаго института, которое донинѣ относилось къ обязанностямъ младшихъ классныхъ дамъ, Мелентьевой и Шемелевой, по причинѣ увеличившагося числа воспитанницъ младшаго возраста, оказывается для сихъ двухъ дѣвицъ обременительнымъ, и потому необходимо нужно опредѣлить въ институтъ особаго учителя для преподаванія исторіи во 2-мъ и 3-мъ отдѣленіяхъ младшаго возраста. Довода о семъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, честь имѣю представить о желаніи служащаго нынѣ въ Департаментъ Удѣловъ чиновника г. Гоголя принять на себя обязанность преподаванія исторіи младшимъ воспитанницамъ института, съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ, какое производилось дѣвицамъ Мелентьевой и Шемелевой.

Такъ какъ г. инспекторъ классовъ, рекомендующій сего чиновника, свидѣтельствуеетъ о его способностяхъ и благонадежности, то не благоугодно ли будетъ вашему превосходительству исходатайствовать высочайшее соизволеніе на принятіе г-на Гоголя въ институтъ учителемъ исторіи во 2-мъ и 3-мъ отдѣленіяхъ младшаго возраста.

Начальница института Л. Вистингаузенъ.

Революція: Ея императорское величество, соизволя на сіе представленіе, повелѣваетъ допустить г. Гоголя къ преподаванію. 9 февраля 1831.

III ²⁾,

9-го іюня 1832 г.

М. г. Николай Михайловичъ (Лонгиновъ). Вудучи въ необходимости ѣхать по домашнимъ обстоятельствамъ въ имѣніе мое, находящееся въ Полтавской губерніи Миргородскаго повѣта, покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать снабдить меня надлежащимъ отпускомъ на каникулярное время.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Николай Гоголь.

¹⁾ Арх. канц. Патріотич. института, 1831 г., кн. 40, № 103.

²⁾ Тамъ-же, 1832 г., кн. 45.

IV ¹⁾.

10-го іюня 1832 г.

Учитель исторій въ Патріотическомъ институтѣ 14 класса, Николай Гоголь-Яновскій, желая воспользоваться наступающимъ вакантнымъ отъ ученія временемъ, проситъ объ увольненіи на сіе время въ отпускъ Полтавской губерніи въ Миргородскій повѣтъ, съ выдачею надлежащаго паспорта.

О таковой просьбѣ учителя Яновскаго честь нѣю представить на благо-разсмотрѣніе вашего и—ва.

Начальница института Л. Вистингаузенъ.

Резолюція: Высочайше уволенъ. 13-го іюня 1832 г.

V ²⁾.

По указу его в—ва государя императора Николая Павловича, самодержца всероссійскаго и проч., и проч., и проч.

Предъявитель сего, служащій при состоящемъ подъ высочайшимъ покровительствомъ государыни императрицы Патріотическомъ институтѣ учителемъ 14 класса Николай Вас. сынъ Гоголь-Яновскій, вслѣдствіе высочайшаго ея императорскаго величества соизволенія, уволенъ въ Полтавскую губернію отъ сего числа на двадцать восемь дней, въ увѣреніе чего данъ сей паспортъ за подписаніемъ моиѣ и приложеніемъ герба моеѣ печати. Слб. іюня 1832 г.

Его императорскаго величества всеимпериальскаго государя моего тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь у принятія прошеній, на высочайшее имя подаваемыхъ, членъ комиссіи прошеній и комитета заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ и разныхъ орденовъ кавалеръ Ник. Лонгиновъ.

VI ³⁾.

(Черновалъ съ помарками, безъ подписи).

13-го ноября 1832 г. № 262.

Съ высочайшаго соизволенія государыни императрицы, въ іюлѣ мѣсяцѣ послѣдовавшаго, учитель Патріотическаго института Гоголь-Яновскій уволенъ въ отпускъ на 28 дней, безъ вычета жалованья, считая съ 1-го іюля.

¹⁾ Арх. канц. Патріотич. института, 1832 г., кн. 45, № 163, стр. 546.²⁾ Арх. канц. Патріотич. института, 1832 г., кн. 45.³⁾ Тамъ-же.

По истеченіи сего срока, г. Гоголь къ должности не являлся и объясненія на сѣй случай никакого не представлялъ, но уже прибылъ въ первых числахъ сего ноября, слѣдственно просрочивши три мѣсяца.

Не рѣшаясь самъ собою выдать слѣдующее г. Гоголю жалованье за сіи просроченные три мѣсяца, честь имѣю испрашивать разрѣшеніе вашего превосходительства не будетъ ли таковой отпущекъ жалованья противенъ общимъ законоположеніямъ о домовыхъ отпускахъ чиновниковъ, коиимъ со дня просрочки жалованье прекращается?

VII ¹⁾.

13-го ноября 1832 г. № 263.

Учитель Патріотическаго института 14 класса Гоголь-Яновскій, возвратясь изъ домоваго отпуска, привезъ съ собою двухъ сестеръ въ томъ предположеніи, чтобы опредѣлить ихъ въ Патріотическій институтъ для воспитанія. Дѣвицы сіи не могутъ поступить ни на правахъ штатныхъ воспитанницъ, ни пансіонерокъ ²⁾, но г. Гоголь проситъ, чтобы ихъ помѣстить въ замѣнъ его жалованья, коего производится ему отъ института 1,200 р. въ годъ.

Принять сихъ дѣвицъ сверхкомплектными воспитанницами на такомъ положеніи, чтобы содержаніе ихъ, какъ на платьѣ, бѣльѣ, такъ и на столѣ, производилось изъ экономіи, безъ всякихъ для института особыхъ издержекъ, я нахожу возможнымъ и выгоднымъ для института. Выгода сія дастъ еще новый способъ составить особый капиталъ, если вашему превосходительству благоугодно будетъ исходатайствовать высочайшее соизволеніе ея императорскаго величества на обращеніе означенныхъ остающихся въ экономіи 1,200 р. для пенсіоновъ служащихъ при заведеніи, тѣмъ болѣе, что институтъ не имѣетъ въ виду особыхъ суммъ для такового назначенія, но считая обязанностію объяснить въ семъ случаѣ мнѣніе мое, я все сіе предоставляю благоумерѣннѣю вашего превосходительства.

Начальница института Л. Вистингаузенъ.

Революція: Ея императорское величество соизволила утвердить сіе представленіе, съ тѣмъ, чтобы милость сія не служила примѣромъ впредь для другихъ, единственно по уваженію къ ходатайству г-жи начальницы института, повелѣвъ также и въ спискахъ воспитанницъ и пансіонерокъ дѣвицъ

¹⁾ Арх. канц. Патр. инстит. 1833 г., кн. 45, № 894.

²⁾ Въ правилахъ Патріотическаго института заключается статья, по которой „принимаются въ сіе заведеніе только дочери военныхъ чиновъ“.

Н. В.

Гоголь-Яновскихъ не считать, за неимѣніемъ ими права на поступленіе въ Патріотическій институтъ. 5-го декабря 1832 г. Н. Лонгиновъ.

VIII ¹⁾.

19-го октября 1833 г. № 215.

Не благоугодно ли будетъ вашему п—ву исходатайствовать²⁾ высочайшее соизволеніе на выдачу учителю Гоголю Яновскому жалованья 200 руб., приостановленнаго въ прошедшемъ году, по случаю неявки его на срокъ изъ домоваго отпуска, каковая сумма имѣется нынѣ въ наличности и хранится при институтѣ. Экономъ А. Кормилевъ.

Резолюція: высочайше повелѣно показанные 200 р. Яновскому выдать. 13 октября 1833 г. Н. Лонгиновъ.

IX ²⁾.

Объ учитель Гоголѣ и жалованьѣ его, оставленномъ было для пенсій.

№ 221, 22-го іюля 1834 г.

Въ 1832 г., по просьбѣ учителя Патріотическаго института Гоголя Яновскаго, помѣщены въ сіе заведеніе, на воспитаніе, двѣ его родныя сестры съ тѣмъ, чтобы жалованье, ему производимое, 1,200 руб. въ годъ оставалось въ пользу института. Сумма сія тогда же предназначена на составленіе пенсіоннаго капитала, въ основаніе коего 1,000 руб. внесены въ коммерческій банкъ на проценты. Прочіе же ежемѣсячно вычитаемые остаются въ храненіи при институтѣ.

Нынѣ учитель Гоголь Яновскій проситъ о производствѣ ему того жалованья съ 1-го января сего года.

О таковой просьбѣ, по уваженію отличныхъ и полезныхъ трудовъ его по институту, честь имѣю представить на благоразсмотрѣніе вашего превосходительства. Начальника института Л. Встингаузенъ.

Резолюція: Ея импер. в—во дѣйствительно соизволила объявить высочайшую волю еще въ началѣ сего года, чтобы г-ну Гоголю Яновскому производить положенное ему жалованье, а сестеръ его считать въ институтѣ сверхкомплектными воспитанницами, вѣнчивъ ему сіе въ особое награжденіе; почему и слѣдуетъ показанное жалованье ему производить съ 1-го генваря сего года. 26-го іюля 1834 г. Н. Лонгиновъ.

¹⁾ Арх. канц. Патр. инстит. 1833 г., кн. 47, № 821.

²⁾ Тамъ-же, книга 51, 1834 г.

X ¹⁾.

Списокъ лицамъ и учителямъ при Патріотическомъ институтѣ, удостоеннымъ наградою, по случаю бывшаго въ нынѣшнемъ 1834 г. выпуска изъ сего заведенія окончившихъ воспитаніе дѣвицъ.

«Учителю исторіи 14-го класса Гоголь-Яновскому пожалованъ отъ ея величества брилліантовый перстень».....

XI ²⁾.

Министерство Народн. Просв. и проч. Попечитель Спб. учебнаго округа, канцелярія, въ С.-Петербургѣ, іюля 5-го дня 1834 г. № 986.

10-го іюня 1834 г.

Въ правленіе Патріотическаго института благородныхъ дѣвицъ.

Служащій въ ономъ институтѣ учителемъ исторіи въ высшихъ классахъ, Николай Гоголь, подалъ мнѣ прошеніе объ опредѣленіи его на кафедру всеобщей исторіи въ с.-петербургскій университетъ. Посему покорнѣйше прошу оное правленіе доставить ко мнѣ засвидѣтельствованную копию съ формулярнаго о службѣ Гоголя списка. Попечитель князь Дондуковъ-Корсаковъ.

XII.

№ 61, 23-го апрѣля 1835 г., его пр.—у Н. М. Лонгинову.

Учитель Патріотическаго института Гоголь-Яновскій проситъ объ увольненіи его въ отпускъ по болѣзненному состоянію, въ Кавказскую губернію, на четыре мѣсяца.

О таковой просьбѣ его честь имѣю представить на благоразсмотрѣніе вашего превосходительства. Начальника института Л. Вистингаузенъ.

Резолюція: Высочайше повелѣно уволить. 23-го апрѣля 1835 года. Н. Лонгиновъ.

¹⁾ Арх. канц. Патр. инстит., книга 51, годъ 1834.

²⁾ Тамъ-же.

XIII ¹⁾.

По Патриотическому институту.

М. г. Густавъ Адольфовичъ. Я къ вамъ съ покорною просьбою. Двѣ недѣли собираюсь къ вамъ, но болѣзнь пригвоздила меня къ четыремъ стѣнамъ моей квартиры и потому рѣшаюсь писать къ вамъ. Я ѣду на Кавказъ. Николай Михайловичъ сказалъ мнѣ: отпускъ выдается, когда я получу увольненіе изъ университета. Попечитель мнѣ сказалъ, что онъ разрѣшаетъ отъѣздъ мой, но отпуска я не могу получить раньше, пока мѣстъ не пройдетъ все это канцелярскимъ порядкомъ, что будетъ въ четвергъ, а между тѣмъ я въ пятницу ѣду, потому что товарищъ, ѣдущій со мною, не можетъ ждать, да и мнѣ тоже нельзя уже больше откладывать. Итакъ, я покорнѣйше прошу васъ, принявъ въ уваженіе подобное обстоятельство, изъяснить Николаю Михайловичу (Лонгинову) мою надобность, чѣмъ премного обяжете и безъ того обязаннаго вамъ мною Н. Гоголя.

На обор. листа: его высокоблагородію милостивому государю Густаву Адольфовичу Шверину, въ домѣ Человѣколюбиваго Общества на Литейной.

XIV ²⁾.

№ 111, 25-го іюня 1835 г., его пр—ву Н. М. Лонгинову.

По случаю отсутствія изъ С.-Петербурга учителя исторіи въ Патриотическомъ институтѣ Гоголя-Яновскаго, который, будучи одержимъ болѣзнію, можетъ пробыть въ отпускѣ весьма долгое время и тѣмъ поставить институтъ въ затрудненіе, ибо должность его остается никѣмъ не занятою, принять на сіе мѣсто учителя историческихъ наукъ въ Воспитательномъ домѣ г. Соколовскаго.

Представляя о семъ вашему превосходительству, всепокорнѣйше прошу исходатайствовать высочайшее ея величества повелѣніе объ опредѣленіи Соколовскаго въ Патриотическій институтъ на мѣсто Гоголя-Яновскаго и увольненіи сего послѣдняго ³⁾. Начальница института Л. Вистингаузенъ.

Сообщ. Н. А. Вязоверова.

¹⁾ Арх. канц. Патр. института, годъ 1835 г., кн. 53.

²⁾ Книга 53, годъ 1835, № 591.

³⁾ Въ бумагахъ за № 146 того же 1835 года, по случаю прибавки новому учителю Соколовскому 450 руб. къ прежнему жалованью, говорится: „бывшій учитель историческихъ наукъ въ Патриотическомъ институтѣ Гоголь-Яновскій получалъ жалованья за 12 часовъ по 100 руб., 1,200 въ годъ“. Н. В.

МОСКОВСКАЯ СТАРИНА.

Выписки изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1786 года.

Объявленіе отъ Петровскаго театра ¹⁾.

Въ воскресенье, генваря 18, представлена будетъ большая опера Двое Скупыхъ, а послѣ нея балетъ, по окончаніи же спектакля маскарадъ.

Въ четвертокъ же, генваря 22, представлены будутъ на семь театрѣ, заслужившіи отъ почтенной публики одобреніе, большая комедія Увѣснплъ и при ней опера Мельникъ, да небольшой балетъ, сочиненной изъ русскихъ пѣсенъ; сборъ за сей спектакль назначенъ отъ содержателя помляутаго театра, г. Медокса, старшему актеру, г. Померашцеву, въ ободреніе талантовъ сего публикѣ извѣстнаго актера и изъ уваженія къ двадцатилѣтней его при здѣшнемъ театрѣ службѣ. Любители російской Талии, имѣющіе вкусъ въ театральныхъ зрѣлищахъ и знающіе цѣнить дарованіе по ихъ удовольствію, смѣ покориѣнше приглашаются удостонть оный спектакль своимъ присутствіемъ, и черезъ это оказать свою благосклонность тому изъ здѣшнихъ актеровъ, который по сіе время всегда имѣлъ счастье заслуживать отъ публики одобреніе своихъ талантовъ.

Изъ Ахена, генваря 4 ²⁾.

Въ силу высочайшаго повелѣнія, всѣ пытающіеся милостынею жиды изгнаны будутъ изъ всѣхъ императорскихъ королевскихъ провинцій, и ни одному жиду впредь не будетъ позволяемо жениться, если онъ не имѣетъ средствъ содержать себя и свое семейство.

Любопытныя извѣстія ³⁾.

Въ первомъ нынѣшняго (1786) года листѣ однихъ Лондонскихъ Вѣдомостей помѣщена была слѣдующая картина истеннаго года: „Минушею ночью, въ субботу, въ 12 часовъ, скончался Тысяча семь сотъ восемьдесятъ пятой годъ послѣ 12 мѣсячной болѣзни, которую онъ перенесъ съ великою твердостью. Мы сообщимъ здѣсь перечени нѣкоторыхъ обстоятельствъ послѣдней его воли и завѣщанія: онъ оставляетъ жителямъ Лондона и Вестминстера до 5 тысячъ мошенниковъ, кои вооружены пистолетами, книжалами, дубинами и другими инструментами, для влгому домовъ, для грабежа и умерщвленія по большимъ проѣзжимъ дорогамъ и для отравленія нѣкоторыхъ другихъ тайныхъ дѣлъ въ городѣ. Нижнему духовенству отказалъ онъ нищету и много работы съ совершеннымъ недостаткомъ удовольствія и производства въ высшіе чины. Въ пользу молодыхъ господъ въ столицѣ оставляетъ онъ до 60 тысячъ распутныхъ дѣвушекъ, изъ коихъ нима, бывъ вспомоществуемъ дворянствомъ, содержатъ у себя прекрасные эквижи, а другія едва съ голоду не умираютъ. Политикамъ отказываетъ онъ честность и надѣется, что имъ поправится сія бездѣлка. Духа же хранителя всего острова учинилъ онъ наслѣдникомъ множества неудавшихся надеждъ, дабы употребить оныя для будущей пользы. Знаніе и онытъ назначены исполнителями завѣщанія“.

Сообщ. Ажс. Н. Труворовъ.

¹⁾ № 5. «Московскія Вѣдомости» 1786 года, генваря 17, суббота.

²⁾ № 8. «Московскія Вѣдомости» 1786 года, генваря 28, среда.

³⁾ № 12. «Московскія Вѣдомости» 1786 года, февраля 11, среда.

ГРАФЪ ВИКТОРЪ НИКИТИЧЪ ПАНИНЪ

министръ юстиціи.

«Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія».

Псал. Давида.

VI ¹⁾.

Отношенія гр. Панина къ прочимъ министрамъ и пререканія съ управляющимъ межевымъ корпусомъ М. Н. Муравьевымъ.—Обходительность графа.—Отчеты министерства юстиціи.—Анекдоты о кievскомъ прокурорѣ и Топильскомъ.—Рассказъ о покражѣ платка у графа на улицѣ.—Карикатуры на графа и разныя измышленія одного памфлетиста на графа Панина.—Заключеніе.—Высочайшій рескриптъ на имя графа Панина за заслуги его въ теченіи 50-тигѣтней дѣятельности.

Отношенія графа Виктора Никитича къ прочимъ современникамъ-министрамъ были равныя; исключеніе въ этомъ случаѣ составлялъ извѣстный въ свое время Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, впоследствии графъ. Онъ завѣдывалъ межевою частью въ имперіи, которая въ силу закона (т. I св. м. уз., ст. 9) состояла подъ надзоромъ и вѣдѣніемъ министерства юстиціи. Михаилъ Николаевичъ, по своимъ понятіямъ и по существу межеваго дѣла, считалъ невозможнымъ состоять подъ вѣдѣніемъ министерства юстиціи. Чтобы избавиться отъ этого, онъ принималъ равныя мѣры, въ числу которыхъ относится то, что межевой корпусъ получилъ военное устройство, о чемъ состоялось Положеніе, высочайше утвержденное 24 августа 1850 года (т. X,

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., т. LVI, ноябрь, стр. 297—332.

ч. III, ст. 9). Самъ Михаилъ Николаевичъ надѣлъ генеральскій мундиръ и торжественно явился во дворецъ, но тутъ его ожидала непрятность: военный министръ князь А. М. Чернышевъ, увидавъ новаго генерала, приказалъ замѣтить ему, что онъ прежде напечатанія приказа въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и явля къ нему, какъ министру, не имѣлъ права появляться во дворцѣ въ мундирѣ.

Разсказываютъ, что Муравьевъ долженъ былъ удалиться изъ дворца, а между тѣмъ привазъ о переименованіи Муравьева въ генералы состоялся съ нѣкоторою затяжкой—Муравьевъ удалился изъ дворца, заболѣлъ, у него разлилась желчь.

Самое переименованіе въ военное устройство всего межеваго корпуса состоялось, какъ разсказываютъ, въ свое время при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Государь въ концѣ 1840-хъ годовъ былъ въ Москвѣ; Муравьевъ, состоя въ званіи главнаго директора межеваго корпуса, успѣлъ показать государю Константиновскій межевой институтъ въ отличномъ видѣ.

Государь былъ доволенъ. Вотъ при этомъ М. Н. Муравьевъ успѣлъ убѣдить государя, что корпусу недостаетъ одного,—военнаго устройства.

Все это сдѣлалось безъ особаго участія министра юстиціи. Впослѣдствіи времени М. Н. Муравьевъ старался добиться того, чтобы отчеты его о состояніи межевой части были представляемы отъ него прямо къ государю помимо министерства юстиціи.

Вотъ все это и сопряженныя съ ними другія обстоятельства по отношенію зависимости межевой части образовали то, что между М. Н. Муравьевымъ и министромъ юстиціи графомъ Панинымъ были постоянныя пререканія.

Муравьевъ, однако-жь, не достигъ своихъ цѣлей. Межевая часть осталась подъ главнымъ завѣдываніемъ и надзоромъ министра юстиціи. Г. Муравьеву былъ предоставленъ титулъ управляющаго межевою частью.

Отношенія графа Виктора Никитича къ своимъ подчиненнымъ были вообще учтивыя, любезныя и самыя приказанія давались въ смыслѣ порученій, безъ всякаго начальническаго тона. Бывшіе при немъ начальники канцеляріи П. И. Саломонъ, А. Д. Кригеръ, Н. П. Мансуровъ, К. К. Ренненкамфъ, И. И. Суццовъ,

Д. Б. Беръ и проч. постоянно передавали сослуживцамъ своимъ, что графъ, принимая ихъ у себя на дому или въ министерствѣ, или на дачѣ въ Павловскѣ, всегда выказывалъ любезность, приглашалъ ихъ къ обѣду, въ театрѣ въ ложу, бесѣдовалъ съ ними и часто дружески совершалъ прогулки.

То-же самое онъ выказывалъ въ бытность свою главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ.

Указывая на правителей канцеляріи министерства юстиціи прежняго времени, мы съ умысломъ пропустили имя М. Ив. Топильскаго, который, какъ увѣряютъ, совершенно несправедливо, былъ, въ виду суровости и самовластія графа, будто-бы мученикомъ его и долженъ былъ унижаться предъ нимъ до степени раба.

Такъ, это дѣйствительно говорили, но мы просимъ терпѣнія: М. И. Топильскому мы посвящаемъ особый отдѣлъ въ этой статьѣ и докажемъ, что униженія отъ него никто не требовалъ и что все мученичество его исходило отъ него самого и что, наконецъ, графъ былъ тутъ не при чемъ.

По мнѣнію графа Виктора Никитича опредѣленіе достоинствъ чиновника или вообще служащаго принадлежитъ его начальству или власти, а потому никакой похвалы самого себя онъ не допускалъ, — такъ онъ думалъ по отношенію другихъ, а равно и самого себя.

Въ доказательство сего приведу слѣдующій случай.

По званію начальника VI отдѣленія я писалъ много лѣтъ сряду годовые отчеты по министерству юстиціи, которые представлялись государю императору чрезъ комитетъ гг. министровъ (ст. 14, т. I учрежденія комитета гг. министровъ), а иногда и лично государю предъ новымъ годомъ.

Вотъ помню, когда въ первый разъ мнѣ пришлось составлять сіи отчеты и, не зная требованій графа, я позволилъ себѣ восхвалять дѣятельность министра превыше всего.

Тутъ все представлено было въ розовомъ цвѣтѣ, не исключая даже того, что и накопленіе дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ приписывалось не бездѣйствію сихъ мѣстъ, а необходимости отнестись къ этимъ дѣламъ съ большимъ вниманіемъ. Топильскій, прочитавъ отчеты, былъ въ восторгѣ, заключилъ меня въ объятія

и расцѣловалъ. Представивъ отчеты графу Панину, я ждалъ одобренія, но сего не послѣдовало.

Графъ, призвавъ меня, сказалъ: я вовсе не желаю себя хвалить,—это не въ моихъ правилахъ. Отчеты должны представлять то, что мною сдѣлано, а по отношенію того, что нельзя было сдѣлать, я долженъ представить оправданія,—или болѣе или менѣе уважительныя причины. Поняли-ли вы меня? спросилъ графъ.

— „Понялъ“, отвѣчалъ я. Съ тѣхъ поръ отчеты были писаны согласно указаніямъ графа Панина.

Припоминаю, что въ отчетахъ сихъ, представляемыхъ государю императору, графомъ Панинымъ указывалось на скудность средствъ судебного вѣдомства и въ особенности въ губернскихъ и уѣздныхъ мѣстахъ губерніи, говоря, что канцелярскіе чиновники оныхъ получаютъ иногда по 50 коп. сер. въ мѣсяць.

Къ этому же графъ прибавлялъ, что ограниченное содержаніе чиновниковъ министерства юстиціи даетъ поводъ или предлогъ оставлять эту службу и переходить въ другое вѣдомство.

Все это мы приводимъ къ тому, чтобы оправдать графа въ томъ, что будто-бы онъ скрывалъ предъ государемъ скудное содержаніе служащихъ въ его министерствѣ, а въ самихъ отчетахъ показывалъ неправильно о числѣ оставшихся нерѣшенныхъ дѣлъ.

Разсматривая сіи отчеты, нельзя было не остановиться на томъ, что по нѣкоторымъ департаментамъ сената оберъ-прокуроры позволяли себѣ показывать, что будто-бы къ новому году всѣ дѣла безъ остатка были рѣшены, но при ближайшемъ разсмотрѣніи сего невѣроятнаго факта оказывалось, что къ новому году почти по каждому изъ департаментовъ составлялась общая вѣдомость нерѣшеннымъ дѣламъ и противъ нихъ рукою первоприсутствующаго сенатора отмѣчалось: или потребовать свѣдѣній, или пополнить справками, или, наконецъ, доложить по запискамъ.

Дѣйствительно, нельзя отрицать, что могли быть случаи, что дѣла по обстоятельствамъ слѣдовало пополнить справками, но не скроемъ того, что право рѣшить дѣло по справкамъ принадлежало присутствію и возражать противу сего министерство юстиціи не имѣло основанія, ибо нельзя было сказать суду или

присутствію сената, чтобы они рѣшали дѣла безъ такихъ или другихъ свѣдѣній.

Говоримъ, что подобный порядокъ хотя и допускался въ судахъ и сенатѣ, но тутъ графъ Панинъ въ министерствѣ былъ не при чемъ; отчеты составлялись правильно и согласно представляемымъ частнымъ вѣдомостямъ.

Въ министерствѣ юстиціи отлично разумѣли какъ опредѣлить дѣятельность суда или сената, но самое зло относительно рѣшенія дѣлъ могло быть устранено только изданіемъ новаго устава судопроизводства, по коему дѣло помимо сторонъ не пополняется справками, ибо доставленіе сихъ справокъ принадлежитъ самимъ сторонамъ. Но довольно объ этомъ и будемъ продолжать по вопросу о томъ, что графъ Викторъ Никитичъ не любилъ самохвальства.

Однажды кievскій прокуроръ, не будемъ упоминать его имени, прибылъ въ С.-Петербургъ съ письмомъ отъ Д. Г. Бибикова, бывшаго въ то время генераль-губернаторомъ.

Бибиковъ восхвалялъ прокурора въ томъ отношеніи, что онъ, дѣйствуя по званію прокурора, умѣлъ въ то же время ладить и съ администраціею, т. е. не входитъ съ нею ни въ какія пререканія.

Графъ Панинъ, прочтя письмо, просилъ прокурора сѣсть и началъ ему говорить, что ему очень пріятно слышать, что его подчиненные, не ослабляя и не нарушая ни въ чемъ своихъ обязанностей, умѣютъ ладить съ губернскими властями.

Привѣтъ этотъ графъ, наклоня голову свою, подтвердилъ рукопожатіемъ прокурора. Последній пріятно улыбался и потомъ съ застѣнчивостью и съ нѣкоторою протажкою въ голосѣ сказалъ графу: могу ли я, ваше сіятельство, ждать отъ васъ награды?

— Награды! сказалъ графъ, нахмурился, это вы можете предоставить своему начальству.

— Но, но, ваше сіятельство, началъ опять прокуроръ, пріятно было бы слышать отъ васъ лично.

Графъ всталъ, прокуроръ тоже поднялся.

— Ваши напоминанія о наградѣ неумѣстны и я долженъ вамъ сказать, что вамъ отъ меня нечего ждать.

Прокуроръ растерялся, но, ободрясь, сказалъ: въ такомъ случаѣ не лучше-ли оставить вѣдомство министерства юстиціи? Прокуроръ ждалъ возраженія, коего не послѣдовало. Прекрасно сдѣлаете, было послѣднимъ словомъ графа. Прокуроръ удалился и вслѣдъ за тѣмъ перешелъ въ другое министерство. Жестоко, но графъ былъ правъ.

Подобный же случай былъ и съ оберъ-прокуроромъ М. Н. Лебедевымъ. Онъ въ свое время считался опытнымъ криминалистомъ, но не получая долго награды и въ особенности ленты чрезъ плечо, отправился къ графу и началъ выставлять ему свои заслуги. Графъ слушалъ его съ неудовольствіемъ и бесѣда сія кончилась тѣмъ, что Лебедевъ въ скоромъ времени перешолъ въ другое вѣдомство.

Кажется, что въ то время Лебедевъ былъ боленъ, но впослѣдствіи онъ опять возвратился въ министерство юстиціи и былъ достойнѣйшимъ сенаторомъ.

Случай этотъ относить къ жестокости графа, такъ-ли? Не кроется ли здѣсь своеобразный взглядъ на власть или вообще на начальство.

Нельзя же допустить, чтобы подчиненный настойчиво самъ домогался награды.

Далѣе, графъ Викторъ Никитичъ, по своимъ понятіямъ, не допускалъ, чтобы подчиненные, безъ основательныхъ причинъ, могли отказываться отъ возлагаемыхъ на нихъ порученій по службѣ.

Правило это извѣстно въ военной службѣ и соблюдается тамъ неувоспитательно, но въ гражданскомъ вѣдомствѣ и, въ особенности въ средѣ молодыхъ людей, оно какъ-то смутно понималось.

Вотъ въ виду сего начала нѣкоторые молодые люди судебного вѣдомства получали добрые уроки отъ графа. Уроки сіи обличали въ графѣ великодушнѣйшаго начальника. Такой урокъ, какъ помню, получилъ нѣкто Вирандъ, правовѣдъ, окончившій курсъ въ училищѣ правовѣдннн въ 1841 году. Онъ, какъ говорить, отказался ѣхать на постоянную службу въ одинъ изъ губернскихъ городовъ и долженъ былъ исполнять разныя временныя порученія графа въ другихъ городахъ.

Мы не безъ умысла рассказали о семъ случаѣ, чтобы выставить графа въ настоящемъ его видѣ, а не въ извращенномъ.

О немъ измышлялось много анекдотовъ относительно его эксцентричностей или, какъ другіе называли, чудачества.

Въ большинствѣ случаевъ, какъ мы увидимъ впоследствии, анекдоты сіи были отчасти невѣрояны, явпо измышленные, а иногда плодъ болтовни разныхъ лицъ, пущенной въ ходъ такъ себѣ, ради смѣха.

Во всякомъ случаѣ воспоминанія о графѣ Панинѣ были бы неполны, если бы мы не обратили вниманія на этотъ предметъ.

Но прежде всего мы скажемъ, что во всѣхъ анекдотахъ о графѣ, если бы даже цѣликомъ признать ихъ правдивыми, не умаляется достоинство его, какъ министра, и не затрогивается его честь, какъ благороднаго человѣка.

Къ числу ярыхъ порицателей графа Панина слѣдуетъ отнести прежде всего русскаго публициста, эмигранта А. И. Герцена. Онъ постоянно въ издаваемомъ имъ журналѣ „Колоколъ“ и въ особомъ изданіи, подъ названіемъ: „Голоса изъ Россіи“, осуждалъ вообще дѣйствія правительства, а въ томъ числѣ министерства юстиціи и лично графа Панина. А между тѣмъ намъ очень хорошо извѣстно, что графъ Викторъ Никитичъ былъ весьма полезенъ лично Герцену въ дѣлѣ о слѣдовавшемъ ему наследствѣ послѣ отца, на что онъ, какъ эмигрантъ, не имѣлъ права.

Говоря объ анекдотахъ, возникавшихъ и переходившихъ изъ устъ въ уста о графѣ Панинѣ, мы должны виновникомъ сего распространенія, по преимуществу, признать бывшаго при немъ несмѣнно М. И. Топильскаго.

Приводимый мною засимъ анекдотъ М. П. Топильскій разсказывалъ намъ самъ, въ смыслѣ жестокости и безсердечія графа Панина. Посмотримъ, такъ ли оный представляется на самомъ дѣлѣ? Графъ былъ въ помѣщеніи редакціонныхъ комиссій и долженъ былъ возвратиться домой въ Павловскъ.

Проездомъ мимо департамента министерства юстиціи, что въ Малой Садовой, онъ остановился у самаго подъѣзда и, не выходя изъ кареты, сталъ настоятельно требовать къ себѣ Михаила Ивановича Топильскаго.

Курьеры одинъ за другимъ вбѣгали въ квартиру Топильскаго и сообщали ему, что графъ ждетъ его у подъѣзда и не дождется. Топильскій, впопыхахъ, едва успѣлъ накинуть на себя вице-мундиръ, съ неизбѣжными звѣздами, и выбѣжать на улицу безъ

шляпы: дверцы кареты отворились и онъ вскочилъ въ нее, а кучерь, гонимый графомъ, быстро поѣхалъ по дорогѣ къ царскосельскому вокзалу.

— „Мнѣ нужно васъ видѣть, сказалъ графъ, садитесь и слушайте“.

Въ чемъ состояла спѣшная бесѣда ихъ—не знаемъ; одни говорятъ, что графъ жаловался на одного члена редакціонной комиссіи, командированнаго изъ министерства юстиціи, который не соглашался съ мнѣніемъ графа; другіе повѣствуютъ другое. Но не въ томъ дѣло! Бесѣда кончилась далеко еще до вокзала, графъ вдругъ остановилъ карету и, обращаясь къ Топильскому, сказалъ: „Вы свободны“. Топильскій машинально выскочилъ изъ кареты и остался на улицѣ, безъ шляпы, въ вицъ-мундирѣ со звѣздами. Графъ не замѣтилъ ничего этого и поѣхалъ дальше.

Топильскій въ такомъ востюмѣ почувствовалъ неловкое свое положеніе. Къ счастью, у него былъ въ карманѣ платокъ, онъ, доставъ его, началъ утираться и пошелъ по дорогѣ домой; на бѣду мою, какъ рассказывалъ намъ самъ Топильскій, какой-то городской, замѣтивъ грудь мою со звѣздами, а голову безъ шляпы, заподозрѣлъ, не сумасшедшій ли я!

„Да, продолжалъ Топильскій, графъ поступилъ со мной жестоко, безъ всякаго вниманія и милосердія ко мнѣ. Чтобы вы сдѣлали, сказалъ онъ мнѣ, на моемъ мѣстѣ?“

— Я попросилъ бы у графа позволенія остаться въ каретѣ и, довезя графа до вокзала и выпустивъ его, воротился бы въ той же каретѣ домой. Вѣдь карета эта помѣщалась въ зданіи министерства, гдѣ жили графъ и Топильскій?

„Да, такъ, но я не догадался этого сдѣлать“, отвѣчалъ Топильскій.

Объясняя это Топильскому, я увѣрялъ его, что у графа вовсе не было въ мысляхъ оскорбить его или выказать ему какое-либо оскорбительное невниманіе. А между тѣмъ самъ Топильскій при жизни своей многимъ и многимъ рассказывалъ сослуживцамъ, что въ изъясненномъ происшествіи онъ видитъ жестокосердіе графа и его высокомеріе. Подкладкою сего разсказа было то, чтобы возбудить сожалѣніе о немъ, что вотъ онъ сколько терпитъ отъ графа Виктора Никитича Панина.

Докончимъ этотъ разсказъ тѣмъ, что Топильскій у Чернышева моста, у одного своего сослуживца, обрѣлъ себѣ свободную шляпу и благополучно добрался до департамента, гдѣ онъ имѣлъ квартиру.

Въ противовѣсъ сему анекдоту разскажемъ другой, свидѣтельствующій о томъ, что графъ Панинъ не относился высокоумѣнно въ Топильскому, а напротивъ, былъ къ нему чрезвычайно вѣжливъ. Мнѣ разсказывало за вѣрное лицо, жившее въ семьѣ графа, что онъ однажды, читая какого-то классика и встрѣтивъ недоразумѣніе въ одной изъ его фразъ, тотчасъ послалъ карету за Топильскимъ. Засимъ неизвѣстно, по прїѣздѣ послѣдняго, наши мужи сами ли разрѣшили встрѣтившееся недоразумѣніе или пришлось посылать къ какому-либо профессору—для разъясненія—мы не знаемъ.

Къ числу чудачествъ графа и его жестокости по отношенію ближайшихъ его подчиненныхъ порицатели его приводятъ слѣдующій случай:

Нѣкоторые чиновники, просившіеся въ отпускъ у графа, по словамъ порицателей, получили отказъ, а тѣ, которые вовсе и не думали объ отпускѣ — получили разрѣшеніе. Что это значить, спрашиваютъ многіе? Явно, или графъ пренебрегаетъ просьбами, или онъ смѣется надъ подчиненными, или онъ не въ своемъ умѣ? Ни то, ни другое.

Мы, по ближайшей извѣстности намъ графа, отвѣчаемъ такъ: ему отлично было извѣстно, въ какихъ отдѣленіяхъ департамента министерства юстиціи дѣла шли быстро и въ какихъ оныя затагивались. Поэтому, гдѣ дѣла шли безъостановочно, тамъ, по мнѣнію графа, могутъ быть разрѣшены отпуска, даже если бы чиновники и не просились въ оный, а гдѣ оказывалось замедленіе, тамъ они должны были получить отказъ.

Графъ въ душѣ былъ дипломатъ, а потому желалъ, чтобы его понимали, не требуя отъ него излишнихъ объясненій. Впрочемъ, такихъ случаевъ, гдѣ разрѣшался отпускъ вовсе не просившимъ его, а другіе получали отказъ,—былъ одинъ или два и едва ли оныя относятся не къ 1846 г.

Самъ по себѣ фактъ этотъ ничего не значить, а между тѣмъ въ устахъ нѣкоторыхъ случаевъ эти и до сихъ поръ приводятся, какъ симптомъ какого-то чудачества со стороны графа. Явная

злоба! Не чудачество здѣсь было, а былъ тонкій намекъ, котораго не хотѣли понимать.

Такимъ образомъ, всѣ обвиненія графа въ жестокосердіи и чудачествахъ натянуты и измышлены.

Говоря о графѣ Панинѣ, мы не можемъ не посвятить нѣсколько строчекъ описанію его фигуры; онъ былъ высокъ ростомъ, голова его хотя и соответствовала росту, тѣмъ не менѣе она была велика, глаза также большіе и всегда мыслящіе.

Въ министерствѣ всегда онъ былъ въ форменномъ вицъ-мундирѣ, а на улицѣ въ бевешѣ съ брововымъ воротникомъ, если прогулка была зимою, или пальто, смотря по сезону, въ шляпѣ-цилиндрѣ, — съ палкой подъ мышкой; но при этомъ костюмъ у него, по особой привычкѣ, кончикъ носоваго бѣлаго платка всегда или зачастую торчалъ изъ задняго кармана.

Ходилъ онъ всегда по Невскому проспекту, мимо Публичной библіотеки, задумчиво и при близорукости своей рѣдко отвѣчалъ на поклоны проходившихъ.

Весь станъ и самая походка обличали въ немъ философа.

Глядя на него и на стоявшихъ въ нишахъ зданія императорской публичной библіотеки статуи древнихъ греческихъ и римскихъ мудрецовъ, напримѣръ, Сократа, Евклида, Платона, Аристотеля и другихъ, мимо которыхъ онъ проходилъ, мнѣ часто приходило въ голову сравнивать ихъ между собою.

Разница между ними была только въ костюмахъ, но если бы графа Виктора Никитича одѣчь въ тогу и открыть ему голову, то всякая разница между ними исчезла бы.

Послѣ всего этого я самъ себя задавалъ вопросъ: да не слѣдуетъ ли и ему, т. е. графу, со временемъ стать между сими мудрецами?

Слѣдуетъ, отвѣчалъ я самъ себя, тѣмъ болѣе, что онъ научно съ молоду хорошо былъ съ ними знакомъ!

Совершится ли это когда-нибудь или нѣтъ — не знаемъ, но вотъ что случилось съ нимъ по поводу торчащаго кончика носоваго платка изъ бекеша!

Графъ шелъ изъ своего дома, что въ Караванной улицѣ, въ зданіе министерства юстиціи, находящееся въ Малой Садовой. При переходѣ его послѣдней съ одной стороны на другую — каковой-то уличный мальчишка, вориска по ремеслу, быстро подбѣжалъ въ

графу сзади, выдернулъ платокъ изъ бекешы и отбѣжалъ, а потомъ, показывая ему платокъ, вскричалъ: „баринъ, а баринъ, дашь гривенникъ—отдамъ, а не дашь—поминай, какъ звали!“

Рѣчь, какъ видите, опытнаго вора.

Графъ ощупалъ карманъ и, убѣдившись, что платокъ въ рукахъ мальчишки былъ дѣйствительно его, задумался, что дѣлать ему? Гнаться за нимъ, увь, не догонишь, тѣмъ болѣе, что на улицѣ было много грязи. Грозить ему? Какъ и чѣмъ? Полицейскія власти были въ отдаленіи, а главное, на бѣду,—порывшись въ своихъ карманахъ, онъ не безъ скорби убѣдился, что у него на этотъ разъ не было даже и гривенника.

Графъ взмолился! Сталъ говорить мальчику: отдай платокъ, гривенникъ получишь—вышлю сейчасъ вонъ изъ этого дома, увазывая на министерство. Мальчишка выразилъ недовѣріе: надуешь, баринъ; переговоры продолжались на тему: графъ увѣрялъ, мальчикъ не довѣрялъ.

Чѣмъ бы все это кончилось—неизвѣстно. Изъ дома министерства вышелъ курьеръ; приближаясь къ графу, онъ началъ догадываться въ чемъ дѣло, но мальчишка былъ малый не простой—быстро убѣжалъ.

Графъ смѣялся и, войдя въ зданіе министерства, повернулъ въ квартиру директора Топильскаго.

— „Гдѣ Юлія Владиміровна?“ Такъ звали жену Топильскаго, спросилъ графъ. Новое недоразумѣніе! Ибо такого случая, чтобы графъ настоятельно и прямо отъ себя спрашивалъ къ себѣ супругу М. И. Топильскаго, еще не было ни разу во все долготнее продолженіе службы ея мужа. Произошло неизбежное замедленіе! Графъ продолжалъ дожидаться и смѣяться; между тѣмъ въ испугѣ прибѣжалъ сверху изъ департамента и Михаилъ Ивановичъ, не смѣя спросить, что угодно графу.

Явилась, наконецъ, и Юлія Владиміровна. Графъ со смѣхомъ разсказалъ происшествіе съ нимъ и засимъ тайное требованіе къ себѣ Юліи Владиміровны разрѣшилось тѣмъ, что онъ попросилъ у нея на время носоваго платка.

Само собою Михаилъ Ивановичъ разсказывалъ объ этомъ многимъ, а нѣкоторые прибавляли, что будто бы графъ совѣтывалъ ему имѣть при себѣ всегда гривенникъ въ карманѣ, а то, чего Боже сохрани, и съ нимъ то-же случится.

Другіе пошли далѣе, говоря, что съ тѣхъ поръ дѣйствительно Михаилъ Ивановичъ имѣлъ у себя въ карманѣ, согласно указанію графа, на всякій случай, гривенникъ.

Въ послѣдующій день послѣ изложеннаго происшествія въ министерствѣ юстиціи, сенатѣ, среди разнаго служащаго люда, только и было рѣчи, что о графѣ, платкѣ и проч.

Во всей этой исторіи мы видимъ несомнѣнно, что графъ былъ отчасти юмористъ и добрѣйшая личность, чуждый, какъ истый аристократъ, всякаго чванства, и приключись эта исторія съ другимъ! Боже мой, сколько было бы тутъ шуму!

По рассказамъ, графъ Викторъ Никитичъ, какъ истый дипломатъ, былъ всегда учтивъ, любезенъ и никогда въ объясненіяхъ своихъ съ подчиненными не допускалъ какихъ либо грубостей. Это такъ, твердятъ его порицатели, но не безусловно, наприкладъ, при явѣ къ нему почтенныхъ людей онъ предлагаетъ имъ садиться; но если бы они сѣли прежде его приглашенія, то онъ почелъ бы это за величайшее невѣжество. Въ подтвержденіе сего приводятъ то, что будто бы однажды сенаторъ Евграфъ Петровичъ Ковалевскій и Дурасовъ, придя къ графу въ кабинетъ, позволили себѣ сѣсть безъ приглашенія на стоявшій близъ графа Павина диванъ. Гнѣвъ свой онъ будто бы выразилъ тѣмъ, что по уходѣ сенаторовъ тотчасъ приказалъ убрать диванъ.

А мнѣ исторія эта была извѣстна совсѣмъ иначе. Графъ по просту убѣдился, что упомянутый диванъ стоялъ не на мѣстѣ и велѣлъ его вынести.

Случился-ли этотъ выносъ вслѣдъ за уходомъ сенаторовъ или послѣ—не знаемъ, но во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни грубости.

Но порицатели честнаго и безукоризненнаго имени графа не остановились на этомъ и приводятъ другіе случаи.

Въ Москвѣ былъ очень уважаемый оберъ-прокуроръ Михаилъ Акимовичъ Рюминъ. Вотъ этотъ Рюминъ пришелъ однажды къ графу, который тотчасъ предложилъ ему папирсъ, но онъ будто бы, къ удивленію графа, не отказался и сталъ курить.

По рассказамъ порицателей, графъ счелъ Рюмина сумасшедшимъ и заставилъ его выдти въ отставку.

Фактъ самъ по себѣ не заслуживающій никакого вѣроятія; но мы, дѣйствительно, должны сказать, что Рюминъ вышелъ въ

отставку потому, что онъ сильно, не гласнымъ образомъ, зятнулся въ откупныя дѣла.

Согласитесь, что родъ занятій откупными дѣлами, т. е. спаваніе православнаго люда, не согласуется съ обязанностями оберъ-прокурора.

Стало быть, куреніе Рюминымъ папирозъ при графѣ Панинѣ тутъ было не при чемъ!

Къ этому мы добавимъ, что, въ бытность графа председателемъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу, онъ всегда привозилъ съ собою большой запасъ папирозъ, сигаръ и нюхательнаго табаку.

Къ запасу прибѣгали всѣ и въ особенности П. Я. Булгаковъ, который, не безъ умысла обращаясь къ графу, безъ всякой церемоніи говорилъ: „неужели васъ, графъ, нельзя раззорить?“

Графъ улыбнулся и, любезно протягивая ему руки съ папирозами, сигарами, говорилъ: очень радъ, очень радъ!

Итакъ, анекдотъ о Рюминѣ съ папирозами чистая злобная выдумка и дурнаго свойства.

Питая къ личности графа Панина глубокое уваженіе, мы не желаемъ пропустить ни одного случая, который бы остался безъ провѣрки. Итакъ, будемъ продолжать далѣе.

Разсказываютъ, что появленіе его въ московскомъ сенатѣ во время коронаціи Императора Александра II произвело подавляющее впечатлѣніе: по объясненію порицателей, онъ съ Топильскимъ торжественно прошелся по департаментамъ впередъ и обратно, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на оберъ-прокуроровъ, ожидавшихъ его, и на служащихъ, и не кивнулъ имъ даже головою.

Дѣйствительно, въ свое время объ этомъ говорили.

Но Н. И. Стояновскій, вынѣ членъ государственнаго совѣта, бывшій въ то время оберъ-прокуроромъ въ московскомъ сенатѣ, совершенно отвергаетъ этотъ фактъ.

Въ подтвержденіе словъ Н. И. Стояновскаго мы припоминаемъ другой случай.

Графъ Панинъ вошелъ разъ въ департаментъ министерства юстиціи, его встрѣтилъ и подошелъ къ нему директоръ М. М. Корпіоленъ-Пинскій; идя съ нимъ по департаменту, онъ представлялъ ему каждаго изъ дѣлопроизводителей по порядку, говоря: вотъ этотъ,

называя по имени, отчеству и фамилии, дѣлопроизводитель такой-то, окончилъ курсъ наукъ тамъ-то, служить въ занимаемой должности столько-то времени, исключительно занимается тѣмъ-то, въ особенности обнаруживаетъ способности по такимъ-то дѣламъ и т. д.

Словомъ, Пинскій не оставилъ никого и ничего не забылъ.

Графъ пріятно улыбался, протягивалъ руку каждому производителю и кончилъ тѣмъ, что сказалъ всѣмъ намъ: „господа, въ Матеевѣ Ивановичѣ вы имѣете не только начальника, но и воспитателя“. Слова—понятныя для всѣхъ насъ.

Есть основаніе думать, что разные рассказы, которые ходили по городу про графа, и даже каррикатуры на него, были ему отчасти извѣстны, но что онъ вовсе не сердился и относился ко всему этому своеобразно.

Въ доказательство сего приведемъ слѣдующее:

Въ департаментѣ министерства юстиціи служилъ изъ правовѣдovъ молодой человекъ по имени И. Д. Даниловъ.

Вотъ подъ вліяніемъ разныхъ разсказней про графа, онъ нарисовалъ на него каррикутуру и даже позволилъ себѣ издать ее въ свѣтъ.

Мы помнимъ ее, она не заключала въ себѣ ничего особенно остраго, но такъ какъ она все таки содержала въ себѣ насмѣшку надъ начальствомъ, а это плодъ запрещенный, то само собою она начала ходить по рукамъ.

Одна изъ нихъ представляла собою графа, заказывающаго какому-то чиновнику составить въ завтрашнему дню вѣдомость о еловыхъ шишкахъ, павшихъ съ деревьевъ назадъ тому 24 года. Авторъ каррикатуры видимо опорочиваетъ графа въ требованіи вѣдомостей о дѣлахъ минувшихъ годовъ.

Другая каррикутура представляла графа, приказывающаго кому-то (вѣроятно, Топильскому) заказать обѣдъ у Дюна, такъ какъ вкусъ его ему извѣстенъ. Извѣстно, что графъ въ лѣтніе мѣсяцы съ Топильскимъ иногда обѣдалъ у Дюна. Содержаніе, какъ видите, пустое.

Данилову дали понять неприличность его поступка и совѣтовали ему бросить это занятіе.

Даниловъ не унялся и самъ оставилъ министерство юстиціи.

По поводу памфлета, изданнаго А. И. Герценомъ на графа Панина мы расскажемъ еще одинъ забавный случай.

Герценъ, въ журналѣ своемъ „Колоколъ“, рассказывалъ, что будто бы ему попался портфель графа, который онъ какъ-то потерялъ. Въ этомъ портфелѣ заключались измышленные проекты графа Панина, по поводу назначенія его министромъ иностранныхъ дѣлъ, о чемъ, кстати скажемъ, много говорили. Въ проектѣ этомъ рассказывались разныя небылицы о томъ, какъ думаетъ графъ Панинъ преобразовать министерство, наприм., что онъ считаетъ необходимымъ заведеніе специально для дипломатовъ голубиной почты, что посломъ въ Мадридъ онъ полагаетъ назначить экзекутора департамента министерства юстиціи Лалаева, вмѣнявъ ему въ обязанность изучить испанскій языкъ непременно въ шестинедѣльный срокъ.

Лалаевъ, умершій въ февралѣ этого года въ Петербургѣ въ глубокой старости, былъ человекъ безъ особаго образованія и въ департаментѣ завѣдывалъ казначейскою частію.

Наконецъ, въ этой же статьѣ Герценъ обвинялъ графа Панина и въ томъ, что онъ изъ сената сдѣлалъ военную богадѣльню.

Этотъ номеръ „Колокола“ ходилъ въ видѣ запрещеннаго листа по Петербургу и, само собою, его читали съ наслажденіемъ; были и такіе, которые вѣрили рассказываемому Герценомъ.

Все это не могло не дойти до графа.

Вотъ въ одно прекрасное утро графъ собираетъ около себя лучшихъ людей министерства и сената, усаживаетъ ихъ около себя и начинаетъ самъ вслухъ читать измышленія Герцена, сопровождая это такимъ громкимъ смѣхомъ, что и другіе слушавшіе его также подражали ему.

Но вотъ дошли до обвиненія его относительно сената, что будто бы онъ сдѣлалъ изъ него военную богадѣльню. Графъ остановился и громко сказалъ: но вотъ это ложь злобная.

Причемъ краснорѣчиво объяснилъ, что ему, графу, принадлежитъ только представленіе въ сенаторы изъ оберъ-прокуроровъ и членовъ консультаціи. Всѣ же прочія лица, штатскія и военныя, получаютъ сенаторское званіе помимо его воли, причемъ, однако-жь, указалъ, что ношеніе генеральскихъ эполетъ не можетъ служить порицаніемъ званію сенаторовъ и что, напротивъ того, многіе изъ нихъ совершенно оправдываютъ свое назначеніе.

Чтеніе „Колокола“ самимъ графомъ Панинымъ сдѣлалось извѣстнымъ всему Петербургу и объ этомъ перестали говорить.

Въ книгѣ, изданной въ 1859 г. въ Лондонѣ подъ названіемъ „Голоса изъ Россіи“, заключаются порицанія общаго порядка въ имперіи, а потому мы и не считаемъ нужнымъ входить во все подробности, но остановимся на одномъ,—о томъ, что будто бы графъ Панинъ нещадно переводилъ чиновниковъ съ мѣста на мѣсто безъ всякой въ тому нужды.

Переводы чиновниковъ во время графа Панина, дѣйствительно, были и, можетъ быть, не согласовались съ желаніями ихъ, но чтобы сказать, что его переводы дѣлались безъ всякихъ поводовъ и необходимости къ тому, такъ, зря, то этого сказать нельзя. Переводы дѣлаются и теперь,—они обусловливаются разными соображеніями, имѣющими основу въ видахъ пользы службы.

Много еще можно бы было рассказать анекдотовъ о графѣ и обвиненій противъ него, но мы боимся утомить читателя и задаемъ вопросомъ: отчего же прочіе министры современники его не подвергались такимъ рассказамъ и обвиненіямъ, какъ графъ Панинъ?

Нѣтъ, и прочіе министры въ былое время не избѣгали сего; и про нихъ пускались въ ходъ остроты и о нихъ сочинялись карриатуры, но только въ другомъ родѣ, смотря по тому, какая сторона преобладала въ характерѣ или въ образѣ дѣйствія ихъ. Такъ, много говорили о министрѣ финансовъ графѣ Канкринѣ, который ревниво оберегалъ интересы казны. Не мало было пущено въ ходъ шутокъ и про его преемника Федора Павловича Вронченко. А сколько было рассказовъ про Владимира Петровича Буткова, какъ непремѣннаго посѣтителя всѣхъ гульбищъ въ С.-Петербургѣ!

Извѣстно, что графъ Викторъ Никитичъ любилъ уединяться и отдавать себя всецѣло труду, а почасту и научнымъ занятіямъ; чуждался общественныхъ удовольствій и неохотно посѣщалъ своихъ близкихъ знакомыхъ и не вступалъ съ ними въ дружескія бесѣды.

Вотъ все это въ глазахъ людей, любящихъ общество, свѣтъ, блескъ, придворныя новости, жаждущихъ и алчущихъ почестей и мѣстъ, интригующихъ за одно съ другими для достиженія разныхъ цѣлей—графъ казался для нихъ болѣе нежели страннымъ

и, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи онъ не былъ похожъ на другихъ. Впрочемъ, въ немъ почасту просвѣчивалъ одинъ недостатокъ; это—непрактичность въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ, что, вѣроятно, произошло и развилось подъ вліяніемъ какой либо исключительной сферы, въ которой онъ былъ воспитанъ.

Но эта непрактичность не умаляетъ его прочихъ достоинствъ, какъ чело­вѣка замѣчательнаго въ общественной и государственной дѣятельности, а равно и въ частной жизни, съ крайне строгимъ и неуклончивымъ направленіемъ.

Засимъ изъ всего нами правдиво высказаннаго мы должны заключить, что графъ Викторъ Никитичъ Панинъ былъ чело­вѣкъ глубокообразованный, дѣятельный, честнѣйшій, дѣйствовав­шій въ духъ своего времени, преданный долгу службы, пользамъ государства и лично государямъ и ставившій законъ выше всего.

Послѣ всего намъ остается сказать: миръ праху твоему, доблестный дѣятель, воспитатель цѣлаго поколѣнія юристовъ. Жалѣемъ объ одномъ, что залъ большого генераль-прокурорскаго дома, сколько намъ извѣстно, не украсенъ еще его портретомъ.

Въ заключеніе нашей статьи, мы, какъ бы въ подтвержденіе всего сказаннаго нами, приведемъ въ цѣломъ составѣ своемъ со­держаніе высочайшаго рескрипта 15 декабря 1869 года, послѣ­довавшаго въ день пятидесятилѣтія служенія графа Панина пре­столу и отечеству.

Въ немъ же въ особенности просимъ обратить вниманіе на слова, что графъ Викторъ Никитичъ улучшилъ личный составъ судебного вѣдомства, образовалъ многихъ по этой части опытныхъ и знающихъ дѣятелей, чѣмъ и далъ возможность введенію судебныхъ реформъ.

Въ виду сихъ словъ частныя разсужденія о томъ, что будто бы введеніе реформъ было дѣяніемъ другихъ министровъ, едва ли могутъ быть допускаемы.

Содержаніе рескрипта, приводимое нами дословно, слѣдующее:

Высочайшій рескриптъ,

послѣдовавшій на имя члена государственнаго совѣта, ст.-секретаря, дѣйстви. тайнаго совѣтника графа Панина.

Графъ Викторъ Никитичъ. Сегодня исполнилось 50 лѣтъ со времени вступленія вашего въ государственную службу. Полвѣка прослужили вы Россіи и тремъ ея монархамъ съ неослабленнымъ усердіемъ, неизмѣнною твердостью и непоколебимою преданностію престолу и отечеству. Начавъ 15-го декабря 1819 г. службу по дипломатической части, вы замѣчательными дарованіями своими, глубокимъ и всестороннимъ образованіемъ скоро обратили на себя вниманіе въ Бозѣ почившаго августѣйшаго моего родителя, и въ 1832 г. назначены были исправляющимъ должность товарища министра юстиціи, а съ 1839 г. вамъ ввѣрено было управленіе министерствомъ юстиціи. Почти 23-хъ-лѣтніе труды ваши по управленію этимъ министерствомъ ознаменовались въ особенности непрерывными усиліями къ улучшенію личнаго состава судебного сословія посредствомъ назначенія на судебныя должности лицъ, обладающихъ какъ надлежащими нравственными качествами, такъ и необходимою научною подготовкою. Образовавъ многихъ по этой части опытныхъ и знающихъ дѣятелей, вы тѣмъ предуготовили возможность введенія впоследствии болѣе совершенныхъ формъ судоустройства и судопроизводства. Но среди многотрудныхъ обязанностей по управленію министерствомъ юстиціи, вы находили силы и время для исполненія и другихъ важныхъ государственныхъ порученій, возлагаемыхъ на васъ довѣріемъ монарховъ. Изъ числа этихъ порученій, мнѣ пріятно вспомнить здѣсь о возложенномъ мною на васъ предсѣдательствованіи въ редакціонныхъ комиссіяхъ для составленія проектовъ законоположеній по крестьянскому дѣлу. Неуклонно слѣдуя даннымъ вамъ мною по сему предмету указаніямъ, вы исполнили это порученіе съ отличавшимъ васъ всегда неослабнымъ усердіемъ и пламеннымъ рвеніемъ ко благу и славѣ отечества. Позднѣе, въ званіи главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной моей канцеляріи, вы въ трудную пору разнообразныхъ и важныхъ законодательныхъ работъ вполне оправдали мое къ вамъ довѣріе, и только совершенно разстроенное отъ многолѣтнихъ трудовъ здоровье вынудило васъ просить

объ увольненія отъ сопряженныхъ съ этимъ званіемъ обязанностей. Въ настоящій, столь памятный для васъ, день, завершающій полстолѣтіе достопамятно пройденнаго вами служебнаго поприща, я призналъ справедливымъ, въ ознаменованіе моей признательности и полного въ вамъ благоволенія, пожаловать вамъ препровождаемый при семъ украшенный алмазами портретъ мой, для носенія въ петлицѣ на Андреевской лентѣ, и выражаю живѣйшее сердечное желаніе, чтобы мнѣ и горячо любимому отечеству дано было еще много лѣтъ пользоваться содѣйствіемъ вашего просвѣщеннаго ума и долготѣней опытности.

Пребываю навсегда неизмѣнно вамъ благосклонный.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою подписано: „искренно васъ любящій и благодарный Александръ“.

Въ С.-Петербургѣ,
15-го декабря 1869 года.

Послѣ сего рескрипта, свидѣтельствующаго о заслугахъ графа Виктора Никитича Панина, намъ остается только благоговѣть предъ памятью его.

Миръ праху твоему, повторяемъ мы, доблестный дѣятель!

VII.

Михаилъ Ивановичъ Топильскій, бывшій директоръ департамента министерства юстиціи при графѣ Панинѣ.

Михаилъ Ивановичъ Топильскій, тайный совѣтникъ, сенаторъ 1-го департамента сената и разныхъ орденовъ кавалеръ, въ томъ числѣ Александра Невскаго, родился въ 1809 году и умеръ, скоропостижно, 2 января 1873 года въ Петербургѣ, на Царыцыномъ лугу.

Родомъ онъ изъ дворянъ Московской губерніи, Клинскаго уѣзда; окончилъ курсъ наукъ въ московскомъ университетѣ со степенью кандидата. Въ службу онъ вступилъ сначала въ канцелярію московскаго генераль-губернатора въ 1830 году, а потомъ въ 1835 г. онъ перемѣщенъ былъ въ г. Тверь, сначала правителемъ канцеляріи губернатора, а потомъ совѣтникомъ тамошняго губернскаго правленія.

Репутація трудолюбиваго, дѣловаго чиновника прибрѣтена была имъ вскорѣ безспорно. Въ 1839 году онъ поступилъ въ судебное вѣдомство назначеніемъ новгородскимъ губерскимъ прокуроромъ. Въ слѣдующій засимъ 1840 годъ онъ переходитъ въ горольдію на мѣсто товарища герольдмейстера, а въ 1843 году перемѣщается въ министерство юстиціи на должность правителя канцеляріи г. министра. Въ 1845 году, онъ былъ уже вице-директоромъ департамента, а въ 1850 году, 27 августа, онъ получилъ мѣсто директора и въ этой должности онъ оставался по день увольненія графа Виктора Никитича изъ званія министра юстиціи, т. е. по 21 октября 1862 года. Въ сей день они оба получили назначеніе: графъ Панинъ членомъ государственнаго совѣта, а Топольскій сенаторомъ 1-го департамента.

Такимъ образомъ М. И. Топильскій былъ постоянно при графѣ Панинѣ почти 20 лѣтъ сряду. Разныя должности, которыя онъ занималъ при немъ: правителя канцеляріи, потомъ вице-директора и, наконецъ, директора, не измѣняли собственно его служебныхъ обязанностей и отношеній къ графу,—ибо въ сущности онъ былъ и оставался во все время неизмѣнно правителемъ его канцеляріи. Правда, съ повышеніемъ Топильскаго назначались другія лица на его мѣсто, но это было только по виду или, лучше сказать, на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ все оставалось по старому, т. е. М. И. Топильскій былъ, какъ и прежде сего, правителемъ канцеляріи при графѣ Панинѣ.

Скажемъ болѣе, что даже съ назначеніемъ графа въ государственный совѣтъ, а Топильскаго въ сенатъ, служебный день послѣдняго, по преимуществу, начинался также явкою его къ графу за полученіемъ личныхъ приказаній и порученій.

Различіе состояло въ томъ, что прежде на службѣ онъ являлся въ министерскій кабинетъ графа, а по увольненіи его онъ приходилъ къ нему на домъ по дѣламъ домашнимъ, конми Топильскій завѣдывалъ, или по другимъ случаямъ. Все это не выдумка, не слухъ, а чистая правда, основанная на словахъ самого Топильскаго, сказанныхъ имъ намъ въ 1872 г., т. е. 10 лѣтъ спустя послѣ выхода его изъ министерства.

Это ежедневное появленіе Михаила Ивановича предъ лицомъ графа Виктора Никитича и прежде, на службѣ, и послѣ, по выходѣ ихъ обоихъ изъ министерства, можно объяснить только взаимною ихъ пріязнію другъ къ другу. Графъ не могъ не

видѣть усердія къ службѣ Топильскаго и вѣрности его къ нему лично,—а сей послѣдній, при зависимости своей отъ него по службѣ, сознавалъ мощностъ и силу его характера, а равно личныя его достоинства и чувство расположенія къ нему графа.

Всѣмъ этимъ Топильскій дорожилъ и хвалился, но при отсутствіи своего твердаго характера онъ, такъ сказать, исчезалъ весь въ величіи графа, разлагался предъ нимъ до нуля, а вмѣстѣ съ тѣмъ терялъ всякую свою сознательную самобытность.

Далѣе, скажемъ, что графъ смотрѣлъ на Михаила Ивановича, какъ на преданнѣйшаго къ нему человѣка, называлъ его иногда именемъ друга, но слово ты не исходило изъ его устъ. Топильскій, съ своей стороны, видѣлъ въ графѣ своего властелина и только, угождая ему, считалъ основу и спасеніе своего положенія обезпеченнымъ. Слѣдовательно, связь между ними была, но связь особаго рода, сначала она возникла на службѣ, потомъ окрѣпла временемъ и силою вещей, а потомъ съ привычкой обратилась во вторую натуру. Во всякомъ случаѣ равенства между ними не было, а при такихъ условіяхъ и самая дружба ихъ, въ смыслѣ сердечной взаимности и уваженія другъ къ другу, едва ли была мыслима.

Самъ по себѣ Михаилъ Ивановичъ былъ человѣкъ умный, образованный, начитанный, усердный, опытный вообще въ дѣлахъ и въ особенности въ канцелярской отпискѣ, интересный въ частной бесѣдѣ, но все это не предъ лицомъ графа. Тутъ онъ во всѣхъ случаяхъ положительно уничтожался. Слово графъ постоянно было въ его мысляхъ и на устахъ, онъ какъ будто жилъ для него и во имя его. Не касаясь внутреннихъ его чувствъ, для насъ въ Топильскомъ важна служебная его слабость.

Вотъ эту слабость онъ самъ сознавалъ, чувствовалъ и не скрывалъ предъ другими, но перемѣнить себя, стать предъ лицомъ графа въ смыслѣ разумнаго и вѣрнаго своему долгу подчиненнаго онъ не могъ, да такъ и остался до конца своей жизни.

Вслѣдствіе сего общее мнѣніе о немъ было такое, что онъ не служилъ, а прислуживался, а это не одно и то же.

Скажемъ истину, что своею безхарактерностью, доходившею до самоуничтоженія, Топильскій дѣлалъ печальную извѣстность и графу Виктору Нивитичу, и самъ себѣ лично. И дѣйствительно, цѣлая масса нареканій на графа, какъ министра и человѣка, и самого Топильскаго, и неизчислимое множество анекдотовъ про

нихъ обоихъ,—одинъ другаго невѣроятнѣе, безобразнѣе и глупѣе, въ крайнему нашему сожалѣнію, возникли и рассказывались по винѣ его, Топильскаго.

Но что въ особенности печально—это то, что самоуниженія отъ Топильскаго никто не требовалъ и ничто къ этому его не вынуждало.

Онъ могъ служить и трудиться, какъ дѣлали его предшественники: Давзасъ, Кетгеръ и Корніолинъ-Пинскій; помогать графу въ смыслѣ разумнаго сослуживца, содѣйствовать ему, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, въ достиженіи служебныхъ цѣлей, представляя открыто и смѣло своему начальнику все, что оказывалось нужнымъ, и писколько не боясь навлечь на себя гнѣвъ графа. Всего этого, говоримъ мы, у Топильскаго не было, а съ отсутствіемъ сего, въ памяти сослуживцевъ, въ крайнему сожалѣнію, онъ представляется въ смыслѣ какого-то слуги или раба графа Панина, т. е. человѣкомъ безъ воли и разумнаго сознанія своихъ прямыхъ обязанностей. Богъ знаетъ, почему графъ Викторъ Никитичъ представлялся Топильскому человѣкомъ гнѣвливымъ, грознымъ, жестокимъ, не терпящимъ; всего этого мы, какъ ближайшіе сослуживцы его, не примѣчали и не видѣли. Напротивъ того, графъ въ дѣлахъ былъ крайне хладнокровенъ, выжидавшій терпѣливо доклада и обстоятельнаго обсужденія дѣла, никогда не стѣснявшій никого преждевременными своими резолюціями и, наконецъ, человѣкъ уступчивый, если видѣлъ, что его мнѣніе опровергается основательными доводами другихъ. Мы готовы доказать это многими примѣрами. Ясно, что означенныя грозныя свойства графа Панина были только въ воображеніи его, Топильскаго, и представлять его такимъ было едва ли не съ умысломъ и въ видахъ его,—иначе самъ Топильскій, какъ справедливо думаютъ другіе, не казался бы вершителемъ личныхъ судебъ чиновниковъ министерства юстиціи.

Вотъ почему его обвиняли въ умышенномъ извращеніи предъ другими личности графа Панина; въ отстраненіи отъ него всѣхъ людей дѣльныхъ и благомыслящихъ; равнымъ образомъ, его обвиняли въ эксплуатаціи трудовъ своихъ подчиненныхъ, выдавая оныя предъ графомъ за свои, и вообще въ отклоненіи личныхъ съ нимъ объясненій по дѣламъ службы, что въ особенности влѣбнѣе всѣхъ.

Однимъ словомъ, считали, что Топильскій приобрѣлъ довѣріе графа не искреннею своею службою, а разными недостойными подвохами.

Въ направленіе и рѣшеніе дѣлъ судебныхъ онъ не мѣшался. Правда, они шли чрезъ его руки, онъ подписывался подъ докладами: „директоръ Топильскій“, но не стѣснялъ начальниковъ отдѣленій въ выраженіи своихъ мнѣній, и это была его добрая сторона. Особыхъ работъ большихъ и малыхъ, по дѣламъ и по законодательнымъ вопросамъ, онъ не производилъ. Въ важныхъ случаяхъ, подъ видомъ исполненія графскихъ приказаній, онъ только настаивалъ, не оставляя ни себя, ни другихъ въ покоѣ, суетился, бѣгалъ безъ мѣры и страшалъ графскимъ гнѣвомъ. При этомъ удобномъ случаѣ онъ называлъ самъ графа мучителемъ, властелиномъ, а себя мученикомъ.

Тревога, производимая Топильскимъ, дѣлала службу въ департаментѣ министерства юстиціи крайне безпокойною. Начали уходить Топильскій объяснял это графу скудностью оладовъ.

Предъ лицомъ графа, какъ мнѣ неоднократно случалось видѣть, Топильскій держалъ себя крайне робко, почтительно и смиренно, садился не иначе, какъ по приглашенію, занималъ на стулѣ самую малую часть онаго, мнѣній никакихъ не заявлялъ, а только вторилъ графу, говоря: точно такъ, ваше сіятельство, и проч. Но лишь только графъ оканчивалъ съ нимъ бесѣду и уходилъ изъ министерства, Михаилъ Ивановичъ призывалъ подчиненныхъ, смотря по обстоятельствамъ то начальниковъ отдѣленій, то правителя канцеляріи, то старшаго юрисконсульта, выпрямлялся предъ ними, голосъ его крѣпкъ и звучалъ, заявленія и приказанія становились настойчивѣе. Однимъ словомъ, совершалась метаморфоза и онъ дѣлался грознымъ начальникомъ! Слова: обратитъ вниманіе, скорѣе, немедленно, неотлагательно, позвать того или другаго, послать за нимъ курьера—раздавались зычно по кабинету. Все внимало ему. Ясно, что Михаилъ Ивановичъ былъ особаго закала ревнитель. Впрочемъ, оно не всегда было такъ. Напротивъ, если графъ выражалъ кому либо письменно свою благодарность за отличную разработку дѣла, что случалось не рѣдко, Михаилъ Ивановичъ призывалъ виновника и, сообщая ему резолюцію графа, тотчасъ бросался въ объятія дѣльца, лобызалъ его и увѣрялъ въ нелицемѣрной дружбѣ и любви.

По мнѣнію многихъ, такихъ людей Михаилъ Ивановичъ боялся и впоследствии старался подь благовиднымъ предлогомъ удалить изъ департамента, давъ имъ другое болѣе отдаленное назначеніе.

Подълуи, какъ видите, были не безъ послѣдствій!

Пишущему сіи строки, по званію старшаго юрисконсульта, въ присутствіи Топильскаго, случалось убѣждать графа Виктора Никитича измѣнять свое первоначальное мнѣніе,—и Боже мой, что дѣлалось въ это время съ Топильскимъ, онъ просто млялъ и худѣлъ, чуть не дрожалъ, на него, право, больно было смотрѣть! Къ счастью, разногласія между мною и графомъ скоро ованчивались. Онъ уходилъ, а Топильскій, какъ бы воспрянувъ отъ сна, безпрестанно повторялъ мнѣ: какъ вы смѣлы съ графомъ! какъ вы смѣлы! и т. д.

Но дивясь особенности характера Михаила Ивановича, скажемъ, что онъ при излишней хлопотливости нерѣдко подвергался тѣлесному изнуренію и сильнымъ припадкамъ головной боли. Лекарство, кажется, онъ самъ себя придумалъ: онъ выпивалъ цѣлый стаканъ воды съ большою дозою перца; по его словамъ, это ему быстро помогало. И дѣйствительно, часто онъ падалъ отъ безсилія, бросался на постель, лежалъ въ растязку, вскрикивая слабымъ голосомъ: я трупъ, я трупъ! Но приемъ перцевой воды помогалъ ему быстро, онъ вскакивалъ и тотчасъ направлялся въ кабинетъ графа, если послѣдній требовалъ его къ себѣ. Возобновляемъ въ памяти читателя, что званіе сенатора М. И. Топильскаго нимало не измѣнило его отношеній къ графу. Онъ относился подобострастно ко всѣмъ его порученіямъ.

Наступилъ день 2-го января 1873 года. Этотъ день былъ послѣднимъ въ его жизни. Квартира его была, какъ помнится, въ домѣ Калугина у Пѣвческаго моста, и вечеромъ въ тотъ день онъ отправился къ бывшему своему подчиненному, а въ то время уже сенатору, Якову Яковлевичу Чемадурову, жившему на Гагаринской пристани. Разстояніе не близкое.

День былъ морозный, а костюмъ Михаила Ивановича далеко не былъ теплый; онъ былъ въ бекешѣ съ теплымъ воротникомъ и въ шляпѣ въ формѣ цилиндра. По какой надобности онъ былъ у Чемадурова—не знаемъ: одни говорятъ, что дѣло шло о составѣ политическаго отдѣла сената, а другіе, что онъ совѣтывался

относительно того, что Топильскаго вызывали въ Москву въ качествѣ свидѣтеля. Рассказываютъ, что въ бесѣдѣ у Чемадурова онъ былъ необыкновенно веселъ и шутливъ, а между тѣмъ смерть уже стояла за его плечами.

Возвращаясь пѣшкомъ домой и проходя Царицынъ лугъ, онъ подвергся апоплексическому удару и умеръ на мѣстѣ; но умеръ ли онъ мгновенно отъ удара, или въ обморокъ онъ замеръ въ безпомощномъ положеніи,—не знаемъ. Извѣстно только то, что полиція, замѣтивъ мертвое тѣло, не сразу открыла кто такой былъ умершій.

Всѣ были поражены такимъ извѣстіемъ. Графъ Викторъ Никитичъ скорбѣлъ въ особенности.

Отпѣваніе тѣла происходило 5-го января 1873 года въ сенатской церкви, что едва-ли не было единственнымъ примѣромъ со времени постройки оной.

На похороны собралось много сенаторовъ и лицъ судебного вѣдомства, но въ числѣ присутствующихъ не было графа, онъ былъ боленъ. Говорятъ, что дома онъ плавалъ чистосердечно теряя въ немъ друга.

Похороны происходили на Смоленскомъ владбищѣ. Могила его украшена памятникомъ съ надписью: „Михаилъ Ивановичъ Топильскій, 1809—1873 г.“. Всѣ расходы по похоронамъ графъ принялъ на себя. Въ семьѣ графа Виктора Никитича смотрѣли на Михаила Ивановича, какъ на домашняго друга.

Онъ былъ женатъ на Юліи Владиміровнѣ, рожденной баронессѣ Штейнгейль, и оставилъ послѣ себя сына Владиміра, родившагося въ 1841 году ¹⁾. По судебнымъ спискамъ значится, что онъ кончилъ

¹⁾ Баронесса Юлія Владиміровна была дочь знаменитаго по уму своему и высокимъ нравственнымъ качествамъ барона Владиміра Ивановича Штейнгейля (1783—1862 гг.), декабриста. Управля въ 1814—1818 гг. канцелярією московскаго главнокомандующаго Тормасова, В. И. Штейнгейль разумною и энергичною своею дѣятельностію много содѣйствовалъ возрожденію Моск. вѣ. Изъ обще государственныхъ мѣропріятій, по его иниціативѣ, но, конечно, чрезъ Тормасова состоявшихся, замѣчательна отмѣна рванія поздрей и осужденныхъ въ каторжную работу (см. П. С. З., собраніе первое). Замѣшанный въ декабрьскую смуту, Штейнгейль изъ вѣрности имѣлъ смѣлость писать императору Николаю большія записки, но не о себѣ, а объ исправленіи разныхъ золъ, снѣдавшихъ дорогое для него отечество! Онъ былъ осужденъ по одному изъ высшихъ разрядовъ декабристовъ и, сосланный въ Сибирь, оставилъ

курсъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и состоитъ нынѣ почетнымъ мировымъ судьей Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, гдѣ отецъ его владѣлъ крестьянами въ количествѣ 250 душъ.

Не можемъ умолчать того, что Михаилъ Ивановичъ былъ религіозенъ и съ научнымъ направленіемъ. Онъ подчасъ и въ особенности предъ большими праздниками, когда служебныя тревоги утихали и когда душа его алкала покоя, онъ любилъ читать Евангеліе, Илліаду и разныхъ классиковъ.

Мы знаемъ, что и графъ Викторъ Никитичъ также прибѣгалъ къ этому успокоительному чтенію.

Извѣстно также, что Михаилъ Ивановичъ въ началѣ сороковыхъ годовъ усидчиво занимался шведскимъ языкомъ и въ 1846 г. перевелъ на русскій языкъ книгу подъ названіемъ: „Столбецъ шведскаго земскаго права“. За переводъ этой книги ему была объявлена отъ министерства юстиціи признательность.

Ради чего онъ занимался шведскимъ языкомъ и заслуживала ли, по своему содержанію, перевода эта книга—не знаемъ; мы никогда ее не видали и не читали.

Усердіе Топильскаго къ службѣ подтверждается еще тѣмъ, что въ теченіи 42-лѣтней своей службы онъ былъ только четыре раза въ кратковременныхъ отпускахъ, изъ коихъ самый продолжительный былъ въ 29 дней и самый краткій въ двѣ недѣли.

Оканчивая сію статью, мы подтверждаемъ, что слова наши чистосердечны и что сказанное въ ней истина.

Н. М. Колмаковъ.

15-го мая 1887 г.
г. Кіевъ.

въ С.-Петербургѣ свою жену съ дѣтьми, страшась, что слабая женщина не перенесетъ всѣхъ ужасовъ слѣдованія за нимъ въ сибирскіе остроги. Въ 1856 году Владиміръ Ивановичъ, милостію незабвеннаго Александра II, въ числѣ прочихъ декабристовъ, возвращенъ въ Россію и у почтеннаго сына своего, нынѣ военнаго генерала, составителя и редактора „Военной російской хроники“, нашелъ сердечный приемъ. Въ это время мы познакомились съ барономъ Владиміромъ Ивановичемъ: это былъ самый симпатичный старикъ, веселый, бодрый, высокоразумный. Онъ умеръ 20 сентября 1862 г. Въ газетѣ „Современное Слово“ 1862 г. былъ напечатанъ нами тогда же его некрологъ.

Ред.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

Записки барона Гейккига ¹⁾.

[переводъ съ нѣмецкаго].

1796—1801.

III.

Вторую поѣздку императора Павла въ Москву я считаю эпохою, наложившею новый отпечатокъ на характеръ его правленія и послужившею источникомъ злопущія для всѣхъ лицъ, окружавшихъ этого несчастнаго влстителя.

Послѣ возвращенія изъ Москвы, измѣнчивое и причудливое настроеніе его характера дѣлалось съ каждымъ днемъ ощутительнѣе; онъ мучился непрерывнымъ безпокойствомъ; однако, можно было замѣтить, что въ немъ еще происходила внутренняя борьба. Религіозныя убѣжденія его постепенно ослабѣвали; въ привязанности его къ государынѣ тоже произошла рѣзкая перемѣна; расположеніе его къ г-жѣ Нелидовой сначала замѣнилось равнодушіемъ, а потомъ превратилось въ явную враждебность; довѣріе къ Куракину и Буксгевдену внезапно пропало, уступивъ мѣсто подозрительности и преслѣдованіямъ. Графы Румянцевъ и Вельгорскій, я и нѣкоторые другіе, на которыхъ ему указали, какъ на приверженцевъ императрицы — всѣ мы, одинъ за другимъ, были уволены или сосланы. Павелъ, окончательно увлеченный страстію своей натуры, лишенный всякой обуздывающей силы, которая могла бы предупредить или умѣрить взрывы его характера, сталъ предаваться неслышаннымъ дотолѣ крайностямъ всякаго рода.

Но такъ какъ всѣ такыя выходы явились лишь результатомъ и слѣдствіемъ странной и внезапной перемѣны въ мысляхъ и въ привычкахъ государя, то естественнымъ образомъ является желаніе изслѣдовать загадочныя причины этого. Мнѣ кажется, что я, по положенію, которое занималъ, равно

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LVI, ноябрь, стр. 365—394.

РУССКАЯ СТАРИНА 1887 г., ТОМЪ LVI, ДЕКАБРЬ.

какъ и по своимъ связямъ, на которыя указано въ предшествующихъ главахъ, могъ бы разслѣдовать этотъ вопросъ.

Разгадкою столь необъяснимаго явленія могло бы служить слѣдующее.

При всѣхъ дворахъ есть извѣстный разрядъ людей, безправственность коихъ столь же велика, сколько опасна. Эти низкія натуры питаютъ неодолимую ненависть ко всѣмъ, не раздѣляющимъ ихъ образа мыслей; понятія о добродѣтели они не могутъ имѣть, потому что оно связано съ понятіемъ объ уваженіи къ столь страшному для нихъ закону, а равно и къ чужому ниществу, столько для нихъ возжелѣнному; вслѣдствіе этого, всѣ эти люди соединяются противъ честнаго, безкорыстнаго и, дѣйствительно, просвѣщеннаго человѣка, охотно обольщающаго себя мыслию, что можетъ ограничиться презрѣніемъ къ нимъ, и забывающаго, что часто ихъ нужно и опасаться.

Мучимые жаждою богатства, господа эти позволяютъ себѣ все, чтобы его достигнуть; а такъ какъ высокія мѣста доставляютъ для этого болѣе средствъ, обезпечивая безнаказанность, то они и стремятся къ полученію должностей, изъ которыхъ можно извлекать разныя выгоды. Сильные своею злобою, они считаютъ коварство за умъ, дерзость въ проступленіи за мужество, презрѣніе ко всему на свѣтѣ — за умственное превосходство. Опираясь на эти воображаемыя достоинства, они, вопреки своему ничтожеству, добиваются мѣднымъ лбомъ до такихъ званій, которыя должны были бы заслужить наградою истинныхъ заслугъ государству.

Въ Петербургѣ сошлось нѣсколько подобнаго закала господъ, которые сблизились безъ взаимнаго уваженія, разгадали другъ друга, не объясняясь, и стали общими силами работать надъ устраненіемъ людей, которые являлись имъ помѣхою.

Орудіе, которымъ агитаторы всегда пользуются столь же ловко, какъ и успѣшно, — всегда служили дураки. Для привлеченія ихъ на свою сторону, агитаторы начинаютъ съ того, что сверхъ мѣры превозносятъ ихъ честность; дураки хотя внутренно и удивляются этимъ незаслуженнымъ похваламъ, но такъ какъ онѣ льстятъ ихъ тщеславію, то они беззавѣтно отдаются въ руки коварныхъ льстецовъ.

Такимъ-то порядкомъ произошло и то, что Кутайсовъ вдругъ оказался образцомъ преданности своему государю. Стали приводить примѣры его безкорыстія; стали даже приписывать ему извѣстную тонкость ума и выражать притворное удивленіе, какъ это государь не сдѣлаетъ чего нибудь побольше для такого рѣдкаго любимица. Кутайсовъ, въ концѣ концовъ, самъ началъ вѣрить, что его пріатели правы; но онъ далъ имъ понять, что императрица и фрейлина Нелидова его не любятъ и мѣшаютъ его возвышенію. Этому только и ждали: стали еще больше превозносить его и увѣрять, что отъ него самого зависитъ господство надъ Павломъ, если онъ подставитъ ему фаворитку по собственному выбору, которой предварительно поставитъ свои условія.

Напомнили ему о дѣвицѣ Лопухиной и внушили ему, что онъ долженъ дѣлать въ Москвѣ. Кутайсовъ обѣщалъ все исполнить; а такъ какъ ему наемкнули, что и князь Безбородко тоже желалъ бы видѣть государя избавленнымъ отъ опеки императрицы, г-жи Нелидовой и братьевъ Куракиныхъ, то онъ всецѣло прикнулъ къ этому заговору, хотя и не предвидѣлъ его результатовъ.

Встрѣча, оказанная государю въ Москвѣ, была восторженная; а такъ какъ сердце у него отъ природы было мягкое, то онъ былъ живо тронутъ этими выраженіями преданности и любви. Бѣдный монархъ обладалъ любящею и чувствительною душою. И зачѣмъ это такъ случилось, что его раздражительный характеръ и болѣзненно-настроенное воображеніе вѣчно заставляли его идти ложнымъ путемъ! Исполненный радостью, онъ въ тотъ же вечеръ сказалъ Кутайсову:

— «Какъ отрадно было сегодня моему сердцу! московскій народъ любитъ меня гораздо болѣе, чѣмъ петербургскій; мнѣ кажется, что тамъ меня гораздо болѣе боятся, чѣмъ любятъ».

«Это меня не удивляетъ», отвѣчала Кутайсовъ.

— «Почему же?»

«Не смѣю объяснять».

— «Такъ приказываю тебѣ это».

«Объясните мнѣ, государь, никому не передавать этого».

— «Объясню».

«Государь, дѣло въ томъ, что здѣсь васъ видятъ таковыми, какой вы есть дѣйствительно — благимъ, великодушнымъ и чувствительнымъ; между тѣмъ какъ въ Петербургѣ, если вы оказываете какую-либо милость, то говорятъ, что это государыня, или г-жа Нелидова, или Куракины выпросили ее у васъ. Такъ что, когда вы дѣлаете добро, — то это они; если же кого покараютъ — то это вы караете».

— «Значитъ, говорить, что... я даю управлять собою».

«Такъ точно, государь».

— «Ну, хорошо же, я покажу, какъ мною управлять!» — Гнѣвно приблизился Павелъ къ столу и хотѣлъ писать; но Кутайсовъ бросился къ его ногамъ и умолялъ на время сдержать себя.

На слѣдующій день государь посѣтилъ балъ, гдѣ молодая Лопухина неотлучно слѣдовала за нимъ и не спускала съ него глазъ. Онъ обратился къ какому-то господину, который какъ бы случайно очутился по близости отъ него, но принадлежалъ къ той же группѣ. Господинъ этотъ, съ улыбкою, зашѣтилъ:

— «Она, в. в., изъ-за васъ голову потеряла».

Павелъ разсѣялся и возразилъ, что она еще дѣтя.

— «Но ей уже скоро 16 лѣтъ», — отвѣтили ему.

Затѣмъ онъ подошелъ къ Лопухиной, поговорилъ съ нею и нашелъ, что она забавна и наивна; а послѣ бесѣды объ этомъ съ Кутайсовымъ все

устроено было между нимъ послѣднимъ и мачихою дѣвицы. Рѣшено было соблюдать глубочайшій секретъ и не сообщать даже отцу ея всѣхъ статей заключеннаго договора, который, впрочемъ, только въ Петербургѣ долженъ былъ исполнѣ осуществиться; между тѣмъ, и родители, и вся семья должны были быть переведены туда. Хотя Павелъ, по возвращеніи, довольно удачно скрывалъ свои тайныя намѣренія и даже пожаловалъ подарки мнимымъ креатурамъ императрицы, однако, нѣкоторыя слова, сорвавшіяся съ языка у вернувшихся изъ Москвы лицъ, возбудили подозрѣніе относительно того, что замышлялось. Негодяи часто бываютъ болтливыми: это, можетъ быть, благодѣяніе природы, снабдившей и ядовитыя змѣи погремушками. О лопухинской интригѣ скоро узнали, хотя и притворились ничего не знающими. Меня поразило, однако, выраженіе лица Павла, когда онъ смотрѣлъ на свою супругу и на фрейлину Нелидову. Я сказалъ объ этомъ одному изъ приближенныхъ ко двору людей, но тотъ мнѣ отвѣтилъ: «Это только проходящая туча. Изводить дуться, но не надолго».

Наиболѣе поразило меня то, что креатуры Безбородко пошли въ ходъ, постоянно стали получать знаки благоволенія и рѣзко критиковали финансовыя операціи генераль-прокурора князя Куракина. Правда, что его вспомогательная касса для дворянства была неудачно придумана; но теперь стали распространять слухъ, что онъ, создавая это учрежденіе, руководился низкими расчетами личнаго интереса.

Закулисные интриганы чувствовали, что ихъ коалиція можетъ держаться и привести къ желанной цѣли лишь въ томъ случаѣ, если должности генераль-прокурора и петербургскаго генераль-губернатора будутъ въ ихъ рукахъ. Прежде всего, поэтому, они стали подкапываться подъ князя Алексѣя Куракина и генерала Букстевдена. Кутайсовъ теперь только и зналъ, что расхваливать Палена; а такъ какъ ему извѣстны были тайныя соглядатаи Павла, то онъ сумѣлъ воспользоваться ими, чтобы доводить — повидному самымъ естественнымъ образомъ—до ушей государя многочисленныя восхваленія чловека, которому желали дать мѣсто.

Однажды Павелъ, находясь въ небольшомъ кружкѣ своихъ приближенныхъ, выразился такъ: «Странно! Никогда не слыхалъ я, чтобы о комъ либо говорили такъ много хорошаго, какъ о Паленѣ. Я, значить, довольно ложно судилъ о немъ и долженъ эту несправедливость поправить».

Предавшись такому теченію мысли, государь все милостивѣе и милостивѣе сталъ обращаться съ Паленомъ, который вскорѣ такъ опуталъ его своими оригинальными и лицемерно-чистосердечными рѣчами, что сталъ ему казаться самымъ подходящимъ чловекомъ для занятія должности, требующей вѣрнаго взгляда, ретиваго усердія и безграничнаго послушанія.

Планъ—окружить государя новыми людьми, какъ ни тщательно былъ скрываемъ, однако, не могъ ускользнуть отъ пронизательности многихъ,

заинтересованных въ дѣлѣ, лицъ; наконецъ, внезапное повелѣніе г. Лопухину, который былъ сенаторомъ въ Москвѣ, прибыть въ Петербургъ, достаточно ясно указало на близкое развитіе какого-то обширнаго проекта.

Однажды государь такъ дурно обошелся съ вице-канцлеромъ княземъ Куракинѣмъ, что тотъ вслѣдствіе этого заговоралъ. Императрица хотѣла было поговорить въ его пользу; но этииъ тоже заслужила гнѣвъ своего супруга. На сей разъ гроза прошла мимо; но неудачная мысль государыни ускорила развязку. Узнавъ, что г-жа Лопухина должна прибыть въ Петербургъ, она имѣла неосторожность написать ей угрожающее письмо, чтобы воспрепятствовать исполненію этого плана.

Письмо это пришлось тайнымъ согласникамъ какъ разъ съ руки. Оно было доставлено Павлу, который пришелъ въ неописуемый гнѣвъ....

22-го іюля дворецъ находился въ Петергофѣ. Такъ какъ то былъ день рожденія императрицы, то и я былъ принужденъ туда отправиться. Государь былъ въ явно-дурномъ настроеніи; со мною обратился холодно и не сказалъ мнѣ ни одного слова. Фрейлина Полидова казалась мнѣ погруженною въ глубокую печаль, которую она напрасно старалась скрыть. Балъ этотъ скорѣе былъ похожъ на похороны, и всѣ предсказывали новую грозу.

На слѣдующій день Павелъ уѣхалъ въ Гатчину. 24-го числа онъ находился еще тамъ, когда слышанъ былъ вдругъ пушечный громъ со стороны Петербурга. Такъ какъ государь, особымъ приказомъ, воспретилъ учить войска въ послѣобѣденное время, то обратился къ в. кн. Александру съ вопросомъ:

— «Что значить эта пушечная пальба?»

«Можетъ быть,—отвѣчалъ тотъ,—это какой-нибудь корабль прибылъ, и ему салютуютъ изъ крѣпости».

Вскорѣ, однако, пальба усилилась. Государь, вѣя себя отъ гнѣва, послалъ адъютанта въ Петербургъ, чтобы спросить у генераль-губернатора графа Буксгевдена о причинахъ этой канонады. Едва успѣлъ адъютантъ уѣхать, какъ Павелъ отправилъ другаго, съ приказаніемъ Буксгевдену—немедленно явиться въ Гатчину.

Случилось это въ 7 часовъ вечера, а первый курьеръ прибылъ въ Петербургъ уже съ наступленіемъ ночи. Первому гонцу Буксгевденъ отвѣчалъ, что это артиллерійскій генераль дѣлалъ, съ его разрѣшенія, испытаніе пушекъ, и что онъ не могъ отказать въ этомъ разрѣшеніи, такъ какъ государь въ прошлогоднемъ приказѣ, относительно послѣобѣденныхъ учений, сдѣлалъ исключеніе для артиллеріи, и исключеніе это еще не отгѣнено. Отвѣтъ этотъ былъ доложенъ государю въ 5 часовъ утра, такъ какъ онъ приказалъ сообщить ему о томъ въ какое бы время ни было. Павелъ, хотя успокоенный этимъ донесеніемъ, остался, однако, въ дурномъ расположеніи духа.

Полтру Паленъ и другіе генералы явились во дворецъ, для представленія

своихъ рапортовъ. Павелъ приказалъ ввести Буксгевдена и сталъ упрекать его, что онъ разрѣшилъ то, что было воспрещено. Тотъ сослался на неотгнанный приказъ прошлаго года. Тогда Павелъ сказалъ ему:

— «Это все отговорки для оправданія вашей безпечности, которую я слишкомъ хорошо замѣчаю. Вы—болѣе не петербургскій генераль-губернаторъ,—ступайте!»

Въ то же время онъ позвалъ къ себѣ Палена:

— «Поручаю вамъ должность генераль-губернатора; но садитесь сейчасъ же въ карету Буксгевдена и примите отъ него всё дѣла, касающіася его вѣдомства».

Паленъ нашелъ все въ величайшемъ порядкѣ, и говоритъ, что онъ отдалъ полную справедливость своему предшественнику, въ докладѣ государю. Мнѣ, лично, Буксгевденъ сказалъ:

— «Я уже за три недѣли предвидѣлъ этотъ ударъ, и каждую минуту ожидалъ его. Исторія съ артиллерійскимъ ученьемъ послужила лишь предогомъ».

Такимъ образомъ, важнѣйшая, послѣ генераль-прокурорской, должность очутилась въ рукахъ согласниковъ; съ этой минуты, перемѣны вдругъ стали быстро-слѣдовать одна за другою.

Наконецъ, прибылъ г. Лопухинъ, но безъ семьи. Государь хотѣлъ было передать ему портфель генераль-прокурора, но онъ убѣдительно просилъ, чтобы его отъ этого избавили. Тогда государь предложилъ означенную должность барону Васильеву: тотъ наотрѣвъ отказался, говоря, что и безъ того несетъ слишкомъ большую отвѣтственность, какъ главный канцлеръ, чтобы взять на себя двойную работу.

Павелъ, будучи постоянно возбуждаемъ противъ князя Алексѣя Куракина, далъ, наконецъ, безусловное повелѣніе Лопухину исполнять должность генераль-прокурора, пока здоровье будетъ ему это позволять. Князь Алексѣй переведенъ былъ въ 1-й департаментъ сената; а вице-канцлеръ, постоянно испытывавшій на себѣ гнѣвъ государя, подалъ въ отставку, но Павелъ, не любившій, чтобы его предупреждали, приказалъ объявить ему, что онъ самъ лучше знаетъ, когда настанетъ время для его увольненія.

Съ этого времени только и слышно было ежедневно о новыхъ увольненіяхъ отъ службы. Но прежде, чѣмъ продолжать свой рассказъ, скажу нѣсколько словъ объ исторіи съ мальтійскимъ орденомъ.

Извѣстно, что о-въ Мальта былъ, 18 іюня 1798 г., сданъ французамъ; виною этому гораздо менѣе была трусость рыцарей, нежели нѣмѣна нѣкоторыхъ яacobинцевъ. Когда извѣстіе это дошло до Петербурга, то Литта сообразилъ, что изъ бѣдствій ордена можетъ извлечь личную выгоду для себя. Англійскій дворъ, до крайности раздраженный успѣхомъ французовъ, приказалъ своему посланнику, лорду Уитворту, дѣйствовать согласно съ Литтой, дабы подвинуть Павла къ самымъ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Вслѣдствіе ихъ происковъ,

Павель, безъ того уже разгнѣванный постыдною сдачею главной резиденціи ордена, покровителемъ котораго онъ только что объявилъ себя, позволилъ на учрежденіе судилища надъ гротмейстеромъ Гомпешемъ, который долженъ былъ лишиться своего званія.

Членами этого верховнаго трибунала назначены: князь Безбородко, князь Александръ Куракинъ, графъ Кобенцль, графъ Вельгорскій (комтуръ ордена), графъ Буксгевденъ (рыцарь прусскаго ордена Іоаннитовъ), два французскіе дворянина, о которыхъ говорили, что они сложили съ себя орденскій обѣтъ, два священника изъ католическаго пріората въ Россіи и я.

Несообразность всей этой процедуры, равно какъ нарушеніе всѣхъ законныхъ формъ хотѣли прикрыть тѣмъ, что обвиненіе и приговоръ произведены были съ такою поспѣшностію, что все дѣло было окончено въ полтора часа.

Дабы ввести въ заблужденіе иностранныхъ членовъ ордена и добиться изъ согласія на этотъ противозаконный актъ, испросили у государя формальное объявленіе, въ которомъ онъ обѣщалъ защиту всего ордена, вообще, и каждаго члена, въ частности. Сдѣлавъ этотъ шагъ, Павель уже не могъ отступать назадъ. Онъ и пошелъ впередъ, большими шагами, и воспользовался всею силою своего положенія — для содѣйствія видамъ Литты и лондонскаго двора.

Такъ какъ окружавшіе Павла интриганы очень хорошо знали, какъ слѣдуетъ пользоваться его первымъ увлеченіемъ, то они и побудили его сорить русскими деньгами на пользу ордена, котораго духъ и организація не имѣли рѣшительно никакого соотношенія къ политическому устройству русскаго государства. И въ самомъ дѣлѣ, на что намъ былъ въ Россіи Іоаннитскій орденъ, развѣ что мы имѣли ордена св. Георгія для военныхъ, и св. Владимира для гражданскихъ чиновъ? Зачѣмъ было бросать три милліона на орденскія дотаций? Зачѣмъ было пріобрѣтать, за очень дорогую цѣну, великолѣпное зданіе, чтобы помѣстить тамъ нѣсколькихъ франгузовъ и итальянцевъ? Всѣ эти великолѣпныя затѣи совпадаютъ со второю эрою Павлова царствованія, т. е. онѣ слѣдуютъ за его второю побѣдкою въ Москву.

Кутайсову, который въ орденѣ Іоаннитовъ могъ бы занимать только мѣсто послушника, тайно была обѣщана степенъ Вольшаго креста. Самъ же Павель не удовольствовался титуломъ гротмейстера, но наименовалъ себя самодержавнымъ государемъ ордена. Съ того времени все стало возможнымъ, и очень скоро все пошло весьма своеобразно. Послѣ того, что Литта былъ назначенъ на мѣстникомъ гротмейстера, онъ сталъ себѣ все позволять, и, наконецъ, даже отрেকся отъ своего обѣта, чтобы жениться на графинѣ Скваронской, первый мужъ которой умеръ въ Италіи.

Павель приходилъ все въ болѣе и болѣе дурное настроеніе духа, и что должно было еще болѣе поразить наблюдателя, — помимо взрывовъ своего гнѣва, сталъ выказывать и притворство. Во время послѣдняго доклада, который

ниѣлъ у него, въ качествѣ генераль-прокурора, князь Алексѣй Куракинъ, Павелъ обнялъ его, хвалилъ его усердіе, а на другой же день уволилъ. Слепая подозрительность побуждала его преувеличенно-торопливо наносить свои удары и увольняемыхъ имъ лицъ удалять, посредствомъ изгнанія изъ столицы. Единственнымъ хорошимъ качествомъ, какое онъ сохранилъ, была благотворительность; о немъ, вмѣстѣ съ Тацитомъ, можно было бы сказать: *Erogandae per honesta pecuniae cupiens quam virtutem diu retinuit, cum caetera exueret*. Подобно тому, какъ онъ уволилъ Буксевдена, такъ прогналъ и честнаго адмирала Плещеева, и притомъ съ безпримѣрною жестокостію. Онъ велѣлъ ему безотлагательно ѣхать въ свою деревню, хотя жена Плещеева лежала еще больная, послѣ родовъ. Въ виду сего Плещеевъ написалъ смѣлое письмо государю, который, наконецъ, и разрѣшилъ ему отложить отъѣздъ до выздоровленія жены. Адмиралъ, бывъ воспитанъ совмѣстно съ Павломъ, сохранилъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы иногда высказывать ему правду. Такой человѣкъ казался опаснымъ, и его нужно было поскорѣе удалить, даже не соблюдая законовъ челоуѣколюбія.

Всѣ эти событія дѣлали для меня службу чрезвычайно непріятною; я охотно попросился бы въ отставку, но принцъ вице-канцлера удерживалъ меня отъ этого. Такимъ образомъ, пришлось мнѣ пребывать въ ожиданіи взрыва бомбы и надъ моею головою.

Буксевденъ, съ того дня, какъ былъ отрѣшенъ отъ должности генераль-губернатора, рапортовался больнымъ и не выходилъ изъ дома, твердо рѣшившись дожидаться лишь сентября, чтобы просить о совершенномъ увольненіи отъ службы, такъ какъ онъ еще числился шефомъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ. Однажды, въ воскресенье, встрѣтилъ я у графини Буксевденъ, кромя офицеровъ помянутаго полка, еще одного господина, образъ мыслей котораго былъ извѣстенъ мнѣ. Графиня, между многими хорошими свойствами, имѣла одно дурное: высказывать все, что у ней было на умѣ. Она позволила себѣ нѣсколько необдуманыхъ выходовъ противъ новыхъ мѣропріятій; но когда, во время этого разговора она обратилась ко мнѣ, то я возразилъ ей, что не могу съ точностію судить объ этихъ дѣлахъ.—что я умѣю лишь повиноваться и...

— «И молчать», подвела она. «Урокъ этотъ хорошъ и достоинъ вашей политики, господинъ сенаторъ. Но я—женщина, и говорю, что думаю».

Я пристально взглянулъ на нее и показалъ глазами на извѣстнаго господина. Она меня поняла, но продолжала:

— «Ахъ, я не стану стѣсняться, потому что окружена только друзьями нашего дома; не правда-ли?...» прибавила она, обратясь къ г. К...

— «Конечно, сударыня», отвѣчалъ тотъ, нѣсколько смутившись, и затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, удалился.

Черезъ три дня послѣ этого жена моя пріѣхала къ графинѣ. Въ прихожей

она застала приготовления къ отъѣзду, увидѣла г-жу Нелидову въ слезахъ, а графиню въ величайшемъ волненіи.

«Какъ, милая графиня, вы уѣзжаете?»

— «Да развѣ вы не знаете, что насъ выгоняютъ изъ Петербурга?»

«Но за что-же?»

— «Это ужъ его тайна. Счастіе еще, что ииѣніе мое всего въ 30 верстахъ отъ Петербурга, такъ какъ миѣ остается всего 48 часовъ времени, чтобы покинуть столицу». Разговоръ, конечно, заключился слезами и жалобами. Всѣ три дамы вмѣстѣ воспитывались въ институтѣ и любили другъ дружку.

— «Я поѣду вслѣдъ за моею милою Вуксвѣдентъ, сказала Нелидова, и оставляю дворъ, гдѣ».... рыданіе прервало ея слова.

На слѣдующій день мы посѣтили г-жу Нелидову, которая показала намъ письмо, которое только что было написано ею государю и въ которомъ она испрашивала у него позволенія послѣдовать за своею подругою. Письмо было написано превосходно. Государь, на другой же день, прислалъ весьма любезный отвѣтъ; но въ немъ ничего не упоминалось объ испрашиваемомъ дозволеніи.

Нелидова написала другое письмо, слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ умолчаніе в. в.—ва относительно моей просьбы я принимаю какъ разрѣшеніе оной, то намѣрена воспользоваться этимъ, и завтра уѣзжаю». Одновременно съ сими она просила Палона о выдачѣ ей дорожной. Палонъ прислалъ дорожную, но просилъ воспользоваться ею лишь на другой день; а въ то же время онъ отправилъ гонца къ государю, находившемуся въ Гатчинѣ. Рассказывали, что Павелъ, извѣстася объ этой твердой рѣшимости Нелидовой уѣхать, ужасно разгнѣвался и воскликнулъ:

— «Хорошо-же, пускай ѣдетъ; только она миѣ за это заплатится!»

Пребываніе государя за городомъ освобождало меня отъ необходимости являться ко двору столь же часто, какъ въ столицѣ. Обстоятельство это я считалъ счастіемъ для себя. Подъ предлогомъ нездоровья я уклонился отъ присутствія на двухъ празднествахъ; но миѣ намекнули, что Павелъ замѣчаетъ отсутствующихъ, хотя бы и дѣлалъ видъ, во время появленія ихъ при дворѣ, какъ будто не обращаетъ на нихъ вниманія. Теперь, повидямому, все наводило на него скуку, все было ему въ тягость. Привыкнувъ, въ теченіи двадцати лѣтъ, дѣлиться всѣми чувствами и задушевными мыслями съ г-жею Нелидовою, онъ, лишившись ея привлекательнаго общества, тотчасъ же и живо почувствовалъ эту утрату. Ужасающая пустота замѣнила удовольствія безграничной довѣренности, и скорѣй сообщительная душа Павла сознала себя обреченною на полное одиночество. Онъ очутился вполне отъ всѣхъ отчужденнымъ, такъ какъ въ тѣхъ людяхъ, которые стали теперь окружать его, не находилъ ни одного, способнаго понять его возвышенныя мысли. Императрица,

при многихъ ея хорошихъ качествахъ, не обладала тѣмъ родомъ любезности и веселости, какой онъ находилъ въ г-жѣ Нелидовой. Положеніе его стало невыносимымъ, и вину этого онъ сталъ ввѣдывать на всякаго встрѣчнаго. Гнѣвъ его, прежде всего, проявился въ отношеніи Нелидовой. Генералъ-адъютантъ, носившій ту-же фамилію, былъ внезапно уволенъ въ отставку; та-же участь постигла и двоюроднаго ея брата князя Барятинскаго.

Императрица постоянно писала Нелидовой, и письма свои отправляла по почтѣ. Сначала ихъ вскрывали, но убѣдившись, что они не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго, перестали дѣлать это. Тѣмъ не менѣе, Павлу была очень досадна эта непоколебимая привязанность его супруги, которая въ то время, какъ онъ былъ великимъ княземъ, сильно, напротивъ того, не жаловала г-жу Нелидову. Досада Павла отразилась на обращеніи съ супругою своею... Графъ Віельгорскій, который по своему званію гофмаршала принужденъ былъ часто бесѣдовать съ императрицею о нѣкоторыхъ предметахъ, касающихся его должности, сталъ, на одномъ изъ придворныхъ собраній, говорить ей о чемъ-то подобномъ. Государь нахмурился и замѣтилъ великому князю Александру:

— «Вотъ онъ опять толкуетъ ей о пустякахъ».

Великій князь бросилъ на графа взглядъ, давая ему понять, чтобы онъ удалился. Віельгорскій отошелъ и приблизился къ игрокамъ въ бостонъ, сидѣвшимъ за карточнымъ столомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ государя.

— «Вотъ, посмотрите, сказалъ Павелъ, теперь онъ старается приблизиться, чтобы подслушивать о чемъ мы говоримъ».

Великій князь опять далъ Віельгорскому знакъ отойти; но тотъ, находясь подлѣ четырехъ игроковъ, не вообразилъ себѣ даже, что въ немъ подозрѣваютъ столь тонкій слухъ, а тѣмъ паче—намѣреніе подслушивать своего государя. Онъ остался на своемъ мѣстѣ, спокойно продолжая разговаривать съ игроками, чтобы доказать, что его вниманіе никуда болѣе не отвлечено. Тѣмъ не менѣе, Павелъ такъ упрямо стоялъ на своемъ ложномъ предположеніи, что на слѣдующій же день смѣнилъ Віельгорскаго и назначилъ на его мѣсто Нарышкина.

Можно себѣ представить, какъ я былъ огорченъ такою несправедливостію въ отношеніи человѣка, который былъ украшеніемъ двора и котораго я искренно любилъ. Онъ сообщилъ мнѣ о постигшей его судьбѣ, прибавивъ:

— «Я рѣшился спокойно сидѣть дома, гдѣ мои дѣти и моя бібліотека доставятъ мнѣ гораздо болѣе пріятное занятіе, нежели мелочи моей гофмаршальской должности»

Не прошло однако и трехъ недѣль, какъ Павелъ приказалъ графу отправиться въ Вильно и, безъ его позволенія, не выѣзжать оттуда.

Ясно предвидя, что и до меня дойдетъ очередь, я велъ дѣла юстицъ-коллегии съ такою акуратностію, что генералъ-прокуроръ могъ-бы въ любой моментъ провѣрить ихъ; между тѣмъ какъ гордый своими связями арді-

епископъ (Вогушъ-Состренцевичъ) дѣлалъ, въ своемъ департаментѣ, множество несправедливостей...

Около этого времени государь вызвалъ изъ изгнанія графа Петра Головкина; но когда тотъ явился ко двору съ не въ мѣру торжествующею физиономіею, то Павелъ разсердился и, вскорѣ затѣмъ, назначилъ его капитаномъ одного изъ кораблей кронштадтскаго флота. Тутъ Головкинъ выкинулъ, на маневрахъ, какую-то глупую штуку, за которую, по морскому уставу, угрожалъ разжалованіе; однако, при помощи денегъ, выпутался изъ бѣды.

Новые царедворцы хорошо замѣчали, что Павелъ сильно скучаетъ, понимали и необходимость забавлять его. Сначала вздумали было познакомиться его поближе съ французскою актрисою Швалье, но такъ какъ это не удалось, то рѣшились, по крайней мѣрѣ, приблизить къ нему одного человѣка, который могъ развлекать его своими выдумками, но правила котораго не были строги, а общезвѣстное злоязычіе всегда возбуждало противъ него тайное недоброжелательство придворнаго и городского общества.

Такимъ человѣкомъ явился генералъ Ѳ. В. Растопчинъ, не задолго передъ тѣмъ удаленный отъ двора. Воспитанный за границею, онъ приобрѣлъ тамъ наружно-блестящее образованіе; красно говорилъ, отлично сватывалъ свѣшныя стороны другихъ людей и прекрасно умѣлъ передразнивать ихъ. Трудно было сравниться съ нимъ въ искусствѣ набросать какуюнибудь записку; но онъ могъ умно изложить и дѣловое письмо, не требовавшее ни обстоятельности, ни глубины.

Павелъ зналъ его. Еще будучи великимъ княземъ, онъ однажды прогналъ его изъ-за своего стола, при которомъ тотъ находился въ качествѣ дежурнаго камергера. Хотя характеръ Растопчина былъ ему противенъ, однако, при своемъ вступленіи на престолъ, онъ опять взялъ его къ себѣ. Съ тѣхъ поръ Павелъ не разъ лишалъ его своей благосклонности, но такъ какъ выходки Растопчина были забавны, а онъ теперь умиралъ со скуки, то и пссѣшилъ опять призвать его ко двору. При томъ, Растопчинъ былъ личнымъ врагомъ Нелидовой—причиною больше, чтобы благоволить ему.

Значеніе его стало быстро возрастать; онъ зналъ слабыя стороны царя, ловко умѣлъ польстить имъ, и осыпалъ соперниковъ своихъ сарказмами, обнаруживавшими ихъ ничтожество и невѣжество.

— «Тѣмъ лучше, однажды замѣтилъ на это Павелъ, это вѣдь машины, которыя только должны умѣть повиноваться».

Но и Павелъ, и Растопчинъ заблуждались. Тотъ, кто не умѣлъ правильно написать и двухъ строкъ, оказался хитрѣе и товѣше ихъ и всѣхъ академиковъ Европы, какъ то мы увидимъ изъ продолженія этихъ воспоминаній.

Спокойный, кроткій и почтенный характеръ новаго генераль-прокурора Лопухина не совсѣмъ пришелся по вкусу Павла, который началъ находить удовольствіе въ разрушеніи имъ же самимъ воздвигнутаго зданія. Переимѣнить

всѣхъ чиновниковъ при дворѣ и въ иностранной коллегіи, разстраивать всю армию непрерывнымъ увольненіемъ полковниковъ и генераловъ, изъ-за какихъ нибудь пустяковъ, это казалось ему проявленіями сильной воли, долженствующими доказать всей Европѣ, что у него главнымъ дѣломъ было соблюденіе строгихъ правилъ относительно порядка, справедливости и точности.

Вдругъ Павелъ открыто заявилъ себя противникомъ Франціи и послалъ австрійцамъ вспомогательныя войска, главное начальство надъ коими поручено было генералу Розенбергу, человѣку храброму, но не пользовавшемуся никакою извѣстностью, въ военномъ смыслѣ. Назначеніе это рассчитывалъ получить Рѣпинъ, который, въ виду сего, всегда старался унижить достоинства Суворова, не любимаго Павломъ и отставленнаго отъ службы за то, что осмѣлился выразить мнѣніе, будто можно выигрывать сраженія, не обрекая солдатъ крагами, косами и пудрою.

Назначеніе Розенберга всѣхъ удивило, а русскихъ просто привело въ отчаяніе, такъ какъ они опасались, что завянутъ тѣ лавры, которые пожинало, въ теченіи тридцати лѣтъ, наше постоянно побѣдоносное войско. Къ счастью, австрійцы, или скорѣе эрцгерцогъ Карлъ, были столь разумны, что какъ милости испросили назначенія Суворова, и Павелъ не рѣшился отказать въ ихъ просьбѣ. Рѣпинъ-же увлекся въ отношеніи къ этому извѣстному генералу до такихъ низостей, что мнѣ и говорить о нихъ не хочется. Лучше приведу я здѣсь такую черту характера, которая дѣлаетъ честь какъ человѣку, рѣшившемуся выразить ее словами, такъ и государю, выслушавшему эти слова безъ гнѣва.

Генералъ графъ Ферзенъ былъ прикомандированъ къ кадетскому корпусу и подчиненъ в. к. Константину Павловичу. Долго выносить остроумныя выходки этого юноши стало ему не въ мочоту, и онъ попросилъ объ увольненіи въ отставку. Павелъ пожелалъ узнать причину. Сначала храбрый солдатъ этотъ сказалъ, что чувствуетъ себя нездоровымъ; но затѣмъ, когда стали у него допытываться о настоящей причинѣ, онъ прибавилъ:

— «В. в. требуете правды? Ну, такъ простите меня, государь, но, право, грустно для человѣка, состарѣвшагося на войнѣ, ниѣтъ и надъ собой и подъ собой однихъ дѣтей».

Если бы побольше людей подобнаго закала стояло вблизи престоловъ, то послѣдніе держались бы покрѣпче, а государи могли бы менѣе опасаться измѣны.

Работая усердно надъ порученными мнѣ дѣлами, я съ досадою усматривалъ, что составленіе уголовного кодекса не подвигалось впередъ. Спорили о незначущихъ выраженіяхъ, и я нерѣдко высказывалъ по этому поводу свое неудовольствіе, пока намекъ, вырвавшійся у сенатора Колокольцева, не раскрылъ мнѣ глаза. Дѣло въ томъ, что Павелъ повелѣлъ ввести смертную казнь. Въ виду состава людей, его теперь окружавшихъ, а также и потому, что самъ онъ донь ото дня становился все подозрительнѣе и вспыльчивѣе,

введеніе смертной казни являлось вдвойнѣ опаснымъ. Этихъ-то спасительнымъ опасеніемъ товарищи мои, конечно, оказались болѣе меня проникнутыми, когда Колокольцевъ замѣтилъ мнѣ:

— «Можетъ быть, мы наше дѣло окончимъ черезъ-чуръ скоро».

Я понялъ его, и только сказалъ въ отвѣтъ:

«Вы правы! Будемъ спѣшить медленно, дабы не могли намъ попрекнуть, что мы, изъ слишкомъ большой поспѣшности, представили дурную работу».

И дѣйствительно, число доносовъ и арестованій все увеличивалось. Лопухинъ не только имѣлъ мужество передъ судомъ защищать тѣхъ, которые казались ему невинными, но онъ добивался для нихъ и вознагражденія понесенныхъ убытковъ, и другихъ удовлетвореній. Всѣ стали неприличнымъ образомъ преклоняться передъ нимъ, когда онъ сдѣлался генераль-прокуроромъ, а дочка его готовилась къ прибытію въ Петербургъ. Съ такою же неприличною неблагодарностію всѣ отвернулись отъ князя Алексѣя Куракина, когда его звѣзда поблѣкла. Многія изъ лицъ, теперь избѣгавшихъ съ нимъ встрѣчи, или яростно на него нападавшихъ, были обязаны ему своимъ быстрымъ повышеніемъ. Это возмутительное поведеніе раздосадовало меня, и хотя я ничѣмъ не былъ обязанъ кн. Алексію Куракину, но продолжалъ посѣщать какъ его, такъ и графа Буксгевдена. Однажды Паленъ замѣтилъ мнѣ:

— «А я видѣлъ вашу карету въ той улицѣ».

«Это у Буксгевдена,—громко отвѣчалъ я.—Пока онъ въ городѣ, я буду его посѣщать. И чтобы никто не воображалъ себѣ, что я намѣренъ прятаться, я приказываю стоять у его подъѣзда экипажу съ моимъ гербомъ и моею ливреею».

— «Это весьма непрактично»,—возразилъ Паленъ.

«Чувство дружбы старше практичности. А впрочемъ, вѣдь онъ не преступникъ, и надѣюсь, что меня мои друзья не перестанутъ посѣщать, когда я болѣе не буду сенаторомъ».

Съ Лопухинимъ я держалъ себя осторожно. Вице-предсѣдатель Корфъ просилъ меня представить его этому вельможѣ, и я сдѣлалъ это съ удовольствіемъ. Онъ принялъ меня крайне внимательно; но я, вида его заваленнымъ работою, сказалъ ему:

— «Я слишкомъ уважаю занятія в. пр-ва, чтобы впредь утруждать васъ своими посѣщеніями. Никогда не явлюсь я передъ вами,—развѣ что по дѣлу, относящемуся къ государевой службѣ. Минуты, потраченныя у васъ, заставляютъ, можетъ быть, вздыхать какого нибудь несчастнаго, ожидающаго рѣшенія своей участи. Вы можете презирать меня, г. генераль-прокуроръ, если я когда нибудь нарушу это обѣщаніе».

Лопухинъ былъ изумленъ моими словами, и этотъ чистосердечный тонъ, повидимому, болѣе понравился ему, чѣмъ та низкая лесть, которую передъ нимъ расточали и которая должна была опротивѣть ему.

Выше мною замѣчено, что характеръ Павла становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Чтобы представить себѣ, до чего это доходило, расскажу, что произошло съ графомъ Строгоновымъ,—конечно, осторожнѣйшимъ изъ людей, когда либо бывшихъ при дворѣ. Однажды онъ явился въ сенатъ весьма опечаленнымъ; я выразилъ ему мое живѣйшее участіе и просилъ рассказать, что у него за горе.

— «Меня удалили изъ Павловска,—отвѣчалъ онъ,—за то, что я сказалъ государю, что скоро пойдетъ дождь».

«Возможно ли?»

— «Слишкомъ возможно; и вотъ какъ было дѣло: у государыни, въ теченіи нѣсколькихъ дней, была небольшая лихорадка; сырость ей вредна. Между тѣмъ, для три тому назадъ государь предложилъ ей сдѣлать прогулку. Вглянувшись въ окно, государыня замѣтила:

«Я боюсь, что дождь пойдетъ?»

— «А вы какъ думаете?» спросилъ у меня государь.

«Я вижу, в. в., что небо пасмурно, такъ что, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ дождь, и даже скоро».

— «А, на этотъ разъ вы всё стоворились, чтобы мнѣ противорѣчить,—воскликнулъ Павелъ; мнѣ надоѣло переносить это! Впрочемъ, я замѣчаю, графъ, что вы другъ другу болѣе не подходимъ. Вы меня никогда не понимаете; да, кромѣ того, у васъ есть обязанности въ Петербургѣ; совѣтую вамъ вернуться туда».

«Я низко поклонился,—продолжалъ Строгоновъ,—ушелъ, и сталъ приготовляться къ тому, чтобы выѣхать на слѣдующій же день; но мнѣ намекнули, что я не дурно сдѣлалъ бы, уѣхавъ немедленно, потому что государь, по улодѣ моему, изволилъ сказать:

— «Я думаю, что графъ Строгоновъ понялъ меня».

Вѣднѣй старецъ былъ до глубины души огорченъ. Онъ принадлежалъ къ кружку великой Екатерины, и пребываніе у двора обратилось ему въ потребность. Онъ былъ царедворцемъ не изъ-за честолюбія или интереса, но въ силу той несчастной машинальной привычки, которая обращается, наконецъ, во вторую природу и заставляеть царедворцевъ умирать со скуки, если у нихъ отнимаютъ право скучать при дворѣ.

За нѣсколько лишь дней предъ тѣмъ Павелъ отправилъ въ изгнаніе статсъ-секретаря Нелединскаго. Послѣдній былъ сначала замѣщенъ г. Неплюевымъ, а потомъ нѣкимъ г-мъ В., который долго занималъ незначительное мѣсто въ иностранной коллегіи; этотъ В. (Бакунинъ?) былъ сыномъ автокара, не обладалъ ни душою, ни умомъ, ни познаніями, но такъ какъ онъ пресмыкался передъ Кутайсовымъ, то его ничтожество оказалось удобнымъ для плъновь извѣстной группы.

Нашъ оберъ-прокуроръ Козадавлевъ былъ изъ 3-го департамента пере-

ведень въ 1-й; его замѣнилъ нѣкто г. Дмитріевъ,—человѣкъ отличный. Еще въ бытность его гвардейскимъ офицеромъ сдѣланъ былъ на него и на двухъ товарищей его анонимный доносъ въ замыслахъ на жизнь государя. Въ то время генералъ-губернаторомъ былъ еще Архаровъ: онъ представилъ подметное письмо Павлу, который и повелѣлъ арестовать всѣхъ троихъ офицеровъ. Однако, уже черезъ недѣлю открылось, что вся эта исторія выдумана была лакеемъ, котораго одинъ изъ помянутыхъ господъ отъ себя прогналъ.

Убѣдившись въ невинности офицеровъ, Павелъ приказалъ возвратитъ имъ, во время развода, ихъ шпалги. Въ подобныхъ случаяхъ принято благодаритъ царя, преклоняя колѣна; онъ же, обвиняя благодарящаго, поднималъ его на ноги. Но Дмитріевъ ограничился тѣмъ, что подошелъ къ государю и сказалъ:

«В. в. дозволите мнѣ не оскорблять васъ выраженіями благодарности; потому что, такъ какъ я не виновенъ, то и милости мнѣ отъ в. в-ва никакой не оказано. Но такъ какъ гвардія ваша, государь, должна стоять выше всякаго подозрѣнія, то мнѣ не приличествуетъ болѣе оставаться на службѣ, и я умоляю, в. в., даровать мнѣ отставку».

Государь, пораженный пристойнымъ и почтительнымъ тономъ этихъ словъ, обнялъ Дмитріева, со словами:

— «Въ вѣрности вашей я никогда не сомнѣвался; а это только обычная формальность. Я былъ бы радъ, если-бъ вы остались».

«Убѣдительнѣйше прошу, в. в.,—возразилъ Дмитріевъ,—дать мнѣ отставку; да я, кромѣ того, и не обладаю нужнымъ здоровьемъ для того, чтобы оставаться солдатомъ».

— «Ну, извольте; такъ какъ вы этого желаете, то я даю вамъ разрѣшеніе. Однако, уважите генералъ-прокурору, какое мѣсто вы желали бы получить на гражданской службѣ».

Такимъ-то образомъ Дмитріевъ попалъ оберъ-прокуроромъ въ сенатъ. На этомъ мѣстѣ онъ выказалъ столько величія душевнаго, безкорыстія и деликатности, какъ рѣдко можно было встрѣтитъ между оберъ-прокурорами, особенно между тѣми, которые возводились на эту должность изъ секретарей...

Въ это время встрѣчалъ я въ Петербургѣ родственника моего, г. Ренне, который занимался личными дѣлами Палена, въ Курляндіи, и превозносилъ его до небесъ. Онъ находилъ, что квартира наша очень мило устроена.

— «Жалко,—сказалъ я ему,— что такъ много денегъ было брошено на ея устройство».

«А почему же?»

— «Потому что мы скоро ее покнемъ».

«Вы шутите,—возразилъ онъ; Паленъ конфиденціально говорилъ мнѣ что если вы устояли противъ первой бури, то васъ оставятъ въ покоѣ».

— «Не вѣрьте! До меня еще дойдетъ очередь, и я совершенно приготовился къ этому... Впрочемъ, мнѣ будетъ пріятнѣе вернуться на родину, нежели оставаться свидѣтелемъ того, что здѣсь ежедневно совершается».

На слѣдующій же день послѣ этого разговора вице-канцлеръ кн. Александръ Куракинъ былъ уволенъ отъ должности, — хотя довольно учтивымъ образомъ. На его мѣсто мѣтилъ Растопчинъ, который уже перешелъ въ гражданскую службу и былъ членомъ иностранной коллегіи. Однако, на этотъ разъ онъ промахнулся. Князь Вевбордеко — хотя уже очень большой — проваль назначеніе своего племянника, Кочубея. Увольненіе князя Александра Ворис. Куракина не было потерей, такъ какъ онъ страдалъ положительнымъ отсутствіемъ способностей и трудолюбія. Человѣкъ тщеславный, занятый своимъ туалетомъ и своими брильянтами, онъ интересовался лишь женщинами, музыкою, да дурачествами. Будучи холоднымъ эгоистомъ, онъ никому не приносилъ ни вреда, ни пользы. Впрочемъ, онъ хорошо объяснялся по русски, нѣмецки и французски, обладалъ представительною наружностію и хорошими манерами, но лицо его не имѣло никакого выраженія и смѣхъ былъ дурацкій.

Преемникъ его былъ способѣе, но не заслуживалъ еще, однако, должности вице-канцлера въ такомъ громадномъ государствѣ, какова Россія. Онъ былъ камергеромъ: затѣмъ посланъ въ Константинополь, гдѣ прочелъ нѣсколько сочиненій по политической части и, благодаря известной рутинѣ, хорошо изучилъ нѣкоторыя дипломатическія формулы. Этого оказалось достаточнымъ для того, чтобы дать ему мѣсто, которое прежде служило наградомъ лишь долговременной и блестящей дипломатической карьеры.

Послѣ увольненія князя А. В. Куракина я замѣтилъ, что гнѣвъ противъ г-жи Нелидовой снова возобладалъ надъ Павломъ, который выражалъ это преслѣдованіемъ ея друзей. Я видѣлъ, что скоро очередь дойдетъ и до меня, въ виду той дружбы, которая была между Нелидовой и моею женою.

И точно, 6 го сентября 1798 г., когда я только что всталъ отъ стола, прибывшій ординарецъ вручилъ мнѣ нижеслѣдующую собственноручную записку (на нѣмецкомъ языкѣ) генерала Палена:

«Я только что получилъ приказаніе, которое долженъ сообщить вамъ; но занятія мои не дозволяютъ мнѣ выйти; а потому прошу васъ пожаловать ко мнѣ, дабы вы могли принять нужныя мѣры. Остаюсь, какъ всегда, вамъ преданный Паленъ.

С.-Петербургъ, 6-го сентября 1798 года».

Всѣ смотрѣли на меня съ безпокойствомъ; но я, на вопросъ моей встревоженной жены, спокойно отвѣчалъ:

«Паленъ имѣетъ мнѣ сообщить нѣчто относительно юстицъ-коллегіи».

Затѣмъ, приказавъ закладывать карету и отведя въ сторону генерала Фромандіера, который съ нѣсколькими другими друзьями мои обѣдалъ у меня, сказалъ ему:

— «Приготовьте жену къ моему увольненію и къ отъѣзду изъ Петербурга. Эта записка мнѣ достаточно ясна».

Паленъ принялъ меня весьма дружелюбно, ввелъ въ свой кабинетъ и тамъ сказалъ мнѣ:

— «Я не знаю, чѣмъ побужденъ былъ государь потребовать, чтобы вы просили объ отставкѣ».

Вотъ повелѣніе, которое государь собственноручно написалъ Палену:

«Имѣете объявить тайному совѣтнику и сенатору барону Гейкингу, чтобы просилъ объ отставкѣ, такъ какъ онъ постоянно жалуется на болѣзненное состояніе. Вместе съ тѣмъ, пускай онъ доставитъ генераль-прокурору названіе своей деревни».

— «Я,—продолжалъ Паленъ,—просто въ отчаяніи отъ этой непріятности, которая обрушилась на васъ безвинно, такъ какъ знаю, что вы всегда усердно и безкорыстно служили государю... но, что же дѣлать? Я готовлюсь на то, чтобы въ одинъ прекрасный день получить такой же комплиментъ, и меня прогонять, можетъ быть, еще съ большимъ шумомъ».

«Я и не ропщу на это повалѣніе,—отвѣчалъ я,—и смотрю на него, какъ на милость, потому что теперь уже болѣе невозможно служить... Позвольте мнѣ, генераль, здѣсь же, у васъ, написать требуемое государемъ прошеніе. Онъ, по крайней мѣрѣ, усмотритъ во мнѣ послушаніе; а вы, изъ того спокойнаго тона, которымъ я изложу мою просьбу, можете заключить, насколько мнѣ желательно возвратиться въ нѣдра моей семьи».

Паленъ уступилъ мнѣ свое мѣсто, и я написалъ приблизительно слѣдующее:

«Государь, такъ какъ печальное состояніе моего здоровья не дозволяетъ мнѣ служить съ тѣмъ усердіемъ, къ которому обязываетъ меня благодарность, то прошу васъ всемилостивѣйше уволить меня въ отставку, съ пенсією, которую герцогъ курляндскій назначилъ мнѣ пожизненно, и которой я лишился лишь по полученіи той, которая присвоена званію сенатора. Такъ какъ я имѣніе мое, Бранденбургъ, сдалъ въ аренду, то и не обладаю никакимъ имѣніемъ. Въ виду сего, прошу в. в. милостиво разрѣшить мнѣ пребываніе въ Митавѣ, гдѣ я встрѣчу содѣйствіе моего прежняго врача и дружеское участіе моихъ родственниковъ».

Зная, какъ любитъ Павелъ быстрое исполненіе его повелѣній, я тутъ же запечаталъ письмо и просилъ Палена немедленно отправить оное въ Гатчину...

Черезъ два дня генераль-прокуроръ увѣдомилъ меня, что е. в. соизволилъ мнѣ разрѣшить ѣхать въ Митаву, но въ пенсію отказалъ. Этотъ отказъ заставилъ меня опасаться, что отставка мнѣ будетъ написана въ непріятныхъ выраженіяхъ, потому что у государя, на этотъ предметъ, былъ тройкій родъ редакціи:

1) «По случаю болѣзни, увольняемъ мы его, согласно собственному его прошенію, отъ всякаго рода служебныхъ занятій».

Это давало право надѣяться, что увольняемое лицо, въ случаѣ выздоровленія, могло опять получить должность.

2) «Согласно прошенію, всемілостивѣйше увольняетъ его въ отставку».

3) «Такой-то увольняется отъ службы».

Я уже не говорю объ «исключеніяхъ» изъ службы, которыя, въ гражданской службѣ, случались рѣдко.

13-го сентября 1798 г. я, наконецъ, получилъ изъ сената запечатанный пакетъ. Содержаніе бумаги было слѣдующее:

«По повелѣнію е. и. в. императора и самодержца всероссійскаго, правительствующій сенатъ сообщаетъ тайному совѣтнику и кавалеру, барону Гейкингу, именной и за собственною е. и. в.—ва подписью указъ, отъ 8-го сентября, гласящій тако:

«Согласно прошенію тайнаго совѣтника, сенатора барона Гейкинга, увольняетъ его отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей. Павелъ».

«Вслѣдствіе сего, сенатъ приказалъ сообщить вамъ о семъ официально. 13-го сентября 1798 г.»

Получивъ отставку, я въ тотъ же день отправился въ Палену, чтобы попросить его о выдачѣ паспорта, который онъ тутъ же приказалъ для меня изготовить, сказавъ:

— «Я сегодня же вечеромъ доложу объ этомъ государю».

Жена моя осталась въ Петербургѣ, чтобы распорядиться продажей моего дома, вещей и частию гардероба, которая мнѣ, въ провинціи, уже не была нужна.

Разославъ лишь немногимъ лицамъ мои прощальныя визитныя карточки, я отправился въ путь...

IV.

Путешествіе мое я устроилъ такъ, чтобы въ Митаву прибыть въ 8 часовъ утра. Тамъ я остановился въ домѣ моего друга, г. Дернау, такъ какъ мой собственный домъ еще не былъ очищенъ квартировавшими въ немъ жильцами.

Я началъ съ того, что написалъ губернатору Ламсдорфу, чтобы извѣстить его о моемъ прибытіи... Когда я показалъ ему подлинный указъ о моей отставкѣ, то онъ убѣдился, что я отнюдь не подвергся окончательной немилости государя, а слѣдственно принадлежу къ числу тѣхъ, которые могутъ спокойно жить въ своей провинціи. Посѣщеніе губернатора принесло мнѣ много пользы, и мало по малу всѣ городскіе обыватели стали появляться ко мнѣ!

Черезъ нѣсколько дней я и самъ рѣшился выйти. Первый мой визитъ былъ въ Ламсдорфу, у котораго я освѣдомился, не слѣдовало ли бы мнѣ представиться королю Людовику XVIII, которому, въ то время, государь оказывалъ еще наилучшее расположеніе. Онъ, такъ сказать, принудилъ его сложить

съ себя названіе графа Лилльскаго, окружить себя своими тѣлохранителями, принять титулъ короля и требовать оказанія почестей, подобающихъ этому титулу. Ламсдорфъ отвѣчалъ мнѣ утвердительно, и я просилъ его, на другой же день, представить меня.

Въ воскресенье я отправился въ замокъ, гдѣ впервые увидѣлъ несчастнаго Людовика XVIII. Въ послѣдней изъ приемныхъ комнатъ мы увидѣли двухъ старыхъ кавалеровъ ордена св. Лудовика, стоявшихъ на часахъ съ обнаженными шпагами. По докладѣ о насъ, вышелъ самъ король, который — признаюсь — внушалъ мнѣ живѣйшее участіе. Говорить онъ хорошо, обладаетъ обширными познаніями въ латинской, французской, итальянской и англійской литературахъ; память у него изумительная. При разговорѣ онъ отличается любовностію и изяществомъ выраженій. Менѣе пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня герцогъ Ангулемскій: онъ глядѣлъ какимъ-то сконфуженнымъ и никогда ничего не умѣлъ сказать, хотя поговорить ему, повидимому, и хотѣлось. Герцогъ Беррійскій имѣетъ воинственную наружность, держится непринужденно и просто...

Меня оставили къ обѣду, за которымъ я сидѣлъ подлѣ герцога Ангулемскаго, отдѣлявшаго меня отъ короля. Весѣда не прерывалась и шла о предметахъ весьма разнообразныхъ. Послѣ обѣда король сталъ говорить со мною о несчастіяхъ своего брата, Людовика XVI, и, видя, насколько я растроганъ, замѣтилъ мнѣ:

— «Я терваю ваше чувствительное сердце; судите же, какъ я самъ долженъ страдать».

Между прочимъ онъ показалъ мнѣ печать Франціи, которую всегда носилъ его злополучный братъ.

— «Только благодаря чему-то въ родѣ чуда попала она въ мои руки,— прибавилъ онъ, взволнованнымъ голосомъ,—и потому я и придаю ей величайшую цѣнность»...

Если въ глазахъ чувствительныхъ людей вообще человѣкъ, постигнутый несчастіемъ, приобретаетъ новое право на уваженіе, то право это является еще болѣе сильнымъ въ глазахъ того смертнаго, который самъ только что потерпѣлъ несправедливость. Мнѣ, при такомъ душевномъ настроеніи, каждый французъ являлся существомъ священнымъ, и мнѣ казалось, что только они вполне мнѣ сочувствуютъ...

Надѣясь пріятнымъ образомъ прожить въ Митавѣ, я занялся устройствомъ моего дома, гдѣ рассчитывалъ наслаждаться сообществомъ милыхъ французовъ... Но однажды (въ октябрѣ), когда я сидѣлъ за чтеніемъ моего любимца Жанъ - Жака Руссо, мнѣ доложили о пріѣздѣ губернатора. Г. Ламсдорфъ вошелъ блѣдный и растроженный. Сочтя его больнымъ, я сталъ выражать ему свое участіе и вмѣстѣ съ тѣмъ упрекать его за то, что при его слабости здоровьѣ онъ выѣзжаетъ въ такой голодъ...

— «Не въ томъ дѣло,—отвѣчалъ онъ съ смущеніемъ,—здоровье мое не такъ плохо... но я очень огорченъ, и должность моя становится мнѣ день ото дня невыносимѣе... Больно мнѣ то, что съ нѣкотораго времени приходится выполнять лишь непріятныя порученія»...

При этихъ словахъ я все понялъ; а такъ какъ, при моемъ возбужденномъ воображеніи, я все сталъ представлять себѣ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, то и обратился къ Ламсдорфу съ вопросомъ:

«Что же? внизу дожидается фельдъегерь съ кибиткою? Куда-же меня повезутъ?»

— «Ну, еще не такъ жестоко; однако, государь повелѣлъ вамъ немедленно оставить Митаву и, до дальнѣйшихъ приказаній, пребывать у себя въ имѣніи».

Онъ показалъ мнѣ указъ: въ немъ ничего болѣе не заключалось, кромѣ того, что сейчасъ было сказано.

«Въ чемъ же моя вина, — воскликнулъ я, — что меня наказываютъ ссылкой?»

— «Этого я не знаю,—отвѣчалъ Ламсдорфъ; можетъ быть, не написали ли вы чего?»

«Развѣ вы можете думать это о человѣкѣ, который такъ долго служилъ въ Петербургѣ?» возразилъ я.

— «Ну, такъ это должно быть здѣсь сочинили какуюнибудь новую клевету; потому что, если рассчитать время отбытія фельдъегеря изъ Петербурга, то кажется, что онъ долженъ былъ быть посланъ оттуда черезъ часъ или два по прибытіи митавской почты».

Поговоривъ со мною еще нѣсколько минутъ объ этомъ непонятномъ наказаніи, губернаторъ всталъ и замѣтилъ:

— «Вы знаете, что повелѣніе государя должно быть исполнено въ теченіи 24-хъ часовъ, и я не скрою отъ васъ, что фельдъегерю приказано отбывать не ранѣе, какъ увидя, что вы оставили Митаву».

Я посмотрѣлъ на часы.

«Теперь 4; даю вамъ слово, что завтра передъ четырьмя часами я буду въ моей каретѣ у вашего подъѣзда, чтобы проститься съ вами; и вы можете сказать фельдъегерю, чтобы онъ проводилъ меня за городъ»...

На другой день, между 2 и 3 часами, прибыла моя жена, которую фельдъегерь обогналъ на дорогѣ. Она, конечно, чрезвычайно изумилась, видя всѣ приготовленія къ отъѣзду.

«Бѣду въ Бранденбургъ, — сказалъ я ей, — чтобы опять принять это имѣніе въ собственное управленіе, потому что тогда мы больше будемъ извлекать выгоды изъ него. Да къ тому же, — прибавилъ я, принудивъ себя улыбнуться, — могутъ во всякое время вздумать сослать насъ туда, какъ это уже со многими случалось».

— «Ахъ, — воскликнула жена моя, поблѣднѣвъ, — мы навѣрное туда сосланы!»

«А если бы и такъ, моя милая? Что же за бѣда быть удаленнымъ на 12 верстъ отъ города?»

— «Такъ вотъ что хотѣлъ мнѣ дать понять генераль Бенкендорфъ!..»

Затѣмъ она рассказала мнѣ о загадочномъ разговорѣ, который имѣла съ нимъ и г. Ховеномъ, и настоящаго смысла коего она не могла понять; но они приготовили ее къ полученію какой нибудь дурной вѣсти...

Попросивъ жену на время остаться въ городѣ и отдохнуть, я сѣлъ въ карету и остановился у губернатора, гдѣ, на лѣстницѣ, увидѣлъ моего фельдъегера, съ значительною миною поглядывавшаго на часы. При видѣ его, я ощутилъ невольный трепетъ.

Еще полтора часа и я увидѣлъ себя навсегда изгнаннымъ въ имѣніе, отданное въ аренду другому лицу, и гдѣ я могъ считать себя постороннимъ человѣкомъ, присутствіе котораго было терпимо лишь благодаря высочайшему указу.

Губернаторъ посоветовалъ моей женѣ видѣть какъ можно меньше людей. Онъ полагалъ, что императору Павлу не понравилось то необычайное участіе, которое выказано было мнѣ при моемъ возвращеніи, и поэтому намъ слѣдовало уберечь отъ неприятностей и себя, и нашихъ друзей, которые стали бы посѣщать насъ. Вольшую часть нашего времени мы съ женою проводили — сами того не замѣчая — въ тщетныхъ стараніяхъ узнать, что было виною постигшей меня судьбы.

Наконецъ, черезъ письма, доставленныя моимъ друзьямъ надежнымъ путемъ, я добился столь долго ожидаемой разгадки.

«Государь разгнѣвался вслѣдствіе полученнаго изъ Митавы донесенія, будто вы посѣщаете балы и собранія и во всеуслышаніе говорите, что скоро опять появитесь при дворѣ еще съ большимъ блескомъ и будете пользоваться еще большимъ благоволеніемъ.

— «Онъ хочетъ идти наперекоръ мнѣ!» — воскликнулъ Павелъ; «хорошо-же! я его ушлю туда, гдѣ ему не передъ кѣмъ будетъ хвастаться!»

«Палень, который былъ при этомъ, ничего не сказалъ въ вашу защиту; но князь Лопухинъ горячо заступился за васъ и говорилъ такъ разумно, что обезоружилъ гнѣвъ государя, и тотъ, наконецъ, сказалъ:

— «Напишите курляндскому губернатору, чтобы онъ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій отправилъ барона въ его имѣніе».

«Все это самъ Палень рассказывалъ одному изъ своихъ приближенныхъ (который васъ не любитъ), и очень удивлялся тому участію, которое выказалъ къ вамъ генераль-прокуроръ. Успокойтесь же; вскорѣ все можетъ переимѣниться».

Письмо это и точно на время успокоило меня; но я непрежѣнно хотѣлъ добиться, кто былъ сочинителемъ этого на меня доноса изъ Митавы; въ то же время я косвенными путями старался опровергнуть клевету, жертвою коей

сдѣлался; но забылъ при этомъ, что все не подходившее къ планамъ новыхъ придворныхъ дѣльцовъ никогда не доходило до государя.

Долго не находили друзья мои надежнаго случая, чтобы писать ко мнѣ. Наконецъ, въ ноябрѣ 1798 года, я получалъ письмо, изъ котораго привожу слѣдующую выдержку: «Ваша болѣзнь огорчаетъ меня болѣе вашей ссылки, потому что мы, живущіе въ столицѣ, несчастіе васъ. Только я видимъ, что общую лямку. Страхъ овладѣваетъ всѣми. Бѣдный генераль Хобенъ только что получилъ увольненіе за то, что его жена была воспитана съ г-жею Неледовою и онѣ не переставали быть дружными между собою. Растопчинъ перешелъ въ гражданскую службу съ чиномъ дѣйств. тайнаго совѣтника и званіемъ члена иностраннаго департамента. Такимъ образомъ, онъ состоитъ въ рангѣ генераль-аншефа! А зачѣмъ? Паленъ получилъ Андреевскую ленту, а его пріятель, Кутайсовъ—Анну 1-го класса съ брилліантами. Увѣряютъ, что его украсятъ еще и большимъ Мальтійскимъ крестомъ, потому что государь, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался гротмейстеромъ этого ордена, сознаетъ себя абсолютнымъ господиномъ надъ всѣми его законами и статутами. 17-го октября происходила переименіе провозглашеніи Павла гротмейстеромъ Іоаннитовъ. Онъ уже былъ ихъ протекторомъ, но послѣднее званіе оказалось болѣе соответствующимъ его достоинству. До сихъ поръ всѣ гротмейстеры были избираемы изъ числа подданныхъ другихъ государей. Но Литта, становясь на мѣсто гротмейстера, надѣется исполнять всѣ его обязанности и извлекать изъ этого всѣ возможныя для себя выгоды.

«Придворные интриганы не перестаютъ поддерживать самыя необычайныя идеи государя, котораго раздражительность постоянно усиливается и грозитъ намъ большими бѣдами... Дризенъ только что назначенъ губернаторомъ въ Курляндію и немедленно уѣзжаетъ. Онъ можетъ смѣнять Ламсдорфа, но не можетъ заставить забыть его. Какая разница между этими сѣбками личностями!»...

Тяжкая болѣзнь заставила меня письменно просить князя Лопухина объ исходатайствованіи мнѣ высочайшаго разрѣшенія возвратиться въ Митаву для пользованія совѣтами врачей. Разрѣшеніе это было дано и 2-го марта 1799 г. я возвратился въ городъ. Однако, Дризенъ опять далъ мнѣ совѣтъ, поменьше принимать къ себѣ посѣтителей.

— «Мы окружены шпионами,—прибавилъ онъ вполголоса,—и вамъ лучше чѣмъ кому-либо извѣстно, какъ поступаетъ государь, если на кого-либо разгнѣвается».

Вслѣдствіе этого я просилъ моихъ пріятелей и знакомыхъ не посѣщать меня въ одинъ и тотъ же часъ, но порознь.

Новыя извѣстія изъ Петербурга гласили слѣдующее: «Князь Лопухинъ, которому его положеніе опротивѣло, настоятельно требуетъ увольненія. Напрасно его самого и его дочку осыпаютъ титулами и богатствами: душа его возму-

щется всѣми совершаемыми несправедливостями. . Благосклонность къ Палену ежедневно увеличивается. Онъ сдѣланъ русскимъ графомъ, равно какъ и пріятель его Кутайсовъ, который, сохраняя за собою званіе гардеробейстера, получилъ кромѣ того должность придворнаго егермейстера».

Проѣзжавшій въ это время черезъ Митаву г. М. увѣрялъ меня, что у Палена много враговъ, въ особенности генераль Аракчеевъ, подобно ему сдѣланный графомъ, и генераль Кологривовъ, которые и не скрываютъ своей ненависти къ нему.

Аракчеевъ—одинъ изъ гатчинскихъ выскочекъ. былъ отличнымъ и необычайно дѣятельнымъ артиллерійскимъ офицеромъ. Государь любилъ его какъ лицо, имъ самимъ созданное и сформированное; но онъ былъ жадченъ, дурно образованъ и ненавидимъ почти всѣми военнслужашими. Кологривовъ состоялъ прежде въ должности шталль-юнкера; у него была смѣлая осанка и Павелъ, считавшій его храбрцомъ (потому что тотъ былъ хвастунъ), съ изумительною быстротою перевелъ его черезъ всѣ чины, сдѣлалъ генераломъ и шефомъ гвардейскихъ гусаровъ. Когда находили на него признаки страха, онъ приказывалъ Кологривову спать у себя въ комнатѣ. Вслѣдствіе всего этого наглость Кологривова увеличилась до тѣхъ же размѣровъ, до какихъ доходили его граниченность и невѣжество.

Однажды этотъ господинъ имѣлъ глупость нагубить Палену. Не заблуждаясь относительно мнимой храбрости своего противника или будучи убѣжденнымъ, что при дворѣ она останется безъ послѣдствій, Паленъ отвѣтилъ ему съ глубочайшимъ презрѣніемъ и въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Этотъ энергическій отпоръ заставилъ наглеца замолчать. Но должно полагать что съ этого времени любовь ихъ другъ къ другу не увеличилась.

Открытая вражда Аракчеева и Кологривова противъ Палена только возвысила его въ глазахъ публики, которая обоимъ помянутыхъ генераловъ проклинала. Паленъ, будучи гораздо хитрѣе ихъ, добился увольненія Аракчеева. Павелъ, сверхъ того, выслалъ его вонъ изъ Петербурга и онъ появился опять лишь на другой день послѣ смерти государя.

Что меня еще болѣе поразило, это—внезапное увольненіе Литты. Благосклонность, которою онъ пользовался, казалась превыше всякихъ подкормовъ; однако, вопреки его итальянской хитрости, нашли средство показать государю нѣкоторыя письма брата Литты, папскаго нунція, который и былъ высланъ за границу безъ всякихъ соображеній съ его званіемъ. Въ означенной корреспонденціи встрѣтились мѣста, которыя такъ разгнѣвали Павла, что онъ разомъ лишилъ Литту всѣхъ присвоенныхъ ему званій. *Sic transit gloria mundi!*

За три мѣсяца передъ тѣмъ, на одномъ изъ разводовъ былъ прочитанъ слѣдующій приказъ: «Фельдмаршалъ князь Рѣпинъ увольняется въ отставку,

съ дозволеніемъ ему носить мундиръ». Вотъ каковымиъ оказался плодъ наружнаго обожанія, цѣною котораго человекъ этотъ держался на своемъ мѣстѣ! Но князь Рѣнинъ, при многихъ хорошихъ качествахъ, имѣлъ душу царедворца, а этииъ все сказано. Онъ былъ внѣ себя отъ постигнутой его судьбы; писалъ ко всѣмъ, кто пользовался хоть сколько-нибудь царскою милостію; но ни въ комъ не нашлось мужества или охоты хлопотать за него.

Мое личное пребываніе въ Митавѣ услаждалось любезнымъ обществомъ французскихъ эмигрантовъ, которое возбуждало во мнѣ хорошее расположеніе духа и благотворно поэтому дѣйствовало на здоровье. Не могу вслѣдствіе сего обойти молчаніемъ прибытія супруги Людовика XVIII-го и madame Royale (дочери Людовика XVI), присутствіе коихъ несомнѣнно обѣщало придать нашему городу новый блескъ. Но день прибытія королевы ознаменовался неприятнымъ скандаломъ, котораго послѣдствія печально повліяли на Людовика XVIII-го.

Въ то время, какъ кареты королевы поочередно подъѣзжали къ замку, присутствующіе съ удивленіемъ замѣтили, что одна изъ нихъ своротила въ сторону и направлена была прямо къ дому губернатора. Въ этомъ экипажѣ сидѣла камеръ-фрау королевы. Ее пригласили выйти и предъявили ей повелѣніе Людовика XVIII, въ силу котораго она должна была немедленно вернуться за границу, съ воспрещеніемъ ей когда-либо опять приближаться къ королевѣ.

Женщина эта начала громко протестовать противъ такого предательства (по ея выраженію) и, ставъ на порогѣ дома, у котораго собралась толпа народа, рассказывала чудовищныя вещи про Людовика XVIII. Въ это время королева, замѣтивъ, что ея дорогая г-жа Курвиліонъ не является, стала нетерпѣливо освѣдомляться о причинахъ ея отсутствія. Ей отвѣтили, что король, считая эту женщину подстрекательницею и виновницею возникшихъ между высшими супругами недоразумѣній, счелъ за лучшее отослать ее. Тогда королева вышла изъ себя; объявила, что сейчасъ же опять уѣдетъ, жаловалась на вѣроломство и показывала подлинное письмо короля, гдѣ было имъ написано: «вы можете взять съ собою г-жу Курвиліонъ, если находите это безусловно необходимымъ».

Эта исторія сдѣлалась предметомъ общихъ толковъ. Митавскіе якобинцы были въ восторгѣ и рассказывали ее въ извращенномъ видѣ. Меня это задѣло за живое. Я поговорилъ съ однимъ лицомъ, которое и объяснило мнѣ, что король напрасно послѣдовалъ совѣту г-на Сенъ-При, подстрекнувшаго его къ этой неправильной выходкѣ, которой внѣшнія формы, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы смягчить. Между тѣмъ, г-жа Курвиліонъ добилась того, что ее только отправили въ Вильно, гдѣ она помѣстилась въ одноиъ изъ монастырей, съ обязательствомъ оставаться въ немъ до окончательнаго рѣшенія королевѣ ея участи. Но оттуда она нашла случай написать письмо государю, который

вызвалъ ее въ Петербургъ, гдѣ она втихомолку стала интриговать противъ короля.

Немедленно по прибытіи *madame Royale*, Людовикъ XVIII испросилъ у государя соизволеніе на вступленіе ея въ бракъ съ герцогомъ Ангулемскимъ. Павелъ написалъ невѣстѣ весьма любезное письмо и прислалъ ей великолѣпное алмазное ожерелье.

Къ свадебнымъ празднествамъ приглашено было все митавское дворянство; я не смѣлъ присутствовать на нихъ, но жена моя тамъ была. Насколько внушало всѣмъ участіе сама *madame Royale*, настолько же не понравилось непривѣтливое обращеніе королевы. Она не обладала благородными манерами и была постоянно въ дурномъ расположеніи духа. Въ день представленія ей, она не обмолвилась ни однимъ словомъ, такъ что ни одна изъ дамъ не захотѣла опять пріѣхать въ замокъ.

Между тѣмъ наступилъ сезонъ морскихъ купаній въ Вальдонѣ; мы отправились туда, но, проскучавъ четыре недѣли, опять вернулись въ городъ. Вскорѣ по нашемъ возвращеніи, я однажды утромъ, въ 4 часа, получилъ отъ племянницы моей, г-жи Тормасовой, жившей съ своимъ мужемъ въ Литвѣ, слѣдующаго содержанія записку:

— «Я въ ужаснѣйшемъ отчаяніи. Государь только что исключилъ мужа моего изъ службы и отправилъ его въ Динаминдскую крѣпость. Мужъ мой въ эту ночь проѣзжаетъ черезъ Митаву; я же пріѣду туда нѣсколькими часами ранѣе. Я его не оставлю, и не будутъ же имѣть жестокость отказать мнѣ въ дозволеніи раздѣлить его заключеніе, такъ какъ онъ боленъ и едва избѣгнулъ удара».

Это неожиданное событіе сильно разстроило меня... Впрочемъ, комендантъ крѣпости, генераль Шиллингъ, былъ отцемъ для заключенныхъ въ ней, и, ради облегченія ихъ участи, часто подвергался опасности потерять мѣсто. Онъ разрѣшилъ г-жѣ Тормасовой остаться при мужѣ; а такъ какъ генераль-губернаторъ Бенкендорфъ былъ задушевнымъ другомъ генерала Тормасова, то содѣйствовалъ всему, что могло бы облегчать его участь.

Спрашиваешь себя невольно: какое же преступленіе совершилъ генераль Тормасовъ, чтобы понести столь строгое наказаніе? А дѣло вотъ въ чемъ: Павелъ передалъ начальство надъ Литовскою дивизіею младшему въ чинѣ генералу. Честолюбивый Тормасовъ, въ первомъ порывѣ неудовольствія, написалъ монарху, что онъ готовъ повиноваться повелѣніямъ его в—ва, но не можетъ служить подъ начальствомъ младшаго генерала, и просить объ отставкѣ. Онъ, конечно, былъ не правъ относительно соблюденія вѣнскихъ формъ; но проступокъ его все-таки не заслуживалъ тройнаго наказанія: 1) отнятія полка и генеральскаго чина, 2) лишенія мундира и 3) заключенія въ крѣпость.

По прошествіи нѣкотораго времени, Тормасовъ былъ вынужденъ на свободу, но съ приказаніемъ жить въ своемъ имѣніи. Такъ какъ у жены его была

деревня въ Курляндіи, то онъ отправился туда и велъ весьма пріятную сельскую жизнь, по близости отъ Митавы.

Князь Лонукинъ, наконецъ, получилъ отставку. Мѣсто его занялъ генералъ Беклешовъ, бывший прежде губернаторомъ въ Ригѣ, а потомъ орловскимъ и курскимъ генераль-губернаторомъ. Должность генераль-прокурора есть одна изъ тѣхъ, влияние которой распространяется на все государство и внушаетъ такой же страхъ въ Камчаткѣ, какъ въ Курляндіи или въ Петербургѣ.

Генераль-прокуроръ есть око монарха, а ему самому очами служатъ прокуроры, распределенные по всѣмъ губерніямъ государства; послѣдніе обязаны не только блюсти за поддержаніемъ закона, но и секретно увѣдомлять своего начальника о всемъ, что можетъ имѣть соотношеніе съ безопасностію государя или вообще правительства.

Выборъ новаго генераль-прокурора повсюду былъ встрѣченъ съ удовольствіемъ. Беклешовъ, еще въ должности ливляндскаго губернатора, приобрѣлъ себѣ репутацію честнаго человѣка, которая осталась за нимъ и на другихъ мѣстахъ.

Находясь въ Петербургѣ, я познакомился съ нимъ, но только поверхностно. Однако, былъ очень радъ его назначенію, будучи увѣжденъ, что онъ пойдетъ прямою дорогою. Паленъ, хорошо знавшій Беклешова еще въ Ригѣ, старался выказать будто на назначеніе послѣдняго повліялъ онъ; но я знаю изъ надежнаго источника, что государь самъ возъимѣлъ эту мысль.

Благоволеніе къ Палену и Растопчину росло день ото дня. Послѣдній назначенъ былъ главноуправляющимъ почтъ и награжденъ Андреевскою звѣздою. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Кутайсову пожалована звѣзда св. Александра Невскаго: мы видимъ, что эти господа были осмыслены знаками высочайшей благосклонности.

Растопчинъ давно уже имѣлъ на мѣсто государственнаго канцлера, и исполнялъ его должность съ тѣмъ поръ, какъ былъ назначенъ членомъ департамента иностранныхъ дѣлъ. Кочубея уволили, а графъ Панинъ назначенъ вице-канцлеромъ. Вскорѣ мы узнаемъ тайныя къ тому побужденія и увидимъ, что всѣ эти крутыя перемѣны, приписываемыя Павлу, были только послѣдствіями глубоко-заходящихъ соображеній и такой тонкой интриги, которая можетъ сравниться лишь съ адскою ловкостію, съ какою она приведена была въ исполненіе.

О Беклешовѣ стали, какъ бы случайно, поговаривать въ неблагопріятномъ смыслѣ; а такъ какъ онъ показывалъ видъ, что не обращаетъ на это вниманія, то онапа его была рѣшена. Стали дѣлать ему тысячи непріятностей; а такъ какъ онъ, кромѣ того, осмѣлился противорѣчить государю, когда тотъ сталъ вмешиваться въ судебныя дѣла и вздумалъ рѣшать ихъ безъ предварительнаго разбора, то его стали попрекать въ учительскомъ тонѣ, въ тяжеловѣсномъ и непріятномъ веденіи дѣлъ.

Павелъ замѣнилъ его генераломъ Оболяниновымъ, справедливость котораго, при мнѣ, Паленъ превозносилъ до облаковъ, и о которомъ тотъ же Паленъ отзывался съ презрѣніемъ, когда, послѣ кончины государя, я прибылъ въ Петербургъ.

Фрейлина Нелидова, проживая въ иждѣніи графа Вуксгедена, заболѣла, и такъ какъ ей грозила опасность ослабнуть, то она просила у государя разрѣшенія возвратиться въ ея любезный Смольный институтъ, дабы тамъ лечиться у своего обычнаго врача; одновременно съ этимъ она ходатайствовала и за графа Вуксгедена, который желалъ отправиться съ своимъ семействомъ за границу.

Государь не только ей все разрѣшилъ, но даже послалъ ей придворные экипажи. Это возвращеніе сильно обезпокоило придворныхъ интригановъ: они стали опасаться легко предвидимыхъ послѣдствій свиданія.

Пушены были въ ходъ всѣ подпольныя интриги, чтобы удержать монарха отъ посѣщенія своего прежняго друга. Его прогулки стали уже направляться въ сторону Смольнаго; но Кутайсовъ, повсюду его сопровождавшій, по обязанности своей новой должности, оберъ-штальмейстера, сумѣлъ встѣжевить самолюбіе Павла и этимъ удержать его отъ перваго шага къ новому сближенію.

Императрица, съ другой стороны, узнавъ, что Павелъ колеблется и, повидимому, желаетъ опять увидѣться съ Нелидовою, старалась придать этому примиренію торжественный оттѣнокъ. Она устроила у себя блестящій вечеръ, и государь обѣщалъ явиться на ея приглашеніе. Кликъ интригановъ сочла себя погибшею; но княжна Лопухина и Кутайсовъ напругамъ всѣхъ усилія, для внушенія Павлу, что онъ снова бросается въ сѣти, отъ которыхъ успѣлъ избавиться.

Послѣ долгихъ колебаній, Павелъ переимѣнилъ свое намѣреніе и, въ 7 часовъ вечера, послалъ сказать императрицѣ, что онъ не прибудетъ на ея собраніе. Онъ пошелъ еще дальше: торжественно обѣщалъ Лопухиной нивогда не посѣщать Смольнаго, пока тамъ будетъ проживать г-жа Нелидова.

Жена моя написала Нелидовой письмо, съ выраженіемъ опасеній за ея здоровье. Въ полученномъ отъ нея отвѣтѣ, между прочимъ, было сказано: «Я поставила себя за правило—не видѣться ни съ кѣмъ, кромѣ моихъ институтскихъ пріятельницъ, и отъ этой неизмѣнной рѣшимости ни за что не отступлю.» — И точно: она ни разу не была въ городѣ и постоянно жила въ глубочайшемъ уединеніи.

Около этого времени посѣтилъ меня старшій сынъ графа Шуазеля и сообщалъ мнѣ, что его отецъ, а также и бѣдный генералъ Ламбертъ подверглись внезапному изгнанію. Послѣдняго заставили даже встать съ постели, чтобы онъ безотлагательно очутился за петербургскими заставами.

Поступокъ съ Шуазелемъ и Ламбертомъ заставилъ меня опасаться за участь Людовика XVIII. Я сказалъ объ этомъ одному изъ его приближенныхъ, аббату

Мари, но эти господа были такъ увѣрены въ благорасположеніи Павла, что я не настаивалъ на своихъ опасеніяхъ.

Дѣйствительно, императоръ только что предложилъ королю закрутить узмы дружбы выраженіями рыцарскаго братства. Онъ принялъ ордена св. Духа и св. Лазаря, а королю прислалъ ордена св. Андрея и Мальтійскій. Король воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать кавалерами ордена св. Лазаря г.г. Палена, Растопчина и Панина и, съ разрѣшенія государя, пожаловалъ тотъ же орденъ курляндскому губернатору и генералу барону Ферзену. Въ Петербургъ повезли эти знаки отличія аббатъ Эдмонъ-де-Фирмонъ и г. де-Коссе. Оба они были осипаны высочайшими милостями. Фирмонъ утверждалъ, что Павелъ, въ бесѣдахъ съ нимъ, обнаружилъ высшую степень привлекательности и любезности.

Легко понять, что Людовикъ XVIII и всѣ его приближенные сочли это новымъ священнымъ обязательствомъ со стороны Павла не оставлять ихъ; увѣренности, которой предалися господа французы, я отнюдь не раздѣлялъ; но на откровенно выраженныхъ мною опасенія мнѣ весьма вѣжливо дали замѣтить, что моя собственная невзгода заставляетъ видѣть все въ черномъ свѣтѣ.

Между тѣмъ опять наступилъ сезонъ морскихъ купаній, и мы отправились въ Вальдонъ, который на этотъ разъ представился чѣмъ-то въ родѣ Элизіума. Кто-бы ожидалъ найти тамъ такое собраніе?... Ех-генераль-прокуроръ Беклешовъ (незадолго предъ тѣмъ бывший звѣздой первой величины), ех-президентъ, академикъ художествъ и ех-посоль ¹⁾ графъ Шуазель-Гуфье, я, ех-сенаторъ ех-генераль Екеля и нѣсколько другихъ «ех-овъ», которые занимали менѣе важныя должности, но можетъ быть всѣ искали на морскихъ купаньяхъ не столько облегченія отъ тѣлесныхъ недуговъ, сколько необходимаго развлеченія, вслѣдствіе понесенныхъ ими нравственныхъ страданій.

Несчастіе сближаетъ людей, особенно если они потерпѣли одинаковаго рода несправедливость. Впрочемъ, съѣхавшіяся въ Вальдонъ лица сначала говорили между собою только о своихъ болѣзняхъ, избѣгая всякаго видимаго сближенія, потому что боялись шпионства. Замѣчены были двѣ или три подозрительнаго вида личности; но ихъ было легко избѣгнуть или наводить на ложные слѣды.

Я былъ очень радъ ближе познакомиться съ Беклешовымъ. Его открытое лицо, его простыя, иногда даже грубоватыя, манеры весьма мнѣ нравились. Никогда не говоря ничего о самомъ государѣ, мы бесѣдовали съ нимъ о нѣкоторыхъ общихъ мѣропріятіяхъ, и я никогда не слыхалъ отъ него ни одного существенно-ложнаго сужденія, хотя не всегда раздѣлялъ его мнѣнія относительно нѣкоторыхъ господъ, къ которымъ онъ питалъ несправедливое предубѣжденіе.

¹⁾ Онъ былъ французскимъ посломъ въ Константинополь.

Однажды я заговорилъ съ нимъ о моемъ печальномъ положеніи, и онъ сказалъ мнѣ:

— «Вы напрасно считаете свое положеніе худшимъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Я имѣлъ въ своихъ рукахъ списокъ лицъ, состоящихъ подъ особымъ надзоромъ, и могу васъ увѣрить, что васъ тамъ нѣтъ; а если показываютъ видъ, что имѣютъ относительно васъ особыя повелѣнія, такъ это только одна изъ выходовъ, позволяемыхъ себѣ провинціальнымъ начальствомъ, для придачи себѣ важности».

О Паленѣ Беклешовъ никогда не говорилъ; но этимъ молчаніемъ все высказывалось. О Кутайсовѣ онъ тоже избѣгалъ разговоръ, но презрѣніе выражалось на его лицѣ, когда произносили имя этого господина.

По возвращеніи изъ Бальдона, я получилъ письмо изъ столицы (отъ 15 сент. 1800 г.). Какъ велико было мое изумленіе, когда я прочелъ слѣдующее:

«Паленъ только что лишенъ должности петербургскаго генераль-губернатора; его сына, полковника конной гвардіи, высылаютъ, и въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, его экипажи и кибитки уже стоятъ наготовѣ. Онъ ждетъ немедленнаго повелѣнія собрать свою дивизію, такъ какъ у насъ будетъ война съ Англіею ¹⁾, и, вслѣдствіе сего, мы приводимъ въ движеніе наши сухопутныя войска. Готовятся также большіе маневры около Гатчины».

По прошествіи нѣсколькихъ дней я получилъ новое извѣщеніе:

«Паленъ стоитъ крѣпче, чѣмъ когда либо. На маневрахъ онъ командуетъ однимъ корпусомъ, а Кутузовъ другимъ. Государь видѣ себя отъ радости, что имѣетъ въ своемъ войскѣ двухъ столь отличныхъ тактиковъ. Онъ пожаловалъ имъ подарки; а генераловъ и офицеровъ награждалъ такъ, какъ будто они выиграли важное сраженіе. Тѣ, которые знаютъ секретъ этой комедіи, говорятъ, что былъ задобренъ Дибичъ ²⁾, и что онъ водилъ государя (на маневрахъ) такимъ образомъ, чтобы скрыть отъ него маленькіе промахи. Этотъ прожженный пруссакъ на каждомъ шагу восхвалялъ, по нѣмцамъ: «О великій Фридрихъ! Если-бъ ты могъ видѣть армію Павла!.. Она выше твоей!» Этотъ притворный энтузіазмъ совершенно поворилъ сердце государя. Воображеніе его было возбуждено въ высшей степени, тѣмъ болѣе, что надо было отдать справедливость нашимъ войскамъ, исполнявшимъ всѣ движенія съ величайшею точностію».

¹⁾ Высоч. приказъ 31 августа 1800 г.

²⁾ Этотъ Дибичъ былъ прежде адъютантомъ у Фридриха II. Такъ какъ ему были извѣстны всѣ подробности образа жизни великаго короля, то Павелъ, старавшійся поражать послѣднему во всѣхъ мелочахъ, весьма дорожилъ Дибичемъ и, наконецъ, сталъ глядѣть на все его глазами. Авт.

Паленъ, свергъ прочихъ своихъ должностей, вскорѣ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ остзейскихъ провинцій; такъ что власть его простерлась и на важныя, по своему значенію, гавани.

Въ это же время внезапно былъ смѣненъ Дривенъ; мѣсто его получилъ вице-губернаторъ Арсеньевъ, а на мѣсто послѣдняго назначенъ казанскій прокуроръ Врискорнъ.

Война Англіи объявлена была вслѣдствіе занятія ею о-ва Мальты и отказа ея немедленно возвратить этотъ островъ Ордену. Павелъ, въ высшей степени разгнѣванный, сначала отдалъ повелѣніе (14 окт. 1800 г.) арестовать всѣ англійскія суда, находившіяся въ нашихъ гаваняхъ, а затѣмъ (18 окт.) распространилъ это повелѣніе и на всѣ принадлежавшіе англичанамъ товары и имѣнія.

Эта насильственная мѣра вызвала сильнѣйшее волненіе въ Петербургѣ и Ригѣ, гдѣ находились англійскіе торговые дома съ оборотами, простиравшимися до нѣсколькихъ милліоновъ.

Однако, окружающіе Павла смотрѣли, повидимому, съ удовольствіемъ на эту анти-политическую мѣру. Геніальный Бонапарте тотчасъ же принялъ во вниманіе этотъ моментъ неудовольствія противъ лондонскаго кабинета и сталъ дѣлать Павлу лестныя предложенія, сначала черезъ Берлинъ, а потомъ непосредственно. Письмо его было такъ ловко составлено и такъ преисполнено лицемернаго восхищенія государемъ, что Павелъ забылъ свою ненависть къ Франціи и сблизился съ правительствомъ, которому только что грозилъ огонь и мечъ.

Между тѣмъ Паленъ сталъ главною пружиною во всѣхъ дѣлахъ. Онъ предложилъ Павлу одно изъ самыхъ смѣлыхъ мѣропріятій, которое было совершенно во вкусѣ государя.

— «В. в. изволили,—сказалъ онъ,—по справедливости наказать очень многихъ офицеровъ исключеніемъ изъ службы. Но между ними, безъ сомнѣнія, есть и такіе, которые исправились и стали бы служить еще съ большимъ усердіемъ, если-бъ имѣли счастье быть вновь призванными».

«Вы правы,—отвѣтилъ государь,—я прощаю всѣхъ, и прикажу немедленно принять ихъ опять на службу».

Мы видимъ, какъ охотно онъ желалъ дѣлать добро и исправлять увлеченія своего слишкомъ подвижнаго характера.

1-го ноября 1800 г. Павелъ издалъ свой извѣстный манифестъ, по которому всѣмъ уволеннымъ или исключеннымъ изъ службы разрѣшалось опять вступить въ нее, если только они не были осуждены по формальному приговору суда. Однако, прибавка къ этому манифесту поразила всѣхъ мыслящихъ людей. Въ ней значилось, что всѣмъ уволеннымъ и исключеннымъ (которые были разбросаны отъ Иркутска до прусской границы) повелѣно лично явиться въ Петербургъ.

Эта закорючка привела въ отчаяніе тѣхъ людей, которые, уже внавѣ въ нужду, должны были теперь совершить путь въ 3,000—4,000 верстъ до столицы, чтобы потомъ пройти, можетъ быть, столько же до назначенныхъ имъ полковъ... Этимъ разрушалось то добро, которое государь думалъ сдѣлать; для лицъ немущихъ оно оказалось совершенно призрачнымъ.

Появились по дорогамъ офицеры (многіе изъ нихъ были украшены георгиевскими и владимірскими крестами), плетущіеся пѣшкомъ или влекомые голодными влячани. Многимъ пришлось просить милостыни, чтобы добраться до Петербурга.

Всѣ эти затрудненія могли не придти въ голову Павла, который никогда этого не соображалъ; но какъ могли они не быть взвѣшены тѣми, которые посоветовали ему это доброе дѣло и лучше государя должны были знать настоящее положеніе офицеровъ?

Впрочемъ, и разумно ли было разомъ собрать въ столицу такое значительное число недовольныхъ? Развѣ не знали, что не всѣхъ офицеровъ опять примутъ? Развѣ не слѣдовало опасаться, что люди, претерпѣвшіе голодъ и холодъ для того, чтобы вновь быть принятыми на службу, могутъ, понавѣ въ число отверженныхъ, предаться всякимъ выходкамъ, внушаемымъ отчаяніемъ?

Но эти-то соображенія, которыя всему плану должны бы были дать совѣсное осуществленіе, именно и побудили исполнить его такъ, какъ онъ былъ исполненъ. Нынѣ уже не остается сомнѣнія въ томъ, что хотѣли вызвать взрывъ.

А между тѣми похваламъ Палену перелетали изъ устъ въ уста. Чтобы обезпечить всходы посѣяннаго имъ сѣмени, онъ многимъ генераламъ (о которыхъ думалъ, что огорчилъ ихъ болѣе другихъ) написалъ частныя письма, въ которыхъ совѣтовалъ воспользоваться царскою милостію.

Генераль Тормасовъ находился еще въ изгнаніи и не былъ включенъ въ общую амнистію. Онъ получилъ отъ Палена «полный участія и дружескій совѣтъ»—обратиться прямо къ государю, и тотъ послѣдовалъ этому совѣту. Ему было дано разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ; такъ онъ былъ представленъ Павлу, который почти вовсе не зналъ его лично и который былъ совершенно увлеченъ тономъ его разговора и осанкою. Онъ наименовалъ Тормасова инспекторомъ кавалерійскихъ войскъ, стоявшихъ въ Лифляндіи и Курляндіи, и далъ ему назначеніе состоять при шведскомъ королѣ, котораго вскорѣ ожидали въ Петербургѣ. Государь, вообще, оказывалъ Тормасову большія, можетъ быть, слишкомъ большія отличія; и съ этихъ поръ Палень къ нему охладѣлъ. Черезъ короткое время онъ доставилъ ему опасное мѣсто командира конной гвардіи, шефомъ которой былъ великій князь Константинъ Павловичъ.

Генераль-прокуроръ Оболянинъ въ исходатайствовалъ у государя, чтобы милость, явленная военнымъ, распространена была и на гражданскихъ чиновниковъ. Многіе изъ уволенныхъ снова поступили на службу, какъ, напримеръ,

графъ Виейлгорскій... Зубовъ, Куракинъ, Волконскій, Долгорукій и многіе другіе, наиболѣе оскорбленные, просились опять на службу, и всѣ были приняты. Но со многими бѣдными офицерами весьма жестко обошлись. На разводѣ, въ которому ихъ собрали, Павелъ, часто по одному взгляду на офицера, обращаясь къ своему адъютанту со словами: «принять» или «отказать», — не объявляя никакихъ тому причинъ. Въ томъ или другомъ изъ данныхъ случаевъ указанный офицеръ принуждаемъ быть, не позже какъ черезъ три дня, оставить столицу; этотъ срокъ былъ достаточенъ для того, чтобы отчаявшемуся человѣку увлечься какимъ либо порывомъ ярости. Но Провидѣніе судило иначе, и большая часть недовольныхъ не выходила изъ предѣловъ долга.

Въ это время вся политическая система Павла круто измѣнилась. Онъ сблизился съ Бонапартомъ, предложившимъ ему Мальту и возвращеніе русскихъ плѣнныхъ. Панинъ впалъ въ немилость. Графъ Карамзинъ, котораго Людовикъ XVIII отправилъ посланникомъ въ Петербургъ, былъ внезапно высланъ оттуда. Король вообразилъ себѣ, что этотъ министръ чѣмъ нибудь не понравился государю, и счелъ за лучшее написать Павлу, спрашивая его, чѣмъ Карамзинъ такъ ему не угодилъ, что онъ наказалъ его изгнаніемъ. Господа придворные изловчились представить это письмо государю въ такую минуту, когда онъ находился въ крайне дурномъ расположеніи духа. Совершенно не понявъ намѣренія Людовика XVIII, Павелъ гнѣвно воскликнулъ:

— «Какъ! Онъ требуетъ у меня отчета въ моихъ дѣйствіяхъ? Надѣюсь, что я у себя дома еще господинъ!»¹⁾

Едва успѣлъ онъ успокоиться отъ перваго волненія, какъ его снова ухватились разгнѣвать, и 3 (15) января 1801 года обнаружилось страшное дѣйствіе этого гнѣва. Генералъ Ферзонъ получилъ отъ Палена письмо слѣдующаго содержанія:

«Сообщите Людовику XVIII, что государь совѣтуетъ ему отправиться къ своей супругѣ, въ Биль».

Пораженный какъ громомъ, несчастный Людовикъ написалъ государю трогательное письмо, заключавшееся слѣдующими словами:

¹⁾ Эту фразу Павелъ повторялъ часто, и большею частію не тогда, когда слѣдовало. Такъ было, когда онъ однажды, въ минуту неудовольствія, приказалъ было наложить амбарго на всѣ шведскія суда, находившіяся въ нашихъ гаваняхъ. Графъ Буксгевденъ имѣлъ смѣлость противорѣчить ему.

— «Какъ!—воскликнулъ Павелъ, видя себя отъ гнѣва,—я развѣ не господинъ у себя дома?»

«Нѣтъ, в. в.,—спокойно отвѣчалъ Буксгевденъ,—взаимныя международныя отношенія утверждены торжественными договорами, которыхъ вы не можете нарушать, не оскорбляя чувства вашей справедливости».

Помолчавъ съ минуту, государь обнялъ Буксгевдена, и — амбарго не состоялось.

— «Повинуясь, вопреки горести, внушаемой мнѣ столь жестокимъ неблаговоленіемъ, и ожидаю полученія необходимыхъ паспортовъ».

Государи постарались, однако, еще болѣе разсердить, выславляя ему покорность короля, какъ доказательство, сколь мало онъ дорожитъ пріютомъ, столь великодушно ему предоставленнымъ. Павелъ доведенъ былъ до того, что, забывъ всѣ священные законы гостепріимства, приказалъ объявить королю, что: такъ какъ онъ только требуетъ своихъ паспортовъ, то они будутъ ему выданы, но съ условіемъ, чтобы онъ сейчасъ же воспользовался ими, какъ для себя, такъ и для всей его свиты.

Этотъ страшный взрывъ гнѣва уничтожилъ всѣхъ французовъ, которые не ожидали такой жестокости ..

Никогда не забуду отъѣзда несчастнаго Людовика XVIII и герцогини Ангудемской... Кавалерамъ свиты пришлось бы, среди зимы, отправиться въ дорогу пѣшкомъ, если-бы сострадательные люди не оказали имъ посильной помощи. Въ помощи этой приняли участіе не только дворяне, но и бюргеры курляндскіе.

Всѣ эти событія такъ потрясли меня, что, распростившись съ моими пріятелями-французами, я захворалъ и едва черезъ нѣсколько недѣль могъ поправиться...

Перев. съ нѣмецкаго и сообщ. И. О.

Примѣчаніе. „Записки курляндскаго дворянина“, представленныя въ извлеченіи въ ноябрьской и декабрьской книгахъ „Русской Старины“ изд. 1887 г., изданы, впервые, на нѣмецкомъ языкѣ въ 1885 г., причемъ фамилія автора скрыта; оказывается, что записки принадлежатъ барону Гейкингу. Сенаторъ и предсѣдатель юстицъ-коллегіи въ царствованіе Павла Петровича, Гейкингъ былъ женатъ на дочери Лафонъ, начальницѣ общества благородныхъ дѣвицъ (Смольнаго монастыря). Въ запискахъ знаменитаго мюллерскаго римско-католическаго митрополита Богуша Сестреницевича, а затѣмъ въ известномъ сочиненіи о. М. Я. Морошкина: „Иезуиты въ Россіи, съ царствованія Екатерины II и до нашего времени“. Спб., 1867 г., ч. I, стр. 289—313, разсѣяно множество подробностей о борьбѣ, которую велъ Сестреничицъ, ратовавшій противъ римской курии и иезуитовъ, съ барономъ Гейкингомъ—сторонникомъ (какъ пишетъ историкъ Морошкинъ) папы и иезуитовъ и имѣвшимъ вліяніе на католическій департаментъ въ Спб., бывшій нѣкоторое время въ подчиненіи коллегіи юстиціи. Желающихъ ознакомиться съ интересными подробностями борьбы Сестреничицы съ барономъ Гейкингомъ отсылаемъ къ сочиненію о. М. Я. Морошкина.

Н. III.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ.

О преобразованіи Одесскаго лицей въ университетъ.

Вскорѣ по вступленіи моемъ въ должность попечителя одесскаго учебнаго округа, я обратилъ первое мое вниманіе на значеніе учебныхъ заведеній округа и на то вліяніе, ту роль, которую сама мѣстность края предназначила имъ имѣть въ нравственно-духовныхъ дѣлахъ всего православно-славянскаго народонаселенія востока. Всѣ наши восточные единоплеменники не имѣютъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ бы науки излагались на славянскомъ нарѣчій, и самое ближайшее для нихъ есть только одно: Одесскій лицей. Въ немъ постоянно воспитываются нѣсколько болгаръ изъ турецкихъ подданныхъ. Но большая часть изъ нихъ, по ихъ собственному сознанию, ищутъ образованія не у насъ, а на западѣ, въ странахъ католическихъ; то-же самое, и еще въ несравненно большихъ размѣрахъ, дѣлаютъ и наши молдавскіе единовѣрцы. Причина очевидна. Одесскій лицей, по его настоящей организаціи, не можетъ удовлетворять современнымъ требованіямъ просвѣщенія.

И наши, и турецкіе подданные изъ славянъ, получивъ въ немъ одно только поверхностное образованіе, доканчиваютъ его на западѣ и теряютъ тамъ, мало приготовленные въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, то сочувствіе, которое одушевляетъ всегда cadaго молодаго человѣка, на цѣлую его жизнь, къ мѣсту, гдѣ онъ получилъ основательное, коренное образованіе. Католицизмъ и грубое вольнодумство уже завладѣваютъ первыми начатками заграничной молдавской литературы, вліяніе которой быстро распространяется и на нашихъ молдавскихъ подданныхъ. Въ Константинополѣ уже издаются журналы на болгарскомъ языкѣ, которые хотя и не содержатъ покуда ничего антирусскаго, однако-же, со временемъ они пробудятъ сочувствіе и въ нашихъ болгаряхъ, но не въ нашу пользу, тѣмъ болѣе что уменьшеніе

господствовавшаго доселѣ вліянія фанаріотовъ, столь ненавистнаго славянамъ, и введеніе богослуженія на славянскомъ языкѣ въ Константинопольской болгарской церкви ихъ сильно расположить въ пользу турецкаго правительства. Католики и протестанты и въ Константинополь, и въ Бухарестъ уже учреждаютъ училища для нашихъ единовѣрцевъ; въ Болградѣ, покуда онъ принадлежалъ намъ, не было ни одного болгарскаго училища и цѣлые годы проходили въ одной тщетной перепискѣ объ его учрежденіи; теперь, когда Болградъ отошелъ отъ Россіи, молдавское правительство уже ассигновало сумму для открытія народной школы. Всѣ эти обстоятельства доказываютъ, что наше нравственное и научно образовательное вліяніе на нашихъ восточныхъ единовѣрцевъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе слабѣетъ; но безутѣшнѣе всего то, что оно ослабѣваетъ и для нашихъ пограничныхъ подданныхъ, соплеменныхъ съ турецкими и молдавскими ихъ единовѣрцами. Мысль дѣйствовать на нихъ посредствомъ нашего торговаго общества ¹⁾, посредствомъ частныхъ пожертвованій на сооруженіе храмовъ и пріютовъ въ Палестинѣ и посредствомъ нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ, превосходна. Но мы можемъ только то дать, что мы сами имѣемъ. А все, что мы имѣемъ, это преданность православію и престолу, сочувствіе къ нашимъ собратамъ и нѣкоторыя матеріальныя пособія. Но этого уже теперь мало, когда вліяніе запада на востокъ обнаруживается въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, когда оно поддерживается глубокимъ знаніемъ дѣла и систематически проводимою пропагандою. Вотъ почему я твердо убѣжденъ, что покуда мы сами не изберемъ равнаго по силѣ духовно-научнаго оружія, то наше противодѣйствіе западу останется слабымъ и немогущимъ. Мы должны сначала учредить и усилить центръ нашихъ дѣйствій. Мы должны сначала образовать изъ нашихъ соплеменниковъ, нашихъ единовѣрцевъ и изъ насъ самихъ людей нравственно и научно способныхъ противодѣйствовать западу. Единовѣріе и единоплеменность съ нашими восточными собратами на нашей сторонѣ; но нравственно и научно мы слишкомъ еще слабы.

Если обществу пароходства и удастся, при частныхъ пожертвованіяхъ, основать различные пункты обліженія на востокъ съ нашими единовѣрцами, то все еще не будетъ доставать самаго главнаго: тѣхъ дѣятельныхъ и нарочно для того приготовленныхъ распространителей нравственно-научнаго вліянія, которыми такъ изобилуетъ западъ. У него есть миссіонеры, посвятившіе себя исключительно этой дѣли,

¹⁾ Русское общество пароходства и торговли.

въ его руки переходить теперь и образованіе учителей для нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ.

Всѣ эти соображенія заставили меня еще за годъ предъ симъ обратиться къ г. министру просвѣщенія съ проектомъ о преобразованіи Одесскаго лицея въ высшее учебное заведеніе, съ цѣлю сообщить ему именно такую организацію, которая способствовала бы къ укрѣпленію нашихъ связей съ нашими восточными собратами по вѣрѣ и по племени. Очевидно, что Одесса, по ея мѣстности, могла бы быть именно тѣмъ центромъ нашихъ дѣйствій и истиннымъ рассадникомъ людей, могущихъ осуществить эту важную политическую цѣль. Нѣтъ сомнѣній, что такой рассадникъ, дѣйствуя сообща съ обществомъ торговли и пароходства, мощно бы противоудѣствовалъ усиливающемуся вліянію запада на востокъ. Въ Одессѣ бы готовились и учителя, и врачи, и сестры для тѣхъ благотворительныхъ заведеній, которыя общество постепенно бы учреждало въ избранныхъ имъ пунктахъ на востокѣ. Для такого преобразованія лицея въ Одессѣ я не требовалъ увеличенія штата отъ правительства; я указывалъ на другіе источники и именно на сборъ по 2½ коп. съ каждой четверти хлѣба, вывозимаго изъ всѣхъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей. Уже и прежде, съ 1817 г., Лицей получалъ на содержаніе до 4 к. съ четверти пшеницы, вывозимой только изъ одного Одесскаго порта. Впослѣдствіи онъ передалъ этотъ доходъ, явственно къ своему ущербу, государственному казначейству и получилъ отъ него въ замѣнъ по 16 т. руб. сер. ежегодно. Но государственное казначейство обязалось выдавать эту сумму только до новаго закона объ одесскомъ порто-франко. Въ прошломъ (1857) году одесское порто-франко уничтожено, и я полагалъ, что это самое удобное время для предлагаемаго мною преобразованія. Но мой проектъ, вѣроятно, встрѣтилъ препятствіе со стороны министерства финансовъ и до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ.

Твердо убѣжденный, что Одесскій лицей при предлагаемыхъ мною измѣненіяхъ можетъ осуществить то высокое назначеніе, къ которому онъ предопредѣленъ мѣстностью самаго края, я откровенно объяснилъ г. министру просвѣщенія, что, считая дѣятельность мою при настоящей организаціи Лицея лишенною существенной цѣли, оставаться долѣе его представителемъ *in statu quo* было бы противно моимъ убѣжденіямъ и моимъ понятіямъ о долгѣ чести и службы.

Н. И. Пироговъ.

2 апрѣля 1858 г.

Одесса.

АДОЛЬФЪ ПЕТРОВИЧЪ БЕРЖЕ

какъ ориенталистъ.

Литературная дѣятельность недавно скончавшагося А. П. Берже проявилась не только въ изданіи десяти громадныхъ томовъ Актовъ Кавказской Археографической Коммисіи, но и во многихъ цѣнныхъ вкладкахъ по персидской исторіи, лексикографіи и литературѣ нашихъ закавказскихъ инородцевъ. Сюда относится, на примѣръ, его русскій переводъ персидской исторіи Джемаледдина Карабахскаго, его персидско-французскій словарь, изданный въ 1868 году въ Лейпцигѣ, а также его сборникъ пѣсень закавказскихъ поэтовъ XVIII и XIX столѣтій, на тюркско-адербейджанскомъ языкѣ, изданный имъ тоже въ Лейпцигѣ въ 1869 году.

Продолжительное пребываніе Ад. П. Берже въ Персіи дало ему возможность усвоить себѣ основательно персидскій языкъ. При составленіи своего персидско-французскаго словаря, онъ пользовался—какъ самъ объ этомъ говорить въ предисловіи — указаніями многихъ ученыхъ персіянъ въ Тегеранѣ и въ Тавризѣ, а также совѣтами г. Графа, бывшаго въ продолженіи двадцати лѣтъ первымъ драгоманомъ при нашемъ посольствѣ въ Тегеранѣ. Къ персидско-французскому словарю, обънимающему болѣе 500 страницъ убористой печати, на двухъ столбцахъ, прибавлена таблица, замѣняющая собою французско-персидскій словарь, а также сравнительная таблица магометанскаго и христіанскаго лѣтосчисленія. Извѣстно, что въ настоящее время персидскій словарь Бьянки сдѣлался уже библиографическою рѣдкостью, а у насъ въ Россіи,—сколько мнѣ извѣстно,—имѣется только краткій словарь Болдырева, изданный 50 лѣтъ тому назадъ и составляющій третій томъ его персидской хрестоматіи. Поэтому мы, русскіе, должны быть благодарны А. П. Берже за его трудъ, представляющій собою незамѣнимое пособіе при изученіи языка сосѣдняго намъ народа. Правда,

придирчивый критикъ можетъ найти въ книгѣ А. П. Берже многіе недостатки. Такъ, напримѣръ, въ нѣмецкомъ критическомъ журналѣ Царнке «*Literarisches Centralblatt*», за 1869 годъ, на страницѣ 1267, при оцѣнкѣ труда г-на Берже жалуются на то, что попадаются многія устарѣлыя слова арабскія и персидскія, а напротивъ не достаётъ много нынѣ употребительныхъ; жалуются также на необозначеніе или неточное обозначеніе произношенія многихъ словъ, и, наконецъ, на неправильности въ приводимыхъ арабскихъ грамматическихъ формахъ. Все это можетъ быть справедливо, но не умаляетъ въ нашихъ глазахъ важности и пользы труда А. П. Берже для насъ, русскихъ.

Перейдемъ къ его сборнику азербейджанской поэзи. Этотъ изяшно изданный сборникъ представляетъ собою почти всю повѣстическую литературу закавказскихъ магометанъ. По свидѣтельству германскаго критика (см. *Zarncke, Literarisches Centralblatt* 1869, p. 1031), многія пѣсни, въ особенности старшихъ поэтовъ Вакифа и Закира, могли бы въ хорошемъ повѣстическомъ переводѣ сравниться и по формѣ, и по содержанію съ лучшими произведеніями новѣйшей германской музы. Въ означенномъ сборникѣ помѣщены произведенія различныхъ поэтовъ, напримѣръ, Вакифа, Кассимъ-Бека Закира, Мессихы, Ашикъ Пери, Ахундова и т. д.

Вакифъ жилъ въ Шушѣ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, во время правленія тамъ Ибрагимъ-Хана. Про него рассказываютъ, что онъ обладалъ большими свѣдѣніями въ астрономіи, и предсказалъ даже однажды безошибочно лунное затмѣніе, а затѣмъ вскорѣ и землетрясеніе. Этимъ онъ обратилъ на себя вниманіе Ибрагимъ-Хана, который сдѣлалъ его своимъ приближеннымъ и даже возвелъ въ санъ визири. Вакифъ считался также искуснымъ строителемъ; такъ дворецъ хана въ Шушѣ, зданіе, гдѣ помѣщались правительственныя мѣста и городскія стѣны, возведены Вакифомъ.

Въ 1796 году, когда шахъ Ага-Могаметъ-Ханъ предпринялъ походъ противъ Грузіи и пограничныхъ ханствъ, онъ наводнилъ своими войсками Карабахъ и обложилъ Шушу. Во время осады онъ велѣлъ бросить въ городъ стрѣлу, съ привязанною къ ней бумажкою, на которой былъ написанъ стихъ:

„Изъ небеснаго орудія, метающаго снаряды, изрыгаются камни, приносящіе смерть и разрушеніе; а ты, въ твоёмъ ослѣпленіи, защищаешься противъ нихъ въ крѣпости стеклянной“.

Въ отвѣтъ на это Ибрагимъ-Ханъ велѣлъ пустить стрѣлу съ слѣдующимъ стихомъ:

„Если Тотъ, въ Котораго я вѣрую, есть моя охрана, то Онъ сохранитъ въ цѣлости стекло въ отверстіи, сдѣланномъ камнемъ“.

Ага-Могаметъ-Ханъ спросилъ кто написалъ этотъ стихъ, и когда ему назвали Вакифа, то онъ поклялся въ томъ, что убьетъ поэта, какъ только возьметъ Шушу, и дѣйствительно, едва Шуша сдалась, какъ шахъ велѣлъ отыскать убѣжище, куда спрятался Вакифъ, и привести бѣднаго поэта передъ свои грозныя очи. Въ ту самую ночь, однако, которая предшествовала дню, въ которомъ долженъ былъ предстать Вакифъ, самъ шахъ Ага-Могаметъ-Ханъ былъ убитъ рукою своего служителя Сеферъ-Али-Бека. Въ происшедшей за тѣмъ суматохѣ Могаметъ-Бекъ, племянникъ Ибрагимъ-Хана, захватилъ власть въ Карабахѣ, и бѣдный Вакифъ всетаки поплатился жизнью за свою привязанность къ прежнему своему повелителю Ибрагимъ-Хану.

Кромѣ Вакифа мы замѣтимъ въ сборникѣ А. П. Берже еще стихотворенія Кассимъ-Бекъ Закира и Мессихы. Кассимъ-Бекъ умеръ въ Шушѣ въ 1857 году; его произведенія отличаются особенною красотою слога. Мессиха былъ современникъ Вакифа, его стихосложеніе отличается особеннымъ искусствомъ. Изъ новѣйшихъ стихотворцевъ въ особенности выдаются Ашикъ Пери и Ахундовъ.

Въ Карабахѣ, въ деревнѣ Маралианъ, на берегу Аракса, явилась въ 1829 году 16-ти лѣтняя татарская дѣвица, по имени Ашикъ Пери, замѣчательная не только красотою, но и прекраснымъ поэтическимъ дарованіемъ, въ особенности даромъ импровизаціи. Она вступала въ состязаніе со многими современными поэтами и оставалась всегда побѣдительницею. Въ числѣ ея соперниковъ находился и карабахскій армянинъ Мирза Джанъ Мадатовъ, игравшій важную роль при генералѣ Ермоловѣ и извѣстный не только какъ даровитый поэтъ, но и какъ страстный поклонникъ прекраснаго пола. Мадатовъ явился въ деревню Маралианъ въ Карабахѣ, гдѣ находилась Ашикъ Пери, и вызвалъ ее на состязаніе въ импровизаціи.

Эта импровизація Ашикъ Пери по настоящее время сохранялась въ памяти народной какъ единственное воспоминаніе поэтическаго таланта этой замѣчательной женщины (см. сборникъ А. П. Берже, стр. 126—128). Ашикъ Пери умерла въ 1833 году.

Послѣднимъ по времени — last not least, говоря съ англичанами — мы назовемъ Мирза-Фетъ-Али Ахундова, еще недавно состоявшаго здѣсь въ Тифлисѣ переводчикомъ при главномъ управленіи. Онъ, между прочимъ, написалъ нѣсколько комедій и это есть, по отзывамъ знатоковъ, первый и очень удачный опытъ на этомъ поприщѣ татарской словесности. Эти комедіи были переведены и на русскій языкъ и

нѣсколько разъ давались и на нашей сценѣ, напримѣръ: «Мостали Шахъ, знаменитый колдунъ».

Приведемъ здѣсь переводъ поэтического состязанія между Ашикъ Пери и Мирза Джаномъ, о которомъ выше было говорено. Ашикъ Пери обращается къ Мирза Джану какъ къ извѣстному поэту, чело-вѣку современности, и вызываетъ его говорить о разныхъ вопросахъ изъ метафизики и мусульманскаго богословія.

„О поэтъ, ты мушъ современный, говори съ майдана, выучивъ наизусть книгу жемчужную, говори отъ души“.

„Есть семь земель, семь небесъ, семь вопросовъ (вмучиваемыхъ) наизусть; семь мыслей, семь омовеній, семь жемчужинъ равно совершенныхъ“.

„Семь созвѣздій, семь планетъ, восемь раевъ безподобныхъ; семь молитвословій, семь Имамовъ, семь столбовъ знанія“.

Мирза Джанъ уклоняется отъ отвѣта. Онъ насмѣхается надъ идеализмомъ Ашикъ Пери и объявляетъ себя поклонникомъ женской красоты:

„Не вдавайся въ пустыя бредня, о роза Пери, говори лучше о другѣ. Мнѣ что за дѣло будущая жизнь, твое дѣло говорить что нибудь сердце плѣнительное“.

„О семи земляхъ, о семи небесахъ къ чему спрашивать? Я нашелъ одного руководителя и приобрѣлъ отъ него совершенство“.

„Я не стану грустить о раѣ, въ этомъ мірѣ ты дай мнѣ возможность (васлаждаться); о жестокомъ другѣ, обожающемъ любовника, говори“.

Ашикъ Пери продолжаетъ все парить въ сферахъ идеала. Теперь она старается выразить, въ довольно загадочныхъ выраженіяхъ, что вѣрованія: евреевъ, христіанъ и мусульманъ въ сущности сводятся къ одному и тому же, и что имя Іисуса и Маріи упоминается съ благоговѣніемъ и въ Евангеліи, и въ Библии, и въ Коранѣ:

„Однаго юрря святость и друга Господня (т. е. Авраама) в солнце подобнаго Ерусалимца (Іисуса?). Онъ измѣнилъ (строй) ума человеческого и окончательно схватилъ (т. е. основалъ) церковь“.

„Ежечасно упоминается наизусть (имя) Іисуса и Маріи, то въ Евангеліи, то въ Джемджимѣ (т. е. Ветломъ Завѣтѣ), то въ основаніи вѣры (т. е. коранѣ). Говори“.

Мирза Джанъ опять уклоняется отъ прямого отвѣта, причемъ все таки проглядываетъ его азіатское варварство и религіозная нетерпимость:

„Я нашелъ святость друга Господня, солнце подобнаго. На что это мнѣ? Я схватилъ вмѣстѣ съ четками поясъ (молитвенный евреевъ) и жезлъ. На что это мнѣ?“.

„Одна Пери дѣлаетъ безумнымъ отъ любви. На что мнѣ величіе Мойсея? Я не люблю ни Тору (т. е. Пятикнижіе), ни Псалтырь. Ты, ударяя въ струны, говори“.

Ашикъ Пери осуждаетъ эпикуреизмъ Мирза Джана и находитъ, что это свойственно однимъ язычникамъ. Она совѣтуетъ ему не увлекаться восхваленіемъ розоцвѣтнаго вина, объясняетъ ему, что такое, по ея мнѣнію, христіанство и требуетъ, чтобы онъ велъ бесѣду о душѣ:

„Ты найдешь на пути язычниковъ стремленіе къ наслажденію. Душа и рѣчь твоя да не восхваляютъ розоцвѣтнаго вина“.

„Обычай и заветъ людей¹⁾ кресту поклоняющихся зоветъ Іисусъ церковью. Веди бесѣду о душѣ“.

На требованіе вести бесѣду о душѣ Мирза Жанъ отвѣчаетъ, что въ его душѣ нѣтъ несбыточныхъ стремленій подниматься птицею въ выпрєннїя области, бросая тѣло какъ пустую клѣтку. Затѣмъ онъ опять заводитъ рѣчь о жестокосердіи Ашикъ Пери и о томъ, что она отвергаетъ его искательство:

„У меня душа не стремится къ неумѣстнымъ желаніямъ, птицею улетая изъ тѣла и подымаясь словно изъ пустой клѣтки“.

„Роза (т. е. Ашикъ Пери) меня обижаетъ, бросая мои стоны міру на вѣтеръ, и стараясь потопить меня ученаго. Объ этомъ глазѣ, проливающимъ кровавыя слезы, говори“.

Теперь Ашикъ Пери обращается къ самой себѣ. Она сознаетъ какъ опасно ея вліяніе на всякаго приближающагося къ ней, какъ она ввергаетъ его въ безумную любовь. Но ея задача гораздо выше. Она прошла уже Тарикать, т. е. Путь жизни, теперь ей слѣдуетъ проложить путь къ Урфану, тогда она будетъ говорить о жизненной водѣ, о древѣ безсмертія, о райскомъ садѣ Рисвана. Тарикать или Путь жизни это есть ученіе, основанное на предписаніяхъ Корана, а Урфанъ—это есть высшая ступень, которую достигаютъ мистики: тогда они наслаждаются созерцаніемъ Божества и всѣхъ чудесъ горняго міра:

„О Пери! твое сердце безумствовало, переходя изъ рукъ въ руки. Ты прошла путь жизни, Тарикать, теперь тебѣ слѣдуетъ провести дорогу къ Урфану“.

¹⁾ Здѣсь слѣдуетъ по арабски: гальвабали, т. е. слово въ слово: «говорящїе да!» Для уразуманія этого нужно знать, что по вѣрованіямъ мусульманъ, когда Богъ сотворилъ первыхъ людей, то онъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: «Знаете ли вы кто я?» Они же отвѣтили: Да!

„Въ морѣ—рыбы, на сводѣ небесъ Марсъ и Сатурнъ. Говори о жизненной водѣ, о вѣтвяхъ дерева безсмертія, о райскомъ садѣ Раявана“.

Тутъ Мирза Джанъ окончательно отказывается далѣе слѣдовать за пареніемъ Ашикъ Пери, и постыдно слагаетъ предъ ней оружіе, проклиная вѣроятно въ душѣ ту минуту, когда онъ вздумалъ вызвать на состязаніе этотъ синій чулокъ, котораго сердце не бьется никакимъ вѣжнымъ чувствомъ. Для насъ же, европейцевъ, мечтательно-идеальная Ашикъ Пери стоитъ неизмѣримо выше грубо чувственного Мирза Джана. Поистинѣ, закавказскія мусульманки могутъ гордиться такимъ явленіемъ, какъ Ашикъ Пери ¹⁾. Оно доказываетъ, что въ нихъ, не смотря на вѣшній гнетъ, на гаремную жизнь, все таки теплится божественная искра. О, если бы мы сумѣли придать этой искрѣ надлежащую пищу и развитіе, не отрывая мусульманскую женщину отъ ея вѣрованій, отъ ея среды, какой могущественный рычагъ мы получили бы для поднятія интеллектуальнаго и нравственнаго уровня нашихъ мусульманскихъ соотечественниковъ!

Николай Ив. Гулазь.

Августъ 1886 г.
Тифлисъ.

¹⁾ Ашикъ Пери не есть вовсе единичное явленіе между женщинами Закавказья. Я слыжалъ отъ здѣшнихъ мусульманъ, что въ настоящее время, въ Карабахѣ, находится вѣкая Фатма, не уступающая Ашикъ Пери въ дарѣ стихотворства.

Адольфъ Петровичъ Берже.

Страница изъ его посмертныхъ записокъ.

† 31 января 1886 г.

Я былъ еще очень молодъ, когда во мнѣ обнаружилась склонность къ путешествіямъ, и въ страны, по возможности, болѣе отдаленныя. Съ лѣтами склонность эта обратилась въ страсть и едва только я окончилъ свои расчеты съ университетомъ, какъ принялся за осуществленіе завѣтной своей мечты. Окончивъ курсъ по отдѣленію восточной словесности, меня въ особенности увлекалъ Востокъ. Въ этихъ видахъ, спустя нѣсколько дней послѣ послѣдняго экзамена, я обратился къ своему почетному опекуну, Сергію Степановичу Ланскому, исправлявшему тогда должность министра внутреннихъ дѣлъ, съ просьбою исходатайствовать мнѣ высочайшее разрѣшеніе на 6-ти-лѣтнее путешествіе по Египту, Аравіи, Персіи и Турціи, съ ежегоднымъ денежнымъ обезпеченіемъ. Ланской отнесся весьма сочувственно къ моей просьбѣ, обѣщавъ доложить ее государю императору, жившему тогда въ Петергофѣ, и даже назначилъ день для полученія отвѣта. Въ восторгѣ отъ приѣма вернулся я домой. Прошло нѣсколько дней въ какомъ-то лихорадочномъ ожиданіи, но вотъ наступилъ срокъ, и я, какъ теперь, помню равнее лѣтнее утро, когда я на лихачѣ мчался къ Выборгской заставѣ, гдѣ, на собственной дачѣ, жилъ Ланской.

Едва успѣлъ я войти въ приемную, какъ явился Сергіи Степановичъ и, улыбаясь, произнесъ:

— Государь совѣтуетъ вамъ ѣхать на Кавказъ.

— Ваше выс—во, отвѣчалъ я,—вѣдь я на Кавказъ не просился; къ тому же государь совѣтуетъ, а совѣтъ можно не принять; тутъ дѣло предоставляется собственной волѣ.

— Вы правы, но не совсѣмъ, совѣтъ государя равносильнъ повелѣнію.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ исполнить волю его величества.

— Непремѣнно, я еще вчера, прибавилъ онъ,—съ отъѣхавшимъ курьеромъ, писалъ о васъ кн. Воронцову. Разсчитываю на скорый отвѣтъ.

Такимъ образомъ, участь моя была рѣшена. Спустя недѣли три былъ полученъ отвѣтъ кн. Михаила Семеновича о причисленіи меня, сверхъ штата, къ его собственной канцеляріи, съ производствомъ мнѣ въ годъ 300 р. Проведя послѣ того мѣсяца три въ кругу родныхъ, я выѣхалъ изъ Петербурга 3-го декабря 1851 года. Въ Москвѣ я случайно нашелъ себѣ попутчика, нѣкоего Мирзу-Аббаса, ѣхавшаго въ Тегеранъ отъ персидскаго посланника Мирза-Мухаммед-Хусейна.

Мирза Аббасъ былъ лучшимъ для меня развлеченіемъ въ дорогѣ. Мы отправились изъ Бѣлокаменной обыкновеннымъ, прямымъ путемъ черезъ Тулу, Воронежъ и Новочеркасскъ на Ставрополь, гдѣ я сдѣлалъ визитъ начальнику Кавказской линіи, ген. Завадовскому. На другой день мы отправились далѣе. Мы ѣхали день и ночь. Мѣстами намъ встрѣчались костры около казачьихъ пикетовъ или на привалахъ отдѣльныхъ частей войскъ. Изъ Екатеринограда и другихъ станицъ до Владикавказа, кромѣ курьеровъ съ конвоемъ, никого послѣ 5-ти часовъ пополудни не выпускали. Далѣе же остановокъ уже не было. Наконецъ, переваливъ черезъ главный хребетъ, я, 31-го декабря, въ 5 часовъ пополудни, достигъ Тифлиса, гдѣ остановился въ гостинницѣ противъ дома намѣстника, когда-то принадлежавшей Франсуа Дюбеку, а въ то время женившемуся на его вдовѣ бессарабскому мѣщанину и отъявленному мошеннику Александру Бѣльцеву. Это была довольно скверная, но лучшая гостинница въ городѣ. Занявъ комнату и сложивъ въ ней свой небольшой багажъ, я прежде всего отправился въ сѣрныя минеральныя бани. Погода стояла сырая и грязь на немощенныхъ улицахъ была непролазная. Свѣтъ только что брезжилъ и среди невозмутимой тишины слышались одни крики погонщиковъ мулъ и ишаковъ, навьюченныхъ углями или сѣномъ. Извозчиковъ нигдѣ не было видно и мнѣ пришлось, утопая въ грязи, пропонттировать пѣшкомъ цѣлымъ двѣ версты. Но вотъ я достигъ бань, столь прославленныхъ Пушкинымъ въ его «Путешествіи въ Эрзерумъ». Испытавъ на себѣ всю ловкость тифлисскихъ терщиковъ, уже давно знакомыхъ съ современнымъ массажемъ хотя въ болѣе или менѣе грубой формѣ, я возвратился въ гостинницу, купивъ на дорогѣ въ какой-то лавкѣ съ тульскими товарами цилиндръ. Переодѣвшись, я отправился въ канцелярію намѣстника и тотчасъ же былъ представленъ кн. Воронцову. Маститый старецъ встрѣтилъ меня въ высшей степени благосклонно и, спустя нѣсколько минутъ, отпустилъ, сказавъ:

— О дѣлахъ поговоримъ послѣ, а сегодня прошу васъ встрѣтить у меня новый годъ.

Я былъ сильно утомленъ отъ дороги; бани еще болѣе меня разслабили и потому первую заботою мнѣ было отдохнуть. Приказавъ себя разбудить въ 8 часовъ вечера, я легъ и соснулъ тѣмъ непробуднымъ сномъ, который, полагаемъ, не безызвѣстенъ всякому дорожному человѣку. Въ 9 часовъ я былъ на балѣ. Весь верхній этажъ намѣстническаго дома былъ ярко освѣщенъ. Общество приглашенныхъ было столько же многочисленное, сколько и разнообразное. Элементы европейскій и азиатскій оказались перемѣшанными и трудно было сказать, который изъ нихъ преобладалъ. Костюмы и туалеты бросались въ глаза своею роскошью и изяществомъ. Между многими военными я обратилъ особенное вниманіе на кн. В. О. Бебутова, П. Е. Коцебу и нѣкоторыхъ другихъ, а также на незадолго передъ тѣмъ передавагося намъ Хаджи-Мурата, извѣстнаго наиба Шамиля. Въ 10 часовъ въ залу вошли свѣтлѣйшіе князь и княгиня Воронцовы, которой я тутъ же былъ представленъ. Вслѣдъ за появленіемъ хозяевъ, раздались звуки прекрасно составленнаго театральнаго оркестра и начались танцы. Послѣ польскаго, вальса и кадрили, европейскую музыку смѣнила туземная, и я впервые имѣлъ случай познакомиться съ лезгинкою—этимъ извѣстнымъ національнымъ танцемъ, произведшимъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Въ полночь былъ сервированъ роскошный ужинъ, за которымъ весело встрѣтили новый годъ. Затѣмъ снова и еще болѣе оживленно продолжались танцы. Въ 3 часа пополудни я возвратился домой и бросился въ объятія Морфея.

Я проснулся далеко за полдень. Первою моею мыслью было позаботиться о присканіи квартиры, такъ какъ при имѣвшихся у меня 60-ти рублѣхъ дальнѣйшее пребываніе въ гостинницѣ было бы крайне нерасчетливо. Но гдѣ найти квартиру, а особенно такую, кото...

Примѣчаніе. На этомъ словѣ обрываются записки незабвеннаго друга и сотрудника нашего Адольфа Петровича Берже, начатыя 20-го января 1886 г.; 31-го января того же года онъ скончался къ величайшему горю всѣхъ его многочисленныхъ почитателей, и какъ ученаго, и какъ писателя. См. очеркъ жизни и трудовъ Ад. П. Берже въ „Русской Старинѣ“ изданія 1886 г. т. XLIX, мартъ, стр. 727—744; его портретъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г., т. LI, сентябрь.

Ред.

Эрнестъ Карловичъ Ватсонъ.

Двадцатипятилѣтіе его литературной дѣятельности

1862--1887 гг.

Въ маѣ 1887 года многіе петербургскіе литераторы обратились къ Э. К. Ватсону съ слѣдующимъ коллективнымъ письмомъ:

„Глубокоуважаемый Эрнестъ Карловичъ! Двадцать пять лѣтъ тому назадъ выступили вы на литературное поприще и съ тѣхъ поръ неизмѣнно оставались на немъ однимъ изъ самыхъ почтенныхъ дѣятелей. Честность и непоколебимость вашихъ убѣжденій, твердо выдерживавшія напоръ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, талантливое и въ высшей степени добросовѣстное примѣненіе къ дѣлу вашихъ многостороннихъ знаній и способностей, неусынное охраненіе вами — всюду, гдѣ представлялись для васъ къ тому возможность и случай — лучшихъ литературныхъ традицій, — все это приобрѣло вамъ искреннѣйшее уваженіе всѣхъ тѣхъ, для которыхъ, какъ для васъ, дорого дѣло литературы въ истинномъ значеніи этого слова. Они же привыкли высоко цѣнить и любить въ васъ пріамого, искреннаго, теплою челоуѣка, который и въ житейскомъ отношеніи ни гдѣ и никогда не поступался своими благородными мыслями и чувствами.

„Примите же сегодня, въ двадцатипятилѣтнюю годовщину вашей прекрасной дѣятельности, нашъ сердечный, искренній привѣтъ, заключающій въ себѣ и благодарность за все, сдѣланное вами, и желаніе, чтобъ долго еще физическія силы позволяли вамъ сохранять силы духовныя въ той ненарушимости, которою онѣ отличались до сихъ поръ, и служить ими обществу съ прежнею энергіею, прежнимъ умѣньемъ и прежнею пользою“.

Намъ кажется не бесполезнымъ дополнить это письмо нѣкоторыми фактическими указаніями. Дѣятельность г. Ватсона хотя и проходила на глазахъ всѣхъ, но не была настолько освѣщена, чтобы общественное мнѣніе могло вполне сознательно присоединиться къ тѣмъ привѣтствіямъ, которыя выражены въ означенномъ письмѣ, вышедшемъ изъ чисто литературной среды.

I.

Э. К. Ватсонъ воспитывался въ одной изъ московскихъ гимназій и блестяще окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по филологическому факультету. Это было въ самомъ началѣ 1860 - хъ годовъ. Само собою разумѣется, что идеальныя стороны этой свѣтлой эпохи привлекли и охватили всю душу молодого человѣка, какъ и всю живую и мыслящую часть тогдашняго русскаго общества. Обновлявшаяся жизнь, вызвавшая усиленную работу мысли, заставила литературу и искусство выйти изъ области туманныхъ высотъ и мечтаній или изъ застоявшагося отчужденія отъ сколько нибудь реальныхъ интересовъ. Потребовалось примѣненіе къ дѣлу тѣхъ идеаловъ, которые таились и долго назрѣвали въ умахъ, но которые очень мирно уживались съ самою неприглядною дѣйствительностью. Эта раздвоенность, какъ извѣстно, имѣла для многихъ даже особую привлекательность. Она увеличивала число приверженцевъ гуманныхъ идей и вербовала въ лагерь «людей сороковыхъ годовъ», именно потому, что подобныя сочувствія обходились довольно дешево. Дѣйствительное осуществленіе тогдашнихъ идеаловъ представлялось почти невозможнымъ и, во всякомъ случаѣ, очень отдаленнымъ. Легко было найти сторонниковъ освобожденія крестьянъ, если въ то-же время носители высокой идеи могли преспокойно пользоваться плодами крѣпостнаго труда, ссылаясь на сложность и неразрѣшимость этой задачи или на бесполезность и даже вредъ единичныхъ и личныхъ усилій къ ея разрѣшенію. Но шестидесятые годы потребовали перехода отъ словъ и пышныхъ фразъ къ дѣлу. Для cadaго настала провѣрка дѣйствительной силы носимыхъ имъ убѣжденій. Ряды «людей сороковыхъ годовъ» разомъ порѣдѣли. Правительству пришлось почти искусственно группировать искреннихъ приверженцевъ преобразованій. Самъ покойный Государь, какъ теперь вполне выяснено, не разъ сѣтовалъ на свое одиночество въ предпринятомъ имъ великомъ подвигѣ на пользу русскаго народа и всего человѣчества. Твердая воля сдумѣла, конечно, побѣдить открытое противодѣйствіе преобразованіямъ и на время обуздать скрытое неудовольствіе. Ясная программа всегда создаетъ сторонниковъ. Но число ихъ стало наполняться и такими людьми, которые примкнули къ дѣлу или подъ давленіемъ чисто личныхъ интересовъ, или съ затаенною надеждою, если не помѣшать созданію новыхъ условій жизни, то какъ можно болѣе съузить ихъ практическое значеніе. За тѣми видными исключениями, за тѣми государствен-

ными людьми и общественными дѣятелями, имена которыхъ навсегда сохранятся въ лѣтописяхъ русской исторіи и въ благодарной памяти народа, правительство могло опереться только на силы образованной части молодежи, той ея части, которая хотя и родилась и воспиталась при крѣпостномъ правѣ, но не успѣла еще сжиться и пропитаться вредными сторонами крѣпостнаго быта. Среди этой молодежи преобразовательная дѣятельность не только нашла полное сочувствіе и искреннихъ приверженцевъ, но правительству приходилось зачастую даже сдерживать слишкомъ горячее рвеніе или черезчуръ далеко заносившіяся мечтанія. Тутъ-то открылся источникъ тѣхъ горестныхъ недоразумѣній, которыя одно время сблизили самыя крайнія отношенія къ преобразовательной дѣятельности прошлаго царствованія, загромоздивъ дорогу правильному теченію жизни. Въ то время, какъ одни требовали слишкомъ многого и заносились далеко впередъ, — далѣе всего того добра, которое подтверждалось чужимъ опытомъ и оправдывалось современнымъ знаніемъ, — другіе не хотѣли ничѣмъ поступиться изъ стараго и тянули назадъ. Въ обоихъ случаяхъ получалось отрицательное отношеніе къ тому добру, которое было въ нашихъ рукахъ. Оно не нереглось, отрицалось и растрачивалось. Самая неблагоприятная задача выпала на долю именно тѣхъ, кто старался охранить и удержать это добро и открыть дорогу дальнѣйшему спокойному и правильному его развитію.

Въ 1860-хъ годахъ образованнымъ людямъ можно было проявить свое содѣйствіе дѣлу обновленія Россіи или на государственной службѣ, или въ журналистикѣ, которая породила тогда еще новую въ нашей жизни силу политической печати. Многие молодые люди выполнили свое призваніе двумя этими путями; но въ то уже время явилась возможность и специализаціи. Если каждый сколько-нибудь талантливый молодой человекъ, находясь на службѣ, не могъ не принимать болѣе или менѣе дѣятельнаго участія въ журналистикѣ, благодаря устанавливавшейся тѣсной связи между государственными и общественными интересами, — то возникли и такія условія, которыя давали приложеніе и исключительно публицистическому труду. Э. К. Ватсонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые почти прямо изъ университета вошли въ ряды публицистики и посвятили себя ей исключительно. Первые труды г. Ватсона появились въ наиболѣе уважаемыхъ въ то время періодическихъ изданіяхъ. Нечего указывать, что эти изданія принадлежали къ либеральному направленію, такъ какъ въ то время вся русская журналистика, съ «Русскимъ Вѣстникомъ» Каткова во главѣ, проявляла самое горячее сочувствіе ко всѣмъ преобразованіямъ. Какъ извѣстно, только во второй поло-

винѣ 1860-хъ годовъ сдѣлалось возможнымъ появленіе реакціоннаго органа въ нашей печати, въ лицѣ «Вѣсти», но эта газета не могла долго существовать, уступивъ свое мѣсто болѣе или менѣе неудачнымъ подражателямъ, въ родѣ «Русскаго Міра». Даже извѣстное дѣленіе нашей умственной жизни на «западническое» и «славянофильское» направленія почти совершенно сгладилось въ то время по отношенію къ главнѣйшимъ вопросамъ тогдашней внутренней жизни.

Солидное образованіе, полученное г. Ватсономъ, а быть можетъ и особенности темперамента, не дозволили ему впасть въ тѣ крайности, которыя увлекли иныхъ молодыхъ людей и нѣкоторыхъ талантливыхъ писателей той эпохи. Мы не встрѣчаемъ г. Ватсона на сторонѣ тѣхъ явленій, которыя окрещены были именемъ «нигилизма». Онъ не отрицалъ всего прошлаго только потому, что оно не было новое. Грубый и узкій матеріализмъ не привлекъ его и не заставилъ позабыть высокое значеніе искусства, поэзій, научныхъ изысканій. Не былъ г. Ватсонъ и на сторонѣ того «радикализма», который хотя и отрѣшился отъ грубаго матеріализма, но не хотѣлъ признавать «эволюціонной теоріи», воображая, что человѣчество можно передѣлывать и переустраивать по произволу, и чѣмъ разрушительнѣе относиться къ прошлому и настоящему, тѣмъ, будто бы, скорѣе и вѣрнѣе наступитъ золотой вѣкъ общаго счастья и правды.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ г. Ватсона можно было, по тогдашнему, включить въ число «отсталыхъ» или въ пренебрегаемые ряды «постепеновцевъ». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Ватсонъ не былъ и въ числѣ тѣхъ «передовыхъ», которые балагурствовали въ угоду моднымъ вѣяніямъ только потому, что это было выгодно, что легкомысленная болтовня на либеральныхъ темы встрѣчала болѣе благодарный приѣмъ и лавры, нежели отстаиваніе старыхъ устоевъ жизни. Словомъ, г. Ватсонъ принадлежалъ къ самымъ серьезнымъ и искреннимъ сторонникамъ широкаго, полнаго безостановочнаго обновленія нашей жизни, при помощи легальныхъ средствъ, подготовляемыхъ свободною борьбою мнѣній, торжествомъ идей, а не насилій. Онъ находился на сторонѣ того средняго или равноденственнаго теченія жизни, о которомъ упомянуто выше и которое, къ сожалѣнію, встрѣтило потомъ такихъ невозддержанныхъ противниковъ въ двухъ совершенно крайнихъ и враждебныхъ направленіяхъ, но вполне сошедшихся на отрицательныхъ отношеніяхъ къ преобразовательной дѣятельности шестидесятыхъ годовъ и къ ея дальнѣйшему законному развитію.

При такомъ освѣщеніи становятся вполне понятными тѣ факты, которые опредѣляютъ литературно - публицистическую дѣятельность Э. К. Ватсона и которые послужили источникомъ для сочувственнаго

къ ней отношенія со стороны многихъ представителей литературы и журналистики. Г. Ватсонъ принималъ самое видное и дѣятельное участіе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», когда эта газета находилась въ рукахъ покойнаго В. Ѡ. Корша. Главною рабочею силою этой газеты былъ Э. К. Ватсонъ, завѣдывавшій иностраннымъ отдѣломъ и раздѣлявшій редакціонные труды В. Ѡ. Корша, въ особенности во время его отлучекъ за границу.

Когда «С.-Петербургскія Вѣдомости» (съ 1875 года) перешли въ другія руки, г. Ватсонъ долженъ былъ искать новаго примѣненія своимъ трудамъ. Онъ примкнулъ къ редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей», поступившихъ въ то время въ руки В. А. Полетики и переименованныхъ потомъ въ «Молву». Здѣсь г. Ватсонъ занялъ то-же мѣсто, которое имѣлъ и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Лучшимъ цѣнителемъ этой дѣятельности является В. А. Полетика, который не разъ свидѣтельствовалъ въ ея пользу и навсегда сохранилъ такіа-же дружескія связи съ г. Ватсономъ, какія соединяли съ нимъ до самой смерти и В. Ѡ. Корша¹⁾.

Въ концѣ 1870-хъ годовъ непрерывная и многолѣтняя журнальная работа настолько подорвала здоровье г. Ватсона, что врачи предписали ему безусловный отдыхъ отъ умственныхъ занятій и продолжительное пребываніе за границей. Вернувшись, въ 1880 году, въ Петербургъ, Э. К. Ватсонъ не засталъ уже «Молвы». Съ тѣхъ поръ, число періодическихъ изданій въ Петербургѣ все болѣе и болѣе сокращалось. Литературные труженики стали чувствовать тѣсноту отъ недостатка свободнаго мѣста. Въ послѣдніе годы г. Ватсонъ принималъ только отрывочное и случайное участіе въ нѣкоторыхъ изданіяхъ и занимался переводами. Такъ, онъ сдѣлалъ переводъ прозаическихъ произведеній Виктора Гюго, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ (Вольфа).

Мы увѣрены, что Э. К. Ватсонъ, получивъ пріятственное письмо

¹⁾ Коршъ скончался 26-го іюня 1883 г. въ Гейдельбергѣ, погребенъ въ іюлѣ въ Новодевичьемъ монастырѣ въ С.-Петербургѣ. Помѣщаемъ здѣсь его автобіографическую, собственноручную замѣтку изъ II-го тома альбома редакціи «Русской Старины», «Знакомые» (стр. 123): «Коршъ, Валентинъ Ѡеодоровичъ, род. 23 ноября 1828 года, окончилъ курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ въ 1830 году, съ 1856 г. редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», издававшихся тогда отъ университета, съ 1863 года редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», которыя были у него (взяты) въ концѣ 1874 года... съ мая 1877 года негласный редакторъ «Сѣвернаго Вѣстника», запрещеннаго послѣ одиннадцатимѣсячнаго существованія, а съ октября 1881 года редакторъ «Заграничнаго Вѣстника».—17-го января 1882 г.»

отъ своихъ литературныхъ и журнальныхъ друзей, приобрѣлъ высокое нравственное удовлетвореніе и не пожалѣлъ о пережитыхъ имъ невзгодахъ. Въ теченіи всей своей литературной дѣятельности онъ шелъ по той дорогѣ, которая зачастую ведетъ къ нуждѣ, но можетъ вызвать и болѣе или менѣе горячее привѣтствіе, которое на рубли оцѣнить невозможно.

Г. Е. Градовскій.

II.

Восполняемъ статью талантливаго публициста нашего Г. К. Градовскаго фактическимъ обзоромъ труженнической жизни нашего собрата по журналистикѣ. Приводимъ его автобіографическій листокъ изъ III-го тома нашего альбома: „Знакомые“. Ред.

Эрнестъ Карловичъ Ватсонъ родился 1-го января 1839-го года въ городѣ Волоколамскѣ, Московской губерніи, гдѣ отецъ его служилъ лѣсаремъ. Дѣтство свое провелъ при родителяхъ въ Московской, Смоленской и Курской губерніяхъ. Въ 1848-мъ году былъ привезенъ родителями въ Москву и отданъ во 2-ю московскую гимназію (въ 1850-хъ годахъ единственную классическую, съ обонимъ древними языками, гимназію во всемъ московскомъ учебномъ округѣ). Въ 1856-мъ году окончилъ въ ней курсъ, съ золотою медалью, съ правомъ на чинъ 14-го класса и съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена. Въ томъ-же году поступилъ въ московскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ, по которому и окончилъ курсъ въ юнѣ 1860-го года, со степенью кандидата. Въ августѣ того-же года, по рекомендаціи тогдашняго декана факультета, Серг. Мих. Соловьева, былъ приглашенъ учителемъ исторіи, всеобщей и русской, въ старшіе классы 1-го московскаго кадетскаго корпуса, гдѣ и оставался по 13-ое марта 1862-го г., когда оставилъ должность учителя и исключительно посвятилъ себя литературѣ и публицистикѣ.

Еще съ осени 1861-го года онъ началъ принимать участіе въ издававшихся въ то время Вал. Фед. Коршемъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, помѣщая въ нихъ разныя компилятивныя статьи, а дѣтѣмъ 1862-го года напечаталъ въ нихъ же статью о дѣятельности новаго въ то время института мировыхъ посредниковъ въ Смоленской губерніи. Весною 1862-го года прїѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ, познакомился съ редакціей „Современника“ и, по ея предложенію, написалъ для этого журнала статью „О прусской конституціи“. („Современникъ“ за 1862 г., кн. V). Въ октябрѣ 1862-го года онъ съ семьѣю переселился въ Петербургъ и сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ, по политическому отдѣлу, издававшейся въ то время Ник. Григ. Писаревскимъ газеты „Современное Слово“. Въ то же время онъ, по приглашенію г. Писаревскаго, взялъ на себя составленіе III тома, издававшагося редакціей „Современнаго Слова“, „Обзора европейскихъ конституцій“. Въ этотъ третій

томъ вошли исторія и обзоръ конституцій: бельгійской, голландской и пиемонтской. (Первый томъ этого „Обзора“ составленъ былъ покойнымъ А. В. Лохвицкимъ, а второй—докторомъ В. Ханнинимъ).

При возобновленіи въ январѣ 1863 го года, послѣ семи-мѣсячной пріостановки, изданія журнала „Современникъ“, Н. А. Некрасовъ и А. Н. Пыпинъ обратились къ Ватсону съ предложеніемъ взять на себя веденіе ежемѣсячнаго политическаго отдѣла въ „Современникъ“,—по рекомендаціи сотрудника, прежде завѣдывавшаго этимъ отдѣломъ въ журналѣ,—и затѣмъ въ 41 книгѣ „Современника“ (съ января 1863-го г. по май 1866-го года) политическій отдѣлъ въ этомъ журналѣ принадлежалъ перу Ватсона. Кромѣ того, за это время имъ помѣщенъ въ „Современникъ“ еще цѣлый рядъ отдѣльныхъ статей, а именно: „Шульце-Деличъ и Лассаль“, „Манчестерская школа въ Англіи и англійскіе рабочіе союзы“, „Что такое реликіе люди въ исторіи?“ (по поводу сочиненія Наполеона III: „Исторія Юліа Цезаря“), „Авгаамъ Линкольнъ“ (по случаю трагической смерти Линкольна въ апрѣлѣ 1865-го года) и, наконецъ, довольно обширную статью, печатавшуюся въ нѣсколькихъ книжкахъ „Современника“—„Огюсть Контъ и позитивная философія“. Въ мартѣ 1866-го года, когда М. М. Стасюлевичъ возобновилъ изданіе „Вѣстника Европы“ (въ первые годы книжки выходили по четыре раза въ годъ), онъ также предложилъ Ватсону веденіе политическаго отдѣла въ своемъ журналѣ, что и продолжалось до осени 1867-го года.

Въ май 1866-го года, по прекращеніи изданія журнала „Современникъ“, Вал. Фед. Коршъ (въ газетѣ котораго, какъ сказано выше, Ватсонъ въ 1861-мъ году, въ Москвѣ, впервые выступилъ на журнальное поприще), предложилъ ему заступать въ издававшихся имъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ мѣсто вышедшаго изъ Петербурга Ник. Вик. Альбертини и перешедшаго въ адвокатуру К. К. Арсеньева—по веденію политическаго отдѣла газеты. Года полтора Ватсонъ соединялъ работу въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ съ вышеупомянутой работой для „Вѣстника Европы“, но съ осени 1867-го года онъ весь отдался „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“. Уже съ 1868-го года онъ, сохраняя за собою политическій отдѣлъ газеты, сталъ помогать В. Ф. Коршу по редакціонной работѣ вообще; а въ 1869-мъ году онъ официально былъ утвержденъ со-редакторомъ В. Ф. Корша по изданію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, и съ этихъ поръ до 31-го декабря 1874-го года посвятилъ себя всецѣло этой газетѣ, очень часто замѣняя собою нуждавшагося на продолжительномъ отдыхѣ и потому неоднократно уѣзжавшаго на долгое время изъ Петербурга Вал. Фед. Корша. Многія передовыя статьи по иностранной политикѣ и рядъ статей о необходимости введенія налога на капиталъ, появившихся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ этой эпохи, принадлежали его перу.

Ватсонъ издалъ монографію: „Эпизодъ франко-прусской войны. Очеркъ исторіи парижской коммуны“.

Въ май же мѣсяцѣ 1875-го года тогдашній издатель газеты „Биржевыя Вѣдомости“ (переименованной впоследствии въ „Молву“) Вас. Апол. Полетика пригласилъ Ватсона къ сотрудничеству въ своей газетѣ. Принявъ на себя и здѣсь, какъ и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, завѣдываніе политическимъ отдѣломъ и писаніе передовыхъ статей по иностранной политикѣ, Ватсонъ принималъ въ качествѣ помощника г. Полетика дѣятельное участіе въ редактированіи газеты вообще. Кромѣ того, когда въ 1877—1878

годахъ В. Θ. Коршъ снова выступилъ на журнальное поприще съ газетою „Сѣверный Вѣстникъ“, Ватсонъ, не прекращая занятій своихъ въ „Молвѣ“, опять явился содружникомъ В. Θ. и по этой новой его газетѣ. Занятія по двумъ газетамъ не помѣшали ему согласиться на предложеніе генерала М. Н. Авиенкова — принять участіе, въ качествѣ сотрудника, въ трудахъ высочайше учрежденной, подъ предсѣдательствомъ гр. Э. Т. Баранова, комиссіи по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи.

Съ прекращеніемъ весною 1879-го года газеты „Сѣверный Вѣстникъ“, а весною 1881-го года изданія газеты „Молва“, прекращается почти и журнальная дѣятельность Ватсона. Нѣсколько мѣсяцевъ составленія „Земскихъ Обозрѣній“ для „Голоса“, нѣсколько фельетоновъ по иностранной общественной жизни въ „Русскія Вѣдомости“, нѣсколько десятковъ „Политическихъ Хроникъ“ въ „Недѣлю“, кратковременное сотрудничество въ недолговѣчномъ „Заграничномъ Вѣстникѣ“ В. Θ. Корша (прекратившемся со смертію В. Θ.), въ „Новостяхъ“ и въ „Изящной Литературѣ“ П. И. Вейнберга — вотъ и весь журнальный балансъ Ватсона за послѣднія шесть лѣтъ.

Въ 1883-мъ году Ватсонъ, по приглашенію покойнаго М. О. Вольфа, принялъ на себя переводъ для предпринимаемаго Вольфомъ полнаго изданія сочиненій Виктора Гюго въ русское переводѣ, переводъ всѣхъ романовъ В. Гюго (за исключеніемъ „Les Misérables“), первый томъ которыхъ и вышелъ въ свѣтъ осенью 1886-го года, содержа въ себѣ исключительно переводъ Ватсона. Многіе труды Ватсона, оригинальные, компилятивные и переводные, напечатаны также въ издававшейся А. Е. Ландау „Еврейской Библиотекѣ“ и въ издаваемомъ имъ и поминѣ журналѣ „Восходъ“.

О САНЯХЪ, УПОТРЕБЛЯВШИХСЯ ПРИ ПОГРЕВЕНІИ

русскихъ великихъ князей, царей и цариць.

Въ засѣданіе св. синода, 28 января 1725 года, прибылъ полковникъ, онъ же и синодальный оберъ-прокуроръ, г. Болтинъ, и предложилъ записать въ журналъ, что вице-президентъ св. синода преосвященный Ѳеофанъ, архіепископъ Псковскій и Нарвскій, объявилъ ему словесно постановленіе общаго собранія св. синода и высокоправ. сената о томъ, чтобъ немедленно былъ посланъ съ нарочно-посылаемымъ отъ сената полполковникомъ Зыбинымъ указъ, къ оставшимся въ Москвѣ членамъ св. синода, о присылкѣ въ С.-Петербургъ двухъ украшенныхъ крестовъ, одного изъ Успенскаго собора, а другаго изъ церкви Успенія Пресв. Богородицы, что на Покровкѣ, называемаго Сверчковской. И тотъ, и другой назначались для учреждаемой въ С.-Петербургѣ церемоніи погребенія усопшаго императора Петра Великаго.

По предложенію этому св. синодъ приказалъ выслать изъ Москвы немедленно два хрустальные запрестольные креста, находящіеся въ большомъ Успенскомъ соборѣ, а вмѣстѣ съ ними приказалъ выслать и письменное, о церемоніальномъ преждепреставльшихся государей Россійскихъ погребеніи, извѣстіе.

Состоявшійся по сему указъ подполковникъ Зыбинъ доставилъ въ Москву 5 февраля, въ 2 часа пополудни, и находящіеся тамъ члены св. синода: Леонидъ, архіепископъ Сарской и Подонской, и Герофей, архимандритъ Новоспасской, немедленно приказали внести кресты изъ Успенскаго собора въ Синодальную крестовую палату, что и было исполнено протопопомъ Ѳедоромъ Панкратьевымъ и ключаремъ Родіономъ Евсеевымъ. По осмотрѣ и подробной описи крестовъ, они были вложены въ нарочно-сочиненные ковчеги, и, по запечатаніи синодальною печатью, вручены нарочно-посылаемому отъ конторы прав. сената

въ С.-Петербургѣ капитану Семеновскаго полка г. Родію, вмѣстѣ съ выписями изъ записныхъ книгъ о погребеніи царей: Алексѣя Михайловича, Θεодора и Іоанна Алексѣевичей.

По доставленіи крестовъ въ С.-Петербургѣ, они были препровождены отъ св. синода, 15 февраля, къ распоряжавшемуся устройствомъ церемоніи генераль-фельдцейхмейстеру графу Брюсу; полученными же при этомъ выписями, о погребеніи въ Москвѣ царей, св. синодъ намѣревался воспользоваться какъ указаніемъ и пособіемъ на порядокъ при погребеніи въ С.-Петербургѣ скончавшагося императора. Но такъ какъ вслѣдъ сему былъ присланъ въ св. синодъ отъ графа Брюса проектъ устраиваемой по сему церемоніи съ участіемъ въ ней: конныхъ и пѣшихъ фурировъ, лошадей въ печальныхъ и цвѣтныхъ уборахъ, рыцарей въ черныхъ и золотыхъ латахъ, маршалковъ, церемоніймейстеровъ, гофмейстеровъ, герольдмейстеровъ, литавръ, штандартовъ и прочихъ заморскихъ и зарубежныхъ новшествъ, до того несходныхъ съ старыми православно-русскими обычаями, значущимися въ выписяхъ, что эти послѣднія ни къ чему послужить не могли.

Выписи эти, въ настоящее время, находятся въ архивѣ св. синода, при дѣлѣ о погребеніи Петра Великаго, и ни одна изъ нихъ не была напечатана. А такъ какъ въ печати нашей находится очень немного описаній погребенія царей, и притомъ описанія эти, во 1-хъ, очень кратки, а во 2-хъ, помѣщены въ такихъ изданіяхъ, какъ на примѣръ: Древняя Россійская Вивлюэика, второе изданіе которой вышло въ 1789 году, или Выходы государей и Дворцовые разряды, которые мало доступны большинству читателей, то не безызлишне помѣстить хоть одну изъ упоминаемыхъ выписей на страницахъ «Русской Старины».

Избирая для сего выпись о погребеніи царя Θεодора Алексѣевича, какъ заключающую въ себѣ болѣе подробностей, приводимъ содержаніе ея въ точномъ спискѣ:

«Въ 190 (1682) году апрѣля въ 27 день, въ четвертокъ, во 12-мъ часу дня, въ послѣдней четверти, приходили отъ великаго государя царя и великаго князя Θεодора Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, къ святѣйшему патріарху, въ Крестовую палату, Ларіонъ митрополитъ Суздальской, да укладничей Иванъ Петровичъ Чаплыгинъ. И святѣйшій патріархъ, пришедъ въ соборную церковь и облачась во святительскую одежду, ходилъ съ ризою Господнею къ великому государю въ верхъ, ризъ-положенскою лѣстницею; а отъ великаго государя ризу Господню принесъ въ соборную церковь Варсоноей, митрополитъ Сарской и Подонской, тое жъ лѣстницею.

«И въ 13-мъ часѣ дня, въ первой четверти, великій государь царь и великій князь Θεодоръ Алексѣевичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя

Россіи самодержецъ, оставя земное царство, преселися въ вѣчный покой,—и бысть благовѣсть въ большой колоколь.

«И того жъ часа въ верху, въ комнатѣ и въ передней, при святѣйшемъ патріархѣ и при властехъ: бояря, и окольничіе, и думные, и ближніе люди, стольники, и стряпчіе, и дворяне, и дьяки и жильцы,—а въ соборной церкви—всякихъ чиновъ люди цѣловали животворящій крестъ великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу; а въ то время въ соборной церкви были: митрополиты Іона Ростовской, Филаретъ Нижегородской, Иларіонъ Суздальской, да бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, думной дворянинъ Богданъ Ѳеодоровичъ Полининъ, думной дьякъ Григорій Богдановъ.

«Апрѣля въ 28-й день въ пятокъ, въ 3-мъ часу дня, въ 1-й четверти, былъ благовѣсть въ большой колоколь изрѣдка къ выносу блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Ѳеодора Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, тѣла его государского. По благовѣсту святѣйшій патріархъ ходилъ въ верхъ къ великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, ризъ-положенскою лѣстницею, и власти собирались въ Крестовую полату; и отъ великого государя святѣйшій патріархъ сошелъ въ 4-мъ часу дня въ 1-й четверти, тою лѣстницею. А въ 3-й четверти 4-го часа, святѣйшій патріархъ со властью изъ Крестовой шелъ въ соборную церковь большую. И облачась во архіерейскія одежды изъ соборной церкви святѣйшій патріархъ и митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты и игумены, протопопы, ключари, и соборные и приходскіе священники и дѣконы, и весь освященный соборъ, во облаченіяхъ со крестами и со иконами, шли въ верхъ, для выносу государского тѣла среднею лѣстницею Красного крыльца. И въ то время былъ звонъ перемѣнясь во все колокола изрѣдка, а народомъ раздавали свѣщи. А съ верху святѣйшій патріархъ со всемъ освященнымъ соборомъ, со крестами и со иконами, шли въ соборъ Архангела Михаила въ 5-мъ часу дня, въ послѣдней четверти; а за крестами несли государское тѣло стольники и стряпчіе, подъ аксамитомъ, и шли бояре, и окольничіе, и думные, и ближніе люди въ черномъ платьѣ; и за государскимъ гробомъ несли благовѣрную государыню царицу и великую княгиню Марюу Матѣевну на черномъ сукнѣ; а за царицею шелъ великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, въ смирномъ платьѣ, и за великимъ государемъ шла мать его государева благовѣрная государыня царица и великая княгиня Наталя Кириловна. А съ Красного крыльца государской гробъ

и благовѣрную государыню царицу и великую княгиню Марю Матвѣевну несли въ соборъ Архангела Михаила въ саняхъ столыники и стряпчѣе. И великій государь проводилъ государской гробъ въ соборъ Архангела Михаила и, простясь у государского гроба, пошелъ въ свои государскія хоромы благовѣщенскою лѣстницею; а святѣйшій патріархъ его великого государя провожалъ въ верхъ во архіерейской одеждѣ. И проводя его великаго государя, пришедъ святѣйшій патріархъ въ соборъ Архангела Михаила, служилъ со властью божественную литургію; и послѣ литургіи было дѣйство погребенія государского тѣла по чину; а у литургіи и у погребенія была благовѣрная государыня царица и великая княгиня Марья Матвѣевна ¹⁾ и бояра, и окольнічѣе, и думные, и ближніе и всякихъ чиновъ люди. А какъ государской гробъ опушали въ гробницу и въ то время былъ звонъ противъ прежняго. И послѣ погребенія святѣйшій патріархъ со всеѣмъ освященнымъ соборомъ, со крестами и со иконами, шли въ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, и бысть звонъ по тому жъ. И пришедъ святѣйшій патріархъ въ соборную церковь и подавъ всеѣмъ благословеніе, и со властью пошелъ въ Крестовую полату. И по Крестовой былъ столъ, и святѣйшій патріархъ кушалъ въ Крестовой же. А столовое кушанье и питье было государское. Кормилъ святѣйшаго патріарха и властей бояринъ и дворецкой князь Василій Ѳеодоровичъ Одоевской. И послѣ стола была литія за упокой блаженныхъ памяти по великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцѣ.

«А послѣ литіи была заздравная чаша о многолѣтномъ здравіи великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца».

Какъ изъ упоминаемыхъ выписей, такъ и изъ описаній, помѣщенныхъ въ вышеозначенныхъ изданіяхъ, видно, что при погребеніи особенная обрядность заключалась въ саняхъ, на которыхъ относились тѣла усопшихъ царей и царицъ. Это послѣднее видно изъ описанія погребенія Агафьи Симеоновны, сужруги царя Ѳеодора Алексѣевича, скончавшейся 14 іюля 1681 года ²⁾. Но соблюдалось ли это при погребеніи царевичей и царевенъ, утвердительно сказать нельзя, такъ какъ единичное указаніе, что тѣло царевны Татіаны Михайловны «несли на одрѣ, а не на саняхъ» ³⁾ не говоритъ положительно ни за, ни противъ.

¹⁾ На выносѣ и при погребеніи присутствовала и царевна Софья Алексѣевна. См. Древняя Росс. Вивліоекка, ч. XI, стр. 212.

²⁾ Дочь Симеона Федоровича Грушецкого. Повѣнчана съ царемъ 18 іюля 1680 года. О погребеніи ея см. Древнюю Росс. Вивліоекку, ч. XI, стр. 208.

³⁾ См. тамъ же, стр. 215.

Впрочемъ, почетъ для саней былъ еще и въ томъ, что овдовѣвшихъ царицъ относили на нихъ какъ въ церковь при погребеніи царя, такъ и изъ церкви послѣ погребенія. Первое видно изъ приведенной выше сего выписи, а послѣднее изъ выписи о погребеніи царя Алексѣя Михайловича, гдѣ значится: «Государыню царицу и великую княгиню Наталію Кириловну несли изъ церкви въ верхъ въ саняхъ, рундукомъ, на среднюю лѣстницу».

Замѣчательно, что царь Петръ Алексѣевичъ при погребеніи братьевъ своихъ, царей Феодора и Іоанна Алексѣевичей, просто шелъ за нихъ гробами; тогда какъ при погребеніи царя Алексѣя Михайловича сына его, царя Феодора Алексѣевича, несли въ креслахъ.

Гонитель старыхъ обычаевъ какъ бы видѣлся въ Петрѣ и въ то время, не смотря на то, что при погребеніи старшаго брата Петру не было и 10 лѣтъ.

Послѣ всего этого самъ собою рождается вопросъ: откуда же взялся обычай относить усопшихъ государей изъ дворцовъ ихъ къ мѣсту погребенія въ саняхъ, и почему эти послѣднія удостоились такого почета?

Что обычай этотъ существовалъ въ давнія времена, такъ на это есть указаніе въ лѣтописи Нестора, гдѣ подъ 15 числомъ іюля 1015 года значится про мощи великаго князя Владиміра Святославича: «възложше и на сани, везше, поставиша и въ святѣй Богородици» ¹⁾. Затѣмъ въ рукописномъ житіи св. Бориса и Глѣба есть рисунокъ, на 79 страницѣ, подъ заглавіемъ: «несутъ святого Бориса на погребеніе», гдѣ видно, что мощи князя положены на сани, которыя несутъ четыре отрока. Въ этомъ же житіи есть другой рисунокъ, на 128 стр., подъ заглавіемъ: «несутъ святого Глѣба на санкахъ въ рацѣ каменѣ». Текстъ же къ этому рисунку говоритъ: «вземше Глѣба въ рацѣ камену, вѣставивше на сани и емше оужи повезоша». Въ живой зависимости отъ этого обычая великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, составляя свое духовное завѣщаніе, или поученіе дѣтямъ, поясняетъ причину, побудившую его къ составленію этого завѣщанія, говоря: «Сѣдя на санехъ, помыслихъ въ души своей и похваливъ Бога, иже мя сихъ днєвъ грѣшнаго допровади» ²⁾. Тотъ же

¹⁾ См. Лаврентьевскую лѣтопись, изданіе Археографической комиссіи, 1846 года, т. I, стр. 56.

²⁾ См. тамъ же, годъ 1096, стр. 100. Значеніе словъ „сѣдя на санехъ“ неизвѣстный издатель Духовнаго завѣщанія, Спб., 1793 года, объясняетъ „будучи при дверяхъ гроба“. Однакоже съ этимъ такъ же неизвѣстный авторъ книги: „Старина русской земли“, Москва, 1866 года, эти же слова объясняетъ: „предъ смертью, стоя, какъ говорится, одною ногою въ моголѣ“.

обычай существовалъ и въ Владимірѣ на Волинѣ, что видно изъ сказанія о погребеніи, скончавшагося 10-го декабря 1287 года, великаго князя Владиміра Васильковича: «Княгини же его со слугами дворными омывше его, и увнша и оксамитомъ со круживомъ, якоже достонть царемъ, и возложиша и на сани, повезоша до Володимѣря; горожане же отъ мала и до велика, мужи и жены и дѣти, с плачемъ великимъ проводиша своего господина. Привезшимъ же и во Володимѣрь у епископью ко святоѣ Богородици, и тамо поставиша и на савѣхъ во церкви, зане бысть поздно» ¹⁾. Все это указываетъ на существованіе упоминаемаго обычая съ начала введенія христіанства въ Россію; но ни мало не разъясняетъ вопроса: откуда взялся этотъ обычай, и почему именно не другое что, а сани удостоились такого почета?

Намъ кажется, что разъясненіемъ этого вопроса можетъ служить обычай, существующій съ незапамятныхъ вѣковъ у крестьянъ—глухихъ Вологодскихъ уѣздовъ, которые во всякое время года отвозятъ своихъ покойниковъ на погостъ, или кладбище, и теперь не иначе какъ на саняхъ, и сани, вслѣдъ этому, покидаются на могилѣ, перевернутыми вверхъ полозьями. И то, и другое дѣлается по глубокому тайному вѣрованію, что покойнику пріятнѣе добратся до могилы не на иномъ чѣмъ, какъ на саняхъ, и что они же пригодятся ему и впоследствии. Не даромъ же норманъ, сынъ бурнаго моря, хоронилъ себя въ своей неразлучной подругѣ—лодкѣ; не даромъ же дѣти вольныхъ степей, печенѣгъ, половецъ, хоронили съ собою своихъ вѣрныхъ друзей—ретивыхъ коней; не даромъ же и теперь мордвинъ, чувашанинъ, черемисъ кладутъ своимъ покойникамъ въ гробъ или трубку съ табакомъ, или качадыкъ съ лыками. Если же норманъ во времена доисторическія вѣрнулъ, что ему безъ лодки не обойтись на томъ свѣтѣ; если печенѣгу или половцу нельзя было показаться тамъ же безъ своего коня; если мордвину и чувашанину и теперь скучно на томъ же свѣтѣ безъ табаку, или безъ плетенія лаптей,—то отъ чего же въ былое время славянину, а затѣмъ русскому человѣку не стосковаться въ темной и душной могилѣ по своей родимой матушкѣ-зимѣ и не вырваться оттуда въ часъ полуночный, да при блескѣ яснаго мѣсяца, на свѣжемъ чистомъ воздухѣ, не прокатиться на своихъ санкахъ по свѣту вольному!

Аснадонъ Труворовъ,

членъ Археографической комиссіи.

5-го ноября 1887 г.

¹⁾ См. Лѣтопись по Ипатскому списку, изданіе Археографической комиссіи. 1871 года, стр. 604.

ПАВЕЛЪ ОЗЕРЕЦКОВСКІЙ,

первый, по времени, оберъ-священникъ.

[Изъ дней Павла I

Постъ оберъ-священника (нынѣ главный священникъ) арміи и флота, какъ извѣстно, учрежденъ императоромъ Павломъ Петровичемъ.

Не знаю, сохранилось-ли гдѣ нибудь преданіе о томъ—какъ и при какихъ обстоятельствахъ послѣдовало это учрежденіе; но вотъ что я слышалъ объ этомъ отъ одного близкаго мнѣ лица, сошедшаго уже въ могилу. Разсказъ этотъ представляется весьма правдоподобнымъ какъ по самой характерности случая, что было въ то время не рѣдкостью, такъ и потому, что лицо, отъ котораго мнѣ довелось слышать о немъ, было хорошо знакомо съ родными перваго оберъ-священника и, слѣдовательно, могло получить эти подробности изъ болѣе или менѣе достовѣрнаго источника.

Когда у Павла Петровича явилась мысль о назначеніи въ полки особыхъ священниковъ, и о томъ было объявлено св. синоду, со стороны послѣдняго послѣдовало распоряженіе, чтобы епархіальные архіереи немедленно выслали въ Петербургъ нужное количество священниковъ, для назначенія ихъ на вновь учрежденныя при полкахъ должности. Преосвященные, воспользовавшись сямъ случаемъ, отправили въ столицу тѣхъ іереевъ, отъ которыхъ, по ихъ слабостямъ и другимъ недостаткамъ и несоотвѣтствію занимаемымъ ими мѣстамъ,—желали избавиться: въ военной-то службѣ исправять, дескать, скорѣе. Въ числѣ такихъ-то іереевъ оказался молодой, весьма представительный, не дюжиннаго ума и бойкій на словахъ священникъ Павелъ Яковлевичъ Озерецковскій (кажется, братъ извѣстнаго члена академіи наукъ Николая Яковлевича Озерецковскаго),—не правившійся епархіальному начальству, какъ можно полагать, не столько по какимъ

либо другимъ причинамъ, сколько, быть можетъ, по характеру и не всегдашней сдержанности его въ тѣхъ отношеніяхъ, какія существуютъ въ духовной іерархіи и какія въ то время требовались суровѣе.

По волѣ императора всѣ явившіеся кандидаты на новыя должности должны были быть представлены его величеству. Разуmъется, приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы прѣбавіе священники предстали предъ монархомъ въ соотвѣтственномъ видѣ и въ томъ порядкѣ, какой тогда строго соблюдался. Сами представлявшіеся, изъ коихъ нѣкоторые не имѣли даже случая лицезрѣть императора, трепетали; оставался не смущеннымъ одинъ только о. Озерецковскій. Въ назначенное время эти священники были привезены во дворецъ и, по заведенному порядку, выстроены по ранжиру въ пріемной комнатѣ. Случилось такъ, что Павель Яковлевичъ оказался ростомъ выше сотоварищей и потому всталъ на правомъ флангѣ.

Императоръ, выйдя быстро изъ кабинета, прямо обратился съ вопросомъ къ о. Озерецковскому:

«Какъ тебя зовутъ?»

— «Павель, ваше императорское величество», громко и безъ всякаго смущенія отвѣтилъ вопрошаемый.

Случайная тождественность имени Озерецковскаго съ именемъ государя, открытое лицо, прямой взглядъ и несмущенность его въ отвѣтъ обратили на себя вниманіе его величества. Окинувъ взоромъ молодаго священника, государь быстро обошелъ остальныхъ и, вернувшись къ Озерецковскому, спросилъ его уже болѣе мягко:

— «Какъ ваше отчество?»

«Павель Яковлевъ Озерецковскій, в. и. в.», также прямо отвѣчала священникъ.

Государь направился въ кабинетъ; но, дойдя до двери, обернулся къ Озерецковскому и сказалъ:

— «Павель Яковлевичъ, пожалуйста сюда».

Озерецковскій смѣло послѣдовалъ за государемъ и дверь тотчасъ же закрылась. О чемъ изволилъ бесѣдовать императоръ съ Озерецковскимъ — неизвѣстно и можно думать, что послѣдній не распространялся объ этомъ ни съ кѣмъ; по крайней мѣрѣ, о содержаніи этого разговора я ничего не слыхалъ; но дѣло въ томъ, что вошедшій вскорѣ того въ кабинетъ, по звонку государя, дежурный засталъ уже Озерецковскаго сидящимъ тамъ; приказано было тотчасъ же подать каминную лампу и затѣмъ послѣдовательно какіе-то ордена, — какіе, теперь не упомяну хорошо; въ заключеніе государь, снявъ съ себя мальтійскій крестъ и надѣвая его на Озерецковскаго, — сказалъ:

— «Павель Яковлевичъ, — я назначаю васъ оберъ-священникомъ моихъ арміи и флота; отнынѣ вы имѣете доступъ ко мнѣ во всякое время дня и ночи».

Подробныхъ свѣдѣній о дѣятельности перваго оберъ-священника я не имѣю, но слышалъ только, что онъ въ одномъ важномъ случаѣ пользуясь расположеніемъ къ нему императора Павла и даннымъ ему правомъ являться къ его величеству днемъ и ночью, — оказалъ величайшую услугу государству. Объясняли мнѣ это такимъ образомъ: однажды, въ моментъ раздраженія, Павель Петровичъ далъ такой приказъ генераль-губернатору, приведеніе въ исполненіе котораго вызвало бы весьма печальныя послѣдствія. Приказъ этотъ былъ данъ вечеромъ, а въ 6 часовъ утра онъ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе. Генераль-губернаторъ не зналъ, что дѣлать. Въ этомъ критическомъ положеніи онъ рѣшился обратиться за помощью къ оберъ-священнику. Это было уже около 12 часовъ ночи. Протоіерей Озерецковскій, выслушавъ генераль-губернатора, — тотчасъ же одѣлся какъ слѣдуетъ быть во дворцѣ и отправился туда. Часовымъ всѣмъ извѣстно было о правѣ пріѣзда Озерецковскаго во дворецъ во всякое время и потому онъ безъ всякой задержки былъ пропущенъ до самаго кабинета государя. Подойдя къ дверямъ, — Озерецковскій слегка постучалъ въ нихъ и услышалъ грозный окликъ: «кто тамъ?» «Павель Озерецковскій, в. и. в.», отвѣчалъ протоіерей; государь открылъ дверь и, со словами: «ахъ, — Павель Яковлевичъ; пожалуйте», — ввелъ его въ кабинетъ; что тамъ происходило дальше — тоже неизвѣстно; но слышно было, что императоръ быстро ходилъ по кабинету и о чемъ-то горячо говорилъ съ оберъ-священникомъ. Черезъ нѣкоторое время шаги прекратились и разговоръ, какъ замѣтно было, пошелъ тише, — а затѣмъ послѣдовалъ обычный звонокъ и приказаніе тотчасъ же позвать генераль-губернатора, — который, конечно, не замедлил явиться, ибо ждалъ невдалекѣ, рассчитывая, что во всякомъ случаѣ его потребуютъ... или для полученія приказанія объ отмигнѣннѣ грознаго повелѣнія, или — для арестованія оберъ-священника, дерзнувшаго беспокоить государя въ такую пору и по такому щекотливому обстоятельству. Кончилось, однако, тѣмъ, что послѣдовало повелѣніе объ оставленіи безъ исполненія суроваго указа.

Но какъ ни высоко поднялся Озерецковскій, онъ, какъ можно полагать, не могъ заглушить въ себѣ того чувства, которое пришлось ему испытать при отправленіи его въ Петербургъ, и потому не оказывалъ особаго уваженія св. синоду, состоявшему изъ іерарховъ, въ числѣ которыхъ, быть можетъ, находился и тотъ, который былъ причиною горя, имъ испытаннаго, — хотя это же горе и послужило

къ его благополучію. Къ указамъ синода онъ относился по своему усмотрѣнію и тѣ, которые ему не нравились, не исполнялъ или испрашивалъ высочайшія повелѣнія объ отмівѣ ихъ.

При жизни благоволившаго къ нему государя, конечно, никто не посягалъ на него; но за то, когда императоръ скончался, а съ нимъ пало и значеніе Озерецковскаго, — духовное начальство рѣзко измѣнило свои отношенія къ нему. Оберъ-священникъ не могъ перенести этого удара, и покончилъ съ собою самоубійствомъ чрезъ отравленіе. Эти послѣднія свѣдѣнія, впрочемъ, я получилъ уже гораздо позднѣе, когда мнѣ представился случай видѣть портретъ о. Озерецковскаго, находящійся въ приемной комнатѣ главнаго священника арміи и флотовъ.

Сообщ. Н. Д. Горемыкинъ.

1815 г о д ъ.

Письмо прапорщика Софійскаго пѣхотнаго полка Василія Ч—ина къ родителямъ.

1816 года, іюля 21-го дня, городъ Овручъ.

Я не смѣю иначе начать письмо мое, какъ повергнувшись заочно къ ногамъ вашимъ, просить великодушнаго прощенія за столь долгое молчаніе!.. Но... любезные батюшка и матушка! Вы должны быть ко мнѣ хотя нѣсколько снисходительнѣе, припомня, что я былъ во Франціи, и что этотъ походъ занималъ нѣкоторую часть времени въ разсужденіи моего писанія. Но я не оправдываюсь!.. Ибо вотъ уже мѣсяць, какъ мы оттуда возвратились, и я, отдыхая, былъ столь уже разнѣженъ, что откладывалъ со дня на день увѣдомить васъ обо всемъ со мною случившемся съ начала 1814 года, т. е. со дня моего выпуска. Родители! я вамъ приношу чисто-сердечную исповѣдь, вы видите во мнѣ вающагося... и хотя во уваженіе моего мученія во время перехода отъ г. Смятничъ до Парижа — забудьте этотъ проступокъ; вообразите себѣ! Не имѣвши лошади, а равно какъ и денегъ, чтобы купить её, и подумавши даже о трудностяхъ похода, я вдругъ испытываю для перваго разу всѣ непрятности онаго! Бывши покрытъ

всегда пылью и потомъ, при приближеніи къ Рейну, со дня на день чувствительно терялъ бодрственность съ моимъ здоровьемъ. А Акимъ, если бы вы изволили знать, что потерпѣлъ въ это время! Въ десять разъ болѣе меня онъ съ самаго г. Плотска, что при выходѣ изъ Польши въ Пруссію, несъ на себѣ мой чемоданъ (ибо отсюда уже не стали давать намъ подводъ), не оставя нигдѣ ничего подъ предлогомъ излишняго, — до нашихъ квартиръ г. Шалина; что уже во Франціи, за 30 часовъ отъ Парижа, онъ было пропалъ бѣдный... если бы нѣкоторые изъ солдатъ, сжалившись надъ нимъ, не смотря на тягость, ихъ обременяющую, не помогали бы ему нѣсколько въ его ношѣ. Мы съ сожалѣніемъ смотрѣли другъ на друга и иногда слезы навертывались на глазахъ нашихъ. «Вы больны, сударь», говорилъ онъ мнѣ, когда увидить, что я поблѣднѣю отъ усталости, «только сдѣлайте милость не оставайтесь въ госпиталѣ, а то я безъ васъ пропаду», и плачетъ!!! «Нѣтъ Акимъ», гсворилъ я ему черезъ силу, чтобы ободрить его, «я здоровъ, но ты не брось чемодана, ибо и мнѣ безъ тебя не можно обойтись, кто повесетъ его». Но слава Богу... Онъ и добрыя нѣмецкія и французскія вина поддерживали насъ обонхъ; во Франціи же мнѣ очень хорошо, ибо я одинъ только могъ нѣсколько разговориться съ французами и потому и былъ всегда на глазахъ своего шефа, вскорѣ послѣ смотра нашего государя подъ г. Вертю (Vertue), а что это былъ за ревию! Императоры и короли всѣхъ державъ Европы, выключая Отоманской Порты, тамъ присутствовали, а жителей, жителей!! Милліоны, цѣлой Парижъ былъ тамъ... вообразите себѣ поле, на коемъ нѣтъ ни одной лощины, простирающееся во всѣ стороны такъ ровно, по крайней мѣрѣ верстъ на 10 держащее на себѣ 200,000 русскихъ. А какіе маневры мы тамъ сдѣлали, признаюсь, пустили пыль въ глаза французамъ! Мы все дѣлали не по командѣ, а по пушкѣ, которая находилась на превысокой горѣ, по срединѣ поля возвышающейся, гдѣ была императорская палатка; по первомъ выстрѣлѣ изъ высокой пушки мы сдѣлали на караулъ и крикнули ура! олушили!!! и артиллерія привѣтствовала государя залпами изъ батарей. Послѣ многихъ другихъ нашихъ построеній и мы начали стрѣлять!!! То-то огню!... Мы стояли въ ордеръ-баталіи, т. е. въ три линіи, и мы были въ средней. День былъ прежаркій, дымъ и пыль вѣтеръ несъ прямо на насъ. Ахъ, что это было за зрѣлище, мы уже видѣли изображеніе нашего цѣлаго фронта и притомъ въ чужой землѣ! это пріятно!! Представьте себѣ поля Шампаніи, откуда получаемъ мы самыя лучшія вина! Мы тамъ стояли полгода, но не въ лагеряхъ, а на квартирахъ; описаніе нашего благополучія въ бытность во Франціи чрезвычайно должно быть продолжительно, для чего и оставляю я это до другаго

раза, а скажу вамъ, что вскорѣ послѣ смотра нашего подъ Берти сдѣланъ я былъ въ одномъ изъ шампанскихъ городовъ, а именно въ Епернѣ (Ерегнау), комендантомъ, и пробылъ въ сей должности четыре мѣсяца, гдѣ имѣлъ случай достать трехъ хорошихъ лошадей безъ малѣйшей заплаты, равно какъ и нѣкоторыя пособія въ разсужденіи обмундировки. Въ другомъ письмѣ буду я обо всемъ писать гораздо подробнѣе. Да напишите, батюшка и матушка, въ которомъ полку служить дядюшка Алферій Алферьевичъ и какимъ чиномъ? Я живу, слава Богу, хорошо и если узнаю, что Всевышній и васъ сохранилъ для отрады моей, то желанія мои будутъ въ полной мѣрѣ удовольствованы. Братца Евгенія и сестрицъ цѣлую заочно и желаю имъ быть веселымъ и счастливымъ, и одна просьба отъ меня—не забывать своего брата!

Впрочемъ, пожелавъ вамъ всякаго благополучія въ надеждѣ, что незадолго получу отвѣтъ отъ васъ, пребываю вашъ всепокорнѣйшій сынъ Василій Ч—инъ.

Сообщ. Анаст. Ф. Кожи.

Карлъ Брюлловъ, Михаилъ Глинка и Несторъ Кукольникъ,

замѣтка къ изображенію этой группы.

Въ весьма длинномъ ряду достопамятныхъ русскихъ людей дѣятелей на всевозможныхъ поприщахъ, „Русская Старина“ въ теченіи восемнадцати лѣтъ изданія этого ежемѣсячнаго историческаго сборника останавливала особенное вниманіе своихъ читателей на творествѣ и жизни величайшаго композитора—творца русской оперы—Михаила Ивановича Глинки. Напомнимъ въ помѣщенномъ здѣсь перечнѣ главнѣйшіе изъ матеріаловъ, до его біографіи относящихся и явившихся на страницахъ „Русской Старины“:

Записки Михаила Ивановича Глинки, 1804—1854 гг. Сообщ. Л. И. Шестакова, рожденная Глинка, изд. 1870 г., т. I и II (въ трехъ изданіяхъ).

Михаилъ Ивановичъ Глинка въ воспоминаніяхъ сестры его Л. И. Шестаковой. 1870 г., т. II (въ трехъ изданіяхъ), 1884 г., т. XLIV, 1885 г., томъ XLV.

Воспоминанія Θεофила Матвѣевича Толстого, по поводу записокъ М. И. Глинки, 1827—1857 гг. 1871 г., т. III.

Воспоминанія о Михаилѣ Ивановичѣ Глинкѣ, 1825—1855 гг. П. А. Степанова (имѣѣ генер.-отъ-инфантеріи). 1871 г., т. IV.

Михаилъ Ивановичъ Глинка, 1839—1841 гг. Воспоминанія Александра Николаевича Струговщикова. 1874 г., т. IX.

Михаилъ Ивановичъ Глинка, статья Н. А. Мельгунова. 1874 года, томъ IX.

Историкъ Малороссіи Николай Андреевичъ Маркевичъ, другъ М. И. Глинки. Біографич. замѣтка. Сообщ. И. Дан. Павловскій. 1874 г., т. X.

Михаилъ Ивановичъ Глинка. Первоначальный планъ оперы: „Русланъ и Людмила“. Подлинная рукопись Глинки, принадлежащая П. А. Степанову. Состав. В. В. Стасовъ. 1871 г., т. III.

Письма и программы М. И. Глинки по поводу составленія либретто

оперы „Русланъ и Людмила“. Предисловіе и примѣчанія В. В. Стасова. Сообщ. В. В. Ширковъ. 1872 г., т. V.

Первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“, 1835 г. Сообщ. Л. И. Шестакова, рожденная Глинка, съ предисловіями и примѣчаніями къ „Жизни за Царя“. Сообщ. проф. В. В. Никольскій. 1881 г., т. XXX.

Письма М. И. Глинки къ Людвигу Андреевичу Гейденрейху, 1842—1856 годовъ. Сообщ. Л. И. Шестакова. 1874 г., т. IX.

Письма М. И. Глинки къ А. Н. Озрову, къ родителямъ и письмо къ нему К. Вулакова. Сообщ. Л. И. Шестакова, рожденная Глинка. 1883 г., томъ XXXVII.

Отрывокъ изъ письма М. И. Глинки къ Нестору Вас. Кукольнику изъ Парижа, 15 февр. 1845 г. (въ дополн. къ Запискамъ Глинки). 1870 г., т. II (въ трехъ изданіяхъ).

Разсказъ Нестора Вас. Кукольника о кончинѣ М. И. Глинки. Сообщ. И. А. Пузыревскій. 1870 г., т. II (въ трехъ изданіяхъ).

Воспоминанія Л. И. Кармалиной, рожденной Вѣленицной, о М. И. Глинкѣ и Александрѣ Сергѣевичѣ Даргомыжскомъ. 1875 г., т. XIII.

М. И. Глинка. Разсказъ о немъ доктора и его друга Л. А. Гейденрейха. Сообщ. Л. И. Шестакова. 1876 г., т. XVII.

Воспоминанія А. Я. Петровой, рожденной Воробьевой, по поводу 500-го представленія оперы М. И. Глинки „Жизнь за Царя“, 27-го ноября 1879 г. Сообщ. Л. И. Шестакова. 1880 г., т. XXVI.

М. И. Глинка и А. С. Даргомыжскій. Замѣтки по поводу отъѣздовъ А. С. Даргомыжскаго. Сообщ. П. А. Степановъ. 1876 г., т. XIV.

М. И. Глинка 8-го апрѣля 1836 г. Сообщ. Мих. Пѣтуховъ. 1883 года, томъ XXXVII.

М. И. Глинка и А. Г. Рубинштейнъ. (Замѣтка о концертѣ въ пользу памятника М. И. Глинки). 1883 г., XXXVIII.

М. И. Глинка и В. А. Жуковский. (Изъ альбома „Русской Старинѣ“ автобиографическихъ замѣтокъ русскихъ дѣятелей. Томъ II, стр. 46). Сообщ. въ альбомѣ Л. И. Шестакова, рожд. Глинка. 1884 г., т. XLI.

Михаилу Ивановичу Глинкѣ. Акrostихъ, составл. NN. Сообщ. Л. И. Шестакова. 1876 г., т. XVI.

Подписка на сооруженіе памятника М. И. Глинкѣ. 1870 г., т. II (въ трехъ изданіяхъ).

О подпискѣ на памятникъ М. И. Глинкѣ. 1872 г., т. V.

О памятникѣ М. И. Глинкѣ въ Петербургѣ. Замѣтка Ред., 1883 года, томъ XXXVII.

Открытіе памятника М. И. Глинкѣ въ Смоленскѣ, 20-го мая 1885 г. Замѣтка Ред. 1885 г., т. XLVI.

Францъ Листъ и графъ М. Ю. Вьельгорскій въ 1839 г. Сообщ. М. А. Веневитиновъ. 1883 г., т. LII.

Рисунокъ памятника на могилѣ М. И. Глинки въ Александро-Невскомъ монастырѣ, въ Петербургѣ. 1870 г., т. II, при стр. 632.

Снимокъ съ предсмертнаго письма Михаила Ивановича Глинки, отъ 15-го января 1857 г. 1870 г., т. II, изд. 1 и 2, при стр. 624; изд. 3, при стр. 123.

Къ значительному по объему и весьма важному по содержанию для біографіи М. И. Глинки матеріалу, сообщенному на страницахъ „Русской Старины“, прилагаемъ нынѣ интересную картинку: это уменьшенный, но точный ксилографическій снимокъ (гравюра на деревѣ) съ акварели извѣстнаго писателя-артиста, покойнаго Петра Андреевича Каратыгина.

По кончинѣ этого писателя-артиста, нашего дорогаго друга и усерднаго при жизни сотрудника „Русской Старины“, — его почтенный сынъ, Петръ Петровичъ Каратыгинъ, подарилъ намъ акварельный рисунокъ—работы его отца.

Рисунокъ изображаетъ трехъ знаменитыхъ друзей: К. Ш. Брюлловъ, М. И. Глинка и Н. В. Кукольникъ. Всѣ трое изображены очевидцемъ, ихъ добрымъ пріателемъ П. А. Каратыгинымъ, на ихъ обычной сходкѣ, въ 1839—1841 гг., у Кукольника—за бутылкою вина, да и не за одною; три таланта, изъ которыхъ двое гениальные русскіе люди, богатыри русской славы, очень, очень часто сходились и коротали время! Глинка игралъ и пѣлъ свои дивныя произведенія, Брюлловъ—въ виду своихъ картинъ—трактовалъ объ искусствѣ, Н. В. Кукольникъ, большой знатокъ художествъ и тонкій цѣнитель искусства, чело-вѣкъ весьма образованный, сообщалъ свои выводы изъ всего, что было имъ прочитано и изучено въ обширной литературѣ иностранцевъ по сему поводу.... А щедрое возліаніе Бахусу под-грѣвало бесѣду.... Объ этихъ сходкахъ см. въ „Русской Старинѣ“ интересныя воспоминанія покойнаго писателя и поэта А. Н. Струговщикова, изд. 1874 г., томъ IX.

Ред.

РУССКІЙ НАРОДЪ
 ВЪ ТРЕХЪ-СТАХЪ АКВАРЕЛЯХЪ,
 ИСПОЛНЕННЫХЪ

профессоромъ Федоромъ Григорьевичемъ Солнцевымъ

въ 1827—1887 гг.

Имя Федора Григорьевича Солнцева (род. 14-го апрѣля 1801 г.), профессора археологической живописи и старѣйшаго члена Императорской Академіи Художествъ, въ теченіи болѣе нежели шестидесяти-пятилѣтняго его служенія отечественному искусству, сдѣлалось хорошо извѣстнымъ на всемъ пространствѣ нашего отечества въ средѣ тѣхъ лицъ, которыя сколько нибудь интересуются отечественной стариной, столь мастерски, вполне художественно воспроизводимой имъ въ акварельныхъ неподражаемыхъ рисункахъ. Извѣстно монументальное изданіе, исполненное въ 1846—1853-хъ годахъ иждивеніемъ и повелѣніемъ Императора Николая Павловича, — «Древности Россійскаго Государства», семь громадѣйшихъ томовъ; оно состоитъ болѣе нежели изъ 500, неподражаемыхъ кистью профессора Солнцева исполненныхъ, рисунковъ. Кроме того, до 3.000 оригинальныхъ его рисунковъ отечественной старины, еще не изданныхъ, хранится въ Московской оружейной палатѣ.

Изъ обширныхъ, интересныхъ записокъ Ө. Г. Солнцева, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», изданіе 1876 г. (томы XV и XVI), нашимъ читателямъ хорошо извѣстенъ весь ходъ самаго усидчиваго труда профессора Солнцева. Изъ тѣхъ же записокъ извѣстно, что для своихъ художественно-археологическихъ произведеній, онъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, совершилъ объѣздъ самыхъ замѣчательныхъ, по старинѣ, городовъ и монастырей русскихъ. Тогда же заинтересовавшись типами и костюмами русскихъ людей обоаго пола и различныхъ мѣстностей Россіи, Ө. Г. Солнцевъ воспроизвелъ ихъ въ своихъ прелестныхъ акварельныхъ рисункахъ. Вотъ извлеченіе изъ перечня этихъ акварелей Ө. Г. Солнцева:

Женщины гор. Курска, Вѣлозерска, Воронежа, Устюжны - Желѣзнопольской, Боровска, Галича (Костромской губ.), Тихвина, Торжка,

Новоторжка, Вышняго Волочка, Твери, Осташкова, Ржева, различных уѣздовъ: Псковской губ., Рязанской, Витебской, Смоленской, Ярославской; гор. Мышкина; рисунки цѣлыхъ группъ изъ обитателей; костюмы Пензенской губ., черемисовъ, Петербургскаго уѣзда, Тамбовской губ. въ различныхъ уѣздахъ, Олонецкой губ., вотяки и вотячки, Тульской губ. въ различныхъ ея уѣздахъ, Нижегородской губ. въ различныхъ ея уѣздахъ, гор. Серпухова, Волинской губ., Калужской, Московской, Владимірской и различные типы въ мѣстныхъ костюмахъ обитателей Малороссійскихъ губ. вообще и Кіевской губ. въ особенности, а также Волинской; старинные костюмы казаковъ и казачекъ, обитателей и обитательницъ Дона; костюмы Польскихъ и Литовскихъ губерній, воссоединенныхъ съ Россіей, причемъ, исполнены какъ костюмы старыя XVIII вѣка, такъ и костюмы и типы болѣе поздняго времени, также отдѣльные типы крестьянъ Литвы; польскіе и западно-русскіе евреи, костюмы албанцевъ и венгерцевъ, являющихся въ Россію и въ ней торгующихъ; костюмы славянъ иноземныхъ, живущихъ по торговымъ и другимъ дѣламъ въ Россіи, а также славяне различныхъ мѣстностей Австріи и Балканскаго полуострова; русскіе цыгане и цыганки въ ихъ пляскахъ и въ ихъ обыденномъ быту; различные представители финновъ и чухонъ; типы и костюмы русскихъ людей прошлыхъ столѣтій, изображеніе бояръ, воиновъ, людей торговыхъ; татары и различные русскіе инородцы.

Долгомъ считаемъ обратить вниманіе гг. директоровъ и хранителей нашихъ музеевъ, въ особенности музея рисовальной школы барона Штиглица въ С.-Петербургѣ, на описанный нами альбомъ О. Г. Солнцева. Это единственное достояніе маститаго художника, но онъ готовъ его продать, въ виду преклонной своей старости (87 лѣтъ), при своей жизни, въ пользу весьма недостаточныхъ своихъ внуковъ и внучекъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ, профессоръ живописи, Федоръ Григорьевичъ Солнцевъ жительство имѣетъ въ С.-Петербургѣ, Пески, 5-я улица, домъ Семенова. Къ нему и предлагаемъ обратиться, кто пожелаетъ, для переговоровъ объ условіяхъ уступки описаннаго нами живописнаго альбома типовъ и костюмовъ русскаго народа.

Ред.

24-го ноября 1887 г.

МЕДАЛЬОНЪ ПЕТРА I,
ПОЖАЛОВАННЫЙ
АРХАНГЕЛЬСКОМУ КУЩУ Д. БАЖЕНИНУ.

(См. «Русскую Старину» изд. 1887 г., т. LVI, ноябрь, стр. 564).

Городъ Слободской,
Вятской губ.

Сообщ. Н. Н. Платуновъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ ИЗД. 1887 г.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

I.

Восемнадцатый годъ изданія „Русской Старины“ представилъ читателямъ не меньшее количество записокъ, воспоминаній и различныхъ, болѣе или менѣе цѣнныхъ, историческихъ матеріаловъ, какъ и въ предъидущіе годы этого изданія, посвященнаго всесторонней разработкѣ отечественной исторіи, исторіи русской литературы и искусствъ.

Въ отдѣлѣ записокъ и воспоминаній (мемуары) мы можемъ отмѣтить продолженіе записокъ адмирала и перваго по времени морскаго министра Павла Васильевича Чичагова. Записки эти продолжали печататься въ „Русской Старинѣ“ 1887 г. и продолженіе ихъ протянется еще долгое время. Подлинникъ ихъ, писанный на отдѣльныхъ листахъ и клочкахъ бумаги на французскомъ языкѣ, требуетъ внимательнаго разбора и не менѣе внимательнаго перевода; при томъ текстъ оныхъ обставляется примѣчаніями издателя этихъ записокъ, одного изъ представителей фамиліи Чичаговыхъ. Примѣчанія эти состояются по документамъ, извлекаемымъ изъ различныхъ архивовъ. Въ главахъ записокъ адмирала, напечатанныхъ въ обозрѣваемомъ году, Чичаговъ ведетъ разсказъ объ эпохѣ Екатерины II, повѣствуетъ о великихъ замыслахъ государыни по изслѣдованію Ледовитаго

океана, также о событіяхъ по флоту 1770—1775 гг., характеризуетъ дѣятельность своего достопамятнаго отца, Василя Яковлевича Чичагова, одного изъ славнѣйшихъ русскихъ мореходовъ и вождей нашего флота; затѣмъ Павелъ Васильевичъ переходитъ къ интереснымъ подробностямъ о своемъ воспитаніи и характеризуетъ, въ этомъ отношеніи, нравы и обычай своего времени, отъ насъ отдаленнаго на цѣлое столѣтіе.

Спокойному разсказу адмирала Чичагова мы можемъ противопоставить желчный, юмористическій, довольно иногда беспорядочный, но всегда чрезвычайно интересный разсказъ его современника—Александра Михайловича Тургенева. Читатели „Русской Старины“ достаточно уже знакомы съ этою интересною личностію. Питомецъ геттингенскаго университета, офицеръ эпохи Екатерины II и Павла I, губернаторъ послѣдовательно въ двухъ губерніяхъ, въ различные годы царствованія Николая Павловича, директоръ медицинскаго департамента въ трудную эпоху войны 1831 г., наконецъ, въ маститой старости счастливый свидѣтель величайшаго событія въ новѣйшей исторіи Россіи—освобожденія крестьянъ,—А. М. Тургеневъ превосходно зналъ свое отечество, пламенно любилъ его и всею душою привязанъ былъ къ своимъ друзьямъ, каковы—Василій Андреевичъ Жуковский, Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, Дашевъ, а въ позднѣйшіе годы своей жизни—Николай Алексѣевичъ Милютинъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и нѣкоторые другіе. Въ запискахъ своихъ А. М. является довольно желчнымъ быто-описателемъ, при чемъ характеризуетъ яркими чертами различныхъ историческихъ дѣятелей минувшаго времени. Въ этомъ отношеніи, т. е. по желчности своей, онъ нѣсколько напоминаетъ намъ историка князя М. М. Щербатова, автора извѣстнаго историческаго мемуара, изданнаго на страницахъ „Русской Старины“ въ 1870 г.,—мы говоримъ о „Поврежденіи нравовъ въ Россіи“. Но Щербатовъ бичуетъ нравы русскаго общества первыхъ трехъ четвертей XVIII вѣка, а Александръ Михайловичъ Тургеневъ представляетъ рѣзкіе очерки лицъ и нравовъ конца XVIII вѣка и первыхъ десятилѣтій XIX-го столѣтія. Нѣкоторая беспорядочность записокъ Тургенева объясняется тѣмъ, что онѣ писаны въ послѣдній періодъ его долготѣней жизни, писаны безъ справокъ съ документами, единственно по памяти, и едва-ли

авторъ, составляя ихъ исключительно для самыхъ близкихъ своихъ друзей, имѣлъ въ виду возможное появленіе ихъ въ печати. Въ самомъ дѣлѣ, записки эти набросаны Александромъ Михайловичемъ по совѣту Ивана Васильевича Кирѣевскаго, знаменитаго писателя и народника 1830-хъ и 1840-хъ годовъ. А. М. Тургеневъ былъ связанъ искреннею дружбою съ Кирѣевскимъ и его супругой; въ годы жизни своей въ Москвѣ, А. М. часто приходилъ къ нимъ, прочитывалъ написанное и оставлялъ у нихъ отдѣльныя тетради. Всѣ эти тетради составили затѣмъ объемистый сборникъ, который онъ и подарилъ супругѣ Кирѣевскаго. Какъ зѣницу ова, чуть ни подъ нѣсколькими замками, никому не показывая манускриптъ, хранила госпожа Кирѣевская эту рукопись и лишь въ 1885 году отдала ее почтенному своему сыну—Сергѣю Ивановичу. Этотъ послѣдній, замѣтивъ, что „Русская Старина“ издала уже часть записокъ Александра Михайловича по рукописи, сообщенной внукомъ автора, нашелъ, что сообщеніе господина Сомова составляетъ лишь сжатое извлеченіе изъ помянутыхъ записокъ,—извлеченіе, впрочемъ, сдѣланное самимъ А. М. Тургеневымъ,—и потому поспѣшилъ весьма обязательно передать намъ эту рукопись, какъ онъ пишетъ, „дѣйствительную драгоценность для отечественной исторіи новѣйшаго времени“.

Въ „Русской Старинѣ“ 1888 года мы предполагаемъ представить еще нѣсколько главъ изъ обширныхъ мемуаровъ Александра Михайловича Тургенева ¹⁾).

Говоря объ эпохѣ Екатерины II, къ которой относятся явившіяся до сихъ поръ главы записокъ Чичагова и Тургенева, отмѣтимъ въ „Русской Старинѣ“ обзорѣваемаго года подробный рассказъ о персидскомъ походѣ 1796 года.

Объ этомъ походѣ вообще въ нашей исторической литературѣ мало свѣдѣній. Указываемый же рассказъ тѣмъ болѣе интересенъ, что онъ принадлежитъ русской женщинѣ, слѣдовавшей за своимъ мужемъ въ походъ; г. Бакунинъ, мужъ состави-

¹⁾ Подлинная рукопись этихъ Записокъ озаглавлена ея составителемъ—Ермолафія и занимаетъ четыреста восемьдесятъ пять страницъ убористаго письма in folio, на толстой, сѣрой бумагѣ; пока немного болѣе половины этихъ Записокъ издано нами въ „Русской Старинѣ“, но и то, увы, съ пропусками и мѣстами съ смягченіемъ нѣкоторыхъ выраженій. Ред.

тельницы записокъ, командовалъ однимъ изъ полковъ предводимаго графомъ Валерьяномъ Зубовымъ отряда. Читатель, конечно, замѣтитъ въ воспоминаніяхъ Бакуниной нѣсколько интересныхъ чертъ для характеристики какъ этого баловня счастья, такъ и нѣкоторыхъ изъ лицъ, его окружавшихъ.

Въ 1884 и 1885 годахъ мы имѣли истинное счастье напечатать обширныя посмертныя Записки знаменитаго Николая Ивановича Пирогова, прямо, такъ сказать, завѣщанныя имъ „Русской Старинѣ“, при чемъ самое написаніе записокъ едва-ли ни было вызвано нашими письмами къ покойному Николаю Ивановичу, съ которыми мы задолго до его достопамятнаго юбилея къ нему обращались. Въ январьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1887 г. мы представили обширный очеркъ того же знаменитаго автора, очеркъ, который вынуждены были, за два года предъ симъ, не по нашей волѣ, выпустить изъ текста записокъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ (1884 и 1885 гг.). Въ этомъ очеркѣ Пироговъ дѣлаетъ обзоръ событій эпохи Царя-Освободителя и съ ясностью и глубиною мысли, Пирогову обычными, доискивается причинъ разныхъ прискорбныхъ явленій, омрачившихъ одно изъ славнѣйшихъ царствованій въ русской исторіи. Въ настоящемъ же году „Русской Старины“ мы помѣстили двѣ замѣчательныя записки Н. И. Пирогова по отдѣльнымъ вопросамъ, а именно: весьма важный докладъ его въ 1858 г. о необходимости преобразованія одесскаго лица въ университетъ и записку объ учрежденіи въ университетахъ кафедръ географіи.

Несомнѣнно нами же вызванъ къ написанію своихъ записокъ Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ, доброй памяти основатель и наусерднѣйшій подвижникъ Императорскаго Новороссійскаго историческаго общества въ Одессѣ, въ званіи вице-президента каковаго общества Мурзакевичъ и скончался въ 1883 г.

Каждый разъ, когда только пріѣзжалъ Николай Никифоровичъ въ Петербургъ, онъ посѣщалъ насъ, и его добродушные остроумные рассказы представляли много любопытнаго. Каждый разъ мы просили его сохранить эти воспоминанія въ связно изложенныхъ, возможно подробныхъ, запискахъ. „Онъ васъ не минуютъ“, говаривалъ шутя Николай Никифоровичъ. Но вотъ онъ

умираетъ въ Одессѣ и, конечно, намъ не могло придти и въ голову, чтобы сочлены его по одесскому историческому обществу упустили бы изъ виду какъ записки, такъ и вообще бумаги лица, которое всю свою жизнь отдало преимущественно на упроченіе и развитіе дѣятельности имъ основаннаго общества; между тѣмъ это случилось, и мы совершенно неожиданно получили какъ записки, такъ и бумаги покойнаго отъ почтеннаго священника одного изъ полковъ, расположенныхъ въ одной изъ западныхъ губерній. Этотъ священникъ, какъ племянникъ покойнаго, унаслѣдовалъ его бумаги, и мы глубоко признательны почтенному пастырю церкви за то, что онъ избралъ „Русскую Старину“ для помѣщенія своего интереснаго, для отечественной исторіи, наслѣдства.

Въ самомъ дѣлѣ, питомецъ семинаріи въ Смоленскѣ, разрушенія каковаго города во время нашествія французовъ онъ былъ свидѣтелемъ, затѣмъ воспитанникъ московскаго университета— Мурзакевичъ всю жизнь вращался среди людей науки и былъ очень близокъ къ такому славному и крупному историческому дѣятелю, каковъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Рассказъ Мурзакевича вращается вокругъ лицъ, служившихъ на учебномъ и ученомъ поприщѣ, и рассказъ этотъ исполненъ правды и интереса; стоитъ, напр., лишь вспомнить о томъ, что онъ говоритъ о князѣ Воронцовѣ, Княжевичѣ, Надеждинѣ, профессорѣ Каченовскомъ, Ѡ. П. Литке и о многихъ другихъ лицахъ, а равно о порядкахъ въ московскомъ университетѣ его времени и т. д. Мы не напечатали еще вполнѣ его обширныхъ записокъ, и читатели „Русской Старины“ въ будущемъ году встрѣтятся еще съ ними на страницахъ нашего изданія. Долгомъ считаемъ при этомъ отмѣтить, что запискамъ Николая Никифоровича много посчастливилось въ томъ отношеніи, что въ лицѣ его большаго почитателя и друга, князя Василія Дмитриевича Дабижа, мы нашли редактора этихъ обширныхъ мемуаровъ. Князь Василій Дмитриевичъ подготовилъ рукопись къ печати, обставилъ ее примѣчаніями и, такимъ образомъ, помогъ скорѣйшему ея появленію въ „Русской Старинѣ“.

Мы упомянули о 1812 годѣ. Весьма интересную страницу въ лѣтопись этого достопамятнаго года внесло помѣщенное А. С. Князевымъ въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“—сказаніе исковскаго гражданина, ѣздившаго, въ составѣ депутаціи отъ

города Пскова, съ привѣтомъ генералу Витгенштейну, избавителю не только Пскова, но, какъ увѣряли тогда, и Петербурга отъ нашествія французовъ. Въ этомъ разсказѣ много простодушія, но въ немъ вырисовывается типичная фигура Витгенштейна, славнаго вождя и человѣка, не смотря на свою иностранную фамилію, до мозга костей чисто русскаго.

Запискамъ иностранцевъ мы, какъ извѣстно уже читателямъ, отводимъ, сравнительно, мало мѣста на страницахъ „Русской Старины“, но въ обзорѣваемомъ году нами сдѣлано пріятное исключеніе для записокъ графа Фицтума, саксонскаго посла при дворѣ императора Николая Павловича, разсказъ котораго „Наванунѣ Крымской войны“, конечно, обратилъ вниманіе многихъ любителей историческаго чтенія. Фигура императора Николая весьма выпукло выдѣлилась въ разсказѣ Фицтума; причины же и поводы къ кровавому севастопольскому разгрому дѣлаются отнынѣ окончательно выясненными.

Изъ переводныхъ статей нами помѣщено въ обзорѣваемомъ году „Русской Старины“: извлеченіе изъ сочиненія Джорджа Макартнея: „Описаніе Россіи“ (XVIII-го вѣка), съ англійскаго; извлеченіе же изъ недавно изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ записокъ барона Гейкинга о временахъ императора Павла, а также не болѣе какъ извлеченіе приведено, какъ мы уже сказали, изъ записокъ графа Фицтума, трактующаго объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и петербургскомъ дворѣ за время кануна Крымской войны. Эти послѣднія записки, повторяемъ, особенно любопытны, такъ какъ онѣ разъясняютъ тѣ обстоятельства, которыми вызвана была эта, столь дорого стоившая для нашего отечества, борьба съ Европою, а равно обстоятельства, которыми сопровождалось начало этой героической для русскаго войска, но, во всякомъ случаѣ, бѣдственной кампаніи.

Въ предыдущіе годы нашего изданія мы отводили много мѣста очеркамъ и воспоминаніямъ изъ быта нашего духовенства. Въ обзорѣваемомъ году, по отношенію къ духовенству, мы имѣли возможность помѣстить лишь нѣсколько главъ изъ обширнѣйшихъ записокъ извѣстнаго покойнаго профессора петербургской духовной академіи Д. И. Ростиславова. Записки эти много лѣтъ

тому назадъ начаты нами печатаніемъ и долго еще будутъ занимать читателей нашего изданія. Мы уже говорили въ одномъ изъ предъидущихъ обзорнѣй, что записки Ростиславова, по отношенію къ описанію быта православнаго русскаго духовенства, имѣютъ такое же историческое значеніе, какъ изданныя „Русской Стариной“ въ 1870—1873 гг. записки А. Т. Болотова по отношенію къ быту русскаго дворянства XVIII вѣка.

Въ николаевское время на видномъ планѣ стояли военно-учебныя заведенія. Старый учитель Зайцевъ вводитъ читателя въ классныя комнаты тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ и рисуетъ намъ не вполнѣ приглядныя картины тогдашняго кадетскаго воспитанія; тѣмъ не менѣе корпусамъ и русская армія, и русское общество обязано многими достопамятными людьми. Изъ за стѣнъ кадетскихъ корпусовъ выходили не только доблестные воины, но и труженики науки. Въ нашемъ очеркѣ—„Дворянскій полкъ со времени его основанія“, 1807—1859 гг.,—мы привели весьма длинный перечень людей государственныхъ, дѣятелей общественныхъ, администраторовъ, педагоговъ, людей науки, литературы и искусствъ—все питомцы Дворянскаго полка—прямая задача котораго была, однако, дать русской арміи только бравыхъ офицеровъ. И онъ ихъ далъ—до 15,000 лицъ, и 500 изъ нихъ сложили свои головы на полѣ брани—за царя и отечество!

Яркимъ очеркомъ боевой жизни одного изъ славнѣйшихъ военныхъ дѣятелей, бывшаго питомцемъ военно-учебнаго заведенія, является воспоминаніе доктора О. Ф. Гейфельдера о Михаилѣ Дмитриевичѣ Скобелевѣ. Искренностью дышитъ исповѣдь одного изъ лицъ, также бывшаго воспитанника кадетскаго корпуса, лица, посвятившаго себя наукѣ археологій—мы говоримъ о воспоминаніяхъ князя П. А. Путятина.

Довольно многіе берутся за составленіе своихъ записокъ и воспоминаній, въ особенности охотно описываютъ различныя лица свои впечатлѣнія въ качествѣ участниковъ послѣдней войны за независимость славянъ. Но принимаясь за перо, эти господа нерѣдко пускаются въ обсужденіе такихъ операцій военныхъ,

вдаются въ такую критическую оцѣнку, характеризуютъ такихъ военныхъ дѣятелей, о которыхъ, по своему крайне скромному положенію въ рядахъ арміи, они не могутъ знать въ точности и пишутъ обыкновенно со словъ другихъ; вотъ почему мы довольно осторожны въ помѣщеніи такихъ записокъ. По нашему мнѣнію только лицо, стоявшее близко къ дѣлу, такъ сказать вожаки самого дѣла могутъ дать что либо цѣнное для исторіи упомянутой войны. Въ этомъ вниманіи мы сочли необходимымъ приступить, въ 1886 году, къ печатанію записокъ генерала отъ инфантеріи Павла Дмитріевича Зотова и не престанемъ скорбѣть, что продолженіе печатанія оныхъ оказалось преждевременнымъ. Если же мы дали мѣсто въ обозрѣваемомъ году очеркамъ вольноопредѣляющаго браваго воина С. Соболева, а также сестры милосердія г-жи С. Арендъ, то только потому, что тѣ и другіе очерки, при несомнѣнной талантливости ихъ изложенія, ограничиваются тою сферою, среди которой жили и дѣйствовали эти подвижники русской арміи и подвижницы госпиталей. Въ самомъ дѣлѣ, ни г-жа Арендъ, ни г-нъ Соболевъ, не вдаваясь въ трактацию о томъ, что не входило въ сферу дѣйствительно ими пережитаго, выстрадавшаго, передуманнаго, честно и искренно, такъ сказать, характеризуютъ будничную обстановку и закулисную сторону быта славной русской арміи, много крови пролившей за освобожденіе братьевъ-славянъ. Такие очерки, вмѣстѣ съ обстоятельными и весьма серьезными изслѣдованіями Николая Илларионовича Козлова о санитарныхъ мѣрахъ, принятыхъ во время войны 1877—1878 годовъ, объ обширномъ и весьма замѣчательномъ трудѣ котораго мы представили въ обозрѣваемомъ году критическій обзоръ, являются, какъ намъ кажется, цѣннымъ вкладомъ въ литературу исторіи послѣдней русско-турецкой войны.

II.

Въ отдѣлѣ изслѣдованій и историческихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ книгахъ 1887 года „Русской Старины“, мы прежде всего должны упомянуть о монографіи нашего уважаемаго историка Д. И. Иловайскаго. Эта монографія посвящена эпохѣ Василія III и разсказу о приобрѣтеніи имъ Пскова и Смоленска; она представляетъ отрывокъ изъ Исторіи Россіи, составляемой г. Иловайскимъ. Монументальный трудъ этого ученаго, мы говоримъ о его исторіи, издавна приобрѣлъ ему всеобщій почетъ и уваженіе; а по его сжатымъ, яснымъ, обстоятельнымъ учебникамъ готовится русской исторіи едва ли уже ни третье поколѣніе русскаго общества.

Въ очеркѣ профессора русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ Д. А. Корсакова — „Русская Старина“ напомнила читателямъ типичную личность одного изъ первыхъ, по времени, нашихъ историковъ,—мы говоримъ о Василинъ Никитичѣ Татищевѣ, имя и труды котораго могутъ быть поставлены въ уровень съ трудами его современника—великаго Ломоносова. Татищевъ — одинъ изъ самыхъ видныхъ птенцовъ Петра Великаго.

Магистръ русской исторіи В. И. Семевскій помѣстилъ въ нашемъ изданіи, за 1887 годъ, новыя главы изъ своего многолѣтняго и въ высшей степени замѣчательнаго историческаго изслѣдованія: „Исторія крестьянскаго вопроса въ Россіи въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX-го вѣковъ“. Въ главахъ, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ въ обозрѣваемомъ году, талантливый и трудолюбивый ученый ознакомилъ читателя съ борьбою крестьянъ противъ помѣщичьей власти въ эпоху ближайшую ко времени освобожденія крестьянъ въ Россіи, а также съ нѣкоторыми эпизодами изъ исторіи развитія въ русскомъ обществѣ мысли о необходимости освобожденія крестьянъ—за время съ конца царствованія Екатерины II до 1855-го года.

Многолѣтній трудъ В. И. Семевскаго нынѣ оконченъ. Кстати замѣтимъ, что было бы желательно, дабы авторъ „Исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи“ не остановился въ этомъ трудѣ на восшествіи на престолъ императора Александра II, но предпринялъ бы новый трудъ, а именно принялъ-бы на себя составленіе исторіи непосредственной подготовки реформы 19-го февраля 1861 г. Для того, чтобы таковой трудъ явился достойнымъ великаго дѣла прошлаго царствованія, необходима, конечно, возможность воспользоваться всѣми относящимися къ этому вопросу матеріалами, свято сберегаемыми въ архивахъ; къ счастью, до сихъ поръ, за немногими исключеніями, В. И. Семевскій, сколько намъ извѣстно, не встрѣчалъ, въ этомъ отношеніи, препятствій и могъ широко воспользоваться неизданными матеріалами для своего изслѣдованія. Пора намъ имѣть обстоятельную картину послѣднихъ и самыхъ важныхъ годовъ,—1855—1861 гг.,—въ исторіи борьбы съ крѣпостнымъ правомъ правительства, общества и литературы, и намъ кажется, что В. И. Семевскій, многіе годы посвятившій на разработку исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи,—успѣшнѣе всякаго другаго—составилъ бы и послѣднюю, такъ сказать, часть этой исторіи.

Въ послѣднее десятилѣтіе въ нашей литературѣ отечественной исторіи нѣкоторымъ историческимъ дѣятелямъ XVIII вѣка особенно посчастливилось: они неоднократно служили и продолжаютъ служить предметами изслѣдованій; такъ, о митрополитѣ Θεодосіи Яновскомъ мы имѣемъ уже нѣсколько изысканій въ трудахъ С. М. Соловьева, И. А. Чистовича, Г. В. Есипова и другихъ; за всѣмъ тѣмъ И. Я. Морошкинъ нашелъ возможнымъ вновь остановиться предъ этою весьма крупною, весьма типичною личностью изъ духовной іерархіи эпохи преобразованій въ Россіи. Морошкинъ посвятилъ ей обширную монографію. При этомъ авторъ основалъ свое изслѣдованіе почти исключительно на документахъ государственнаго архива и весьма тщательно не только извлекъ изъ него новыя свѣдѣнія, но, что весьма важно, провѣрилъ и исправилъ тѣ документы и тѣ свѣдѣнія, которыя были, не безъ крупныхъ ошибокъ, напечатаны его предшественниками. Монографія И. Я. Морошкина, быть можетъ, нѣсколько суха, быть можетъ, нѣсколько для повремен. изданія

объемиста, но, несомнѣнно, весьма важна для исторіи эпохи Петра Великаго.

Изъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года, особенное вниманіе нашихъ читателей привлекъ на себя историческій очеркъ М. А. Колчина. Мы не знакомы съ прочими трудами этого писателя, если таковые появлялись въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, но то, что имъ сообщено на страницахъ „Русской Старины“, а именно очеркъ: „Ссылки и заключенія въ острогъ Соловецкаго монастыря съ XVI вѣка по 1855 г.“, бесспорно замѣчательно. Это стройно составленное изслѣдованіе—плодъ размыслиній въ архивѣ знаменитой Соловецкой обители—вводитъ читателя въ хронику весьма интересную. Авторъ знакомитъ со всѣмъ порядкомъ ссылки, въ теченіи трехъ съ половиною столѣтій продолжавшейся, на Бѣлое море, рассказываетъ о водвореніи несчастныхъ въ ужасной обители и о содержаніи ихъ въ не менѣе ужасныхъ каменныхъ, деревянныхъ и земляныхъ тюрьмахъ; но, что еще важнѣе, г. Колчинъ даетъ совершенно новыя данныя о личностяхъ ссыльныхъ. Большинство этихъ страдальцевъ суть типичные представители русскаго общества различныхъ эпохъ, начиная со временъ Іоанна Грознаго; при этомъ нѣкоторые изъ нихъ не болѣе, какъ изступленные фанатики, полупомѣшанные, нервные больные, мѣсто которымъ было бы въ сумасшедшемъ домѣ, въ больницахъ, куда они и были иногда отправляемы изъ-за тюремныхъ затворовъ Соловецкой обители. Но не мало было между заточенниками и лицъ съ обширными умственными способностями, виновныхъ лишь въ томъ, что позволяли себѣ мыслить о предметахъ запретныхъ, о вопросахъ, большею частью, религіозныхъ, и мыслить не такъ, какъ мыслили представители современной имъ свѣтской и духовной власти. Хроника г. Колчина, за недостаткомъ мѣста, не окончена въ обозрѣваемомъ году, а потому читатели „Русской Старины“ найдутъ ея окончаніе въ слѣдующемъ, девятнадцатомъ, году нашего изданія. Тому же автору принадлежитъ въ „Русской Старинѣ“ 1887 г. очеркъ: „Флигель-адъютантъ Шумскій въ Соловкахъ, 1836—1851 гг.“.

Насколько интересно изслѣдованіе г. Колчина, настолько

сухо изслѣдованіе нашего молодого ученаго г. Юргенсона по поводу Замѣчаній на Записки генерала Манштейна“, каковыя Замѣчанія, при изданіи ихъ впервые въ полномъ видѣ на страницахъ „Русской Старины“, были приписаны графу Петру Ивановичу Панину. Тѣмъ не менѣе, однако, для литературы отечественной исторіи изслѣдованія, подобныя труду г. Юргенсона, крайне необходимы и составляютъ цѣнный въ нее вкладъ, въ данномъ случаѣ именно потому, что самыя Записки Манштейна, къ которымъ относятся помянутыя Замѣчанія—не Панина, а гр. Миниха-сына, какъ то, кажется, вполне обстоятельно доказалъ г. Юргенсонъ, — составляютъ, безспорно, одинъ изъ самыхъ важныхъ по достовѣрности, обстоятельности и добросовѣстности автора памятниковъ въ исторіи Россіи, за время съ 1727-го по 1744-й годъ.

Говоря о почтенномъ трудѣ г. Юргенсона о графѣ Минихъ-сынѣ, какъ объ авторѣ „Замѣчаній на записки Манштейна“, упомянемъ съ признательностью о сообщеніи президента императорской академіи наукъ графа Д. А. Толстаго, — сообщеніи имъ на страницы „Русской Старины“ интересныхъ матеріаловъ къ біографіи и характеристикѣ этого самаго графа Миниха, сына фельдмаршала, личности, достопамятной въ исторіи Россіи первой половины XVIII вѣка, автора интересныхъ Записокъ и другихъ историческихъ трудовъ.

Въ „Русской Старинѣ“ 1887 г. оюнчено печатаніе весьма любопытной и доселѣ бывшей запретной книги, именно: „Русскіе избранники и случайные люди“, трудъ Гельбига. По мѣрѣ того, какъ русская исторія разрабатывается все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ императорское русское историческое общество, а также различныя историческія повременныя изданія вносятъ въ свои драгоценныя сборники массу весьма важныхъ для исторіи XVIII вѣка матеріаловъ, расширяется и поле для любознательности любителя и изслѣдователя отечественной исторіи XVIII вѣка. То, что было лѣтъ 20 тому назадъ недоступнымъ, то уже входитъ нынѣ въ общій оборотъ чтенія и, нерѣдко, съ недоумѣніемъ спрашиваешь, что могло вызывать опасеніе въ той или другой, относящейся до русской исторіи, книгѣ или монографіи,

и почему таковыя значились въ числѣ запретныхъ плодовъ для русскаго читателя, въ то время, когда повсюду въ Европѣ таковыя историческія книги цитировались тѣмъ съ бѣльшимъ удовольствіемъ и, увы, довѣриемъ, что онѣ были запрещены въ нашемъ отечествѣ!?

Книга Гельбига представляетъ сто десять біографій тѣхъ русскихъ и иноземныхъ людей, которымъ, такъ или иначе, но особенно улыбнулась фортуна ¹⁾). Эти біографіи не всѣ отличаются точностью: не мало въ нихъ ошибокъ, но, однако, всѣ онѣ имѣютъ достоинство записокъ современника, писавшаго о многихъ изъ выведенныхъ имъ баловней фортуны, какъ о личныхъ своихъ знакомыхъ, съ которыми встрѣчался въ палатахъ петербургскихъ дворцовъ и въ салонахъ петербургской аристократіи, или же рассказы его основаны на показаніяхъ лицъ, близко знавшихъ этихъ избранниковъ счастья и героевъ слѣплаго случая. Это не памфлеты, не злые поклепы желчнаго иноземца, бьющаго на скандалъ для успѣха книги, нѣтъ, это спокойный рассказъ чело-вѣка просвѣщеннаго, любознательнаго и желавшаго, въ возможно добросовѣстныхъ очеркахъ, познакомить читающую публику съ представителями русскаго, преимущественно придворнаго, общества за время съ 1690-го по 1790 г.

Русскому переводу сочиненія Гельбига, выдержавшаго на нѣмецкомъ языкѣ два изданія, на страницахъ „Русск. Стар.“ довольно посчастливилось; переводъ принадлежитъ бывшему нѣкогда профессору университета св. Владиміра въ Кіевѣ, В. А. Бильбасову, писателю талантливому и ученому, въ послѣдніе годы всецѣло отдавшему свой невольный досугъ отъ дѣятельности публициста и редактора нѣкогда весьма распространенной газеты „Голосъ“ на разработку отечественной исторіи въ области XVIII вѣка, съ исторической литературой каковаго столѣтія В. А. Бильбасовъ превосходно знакомъ. Это обширное знакомство г. Бильбасова съ источниками и выразилось въ данномъ случаѣ въ обширныхъ и кропотливо составленныхъ примѣчаніяхъ къ каждой изъ 110-ти біографій, имъ же переведенныхъ изъ книги Гельбига. Конечно, есть у него, т. е. у комментатора,

¹⁾ Курьезно, что въ число таковыхъ счастливицевъ Гельбигъ включилъ Радищева, котораго, какъ извѣстно, фортуна не очень-то побаловала.

пропуски и недомолвки, даже въ ссылахъ на „Русскую Старину“ и другія историческія изданія (см., напримѣръ, по отношенію къ Радищеву, гдѣ не указано весьма замѣчательное изслѣдованіе В. Е. Якушкина),—но таковыя пропуски читателямъ, знакомымъ съ „Русской Стариной“, легко восполнить. Гораздо труднѣе, въ настоящее по крайней мѣрѣ время, восполнить не зависѣвшіе отъ насъ пропуски въ самомъ текстѣ перевода сочиненія Гельбига. Пропуски эти касаются по преимуществу нѣкоторыхъ, если можно такъ выразиться, интимныхъ подробностей, почти вездѣ замѣненныхъ въ нашемъ изданіи точками, равнымъ образомъ касаются подробныхъ исчисленій, какія дѣлаетъ Гельбигъ относительно матеріальныхъ благъ, выпавшихъ на долю баловней случая—въ тысячахъ крестьянскихъ душъ и милліонахъ рублей; но, во первыхъ, все это у нашего саксонца не безъ преувеличенія, а во вторыхъ, все это извѣстно съ болѣею документальною точностью изъ другихъ трудовъ, бывшихъ уже въ нашей печати, и, наконецъ, мы не теряемъ надежды, что настанетъ время, когда русская историческая литература, подобно таковымъ же литературамъ нѣмецкой, французской, англійской и иныхъ народовъ, будетъ свободна отъ необходимости прерываться краснорѣчивыми точками, заставляющими подозрѣвать подъ собой Богъ-вѣсть какіе ужасы, въ то время, какъ таковыхъ вовсе на лицо не имѣется, а были явленія, легко объясняемыя временемъ, когда таковыя происходили.

И въ самомъ дѣлѣ, величію такой гениальной женщины, какъ Еватерина II, этой созидательницы славы и могущества горячелюбивой ею Россіи, могли ли бы сколько нибудь повредить рассказы болѣе или менѣе достовѣрные, рассказы ея современниковъ о нѣкоторыхъ ея слабостяхъ и увлеченіяхъ? Намъ кажется, и всегда будетъ казаться, что вреда отъ сообщенія рассказовъ о нихъ на страницахъ изданія серьезнаго, преслѣдующаго чисто научную цѣль, изданія строго безпристрастнаго,—вредъ, повторяемъ мы, произойти не можетъ, а, напротивъ,—польза, такъ какъ спокойное, безпристрастное и безъ урѣзовъ (чуть ни сказали—языка!) изслѣдованіе на русскомъ языкѣ всегда будетъ служить опоромъ массѣ тѣхъ пасквилей объ этой государынѣ, которые, подъ видомъ историческихъ мемуаровъ и цѣлыхъ исторій ея

времени, напечатаны, да и до сихъ поръ печатаются за рубежомъ нашего отечества.

Во всякомъ случаѣ, долгомъ считаемъ принести глубочайшую нашу благодарность г. президенту императорской академіи наукъ за его просвѣщенное содѣйствіе къ разрѣшенію появленія въ нашемъ изданіи помянутаго историческаго труда; широта взгляда—на задачи отечественной исторіи—г. президента академіи хорошо извѣстна, и наука русской исторіи и исторія русскаго просвѣщенія имѣютъ нѣсколько цѣнныхъ въ нихъ вкладовъ со стороны гр. Д. А. Толстаго.

Какъ трудъ Гельбига есть хроника русскаго общества и петербургскаго двора XVIII вѣка, такъ историческій очеркъ Н. М. Колмакова о фамилии гр. Строгоновыхъ, помѣщенный въ нашемъ изданіи обзорѣваемаго года, есть хроника одной изъ выдающихся фамилій русскихъ бояръ XVIII и XIX столѣтій. Мы говоримъ о статьяхъ его по поводу извѣстнаго дома въ С.-Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ, принадлежащаго графамъ Строгоно, вымъ. Таковыя хроники весьма любопытны, такъ какъ въ нихъ, на ряду съ фактами фамильной жизни, являются нерѣдко историческія данныя, имѣющія общее значеніе, сохранившіяся для потомства въ семейныхъ архивахъ и фамильныхъ преданіяхъ. Отдаемъ полную справедливость той любви и заботливости, съ которою составлена Н. М. Колмаковымъ его интересная хроника; въ то же время не можемъ не пожалѣть, что современные представители многихъ старинныхъ русскихъ фамилій, предки которыхъ играли болѣе или менѣе видныя роли на историческомъ поприщѣ, крайне безучастно относятся и къ своимъ предкамъ, и къ тѣмъ залежамъ историческаго матеріала, которыя хранятся въ ихъ семейныхъ архивахъ. Благодаря легкомыслию и нерачительности своихъ владѣльцевъ, эти залежи историческихъ матеріаловъ ждутъ лишь пожара или какой либо другой бѣдственной случайности, дабы безслѣдно погибнуть для исторіи. А сколько такихъ фамильныхъ архивовъ исчезло, да и теперь, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, утрачиваются и гибнутъ навсегда! Не то мы видимъ у нашихъ сосѣдей, гдѣ подбираются на типографскій станокъ малѣйшія крупницы, важныя для исторіи хотя бы отдѣльныхъ родовъ той или другой фамиліи. А что и у насъ фамильныя

сказанія изъ семейныхъ хроникъ лицъ даже весьма второстепенныхъ имѣютъ не маловажный интересъ для характеристики своего времени, довольно указать въ обозрѣваемомъ году „Русской Старинѣ“ на сказаніе о декабристѣ Булатовѣ, сообщенное трудолюбивымъ и энергическимъ изслѣдователемъ старины А. А. Титовымъ. И посмотрите—какъ жизненно обрисовываются фигуры историческихъ лицъ, повидимому, уже давно и хорошо извѣстныхъ, совершенно новыми штрихами, лишь только изслѣдователь обращается, такъ сказать, въ семейнымъ матеріаламъ этихъ самыхъ лицъ. Мы говоримъ о статьяхъ, въ нашемъ изданіи обозрѣваемаго года, о партизанѣ Фигнерѣ и въ особенности о матеріалахъ, въ этомъ же году въ „Русской Старинѣ“ сообщенныхъ, объ одномъ изъ народныхъ нашихъ героев, генералѣ Кульневѣ!

Въ отдѣлѣ изслѣдованій, конечно, замѣченъ обширный трудъ Н. М. Колмакова: „Биографія графа Виктора Никитича Папина“. До сихъ поръ жизнь этого государственнаго дѣятеля эпохи императора Николая Павловича и этого преемника Якова Ивановича Ростовцева въ трудахъ по освобожденію крестьянъ,—была извѣстна лишь по обширному памфлету, напечатанному въ концѣ 1850 годовъ въ Лондонѣ, въ изданіи А. И. Герцена: „Голоса изъ Россіи“. Памфлетъ былъ весьма интересенъ, пересыпанъ множествомъ презабавныхъ анекдотовъ, но все же это былъ памфлетъ, не болѣе.

Жизнь и государственная дѣятельность графа Виктора Никитича Папина заслуживала вполне обстоятельнаго обзорѣнія и вотъ почему трудъ г. Колмакова, правду сказать, немножко апологическій и представляющій лишь бѣглый очеркъ, справедливо обратилъ на себя вниманіе нашихъ читателей.

Въ послѣдніе годы, именно съ 1881-го, — „Русская Старина“ отводитъ все болѣе и болѣе страницъ для знакомства нашихъ современниковъ и нашихъ потомковъ съ незабвенною эпохою возрожденія дорогаго нашего отечества, съ эпохою Александра II. Въ обозрѣваемомъ году по отношенію къ этому, особенно дорогому для насъ, времени, мы помѣстили очеркъ объ американскомъ посольствѣ въ Россію въ 1867 году, очеркъ, принадлежащій нашей постоянной сотрудницѣ В. В. Тимошукъ.

Къ исторіи освобожденія крестьянъ мы помѣстили въ 1887 г. окончаніе знаменитыхъ монографій К. Д. Кавелина по крестьянскому вопросу.

По поводу исторіи преобразованій военно-учебныхъ заведеній мы дали обширный очеркъ одного изъ лицъ, весьма близко знающихъ эти достопамятныя, въ ряду другихъ реформъ императора Александра II, преобразованія.

По отношенію къ исторіи послѣдней русско-турецкой войны, 1877—1878 гг., мы помѣстили статью генерала-отъ-инфантерій Бриднера и комментировали ее обстоятельными замѣчаниями и возраженіями П. Н. Воронова, полковника генеральнаго штаба, молодого, трудолюбиваго изыскателя и большаго знатока въ области новѣйшей военной исторіи.

Извѣстно, что Александръ II, въ его неусыпныхъ трудахъ къ возрожденію и обновленію всего внутренняго строя нашего отечества, вызвалъ къ жизни тысячи народныхъ училищъ. Частая сѣть народныхъ школъ покрыла наше отечество въ эпоху его преобразованій. Съ полнымъ довѣріемъ Царь-Освободитель предоставилъ городскія школы въдѣнію городскихъ общественныхъ управленій. Исторія перваго десятилѣтія (1877—1887) начальныхъ городскихъ училищъ въ С.-Петербургѣ на почвѣ общественнаго самоуправленія, изложенная въ талантливомъ очеркѣ Д. Д. Семенова на страницахъ „Русской Старины“ обзорѣаемаго года, какъ нельзя лучше показываетъ, какъ блистательно оправдали городскія управленія, по крайней мѣрѣ общественное управленіе Петербурга, довѣріе великаго государя. Читая этотъ въ высшей степени поучительный очеркъ того, что можетъ сдѣлать общественное самоуправленіе, когда оно пользуется извѣстною свободою, на добро направленною, невольно укрѣпляешься въ надеждѣ, что если не явятся какія либо препоны къ дальнѣйшему развитію этой дѣятельности, то еще и при нашей жизни мы увидимъ вполне отрадное явленіе: въ Петербургѣ не будетъ, даже въ бѣднѣйшихъ слояхъ его населенія, дѣтей школьнаго возраста, которыя не слѣзили бы получить образованіе и воспитаніе подъ сѣнью городскихъ училищъ. При массѣ школъ, вполне соотвѣтствующихъ, и по числу, и по качеству, потребностямъ населенія, неминуемо, наконецъ, явится

законъ объ обязательности обученія для всего населенія, тотъ законъ, который пустилъ уже глубокіе корни почти на всемъ пространствѣ Европы, за исключеніемъ Россіи и Турціи.

Дорого намъ время Александра II. Не менѣе дорога память его славныхъ сподвижниковъ. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занималъ А. В. Головинъ, преждевременную кончину котораго русское общество оплакало въ ноябрѣ 1886 г. Въ нашемъ очеркѣ, посвященномъ его памяти, а затѣмъ въ матеріалахъ, вслѣдъ затѣмъ нами напечатанныхъ, мы постарались, какъ сумѣли, освѣтить эту высоко замѣчательную, въ особенности въ нравственномъ отношеніи, личность; мы не разстанемся съ нею еще долго. Мы получили множество самыхъ интересныхъ данныхъ, освѣщающихъ этого государственнаго мужа, всей душой преданнаго Царю-Освободителю и жившаго, можно сказать, любовью въ славѣ дорогой ему Россіи, страдавшаго ея горемъ, трудившагося для ея блага. Дорого намъ, что нашъ, отъ сердца вылившійся, очеркъ вызвалъ полное сочувствіе нѣсколькихъ ближайшихъ сподвижниковъ великаго монарха. Отъ одного изъ нихъ мы получили слѣдующія дорогія для насъ строки:

„Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы высказать вамъ, Михаилъ Ивановичъ, съ какимъ удовольствіемъ я прочелъ въ мартовской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1887 г. вашу прекрасную статью о покойномъ Александрѣ Васильевичѣ Головинѣ. Продолжавшіяся болѣе тридцати пяти лѣтъ мои дружескія съ нимъ отношенія даютъ мнѣ право заявить, что почтенная эта въ высшей степени личность очерчена вами вполне достойно и правдиво“. (Письмо отъ 15 марта 1887 г.).

„Съ особеннымъ удовольствіемъ прочиталъ я биографическую вашу статью объ А. В. Головинѣ, написанную съ чувствомъ и правдою“,—пишетъ въ намъ отъ 17-го апрѣля этого же года другой изъ государственныхъ людей современной Россіи: „помѣщеніе въ концѣ оной выписки изъ моего къ вамъ письма доказало мнѣ, что вы раздѣляете мой взглядъ на высочія нравственныя достоинства покойнаго“...

Усердно просимъ лицъ, знавшихъ А. В. Головина, продолжать дѣлиться съ нами всѣмъ тѣмъ, что можетъ послужить матеріаломъ, хотя бы и не въ близкомъ будущемъ, для обстоятельной

біографіи этого вполне достопамятнаго дѣятеля въ ряду сподвижниковъ Александра II.

Отдавая дань высокаго уваженія въ памяти опочившимъ государственнымъ людямъ, „Русская Старина“ неизмѣнно встрѣчаетъ словомъ сердечнаго сочувствія труженниковъ науки, литературы и художествъ. Въ настоящемъ году мы имѣли случай и достаточный поводъ воздать дань уваженія, по поводу 50-лѣтнихъ юбилеевъ—высокоуважаемому труженнику россійской археологіи и исторіи П. И. Савванитову и славному художнику И. К. Айвазовскому, одному изъ тѣхъ богатырей русскаго народа, которые гениемъ своимъ и неутомимою дѣятельностью созидаютъ славу и гордость русскаго народа въ общей семьѣ цивилизованнаго міра. Въ этомъ же году мы имѣли случай высказать наше мнѣніе о другомъ могучемъ талантѣ: мы говоримъ о славномъ писателѣ-сатирикѣ М. Е. Салтыковѣ (Щедринѣ). Да, таковыя лица, какъ гр. Левъ Николаевичъ Толстой, Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, Иванъ Константиновичъ Айвазовскій, композиторъ Чайковскій, скульпторъ Антакольскій — являются свѣточами современнаго русскаго народа и, конечно, каждый изъ нихъ займетъ весьма видное мѣсто въ исторіи цивилизаціи нашего отечества, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Къ графу Льву Николаевичу Толстому мы будемъ имѣть случай обратиться на страницахъ нашего изданія, а въ настоящемъ году мы, по поводу приложенія къ „Русск. Стар.“ гравюры его портрета, исполненной художникомъ В. В. Мате съ извѣстнаго, весьма характернаго, портрета Крамскаго (1873), сообщимъ очеркъ дѣятельности гр. Л. Н. Толстаго, составленный уважаемымъ профессоромъ О. Э. Миллеромъ.

III.

Въ отдѣлѣ, такъ сказать, сырыхъ матеріаловъ „Русской Старины“, въ обозрѣваемомъ году, явилось не мало отдѣльныхъ документовъ, имѣющихъ интересъ и историческое значеніе. Тутъ челобитныя Ломоносова и Суворова, реляція священника очевидца о взятіи Очакова 1788 г., различные указы Петра I, Анны Ивановны, Елисаветы Петровны, Екатерины II ¹⁾, тутъ же и цѣлая серія нами открытыхъ, въ одномъ изъ заграничныхъ архивовъ (именно въ Ганноверѣ), писемъ Екатерины II къ доктору Циммерманну, до сихъ поръ остававшихся либо неизданными, либо хотя и бывшихъ въ печати, но съ болѣе или менѣе значительными пропусками и погрѣшностями. По поводу этой послѣдней переписки должно съ большимъ уваженіемъ упомянуть о состояніи архивовъ въ королевствѣ прусскомъ, управляемыхъ знаменитымъ историкомъ и архивистомъ Зибелемъ. Эти архивы поражаютъ посѣтителей не только отличнымъ внѣшнимъ своимъ устройствомъ, своимъ порядкомъ и личнымъ составомъ своихъ чиновниковъ, большею частью, людей науки, людей высокопросвѣщенныхъ, но въ особенности—замѣчательною доступностью къ тѣмъ сокровищамъ, которыя хранятся въ картонахъ этихъ архивовъ. Въ самомъ дѣлѣ, матеріалы архивовъ въ Пруссіи, на всемъ ея пространствѣ, доступны каждому изслѣдователю; выдача копій самыхъ точныхъ, самымъ обстоятельнымъ образомъ исполненныхъ, обставлена такою ничтожною таксою за снятіе оныхъ и до такой степени чужда всякой формальности и хлопотъ, что и по отношенію къ своимъ архивамъ Пруссія практикуетъ то-же правило, которое давно существуетъ въ ней по всѣмъ прочимъ ея учрежденіямъ, а именно, что и государственные архивы суть учрежденія, существующія не только для канцелярій и чиновниковъ, но и для любознательной публики. Давай-то Господи, чтобы мы, перенявшіе многое доброе изъ нѣмецчины, переняли

¹⁾ Особенно признательны мы за сообщеніе въ 1887 г. отдѣльныхъ историческихъ документовъ Г. К. Рѣпинскому, Ан. Фед. Кони, А. Мерцалову, Н. Н. Селифонтову, А. А. Титову, Н. К. Шильдеру и мног. др.

и указанную нами доступность къ государственнымъ хранилищамъ историческихъ матеріаловъ. Какъ бы быстро пошла у насъ впередъ наука отечественной исторіи при этомъ непремѣнномъ условіи!

Для исторіи Екатерины II весьма цѣнно, сообщенное въ „Русской Старинѣ“ 1887 г., собраніе подлинныхъ ея писемъ и повелѣній къ графу В. П. Мусину-Пушкину, за время войны съ Швеціей, 1788—1789 гг., съ предисловіемъ и весьма обстоятельными примѣчаніями В. А. Бильбасова.

Подъ заголовкомъ „Петербургская старина“, въ обзорѣваемомъ году, привели мы продолженіе, за многіе уже годы танущихся у насъ, выписокъ почтеннаго Г. И. Студенкина изъ единственнаго органа русской гласности за время императора Павла; мы говоримъ о выпискахъ изъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“, 1796—1801 годовъ. Эти выписки, при всей своей кажущейся отрывочности, составляютъ, съ длиннымъ рядомъ нами же изданныхъ въ „Русской Старинѣ“ подлинныхъ указовъ, повелѣній и рескриптовъ Павла Петровича, полную, яркую картину того душнаго для русскаго общества времени, которое настало на цѣлые четыре года послѣ царствованія великой Екатерины. Это время ждетъ своего историка, быть можетъ будетъ ждать очень долго и поэтому задача историческаго изданія собирать на свои страницы матеріалы для таковой исторіи.

Отличными рассадниками историческихъ знаній по отечественной исторіи, археологій, археографіи, нумизматикѣ и этнографіи являются на Руси—ученыя архивныя комиссіи, энергією Н. В. Калачова и графа Д. А. Толстаго основанныя. Совершенно понятно, что „Русская Старина“ близко заинтересована въ упроченіи и развитіи этихъ учреждений, именно въ интересѣ науки отечественной исторіи; вотъ почему въ этомъ же году мы, кромѣ весьма обстоятельнаго обзорѣнія дѣятельности всѣхъ существующихъ въ нашемъ отечествѣ помянутыхъ комиссій, обзора, составленнаго уважаемымъ директоромъ археологическаго института, профессоромъ И. Е. Андреевскимъ, помѣстили объ одной изъ наиболѣе дѣятельныхъ комиссій—Рязанской—особую, нами

составленную, статью. И на будущее время мы общаемъ съ живѣйшимъ интересомъ и вниманіемъ слѣдить за дѣятельностью губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій.

IV.

Исторія русской литературы всегда одинаково интересовала „Русскую Старину“, какъ и отечественная исторія.

Въ 1887 г. отечественная словесность имѣла свой дорогой день: мы говоримъ о столѣтней годовщинѣ дня рожденія поэта К. Н. Батюшкова, этого талантливаго предтечи гениальнаго Пушкина, и какъ блистательно ознаменована была эта годовщина!

Явилось монументальное, превосходное изданіе всѣхъ твореній Батюшкова, въ стихахъ и въ прозѣ, изданіе уважаемаго дѣятеля общественнаго—П. Н. Батюшкова. На страницахъ этого изданія явилось вполнѣ талантливое, чисто академическое, въ серьезномъ смыслѣ этого слова, изслѣдованіе магистра русской словесности—Л. Н. Майкова. Это изслѣдованіе сдѣлало бы честь каждой европейской литературѣ, а въ нашей русской литературѣ, въ которой съ трудомъ насчитывается десятка два всестороннихъ изысканій о трудахъ нашихъ классическихъ писателей,—трудъ Л. Н. Майкова является поистинѣ драгоценнѣйшимъ вкладомъ въ исторію нашей словесности. Впрочемъ, вообще надо порадоваться, что, наконецъ, и у насъ на Руси сочиненія и жизнь нашихъ писателей пережитаго времени все болѣе и болѣе вызываютъ изыскателей. Статьи, очерки, изысканія и замѣтки В. Е. Якушеина, Л. Поливанова, П. А. Висковатаго, Н. С. Тихонравова, Е. С. Некрасовой, академика Я. К. Грота, Н. А. Бѣловерской, сообщенія которыхъ явились на страницахъ нашего изданія и въ обозрѣваемомъ году, какъ нельзя лучше показываютъ, что жизнь и сочиненія нашихъ великихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Гоголя—будутъ изслѣдованы также всесторонне, до самыхъ мельчайшихъ подробностей, какъ то мы видимъ въ англійской, нѣмецкой и французской литературахъ по отношенію къ ихъ великимъ поэтамъ; тамъ сформированы и существуютъ многіе годы цѣлыя общества почита-

телей ихъ геніальныхъ поэтовъ; члены таковыхъ обществъ съ особенною любовью трудятся въ дѣлѣ изысканій по отношенію къ ихъ жизни и ихъ сочиненіямъ. Кто не слыхалъ, напримѣръ, про общества Шекспира, Шиллера, Гете, Байрона и др.; надо надѣяться, что и у насъ имена Пушкина, Гоголя, Лермонтова лягутъ въ основаніе организаціи цѣлыхъ обществъ, посвященныхъ трудамъ объ ихъ жизни и ихъ литературной дѣятельности; имѣемъ же мы и въ настоящее уже время въ С.-Петербургѣ музеи именъ Пушкина и Лермонтова.

Едва ли надо говорить, что „Русская Старина“, доколѣ лишь будетъ она существовать, не престанетъ посвящать свои страницы изслѣдованіямъ жизни и дѣятельности этихъ трехъ геніевъ, а равно на обнародованіе вновь открываемыхъ перловъ ихъ произведеній. Въ этомъ отношеніи мы особенно счастливы и даже въ настоящую минуту можемъ заявить нашу надежду на то, что въ одной изъ ближайшихъ книгъ „Русской Старины“ изд. 1888 г. мы помѣстимъ вновь открытый высокоуважаемымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ неизданный отрывокъ изъ романа-поэмы А. С. Пушкина „Евгеній Онегинъ“.

Но останавливаясь съ особенною любовью и вниманіемъ предъ коллосами русской литературы, мы не обходимъ и второстепенныхъ нашихъ литературныхъ дѣятелей пережитаго времени. Въ ряду ихъ, безспорно, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ былъ Александръ Васильевичъ Дружининъ, человекъ обширнаго, вполнѣ европейскаго образованія, превосходный знатокъ иностранныхъ литературъ, одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ англійскихъ классическихъ писателей Шекспира, Байрона и друг. А что всего важнѣе и дороже для семьи современныхъ русскихъ писателей и ученыхъ—это то, что А. В. Дружининъ былъ основатель, въ ноябрѣ 1859 года, литературнаго фонда. Значеніе и польза этого учрежденія—извѣстны всѣмъ и каждому, кто интересуется положеніемъ русскаго писателя. Литературный фондъ составляетъ, въ теченіи болѣе уже четверти вѣка, главное средоточіе всего круга русской пишущей, зачастую бѣдствующей братіи, единственный представитель и ходатай за нужды этой семьи тружениковъ, единый его оберегатель и пособникъ

въ дни лишеній и испытаній, каковыя, увы, зачастую на нихъ выпадаютъ...

Въ обозрѣваемомъ году печальное событіе—внезапная кончина писателя Михаила Павловича Розенгейма—дало намъ поводъ помѣстить его автобіографію; это живое, полное интереса, въ особенности для насъ, пишущей братіи, сказаніе о прохожденіи сквозъ всякія бѣды русскаго литератора — продиетовано покойнымъ его достойнѣйшей супругъ В. И. Розенгеймъ и ею записано какъ бы не отъ лица мужа, а въ третьемъ лицѣ.

Въ бытность нашу за границей, въ 1886—1887 гг., мы имѣли истинное удовольствіе познакомиться съ профессоромъ Ф. фонъ-Боденштедтомъ; это—всѣми уважаемый нѣмецкій писатель, старѣйшій изъ современныхъ германскихъ поэтовъ; онъ особенно дорогъ для русскаго образованнаго общества тѣмъ, что, въ теченіи почти полувѣка, служить русской литературѣ, знакомя съ нею, въ своихъ талантливыхъ переводахъ на нѣмецкій языкъ, европейскую публику. Въ самомъ дѣлѣ, переводы Боденштедта—сочиненій Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Аксакова, Надсона и др., по талантливости равняются подлинникамъ. Мы очень рады, что имѣли и досугъ, и возможность ознакомить нашихъ читателей съ труженническою жизнью и характеристикой этого маститаго поэта и переводчика, а равно, благодаря его дружеской въ намъ любезности, напечатали въ обозрѣваемомъ году цѣлый рядъ писемъ къ нему такихъ крупныхъ, по своему значенію, русскихъ писателей, каковы: И. С. Тургеневъ и И. С. Аксаковъ. Мы надѣемся, что и на будущее время профессоръ Боденштедтъ, съ интересомъ и вниманіемъ слѣдящій за „Русской Стариною“, не оставитъ ее своими дальнѣйшими сообщеніями, а равно продолженіемъ любопытныхъ воспоминаній, первыя главы которыхъ явились въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года.

На страницахъ „Русской Старины“ изданія 1887 года мы закончили печатаніемъ Записки Татьяны Петровны Пассекъ, съ ихъ многочисленными приложеніями—подлинныхъ писемъ А. И. Герцена, его жены Натальи Александровны, рожденной Захарьиной, и Н. П. Огарева, 1840—1870 годовъ. Записки

Т. П. Пассекъ, талантливой маститой писательницы (род. въ 1810 г.), начаты намп еще въ 1872 г.; при изданіи ихъ встрѣчались нѣкоторыя затрудненія со стороны покойнаго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати въ 1873—1875 гг., М. Н. Лонгинова, а потому печатаніе шло съ продолжительными перерывами; но затѣмъ вполне признана была справедливою та истина, что общественные и литературные дѣятели, о которыхъ повѣствуетъ въ своихъ свазаніяхъ Т. П. Пассекъ, отойдя уже въ вѣчность, тѣмъ самымъ сдѣлались достоаіемъ исторіи русскаго общества и русской культуры, для которой они, положительно или отрицательно, но все же трудились и притомъ весьма замѣтно, а потому печатаніе ея воспоминаній было возобновлено и закончено безъ дальнѣйшихъ затрудненій.

Герценъ и Огаревъ, безспорно, писатели съ крупными талантами; мы не говоримъ о Герценѣ какъ о публицистѣ, но въ немъ видимъ писателя беллетриста съ отличнымъ дарованіемъ, а Огаревъ вполне по праву занялъ видное мѣсто среди поѣтовъ 1840—1860 годовъ. Притомъ рассказъ г-жи Пассекъ такъ спокоенъ, такъ объективенъ, что онъ не могъ не явиться на страницахъ такого изданія, какъ „Русская Старина“, одна изъ цѣлей которой—относиться ко всему минувшему съ полнѣйшимъ и самымъ искреннимъ безпристрастіемъ.

Упомянувши о Герценѣ, пожелаемъ, дабы одна изъ самыхъ лучшихъ частей его извѣстныхъ въ европейской литературѣ мемуаровъ—„Былое и думы“, остающаяся до сихъ поръ въ рукописи у его сына, А. А. Герцена, профессора академіи въ г. Лозанѣ, въ Швейцаріи, явилась бы, наконецъ, въ печати. Эту неизданную часть записокъ покойнаго Герцена мы имѣли истинное наслажденіе прочесть во Флоренціи, въ рукописи, въ октябрѣ 1878 г. Авторъ говоритъ въ ней объ одномъ романическомъ эпизодѣ изъ своей частной жизни, но говоритъ какъ художникъ, дивно очерченными образами, а потому это произведеніе составляетъ одинъ изъ лучшихъ художественно-литературныхъ его трудовъ. Кстати скажемъ: теперь, когда прошло болѣе восемнадцати лѣтъ послѣ кончины Герцена,—казалось бы возможнымъ появленіе на Руси его чисто беллетристическихъ произведеній, а отчасти и его мемуаровъ.

Вообще, по отдѣлу литературы „Русская Старина“ 1887 г. особенно много дала произведеній нашихъ талантливѣйшихъ поэтовъ. Въ самомъ дѣлѣ, на ея страницахъ, именно за это время, явились стихотворенія, до сихъ поръ не бывшія еще въ печати — Лермонтова, Жуковского, К. Н. Батюшкова, барона Дельвига, Н. М. Языкова, А. Полежаева, Веневитинова, Бенедиктова, Дениса Давыдова, Якубовича, Никитина, Огарева, Некрасова, Розенгейма, графа А. К. Толстаго, Н. Ф. Павлова, Ознобишина, А. С. Хомякова, Ив. С. Аксакова, Добролюбова, Авраама Норова, Колошина, крестьянина Дрожжина, Рамшіева (псевдонимъ) и перепечатано изъ книги, не поступившей въ продажу, нѣсколько прелестнѣйшихъ стихотвореній молодого, весьма симпатичнаго поэта К. К. Ро...ва.

Кромѣ того, „Русская Старина“ 1887-го года въ весьма обязательномъ сообщеніи талантливой писательницы Е. С. Некрасовой, представила не безынтересный альбомъ знаменитаго библиографа С. Д. Полторацкаго, сохранившаго отъ утраты множество поэтическихъ и сатирическихъ произведеній современныхъ ему писателей,—произведеній, ходившихъ долгое время въ рукописныхъ спискахъ.

Читатели, конечно, также замѣтили въ нашемъ журналѣ обзорѣваемаго года цѣлое собраніе очень поэтическихъ и весьма вѣрныхъ переводовъ изъ Гейне, принадлежащихъ столь безвременно умершему знаменитому русскому педагогу В. И. Водозову. Эта въ высшей степени симпатичная личность тонкими чертами обрисована, въ обзорѣваемомъ году, въ сердечно написанномъ, талантливомъ очеркѣ одной изъ его ученицъ, которая, вспоминая о В. И. Водозовѣ, помянула добрымъ словомъ и другаго славнаго педагога, его же друга, К. Д. Ушинскаго.

Отъ времени до времени мы помѣщаемъ, какъ извѣстно, нѣкоторые памятники народной русской словесности. Въ книгахъ настоящаго года нашего изданія мы помѣстили одну лишь пьесу этого рода, но она весьма своеобразна и интересна. Мы говоримъ о длинной пѣсни „Горе киргиза“, въ которой этотъ народъ съ грустью и болью описуетъ свое печальное положеніе.

Поэтическое дарованіе недавно, почти на зарѣ своей жизни, угасшаго писателя Надсона вполне справедливо и тонко очерчено на страницахъ обозрѣваемаго года „Русской Старины“ извѣстнымъ нашимъ профессоромъ и писателемъ О. Ѳ. Миллеромъ. Перу того же друга нашего Ореста Ѳедоровича принадлежитъ въ „Русской Старинѣ“ 1887 г., какъ мы уже замѣтили выше, сжатый, но, полагаемъ, вполне обстоятельный очеркъ— жизни и трудовъ первокласснаго современнаго русскаго писателя, графа Льва Николаевича Толстаго, по поводу котораго, смѣло можно сказать, что въ послѣдніе годы, положительно, не проходитъ дня, дабы въ какомъ либо органѣ печати, какъ русской, такъ и иностранной, не говорили бы, впрочемъ, добавимъ—не говорили-бы и вкривь, и вкось!

V.

По отдѣлу исторіи искусствъ, за весь обозрѣваемый годъ, мы можемъ лишь отмѣтить очерки, посвященные художественной дѣятельности Ѳ. Г. Солнцева и И. К. Айвазовскаго, да статью артиста г. Свободина: его воспоминанія о В. В. Самойловѣ. Но, конечно, „Русская Старина“ не разъ еще возвратится къ Самойлову, едва ли не послѣдному великому артисту по его многогранному сценическому дарованію, такъ живо напоминавшему намъ наилучшее, самое блестящее время въ исторіи русской драматической сцены (1840—1850-ые годы). Вотъ почему мы усердно просимъ всѣхъ почитателей В. В. Самойлова, всѣхъ лицъ, близко его знавшихъ, сообщать относительно этого, въ величайшей степени даровитаго, вполне европейскаго артиста, свои воспоминанія и матеріалы къ его жизнеописанію.

Что касается до неподражаемаго мариниста г. Айвазовскаго, мощный талантъ котораго прославилъ его имя повсюду въ Европѣ, то по случаю достопамятнаго дня 26-го сентября 1887 г., дня празднованія болѣе нежели полувѣковаго его служенія искусству, на страницахъ обозрѣваемаго года „Русской Старины“ посвящены ему, И. К. Айвазовскому, краткое извлеченіе изъ

его же замѣчательныхъ Записокъ, явившихся въ нашемъ журналѣ изд. 1878 г., и двѣ наши рѣчи, на означенномъ торжествѣ сказанныя.

VI.

Отдѣлъ исторической библиографіи въ „Русской Старинѣ“ 1887 г., попрежнему, состоялъ изъ краткихъ замѣтокъ, преимущественно сообщенныхъ нашимъ давнимъ сотрудникомъ профессоромъ императорскаго университета св. Владиміра въ Кіевѣ, по кафедрѣ русской исторіи, В. С. Иконниковымъ, съ присоединеніемъ, отъ времени до времени, и нашихъ собственныхъ замѣтокъ. Недостатокъ мѣста въ нашемъ журналѣ не позволялъ и не позволяетъ намъ помѣщать большія критическія статьи о произведеніяхъ русской исторической литературы, между тѣмъ какъ, дѣйствительно, съ каждымъ годомъ эта литература обогащается трудами, нерѣдко весьма замѣчательными, по поводу которыхъ могутъ и должны бы являться критическія монографіи; но это задача литературно-научныхъ періодическихъ изданій, мы же не всегда даже находимъ мѣсто многимъ сообщеніямъ записокъ (мемуаровъ), историческихъ очерковъ и различныхъ матеріаловъ къ отечественной исторіи,—до того много ихъ поступаетъ въ архивъ „Русской Старины“ и до того богаты онѣ сообщеніями, поступившими въ 1870—1887 гг. и до сихъ поръ остающимися въ рукописи, не смотря на то, что книги „Русской Старины“ давно уже, по объему своему, значительно превышаютъ размѣръ, который можетъ быть данъ при весьма малой подписной цѣнѣ на этотъ журналъ.

VII.

Начавши ранѣе всѣхъ историческихъ журналовъ украшать „Русскую Старину“ портретами достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, мы и въ обозрѣваемомъ году старались, чтобы какъ выборъ лицъ, для воспроизведенія ихъ въ портретахъ, такъ и самое выполнение гравюръ были бы вполне удачны. А имѣя въ виду, что гравюра на мѣди всегда передаетъ портретъ въ болѣе изящномъ тонко-художественномъ воспроизведеніи, мы и въ обозрѣваемомъ году помѣщали нерѣдко гравюры на мѣди. Таковы превосходные портреты: профессора археологической живописи **Θ. Г. Солнцева**, маститаго патріарха современной русской академіи художествъ; нашего гениальнаго сатирика-писателя **М. Е. Салтыкова** и статсъ-секретаря **А. В. Головнина**; портретъ послѣдняго, впрочемъ, вслѣдствіе сообщенія плохой фотографіи, менѣе всего удался, а потому мы воспроизведемъ его вновь, въ 1888-мъ или въ одномъ изъ послѣдующихъ годовъ, по лучшей фотографіи. Гравюры эти принадлежатъ рѣзцу талантливаго художника **Θ. А. Мѣркина**, кромѣ портрета-медальона архіепископа **Θеодосія Яновскаго**,—точный снимокъ, воспроизведенный на мѣди съ старинной гравюры, сообщенъ изъ собранія **Ю. Б. Иверсена** и приложенъ въ „Русской Старинѣ“ 1887 г. Портретъ славнаго поэта **К. Н. Батюшкова** переданъ читателямъ „Русской Старины“ 1887 г. въ превосходной гравюрѣ первокласснаго современнаго гравера на мѣди профессора **И. П. Пожалостина**. Что касается до гравюръ на деревѣ, то они выполнены извѣстными учениками и послѣдователями академика **Сѣрякова—И. И. Матюшинымъ**, **В. В. Мате**, **Г. И. Грачевымъ**; портреты, ими выполненные для нашего изданія въ обозрѣваемомъ году, суть: партизанъ **Фигнеръ**, отшельникъ **Θеодоръ**, графъ **С. Г. Строгоновъ**, портретъ-группа: **К. П. Брюлловъ**, **М. И. Глинка** и **Н. В. Кукольникъ**; **М. Ю. Лермонтовъ** въ гробу; графъ **Л. Н. Толстой**, поэтъ **М. П. Розенгеймъ**; кромѣ того помѣщенъ гравированный **г. Вейерманомъ** портретъ **Помпея Николаевича Батюшкова**.

Совершенно неудачнымъ портретомъ мы должны назвать портретъ Николая Никифоровича Мурзакевича—фототипически воспроизведеннаго въ одной изъ мастерскихъ города Мюнхена,—новое доказательство того, что намъ не для чего обращаться къ чужестранцамъ, когда у себя дома имѣются отличные художники.

Кромѣ портретовъ, въ „Русской Старинѣ“ 1887 г. помѣщено нѣсколько рисунковъ, политипажей, таковы: аудіенція американца Фокса у императора Александра II,—памятники: Кульневу, Булатову, поэту Батюшкову и проч.

Въ заключеніе нашего обзора долгомъ считаемъ отмѣтить отрадный для насъ, какъ редактора-издателя „Русской Старины“, фактъ: все изданіе этого историческаго журнала, изданіе 1887 г., еще въ октябрю мѣсяцу сего года разошлось сполна, до послѣдняго экземпляра, по подпискѣ.

Не въ первый разъ таковой успѣхъ сопровождаетъ нашъ трудъ, но каждый разъ онъ, несомнѣнно ободря редактора, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о возрастаніи самаго живаго интереса въ нашихъ читателяхъ, разсѣянныхъ по всему лицу земли русской, къ подробной, серьезной и, главное, правды исполненной разработкѣ отечественной исторіи и исторіи русской литературы.

Безпристрастіе, полная правда и любовь къ дорогому Отечеству—будутъ присущи „Русской Старинѣ“ и на будущее время, а неизсякаемый архивъ этого изданія, постоянно обновляемый вновь поступающими записками, воспоминаніями, очерками и матеріалами, пребудетъ источникомъ, изъ котораго, по прежнему, съ строгимъ выборомъ, будемъ мы черпать содержаніе для „Русской Старины“ и въ 1888-мъ году, какъ то дѣлали въ теченіи восемнадцати лѣтъ изданія этого ежемѣсячнаго историческаго журнала.

Ред.

С.-Петербургъ
18-го ноября 1887 г.

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» историческіе или историко-литературные статьи и матеріалы

въ 1870—1887 гг.

[по 18-е ноября 1887 г.]

Абаза, — Л. В. Абашкинъ, — Р. В. Авдѣевъ, — В. П. Аверариусъ, — Д. В. Аверкіевъ, — И. П. Аврамовъ, — Ага-бекъ-Гасабовъ, — П. Агапѣевъ, — Н. Агафоновъ, — Агентовъ, — А. Аграномовъ, — Адасова, — А. К. Адияновъ, — М. П. Азанчевскій, — проф. И. К. Айвазовскій, — Аксаковъ, — Аксюкъ, вдова, — И. И. Акутинъ, — П. В. Алабинъ, — С. И. Аландскій, — М. А. Албычевъ, — М. Александровъ, — А. Е. Алекторовъ, — К. Алмазовъ, — А. Н. Альмедингенъ, — В. А. Альфонскій, — игуменъ Амвросій, — И. М. Амелицкій, — Е. Н. Аммонъ, — А. И. Анастасіевъ, — И. Андовскій, — директоръ археолог. института профес. И. Е. Андреевскій, — В. Андреевъ, — П. П. Андреевъ, — Х. К. Андреевъ, — Анненковъ, — Г. В. Антоновъ, — М. А. Антоновъ, — А. А. Антуфьевъ, — А. Апраксинъ, — графъ С. А. Апраксинъ, — Е. А. Арапова, — Н. А. Аргилландеръ, — И. А. Аренсъ, — С. Аренсъ, — Аркадіевъ, — М. П. Арнольди, — О. Е. Арнольди, — Ф. С. Арнольди, — епископъ Арсеній, — Ф. А. Арсеньевъ, — К. К. Арсеньевъ, — В. И. Асташевъ, — профес. Н. А. Астафьевъ, — Ариничъ, — В. А. Арцимовичъ, — И. Арцимовичъ, — А. Ф. Арцишевскій, — П. Я. Аршеневскій, — Т. В. Астаховъ, — В. Асташевъ, — Астракова, — Н. П. Ахвердовъ, — Д. Д. Ахшарумовъ, — А. Ю. Ашебергъ.

К. Ф. Багговутъ, — И. Н. Баяевъ, — Г. И. Баіхаровъ, — Байхаровъ, — В. И. Бакунина, — Баландовичъ, — В. С. Балашевъ, — О. С. Балкъ, — А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе, — Н. П. Бараниусъ, — профес. С. И. Барановскій, — Баранцевъ, — о. А. И. Баратынскій, — В. Л. Баратынскій, — А. И. Барзцовскій, — А. В. Бароновъ, — проф. Н. И. Барсовъ, — А. П. Барсуковъ, — Н. П. Барсуковъ, — З. А. Баршъ, — В. С. Барыковъ, — Н. П. Барышниковъ, — кн. В. И. Барятинскій, — Д. Д. Баскаловъ, — А. И. Басовъ, — П. Н. Батюшковъ, — А. П. Бахрушинъ, — Е. П. Бахталовскій, — А. В. Башкатовъ, — Б. Башловскій, — кн. В. И. Башневъ, — А. Безсоновъ, — В. Безсоновъ, — А. Безуладниковъ, — И. Е. Бельманъ, — Н. Л. Бенуа, — г. Бердяевъ, — П. В. Березинъ, — В. Березинъ, — Я. Ф. Березинъ-Шаряевъ, — Ан. П. Берже, — С. Н. Берже, — I. Берманъ, — М. А. Берманъ, — Беръ, — профес. I. В. Бертенсонъ, — г. Вертухъ, — I. Берхинъ, — М. А. Бестужева, — О. А. Бестужева, — В. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — Бибииковъ, — Н. Билибинъ, — проф. В. А. Бильбасовъ, —

А. А. Вильдерлингъ, — бар. Бистромъ, — Д. Благово, — А. А. Благовѣщенскій, — Бларамбергъ, — гр. А. А. Бобринскій, — П. О. Бобровскій, — Н. Н. Бобровъ, — Е. Л. Богданова, — А. Н. Боголюбовъ, — С. Боголяскій, — баронъ Н. К. Богушевскій, — г. Бодеманъ (въ Ганюверѣ), — профес. Ф. Ф. фонъ-Боденштедтъ, — И. Н. Божеряновъ, — И. В. Бодыревъ, — В. А. Болотовъ, — П. А. Болотовъ, — П. О. Борель, — А. Борзенко, — И. И. Борзцовскій, — В. А. Борисовъ, — Боричевскій, — Д. Н. Бородинъ, — С. М. Бородинъ, — А. А. Бородулинъ, — М. О. Бороздинъ, — С. М. Борщовъ, — И. Бочаровъ, — А. К. Бошнякъ, — П. О. Брандтъ, — художн. Н. К. Брезе, — Р. И. Бржостовская, — проф. А. Г. Брикнеръ, — А. Бруннеръ, — А. П. Брянецъ, — И. Брянецъ, — Н. Буковский, — Д. А. Булатовъ, — В. О. и В. О. Булгарины, — А. Булыгинъ, — Е. О. Буринскій, — Н. О. Бурцовъ, — Я. Бутковский, — баронъ Бутлеръ, — гр. М. Д. Бутурлинъ, — К. А. Бухъ, — В. Е. Бучневичъ, — М. Быковъ, — М. Быстровъ, — акад. А. О. Бычковъ, — О. А. Бычковъ, — А. Г. Бѣлаго, — К. Бѣлевичъ, — Д. Бѣлевичъ, — Н. А. Бѣлозерская, — И. П. Бѣлоконскій, — С. А. Бѣлокуровъ, — А. П. Бѣляевъ (декабр.), — баронъ О. А. Бюлеръ.

М. И. Вавиловъ, — Н. А. Вагановъ, — В. Н. Ваксель, — Н. Н. Вакуловскій, — М. С. Валевскій, — В. В. фонъ-Валь, — графъ П. А. Валуевъ, — А. У. Варакомскій, — К. А. Варгунинъ, — И. Варунъ-Секретъ, — И. И. Василѣвъ, — К. П. Василенко, — Н. Васильева, — А. И. Васильевъ, — К. И. Васильевъ, — И. И. Васильевъ, — А. П. Васильевъ, — В. А. Васильевъ, — А. А. Васильчиковъ, — Н. Васильковъ, — Н. В. Вахтинъ, — Георгъ Веберъ (въ Гейдельбергѣ), — Веденянинъ, — В. Н. Ведерниковъ, — Е. Вейденбаумъ, — П. Вейль, — П. И. Вейнбергъ, — П. И. Великопольскій, — Величковскій, — А. Величковъ, — г. Вельяминовъ, — Н. Вельшевъ, — М. А. Веневитиновъ, — А. А. Венецианова, — М. И. Венюковъ, — А. В. Веревкинъ, — П. Вересовъ, — А. В. Верещагинъ, — А. И. Веригинъ, — О. О. Веселаго, — акад. К. С. Веселовскій, — С. Веснянъ, — Н. И. Викинскій, — О. О. Винбергъ, — Н. Виноградовъ, — А. Н. Виноградовъ, — П. А. Виноградовъ, — С. Виноградскій, — Випроревъ, — К. А. Висковатовъ, — профес. П. А. Висковатовъ (Висковатый), — О. А. Витбергъ, — В. Н. Витевскій, — А. Н. Витмеръ, — Н. П. Вишняковъ, — Владимірова, — А. Владиміровъ, — М. Владимкинъ, — Г. П. Власовъ, — И. Влодзимірскій, — Е. Н. Водовозова, — А. Н. Воейковъ, — П. П. Возницынъ, — А. М. Войновъ, — Г. А. Волжевъ, — кн. Волконскій, — И. И. Вологдинъ, — И. В. Вологдинъ, — С. Волосатова, — П. П. Волковской, — Вольдемаръ, — Воляриарская, — Г. А. Воробьевъ, — Е. З. Воронина, — Н. А. Воронихинъ, — П. А. Вороновъ, — Павелъ Никол. Вороновъ, — Ю. Д. Воронова, — рожд. Рудакова, — Н. Я. Воскобойниковъ, — Востоковъ, — Н. Н. Вокинъ, — баронесса Вревская, — баронъ Б. А. Вревскій, — П. И. Врѣони, — Вудъ — А. А. Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ, — княгиня Гагарина, — рожденная Иванова, — кн. Ив. С. Гагаринъ, — кн. Н. В. Гагаринъ, — П. Гагенъ, — А. Гакъ, — профес. А. Д. Галаховъ, — А. С. Галаховъ, — М. Н. Галкинъ-Врасскій, — С. А. Галкинъ, — К. И. Гамаринъ, — А. О. Гамбургеръ, — Е. А. Ганъ, — Я. Гарелинъ, — А. А. Гатцукъ, — А. Гацинскій, — Гвоздиковъ, — Э. Гебель, — К. К. Гейнсъ, — В. И. Гейсмаръ, —

О. Ф. Гейфельдъ.—К. Б. Гелингъ,—И. С. Генбачевъ,—г. Геничъ,—А. А. Герке,—В. Ц. Герцкъ,—профес. А. А. Герценъ,—П. А. Гильдебрандъ,—Гильсъ,—Д. И. Гишпюсъ,—К. К. Гирсъ,—В. О. Глазкій,—К. В. Глазковская,—А. Г. Глинка,—В. С. Глинка,—М. С. Глинка,—Глинка,—П. Гловацкій,—Глуховъ,—А. А. Глѣбова,—Д. Ф. Гвусинъ,—Гидичъ,—И. Е. Голдинскій,—гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ,—В. В. Голенищевъ-Кутузовъ,—г. Голицынскій,—кн. К. К. Голицынъ,—кн. Н. Н. Голицынъ,—кн. Н. П. Голицынъ,—бывш. профес. кн. Н. С. Голицынъ,—кн. С. П. Голицынъ,—Н. И. Головачъ,—Я. О. Головацкій,—И. Головинъ,—П. С. Головинъ,—К. Д. Головщиковъ,—К. М. Голодниковъ,—И. А. Голышевъ,—Н. И. Голубевъ,—В. В. Голубцовъ,—М. Г. Гольмдорфъ,—проф. В. А. Гольцевъ,—Гомановскій,—Гондатти,—А. Н. Гончаровъ,—И. А. Гончаровъ,—артистъ И. О. Горбуновъ,—А. Гордонъ,—Н. Д. Горемкиняъ,—М. Горилецкій—М. П. Горловъ,—Городецкая,—М. И. Городецкій,—С. В. Городецкій,—профес. от. М. И. Горчаковъ,—проф. А. Д. Градовскій,—Г. К. Градовскій,—художн. Г. И. Грачевъ,—А. К. Грегоріада,—А. Е. Гренъ,—Н. И. Григоровичъ,—А. Н. Григорьевъ,—Я. И. Григорьевъ,—И. Я. Гримъ,—А. Громачевскій,—акад. Я. К. Гротъ,—К. К. Гротъ,—Н. В. Гурбери,—Н. И. Гулакъ,—П. Гулак-Артемовскій,—С. И. Гуляевъ,—Гулевичъ,—свят. В. Гурьевъ,—М. П. Гусаковский,—А. Н. Гусевъ,—А. Гусевъ.

Кн. В. Д. Дабажа,—В. Н. Давыдовъ,—Д. Давыдовъ,—К. И. Давыдовъ,—Н. Т. Давыдовъ,—Н. Давыженская,—А. С. Даниловъ,—Данильченко,—худож. А. И. Даугель,—Г. Е. Дахновичъ,—Н. Я. Дашковъ,—П. П. Деви.—В. А. Дейлиновичъ,—Н. Д. Дела-Флизъ,—А. Б. Де-Лиронъ,—С. Дельпесъ,—И. Л. Деляновъ,—А. П. Демидовъ,—П. А. Деммертъ,—А. Деминъ.—Г. Д. Демяновскій,—худож. Денъеръ,—баронъ Д. Г. фонъ-Дервизъ,—фонъ-Дерфельденъ,—А. И. Деспотъ-Зеновичъ,—К. К. Детловъ,—Г. А. Джаншиевъ,—В. А. Дзюбенко,—А. И. Дидриксъ,—Диатроптовъ,—Дмитриевъ,—А. Дмитриевъ.—Н. Г. Дмоховскій,—Л. Я. Добровъ,—Феофанъ Г. Доброленскій,—Ф. Н. Добрянскій,—Я. И. Довголевскій,—В. Дойландовичъ,—В. Док-ій,—кн. В. П. Долгоруковъ,—Л. Долгоруковъ,—П. П. Должиковъ,—Л. П. Долинка,—В. П. Долотовъ,—К. И. Домонтовичъ,—Е. И. Дошанская,—А. Г. Достоевская,—Живко-Драговичъ,—Марко-Драговичъ,—А. М. Дренякинъ,—С. Д. Дрожжинъ,—кн. Д. В. Друцкой-Соколинскій,—И. И. Дубасовъ,—М. Л. Дубельтъ,—М. Л. Дубецкій,—А. Дубицкій,—академикъ Н. О. Дубровинъ,—А. В. Дурново,—И. В. Дуровъ,—М. Л. Духонинъ.

К. Евлентьевъ,—Евренновъ,—А. Е. Егоровъ,—Егорьевскій,—Ф. Езиоранскій,—от. П. П. Еланскій,—от. І. Еланскій,—кн. Енгальчевъ,—князь Н. Н. Енигъевъ,—Епаичинъ,—Н. А. Ермаковъ,—Н. Н. Ермаковъ,—В. Ермаковъ,—К. И. Ермолинъ,—В. М. Ерошкинъ,—В. В. Еропкина,—А. Ерошкинъ,—А. Есаковъ,—Г. В. Есаповъ,—Я. И. Есьманъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. П. Жакмонъ,—А. Н. Ждановъ,—Н. Н. Жеденевъ,—В. Желеховскій.—В. П. Желховская,—Н. О. Желтовъ,—А. Жемчужниковъ,—Н. Л. Жемчужниковъ,—В. И. Жиркевичъ,—А. В. Жиркевичъ,—от. В. И. Жмакинъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—А. Жуковъ,—худож. Цар. Вас. Жуковский,—Н. Н. Жуковский,—Петръ Влад. Жуковский.—Журавскій.

И. Е. Забылинъ, — А. Заборинскій, — акад. П. П. Забылло, — Л. А. Загоскинъ, — С. М. Загоскинъ, — С. А. Загряжская, — В. Заенчковскій, — Т. М. Запшквичъ, — И. К. Зайцевъ, — О. Д. Зайцевъ, — П. Т. Загѣссскій, — Замисловъ, — А. Зандрокъ, — Заржецкій, — Я. И. Заринъ, — Е. И. Зарина, — С. И. Зарудный, — А. Г. Затлеръ, — И. П. Захарьинъ, — Д. Захаровичъ, — В. Захаровъ, — К. Зашукъ, — профес. Н. О. Здекауеръ, — А. Б. Зейдеръ, — А. И. Зеленой, — А. Земповъ, — К. Зенденгорстъ, — А. Л. Зиссерманъ, — М. З. Зиоровъ, — М. Злотковскій, — Г. Э. Змунчила, рожд. Стогова, — А. Змѣевъ, — Л. Э. Змѣевъ, — Золотовъ, — А. И. Зотова, — А. Э. Зубковскій, — В. Р. Зотовъ, — А. Э. Зубковскій, — Е. Б. Зубова, рожден. баронеса Вревская, — В. А. Зыбинъ, — А. Н. Зыряновъ.

И. А. Ибердусовъ, — Н. С. Иванина, рожд. Шпилевская, — О. И. Иванова, рожденная Анненкова, — Н. И. Ивановъ, — А. В. Ивановъ, — А. Е. Ивановъ, — И. Ивановъ, — И. В. Ивановъ, — Петръ Вас. Ивановъ, — М. Н. Ивановъ, — Н. Э. Ивановъ. — Л. К. Ивановскій, — от. И. Иващенко, — Ю. Б. Иверсенъ, — А. Игнатовичъ. — от. архимандритъ Игнатій (Малышевъ), — гр. Н. П. Игнатьевъ, — Игнатьевъ, — С. А. Идаховъ, — А. Извольскій, — П. А. Извольскій, — К. А. Измайловъ, — К. В. Измайловъ, — П. Александр. Измайловъ, — проф. В. С. Иконниковъ, — проф. Д. И. Иловайскій, — В. Е. Ильковъ, — Д. В. Ильченко, — Л. В. Ильшевичъ, — М. А. Имбергъ, — Инсарскій, — А. Д. Исаковъ, — Л. С. Исарловъ, — Н. О. Истинской, — Г. Э. Исѣевъ.

Казадаевъ, — Е. Б. Казанскій, — П. С. Казанскій, — Казачокъ, — М. К. Казина, — Казинъ, — А. Г. Казначеевъ, — П. С. Калачевскій, — М. М. Калининская, — Калининскій, — Д. И. Калугинъ, — граф. Л. М. Каменская, — Э. А. Каменскій, — А. Канаринъ, — князя М. А. Кантакузина, — гр. П. И. Капнистъ, — П. А. Карабинъ, — А. А. Карасевъ, — М. В. Карасевъ, — П. П. Каратыгинъ, — И. Каргопольцевъ, — Н. Н. Каргопольцевъ, — М. А. Каринъ, — от. А. В. Кармазинскій, — П. Карнауховъ, — Г. Э. Карповъ, — Каррикъ, — А. Карташевъ, — Н. А. Карцевъ, — П. П. Карцевъ, — г. Карцевъ, — П. Кастальскій, — Н. Н. Касьяновъ, — В. Катеневъ, — В. Катенинъ, — В. Каченовскій, — Н. С. Кашкинъ, — М. Н. Кедровъ, — Н. Т. Кедровъ, — от. М. Кедровъ, — проф. И. П. Келеръ, — М. Кельдышъ, — Н. П. Кельшъ, — Э. Э. Кенигъ, — А. П. Кеппенъ, — Т. Кибальчичъ, — Кильдюшевскій, — Кирилловъ, — С. И. Кирѣевскій, — Л. В. Киселевъ, — Киселевъ, — И. Китаевъ, — П. А. Китицынъ, — Э. Н. Кишенскій, — Д. В. Кларъ, — И. Кларъ, — А. С. Клевановъ, — П. Кленниковъ, — Н. Ф. Клюге-фонъ-Клюгенау, — Князевичъ, — А. С. Князевъ, — Д. Э. Кобеко, — Я. Кобылянскій, — Д. А. Кобяковъ, — Г. А. Ковалевскій, — М. Е. Ковалевскій, — К. И. Коваленкова, — Н. И. Ковдаевъ, — М. М. Ковязинъ, — Козадаевъ, — Д. И. Козельинъ, — А. Козловскій, — С. Козловскій, — Н. И. Козловъ, — ген.-ад. Козляниновъ, — И. Козьминскій, — Н. И. Койленскій, — З. Койданскій, — А. Кокосовъ, — Колачевскій, — А. Коленковскій, — К. П. Колзаковъ, — Н. М. Колмаковъ, — Д. Г. Колокольцовъ, — А. А. Колокольцевъ, — Е. Колокольцевъ, — В. И. Колосовъ, — М. А. Колчинъ, — бар. М. Колмчевъ, — А. Л. Колянковскій, — В. А. Комаровъ. — А. Ф. Кони, — гр-ня Н. М. Коновницина, — А. О. Константинова, — Д. А. Копьева, — И. П. Корниловъ, — П. С. Коробка, — А. Коробовъ, — П. А. Коробьинъ, — Г. А. Корозо, — Я. И. Коростовцевъ, — А. Корсаковъ, — профес. Д. А. Корсаковъ, — бар. Корфъ, — Г. Э. Карчевскій, — Ю. В. Косова, рожденная Кухельбекеръ, — Я. И. Костенецкій, — М. Костылевъ. — Э. Н. Костюковъ, — Н. П. Косяровскій, —

Иванъ А. Кравцовъ. — И. С. Кравцовъ, — А. А. Краевскій, — А. А. Красиленниковъ, — В. А. Краснокутскій, — И. В. Краснопѣвцевъ, — А. Я. Креминской, — В. Д. Кренке, — В. В. Крестовскій, — Ю. А. Крестцовъ, — баронъ Криденеръ, — Н. О. Крузе, — М. Круповичъ, — С. Крутиковъ, — Н. А. Крыжановскій, — Крыжовъ, — А. Д. Крыловъ, — Н. Г. Брыловъ, — П. И. Крюковъ, — В. Ф. Кудрявцевъ, — М. П. Кудрявцевъ, — В. В. Кузинъ, — Г. Кузминъ, — А. Кузнецовъ, — И. Кузнецовъ, — Н. И. Куликовъ, — Н. Н. Куликовъ, — П. А. Кулишъ, — акад. А. А. Куннкъ, — М. А. Куплетскій, — И. К. Куприяновъ, — В. Курдановскій, — В. В. Курдюмовъ, — И. Курисъ, — М. Куроптевъ, — П. А. Кусковъ, — Н. Кутейниковъ, — М. Н. Кучаевъ, — Ю. Кушакевичъ.

С. И. Лаврентьева, — Т. Н. Лаврентьевъ, — проф. Н. Лавровскій, — Я. Лавровъ, — А. М. Лазаревскій, — Д. Н. Лазаревъ, — Е. Лазо, — І. А. Лазовъ, — И. Лавинъ, — г. Ланкенау, — И. К. Лапотниковъ, — О. А. Ларионова, по первому мужу Соловьева, рожден. Арбузова, — А. Ласкѣвъ, — Н. В. Ляткинъ, — С. Лашкаровъ, — А. С. Лашкевичъ, — С. И. Лашкевичъ, — А. С. Лацинскій, — А. С. Лебедевъ, — Н. П. Лебедевъ, — проф. В. Лебедевъ, — В. И. Лебедевъ, — Н. А. Лебсдевъ, — К. А. Лебедевъ, — К. И. Лебедевъ, — Г. Лебединецъ, — П. П. Лебле, — О. Я. Левенсонъ, — П. Я. Левенсонъ, — М. А. Левенцовъ, — М. Ю. Левесталя, — С. Л. Левницкій, — О. И. Левицкій, — Г. П. Левницкій, — А. А. Левшинъ, — архимандр. Леонидъ, — М. М. Лемпицкій, — профес. Ленцъ (въ Марбургѣ), — артистъ Л. Л. Леонидовъ, — Леоновъ, — Леопольдовъ, — Н. В. Лепешинской, — И. В. Лермонтовъ, — В. В. Лермонтовъ, — В. Н. Лермонтовъ, — К. Ф. Деливровъ, — М. И. Лилеевъ, — А. Линбергъ, — И. А. Линниченко, — Н. О. Ливовскій, — И. Линскій, — Липовицкій, — Д. Д. Лисенко, — П. Литвинова, — В. И. Лихачевъ, — А. В. и А. Н. Лышны, — кн. А. Б. Лобановъ - Ростовскій, — П. В. Лобановъ, — І. Я. Лозинскій, — А. Ломачевскій, — Г. Г. Ломоносовъ, — Н. А. Лонгинова, — А. Лонгиновъ, — С. Ц. Лопацкая, — Н. Лопухинъ, — П. В. Лопухинъ, — Е. А. Лопушинскій, — графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, — Лоссовская, — І. В. Лохвицкій, — Лошакъ, — А. Луганинъ, — П. О. Лузановъ, — Лукинскій, — В. К. Луцкій, — А. Львовъ, — Анатолій Ник. Львовъ, — Л. О. Львовъ, — О. О. Львовъ, — Н. С. Лыкошинъ, — А. С. Лыкошинъ, — Н. С. Лѣсковъ, — В. И. Лѣствицннъ, — Любарскій, — Н. Н. Любовичъ, — М. Н. Любощинскій, — И. Людмиловъ, — И. М. Лядовъ, — А. Я. Ляпуновъ.

Н. С. Маевскій, — О. Маевскій, — Л. Н. Майковъ, — И. В. Майковъ, — В. Н. Майновъ, — епископъ Макарій, — С. М. Макарова, — Н. Я. Макаровъ, — от. П. Макаровъ, — К. Максимовъ, — Н. Я. Максимовъ, — П. Н. Макшеевъ, — профес. А. И. Макшѣвъ, — И. П. Малаховскій, — Л. В. Малининъ, — П. О. Малиновскій, — И. Н. Мамакинъ, — К. В. Мамоновъ, — И. И. Манжура, — Мансуровъ, — А. П. Мансуровъ, — К. А. Маньковскій, — А. В. Мариновъ, — А. Л. Мариновъ, — А. А. Маринъ, — А. Марквичъ, — А. Н. Маркграфской, — О. М. Марковникова, — Е. Л. Марковъ, — М. О. Марксъ, — А. К. Мартосъ, — П. И. Мартосъ, — А. А. Мартыновъ, — В. Мартыновъ, — П. Мартыновъ, — кн. Н. Масаьскій, — Н. В. Масловичъ, — Е. П. Масловъ, — А. Н. Масоловъ, — А. Н. Матвѣвъ, — Н. Е. Матвѣвъ, — А. П. Матвѣвъ, — У. П. Матвѣвъ, — художн. В. В. Матте, — Ив. Матченко, — художн. И. И. Матюшинъ, — Н. А. Матякинъ, — А. Маховъ, — П. И. Мацѣвичъ, — Л. С. Мацѣвичъ, — И. А. Мачинскій, — А. А. Мауровъ, — бар. П. К. Медемъ, — К. П. Медоксъ, — М. Межакъ, — бар. Мейендорфъ, —

Н. К. Меллеръ, — Мельниковъ, — Н. Мельницкій — Меншиковъ, — бар. П. К. Мердери, — А. Е. Мерцагъ, — А. Мечинскій, — Н. Мечъ, — Мешетичъ, — А. А. Мизеровъ, — А. М. Миклашевскій, — акад. художн. М. О. Минъшинъ, — проф. О. Э. Миллеръ, — П. И. Миллеръ, — гр. Г. А. Милорадовичъ, — Е. Н. Милошевичъ, — П. С. Милошевичъ, — А. П. Милуковъ, — Милуковъ, — М. А. Милютинна, рожд. Абаза, по второму супружеству Сталь, — графъ Д. А. Милютинъ, — Ю. Н. Милютинъ, — Г. Минъ, — А. Н. Минхъ, — К. Мирзоевъ, — М. Э. Мирковичъ, — П. Мирносницкій, — С. Миропольскій, — М. П. Мятковъ, — А. Михайловъ, — В. Михайловъ, — Влад. Вас. Михайловъ, — М. Э. Михайловъ, — Д. Л. Михайловскій, — от. М. И. Михайловскій, — Я. Л. Михайловскій, — полковн. Г. Михельсонъ, — I. О. Мийшинъ, — А. Э. Можаровскій, — Меа. Мирон. Молчановъ, — А. Морганъ, — графъ А. А. Мордвиновъ — Д. Л. Мордонецъ, — А. Л. Морниковъ, — А. И. Моревичъ, — П. И. Морозовъ, — П. О. Морозовъ, — Д. К. Морозъ, — Е. Т. Морошкина, — И. Я. Морошкинъ, — Я. Морошкинъ, — А. П. Муляковскій, — Г. А. Муравьевъ (внукъ декабриста), — гр. М. Н. Муравьевъ (внукъ Виленскаго), — о. П. И. Мурзавечтъ, — Н. С. Мусинъ-Пушкинъ, — М. А. Мусницкій, — Е. Э. Муяки, — художн. Э. А. Мъркинъ, — А. К. Мътлина, — Г. И. Мъшковъ.

А. А. Навроцкій, — М. Нагорновъ, — Надеждинъ, — В. Надпорожаный, — К. В. Назарьева, — М. В. Назимова, — контръ-адм. Назимовъ, — М. А. Назимовъ, — от. А. Накропинъ, — А. П. Назимовъ, — В. Налорожскій, — П. Э. Нарбутъ, — Н. Нарохиницкій, — П. И. Неболсинъ, — Н. К. Невзоровъ, — Я. М. Невъровъ, — Ю. Э. Нейманъ, — Е. С. Некрасова, — И. Некрасовъ, — Н. В. Некрасовъ, — Нелидовъ, — Несвѣтаевъ, — графъ Д. К. Нессель, оде, — А. Н. Неустроевъ, — О. Ф. Нечаевъ, — Неѣловъ, — С. А. Никитенко, — М. Г. Николаевъ, — баронъ А. П. Николаи, — О. Э. Николаи, — А. А. Никольскій, — С. Никольскій, — Р. Н. Никулинъ, — М. Д. Ниловъ, — Д. Ниловъ, — графъ Ниродъ, — Л. Л. Ничпаевскій, — Н. М. Новицкій, — М. Д. Нововъ, — А. Г. Новоселовъ, — С. Д. Носъ, — А. Е. Носъ.

Обезерскій, — Облеуховъ, — кн. А. А. Оболенскій, — С. Оболенскій, — кн. Ю. Оболенскій, — К. И. Огаревъ, — П. Огивскій, — П. И. Огородниковъ, — С. Ф. Огородниковъ, — Н. Ф. Ожеде-Ранкуръ, — Н. П. Озеровъ, — Ю. А. Ознобишинъ, — Н. А. Окуевъ, — П. А. Олферовскій, — М. Я. Ольшевскій, — Н. О. Омеляненко, — Ольхинъ, — В. И. Онуриенко, — А. Онъгинъ, — от. С. И. Опатовичъ, — И. И. Ореусъ, — В. Ф. Ореусъ, — А. Орловъ, — В. Б. Орловъ, — Ив. Никол. Орловъ, — Н. М. Орловъ, — П. А. Орловъ, — Ф. Ф. Орловъ, — проф. Н. А. Осипинъ, — бар. Остенъ-Сакентъ, — баронесса Л. Остенъ-Сакентъ, — бар. А. А. Остенъ-Сакентъ, — А. Острогорскій, — П. Осѣцкій, — М. Очкинъ.

Л. Н. Павлицевъ, — А. Э. Павловскій, — Павловскій, — И. Ф. Павловскій, — А. А. Павловъ, — А. С. Павловъ, — В. Э. Павловъ, — Н. Х. Палаузовъ, — Н. А. Паленовъ, — Н. Палибинъ, — С. М. Палицынъ, — А. В. Пальчиковъ, — А. А. я В. А. Панаевы, — художн. Паписмакеръ, — Н. И. Пановъ, — С. Ф. Паниютинъ, — П. А. Панчулдзевъ, — С. А. Панчулдзевъ, — С. А. Панчулдзевъ, — С. Э. Пароцкій, — Э. Э. Пардалоцкій, — П. Д. Паренсовъ, — Парландъ, архитекторъ, — М. Д. Пархомовъ, — И. В. Паскачинъ, — В. Пассекъ, — Т. П. Пассекъ, —

Пафнутьевъ, — А. Пахолковъ, — В. К. Пашковъ, — В. Пащенко, — И. Пеньковский, — профес. I. Первозольфъ, — Г. Г. Перетцъ, — Э. П. Перцовъ, — Перфильева, — Н. А. Перфильевъ, — генер.-лейт. Пестичъ, — Петерсонъ, — Г. П. Петерсонъ, — С. Петровский, — Алексан. Павл. Петровъ, — П. Петровъ, — Андр. Ник. Петровъ, — проф. Н. И. Петровъ, — П. Н. Петровъ, — П. П. Петровъ, — А. Г. Петровъ, — от. Пирлингъ, — В. Н. Пироговъ, — А. А. Пирогова, — Н. В. Пирожковъ, — А. Н. Писарева, — С. П. Писаревъ, — В. В. Плаксинъ, — А. А. Плансонъ, — Платонова, — Н. Н. Платуновъ, — А. А. Повало-Швейковский, — С. И. Погодина, — И. П. Поддубный, — И. Е. Подтягинъ, — Э. Подтягинъ, — Подушкинъ, — Подшиваловъ, — профес.-граверъ И. П. Пожалостинъ, — Е. Ц. Поздъевъ, — И. Г. Познанскій, — А. П. Покровский, — В. Э. Покровский, — Г. Покровский, — Н. В. Покровский, — П. Н. Полевой, — Э. И. Полежаевъ, — А. П. Полетаевъ, — Н. А. Поливановъ, — В. Н. Поливановъ, — Л. И. Поливановъ, — Поликарповъ, — А. С. Половскій, — Я. П. Полонскій, — А. Полторацкій, — В. Поляковъ, — профес. И. В. Помяловскій, — А. Пономаревъ, — Э. Пономаревъ, — С. Пономаревъ, — А. Е. Поповъ, — Анд. Н. Поповъ, — Василій Петр. Поповъ, — И. С. Поповъ, — Михаилъ И. Поповъ, — Николай Поповъ, — Нилъ А. Поповъ, — С. С. Порошина, — С. С. Порошинъ, — А. П. Порто, — В. О. Португаловъ, — Н. В. Потокской, — полков. Потто, — Н. Н. Правиковъ, — П. Я. Прейсъ, — А. Преображенскій, — Н. М. Пржевальскій, — А. О. Пржецлавскій, — П. Г. Пржецлавскій, — Д. И. Прозоровскій, — П. К. Прокоповичъ, — М. С. Провудинъ-Горскій, — Пронина, — Н. Н. Протасовъ, — С. В. Протопоповъ, — А. Пругавинъ, — С. Л. Пташницкій, — профес. Александръ Казим. Пузыревскій, — И. А. Пузыревскій, — А. П. Пулло, — А. Г. Пушаревъ, — А. М. Пустоваловъ, — вв. П. А. Пугачевъ, — Е. П. Пуденко, — П. А. Пущаревъ, — А. Н. Пыпинъ, — Д. М. Пѣтуховъ, — М. Пѣтуховъ, — Пѣшковъ, — А. П. Пятковскій.

В. Равль, — И. Ф. Гадалковскій, — А. Ф. Радченко, — Раздеришинъ, — М. Н. Раевскій, — А. Раменскій, — Е. К. Ралиъ, А. Распоповъ, — П. Н. Распоповъ, — П. С. Ревякинъ, — Р. А. Регменскій, — К. Я. Реймерсъ, — Э. Э. Рейнботъ, — И. С. Ремезовъ, — Н. В. Реутскій, — Н. Ржавская, — Н. Э. Ржевская, — графъ А. А. Ржевускій, — Н. Ридингеръ, — Н. В. Ринъ, — А. Э. Риттихъ, — Д. А. Ровинскій, — Н. Роговъ, — Г. И. Родзевичъ, — Д. П. Родіоновъ, — В. Рожковъ, — от. протоіерей А. И. Розановъ, — Н. П. Розановъ, — Н. И. Розановъ, — О. фонъ-Розенбергъ, — В. И. Розенгеймъ, — Д. А. Рокотовъ, — Г. Э. Романенко-Щирый, — П. П. Романовичъ, — А. Н. Романовскій, — К. К. Ро-въ, — С. И. Романовъ, — Ю. А. Романовъ, — П. Рословъ, — Н. И. Ростиславовъ, — графъ И. Н. де-Рошфоръ, — Д. И. Ртищевъ, — Д. Рубакинъ, — Э. Рубановскій, — Рубецъ, — С. А. Рудакова, — К. И. Рудницкій, — Н. Рудыковский, — баронъ В. Р. Румель, — Л. Е. Руммель, — Рувичъ, — А. Э. Рутценъ, — Рыбинъ, — Н. Рындовскій, — В. Рышковъ, — Е. С. Рѣпина, — Г. К. Рѣпинскій, — Д. Д. Рѣпинъ.

Сабуровъ,—профес. П. И. Саввантовъ,—А. А. Савельевъ,—А. И. Савельевъ,—Савельевъ,—А. В. Савельевъ,—Ф. Г. Савенко,—А. А. Савуцкий,—Садовский,—Н. Сажинъ,—Н. Ф. Сазоновъ,—В. Савтовъ,—П. И. Саламонъ,—графиня Е. В. Салиасъ, рожд. Суково-Кобылина (псевдон. въ литерат. Евгенія Туръ),—А. П. Саломовъ.—М. Е. Салтыковъ,—В. Самаринъ,—Н. Ф. Самаринъ,—Н. Самойло,—И. Самсоновъ,—А. Сапожниковъ,—А. Д. Сатинъ,—В. С. Сахаровъ,—Свамошкинъ,—Свиштуновъ,—П. М. Свободинъ,—Н. П. Свѣчова,—Т. Н. Седлецкій,—М. Селезневъ,—А. В. Селпвановъ,—Н. Н. Селюфоновъ,—А. Селиховъ,—А. В. Семевская, рожд. Буташевичъ-Петрашевская,—магистръ русск. исторіи В. И. Семевскій,—Д. Д. Семеновъ,—П. П. Семеновъ,—Павелъ А. Семеновъ,—Л. М. Сементовскій,—А. Сементовскій,—Е. Семичева,—К. А. Семковскій,—К. К. Сентъ-Илеръ,—А. Н. Сергѣевъ,—Сергѣевъ,—А. Серебряковъ,—Л. М. Сердюкова,—И. О. Сержутовскій,—Серно-Соловьевичъ,—графы Е. и Н. Е. Сиверсъ.—Д. П. Сильчевскій,—П. В. Симанскій,—Симоновъ,—Н. П. Спелельниковъ,—А. Н. Сиротининъ,—Н. Е. Сироткинъ,—Р. П. Ситовскій,—Н. Н. Скалонъ,—А. Е. Скалковскій,—А. А. Скалковскій,—художникъ Г. Н. Скамони,—А. Скворцовъ,—А. И. Скндеръ,—В. Скинскій,—В. Скоробогатый,—Ф. М. Скородумовъ,—А. И. Скребицкій,—С. Д. Слатинъ,—А. Слѣцовъ,—А. В. Смирновъ,—В. Смирновъ,—В. П. Смирновъ,—И. А. Смирновъ,—О. Н. Смирнова,—Смѣкаловъ,—Д. Д. Смышляевъ,—Н. П. Собко,—А. И. Соболевскій,—Л. Соболевъ,—С. Соболевъ,—А. П. Созановичъ,—В. Соколовскій,—А. П. Соколовъ,—А. Н. Соколовъ,—Н. И. Соколовъ,—В. Т. Соколовъ,—Е. Н. Соколовъ,—профес. Ф. Г. Солнцевъ,—от. П. Соловьевъ,—П. И. Соловьевъ,—М. В. Соловьевъ,—Солтанъ,—А. И. Сомовъ,—А. Е. Сомовъ,—И. В. Сорокинъ,—Р. П. Сорокинъ,—Сосновская,—Ш. Т. Софѣенко-Сухомлиновъ,—В. Д. Спасовичъ,—А. И. Сперанскій,—А. Спицкинъ,—И. Сиротининъ,—М. И. Ставраки,—Станевичъ,—С. А. Станкевичъ,—А. И. Старкъ,—Н. И. Стародубскій,—Старостинъ,—А. В. Старчевскій,—В. В. Стасовъ,—М. М. Стасюлевичъ,—С. В. Стебницкая,—В. А. Степановъ,—В. А. Степановъ,—В. П. Степановъ,—Н. И. Степановъ,—П. А. Степановъ,—С. Стерлеговъ,—Стишевскій,—А. Д. Столпкинъ,—Сторожевскій,—Н. В. Стороженко,—Стороженко,—П. Строевъ,—Стронинъ,—В. Я. Стоюнинъ,—А. Г. Стояновская,—Н. И. Стояновскій,—З. Стражева,—А. И. Стригоцкій,—Р. Строгановъ,—Н. С. Стромилловъ,—Б. В. Струве,—Д. М. Струковъ,—Стрѣлковъ,—Г. И. Студенкинъ,—С. Ступининъ,—М. М. Субботинъ,—С. Судаковъ,—І. М. Судѣнко,—С. Н. Сулима,—Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей,—В. Судьменевъ,—А. П. Сумароцкая,—П. Суходольскій,—Д. П. Сушковъ,—профес. П. П. Сущинскій,—Е. Смѣова,—С. П. Смсоевъ,—П. Сѣверцовъ,—Л. А. Сѣрякова, рожд. Тичъ.

Д. Г. Тальбергъ,—В. Таницкій,—А. Танковъ,—П. Е. Татаринъ,—о. протоіерей Арс. Вас. Тачаловъ,—А. З. Теляковскій,—Е. А. Теляковскій,—А. А. Телятниковъ,—Темниковъ,—В. В. Тенишевъ,—Н. М. Тереховъ,—А. Н. Тетеревиновъ,—Л. Т. Тимановскій,—Тимофѣевъ,—А. П. Тимофѣевъ,—

Вѣра Вас. Тимошукъ, рожден. Кузнецова, — Тимченко - Рубанъ, — П. Титова, — А. А. Титовъ, — В. П. Титовъ, — П. Н. Титовъ, — Т. Тихменевъ, — И. Тихомировъ, — А. Е. Тихонравова, — проф. Н. С. Тихонравовъ, — Д. Д. Тогольскій, — графиня А. И. Толстая, — графиня С. А. Толстая, — графъ Д. А. Толстой, — П. С. Толстой, — В. М. Толстой, — Томашевъ. — А. М. Томилина, — Н. Е. Топчиевъ, — П. Травинъ, — г. Трахтенбергъ, — Н. Трескинъ, — В. Третескій, — Д. Н. Трефолевъ, — В. Г. Трироговъ, — А. Трифоновъ, — П. Трофимовскій, — Д. А. Трощинскій, — А. Н. Труворовъ, — А. Д. Тумановъ, — В. В. Тупоменскій, — Турау, — С. И. Турбинъ, — кн. Н. Н. Туркестановъ, — Н. П. и М. П. Тучковы, — Алексѣй Тыртовъ, — И. И. Тѣльновъ, — И. А. Тютчевъ.

Д-ръ Ульрихсонъ, — В. А. Успенскій, — П. М. Устимовичъ.

Н. Фадѣева, — М. Н. Фатѣевъ, — Н. Федоровъ, — Н. М. Федоровъ, — Н. Федотьевъ, — А. Федоченко, — А. И. Фелькнеръ, — Я. Фетистовъ, — А. Фехнеръ, — М. А. Филипповъ, — Т. П. Филипповъ, — А. П. Философова, — В. Д. Философовъ, — В. С. Флеринъ, — Б. Н. Флиге, — Н. О. Фанъ-деръ-Флитъ, — Д. Флоринскій, — О. Е. Франкъ, — баронъ А. А. Фредериксъ, — бар. В. А. Фредериксъ, — бар. Фредериксъ, — Фрезе, — А. Г. Фриккенъ, — Фроловъ, — А. Е. Фролова, — Н. А. Фроловъ, — Фурдуевъ.

Ханъ-Аговъ, — Хижняковъ, — С. А. Хмырова, — Хмѣльницкій, — Н. Ф. Хованскій, — А. А. Ходневъ, — П. Ф. Хомутовъ, — от. А. Хорошунъ, — Г. Р. Хорули, — И. Е. Хоруженковъ, — А. Н. Хребтовъ, — П. Хржановскій, — М. Н. Хрущовъ, — А. Хрѣновскій, — Н. Хупотскій.

Цвиленевъ, — С. О. Цвѣтковъ, — И. Е. Цвѣтковъ, — М. Р. Цебрикова, — Цебриковъ, — М. И. Цейдлеръ, — кн. Д. Н. Цертелевъ, — А. Цимбалистовъ.

Адамъ Мих. Чайновскій, — гр. Э. Б. Чапскій, — А. И. Чарторижскій, — В. Р. Чевскій, — Ф. О. Чеканинъ, — Н. М. Чалищевъ, — И. А. Черемухинъ, — П. А. Черкесова, — И. Черновъ, — В. Ф. Чернышевъ, — М. Г. Чернаевъ, — К. А. Четверухинъ, — В. Н. Чеховъ, — Е. В. Чешихинъ, — Г. С. Чириковъ, — проф. И. А. Чистовичъ, — Д. М. Чичаговъ, — И. Чичеринъ, — М. М. Чичаговъ, — Н. Чуйковъ, — А. А. и П. А. Чумиковы.

Г. А. Эзовъ, — А. Экземплярскій, — Э. Элерсъ, — Н. А. Энгельгардтъ, — К. Г. Эрпротъ.

Е. А. Шакфевъ,—П. П. Шалфевъ,—И. И. Шамшевъ,—Ф. А. Шатовъ,—
кн. Ив. Шаховской,—Н. Шаховской,—В. И. Шаховской,—Е. Г. Шварцъ,—
К. Н. Шварцъ,—И. А. Шамаковъ,—Б. С. Шевыревъ,—П. В. Шейнъ,—Шеле-
хова,—В. И. Шенрокъ.—Н. Шеншинъ,—А. В. Шереметевъ,—Л. И. Шестакова,
рожд. Глинка,—П. Д. Шестаковъ,—И. I. Шеталовъ.—Н. И. Шигановъ,—Н. К.
Шильдеръ,—Н. И. Шильдеръ,—Шимановъ,—Ф. Ф. Шиманъ,—Н. Ширяевъ.—
А. Д. Шинковъ,—С. Д. Шинковъ,—А. Шкляревскій.—Я. Шлегель,—А. О.
Шлейснеръ,—Шляпкинь,—А. С. Шляхтинъ,—И. А. Шамаковъ,—М. Ф. Шогу-
ровъ,— профес. Штейнгейль (въ Марбургѣ), — Н. К. Штрандманъ.—С. Н.
Шубинской,—Б. В. Шульцъ,—П. А. Шульцъ,—А. Д. Шумахеръ,—Д. Шу-
миловъ,—А. Шуровскій.

Н. А. Щенкинъ,—С. П. Щепкинъ,—А. Щербаковъ,—Щербачевъ,—
Н. Щеховскій.

М. Л. Юдинъ,—П. Л. Юдинъ,—г. Юзефовичъ,—Н. Юнгъ,—А. Юргенсонъ,—
П. И. Юркевичъ,—П. О. Юрченко.

Д. Д. Языковъ,—С. М. Якимакъ,—проф. живоп. В. И. Якобій,—В. А. Яков-
левъ,—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ,—Вач. Евгениевичъ Якушкинъ,—Е. И.
Якушкинъ,—И. И. Янжулъ,—Г. Д. Яновичъ,—С. Х. Янковский,—Л. И.
Явушь,—А. И. Янъ,—С. А. Ярошь,—П. Ясницкій,—В. Н. Ястребовъ—А. Н.
Яхонтовъ,—княгиня Е. М. Яшвилъ, рожденная Орлова.

Н. Н. Фодоткинъ.—профессоръ Н. Фирсовъ.

Редакторъ-издатель «Русской Старины» **Михаилъ Ивановичъ Семевскій**,
почетный членъ археологическаго института,—членъ археографической комиссiи,—Импе-
раторскихъ обществъ: любителей древней письменности (въ С.-Петербургѣ), — Исторiи и
Древностей Россiйскихъ при московскомъ и новороссiйскомъ университетахъ,— археологи-
ческаго общества (въ Сиб.),—русскаго географическаго,—казанской ученой архивной ком-
миссiи,—исковскаго статистическаго комитета,—почетный членъ ростовскаго (въ Яросла-
вской губ.) музея церковныхъ древностей, почетный членъ петровскаго общества исследо-
вателей астраханскаго края, членъ историческаго въ Москвѣ музея и членъ хоролевскаго
общества исторiи въ Лондонѣ.

Всгѣдъ за спискомъ нашихъ сотрудниковъ „Русской Старины“ долгомъ считаемъ поименовать, съ глубокою признательностію къ памяти, нижеслѣдующихъ покойныхъ лицъ: И. С. Аксаковъ, — С. А. Амировъ, — Л. Н. Антроповъ, — А. П. Арбузовъ, — проф. Н. Я. Аристовъ, — А. И. Артемьевъ, — А. Н. Афанасьевъ, — А. Ф. Багговутъ, — Я. П. Баклановъ, — П. И. Барановъ, — А. А. Баранцевъ, — князь А. И. Барятинскій, — Л. П. Батюшковъ, — А. П. Башудкій, — профес. Н. В. Бергъ, — Ад. П. Берже. — Е. А. Бестужева, — М. А. Бестужевъ (декабристъ), — профес. М. И. Богдановичъ, — профес. О. М. Бодянский, — М. П. Вологовъ, — адм. Бутаковъ, — Н. Д. Бывковъ, — профес. И. Д. Бѣляевъ, — И. П. Варнаховскій, — П. П. Васильевъ, — кн. А. И. Васильчиковъ, — К. Н. Вельяминовъ, — Н. В. Веригинъ, — А. Ф. Волковъ, — Андрей Степанов. Вороновъ, — Н. М. Востокъ, — И. В. Вунчъ, — А. Н. Вульфъ, — от. И. Гагаринъ (іезуитъ), — Г. Н. Геннаді, — Н. В. Гербель, — профес. Эрн. Германъ (въ Марбургѣ), — П. П. фонъ Гецъ, — А. Ф. Гильфердингъ, — Ф. Н. Гинка, — Б. П. Голенко, — А. В. Головинъ, — свѣтл. кн. А. М. Горчаковъ, — А. К. Гриббе, — В. Д. Давыдовъ, — В. И. Даль, — Данильченко, — П. М. Дараганъ, — кн. П. П. Демидовъ санъ - Донато, — М. Ф. Де-Пуле, — Н. Н. Де-Прерадовичъ, — Н. П. Дуровъ, — И. И. Европеусъ, — А. П. Есиповъ, — А. П. Заблоцкій-Десятовскій, — Д. Н. Замятинъ, — К. К. Злобинъ, — И. Ф. Золотаревъ, — В. А. Золотовъ, — П. Д. Золотовъ, — П. Д. Зотовъ, — К. А. Зыбинъ, — В. А. Исарскій, — Н. В. Калачовъ, — Ф. В. Каразинъ, — В. Н. Карамзинъ, — А. М. Каратыгина, рожден. Колосова, — П. А. Каратыгинъ, — Е. П. Карновичъ. — Е. Д. Карповъ, — бар. Кене, — Н. Х. Кетчеръ, — Д. И. Кипіани, — А. Н. Кирилинъ, — А. М. Князевичъ, — М. Е. Ковалевскій, — О. И. Константиновъ, — графъ М. А. Корфъ, — баронъ Н. А. Корфъ, — профессоръ Н. И. Костомаровъ, — графъ П. Е. Кецебу, — И. И. Красовскій, — А. Н. Креницинъ, — Г. И. Кузьминскій, — С. Е. Кузѣша, — кн. Буракинъ, — от. К. Кустодіевъ, — М. В. Кухельбекеръ, — П. П. Ламбинъ, — профес. П. С. Лебедевъ, — А. И. Левшинъ, — А. Ф. Леопольдовъ, — Е. Ф. Лермонтова, — М. Н. Лонгиновъ, — кн-ня С. А. Мадатова, — Л. С. Маковъ, — Б. М. Маркевичъ, — М. А. Марковъ, — от. Ив. Мартыновъ (іезуитъ), — П. И. Мельниковъ, — П. Б. Менковъ, — П. Н. Меншиковъ, — Г. И. Мигринъ, — от. М. Я. Морозкинъ, — М. И. Муравьевъ-Апостолъ (декабристъ), — Ф. Н. Муратовъ, — Н. Н. Мурзакевичъ, — П. А. Мухановъ, — А. С. Наставинъ, — профес. А. И. Никитскій, — профес. В. В. Никольскій, — кн. Д. А. Оболенскій, —

Ө. К. Опочининъ,—Г. А. Орловъ,—И. Т. Осининъ,—гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ,—
 А. Н. Островскій,—И. Д. Павловскій,—акад. П. П. Пекарскій,—профес. Н. И.
 Пироговъ,—А. О. Подвысоцкій,—А. И. Подолинскій,—А. Н. Поповъ,—М. Н.
 Похвисневъ,—О. А. Пржецлавскій,—М. М. Рангъ,—В. Ө. Ратчъ,—Н. А. Ра-
 тинскій,—А. В. Рачинскій,—Людмила Ив. Рикордъ,—М. П. Розенгеймъ,—ба-
 ронъ А. Е. Розенъ (декабристъ),—ген. лейт. Д. И. Романовскій,—ген. Руда-
 ковъ,—А. И. Рыжовъ,—Д. П. Садовниковъ,—артистъ В. В. Самойловъ,—
 проф. И. И. Свйазевъ,—А. С. Сгибневъ,—И. В. Соливановъ,—И. Е. Семевскій,—
 А. И. Семевскій,—В. А. Семевскій,—К. С. Сербиновичъ,—баронъ М. Н. Сердо-
 бинъ,—А. Е. Сеславина, рожден. Семевская,—Д. И. Скобелевъ,—акад. и
 профес. С. М. Соловьевъ,—И. И. Сосницкій,—Т. А. Сосновскій,—А. Л. Спас-
 кій,—Е. Ө. Старковъ,—Н. П. Степановъ,—Э. И. Стоговъ,—кн. Италійскій
 графъ А. А. Суворовъ-Рымнинскій,—от. А. П. Сулоцкій,—акад.-грав. Л. А.
 Свряковъ,—К. Н. Тихонравовъ,—Токарева,—графъ Ө. П. Толстой,—А. В.
 Топоровъ,—Туганъ-Мирза-Барановскій,—И. С. Тургеневъ,—кн. С. Н. Уру-
 совъ,—В. И. Фелькснеръ,—бар. Н. П. Фредериксъ,—А. В. Фрейгангъ,—
 М. Д. Хмировъ,—И. Р. фонъ-деръ Ховенъ,—Н. Р. Цебриковъ (декабристъ),—
 Мих. Чайковскій (Садымъ-Паша),—В. И. Чаславскій,—Адамъ Петр. Чебота-
 ревъ,—членъ госуд. сов. ген.-адъют. К. В. Чевкинъ,—И. А. Чернавскій,—проф.
 Я. А. Чистовичъ,—Н. К. Чупинъ,—И. И. Шихманъ,—Т. И. Шихминъ,—баронъ
 В. И. Штейнгейль (декабристъ),—А. И. Штукенбергъ,—В. К. Шульцъ,—П. К.
 Щебальскій,—М. П. Щербининъ,—Н. Н. Щукинъ,—А. И. Языковъ,—Ястржем-
 скій,—Б. М. Өедоровъ,—сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія,
 статьи, письма и большія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ
 или даже цѣлыя фамилные архивы, напр. К. В. Чевкина,—находятся въ рас-
 поряженіи редакціи „Русской Старины“, и тѣ, которые до сихъ поръ не были
 еще ею изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого истори-
 ческаго изданія.

М. С.

Въ числѣ подписчиковъ на „Русскую Старину“

изд. 1887 года состоятъ

ОСОБЫ АВГУСТѢЙШЕЙ ФАМИЛИИ:

Его Императорское Величество Государь Императоръ,
Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ,
Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константиновна,
Въ Комнаты Августѣйшихъ Дѣтей Государя Императора,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Алексѣй Александровичъ,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Сергій Александровичъ,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Павелъ Александровичъ,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Константинъ Николаевичъ,
Его Императорское Высоч. Государь В. К. Константинъ Константиновичъ,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Николай Николаевичъ,
Ея Императорское Высочество Государыня В. К. Александра Петровна,
Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Михайловичъ,
Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михайловичъ,
Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михайловичъ,
Его Императорское Высочество Герцогъ Евгенийъ Максимилиановичъ,
Его Императорское Высочество Герцогъ Георгій Максимилиановичъ,
Ея Императорское Высочество Герцогиня Марія Максимилиановна.

Примѣчаніе. Въ старину списки подписчиковъ на историческія книги и періодическія изданія печатались въ тѣхъ же изданіяхъ. Слѣдуя этому обычаю, редакция „Русской Старины“, въ 1870 г., т. е. въ первый годъ своего изданія, также начала было печатать поименный списокъ подписчиковъ, но скоро пришлось отъ этого отказаться въ виду значительнаго числа подписчиковъ.

Нынѣ ежегодно помѣщая въ декабрьской книгѣ статистическую вѣдомость числа подписчиковъ, мы предносимъ ей списокъ особъ Августѣйшей Фамилии, изъ году въ годъ, постоянно возобновляющихъ подписку на наше изданіе исторической журналь „Русская Старина“.

Ред.

59*

„РУССКАЯ СТАРИНА“ И ЕЯ ИЗДАНИЯ

ВЪ ЧИСЛАХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ.

I.

„Русская Старина“ въ 1887 году.

Въ 1887 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Абобиорнеборгской губ.	2	24. Забайкальской обл.	44
2. Акмолинской обл.	25	25. Заравшанскомъ окр.	7
3. Амурской обл.	12	26. Иркутской губ.	71
4. Архангельской губ.	7	27. Казанской	85
5. Астраханской .	38	28. Калининской .	7
6. Бакинской .	52	29. Калужской	41
7. Бессарабской губ.	80	30. Карской обл.	9
8. Вазасской	1	31. Киевской губ. .	177
9. Варшавской.	95	32. Ковенской	27
10. Виленской	62	33. Костромской.	43
11. Витебской	40	34. Кубанской обл.	53
12. Владимірской .	77	35. Курляндской губ.	11
13. Вологодской	38	36. Курской	92
14. Волинской	64	37. Кутаисской .	24
15. Воронежской	71	38. Кѣлецкой	13
16. Выборгской.	12	39. Лифляндской	43
17. Вятской	55	40. Ломжинской	15
18. Гродненской.	45	41. Люблинской	30
19. Дагестанской обл.	18	42. Минской.	35
20. Донской обл.	58	43. Могилевской	24
21. Екатеринославской губ	120	44. Московской.	44
22. Елисаветпольской	10	45. Нижегородской	50
23. Енисейской.	23	46. Новгородской.	60

II.

„Русская Старина“ въ изданіяхъ 1870—1886 гг.

разошлась въ нижеслѣдующемъ количествѣ экземпляровъ:

Напечатано: Разошлось: Осталось:

1870 г. изданія первое, второе и третье.	4,025	3,908	117
1871 г. изданіе первое.	3,500	} Не осталось ни одного экз., всё сполна разо- шлось.	
1872 г. изданія первое и второе.	4,500		
1873 г. изданіе первое.	5,000		
1874 г. > >	5,515		
1875 г. > >	6,000		
1876 г. изданія первое и второе.	6,535	6,388	147
1877 г. изданіе первое.	5,525	5,428	97
1878 г. > >	5,525	5,432	93
1879 г. > >	5,525	5,445	80
1880 г. изданія первое и второе.	6,025	5,868	157
1881 г. изданіе первое.	6,010	5,946	64
1882 г. >	5,600	разошлось сполна.	
1883 г. > >	6,000	5,976	24
1884 г. изданія первое и второе.	6,625	6,487	138
1885 г. изданіе первое.	6,100	5,947	153
1886 г. > >	6,000	5,968	32
1887 г. >	6,000	разошлось сполна.	

III.

Книги, изданныя редакціей „Русской Старины“:

«Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году», изд. 1870 г.	} Не осталось ни одного экземпляра, всё сполна разошлось.
«Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія», изд. 1871 г.	
«Записки Е. А. Хвостовой», изд. 1871 г.	
«Записки Гавріила Ивановича Добрынина», изд. 1872 г.	
«Записки Михаила Ивановича Глинки», изд. 1870 г.	
«Записки князя Якова Шаховского», изд. 1872 г.	
«Петровский сборникъ», изд. 1872 г.	
«Русская Родословная книга», подъ редакціей кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, два тома, изд. 1873 и 1875 гг.	
«Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ», изд. 1882 г.	

Напечатано: Разошлось: Осталось:
экземпляровъ.

«Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ», 2 изд., 1886 г.	2,000	1,700	300
«Записки сельскаго священника», Спб., изд. 1882 г.	1,825	1,329	496
«Царица Прасковья», оч. изъ русск. исторіи М. И. Семевскаго, изд. 1883 г.	3,000	3,000	} Разошлось сполна.
«Слово и дѣло», очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII-го вѣка, М. И. Семевскаго, изд. 1883 г.	2,600	2,600	
«Слово и дѣло», третье изд., 1884 г.	2,400		} Изданія сполна проданы магазину Цинзерлинга. Оставшіяся, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, продаются у г. Цинзерлинга: каждая книга по 1 руб. 28 коп. съ пересылокъ.
«Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ», очеркъ изъ русской исторіи XVIII-го вѣка, М. И. Семевскаго, изд. второе, 1884 г.	4,000		
«Систематическая роспись содержанія «Русской Старины» изд. 1870—1884 гг.». Спб., 1885 г., съ портр.	1,000		

Напечатано: Разошлось: Осталось:
экземпляровъ.

«Русскіе дѣятели» въ портретахъ, изданныхъ редакціею истор. журнала «Русская Старина». Второе собраніе, Спб., 1886 г.	2,500	2,500	} Разошлись сполна, до послѣдняго экземпляра.
«Павловскъ», очеркъ его исторіи, 1777—1877 гг., съ портретами и множествомъ рисунковъ, гравир. Л. А. Сѣряковымъ. Эта книга составлена ред. «Русской Старины», но издана издвѣніемъ Августѣйшаго Владѣльца города Павловска.	1,825	1,825	

Завѣдующая экспедиціей журнала „Русская Старина“ *А. Н. Писарева*.

16-го ноября 1887 г.
Спб.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ LIII, LIV, LV и LVI тт.

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1887 г.

Абаза, А. А., мн-ръ финанс., т. LIV, 167.

Абаза, М. А., т. LIII, 126.

Абрамовъ, Александр. Констант., ген.-лейт., начальн. 13-й дивизіи, † 1886 г., т. LIV, 184.

Ага-Магомедъ ханъ, т. LIII, 347.

Агапѣвъ, Петръ Еремѣев., сообщ.: «Борода въ нашей арміи», т. LV, 423—430.

Адлербергъ, гр., Влѣд. Ѳед., ген.-ад., мн-ръ двора 1860 г., томъ LIII, 130, т. LVI, 331.

Адлербергъ, А. В., т. LVI, 677, 678.

Айвазовскій, Ив. Конст., проф. живописи, р. 1817 г., т. LVI, 263—272, 583—590, 670.

Аксакова, А. Ѳ., т. LIV, 812.

Аксаковъ, Серг. Тим., т. LIII, 249—250, 699, 702, т. LV, 571, т. LVI, 482, 484, 748.

Аксаковъ, Грѣг. Серг., 1868 г., т. LIII, 506.

Аксаковъ, Конст. Серг., т. LIV, 210—213, 248, 497, т. LV, 571—586.

Аксаковъ, Иванъ Сергѣев., р. 1823 г., † 1886 г., т. LIII, 112, 506, т. LIV, 166, 265, 556, 812, т. LV, 146—147, 423, 430, 571—586, 695, т. LVI, 497.

Алабовъ, И. С., гласн. спб. думы 1886 г., т. LV, 696.

Александра Ѳеодоровна, импера-ца, р. 1798 г., † 1860 г., т. LIII, 287, т. LIV, 81, 370, 732, т. LVI, 625.

Александра Іосифовна, вел. княгиня, т. LIII, 58, 70.

Александра Павловна, вел. княгиня, въ супруж. палатина Венгер., р. 1783 г., † 1801 г., т. LVI, 428.

Александръ I, импер., р. 1777 г., † 1825 г., т. LIII, 18, 19, 30, 44, 81, 82, 105, 139, 205, 236, 240, 245, 251, 262, 269, 294, 336, 613, т. LIV, 37, 58, 71—80, 175, 176, 369, 370, 434, 513, 639—642, т. LV, 165—182, 325, 328, 601, 604, 688, т. LVI, 71—106, 127, 136, 217, 218, 366, 370, 394, 395, 405, 425, 436, 438, т. LVI, 516, 530, 613, 620, 641, 787, 792.

Александръ II, имп., р. 1818, † 1881 г. Посвященіе имъ института въ Новой Александріи, т. LIV, 241—243, улом. т. LIII, 47—75, 115, 124, 125, 129—180, 369, 435, 436, 440, 441, 769, 774—778, т. LIV, 87, 181, 252, 345—366, 370, 557, 693, 712, 733, т. LV, кн. VII, стр. I—II, 79, 220, 602, 605, 618, 636, 688, т. LVI, 309, 312, 315, 321, 330, 331, 406, 424, 507, 573, 575, 676—680, 774—775.

Александръ III, императоръ, т. LIII, 50, 65.

- Алексеевъ, сенат.**, т. LIII, 86.
Алексеевскій, нижев. 1842 г., т. LV, 164.
Алексѣй Михайловичъ, царь, род. 1629 г., † 1676 г., т. LIII, 83, 578, т. LIV, 172, 192, 212, т. LV, 512, 601, 672, т. LVI, 546, 837, 840.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, т. LIII, 8, 31, т. LIV, 31, 32, 91, 143, 192, 650, т. LV, 4.
Альбертини, Ник. Викт., т. LVI, 834.
Альгаротти, гр., путешествен., т. LIV, 314, 315, 617.
Ангальтъ-Вернбургскій, принцъ, Викт. Амедей, ген.-поруч. 1789 г., т. LIV, 303.
Ангальтъ, гр., Ф. Е., т. LIII, 556.
Андерсонъ, Петръ, адмир. 1770 г., томъ LV, 38.
Андреевъ, П. П., сообщ. „Русская Америка 1862—1863 гг.“, т. LVI, 681—696.
Андреевскій, Ив. Ефимов. проф., директор археолог. инст., сообщ. „Ученныя архивныя коммиссиа въ 1886 г.“, т. LVI, 537—553, упом. т. LIII, 296.
Андрияновъ, исп. Полтавск. кадетск. корп., т. LIV, 641.
Андрозовъ, Вас. Андр., издат. „Моск. Наблюдателя“, т. LIII, 49.
Анна Иоанновна, импер-ца, р. 1693 г., † 1740 г., т. LIV, 174, 325, 568, 569, 573, 578—581, 614—631, т. LV, 17, 18, 32, 513, 514.
Анна Лесопольдовна (Карловна), правител., р. 1718 г., † 1746 г., т. LIV, 224, 619, 625, 626, 631, 636.
Анненковъ, Пав. Вас., т. LIII, 712, 714, т. LVI, 408, 699, 701, 723.
Анненковъ, А. С., архит., т. LIII, 662
Анненковъ, Мих. Никол., генер.-лейт. 1860 г., т. LIV, 237, т. LV, 210, 211, т. LVI, 835.
Аносозъ, горн. нач. Златоустовск. заводъ 1837 г., т. LVI, 676.
Анчутинъ, инспект. Полтавск. кадетск. корп., т. LIV, 691.
Анчутинъ, полковн. 1877 г., т. LIV, 799.
Апраксина, Екат. Владим., рожд. княж. Голицына, статсъ-дама, т. LIV, 79.
Апраксинъ, гр., Петръ Матв., бояринъ 1721 г., т. LVI, 282, 360.
Апраксинъ, Ст. Ст., т. LIII, 18.
Апужтинъ, А. Л., попечит. Варш. учебн. округа 1865 г., т. LV, 141.
Арапчевъ, гр., Алексѣй Андр., генер. артилл., р. 1769 г., † 1834 г., т. LIII, 76, 335, 384, т. LIV, 145, 146, 151, 197, т. LV, 419—422, т. LVI, 99, 805.
Арапетовъ, Ив. Павл., бывший чл. редакціон. комм., † 1887 г., т. LIV, 167.
Арбенева, Иос. Левлев., премьеръ-маіоръ 1789 г., т. LIV, 54, 59.
Арбузовъ, Антошъ Петровичъ, декабр., т. LIII, 464.
Армфельдъ, бар., генер. 1788 г., томъ LIII, 561.
Арсеньева, Е. А., рожд. Столыпина, бабка М. Ю. Лермонтова, т. LIII, 511, т. LVI, 110.
Арсеньевъ, Илья Алекс., изд. „Петербург. Газ.“, т. LV, 611, 612, 625.
Арсеньевъ, К. К., т. LVI, 410, 834.
Артамоновъ, полковн. 1877 г., т. LIII, 185, т. LIV, 801.
Архангельскій, П. В., проф., т. LIII, 296, 652.
Архаровъ, слб. генер.-губерн., т. LVI, 373, 379, 381, 797.
Арцимовичъ, Викт. Ант., бывший то-больскій, затѣмъ калужскій губернатор. 1858 г., чл. комм. о губерніи и узладн. учрежд., первоприсутствующій въ I-мъ деп. сената, т. LIII, 777, 784, т. LIV, 180, т. LVI, 313.
Арцимовичъ, М. В., чл. Костромской архивн. коммис., т. LVI, 546.
Асенцова, Варвара Александр., артистка, т. LIV, 792, т. LV, 134, 135.
Асанасевъ-Чужбинскій, Александръ Никол. писатель, т. LIII, 776, т. LV, 641—662.
Ахлестышевъ, одесск. воен. губернат., т. LVI, 689.
Ахматовъ, П. Е, имаіоръ, т. LVI, 676—680.
Ахшарумовъ, Дм. Дм., т. LVI, 416, 417.
Ашинъ, т. LV, 496.
Ашъ, бар., К. И., смоленск. губернат. 1812 г., т. LIII, 20, 42, 274, 275, томъ LIV, 130.

- Бабичевъ, Андр. Кондр.**, адъюнктъ философ. наукъ, директ. таганрог. гимназ., † 1859 г., т. LIII, 294, т. LV, 497, 498.
- Баботь, Иванъ Констант.**, профессоръ, т. LIII, 445.
- Ваграціонъ, кн., Петръ Ив.**, ген.-отъ-инф., р. 1756 г., † 1812 г., т. LIII, 611.
- Ваграціонъ, кн., тверск. губернаторъ** 1866 г., т. LIII, 69.
- Ваграціонъ-Мухрацкій, кн. Георгій Конст.**, статсъ-секрет., сенат., чл. госуд. сов., † 1877 г., т. LIV, 248.
- Важенины, т. LV, 123—126, т. LVI, 554.**
- Важенинъ, Нилѣф. Степ.**, т. LVI, 554.
- Вавиловскій, А. Н.**, предсѣд. кіевск. казен. пал., т. LIV, 88.
- Вавиловскій, камергеръ, т. LIII, 403.**
- Вазунина, Варв. Ив.**, ея воспоминапія: «Персидскій походъ въ 1796 году», т. LIII, 343—374.
- Вазунина, Екатер.**, сообщила замѣтку. «Александра Михайловна Верещагина», т. LV, 430.
- Вазуничъ, Мих. Мих.**, полковн. Владим. пол. 1796 г., т. LIII, 343.
- Вазуничъ, Мих. А.**, эмигрантъ, т. LV, 575, т. LVI, 146—155.
- Валашевъ, камергеръ, томъ LIV, 233, т. LV, 206.**
- Вантышъ-Каменскій, т. LIV, 629.**
- Варановъ, графъ, Э. Т.**, томъ LIII, 132, т. LVI, 835.
- Варановъ, Пав. Мих.**, т. LIII, 248.
- Варатынскій, Евгеній Абрамов.**, поэтъ, † 1844 г., т. LIII, 464, т. LV, 453—457.
- Варлей-де-Толли, кн., Мих. Богдан.**, воен. мн-ръ 1812 г., р. 1761 г., † 1818 г., т. LV, 227.
- Варювскій, Ив. Осип.**, генер., нач. стат.-ст. отд. мн-ва пут. сообщ., т. LIII, 799.
- Варсовъ, Н. И.**, профес., т. LVI, 251.
- Варсуковъ, А. П.**, чл. археографическ. комисс., т. LVI, 560.
- Вартеневъ, П. И.**, т. LVI, 560.
- Васаргинъ, адмир.**, т. LVI, 695.
- Вассевичъ, гр.**, голштинск. посолъ при русскомъ дворѣ 1723 г., т. LV, 7, 8, т. LVI, 487.
- Ватенковъ, Гавр. Степ.**, декабр., писатель, т. LIII, 795, т. LIV, 404, 406, 642, т. LVI, 222, 223, 481.
- Ватушковъ, Николай Львов.**, т. LIV, 509, 511.
- Ватушковъ, Л. П.**, кап. генер. штаба 1839 г., т. LV, 489, 490.
- Ватушковъ, Помпей Никл.**, ковенскій виц.-губ. 1850, вполн. помощи полечит. виленьск. учебн. окр., членъ д. тайный сов., почетн. опекунъ, т. LIV, 505—548, 551—561, т. LVI, 555—566.
- Ватушковъ, Конст. Никол.**, писатель. р. 1787 г., † 1855 г., т. LIV, 240, 505—548, 721, т. LV, 128, 129, т. LVI, 102, т. LVI, 555—566.
- Вауеръ, Ив. Васил.**, ген.-майоръ 1788 г., т. LIII, 570.
- Вауеръ, витеб., т. LVI, 29.**
- Ваумгартенъ, Е. К.**, нач. управл. учн. лицъ воен. вѣд. 1864 г., т. LIV, 708.
- Вахметевъ, генер.** 1813 г., т. LIV, 513.
- Вахтинъ, основат. Орлов. кадет. корп.**, т. LIII, 795.
- Вашудцкій, слб. коменд.** 1826 г., т. LIII, 212, 214, 218, 219.
- Вашудцкій, сенат.**, т. LVI, 313.
- Вабутовъ, кн., Вас. Осип.**, ген.-отъ-инф., † 1858 г., т. LVI, 827.
- Везбородко, Илья Андр.**, тн. сов., сенат., † 1815 г., т. LIV, 44—45.
- Везбородко, графъ, Александр Андреев.**, вице-канцл. 1763 г., † 1799 г., т. LIII, 85, 86, 87, 336, т. LIV, 36, 38—43, 69, 297, т. LVI, 15, 19, 385, 428, 440, 443, 444, т. LVI, 785—789, 798.
- Везъ - Корниловичъ, М. О.**, генералъ 1812 г., т. LIII, 638.
- Везобразовъ, В. П.**, секрет. географич. общ. 1857 г., т. LIV, 167, 438.
- Вешверъ, Пав. Вас.**, проф. римск. словесн., директ. Рипшельовскаго лицея 1857—1862 г., т. LVI, 663.
- Вешешовъ, ген.-прокур.**, т. LVI, 808, 810, 811.
- Венедиктовъ, Влад. Григор.**, писатель, р. 1807 г., † 1873 г., т. LIII, 745, 751, 756, 757, т. LIV, 792, т. LV, 467, т. LVI, 473—477.

- Вейнгсенъ, бар., генералъ-отъ-кавалер. 1805 г., т. LIII, 605, 607.
- Вейншдорфъ, гр., Александр. Христофор., шефъ жандарм., р. 1783, † 1844 г., т. LIV, 146, т. LVI, 625, 626, 737, 738.
- Вергманъ, Петръ Ѳед., полк. 1789 г., т. LIV, 61.
- Верединовъ, В. Т., чл. учил. комис. въ слб. 1886 г., т. LV, 696.
- Верже, Адольфъ Петров., председатель кавказск. археографическ. комисси, р. 1823 г., † 1886 г., т. LIV, 416, т. LV, 484, т. LVI, 819—827.
- Веренъ, Викт., нижев., профес., писат., т. LIII, 797.
- Верингъ, мореплаватель, т. LV, 309.
- Вершинскій, М. Ѳ., инспекторъ кievск. гимназiи 1815 г., т. LIII, 662.
- Верманъ, М. А., дѣлопроизвдт. городск. учил. комис. въ Спб. 1886 г., т. LV, 696.
- Версъ, Андр. Евстаф., докт., т. LVI, 577.
- Вестужевъ, Александр. Александр. (Марлинскій), писатель, декабр., † 1837 г., т. LIV, 434, т. LVI, 405, 662.
- Вестужевъ, Никл. Александр., декабр., т. LIII, 212, 216, т. LVI, 405.
- Вестужевъ-Рюминъ, Петръ Михайлов., 1727 г., т. LVI, 488.
- Вестужевъ-Рюминъ, Констан. Никол., профес., т. LIII, 112, т. LIV, 563, 565, 567, 587.
- Вестужевъ-Рюминъ, Алексѣй Петров., велик. канцл., † 1768 г., т. LIII, 303, 305, 330, 331, 333, 384, т. LIV, 615.
- Вехтлевъ, рус. повѣренный въ Парижѣ, т. LIII, 588.
- Ведмій, Ив. Ив., д. т. сов., р. 1704 г., † 1795 г., т. LIII, 322—325, 465, 548, 587, т. LIV, 638.
- Вибиковъ, псковск. вице-губернаторъ 1811 г., т. LV, 326.
- Вибиковъ, Александр. Александр., предвод. слб. ополченiя 1812 г., т. LIV, 61.
- Вибиковъ, Дм. Гавр., ген.-ад., кievск. генер.-губ., т. LIII, 139, т. LIV, 731, т. LVI, 414, 761.
- Видьбасовъ, В. А., сообщ. переводъ съ примѣч. соч. Гельбига: «Русскiе избранныки и случайные люди», т. LIII, 299 — 323, 533 — 560, т. LIV, 35 — 46, т. LVI, 1—30, 425—444, упом. т. LIII, 562, т. LV, 163.
- Вильдерлингъ, Александръ Александр., нач. николаевск. кавалер. учил. въ Спб. 1886 г., сообщ. «Лермонтовскiй музей въ Петербургѣ», томъ LIII, 507—511, упом. 792.
- Виронъ, Иоганнъ Эрнестъ, герц. курлянд., р. 1690 г., † 1772 г., т. LIII, 466, 555, т. LIV, 311, 312, 324, 570, 578, 615, 623, 627, 631, 632, т. LV, 515, т. LVI, 433.
- Визуновскій, ген., нач. штаба 11-го корп. 1877 г., т. LIII, 186.
- Влагово, Дм. Дм. (въ монаш. о. Пиментъ, архимандр.), настоят. русск. посольск. церкв. въ Римѣ, т. LIV, 572.
- Влаговѣщенскiй, Николай Мих., рект. варшавск. унив., т. LV, 141.
- Вларамбергъ, Ив. П., археологъ, дир. одес. музея 1825 г., т. LIII, 661, 666, т. LIV, 136, т. LV, 496.
- Влудовъ, Д. Н., мн-ръ внутрен. дѣлъ, т. LVI, 216, 302, 304, 311, 634.
- Влюментроостъ, лейбъ-мед. Петра В., т. LIV, 586, 587.
- Вобровскiй, Пав. Осипов., нач. воен.-юридич. акад., писат., т. LIII, 799, т. LIV, 706.
- Вогдановичъ, Ипполитъ Ѳед., писатель, авт. «Душеньки», т. LIV, 74, т. LV, 127.
- Вогдановичъ, Модестъ Ив., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1882 г., т. LIII, 637, 795, т. LIV, 78, т. LVI, 404.
- Вогдановскiй, профес., т. LIII, 137.
- Вогодиловъ, инспект. полтавск. кадет. корп., т. LIV, 691.
- Вогомолецъ, нижев. 1842 г., т. LV, 164.
- Вогуславскiй, Н. Г., слб. губернска. прокуроръ 1861 г., т. LIII, 214.
- Водеманъ, сообщ. «Императрица Екатерина II въ письмахъ къ доктору Циммерманну», т. LV, 239—320.
- Водештеттъ, Фридрихъ (Fr. v. Bodenstedt), поэтъ и профес., переводч. на нѣмецк. яз. соч. Лермонтова, Пушкина и др., т. LIV, 407 — 503, т. LV, 571 — 600, т. LVI, 107, 675.

- Бодяковский, Осипъ Максимов., проф. москов. универ., р. 1808 г., † 1877 г., т. LIV, 652, 687, 688, т. LV, 655, 657, 658.
 Вологовский, Я. Д., т. LIII, 284.
 Волгынъ, синод. об.-прокур. 1725 года, т. LVI, 836.
 фонъ-Воле, инспект. полтавск. кадет. корп., т. LIV, 691.
 Воронинъ, генер., т. LIV, 135.
 Вартинские, т. LIII, 534.
 де-Вотта, маркизъ, т. LIV, 326.
 Воткинъ, М. П., чл. учид. комис. въ Спб., 1886 г., т. LV, 696, т. LVI, 272.
 Воткинъ, Серг. П., профес. медицины, т. LVI, 160—161, 170.
 Врадье, Е. Ф., попечит. кiev. учебнаго окр., т. LIV, 130, т. LVI, 507.
 Вранденбургъ, А., археологъ, начальн. артил. музея въ Спб., т. LIII, 800.
 Вранциная, графиня, т. LIII, 310.
 Вранцине, т. LV, 492.
 Вранциный, гр., польск. коронный гетманъ, т. LIII, 304.
 Братский, Ф. И., художн., т. LIII, 110.
 Врингеръ, А. Г., сообщ. «Екатерина II въ перепискѣ съ докторомъ Циммерманномъ», т. LIV, 271—294, 591—612, упом. 53, 295, т. LV, 239.
 Врисворнъ, прокур. юстицъ - коллегіи, т. LVI, 390, 812.
 Вронинъ, ген.-м. 1836 г., т. LV, 482.
 Врунн, рект. акад. худож., т. LIII, 110, т. LIV, 162, 163, 673.
 Врунновъ, бар., русск. посл. въ Лондонъ 1866 г., т. LIII, 50, т. LIV, 396, 398, 399.
 Врюловъ, К. П., художн., т. LIII, 741, 742, т. LIV, 673, 720, т. LVI, 586, 848—850.
 Брюсъ, гр., Я. А., ген.-фельдцейхмейст., презид. мануфактуръ и бергъ-коллегіи 1718 г., т. LIII, 556, т. LIV, 337, томъ LVI 837.
 Брюсъ, Романъ Виллимов., т. LV, 12.
 Брюсъ, гр., Ян. Виллим., инженер., астрономъ, т. LIV, 568.
 Брюсъ, гр., спб. ген.-губернат., т. LIII, 87—92.
 Бузгевденъ, гр., спб. ген.-губернаторъ, т. LIII, 383, 384, 611, 613, т. LVI, 381, 391, 783—795, 814.
 Будагова, Пелаг. Алсдр., въ зам. Препещенцова, т. LIII, 220.
 Будаговъ, Алесдр. Мих., команд. 12-го егерск. пол., полковн., декабр., † 1826 г., т. LIII, 203—222.
 Будаговъ, Мих. Мих., камеръ-пажт., т. LIII, 205, 207, 211.
 Будаговъ, Д. А., сообщ.: «Къ родословію фамилии Муравьевыхъ», т. LV, 338, упом. т. LIII, 205.
 Будаговъ, П. Я., т. LVI, 769.
 Будаговъ, Я. Ив., русск. послан. при портѣ 1789 г., т. LIII, 561, т. LIV, 308.
 Булгаринъ, Фаддей Венедикт., р. 1789 г. † 1809 г., т. LVI, 486.
 Булячъ, Ник. Нянит., проф., т. LIII, 438.
 Бунге, Ник. Христіан., ин-ръ финанс., 1881 г., т. LIII, 438, 777, 784.
 Бутажовъ, адм. 1866 г., т. LIII, 55.
 Буташевичъ-Петрашевский, Мих. Вас. см. Петрашевский.
 Бутвиловский, Мартынъ Ив., т. LIII, 644, 645.
 Бутыновъ, Влад. Петр., т. LVI, 772.
 Бутурлина, Алес. Ив., т. LV, 202.
 Бутурлины, графы, т. LIII, 290.
 Бутурлинъ, фельдм., т. LV, 514.
 Бутурлинъ, Петръ Алесдр., т. LIII, 590.
 Буцковский, сенат., т. LVI, 313.
 Вычковъ, Фед. Афанас., сообщ. «Материалы къ русской исторіи XVIII-го вѣка», т. LVI, 487—490.
 Вычковъ, Аван. Фед., директ. публичн. библ., т. LIII, 127, т. LVI, 211.
 Вычковъ, Ив. Аванас., т. LVI, 567—574.
 Вѣжинский, Виссаріонъ Григ., писатель, р. 1810 г., † 1848 г., т. LIII, 531, 766, т. LV, 454, 455, 466, 567, т. LVI, 407, 409, 418, 723.
 Вѣковерская, Надежда Алесдр., сообщ. «Марія Ивановна Гоголь», т. LIII, 667—710, «Федоръ Григорьевичъ Солнцевъ», т. LIV, 713—737, «Россія въ шестидесятыхъ годахъ XVIII-го вѣка», т. LV, 499—522, «Николай Васильевичъ Гоголь», т. LVI, 741—755, упом. т. LIII, 515—528.
 Вѣлковъ, Алесдр. Петров., декабристъ, р. 1803 г., т. LIII, 511.

Вюлеръ, бар., Ф. А., д. тайн. сов., почетн. опекунъ, сообщ. „Стихотвор. И. С. Аксакова“, т. LIV, 812, упом. т. LIII, 506.

Вюргеръ, Ан. Иванов., издат. «Радуга», т. LV, 478.

Вюшингъ, ученый и писатель, т. LIII, 225, 227, 228.

Валенъ, бар., ген.-м., гельснгоф. гражд. губерн. 1866 г., т. LIII, 51.

Валуевъ, об.-церемонійм., т. LVI, 389.

Валуевъ, гр., Петръ Алдр., мн-ръ внутр. дѣлъ 1866 г., мн-ръ госуд. имущ. 1872 г., т. LIII, 58, т. LV, 623, т. LVI, 507, 524.

Ванновскій, П. С., нач. Павловск. учил., нынѣ воен. министръ, т. LIV, 703.

Варадиновъ, авт. „Исторія мн-ва внутр. дѣлъ“, т. LIII, 391.

Варгунинъ, Н. А., чл. городской учил. комис. въ Сиб. 1886 г., т. LV, 696.

Варсонофій, архіеп. архангельск. 1742 г., т. LVI, 591.

Василевскій, Дм. Еф., проф. московск. унв. 1825 г., т. LIII, 265, 272, 273.

Васильевъ, гр., Алексій Ив., сенат., мн. финанс., † 1807 г., т. LVI, 1—2.

Василій III, вел. кн. московскій, т. LIV, 1—34.

Васильчиковъ, Алесдр. Семен., офиц. кон. гвард. 1772 г., т. LIII, 543.

Васильчиковъ, П. А., т. LIII, 80.

Васильчиковъ, кн., Викторъ Яларіон., ген.-ад. 1857 г., т. LIV, 167.

Васильчиковъ, кievск. ген.-губернат., т. LIII, 137.

Ватсонъ, Эрнестъ Карл., писат., род. 1839 г., т. LVI, 828—835.

Ведерниковъ, Васил., сообщ. «Заводчикъ Александръ Яковлевъ», т. LIV, 263—264.

Вейнбергъ, Петръ Исаев., писат., томъ LVI, 835.

Великопольскій, писат., т. LIII, 799.

Вельтманъ, помощн. директ. московск. оруж. палаты, т. LIV, 726, 729.

Вельяминовъ, ген.-губерн. зап. Сибири 1828 г., т. LIII, 276.

Вельяминовъ-Зерновъ, В. В., акад., т. LIV, 258, т. LVI, 83.

Венеитиновъ, М. А., сообщ. замѣтку, т. LIII, 710, упом. LVI, 560.

Венеитиновъ, Дм. В., поэтъ, † 1827 г., т. LIII, 202, 710, т. LIV, 404, т. LV, 135, 136, 480, 461, 567.

Венелингъ, Ю. П., ученый, т. LIII, 285, т. LIV, 661.

Венюковъ, Мнх. Ив., сообщ. „Рязанцы“, т. LIV, 662, „Одинъ изъ питомцевъ Дворянскаго полка А. А. Тилло“, 712, „Четверостишіе Н. Н. Забудскаго“, 737, упом. т. LIII, 799.

Верещагина, Александра Мих., т. LV, 430.

Вершбидный, полк. 1830 г., т. LIV, 222.

Верманъ, баронесса, Александра Вас., дочь В. А. Жуковскаго, т. LIV, 240, 518.

Вессель, Н. X., издат. „Педагог. Сборн.“, т. LIV, 704.

Вессель, об.-квартирмейст., томъ LIV, 360, 365.

Фонтъ-Визинъ, Мнх. Александр., декабр., т. LVI, 406.

Фонтъ-Визинъ, Денисъ Ив., писатель, т. LIV, 7., т. LVI, 563.

Вильдеманъ, ген.-ад., т. LIV, 316.

Вилъе, лейбъ-мед., т. LV, 177, т. LVI, 530.

Винтеръ, Ив. Ив., директ. Ршпельевск. музея 1831 г., т. LIII, 288, 652.

Вижоватовъ, Пав. А., профес., сообщ. „Мнх. Юрьев. Лермонтовъ“, томъ LIV, 405—406, т. LVI, 107—126, „Альбомъ дерптскаго университета“, т. LV, 238, „Михаилъ Юрьев. Лермонтовъ“, т. LVI, 731—739, упом. т. LIII, 380, 510, 511, 634—647, т. LIV, 258, 421, 627, т. LV, 55, 58, 63, 67, 68, 327, 445, 562.

Вистяктауевъ, Л. К., нач. патриотич. листат. 1831 г., т. LVI, 742—755.

Виттъ, гр., И. О., нач. воен. поселен. въ Новорос. 1830 г., нач. Ршпельевскаго лицея, т. LIII, 284—298, 652, т. LIV, 130, 646, т. LV, 483—486.

Віардо Гарсія, Паулина, пѣвица, т. LIV, 472—496.

Вильгорскій, гр., гофмейст., т. LVI, 369, 374, 783, 792.

- Владимиръ Александровичъ, его и. выс. вел. князь, т. LIII, 54, 65, т. LVI, 559.
- Владиславовъ, рект. спб. унив. 1887 г., т. LVI, 587.
- Власовъ, Георгій Петр., генер.-лейтен., т. LIII, 796.
- Владимировъ, Фед. Петр., сахарн. фабрикантъ, † 1792 г., т. LIII, 542.
- Влезновъ, И. И., предсѣд. тверск. окружн. суда, т. LVI, 541.
- Водениковъ, А. Д., гласн. спб. думы 1884 г., т. LVI, 192.
- Водосовъ, Вас. Ив., педагог., р. 1825 г., † 1886 г. т. LIII, 471—494, 531, т. LV, 431—440.
- Воеводский, смол. губериск. предв. двор. 1812 г., т. LIII, 27.
- Воейкова, Александра Алсдр., т. LV, 237, 238.
- Воейковъ, Алсдр. Фед., писат., т. LIV, 517, т. LV, 606.
- Войдеховичъ, А. И., сенат., т. LVI, 313.
- Воленозъ, В. П., чл. учил. комисс. въ Спб. 1886 г., т. LV, 696, т. LVI, 169.
- Волковъ, Апол. Авдр., генер.-поруч. 1789 г., т. LIV, 305.
- Волковъ, М. А., секрет. константиноп. миссии, т. LIII, 660.
- Волковъ, полтавск. губернк., т. LIV, 689.
- Волковъ, Фед. Григ., актеръ въ XVIII вѣкѣ, т. LIII, 83, 84.
- Волконская, княг., Марія Никл., рожд. Раевская, т. LV, 135.
- Волконская, княг., Зинаида Алсдр., рожд. княжна Вѣдосельская, писательница, т. LV, 135, 461.
- Волконская, княг., М. П., т. LIV, 732.
- Волконские, князья, т. LIII, 290.
- Волконскій, кн., М. С., тов. мн-ра народн. проsv., т. LVI, 251.
- Волконскій, кн., Серг. Григ., т. LV, 135.
- Волконскій, кн., Петр. Мих., мн-ръ двора, т. LIII, 208, 209, т. LIV, 349, 378, 379, 729, т. LVI, 86, 270.
- Володий, А. А., ставропол. губ., т. LIV, 737, т. LV, 640.
- Волынской, Артемій Петр., об.-егермейст., кабинетъ-мн-ръ, род. 1689 г., † 174) г., т. LIV, 578, 623.
- Воробьевъ, художн., т. LIV, 74.
- Воронцовъ, ген.-лейт., директ. дворянск. полка 1855 г., т. LIV, 693, 695.
- Воронихинъ, Андрей Никяфор., проф. архитект., строит. Казанск. собора въ Спб., † 1814 г., т. LIV, 72, 75.
- Вороновъ, Пав. Никл., сообщ. «По поводу статьи: Второе сраженіе подъ Плевно, 18 іюля 1877 г.», т. LIV, 793—810, упом. т. LIII, 181—192.
- Воронцова, граф., Анна Карл., рожд. Сваронская, т. LIII, 586, 592, 594.
- Воронцова, граф., Анна Мих., въ зам. барон. Строгонова, † 1769 г., т. LIII, 583, 584, 586, 589—594.
- Воронцова, Марія Роман., въ зам. Вутурлина, т. LIII, 590.
- Воронцова, Елисаа. Роман., † 1792 г., т. LIII, 592, т. LVI, 666.
- Воронцова, граф-ня Елисаа. Кавер., т. LIV, 140, 143.
- Воронцовъ, гр., вполн. кн., Мих. Семен., новороссійск. ген.-губерна. 1830 г., на-мѣстн. кавказск., генер.-фельдмарш., р. 1781 г., † 1856 г., т. LIII, 5, 31, 246, 247, 248, 282, 283, 284, 286, 287, 654, т. LIV, 135, 137, 138, 139, 140, 141, 144, 154, 160, 643, 646, 647, 655, т. LV, 478—497, т. LVI, 655—673, 826.
- Воронцовъ, гр., Алсдр. Роман., госуд. канцл. род. 1741 г., † 1805 г., т. LIV, 36, 39, 40, 45, т. LVI, 26.
- Воронцовъ, гр., Сем. Ром., полном. пос. при лонд. дворѣ, р. 1744 г., † 1832 г., т. LIII, 283, 594, т. LIV, 607, т. LV, 525.
- Воронцовъ, гр., Мих. Иларіон., канцл., р. 1714 г., т. LIII, 593, 584, 585, 586, 587, 591, 593, т. LIV, 92, 315.
- Воронцовъ, Ром. Иларіон., † 1783 г., т. LV, 525.
- Воронцовъ, гр., 1757 г., т. LIII, 467—469.
- Воскресенскій, В. А., чл. учил. комм. въ Спб. 1886 г., т. LV, 696.
- Востоновъ, А. Х., т. LIV, 649.
- Вожинъ, Никол. Вас., ген.-м., р. 1790 г., † 1853 г., т. LIII, 621, 630.
- Врангель, Егоръ Петр., директ. полтавск. кадетск. корп. 1850 г., апосл. попечит. виленск. учебн. окр., т. LIV, 693, 684, 691.

- Врангель, А. И., ревельск. губернат. 1788 г., т. LIV, 305.
- Вронченко, Фед. Павл., мн-ръ финанс. 1846 г., † 1852 г., т. LVI, 772.
- Вульфъ, Екат. Петр., т. LV, 237.
- Выходцевскій, инспект. 1-го кадетск. корп., т. LIV, 691.
- Вышеславцевъ, Ар. С., т. LIII, 509.
- Вѣра Константиновна, вел. княг., въ зам. герц-на Виртембергская, томъ I, III, 510.
- Вяземская, княж., Анна Александр., въ зам. Зубова, † 1835 г., т. LVI, 426.
- Вяземскій, Никифоръ, учит. царев. Алексея Петровича, т. LVI, 32.
- Вяземскій, кн., т. LIV, 433.
- Вяземскій, кн., Александр. Александр., ген.-прокур. 1787 г., т. LIII, 86, 87, 564, т. LIV, 45, т. LV, 47.
- Вяземскій, кн., Петръ Андреев., писат., р. 1792 г., † 1878 г., т. LIII, 236, 464, т. LIV, 512, 543, 545, 792, т. LVI, 102, 103, 160.
- Вяземскій, кн., П. П., т. LVI, 721, 734—738.
- Гавриловъ, М. М., профес. московск. унив. 1825 г., т. LIII, 267.**
- Гавриилъ Розановъ, архиеп. херсонск. и таврич. 1839 г., т. LIV, 658, т. LV, 487.
- Галаринъ, кн., Ив., сообщ. «Екатери-на II во время войны съ Швеціей, письма и повелѣнія гр. В. П. Мусину-Пушкину», т. LIII, 551—574, т. LIV, 47—70, 295—308.
- Галаринъ, кн., М. П., сибирск. генер.-губернат. 1711 г., т. LIV, 331, 338.
- Галаринъ, кн., Павелъ, т. LIV, 435.
- Галаринъ, кн., Алекс. Ив., т. LVI, 666, 667.
- Галаринъ, кн., директ. театровъ, томъ LIII, 688, т. LVI, 741.
- Гавевскій, Викт. Павл., т. LIV, 760.
- Гайдебуровъ, П. А., т. LVI, 505, 506.
- Гавотгаузенъ, т. LVI, 620—635.
- Галаганъ, Григ. Павл., чл. редакц. комм. 1860 г., вице чл. государств. совѣта, т. LIV, 167.
- Галафѣевъ, ген.-лейт., т. LIII, 510.
- Галаховъ, А. С., сообщ.: «Николай Александровичъ Добролюбовъ», т. LVI, 233—235, упом. т. LIII, 243, 279, томъ т. LVI, 559, 560.
- Гальбергъ, скульпт., т. LIV, 74.
- Гамалей, Фед. Мих., управл. одесск. таможи. 1836 г., т. LV, 481.
- Гамбургеръ, Анд. Ф., ст.-сек., т. LIII, 75.
- Ганъ, Елена Андреев., рожд. Фадѣева, писат.-романистка, † 1842 г., т. LIII, 733—766, т. LV, 236, 430.
- Ганъ, Ив. Алексѣев., т. LIII, 735, 737.
- Гариковскій, Мих., артиллер. полковн., смл. на его Записки, т. LIII, 572.
- Гатцунъ, А. А., сообщ. «Замѣтки В. И. Дала на Крестовый календарь», т. LVI, 231—232.
- Гауровицъ, П. С., докторъ, т. LVI, 669, 671.
- Гедеоновъ, смоленск. губернат. 1804 г., т. LIII, 18.
- Гейнингъ, бар., предс. юстицъ-колл. въ царств. Павла I, т. LVI, 365—394, 783—815.
- Гейнозъ, братья, т. LIII, 799.
- Гейфельдеръ, О. Ф., сообщ. «Воспомянія врача о М. Д. Скобелевѣ», т. LIV, 217—239, т. LV, 203—225.
- Фонъ-Гельбигъ, Георгъ, секр. саксонск. посольства при дворѣ Екатерины II 1787—1796 гг., † 1813 г., т. LIII, 299—328, 533—550, 558, т. LIV, 35—46, т. LVI, 1—80, 425—444, уп. т. LV, 163.
- Геннади, Г. Н., т. LVI, 699.
- Гешвендъ, А. Р., чл. учил. комм. въ Спб. 1836 г., т. LV, 696.
- Гербель, В. В., команд. артилл. гренад. корп. 1833 г., вполн. инспект. порохов. зав., † 1870 г., т. LV, 446, т. LVI, 515.
- Гербель, Никол. Вас., писат., т. LIII, 711, 712, 713, 714, т. LV, 186, 446.
- Герберштейнъ, посолъ, т. LIV, 26, 29, 30—34.
- Гердъ, А. Я., педагогъ, т. LVI, 168.
- Гермакъ, Ив. Ив., ген.-лейт., ген.-квартирмейст., т. LVI, 29—30.
- Герценъ, Наталія Александр., т. LVI, 146.

Герценъ, Александръ Ив., писат. и публицистъ, т. LIV, 439, т. LV, 558, 575, т. LVI, 145, 331, 407, 634—646, 763, 770, 771.

Герштенцвейгъ, ген. 1856 г., т. LIV, 351, 361, 362, 695, т. LV, 483.

Гетунъ, ввжен. 1842 г., т. LV, 164.

Гильденштубе, ген.-ад. 1866 г., томъ LIII, 61.

Гильтебрандтъ, Петръ Андр., членъ археогр. комм., учен. справникъ при св. синодѣ, т. LVI, 243—244, 247, 252.

Гильфердингъ, Александръ Фед., помощн. ст.-секрет., предсѣд. славянск. благотворит. комитета, ученый и писатель, р. 1831 г., † 1872 г., т. LIII, 111, 112, 114, 126.

Гинцель, Карлъ Христіанов., ген.-поруч., правит. выборгск. намѣстнич. 1788 г., т. LIII, 568.

Гладкій, предсѣд. екатеринславск. пал. госуд. им. 1839 г., т. LV, 488.

Глазенацъ, секундъ-маіоръ Псковск. пѣх. полка 1788 г., т. LIII, 570, 571.

Глинка, Н., изд. зап. Манштейна, томъ LIV, 310.

Глинка, Фед. Никл., писат., т. LV, 604, 605, 612—615, т. LVI, 87.

Глинка, Сергій Н., изд. «Русск. Вѣств.», т. LIV, 510, т. LVI, 86.

Глинна, Мих. Ив., композит., р. 1804 г., † 1857 г., т. LIII, 741, т. LV, 695, томъ LVI, 848—850.

Гликскій, кн., Мих. Львов., т. LIV, 1—34.

Глѣбовъ-Стрѣшневъ, Фед. Петр., томъ LIII, 208.

Гнусянъ, Дм. Емельянов., печн. дѣлъ маст., т. LIII, 515—528.

Гнѣдичъ, Никол. Ив., писат., † 1838 г., т. LIV, 74, 507, 510, 511, 517, 520, 522, 542, 544, 721, т. LV, 127—131, 457, 464, т. LVI, 721.

Гоголь, ген., смотрит. царскос. двора 1866 г., т. LIII, 56.

Гоголь, Марія Ив., мать Н. В. Гоголя, р. 1794 г., † 1868 г., LIII, 667—710.

Гоголь-Яновскій, Васил. Аванасьев., 1825 г., т. LIII, 667, 670, 671, 674, 676, т. LIV, 434.

Гоголь, Никол. Васил., писат., р. 1809 г., † 1862 г., т. LIII, 249—250, 531, 667—731, 775, т. LIV, 95—128, 156, т. LV, 127, 553—570, 622, т. LVI, 486, 741—755.

Годекъ, ген.-лейт., директ. 1-го кад. корпуса 1839 г., т. LIV, 678, 691.

Голенищева-Кутузова, Олимп. Серг., въ зам. Булычева, т. LIII, 630.

Голыцына, княг. Наталія Петр., рожд. гр. Чернышева, т. LIV, 78.

Голыцынъ, кн., Мих. Мих., фельдмарш. т. LIV, 196.

Голыцынъ, кн., Н. С., ссыл. на его замѣт. «Народная легенда объ Александрѣ-отшельникѣ», т. LVI, 217, 220.

Голыцынъ, кн., Вас. Серг., т. LV, 481.

Голыцынъ, кн., Дмит. Мих., полномочн. русск. посолъ въ Вѣнѣ, † 1793 г., томъ LIII, 587, т. LIV, 196, 306, т. LVI, 439.

Голыцынъ, кн., Александръ Никл., обер-прокур. св. синода, ми-ръ духовн. дѣлъ и проsv., р. 1773 г., † 1844 г., т. LIII, 18, 235, 276, 289, 290, 294, 296, т. LIV, 197, т. LV, 478, т. LVI, 94.

Голыцынъ, кн., Андр. Мих., смоленск. витебск. и могилевск. ген.-губернат. 1847 г., т. LIII, 429.

Голыцынъ, кн., Леонидъ Мих., т. LIII, 413, 414, 415, 416, 421, 424.

Голыцынъ, кн., Сергій Мих., т. LIV, 380, 381.

Голыцынъ, кн., Гр. Гр., т. LVI, 666.

Голыцынъ, кн., Вас. Вас., т. LIV, 255.

Голыцынъ, кн., Анд. Анд., т. LIII, 221.

Голыцынъ, кн., Владим. Борис., т. LIV, 78.

Голыцынъ, кн., Дм. Владим., московск. ген.-губернат., т. LIV, 79.

Голыцынъ, кн., Мих., т. LIV, 410, 423.

Головачевъ, В., т. LIII, 555.

Головинъ, гр., 1727 г., т. LVI, 487.

Головинъ, гр., Юр. Алекс., харьковск. попечит. 1838 г., т. LV, 477.

Головинъ, гр., Петръ, т. LVI, 793.

Головинъ, гр., кам.-юнк., томъ LV, 479, 480.

Головинъ, гр., т. LIV, 613, 630.

Головинъ, Евг. Ад., ген.-губернат. Остзейск. края 1847 г., т. LIV, 208.

- Головкина, Авд. Степ., рожд. Лутковская, т. LIII, 769, 771, 786.
- Головиницъ, Вас. Мих., вице-адм., писатель, т. LIII, 771.
- Головиницъ, Александр. Вас., ин-ръ нар. пр., ст.-секр., чл. гос. сов., р. 1821 г., † 1886 г., т. LIII, 438, 442, 443, 445, 449, 767—790, т. LIV, 167, 180, 270, т. LV, 441—445, 663—666, т. LVI, 507—515.
- Гольдгойеръ, сепат., т. LVI, 313.
- Гончаровъ, Ив. Алекс., писат., т. LIV, 422, 792, т. LV, 608, 618, 619, 621, томъ LVI, 577.
- Горбачевскій, Ив., декаб., т. LIII, 796.
- Горбуновъ, Ив. Фед., артистъ и писат., сообщ.: „князь Александръ Борисовичъ Курякинъ“, т. LVI, 618.
- Горемыкинъ, Н. Д., сообщ.: „Павелъ Озеренокскій“, т. LVI, 842—845.
- Горьковский, контр.-адм. 1866 г., томъ LIII, 48, 56, 59, 65.
- Городецкий, Митроф. Ив., т. LVI, 558.
- Горчаковъ, кн., Мих. Дм., генер.-ад., р. 1792 г., † 1861 г., т. LIV, 346, 347, 351, 356, 363.
- Горчаковъ, кн., Александр. Мих., госуд. канцл., род. 1798 г., † 1883 г., т. LIII, 49, 52, 66, 70, 71, 72, 73, 109, 236.
- Готмейстеръ, инженер. 1842 г., т. LV, 164.
- Граде, инженер. 1842 г., т. LV, 164.
- Градовскій, Н. Г., т. LIII, 283.
- Градовскій, Г. К., сообщ.: „Эрнестъ Карловичъ Ватсонъ“, т. LVI, 828—833.
- Грановскій, Тиме. Никл., проф. моск. унив., т. LIII, 531, т. LIV, 84, т. LV, 647, 654, 657.
- Графъ, перев. драгоманъ при русск. посол. въ Тегеранѣ, т. LVI, 819.
- Гребенка, Евг. Павл., писат., р. 1812 г., т. LV, 127.
- Гребенщиновъ, Яковъ Александр., воен. писат.-публицистъ, т. LIII, 800.
- Гревеницъ, бар., Пав., т. LIII, 236.
- Гривенсъ, Гр. А., т. LIV, 519.
- Грейгъ, Самуилъ Карлов., адмир., гл. команд. кроншт. порт. 1775 г., † 1788 г., т. LIII, 553, 566, 567, 569, 572, т. LIV, 48, 602, т. LV, 37, 297, 299.
- Грейгъ, Алексѣй Самуил., адмир. 1866 г., т. LIII, 74.
- Гречъ, Никл. Ив., писат., род. 1787 г., † 1867 г., т. LIII, 757, т. LV, 621, т. LVI, 486.
- Грибодовъ, Александр. Серг., писатель, род. 1795 г., † 1829 г., т. LIII, 531, т. LV, 567.
- Григоровичъ, А. А., пис., т. LVI, 579.
- Григоровичъ, В. И., профес. казанск. унив., т. LV, 658.
- Григоровичъ, Васил. Ив., конференц.-секрет. акад. худ., т. LIV, 672.
- Григоровичъ, Дм. Вас., писат., т. LIII, 775, т. LIV, 750, 751, т. LVI, 577.
- Григорьевъ, В. В., ориенталистъ, т. LV, 487, 492, 493, 495, т. LVI, 659.
- Гриммъ, бар., Фридр.-Мельхиоръ, корреспонд. Екатерины II, род. 1723 г., † 1807 г., т. LIV, 271, 274, 283, 284, 594, 597.
- Гриммъ, А. Ф., т. LVI, 669, 671.
- Гриневичъ, проф., т. LIII, 294.
- Гродековъ, И. И., ген.-м., бывш. воен. губерн. Сыръ-Дарьинск. обл., т. LIV, 231, 235, 237.
- Громека, М. С., т. LVI, 579.
- Гротъ, Конст. Карл., самарск. губернк. 1858 г., бывш. чл. особ. комм. о губ. и уѣздн. учр., ст.-секр., чл. гос. сов., т. LIII, 438, 777, 784, т. LIV, 180.
- Гротъ, Яковъ Карл., акад., сообщ.: «Сергѣй Тимоѣевичъ Аксаковъ въ заботахъ о Гоголѣ 1846 г.», т. LIII, 249—250, «Михаилъ Васильевичъ Милоновъ», т. LVI, 363—364, прим. т. LIII, 702, т. LIV, 521, т. LVI, 244, 559, 563.
- Гудовичъ, т. LIII, 347.
- Гудаль-Артемовскій, П. П., т. LIII, 234.
- Гудаль, Никл. Ив., сообщ.: „Адольфъ Петровичъ Берже какъ ориенталистъ“, т. LVI, 819—824.
- Гурко, Владим. Александр., ген.-ад., варшавск. ген.-губернат. 1887 г., т. LIII, 193, 201, т. LIV, 439.
- Гурьевъ, Дм. Александр., ин-ръ финан., т. LV, 326.

- Дабина, кн., Вас. Дм.,** сообщ. биографич. очеркъ Н. Н. Мурзакевича и примѣч. къ его записк., т. LIII, 1—15, упом. т. LVI, 515.
- Давыдовъ, В. П.,** сообщ. „Квартира Александра Сергѣевича Пушкина въ концѣ января 1837 г.“, т. LIV, 161—164, упом. 737.
- Давыдовъ, ген.-м. 1771 г.,** т. LIII, 536.
- Давыдовъ, Ив. Пв.,** профес., деканъ москов. унив. 1825 г., т. LIII, 265, 269, т. LIV, 661, т. LV, 650, 654, 655, 658.
- Давыдовъ, Денисъ Васильев.,** партизанъ 1812 г., ген.-лейт., воен. писат., р. 1784 года, † 1839 г., т. LIII, 634, 641, 643, т. LV, 228—231, 323, 335, 337, 338, т. LVI, 471—473.
- Даль, Германъ Юрьевичъ,** директ. таможен, † 1789 г., т. LVI, 23, 26.
- Даль, Влд. Ив.,** писат., т. LIII, 772, т. LVI, 231, 232.
- Данвасъ, Б. К.,** сенат., т. LIII, 109.
- Данештеригъ,** инженер. 1842 г., томъ IV, 164.
- Данилевскій, А. С.,** т. LIII, 669.
- Данилевскій, Г. П.,** тайн. совѣтн. писатель, т. LIII, 707, 776, т. LIV, 792, LVI, 748.
- Даниловичъ, Григ. Григ.,** генер.-адъют., бывш. директ. 2 кад. корп., съ марта мѣсяца 1877 г. воспитат. Е. И. В. Государя Наслѣдника цесаревича Николая Александровича, т. LIII, 796, т. LIV, 703, 704.
- Дашкова, княг.,** Екатер. Романов., рожд. Воронцова, статсъ-дама, р. 1743 г., † 1810 г., т. LIII, 102, 103, 104, томъ LIV, 143, т. LVI, 13, 26, 27, 80, 85, 86.
- Дашковъ, Дм. Васил.,** мн-ръ юстиціи 1833 г., т. LVI, 298, 302, 304, 311, 318.
- Двигубовскій, Ив. Алекс.,** профес. и рект. московск. унив. 1825 г., т. LIII, 17, 265, 266, 271.
- Дебре, Алексисъ,** учет. рисов., томъ LVI, 515.
- Деларю, Мих. Данил.,** пис., т. LVI, 650, 664.

- Дельвицъ, бар., Карл. Ив.,** ген.-поруч., выборгск. об.-коменд., † 1791 г., томъ LIII, 565.
- Дельвицъ, бар.,** нач. шт. 4-го корпуса 1856 г., т. LIV, 360, 361.
- Дельвицъ, бар.,** Антоиъ Ант., писат., р. 1789 г., † 1831 г., т. LIII, 109, 202, 464, 710, т. LIV, 404, т. LV, 453—461.
- Дельвицъ, бар.,** Андр. Ив., инж.-ген., сенат., † 1887 г., т. LIII, 521, 523, 784.
- Деляновъ, И. Д.,** директ. публ. библиот. 1866 г., вл. чл. гос. сов.: мн-ръ нар. пр., т. LIII, 56, т. LVI, 189, 249, 569.
- Демидовъ, Никола, заводчикъ,** т. LIV, 329—344, 569.
- Демьяненковъ, Никол. Аванас.,** нач. артил. акад., проф., томъ LIII, 798.
- Денисовъ, Фед. Петр.,** атам. войск. донск. 1789 г., т. LIV, 60, 61, 64, 67, 297.
- Фонъ-Дершмаъ, об.-прокур. гражд. деп. сената,** т. LVI, 313.
- Державинъ, Гавр. Романов.,** писатель, р. 1748 г., † 1816 г., т. LIV, 74, 197, 510, 521, т. LVI, 80, 106, 559, 560, 729.
- Дерфельденъ, Отто Вильг.,** ген.-поруч. 1786 г., т. LIV, 56.
- Деспотъ-Зеновичъ, бакинск. городск. голова 1880 г.,** т. LV, 207.
- Дестунисъ, С. Ю.** т. LV, 488.
- Детловъ, К. К.,** сообщ. «На могилахъ Кульнева», т. LIII, 633—648, ул. 376.
- Дивова, рожд. гр. Вутурлина,** томъ LIII, 549.
- Дивовъ, сенат.,** т. LIII, 411, т. LVI, 433.
- Дибичъ-Забалканскій, гр.,** Ив. Ив., фельдмарш., р. 1785 г., † 1831 г., томъ LIII, 636.
- Дистерло, бар., Р. А.,** т. LVI, 580.
- Дитатинъ, проф.,** т. LV, 476.
- Дмитріевъ, Ив. Ив.,** хс. тн. сов., мн-ръ юстиціи, писатель, р. 1760 г., † 1837 г., т. LIII, 202, 266, 710, т. LIV, 404, т. LV, 460, 461, т. LVI, 302, т. LVI, 797.
- Дмитріевъ, А. А.,** преподават. пермск. гимназ., т. LIV, 571.
- Добровольскій, В. А.,** т. LVI, 138.
- Добролюбовъ, И. В.,** чл. учен. рязанск. комм., т. LIV, 191.

Добродлюбовъ, Никл. Александр., его стихотво-
р. „Посланиѣ къ С. П. Галахову“,
т. LVI, 233—235, упомина. т. I.V, 620,
т. LVI, 518.

Долучаевъ, Т. В., чл. эксп. гор. учл.
комм. въ Спб. 1886 г., т. LV, 696.

Долгорукий, кн., Григ. Фед., т. LVI, 278.

Долгорукий, кн., Яковъ Фед., т. LV, 28.

Долгорукий, кн., Васил. Влад., ген-
лейт. 1716 г., т. LIV, 335, 337, 338,
339, 340, 341, 343.

Долгоруковъ, кн., Влад. Петр., рижск.
губернат. 1752 г., т. LIV, 89.

Долгоруковъ-Ермиский, кн., В. М.,
ген., т. LIII, 555, 556.

Долгоруковъ, кн., Влад. А., московск.
ген.-губернат. 1866 г., т. LIII, 60, 65,
т. LIV, 346, 350, 387.

Долгоруковъ, кн., генер.-ад. 1863 г.,
т. LVI, 507.

Долгоруковъ, кн., Пав. Вас., т. LIII, 739.

Долгоруковъ, кн., Вас. Андр., генер-
адъют., шефъ жандармовъ съ 1861—
1865 г., т. LIII, 440.

Долгоруковъ, кн., ссыл. на его «Родо-
словн. книгу», т. LV, 202.

Долгорукой, В., сообщ. «Отшельникъ
Александръ (Феодоръ) въ Сибиря»,
т. LVI, 217—220.

Домонтовичъ, И. И., чл. городск. учл.
комм. въ Спб., 1886 г., т. LV, 696.

Домонтовичъ, Мих., т. LIII, 798.

Домочтовичъ, Конст. Ив., чл. редакц.
комм. 1860 г., первоприс. IV-го деп-та
сен., т. LIII, 435, 777, 784.

Дондузъ, княгиня, т. LIII, 206.

Дондузовъ-Жорсазовъ, кн., П. А., по-
печат. спб. учебн. опр., т. LIV, 644,
т. LVI, 754.

Дондузовъ-Жорсазовъ, кн., Александр. М.
т. LIV, 440.

Донецъ-Захаржевская, Ел. Ал., рожд.
Самойлова, т. LV, 481.

Дороховъ, ген.-м. 1812 г., т. LV, 323.

Достоевский, Андр. Мих., т. LV, 463.

Достоевский, Феодоръ Мих., писатель,
† 1881 г., т. LV, 567, 695, т. LVI;
411—419, 575, 580.

Дохтуровъ, ген. 1812 г., т. LV, 227.

Драгомировъ, Мих. Ив., нач. военн.
акад., воен. писат., т. LIII, 798, т. LIV,
769, т. LV, 185.

Дренажинъ, А. М., сообщ. «Владъ
Петра I на сооруженіе храма въ Бѣл-
городъ», т. LV, 84.

Дривенъ, Курляндскій губерна., т. LVI,
804, 812.

Дрожжинъ, Спирид. Дм., поэтъ, т. LV,
148—154, т. LVI, 236—238.

Дружининъ, П. М., т. LIV, 552.

Дружининъ, Александр. Васил., т. LIV,
739—760, 792, т. LV, 620, 630, т. LVI, 577.

Друцкой-Соголинскій, кн., Д. В., сообщ.
«Графъ Арсеній Андреевичъ Закреп-
скій», т. LIV, 268.

Друцкой-Соголинскій, кн., смоленск.
губерн. предвод. двор., т. LIII, 397, 421,
422, 423, 424, 427, т. LVI, 490—492, 645.

Дубасовъ, П. И., предсѣд. тамбовск.
архивной комм., т. LVI, 544.

Дуббельтъ, Леонтій Васил., нач. штаба
корп. жандарм., т. LIII, 775, т. LVI,
420, 485.

Дубровинъ, Нивол. Фед., генер.-майоръ,
писат., академикъ, т. LIII, 800.

Дубяновскій, Фед. Яковлев., † 1771 г.,
т. LVI, 2.

Дудровичъ, И. И., проф., т. LIII, 291,
651, 652.

Дудышинъ, инспект. полтавск. кадет.
корпуса, т. LIV, 686, 691.

Дудышинъ, Степ. Степ., ред. „От. Зап.“
т. LIV, 792, т. LV, 614.

Дурново, И. Н., главноуправл. учрежд.
им-цы Маріи, т. LVI, 741.

Дъ-аченно, драматич. писат., т. LIII, 796.

Евгеній Болховитиновъ, митрон. кiev-
скій, т. LIII, 661.

Екатерина I, им-ца, р. 1684 г., † 1727 г.,
т. LIII, 582, т. LIV, 276, 277, 569,
т. LV, 2, 9, 32, 33, т. LVI, 361, 488.

Екатерина II, им-ца, р. 1729 г., † 1796 г.,
т. LIII, 41, 43, 77—103, 305—339, 439,
457, 465, 533—574, 582, 590—598, томъ
LIV, 35—81, 174, 175, 197, 271—308,

- 368, 434, 509, 565, 591—612, 636, 638, т. LV, 35—39, 50, 51, 125, 202, 239—320, 499, 503, 512, 515, 529, 531, 542, 679—700, т. LVI, 1—31, 71, 72, 76, 299, 300, 365—367, 377, 425—442, 516, 610, 796.
- Екатерина Михайловна**, вел. княг., т. LIII, 58.
- Елагинъ**, Ив. Перфил., об.-егермейст., сенат., † 1793 г., т. LIII, 319—321, т. LV, 202.
- Елена Павловна**, вел. кн., въ зам. принц. Гоштейнъ-Ольденбург., т. LIII, 127, 436, 440, 443, 448, 450, 559, томъ LV, 585, т. LVI, 444, 625.
- Елизавета Петровна**, им-ца, р. 1709 г., † 1761 г., т. LIII, 41, 304, 305, 319, 330, 331, 333, 334, 532, 538, 581, 582, 585, 586, 587, 591, 732, т. LIV, 89, 91, 318—321, 632, 633, 634, т. LV, 312, 514, 522, т. LVI, 437, 548, 609.
- Елизавета Алексѣевна**, им-ца, р. 1779 г., † 1826 г., т. LIII, 532, т. LIV, 75, 78, 79, 80, т. LV, 60, 63, 478, т. LVI, 127, 137.
- Енигѣева**, княг., Варвара Павл., рожд. Вахметова, т. LIII, 402, т. LVI, 525—528.
- Енигѣевъ**, кн., Никл. Никл., т. LVI, 525—528.
- Ермоловъ**, Алексѣй Петр., ген.-лейт., р. 1777 г., † 1861 г., т. LIII, 274, 639, т. LIV, 148, т. LV, 462, 483, т. LVI, 13—16, 821.
- Ерошенинъ**, П. Д., т. LVI, 85.
- Ерошенины**, ихъ родословная, т. LV, 474—475.
- Есиповъ**, Г. В., т. LV, 11, 15, т. LVI, 38.
- Есманъ**, Ярославъ, сообщ.: „Эпизодъ изъ быта помѣщиковъ“, т. LIV, 269—270.
- Ефремовъ**, П. А., сообщ.: „О сообщеніи матеріаловъ для изданія сочиненій Полежаева“, т. LVI, 226—227, упом. т. LIII, 510, т. LIV, 507, 521, 544, т. LVI, 108, 111, 699—729.
- Ждановъ**, Евг., т. LIII, 800.
- Жеваховъ**, кн., Семенъ Иван., т. LIII, 104—105.
- Желиховская**, Вѣра Петр., рожд. Ганъ, сообщ.: „Елена Андреевна Ганъ“, томъ LIII, 733—766, „Антонія Кюльвейнъ“, т. LVI, 196, упом. т. LV, 237, 238, 430.
- Желѣановъ**, Н. И., директ. Петровской землед. акад. 1866 г., т. LIII, 61.
- Желябужскій**, оберъ-фискаль 1711 г., т. LIV, 330.
- Жемчужниковъ**, А., т. LIV, 792.
- Жомини**, военн. губернат. Смоленска, 1812 г., т. LIII, 25, 26.
- Жизневскій**, предсѣд. тверск. архивн. комис., т. LVI, 541, 547.
- Жужовская**, Екат. Фед., т. LVI, 516.
- Жужовскій**, Васил. Андреев., писатель, р. 1788 г., † 1852 г., т. LIII, 179, 238, 241, 531, 643, 696, т. LIV, 197, 240, 511—518, 545, 720, т. LVI, 70, 84, 85, 102—105, 398, 399, 485, 497, 560—574, 677, 742—747.
- Жузовскій**, Сгеи. Мих., стат.-секрет., бывший чл. редакц. комм., † 1877 г., т. LIII, 447, 448, 777, 784, т. LIV, 183.
- Жузовскій**, П. В., сообщ.: „Въ образцовомъ кавалерійскомъ полку“, т. LV, 155—163, „Екатерина Фодоровна Жуковская“, т. LVI, 516, упом. 696, т. LVI, 272.
- Журавлевъ**, врачъ 1880 г., т. LV, 203.
- Заблоцкий-Десятовскій**, Андр. Парф., членъ редакц. комм. 1860 г., статсъ-секр., чл. госуд. сов., † 1881 г., т. LIII, 57, 272, 435, 437, 438, 440, 777, 784, томъ LIV, 167, т. LV, 695, т. LVI, 626, 646.
- Забудовскій**, Н. Н., офиц. генер. штаба, т. LIV, 787.
- Забѣлинъ**, П. Е., предсѣд. москов. общ. исторіи и древност., писат.-историкъ, т. LIV, 258—261, т. LVI, 250, 562.
- Забѣла**, Вит., украинскій поэтъ, томъ LIII, 707.
- Забѣла**, пр., т. LIII, 412.
- Завадовская**, рожд. граф. Апраксина, т. LIV, 37.
- Завадовскій**, Петръ Васильев., сенат. директ. банка, р. 1733 г., † 1812 г., т. LIII, 86, т. LIV, 35—37, 40, т. LVI, 3.

Завадовскій, ген., нач. Кавказ. линіи 1851 г., т. LVI, 827.

Завалишинъ, Дм. Прынарх., декабр., т. LVI, 402, 404.

Загоскинъ, Мих. Пяк., писат., р. 1789 г., † 1852 г., т. LIV, 729, LV, 335.

Загряжскій, ген.-лейт., т. LIV, 142.

Зайцевъ, И. К., сообщ.: „Воспоминанія стараго учителя И. К. Зайцева“, томъ LIV, 663—691.

Загребская, Марина Осиповна, въ зам. Нарышкина, т. LIII, 590.

Загребскій, гр., Арсеній Андреев., московскій ген.-губерн., † 1865 г., т. LIV, 268, т. LVI, 420.

Заяца, бар., т. LIII, 213, т. LVI, 75.

Земляничинъ, Д. Н., мн-рь юстиціи, томъ LIII, 109, т. LVI, 311, 313, 321, 324.

Зарудный, Серг. Иван., сенат., т. LIV, 270, т. LVI, 323—325.

Захаржевская, Елена Алексѣев., рожд. графиня Самоилова, т. LIV, 654.

Звѣревъ, С., сообщ.: „Филаретъ Гумилевскій, епископъ рязскій“, т. LIV, 206—209.

Зданауеръ, Н. Ф., лейбъ-медикъ, дѣйств. тайн. совѣтн., т. LIII, 784.

Зедделеръ, бар., изд. Военно-энциклоп. лексикона, т. LIV, 311.

Зейдеръ, Фридрихъ, докторъ философ., пасторъ, р. 1771 г., † 1834 г., т. LIII, 251—262.

Зейдеръ, Карлъ Федор., докторъ медц., бывшій проф. мед.-хирургич. академіи, т. LIII, 252.

Зеленый, мн-рь госуд. пмущ., т. LIII, 58.

Зичи, художн., т. LIII, 131.

Золотовъ, Василій Алекс., писат., педагог., т. LIII, 653, 776, т. LV, 442.

Зоричъ, Семенъ Гаврилов., † 1799 г., т. LVI, 3—5.

Зотовъ, Пав. Дмитр., ген.-отъ-инфант., р. 1824 г., † 1879 г., т. LIII, 191.

Зотовъ, В. Р., писатель, т. LV, 632.

Зотовъ, З. К., т. LV, 610.

Зубовъ, кн., Платонъ Александр., ген.-ал. 1796 г., † 1827 г., т. LIII, 281, 388, т. LIV, 40, 41, 42, т. LVI, 367, 379, 380, 424—432.

Зубовъ, Валеріанъ Александр., † 1804 г., т. LIII, 344—373, т. LVI, 432—437.

Зубовъ, Николай Александр., шталмейст., † 1805 г., т. LVI, 437—438.

Зубовъ, гр., Дм. Александр., камергеръ, † 1836 г., т. LVI, 426.

Зуевъ, нижев. 1842 г., т. LV, 164.

Зыбинъ, подполк. 1725 г., т. LVI, 836.

Ивановъ, А. А., художн., т. LIII, 712: 714, 717, 719.

Иваншвовскій, Сем. Мартыч., профес. московск. унив. 1825 г., т. LIII, 265.

Игнатовичъ, А., сообщ.: „Григорій Сергѣевичъ Аесакъ“, т. LIII, 606, „Генералъ Ненеидинъ“, т. LV, 640.

Ивонниковъ, Влад. Степанов., профес. кіевск. унив., т. LIII, 662 и библиогр. листовъ въ „Русской Старинѣ“ 1887 г.

Ивокуль, бар., директ. латвск. кадет. корп., т. LIV, 690, 691.

Ижовайскій, Дм. Ив., профес., сообщ.: „Приобрѣтеніе Пскова и Смоленска Василиемъ III“, т. LIV, 1—34, упом. томъ LIV, 214.

Ижовъ, Ив. Никит., ген.-отъ-инфант., масонъ, гл. попечит. и предсѣд. комит. о колониз. южной Россіи, р. 1768 г., † 1845 г., т. LIII, 238—248, 283—286, т. LIV, 658.

Инокентій (Борисовъ), еписк. чигир., вполн. архіеп. херсон. и тавричскій, т. LIV, 139.

Инокентій (Платоновъ), архимандр., преподават. богосл. въ москов. универс. 1825 г., т. LIII, 265, 267.

Иновемцевъ, проф., т. LV, 617.

Исаковъ, Н. В., ген.-адъют., нач. воен.-учебн. завед., т. LIV, 700, 703, 705, 708.

Исленьевъ, генер. 1826 г., т. LIII, 217.

Истомина, Ф. М., т. LVI, 249.

Іоаннъ III, вел. кн. московск., т. LIV, 1, 7, 29—31, 579, т. LVI, 533.

Іоаннъ IV Грозный, царь, р. 1530 г., † 1584 г., т. LIII, 578, 581, т. LIV, 172, 650, 651, т. LV, 512, томъ LVI, 350, 351, 533.

Иоаннъ Алексѣевичъ, царь, † 1696 г., т. LVI, 837, 840.

Иоаннъ VI Антоновичъ, импер., род. 1740 г., † 1764 г., т. LIII, 331.

Кавелинъ, Конст. Дмитр., профес., род. 1818 г., † 1885 г., т. LIII, 431—463, 777, 783, т. LIV, 165—179, т. LV, 647, 659, т. LVI, 505, 643, 677—679.

Калеринъ, сенат. 1812 г., т. LIII, 26.

Кавосъ, Е. Ц., чл. городск. учил. комм. въ суб. 1886 г., т. LV, 696.

Кавначеевъ, А. И., таврич. губернат. 1836 г., т. LIV, 139.

Кайгородовъ, Несторъ, т. LIII, 801.

Кайдашовъ, т. LIV, 638.

Кайсаровъ, П. С., корпусный команд., т. LIII, 17.

Калачовъ, артилл. ген. 1877 г., т. LIII, 187, т. LIV, 806.

Калачовъ, Никл. Вас., археологъ, директоръ археол. инст., сенат., р. 1819 г., † 1885 г., т. LIII, 112, 113, т. LIV, 185—188, т. LVI, 539, 542.

Калиновскій, А., сообщ.: „Яковъ Петровичъ Кульневъ 1766—1812 гг.“, т. LIII, 375—388, улом. 603.

Каменская, фрейл., т. LIV, 278, 279.

Каменскій, гр., Мих. Федотов., генер.-аншефъ, † 1809 г., т. LIII, 379, 614, 616, т. LIV, 56, т. LV, 307, 322.

Кампенгаузенъ, лифляндск. губернат., т. LVI, 379, 380, 383.

Канищева, Агнія Алсдр., т. LV, 237.

Канкринъ, гр., Егоръ Франц., мн-ръ фанас. съ 1823—1844 гг., † 1845 г., т. LVI, 772.

Каннабахъ, полк. 1877 г., т. LIV, 795.

Кантаузенъ, кн., Алекс., т. LIV, 658.

Кантемиръ, кн., Антиохъ Дм., т. LIV, 564, т. LV, 522, т. LVI, 563.

Канюковъ, Василій Васильев., писат., р. 1757 г., т. LV, 127, т. LVI, 79, 80.

Каподистрия, гр., Ив. Антонов., мн-ръ иностр. дѣлъ, презид. греческ. республ., р. 1776 г., † 1831 г., т. LIII, 238, 242, 243, т. LV, 478, 479, т. LVI, 303.

Карамзинъ, Николай Мух., историогр., р. 1766 г., † 1826 г., т. LIII, 238, 241, 337, 341, 342, 578, т. LIV, 197, 258, 390, 434, 510—515, 535, 545, 565, томъ LV, 686, т. LVI, 131, 302.

Карасевскій, об.-прокур. синода, томъ LVI, 345.

Каратыгинъ, Вас. Андр., артистъ, томъ LIII, 740, т. LIV, 674.

Каратыгинъ, Петръ Андреев., писат.-артистъ, т. LIV, 850.

Каратыгинъ, Петръ Петров., т. LVI, 711, 850.

Карлгофъ, В. И., помощ. попечителя кievск. учебн. округа 1842 г., т. LV, 495, 496.

Карлѣвъ, попечит. харьков. универс., т. LIII, 293, 294.

Карповъ, Н. П., сообщ.: „Отечественная война“, т. LIV, 738.

Карцовъ, А. А., изд. соч. А. С. Пушкина, т. LVI, 724—726.

Карцовъ, Пав. Петров., воен. писат., т. LIII, 796.

Карцовъ, востромск. предвод. дворян., 1866 г., т. LIII, 68.

Карцовъ, тульск. помѣщ. 1848 г., томъ LIII, 405.

Касперовъ, Конст. Никл., полк. 1837 г., т. LVI, 676—680.

Кастриото-Скандербежъ, Г. В., предсѣд. рязанск. учен. архивн. ком. 1886 г., т. LIV, 189, 562.

Катенинъ, генер. 1856 г., т. LIV, 351.

Катковъ, Мих. Никиф., издат. „Москов. Вѣдом.“, т. LIII, 445, 446, 770, 771, 781, т. LIV, 424, 432.

Кауфманъ, генер., т. LIV, 439.

Каховскій, екатериносл. губернт. 1722 г., т. LVI, 488.

Каховскій, полковн., т. LIV, 705.

Качаловъ, предсѣдл. губернтск. управы Новгор. губ., 1866 г., т. LIII, 59.

Каченовскій, Мих. Троф., проф., рект. москов. универс. 1837 г., т. LIII, 265, 266, 271, 276, 279, 661, т. LIV, 131, 132, 650, 660—662, т. LV, 487, т. LVI, 83, 482, 654.

Кашенинъ, Серг., т. LVI, 480, 481.

Квашина-Самарина, Анна Петровна, т. LIV, 510.
 Кейверлингъ, гр., почетн. дерптскаго учебн. окр. 1863 г., т. LVI, 509.
 Кейтъ, Яковъ, фельдм., т. LIV, 89, 90, 316, 318, 319, 321, 618.
 Келлеръ, графиня, фрейл., т. LIII, 70.
 Келеръ, консерваторъ эрмитажн. мнндъ-кабинета, т. LIII, 666, т. LIV, 649.
 Кеневичъ, В. Ф., преподават. словесн., т. LIII, 797, т. LV, 463.
 Кешпенъ, П. И., т. LV, 487.
 Керовскій, инженер. 1842 г., т. LV, 164.
 Кашицъ, Вас. Вас., писат., р. 1756 г., † 1823 г., т. LIV, 510, 546.
 Кисина, Марья Фед., т. LIV, 738.
 Кисинъ, П., т. LIV, 738.
 Киселевичъ, Антонія, т. LV, 236—238.
 Кисовичъ, П. П., директ. полоцк. корп. 1857 г., т. LIV, 695, 696, 703.
 Кипренскій, художн., т. LIV, 74, 506, т. LVI, 556.
 Кирхнеръ, инженер. 1842 г., т. LV, 164.
 Кирьяновъ, Мих., директ. одесской таможи, т. LIII, 281, 283.
 Кирьяновъ, Мих. Мих., т. LIII, 653, 656, 659, 664, 665, т. LIV, 129, 138, т. LV, 477, 481, 482, 486—489, т. LVI, 654.
 Кирьяновы, т. LIII, 281.
 Киселева, Л. В., сообщ.: „Солдатская пѣсня 1812 г.“, т. LVI, 228—229.
 Киселева, Александра Дмитр., въ зам. Милюткина, т. LIII, 437.
 Киселевъ, гр., Пав. Дмитр., ми-ръ госуд. имущ. 1848 г., † 1872 г., т. LIII, 416, 436, 437, 440, т. LIV, 391, т. LV, 226—235, т. LVI, 620—627.
 Кисинскій, Фед. Иванов., подпоруч. Астрахан. полка, впослед. ген.-майоръ, т. LIII, 533—537.
 Клей, америк. послан. въ Россію 1866 г., т. LIII, 47, 52, 56, 58, 63, 64, 70, 72.
 Клейнмихель, гр., Петр. Андр., генер.-адъют., ми-ръ пут. сообщ., † 1869 г., т. LIII, 794, 795.
 Клименновъ, С. И., т. LIII, 44.
 Клингеръ, Ив., генер.-майоръ, сообщ.: „М. Ф. Федоровъ“, т. LV, 640.

Ключаревъ, А., директ. госуд. казначейства, т. LIII, 33.
 Кноррингъ, ген.-м. 1794 г., т. LIII, 377.
 Кноррингъ, В. Ф., т. LIII, 563.
 Князевичъ, В. М., т. LV, 487.
 Князевичъ, Дм. Максимов., почетн. одесск. учебн. округа, т. LIII, 8, 13, 755, 756, т. LIV, 650, 655, 656, 659—662, т. LV, 477, 480—495, 604, т. LVI, 649—665.
 Князевъ, Александр. Серг., сообщ.: „Сказаніе псковскаго гражданина о томъ, какъ депутаты отъ г. Пскова ѣздили въ армию въ 1812 г.“, т. LV, 55—74.
 Кобежо, Д. Ф., членъ совѣта ми-ра финанс., тайн. совѣтн., писат., т. LIII, 78, т. LVI, 250.
 Ковалевскій, Евг. Петр., ми-ръ народн. просв., т. LIII, 137, 783, т. LIV, 792, т. LVI, 508, 768.
 Ковалевскій, оберъ-прокур. уголовного департ., т. LVI, 313.
 Коваленкова, К. И., сообщ.: „Александра-Фленушка“, т. LVI, 230.
 Коваревъ, Эдуардъ, генер., т. LIII, 800.
 Кожина, рожд. княжна Волконская, т. LIII, 206, 208, 209.
 Ковадалевъ, оберъ-прокур. 1-го департ. сената, т. LVI, 796.
 Ковковъ, Н. И., дѣйств. тайн. совѣтн., главн. воен. медицин. инспект. арміи 1877 г., т. LV, 75.
 Козловъ, И. Ив., поэтъ, т. LIV, 413, 438.
 Козляниновъ, Тимоѳ. Гаврилов., вице-адмир. 1789 г., т. LIV, 68.
 Козоревъ, В. А., т. LIII, 59, 60.
 Козопляна, Варв. Дм., рожд. Глѣбова, т. LIII, 206, 207, 208, 216, 219.
 Колмаковъ, Н. М., сообщ.: „Домъ и фамилія графовъ Строгоновыхъ“, т. LIII, 575—602, т. LIV, 71—94, „Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ“, 297—332, т. LVI, 767—782.
 Кологривовъ, генер., т. LVI, 805.
 Колокольцевъ, сенат., т. LVI, 794, 795.
 Колошинъ, П., декабр., т. LVI, 396.
 Колошинъ, Серг. Павл., издат. „Зрит. общ. жизни и пр.“, его стихотв.: „Испанія и Россія“, т. LIV, 692, т. LVI, 518.

- Болчинъ, Мих. Андреев.**, сообщ.: „Флигель-адъютантъ Михаилъ Андреевичъ Шумскій въ Соловкахъ“, т. LIV, 145—154, „Смыслныя и заточенныя въ острогѣ Соловецкаго монастыря“, т. LVI, 45—69, 333—363, 591—617.
- Большаковскій, кошев. атам. Запорожскія, т. LVI, 53, 69.**
- Болдцовъ, А. В.**, т. LV, 460, 461, 562, 567.
- Бомаровъ, В. В.**, издат. сочин. А. С. Пушкина, т. LVI, 709—711.
- Бомисаровъ-Костромской, Осипъ Ив.**, т. LIII, 54.
- Бони, А. Ф.**, сообщ.: „Рескриптъ императора Павла I 1800 г.“, т. LIII, 374, „Рескриптъ императора Николая“, 732, „Указъ Петра Великаго“, т. LV, 452, „Замѣтка Петра I“, т. LVI, 211—212, „1815 годъ. Письмо прапорщика софійскаго пѣхотн. полка Василя Чагина къ родителямъ“, т. LVI, 845—847, упом. 513.
- Боньвиницынъ, генер.-лейтен. 1812 г.** т. LV, 226, 227.
- Константинычъ Павловичъ, вел. князь, цесарев.**, р. 1779 г., † 1831 г., т. LIII, 81, 82, 269, т. LIV, 76, 347, 371, т. LVI, 137, 138, 370, 425, 794, 813.
- Константинычъ Николаевичъ, вел. кн., генералъ-адмиралъ, родился 9 сентября 1827 года.** т. LIII, 436, 440, 442, 443, 447, 773, 777, 785, 788, т. LIV, 440, 513, 732, 733, т. LVI, 266, 271, 669, 672.
- Константинычъ Константиновичъ, вел. князь, т. LVI, 559.**
- Коншинъ, Никл. Мих.**, поэтъ, † 1859 г., т. LV, 464—466.
- Корейша, Д. В.**, коллеж. ассес. 1839 г., т. LV, 487.
- Корн, помощ. инспект. 1-го кадетск. корп. 1839 г.**, т. LIV, 678, 691.
- Коржиловъ, Ив. Петр.**, попечит. вил. учебн. округа, нынѣ д. тайн. сов., почетн. опекунъ, т. LIV, 552.
- Коржиловъ, Влад. Алексѣев.**, ген.-ад., адмир., † 1853 г., т. LVI, 673.
- Карюленъ-Шинскій, М. М.**, директ. департ. мя-ва встидъ, т. LVI, 313, 769, 770—778.
- Коробжинъ, Сем. Фед.**, канд. сбб. унив. - т. LVI, 649.
- Короваевъ, инспект. полтав. кадетск. корп.**, т. LIV, 691.
- Корсаковъ, Ив. Никл.**, камерг. 1779 г., т. LIII, 595—601, т. LVI, 5—8.
- Корсаковъ, Мих. Матв.**, т. LIII, 213, 214.
- Корсаковъ, ген.-майоръ, помощн. нач. военно-учебн. завед.**, т. LIV, 700.
- Корсаковъ, Д. А.**, проф., сообщ.: „Константинычъ Дмитріевичъ Кавелинъ“, томъ LIII, 431—450, „Василій Невитичъ Татищевъ“, т. LIV, 563—590, томъ LVI, 250.
- Корфъ, бар., вполн. гр. М. А.**, директ. императ. публ. библиот., т. LIII, 109, 127, 128, т. LVI, 312, 321, 322, 507.
- Корфъ, Н. А.**, педагогъ, т. LV, 688.
- Корфъ, бар., П. Л.**, т. LV, 693.
- Коршъ, Евг. Фед.**, т. LIV, 792.
- Коржинъ, Никол. Мих.**, помѣщикъ, т. LVI, 543.
- Коршъ, Вал. Фед.**, издат. Спб. Вѣд., † 1883 г., т. LVI, 832—835.
- Косоговскій, П. П.**, новгор. предводит. дворян. 1863 г., т. LIII, 124.
- Костомарова, Анна Леонт.**, рожд. Крагельская, по первому мужу Кисель, т. LVI, 503—506.
- Костомаровъ, Никл. Иван.**, р. 1817 г., † 1885 г., т. LIII, 226, 531, 778, томъ LV, 18, т. LVI, 503—506.
- Косаровскій, Петръ Петров.**, т. LIII, 676, 677, 678, 682, 683, 687, 689, 695, т. LVI, 748.
- Косаровскій, И. М.**, т. LIII, 667.
- Котельникова, Софья Марк.**, рожден. Кисель, т. LVI, 503—506.
- Котельниковъ, инспект. полтавскаго кадетск. корпуса,** т. LIV, 691.
- Котлубицкій, ген.-ад.**, т. LIII, 340, 341.
- Коховскій, декабр.**, т. LIII, 216.
- Коцебу, П. Е.**, т. LVI, 827.
- Коцебу, Фридрихъ (у намѣстн. кавказ.),** т. LIV, 439.
- Кочубей, княг., Елена,** рожд. Венжендорфъ, т. LIV, 391.
- Кочубей, Викт. Павл.**, предсѣд. госуд. совѣта 1833 г., LIV, 77.

- Кошелевъ, Александр. Ив., чл. рязанск. комит. по крестьянск. дѣламъ, писат. 1858 г., т. LIII, 437, т. LIV, 167, 662.
- Краббе, управл. морск. мнв-вомъ 1866 г., т. LIII, 49, 55, 58, 70.
- Краевскій, Андр. Алесдр., бывш. изд. „Голоса“, предсѣд. училищн. комм. въ Сиб., т. LIII, 272, т. LIV, 792, т. LV, 692—696, т. LVI, 109, 146, 192, 193.
- Красовскій, цензоръ, т. LIII, 775, 798.
- Красовъ, Васил. Иван., учитель, † 1860, т. LIV, 424—431, т. LV, 460.
- Крафтъ, П. О., инженер. 1842 г., т. LV, 164.
- Крафтъ, Ник. Осип., инж.-ген. 1846 г., т. LIII, 525.
- Кремининъ, Ам. Яковлев., нач-на слб. екатериинн. пвст., т. LV, 238.
- Кремининъ, Валер. Александр., писат., изд. „Разсвѣта“, т. LIII, 796.
- Кригеръ, А. Д., правит. канц. мнв-ва юстиц., т. LVI, 758.
- Кроненбергъ, Амалія Андр., т. LV, 237.
- Кругляковъ, инспект. полтавск. кадет. корп., т. LIV, 691.
- Криденеръ, бар., Н., генер.-отъ-инф., сообщ.: „Второе сраженіе подъ Плевною 18-го юля 1877 г.“, т. LIII, 181—192, уном. т. LIV, 793—810.
- Круженштернъ, Алексѣй (у вавѣств. кавказ.), т. LIV, 439.
- Крузъ, Александр. Ив., вице-адмир. 1789 г., т. LIV, 296.
- Крутиковъ, С., сообщ.: „Николаевская желѣзная дорога“, т. LV, 164.
- Крыловъ, генер. 1877 г., т. LIII, 191.
- Крыловъ, А., цензоръ 1852 г., томъ LVI, 486.
- Крыловъ, Ив. Андр., баснопис., т. LIV, 74, 720, т. LV, 129, 463, 464.
- Крюгеръ, Х. Х., чл. учил. комис. въ слб. 1886 г., т. LV, 696.
- Крюднеръ, бар., Н. А., т. LVI, 669, 671, 675.
- Крюшовъ, Дм. Львов., проф. московск. универс., т. LV, 647, 654—657.
- Кудравскій, инспект. полт. кадетск. корп., т. LIV, 691.

- Кузнецовъ, А., сообщ.: „Вольныя и невольныя дѣянія стараго суда“, т. LIV, 265—267.
- Кузминова, Марья Григ., т. LV, 237.
- Кузьминъ, Пав., секундъ-маіоръ, командант. Нишотской крѣп. 1788 г., т. LIII, 553, 572.
- Кузьминъ, Пав., шт.-капит. генер. шт., декабр., т. LVI, 416, 420—422.
- Кузьминъ - Короваевъ, инспект. полтавскаго кадетск. корп., т. LIV, 690.
- Кужольникъ, Несторъ Васильев., томъ LIII, 751, т. LVI, 585, 648—650.
- Кузь, мореплават., т. LVI, 685.
- Кулеваевъ, Мих. Семен., т. LIII, 214.
- Кулинь, В. П., окружн. инспект., учил. Ковенск. губ., т. LVI, 566.
- Кулинь, Пантелейм. Александр., акад., т. LIII, 707, 709, 713.
- Кульнева, Марья Петр., въ зам. барон. Мантейфель-Сей, т. LIII, 376.
- Кульнева, Луиза Иван., рожд. Гребиницъ, т. LIII, 617, 629.
- Кульнева, Дарья Алексѣев., рожд. Валуева, † 1810 г., т. LIII, 630.
- Кульневъ, Пав. Петр., аббатъ, † 1808 г., т. LIII, 628, 631.
- Кульневъ, Яковъ Петров., ген.-маіоръ, шефъ Гроднен. гусар. пол., р. 1763 г., † 1812 г., т. LIII, 376—388, 603—648, т. LV, 67—70.
- Кульневъ, Ив. Петр., шефъ ревельскаго гарнизон. полка 1808 г., т. LIII, 376, 381—388, 603—627, 631.
- Кульневъ, Мих. Петров., т. LIII, 626, 631, 645, 646.
- Кульневъ, Никл. Петр., полк., т. LIII, 625, 629, 631.
- Кульневы, ихъ родословіе, т. LIII, 630—632.
- Кумани, Н. М., т. LV, 487.
- Кунинъ, Аристъ Аристов., акад., томъ LIII, 127, т. LIV, 565, т. LVI, 247.
- Куприяновъ, И. П., гофъ - фурьеръ, т. LV, 681.
- Куприяновъ, И. К., археол., т. LV, 139.
- Куракинъ, кн., Борисъ, т. LIII, 334.

Куражия, кн., Алексѣй Борис., вице-канцл., т. LIII, 334, 558, т. LVI, 618, 787, 789, 798.

Куражия, кн., Алексѣй Борис., ген.-прокур., т. LIII, 334, т. LVI, 367—385, 783, 786, 790, 795.

Курляндцевъ, Н. Д., проф., т. LIII, 296.

Куропаткинъ, генер. 1880 г., т. LIV, 236, 794, 807.

Курочинъ, Вас. Степ., изд. „Искры“, т. LIII, 798, т. LV, 622, 631.

Кутайсовъ, Ив. Павл., камерд. Павла I, об.-гофмарш., т. LIV, 41, т. LVI, 380, 385, 430, 442—444, 784—811.

Кутузовъ-Смоленскій, кн., Мих. Иллари., т. LIV, 381, т. LV, 60, 63, 64, 323—326, т. LVI, 811.

Кушавевичъ, А. Я., инспект. образц. кавалер. пол. 1844 г., т. LIV, 678, 691, т. LV, 156.

Кушелева, графиня, рожд. Васильчинова, т. LVI, 330.

Кушелевъ, Ив. Ив., сен., т. LIV, 58, 59.

Кушелевъ-Везбородко, гр., Г. А., томъ LIII, 711, 712, 713.

Кюлвейнъ, Автонія, т. LVI, 196.

Кюстинъ, маркизъ, т. LVI, 620.

Кюхельбегеръ, Вильгельмъ, декабр., т. LIII, 236, т. LVI, 395, 406, 481.

Лавровъ, Петръ Лавр., гвардіи полковн., профес., эмигрантъ, т. LV, 629.

Лавровскій, П. А., истор., т. LIV, 565.

Ладомирскій, Васил. Никол., черниг. предв. двор. 1844 г., т. LIII, 598, 602.

Ладомирскіе, т. LIII, 596.

Лажечниковъ, И. И., писат. романистъ, цензоръ 1858 г., т. LIV, 675, т. LV, 608, 617, 618.

Лазаревъ, Мих. Петр., адмир., бывшій гл. команд. черномор. флота, р. 1788 г., † 1851 г., т. LVI, 674.

Лазаревъ, Антонъ, сообщ.: «На пороховыхъ заводахъ въ 1779—1781 гг.», т. LIV, 245—248.

Лазаревъ, Ив. Лазар., † 1801 г., т. LIV, 45—46.

Лавовскій, А. П., т. LVI, 226.

Лалаевъ, экзек. департ. мн.-ва юстиціи, т. LVI, 319.

Ламанскій, В. И., профес., томъ LVI, 249, 250.

Ламбертъ, гр., генер. 1856 г., т. LIV, 351.

Ламбертъ, гр., I. К., т. LIII, 290.

Ламсдорфъ, гр., курляндск. губернат., т. LIII, 201, т. LVI, 377, 800—804.

Ланжеронъ, гр., херсонск. губернаторъ, т. LIII, 291—295.

Лангенау, сообщ.: «Много знающій учитель вностраниецъ», т. LIV, 240.

Ланской, Александръ Дмитр., ген.-ад., камерг., † 1784 г., т. LVI, 9—14.

Ланской, В. С., мн-ръ внутрени. дѣлъ 1826 г., т. LIII, 392, 395.

Ланской, Сергій Степан., мн-ръ внутр. дѣлъ съ 1855—1862 г., т. LIII, 137, т. LV, 133, LVI, 825.

Ланской, главный интенд. 1812 г., томъ LV, 226.

Ланской, Пав. Петр., ген.-лейт. 1844 г., т. LV, 158, 159.

Ласовъ, Петръ Петр., фельдмар., т. LIV, 318, 319, т. LV, 483, 489.

Латвия, Ник. Вас., сообщ.: «Купеческій родъ гор. Архангельска: Баженины», т. LV, 123—126, упом. т. LVI, 554.

Де-Лафонъ, директоръ смолен. вѣст., т. LVI, 366, 370, 815.

Лачиковъ, начал. одесск. тамож. окр. 1836 г., т. LV, 484.

Лашваревъ, ген. 1877 г., т. LIII, 188.

Лебедевъ, М. Н., сенат., т. LVI, 762.

Лебедевъ, Касперъ Никиф., сенаторъ, т. LIV, 132.

Лебедевъ, П. С., редакторъ «Русскаго Являида», профес. воен. администр., т. LIV, 351, 504.

Левашевъ, Вас. Ив., ген.-пор. 1788 г., т. LIII, 553, 560, 561, 563.

Левашовъ, кievск. ген.-губерн. 1835 г., т. LIV, 130.

Левенвольдъ, об.-гофм., т. LIV, 615, 632.

Левендалъ, гр., Влад., т. LIV, 316, 318, 319, 320, 618.

Левенштернъ, генер. 1812 г., томъ LV, 226—227.

- Левеставъ, М. Ю., архит., сообщ.: «По поводу очерка: Дмитрий Емельянович Гнусинъ», т. LIII, 515—523.
- Левинцкій, Казиміръ, ген.-лейт., военный писатель, т. LIII, 799.
- Левшинъ, Алексій Ирак., одесск. градоначальн., т. LIV, 655, 659, т. LV, 481, 487, 497, т. LVI, 658.
- Лейхтенбергскій, принцъ, Николой Максимилиановичъ, т. LIV, 270.
- Лейхтъ, Степ., ген.-лейт., проф. никол. акад. ген. штаба, т. LIII, 798.
- Лешко, Мих. Нв., прав. канц. новорос. ген.-губ. 1830 г., т. LIII, 283, т. LV, 482.
- Лемкицкій, М., сообщ.: «Александръ I въ Пулавахъ», т. LV, 165—182.
- Леоновъ, поле. войска донск. 1789 г., т. LIV, 61.
- Леонтьевъ, П. М., † 1875 г., т. LIII, 781.
- Лешко, профес., т. LIII, 296.
- Лермонтовъ, Г. В., т. LV, 693.
- Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писатель, р. 1814 г. † 1841 г., т. LIII, 507—511, 531—750, т. LIV, 250, 405—406, 409, 413, 420, 438, 440—442, 504, т. LV, 136, 430, 445, 455, 456, 459, 467, 554—610, т. LVI, 107—126, 517, 723, 731—739.
- Лерхе, Г. Г., членъ учил. ком. въ слб. 1886 г., т. LV, 696.
- Лерхе, новгородск. губернаторъ 1866 г., т. LIII, 59.
- Лестоковъ, т. LV, 516.
- Лессовскій, конт.-адм. 1866 г., т. LIII, 48—74.
- Леухинъ, С. И., изд. соч. А. С. Пушкина, т. LVI, 728.
- Ливенъ, бар., ген.-квартир. 1858 г., томъ LIV, 201—203, 361, 695.
- Ливенъ, вв., ми-ръ народн. просв., томъ LIII, 656.
- Ливенцовъ, М. А., сообщ.: «Александръ Васильевичъ Дружининъ», томъ LIV, 739—760.
- Ливенцовъ, А. М., генер., томъ LIV, 740, 741.
- Лидеръ, гр., ген.-ад. 1853 г., т. LIV, 346, 350, 359.
- Линовожій, Владм. Альберт., профес. управитч. судопр., т. LVI, 650, 666, 667.
- Липинъ, нижен. 1842 г., т. LV, 164.
- Липрандж, Яв., ген., т. LVI, 410—423.
- Литта, гр., Юлій Помпеев., конт.-адм. 1789 г., вполн. полномочи. ми-ръ мальтійскаго орд., т. LIV, 63, т. LVI, 385, 788, 789, 805.
- Литве, Фед. Петр., адмир., воспит. вел. вв. Конст. Никол., т. LIII, 773, томъ LVI, 669—675.
- Лихачевъ, контр.-адмир. 1866 г., томъ LIII, 51, 55.
- Лихонинъ, О. С., директоръ 1-го кад. корп., т. LIV, 691.
- Лобановъ-Ростовскій, вв., А. Б., ссыл. на его «Родословную книгу», т. LIII, 580, т. LIV, 736.
- Лодеръ, профес. моск. унив. 1825 г., т. LIII, 272.
- Ломоносовъ, Мих., Вас., акад., писат., р. 1711 г. † 1765 г., т. LIV, 564, 566, 589, 590, т. LV, 522, т. LVI, 211—212, 563.
- Ломгиновъ, Никл. Мих., ст.-секрет., т. LVI, 744—755.
- Лонгиновъ, Н. Н., ссылка на его статью: «Русскіе писатели XVIII вѣка», томъ LV, 202.
- Лопухина, Варвара Алексдр., фрейлина, т. LVI, 380, 443, 734, 785.
- Лопухинъ, Алексн. Алексѣев., т. LIII, 507, 608, т. LVI, 787—808.
- Лорисъ-Меликовъ, Михаилъ Тариелов., т. LIII, 785, 786, т. LIV, 440.
- Лохвицкій, К. А., археол., т. LIII, 662.
- Лохвицкій, А. В., т. LVI, 834.
- Лошваревъ, генер. 1877 г., т. LIV, 806.
- Лушкинъ, фл.-ад., т. LVI, 737.
- Лузинъ, Яв., кривсь-ком., т. LVI, 216, 554.
- Лузиницкій, Ар. Вл., издат. «Сѣвернаго Меркурія», т. LIV, 524.
- Лустьяновъ, Я. А., проф., т. LIII, 44.
- Лутвовскій, Ф. С., адмиралъ, т. LVI, 669—675.
- Лучшевъ, Ник. Яв., т. LIV, 642.
- Любощинскій, Марѣ Никол., чл. ред. ком. 1860 г., нывѣ чл. госуд. совѣта т. LIII, 784, т. LVI, 313, 325, 327.
- Львовъ, Андр. Лавр., т. LVI, 473.
- Львовъ, вв., начал. печатнаго двора въ Москвѣ, т. LVI, 353.

- Магницкій, Мовт. М.**, пров. моск. сн. конт., т. LV, 477, 478, 484, 485.
- Мазировъ, Л. Е.**, т. LVI, 584.
- Мазуревичъ, ген.-м.** 1844 г., т. LV, 158.
- Майковъ, Валеріанъ Никол.**, писатель † 1847 г., т. LVI, 409.
- Майковъ, Л. Н.**, помощн. директ. сл. публ. библ., академ., магистръ русск. словесн., т. LIV, 505, 508, 519—522, 546—548, т. LVI, 247, 556—566.
- Майковъ, Апполонъ Никол.**, тайн. сов., поэтъ и писатель, т. LIII, 72, т. LIV, 792, т. LV, 467, т. LVI, 561.
- Макаровъ, Алексѣй Васильев.**, кабин.-секр., т. LV, 2, т. LVI, 39, 40, 42, 43, 276, 277, 293, 295.
- Макартней, Джордж**, англ. послан. при дворѣ Екатерины II, т. LV, 499—522.
- Малкавѣевъ, А. Ф.** т. LIII, 800.
- Максимовичъ, Мих. Александр.**, проф. русск. слов., рект. кievск. унив., томъ LIV, 139, 652, т. LV, 487.
- Максимовъ, С. В.**, писат., зят. «Сибирь и каторга», т. LIII, 401, 406, 776, томъ LIV, 792, т. LVI, 222.
- Мамшѣевъ, Алексѣй Ив.**, профес. воен. акад., писат., т. LIII, 796.
- Малаховъ, В. П.**, хирургъ, т. LIII, 283.
- Малиновскій, А. Ф.**, нач. моск. госуд. архива, т. LIV, 131.
- Маловъ, Мих. Яковл.**, ад.-проф. моск. унив. 1825 г., т. LIII, 265, 266.
- Мальцевъ, т. LVI, 726—727.**
- Мальцевъ, Серг. Ив.**, генер., т. LVI, 319.
- Мамоновъ, гр., Алексѣй Матв.**, † 1803 г., т. LIII, 92, 310, т. LVI, 4, 17—21.
- Мандтъ, лейбъ-мед.**, т. LIV, 371.
- Мандерштернъ, нач. 21-го див. 1861 г.**, т. LIV, 366.
- Мансуровъ, Н. П.**, правит. канц. мн.-ра юст., т. LVI, 758.
- Мансуровъ, А.**, сообщ.: «Александръ Васильевичъ Головинъ», томъ LV, 441—445.
- Манштейнъ, генер., сын. ва его Зап.**, т. LIV, 309—328, 613—628.
- Маракуевъ, В. Н.**, изд. соч. А. С. Пушкина, т. LVI, 725—726.
- Мардефельдъ, бар., Густавъ, пруск. посланникъ при русск. дворѣ 1725 г.**, т. LV, 9.
- Марини, П. Я.**, т. LVI, 657.
- Маринъ, Серг. Никиф.**, поэтъ, т. LIV, 203—205.
- Маринъ, А. А.**, чл. рязанск. учен. арх. ком. 1887 г., т. LIV, 189, 203.
- Марія Александровна, им-ца (Максимиліана-Вильгельмина-Августа-Софія-Марія, принцесса Дармштадтск.)**, род. 1824 г., † 1880 г., т. LIII, 49, 57, 58, 440, т. LIV, 243, 560, 734.
- Марія Николаевна, вел. кн., въ сур. герцог. Лейттенбергская**, род. 1819 г., † 1876 г., т. LIII, 57, 58, 74, 111, томъ LIV, 378, 393, 674.
- Марія Феодоровна, им-ца**, род. 1759 г., † 1828 г., т. LIII, 50, 81, 83, 205, 259, 559, т. LIV, 75, 76, 513, т. LV, 171 т. LVI, 127, 137.
- Маршардъ, I. М.**, ольденбургск. лейбъ-мед., т. LIV, 272, 277, 278, 279—294, 591—612, т. LV, 239.
- Маржовичъ, Ал.**, сообщ.: «Пѣсня объ Аракчеевѣ», т. LIII, 76, «Заключная на образа въ XVII вѣкѣ», т. LV, 476.
- Маршовъ, Е. Л.**, сообщ.: «Воспоминанія сестры милосердія Софіи Аренсъ», томъ LV, 85—122, 377—418.
- Маршовъ, каб.-секрет.**, т. LIV, 40, 42, т. LVI, 428.
- Мартовъ, скульпт.**, т. LIV, 74, 75.
- Мартиновъ, т. LIV, 792.**
- Матюшинъ, Ф. Ф.**, сен., т. LIII, 109.
- Медвѣдевъ, Никл. Никл.**, тов. городск. головы въ Слб. 1877 г., т. LVI, 590.
- Межовъ, В. И.**, состав. «Пушенианы», т. LIII, 495—506, т. LIV, 155, т. LV, 461—462.
- Мей, Левъ Алекс.**, писат., т. LIV, 792.
- Мейендорфъ, бар., об.-гофмар. 1863 г.**, т. LIII, 192, т. LVI, 507, 620, 621.
- Мейнгардтъ, инженер. 1842 г.**, т. LV, 164.
- Меллеръ, Ив. Ив.**, генер. 1779 г., томъ LIV, 246.
- Мельгуновъ, ярославск. ген.-губернат.** 1781 г., т. LVI, 608, 609.

- Мельниковъ**, Пав. Петр., проф. механ., вполн. ин-ръ пут. сообщ., т. LV, 164.
- Мельниковъ**, П. И., т. LVI, 230.
- Мельниковъ**, Ив. Андр., тайн. сов., † 1850 г., т. LIII, 203, 206.
- Менгденъ**, бар., фрейл., т. LIV, 618.
- Меншиковъ**, кн., Алекс. Давид., генерал-симусъ, чл. верх. тайн. сов., род. 1674 г., † 1729 г., т. LIII, 83, т. LIV, 569, т. LV, 14, 20, 21, т. LVI, 284, 487.
- Меншиковъ**, кн., Александр. Серг., морск. ин-ръ, р. 1787 г., † 1869 г., т. LIII, 773, т. LIV, 368, 369, 387, 396, 397, 401, 404, 484, т. LVI, 674.
- Меньшовъ**, П. К., ген.-лейт., ред. «Военнаго Сборника», т. LV, 624.
- Мердереъ**, ген.-м. 1864 г., т. LIII, 132.
- Мерзляковъ**, Алексѣй Фед., проф., писатель, т. LIII, 265, 266, 267, 276.
- Мерцаловъ**, Ал. Е., сообщ.: «Къ родословной Еропкиныхъ», т. LV, 474—475, «Разсказъ священника очевидца о взятіи Очакова» 1788 г., т. LVI, 213—215.
- Меттернихъ**, т. LIV, 639—642.
- Мещерская**, кн., т. LVI, 221.
- Мещерскій**, кн., Дм., магазинъ-вахтеръ адм. вѣд. 1739 г., т. LVI, 363.
- Мещерскій**, кн., А., т. LIV, 662.
- Мещерскій**, кн., тверск. предвод. двор. 1866 г., т. LIII, 69.
- Миллеръ**, Ор. О., проф., сообщ.: «С. Я. Надсонъ», т. LVI, 495—502, «Гр. Левъ Ник. Толстой», 575—582, упоминан. LIII, 583, т. LIV, 565.
- Милоновъ**, Мих. Вас., поэтъ-сатирикъ, т. LVI, 363—364.
- Милорадовичъ**, гр., Мих. Ан., спб. воен. губерн., т. LVI, 103.
- Милоновъ**, А. П., писатель, т. LVI, 418, 419.
- Милютинъ**, Влад. Алексѣев., проф. гос. права спб. унив., † 1855 г., т. LIII, 437.
- Милютинъ**, Алексѣй Мих., д. ст. сов., т. LIII, 437.
- Милютинъ**, Ник. Алексѣев., чл. госуд. сов., род. 1818 г., † 1872 г., т. LIII, 126, 127, 437, 448, 530, 777, т. LIV, 167, 181—184, т. LV, 138.
- Милютинъ**, гр., Д. А., членъ госуд. совѣта, генералъ-адъют., сообщ.: «Отечественная война», томъ LV, 226—227, «Денисъ Васильевичъ Давыдовъ», 228—231, «Павель Дмитріевичъ Киселевъ и Михаилъ Федоров. Орловъ», 231—233, «По поводу событій 14 декабря 1825 г.», 235—235, упом.: т. LIII, 437, 778, томъ LIV, 345, 351, 412, 697, т. LV, 183, 603, 663, 665.
- Минаевъ**, Дм., поэтъ, т. LIII, 797.
- Минихъ**, графы, т. LIII, 229—234.
- Минихъ**, бар., Христианъ, об.-гофмейст., т. LIV, 615, 634.
- Минихъ**, гр., Эрнестъ, т. сов., камерг., † 1788 г., т. LIII, 227, 233, 465, 466—469, т. LIV, 311—328, 613—638.
- Минихъ**, гр., Бурхардъ-Христофъ, ген.-фельдм., род. 1683 г., † 1767 г., т. LIII, 225—234, 465—469, т. LIV, 314, 315, 319, 615—635, т. LV, 488, 489, 515.
- Минина** (Шумская), Наст. Фед., домоправительница гр. Аракчеева, т. LV, 420, 421.
- Мировичъ**, подиоруч. 1763 г., т. LIII, 331, т. LV, 516.
- Митковъ**, М. П., чл. учил. ком. въ спб. 1886 г., т. LV, 696.
- Митусовъ**, Григ. Петр., севат., † 1871 г., т. LIII, 596.
- Михаилъ Федоровичъ**, царь, т. LIII, 64, т. LV, 635, т. LIV, 131, 132, 581, т. LVI, 546, 551.
- Михаилъ Павловичъ**, велик. кн., род. 1798 г., † 1849 г., т. LIII, 209, 216, т. LIV, 347, 348, 349, 352, 680, 681, т. LV, 159, 161—163, 175, т. LVI, 410, 737.
- Михаилъ Николаевичъ**, вел. кн., т. LIV, 697, 700, 706.
- Михайловъ**, М. Л., писат., т. LIII, 776, т. LIV, 472, 792, т. LV, 562.
- Михайловскій**, Н. К., т. LVI, 580.
- Михайловскій-Данилевскій**, А. И., ген., воен. истор., т. LIII, 641, т. LIV, 810.
- Михельсонъ**, Ив. Ив., ген. отъ инфан., род. 1740 г., † 1807 г., т. LIII, 549, 550, 553, 570, 605, 607, т. LIV, 59—62, томъ LV, 308, 311, 313.

- Мичуринъ, Левъ, предс. провск. земск. управы 1887 г., т. LVI, 512—514.
 Модестовъ, В. И., проф., т. LIII, 770.
 Момбелли, М., геодезистъ, астрономъ, т. LIII, 799.
 Мордвиновъ, Семенъ Ив., адмиралъ, р. 1701 г., † 1777 г., т. LV, 38.
 Мордвиновъ, Никол. Сем., адмиралъ, т. LV, 39, т. LVI, 373, 376, 377.
 Мордовцевъ, Дав. Лук., сообщ.: «Памяти Софьи Марковны Котельниковой, урожд. Кисель», т. LVI, 593—596.
 Морковъ, Аркад. Ив., русск. послан. въ Швецію, † 1827 г., т. LVI, 439—441.
 Морозовъ, Григ. Фед., бояринъ, т. LIV, 14.
 Морозовъ, П. Т., севр. общ. сельск. хоз. 1838 г., т. LV, 480.
 Морозовъ, П. О., писатель, т. LV, 546, т. LVI, 693—729.
 Морошкинъ, Фед. Лук., проф. москов. унв., т. LIII, 272, 277, т. LIV, 661.
 Морошкинъ, И. Я., сообщ.: «Феодосій Яновскій, архіепископъ Новгородскій», т. LV, 1—34, т. LVI, 31—44, 273—296.
 Мочаловъ, М. Я., т. LVI, 815.
 Мочаловъ, артистъ, т. LIV, 674, 792.
 Муравьева, Екат. Фед., т. LIV, 510, 518, 545.
 Муравьевъ, Никита Мих., корнетъ кавалергардскаго п., декабр., † 1854 г., т. LVI, 403.
 Муравьевъ, Мих. Никит., курат. моск. унв. 1801 г., воспит. Александра I, † 1807 г., т. LIV, 509, 510, 511, 546, т. LVI, 100.
 Муравьевъ, Никол. Наз., т. LIV, 546.
 Муравьевъ, Александр. Никол., полковн. гевер. штаба, декабр., внос. иркутск. полиціим., нижег. губернаторъ, сен., † 1863 г., т. LIII, 204, т. LVI, 396.
 Муравьевъ, гр., Мих. Никол. (Вилевскій), род. 1796 г., † 1866 г., т. LIII, 126, 127, 224, т. LIV, 554, 737, томъ LV, 133, т. LVI, 565.
 Муравьевъ-Амурскій, гр., Ник. Ник., ген.-ад., бывш. тульск. губерв., внос. ген.-губерн. Восточ. Сибири, † 1881 г., т. LIII, 127.
 Муравьевъ, Никол. Никол., т. LVI, 136.
 Муравьевъ, Серг. Никол., т. I.V, 225.
 Муравьевъ, Мих., декабр., т. LVI, 396.
 Муравьевъ-Апостоль, Матв. Иванов., декабр., род. 1793 г., † 1886 г., т. LIII, 204, т. LVI, 482.
 Муравьевъ-Апостоль, Ив. Матв., сен., род. 1762 г., † 1851 г., т. LIV, 510, 546.
 Муравьевъ-Апостоль, Серг. Ив., кап. л.-гв. Семеновск. п. 1820 г., декабр., род. 1796 г., † 1826 г., т. LVI, 403.
 Муравьевы, въ ихъ родосл., т. LV, 338.
 Муравьевичъ, Никиф. Алриан., сиящ., т. LIII, 3, 16—26.
 Муравьевичъ, Никол. Никиф., р. 1806 г., † 1883 г., его Записки, т. LIII, 1—46, 262—298, 651—666, т. LIV, 129—144, 643—662, т. LV, 477—497 т. LVI, 646—675.
 Муромцова, Е. Н., т. LIII, 512, т. LIV, 692.
 Муромцовъ, Л. М., т. LIV, 254.
 Мусинъ-Пушкинъ, гр., т. I.V, 714, 715, т. LV, 28.
 Мусинъ-Пушкинъ, русск. полномоч. посоль при лондонск. дворѣ 1772 г., т. LV, 41.
 Мусинъ-Пушкинъ, гр., Платонъ Ив., т. LIII, 555.
 Мусинъ-Пушкинъ, гр., Валент. Плат., главноком. финлянд. арм. 1788 г., † 1807 г., т. LIII, 551—574, т. LIV, 47—70, 295—308.
 Мухинъ, Е. О., проф. моск. унв. 1830 г., т. LIII, 279.
 Мысловскій, П. Н., протоіер. казанск. соб. 1826 г., т. LIII, 215, 216, 218.
 Мѣняевъ, К. С., чл. учил. ком. въ сиб. 1886 г., т. LV, 696.
 Мѣркинъ, Ф. А., художн. грав., т. LIII, 531, 787, т. LIV, 713.
 Масновъ, тульск. губерв. предс. двор. 1846 г., т. LIII, 394, 395, 396, 397, 420, 427.
 Мясоедовъ Андр. П., т. LIII, 509.
 Набоковъ, *Д. Н., сенат., томъ LVI, 313, 325.
 Нагаевъ, Алексѣй, адмиралъ 1770 г., т. LV, 38.

Нагдовскій, ген. 1877 г., т. LIII, 182.
 Надеждинъ, Никол. Ив., проф., издат. «Телескопа», т. LIII, 755, т. LIV, 184, 197, 660—662, т. LV, 491, 492, 494, 495, т. LVI, 650—664.
 Надсонъ, С. Я., поэтъ, † 1887 г., т. LIV, 410, 497—503, т. LVI, 495—502.
 Надъинъ, Митроф., вигопр., т. LIII, 800.
 Назаровъ, вк., Никол. Степ., учит. слов., т. LIII, 797.
 Назимовъ, В. И., т. LVI, 677.
 Назимовъ, Мих. Алексдр., штаб.-кап., декабр., вносл. членъ псковск. губ. по кр. дѣл. прис., т. LIII, 511.
 Нарбутъ, П. Ф., т. LIII, 800.
 Нарышкина, Ол., урожд. гр. Потоцкая, т. LIII, 286.
 Нарышкина, Марья Автоп., урожд. вк. Четвертинская, т. LV, 482.
 Нарышкинъ, Алексдр. Львовичъ, томъ LVI, 128.
 Нарышкинъ, гофмарш., т. LVI, 792.
 Нарышкинъ, Л. К., бояр., т. LIV, 336.
 Нарышкинъ, Левъ Алексдр., генер.-м., т. LIII, 286, 590, т. LV, 481, 482, 484.
 Нарышкинъ, Мих. Мих., полк., декабр., † 1863 г., т. LIII, 511.
 Наръжнскій, В., писат., т. LVI, 104, 105.
 Нассау-Зигенъ, принцъ, Карлъ, вице-адмир. 1789 г., т. LIV, 60, 63, 64, 66, 295, 296—299, 302, 307, т. LV, 309, 311.
 Наталья Алексѣевна (придес. гессенъ-дармштадтская Вильгельмина), вел. вк., первая супруга цесарев. Павла Петровича, род. 1755 г. † 1776 г., т. LIII, 79, т. LVI, 838, 840.
 Нахимовъ, Пав. Степ., инспект. моск. учил. 1843 г., т. LV, 641, 642, 645, 647—653, т. LVI, 673.
 Невѣровъ, Януарій Мих., чл. сов. мн.-ра народа. проsv., р. 1810 г., т. LIV, 249.
 Негри, А. Ф., д. ст. сов. 1839 г., томъ LV, 487, 493, т. LVI, 663, 655, 656.
 Невеленскій, проф., т. LV, 681.
 Нейдгардтъ, Ф., моск. генер.-губерн., вносл. намѣстн. кавказск. 1843 г., томъ LIV, 410, 430, 439.
 Нежлюдовъ, об.-прокур. сен. 1790 г., т. LIII, 554.

Нежрасова, Е. А., сообщ.: «Гоголь предъ судомъ иностранной литературы», томъ LV, 553—570, «Альбомъ С. Д. Полторацкаго», т. LVI, 127—144, 471—486, упом. т. LIII, 733.
 Нежрасовъ, Никол. Алексѣев., поэтъ писат., род. 1821 г., † 1877 г., т. LIII, 531, 798, т. LIV, 792, т. LV, 132, 612, 629, т. LVI, 496, 834.
 Нелединскій-Мелецкій, т. LVI, 473, 796.
 Нелидова, Екат. Ив., фрейл., т. LIII, 82.
 Нелидова, Ольга, урожд. вк. Хилкова, т. LIV, 471, 478, 487, 488, 491—496.
 Нелидова, В. А., фрейл., т. LVI, 325, 329, 368, 380, 442, 443, 783—809.
 Нелидовъ, ген.-ад. 1798 г., томъ LIV, 200—201.
 Нелидовъ, русск. посолъ въ Константинополь, т. LIV, 471.
 Нелидовъ, И. А., т. LVI, 651—652.
 Непейцинъ, генер., † 1843 г., т. LV, 61, 640.
 Неповойшницкій, ген.-ад. 1877 г., т. LIV, 795, 797.
 Нессельроде, гр., Карлъ Васил., кандл., род. 1780 г., † 1862 г., т. LIII, 235—247, т. LIV, 369—375, 382—399, т. LV, 479, т. LVI, 302.
 Нестеровъ, Алексѣй, помощн. об.-фиск. 1711 г., т. LIV, 329, 332, 342.
 Несторъ, лѣтописецъ, т. LVI, 840.
 Нечаевъ, С. Д., об.-прокур. синода, томъ LIV, 658, 659, т. LVI, 345.
 Нивитенко, А. В., профес., т. LIV, 645, 792.
 Нивитинъ, И. С., его стих. «Филантропъ», т. LIII, 470.
 Нивитинъ, Алексдр. Степ., архитект., т. LIII, 521.
 Нивитинъ, Никол. Вас., архит. 1856 г., т. LIII, 521.
 Нивитскій, Алексдр. Ив., проф. истор. варшавск. универс., † 1836 г., т. LV, 137—142, т. LVI, 70.
 Николаевъ, слб. плацъ-адъют. 1826 г., т. LIII, 215.
 Николаи, бар., А. П., т. LIII, 772, 777 784.

- Николай I**, им-рь, род. 1796 г., † 1855 г., т. LIII, 134, 139, 223, 224, 269, 389—436, 436, 438, 440, 524, 636, 647, 732, 741, 753, т. LIV, 75, 81, 82, 86, 130, 175, 176, 197, 249, 252, 253, 269, 347, 367—404, 434, 671, 673, 718, 721, 728, 729, 731, 733, 734, 737, т. LV, 156, 237, 238, 446, 479, 482, 483, 571, 602, 604, 605, 617, 649, 663, 687, 688, т. LVI, 266, 269, 270, 302, 305, 315—331, 405, 490—492, 516, 619, 621, 632, 639, 644, 737, 781.
- Николай Николаевичъ**, вел. кн., томъ LIII, 54, 57, т. LIV, 706, 796, 798, 799, 800, 809.
- Николай Александровичъ**, вел. кн., цесарев., † 1865 г., т. LIII, 442, томъ LIV, 552, 554.
- Никонъ**, патриархъ, т. LIV, 172, т. LVI, 45, 67, 284, 352.
- Нидкевичъ**, инспект. полтавск. кадет. корп., т. LIV, 691.
- Нидова**, Праск. Мих., т. LIV, 510.
- Нилусъ**, Петръ Богд., ген., т. LIII, 220.
- Новиковъ**, Н. Н., окружн. инспекторъ учил. Гродн. губ., т. LVI, 566.
- Новиковъ**, Никол. Ив., писат., марти., род. 1744 г., † 1818 г., т. LIII, 17, 103, 104, т. LV, 680—682, т. LVI, 482, 483, 563.
- Новосильскій**, П. М., т. LIII, 657.
- Новосильскій**, Ф. М., адмир. 1866 г. т. LIII, 52, 55, 74.
- Новосильцевъ**, Н. Н., т. LIV, 77, т. LV, 176, 181, 236.
- Нордманъ**, вице-ад. 1866 г., т. LIII, 51.
- Нордманъ**, Алексар. Давидов., проф., т. LIII, 657, т. LIV, 140, 646, 655, 657, т. LVI, 650, 651, 653.
- Норовъ**, Абр. Серг., его стихотвор. «На смерть Александра Пушкина», томъ LIII, 6, 136. LIV, 250.
- Оболенскій**, кн., Конст. Петр., т. LVI 479—482.
- Оболенскій**, кн., Д. Е., т. LVI, 531.
- Оболенскій**, кн., Евг. Петр., декабристъ, т. LVI, 127, 479—482.
- Оболенскій**, кн., Д. А., членъ Госуд. Совѣта, т. LIII, 775, 779.
- Оболенскій**, кн., ген.-комис. по морск. мн-ву 1857 г., т. LIV, 166.
- Оболяниновъ**, ген.-прокур., томъ LVI, 813.
- Обресковъ**, моск. губерн. 1812 г., т. LV, 226, 227.
- Обуховъ**, Б. П., самарск. губерн. пред. двор. 1862 г., † т. LIII, 448.
- Огаревъ**, ген.-ад. 1866 г., т. LIII, 65.
- Огаревъ**, Никол. Платон., поэтъ-писатель, т. LVI, 145, 146, 151, 157, 161, 407, 477.
- Одницовъ**, Алексѣй Алексѣевичъ, ген.-лейт., нижегор. губерн. 1866 г., томъ LIII, 65.
- Одоевскій**, кн., Васи. Фед., бояринъ, т. LVI, 839.
- Одоевскій**, кн., Алексар. Ив., корнетъ л.-гв. коннаго полка, декабр., поэтъ, † 1839 г., т. LIII, 202, 511, 531, 710, томъ LV, 135, 456, 460, 461.
- Одоевскій**, кн., Влад. Фед., писатель, т. LIV, 405, т. LVI, 574, 736.
- Ожаровскій**, ген.-ад. 1814 г., т. LIV, 641.
- Озерецковскій**, Пав. Яковл., перв. по времени, об.-священ., т. LVI, 842—845.
- Озеровъ**, В. А., писат., т. LIV, 510, 511, 546, т. LVI, 127—129.
- Озеровъ**, послан., т. LIII, 128.
- Озерскій**, Влад., писат., т. LIII, 801.
- Озюбишинъ**, полтавск. губерн. 1849 г., т. LIV, 683.
- Озюбишинъ**, Д. П., поэтъ, т. LV, 143.
- Оленина**, Анна Алексѣев., въ замуж. Андр., т. LV, 128.
- Оленина**, Елис. Марк., т. LV, 128.
- Оленинъ**, Алексѣй Никол., през. акад. худ., † 1842 г., т. LIV, 510, 511, 544, 546, 649, 716—737, т. LV, 87, 128.
- Ольга Константиновна**, ея величество королева греческ., т. LIII, 70, т. LVI, 524: въ альбомъ редактора „Русской Старины“.
- Ольденбургскій**, принцъ, Петръ Георг., т. LIII, кн. II, 1, 74, 128.
- Осмъ**, Ф., ст.-секрет., т. LVI, 561.

- Ореусъ, И. П., ген.-майоръ, членъ воен. учен. комитета, ссыл. на его очеркъ: «Д. П. Троицкий», т. LIII, 670, 701. Сообщ. «Наканунъ Крымской войны, Записки графа Финдтума», т. LIV, 367—404, «Императоръ Павелъ и его время», т. LVI, 365—394, 783—815.
- Орлай, И. С., лейбъ-мед., † 1828 г., т. LIII, 295, 296, 297, 298.
- Орлова, гр., Анна Ал., т. LIV, 650.
- Орловъ-Чесменскій, гр., Алексѣй Гр., т. LIII, 326, 331, т. LIV, 278, 592, томъ LV, 38—49, 281—283, т. LVI, 300, 488.
- Орловъ, Мих. Фед., ген.-м., декабристъ, т. LIV, 661, т. LV, 135, 228—233.
- Орловъ, Григ. Никит., дѣйств. камерг., об.-гофм. 1787 г., т. LIII, 563.
- Орловъ, кн., Григ. Григ., ген.-фельдц., род. 1734 г., † 1783 г., т. LIII, 305, т. LIV, 276—279, 281, 284, 592, т. LV, 500, т. LVI, 431.
- Орловъ, гр., вполн. кн., Алексѣй Фед., чрезвыч. пос. при турецк. дворѣ 1829 г., шефъ жанд., † 1861 г., т. LIII, 237, 775, т. LIV, 369, 387—389, т. LVI, 317, 325, 329, 415, 486.
- Орловъ, Иванъ Григ., т. LIV, 278.
- Орловъ-Денжиковъ, гр., фл.-ад., т. LIII, 398, т. LV, 325.
- фонъ-деръ-Остенъ, бар., т. LIII, 308.
- Остервальдъ, Анна Павл., урожд. фонъ-Зассъ, фрейлина, т. LIII, 321.
- Остервальдъ, Дитрихъ, учет. вел. кн. Павла Петровича, † 1794 г., т. LIII, 321—322.
- Остерманъ, Андр. Ив., кабин.-минист., † 1747 г., т. LVI, 487.
- Остерманъ, гр., Фед. Андр., ген.-анш., † 1804 г., т. LIV, 311, 313.
- Остерманъ, гр., Ив. Андр., сенат., гос. канц., † 1811 г., т. LVI, 377, 440.
- Остерманъ-Толстой, гр., корп. команд., т. LIII, 45.
- Остерманъ-Толстой, гр., А. И., томъ LIII, 414.
- Остермейеръ, Дарья Ал., т. LV, 237.
- Островскій, Алексдр. Никол., писат., род. 1823 г., † 1886 г., т. LIII, 775, 776, т. LIV, 573, 788, т. LVI, 577.
- Остроградскій, полковн., команд. л.-гв. Гродненск. гусарск. п. 1877 г., томъ LIII, 194.
- Острожскій, кн., Константинъ, гетманъ литовскій, т. LIV, 25, 27, 30.
- Павелъ I, импер., р. 1754 г., † 1801 г., т. LIII, 78—90, 104, 251, 255, 259—262, 285, 308, 315, 335, 336, 340, 374, 553—564, 581, т. LIV, 37—42, 56, 71—75, 93, 135, 197—203, 272, 389, 434, т. LV, 36, 54, 479, 501, 543, 604, т. LIV, 14, 81, 216, 365—394, 429, 430—444, 488. т. LVI, 516, 554, 842.
- Павленковъ, Ф., изд. соч. А. С. Пушкина, т. LVI, 715—726.
- Павлова, т. LIII, 598, 599.
- Павловъ, Н., его стихотв. „Ессе Номо“, т. LIV, 811.
- Павловскій, Ив. Фр., сообщ. «Александръ Васильевичъ Головининъ», томъ LV, 663—666.
- Фонъ-деръ-Паленъ, баронъ, А. В., чл. учн. комис. въ Сиб. 1886 г., т. LV, 696.
- Паленъ, шефъ конно-гвард. пол., т. LVI, 387, 388.
- Паленъ, Матв. Ив., бар., прибалт. ген.-губ., † 1863 г. т. LVI, 366, 367, 368, 372, 377, 379, 380.
- Паленъ, ген.-отъ-кавалер., Сиб. ген.-губернат., † 1826 г., т. LVI, 786—814.
- Паленъ, инженер. 1842 г., т. LV, 164.
- Палеологъ, М. Г., учит. греч. школ. въ Одессѣ 1839 г., т. LV, 487.
- Палибинъ, Никол., сообщ. «Фрейганги», т. LIV, 243, «Кн. Багратіонъ-Мухранскій», 248.
- Палибинъ, профес. законовѣдѣн., т. LIV, 504.
- Пальмъ, А., писат., т. LIII, 796.
- Панагюдоръ-Никшовуль, А. Ф., археологъ, т. LV, 487.
- Панаевъ, Ив. Ив., писатель, т. LIV, 792, т. LV, 611, 620.
- Панина, графиня, Софья Владим., рожд. гр. Орлова, † 1844 г., т. LVI, 299.
- Панина, графиня, Наталья Павл., рожд. Твиемгаузенъ, т. LVI, 299, 318, 319

- Панинъ**, гр., Никита Ив., канцлеръ, бывшій воспит. вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 г., † 1783 г., т. LIII, 465, 596, т. LVI, 300.
- Панинъ**, гр., Никита Петров., дипломатъ, вице-канцл. † 1837 г., т. LVI, 299.
- Панинъ**, гр., Вият. Никит., мн-ръ юстиц., томъ LV, 484, 501, т. LVI, 297—332, 757—782.
- Панинъ**, гр., И., т. LV, 36.
- Панинъ**, гр., Александр. Никит., попечит. харьков. учебн. окр., † 1850 г., т. LVI, 300.
- Панинъ**, гр., Петръ Ив., т. LIV, 309—328, 613—628.
- Пановъ**, Н. А., декабр., т. LIII, 212, 216.
- Пархомовъ**, Максимъ, губернс. секрет., 1742 г., т. LVI, 591—593.
- Паскевичъ**, гр. Эриванскій, кн. Варшавскій, Ив. Фед., генер.-фельдмарш., † 1856 г., т. LIII, 20, 45, т. LIV, 384, т. LV, 483, т. LVI, 328, 329.
- Пассежъ**, Татьяна Петров., ея воспоминанія, т. LVI, 145—162.
- Пассежъ**, Вадимъ, т. LIII, 272.
- Пассежъ**, генер., т. LVI, 401, 402.
- Пассенанъ**, смысл. на его соч.: «Россія и рабство и пр.», т. LVI, 619.
- Паткуль**, Александр., ген.-ад., † 1877 г., т. LVI, 677, 678.
- Паулуччи**, ген.-отъ-инфант., курлянд., эстл. и псков. ген.-губернат. 1824 г., т. LIII, 139, 248, т. LVI, 404.
- Паульсонъ**, I. И., педагогъ, т. LVI, 168.
- Пезарскій**, Петръ Петр., академикъ, т. LIV, 565.
- Перевалъевскій**, П., т. LIII, 464.
- Перевощиковъ**, Д. М., профес. москов. унв. 1826 г., т. LIII, 270, т. LV, 643, 661.
- Пересмыцкая**, Александра Васил., томъ LV, 237.
- Перовскій**, А. А., попечит. харьков. учебн. окр., т. LIV, 131.
- Перовскій**, гофмейст., сенат. 1832 г., т. LVI, 749.
- Перовскій**, Левъ Алексѣев., мн-ръ внутр. дѣлъ, т. LIII, 395, 396, 420, 772, т. LIV, 249, 415, 492, т. LVI, 644—660.
- Пестель**, Пав. Ив., полковн., декабр., † 1826 г., т. LIII, 216, т. LVI, 396, 403—407, 642.
- Пестель**, Симфероп. губернат., т. LVI, 672.
- Петковичъ**, Мих., т. LVI, 130.
- Петрашевскій**, Мих. Вас., † 7 декабря 1867 г., т. LVI, 127, 408—424, 480.
- Петръ I**, импер., р. 1672 г., † 1725 г., т. LIII, 41, 329, 330, 349, 355, 452, 457, 577, 578, 581, т. LIV, 45, 173, 174, 196, 247, 255, 329, 343, 344, 358, 368, 564, 566—569, 573, 574, 579, 582, 583, 586—590, 680, 651, т. LV, 1—38, 50, 84, 123, 179, 303, 312, 452, 488, 4—9, 509, 513—518, 635, 636, 674—676, 691, т. LVI, 31—70, 211, 273, 276, 285, 289, 292, 298, 356, 357, 359, 377, 384, 435, 487, 546, 554, 629, 836—840.
- Петръ III**, Федоровичъ, импер., р. 1728 г., † 1762 г., т. LIII, 78, 227, 305, 319, 331, 332, 334, 540, 586, 591, 592, т. LIV, 174, 620, 636, т. LV, 515.
- Петровъ**, П. Н., археологъ и писатель, т. LVI, 249, 273.
- Петровъ**, Никл. Павл., профес. матем., т. LIII, 800.
- Петровъ**, П. Н., т. LIV, 310—328, т. LV, 202.
- Петровъ**, Александр. Григ., дир. Рижельев. музея 1844—1852 г., † 1887 г., т. LVI, 666, 667.
- Петровъ**, авт. «Очерковъ Украинск. лит. XIX стол.», т. LIII, 234.
- Петровичъ**, Степ. Петр., подполковн. Невск. вѣхотн. пол. 1798 г., т. LIII, 568.
- Петровскій**, смоленск. коменд., томъ LIII, 45.
- Петрусевичъ**, генер. 1880 г., т. LIV, 220, 227, 229, т. LV, 206, 209, 210, 218, 223.
- Певулинъ**, екатеринослав. губернат. 1839 г., т. LV, 488.
- Пирогова**, А. А., т. LIV, 251—253.
- Пироговъ**, Никл. Ив., хирург., профес. род. 1810 г., † 1881 г., его Посмертныя записки, т. LIII, 133—180, поправки къ его запискамъ, 222, 272, упом. 13, 531, 774, 779, 788, т. LIV, 251—253, 349,

- т. LV, 215, 218, 688, т. LVI, 493—494, 816—818.
- Писаревъ, А. А., попечит. москов. учебн. окр., т. LIII, 45, 269, 271.
- Писаревскій, Н. Г., писатель и публицистъ, т. LIII, 795т, LVI, 833.
- Писемскій, Алексѣй Феофановичъ, писат., т. LIV, 792.
- Писемскій, Ф. А., редакт. Библ. для Чтен., т. LV, 614, 630.
- Платовъ, гр., Матв. Ив., наказн. атам. войска доиск. 1799 г., т. LIII, 364. т. LIV, 303.
- Платуновъ, Н. Н., сообщ.: «Баженины», т. LVI, 554.
- Плаутицъ, ген.-ад. 1856 г., т. LIV, 351.
- Плетневъ, Петръ Алсдр., акад.-писат., † 1864 г., т. LIII, 249—250, 702, т. LIV, 244, 517, 792, т. LV, 456, 458, т. LVI, 107, 415, 418, 420, 422, 742.
- Плетневъ, В. А., т. LVI, 541.
- Плещеевъ, адмир., т. LVI, 790.
- Побѣдоносцевъ, Константинъ Петров., чл. госуд. сов., д. т. сов., т. LVI, 569.
- Погодинъ, Мих. Петр., акад., р. 1800, † 1875 г., т. LIII, 62, 276, 445, 691, 696, т. LIV, 131, 133, 556, 729, т. LV, 487, 647, 654, 657, т. LVI, 254, 743—746.
- Погребовъ, Н. И., слб. город. голова, т. LV, 694.
- Поджо, Алсдр., декабр., т. LVI, 481.
- Подольскій, Авдр. Ив., поэтъ, р. 1806 г., † 1886 г., т. LIII, 283, 531, 755, т. LV, 467, т. LVI, 553, 666.
- Пожалостинъ, Ив. Петр., граверь на мѣди, акад., адъюнктъ профес., 1887 г., т. LIV, 215, 506, 734, т. LVI, 556, 559.
- Познанскій, Т., сообщ. «Звѣрѣяда», т. LIV, 504, упомин. т. LVI, 517.
- Познякъ, Яковъ Аникіев., сенат., т. LIII, 267, 268, 274.
- Пожровскій, Н. Ф., попечит. одесск. учебн. окр. 1831 г., т. LIII, 5, 288, 651, 653, 654, 657, 660, 665, т. LIV, 130, 645, 646, LVI, 664.
- Полевой, Никл. Алсксѣев., писат., род. 1796 г., † 1846 г., т. LIII, 268, 757, т. LIV, 131, 134, 637, т. LV, 606, 630, т. LVI, 484, 485, 662.

- Полешаевъ, А., писат., т. LIII, 270, т. LVI, 140, 141, 226.
- Полетика, Вас. Апол., изд. «Молвы», т. LVI, 832, 834.
- Полкиванова, В. Н., сообщ. «Николай Михайловичъ Языковъ», т. LVI, 224—225.
- Полкивановъ, Левъ И., сообщ. «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ», т. LIII, 235—248, т. LVI, 697, 716—724.
- Полкивановъ, В. Н., сообщ. стихотв. Н. Павлова «Ессе Ното», т. LIV, 811, «Моиѣ друзья!» стихотв. И. С. Аксакова», т. LV, 146—147.
- Положскій, Яковъ Петр., писат., т. LIV, 792.
- Полторацкій, Сејг. Дм., т. LVI, 127—144, 471—486.
- Понатовскій, Станисл. Авг. IV, кор. польскій, т. LIII, 299—318, 319.
- Поповъ, Андр. Яков., т. LIV, 642.
- Поповъ, А. А., адм. 1866 г., т. LIII, 55, 58, 74, т. LVI, 694.
- Порошинъ, Сем. Андр., воспит. в. кн. Павла Петров., ссыл. на его Записки, т. LIV, 73.
- Порфирій, архим., рект. одес. семина. 1839 г., т. LV, 487.
- Поссе, инженер. 1842 г., т. LV, 164.
- Потановъ, Алсв. Львов., Виленск. ген., губернат., т. LIV, 552, 553, 555.
- Потановъ, ген.-ад., наказн. атаманъ войска доиск., т. LIV, 706.
- Потемкинъ-Таврическій, кн., Григ. Алсдр., ген.-фельдм., р. 1788 г., † 1791 г., т. LIII, 9, 10, 309, 310, 337—340, 544—561, т. LIV, 36, 45, 54, 56, 61, 68, 135, 289—307, 600, 601, 603, 645, т. LV, 285, 293—311, 492, 529, т. LVI, 3—27, 427—435.
- Потемкинъ, Пав. Серг., генер., т. LVI, 434, 435.
- Потемкинъ, слб. губерн. предводит. двор., т. LVI, 414.
- Потоцкій, Ст., предсѣд. госуд. сов. и сов. мя-въ Варшав. княж., т. LV, 181.
- Потѣхнинъ, А. А., писат., т. LIII, 776, т. LIV, 792, т. LV, 696.

Пожитоновъ, генер. 1877 г., т. LIII, 187, 188, т. LIV, 805, 806.

Прасковья Ѳеодоровна, царица, р. 1664 г., † 1723 г., т. LIV, 193, 194, 195, 567, 569.

Пржевальскій, Н. М., т. LVI, 193.

Прозоровскій, кн., Александр. Александр., т. LIII, 101, 104, 105, 106.

Прокоповичъ, Н. Я., т. LIII, 712, 713.

Прокоповичъ-Антоновскій, Ант. Антонов., рект. моск. унив. 1825 г., т. LIII, 264, 271.

Протасова. Екат. Афанас., рожд. Бунина, т. LIII, 179.

Протасова, фрейлина, т. LIV, 278, 279.

Протасовъ, гр., Н. А., об.-прокур. св. синода, т. LIV, 149, 150, 151, 153, 391, 648, т. LVI, 65, 341, 342.

Пугачевъ, Емельявъ Ив., † 1774 г., т. LIII, 549, 550, т. LIV, 247, 571.

Де-Пуле, М. Ѳ., инспект. полтавск. кадет. корп., писатель, т. LIV, 691.

Путятинъ, кн., Пав. Арсеньев., его Воспоминанія, т. LIII, 107—132, 532, уном., т. LIV, 270.

Путятинъ, кн., Арсен. Степ., Валдайск. предвод. дворян. 1864, т. LIII, 132.

Путятинъ, гр., мн-ръ народа. просв., т. LIII, 248, 778, т. LVI, 673.

Пушкинъ, Александр. Серг., р. 1798 г., † 1837 г., т. LIII, 43, 109, 235—248, 464, 495—506, 531, 600, 652, 744, 751, 772, 775, т. LIV, 79, 155—160, 161—164, 250, 390, 409, 413, 441, 442, 514, 519, 551, 562, 720, т. LV, 128, 129, 453, 456—459, 463—465, 467, 473, 545—567, 640, 695, т. LVI, 70, 102, 132, 560, 586, 697—730.

Пушкинъ, Алексѣй, команд. л.-гв. Преображ. пол., т. LIII, 214, 221.

Пушкинъ, Левъ Серг., т. LIV, 156, 159.

Пушкинъ, Васил. Львов., писат., т. LIII, 234, т. LIV, 512, 545, 546.

Пущинъ, Ник. Ник., генер., директ. Дворянск. пол., т. LIV, 681.

Пущинъ, И. Я., декабр., ссыл. на его Зап., томъ LIII, 238.

Пыпинъ, А. Н., писатель и учен., томъ LVI, 834.

Пѣтуковъ, М. О., сообщ.: «Звѣрьяда», т. LVI, 517.

Радецкій, генер. 1877 г., т. LV, 340.

Радищевъ, Александр. Никол., директ. таможен, писатель, † 1802 г., т. LVI, 25—28, 100, 101.

Радловъ, акад., т. LVI, 546.

Раевскій, Святосл. Афанас., т. LIV, 109, 110, 111.

Раевскій, Васил. Ѳеодосѣев. т. LVI, 132.

Раевскій, Н. Н., генер., 1813, т. LVI, 267, 513, 538, 539, 540.

Разумовскій, гр., Кирилъ, ген.-фельдмарш., т. LIV, 35, 36, 38, 42.

Разумовскій, гр., Петръ Алексѣев., томъ LIV, 644.

Разумовскій, гр., Андр. Карил., камергеръ, т. LIII, 79, 80.

Рамшевъ, (псевдонимъ), поэтъ, т. LV, 592—600.

Ренненкампфъ, К. К., правит. канцел. мн-ра юстиц., выш. дѣйств. тайн. сов., т. LVI, 758.

Ранцау, баронесса, воспитат. вел. княж. Ольга Ковст., т. LIII, 70.

Распоповъ, П., сообщ. «Горе Биргаза», т. LV, 447—452.

Растопчина, графиня, рожд. Сушкова, писательница, † 1858 г., т. LIII, 745.

Растопчинъ, Ѳ. В., ген., т. LVI, 793, 798, 808.

Растрелли, гр., архитект., т. LIII, 575, 576, 583, 584.

Ратыновскій, Н. А., тн. сов., † 1887 г., т. LVI, 250.

Ратьковъ-Рожиновъ, В. А., чл. учил. комис. въ Слб. 1836 г., т. LV, 696.

Рахмаковъ, помѣщ., т. LIII, 404.

Рацковскій, кавалеръ малт. ордена, т. LVI, 395.

Рейтернъ, Мих. Христофор., мн-ръ финансов. 1866 г., т. LIII, 58, 438, 772, 774, 777, 778, т. LIV, 167.

- Решницъ, кн.,** Никл. Вас., ген.-аншефъ, чрезвычайн. полномочн. посолъ въ Константинополь 1775 г., вполн. ревельск. ген.-губ. 1781 г., фельдмарш. 1798 г., р. 1734 г., † 1801 г., т. LIII, 339, 340, 556, т. LIV, 68.
- Решницъ, Н. Г.,** новороссійск. воен. губернатор. 1818 г., т. LVI, 93, 94, 95.
- Решницъ, кн.,** гродн. ген.-губернат., т. LIII, 315.
- Решницъ, кн.,** генер. 1789 г., т. LV, 310, 320.
- Решницъ-Волжонскій, кн.,** малороссійск. ген.-губернат., т. LIII, 297.
- Фонъ-Рехембергъ, Петръ Астафьевичъ,** шефъ москв. гарнизон. пол. 1797 г., т. LIV, 198—203.
- Ржевскій, влжгород. губернат.** 1721 г., т. LVI, 280.
- Рябасъ, гр.,** Настасья Ив., рожд. Соколова, т. LIII, 327.
- Рябасъ, Осипъ Ив.,** ген.-м., позже адмиралъ, т. LIV, 308.
- Рябасъ, Осипъ Мих.,** ген.-кригсъ-комис., † 1808 г., т. LIII, 326—327.
- Ридигеръ, гр.,** генер. 1856 г., т. LIV, 346, 350, 351, 359, 361.
- Риженко, профес. москв. унив.** 1826 г., т. LIII, 264.
- Рижскій-Корсаковъ, Александр. Мих.,** † 1840 г., т. LIV, 70.
- Рижскій-Корсаковъ, Я. Н.,** т. LV, 20.
- Риттеръ, Александр. Фод.,** писат., т. LIII, 799.
- Риттеръ, ген.-ад.,** т. LVI, 559.
- Риттеръ, Фод. Фод.,** профес. архитект. т. LIII, 524.
- Ришелье, герц., Э. О.,** одесск. градоначальн. 1803—1814 г., т. LIII, 288, 289.
- Робертъ, т. LIII, 553.**
- Ровинскій, Дм. Александр.,** сенат., род. 1826 г., т. LVI, 531—536.
- Роджерсонъ, т. LIV, 611.**
- Рожновъ, В.,** сообщ. «Доносы фискаловъ на Никиту Демидова», т. LIV, 329—344.
- Розбергъ, редакт. «Одес. Вѣсти.»**, т. LIII, 654.
- Розенъ, бар., Андр. Евг.,** декабристъ, † 1884, т. LIII, 204, 215, т. LIV, 148, т. LVI, 404, 406.
- Розенбергъ, генер.,** т. LVI, 794.
- Розенгеймъ, Вѣра Ив.,** рожд. Усова, т. LV, 636—639.
- Розенгеймъ, Мих. Павл.,** поэтъ, вкисатель, р. 1820 г., † 1887 г., т. LIII, 72, т. LV, 601—639.
- Роговининиковъ, Илья Ил.,** инспекторъ Ярослав. гимн. 1871 г., т. LV, 464, 466.
- Роджерсонъ, т. LV, 287.**
- Романовъ, В. В.,** чл. учил. комис. въ Спб. 1886 г., т. LV, 696.
- Романовичъ, П. П.,** сообщ. «Разказы бывшихъ военныхъ поселенъ о гр. Аракчеевѣ», т. LV, 419—422.
- Ромодановскій, кн., Фод. Юрьев.,** т. LVI, 288.
- Ростиславовъ, Дмт. Ив.,** профес. спб. дух. акад., р. 1809, † 1877 г., т. LIV, 215, т. LVI, 445—470.
- Ростовцевъ, гр., Яковъ Ив.,** ген.-ад., предсѣд. ред. ком., р. 1803 г., † 1860 г., т. LIII, 447, 448, 777, т. LIV, 349—362, 660, 680, 686, 687, 693—698, т. LVI, 305, 307.
- Ростопчинъ, гр., Андрей,** сообщ. «кн. Николой Григорьевичъ Щербатовъ», т. LIII, 388.
- Ростопчинъ, гр., Фод. Васил.,** об.-камерг., ген.-инф., моск. главнокоманд. 1812 г., р. 1765 г., † 1826 г., т. LIV, 197—199, 381, т. LVI, 367, 368.
- Роховъ, ген.-лейт.,** прус. посл. въ Спб., 1852 г., т. LIV, 369, 370, 372, 374, 375.
- Рубинштейнъ, Авт. Грег.,** композ., т. LIV, 418.
- Рудавоъ, команд. Свеаборгск. порта** 1866 г., т. LIII, 51.
- Рудзевичъ, ген.-лейт.,** Костромск. губернат. 1866 г., т. LIII, 67.
- Руммель, бар., Васил. Влдим.,** сообщ. «Подлинныя письма Якова Кульнева къ брату 1805—1812 г.», т. LIII, 605—632, упом. 376, 603.
- Руммель, инспект. полтавск. кадетск. корп.,** т. LIV, 691.

- Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Александр., фельдм., р. 1725 г., † 1796 г., т. LIII, 85, 545, 556, т. LIV, 35, 38, 39, 42, 245—248, 616—618, т. LV, 604.
- Румянцевъ, гр., Никл. Петр., госуд. канцл., р. 1754 г., † 1826 г., т. LIII, 34, 36, 682, т. LVI, 369, 370, 375, 783.
- Руницъ, воспитат. внуковъ Мянниха, томъ LIII, 227—234, 465—467, т. LIV, 635.
- Рылъевъ, Никита Ив., слб. об.-полицейск. вѣст., т. LIII, 87—92.
- Рылъевъ, Кондрат. Ѳедор., декабр., писат., р. 1795 г., † 1826 г., т. LIII, 213, 216, т. LV, 567, 604, 605, т. LVI, 403, 406.
- Рѣдкинъ, Петръ Григ., профес., чл. гос. сов., т. LIII, 155, 156, 272, т. LV, 647.
- Рѣшновскій, Григ. К., сенаторъ, сообщ. «Александръ Васильевичъ Суворовъ», т. LVI, 212, упом. т. LIII, 792.
- Рѣшнинъ, вн., инфл. и эста. ген.-губ., т. LVI, 366, 369, 370, 380, 387, 391.
- Рѣшницъ, вн., В. Н., т. LIV, 644.
- Рѣшницъ, вн., фельдмарш., т. LV, 61, 66, т. LVI, 805, 806.
- Рюминъ, Мих. Аким., об.-прокур. моск. сената, т. LVI, 768, 769.
- Саввантовъ, Пав. Ив., профес. чл.-кор. акад. наукъ, чл. археогр. ком. и разн. учен. общ., т. LIV, 259—261, т. LVI, 247—262.
- Савельевъ, Александр. Калистрат., т. LV, 463.
- Савельевъ, А. И., ген.-лейт., археологъ, т. LVI, 250.
- Савицкий, Ив., т. LIII, 798.
- Савоковъ, генер. 1812 г., т. LIII, 638.
- Савоковъ, П. А., т. LIV, 812.
- Савенъ, генер. 1813 г., т. LV, 328, 329.
- Салдеритъ, Каспаръ, рус. послан. въ Боненгагенъ 1760 г., д. тн. сов., т. LIII, 537—540, т. LVI, 439, 440.
- Салиасъ, Елисавет. Вас. (Евгенія Туръ), сообщ. «Шепелевы», т. LV, 163.
- Саломонъ, П. Я., правит. канц. ми-ра юстиц., т. LVI, 758.

- Салтыковъ, Петръ Серг., т. LIII, 334.
- Салтыковъ, Алексѣй Петр., бояр., москов. губернат. 1717 г., т. LIV, 341.
- Салтыковъ, гр., Ив. Петр., ген.-ад., томъ LIII, 556, 557.
- Салтыковъ, Никл. Ив., ген.-аншефъ, фельдмарш., т. LIII, 81, 82, 101, 555, 556, т. LV, 514, т. LVI, 377, 425—427.
- Салтыковъ, (Щедринъ), Мих. Евграф., писат.-сатирикъ, бывш. чл. особ. ком. о губ. и уѣздн. учрежд. 1860 г., т. LIII, 529—531, т. LIV, 244, 562.
- Самаринъ, Дм. Ѳед., т. LVI, 560.
- Самаринъ, Юрій Ѳед., писат., р. 1819 г., † 1876 г., т. LIII, 127, 128, 404, 777, т. LIV, 167, 210, 435, 437, т. LV, 583, т. LVI, 647, 648.
- Самаринъ, Мих., сенат., т. LV, 28.
- Самойловъ, В. В., артистъ, † 1887 г., т. LIV, 674, 785—792.
- Самойловъ, гр., Ник. Алекс., т. LV, 481.
- Самойловъ, ген.-лейт. 1788 г., т. LV, 300.
- Самонвасосъ, А. Я., профес., т. LIII, 114.
- Сандуновъ, Ник. Ник., профес. москов. унв. 1825 г., т. LIII, 265, 266, 268, 270—273, 279.
- Сапожниковъ, ген., т. LIV, 681.
- Сафонова, С. В., прав. канц. намѣстн. кавказ., т. LIII, 284, т. LIV, 141, томъ LV, 487, т. LVI, 655, 656, 662, 663, 669.
- Сахаровъ, Ив. Петр., археологъ, т. LIII, 439, т. LVI, 255.
- Сверчковъ, художн., т. LIII, 56.
- Свинъинъ, адмир. 1880 г., т. LV, 207.
- Свинъинъ, Пав. Петров., издат. «Отечественныхъ записокъ», т. LIV, 310, 627.
- Свинъинъ, И. П., т. LVI, 102, 103.
- Свободкинъ, П., сообщ. «Василій Васильевичъ Самойловъ», т. LIV, 785—792.
- Свѣчина, Н. П., рожд. Ахматова, сообщ.: «Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Уральскихъ горахъ въ июлѣ 1837 г.», т. LVI, 676—680.
- Святополкъ-Мирожій, вн., ген., 1877 г., т. LV, 354.
- Сажтовъ, В. И., т. LIV, 506, 545, 548, т. LVI, 556, 557.

- Селывановъ, Андрей Васил.**, чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1887 г., сообщ.: «Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, шутка-стихотвореніе «Единство», т. LIII, 512—514, «А. С. Хомяковъ въ эпоху освобожденія крестьянъ», т. LIV, 264, «Испанія и Россія, стихотв. И. Колошнина», 692, т. LIV, 189, 195—198, 217, т. LVI, 543—546.
- Селифонтовъ, Н. Ник.**, ст.-сек., сенат., т. LIV, 203.
- Семевскій, Мих. Ив.**, ред.-изд. «Русск. Стариннъ», сообщ.: «Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ», т. LIII, 529—531, т. LIV, 244, «Александръ Васильевичъ Головиннъ», 769 — 787, «Дворянскій полкъ, основанный въ 1807 г.», 791—802, «Рязанская ученая архивная коммисія, 1884—1887 гг.», т. LIV, 185—216а, «Очеркъ жизни и трудовъ Фридриха Боденштедта», т. LIV, 409—422, «Константинъ Николаевичъ Батюшковъ», 505—548, «Павелъ Ивановичъ Саввантовъ», т. LVI, 245—262, «Иванъ Константиновичъ Айвазовскій», 263—272, 583—590; улом.: т. LIII, 15, 112, 488, 558, т. LIV, 443, 470, 736, т. LV, 239, 577, 668, 693—696, 704—706, т. LVI, 193, 194. Кроме того, всѣ статьи и замѣтки, подписанныя «Ред.», какъ и въ предыдущіе годы изданій «Русской Стариннъ» (1870—1887) принадлежать М. И. Семевскому.
- Семевскій, Васил. Ив.**, магистръ русск. исторіи, сообщ.: «Борьба крѣпостныхъ съ помѣщичьею властью въ царствованіе императора Николая I», т. LIII, 389—430, 435, «Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой пол. XIX в.», т. LVI, 71—106, 395—424, 619—648, улом., т. LIV, 269 т. LVI, 525—582.
- Семевскій, Влад. Егор.**, т. LIII, 797.
- Семевскій, Александр. Ив.**, земск. дѣят., † 1879 г., т. LIII, 800.
- Семенова, В. А.**, инспект. народн. учил. въ Слб., т. LVI, 173.
- Семенова, Екат. Сем.**, артис., р. 1736 г., † 1849 г., т. LV, 129—131.
- Семеновъ, Дм. Дм.**, сообщ.: «Первое десятилѣтіе слб. городскихъ начальныхъ училищъ», т. LV, 668—703, т. LVI, 163—195, улом., т. LIII, 488.
- Семеновъ, Пав.**, сообщ.: «На смерть Александра Пушкина», т. LIV, 250.
- Семеновъ, Никл. Петр.**, чл. редакц. ком., сенаторъ, 1860 г., т. LIV, 214.
- Семеновъ, Петръ Петр.**, чл. редакц. ком. 1860 г., т. LIII, 777, 784, т. LIV, 214.
- Семичевъ, влжв.** 1842 г., т. LV, 164.
- Сенжовскій, Осипъ Ив.**, профес. слб. унив., писат., † 1858 г., т. LIII, 742, 743, 745, 751, 755, 757, т. LIV, 749—755, т. LV, 606, 621.
- Сен-При, графы**, т. LIII, 290.
- Сенявинъ, Алексѣй Наумов.**, адмир., † 1797 г., т. LV, 37.
- Сенявинъ, Никол. Ив.**, адмир. 1770 г., т. LV, 38, 39, 51, 52, 54.
- Серебряковъ, Апол. Алексѣев.**, паж., нач. Николаевск. ж. дор. 1856 г., томъ LIII, 519.
- Серебряковъ, генер.**, т. LIII, 795.
- Сергпутовскій, И.**, сообщ.: «Ruschkiniana», т. LIII, 495—506.
- Серра Каприоли, маркиза**, т. LIII, 206.
- Сеславинъ, А. Н.**, партиз. 1812 г., т. LV, 322, 325, 336, 337.
- Сестренцевичъ, Богущъ, арх. мог.**, т. LVI 379, 392, 393, 815.
- Сиверсъ, гр., Ив. Яковл.** сенат., т. LVI, 873, 374.
- Сиверсъ, гр., нач. артил.** 1810 г., томъ LV, 322.
- Сиверсъ, гр., Е. Е.**, вице-директ. исп. департ., т. LIV, 705.
- Сиверсъ, русск. посолъ**, т. LIII, 312.
- Сиверсъ, баронъ, Карлъ Ефимов.** томъ LIII, 588.
- Сиверсъ, гр., Н. Е.**, чл. учил. комис. въ Слб. 1886 г., т. LV, 693, 696.
- Сидоровъ, Мих. Конст.**, изслѣдоват. Сѣвера Россіи, † 1887 г., т. LV, 704—706.
- Сидлвостръ, авт. «Домостроя»**, т. LVI, 350.
- Симашино, Ф. И.**, педагогъ, нач. полтавск. воен. гимназ., т. LIV, 691.

Смисонъ, П. Ѳ., т. LVI, 541.
 Смилицынъ, Н. И., дир. Рижск. лицея
 1833 г., т. LIII, 656, т. LVI, 656, 664.
 Смилягинъ, прапорщ. 1-го конно-гренад.
 пол. 1877 г., т. LIII, 193—201.
 Сняжкнъ, Н. М., дивиз. генер., томъ
 LIII, 206.
 Снабичевскій, А. М., т. LVI, 580,
 715—726.
 Сварронская, Марія Никол., рожд. гра-
 фия Строгонова, т. LIII, 582.
 Сварронскій, гр., Мартинъ Карлов,
 камерг., т. LIII, 582, т. LIV, 91.
 Свалонъ, инспект. полтав. кадет. корп.,
 т. LIV, 683, 691.
 Свальковскій, А. А., тн. сов., предсѣд.
 одес. статист. комит., т. LIII, 283, томъ
 LIV, 138, т. LV, 487, т. LVI, 660.
 Сваржинскій, П. В., полк. лейб-гусар.
 полка, т. LVI, 668.
 Свартинъ, Д. Я., новгород. губернат.
 1863 г., т. LIII, 123, 124, 132.
 Свободель, Ив. Никитч., ген.-инф., ко-
 манд. слб. крѣп., † 1849 г., т. LIV, 197.
 Свободель, Мих. Дмитр., генер.-ад.,
 р. 1843 г., † 1882 г., т. LIII, 190, 191,
 т. LIV, 217—239, 662, т. LV, 354,
 203—225.
 Сливовъ, Петръ Борисов., кап. флота
 1788 г., т. LIII, 569.
 Слюнимскій, т. LVI, 580.
 Смирнова, А. О., рожд. Россетъ, томъ
 LVI, 737.
 Смирновъ, Сем. Алекс., профес. москов.
 унив., т. LIII, 265.
 Смирновъ, Васил. Дм., профес., т. LIV,
 259.
 Смирновъ, А. А., т. LVI, 541.
 Смирновъ, инспект. полтавск. кадет.
 корп., т. LIV, 691.
 Смолиновскій, нижев. 1842 г., т. LV,
 164.
 Снегиревъ, Ив. Мих., профес. москов.
 унив. 1825 г., т. LIII, 264, 266, т. LIV,
 131, 134, 135, 653, 726, т. LV, 487.
 Собыкинъ, Савва Яковл., владѣл. Холу-
 вице. заводовъ, т. LIV, 263.
 Соболевъ, Ив., ярослав. городск. голова,
 т. LVI, 251.

Соболевъ, Сергѣй, сообщ.: «Русско-ту-
 рецкая война въ Болгаріи», т. LIV,
 761—784, т. LV, 183—202, 339—376.
 Соболевскій (одна изъ его шутокъ),
 т. LIII, 106.
 Соболевскій, Пав., архіеп. харьковск.,
 т. LIII, 28.
 Софмоновъ, сенат., т. LVI, 373, 374, 377,
 383, 384.
 Соколовъ, Григ. Ив., инсп. рижельск.
 лицея, т. LVI, 667.
 Солицевъ, кн., Ив. Егоров., т. LIV, 714.
 Солицевъ, Ѳед. Григ., профес. археоло-
 гическ. живописи, р. 1801 г., т. LIII,
 665, т. LIV, 134, 557, 650, 651, 713—737.
 Сомовъ, Ольга Алексѣев., во втор.
 бракъ Ларионова, т. LIV, 181.
 Соловьевъ, Мих. Александр., проф. энцип.
 в истор. права, т. LVI, 649.
 Соловьевъ, Серг. Мих., проф.-историкъ,
 р. 1820 г., † 1879 г., т. LIII, 531, т. LIV,
 565, 567, 627, т. LV, 2, 6, т. LVI,
 34, 275, 833.
 Соловьевъ, Яковъ Александр., сенат. бив.
 чл. редакц. ком., † 1876 г., т. LIII, 417,
 448, т. LIV, 181—184, т. LVI, 305.
 Солюгубъ, гр., Влад. Александр., писа-
 тель, † 1882 г., т. LIV, 792.
 Соосницкій, А., т. LVI, 724.
 Софія Алексѣевна, царица-правител.,
 р. 1657 г., † 1704 г., т. LVI, 839.
 Спада, А. Ф., директ. одес. город. музея
 1839 г., т. LV, 487, 496, 497, т. LVI,
 657, 658.
 Сперанскій, гр., Мих. Мих., р. 1772 г.,
 † 1839 г., т. LIV, 642, т. LV, 478,
 т. LVI, 304, 404.
 Спиридовъ, адмир., т. LV, 38, 41, 43, 47,
 Спиренпортенъ, бар., вполн. графъ,
 Егоръ Максимов., генер., † 1819 г.,
 т. LIII, 571, 572.
 Спѣшичевъ, петрашевск. кружка 1849 г.,
 вполн. миров. посредн. въ Псков. губ.,
 †, т. LVI, 424.
 Срезневскій, Изм. Ив., проф. слб. унив.,
 академикъ, т. LIII, 439, т. LIV, 735,
 т. LVI, 253, 255, 258.
 Стажельбергъ, гр., рус. послан. въ Испа-
 нію, т. LVI, 439.

- Старицкий, Е. П., т. LIV, 180.
- Старовъ, Ник. Дм., преподават. русск. словесн., т. LIII, 476—485, 487, 488.
- Старчевский, Л. А., редакторъ «Сына Отеч.», т. LV, 614.
- Старчевский, Альбертъ Викент., редакт. «Библи. для Чтенія», т. LIV, 739—760.
- Стасовъ, архитект., т. LIII, 662.
- Стасюлевичъ, М. М., чл. учил. комис. въ Спб. 1886 г., ред.-изд. „Вѣстника Европы“, т. LV, 627, 696, т. LVI, 193.
- Стеклъ, рус. посл. въ Вашингтонѣ 1866 г., т. LIII, 66.
- Степнивовской, Ив. А., Керчь-Еникальск. градонач., т. LIV, 136, т. LV, 496.
- Степановъ, Никл. Александр., изд. „Искры“, т. LIII, 756, 757.
- Стерлеговъ, С., сообщ.: «Прошеніе кривскъ-комиссара Лузина Павлу I», т. LVI, 216.
- Стефанъ Яворский, митропол., т. LV, 1—32, т. LVI, 32, 42, 273, 275, 289, 291.
- Столянский, педагогъ, т. LV, 442.
- Столыпина, фрейлина, т. LIII, 124.
- Столыпинъ, ген. 1877 г., т. LIV, 796.
- Стойновский, Н. И., чл. госуд. сов., сообщ.: «Библиотека училища правовѣдѣнія», т. LIII, кн. II, 1; упом.: томъ LIII, 792, т. LIV, 720, т. LVI, 769.
- Страховъ, Ив. Вароолом., т. LVI, 8.
- Страховъ, Н. Н., т. LVI, 579.
- Стрешневъ, Тихонъ Никит., бояринъ, т. LIV, 255, 341.
- Строгонова, граф-на, рожд. княг. Трубецкая, т. LVI, 7.
- Строгонова, гр., Юлія Петр., рожд. граф. Офейгаузенъ, т. LIV, 562.
- Строгонова, графиня, Софія Владим., рожд. княж. Голицына, † 1845 г., т. LIII, 577, 579, т. LIV, 78, 79, 80, 82, 87.
- Строгонова, графиня, Наталія Павлов., † 1872 г., т. LIII, 577, 600, т. LIV, 83, 87.
- Строгонова, баронесс., Софія Кирил., рожд. Нарышкина, † 1737 г., томъ LIII, 5^а.

- Строгонова, Марья Яковл., рожд. Новосильцова, перв. статсъ-дама при дворѣ Петра I, т. LIII, 578.
- Строгонова, баронесс., Екат. Петр., см. Трубецкая.
- Строгоновъ, Спиридонъ, татарск. мурза, родонач. фамиліи Строгоновыхъ, т. LIII, 578, 579.
- Строгоновъ, Григ. Дмитр., † 1715 г., т. LIII, 577, 578, 579, 581.
- Строгоновъ, гр., Александр. Григ., бывш. мя-рѣ внутр. дѣлъ, т. LIV, 86.
- Строгоновъ, бар., Серг. Григ., † 1756 г., т. LIII, 577, 580—585, т. LIV, 83—94.
- Строгоновъ, гр., Серг. Григ., ген.-ад., попечит. моск. учебн. окр., вносл. сенаторъ, р. 1794 г., † 1882 г., т. LIII, 269, 577, 579, 584, 600, 601, т. LIV, 84, 132, 133, 425, 651, 656, 661, 662, т. LV, 641, 695, т. LVI, 654, 657.
- Строгоновъ, гр., Александр. Серг., сенат. презид. акад. худож., директ. публичн. библи., † 1811 г., т. LIII, 577, 582—600, т. LIV, 71—77, 89—94, 510, 546, 729.
- Строгоновъ, гр., Пав. Александр., р. 1774 г., † 1817 г., сенат., т. LIII, 577, томъ LIV, 76, 77, 78, 81, 82, 87, 92.
- Строгоновъ, бар., вносл. гр. Григор. Александр., русск. посолъ въ Швеціи, Исп. и Турціи, р. 1770 г., † 1857 г., т. LIV, 82, 562.
- Строгоновъ, гр., Серг. Александр., т. LIII, 577, т. LIV, 84, 86.
- Строгоновъ, Григ. Дмитр., т. LIII, 577.
- Строгоновъ, гр., Серг. Григ., ген.-ад., т. LVI, 507.
- Строгоновъ, одесск. ген.-губернат., томъ LIII, 136.
- Строгоновъ, гр., Григорій, т. LIV, 391.
- Строгоновы, графы, т. LIII, 575—602, т. LIV, 71—94.
- Строевъ, П., чл. археографич. ком., томъ LIV, 729.
- Струве, астрономъ, т. LIII, 784.
- Стружцкая, генер., директ. молтавск. кадет. корп. 1849 г., т. LIV, 682, 683, 691.
- Стрѣшневъ, сенат., т. LV, 28.

- Студенкинъ, Г. И., сообщ.: «Орудіе пытки въ 1847 году», т. LIV, 249—250, «Греческая гимназія въ Екатеринбургѣ», т. LV, 376.
- Студицкій, докт., т. LIV, 223—226.
- Стурдза, А. С., т. LIII, 283, 287, т. LV, 477—494, т. LVI, 656, 659.
- Суворинъ, А. С., т. LVI, 711—718.
- Суворовъ-Риминскій, кн. Италійскій, Александръ Вас., фельдмарш. 1799 г., т. LIII, 340, 341, 376, 378, 387, 556, т. LV, 310, 312, 313, 488, 489, 529, томъ LVI, 201, 212, 794.
- Суворовъ, Александръ Вас., ген.-поруч., р. 1729 г., † 1800 г., т. LIV, 68.
- Суворовъ, свѣтл. кн., Александръ Аркад., ген.-ад., † 1882 г., т. LIII, 132.
- Суздальцевъ, И. И., чл. учил. комис. въ Сиб. 1886 г., т. LV, 696.
- Сувинъ, коменд. слб. крѣпости 1826 г., т. LIII, 215, 218.
- Сумароковъ, Александръ Петров., писат., директ. импер. театра 1760 г., р. 1717 г., т. LIV, 616, т. LV, 522, 604, т. LVI, 72—74, 563.
- Супоневъ, полковн. 1880 г., т. LIII, 374.
- Сутгофъ, Александръ Никол., декабр., т. LIII, 212.
- Сухово-Жобыллинъ, А. В., помѣщ., томъ LIV, 661, т. LV, 168.
- Сухованецъ, Никл. Онуфр., воен. ин-ръ 1861 г., вносл. намѣстн. Царства Польскаго, т. LIV, 360, 361, 363.
- Сухотинъ, вице-адм. 1782 г., LV, 530.
- Сухтеленъ, Петръ Корнильев., инж., ген.-м. 1790 г., т. LIII, 566, т. LIV, 67.
- Сухонинъ, И., т. LIV, 792.
- Сушкова, Екат. Ал., въ зам. Хвостова, т. LIII, 746—751, т. LV, 430.
- Сувовъ, И. И., прав. канц. ин-ра юст., т. LVI, 758.
- Сысоева, Екат., сообщ. замѣтку: «А. К. Абрамовъ», т. LIV, 184.
- Сытинъ, И. Д., изд. соч. А. С. Пушкина, т. LVI, 725—726.
- Сѣрянова, Любовь Александр., т. LIV, 502.
- Таганцевъ, Н. С., профес., т. LVI, 504.
- Таньковъ, А., сообщ.: «Мирные судьи по проекту дворянства въ 1826 г.», т. LIII, 223, 224, «Всероссійскій дворянскій мольбенъ», т. LVI, 490—492.
- Тарновскій, Вас. Вас., т. LIV, 167.
- Татищевъ, Никита Алексѣев., стольникъ 1686 г., т. LIV, 567.
- Татищевъ, Васил. Невит., историкъ, род. 1686 г., † 1750 г., т. LIV, 563—590.
- Татищевъ, Петръ Алексѣев., ген.-м., масовъ, т. LIII, 566.
- Татищевъ, Ник. Алексѣев., ген.-майоръ 1788 г., т. LIII, 551, 566, т. LIV, 59.
- Таубе, бар., т. LIV, 703.
- Теляжоскій, Е. А., сообщ.: «Звѣрьда», т. LIV, 250, 504.
- Тепловъ, т. LIII, 83.
- Тергушасовъ, генер. 1880 г., т. LV, 209.
- Терновскій, П. М., профес. богослов. моск. унив. 1827 г., т. LIII, 272, томъ LV, 654, 655.
- Тотлебенъ, гр., Эдуардъ Ив., инженеръ, ген.-ад., р. 1818 г., † 1884 г., т. LIII, 54.
- Тилло, А. А., геодезистъ, нач. шт. I-го армейск. корп. 1887 г., т. LIV, 712.
- Тимаевъ, М. М., т. LV, 236.
- Тимошукъ, Вѣра Вас., сообщ.: «Американское посольство въ Россіи въ 1866 г.», т. LIII, 47—75, перевела: «Замѣчанія на записки генер. Манштейна. А. Я. Юргенсона», т. LIV, 309—328, 613—637, «Воспоминанія Фридриха Боленштедта о пребываніи въ Россіи», 423—442, 470—496, т. LV, 571—583, «Императрица Екатерина II въ письмахъ къ доктору Циммерманну 1785—1791 гг.», т. LV, 280—320; сост. «Алф. Указт.».
- Тимошеевъ, Алексѣй Алексѣев., генер., т. LIII, 797.
- Титова, Н. (псевдонимъ), сообщ.: «К. Д. Ушинскій и В. И. Водовозовъ», т. LIII, 471—494.
- Титовъ, Андрей Ал., сообщ.: «Александръ Михайловичъ Булатовъ, † 19 января 1826 г.», декабр., т. LIII, 203—222.
- Титовъ, В. П., русскій посолъ въ Константиноп. 1845 г., т. LIV, 214, 440.

- Тихменевъ, П., сообщ.: «Рекогносцировка за Балканы въ декабрь 1877 г.», т. LIII, 193—201, 532.
- Тихоновъ, В. С., капит., т. LVI, 651.
- Тихонравовъ, Никл. С., проф., сообщ.: „Тарасъ Бульба Н. В. Гоголя“, т. LIII, 711—731, т. LIV, 95—128, упом. т. LV, 556, т. LVI, 562, 563.
- Тихоцкий, генер., директ. полтавск. вадет. корп., т. LIV, 689, 690, 691.
- Толмаковъ, И. Ѳ., архив. моск. главн. архива, писатель, т. LIV, 191, т. LVI, 545—549.
- Толстая, граф., Марья Никл., рожд. княг. Волконская, т. LVI, 576.
- Толстая, граф., Софья Андр., рожд. Версъ, т. LVI, 577.
- Толстой, гр., Алексѣй Конст., писатель, р. 1834 г., † 1875 г., его стихотв.: „Единство“, т. LIII, 512—514, т. LIV, 792, т. LV, 144—145.
- Толстой, гр., Дм. Андреев., членъ госуд. совѣта, мян—ръ внутр. дѣлъ, презид. император. акад. наукъ, сообщ.: „По поводу письма фельдмарш. гр. Мнинха къ Рунца“, т. LIII, 465—469, упом. т. LIII, 774, т. LIV, 185, 214, 558—561, 634, 637, т. LV, 445, 700, т. LVI, 515.
- Толстой, гр., Дмитр. Никол., т. LIV, 206—209, 214.
- Толстой, Петръ Андр., т. LVI, 44.
- Толстой, Теоф. Мат., т. LIII, 512, т. LV, 144—145.
- Толстой, гр., Левъ Никл., писат., т. LIII, 529, т. LIV, 792, т. LVI, 575—582.
- Толстой, гр., А. П., одесск. градонач. 1836 г., т. LV, 484, 485, 487.
- Толстой, гр., Ѳ. П., вице-презид. импер. академіи художествъ, т. LIV, 74, томъ LV, 612.
- Толстой, гр., об.-гофмейст. 1864 г., томъ LIII, 132.
- Тонъ, К. А., рект. имп. акад. худож. 1849 г., т. LIII, 524.
- Топильскій, Мих. Ив., директ. департ. мнн—ва юстиціи, впослед. сенаторъ, † 1873 г., т. LV, 484, 485, т. LVI, 315, 759—782.

- Тормасовъ, генер., т. LVI, 781, 807, 813.
- Тотлебенъ, гр., Эдуардъ Ив., инженеръ, ген.-ад., р. 1818 г., † 1884 г., т. LIV, 217.
- Травинъ, П., сообщ.: „Н. А. Добролюбовъ“, т. LVI, 518.
- Траубенбергъ, генер.-майоръ 1871 г., т. LIII, 536.
- Треповъ, Ѳед. Ѳед., генер.-адъютантъ, т. LIII, 257.
- Трефоловъ, Л. Н., сообщ.: „Крыловъ, Пушкинъ, Ковшинъ“, т. LV, 463—466.
- Тройницкій, Никол. Григ., т. LIV, 155, 156—160, т. LVI, 70.
- Тройницкій, Александръ Григ., редакт. Одесск. Вѣстн. 1837 г., т. LV, 155, 156, 160.
- Троцкийскій, Андр. Андр., т. LIII, 689, 690, 691, 701, 706, т. LVI, 741, 749.
- Троцкийскій, Дм. Прокоф., директоръ почтъ, мн—ръ удѣловъ, сенат. 1799 г., т. LIII, 86, 669—687, т. LVI, 748, 749.
- Трубецкая, княг., Натал. Васил., рожд. Хованская, т. LIII, 594.
- Трубецкая, княж., Анна Серг., въ зам. гр. Строгонова, т. LIV, 82, 562.
- Трубецкая, княг., Ек., т. LV, 135, 136.
- Трубецкая, княг., Елис., т. LIV, 392.
- Трубецкая, княж., Еват. Петр., въ зам. баронес. Строгонова, р. 1744 г., † 1815 г., т. LIII, 594, 596—602.
- Трубецкой, кн., Ив. Юрьев., ген.-фельдм., т. LIII, 322, 325.
- Трубецкой, кн., Петръ Ник., т. LIII, 594.
- Трубецкой, кн., канцл. 1757 г., томъ LIII, 467.
- Трубецкой, кн., Серг. Петр., полков. л.-гв. Преобр. пол., декабр., † 1860 г., т. LIII, 204, 216, т. LVI, 396, 397, 398, 403, 404.
- Труворовъ, Аскаловъ Николаев., членъ археограф. комисс., сообщ.: „Алашъ“, т. LIV, 255—262, „Московск. старина“, т. LVI, 756, „Сани, употреблявшіяся при погребеніи русскихъ велик. княз. и царей“, т. LVI, 836, 841.
- Тумаковский, В. И., т. LIII, 659.

- Тургеневъ, Ив. Серг.**, р. 1818 г., † 1883 г., т. LII, 112, 772, 773, 777, т. LIV, 409, 418, 470—496, 502, 792, т. LV, 553, 562, 695, т. LVI, 147, 148, 160, 577.
- Тургеневъ, Никол. Ив.**, т. LVI, 99, 102, 398, 399, 400, 402, 404, 635.
- Тургеневъ, Александръ Мих.**, р. 1772 г., † 1863 г., его Записки, т. LIII, 77 — 106, 329—342.
- Тургеневъ, Алексдр. Ив.**, директ. канц. ми—ра духов. дѣлъ и народн. просв., т. LIII, 17, т. LIV, 514, 516, 543—546, т. LVI, 221.
- Туруновъ, предсѣд. цензурн. комат.**, въ послѣд. сенаторъ, т. LV, 624.
- Турчанинова, Софья Ив.**, рожд. бар. Эльмптъ, т. LIII, 549.
- Турчаниновъ, Петръ Ив.**, кабинетъ-секрет., директ. строит. конторы 1793 г., вполн. ст.-секрет., т. LIII, 548—549.
- Турчаниновъ, ген.-лейт.** 1800 г., томъ LVI, 197.
- Тутолминъ, Тимое. Ив.**, генер.-поруч., ген.-губерн. арханг. и олонек. 1784 г., т. LIII, 569, т. LIV, 63, 797, 801.
- Тучкова, Маргар. Мих.**, рожд. Нарышкана, игуменья Бординск. монаст., т. LIII, 220.
- Тучковъ, Алексѣй Васил.**, ниж.-генер. 1788 г., т. LIII, 566.
- Тютрюмовъ, Н.**, художн., т. LIII, 796.
- Тютчевъ, Фод. Ив.**, писат., † 1873 г., т. LIV, 792, т. LV, 133, т. LVI, 129.
- Убри, Пав. Петр.**, русск. посолъ при берлинск. дворѣ 1820 г., т. LIII, 634.
- Уваровъ, Сергѣй Семен.**, ми—ръ народн. просв., † 1855 г., т. LIII, 43, 657, 779, т. LIV, 545, 644, 648, 659, т. LV, 465, 479, 488, 495, т. LVI, 625, 661, 667.
- Уитвортъ, лордъ, англ. послан. при слб. дворѣ,** 1798 г., т. LVI, 788.
- Ульрихсъ, Юл. Петр.**, профес. москов. унив. 1825 г., т. LIII, 265, 273.
- Урусовъ, кн., С. Н.**, ст.-секр., членъ государств. совѣта, т. LVI, 314.
- Урусовъ, кн., т. LIV, 644.**

- Устимовичъ, Петръ М.**, сообщ.: „Стихотворенія на смерть Д. В. Веневитинова“, т. LIII, 202, „Замѣтку къ Очеркамъ Украинской лпт. XIX в.“, 234, „Стихотворенія, посвященныя Н. М. Языкову“, 464, «М. А. Назимову», 511, «Поэтъ Д. В. Веневитиновъ», т. LIV, 404, „Николай Ивановичъ Глѣдичъ“, т. LV, 127—131, „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“, 132—136, „Литературныя замѣтка“, 453—462, упом. т. LIII, 710.
- Устиновичъ, Дмитр.**, еписк. смоленск. 1804 г., т. LIII, 18.
- Устряловъ, Никол. Герас.**, академикъ, † 1870 г., т. LIII, 578, 579, 581.
- Усовъ, П. С.**, редакт. „Сѣв. Пчелъ“, т. LV, 621, 634.
- Уткинъ, Никл. Ив.**, профес., граверъ, т. LVI, 533, 708.
- Ушаковъ, Андрей Ив.**, т. LVI, 44.
- Ушиноиъ, К. Д.**, педагогъ-писат., томъ LIII, 471—494, 783, т. LV, 668, 688.

- Фабръ, А. Я.**, правит. канц. новорос. ген.-губ., т. LIV, 135, 137, 138, т. LV, 481, 486, 487, т. LVI, 657.
- Фадѣева, Ел. Павл.**, т. LIII, 763—765.
- Фадѣевъ, Рост. Андр.**, всея. писатель, т. LIII, 763.
- Фальковский, Иривей, еписк. Смоленск.** 1812 г., т. LIII, 20, 26.
- Фальконетъ, Стефанъ-Маврикій, скульпн.**, р. 1716 г., † 1791 г., т. LIV, 271.
- Ферзенъ, гр., генер.**, т. LVI, 794, 814.
- Фигнеръ, Алексдр. Самойл.**, партизанъ 1812 г., р. 1787 г., † 1813 г., томъ LV, 321—338, т. LVI, 227.
- Филаретъ (Фод. Никитачъ), патриархъ,** т. LVI, 551.
- Филаретъ Гумилевскій, еписк. рижскій съ 1841—1858 гг., архіеп. харьковскій, затѣмъ черниговск.,** р. 1806 г., † 1866 г., т. LIV, 197, 206—209.
- Филаретъ (Вас. Дроздовъ), митропол. московск.,** р. 1782 г., † 1867 г., т. LIII, 61, 115, 272, г. LIV, 134, 552, 722, 730, т. LVI, 65.

- Филимоновъ, Ю. Д.**, археологъ, томъ LIV, 190.
- Филиппенко, Илья**, т. LIII, 800.
- Филиппсонъ**, попечит. слб. учебн. окр., севаторъ, т. LIII, 778.
- Фицгумъ-фонъ-Энштедтъ, гр.**, саксон. повѣр. въ дѣл. въ Спб. въ 1852 г., его Записки: „Наказуиъ Крымской войны“, т. LIV, 367—404.
- Фервель, гр.**, об.-егермейст. 1862 г., т. LIII, 116, 119, 120, 121, 125, 132.
- Ферстеръ**, нижн.-генер. 1830 г., томъ LIII, 656.
- Фетъ, А. А.**, поэтъ, т. LIII, 234.
- Фетхъ-Али**, ханъ, шахъ персидскій, р. 1762 г., † 1834 г., т. LIII, 359.
- Фожъ**, чрезвыч. америк. послан. въ Рос- сии 1866 г., Описаніе его путешествія въ Россію 1867 г., т. LIII, 47—75.
- Фотій (Петръ Никитичъ Спасскій)**, ар- химандр., настоят. Новгород. Юрьева монаст., р. 1792 г., † 1833 г., т. LIV, 197, 650.
- Фредериксъ, Ив. Юрьев.**, † 1779 г., т. LIII, 541.
- Фредериксъ, Андр. Ив.**, артиллер., р. 1760 г., т. LIII, 541.
- Фредериксъ, А. А.**, бар., тамбовск. гу- бернат., т. LVI, 542, 551.
- Фрейганги**, т. LIV, 243.
- Фрейгангъ, Петр. Ив.**, генер. корп. ландарм., т. LIV, 243.
- Фрейгангъ, Андр. Ив.**, цензоръ, т. LIII, 775, т. LIV, 243.
- Фрейтагъ, Ф. Ф.**, т. LV, 437.
- Френъ, Х. Д.**, т. LV, 437.
- Фридериксъ, бар., С. А.**, фл.-ад., т. LIV, 147, т. LVI, 669.
- Фришъ, сенат.**, т. LVI, 313.
- Фуругельмъ, Ив. Васильев.**, гл. правит. русск. сѣв. американск. колон. 1862 г., т. LVI, 681—696.

Хаминъ, А., директ. 1-го моск. жорн., т. LVI, 251.

Ханнинъ, докт., т. LVI, 834.

Ханьковъ, т. LVI, 423.

Хвостовъ, управл. госуд. заемн. бан- конъ, т. LIII, 86.

Хвоцинская (Зайончковская), Н. Д., писательница (псевдонимъ: „Крестов- скій“), т. LIV, 215.

Херхеулидзеъ, кн., З. С., смоленск. губернат. 1851 г., т. LIII, 421, 422, 424, 425.

Хишьяковъ, сообщц.: „Письмо А. П. Ер- молова къ К. В. Чевкину“, т. LV, 462.

Хилкова, княгиня, т. LIV, 471.

Хлѣбниковъ, П. К., генер.-аудиторъ, т. LV, 681.

Хмѣльницкій, смол. губернат. 1816 г., т. LIII, 42, 664.

Хмыровъ, Мих. Дм., ссыл. на его моно- графію, т. LIII, 226.

Ховель, сенат., т. LVI, 369, 373, 374, 376, 388, 389.

Хоментовскій, полк. 1812 г., т. LV, 227.

Хомановъ, Алексій Степ., † 1860 г., т. LIV, 210, 254, 437, т. LV, 580, 583—585, 611, 612, т. LVI, 497.

Храповицкій, Алексдр. Васи., ст.- секр., т. LIII, 84, 85, 87, 555, 560, 562, 571, т. LIV, 291, 292, 303, 595—599, 608.

Храповицкій, ген.-ад., слб. воен. ген.- губернат. 1847 г., т. LIV, 250.

Хрущовъ, Дмитр. Петр., тов. ми-ра гос. им., т. LIII, 437.

Хрущовъ, гофмейст. 1857 г., т. LIV, 167.

Це, предсѣд. цензурн. комит., вполс. сенат., т. LV, 623, 624.

Цимбалжостовъ, Андрей, т. LVI, 70.

Циммерманнъ, Иоганнъ Георгъ, докт. корреспонд. Екатерины II, † 1795 г., т. LIV, 271—294, 591—612.

Цѣтлаевъ, Лев. Алекс., профес. москов. унив. 1825 г., т. LIII, 265, 266, 272, 273.

Чаадаевъ, Петръ, т. LVI, 221.

Чаадаевъ, ротм. гвардіи, т. LIV, 660, 661.

Чажинъ, Никол., артил., т. LIII, 799.

Чановъ, Фед. Фед., сов. слб. губернска. правл. 1827 г., т. LV, 497, 498.

Чарторыйская, княг., Изабелла, т. LV, 170, 171, 182.
 Чарторыйские, т. LV, 165—182.
 Чарторыйский, кн., Адамъ, минръ иностран. дѣлъ и приближ. импер. Александра I, т. LV, 167—182.
 Чарторыйский, кн., Адамъ, фельдм., т. LV, 182.
 Чашниковъ, Н. В., инспект. учил. казанск. учебн. окр., т. LIII, 44.
 Чевкинъ, Конст. Влад., нач. штаба горы. инж. 1845 г., главноуправл. пут. сообщ., предсѣд. департ. госуд. эконом. 1866 г., ген.-адъют., † 1875 г., т. LIII, 519, 781, т. LV, 462.
 Чемадуровъ, Яковъ Яковл., сенаторъ, т. LVI, 780, 781.
 Чешесовъ, граверъ, т. LVI, 532.
 Черепановъ, профес., т. LVI, 98, 99.
 Черкасскій, кн., кабинетъ-минръ, 1740г., т. LIV, 615.
 Черкасскій, кн., Видм. Алексл., членъ редакц. комисіи 1860 г., † 1878 г.; т. LIII, 115, 126, т. LIV, 167, 183, 210—213.
 Черницкій, генер., об.-квартирм. 1 арміи 1861 г., т. LIV, 363, 364.
 Чернышевъ, гр., Алексл. Ив., ген.-ад., воен. минръ 1833 г., т. LV, 234—235, 446.
 Чернышевъ, гр., Ив. Григ., вице-презид. адмиралт.-коллегіи, сенат., дѣйств. камергеръ, † 1797 г., т. LIII, 308, т. LIV, 53, т. LV, 41, 48—50, т. LVI, 377.
 Чернышевъ, гр., Петръ Григ., полном. минръ при дат., прус. и англ. дворахъ, † 1773 г., т. LIII, 306, 588, т. LIV, 78, 90.
 Чернышевъ, гр., Захаръ Григ., презид. воен. коллег., вполн. ген.-фельдмарш. в москов. ген.-губернат., т. LIII, 308.
 Чернышевъ, Андр. Гаврилов., ген.-м., командиръ петерб. крѣпости, † 1797 г., т. LIII, 328.
 Чернышевъ, гр., Н. Г., т. LV, 39, 40.
 Чернышевский, Ник. Гавр., писатель, т. LV, 630, 631.
 Черняевъ, Мих. Григ., генер.-лейтен., т. LIII, 797, 798.
 Четвертинские, князья, т. LIII, 290.
 Чертовъ, А. Д., т. LIV, 133, 661, 662, 706.

Чивилевъ, А. И., профес. москов. унив., т. LV, 655, 658.
 Чистовичъ, И. А., профес., писатель т. LV, 4, 5, 15, т. LVI, 275.
 Черновичъ, полковн. 1836 г., томъ LV, 485, 486.
 Чичаговъ, Василій Яковлев., адмиралъ, р. 1725 г., † 1809 г., т. LIII, 552, 558, т. LIV, 58, 62, 68—70, 296, 304, т. LV, 37, 38, 48—54.
 Чичаговъ, Пав. Васил., адм., морск. минръ, т. LV, 35—54, 307, 523—544.
 Чичаговъ, Л. М., сообщ.: „Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова“, т. LV, 35—54, 522—544, уном. кн. VII, стр. I—II.
 Чичеринъ, А., сообщ. „Дуэнь“, томъ LVI, 554.
 Чулковъ, Мих. Петров., об.-секрет. сената 1762 г., т. LIII, 102, 103.
 Чумаковъ, профес. москов. унив. 1825 г., т. LIII, 264, 270.
 Чумиковъ, А. А., сообщ.: „Вызовъ на дуэль кн. Меттерниха императоромъ Александромъ I“, т. LIV, 639—642.

Ш
 Шаадурскій, гр., т. LIII, 206.
 Шалиновъ, П. И., т. кн., LIV, 546, т. LVI, 657.
 Шарановъ, учитель, т. LIV, 424.
 Шаринъ, т. LV, 55—74.
 Шаровскій, сенат., т. LVI, 313.
 Шафрановъ, директ. народн. учил. въ Сиб., т. LV, 689.
 Шаховской, В., ссмы. на его воспом. объ ахалъ-тѣк. экспед., т. LIV, 222.
 Шаховской, кн., ген. 1877 г., т. LIII, 185, 188, 189, 190, т. LIV, 801, 807, 808.
 Шаховской, кн., А. А., писат., томъ LVI, 105, 127, 128.
 Шаховской, кн., т. LIII, 295.
 Швакобахъ, Б. П., вач. москов. Александров. учил., т. LIV, 708.
 Шверинъ, Густавъ Адольфов., т. LVI, 755.
 Шебуевъ, художн., т. LIV, 74.
 Шевченко, Тарасъ Григ., поэтъ-художн., р. 1814 г., † 1861 г., т. LIII, 531, томъ LIV, 676.

- Шевыревъ, Степ. Петр., профес., томъ LIII, 250, 698, т. LIV, 729, т. LV, 647, 654, 656, т. LVI, 748.
- Шепелевъ, генер.-лейт., т. LV, 163.
- Шепелевы, т. LV, 163.
- Шереметевъ, гр., Серг. Дм., предсѣд. имп. общ. любит. древней письмен., т. LVI, 250.
- Шереметевъ, фельдмарш., т. LV, 635.
- Шереметова, графиня, Анна Петр., фрейлина, † 1768 г., т. LVI, 300.
- Шериваль, Аврора Карл., въ зам. Демидова, во втор. бракѣ Карамзина, т. LV, 455.
- Шериваль, Эмилия Карл., въ зам. граф. Мусина-Пушкина, т. LV, 455, 456.
- Шестаковъ, П. Д., сообщ.: „Московский университетъ въ 1840-хъ годахъ“, томъ LV, 641—662.
- Шешловскій, Степ. Ив., нач. тайной канц., † 1794 г., т. LIII, 89, 104, 597, т. LVI, 24—27.
- Шиллингъ, генер., коменд. Динамид. крѣп., т. LVI, 807.
- Шилль, О. Н., профес. гельсингфор. унив., т. LV, 619, 626, 630.
- Шильдеръ-Шульднеръ, ген. 1877 г., т. LIII, 184, т. LIV, 797—800.
- Ширинской-Шахматовъ, кн., Платонъ Александр., т. LIV, 648, 650, 660, томъ LV, 487.
- Ширинской-Шахматовъ, кн., А. А., т. LIV, 546, 552.
- Ширай, Анна Ив., въ зам. Безбородко, т. LIV, 44.
- Шираевъ, москов. актеръ, т. LIV, 668, 669.
- Шихъ-Али, дербевтск. ханъ 1795 г., т. LIII, 347, 355—373.
- Шихматовъ, кн., С. А., стихотворецъ, т. LIV, 526.
- Шихшовъ, А. С., адмир., ми-ръ народн. проsv., т. LIII, 270, 295, 296, 656, т. LV, 236.
- Шидаревичъ, Влад., профес. артиллер., писат., т. LIII, 800.
- Шландеръ, нижев. 1842 г., т. LV, 164.
- Шлецеръ, Христ., профес. моск. унив. 1825 г., т. LIII, 265.
- Шкипенбахъ, директ. 1-го кадет. корп., т. LIV, 688, 689, 691.
- Шодуаръ, баронъ, С. И., т. LV, 487.
- Шрамъ, генер. 1837 г., т. LVI, 677.
- Штакельбергъ, гр., русск. послан. при Неаполитанск. дворѣ, т. LIV, 516.
- Штейнгейль, баронесса, Юлія Владим., въ зам. Топильская, т. LVI, 781.
- Штейнгейль, бар., Влад. Ив., отставв. подполковн., декабр., р. 1784 г., † 1862 г., т. LVI, 403, 406, 406, 781.
- Штенгеръ, коменд. двора въ Гатчинѣ, т. LIII, 256.
- Штрандманъ, Оттонъ Густав., ген.-м. 1789 г., т. LIV, 58.
- Штиглицъ, бавкиръ, т. LIII, 286.
- Штувенбергъ, Ив. Фед., ниж. путей сообщ., т. LIII, 252.
- Штувенбергъ, А. И., † 1887 г., сообщ. „Пасторъ Зейдеръ послѣ и до его ссылки въ Сибирь“, т. LIII, 251—262, упом. т. LV, 164.
- Шуберский, Эрнестъ Ив., ниж.-ген., т. LIII, 521, 523.
- Шуваловъ, Ив. Ив., об.-камергеръ, кураторъ моск. унив., т. LIII, 587.
- Шуваловъ, гр., Петръ Андр., прибалтійск. ген.-губернат., вполн. шефъ жандарм., т. LIII, 129.
- Шуваловъ, гр., П. И., т. LIII, 467.
- Шульцъ, бар., Вильгельмъ Вас., ген.-майоръ 1786 г., т. LIII, 572.
- Шульцъ, бар., ген.-м. 1788 г., т. LIV, 53, 57, 62.
- Шумский, Мих. Андреев., фл.-адъют. † 1851 г., т. LIV, 145—154.
- Щебальскій, П. К., † т. LIV, 311, 312, 326, 626.
- Щепинъ-Ростовскій, кн., Дм. Александр. декабр., т. LIII, 212.
- Щепкинъ, М. С., артистъ, т. LIV, 792.
- Щербатова, княг., Соф. Степ., рожд. Апраксина, т. LIII, 208.
- Щербатова, княг., Софія Александр., рожд. граф. Апраксина, т. LIII, 602.

Щербатова, княжна, фрейлина, томъ LVI, 19.

Щербатовъ, кн., Алексѣй Григ., моск. ген.-губерн. 1840 г., т. LIV, 388.

Щербатовъ, кн., Григ. Алексѣев., почет. слб. учеб. окр., предс. пензурн. комит. 1857 г., т. LIV, 167, т. LV, 608, 618, 619.

Щербатовъ, кн., Никол. Григ., ген.-м., т. LIV, 388.

Щербатовъ, кн., москов. город. голова 1866 г., т. LIV, 59, 65.

Щербатовъ, кн., М. М., историч. инст., т. LIV, 553, 554.

Щербининъ, Мих. Павл., директ. канц. намѣстн. кавказ. 1855 г., т. LIV, 284, т. LV, 155, 156, 160.

Щуцешниковъ, Алек-др. Вас., адмир., команд. Кронштад. 1866 г., т. LIV, 52.

Эвальдъ, О. О., педаг., † 1879 г., т. LV, 693.

Эккль, Матвѣй Матв., об. почт.-директ., т. LVI, 22.

Элкисъ, Софья Алек-др., рожд. Емрѣева, т. LVI, 110, 111.

Эллиотъ, Ив. Андр., бат. ком. въ Двор. пол. 1855 г., т. LIV, 691.

Энгельгардтъ, Вас. Вас., команд. квр. пол., т. LIV, 237, 239, 339.

Энгельгардтъ, ген.-лейт. 1856 г., томъ LIV, 351.

Эрштовъ, кн., Дм. Алексѣев., сенат., т. LIV, 108.

Юргенсонъ, А. Я., сообщ.: „Фельдмаршалъ графъ Бурхардъ Христофъ Минихъ въ заботахъ о воспитаніи своихъ внуковъ“, т. LIV, 225—234, 465, „Замѣчанія на записки о Россіи генер. Мавштейна“, т. LIV, 309—328.

Юрченко, П., сообщ. замѣтку: „Алек-сандръ Ивановичъ Никитскій“, томъ LVI, 70.

Юрьевъ, Никол. Ив., ген., директ. полтав. кадет. корп., т. LIV, 684—691.

Юрьевичъ, Семенъ Алексѣев., ген.-отъ-инф., † 1868 г., т. LVI, 677.

Юсуповъ, кн., Н. Б., презид. московск. дворцов. конт., т. LIV, 722.

Ягужинскій, гр., Пав. Ив., ген.-прокуроръ. вполн. кабинетъ мин-ръ, р. 1693 г., † 1736 г., т. LIV, 567.

Языковъ, Никол. Мих., поэтъ, р. 1803 г., † 1846 г. т. LV, 456, 457, 467, т. LVI, 224—225.

Языковъ, Д. Д., сообщ. „С. П. Колошнявъ“, т. LVI, 518, упом. 99.

Язоби, Н., сообщ.: М. Ю. Лермонтовъ“, т. LV, 445, упом. т. LVI, 731, 732.

Язовлевы, Л. Я., чл. учил. ком. въ Спб. 1886 г., † 1887 г., т. LV, 696.

Язовлевы, Алек-др. Иван., заводчикъ, † 1844 г., т. LIV, 263—264.

Язубовичъ, Л., его стихотв.: „Сергій Николаевичу Муравьеву“, т. LV, 225.

Язущинъ, Ив. Дмитр., декабр., ссыл. на его Записки, т. LIV, 215, 218, упом. т. LVI, 396—405.

Язущинъ, Евген. Иванов., т. LVI, 403.

Язущинъ, Вячеслав. Евген., сообщ. „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“, т. LV, 545—552, т. LVI, 697—730.

Якъ, Андр. Ив., сообщ.: „Гавріилъ Степановичъ Ватенковъ“, т. LIV, 642.

Якъ, т. LVI, 222.

Янькова, Елиз. Петр., † 1861 г., томъ LIV, 572.

Ярцевъ, ориенталистъ, т. LV, 495.

Яотржембскій, инспект. технолог. инст., т. LVI, 416, 419.

Яценковъ, цензоръ 1815 г., томъ LVI, 88, 95.

Федоръ Іоанновичъ, царь, т. LVI, 351.
Федоръ Алексѣевичъ, царь, т. LIV,
 192, т. LVI, 837—840.
Федоръ, отшельникъ, т. LVI, 529.
Федоровъ, ставроп. полицеймейст., т.
 LIV, 737.
Федоровъ, Мих. Феодр., т. LV, 640.

Федоровъ, П. И., бессараб. губернат.,
 т. LV, 484, 485, 487, 494, т. LVI, 650,
 654, 661.
Феодосій Яновскій, архіеп. Новгород.,
 т. LV, 1—34, т. LVI, 31—44, 273—296.
Феофанъ Прокоповичъ, архіеписк. Псков-
 скій, т. LV, 1, 3, 6, т. LVI, 31, 274 —
 293, 836.
Феофилактъ Русановъ, архіеп. Рязанскій
 1812 г., т. LIII, 26.

Состав. Вѣра Вас. Тимошукъ

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1887 г.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

ОКТАВРЬ, НОЯВРЬ, ДЕКАВРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТР.

- I. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII вѣвѣ.
Сост. Гельбигъ, секретарь саксонскаго посольства
при Екатеринѣ II. Перев. съ нѣм. изд. 1809 г., съ
примѣчаніями, В. А. Бильбасовъ. (Окончаніе). 1—30;
425—444
- Васильевъ (1).—Дубянской (2).—Зоричъ (3).—Корсаковъ (5).—
Иванъ Страховъ (8).—Александръ Ланской (9).—Александръ
Ермоловъ (13).—Александръ Мамоновъ (17).—Эккъ (22).—
Даль (23).—Степанъ Шешковскій (24).—Радищевъ (25).—Гер-
манъ (29).—Платонъ Зубовъ I (425).—Валеріанъ Зубовъ II (432).—
Николай Зубовъ III (437).—Аркадій Морковъ (439).—Иванъ
Бутайсовъ (442).
- II. Императоръ Павелъ и его время. Записки барона
Гейбинга, 1796—1801. Перев. съ нѣмецк. И. И. О.
365—394; 783—815
- III. Записки Д. И. Ростиславова, профессора слб. ду-
ховной академіи, † 18-го февраля 1877 г. Гл. XX—
XXI. 445—470
- IV. Записки Н. Н. Мурзакевича, 1806—1883. Съ при-
мѣчаніями кн. В. Д. Дабича 649—675

- V. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ. Окончаніе. 1868—1870 гг. 145—162

Историческіе и біографическіе очерки. Переписка, рассказы, матеріалы, замѣтки.

	стр.
I. Смыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв. Историческій очеркъ. Составилъ М. А. Колчинъ	45—69; 333—363; 591—617
II. Θεодосій Яновскій, архіепископъ новгородскій. Историко-біограф. очеркъ. Состав. И. Я. Морошкинъ 31—44; 273—296.	
III. Замѣтка Петра I. Сообщ. Анат. Θ. Кони.	211
IV. О саняхъ, употреблявшихся при погребеніи русскихъ великихъ князей, царей и царицъ. Сообщ. А. Н. Труворовъ. 837—842	
V. Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка. Сообщ. Θεодоръ Афанасьевичъ Вычковъ.	487—490
VI. Александръ Васильевичъ Суворовъ 1760 г. Сообщ. Григорій Космичъ Рѣпинскій.	212
VII. Московская старина. Выписки изъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1786 г. Сообщ. Аск. Ник. Труворовъ.	756
VIII. Рассказъ священника очевидца о взятіи Очакова 6-го декабря 1788 г. Сообщ. А. Е. Мерцаловъ	213—215
IX. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, въ с. Надеждинѣ, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ., въ концѣ XVIII в. Сообщ. И. Θ. Горбуновъ.	618
X. Прошеніе крѣгсъ-комиссара Лузина Павлу I. Сообщ. С. Стерлеговъ	216
Лузинъ. Замѣтка. Сообщ. Александръ Чичеринъ.	554
XI. Павелъ Озерецковскій, первый, по времени, оберъ-священникъ. Изъ дней Павла I. Сообщ. Н. Д. Горемыкинъ. 843—846	
XII. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1800 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ. 197—210	
XIII. Портретъ Фигнера. Замѣтка Ред.	227
XIV. 1815 годъ. Письмо прапорщика Софійскаго пѣхотнаго полка Василія Чагина къ родителямъ. Сообщ. А. Θ. Кони. 846—848	
XV. Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка. Крестьянскій вопросъ въ журналистикѣ и литературѣ въ 1785—1855 годахъ. Сост. магистръ рус. истор. В. И. Семевскій. 71—106; 395—424	619—648
Поправка.	582

- отр.
- XVI. Князь Николай Николаевич и княгиня Варвара Павловна Еникѣвы. Сообщ. Н. Н. Еникѣвъ. . . 525—528
- XVII. Гавриилъ Степановичъ Батенковъ. Сообщ. К. М. С. В. 222—223
- XVIII. Запечные мастера и кнуты. Указъ 1832 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій 216
- XIX. Петръ Чаадаевъ, 1836 г. 221
- XX. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Уральскихъ горахъ въ июль 1837 г. Сообщ. Н. П. Свѣчина, рожденная Ахматова. 676—680
- XXI. Алексисъ Дебре. Замятка. Сообщ. кн. В. Ц. Дабига. 515
- XXII. Екатерина Ѳедоровна Жуковская. Замятка. Сообщ. Петръ Влад. Жуковскій. 516
- XXIII. Антонія Кюлвейнъ. Сообщ. В. П. Желиховская 196
- XXIV. Альбомъ С. Д. Полторацкаго, 1820—1852 гг. Сообщ. Е. С. Некрасова. 127—144; 471—486
- XXV. Всероссийскій дворянскій молебенъ 1851—1852 годовъ. Сообщ. А. Танковъ. 490—492
- XXVI. Баженины. Купеческій родъ г. Архангельска. Сообщ. Н. Н. Платуновъ. 554
- XXVII. Отшельникъ Александръ (Ѳеодоръ) въ Сибири. Сообщ. В. Долгорукой и И. К. Смирновъ. 217—220 и 529—530
- XXVIII. Александра-Фленушка. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа П. И. Мельникова: «Въ лѣсахъ». Сообщ. К. И. Коваленкова. 230
- XXIX. Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, министръ юстиціи. Биографическій очеркъ. Сост. Н. М. Колмаковъ. 297—332
757—782
- XXX. Русская Америка, 1862—1863 гг. Сообщ. П. П. Андreeвъ. 681—696
- XXXI. Александръ Васильевичъ Головинъ въ 1863 и 1881 гг. 507—515
- XXXII. Памяти Софьи Марковны Котельниковой, рожденной Бисель, падчерицы историка Н. И. Бостомарова. Сообщ. Д. Л. Мордовцевъ 503—506
- XXXIII. Первое десятилѣтіе с.-петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ въ вѣдѣніи столичнаго общественнаго управления (См. «Русскую Старину» изд. 1887 г., т. LV, стр. 667—703). Окончаніе. Сост. Д. Д. Семеновъ. 163—195

- XXXIV. Ученыя архивныя комиссіи въ 1886 г. Обзоръ ихъ дѣятельности. Читано директоромъ археологическаго института профессоромъ И. Е. Андреевскимъ, въ собраніи института 10-го октября 1887 г. 537—553

Исторія русской литературы.

- I. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.
Прошеніе его 1758 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. 211—212
- II. Михаилъ Васильевичъ Милоновъ.
Два документа къ биографіи его, 1809 и 1813 гг. Сообщ.
Я. К. Гротъ. 363—364
- III. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.
1. Новыя изданія его сочиненій, 1887 г. Сообщ. В. Е. Якушкинъ 697—730
2. Забѣтка объ А. С. Пушкинѣ. Сообщ. А. Цимбалистовъ. 70
- IV. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.
1. Незданное его стихотвореніе «Исповѣдь» 1829 — 1830 гг. Сообщ. профессоръ П. А. Висковатовъ. 107—126
2. Стихотвореніе его на французскомъ языкѣ, 1841 г. Сообщ. П. А. Висковатовъ 731—739
- V. Николай Михайловичъ Языковъ.
Стихотвореніе его 1830 г. Сообщ. В. Н. Поливановъ. 224—225
- VI. Василій Андреевичъ Жуковскій.
Подлинныя его рукописи въ изслѣдованіи и описаніи Ивана Афанасьевича Бычкова. Сообщ. М. И. С. 567—574
- VII. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.
1. Привѣты и отклики по поводу сочиненій К. Н. Батюшкова, явившихся въ изданіи, исполненномъ его братомъ, П. Н. Батюшковымъ. Спб. 1887 г. Три тома. Сообщ. М. И. С. 2. Забѣтка къ биографіи Понпея Ник. Батюшкова. Сообщ. М. И. Городецкій. 555—566
- VIII. Николай Васильевичъ Гоголь.
Служба его въ Патріотическомъ институтѣ, 1831—1835 гг. Сообщ. Н. А. Бѣлозерская 741—755
- IX. Николай Александровичъ Добролюбовъ.
1. Посланіе его къ С. П. Галахову. Сообщ. А. С. Галаховъ. 233—235
2. Н. А. Добролюбовъ, 1861 г. Сообщ. П. Травинъ и Н. 518

- X. Владимиръ Ивановичъ Даль.
Замѣтки его на «Крестовый календарь». Сообщ. А. А.
Гатцукъ. 231—232
- XI. Николай Ивановичъ Пироговъ.
1. Записка его объ учрежденіи кафедры географіи въ уни-
верситетахъ. 493—494
2. Записка его о преобразованіи Одесскаго лицея въ уни-
верситетъ, 1858 г. 816—818
- XII. Адольфъ Петровичъ Берже.
1. Дѣятельность его какъ ориенталиста. Сообщ. Н. Гу-
лакъ. 819—824
2. Страница изъ посмертныхъ записокъ Берже. 825—227
- XIII. Александръ Ивановичъ Никитскій.
Замѣтка о трудахъ его по русской археологii. Сообщ.
П. Юрченко. 70
- XIV. С. Я. Надсонъ.
По поводу посмертнаго изданія его стихотвореній. Сообщ.
профессоръ О. Ѳ. Миллеръ. 495—502
- XV. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.
Очеркъ его литературной дѣятельности, 1828—1887 гг.
Сообщ. профессоръ О. Ѳ. Миллеръ 575—582
- XVI. Эрнестъ Карловичъ Ватсонъ.
1. Двадцатипятилѣтіе его литературной дѣятельности,
1862—1887 гг. Сообщ. Г. К. Градовскій 823—834
2. Автобиографическія замѣтки изъ альбома ред. «Русск.
Старины»: «Знакомые» (томъ III). 834—836
- XVII. Павелъ Ивановичъ Саввантовъ.
Юбилей его ученой дѣятельности, 1837—1887 гг. Замѣтки
М. И. Семеновскаго. 245—262
- XVIII К. К. Ром...въ.
1. Стихотворенія его, 1882—1885 гг. 519—524
2. По поводу одного изъ стихотвореній К. К. Р. 1885 г.
Замѣтка. Сообщ. П. А. Степановъ 239—242
- XIX. Спиридонъ Дмитріевичъ Дрожжинъ.
Стихотворенія его. 236—238
-
- XX. Солдатская пѣсня, 1812 г. Сообщ. Л. В. Киселева. 228—229
- XXI. Звѣрьяда. Сообщ. М. О. Пѣтуховъ и В. В. Туно-
шенскій. 617 и 739—740.

	СТР.
XXII. О сообщеніи матеріаловъ для изданія сочиненій А. Полежаева. Сообщ. П. А. Ефремовъ.	226--227
XXIII. С. П. Колошинъ. Замѣтка. Сообщ. Д. Д. Языковъ.	518
XXIV. «Словарь къ Новому Завету». Составилъ Петръ Андреевичъ Гильтебрандтъ. Замѣтка Ред.	243—244

Исторія искусствъ.

- I. Карлъ Брюлловъ, Михайлъ Глинка и Несторъ Кукольникъ: акварельный рисунокъ Петра Андр. Каратыгина. Замѣтка Ред. 851—853
- II. Иванъ Константиновичъ Айвазовскій. Полувѣковая годовщина его художественной дѣятельности 1837—1887 гг. Замѣтки Ред. 263—272 и 583—590
- III. Дмитрій Александровичъ Ровинскій. Его труды и изданія по исторіи гравированія и вообще иконографіи въ Россіи, 1856—1886 гг. Замѣтка Ред. 531—536
- IV. Русскій народъ въ трехъ-стахъ аквареляхъ, исполненныхъ профес. Ѳ. Г. Солнцевымъ въ 1827—1887 гг. Замѣтка Ред. 851

Изъ Альбома ред. „Русской Старины“.

- I. Замѣтка Ея Величества королевы элиновъ, Ольги Константиновны 524
- II. Четырехстишіе графа П. А. Валуева 524

Портреты и гравюры.

- I. Портретъ Михаила Юрьевича Лермонтова въ гробу 15-го іюля 1841 г. Гравир. художн. И. И. Матюшинъ. (При стр. 1).
- II. Портретъ-группа: К. П. Брюлловъ, М. И. Глинка и Н. В. Кукольникъ. Ксилографическій снимокъ съ акварели П. А. Каратыгина. Гравир. И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 851).
- III. Портретъ гр. Льва Николаевича Толстаго. Гравир. художн. В. В. Маттэ.
(При стр. 273).

- IV. Портретъ отшельника Александра (Федора).
(При стр. 217).
- V. Медальонъ Петра I, пожалованный архангельскому купцу Д. Баженину. Гравир. Авг. Ив. Даугель.
(При стр. 853).
-
- I. „Русская Старина“ въ изд. 1887 г., восемнадцатый годъ изданія. Обзоръ двѣнадцати книгъ. Статья М. И. С. 855
- II. Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ записки, изслѣдованія, очерки, акты; рассказы и проч. статьи и матеріалы въ 1870—1887 гг. . 885
- III. „Русская Старина“ и книги, изданныя ея редакціей, въ числахъ читателей-подписчиковъ этого журнала въ 1887 г. 897
- IV. Указатель личныхъ именъ въ двѣнадцати книгахъ LIII, LIV, LV, LVI томовъ „Русской Старины“ изд. 1887 г. Составила Вѣра Вас. Тимощукъ . I—LXXXIV
- V. Систематическое оглавленіе LVI тома „Русской Старины“—октябрь, ноябрь, декабрь—изд. 1887 г. I—VII
- VI. О подписѣхъ на „Русскую Старину“ изд. 1888 года, девятнадцатый годъ изданія.
-

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты. Изд. ворон. губерн. статистическ. комитета. Т. I. Воронеж. 1887, 420 стр. Съ картою Воронежск. края XVII стол., чертеж. города и снимкомъ грамоты. (На обертѣхъ X-й книги „Русской Старины“ изд. 1887 г.).
2. Путеводитель по ростовскому музею церковныхъ древностей. Составилъ Ѳ. Аф. Бычковъ. Ярослав. 1886. 27+27 стр. (Тамъ-же).
3. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Рассказы по архивнымъ документамъ. Н. Н. Булича. Ч. 1. Казань. 1887. 639 стр. (Тамъ-же).
4. Очеркъ исторіи волынской земли до конца XIV ст. А. М. Андріяшева, съ картою волынской земли. Кіевъ. 1887. 232 стр. (Тамъ-же).
5. Сочиненія Петра Влад. Жуковскаго. Спб. 1885 г., въ 8 д., стр. 192. (На обертѣхъ XI-й книги „Русской Старины“ изд. 1887 г.).

6. Польско-русская война, 1830—1831 гг., I томъ. Спб. Составилъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ А. Пузыревскій. (Об. XI кн. „Русской Старины“ изд. 1887 г.).
 7. Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, изд. братствомъ св. Петра митр., подъ ред. Н. Субботина. Т. VIII. 370 стр. (Тамъ-же).
 8. Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи. Историко-юридическое изслѣдованіе В. Н. Латкина. Т. I. Спб. 1887. 595 стр. (Тамъ-же).
 9. Война Россіи съ Турціей 1806—1812 гг. Сочиненіе генер.-маіора Андр. Ник. Петрова. Спб. 1835—1887 гг. Три тома съ приложеніемъ плановъ и картъ. (На оберткѣ XII-й книги „Русской Старины“ изд. 1887 г.).
 10. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Т. I. Исторія колонизаціи. Изслѣд. Д. И. Багалъя. М. 1887. XVI+614, съ картою для 2-й четверти XVIII стол. (Тамъ-же).
 11. Первое столѣтіе г. Екатеринослава 1787—1887. Матер. для историческаго очерка М. М. Владимірова. Екат. 1887. Стран. 275. (Тамъ-же).
 12. Boris Godunow. Dramatisches Gedicht von A. Puschin. Uebersetzt von Friedrich Fiedler. Leipzig.
Gedichte von A. Kolzow. Deutsch von Friedrich Fiedler. Leipzig. (Тамъ-же).
-

